

ИСТОРІЯ УДѢЛОВЪ

ЗА СТОЛѢТІЕ ИХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ

1797—1897.

Томъ второй.

Крестьяне дворцовые, государевы и удѣльные.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1901.

Введеніе.

Дворцовое хозяйство въ XIV—XV вѣкахъ.—Окняженіе черныхъ волостей.—Численность и территоріальное распредѣленіе дворцовыхъ крестьянъ въ XVI—XVII вв.—Составъ населенія дворцовыхъ волостей.—Сборы съ крестьянъ натурою и деньгами въ XVI вѣкѣ.—Государева пашня.—Государственныя подати.—Количество всѣхъ платежей съ десятины и съ двора.—Крестьянскіе переходы и ихъ прекращеніе.—Государственныя подати и повинности въ XVII в.—Экономическое положеніе дворцовыхъ крестьянъ.—Ихъ переселенія.—Передѣлы земель.—Мѣстное управленіе.—Хозяйство въ селѣ Измайловѣ и приписанныхъ къ нему деревняхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Значительное примѣненіе вольнонаемнаго труда.—Сборы и повинности въ пользу дворцоваго вѣдомства въ концѣ XVII в.—Пожалованіе дворцовыхъ селъ и деревень.

Еще въ удѣльный періодъ русской исторіи князья имѣли свои собственныя села, которыя они пріобрѣтали посредствомъ наслѣдованія, покупки, мѣны и пр. Въ значительномъ княжествѣ XIV и XV вв. дворцовое хозяйство имѣло слѣдующій видъ. Дворовые слуги, а также дворцовыя земли, съ жившими на нихъ вольными крестьянами и несвободными людьми, вѣдались дворецкимъ. На земляхъ, находившихся въ его вѣдѣніи, были устроены княжескія дворцовыя пашни. Дворовые холопы, посаженные на эту пашню, назывались „страдниками“; вольные люди, получившіе въ пользованіе дворцовыя земли, обязывались пахать пашню или ставить на дворецъ извѣстное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ и пр. Другую часть княжескаго дворцоваго хозяйства составляли дворцовые „пути“. Уже въ первой половинѣ XIV в. мы находимъ указанія на три пути: сокольничій, конюшій и ловчій. Изъ актовъ двухъ послѣдующихъ столѣтій видно, что къ ловчему пути принадлежали государевы бобровники и псари, къ сокольничему—сокольники и другіе служители государевой птичьей охоты; въ конюшемъ пути вмѣстѣ съ конюхами и лошадьми вѣдались и государевы луга. Кромѣ того, уже въ XIV вѣкѣ при

дворахъ великихъ и значительныхъ удѣльныхъ князей появляются въ числѣ придворныхъ должностныхъ лицъ стольникъ и чашникъ; каждый изъ нихъ управлялъ особымъ дворцовымъ вѣдомствомъ, у того и другого былъ свой „путь". Въ чашничемъ пути, вѣдомствѣ княжескаго пчеловодства и государевыхъ питей, вѣдались села и деревни княжескихъ бортниковъ, лѣсныхъ пчеловодовъ. Къ стольничему пути принадлежали дворцовыя рыбныя ловли вмѣстѣ съ населеніемъ, занимавшимся на нихъ рыболовствомъ. У великихъ княгинь, а впослѣдствіи и у царицъ былъ свой особый „дворецъ", особое дворцовое вѣдомство съ своимъ служебнымъ и административнымъ штатомъ, съ своими населенными землями [1]).

Количество великокняжескихъ „подклѣтныхъ" и „посопныхъ" (называвшихся такъ потому, что они давали „посопный" хлѣбъ), позднѣе „дворцовыхъ" земель еще въ XIV—XV вѣкахъ было весьма увеличено присоединеніемъ къ нимъ „черныхъ" земель центральной Россіи, т. е. свободныхъ крестьянскихъ волостей, не принадлежавшихъ до того ни великокняжескому дворцу, ни частнымъ владѣльцамъ. Переходъ черныхъ волостей въ распоряженіе князя назывался ихъ „окняженіемъ". „Окняживъ" черныя волости, великій князь распоряжался ими по своему усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ, мѣнялъ съ частными собственниками. Обращеніе черныхъ земель центральной Россіи въ дворцовыя продолжалось и позднѣе—въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Съ половины XVI до начала XVIII вѣка дворцовые города и села находились преимущественно въ завѣдываніи Приказа, называвшагося Большимъ Дворцомъ [2]).

Если количество дворцовыхъ населенныхъ земель увеличивалось окняженіемъ черныхъ волостей, то, съ другой стороны, оно уменьшалось пожалованіемъ ихъ въ вотчины и помѣстья. Въ 1646 г. считалось въ завѣдываніи Приказа Большого Дворца 37200 дворовъ, а въ 1678 г. уже 90550 дворовъ. Вслѣдствіе обильныхъ пожалованій изъ дворцовыхъ волостей, количество дворцовыхъ крестьянъ, находившихся въ вѣдѣніи Приказа Большого Дворца, уменьшилось къ 1701 г. до 74402 дворовъ, да, кромѣ того, въ вѣдѣніи Приказа Казанскаго Дворца было дворцовыхъ 5580 дворовъ, итого 79982 двора [3]).

Въ XVI в. дворцовыя земли, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ и другихъ актовъ, находились въ уѣздахъ: вологодскомъ, новгородскомъ (въ пятинахъ бѣжецкой, вотской, деревской, ше-

лонской и обонежской), воронечскомъ (пригородъ Пскова), тверскомъ, бѣлозерскомъ, ярославскомъ, пошехонскомъ, нижегородскомъ, курмышскомъ, свіяжскомъ, казанскомъ, московскомъ, коломенскомъ, можайскомъ, звенигородскомъ, малоярославецкомъ, волоколамскомъ, владимірскомъ, каширскомъ, бѣлевскомъ и веневскомъ и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ другихъ, такъ какъ многія писцовыя книги XVI вѣка не сохранились. Въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ государства, расширяется и область дворцовыхъ владѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ ихъ увеличивается и въ центрѣ. По писцовымъ книгамъ XVII вѣка можно насчитать около 60 городовъ, въ уѣздахъ которыхъ находились дворцовыя земли. Нѣкоторыя дворцовыя слободы, какъ напр. Александрова и Борисоглѣбская, по размѣрамъ, превосходили многіе города [4]).

Составъ населенія дворцовыхъ земель въ XVI—XVII вѣкахъ былъ слѣдующій. Наибольшее количество его принадлежало къ числу пашенныхъ дворцовыхъ крестьянъ, отбывавшихъ извѣстныя денежныя и натуральныя повинности въ пользу государева двора и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшихся въ значительномъ размѣрѣ земледѣліемъ въ свою собственную пользу. Среди пашенныхъ крестьянъ встрѣчались крестьяне и непашенные, были и цѣлыя слободы, какъ напр. торговая Гавриловская слобода суздальскаго уѣзда, гдѣ во второй половинѣ XVII вѣка жило только непашенное населеніе [5]). Спеціальныя повинности въ пользу дворца несли бортныя деревни, дававшія медъ и рыболовныя, поставлявшія рыбу или платившія вмѣсто того и другого денежный оброкъ [6]). Въ дворцовыхъ деревняхъ, кромѣ крестьянъ, было не мало и безпашенныхъ, безземельныхъ бобылей [7]).

Въ XVI и началѣ XVII вѣка, какъ и позднѣе, крестьянамъ приходилось производить платежи или натурою, или деньгами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Взносы натурою дѣлались, во первыхъ, хлѣбомъ: рожью, овсомъ, ячменемъ, гречею, яровою пшеницею, а затѣмъ—сѣменемъ льнянымъ и коноплянымъ, солодомъ, хмѣлемъ, горохомъ, баранами, яловицами (молодыми коровами), говяжьими лопатками или полтями мяса, боровами, лебедями, гусями, курами, печеными хлѣбами, калачами, сырами, яйцами, возами дровъ, масломъ, рыбою, боченками пива, вѣниками, лубами, медомъ. По волѣ великаго князя и царя, сборы натурою могли замѣняться денежнымъ оброкомъ по извѣстной оцѣнкѣ каждаго предмета [8]).

Во многихъ мѣстахъ крестьяне пахали на царя и великаго князя государеву пашню [9]).

Иногда государева запашка въ извѣстной мѣстности уничтожалась, и на эту землю сажались нетяглые крестьяне сосѣднихъ селъ и деревень (т. е. члены крестьянскихъ семействъ), а также безпашенные бобыли. Имъ давалась льгота на извѣстное число лѣтъ, а затѣмъ они облагались сборами и повинностями наравнѣ съ сосѣдними крестьянами. Такъ было, напр., въ дворцовомъ селѣ Голинѣ новгородскаго уѣзда въ 1601 г. [10]).

При перечисленіи въ писцовыхъ книгахъ денежнаго оброка, указывалось, какіе сборы натурою онъ замѣнилъ или замѣняетъ; впрочемъ, терминъ „оброкъ" примѣнялся не только къ денежнымъ, но и къ натуральнымъ сборамъ: такъ, крестьяне казанскаго уѣзда 1599—1600 гг. сверхъ пашни платили „оброкъ" вѣниками и лубами. Въ современныхъ источникахъ перечислялись также и тѣ сборы въ пользу государства, которымъ соотвѣтствовала та или другая часть денежнаго оброка. Самымъ старымъ видомъ государственныхъ податей была дань, данныя деньги. Поэтому, при перечисленіи денежныхъ сборовъ съ дворцовыхъ крестьянъ, въ писцовыхъ книгахъ, съ самаго начала XVI вѣка, мы встрѣчаемъ оброкъ за обежную дань, т. е. взимаемую съ обжей [11]).

Въ платежницѣ дворцовыхъ селъ и деревень нижегородскаго уѣзда (Павлово, Ворсма и др.) въ 1608 г. встрѣчаемъ болѣе длинный списокъ государственныхъ податей и сборовъ; крестьяне платятъ: „данныя, ямскія и приметныя деньги", „за ямчюжную варю", „полоняничныя" (на выкупъ плѣнныхъ), „за намѣстничь кормъ"; но тутъ же рядомъ встрѣчаемъ и соединеніе сборовъ въ пользу дворцоваго вѣдомства съ пошлинами за исполненіе извѣстныхъ административныхъ и судебныхъ обязанностей: „за мелкій доходъ" (вмѣсто взносовъ натурою разными хозяйственными произведеніями) „и за доводчиковъ ѣздъ и за хоженое", „за солому, за мякину и за ухоботье"; а въ другомъ мѣстѣ той же книги перечисленъ еще сборъ съ тѣхъ же селъ посопнаго хлѣба съ переводомъ его на деньги. Въ окладной книгѣ г. Курмыша 1609—1612 гг. перечислены въ одномъ мѣстѣ всѣ названные подати и сборы (между прочимъ, въ селѣ Шахмановѣ „за доводчиковъ ѣздъ и за хоженое, за солому и за мякину, и за ухоботье, и за присудъ"), и тутъ же указанъ сборъ посопнаго хлѣба [12]).

Всѣ эти разнообразные сборы деньгами и натурою какъ съ характеромъ государственныхъ податей, такъ и въ видѣ платежей въ пользу дворца великаго князя и царя, соединялись вмѣстѣ

и раскладывались по землѣ, по обжамъ, вытямъ и сохамъ. Такъ какъ эти единицы обложенія были различной величины, то, чтобы имѣть понятіе о размѣрѣ крестьянскихъ платежей, нужно привести всѣ эти сборы къ одной единицѣ, а именно—къ десятинѣ пахотной земли, и затѣмъ перевести цѣнность тогдашнихъ денегъ (притомъ неодинаковыхъ въ новгородскихъ земляхъ и въ другихъ владѣніяхъ Москвы) на нынѣшнія деньги. Для этой послѣдней цѣли мы воспользуемся данными проф. Ключевскаго, но примемъ его выводы съ значительною поправкою *). Въ общую сумму мы включаемъ всѣ названные выше платежи, но не принимаемъ во вниманіе оброка за какія-либо особыя угодья и оброчныя статьи—рыбныя ловли, мельницы и т. п. [14]).

Съ начала XVI вѣка до 1612 г. платежи въ дворцовыхъ вотчинахъ колебались отъ 1 р. 35 к. до 6 р. 72 к. съ десятины на нынѣшнія деньги; наиболѣе же обычный размѣръ *всѣхъ* платежей былъ отъ 2 до 5 р. съ десятины пахотной земли. Чтобы нашъ выводъ не показался преувеличеннымъ, мы укажемъ, что въ 80-хъ годахъ XIX вѣка бывшіе удѣльные крестьяне вносили, въ среднемъ, *съ десятины пахотной земли* всѣхъ платежей: выкупныхъ, государственныхъ податей, земскихъ, волостныхъ сборовъ и мірскихъ расходовъ—въ новгородской губерніи 2 р. 24 к., въ тверской 2 р. 44 к., въ орловской 3 р. 10 к. и въ петербургской даже 8 р. 84 к. [15]).

Если вычислить размѣръ всѣхъ платежей не на десятину пахотной земли, а на дворъ и на каждаго *тяглаго* человѣка, то окажется, что въ различныхъ погостахъ шелонской пятины платежи съ двора на нынѣшнія деньги колебались отъ 36 до 48 р., а съ тяглаго человѣка отъ 21 до 32 р. [16]). Въ вологодскомъ уѣздѣ платежи съ двора колебались отъ 10 р. 17 к. до 22 р. 50 к. на нынѣшнія деньги. Количество дворовъ и тяглыхъ людей было

*) Вмѣсто таблицы проф. Ключевскаго (стр. 72 его изслѣдованія) мы предлагаемъ слѣдующую:

Рубль	1500 г.	равнялся	100 р.		нынѣшнимъ.
„	1501—1550 гг.	„	55 „		„
„	1551—1600 „	„	51 „		„
„	1601—1612 „	„	9 „		„
„	1613—1636 „	„	10 „	50 к.	„
„	1651—1700 „	„	13 „		„
„	1701—1725 „	„	7 „		„
„	1730—1740 „	„	7 „	75 к.	„
„	1741—1750 „	„	7 „		

Объясненіе того, какъ получена эта таблица, см. въ приложеніи, примѣч. 13.

здѣсь или одинаково, или очень близко одно къ другому; въ другихъ же уѣздахъ въ дворцовыхъ волостяхъ количество людей колебалось отъ 1-го до 2,9 человѣкъ на дворъ [17]). Для сравненія укажемъ платежи съ двора бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ недавнее время. Въ 80-хъ годахъ XIX вѣка всѣхъ платежей съ каждаго домохозяина взималось: въ новгородской губерніи—9 р. 8 к., въ тверской—12 р. 9 к., въ нижегородской—13 р. 11 к., въ орловской—17 р. 40 к., въ петербургской—18 р. 77 к., въ московской—22 р. 75 к. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что дворъ XVI вѣка по числу всѣхъ живущихъ въ немъ людей былъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, крупнѣе двора XIX вѣка, а также мѣстами и почва была гораздо плодороднѣе, чѣмъ теперь [18]).

Въ современныхъ источникахъ мы находимъ указанія, что платежи въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ въ XVI вѣкѣ были очень обременительны. По свидѣтельству писцовой книги шелонской пятины 1550—1551 гг., въ деревняхъ коростынской дворцовой оброчной волости были „пусты три обжи, а запустѣло въ 1543 г., потому что землею худы и письмомъ описаны дорого, и крестьянскаго тягла тянуть не мочно, и они съ тѣхъ деревень сошли, а оброкъ въ государеву казну и за пустыя обжи платили царевы и великаго князя крестьяне всею волостью“. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе тяжести платежей, въ этой мѣстности у крестьянъ было недостаточное количество скота [19]), между тѣмъ какъ вообще, судя по обилію сѣна, скашиваемаго крестьянами въ то время и взносу платежей многими предметами скотоводства, можно предполагать, что скота было довольно въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Особенною тяжестью налоговъ въ земляхъ Тверскаго Великаго Князя Симеона Бекбулатовича, безъ сомнѣнія, объясняется и то, что на 264 „живущихъ“ вытей приходилось 634 пустыхъ [20]).

Сверхъ платежей въ указанномъ размѣрѣ, крестьяне несли еще посошную службу, т. е. ставили ратниковъ во время войны, платили разныя судебныя и таможенныя пошлины, а также и сборы за выдачу замужъ дочерей [21]).

Мы указали выше на тяжесть платежей въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ вотчинахъ въ XVI в. При существовавшемъ въ то время правѣ свободнаго перехода, казалось бы, крестьяне должны были покинуть слишкомъ обремененную платежами землю и перейти туда, гдѣ можно было жить на болѣе льготныхъ усло-

віяхъ; но экономическая зависимость и невозможность разсчитаться съ землевладѣльцемъ, уплативъ требуемыя закономъ пошлины и внеся полученную ссуду, въ большинствѣ случаевъ мѣшали крестьянину заявить самостоятельно „отказъ“ прежнему владѣльцу. Приходилось прибѣгать къ содѣйствію другого хозяина или другой общины, которые, нуждаясь въ работникахъ или новыхъ членахъ общины, принимали на себя уплату всѣхъ долговъ, лежавшихъ на крестьянинѣ, чтобы перевести его на свою землю. Въ извѣстную деревню являлись или представители общины, или слуги частнаго владѣльца, смотря по тому, на какой видъ земельнаго владѣнія вывозили крестьянина, и брали его съ собой. Воспротивиться такому „вывозу“, если всѣ установленныя закономъ условія отказа были соблюдены, прежній владѣлецъ не имѣлъ права. Не имѣвшіе возможности ни выйти съ соблюденіемъ законныхъ формъ „отказа“, ни быть вывезенными, уходили тайно,—о нихъ говорили: „выбѣжалъ“, „сбѣгъ безвѣстно“, „сшелъ безвѣстно“.

Въ 1580 г. въ тверской вотчинѣ Великаго Князя Симеона Бекбулатовича числилось 2217 крестьянъ; мы видѣли, что они жили на земляхъ владѣльца на весьма обременительныхъ условіяхъ; поэтому немудрено, что изъ нихъ въ ближайшія пять лѣтъ ушло 306 человѣкъ, т. е. около 14%. Но изъ числа ушедшихъ только 53 чел. (17% или 2,4% всѣхъ крестьянъ) имѣли возможность „выйти“ сами, т. е. разсчитаться своими средствами съ хозяиномъ. Нѣсколько большее количество „выбѣжало“, т. е. ушло безъ законнаго отказа (65 человѣкъ—21% ушедшихъ, или около 3% всѣхъ крестьянъ), и владѣлецъ имѣлъ право отыскивать ихъ законнымъ порядкомъ. Большинство же крестьянъ, покинувшихъ владѣнія Симеона Бекбулатовича (188 чел.—62%, или около 9% всѣхъ крестьянъ), было вывезено другими владѣльцами. Слѣдовательно, „вывозъ“ былъ въ это время главною формою крестьянскаго перехода [22]). На мѣсто ушедшихъ пришло и вновь порядилось только 27 человѣкъ. Слѣдовательно, въ нѣсколько лѣтъ хозяйство Великаго Князя Симеона потеряло 13% рабочаго населенія [23]).

Съ средины XVI в. открылась возможность заселенія новыхъ земель—въ бассейнахъ Камы и Волги и затѣмъ въ Сибири; въ то же время шла колонизація и въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: орловской, воронежской и курской. Понятно, что въ центрѣ московскаго государства должны были почувствовать

отливъ населенія; явился усиленный спросъ на рабочія руки, и правительство было завалено исками о возвращеніи незаконно ушедшихъ. Указомъ 1597 г. запрещено было принимать жалобы отъ тѣхъ владѣльцевъ, кто не успѣлъ подать ихъ въ теченіе 5 лѣтъ до этого года; это означало, что всѣ, незаконно ушедшіе ранѣе 1592 г., могли законно оставаться на новыхъ мѣстахъ жительства и не считаться бѣглыми. Указомъ 1601 г., которымъ запрещено было отказывать и вывозить крестьянъ въ предѣлахъ московскаго уѣзда, а внѣ его было разрѣшено возить между собою служилымъ людямъ низшихъ чиновъ, вывозъ въ дворцовыя села и изъ нихъ былъ запрещенъ такъ же, какъ въ черныя волости, въ имѣнія духовенства и служилыхъ людей болѣе высокихъ чиновъ. Въ 1642 г. десятилѣтній срокъ объявленъ общимъ срокомъ давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ; онъ распространялся и на дворцовыя села; для исковъ же о крестьянахъ, вывезенныхъ насильно, былъ данъ 15-лѣтній срокъ. Наконецъ, Уложеніемъ Алексѣя Михайловича совершенно отмѣнены урочные годы и для дворцовыхъ крестьянъ (гл. 11, ст. 1). Существовали, впрочемъ, нѣкоторыя послабленія въ пользу бѣглецовъ, вышедшихъ въ нѣкоторыя дворцовыя волости, а также и вышедшихъ изъ нихъ и записавшихся въ тягло въ низовыхъ городахъ и уѣздахъ [24]).

Въ Приказъ Большого Дворца поступали сборы съ дворцовыхъ крестьянъ какъ частно-хозяйственные, такъ и носившіе государственный характеръ. Сюда собирались прямые налоги, взимаемые съ дворцовыхъ селъ и городовъ, напр., данныя и оброчныя деньги и важнѣйшіе виды спеціальныхъ налоговъ, какъ-то: стрѣлецкія, ямскія, полоняничныя, пятинныя деньги и деньги ратнымъ людямъ на жалованье. Сюда же являлись даточные люди съ дворцовыхъ крестьянъ.

Въ XVI и въ началѣ XVII вв. крестьяне платили подати съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говорили „живущей“) пашни. Но затѣмъ, въ первой четверти XVII в., подъ „живущею четвертью“ стали разумѣть не реальную четверть распаханной земли, а нѣкоторое количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый пахалъ не одну четверть, а нѣсколько. Обложеніе по „живущимъ четвертямъ“, примѣнявшееся и въ дворцовыхъ селахъ, было переходомъ отъ обложенія поземельнаго къ подворному [25]).

О сборѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ съ дворцовыхъ

крестьянъ намъ приходилось уже упоминать [26]). Полоняничныя деньги собирались въ дворцовыхъ селахъ въ половинѣ XVII в., по 4 деньги съ двора [27]). Пятинныя деньги взимались, въ видѣ чрезвычайныхъ сборовъ, особенно во время значительнаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Пятинныя деньги были двадцати-процентнымъ сборомъ, слѣдовательно, всего удобнѣе ихъ было взимать съ денежныхъ капиталовъ, которыхъ почти вовсе не было у пашенныхъ крестьянъ, и потому обложеніе крестьянъ производилось путемъ переложенія пятинныхъ сборовъ въ поземельный налогъ или подворную подать [28]).

Предшественницею стрѣлецкой подати были въ XVI в. пищальныя деньги. „Подобно малымъ ямскимъ, и пищальныя деньги“, говоритъ г. Милюковъ, „продолжаютъ взиматься въ XVII в., часто съ ними вмѣстѣ, до уничтоженія тѣхъ и другихъ въ 1679 г.“ Но, помимо ихъ, вновь появляется, въ одно время со сборомъ „на жалованье ямскимъ охотникамъ московскихъ и другихъ городовъ“, другой сборъ „на жалованье козакамъ и стрѣльцамъ московскихъ и другихъ городовъ“. Первое извѣстіе о немъ мы находимъ въ 1615—1616 гг.; окладъ его, подобно большимъ ямскимъ, постоянно колеблется... Важнѣйшая особенность стрѣлецкой подати, сравнительно съ ямской, заключается въ томъ, что, въ видѣ постояннаго денежнаго налога, она взимается исключительно съ нѣкоторыхъ посадовъ и уѣздовъ сѣверной Россіи (въ 1654 — 61 гг. стрѣлецкія деньги взимаются съ дворцовой волости Ваги), а также съ нѣкоторыхъ мѣстностей Казанскаго Дворца; въ другихъ мѣстностяхъ она не пріобрѣла значенія постоянной денежной подати, взималась хлѣбомъ и только въ нѣкоторые годы, по особымъ указамъ правительства или „челобитьямъ плательщиковъ“, замѣнялась денежными взносами по казенной таксѣ. Годы взиманія стрѣлецкой подати хлѣбомъ или деньгами чередовались цѣлыми рядами [29]). Хлѣбный окладъ постепенно повышался и дошелъ съ четверика (ржи, овса тожъ) до 4½ четвертей (съ живущей четверти); сообразно этому повышалась и денежная стоимость окладовъ. Переводъ на деньги совершался, разумѣется, по довольно высокимъ цѣнамъ — въ 1628 — 1633 гг. по 10 к. за четверикъ ржи и четверикъ овса“ (вмѣстѣ), т. е. 80 к. за „юфть“ (четверть ржи и четверть овса)“ [30]).

Въ 1679—1681 гг., при переложеніи податей съ сохи и живущей четверти на дворъ, остатки налоговъ XVI в.—пищальныя,

данныя, засѣчныя и т. д., за исключеніемъ полоняничныхъ денегъ, были окончательно отмѣнены [31]).

Дворцовые крестьяне отправляли и ратную повинность. Такъ напр., въ 1638 г. съ дворцовыхъ волостей было взято съ 20 дворовъ по человѣку. На 1639 г. сборъ ратниковъ натурою былъ переложенъ на деньги: съ дворцовыхъ селъ по 16 р. за человѣка (на нынѣшнія деньги около 168 р.). Въ 1661 г. сборъ даточныхъ съ дворцовыхъ слободъ былъ сдѣланъ съ 12 дворовъ по человѣку, въ 1668 г. съ 30 дворовъ, въ 1678 г. съ 25 дворовъ по человѣку [32]).

Даточные съ дворцовыхъ селъ брались и для городового и острожнаго дѣла, т. е. для доставки матеріала на постройку и для самой постройки городскихъ и острожныхъ укрѣпленій (острогъ укрѣплялся лишь стоячимъ тыномъ) [33]). Въ 1656 г. дворцовыя волости смоленскаго уѣзда должны были ставить плотниковъ (треть крестьянъ рабочаго возраста, которые должны были работать въ двѣ смѣны), для постройки судовъ на р. Касплѣ. Предписаніе плохо исполнялось; присланные работники разбѣгались [34]).

„Подворный налогъ въ XVII в.“, говоритъ г. Милюковъ, „сливался обыкновенно въ одну общую сумму со всего количества дворовъ данной группы плательщиковъ и затѣмъ распредѣлялся между дворами пропорціонально платежной силѣ каждаго“ [35]).

Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о размѣрахъ земельныхъ надѣловъ дворцовыхъ крестьянъ въ XVII в. По писцовымъ книгамъ конца 20 годовъ этого столѣтія, въ дворцовыхъ волостяхъ старорусскаго уѣзда приходилось пашни среднимъ числомъ по 4,36 четверти (по 2,18 дес.) средней земли на крестьянскій дворъ въ каждомъ полѣ, слѣдовательно, 6,54 дес. въ 3-хъ поляхъ. Въ селѣ Кимрѣ, бывшей дворцовой волости кашинскаго уѣзда, по 1,86 чет. худ. земли въ каждомъ полѣ, слѣдовательно въ 3-хъ поляхъ — 2,79 дес. Въ дворцовомъ селѣ Пурокахъ (по Окѣ)—7,98 чет. доброй и средней земли въ полѣ, слѣдовательно, 11,97 дес. въ трехъ поляхъ [36]).

Объ экономическомъ положеніи дворцовыхъ крестьянъ во второй половинѣ XVII в. мы имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія относительно уѣздовъ: казанскаго, свіяжскаго, царевококшайскаго и яранскаго, благодаря тому, что произведена была (въ 1668 и 1679 гг.) подробная опись дворцовыхъ крестьянъ,

взятыхъ „по жребію и по сказкамъ земскихъ старостъ и всѣхъ крестьянъ“ (съ 20 дворовъ по крестьянину) „изъ средней статьи“ съ женами, дѣтьми, со всѣмъ ихъ имуществомъ и съ хлѣбомъ для переселенія на земли, отведенныя полоцкой шляхтѣ въ казанскомъ уѣздѣ по закамской чертѣ, на рр. Уткѣ и Майнѣ. Сравнительно большею зажиточностью отличалось населеніе теньковской волости въ свіяжскомъ уѣздѣ, которая лежала въ нагорной сторонѣ, пониже Казани; почти у всѣхъ крестьянъ этой волости было по 2 коровы и по парѣ лошадей; кромѣ того, у каждаго упоминается по 5 и болѣе овецъ и по нѣсколько свиней. Нужно замѣтить, что опись имущества была произведена не раньше второй половины марта мѣсяца, слѣдовательно, въ то время, когда запасы въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ теченіе осени и зимы должны были значительно истощиться. Не смотря на то, „всякаго хлѣба, въ зернѣ и посѣяннаго, крестьяне насчитываютъ у себя осьминами и четвертями“, говоритъ г. Перетятковичъ, „что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчается гораздо рѣже“. Благопріятная мѣстность, на которой расположена была теньковская волость, простиравшаяся по самой Волгѣ и находившаяся недалеко отъ такого люднаго и торговаго центра, какъ Казань, вѣроятно, не мало способствовала населенію волости достигнуть такого благосостоянія. Крестьяне дворцовыхъ селъ и деревень иныхъ мѣстностей (названныхъ уѣздовъ), хотя въ зажиточности и уступали нѣсколько крестьянамъ теньковской волости, но ихъ хозяйственное состояніе нельзя не признать достаточнымъ; такъ, у большинства крестьянъ царево-кокшайскаго уѣзда число скота въ ихъ экономіяхъ не уступаетъ теньковскимъ; у остальныхъ въ ихъ хозяйствахъ при одной коровѣ встрѣчается пара лошадей. Въ Кукарской слободѣ съ поселеніями, къ ней примыкавшими, большинство крестьянъ въ ихъ хозяйствахъ насчитываетъ либо по 2 коровы съ лошадью, либо по парѣ лошадей съ коровою, причемъ число овецъ нерѣдко превосходитъ ихъ количество въ экономіяхъ предыдущихъ крестьянъ; точно то же слѣдуетъ сказать относительно хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго, по крайней мѣрѣ сравнительно съ крестьянами царево-кокшайскаго уѣзда. По всей вѣроятности, крестьянинъ здѣшней полосы, не обладавшей, какъ извѣстно, плодородною почвою, умѣлъ вознаградить себя богатыми промыслами въ обширныхъ лѣсахъ и довольно значительныхъ рѣкахъ, которые по прежнему предоставлялись правительствомъ въ его распоряженіе. Менѣе другихъ дворцовыхъ

волостей — зажиточны крестьяне анатошской волости на р. Камѣ, но и они не столько уступаютъ своей братьѣ въ озимыхъ посѣвахъ или въ хлѣбныхъ запасахъ, сколько въ количествѣ скотины, находившейся въ ихъ распоряженіи: почти у всѣхъ крестьянъ этой волости было лишь по лошади и по коровѣ. Меньшую зажиточность этой волости г. Перетятковичъ объясняетъ ея мѣстоположеніемъ и разореніями, которыя крестьянамъ этой волости приходилось испытывать отъ сосѣдства со степью и нападенія кочевниковъ [37]). Нужно помнить, что все это—крестьяне „средней статьи", средней зажиточности, слѣдовательно, были и болѣе богатые. Мы сейчасъ увидимъ, что къ концу XVII в. зажиточность дворцовыхъ поволжскихъ крестьянъ значительно уменьшилась. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что и у крестьянъ средней статьи, отобранныхъ для переселенія на земли, отведенныя въ казанскомъ уѣздѣ полоцкой шляхтѣ, размѣръ посѣва ржи колебался между однимъ четверикомъ и $1^1/_2$ четверти, всего же чаще равнялся 3 четверикамъ, осьминѣ и четверти ржи, т. е. занималъ отъ половины до одной десятины въ полѣ, что было весьма немного для этихъ, сравнительно привольныхъ, мѣстностей: но количество крестьянскаго скота было довольно значительно, что, безъ сомнѣнія, объясняется обиліемъ луговъ по Волгѣ и Камѣ.

Въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ съ деревнями находилось въ 1678 г. болѣе сорока дворовъ, хозяева которыхъ не владѣли пашенными землями и сѣнными покосами и кормились „христовымъ именемъ"; тѣмъ не менѣе они платили всякія подати вмѣстѣ съ остальными крестьянами; но въ томъ же селѣ въ 1701 г. приходилось уже платить міромъ за 43 двора нищихъ обоего пола [38]). Такимъ образомъ, тяжесть налоговъ приводила къ обнищанію крестьянъ и собиранію налоговъ при помощи тѣлесныхъ наказаній—такъ называемаго „правежа". Въ одномъ правительственномъ распоряженіи 1701 г. сказано: „великому государю учинилось вѣдомо, что казанскихъ волостей всякіе его окладные доходы сбираются по окладу" (т. е. по переписнымъ книгамъ 1678 г.) „не сполна, и многую доимку сбираютъ съ правежемъ для того, что изо многихъ дворцовыхъ селъ крестьяне разошлись въ казанской же уѣздъ и въ пригороды, и поселились въ иныхъ селахъ и въ деревняхъ, и живутъ въ захребетникахъ, а иные въ третчикахъ и въ половинщикахъ, покинувъ старыя свои тягла, и съ тѣхъ покинутыхъ тяглъ правятъ всякіе оклад-

ные доходы на остаточныхъ крестьянехъ, и оттого имъ чинится разоренье и достаточные идутъ врознь". За опустѣвшіе дворы крестьяне несли платежи и въ томъ случаѣ, если покинутыми пашенными землями и сѣнными покосами никто не владѣлъ и они лежали „въ пустѣ" [39]).

Но и тамъ, гдѣ положеніе дворцовыхъ крестьянъ было весьма тяжелое, имъ жилось, по наблюденіямъ изслѣдователей, всетаки легче, чѣмъ у помѣщиковъ и вотчинниковъ. Весьма нагляднымъ подтвержденіемъ этого служитъ слѣдующій фактъ. Въ имѣніяхъ, пожалованныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, бывшему его воспитателю Б. И. Морозову въ нижегородскомъ уѣздѣ, платежи крестьянъ въ пользу землевладѣльца были увеличены послѣ этого пожалованія въ нѣсколько разъ. Въ богатомъ приволжскомъ селѣ Лысковѣ, пока крестьяне были въ дворцовомъ вѣдомствѣ, они платили всякихъ оброковъ, по писцовымъ книгамъ, со 126 вытей по 7 р. 50 к. съ выти. Морозовъ въ 1646 г. увеличилъ число вытей въ Лысковѣ на 6, а оброкъ назначенъ былъ въ самомъ селѣ по 20 р. съ выти, а въ приселкахъ и деревняхъ, по 15 р. тогд. [40]).

Дворцовые крестьяне подвергались иногда переселенію по усмотрѣнію администраціи. Въ 1615 г. казанскіе воеводы переводили дворцовыхъ крестьянъ съ одной земли на другую, на что жаловались крестьяне. Въ семидесятыхъ годахъ XVII в. понадобились правительству „рыбные ловцы бѣлодворцы", вслѣдствіе чего приказано было мѣстному служилому человѣку „ѣхать въ казанскіе пригороды: въ Тетюши, Лаишевъ, да въ дворцовыя села... а пріѣхавъ, взять у крестьянъ сказки за руками, кто въ прошлыхъ годахъ имянно крестьяне на обиходъ великаго государя въ подрядѣ и у промышленниковъ, и про себя плавною и иною какою ловлею рыбу ловили... и которымъ заобычна та рыбная ловля, выбрать лучшихъ людей и пожиточныхъ въ рыбные ловцы, въ бѣлодворцы, а скудныхъ не выбирать... перевести (ихъ) съ женами и дѣтьми въ Рыбную слободу (казанскаго уѣзда), и отвести имъ подъ дворы мѣста, а на тяглые ихъ жеребьи, съ которыхъ жеребьевъ тѣ ловцы взяты будутъ, поселить отъ семей изъ остальныхъ крестьянъ, отдѣля отъ семей, смотря по тамошнему дѣлу и по семьямъ". Царь Михаилъ Ѳедоровичъ переселилъ въ село Измайлово 4 слободы изъ другихъ своихъ деревень [41]).

Передѣлъ земель между собою крестьяне производили сами. Въ писцовой книгѣ дворцовыхъ земель Великаго Князя Симеона

Бекбулатовича въ тверскомъ уѣздѣ (1580 г.) сказано: „А землями, и луги, и лѣсомъ верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами на всякую выть поровну, а не черезъ землю, чтобы крестьяномъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣлы“. Въ платежной книгѣ дворцоваго села Едимоновскаго 1588 г. сказано также: „А землями, и луги, и лѣсомъ, и всякими угодьи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами на всякую выть поровну... а на пустые выти приказчику, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ крестьяномъ селчаномъ и деревенщикомъ называти жильцовъ на льготу“. Тоже мы видимъ въ заонежскихъ дворцовыхъ волостяхъ въ началѣ XVII в. и въ дворцовыхъ селахъ шацкаго уѣзда при Алексѣѣ Михайловичѣ. Священникъ дворцоваго села шацкаго уѣзда (нынѣ тамбовской губ.), въ своей просьбѣ о выдѣленіи ему отдѣльнаго отъ крестьянъ участка земли, говоритъ: „А села Шаморги крестьяне промежь себя пашню дѣлять по часту, а мнѣ, попу Ивану, даютъ пашню худу на толокахъ и въ мѣрѣ меньши“. Передѣлу подвергались и покосы. Въ двинскомъ и холмогорскомъ уѣздахъ (въ 70 и 80-хъ гг. XVII в.) нерѣдко встрѣчаются извѣстія о томъ, что пустою землею бывшаго владѣльца двора владѣютъ міромъ, что ее пашутъ или она посѣяна міромъ [42]).

Дворцовое Управленіе желало регулировать передѣлы крестьянъ по своему усмотрѣнію, какъ видно изъ слѣдующаго наказа старостѣ и цѣловальнику дворцовыхъ крестьянъ воронечскаго уѣзда, нынѣшней псковской губ. (первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго): „А изъ села въ село, и изъ деревни въ деревню дворцовыхъ крестьянъ не перепущать и *жеребьевъ безъ указу великаго государя не передѣлять* и велѣть жить крестьянамъ по прежнему, кто какъ жилъ до писца и послѣ писца, чтобъ никто изобиженъ не былъ... А на которыхъ пустыхъ жеребьяхъ жильцовъ нѣтъ и сыскать немочно, и на тѣ жеребьи называть жильцовъ вновь тѣхъ же селъ крестьянъ отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дяди племянниковъ и подсосѣдниковъ и бобылей охочихъ волостныхъ людей, а на которыхъ пустыхъ жеребьяхъ хоромы погнили и пашня запереложела и лѣсомъ поросла, а безъ льготы въ тягло никто не возьметъ, и про тѣ жеребья крестьяномъ сказывать, что для дворцовыя (дворовыя?) постройки и земляныя расчистки дано будетъ льготы по разсмотрѣнію“ [43]).

Въ общемъ владѣніи всей волости оставались лѣса, воды,

сѣнокосы и пустующіе пахотные участки. Бывали общіе сѣнокосы и двухъ сосѣднихъ погостовъ. Такъ напр., по писцовой книгѣ дворцовыхъ волостей шелонской пятины (1550—1551 гг.), у рыболововъ погоста Ужинъ была съ рыболовами погоста Взвадъ на р. Ловати „пожня вопче... по годамъ перемѣняясь; ставится на тѣхъ на всѣхъ пожняхъ 1000 копенъ болотины" [44]).

Дворцовыми селами въ XVII вѣкѣ управляли приказчики. Наказами, данными приказчикамъ дворцовыхъ заонежскихъ волостей въ началѣ XVII вѣка, имъ велѣно не только „управу межъ крестьянъ чинить и ихъ судить", но вмѣнено въ обязанность судить и въ томъ случаѣ, если кто-нибудь изъ лицъ постороннихъ предъявитъ искъ на крестьянъ ихъ приказа. Приказчики записывали порознь по статьямъ, сколько прибыло или убыло вытей послѣ писцовыхъ книгъ, а иногда и раздавали участки. Раскладка податей производилась самою общиною, но сборы иногда взимались приказчикомъ или, по крайней мѣрѣ, подъ надзоромъ приказчика. Въ обонежскихъ дворцовыхъ селахъ велѣно было приказчику и старостамъ ѣздить съ казною въ Новгородъ. Обработка дворцовой десятинной пашни на государя производилась подъ надзоромъ городскихъ воеводъ и дворцовыхъ приказчиковъ. Есть указаніе (1580 г.), что крестьяне одного изъ дворцовыхъ селъ Тверского Князя Симеона Бекбулатовича каждую пятницу собирались „на совѣтъ" въ одинъ безпашенный дворъ своего села, въ которомъ жилъ дворникъ [45]).

Чтобы познакомиться нѣсколько подробнѣе съ дворцовымъ хозяйствомъ во второй половинѣ XVII в., мы остановимся на старинной дворцовой вотчинѣ Романовыхъ, селѣ Измайловѣ.

Хозяйство въ селѣ Измайловѣ велось въ XVII в. наилучшимъ образомъ, но оно не легкимъ бременемъ ложилось на крестьянъ. Въ Измайловѣ разведены были большіе плодовые сады и аптекарскіе огороды, устроены пчельники, разведены тутовыя деревья и положено начало шелководству, насажена роща въ 115 дес. Въ садахъ созрѣвали яблоки всевозможныхъ сортовъ, груши, сливы, вишни, даже грецкіе орѣхи; изъ ягодныхъ кустарниковъ росли барбарисъ, сереборинникъ (шиповникъ), смородина, крыжовникъ, малина, даже виноградныя лозы; въ парникахъ дозрѣвали дыни и арбузы; разбито было много клумбъ и куртинъ съ цвѣтами. На перекресткахъ и по угламъ сада стояли живописныя бесѣдки; лѣтомъ въ саду висѣли клѣтки съ канарейками, соловьями и попугаями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ ле-

бедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія утки и другія рѣдкости изъ міра пернатыхъ; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота; въ старомъ звѣринцѣ водились олени, кабаны, дикообразы, ослы, лошаки; держали даже живыхъ львовъ, тигровъ, барсовъ, бѣлыхъ медвѣдей. Въ прудахъ (ихъ было 27) была разведена рыба: стерляди, караси и проч. Въ Измайловѣ были устроены: винный заводъ, пивоварня и медоварня, солодовня и маслобойня.

Царь Алексѣй Михайловичъ часто посѣщалъ свою любимую подмосковную вотчину; нерѣдко онъ самъ присутствовалъ на работахъ, особенно во время посѣва, который всегда начинался религіозными церемоніями: кропили поля священной водою и т. п.

Работы производились мѣстными крестьянами, а также вольнонаемными; во время жнитва однихъ наемныхъ жнецовъ бывало до 700 чел. На поляхъ были построены смотрильни (башни) для болѣе удобнаго наблюденія за работниками. Не смотря на привлеченіе къ полевымъ работамъ вольнонаемнаго труда, поддержаніе образцоваго хозяйства въ селѣ Измайловѣ ложилось тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Михаилъ Ѳедоровичъ поселилъ въ Измайловѣ 4 слободы изъ другихъ своихъ деревень. Надѣливъ этихъ переселенцевъ достаточнымъ количествомъ земли, онъ завелъ, собственно для себя, десятинную пашню въ 4-хъ поляхъ по 400 дес., а въ 5-мъ полѣ 293 дес.; сверхъ того, были отведены особо 34 дес. для посѣва гречи. Къ концу столѣтія размѣръ запашки уменьшился. Обременительность для крестьянъ работъ въ селѣ Измайловѣ лучше всего видна изъ слѣдующаго факта. Въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1663—1676 гг.) въ село Измайлово съ приписанными къ нему деревнями было переселено изъ другихъ мѣстъ 664 семьи крестьянъ, а въ 1676 г. ихъ оказалось налицо только 183 двора, населеніе же остальныхъ дворовъ разбѣжалось [46]). „А которые крестьяне и въ остаткѣ“, читаемъ въ современномъ офиціальномъ докладѣ, „и тѣ на готовѣ бѣжать мало не всѣ“. Тяжелое положеніе крестьянъ не скрашивалось тѣмъ, что въ дни тезоименитства Особъ Царскаго Семейства ихъ угощали передъ дворцомъ пивомъ и виномъ, а нищимъ раздавали щедрую милостыню. Хотя на душѣ, быть можетъ, было вовсе и не весело, дѣвушки должны были по праздникамъ водить хороводы передъ государевыми хоромами и въ награду за то получали отъ царевичей и царевенъ пряники, куски маковой и орѣховой избоины или мелкія монеты. Болѣе полезное для крестьянъ

значеніе, чѣмъ эти подачки, могло имѣть то, что по случаю неурожая царь пожаловалъ измайловскимъ крестьянамъ на сѣмяна 828 чтв. ржи и 1598 чтв. овса и приказалъ, собирая съ нихъ этотъ хлѣбъ, ссыпать въ построенныя для того житницы, откуда они могли и вновь брать его въ ссуду [47]).

Къ селу Измайлову съ приселками и деревнями вѣдались въ 1676 г., какъ видно изъ вѣдомостей въ дѣлахъ Тайнаго Приказа, 2458 крестьянскихъ дворовъ [48]). Пашни на Государя они пахали подъ яровой хлѣбъ 2316 дес., подъ рожь 1775 дес. Ржи къ 1676 г. было посѣяно 3876 чтв., т. е. въ среднемъ по 2,2 чтв. ржи на десятину. Пашню эту обрабатывали крестьяне, да изъ селъ, приписанныхъ къ Измайлову, брали 200 работниковъ, которые получали харчи отъ Государя и работали на государевыхъ лошадяхъ. (Къ 1676 г. велѣно вмѣсто этихъ 200 человѣкъ нанимать работниковъ изъ винокуренныхъ заводовъ). Кромѣ того, въ добавленіе къ этимъ крестьянамъ и работникамъ нанималось въ лѣто отъ 660 до 700 чел., которые получали за время съ первыхъ чиселъ апрѣля по 14-е ноября (т. е. до Филиппова заговѣнья) рабочей платы отъ 3 р. 4 ден. до 3 р. 10 алт. Такъ какъ рубль того времени былъ въ 13 разъ дороже нынѣшняго, то, принявъ среднюю плату въ 3 р. 5 алт. 2 ден., мы получимъ среднiй заработокъ за 7 мѣсяцевъ на хозяйскихъ харчахъ—41 р. 8 к. на нынѣшнія деньги, т. е. около 6 р. въ мѣсяцъ. Харчи состояли изъ ржаной муки, овсяныхъ крупъ, сала и соли; вмѣсто крупъ давалось съ первыхъ чиселъ іюля „крошивная капуста въ довольность“. Въ села Алексѣевское, Степановское, Соколово и Кудрявцево для молотьбы хлѣба и всякихъ работъ (возки дровъ, сѣна и пр.) нанималось на зиму отъ 85 до 95 работниковъ. Рабочей платы имъ давали по $1^1/_2$—2 р. человѣку на государевыхъ харчахъ. Если принять, въ среднемъ, $1^3/_4$ р. зимней платы и приложить къ лѣтней платѣ 3 р. 5 алт. 2 деньги, то среднюю годовую плату наемнымъ рабочимъ на хозяйскихъ харчахъ можно принять въ 5 тогдашнихъ рублей, или 65 р. на нынѣшнія деньги. Любопытно сравнить это годовое жалованье съ вознагражденіемъ, получаемымъ нынѣ сельскими рабочими. Въ 1892 г. плата годовому работнику на продовольствіи нанимателя, въ среднемъ, по всей Россіи равнялась 62 р., т. е. была даже нѣсколько менѣе получаемой вольнонаемными рабочими въ подмосковныхъ дворцовыхъ вотчинахъ 200 лѣтъ тому назадъ. Правда, плата во владимірской и московской губ.

нѣсколько выше средней, а именно 75 р. [49]); но всетаки мы видимъ, что вознагражденіе за земледѣльческій трудъ, по крайней мѣрѣ для годовыхъ работниковъ, въ настоящее время вообще немногимъ больше, чѣмъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ послѣдней четверти XVII вѣка.

Во время жатвы десятиннаго хлѣба, въ добавленіе къ крестьянамъ и годовымъ работникамъ, нанимались по недѣлямъ работники и бабы, смотря по погодѣ, и на плату имъ выходило всего отъ 700 до 800 тогдашнихъ рублей. Для косьбы сѣна сверхъ наемныхъ работниковъ брали съ волостей въ село Измайлово по 100—120 чел. и въ Домодѣдово изъ хатунской волости по 100 чел., да кромѣ того нанимались рабочіе понедѣльно, смотря по погодѣ, и на наемъ косцовъ въ 6 селъ выходило до 1000 тогдашнихъ рублей, т. е. около 13000 р. на нынѣшнія деньги. Всего на наемъ работниковъ въ лѣто и на сѣнокосъ и жнитво выходило отъ 4114 до 4470 тогдашнихъ рублей (на нынѣшнія деньги отъ 53482 до 58110 р.); деньги эти въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ брались изъ разныхъ приказовъ, а хлѣбные запасы на кормъ работникамъ, соль и сало, чего не достанетъ въ селахъ,—изъ Приказа Большой Казны [50]).

Всего въ 1701 г. въ Приказѣ Большого Дворца вѣдалось 74402 двора, людей въ нихъ было 132000 чел., безъ сомнѣнія, взрослыхъ рабочихъ муж. пола (такъ какъ по первой ревизіи, несмотря на значительныя пожалованія изъ дворцовыхъ вотчинъ, считалось дворцовыхъ ревизскихъ 357328 душъ муж. пола), слѣдовательно, по 1,8 тяглыхъ человѣка на дворъ. Денежныхъ доходовъ съ нихъ собиралось 66606 р. Слѣдовательно, въ среднемъ, денежныхъ платежей приходилось на дворъ по 90 к., т. е. на нынѣшнія деньги 11 р. 70 к. Кромѣ того, съ крестьянъ взыскивались всевозможные поборы натурою, а именно столовые запасы—вино, брусника, медъ, хмѣль, шиповникъ, осокорныя шишки, свиное мясо, стяги говяжьи, бараны, гуси, утки, куры, поросята, коровье масло, сыры, сметана, яйца, орѣхи, всевозможная рыба; затѣмъ—дворцовые припасы: верба, дубовыя бочки, дрова, сани, гужи, оброти, возжи, лопаты, вѣники, метлы, известь, плитнякъ. Разумѣется, не каждый изъ припасовъ собирался со всѣхъ вотчинъ; сборъ ихъ распредѣлялся, смотря по мѣстнымъ условіямъ и занятіямъ жителей: рыбу ставили рыбныя слободы, медъ — бортныя села, остальные же припасы распредѣлялись между различными дворцовыми волостями.

Денежными сборами и поставкой различныхъ предметовъ натурою не ограничивались еще повинности дворцовыхъ крестьянъ: они исполняли кромѣ того не мало барщинныхъ работъ. Въ 1701 г. крестьянамъ приходилось обрабатывать, въ среднемъ, 1 десятину дворцовой запашки на $3^1/_2$ двора. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр. новгородскаго уѣзда) не было десятинной пашни, то сверхъ денежнаго оброка взыскивался „посопный“ (отсыпной) хлѣбъ. Кромѣ того, крестьяне косили луга, поставляли сѣно и солому [51]).

Изъ дворцовыхъ земель производились значительныя пожалованія въ вотчину и въ помѣстья. Какое значительное количество земель раздавалось въ XVI в. въ помѣстья, видно изъ того, что въ одномъ тверскомъ уѣздѣ писцовою книгою 1539—1540 гг. описано дворцовыхъ селъ и деревень, розданныхъ помѣщикамъ, 132 помѣстья, въ которыхъ было 2915 дворовъ, 3051 чел., 73 села, 1196 деревень, одинъ погостъ и 172 починка; пашенъ у нихъ всего было 36395 десятинъ въ полѣ. Затѣмъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о раздачѣ дворцовыхъ земель съ 1676 по 1710 гг. Съ 1676 по 1681 гг. было роздано изъ дворцовыхъ волостей и селъ 2795 дворовъ; нѣкоторое количество ихъ дано было монастырямъ, но большинство служилому сословію — боярамъ, окольничимъ, стольникамъ и проч. Съ 1682 по 1710 гг. включительно было пожаловано (самое небольшое количество монастырямъ и митрополитамъ, но преимущественно служилымъ людямъ въ вотчину и помѣстья) изъ дворцовыхъ волостей 273 волости и села съ деревнями, въ которыхъ было 43655 дворовъ, пашни— въ трехъ поляхъ—всего 508440 дес., сѣна 516750 копенъ, лѣсу и болотъ 33281 дес., поверстнаго лѣсу, дробными верстами, 18376 вер. [52]).

Слѣдовательно, всего съ 1676 по 1710 гг., т. е. въ 35 лѣтъ, было роздано изъ дворцовыхъ волостей 46450 дворовъ. Это совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ 1678 г. въ завѣдываніи Приказа Большаго Дворца числилось 90550 дворовъ, а въ 1711 г. около 50000 дворовъ [53]).

Запасъ дворцовыхъ земель пополнялся отпискою у разныхъ лицъ [54]).

Глава I.

Дворцовые крестьяне въ XVIII в.

Численность дворцовыхъ крестьянъ въ XVIII в.—Денежные и натуральные сборы и повинности въ пользу дворцоваго вѣдомства.—Государственныя подати и повинности.—Количество земли въ дворцовыхъ вотчинахъ.—Передѣлы земель.—Аренда и покупка земель крестьянами.—Переселенія.—Экономическое положеніе крестьянъ.—Неурожаи и продовольствіе.—Центральное и мѣстное управленіе.—Крестьянское самоуправленіе.—Крестьянскія волненія.—Пожалованіе дворцовыхъ селъ и деревень въ XVIII вѣкѣ.

Дворцовыхъ крестьянъ по первой ревизіи (1722 г.) числилось 357328 душъ муж. пола [1]; по второй ревизіи (1742 г.) 401603 души муж. пола, не считая крестьянъ государевыхъ [2]; по третьей ревизіи (1762 г.) въ вѣдомствѣ Московской Дворцовой Конторы ихъ состояло 441418, въ вѣдомствѣ Петербургской Дворцовой Канцеляріи 45255, а всего 486673 души муж. пола, со включеніемъ остзейскихъ дворцовыхъ имѣній и государевыхъ вотчинъ [3]. Такъ какъ въ 1762 г. государевыхъ крестьянъ считалось 62052 души муж. пола, то, слѣдовательно, собственно дворцовыхъ въ это время было около 424000 душъ муж. пола. По четвертой ревизіи (1782 г.), за исключеніемъ записавшихся въ купечество, но, безъ сомнѣнія, со включеніемъ государевыхъ (такъ какъ въ 1765 г. Собственная Вотчинная Канцелярія и ея контора были уничтожены), а также со включеніемъ крестьянъ выборгской губерніи, малороссіянъ и бѣлорусскихъ крестьянъ бывшихъ королевскихъ имѣній, присоединенныхъ къ дворцовымъ, было дворцовыхъ крестьянъ 597238 душъ муж. пола [4]. По пятой ревизіи (1796 г.) дворцовыхъ крестьянъ, за исключеніемъ конюшенныхъ и государевыхъ, было 471307 душъ муж. пола [5].

Количество дворцовыхъ вотчинъ въ XVIII в. такъ же, какъ въ XVI и въ XVII стол., уменьшалось пожалованіемъ изъ нихъ разнымъ лицамъ, увеличивалось же припискою къ дворцовымъ

выморочныхъ и отписныхъ деревень (напр. имѣній князя Меншикова, кн. Долгорукихъ, кн. Голицына, Волынскаго и друг.), припискою при Петрѣ Великомъ монастырскихъ и покупкою [6]). Къ числу собственно дворцовыхъ присоединялись иногда и нѣкоторыя государевы и конюшенныя вотчины, и наоборотъ дворцовыя села и деревни жаловались Членамъ Императорской Фамиліи или обращались въ конюшенныя.

Кромѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ дворцовыя вотчины находились въ XVII в., въ прошломъ столѣтіи мы находимъ ихъ еще со времени Петра Великаго въ Ингерманландіи—въ уѣздахъ ямбургскомъ, копорскомъ, шлиссельбургскомъ, выборгскомъ и кексгольмскомъ, при Рижскомъ и Ревельскомъ дворцахъ, затѣмъ малороссіянъ дворцоваго вѣдомства—въ нынѣшнихъ губерніяхъ черниговской, харьковской и екатеринославской и, наконецъ, съ половины 70-хъ годовъ XVIII в., дворцовыхъ крестьянъ—въ Бѣлоруссіи.

Весьма разнообразные сборы натурою, которые поступали въ дворцовое вѣдомство, стали постепенно переводить на деньги, причемъ, однако, барщинныя работы на пашнѣ и покосахъ сохранялись еще долго послѣ того, какъ мелкіе сборы натурою были замѣнены денежными платежами. При этомъ первоначально не было установлено какого-либо одинаковаго денежнаго оброка, а каждый предметъ, входившій въ составъ сборовъ натурою, былъ оцѣненъ на деньги, такъ что размѣръ денежнаго сбора съ крестьянъ той или другой волости зависѣлъ отъ того, какъ велики были натуральные поборы. Поэтому въ отчетныхъ вѣдомостяхъ дворцоваго вѣдомства и перечислялось, взамѣнъ какихъ предметовъ получена извѣстная сумма.

До 1732 г. натуральныя повинности сохранились въ тогдашней московской губерніи въ небольшомъ размѣрѣ, особенно въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ. Въ этихъ послѣднихъ было по первой переписи 59555 душъ; съ нихъ различныхъ денежныхъ сборовъ взималось 29345 р., т. е. по 51 к. съ ревизской души (3 р. 95 к. на нынѣшнія деньги); десятинной же пашни онѣ пахали всего 608 дес., рубили 603 саж. дровъ, давали посопнаго хлѣба ржи 380 и овса 675 чтв. и, наконецъ, ставили 265 косцовъ. Напротивъ, въ вотчинахъ, недавно приписанныхъ отъ разныхъ помѣщиковъ, денежные поборы были почти такой же величины, но натуральныя повинности исполнялись въ гораздо большемъ размѣрѣ. Такъ напр., въ московской губ.

было 12925 душъ, приписанныхъ отъ разныхъ помѣщиковъ и переведенныхъ изъ вѣдомства конюшенной канцеляріи и „доменской“ (доимочной?) конторы. Онѣ вносили „прежняго помѣщичьяго оброку“ 5534 р. въ годъ, т. е., по 43 к. съ души (3 р. 33 к. на нынѣшнія деньги), а пашни пахали 542 дес., не считая небольшого количества дровъ и немногихъ косцовъ. Такимъ образомъ, хотя этихъ крестьянъ было вчетверо меньше, чѣмъ въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ московской губерніи, но они пахали почти такое-же количество десятинной пашни. Это доказываетъ, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было тяжелѣе, чѣмъ дворцовыхъ; однако, мѣстами и платежи старинныхъ дворцовыхъ крестьянъ были слишкомъ велики. Графъ Матвѣевъ, посланный для производства ревизіи въ московской губерніи, писалъ въ 1726 г.: „въ Александровской слободѣ всѣхъ селъ и деревень крестьяне податьми дворцовыми чрезъ мѣру ихъ гораздо неосмотрительно отъ главныхъ правителей слободы той обложены и отягчены; уже множество бѣглецовъ и пустоты явилося; и въ слободѣ, не токмо въ селахъ и деревняхъ, не крестьянскіе, но нищенскіе прямые имѣютъ дворы“. Это происходило, впрочемъ, отчасти отъ того, что управители налагали на крестьянъ лишніе поборы въ свою собственную пользу [7]).

Денежные поборы собирались въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ казанской губерніи—по 7 к., въ смоленской—по 10 к., въ бѣлгородской—по 14 к., въ тамбовскомъ уѣзд. воронежской губ.—по 24 к., въ остальныхъ уѣздахъ воронежской губ.—38 к., въ новгородской—36 к., въ нижегородской—42 к., въ архангельской—46 к., въ московской—51 к. съ ревизской души (отъ 54 к. до 3 р. 95 к. на нынѣшнія деньги). Кромѣ того, въ тамбовскомъ уѣздѣ собиралось еще съ крестьянъ нѣкоторое количество меду и пшеницы, въ казанской была десятинная пашня, въ нижегородской взыскивалось 4810 четвертей хлѣба; а всего болѣе барщинныя работы и поборы натурою были развиты въ московской губерніи, гдѣ крестьяне пахали пашню, давали косцовъ, рубили дрова и ставили „посопный“ хлѣбъ. Такимъ образомъ, менѣе были обременены поборами дворцовые крестьяне смоленской, казанской и бѣлгородской губерній; это объясняется тѣмъ, что въ окраинныхъ мѣстностяхъ крестьянамъ легче было бѣжать: изъ смоленской губ.—за-границу въ Польшу, изъ казанской и бѣлгородской губ.—въ степныя окраины государства, на Донъ и пр. Въ новгородской, нижегородской, архан-

гельской и воронежской губерніяхъ положеніе дворцовыхъ крестьянъ было тяжелѣе и всего хуже—въ центрѣ Россіи, въ московской губерніи.

Сравнивая денежные поборы и повинности, отбывавшіяся дворцовыми крестьянами въ XVI, XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, нужно помнить, что, когда прежде, въ допетровской Руси, мы переводили поземельные или подворные сборы на число людей во дворѣ, то это были не ревизскія души, т. е. и старики, и малолѣтніе, какъ послѣ петровской ревизіи, а лишь *тяглые* люди, въ число которыхъ входило даже не все взрослое населеніе двора,—въ разсматриваемое же время счетъ производился на ревизскія души. Кромѣ того, въ XVI в. сборы собственно государственныхъ налоговъ были не велики сравнительно со сборами спеціально дворцовыми; теперь же крестьяне платили подушную подать по 70 к. съ каждой ревизской души (въ разсматриваемое время это составляло 5 р. 42 к. на нынѣшнія деньги).

Всего въ *старинныхъ* дворцовыхъ волостяхъ московской, новгородской, архангельской, смоленской, нижегородской, казанской, воронежской и бѣлгородской губ. считалось 295045 душъ муж. пола. Съ нихъ предъ 1732 г. (а въ тамбовскихъ до второй половины 20-хъ годовъ XVIII в. и въ смоленскихъ до 1743 г.) взыскивалось различныхъ дворцовыхъ доходовъ ежегодно 101398 р., т. е. среднимъ числомъ по 34 к. съ ревизской души (2 р. 63 к. на нынѣшнія деньги), да кромѣ того онѣ пахали ежегодно казенной десятинной пашни 955 дес., ставили дровъ 603 саж., наряжали 265 косцовъ, давали посопнаго хлѣба: ржи 2517, овса 2812 и пшеницы 1239 чтв., да меду 207 пуд. Въ вотчинахъ, приписанныхъ отъ разныхъ помѣщиковъ (крестьянъ въ нихъ было въ названныхъ губерніяхъ 22036 душъ муж. пола), средній денежный платежъ былъ немногимъ больше, именно по 37 к. съ ревизской души (2 р. 86 к. на нынѣшнія деньги); посопнаго хлѣба не собиралось, но за то количество десятинной пашни было въ 40 разъ болѣе относительно числа крестьянъ, сравнительно со старинными дворцовыми волостями.

Въ концѣ 1731 г. Главная Дворцовая Канцелярія предложила отмѣнить прежніе оклады „разнозвательныхъ доходовъ“ съ дворцовыхъ волостей и селъ и обложить всѣхъ дворцовыхъ крестьянъ, кромѣ тамбовскихъ и смоленскихъ, оброкомъ по 40 к. съ души, а смоленскихъ по 25 к., сборы же за оброчныя статьи, „отданныя крестьянамъ, одному или многимъ, или всей волости на

оброки", присоединить къ канцелярскимъ сборамъ. Изъ четырехгривеннаго сбора Дворцовая Канцелярія предложила исключить извѣстную сумму за дворцовое вино (болѣе 6000 ведеръ). Императрица Анна Іоанновна согласилась на замѣну съ 1732 г. разнообразныхъ поборовъ денежнымъ платежемъ по 40 к. съ души (а относительно тамбовскихъ и смоленскихъ волостей приказала обсудить особо) и предписала только Дворцовой Канцеляріи „смотрѣть накрѣпко, чтобъ передъ прежнимъ окладомъ убыли ни въ чемъ не было", а въ пограничныхъ волостяхъ собирать прежній окладъ. Такъ какъ мѣстами Дворцовое Управленіе нашло нужнымъ оставить обязательными для крестьянъ десятинную пашню и нѣкоторыя другія работы, а также сборы натурою, то все это было оцѣнено на деньги и зачиталось имъ въ уплату оброка. Обработка одной десятины (въ трехъ поляхъ) была оцѣнена въ 40 к. (3 р. 10 к. нынѣшнихъ), за посопную пшеницу по 20 к. за четверть (1 р. 65 к. нынѣшнихъ), за оброчное вино (въ бѣлгородской губ.) по 40 к. за ведро, за сажень (кубич. ?) дровъ по 2 р. (15 р. 50 к. нынѣшнихъ), за косцовъ по 3 р. за каждаго (23 р. 25 к. нынѣшнихъ), очевидно за все время сѣнокоса [8]).

Согласно этому распоряженію, въ большинствѣ мѣстностей Россіи уже съ 1732 г. былъ введенъ 4-хъ-гривенный сборъ (разложенный въ губ. московской, воронежской, бѣлгородской, смоленской, нижегородской, казанской, архангельской и новгородской на 287128 д. м. п.), въ уплату котораго зачитались нѣкоторые работы и продукты натурою, а именно: въ 1732—1735 гг. во всѣхъ названныхъ губ. 5494 дес. пашни, 625 саж. дровъ, 831 косецъ, 6424 чтв. посопнаго хлѣба и 6403 ведра трубчевскаго оброчнаго вина,—все это оцѣнивалось въ 9788 р.; а 105062 р., т. е. 91,5% всѣхъ сборовъ крестьяне уплачивали деньгами. Со времени второй ревизіи 4-хъ-гривенный оброкъ былъ разложенъ въ названныхъ губерніяхъ уже на 348342 души, причемъ зачиталось имъ за работы и припасы уже втрое менѣе,—3579 р., а взыскивали деньгами 135—137 тыс. р. [9]).

Но со временемъ, 4-хъ-гривеннаго оброка оказалось недостаточно для покрытія расходовъ по дворцовому вѣдомству, и потому Дворцовая Канцелярія приказала увеличить съ 1750 г. денежный сборъ. Увеличеніе это произведено было, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ не равномѣрно. Такъ, въ 1750 г. въ воронежской губ. было прибавлено, въ среднемъ, къ 4-хъ-гривенному окладу по 5 к. на душу, въ казанской по 6 к., въ московской, бѣлгородской,

смоленской и нижегородской по 10 к., въ новгородской по 13 к., въ архангельской по 15 к. Въ 1751 г. въ различныхъ губерніяхъ было прибавлено, среднимъ числомъ, отъ 11 до 30 к. на душу, въ 1752 г. отъ 16 до 40 к., въ 1753 г. отъ 15 до 40 к. Слѣдовательно, въ 1753 г. крестьяне платили въ различныхъ мѣстностяхъ дворцоваго оброка отъ 55 до 80 к. съ ревизской души; если-же сдѣлать средній выводъ по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ были дворцовые крестьяне, то выйдетъ, что въ 1750 г. прибавка равнялась 9 к., въ 1751 г.—19 к., въ 1752 и 1753 гг.—26 к. На этомъ повышеніе не остановилось; но Дворцовая Канцелярія признала неудобнымъ, чтобы прибавочный оброкъ былъ неодинаковъ не только въ различныхъ губ., но даже въ различныхъ волостяхъ, и потому въ 1754 г. въ большинствѣ мѣстностей, именно въ дворцовыхъ волостяхъ казанской, архангельской и новгородской губ. и въ трубчевскихъ селахъ бѣлгородской губ., былъ введенъ рублевый оброкъ съ ревизской души (7 р. нынѣшнихъ). Въ 1755 г. онъ былъ распространенъ на московскую губ., битюцкія села воронежской губ., сычевскую и жарновскую волости вяземскаго уѣзда, а въ слѣдующемъ году на смоленскія и тамбовскія волости.

При этомъ, однако, натуральныя повинности были далеко не повсюду отмѣнены; мѣстами крестьяне были обязаны по прежнему пахать извѣстное количество десятинъ, косить сѣно и т. п., и имъ зачиталась эта работа въ уплату оброка по прежней оцѣнкѣ. Такъ, въ московской губ. крестьяне пахали 650 дес. въ каждомъ полѣ. Въ тамбовскихъ волостяхъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка была введена въ значительныхъ размѣрахъ десятинная пашня. Въ 1758 г. она была уничтожена, но взамѣнъ ея съ крестьянъ велѣно было собирать лишнихъ по 30 к. съ души, такъ что въ 1758—1762 гг. они платили по 1 р. 30 к. Уже изъ того, что уничтоженіе десятинной пашни (за обработку которой съ десятины въ трехъ поляхъ зачиталось въ счетъ оброка 40 к., т. е. около 2 р. 80 к. на нынѣшнія деньги) считали льготою, за допущеніе которой оброкъ былъ возвышенъ, показываетъ, что плата, зачитаемая въ счетъ оброка, была крайне недостаточна (въ настоящее время за обработку круговой десятины, т. е. одной озимой и одной яровой, платятъ отъ 10 до 32 рублей въ различныхъ губерніяхъ Великороссіи [10]). Во всей Россіи десятинной пашни въ селахъ дворцоваго вѣдомства пахали во второй половинѣ 50-хъ годовъ 1494 дес. въ каждомъ полѣ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, и съ повсемѣстнымъ введеніемъ рублеваго оброка, денежные платежи дворцовыхъ крестьянъ были не одинаковы: во первыхъ, крестьяне тѣхъ волостей, въ которыхъ отмѣнена была десятинная пашня, платили по 1 р. 30 к. вмѣсто 1 р., а во вторыхъ, сдѣлана была сбавка для тѣхъ волостей, гдѣ накопилась недоимка, и по мѣрѣ того, какъ она покрывалась, окладъ повышался [11]).

Въ 1762 г. въ большинствѣ дворцовыхъ волостей оброкъ былъ повышенъ еще на 25 к., такъ что дворцовые крестьяне стали платить по 1 р. 25 к. съ души, между тѣмъ какъ крестьяне государственные, кромѣ семигривенной подушной подати, которая взыскивалась и съ дворцовыхъ крестьянъ, вносили только по одному рублю оброчнаго сбора. Впрочемъ, и въ это время оброкъ былъ не вездѣ одинаковъ. На тамбовскія волости къ прежнему оброку въ 1 р. 30 к. было прибавлено по 10 к., такъ что тамъ крестьяне платили по 1 р. 40 к. Всего болѣе разнообразія было въ московской губерніи: 952 души платили здѣсь по 50 к., 2368 душъ по одному рублю, 50731 душа платили съ 1762 г. по 1 р. 25 к. (съ зачетомъ за 195 дес. пашни), 5251 душа (хатунская волость) по 1 р. 70 к., 2158 душъ—въ среднемъ по 2 р. 15 к., 3246—по 2 р. 25 к. [12]).

Къ 1769 г. десятинная пашня оставалась только въ слѣдующихъ дворцовыхъ селахъ: въ селѣ Покровскомъ, московскаго уѣзда (423 дес.), въ селѣ Танинскомъ съ приписными, тамъ же (1412 дес.), въ Александровой слободѣ съ приписными въ тогдашней московской губерніи, въ провинціи переяславль-рязанской (8205 дес.), въ селахъ Красномъ (3021 дес.) и Рожественѣ (1538 дес.), въ Ингерманландіи и въ мѣстечкѣ Понурницы, въ Малороссіи (2343 дес.). Во всѣхъ этихъ селахъ числилось 16942 дес., денежнаго оклада они платили 7666 р., пашни пахали всего 3236 дес., косили сѣно, а красносельскіе и рожественскіе, кромѣ того, работали въ дворцовыхъ садахъ и огородахъ. Кажущееся увеличеніе казенной запашки, сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, объясняется тѣмъ, что въ приведенныхъ выше данныхъ 50-хъ годовъ нѣтъ свѣдѣній о дворцовыхъ имѣніяхъ въ Ингерманландіи и Малороссіи. Сверхъ указанной запашки, въ 1769 г. всѣ дворцовые крестьяне (408673 души мужск. пола) платили оброку 606048 р., за исключеніемъ канцелярскихъ сборовъ, что составитъ, въ среднемъ, по 1 р. 25 к. на душу [13]).

Отношеніе рубля того времени къ нынѣшнему еще не опре-

дѣлено. По имѣющимся у насъ даннымъ, частію не изданнымъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, можно принять, что рубль 60-хъ годовъ XVIII в. равнялся приблизительно 4-мъ нынѣшнимъ [14]), значитъ, во второй половинѣ 60-хъ годовъ XVIII в. дворцовые крестьяне вносили дворцоваго оброка (не считая канцелярскихъ сборовъ) по 5 р. на нынѣшнія деньги съ ревизской души, да подушныхъ податей платили по 70 к. тогдашнихъ, или 2 р. 80 к. нынѣшнихъ, слѣдовательно, въ среднемъ они платили до 7 р. 80 к. нынѣшнихъ съ ревизской души.

Въ ноябрѣ 1768 г. со всѣхъ крестьянъ казеннаго вѣдомства, сверхъ 70 к. подушнаго оклада, велѣно было собирать не по 1 р. оброчныхъ денегъ, а по 2 р. [15]), т. е. всего 2 р. 70 к. тогдашнихъ, или болѣе 10 р. 80 к. нынѣшнихъ. Повышеніе оброка было распространено и на дворцовыхъ крестьянъ, причемъ Дворцовой Канцеляріи было предоставлено право, если это окажется нужнымъ по различію экономическаго положенія крестьянъ, налагать съ разрѣшенія Государыни на однихъ больше, на другихъ меньше. Въ докладѣ, представленномъ вслѣдствіе этого Екатеринѣ II Главною Дворцовою Канцеляріею, между прочимъ, было изложено слѣдующее. Обстоятельства дворцовыхъ крестьянъ различны: одни платятъ доходъ дворцовый и нынѣ уже болѣе 2 рублей съ души, хотя такихъ и не много (6610 душъ мужск. пола), другіе оставлены на дворцовомъ земледѣліи и производятъ для дворцовыхъ надобностей работы или ставятъ хлѣбъ и другія произведенія натурою (такихъ было 16942 души мужск. пола); нѣкоторые вовсе не имѣютъ земли и существуютъ только заработками и промыслами и потому платятъ, по мнѣнію Канцеляріи, „малый“ оброкъ (въ дѣйствительности же довольно значительный, а именно— въ среднемъ—по 1 р. 9 к., т. е. около 4 р. 36 к. на нынѣшнія деньги) [16]). А иные вслѣдствіе неурожаевъ хлѣба пришли въ такую бѣдность, что не только нельзя увеличить съ нихъ оброкъ, но невозможно собрать и старой недоимки [17]). Наконецъ, были дворцовые крестьяне, отданные на разные сроки въ аренду, съ которыхъ, хотя бы они платили и меньше 2 р., нельзя было повышать оброкъ до окончанія срока договора съ арендаторами (2375 душъ, платившихъ, въ среднемъ, по 1 р. 76 к. съ души). Дворцовая Канцелярія указывала на затрудненія, вытекавшія изъ этого различія въ положеніи крестьянъ, а также и значительнаго накопленія недоимокъ: „извѣстное трехъ сряду лѣтъ неплодородіе“, говоритъ она въ своемъ докладѣ, „привело въ

нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьянъ въ такую бѣдность, изъ которой Дворцовая Канцелярія по хозяйству своему должна снисходительнымъ распоряженіемъ ихъ извлекать“.

Главная Дворцовая Канцелярія предложила крестьянъ, состоявшихъ на казенной пашнѣ, арендныхъ и безземельныхъ, а также числившихся въ особыхъ вѣдомствахъ [18]), всего 30702 души, оставить въ прежнемъ положеніи, что и было одобрено Императрицею. Далѣе Дворцовая Канцелярія надѣялась увеличить доходъ развитіемъ винокуренія въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Дворцовые винокуренные заводы были устроены въ трехъ мѣстахъ: въ темниковскомъ, тамбовскомъ и трубчевскомъ уѣздахъ [19]), и съ нихъ было поставлено въ 1768—1769 гг. болѣе 200000 ведеръ вина. Дворцовая Канцелярія предлагала приписать къ этимъ заводамъ 90798 душъ дворцовыхъ крестьянъ, которыхъ и оставить за то въ прежнемъ денежномъ окладѣ (120096 р., т. е. въ среднемъ по 1 р. 32 к. съ души) и, вмѣсто прибавочныхъ съ нихъ денегъ, наложить на нихъ сборъ хлѣбомъ и дровами, которые они должны были бы поставлять на заводы, считая четверть ржи по 1 р. 10 к., овса по 55 к. и сажень дровъ по 35 к. Но Императрица Екатерина II не согласилась на это предложеніе Дворцовой Канцеляріи и положила на этомъ пунктѣ доклада слѣдующую резолюцію: „какъ винокуренные заводы заведены въ 1767 г. единственно по той причинѣ, что дворяне толикаго числа ведеръ вина не выставили, сколько казна отъ нихъ ожидала, то и не надлежитъ ихъ размножать болѣе, нежели Камеръ-Коллегіею по случаю сей недостаточной отъ дворянъ поставки опредѣлено, дабы чрезъ умноженіе ихъ не лишить пожалованнаго имъ права винокуренія, а потому и деревень къ онымъ заводамъ не приписывать, а Дворцовой Канцеляріи располагать какъ хлѣбъ, такъ и дрова на ближнихъ крестьянъ, по своему разсмотрѣнію, безъ отягощенія, на то только число ведеръ вина, сколько прежде уже опредѣлено, развѣ впредь Камеръ-Коллегіею будутъ какія вновь представленія“. Затѣмъ въ своемъ докладѣ Дворцовая Канцелярія заявляла, что всѣхъ крестьянъ московской губерніи, слѣдуя примѣру тамошнихъ помѣщиковъ, считала возможнымъ обложить оброкомъ въ 2 р. и болѣе (за немногими исключеніями, гдѣ оброкъ былъ назначенъ въ 1 р. 50 к. и въ 1 р. 75 к.), но съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне уже никакихъ болѣе работъ въ Москвѣ не производили [20]). Въ случаѣ утвержденія ея доклада, Дворцовая Канцелярія предполагала прекратить отправленіе въ

гофъ-интендантскую контору и къ садамъ въ Москвѣ „того великаго числа конныхъ и пѣшихъ работниковъ, которые всю тягость подмосковныхъ селъ и деревень составляютъ, проживаясь въ городѣ и въ рабочее крестьянское время отъ землепашества отлучены будучи". Дворцовая Канцелярія заявляла, что полученную сумму она „разложитъ по тягламъ, сильнымъ и безсильнымъ, слѣдуя прежнимъ обыкновеніямъ съ мирского согласія, на однихъ больше, а на другихъ меньше, и сего правила при окладѣ во всѣхъ губерніяхъ держаться будетъ". Крестьянъ другихъ губерній — воронежской, нижегородской, казанской, астраханской и оренбургской Дворцовая Канцелярія предложила обложить по два и болѣе двухъ рублей съ души, смотря по ихъ зажиточности (здѣсь также въ двухъ случаяхъ былъ назначенъ оброкъ въ 1 р. 50 к. и 1 р. 75 к.), а крестьянъ архангельской, смоленской и новгородской губ. отъ 1 р. 50 к. до 2 р. На псковскихъ, сверхъ того, былъ положенъ сборъ льномъ по 1/2 пуда съ каждой души, по примѣру мѣстныхъ помѣщиковъ и въ виду того, что въ псковской провинціи всѣ крестьяне промышляли льномъ. Крестьяне с.-петербургской губ. и приписные къ Рижскому и Ревельскому дворцамъ были исключены Дворцовою Канцеляріею „изъ общаго оклада", т. е. были оставлены при прежнихъ платежахъ, „потому что первые большею частью или на пашнѣ, или столь бѣдны, что ничего безъ поправки съ нихъ положить не можно, а вторые безземельные". Императрица Екатерина II утвердила всѣ эти предложенія Дворцовой Канцеляріи [21]).

Въ 1783 г. оброкъ дворцовыхъ крестьянъ такъ же, какъ государственныхъ и экономическихъ (прежде принадлежавшихъ духовенству), былъ повышенъ до 3 р. (на нынѣшнія деньги около 6 р.). Съ малороссіянъ харьковской, курской и новгородъ-сѣверской губ. до этого времени взималось 80 и 90 к. съ души, теперь-же они были положены въ рублевый окладъ; крестьяне Бѣлоруссіи, присоединенные по первому раздѣлу Польши,—губерній полоцкой и могилевской—платили по 50 к., а теперь были положены въ рублевый окладъ. Въ это время дворцовой запашки уже нигдѣ не существовало [22]).

Такимъ образомъ, постепенно денежные платежи дворцовыхъ крестьянъ значительно возрасли, но за то они были избавлены отъ обязательныхъ работъ, которыя, какъ мы видѣли, оцѣнивались весьма низко. Къ тому-же, при опредѣленномъ и равномѣрномъ денежномъ оброкѣ, были менѣе возможны злоупотре-

бленія управляющихъ дворцовыми вотчинами; правда, злоупотребленія всетаки существовали, но ихъ нельзя сравнивать съ ужасными насиліями, которымъ приходилось подвергаться помѣщичьимъ крестьянамъ. Что касается размѣровъ денежныхъ платежей, то въ этомъ отношеніи дворцовыя волости, избавившись къ 80-мъ годамъ XVIII в. отъ барщины и взносовъ натурою, сравнялись съ государственными, а платежи крѣпостныхъ крестьянъ помѣщикамъ были выше, чѣмъ оброки дворцовыхъ вотчинъ (въ 80 годахъ среднiй оброкъ помѣщичьихъ крестьянъ равнялся 4 тогдашн. р., а въ концѣ царствованія Екатерины 5 р.).

Изъ неокладныхъ сборовъ, взыскивавшихся съ населенія дворцовыхъ волостей, слѣдуетъ упомянуть о свадебныхъ пошлинахъ. Наказомъ Петра Великаго старостѣ и цѣловальнику дворцовыхъ крестьянъ воронечскаго уѣзда (нынѣшней псковской губерніи), составленнымъ, очевидно, въ первые годы его царствованія, было предписано съ каждой свадьбы дворцовыхъ крестьянъ между собою брать 20 к.; размѣръ же выводныхъ денегъ, уплачивавшихся крестьянами посторонняго вѣдомства при женитьбѣ на дочеряхъ дворцовыхъ крестьянъ, не былъ точно опредѣленъ въ этомъ Наказѣ. По указу Ингерманландской Канцеляріи 1705 г. велѣно было съ каждой свадьбы, въ которой женихъ и невѣста принадлежали къ дворцовымъ крестьянамъ, взыскивать 25 к. (1 р. 75 к. нынѣшн.). Тоже было повторено и въ инструкціи управителю дворцовыхъ волостей 1731 г.; въ ней, кромѣ того, предписывалось, при выпускѣ дворцовыхъ дѣвушекъ и вдовъ въ замужество за монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и разночинцевъ, брать выводныя деньги въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ берутъ помѣщики тѣхъ уѣздовъ, да печатныхъ пошлинъ за отпускныя брать по 25 к. съ человѣка. Въ 1737 г. было предписано за отпускаемыхъ въ замужество въ помѣщичьи имѣнія брать деньги не поровну, а смотря по зажиточности крестьянъ, отъ 3 р. до 5 р. 50 к. (отъ 23 р. 25 к. до 42 р. 62 к. нынѣшн.), въ экономическія же вотчины (имѣнія духовенства) выпускать и отъ нихъ принимать безъ выводныхъ денегъ. Послѣднее было вновь подтверждено въ 1765 г.; съ другихъ же государственныхъ крестьянъ дворцовое вѣдомство продолжало брать выводныя деньги. Наконецъ, въ 1777 г. велѣно было, при выдачѣ дворцовыхъ дѣвушекъ и вдовъ за помѣщичьихъ крестьянъ, брать выводныхъ по 5 р. за каждую (не смотря на то, что Манифестомъ 1775 г. отмѣненъ было вообще сборъ выводныхъ денегъ, что подтвер-

ждено и въ 1782 г.), а если дворцовые крестьяне захотятъ брать невѣстъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, то размѣръ выводныхъ денегъ устанавливался въ каждомъ данномъ случаѣ по взаимному соглашенію (это продолжалось и въ началѣ XIX в.); съ казенными же вѣдомствами, и въ томъ числѣ съ конюшеннымъ, царскосельскимъ и экономическимъ, Дворцовое Управленіе условилось обоюдно ничего не брать, „а замѣнять вмѣсто взятыхъ отъ нихъ“. За свадьбы дворцовыхъ крестьянъ между собою взыскивали въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ каждой свадьбы по 20 к. такъ называемыхъ „куничныхъ денегъ“ [23]).

Кромѣ оброчныхъ денегъ въ дворцовое вѣдомство, крестьяне платили государственныя подати [24]).

Со введеніемъ подушной подати, она была распространена и на крестьянъ дворцоваго вѣдомства. За исключеніемъ немногихъ первыхъ лѣтъ, она взималась въ размѣрѣ 70 к. съ ревизской души и только въ 1794 г. была повышена до одного рубля, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 85 к., съ замѣною въ этихъ послѣднихъ остальныхъ 15 к. сборомъ ржи и крупы [25]).

Взимать подати съ дворцовыхъ крестьянъ велѣно было „верстая по тягламъ и пожиткамъ“. Въ 1729 г. мѣстной правительственной администраціи запрещено было вмѣшиваться въ сборъ съ крестьянъ податей и разныхъ сборовъ въ пользу дворцоваго вѣдомства. Собирать подушную подать должны были назначенные Дворцовою Канцеляріею приказчики, которые и передавали ихъ воеводамъ и земскимъ комиссарамъ [26]). Напротивъ, въ началѣ царствованія Екатерины II городовыя канцеляріи сами собирали съ дворцовыхъ крестьянъ подушную подать, а со времени реформы губернскихъ учрежденій (въ 1775 г.) обязанность эта была возложена на казенныя палаты.

Рекрутскую повинность дворцовые крестьяне исполняли наравнѣ съ другими и несли, кромѣ того, сопряженные съ нею обычные расходы на платье и денежную подмогу рекрутамъ: такъ напр., при рекрутскомъ наборѣ 1754 г. въ духовской волости (смоленской губерніи) крестьяне собрали съ этою цѣлью по 10 к. съ души [27]).

Среди дворцовыхъ крестьянъ было, безъ сомнѣнія, не мало зажиточныхъ и они, конечно, старались откупиться отъ рекрутчины. Это легко было сдѣлать, такъ какъ въ дворцовыхъ волостяхъ всегда находились бѣдняки, готовые наняться въ рекруты [28]); кромѣ того, зажиточные покупали людей и сдавали ихъ

вмѣсто себя. Но въ 1740 г. дворцовымъ крестьянамъ, наравнѣ съ синодальными и архіерейскими, покупать людей для отдачи въ рекруты было запрещено. Когда запрещеніе это было вновь подтверждено въ 1757 г., новгородскіе и псковскіе дворцовые крестьяне просили дозволить имъ отдавать въ рекруты, въ зачетъ будущихъ наборовъ, бѣглецовъ, гулякъ и „противниковъ", а также скрывавшихся во время прежнихъ рекрутскихъ наборовъ, а не то эти „гуляки", услышавъ о наборѣ, разбѣгаются. Такъ какъ въ 1757 г. дозволено было всѣмъ отдавать людей, въ зачетъ будущихъ наборовъ, Военной Коллегіи, то Дворцовая Канцелярія разрѣшила новгородскимъ и псковскимъ крестьянамъ сдавать такимъ образомъ „гуляковъ", „противниковъ", скрывавшихся во время прежнихъ наборовъ и „безпашенныхъ бобылей", которые подушныхъ денегъ и дворцовыхъ доходовъ за побѣгомъ не платили. Но такъ какъ отдача этихъ людей въ рекруты могла повести ко многимъ злоупотребленіямъ со стороны выборныхъ, старостъ и вообще болѣе вліятельныхъ крестьянъ, то Дворцовая Канцелярія приказала управителямъ „накрѣпко смотрѣть", чтобы въ рекруты отдавались только такіе, кто прежде бѣжалъ отъ рекрутства и неаккуратные плательщики, и чтобы это дѣлалось „со всего мірскаго согласія, а не однихъ старостъ, выборныхъ, и горлановъ, и ябедниковъ, чего ради собирать валовые мірскіе сходы", на которыхъ должны были присутствовать управители, съ тѣмъ чтобы не допускать никакихъ злоупотребленій. Въ 1766 г. дворцовымъ крестьянамъ было разрѣшено покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія деревни съ землями, причемъ они не должны были платить болѣе 30 р. съ души. Вѣроятно, изъ этихъ покупныхъ деревень дворцовые крестьяне могли сдавать рекрутъ и за себя [29]).

Такъ какъ преобладающимъ занятіемъ крестьянъ было земледѣліе, то главное условіе ихъ благосостоянія заключалось въ достаточномъ количествѣ земли. Въ неизданныхъ источникахъ, составляющихъ результатъ генеральнаго межеванія (второй половины XVIII в.) и хранящихся въ московскомъ межевомъ архивѣ, мы находимъ свѣдѣнія о томъ, какое количество земель принадлежало въ то время дворцовому вѣдомству какъ при каждомъ селеніи, такъ и въ пустошахъ. До тѣхъ поръ, пока существовала въ дворцовыхъ вотчинахъ барщина и дворцовая запашка, труднѣе составить себѣ понятіе о томъ, какое количество земли находилось въ пользованіи крестьянъ, но, съ уничтоженіемъ этой

запашки, вѣроятно, вся пахатная земля переходила въ пользованіе крестьянъ; безъ сомнѣнія, имъ отдавались и луга, хотя, быть можетъ, часть ихъ и за особую плату, какъ оброчныя статьи. Лѣсомъ они, конечно, не могли распоряжаться по своему усмотрѣнію, но въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ получали достаточное количество лѣсныхъ матеріаловъ, судя по тому, что въ архивныхъ дѣлахъ мы не находимъ никакихъ жалобъ на нужду въ этомъ отношеніи. Изъ описанія тверской губ., составленнаго въ 1783—1784 гг. и основаннаго на данныхъ генеральнаго межеванія, видно, что у тверскихъ дворцовыхъ крестьянъ было „множество земли", „изобиліе въ пашнѣ, въ лѣсѣ и въ другихъ угодьяхъ"; значительное количество лѣса, находившагося въ ихъ владѣніи, давало имъ возможность расчищать себѣ новыя мѣста подъ пашню и сѣнокосъ, и потому здѣсь они были гораздо зажиточнѣе не только помѣщичьихъ, но и экономическихъ крестьянъ [30]). По даннымъ генеральнаго межеванія, въ тверской губ., обмежеванной въ 1776—1781 гг., пахотной земли было въ дворцовыхъ волостяхъ по 5,8 дес., сѣнокосу по 1,8 дес., итого 7,6 дес. на душу мужскаго пола (лѣсу всего здѣсь приходилось по 11,3 дес., а всей земли по 21,3 дес. на душу). Конечно, нельзя считать всю эту землю земельнымъ надѣломъ дворцовыхъ крестьянъ, но, въ виду приведенныхъ выше соображеній, а также и того, что генеральное межеваніе производилось въ Великороссіи почти повсемѣстно въ то время, когда въ дворцовыхъ волостяхъ натуральныя повинности уже были замѣнены денежными оброками, тѣ данныя о количествѣ пахотной и сѣнокосной земли на душу, которыя мы находимъ въ книгахъ межевого архива (такъ называемыхъ „экономическихъ примѣчаніяхъ"), показываютъ, хотя приблизительно, степень земельнаго обезпеченія крестьянъ, причемъ нельзя не принимать во вниманіе и количества всей земли на душу, т. е. со включеніемъ лѣса.

Общій выводъ изъ таблицы по этому предмету, помѣщенной въ приложеніи (см. примѣчаніе 33 къ наст. гл.), сводится къ слѣдующему.

Въ дворцовыхъ волостяхъ нечерноземной Россіи количество пахотной земли колебалось отъ 2,1 до 6 дес. на ревизскую душу мужскаго пола, сѣнокосу отъ ¼ дес. до 1,1 дес. (лѣсу всего на душу въ дворцовыхъ волостяхъ было отъ 2,9 дес. въ псковской губ. до 43 дес. въ новгородской и 54 дес. въ вологодской, а всей земли—отъ 7,3 дес. въ псковской до 64 дес. въ вологод-

ской). Несмотря на большое обиліе всей земли въ дворцовыхъ волостяхъ вологодской губ., размѣръ запашекъ здѣсь былъ не великъ. Сохранились статистическія свѣдѣнія о дворцовыхъ крестьянахъ всей прежней архангельской губ., 1765 г., гдѣ впрочемъ, количество земли было указано еще по писцовымъ книгамъ 1620—1621 гг. На основаніи этихъ данныхъ, въ четвертяхъ шенкурской, подвинской, верховажской и кокшенской и въ уѣздахъ вологодскомъ и галицкомъ въ дѣйствительномъ владѣніи крестьянъ приходилось, въ среднемъ, пашни во всѣхъ трехъ поляхъ 1,3 дес. на душу [31]). Во время генеральнаго межеванія (1782—1796 гг.) въ вологодской губ. (большинство дворцовыхъ крестьянъ находилось въ вельскомъ уѣздѣ) пашни было всего 2,3 дес. на душу, сѣнокосу по 1,1 дес. Но въ другихъ губерніяхъ нечерноземной Россіи количество пахотной и сѣнокосной земли въ дворцовыхъ волостяхъ, какъ мы уже указали, было гораздо болѣе.

Въ черноземной Россіи, въ дворцовыхъ волостяхъ, количество пахотной земли колебалось на душу отъ 3,9 дес. до 7,4 дес., хотя нельзя быть увѣреннымъ, что вся эта земля находилась въ пользованіи крестьянъ и обработывалась ими; сѣнокосу въ орловской, пензенской и курской губерніяхъ было весьма немного (0,2 дес.—0,5 дес. на душу), въ тамбовской—2 дес. и въ воронежской—5,5 дес. (количество лѣса на душу колебалось здѣсь отъ 1/2 дес. въ воронежской до 9,2 дес. въ орловской, а все количество десятинъ на душу было отъ 5,5 дес. въ курской губ. (комарицкая волость) до 16 дес. въ орловской). Для битюцкихъ дворцовыхъ селъ воронежской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія, относящіяся къ половинѣ XVIII в., о количествѣ земли, находившейся въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ. Въ 1756 г. въ этихъ селахъ было 8023 души, которыя владѣли 47666 дес., т. е. въ среднемъ почти по 6 дес. на душу; въ томъ числѣ пашни въ трехъ поляхъ—4 дес., покосу—1,4 дес. и 0,57 дес. лѣсныхъ угодій [32]). Во время генеральнаго межеванія (1782—1796 гг.) въ павловскомъ и бобровскомъ уѣзд. воронежской губ., гдѣ находились такъ называемыя битюцкія села и гдѣ было 7949 душъ мужскаго пола дворцовыхъ крестьянъ, приходилось всей пахотной земли по 7,4 дес., сѣнокосу по 5 дес., лѣсу по 1/2 дес., всего же 15,8 дес. на душу. Хотя, быть можетъ, и не вся эта земля находилась во владѣніи крестьянъ, но размѣры ихъ земельныхъ надѣловъ во время генеральнаго межеванія должны были быть,

конечно, значительнѣе, чѣмъ въ 1756 г., такъ какъ въ 80-хъ годахъ уже не существовало дворцовой запашки [33]).

Совершенно безземельныхъ дворцовыхъ крестьянъ въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія было немного: приписныхъ къ Рижскому и Ревельскому дворцамъ выходцевъ изъ Польши 1192 души мужскаго пола, въ петербургской губ. 879 душъ, „малороссіанъ“ и черкасъ, жившихъ на дворцовыхъ земляхъ въ воронежской и бѣлгородской губ., но числившихся безземельными,—4092 души, всего 6163 души [34]).

Мы указывали, что еще въ XVI—XVII вв. въ дворцовыхъ вотчинахъ Великороссіи (кромѣ поморскихъ уѣздовъ) существовали передѣлы земли. Общинное землевладѣніе продолжало распространяться и развиваться и въ XVIII стол. Съ передѣлами земли связано было и распредѣленіе податей и недоимокъ. Въ Именномъ Указѣ 15 января 1739 г., между прочимъ, сказано: „понеже не безъизвѣстно, что дворцовыхъ и прочихъ всѣхъ... вотчинъ крестьяне, кромѣ помѣщиковыхъ, подушныя деньги платятъ только за себя, выключая самыхъ убогихъ, умершихъ и бѣглыхъ и взятыхъ въ службу, и для того при взысканіи съ нихъ такой доимки будутъ отговариваться, что они за себя платить готовы, а за выбылыхъ не должны, но, такихъ отговорокъ не принимая, разложить доимку на всю вотчину по тягламъ, сколько съ кого, по тяглу (варіантъ: по платежу) и по владѣнію земли придетъ, и править безъ всякаго послабленія, для того, что по прежнимъ состоявшимся указамъ выбылыхъ такими случаями душъ выключать, а напротиву того родившихся къ окладу прибавлять не велѣно, къ тому-жъ такіе пожиточные крестьяне всѣ пустые участки по себѣ раздѣлили и тою землею владѣютъ и прибыль отъ нея получаютъ, а самые убогіе люди и участки свои меньше имѣютъ, чего ради всякъ изъ нихъ по пропорціи земель кто сколько платитъ, также и по пропорціи своихъ пожитковъ и другихъ промысловъ и доимку заплатить должны. Итакъ, когда такимъ образомъ разложено будетъ, ни малѣйшей обиды никому быть не имѣетъ“ [35]). Здѣсь упоминается о передѣлѣ земли по тягламъ, какъ объ общераспространенномъ явленіи, но въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ крестьяне отъ передѣловъ земли по тягламъ переходили къ раздѣлу по душамъ, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра.

Въ 1750 г. въ контору Главной Дворцовой Канцеляріи крестьяне двухъ деревень села Коломенскаго—Новлянской и

Семиврагъ—подали донесеніе, въ которомъ заявили, что крестьяне этихъ деревень владѣютъ пашенною землею, покосами и прочими угодьями, раздѣливъ ихъ между собою по тягламъ. Но „изъ тѣхъ крестьянъ имѣются иные семьянистые на одномъ тяглѣ, а иные и одинокіе, да на дву и на трехъ тяглахъ, къ тому же изъ семьянистыхъ бываетъ отдача въ рекруты, а изъ одинокихъ не бываетъ, отчего семьянистые претерпѣваютъ не малую нужду, а одинокіе противъ ихъ несутъ льготу, да и дворцовые доходы и четырегривенныя деньги сбираются съ душъ, а не съ тяголъ, а для того тѣ означенныхъ ихъ деревень крестьяне *желаютъ показанную землю, и сѣнные покосы, и прочія угодья между собою раздѣлить по душамъ,* о чемъ просили въ коломенской приказной избѣ, отъ которой о раздѣлѣ той земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій по душамъ уравнительно и позволеніе дано, и села Колычева старостѣ... со крестьяны и память дана, по которой онъ, староста, въ тѣ ихъ деревни, Новлянскую и Семиврагъ, и ходилъ, и тое память крестьянамъ объявлялъ, изъ которыхъ крестьянъ нѣкоторые къ раздѣленію той земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій и склонились, а прочіе объявили, что *они безъ указу дворцовой конторы того учинить не смѣютъ,* а въ дворцовыхъ селѣхъ Бесѣдахъ и Колычевѣ таковая же *крестьянская земля и сѣнные покосы и прочія угодья раздѣлены по душамъ же уравнительно,* и требуютъ, чтобы о раздѣлѣ означенной ихъ земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій оныхъ ихъ деревень Новлянской и Семиврагъ между крестьянъ по душамъ уравнительно дать имъ указъ“. Вслѣдствіе этого прошенія, Дворцовая Контора послала въ коломенскую приказную избу приказъ и велѣла ей справиться, справедливы-ли заявленія крестьянъ, и если они подтвердятся, то, по примѣру селъ Бесѣды и Колычева, раздѣлить уравнительно на души на основаніи писцоваго наказа пахотную землю, сѣнные покосы и другія угодья деревень Новлянской и Семиврагъ, такъ какъ они „подушныя деньги и дворцовые доходы и рекрутъ платятъ и всякія работы исполняютъ съ душъ“ [36]).

Межевою инструкціею 1754 г. предписано было смежныя села и деревни „село отъ села, деревня отъ деревни и пустошь отъ пустоши размежевать всѣ порознь“ [37]). Однако, когда началось межеваніе, это оказалось неудобнымъ. Дворцовая Контора справедливо замѣтила, что, если дворцовыя села и деревни будутъ размежеваны порознь, то скоро, съ увеличеніемъ народона-

селенія въ одномъ селѣ и съ уменьшеніемъ въ другомъ, разовьется сильное неравенство въ поземельныхъ владѣніяхъ. Если же остановить „внутреннее межеваніе“, то, на основаніи дворцоваго писцоваго наказа, Дворцовая Канцелярія будетъ имѣть возможность, въ случаѣ надобности, возстановить равенство крестьянскихъ надѣловъ. „Крестьяне дворцовые доходы платятъ уравнительно съ душъ, чего ради — справедливо полагала Дворцовая Контора—и землею должны быть уравнительно-жъ каждое село и деревня по душамъ“ .Вслѣдствіе представленія Дворцовой Конторы, Главная Межевая Канцелярія предложила Сенату, чтобы смежныя дворцовыя села, деревни и пустоши порознь не межевать, а отмежевывать только отъ смежныхъ владѣльческихъ дачъ, уравненіе же земли „по крестьянскимъ тягламъ и по числу душъ рожденныхъ и убылыхъ впредь“ предоставить Дворцовой Канцеляріи и ея Конторѣ. Сенатъ согласился съ этимъ предложеніемъ и приказалъ оповѣстить о своемъ рѣшеніи всѣ дворцовыя волости. Это новое распоряженіе было въ высшей степени важно. Такимъ образомъ, земли нѣсколькихъ смежныхъ селъ и деревень, хотя и находились по частямъ въ пользованіи отдѣльныхъ селеній, но части эти не оставались неизмѣнными, а съ измѣненіемъ численности населенія этихъ деревень могли увеличиваться или уменьшаться вслѣдствіе новаго передѣла между селеніями. Такіе передѣлы не были, впрочемъ, предоставлены добровольному соглашенію самихъ крестьянъ, а должны были совершаться съ вѣдома Дворцовой Канцеляріи или ея Конторы.

Въ сѣверной Россіи, въ тогдашней архангельской губ., въ XVIII в. были весьма значительныя особенности въ крестьянскомъ землевладѣніи [38]). Здѣсь еще въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія дворцовые крестьяне, наравнѣ съ черносошными, продавали другъ другу какъ тяглыя земли, „написанныя по писцовымъ книгамъ за волостьми, а потомъ издревле раздѣленныя по крестьянству“, такъ и „оброчныя, написанныя по тѣмъ же писцовымъ книгамъ точно, поименно за крестьянами“. Межевою инструкціею 1766 г. черносошнымъ крестьянамъ было запрещено продавать и закладывать земли. Хотя при этомъ прямо и не было упомянуто о дворцовыхъ крестьянахъ поморскихъ городовъ, но, вѣроятно, и на нихъ распространялось это запрещеніе. Тою же межевою инструкціею предписывалось, при размежеваніи спорныхъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ владѣній, намѣривать дворцовымъ крестьянамъ по 8 дес. на душу; если же ими были заселены свободныя

казенныя земли, то при достаточномъ количествѣ земли нарѣзать по 15 дес. на душу.

Тамъ, гдѣ у крестьянъ было недостаточно земли, отведенной имъ въ надѣлъ, они арендовали ее у дворцоваго вѣдомства. Въ 1701 г. за оброчныя угодья, „въ числѣ которыхъ могли быть не только земли, но также мельницы, рыбныя ловли и пр.“, въ Приказъ Большого Дворца собиралось 18455 р. (т. е. болѣе 129000 р. на нынѣшнія деньги или, въ среднемъ, около 1 р. нынѣшняго съ каждаго тяглаго крестьянина) [39]).

Въ „Наставленіи губернской дворцовой конторѣ“ 1778 г. были установлены слѣдующія правила объ отдачѣ въ аренду оброчныхъ, или, какъ они тамъ названы, „канцелярскихъ“ статей: 1) Если крестьяне дворцовые и другого вѣдомства будутъ давать одинаковую арендную плату, то непремѣнно отдавать своимъ, особенно если будутъ брать цѣлою волостью или селеніемъ, „канцелярскія“ статьи, принадлежащія къ ихъ собственнымъ, а не къ другимъ селеніямъ. 2) Если крестьяне будутъ брать на откупъ канцелярскую статью другого селенія, а не своего, и давать равную съ посторонними цѣну, а тѣ крестьяне, при чьемъ селеніи состоитъ эта статья, взять ее не пожелаютъ, то и тогда отдавать ее дворцовымъ крестьянамъ, если они просятъ ее на все свое селеніе; а если беретъ одинъ крестьянинъ, то отдавать ему не иначе, какъ если за него поручатся нѣсколько первостатейныхъ крестьянъ его же селенія. 3) Если будетъ отдаваться канцелярская статья въ какой-нибудь волости, и эта волость будетъ давать за нее меньше, чѣмъ посторонній торговецъ, то, если только даваемая крестьянами цѣна будетъ сколько-нибудь превосходить прежнюю, лучше отдавать дворцовой волости, нежели постороннему, хотя бы за плату меньшую на 10 или 20%, такъ какъ всякій хозяинъ долженъ прежде всего заботиться о своихъ крестьянахъ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы волость или селеніе, взявшія на откупъ канцелярскую статью, не отдавали ея въ постороннія руки, и не утверждать подобныхъ договоровъ, а требовать платы всегда съ тѣхъ, кто взялъ оброчную статью на откупъ [40]).

Запретивъ дворцовымъ крестьянамъ продавать ихъ земли, правительство въ томъ же 1766 г. разрѣшило покупать отъ помѣщиковъ къ дворцовымъ волостямъ небольшія населенныя имѣнія, но съ платою не болѣе, какъ по 30 р. за душу. Такія пріобрѣтенія дѣлались не только на деньги дворцовыхъ крестьянъ,

но также и на счетъ казны, т. е. дворцоваго вѣдомства. Въ послѣднемъ случаѣ крестьяне за каждую купленную десятину вносили въ казну по 1 р. 25 к. оброку. Въ 1788 г. это право было распространено на всѣхъ государственныхъ крестьянъ. Мы говорили уже выше, что оно давало возможность дворцовымъ крестьянамъ сдавать вмѣсто себя рекрутъ изъ пріобрѣтенныхъ ими деревень, и потому при этомъ не обходилось безъ злоупотребленій. Дворцовые крестьяне стали пріобрѣтать иногда по одной, по двѣ души съ самымъ ничтожнымъ количествомъ земли; покупки эти, очевидно, были совершаемы исключительно въ видахъ замѣны при исполненіи ими рекрутской повинности. Когда это дошло до свѣдѣнія Сената, то въ изданномъ имъ Указѣ было замѣчено, что крестьянамъ дозволено покупать небольшія смежныя деревни съ землями, а не по одной семьѣ изъ большихъ селеній, и что, пріобрѣтая такимъ образомъ по одной, по двѣ души, они нарушаютъ Указъ 1770 г., которымъ именно для того было запрещено принимать въ рекруты вмѣсто крестьянъ вольныхъ людей, чтобы эта замѣна не подала повода къ продажѣ людей, не дозволявшейся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ начала рекрутскаго набора. Поэтому Сенатъ приказалъ казеннымъ палатамъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы казенныя селенія покупали смежныя съ ними деревни, а никакъ не отдѣльныхъ крестьянъ съ небольшими участками земли или даже вовсе безземельныхъ [41]).

Дворцовое Управленіе переселяло иногда крестьянъ изъ одного мѣста въ другое. Такъ, въ 1701 г. изъ ростовскаго, ярославскаго, костромскаго и пошехонскаго уѣздовъ переселено было на р. Битюкъ (въ нынѣшней воронежской губерніи) 1021 дворъ дворцовыхъ крестьянъ, въ которыхъ было 4919 человѣкъ обоего пола; затѣмъ черезъ три года переселено было туда же изъ балахнинскаго, костромскаго, суздальскаго, владимірскаго и переяславль-залѣскаго уѣздовъ 998 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ [42]).

Изъ дворцовыхъ волостей при Петрѣ Великомъ производились переселенія также въ Ингерманландію. Въ 1715 г. Петръ Великій далъ Московскому Приказу Большого Дворца именное повелѣніе. чтобы изъ дворцовыхъ волостей выбрать изъ 16062 дворовъ 200 дворовъ крестьянъ, сообразуясь съ переписными книгами 1678 г., и высылать въ Сарскую мызу Государыни Екатерины Алексѣевны (въ Ингерманландіи) съ 82 дворовъ одинъ дворъ; въ томъ числѣ вывести 19 дворовъ изъ дворцовыхъ пашенныхъ крестьянъ села

Данилова (съ 1572 дворовъ), а изъ непашенныхъ бобылей—вдовъ и которые по міру бродятъ (съ 382 дворовъ) для переселенія не брать, такъ какъ по Указу Государя велѣно взять съ волостей пашенныхъ крестьянъ добрыхъ, нескудныхъ и семьянистыхъ. Поэтому изъ Приказа Большого Дворца посылались нарочные служилые люди съ указами для выбора семействъ помноголюднѣе и позажиточнѣе, а изъ нихъ уже по жребію избиралось назначенное съ каждой волости число семействъ для отправленія въ Сарскую мызу на вѣчное житье. Переселеніе это продолжалось съ 1715 по 1726 годъ. За это время всего изъ дворцовыхъ волостей было переселено 204 двора. На каждый дворъ давали на дорогу подмоги по 5 р. и по 2 мірскія подводы. Переселяемые приводили съ собою своихъ лошадей и весь домашній скотъ и забирали всѣ свои пожитки; дома свои они или сами продавали, если было кому покупать, или предоставляли продажу ихъ мѣстному начальству, которое пересылало вырученныя деньги въ Сарскую мызу. Изъ прежняго мѣста жительства переселяемыхъ отправляли со стряпчими или наказными и съ отписью, памятью или пропускомъ, въ которыхъ, между прочимъ, прописывалось, чтобы на мостахъ, перевозахъ и постояхъ съ нихъ нигдѣ не требовали мостовщины, перевознаго и постоялаго, потому что они посланы по Указу Великаго Государя.

По прибытіи въ мызу Сарскую, переведенныхъ крестьянъ или поселяли цѣлыми семействами въ домахъ, если они были готовы, и надѣляли пахотною землею и сѣнокосами, смотря по количеству работниковъ, или до того времени, пока будутъ готовы дома, строившіеся для нихъ казною, размѣщали у прежде водворенныхъ переселенцевъ или у мѣстныхъ маймистовъ. Съ прибытія въ вѣдомство Сарской мызы и до окончательнаго обзаведенія и уборки хлѣба собственнаго посѣва, т. е. въ теченіе цѣлаго года и болѣе, они ежемѣсячно получали казенный паекъ: на каждаго человѣка по 2 четверика муки или ржи и по малому четверику (*капь*, мѣрѣ около $1^1/_2$ гарнца) ячменя или крупъ и не наряжались ни въ какія работы. Для постройки каждой новой избы съ необходимыми дворовыми строеніями (по одинаковому для всѣхъ образцу) назначалось отъ казны опредѣленное количество бревенъ, досокъ и кирпича, а на крючки, петли, скобы, задвижки и прочія желѣзныя принадлежности выдавалось каждому переселяемому семейству изъ казны по 16 алтынъ 4 деньги; сверхъ того, давали сѣмяна на озимый и яровой посѣвъ;

обѣднѣвшіе же по какому-либо неизбѣжному или печальному случаю снабжались отъ казны деньгами заимообразно, а часто и безвозвратно.

Такъ какъ у переселенцевъ на прежнихъ ихъ жилищахъ оставался еще на корню прежде посѣянный озимый хлѣбъ, то осенью въ первый годъ для сбора его отпускали по одному человѣку изъ семейства на прежнее мѣстожительство, а для обезпеченія ихъ исправнаго возвращенія они обязывались самыми вѣрными поруками. Убравъ посѣянный хлѣбъ, они возвращались опять въ свои новыя жилища и оставались уже тамъ навсегда, превратившись изъ крестьянъ дворцовыхъ въ государевыхъ (см. ниже). Впрочемъ, нѣкоторыя семейства, принадлежавшія къ вѣдомству мызы Сарской, были оставлены, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на прежнихъ мѣстахъ жительства, платили наложенный на нихъ оброкъ, присылая его въ казну села Сарскаго, и получали опять паспорты на годъ для проживанія въ своихъ деревняхъ. Въ 1732 г. такихъ считалось всего 26 душъ обоего пола. Въ 1779 г. всѣхъ этихъ крестьянъ велѣно было причислить къ дворцовымъ деревнямъ по мѣсту ихъ жительства и обложить ихъ сборами наравнѣ съ дворцовыми [43]).

Распоряженіе о переселеніи крестьянъ вызывало иной разъ ихъ неудовольствія, и бывали случаи, что такое приказаніе отмѣнялось [44]).

Мы имѣемъ нѣсколько официальныхъ свидѣтельствъ о тяжеломъ положеніи дворцовыхъ крестьянъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія; мы уже приводили выше одно частное указаніе такого рода (1726 г.) относительно Александровой слободы московской губерніи, но есть и гораздо болѣе общія указанія. Вотъ напр., какъ начинается инструкція, которая выдавалась изъ Дворцовой Канцеляріи съ 1725 по 1731 годъ посылаемымъ въ дворцовыя волости управителямъ: „Понеже блаженныя памяти его императорское величество“ (Петръ Великій) „всемилостивѣйше благоизволилъ усмотрѣть тягости и нестроеніе, купно же и разореніе своихъ императорскаго величества дворцовыхъ городовъ и слободъ и волостей, и селъ, и деревень, какъ въ оныхъ отъ прежнихъ управителей и отъ постороннихъ командъ, отъ командировъ по нападкамъ крестьяне и бобыли, и рыбные ловцы, и сокольи помытчики и наличные всякіе во оныхъ дворцовыхъ городѣхъ, и слободахъ, и волостѣхъ, и селѣхъ, и деревняхъ жители разорены и въ сущее оскудѣніе и во многую пустоту

приспѣли, того ради благоволилъ всѣ тѣ дворцовые городы и слободы, и волости, и села, и деревни, изъ всякихъ разныхъ командъ собравъ, соединить по прежнему маниру подъ одну протекцію дворцовой команды, дабы никакія постороннія команды, ревнуя прежнимъ налогамъ и тягостямъ, обидъ онымъ и разоренія не чинили" [45]). Но одно учрежденіе Главной Дворцовой Канцеляріи (см. ниже), конечно, не поправило еще положенія дворцовыхъ крестьянъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Императрицы Анны Іоанновны къ оберъ-гофмейстеру С. А. Салтыкову (26 ноября 1734 г.). „Извѣстно намъ, что всѣ наши дворцовыя волости разорены и въ худомъ состояніи находятся отъ несмотрѣнія дворцовой канцеляріи и безпутныхъ приказчиковъ, начало-же всему тому бездѣльникъ Раевской, отчего въ нашихъ дворцовыхъ доходахъ и въ подушныхъ деньгахъ, тако-же и въ рекрутахъ великія недоимки учинились, какъ и самъ ты нынѣ писалъ, что на иныхъ волостяхъ однихъ подушныхъ денегъ тысячъ по сороку и больше, а въ разореніе на нѣкоторыхъ приказчиковъ и въ Сенатъ челобитіе уже было, о чемъ и розыскивать дворцовой канцеляріи уже велѣно. Мы того оставить и къ большему разоренію тѣхъ волостей допустить отнюдь не можемъ, и для того все то взыскано и доправлено будетъ, чрезъ кого то произошло" [46]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ 1734 г., какъ увидимъ, былъ сильный неурожай.

Съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ, вѣроятно, вслѣдствіе перевода крестьянъ на оброкъ, ихъ положеніе стало поправляться, и путешественники екатерининскаго времени, какъ напр., Н. Рычковъ, свидѣтельствуютъ о зажиточности нѣкоторыхъ прикамскихъ дворцовыхъ селъ, напр., Сарапуля, крестьяне котораго имѣли кожевенные и мыльные заводы, пильныя мельницы, занимались торговлею хлѣбомъ, ремеслами, а также и земледѣліемъ [47]).

Нужда дворцовыхъ крестьянъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія особенно обострялась въ случаѣ неурожаевъ, и тогда за ними накоплялась значительная недоимка [48]).

Уже Петръ Великій, а затѣмъ и Анна Іоанновна думали вообще объ устройствѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на случай неурожаевъ; кое-что съ этой цѣлью и было сдѣлано [49]), но серьезныхъ мѣръ въ этомъ направленіи принято не было. 10-го марта 1765 г. Императрица Екатерина II дала слѣдующій Именной Указъ Главной Дворцовой Канцеляріи: „деревенская экономія

требуетъ, чтобъ, для непредвидѣннаго случая, имѣть въ готовности хлѣбной капиталъ, достаточный для снабдѣнія тѣмъ въ нуждѣ своихъ поселянъ. Ибо кто не имѣетъ такого запаснаго капитала, тотъ, по неизвѣстности о будущемъ урожаѣ, не инако какъ съ ненадежностью и страхомъ на послѣдующій годъ взираетъ, и въ случаѣ недорода хлѣба крестьянъ своихъ или совершенно разоренными видѣть, или ихъ съ великимъ себѣ убыткомъ чрезъ цѣлый годъ кормить принужденъ. Съ удовольствіемъ слышимъ мы о истинной экономіи нѣкоторыхъ нашихъ дворянъ, которые въ каждый годъ оставляютъ у себя столько хлѣба, сколько на сѣмена, а въ нуждѣ и на прокормленіе крестьянъ потребно, и не прежде оный въ продажу употребляютъ, пока столько-же на предбудущій годъ запасутъ. Если такая-же экономія заведена и въ нашихъ вѣдомства оной (дворцовой) канцеляріи вотчинахъ, то намъ сіе весьма пріятно; если-же того понынѣ въ употребленіи не было, то повелѣваемъ отнынѣ стараться въ каждой деревнѣ завести такіе магазины, въ коихъ-бы всегда на цѣлый годъ запаснаго хлѣба хранилось, перемѣняя оный каждый годъ новою жатвою, дабы тѣмъ въ случаѣ совершенной нужды крестьянъ прокормить и до конечнаго разоренія не допустить можно было. Какіе-же въ заведеніи такихъ магазиновъ успѣхи будутъ, о томъ имѣетъ намъ оная канцелярія чрезъ каждые полгода рапортовать"... [50]). Тѣмъ не менѣе и послѣ того дворцовые крестьяне страдали отъ недостатка хлѣба вслѣдствіе неурожаевъ [51]).

Въ 1775 г. гофмейстеръ И. П. Елагинъ предписалъ Главной Дворцовой Канцеляріи и Петербургской ея Конторѣ собирать съ дворцовыхъ волостей, съ начала 1775 г., на устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для ссуды крестьянамъ въ случаѣ нужды, по гарнцу ржи и ярового хлѣба; сборъ должны были производить выборные и старосты подъ присмотромъ дворцовыхъ конторъ; затѣмъ въ 1778 г. было предписано раздавать собранный хлѣбъ на сѣмяна и пропитаніе нуждающимся крестьянамъ, съ тѣмъ чтобы они возвращали его послѣ перваго урожая съ наддачею по получетверику на четверть (т. е. 6%), „такъ какъ и въ прочихъ дворцовыхъ волостяхъ сія раздача изъ магазейновъ происходитъ, но съ такою предосторожностью", чтобы за каждаго, взявшаго взаймы, было два надежныхъ поручителя [52]).

Въ виду значительнаго накопленія нищихъ, въ 1775 г. былъ данъ Именной Указъ Главной Дворцовой Канцеляріи (а также и Коллегіи Экономіи) съ воспрещеніемъ просить милостыню въ горо-

дахъ и по большимъ дорогамъ подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, какъ напр., называя себя увѣчными, или погорѣльцами, или по случаю падежа скота, такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ имъ слѣдовало обращаться съ просьбами къ своему начальству, которое послѣ надлежащаго разсмотрѣнія и можетъ оказать имъ помощь, соразмѣрную ихъ убыткамъ. Просящихъ милостыню дозволялось ловить и приводить въ учрежденные въ Москвѣ работные дома, а съ управителей, выборныхъ старостъ и сотскихъ тѣхъ волостей, откуда родомъ захваченные нищіе, взыскивать по 2 р. за каждаго пойманнаго дворцоваго крестьянина, женщину или ребенка, и деньги эти употреблять на содержаніе работныхъ домовъ [53]).

Въ „Наставленіи губернской (дворцовой) конторѣ" на обязанность головы возлагался присмотръ за тѣмъ, чтобы всякое селеніе прокармливало своихъ нищихъ и убогихъ, т. е. чтобы ихъ кормило или семейство, или общество. Для людей старыхъ, неимѣющихъ дѣтей и близкихъ родственниковъ, и для дѣтей, лишенныхъ отцовъ и матерей, конторѣ разрѣшалось построить на крестьянскій счетъ въ селахъ, гдѣ есть церкви, небольшіе домики, въ которыхъ нуждающіеся въ призрѣніи могли жить, получая отъ міра пропитаніе и одежду. Дѣтей, когда они подростутъ, предписывалось раздавать зажиточнымъ крестьянамъ въ работники, съ тѣмъ чтобы хозяева платили за нихъ всѣ поборы до тѣхъ поръ, пока они сами не сядутъ на тягло [54]).

Въ XVII в., какъ мы видѣли, почти всѣми дворцовыми вотчинами управлялъ Приказъ Большого Дворца. Въ 1703 г. было создано новое учрежденіе на дворѣ кн. Меншикова въ Семеновскомъ, которое начало дѣйствовать въ слѣдующемъ году и которому поручена была переоброчка казенныхъ статей. По имени своего начальника, губернатора ижерской земли, кн. Меншикова, учрежденіе это называлось сперва ижерскою канцеляріею, а съ 1705 г. получило офиціальное названіе ингерманладской канцеляріи. Въ томъ же 1705 г. въ составѣ ижерскихъ канцелярій появилась „канцелярія дворцовыхъ дѣлъ", въ которую велѣно было передать сборы съ дворцовыхъ волостей.—9-го января 1705 г. былъ данъ слѣдующій Указъ: „дворцовые городы и въ нихъ наряды и всякіе полковые запасы и дворцовыя въ московскомъ и городовыхъ уѣздахъ волости и слободы, и села, и деревни и въ нихъ крестьянъ и всякихъ жителей..., которые были вѣдомы въ Приказѣ Большого Дворца, съ нынѣшняго

1705 г. расправою и всякими платежами и сборами окладными и неокладными и во всемъ вѣдать въ ингерманландской дворцовыхъ дѣлъ канцеляріи губернатору А. Д. Меншикову". Вскорѣ послѣ учрежденія губерній, а именно въ 1709 г., Государь приказалъ передать дворцовые города, волости, села, слободы и деревни, со всякими съ нихъ доходами, изъ ижерской канцеляріи, по губерніямъ, въ вѣдѣніе губернаторовъ. Вслѣдъ затѣмъ, ижерская канцелярія въ Москвѣ потеряла всякое значеніе и прекратила свое существованіе; при этомъ Приказъ Большого Дворца сохранилъ въ своемъ завѣдываніи ту часть дворцовыхъ владѣній, которая оказалась въ составѣ московской губ. Но въ послѣдній періодъ реформы центральное управленіе дворцовыми волостями, раздробившееся между губерніями, было вновь возстановлено. 16-го января 1721 г. Петръ Великій повелѣлъ „дворцовыя и конюшенныя деревни вручить одному въ Москвѣ". Сенатъ по этому распоряженію приказалъ вѣдать эти деревни, кромѣ приписанныхъ въ Петербургѣ къ дому Государя и Государыни, Баскакову въ Москвѣ, съ тѣмъ чтобы онъ состоялъ въ вѣдѣніи Камеръ-Коллегіи [55]). Распоряженіемъ 12-го августа 1724 г. сборы съ дворцовыхъ волостей, которые собирались во Дворецъ, кромѣ подушнаго сбора, переданы были въ непосредственное завѣдываніе Дворцовой Канцеляріи, помимо Штатсъ-Конторы. [56]). До 1746 г. Дворцовая Канцелярія находилась въ Москвѣ, а въ Петербургѣ была ея контора; но затѣмъ эти учрежденія перемѣнились мѣстами [57]). Для дворцовыхъ крестьянъ Дворцовая Канцелярія стала съ 1725 г. высшею судебною инстанціею по гражданскимъ дѣламъ между ними самими, а также въ тѣхъ дѣлахъ съ посторонними, гдѣ они являлись отвѣтчиками; когда же они были истцами, то должны были бить челомъ на постороннихъ тамъ, гдѣ ихъ „соперники вѣдомы". По уголовнымъ же дѣламъ, на основаніи инструкціи губернаторамъ и воеводамъ 1725 г., они судились у губернатора съ товарищами, а въ уѣздныхъ городахъ у воеводъ.

Изъ инструкціи управляющимъ дворцовыхъ волостей (1731 г.) видно, что, кромѣ Петербургской Дворцовой Конторы, существовали также Казанская и Воронежская Конторы.

Съ учрежденіемъ по губерніямъ казенныхъ палатъ и директоровъ домоводства (въ 1775 г.), имъ было передано управленіе и дворцовыми крестьянами. Вслѣдствіе этого, въ 1786 г. Главная Дворцовая Канцелярія и ея Московская Контора были уничтожены, а дѣла, оставшіяся въ ихъ вѣдѣніи, были переданы въ Придворную Кон-

тору; доходы же, собираемые казенными палатами съ крестьянъ, предписано было отсылать въ Государственное Казначейство, а оттуда въ Придворную Контору, „дабы по двору въ нужныхъ его расходахъ не произошло остановки“ [58]).

Дворцовыя волости въ началѣ XVIII вѣка управлялись приказчиками, а затѣмъ управителями; это послѣднее названіе употребляется уже въ 1725 г. [59]), когда была составлена инструкція управителямъ. Въ 1731 г. была разослана новая инструкція. По инструкціи 1731 г., за худую обработку государевой десятинной пашни управители могли нещадно наказывать крестьянъ батогами. Они должны были также наблюдать, чтобы крестьяне не производили самовольно семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ раздѣленіе прежнихъ тяголъ дѣлаютъ съ цѣлью уклоненія отъ рекрутскихъ и матросскихъ наборовъ, а между тѣмъ раздѣлы эти приводятъ ко „всеконечному разоренію“. Стѣсненіе раздѣловъ привело къ тому, что у дворцовыхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка семьи были крупнѣе, чѣмъ у экономическихъ (принадлежавшихъ прежде духовенству) [60]). Если гдѣ крестьянская тяглая пашня запустѣетъ отъ выморочныхъ и бѣглыхъ крестьянъ,—сказано далѣе въ инструкціи управителямъ,—то ее слѣдовало разложить съ соотвѣтственными платежами на жилыя крестьянскія тягла; если же кто запустошилъ тяглую землю безъ основательныхъ причинъ, а желая только избавиться отъ платежей, тѣмъ производить наказаніе по разсмотрѣнію. Управителямъ дворцовыхъ волостей предписывалось не обижать крестьянъ, не брать съ нихъ взятокъ и довольствоваться назначеннымъ жалованьемъ подъ угрозою наказанія; они также не должны были посылать мастеровыхъ и рабочихъ на свои собственныя работы. Если же управители станутъ причинять крестьянамъ какія-либо обиды, то на нихъ слѣдовало бить челомъ: жителямъ петербургской и новгородской губерній—Дворцовой Конторѣ въ Петербургѣ, казанской и воронежской губерній — въ мѣстныхъ дворцовыхъ конторахъ, нижегородской губерніи — управителю толоконцовской волости, а дворцовымъ крестьянамъ остальныхъ губерній бить челомъ въ Главной Дворцовой Канцеляріи. Въ случаѣ жалобъ на управителей челобитчикамъ должно было „отъ всѣхъ крестьянъ давать выборы за руками и въ тѣхъ выборахъ, о чемъ бить челомъ и что на неминутые расходы денегъ дано будетъ, писать именно“ [61]). Генералъ-директору барону Розену въ 1735 г. было предписано строго наказывать управителей, ока-

завшихся виновными во взяткахъ, такъ какъ они получаютъ достаточное денежное и хлѣбное жалованье. Если за ними окажется вина, неподлежащая смертной казни, то такихъ онъ долженъ былъ наказывать своею властью—при собраніи крестьянъ нещадно бить кнутомъ или кошками, смотря по винѣ, и, отобравъ его пожитки, возвратить тѣмъ, съ кого онъ что-либо взялъ; о тѣхъ же, которые будутъ достойны смертной казни, присылать приговоры для конфирмаціи [62]). Въ 1738 г. велѣно было опредѣлять въ управители изъ отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и изъ дворянъ. Оказалось, однако, что Дворцовая Канцелярія опредѣлила въ подвѣдомственныя ей волости управителей не только изъ дворцовыхъ служителей и разночинцевъ, но и изъ холопей, „записывая ихъ въ дворцовые чины, людей самыхъ убогихъ, которые... не о управленіи по должности своихъ дѣлъ старались, но только собственной своей прибыли искали, и крестьянъ излишними, сверхъ указовъ, сборами и грабежомъ, и взятками въ конецъ разоряли“, такъ что на этихъ управителяхъ оказался начетъ болѣе 100000 р. Вслѣдствіе этого, велѣно было съ 1741 г. опредѣлять на эти мѣста отставныхъ офицеровъ изъ дворянъ, имѣвшихъ достаточное пропитаніе съ своихъ деревень [63]).

Крестьяне важескихъ дворцовыхъ волостей били челомъ въ ноябрѣ 1739 г. въ Главной Дворцовой Канцеляріи о томъ, чтобы, въ виду незаконныхъ съ нихъ поборовъ, въ которыхъ оказались повинными дворцовые управители, за что они и вызваны были къ слѣдствію въ Москву съ передачею управленія выборнымъ лучшимъ крестьянамъ (по одному въ каждой четверти), впредь къ нимъ управителей болѣе не присылали. Важескіе крестьяне указывали на то, что съ 1700 по 1705 гг. ими управляли выборные лучшіе люди, которые правили вмѣсто воеводъ и писались бурмистрами и собирали всякіе государственные сборы и производили судъ и расправу; крестьяне просили, чтобы и теперь у нихъ были выборные на годъ лучшіе люди или, какъ бываютъ воеводы, на 2 года съ перемѣною „мірскими выборами“, а именно: въ шенкурской и подвинской четвертяхъ—одному, а другому—въ верховажской и кокшинской, всего—двумъ человѣкамъ, и чтобы одному изъ нихъ быть бургомистромъ, а другому, „какъ и въ древнихъ годѣхъ имѣлось“,—бурмистромъ. Крестьяне прибавляли, что „обидъ и нападковъ и приметокъ отъ нынѣшнихъ опредѣленныхъ выборныхъ крестьянъ нынѣ не имѣется и впредь быть не чаямо, для того, что они, выборные, изъ тѣхъ же крестьянъ

и обидъ чинить таковымъ же подобнымъ имъ крестьянамъ опасны". Однако, просьба крестьянъ исполнена не была, и къ нимъ былъ назначенъ управителемъ асессоръ Тетеринъ [64]).

Злоупотребленія важескихъ управителей продолжались и позднѣе. По свидѣтельству архангельскаго губернатора (1765 г.), крестьянами подано было много жалобъ на управителей (ихъ было два) о взяткахъ и притѣсненіяхъ, такъ что Сенатъ, по его представленію, приказалъ Дворцовой Канцеляріи произвести слѣдствіе. Губернаторъ утверждалъ, что крестьяне, несмотря на умѣренность ихъ платежей въ казну и въ дворцовое вѣдомство, находятся „весьма въ посредственномъ состояніи" и, судя по ихъ жалобамъ, можно полагать, что, вслѣдствіе взятокъ управителей, они и не могутъ прійти въ лучшее состояніе; съ другой же стороны, губернаторъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы управители, получая малое жалованіе, могли прожить имъ однимъ, ничѣмъ не корыстуясь отъ крестьянъ [65]). Мы не знаемъ, какое жалованье было опредѣлено важескимъ управителямъ, но управитель арзамасской волости получалъ въ 1763 г. 250 р., а другому дворцовому управителю (изъ камеръ-лакеевъ) въ томъ же году было назначено жалованье въ 125 р., что по тогдашней цѣнности денегъ было вовсе не мало [66]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь дворцовый крестьянинъ или нѣсколько человѣкъ подавали жалобу на притѣсненія управителя, во избѣжаніе мести со стороны послѣдняго, ихъ освобождали отъ суда и расправы этого управителя и предоставляли вѣдать ихъ старостѣ и выборнымъ крестьянамъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ сѣверной Россіи [67]).

Въ 1765 г. всѣхъ дворцовыхъ управительствъ въ Россіи было 62. Число крестьянъ, составлявшихъ одно управительство, было весьма различно: въ составъ его входили то одна, то нѣсколько волостей. Въ одной волости московской губерніи, составлявшей особое управительство, было всего 85 душъ, въ другой—152 д.; но гораздо чаще были управительства по нѣсколько тысячъ душъ. Во главѣ каждаго управительства стоялъ управитель [68]).

Въ 1774 г. управители въ дворцовыхъ волостяхъ были уничтожены; крестьяне должны были впредь управляться старостами и выборными, а въ видѣ посредствующихъ инстанцій между крестьянскими волостями и Главною Дворцовою Канцеляріею съ

ся конторою были учреждены управительскія конторы въ семи мѣстахъ: въ тамбовской провинціи, бѣлгородской, смоленской и нижегородской губерніяхъ, казанской и астраханской (для послѣднихъ двухъ одна контора), въ архангельской и новгородской губерніяхъ. Онѣ были учреждены, по примѣру экономическихъ правленій, „для прекращенія крестьянскихъ волокитъ и происходящаго отъ того разоренія, въ разсужденіи собственныхъ ихъ между собою личныхъ и между двухъ деревень или селъ общихъ ссоръ". Управительскія конторы должны были стараться размножать хлѣбопашество, во время собирать и доставлять въ Дворцовую Канцелярію оброки, удерживать крестьянъ отъ „нахальнаго житія" съ сосѣдями и защищать ихъ самихъ отъ обидъ. При разборѣ ссоръ между крестьянами, управительскія конторы должны были устроивать такъ, чтобы каждый изъ спорящихъ выбиралъ по одному судьѣ изъ своихъ товарищей, которые въ присутствіи головы или старосты и рѣшали дѣло „на подобіе третейскаго суда". Управительскія конторы должны были также заботиться о полюбовномъ размежеваніи крестьянъ съ посторонними. Онѣ судили и мирили крестьянъ въ ихъ домашнихъ ссорахъ, а также разсматривали ихъ жалобы на постороннихъ и, если онѣ были законны, входили съ прошеніями въ общія учрежденія [69]). Нѣкоторые изъ служащихъ въ этихъ конторахъ оказались, однако, еще хуже прежнихъ управителей [70]).

Въ 1778 г. Главная Дворцовая Канцелярія разослала „Наставленіе губернской дворцовой конторѣ", изъ котораго мы уже приводили нѣкоторыя правила. Въ этомъ же Наставленіи крестьянъ, которые вели „самую распутную жизнь", т. е. не занимались прилежно хлѣбопашествомъ и не уплачивали безъ недоимокъ наложенные на нихъ сборы, предписывалось отдавать для работъ зажиточнымъ крестьянамъ съ обязательствомъ платить за нихъ всякія подати; а отдаваемаго велѣно было обязать подпискою, чтобы онъ былъ всегда въ послушаніи своему хозяину и безъ его вѣдома никуда не отлучался. Такимъ „распутнымъ" крестьянамъ запрещалось давать паспорта для отправленія въ отхожіе промыслы и предписывалось стараться принуждать ихъ къ хлѣбопашеству и, въ случаѣ надобности, давать имъ въ ссуду хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ, а „первостатейные крестьяне" должны были присматривать, чтобы получившіе ссуды не оставили безъ обработки своей земли. Совершенно неисправимыхъ предписывалось отдавать въ рекруты безъ очереди за семейство такихъ крестьянъ,

которые „прочны въ крестьянствѣ“, однако не иначе, какъ „съ согласія всѣхъ поселянъ того жительства или всей волости“ и съ тѣмъ, чтобы тотъ крестьянинъ, за семейство котораго онъ отданъ будетъ въ рекруты, платилъ въ общество всякія подати за него до ревизіи. Крестьянъ немолодыхъ лѣтъ, которые, слѣдовательно, уже не годились въ рекруты, предписывалось отдавать на поселеніе, съ согласія крестьянскаго общества, съ зачетомъ за рекрутъ, „если они будутъ приняты“.

Раскладка повинностей и управленіе домашними дѣлами крестьянъ были предоставлены мірскимъ сходамъ и выбираемымъ ими властямъ. При учрежденіи управительскихъ конторъ въ 1774 г., какъ мы уже упоминали, были уничтожены управители, и тогда управленіе домашними дѣлами крестьянъ осталось исключительно въ рукахъ ихъ выборныхъ властей [71]).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, по офиціальнымъ свидѣтельствамъ, экономическое положеніе дворцовыхъ крестьянъ было весьма печально. Однако, по мѣрѣ того, какъ натуральныя повинности замѣнялись денежнымъ оброкомъ, дворцовые крестьяне все болѣе сближались съ казенными, и экономическое положеніе большинства дворцовыхъ волостей сдѣлалось, сравнительно, весьма недурнымъ; но что часть крестьянъ жила очень бѣдно, это видно изъ изложеннаго выше доклада Дворцовой Канцеляріи Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1768 г. Какъ мы уже упоминали, денежные оброки дворцовыхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка были умѣреннѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ.

Волненій дворцовыхъ крестьянъ почти вовсе не было, и извѣстные намъ случаи ихъ ослушанія властямъ ничтожны, сравнительно съ волненіями помѣщичьихъ, монастырскихъ и особенно горнозаводскихъ крестьянъ [72]).

Мы видѣли, какія крупныя пожалованія вотчинъ и помѣстьевъ были произведены изъ дворцовыхъ волостей съ 1682 по 1710 гг. И послѣ того, пожалованія населенныхъ имѣній дѣлались, между прочимъ, изъ дворцовыхъ волостей, хотя въ первую половину XVIII в. всего чаще пожалованія производились изъ отписныхъ имѣній. Упомянемъ о нѣкоторыхъ крупныхъ пожалованіяхъ. Въ 1712 г. кн. Кантемиру было пожаловано 1000 дворовъ изъ комарицкихъ волостей [73]). Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны въ 1730 г. генералъ-фельдмаршалу кн. М. М. Голицыну было дано изъ дворцовыхъ и конюшенныхъ вотчинъ въ можайскомъ уѣздѣ 4000 душъ, гр. Андрею Остерману—въ Лиф-

ляндіи 67 гаковъ [74]), въ 1731 г. оберъ-гофмейстеру Семену Салтыкову—изъ дворцовыхъ и отписныхъ 800 дворовъ. Въ царствованіе Петра III, въ 1761—1762 гг., было пожаловано всего изъ дворцовыхъ болѣе 6000 душъ, а въ царствованіе Императрицы Екатерины II изъ дворцовыхъ волостей Великороссіи всего около 36000, да въ Бѣлоруссіи 22500 душъ мужскаго пола (въ томъ числѣ мѣстечко Кричевъ — 13674 души, пожалованное Потемкину).

Дворцовыя имѣнія и мызы раздавались не только въ потомственное владѣніе, но и въ аренду. Императоръ Петръ III, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1762 г., приказалъ дворцовыхъ мызъ и деревень въ аренду никому не отдавать; но при Екатеринѣ II дворцовыя имѣнія вновь стали отдавать въ аренду [75]).

Глава II.

Государевы крестьяне въ XVIII в.

Имѣнія Членовъ Царской Фамиліи при Петрѣ Великомъ и послѣ него до конца XVIII в.—Численность государевыхъ крестьянъ.—Сборы съ нихъ и повинности деньгами и натурою.—Государственныя подати и повинности.—Раскладка платежей.—Крестьянское землевладѣніе.—Проекты введенія подворнаго землевладѣнія.—Переселенія.—Продовольствіе крестьянъ.—Количество скота.—Семейные раздѣлы.—Больницы, богадѣльни и школы.—Наказанія крестьянъ.—Центральное и мѣстное управленіе.—Крестьянскія волненія.—Пожалованія изъ государевыхъ вотчинъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ существовала особая группа дворцовыхъ селъ, которыя были приписаны къ селу Измайлову, любимой лѣтней резиденціи Царя, и вѣдались одно время въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, но тѣмъ не менѣе продолжали носить названіе дворцовыхъ. Напротивъ, при Петрѣ Великомъ произошло выдѣленіе изъ общей массы дворцовыхъ селъ и волостей извѣстнаго количества вотчинъ, отданныхъ Членамъ Царской Фамиліи въ ихъ непосредственное распоряженіе.

Въ 1708 г. Петръ Великій подарилъ своей женѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ копорскомъ уѣздѣ, въ Ингерманландіи, 6 мызъ—Сарскую (впослѣдствіи Царское Село), Пурколовскую (впослѣдствіи Пулковская мыза), Славянскую, Антельскую, Кононовскую и Мозинскую. Во всѣхъ этихъ мызахъ, по межеванію 1711 г., оказалось 95 деревень, 182 двора крестьянскихъ и 18 бобыльскихъ, земли 21754 дес. и лѣсу общаго имъ всѣмъ, поверстнаго на десять лѣтъ [1]). 9-го іюля 1712 г. Именнымъ Указомъ были опредѣлены на обиходъ Царя, Царицы и Царевны дворцовыя волости новгородскаго и псковскаго уѣздовъ; прежніе дворцовые окладные денежные и хлѣбные доходы и столовые запасы, съ нихъ собираемые, приказано было вѣдать „къ тѣмъ волостямъ“, а „другіе доходы, которые со всего государства положены“, собирать въ петербургскую губ. Такимъ образомъ, были отдѣлены сборы на обиходъ Царскаго Семейства отъ государственныхъ по-

датей [2]). Петръ Великій считалъ себя помѣщикомъ 800 душъ въ новгородской губ. и въ своей частной жизни сообразовался съ небольшими доходами, получавшимися съ этого имѣнія. Въ 1713 г. Государь приказалъ вотчины окольничаго Козьмы Патрикѣева въ нижегородскомъ и другихъ уѣздахъ приписать къ дворцовымъ волостямъ, и быть этимъ вотчинамъ за Царевною Анною Петровною [3]). Въ томъ же году было повелѣно дворцовой Александровой слободѣ быть за Царевною Наталіею Алексѣевною, а вотчинамъ, даннымъ ей изъ дворцовыхъ волостей въ петербургской губерніи, быть за кронъ-принцессою [4]). Въ томъ же 1713 г. Государь приказалъ дворцовому городу Скопину съ селами и деревнями и со всѣми крестьянами быть за Царицею Екатериною Алексѣевною [5]). Въ 1716 г. по Именному Указу къ комнатѣ Ея Величества были приписаны въ кексгольмскомъ уѣздѣ 3 погоста (Кидельскій, Угонемскій и Токмоярскій) [6]).

Когда въ 1721 г. дворцовыя и конюшенныя деревни были соединены въ одно вѣдомство и поручены въ управленіе Баскакова, мѣра эта не была распространена на тѣ деревни, которыя были „вѣдомы въ С.-Петербургѣ въ домѣ Его Царскаго Величества, а также и которыя приписаны къ дому Ея Величества Государыни Царицы Екатерины Алексѣевны". Въ 1723 г. была учреждена особая Вотчинная Канцелярія для завѣдыванія вотчинами Императрицы Екатерины подъ непосредственнымъ Ея наблюденіемъ. Въ 1726 г. Императрица приказала подчинить эту Канцелярію Кабинету, съ тѣмъ чтобы она была совершенно независима отъ Дворцовой Канцеляріи; но въ слѣдующемъ году, въ царствованіе Императора Петра II, эта Вотчинная Канцелярія была уничтожена и подвѣдомственныя ей вотчины отданы въ вѣдѣніе Дворцовой Канцеляріи [7]).

6-го мая 1727 г. Императрица Екатерина I умерла. Значительное количество ея имѣній, а именно 4956 дворовъ или 20457 душъ крестьянъ [8]) перешло по ея завѣщанію къ Ея родственникамъ, Скавронскимъ и Гендриковымъ [9]). 18-го декабря того же года, въ день именинъ Елисаветы Петровны, Императоръ Петръ II пожаловалъ ей вотчины ея матери, бывшія въ вѣдѣніи ассесора Арцыбушева. Въ Именномъ Указѣ объ этомъ, объявленномъ 2-го января 1728 г., было сказано: „Указали мы вотчины, которыя прежде вѣдомы были въ собственной вотчинной канцеляріи бабки нашей... ея имп. в—ва оныя, которыя были собственныя отца нашего и государя,... отдать во владѣніе

тетки нашей, ея высочеству государынѣ цесаревнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, выключа изъ того московскаго уѣзда села Петровское и Іевлевское, да въ коломенскомъ уѣздѣ Ильинское и деревню Петрову..., и вѣдать тѣ вотчины и съ прежними той канцеляріи служители при комнатѣ ея высочества, а которыя вотчины были въ собственномъ владѣніи отца нашего и государя, тѣ отдать въ собственное жъ владѣніе сестрѣ нашей, ея высочеству государынѣ Наталіи Алексѣевнѣ, и вѣдать ихъ въ дворцовой канцеляріи". Въ числѣ этихъ вотчинъ были: Александрова слобода (уѣзда Переяславля Залѣсскаго) и село Сарское (Царское), которыя и были приписаны къ комнатѣ Цесаревны. Въ царствованіе Анны Іоанновны Елисаветѣ Петровнѣ разрѣшено было учредить свою особую вотчинную канцелярію и ея контору [10]).

Есть извѣстіе еще о слѣдующихъ пожалованіяхъ Членамъ Царской Фамиліи въ теченіе XVIII вѣка.

Въ 1728 г. Царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ было пожаловано изъ вотчинъ кн. Меншикова въ сѣвскомъ, роменскомъ и путивльскомъ уѣздахъ село Ивановское съ приписными деревнями 5959 душъ, да въ московскомъ уѣздѣ села Рождественскаго съ деревнями 51 дворъ [11]). Въ 1731 г. Императрица Анна Іоанновна отдала во владѣніе своей сестры Екатерины дворцовыя деревни въ новгородскомъ, псковскомъ и с.-петербургскомъ уѣздахъ, всего 1863 двора [12]).

Императрица Елисавета Петровна въ 1753 г. повелѣла Дворцовой Канцеляріи приписать къ комнатѣ своего племянника, Наслѣдника престола, Великаго Князя Петра Ѳедоровича, дворцовыя села въ московскомъ уѣздѣ — Новопреображенское, Либерицы тожъ (приписное ко дворцу изъ-за князя Меншикова)—216 душъ и село Островъ съ деревнями 885 душъ, итого 1101 душа [13]). Въ 1757 г. Петру Ѳедоровичу были пожалованы отписныя въ Ингерманландіи мызы съ принадлежавшими къ нимъ деревнями, въ которыхъ было 2545 душъ, съ припискою ихъ къ Ораніенбаумскому дому Петра Ѳедоровича [14]).

Въ царствованіе Петра III изъ государевыхъ вотчинъ было отдано во владѣніе Императрицы Екатерины въ новгородскомъ уѣздѣ никольская тучевская волость съ приписными, въ которой было 3847 душъ, и Рожественскій Крестецкій погостъ—2192 души, а также село Софьино съ деревнями въ московскомъ уѣздѣ [15]).

При Петрѣ Великомъ Гатчинская мыза съ приписанными къ ней деревнями была пожалована Наталіи Алексѣевнѣ; въ 1719 г.

она была отдана во владѣніе Блюментросту, а въ 1732 г. взята отъ него и поступила въ вѣдомство Дворцовой Канцеляріи. Императрица Екатерина II подарила эту мызу князю Григорію Орлову; по смерти его она была куплена въ казну и подарена въ 1783 г. Великому Князю Павлу Петровичу съ 20 принадлежавшими къ ней деревнями, а также мызами Новою и Старою Скворицкою, съ приписанными къ нимъ деревнями. Приписанныхъ къ Гатчинѣ крестьянъ было болѣе 3000 душъ мужскаго пола (почти все финны) [16]).

Въ декабрѣ 1796 г. Ораніенбаумскій дворецъ былъ пожалованъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ Цесаревичу Александру Павловичу со всѣми приписанными къ нему мызами, деревнями и прочими селеніями, въ которыхъ состояло по 5 ревизіи 2022 души муж. пола; да кромѣ того, взамѣнъ тѣхъ, которыя по разнымъ причинамъ выбыли изъ дворцоваго ораніенбаумскаго вѣдомства, было приписано еще, преимущественно изъ состоявшихъ въ вѣдомствѣ конторы строенія домовъ и садовъ, а также отчасти дворцовыхъ и собственныхъ государевыхъ — 1529 душъ, всего же была пожалована Великому Князю Александру Павловичу 3551душа муж. пола [17]).

Количество государевыхъ вотчинъ увеличивалось припискою къ нимъ отписныхъ имѣній, дворцовыхъ селъ и волостей, а иногда конюшенныхъ или состоящихъ въ вѣдѣніи канцеляріи строенія домовъ и садовъ, а также покупкою [18]).

Изъ всего сказаннаго видно, что вотчины, находившіяся во владѣніи Членовъ Царской Фамиліи, были выдѣлены первоначально изъ дворцовыхъ имѣній. Хотя по смерти того лица, кому онѣ были пожалованы, онѣ и возвращались иногда въ общій составъ дворцовыхъ имѣній, но это дѣлалось далеко не всегда, и уже при Петрѣ Великомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ составляли особую группу подъ управленіемъ того или другого лица, назначеннаго Государемъ. Такимъ образомъ, постепенно образуется особый разрядъ вотчинъ, которыя не смѣшиваются съ дворцовыми волостями и получаютъ особыя названія. Въ 1727 г. Собственная Вотчинная Канцелярія была уничтожена, а при Аннѣ Іоанновнѣ вновь возникла такая канцелярія — уже не Императрицы, а Цесаревны Елисаветы Петровны. Но, съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, ея Собственная Вотчинная Канцелярія входитъ вновь въ составъ правительственныхъ учрежденій [19]), и съ этого времени окончательно выдѣляется группа государевыхъ крестьянъ,

По второй ревизіи ихъ было 60531 душа, тогда какъ дворцовыхъ числилось 401603 души муж. пола. Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ составъ первой цифры не включены данныя о петербургской губерніи; ревизіи не распространялись также на Остзейскій край [20]). При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, государевыхъ крестьянъ было 62052 души муж. пола [21]). Въ 1765 г. Собственная Вотчинная Канцелярія была упразднена, причемъ въ дворцовое вѣдомство было передано только 49533 души [22]). Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II изъ государевыхъ вотчинъ были произведены нѣкоторыя пожалованія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что крестьяне, приписанные къ Царскому Селу, остались въ вѣдомствѣ особаго управителя, непосредственно подчиненнаго Императрицѣ [23]).

Повинности дворцовыхъ крестьянъ, прежде преимущественно отбывавшіяся натурою, въ теченіе первой половины XVIII вѣка постепенно переводились на деньги и, наконецъ, ихъ денежный оброкъ былъ установленъ въ одинаковомъ размѣрѣ для различныхъ мѣстностей Россіи. Напротивъ, государевы крестьяне, принадлежавшіе разнымъ Особамъ Императорской Фамиліи, находились въ весьма различныхъ условіяхъ относительно своихъ повинностей, что зависѣло частію отъ мѣстности, гдѣ лежала та или другая вотчина, но еще болѣе отъ воли владѣльца. Такъ напр., повинности крестьянъ Села Царскаго были тяжелѣе, чѣмъ большинства другихъ государевыхъ вотчинъ.

Какъ мы уже упоминали, въ 1708 г. къ дому Царицы Екатерины Алексѣевны были приписаны въ Ингерманландіи шесть мызъ—Сарская, Пурколовская и другія. При шведскомъ владѣніи сборы и повинности распредѣлялись здѣсь *по опсамъ* (названіе, происходящее отъ новгородской обжи); причемъ опса признавалась равною 4 днямъ работы. Со введеніемъ русскаго управленія, опса была уравнена съ осмакомъ, и при этомъ одинъ крестьянинъ съ женой составлялъ четверть осмака, два женатыхъ въ семьѣ равнялись половинѣ его, а четверо женатыхъ составляли цѣлый осмакъ. Малосемейныхъ складывали по два, по три, а иногда и по четыре двора въ одинъ осмакъ; холостые въ осмаки не включались. Послѣ обмежеванія названныхъ мызъ въ 1711—1715 гг., въ нихъ стали переселять крестьянъ изъ дворцовыхъ волостей, причемъ нѣкоторыхъ не сразу переселяли на новое мѣстожительство, а оставляли на время на прежнемъ и облагали оброкомъ. Изъ отчета приказчика села Сарскаго (1723 г.) видно,

что оставленные въ прежнихъ своихъ жилищахъ въ разныхъ дворцовыхъ волостяхъ платили ежегодно въ казну села Сарскаго по 45 тогдашнихъ рублей съ осмака, т. е. по 11 р. 25 к. (78 рублей на нынѣшнія деньги съ одной брачной пары). Нѣсколько позднѣе, на одинъ осмакъ здѣсь приходилось около 15 ревизскихъ душъ, слѣдовательно, крестьяне, оставленные на своихъ прежнихъ жилищахъ, платили около 3 р. съ ревизской души на тогдашнія деньги или около 21 р. на нынѣшнія; такимъ, крайне тяжелымъ, оброкомъ они откупались отъ нежелательнаго для нихъ переселенія. Уже это показываетъ, что повинности царскосельскихъ крестьянъ были весьма обременительны, какъ это видно также и изъ поданныхъ ими нѣсколько позднѣе челобитій [24]).

У Императрицы Екатерины Алексѣевны были также вотчины въ псковскомъ уѣздѣ, въ которыхъ въ 1724 г. было наличныхъ 759 дворовъ, или 4721 душа муж. пола. Съ нихъ собиралось съ двора по 3 р. деньгами, да съ 1720 г. было положено разнаго хлѣба и орѣховъ по четверику съ двора, а если крестьяне не захотятъ давать хлѣбъ и орѣхи натурою, то велѣно было брать за нихъ деньгами 2 р. 42 к.; а вмѣстѣ съ трехъ-рублевымъ денежнымъ окладомъ всего взималось съ каждаго двора по 5 р. 42 к. (около 38 р. нынѣшнихъ). Такъ какъ здѣсь на дворъ приходилось 6,2 души муж. пола, то это составитъ на ревизскую душу 87 к. тогдашнихъ, или 6 р. 12 к. нынѣшнихъ [25]).

Въ разбросанныхъ по всей Россіи вотчинахъ Императрицы Екатерины I, перешедшихъ послѣ Ея смерти, въ 1727 г., по завѣщанію къ Ея родственникамъ, Скавронскимъ и Гендриковымъ, было всего 4956 дворовъ, или около 21400 душъ. Крестьяне платили здѣсь деньгами, въ среднемъ, по 36 к. тогдашнихъ съ ревизской души, а кромѣ того пахали пашню, косили сѣно и поставляли самые разнообразные предметы натурою [26]).

Крайне обременительны были повинности въ новгородскихъ имѣніяхъ Царицы Прасковьи Ѳедоровны и ея дочери Царевны Прасковьи Іоанновны [27]).

Много свѣдѣній сохранилось о повинностяхъ крестьянъ въ вотчинахъ Елисаветы Петровны какъ до, такъ и послѣ восшествія Ея на престолъ. Она вникала во всѣ мелочи своего хозяйства, повышала прежнія повинности или уничтожала нѣкоторыя изъ нихъ, вводила новыя и внимательно слѣдила за исполненіемъ крестьянами возложенныхъ на нихъ повинностей. Наиболѣе обыч-

ный оброкъ въ Ея имѣніяхъ въ 30-хъ или началѣ 40-хъ годовъ былъ 2—3 р. тогдашнихъ съ двора, кромѣ нѣкоторыхъ сборовъ натурою; но сборы и повинности царскосельскихъ крестьянъ были гораздо выше среднихъ [28]).

Изъ вѣдомости, представленной Императрицѣ Екатеринѣ II, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи Ея на престолъ, видно, какъ велики были *денежные* платежи съ государевыхъ крестьянъ. Всего менѣе денежнаго оброку было положено на жителей малороссійскаго мѣстечка Понурницы, а именно по 28 к. тогдашнихъ съ души, затѣмъ съ подмосковной танинской волости собиралось по 38 к., съ села Ропши — по 44 к., съ комарицкихъ волостей сѣвскаго уѣзда — по 60 к., съ Александровой слободы переяславль-залѣсскаго уѣзда — по 66 к., съ нѣсколькихъ волостей, именно: въ мещевскомъ, пензенскомъ, саранскомъ, серпуховскомъ, нижегородскомъ и брянскомъ уѣздахъ и съ крестьянъ, жившихъ въ Саратовѣ, взималось по 1 р. 1 к. съ души, съ имѣнія въ дерптскомъ дистриктѣ по 1 р. 72 к., съ новгородской коростинской волости — по 1 р. 76 к., съ ревельской мызы — по 2 р. 2 к. Кромѣ этихъ денежныхъ сборовъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ была казенная пашня и покосы, конскіе и другіе заводы, на которыхъ крестьяне исполняли извѣстныя работы. Такъ напр., въ Александровой слободѣ, въ комарицкой волости сѣвскаго уѣзда, въ малороссійской и финляндской вотчинахъ были винокуренные заводы, съ которыхъ отъ 4 до 6 тысячъ ведеръ вина шло на дворцовый обиходъ, а остальное количество поступало въ продажу. Нѣкоторые крестьяне отпускались на оброкъ съ освобожденіемъ, разумѣется, отъ всякихъ другихъ поборовъ и работъ: такъ, съ московскихъ, танинскихъ и александровскихъ оброчныхъ крестьянъ, которыхъ было 974 души, собиралось по 1 р. 74 к., тогда какъ остальные крестьяне селъ Танинскаго и Александровскаго, не освобожденные отъ натуральныхъ повинностей, платили гораздо менѣе; съ крестьянъ копорскихъ вотчинъ, которымъ дозволено было жить въ дворцовыхъ волостяхъ на прежнихъ жилищахъ (72 души), собиралось оброку даже по 3 р. 28 к. тогдашнихъ съ каждой души [29]).

Въ 1769 г. въ нѣсколькихъ государевыхъ вотчинахъ оброкъ былъ повышенъ съ 1—1 р. 50 к. до 2 р. (то есть съ 4—6 р. до 8 р. на нынѣшнія деньги), а именно въ селахъ мещевскаго уѣзда, въ комарицкихъ волостяхъ сѣвскаго уѣзда, въ

селахъ и волостяхъ губерній: вологодской, пензенской, саратовской, нижегородской, новгородской (коростинская волость). Ямбургскія деревни были обложены двухрублевымъ оброкомъ лишь въ 1777 г. Танинскіе подмосковные крестьяне еще въ 70-хъ годахъ платили всего по 40 к. съ души, очевидно исполняя различныя натуральныя повинности. Аксельская волость темниковскаго уѣзда, хотя и обложена была въ 1769 г. двухрублевымъ оброкомъ (вмѣсто 41 к.) съ души, но крестьяне, по бѣдности, этихъ прибавочныхъ денегъ не платили, и такимъ образомъ къ 1778 г. на нихъ накопилась недоимка въ 13205 р., которую Дворцовая Канцелярія разложила на другія волости дворцоваго вѣдомства воронежской губерніи. Крестьяне малороссійскаго мѣстечка Понурницы съ 1776 г. платили оброка по 80 к. Александрова слобода (8205 душъ) была отдана въ 1772 г. въ вѣдомство Конюшенной Канцеляріи, а вмѣсто нея приписана даниловская волость коломенскаго уѣзда (3385 душъ), крестьяне которой платили оброка и за казенную пашню около 2 р. 50 к. съ души, и еще всегодическая волость владимірскаго уѣзда (2593 души), платившая по 2 р. съ души. Записавшіеся въ Москвѣ въ купечество платили въ 1779 г. по 4 р. 13 к. тогдашн. съ души [30]).

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, въ іюлѣ 1762 г. Императрица Екатерина II повелѣла И. И. Бецкому завѣдывать всѣми строеніями, дачами и садами, которые до того времени зависѣли отъ повелѣній только самой Императрицы; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было подчинено и Село Царское. (Въ 1763 г. въ вѣдомствѣ этого села было ревизскихъ душъ крестьянъ 2254, „осмаковыхъ", т. е. тяглыхъ—1063 души мужскаго пола; считая въ каждомъ осмакѣ по 8 тяглыхъ душъ, какъ было въ это время, составлялось $125^3/_8$ осмака). Вскорѣ послѣ того, контора строеній Села Царскаго, изыскивая способы для увеличенія доходовъ, предложила устроить здѣсь такой порядокъ, какой введенъ былъ въ Селѣ Красномъ при управителѣ майорѣ Удоловѣ, а именно для исправленія казенныхъ работъ устроить осмаки по 8 работниковъ въ каждомъ и затѣмъ распредѣлить работы такимъ образомъ, чтобы каждому крестьянину съ 8-й доли тягла быть въ казенной работѣ, въ первую очередь, одну недѣлю пѣшему, а потомъ двѣ недѣли работать на себя; по прошествіи этихъ двухъ недѣль, въ другую очередь, крестьянинъ долженъ быть въ казенной работѣ одну недѣлю съ лошадью и

потомъ черезъ двѣ недѣли—опять пѣшій. Косьба сѣна и обработка казенной пашни исполнялись сверхъ недѣльныхъ работъ. Контора строеній утверждала, будто крестьяне были довольны такимъ порядкомъ и казенныя работы шли успѣшно; но, видимо, работы были не легки, такъ какъ, чтобы избавиться отъ нихъ и быть совершенно свободными, многіе соглашались перейти на оброкъ и платить съ каждаго взрослаго работника по 10 тогдашнихъ рублей (т. е. около 40 р. нынѣшнихъ). Контора строеній Села Царскаго увѣряла, что и царскосельскіе крестьяне соглашались или исполнять понедѣльныя работы, или вмѣсто того платить съ $^1/_8$ доли осмака не только по 10, но даже по $12^1/_2$ р. въ годъ, что составитъ съ осмака по 100 р., работая сверхъ того на сѣнокосѣ и казенной пашнѣ. Контора предлагала приписать Село Красное къ Селу Царскому и ввести предложенные ею порядки подобно тому, какъ и приписные къ Петергофу, исполняя понедѣльныя работы, платятъ и оброкъ. По докладу Бецкаго всѣ представленія конторы строеній Села Царскаго были одобрены Императрицею. Крестьяне царскосельскаго вѣдомства, перешедшіе на оброкъ, стали платить съ осмака по 60 р. въ годъ или по 7 р. 50 к. съ каждой осьмой доли осмака или осмушки (т. е. около 30 р. нынѣшнихъ съ каждаго работника) [31]).

Въ 1768 г. въ высшихъ сферахъ явилось предположеніе ввести у царскосельскихъ крестьянъ новую систему тяголъ, уничтожить общинное пользованіе землею и раздѣлить землю по тягламъ въ вѣчное владѣніе съ обязательствомъ исполнять барщину (см. ниже). Но крестьяне въ январѣ слѣдующаго 1769 г. заявили, что готовы набрать для перехода на оброкъ до 100 осмаковъ, считая въ каждомъ по 8 долей тягловыхъ участковъ, съ платежемъ за каждый осмакъ по 60 р., и дѣйствительно набрали эти осмаки. Въ числѣ остальныхъ 25 осмаковъ находились состоящіе въ разныхъ службахъ (сотскіе, старосты, десятскіе, лѣсники), бывшіе въ разныхъ мастерствахъ и, наконецъ, вдовы съ малолѣтними дѣтьми [32]).

Сверхъ оброка, государевы крестьяне, какъ и дворцовые, платили въ казну подушную подать по 70 к. съ души [33]). Въ помѣщичьихъ вотчинахъ за дворовыхъ подушную подать вносили помѣщики; въ государевыхъ же вотчинахъ они платили ее, повидимому, сами. По крайней мѣрѣ, въ 1738 г. Цесаревна Елисавета Петровна повелѣла, чтобы въ ея можайскихъ вотчинахъ

служители и дворовые (79 человѣкъ), хотя бы кто изъ нихъ былъ опредѣленъ и въ конюхи, платили сами подушныя деньги, а у тѣхъ, кто платить не станетъ, вычитать изъ жалованья [34]). Въ петербургской губерніи крестьяне, вмѣсто уплаты подушной подати, ставили фуражъ на конно-гвардейскій полкъ; его собирали и съ государевыхъ крестьянъ [35]); но такъ какъ крестьяне вѣдомства Села Царскаго были обременены различными работами, то Императрица Елисавета въ 1751 г. освободила ихъ, „другимъ не въ образецъ", отъ сбора фуража на конную гвардію и отъ накопившихся недоимокъ этого сбора. Въ 1764 г. Императрица Екатерина II приказала, чтобы и крестьяне Рыбной слободы были освобождены отъ сбора фуража, такъ какъ они принадлежали къ Царскому Селу [36]).

Государевы крестьяне несли и другія натуральныя повинности—рекрутскую, дорожную и постойную [37]).

При разсмотрѣніи оброковъ и натуральныхъ сборовъ съ крестьянъ Села Царскаго было указано, что тѣ и другіе собирались по осмакамъ, изъ которыхъ каждый состоялъ въ царствованіе Петра Великаго изъ четырехъ брачныхъ паръ или вѣнцовъ, а при Екатеринѣ II дѣлился на 8 долей. Мы упоминали уже о томъ, что въ слободы, состоявшія въ вѣдомствѣ села Сарскаго,—Кузьминскую, Пулковскую и Славянскую, были переведены крестьяне изъ дворцовыхъ волостей. Въ маѣ 1717 г., когда прошелъ годовой льготный срокъ, крестьяне эти были „положены въ окладъ — въ дворы по числу работниковъ, а по землѣ и по числу работниковъ — въ дни и осмаки", причемъ 4 дня составляли осмакъ. Для наложенія оклада сами крестьяне въ началѣ или въ концѣ года избирали „выборныхъ окладчиковъ" изъ людей пожилыхъ, извѣстныхъ всему міру своею справедливостью и безпристрастіемъ, которые „по всей сущей вѣрѣ и правдѣ, не норовя никому", прибавляли и убавляли тягла и осмаки, смотря по средствамъ каждой семьи и числу работниковъ въ ней. Бывали случаи, что сами нетяглые крестьяне, расчистивъ гдѣ-нибудь удобную землю, требовали, чтобы ихъ включили въ осмаки, такъ какъ только такимъ образомъ они могли удержать за собою вновь воздѣланную ими землю. Новое распредѣленіе осмаковъ и дней производилось года черезъ 3—4, по мѣрѣ того, какъ холостые женились или люди, положенные въ осмаки и дни, бѣднѣли и по какимъ-нибудь законнымъ причинамъ оказывались не въ силахъ нести положенное на нихъ тягло. Первоначально доз-

волялось также, чтобы, имѣя на то законныя причины, одинъ крестьянинъ сдавалъ другому свою часть осмака со всѣми лежавшими на ней сборами, кромѣ государственныхъ податей; но затѣмъ это разрѣшалось очень рѣдко изъ опасенія, чтобы, пользуясь свободою отъ повинностей, крестьяне не впадали въ распущенность.

Въ маѣ 1724 г. Кузьминское селеніе царскосельскаго вѣдомства постановило на мірскомъ сходѣ наложить тягла на пустовытные „неплатящіе“ жеребья, а именно—по четверти и половинѣ на каждый жеребій. Всего накладныхъ на пустовытныя жеребья было вновь наложено 2 осмака, а за остальныя „пустовытки“ мірскіе люди должны были отвѣчать міромъ; „а кто по окладамъ не будетъ отправлять работъ Ея Величества“, тому рѣшено было „отъ пашни, сѣнныхъ покосовъ и огородной земли отказать“ [38]).

Въ 1734 г. крестьяне Кузьминой и Пулковской слободъ царскосельскаго вѣдомства въ челобитной Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ жаловались на то, что „нынѣ положено, ежели у кого 4 сына, чтобы быть осмаку“, а если у кого окажется на осмакѣ, половинѣ или четверти осмака излишніе сынъ или братъ—тѣхъ въ садовую работу посылаютъ, „а пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ имъ не дано и работать имъ не съ чего, и питаются въ одной семьѣ“. Вслѣдствіе этого прошенія, Цесаревна Елисавета Петровна повелѣла въ царскосельскіе сады для садовой и всякой другой работы посылать крестьянъ и латышей Села Царскаго съ приписными наравнѣ, какъ при Императрицѣ Екатеринѣ I они посылались, „съ тяголъ, кто сколько пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ имѣетъ, а не отъ семей, дабы крестьянамъ излишней тягости, а въ садовой и въ прочей всякой работѣ остановки отнюдь не было“ [39]).

Связь повинностей съ надѣленіемъ землею и ея передѣлами видна и изъ слѣдующихъ словъ управляющаго одною государевою волостью въ нижегородскомъ уѣздѣ (села Николаевскаго съ деревнями). Указавъ размѣръ оброка со всей вотчины, управляющій говоритъ: „и оный оброкъ сбирается не по деревнямъ, (а) обще со онымъ селомъ повытно *и по раздѣлу земель*“ [40]).

Цесаревна Елисавета Петровна въ Указѣ Собственной Вотчинной Канцеляріи (1740 г.) относительно повышенія оброка съ одного своего нижегородскаго имѣнія говоритъ: „и оный окладъ написать въ окладную книгу, и нынѣ въ тѣхъ нашихъ вотчинахъ

управителю дворовое число, что въ каждой имѣетъ быть, переписать вновь и для того окладу выбрать изъ первостатейныхъ и среднихъ и маломочныхъ крестьянъ окладчиковъ за выборомъ, и оному же управителю того смотрѣть накрѣпко, чтобъ при томъ окладѣ первостатейные среднихъ и маломочныхъ крестьянъ въ окладѣ не отягощали и своихъ оброковъ, кто чего достоинъ будетъ, по торгамъ и промысламъ своимъ платить излишества на среднихъ и маломочныхъ напрасно не накладывали, и тотъ платежъ расположить на всѣхъ крестьянъ по препорціи торговъ и промысловъ и заводовъ, кто чего будетъ достоинъ" [41]).

Въ селѣ Бобрикахъ, нынѣшней тульской губ., какъ видно изъ инструкціи кн. Гагарину (1763 г.), оброкъ собирался по тягламъ. Весной къ яровому посѣву управитель вмѣстѣ съ выборными крестьянскими властями долженъ былъ раскладывать убылыя тягла по всѣмъ деревнямъ на легкотяглыхъ и подростковъ и смотрѣть, чтобы число тяголъ никогда не уменьшалось. На каждой брачной парѣ должно было быть по тяглу, а на вдовыхъ и холостыхъ, старше 15 лѣтъ, которые въ силѣ пахать и косить, по половинѣ тягла. Подушная подать взыскивалась съ крестьянъ также по тягламъ; съ безтяглыхъ стариковъ и малолѣтнихъ, считая съ 12 лѣтъ, предписано было собирать особо, „учиня окладъ по приговору мірскому" [42]).

Царскосельскіе крестьяне до самаго конца царствованія Императрицы Екатерины II облагались платежами и повинностями по осмакамъ. Наконецъ въ 1796 г., славянскіе, усть-ижорскіе и другіе крестьяне согласились платить оброкъ съ ревизской души за землю, отведенную каждому и имъ обработываемую, и черезъ то осмаки стали мало-по-малу выходить изъ употребленія; крестьяне начали платить оброкъ по ревизскимъ душамъ, письменно заявивъ въ контору свое согласіе на это. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени раздѣленіе крестьянъ на осмаки совершенно исчезло [43]).

Переоброчка крестьянъ, снятіе тяголъ съ однихъ и наложеніе на другихъ, конечно, сопровождались частными передѣлами земли, а отъ времени до времени должны были производиться и общіе коренные передѣлы. Съ 1721 г., во время пребыванія главноуправляющаго государевыми мызами подпоручика Кошелева въ селѣ Сарскомъ, крестьяне, переведенные въ Пулковскую мызу, жаловались ему, что у нихъ большой недостатокъ въ покосахъ, сравнительно съ переселенными въ Кузьминскую мызу.

Поэтому Кошелевъ предписалъ пулковскому стряпчему, чтобы, выбравъ изъ тамошнихъ крестьянъ 3-хъ человѣкъ самыхъ добрыхъ и надежныхъ, и по соглашенію съ прикащикомъ села Сарскаго, который также долженъ былъ выбрать для полюбовнаго раздѣла 3-хъ самыхъ надежныхъ человѣкъ, освидѣтельствовать съ этими людьми всѣ сѣнные покосы и пахотныя земли у пулковскихъ и кузьминскихъ крестьянъ и размѣрить на тягла поровну такъ, чтобы никто не былъ обиженъ пахотною землею и покосами. А гдѣ найдутся мѣста, удобныя для распашки и косьбы сѣна, такія непремѣнно разверстать по тягламъ и осмакамъ и позволить крестьянамъ расчищать ихъ [44]).

Въ инструкціи, данной въ 1764 г. царскосельскому управителю Ѳедоту Удолову, предписывалось „покосы, исчисля по указанному опредѣленію, отдать крестьянамъ во владѣніе, по тягламъ на содержаніе скота ихъ“ [45]). Что касается лѣса, то такъ какъ крестьяне тратятъ его „безразсудно“ рубятъ, жгутъ, продаютъ „и тѣмъ сами себя разоряютъ“, то для предупрежденія этого Императрица Екатерина II повелѣла „всѣ лѣса крестьянамъ раздѣлять по деревнямъ и по тягламъ, и всякому крестьянину извѣстную часть въ его храненіе и расчистку на 5 лѣтъ отдать“. Крестьянинъ долженъ въ это время охранять лѣсъ, употребляя на свои надобности валежникъ, пни и сучья, и затѣмъ представить свой участокъ въ цѣлости. Для рубки дровъ предписывалось отвести лѣсъ, раздѣливъ его на 30 долей, которыя рубить по годамъ одну за другою, и этимъ пользоваться всѣмъ сообща, строевой же лѣсъ, совершенно необходимый для крестьянъ, можно было рубить только въ извѣстномъ количествѣ, съ дозволенія начальства и съ согласія старостъ и крестьянъ, „участниковъ общей отведенной имъ дачи“, подъ присмотромъ лѣсныхъ сторожей. За самовольную порубку виновные подвергались денежнымъ штрафамъ, а при повтореніи ея—ссылкѣ на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты [46]).

Въ 1743 г. управитель кексгольмскихъ вотчинъ донесъ, что тамъ есть „семьянистые бобыли“, которые пахотныхъ земель не имѣютъ; тяглые же крестьяне есть такіе, что, не имѣя большихъ семей, имѣютъ достаточное количество пахотныхъ земель, а нѣкоторые по бѣдности не могутъ обработывать пашенъ и сдаютъ ихъ другимъ крестьянамъ, а тѣ вырубаютъ на нихъ лѣса и тѣмъ разоряютъ владѣльцевъ. Управляющій полагалъ, что слѣдуетъ бобылямъ, которые могутъ пахать землю и платятъ подати въ

казну Государыни, дать нѣкоторое количество земель, взявъ ихъ у тѣхъ, у кого пашенъ много, и у кого будетъ взята земля, съ тѣхъ тягла сбавить и наложить на бобылей, которымъ она будетъ дана. На это донесеніе управляющему велѣно было у крестьянъ, имѣющихъ достаточное количество тяглыхъ пахотныхъ земель, если они по бѣдности и малосемейности обработывать ихъ не могутъ и сдаютъ другимъ, отбирать, чѣмъ они сами не пользуются, и отдавать въ тягло безпашеннымъ и семьянистымъ бобылямъ, которые могутъ эти земли „подъ собою держать" и съ нихъ доходы платить исправно, и надлежащіе доходы съ прежнихъ владѣльцевъ сложить и наложить на тѣхъ бобылей, кому онѣ будутъ отданы во владѣніе. Но если малосемейные крестьяне находятся въ добромъ состояніи и могутъ обработывать свои земли сами или пахотными работниками и платятъ положенные доходы исправно,—у такихъ тяглыхъ земель отнюдь не отнимать и другимъ во владѣніе не отдавать, чтобы вслѣдствіе этого они не пришли въ убожество и разореніе [47]).

Во всѣхъ деревняхъ вѣдомства Села Царскаго считалось въ 1744 г. 98½ осмаковъ, а по межеванію, оконченному въ 1747 г., въ тѣхъ деревняхъ было *крестьянской* земли въ русскихъ трехъ слободахъ—Кузьминой, Пулковой и Новославянской: усадебной земли 131, пахотной 1128, сѣнныхъ покосовъ 732 дес.; въ чухонскихъ 33 деревняхъ: усадебной земли 58½, пахотной 566½, сѣнныхъ покосовъ 511, итого 3127 дес. крестьянской земли; слѣдовательно, въ среднемъ, на осмакъ приходилось по 32 дес. А такъ какъ въ это время въ осмакѣ считалось еще, повидимому, по 4 тягла (брачныхъ паръ), то, слѣдовательно, на тягло приходилось по 8 дес. усадебной, пахотной и сѣнокосной земли, да кромѣ того крестьяне могли пользоваться и лѣсомъ въ нужномъ для ихъ потребностей количествѣ [48]).

Въ 1784 г. Царскосельская Вотчинная Контора предложила надѣлить на каждое тягло на основаніи межевой инструкціи 1766 г. (гл. XII, пунктъ 2) всего, въ трехъ поляхъ, 8 дес. и сверхъ того назначить въ лѣсныхъ угодьяхъ мѣста, гдѣ крестьяне могли бы пользоваться выгономъ. Вслѣдствіе этого, въ 1789 г. землемѣромъ было отведено какъ на старыя, бывшія у крестьянъ тягла, такъ и на прибылыхъ въ семействахъ людей, достигшихъ 17 лѣтняго возраста, на принятыя ими вновь земли, на каждую осьмую долю осмака пашенной и сѣнокосной земли, не считая усадебной, по 7 дес., слѣдовательно, всего на осмакъ было дано 56 дес. [49]).

Въ селѣ Бобрикахъ, въ нынѣшней тульской губ., по инструкціи 1763 г. кн. Гагарину, крестьяне, какъ пахотные, такъ и оброчные, должны были пахать на себя (на тягло) въ каждомъ полѣ по 7 осьминниковъ ($1^3/_4$ дес.), да подъ огородъ и коноплянникъ по одному осьминнику, слѣдовательно, пахотной и огородной земли они обработывали на тягло по $5^1/_2$ дес. Покосы велѣно было раздать по тягламъ пашеннымъ и оброчнымъ крестьянамъ поровну, „чтобы одинъ передъ другимъ обиженъ не былъ" [50]).

Изъ многихъ приведенныхъ указаній видно, что въ государевыхъ вотчинахъ въ Великороссіи, какъ и въ дворцовыхъ, существовало общинное пользованіе землей съ передѣлами пахотной и сѣнокосной земель. Относительно дворцовыхъ вотчинъ И. П. Елагинъ подалъ въ 1769 г. проектъ съ предложеніемъ ввести въ нихъ подворное владѣніе [51]). Онъ не былъ осуществленъ, но произвелъ, очевидно, нѣкоторое впечатлѣніе на Императрицу Екатерину II, такъ какъ относительно своихъ крестьянъ царскосельскаго вѣдомства она выразила въ 1768 г. желаніе, чтобы крестьяне были распредѣлены „равнымъ числомъ по дворамъ или по тягламъ указанныхъ лѣтъ работниковъ въ цѣлое тягло по 6 мужчинъ и по 6 женщинъ", и чтобы имъ было отдано „*въ вѣчное содержаніе*" (слѣдовательно, безъ передѣловъ земли) „на цѣлый дворъ или тягло, земли по 60 дес.", въ томъ числѣ на усадьбу 3 дес., на пашню 27, на сѣнокосъ 24, лѣсныхъ угодій 6 дес. Съ такого тягла, въ 6 мужчинъ и 6 женщинъ, слѣдовало быть въ казенной работѣ всегда пѣшему и конному работникамъ и двумъ женщинамъ. Предполагалось, что отъ ихъ труда и скотоводства [52]) казна можетъ получить дохода въ годъ не менѣе 42 р. съ осмака.

Мы видѣли выше, что крестьяне отнеслись къ этимъ предположеніямъ несочувственно, и большинство изъ нихъ въ 1769 г. перешло на оброкъ. Тѣмъ не менѣе, согласно предположеніямъ Императрицы, управляющій Села Царскаго Удоловъ представилъ въ 1770 г. записку о новомъ устройствѣ быта крестьянъ и бобылей, которое онъ совѣтовалъ, какъ видно, ввести не только въ царскосельскомъ вѣдомствѣ, а и въ другихъ государевыхъ вотчинахъ. Въ запискѣ этой онъ предлагалъ слѣдующее. 1) Для удобства въ работахъ цѣлое тягло должно состоять изъ 6 мужчинъ и 6 женщинъ, способныхъ къ работѣ, отъ 17 до 65 лѣтъ, и изъ нихъ одному мужчинѣ слѣдовало быть хозяиномъ тягла, а

малолѣтнимъ до 17 лѣтъ и старымъ людямъ того же семейства, старѣе 65 лѣтъ обоего пола, числиться при томъ же тяглѣ. Съ цѣлаго тягла ежедневно должны были ходить въ работу пѣшій и конный рабочій и 2 женщины. 2) На каждое тягло надлежало дать во всѣхъ угодьяхъ земли по 60 дес., „и той землѣ при тяглѣ быть безъ передѣлу навсегда, и на малыя доли тягла не раздѣлять", а изъ указаннаго количества земли опредѣлить подъ усадьбу съ огородомъ и гуменникомъ 3 дес., на пашню въ 3-хъ поляхъ 27 дес., для сѣнокоса 24 дес. (въ томъ числѣ 8 дес. для выгона скота) и 6 дес. лѣсныхъ угодій. „Пашни такое число положено съ тѣмъ, чтобы каждый крестьянинъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія" (1764 г. въ инструкціи Удолову, см. ниже), „могъ высѣвать по 3 четверти ржи и по такому же количеству ярового хлѣба". 3) На цѣлое тягло должно было быть въ наличности скота не менѣе 6 лошадей, 12 коровъ, 12 овецъ, 6 свиней, 30 курицъ; крестьяне не должны были продавать кормъ для скота, хотя бы у нихъ былъ въ томъ и излишекъ. 4) Жить земледѣльцамъ большими селеніями во многихъ отношеніяхъ неудобно, и потому непремѣнно слѣдуетъ селить ихъ не болѣе 20 тяголъ въ одномъ селеніи; поэтому и въ вѣдѣніи одного комиссара, который долженъ былъ наблюдать за казеннымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, слѣдовало опредѣлять не болѣе 100 тяголъ или въ крайнемъ случаѣ не болѣе 150-ти. 5) На 100 тяголъ должно было быть 600 дес. казенной пашни и столько же покосу, а *казеннаго* скота слѣдовало содержать 600 коровъ, 600 овецъ, 200 свиней, 600 куръ и др. птицъ. По мнѣнію Удолова, съ этого числа казенной пашни и отъ скота „казенная прибыль или доходъ" можетъ быть, „по разчисленію губерній на 3 отдѣленія, полагая вообще со ста тяголъ 5042 р". 6) Между земледѣльцами найдется много неспособныхъ и нежелающихъ заниматься земледѣліемъ; ихъ слѣдуетъ зачислить въ списокъ бобылей. По мнѣнію Удолова, „они государству столько же надобны, какъ и земледѣльцы, для исправленія всеобщихъ работъ по найму и для рукодѣлій". Бобылей слѣдовало селить особыми большими селеніями по близости большихъ рѣкъ и дорогъ, а землю имъ дать только усадебную на выгонъ скота и „на лѣсное угодье", на каждую ревизскую душу по $2^1/_4$ дес. 7) Бобыли не должны были исполнять казенныхъ работъ, а вмѣсто того каждому мужчинѣ отъ 17 до 65 лѣтъ слѣдовало платить въ годъ оброка 5 р. 54 к. Для пропитанія и пріобрѣтенія денегъ на

5*

уплату оброка они могли заниматься мастерствами, работами на фабрикахъ или перепродажею съѣстныхъ припасовъ. Проектъ этотъ, разрушавшій общинное землевладѣніе и искусственно группировавшій крестьянъ въ дворы съ опредѣленнымъ количествомъ душъ, осуществленъ не былъ; это видно изъ заявленія крестьянъ въ 1784 г., что пашенной и сѣнокосной земли они имѣютъ „по неравному числу". Быть можетъ, Императрица отказалась отъ исполненія своихъ предположеній (подробнѣе разработанныхъ въ запискѣ Удолова) вслѣдствіе волненія царскосельскихъ крестьянъ въ 1772 г., вызваннаго неудовольствіемъ на предписанное размежеваніе крестьянскихъ земель (см. ниже). Можно думать, что при этомъ размежеваніи и предполагалось ввести подворное владѣніе [53]).

Было также волненіе одновременно съ Пугачевщиною въ государевой коростинской вотчинѣ (въ новгородской губ.). Сиверсъ, новгородскій губернаторъ, въ донесеніи объ этомъ Императрицѣ, приводитъ его въ связь съ волненіемъ, охватившимъ Поволжье, но тутъ же упоминаетъ, что имѣніе это поручено было въ управленіе Елагину, который хотѣлъ испытать здѣсь другую систему хозяйства [54]). Вспомнивъ проектъ о преобразованіи дворцовыхъ вотчинъ, поданный Императрицѣ въ 1766 г., мы можемъ съ большой вѣроятностью предположить, что онъ получилъ разрѣшеніе сдѣлать здѣсь опытъ примѣненія своихъ взглядовъ, и въ такомъ случаѣ весьма естественно, что его желаніе коренным образомъ измѣнить народный бытъ, разрушить общинное землевладѣніе, ввести какую-то искусственную семью, наконецъ, увеличить налоги, неминуемо должно было вызвать волненіе. Тогда-то, вѣроятно, проекты Елагина и Удолова были окончательно сданы въ архивъ.

Въ гатчинскомъ имѣніи Цесаревича Павла Петровича была также произведена неудачная попытка измѣнить обычныя формы крестьянскаго землевладѣнія. Біографъ Цесаревича свидѣтельствуетъ только, что онъ старался облегчить крестьянину бремя его повинностей. Онъ помогалъ ссудами тѣмъ, у кого вслѣдствіе какихъ либо несчастій хозяйство приходило въ разстройство, и старался „разверстаніемъ и приверсткою достаточнаго количества земли обезпечить труженику безбѣдное существованіе" [55]). Но можно упомянуть еще о свидѣтельствѣ одного иностранца, бывшаго въ Россіи въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, который говоритъ: „Рабы жалуются на тяжесть работы и стре-

мятся къ свободѣ, не зная того, что они не способны пользоваться ею. Мы должны оплакивать рабство только тѣхъ, кто достоинъ свободы. Жалобы крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній Великаго Князя дошли до Его Высочества. Онъ приказалъ привести ихъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся англійскіе фермеры со взносомъ ничтожной арендной платы, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства и давъ имъ наставниковъ для обученія земледѣлію. Крестьяне ухитрились продать въ теченіе двухъ лѣтъ свою новую собственность и пропить полученныя деньги; они оказались не въ состояніи платить даже ничтожный оброкъ, на нихъ наложенный, и просили ввести у нихъ старый порядокъ“ [56]).

Безземельныхъ или малоземельныхъ государевыхъ крестьянъ переселяли въ другія мѣста: такъ было при Екатеринѣ II съ государевыми крестьянами, жившими въ городѣ Саратовѣ [57]).

Вслѣдствіе увеличенія населенія въ деревняхъ, ближайшихъ къ Селу Царскому, начиналъ уже чувствоваться недостатокъ въ землѣ отъ надѣленія крестьянъ по прежнему положенію на осмаки, а между тѣмъ приписанныя въ вѣдомство вотчиннаго царскосельскаго управленія обширныя Лисинскія дачи (по новгородской большой дорогѣ) оставались незаселенными. Поэтому въ 1780 г. велѣно было переселить туда 72 двора и оказать переселяемымъ крестьянамъ возможную помощь въ расчисткѣ полей. На расходы по переселенію отпущено было изъ Кабинета 10,000 р. [58]).

Въ инструкціи управляющему Села Царскаго Удолову (1764 г.), Императрица Екатерина обратила вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія крестьянъ и увеличеніе ихъ запашекъ. Императрица предписывала „пашни пріумножать по пристойности и притомъ стараться, чтобы крестьяне отъ посредственнаго количества пашни имѣли довольное себѣ содержаніе, и чтобы, оставляя старыя пашни, вновь лѣсъ не рубили, не жгли безъ пользы и, немного попользовавшись, безъ удобренія не оставляли бы землю“. Крестьяне, по мнѣнію Императрицы, „столь нерадѣтельно поступая со своими пашнями, во вредъ обществу, больше въ постороннихъ работахъ, переторжкахъ и извозахъ упражняются, питаяся и съ домашними своими покупнымъ изъ города... хлѣбомъ“. Екатерина II предписывала сдѣлать царскосельскихъ крестьянъ исправными земледѣльцами, „удовлетворить ихъ землями и достаточно наставить объ удобреніи такихъ земель, которыя не приносятъ желаемаго урожая“. Она приказывала, чтобы

на посѣвъ хлѣба каждый крестьянинъ имѣлъ не менѣе трехъ четвертей, и велѣла „строго запретить прежніе обряды, торговлю, извозы и земледѣльцамъ непристойные промыслы, которые отнимаютъ у нихъ время на полевыя работы“ и мѣшаютъ имъ „умножать внутреннюю домашнюю экономію“. Императрица приказывала Удолову, если крестьяне черезъ 5 лѣтъ не станутъ исправными земледѣльцами и, за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ, не будутъ продавать по 3 четверти ржи, съ такихъ за нерадѣніе о хлѣбопашествѣ назначить съ каждаго оброкъ по пяти рублей. А тѣмъ крестьянамъ, которые и до истеченія 5 лѣтъ окажутся самыми исправными по обработкѣ пашни и обилію хлѣба, причемъ будутъ продавать излишекъ какъ его, такъ и домашняго скота, — предписывалось давать награды первому 30 р., второму 20 р., третьему 10 р., и продолжать и въ слѣдующіе годы выдачу тѣмъ, которые будутъ первыми въ хозяйствѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1765 г. царскосельскій управитель Удоловъ, прямо ссылаясь на данное ему приказаніе стараться „приводить крестьянъ въ порядочные земледѣльцы“, надѣливъ ихъ достаточнымъ количествомъ пашенъ и покосовъ, представилъ Императрицѣ докладъ о томъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ, въ добавленіе къ прежнимъ крестьянскимъ пашеннымъ землямъ, по числу ихъ тяголъ и имѣя въ виду, что и многіе бобыли вновь берутъ тяглыя земли, распахать еще до 400 дес.; но крестьяне не имѣли сѣмянъ для обсѣмяненія этой добавочной, а нѣкоторые и прежней запашки, и купить ихъ по дороговизнѣ хлѣба были не въ силахъ. Удоловъ ходатайствовалъ о выдачѣ крестьянамъ изъ Собственной Вотчинной Канцеляріи до будущей осени на посѣвъ 1183 четвертей овса и 282 четвертей ячменя. Императрица разрѣшила это. Въ іюнѣ того же года Удоловъ вновь ходатайствовалъ передъ Императрицей о выдачѣ царскосельскимъ крестьянамъ въ ссуду до будущаго года 1300 четвертей ржи изъ Главной Дворцовой Канцеляріи. Императрица согласилась на это предложеніе [59]).

Экономическое положеніе царскосельскихъ крестьянъ характеризуется отчасти количествомъ ихъ собственнаго скота. Въ 1715 г., до переселенія сюда дворцовыхъ крестьянъ изъ внутренней Россіи, въ мызахъ Сарской, Славянской, Кононовской и Антельской было 119 дворовъ крестьянскихъ и 46 бобыльскихъ, которые составляли 77 „дней“ (тяголъ); рабочаго скота у нихъ

было 215 лошадей и 78 коровъ, т. е. по 3 лошади и 1 коровѣ на тягло. Въ 1744 г. въ приписанныхъ къ Селу Царскому ижорскихъ и латышскихъ 23 деревняхъ и въ приписныхъ къ Пулковской мызѣ русскихъ и латышскихъ 11 деревняхъ было 37 осмаковъ (т. е. вѣроятно 148 тяголъ); скота у нихъ было: лошадей 207, коровъ 392, подтелковъ 145. Сравнительно съ 1715 г., количество лошадей стало вдвое меньше, а рогатаго скота почти втрое больше. Императрица Екатерина въ 1768 г. выражала желаніе, чтобы на одного работника было скота не менѣе 1 лошади, 2 коровъ, 2 овецъ и 1 свиньи [60]).

Государевымъ крестьянамъ, какъ и дворцовымъ, воспрещено было производить семейные раздѣлы безъ разрѣшенія своего начальства. Въ 1759 г. краснозаборское вотчинное правленіе (брянскаго уѣзда) донесло въ Собственную Ея Величества Вотчинную Контору, что въ краснозаборской волости многіе крестьяне передѣлились и иные дѣлятся самовольно, не требуя отъ правленія дозволенія, и „тѣмъ дѣлежомъ приводятъ себя въ одиночество и убожество", и спрашивало, дозволять ли, или запрещать семейные раздѣлы. Собственная Вотчинная Канцелярія въ слѣдующемъ году, на основаніи инструкціи управителямъ дворцовыхъ волостей 1731 г., запретила крестьянамъ дѣлиться подъ угрозой жестокаго наказанія и велѣла имъ жить по прежнему на старыхъ тяглахъ — сыновьямъ вмѣстѣ съ отцами, братьямъ съ братьями, самовольно раздѣлившихся вновь не соединять, а впредь виновныхъ въ самовольныхъ раздѣлахъ наказывать публично, при собраніи крестьянъ [61]). По инструкціи кн. Гагарину на управленіе селомъ Бобрики (1763 г.), также запрещено было дѣлиться безъ его разрѣшенія.

Въ нѣкоторыхъ государевыхъ имѣніяхъ устраивались школы, больницы и богадѣльни. Такъ, въ мызѣ Сарской уже съ 1715 г. упоминается, что мальчики и дѣвочки придворныхъ служителей отдавались „въ наученіе и присмотръ" мѣстному діакону. Такимъ образомъ, постепенно создалась школа, въ которой дѣти мужскаго и женскаго пола учились чтенію, письму, Закону Божію и ариѳметикѣ, подъ руководствомъ служителя, получавшаго за то денежное и хлѣбное жалованье и готовое платье. Дѣти обоего пола обучались на полномъ казенномъ содержаніи, получая пищевой паекъ, учебныя пособія и одежду. Окончившимъ курсъ въ этой школѣ давали должности писарей, садовниковъ и придворныхъ служителей, а дѣвушки также, по большей части,

опредѣлялись ко двору, смотря по успѣхамъ въ ученіи и рукодѣліяхъ. Рукодѣліямъ обучала особая надзирательница, получавшая жалованье деньгами и хлѣбомъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны въ этой школѣ учились дѣти придворныхъ служителей, мѣстныхъ обывателей и даже крестьянъ; въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны въ ней было 44 ученика. По Указу 1745 г. каждому школьнику выдавалось на мундиръ въ 3 года 1 р. 53 к., на обувь и бѣлье ежегодно по 89 коп., на соль въ треть года по 5 коп. Въ 1750 г. царскосельскую школу велѣно было перевести въ Кузьмину слободу, гдѣ и должны были жить учитель и ученики во время присутствія Государыни въ Селѣ Царскомъ, чтобы мальчики не бродили вокругъ дворца и не докучали тѣмъ Императрицѣ. Въ то же время Государыня повелѣла дѣтей служителей, „бурлаковъ", мастеровыхъ и рабочихъ людей отдавать въ царскосельскую славянороссійскую школу и выдавать имъ на счетъ казны учебныя пособія, пищу, одежду и все содержаніе. Школа была и въ Гатчинѣ, имѣніи Павла Петровича, и дѣти обоего пола обучались тамъ безплатно [62]). Небольшую школу велѣно было устроить при Екатеринѣ II и въ селѣ Бобрикахъ; для этого приказано было набрать 6 человѣкъ дѣтей изъ сиротъ дворовыхъ или крестьянъ и обучать ихъ письму, чтенію и ариѳметикѣ, „чтобы впредь годились для опредѣленія въ земскіе".

Въ Царскомъ Селѣ при Елисаветѣ Петровнѣ не было госпиталя и постояннаго врача; повидимому, не было его и при Екатеринѣ II. Въ Богородицкѣ при Екатеринѣ II былъ довольно большой госпиталь съ лекаремъ и лекарскими учениками, но крестьяне мало лечились въ немъ: они „боялись и бѣгали его, какъ огня"; госпиталь былъ и въ Кіясовкѣ и при немъ—знающій лекарь нѣмецъ. Въ Гатчинѣ, по желанію Павла Петровича, былъ открытъ хорошо устроенный госпиталь, болѣе чѣмъ на сто кроватей, гдѣ лечили безплатно и куда принимались и посторонніе. Тѣ больные въ деревняхъ, которые не могли быть доставлены въ госпиталь, пользовались дома услугами фельдшеровъ: ихъ въ каждой волости было по одному, подъ главнымъ надзоромъ окружнаго врача. Опытная повивальная бабка обучала деревенскихъ повитухъ своему искусству [63]).

Въ Царскомъ Селѣ еще при Екатеринѣ I были устроены 2 богадѣльни, мужская и женская, въ которыхъ въ 1748 г. помѣщалось 19 человѣкъ обоего пола, получавшихъ въ годъ по 6 р. жалованья, по 3 четверти ржаной муки, овчины на шубы и шерсть

на юбки, чулки и варежки. Въ 1771 г. штатъ богадѣльни установленъ въ 40 чел. (поровну изъ служителей и крестьянъ обоего пола), съ тѣмъ же денежнымъ и хлѣбнымъ довольствіемъ въ ней призрѣваемыхъ, и кромѣ того имъ было назначено по 3 четверти крупъ, да въ три года разъ на покупку шубы и чулокъ по 2 р. 26 к. [64]). Въ селѣ Бобрикахъ также велѣно было при Екатеринѣ II построить двѣ богадѣльни, мужскую и женскую, и содержать въ нихъ 30 человѣкъ, съ выдачею каждому по 3 четверти ржаной муки, по 4 четверика разныхъ припасовъ, да на соль и платье по 1 р. въ годъ. Волостная богадѣльня существовала и въ Богородицкѣ, но была уничтожена въ 1795 г.

Въ государевыхъ вотчинахъ такъ же, какъ и въ помѣщичьихъ, крестьянъ подвергали различнымъ суровымъ наказаніямъ. Однимъ изъ наказаній была работа не въ очередь, примѣнявшаяся въ кіясовской волости (коломенскаго уѣзда), а также и въ богородицкой. Извѣстный агрономъ и авторъ мемуаровъ Болотовъ, управитель этихъ волостей, примѣнялъ также посрамительныя наказанія: раздѣвалъ воровъ до-нага и, вымазавъ дегтемъ, водилъ ихъ по селу, при чемъ мальчикамъ приказано было кричать: „воры! воры!“ и бросать въ нихъ грязью. При допросѣ воровъ Болотовъ прибѣгалъ къ неоднократнымъ сѣченіямъ, а также къ пыткѣ жаждою [65]).

Со времени отдачи въ 1708 г. Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ мызъ Сарской и др. въ копорскомъ уѣздѣ, главное управленіе ими было поручено канцеляріи конюшенныхъ дѣлъ, первоприсутствующій въ которой поручикъ Кошелевъ докладывалъ самой Государынѣ о дѣлахъ, требующихъ ея разрѣшенія. Въ 1723 г., какъ мы уже упоминали, была учреждена Собственная Вотчинная Канцелярія для завѣдыванія имѣніями Екатерины Алексѣевны, а въ Москвѣ Собственная Вотчинная Контора. Предсѣдателемъ Собственной Вотчинной Канцеляріи былъ назначенъ Екатериною секретарь Арцыбушевъ; она состояла подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государыни и ни отъ кого, кромѣ нея, не зависѣла [66]). Собственная Вотчинная Канцелярія завѣдывала и другими имѣніями Екатерины Алексѣевны—тремя кексгольмскими погостами, ладожскими, новгородскими и псковскими деревнями, а Московская Контора волостями во внутренней Россіи [67]).

Въ 1727 г. Собственная Вотчинная Канцелярія Ея Величества была уничтожена; но въ царствованіе Анны Іоанновны Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ было разрѣшено учредить свои

особыя вотчиныя канцеляріи и контору, которыя, со вступленіемъ Цесаревны на престолъ, вошли въ рядъ правительственныхъ учрежденій. Названія канцеляріи и конторъ мѣнялись, смотря по мѣсту пребыванія Государыни, какъ это было установлено въ 1744 г. Поэтому въ 1749 г., съ переѣздомъ Императрицы въ Москву, тамошняя Вотчинная Контора была переименована въ Канцелярію, Петербургская же Канцелярія въ Контору, а въ 1754 г., съ переѣздомъ Елисаветы Петровны въ Петербургъ, совершилось обратное переименованіе. По учрежденіи конторы строеній Села Царскаго, съ 1748 г. Императрица Елисавета повелѣла Собственной Вотчиной Канцеляріи не вѣдать крестьянъ Села Царскаго, а имъ и управителю Удолову со всѣми приписными къ этому селу слободами и деревнями быть въ вѣдомствѣ полковника Григорьева, который былъ назначенъ начальникомъ конторы строеній Села Царскаго; Собственная же Вотчинная Канцелярія должна была получать только доходы съ крестьянъ. Но въ 1761 г. эта Канцелярія опять вступила въ управленіе крестьянами [68]).

31 мая 1765 года Императрица Екатерина дала слѣдующій Именной Указъ о присоединеніи Собственной Вотчинной Канцеляріи къ Дворцовой: „Истинное правило хозяйства есть такое, чтобы все домостроительство зависѣло отъ одного главнаго мѣста и управляемо было вообще. Мы, сего правила держась, Всевысочайше повелѣваемъ дворцовой канцеляріи присоединить къ себѣ нашу собственную вотчинную канцелярію, подобно, какъ и контору ея, къ московской дворцовой конторѣ, и сдѣлать оное присоединенное правленіе особою при себѣ экспедиціею, принявъ съ нимъ въ главное вѣдомство всѣ дѣла, казенные домы, подмосковныя и села, какъ то Сарское село и Покровскій дворецъ, тако-жъ всѣхъ людей, запасы, заводы, скотъ и все, что ни было въ правленіи оной, отнынѣ уничтоженной, канцеляріи по описи. Членамъ-же оной бывшей канцеляріи и ея конторы присутствовать впредь до указу—совѣтнику Удолову здѣсь въ главной дворцовой канцеляріи, а совѣтнику Копьеву въ московской дворцовой конторѣ... Во всемъ экономическомъ правленіи, въ волостяхъ, вотчинахъ, селахъ, деревняхъ поступать такъ, какъ оная главная дворцовая канцелярія съ приписными къ ней волостьми по нашимъ указамъ поступаетъ“.

Однако, черезъ двѣ недѣли, 13 іюня 1765 г. Императрица повелѣла, чтобы управитель села Сарскаго находился въ Ея Соб-

ственномъ вѣдѣніи и руководствовался данною ему (въ 1764 г.) инструкціею, Дворцовая-же Канцелярія не вмѣшивалась-бы ни въ какія его распоряженія по земледѣлію, „ибо какъ о доходахъ, такъ и о расходахъ и успѣхахъ въ работѣ онъ самъ передъ Ея Императорскимъ Величествомъ и отвѣтствовать, и въ дополненіе къ своей инструкціи всеподданнѣйше докладывать будетъ". Въ 1772 г. была учреждена и контора вотчиннаго управленія Села Царскаго [69]).

Мѣстною властью въ государевыхъ имѣніяхъ были сначала приказчики, затѣмъ управители, нѣкоторыми-же вотчинами, гдѣ не было управителей, управляли, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII в., старосты и выборные (впрочемъ, во главѣ управленія нѣкоторыми государевыми вотчинами при Екатеринѣ II стояли главноуправляющіе [70]). Приказчикъ Царицы Прасковьи Ѳедоровны, управлявшій ея новгородскими волостями, по Наказу ея 1716 г., долженъ былъ получать съ крестьянъ слѣдующее жалованье: деньгами 30 р., всякаго хлѣба по 15 чтв., по 13 барановъ, по 5 пуд. соли. Въ 1736 г. въ селѣ Воскресенскомъ, симбирскаго уѣзда, принадлежавшемъ Елисаветѣ Петровнѣ, управитель получалъ съ крестьянъ слѣдующее жалованье: деньгами 50 р., муки ржаной 25 чтв., овса 36 чтв., сѣна 54 пуда. Управитель нижегородскаго имѣнія Елисаветы Петровны села Работокъ также получалъ съ крестьянъ 50 р. жалованья [71]). Въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы встрѣчаемъ въ государевыхъ вотчинахъ приказныя избы. Въ Царскомъ Селѣ въ 1744 г. существовало вотчинное правленіе [72]), а при Екатеринѣ II въ Богородицкѣ управительская канцелярія. Со стороны управляющихъ дѣло не обходилось безъ злоупотребленій: такъ, управитель имѣнія Бобрики, по свидѣтельству Болотова, „набивалъ себѣ карманы плутовскою отдачею внаймы многихъ десятинъ излишней земли, введеніемъ множества разорительныхъ кабаковъ и прочими тайными уловками". Помощникъ Болотова бралъ взятки.

Въ селеніяхъ царскосельскаго вѣдомства въ царствованіе Петра Великаго выбирались ежегодно по мірскому приговору старосты, которые утверждались приказчикомъ. Они обязаны были исполнять предписанія, присылаемыя изъ приказной избы, и отвѣчать за порядокъ во всемъ селеніи. Міромъ ежегодно избирались также „четвертовщики", которые должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы въ находившейся въ ихъ завѣдываніи части селенія не было пришлыхъ и особенно безпаспортныхъ людей, а въ случаѣ

появленія таковыхъ—доносить старостѣ. Крестьяне избирали также на мірскомъ сходѣ цѣловальниковъ для пріема въ казенные магазины и выдачи поручаемыхъ имъ матерьяловъ и припасовъ, лѣсовщиковъ, наблюдавшихъ за тѣмъ, чтобы не было порубокъ, и, наконецъ, десятскихъ. Послѣдніе должны были наблюдать, чтобы въ ихъ десяткѣ дворовъ не было бѣглыхъ, нищихъ и подозрительныхъ людей, воровства, разбоевъ, продажи вина, пива и табаку, игры въ зернь (кости) и карты, наблюдать за исправнымъ исполненіемъ работъ и поступленіемъ казенныхъ сборовъ. Въ 1766 г., по предписанію изъ Петербургской Губернской Канцеляріи крестьянамъ вѣдомства Села Царскаго велѣно было избирать сотскихъ, а въ помощь имъ десятскихъ, причемъ сотскимъ дана была инструкція съ изложеніемъ ихъ обязанностей. Старосты, сотскіе и десятскіе увольнялись здѣсь отъ извѣстной части работъ или оброка [73]).

Въ имѣніи Бобрики, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ жили пашенные крестьяне, были староста и выборный, а въ остальныхъ—по одному десятскому. Ихъ выбирали на 2 года и давали имъ льготы въ обработкѣ казенной пашни, „въ сгонной работѣ и въ подводахъ съ двухъ тяголъ“, а „доходы по окладу“ и подушныя подати они должны были платить наравнѣ съ прочими крестьянами. Они вели вѣдомости прихода и расхода казеннаго хлѣба и мірскихъ денегъ. Богородицкая вотчина въ 1780-хъ годахъ была раздѣлена на нѣсколько частей и въ каждой изъ нихъ выбраны бурмистры, которые должны были вѣдать по нѣскольку селъ и деревень и производить надъ крестьянами судъ и расправу. Бурмистровъ этихъ велѣно было одѣть въ платье особаго покроя изъ малиноваго сукна и снабдить форменными поясами, шапками и даже начальническими жезлами.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II въ государевыхъ вотчинахъ произошли нѣкоторыя волненія.

Въ іюнѣ 1772 г. Императрица дала слѣдующее повелѣніе: „сего іюня 23 дня дерзнули подать намъ въ собственныя руки вѣдомства села Царскаго три крестьянина ложное прошеніе, якобы именемъ всѣхъ приписныхъ къ селу Царскому крестьянъ, отважась въ ономъ прошеніи охуждать не токмо повелѣнное нами размежеваніе крестьянамъ земель, толкуя оное во вредъ, но еще сверхъ того несправедливымъ образомъ: 1) поставляя себѣ за отягощеніе узаконенный отъ насъ платежъ почтовыхъ, который вся Ингерманландія платитъ, 2) починку внутрь дачъ царскосельскихъ

дорогъ, кои чинятся съ найма и, слѣдовательно, имъ, крестьянамъ, отнюдь въ отягощеніе быть не могутъ и 3) даже до рытья карантинныхъ рвовъ и содержанія рогатокъ, кои изъ попеченія отъ насъ для безопасности ихъ-же селеній отъ заразительной болѣзни учреждены, осмѣлились упомянуть яко отяготительное для нихъ дѣло, принося еще сверхъ того многія несносныя жалобы. Сего ради повелѣваемъ, сыскавъ помянутыхъ трехъ мужиковъ, также и тѣхъ, кто имъ прошеніе писалъ и руку прикладывалъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ наказать тѣлесно и сослать ихъ на поселеніе, дабы они, а на нихъ смотря и другіе, не осмѣливались впредь утруждать насъ такими непозволенными, дерзкими и недѣльными прошеніями, а тѣмъ менѣе толковать во вредъ учиняемыя по нашимъ повелѣніямъ учрежденія, коимъ повиноваться должны; и о семъ во всѣхъ вѣдомства села Царскаго селеніяхъ публиковать“. При допросахъ и исполненіи этого повелѣнія произошло волненіе, такъ что потребовалось ввести въ селеніе крестьянъ усиленную воинскую команду; вслѣдствіе этого, наиболѣе виновные были сосланы въ Сибирь, а „содѣйствовавшіе имъ и упорствовавшіе“ сданы въ солдаты и отправлены въ Кронштадтъ, но впослѣдствіи были прощены и возвращены въ свои прежнія жилища [74]).

О волненіи во время Пугачевщины въ коростинской волости (новгородской губерніи), также повидимому связанномъ съ измѣненіями въ прежнемъ строѣ жизни крестьянъ, мы упоминали выше. Въ кіясовской волости высказывалось сочувствіе Пугачеву и, наконецъ, въ 1775 г. произошло волненіе, вызванное введеніемъ шестирублеваго съ тягла оброка [75]).

Изъ государевыхъ вотчинъ, какъ и изъ дворцовыхъ, производились пожалованія. Такъ, Императрица Елисавета Петровна въ 1742 г. пожаловала А. Г. Разумовскому состоявшія въ вѣдомствѣ Собственной Вотчинной Канцеляріи вотчины можайскаго уѣзда (въ которыхъ въ царствованіе Екатерины II было 3088 д.), да въ московскомъ уѣздѣ с. Знаменское; въ 1743 г. ему же были пожалованы Собственныя вотчины въ псковскомъ уѣздѣ—корельская волость съ приписными къ ней въ разныхъ уѣздахъ, засадахъ и губахъ волостями и деревнями, съ людьми и крестьянами,—все, что имѣлось въ псковской провинціи въ вѣдомствѣ Собственной Вотчинной Канцеляріи; въ 1744 г. А. Г. Разумовскому было подарено село Перово и двѣ деревни со всѣми принадлежностями и со всѣмъ, съ чѣмъ они были приняты въ 1743 г. по Именному Указу въ вѣдомство

Собственной Вотчинной Канцеляріи. Въ царствованіе Петра III изъ собственныхъ государевыхъ вотчинъ (кромѣ 6049 душъ муж. пола, данныхъ Императрицѣ Екатеринѣ) было пожаловано разнымъ лицамъ 7027 душъ муж. пола, въ томъ числѣ оберъ-гофмейстеринѣ гр. Воронцовой силосарская волость въ новгородскомъ уѣздѣ и село Кимра въ кашинскомъ уѣздѣ (въ обоихъ 4708 душъ муж. пола). Императрица Екатерина II въ первые годы своего царствованія пожаловала разнымъ лицамъ нѣсколько тысячъ душъ изъ государевыхъ вотчинъ. Такъ, изъ этихъ имѣній въ 1762 г. братья Орловы получили 2929 душъ, а черезъ два года гр. Г. Орловъ получилъ мызу Ропшу и нѣкоторыя другія.

Мы видѣли, что иногда дворцовыя вотчины обращались въ государевы; бывало и на оборотъ [76]).

Упраздненіе Собственной Вотчинной Канцеляріи въ 1765 г. и отдача государевыхъ вотчинъ въ вѣдомство Дворцовой Канцеляріи дали впослѣдствіи поводъ секретарю Императрицы Екатерины Храповицкому сказать Ей слѣдующее: „Ваше Величество по правиламъ, вами принятымъ, не имѣете ничего собственнаго, ибо собственныя вотчины причислили къ дворцовымъ и потомъ обще съ экономическими и государственными отдали въ вѣдомство директоровъ экономіи, на удовлетвореніе надобностей государства, да и деревни, купленныя у гр. К. Г. Разумовскаго и прочихъ, поступили въ то-же управленіе“ [77]).

Но уничтоженіе Собственной Вотчинной Канцеляріи и соединеніе государевыхъ крестьянъ съ дворцовыми въ вѣдомствѣ одного центральнаго учрежденія вовсе не имѣютъ такого значенія, какое имъ придалъ Храповицкій. Самое подчиненіе государевыхъ вотчинъ Дворцовой Канцеляріи оказалось совершенно номинальнымъ. Мы сейчасъ видѣли, что управитель Села Царскаго Удоловъ былъ избавленъ отъ подчиненія Дворцовой Канцеляріи; кн. С. В. Гагаринъ и его сынъ, повидимому, также вовсе отъ нея не зависѣли. Различіе между государевыми и дворцовыми крестьянами ясно сознавалось современниками, такъ что, напр. Георги, путешествовавшій по Россіи въ 1772—1774 гг., дѣлая классификацію казенныхъ крестьянъ, ставитъ тѣхъ и другихъ въ различныя рубрики, прибавляя при этомъ, что доходъ съ государевыхъ крестьянъ идетъ въ пользу Членовъ Царской Фамиліи [78]). Впослѣдствіи государевы вотчины дѣйствительно были поручены надзору директоровъ домоводства, но это еще не значитъ, чтобы доходы съ нихъ шли на потребности государства точно такъ-же, какъ и

оброкъ съ дворцовыхъ крестьянъ шелъ исключительно въ пользу дворцоваго вѣдомства, а не на другія государственныя нужды.

Такимъ образомъ, государевы крестьяне отличались по своему положенію отъ дворцовыхъ: тогда какъ послѣдніе при Екатеринѣ II платили вездѣ одинаковый оброкъ, возросшій въ Ея царствованіе до 3 р. съ ревизской души, государевы крестьяне вносили различные оброки, мѣстами продолжая при этомъ исполнять и нѣкоторыя работы. Управители въ нѣкоторыхъ государевыхъ вотчинахъ распоряжались крестьянами весьма самовластно и иногда подвергали ихъ всевозможнымъ истязаніямъ. Такимъ образомъ, государевы вотчины составляли какъ-бы переходъ отъ государственныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ; но правительство при Екатеринѣ II считало ихъ населеніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ наравнѣ съ казенными крестьянами [79]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ введенію отд. I.

1) Ключевскій. „Боярская дума древней Руси". М. 1882. Изд. I, стр. 82, 107—113, 116, 118, 133. Срав. Милюковъ. „Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства", стр. 34.

2) Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры", ч. I, стр. 205—206; Лаппо-Данилевскій. „Организація прямаго обложенія въ московскомъ государствѣ", 446—447; Середонинъ. „Сочиненіе Флетчера", 307; Неволинъ. Сочиненія, т. VI, 150—152; Чичеринъ. „Опыты", 40.

3) Милюковъ. „Очерки" I, 206. „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ". М. 1872 г., т. II, 256, 288. О томъ, что нѣкоторыя дворцовыя села и слободы вѣдались въ XVII в. въ Казанскомъ Дворцѣ, см. Лаппо-Данилевскій, стр. 449, 465, 547, 548. О селахъ, вѣдавшихся при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, см. ниже.

4) Изъ вѣдомости, составленной въ Приказѣ Большаго Дворца въ 1701 г., мы видимъ, что въ то время дворцовые крестьяне и оброчные бобыли, вѣдавшіеся въ этомъ Приказѣ, находились въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ уѣздахъ московскомъ, новгородскомъ, владимірскомъ, ярополческомъ, гороховецкомъ, переяславль-залѣсскомъ, юрьево-польскомъ, ростовскомъ, ярославскомъ, угличскомъ, бѣжецкомъ, новоторжскомъ, суздальскомъ, костромскомъ, вологодскомъ, пошехонскомъ, бѣлозерскомъ, важескомъ, юрьевецъ-повольскомъ, кинешемскомъ, балахонскомъ, нижегородскомъ, алатырскомъ, арзамасскомъ, алексинскомъ, клинскомъ, тверскомъ, коломенскомъ, переяславль-рязанскомъ, каширскомъ, серпуховскомъ, дмитровскомъ, кашинскомъ, можайскомъ, звенигородскомъ, козельскомъ, серпейскомъ, брянскомъ, старицкомъ, мосальскомъ, трубчевскомъ, тамбовскомъ, верхнеломовскомъ, нижнеломовскомъ, Норовчатскаго городища, темниковскомъ, романовскомъ на степи, богородицкомъ, скопинскомъ, лебедянскомъ. Въ вѣдомствѣ Казанскаго дворца находились села слѣдующихъ уѣздовъ: казанскаго, симбирскаго, уржумскаго, царево-кокшайскаго, яренскаго, самарскаго и уфимскаго. Слѣдовательно, дворцовые крестьяне, вѣдавшіеся въ этихъ двухъ Приказахъ, жили въ 57 уѣздахъ. См. „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ", т. II. М. 1872 г., стр. 177—240, 288—289. Кромѣ названныхъ, слѣдуетъ упомянуть еще пермскія дворцовыя села, дворцовыя слободы въ Сибири, невельскія и смоленскія волости (Порѣчье, Каспля, Духовщина, Красное, Ельня и др.), наконецъ, села въ тульскомъ и путивльскомъ уѣздахъ. „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи", кн. I, „Опись книгамъ писцовымъ, переписнымъ, дозорнымъ и пр." Лаппо-Данилевскій, стр. 20, 66—67, 166, 543, 547—548.

5) Лаппо. „Тверской уѣздъ въ XVI в.", М. 1894 г., 34; Лаппо-Данилевскій, 166.

6) Въ составъ настоящаго изслѣдованія не входятъ деревни конюшенныя, сокольничаго и ловчаго путей. Конюшенныя деревни, находившіяся въ завѣдываніи Конюшеннаго Приказа, занимались земледѣліемъ и поставляли въ Конюшенный Приказъ овесъ и сѣно. Котошихинъ, гл. VI, ст. 6; Неволинъ, VI, 155. Въ деревняхъ сокольничаго пути, гдѣ жили сокольи „помочники" или помытчики, ставившіе соколовъ для царской охоты, также встрѣчаемъ занятіе земледѣліемъ. Лаппо, 200—201. Вѣдались они въ XVI и началѣ XVII в. Сокольничимъ Приказомъ, а при Алексѣѣ

Михайловичѣ Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ. Неволинъ, VI, 156; Котошихинъ, гл. VI, ст. 1. Впрочемъ, въ XVII вѣкѣ не всегда ставили соколовъ натурою, а иногда вносили за нихъ оброкъ. Лаппо-Данилевскій, 21. О конюшенныхъ крестьянахъ и сокольихъ помытчикахъ ср. въ статьѣ В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в.", „Вѣстникъ Европы" 1878 г., № 6, стр. 422—441, 463—472. Въ деревняхъ псарскихъ и ловчаго пути обыкновенно также встрѣчается въ XVI вѣкѣ занятіе земледѣліемъ. Лаппо, 202—203.

7) Дьяконовъ. „Бобыли въ XVI и XVII вв.", Спб. 1895 г. Затѣмъ въ писцовыхъ книгахъ дворцовыхъ селъ и деревень XVI в. встрѣчаются, кромѣ церковныхъ причетниковъ: приказчикъ, доводчикъ, земскій дьячекъ, староста, десятникъ, скоморохи, дворники, слуги Великаго Князя—псари, конюхи, сокольники и проч., и наконецъ старцы и старицы мірскіе. Лаппо, 34.

8) Оброкъ, какъ и другіе сборы, налагался на собирательныя платежныя единицы—выти, состоявшія изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ или изъ одного, а иногда одинъ дворъ сидѣлъ и болѣе, чѣмъ на одной выти. Вытью назывался тяглый участокъ земли; величина его измѣнялась въ зависимости какъ отъ свойства земли, такъ и отъ количества лежавшихъ на немъ оброковъ и повинностей. По мнѣнію извѣстнаго ученаго П. Н. Милюкова, выть въ дворцовомъ хозяйствѣ уже въ первой половинѣ XVI вѣка „является вполнѣ опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ", а именно въ ней полагается по 6 десятинъ земли въ каждомъ полѣ; такъ было въ дворцовыхъ селахъ вологодскаго уѣзда въ 1503 г., волоколамскаго уѣзда въ 1544 г., владимірскаго уѣзда въ 1555 г. Во второй половинѣ XVI вѣка на выть полагалось обыкновенно по 6 дес. „доброй" пахотной земли, по 7 дес. средней и по 8 дес. худой, слѣдовательно, въ трехъ поляхъ выть равнялась во второй половинѣ XVI вѣка — 18, 21 или 24 дес. Милюковъ. „Спорные вопросы". 1892 г., стр. 33, 46—47, 60—62; Куплеваскій, „Состояніе сельской общины въ XVII в.". Кіевъ, 1877 г., стр. 10. (Десятина равнялась въ XVI в. 2400 кв. саж., но въ болѣе позднее время хозяйственною и спеціально дворцовою десятиною называлась такая, въ которой было 3200 кв. саж. Милюковъ, 66—67) *). Такъ какъ въ десятинѣ считалось двѣ четверти земли (на ней сѣяли двѣ тогдашнихъ четверти ржи, которыя въ XVI в. были вдвое менѣе теперешнихъ) **), то, слѣдовательно, въ выти на дворцовыхъ земляхъ было въ это время въ каждомъ полѣ 12, 14 или 16 четвертей земли, смотря по ея качеству. (Кромѣ того, на выть полагалось извѣстное число копенъ сѣна, а въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и нѣкоторое пространство лѣса). Однако, встрѣчается въ дворцовыхъ селахъ выть въ 27 дес. средней и 30 дес. худой земли, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ селахъ тверскаго уѣзда Великаго Князя Симеона Бекбулатовича въ 1580 г. Лаппо. „Тверской уѣздъ въ XVI в.", стр. 39, 205. Въ XVII в. московская выть также имѣла обыкновенно величину въ 12, 14 и 16 четвертей въ каждомъ полѣ, смотря по качеству земли, но бывала выть и большей величины, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья. Въ Сибири въ первой половинѣ XVII в. на выть полагалось въ дворцовыхъ земляхъ до 20 четвертей въ полѣ. Лаппо-Данилевскій, 522; Перетятковичъ, „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.". Од. 1882 г., стр. 172—173.

Для раскладки сборовъ въ пользу землевладѣльца выть удовлетворяла своему назначенію, но для собиранія государственныхъ податей и повинностей эта платежная единица была слишкомъ мала, и для этой послѣдней цѣли употреблялась соха, которая во второй половинѣ XVI в. равнялась на дворцовыхъ земляхъ 800 четвертямъ (или 400 дес.) доброй земли, 1000 четвертямъ средней, 1200 четвертямъ худой и 1300 четвертямъ „добре-худой" земли. Такова же обыкновенно бывала величина сохи на дворцовыхъ земляхъ и въ XVII в., но иногда въ это время соха равнялась

*) Впрочемъ, по писцовому дворцовому Наказу 1674 г. велѣно мѣрять государеву десятинную пашню и укосные луга десятинами въ 3200 кв. саж., а крестьянскіе и бобыльскіе дворы, огороды, гумна и пашни десятинами въ 2400 кв. саж. Московск. отд. Архива Министерства Двора по реестру № 2, дѣло № 152, лис. 11.

**) Ключевскій. «Русскій рубль XVI—XVIII в.». «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Рос.» 1884 г., т. I, 10; Милюковъ, «Очерки», стр. 132.

здѣсь 600 четвертямъ доброй, 700 средней и 800 худой земли. Милюковъ, „Спорные вопросы", 46—47, 49, 58; Лаппо, „Тверской уѣздъ", 205; Лаппо-Данилевскій, 226, 520.

На сѣверѣ, въ бывшихъ новгородскихъ владѣніяхъ, встрѣчается въ XVI вѣкѣ другая податная единица—обжа. Новгородцы опредѣлили Ивану III свою „обжу" такимъ образомъ: „обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ". Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ первой половины XVI вѣка обжа соотвѣтствуетъ извѣстному числу коробей пашни (коробья пашни равняется десятинѣ земли), но обжа равняется первоначально различному числу коробей, и только въ писцовыхъ книгахъ 1581 и слѣдующихъ годовъ обжа окончательно опредѣляется въ размѣрѣ 10 четвертей, а въ новгородской сохѣ или сошкѣ полагалось 3 обжи, слѣдовательно, 30 четвертей въ каждомъ полѣ. Милюковъ. „Спорные вопросы", 36, 37. Лаппо-Данилевскій, 522.

Запашка Вел. Кн. еще въ писцовой книгѣ 1500—1501 г. измѣряется десятинами: въ новгородскомъ уѣздѣ, въ Паозерьѣ, въ селѣ у Троицы, на десятину пашни Вел. Князя сѣяли по коробьѣ съ четверткою ржи. Четвертка равняется ¼ зобницы (Прозоровскій, „Монета и вѣсъ въ древней Россіи", 207), а зобница — кузовокъ, лукошко для дачи лошадямъ овса. Слѣдовательно, когда говорится „пашни" столько-то „коробей", можно принимать коробью за десятину.

Приводимыя свѣдѣнія о платежахъ и повинностяхъ дворцовыхъ крестьянъ въ XVI и въ началѣ XVII в. заимствованы изъ источниковъ, относящихся къ слѣдующимъ мѣстностямъ: шелонской пятинѣ новгородскаго уѣзда (1500—1501 гг., 1523—1524 гг., 1550—1551 гг. и 1583—1584 гг.), веневскому уѣзду (1571—1572 гг.), тверскому уѣзду селамъ Вел. Кн. Симеона Бекбулатовича (1580—1581 гг.), вологодскому уѣзду (1590 г.), казанскому уѣзду (1599—1600 г.), нижегородскому уѣзду (1608 г.) и курмышскому уѣзду (1609—1612 гг.). См. списки съ писцовыхъ книгъ шелонской пятины въ Арх. Мин. Юст., книга № 706, писцовая книга веневскаго уѣзда въ изданіи Калачева: „Писцовыя книги XVI в." ч. I, отд. II, стр. 1548—49; писцовая книга тверского уѣзда селъ Вел. Кн. Симеона Бекбулатовича, тамъ же, стр. 291 и слѣд.; переписная книга вологодскаго уѣзда 1590 г., Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, по Вологдѣ № 5; межевая и дозорная книга казанскаго уѣзда 1599—1600 гг. Арх. Мин. Юст. кн. 153, л. 1393—1454; платежница дворцовыхъ селъ и деревень нижегородскаго уѣзда (1608 г.) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. конюшеннаго приказа № 1 и окладная книга города Курмыша 1609—1612 гг., Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 1.

9) Такъ напр., въ Троицкомъ селѣ Великаго Князя въ Паозерьѣ, шелонской пятины, въ 1500—1501 гг. 40 дворовъ крестьянъ, въ которыхъ жило 72 тяглыхъ человѣка, пахали на Великаго Князя по 24 десятины въ полѣ или 72 десятины въ трехъ поляхъ; слѣдовательно, каждый тяглый крестьянинъ пахалъ по ⅓ десятины въ каждомъ полѣ или одну десятину во всѣхъ трехъ поляхъ. Пашню на Государя крестьяне пахали здѣсь и 50 лѣтъ позднѣе (въ селахъ Троицкомъ и Ракомо съ 38 обежъ—31 дес. въ полѣ, въ погостѣ Голинскомъ съ 64½ обежъ—по 14 дес. въ полѣ). Въ 1572—73 г. въ этой же мѣстности мы находимъ уже довольно обширную дворцовую запашку по 150 дес. въ каждомъ полѣ. Въ 1583—1584 гг. въ дворцовыхъ вотчинахъ порховскаго уѣзда шелонской пятины (въ 5 селахъ и 86 деревняхъ), послѣ разоренія, произведеннаго здѣсь поляками во время осады Пскова, крестьяне пахали на Государя 59 дес. пашни средней земли въ каждомъ полѣ, а такъ какъ крестьянской запашки у нихъ было 317 дес. въ полѣ, то, слѣдовательно, крестьяне изъ 6¼ дес. пахали одну на Царя. Въ волоколамскомъ уѣздѣ, въ 1544 г., въ дворцовомъ селѣ полагалось на выть по 6 дес. въ полѣ, а на Великаго Князя они пахали съ выти по десятинѣ и сѣяли на ней по 2 тогдашнихъ четверти ржи (т. е. одну четверть нынѣшнюю), а овса—вдвое, и возили на десятину опредѣленное количество навоза. (Милюковъ. „Спорные вопросы", 32). Въ вологодскомъ уѣздѣ въ 1590 г. крестьянамъ было отведено на выть по 6 дес. доброй, по 7 средней и 8 дес. худой земли, считая съ тою десятиною, которую пахали на Царя и Великаго Князя для посопнаго хлѣба. Въ одной книгѣ сошнаго письма это указано какъ общее правило: „въ государевыхъ дворцовыхъ селѣхъ и помѣстныхъ земляхъ въ выть доброй земли по 5 дес., а середніе земли по 6 дес., а худые земли по 7 дес., а на посопной хлѣбъ наддавати на выть по десятинѣ". Впрочемъ, въ венев-

скомъ уѣздѣ изъ 6½ дес. въ полѣ на выть на царя пахали по 1½ дес. въ полѣ. Милюковъ „Спорные вопросы“, 33; „Писцовыя книги XVI в.“, изд. Калачева, т. I, отд. II, стр. 1548—49. Въ казанскомъ уѣздѣ въ 1599—1600 гг. крестьяне пахали пашню на Царя на неуложенныхъ десятинахъ на выть *) по двѣ четверти ржи, а овса вдвое „въ таможенную мѣру“. Крестьяне трехъ деревень и двухъ починковъ села Царицына пахали пашню на Царя „взгономъ“ (сгономъ) 10¼ четвертей въ таможенную мѣру“. Крестьяне деревень Выползовой, Задней и Заднія Атары пахали пашню въ селѣ Царицынѣ. „Крестьяне на дворцовыхъ земляхъ“, говоритъ г. Перетятковичъ, „жили общинами, для которыхъ главнымъ средоточіемъ обыкновенно было село, а къ нему уже тянули другіе поселки; въ такомъ селѣ нерѣдко была „государева десятинная пашня“, обрабатываемая крестьянами, находились государевы житницы, гдѣ хранился хлѣбъ и въ этомъ же селѣ жилъ приказчикъ“. „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.“, стр. 179. Крестьяне казанскаго уѣзда, деревни Заднія Атары „дѣлали государево издѣліе“ (т. е. исполняли барщину) „на казенныхъ мельницахъ“. Но тутъ же были оброчныя деревни, которыя совсѣмъ не пахали пашни, а давали только денежный оброкъ.

10) Арх. Мин. Юст., кн. 975, л. 106 и слѣд.

11) Такъ, на крестьянъ дворцоваго села Троицкаго въ Паозерьѣ шелонской пятины въ 1500—1501 гг. „оброкъ“ былъ положенъ „за обежную дань и за хлѣбъ деньгами“; на дворцовую волость Боротна (той же пятины) „оброку“ было „положено деньгами и за обежную дань“, кромѣ хлѣба и другихъ сборовъ натурою. Въ писцовой книгѣ шелонской пятины 1523—1524 гг. также „оброку на ту волость“ (погосты Лосицкій и др.) „положено деньгами и за обежную дань“... „а хлѣба поспомъ“ и т. д.; всего оброку съ той волости деньгами и за весь доходъ столько-то. По писцовой книгѣ шелонской пятины 1550—1551 гг. также взимаются деньги „за обежную дань и за хлѣбъ“, за обежную дань и за мелкій доходъ. Въ писцовой книгѣ веневскаго уѣзда 1571—1572 гг. сказано уже иначе: „да крестьянамъ же давать *за дань* медвянаго оброку 82½ р., съ выти по 2 гривны, или ямскія и приметныя деньги и за засѣчное и за емчюжное дѣло по разводамъ, какъ въ которомъ году крестьянамъ легче для того, что имъ въ тѣхъ дворцовыхъ селахъ пахать на Государя пашни, а мѣсто украинное, и крестьяне садились ново, и впередъ бы отъ государевыхъ податей тѣ села не запустѣли“. Такимъ образомъ, развитіе государственныхъ потребностей повело къ сбору по устройству почты, пограничныхъ укрѣпленій и на „емчюжное дѣло“, т. е. на вареніе селитры, нужной для приготовленія пороха. Въ вологодскомъ уѣздѣ въ 1590 г. въ дворцовыхъ селахъ, кромѣ посопнаго хлѣба съ вытей, взималось съ сошнаго письма (съ сохъ) за посошный кормъ (срав. Милюковъ, „Спорные вопросы“, 13), а затѣмъ съ выти за мелкій доходъ, за солому и скатертнаго, за посельничь доходъ и присудъ.

Съ самаго начала XVI в. встрѣчаемъ въ писцовыхъ книгахъ денежныя пошлины дворецкому, дьяку и ключнику; на сельскаго ключника въ первой половинѣ XVI в. доходъ собирался не только деньгами, но и натурою—пшеницею, рожью, овсомъ, ячменемъ, сырами, льномъ, говяжьими лопатками, овчинами. Въ волости Жедрицы (шелонской пятины) 1523—1524 гг. сельскій ключникъ, сверхъ получаемыхъ имъ съ крестьянъ ржи и овса, пахалъ двѣ обжи на себя, „своими людьми“.

12) Съ бортниковъ и съ мордвы нижегородскаго уѣзда въ 1608 г. „за припасы дьяка“ брали медомъ, а не деньгами.

13) По изслѣдованію проф. Ключевскаго „Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“ („Чтенія Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1884 г., т. I), основанному на сравненіи цѣнъ на хлѣбъ, рубль 1500 гг. стоилъ около 130 р. и во всякомъ случаѣ не менѣе 100 р. нынѣшнихъ (стр. 28, 29, 72), рубль 1501—1550 г. равнялся 63—83 нынѣшнимъ р., въ 1551—1600 гг. 60—74 нынѣшнихъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ собираться большее количество данныхъ о цѣнахъ на хлѣбъ въ XVI в., могутъ быть внесены поправки въ выводы проф. Ключевскаго посредствомъ измѣненія второго знаменателя отношенія, т. е. цѣнъ XVI в.; мы-же обратимъ вниманіе на то, что проф. Ключевскій для опредѣленія нынѣшнихъ цѣнъ хлѣба взялъ данныя за одинъ 1882 г., тогда какъ

*) Вѣроятно, это означаетъ раскладку на выти «по крестьянскимъ сказкамъ, а не по мѣрѣ», срав. Перетятковичъ, 124.

въ подобныхъ случаяхъ необходимо брать среднія цифры за значительный періодъ времени. Свѣдѣнія о цѣнахъ на 1882 г. проф. Ключевскій почерпнулъ изъ офиціальнаго изданія Департамента земледѣлія и сельской промышленности „1882 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". Мы возьмемъ данныя изъ того-же офиціальнаго изданія, но только не за одинъ, а за девять лѣтъ (1881—1889 гг.), и такъ какъ для опредѣленія цѣнъ на хлѣбъ въ XVI в. проф. Ключевскимъ взяты исключительно цѣны нечерноземной Россіи, то и мы возьмемъ среднія цѣны за указанные годы сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, средне-волжскихъ и заволжскихъ и промышленныхъ губерній нечерноземной полосы Россіи (см. „1889 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, вып. III. Общій обзоръ года", ч. 1, стр. 318—319).

Средняя цѣна четверти ржи за всѣ указанные годы въ этихъ губерніяхъ равняется 6 р. 34 к., а за одинъ 1882 г.—8 р. 76 к., овса за 1881—1889 гг.—2 р. 96 к., а за 1882 г.—3 р. 76 к., ячменя за 1881—1889 гг.—4 р. 91 к., за 1882 г.—6 р. 41 к. Данныхъ о яровой пшеницѣ, которую одну только и сѣяли въ московской землѣ въ XVI в. (Ключевскій, 29), не беремъ, такъ какъ въ изданіи Департамента земледѣлія онѣ не очень полны. Взявъ среднюю цѣну всѣхъ трехъ хлѣбовъ, мы получимъ, что она равняется за 1881—1889 гг. — 4 р. 77 к. за четверть, а для одного 1882 г. — 6 р. 31 к., т. е. цѣны одного 1882 г. выше на 32% среднихъ цѣнъ за 1881—1889 гг. Слѣдовательно, цифры, полученныя проф. Ключевскимъ, должны быть уменьшены въ 1,32 раза. Такимъ образомъ, вмѣсто 130 р. нынѣшнихъ для 1500 г. (Ключевскій, стр. 28, 29) мы получимъ 99 р. или для круглаго счета 100 р., т. е. тоже, что принимаетъ и проф. Ключевскій въ своихъ окончательныхъ выводахъ. Рубль 1501—1550 гг., по исчисленію проф. Ключевскаго, равняется 63—83 нынѣшнимъ рублямъ, т. е. въ среднемъ—73 р. Уменьшивъ это число въ 1,32 раза, мы получимъ 55 р., т. е., на основаніи произведенной нами поправки, мы будемъ принимать рубль первой половины XVI в. равнымъ 55 нынѣшнимъ рублямъ. По вычисленію проф. Ключевскаго рубль 1551—1600 гг. равняется 60—74 нынѣшнимъ рублямъ, или въ среднемъ 67 р.; уменьшивъ это число въ 1,32 раза получимъ 51 р. Такъ какъ для вывода относительно цѣнности рубля въ XVII в. проф. Ключевскому служили почти исключительно данныя относительно нечерноземной Россіи, то мы можемъ принять ту-же поправку и для XVII в. и тогда получимъ цѣнность рубля 1601—1612 гг. равною 9 р., 1613—1636 гг.—10½ р., 1651—1700 гг.—13 р.

Критику изслѣдованія проф. Ключевскаго (см. „Журн. Минист. Народн. Просв." 1885 г., № 6, стр. 315) кажется невѣроятнымъ повышеніе цѣнъ хлѣба (а слѣдовательно и пониженіе цѣнности денегъ) „такими скачками, какъ нигдѣ". Но оказывается, что цѣны хлѣба въ Англіи съ 1500 г. до XVII столѣтія включительно возросли болѣе, чѣмъ въ 6 разъ, причемъ въ 1451 — 1500 гг. квартеръ хлѣба стоилъ 6 шиллинговъ 2 пенса, а въ 1501—1550 гг.—12 шиллинговъ, т. е. ровно вдвое. Соотвѣтственно этому и у насъ рубль 1500 г. равнялся 100 нынѣшнимъ, а въ 1501—1550 гг.—55 нынѣшнимъ. Затѣмъ, сравнительно съ первою половиною XVI вѣка, цѣна хлѣба въ Англіи въ XVII в. увеличилась болѣе, чѣмъ въ три раза (вмѣсто 12 шиллинговъ — 39 шилл. 1 п.). У насъ рубль XVII вѣка въ среднемъ выводѣ можно принять равнымъ 11½ рублямъ, а въ первой половинѣ XVI вѣка—55 рублямъ, слѣд. цѣнность рубля упала менѣе, чѣмъ въ 5 разъ. По сравненію съ Англіею въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. (О цѣнахъ хлѣба въ Англіи см. въ книгѣ „Землевладѣніе и сельское хозяйство". Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896 г., стр. 326).

Быстрое возвышеніе цѣнъ въ теченіе XVI и въ началѣ XVII вѣка объясняется внезапнымъ увеличеніемъ количества золота и серебра въ Европѣ послѣ открытія Америки. По мнѣнію извѣстнаго изслѣдователя исторіи цѣнъ, виконта д'Авенеля, „принявъ, что количество драгоцѣнныхъ металловъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ равнялось въ первой четверти XVI вѣка 1 милліарду франковъ, не будетъ преувеличеніемъ считать его въ 5 — 6 милліардовъ въ первые годы XVII вѣка". (*Vicomte d'Avenel*. „La fortune privée à travers sept siècles", P. 1895. p. 20). Слѣдовательно, въ теченіе столѣтія запасъ золота увеличился въ 5—6 разъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что цѣны хлѣба за это же время могли у насъ возвыситься также въ 6 разъ (рубль 1501—1550 гг. равнялся 55 нынѣшнимъ, а въ 1601—1612 гг.—9 нынѣшнимъ).

При опредѣленіи цѣнъ первой половины XVIII в. проф. Ключевскій ввелъ въ

расчетъ весьма значительное количество данныхъ о цѣнахъ на хлѣбъ черноземной Россіи; поэтому и мы возьмемъ для 1881—1889 гг. среднюю цѣну ржи, овса и ячменя для сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, средневолжскихъ и заволжскихъ и промышленныхъ губерній нечерноземной полосы, и для среднихъ черноземныхъ, сѣверныхъ черноземныхъ и восточныхъ и юго-восточныхъ черноземной полосы. Средняя цѣна ржи за это время для названныхъ губерній равняется 5 р. 60 к., овса — 2 р. 74 к., ячменя—4 р. 53 к., слѣдовательно, средняя цѣна этихъ трехъ хлѣбовъ за 1881—1889 гг. равняется 4 р. 29 к.; для одного же 1882 г. средняя цѣна ржи въ этихъ губерніяхъ—7 р. 77 к., овса—3 р. 25 к. и ячменя—5 р. 55 к., т. е. средняя цѣна всѣхъ трехъ хлѣбовъ равняется 5 р. 52 к.; а такъ какъ 5 р. 52 к. въ 1,29 раза болѣе, чѣмъ 4 р. 29 к., т. е. цѣны 1882 г., принятой проф. Ключевскимъ, то, слѣдовательно, онъ получилъ болѣе значительную, чѣмъ слѣдуетъ, величину для цѣнности рубля въ первой половинѣ XVIII в., сравнительно съ нынѣшнимъ. Рубль 1701—1725 гг., по вычисленію проф. Ключевскаго, равняется 9 руб. нынѣшнимъ, въ 1730—1740 гг.—10 руб. нынѣшнимъ и въ 1740—1750 гг.—9 руб. нынѣшнимъ. Уменьшивъ эти числа въ 1,29 раза, мы получимъ, что рубль 1701—1725 гг. равняется 9 р., 1730—1740 гг.—7 р. 75 к., 1740—1750 гг.—7 р.

Мы очень хорошо знаемъ, что опредѣленіе сравнительной цѣнности рубля на основаніи цѣнъ хлѣба даетъ выводы далеко не достаточно точные, но примѣненіе иныхъ, болѣе совершенныхъ способовъ (о которыхъ см. въ новомъ изслѣдованіи W i e b e. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts, 1895, S. 168—179), еще невозможно при настоящемъ состояніи нашей науки.

14) Въ Шелонской пятинѣ въ 1500—1501 гг. въ паозерской волости всѣхъ платежей съ одной десятины пахотной земли (не во всѣхъ трехъ поляхъ, а въ каждомъ полѣ), при переводѣ на нынѣшнія деньги, приходилось около 5 р.,*) въ Голинскомъ погостѣ—3 р. 20 к., въ волости Береза—2 р. 15 к. (сравнительная умѣренность этой цифры объясняется тѣмъ, что крестьяне вносили еще Великому Князю половину меда), въ волости Боротна—4 р. 31 к. Въ 1523—1524 гг. въ шелонской пятинѣ въ Дремяцкомъ погостѣ всѣхъ платежей приходилось на десятину 2 р. 45 к., въ Петровскомъ погостѣ 2 р., въ семи деревняхъ лосицкой волости по 1 р. 35 к., въ погостѣ Коростынскомъ 3 р. 95 к., въ погостѣ Буряги 4 р. 40 к. Въ 1583—1584 гг. въ шелонской пятинѣ въ порховскомъ уѣздѣ крестьяне главнымъ образомъ пахали пашню на Государя (изъ 6¼ дес. пахотной земли—одну десятину, впрочемъ, нѣкоторыя деревни вмѣсто пашни давали посопный хлѣбъ), да к р о м ѣ т о г о давали оброкъ по

*) Не имѣя возможности излагать вездѣ всѣ тѣ расчеты, посредствомъ которыхъ мы приходимъ къ изложеннымъ въ примѣчаніи 14-мъ выводамъ, мы приведемъ лишь два примѣра. Въ паозерской волости въ 1500—1501 гг. было въ 39 деревняхъ Великаго Князя съ погостами и съ 5 «вопчими» деревнями дворовъ 101, людей (тяглыхъ) 150 человѣкъ, обежъ 114½, малыхъ сохъ 38⅙. Такъ какъ на обжу здѣсь приходилось отъ 4 до 5 коробей, то, принимая въ обжѣ среднимъ числомъ 4½ коробьи, получимъ 517 коробей пашни въ каждомъ полѣ, или всего въ трехъ поляхъ 1551 коробья. Оброку на эту волость было положено 6 р. новгородскихъ 6½ гривенъ безъ одной деньги и за обежную дань, а хлѣба 231 коробья ржи, 346½ коробей овса, 29 коробей безъ четверти пшеницы, 58 коробей безъ четверти ячменя, 14½ коробей хмѣлю, 6 коробей безъ четверти сѣмени конопляного, столько же гороху—всего хлѣба 690 коробей. Мяса 4 яловицы, 7 борововъ, 40 барановъ, 70 гусей, 70 куръ, 70 сыровъ, 3000 яицъ, 4 пуда московскихъ масла коровья. И всего оброка съ той волости деньгами, и за хлѣбъ, и за мясо, и за мелкій доходъ, и за обежную дань 34½ новгородскихъ рублей и 6 денегъ съ четвересцою. Да, кромѣ того, взималось дворецкаго пошлинъ и дьячихъ и ключничихъ 1½ р. новгородскихъ 4 гривны безъ 1½ деньги, слѣдовательно, всего 36 р. новгородскихъ 4 гривны 5 денегъ. Это равняется 78,4 московскаго рубля, а такъ какъ московскій рубль равнялся въ то время 100 нынѣшнимъ, то, слѣдовательно, всѣхъ сборовъ взималось 7840 р. московскихъ, что съ коробьи или десятины въ каждомъ полѣ составитъ около 5 р. на нынѣшнія деньги. При произведеніи такого же расчета относительно волости Береза, мы принимаемъ, для опредѣленія величины доходовъ сельскаго ключника, цѣну коробьи ржи въ 10 денегъ новгородскихъ, а коробьи овса въ 5 денегъ. (Ключевскій, 26).

2 р. 89 к. съ десятины крестьянской пашни (не считая перелога). Въ веневскомъ уѣздѣ въ 1571—1572 гг., кромѣ обработки десятинной пашни на Государя (изъ 6½ дес. на выть въ каждомъ полѣ 1½ дес.), крестьяне платили еще по 1 р. 60 к. съ каждой десятины крестьянской пашни. Въ вологодскомъ уѣздѣ крестьяне дворцовыхъ волостей платили въ 1590 г. почти 3 р. съ десятины пашни. Въ дворцовыхъ селахъ Великаго Князя Симеона Бекбулатовича, въ тверскомъ уѣздѣ, крестьяне платили въ среднемъ по 6 р. 72 к. нынѣшнихъ съ десятины пашни *). Въ 1608 г. въ нижегородскомъ уѣздѣ, въ селахъ Павловѣ, Ворсмѣ и др. (считая выть обычнаго размѣра, т. е. 21 дес. средней земли въ трехъ поляхъ), платежи съ каждой десятины равнялись 2 р. 33 к.—2 р. 41 к. нынѣшнихъ. Въ 1609—1612 гг. въ курмышскомъ уѣздѣ (если выть была того-же размѣра) крестьяне селъ Шахманова и Слободскаго платили 2 р. 42 к. съ десятины на нынѣшнія деньги.

Кромѣ пашенныхъ дворцовыхъ селъ, мы встрѣчаемъ въ XVI—XVII вв. еще бортныя деревни, гдѣ находились бортные ухожеи, оброкъ съ которыхъ взимался медомъ или деньгами. „Подъ бортнымъ ухожеемъ", говоритъ г. И. Миклашевскій, „нужно разумѣть довольно обширную область, непремѣнно лѣсистую, и притомъ съ преобладаніемъ лиственнаго лѣса: пчелы не водятся въ хвойныхъ насажденіяхъ, ибо имъ не съ чего взять здѣсь свой взятокъ... Пространство, занимаемое каждымъ бортнымъ ухожеемъ, было не малое, тѣмъ болѣе что къ бортному ухожею почти всегда тянули бобровые гоны... перевѣсища, рыбныя ловли и др. угодья, „которыя изстари къ тѣмъ ухожеямъ потягли". Одинъ бортный ухожей отличался отъ другого при посредствѣ такъ называемыхъ „знаменъ". Это были натесы, сдѣланные на деревьяхъ топоромъ... По большей части они очень грубо изображаютъ какіе-либо предметы изъ ежедневнаго обихода или природы" **). По „платежницѣ" нижегородскаго уѣзда 1608 г., въ бортныхъ деревняхъ, матушевской волости, платежи съ каждой десятины пахот-

*) Въ дворцовыхъ селахъ Великаго Князя Симеона Бекбулатовича, тверскаго уѣзда, по писцовой книгѣ 1580 г. крестьяне давали обыкновенно оброку съ выти полтину, въ одномъ селѣ 26 алтынъ и въ трехъ селахъ по 1½ р. Посопнаго хлѣба полагалось на выть отъ 4—7 четвертей, въ среднемъ 5 чтв., овса отъ 5¼—9 чтв., въ среднемъ 7 четвертей; въ одномъ селѣ посопнаго хлѣба съ выти положено не было, такъ какъ крестьяне исполняли барщину. Мелкаго доходу съ выти почти вездѣ полагалось 26½ алтынъ, и только въ двухъ волостяхъ 27 алтынъ 4 деньги; пошлинъ дворецкому и дьячихъ брали почти всегда 10 денегъ и только въ одномъ селѣ 9 денегъ съ каждаго рубля оброка и мелкаго дохода. Посопный хлѣбъ собирался, въ среднемъ, почти въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ вологодскомъ уѣздѣ; но если сравнить остальные платежи, то окажется, что крестьяне Симеона Бекбулатовича были обременены гораздо болѣе, чѣмъ вологодскіе. Подведя итогъ оброка, мелкаго дохода и пошлинъ, которые вносили крестьяне, жившіе на земляхъ Симеона Бекбулатовича (Лаппо, 40, 41), мы получимъ 84 р. 31 алтынъ 2 деньги. Посопнаго хлѣба они вносили 1,344 чтв. ржи и 1,866 чтв. овса; считая четверть ржи по 20 денегъ и овса по 12 денегъ и приложивъ полученную сумму къ 484 р., мы получимъ 731 р. 10 алтынъ. Такъ какъ живущихъ вытей въ этихъ имѣніяхъ было 264, то это составитъ по 2,77 р. тогдашнихъ на выть, т. е. болѣе чѣмъ вдвое сравнительно съ вологодскими крестьянами, платившими съ выти по 1,22 р. (по словамъ г. Середонина, высшій платежъ съ выти въ XVI в., который ему пришлось встрѣтить, былъ 3 р.: его платили крестьяне села Соболева, Троицко-Сергіева монастыря. «Сочиненіе Флетчера», 193). Принявъ, что тогдашній рубль равнялся 51 р. нынѣшнему, мы получимъ платежей съ выти въ земляхъ Симеона Бекбулатовича 141 р. на нынѣшнія деньги. Такъ какъ на выть здѣсь полагалось обыкновенно по 14 чтв. въ полѣ средней земли и по 16 чтв. худой, то, слѣдовательно, средней земли въ выти было 21 дес. въ трехъ поляхъ; раздѣливъ 141 р. на 21, мы получимъ по 6 р. 72 к. на нынѣшнія деньги съ десятины. Но въ селѣ Кушалинѣ съ его приселками на выть дано было болѣе земли (21 дес. средней и 24 худой земли) и за то оброкъ повышенъ до 1½ р. съ выти, увеличенъ и сборъ посопнаго хлѣба, такъ что, сравнительно съ среднимъ, оброкъ былъ значительно увеличенъ.

**) Миклашевскій. «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, ч. I, Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в.». М. 1894 г., стр. 122—123.

ной земли равнялись 1 р. 72 к. нынѣшним. Въ 1609—1612 гг. въ курмышскомъ уѣздѣ (если выть была обычнаго размѣра) бортники села Вельдсманова платили 1 р. 80 к. и закудемскаго села Поповскаго 1 р. 71 к. съ десятины на нынѣшнія деньги.

15) Благовѣщенскій. „Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ", т. I, М. 1893 г., стр. 156, 161.

16) Въ Петровскомъ погостѣ, шелонской пятины, въ 1523—1524 гг. на дворъ приходилось 6,19 коробей въ каждомъ полѣ, слѣдовательно, въ трехъ поляхъ было 18,57 коробей или десятинъ; такъ какъ платежи здѣсь равнялись 2 р. съ коробьи, то всѣхъ платежей съ двора на наши деньги было 37 р. 14 к. На каждаго тяглаго человѣка здѣсь приходилось въ полѣ 3,4 коробьи, въ трехъ поляхъ 10,2 коробьи, слѣдовательно всѣхъ платежей съ тяглаго человѣка взималось 21 р. 40 к. нынѣшнихъ. Въ шелонской пятинѣ, въ Дремяцкомъ погостѣ, въ тѣ-же 1523—1524 гг. на дворъ приходилось 6,59 коробьи или десятины въ полѣ, т. е. 18,77 коробьи въ трехъ поляхъ; всѣхъ платежей съ коробьи 2 р. 45 к., слѣдовательно, съ двора 46 р. На человѣка здѣсь приходилось 3,88 коробьи въ полѣ, въ трехъ поляхъ 11,64 коробьи; слѣдовательно, всѣхъ платежей съ тяглаго человѣка взималось 28 р. 51 к. на нынѣшнія деньги. Въ томъ же году въ Коростынскомъ погостѣ, той же пятины, на дворъ приходилось по 3,07 коробьи въ полѣ, т. е. въ трехъ поляхъ 9,21 коробьи. Такъ какъ съ коробьи всѣхъ платежей взималось здѣсь 3 р. 95 к. нынѣшнихъ, то на дворъ придется 36 р. 37 к. На тяглаго человѣка здѣсь приходилось 2,1 коробьи въ полѣ, а въ трехъ поляхъ 6,3, слѣдовательно, всѣхъ платежей съ тяглаго человѣка взималось 24 р. 88 к. на нынѣшнія деньги. Въ погостѣ Буряги на дворъ пахотной земли въ полѣ было 3,64 коробьи, въ трехъ поляхъ 10,92 коробьи, всѣхъ платежей съ коробьи 4 р. 40 к., слѣдовательно, платежей съ двора 48 р. 9 к. На тяглаго человѣка было пашни 2,44 коробьи въ полѣ, въ трехъ поляхъ 7,32 коробьи, всѣхъ платежей на тяглаго человѣка 32 р. 20 к. на нынѣшнія деньги.

17) Въ вологодскомъ уѣздѣ, въ волости Югъ, въ 1590 г. пахотной земли на дворъ приходилось по 2,26 чети или 1,13 дес. въ полѣ, а въ трехъ поляхъ 3,39 дес. Такъ какъ всѣхъ платежей съ десятины крестьянской пахотной земли было 3 р., слѣдовательно, всѣхъ платежей съ двора было 10 р. 17 к. на нынѣшнія деньги. (Людей тяглыхъ здѣсь было почти столько же, сколько и дворовъ). Сравнительная умѣренность платежей объясняется незначительнымъ количествомъ пахотной земли. Но нужно имѣть въ виду, что, при незначительномъ количествѣ пахотной земли, у крестьянъ было очень много перелога и лѣсомъ поросшей пашни, сѣна и лѣса. Въ волости Югъ на выть приходилось по 6 дворовъ, въ волости же Угла по 3½ двора на выть; платежи съ выти были тѣже, слѣдовательно, съ двора взималось почти вдвое больше, но за то во столько же разъ больше было и количество земли на дворъ. Въ селѣ Говоровѣ на выть приходилось менѣе 3½ дворовъ, въ погостѣ Лещевскомъ 2,8 двора, въ волости Катрома по 4⅔, въ селѣ Спасскомъ около 3-хъ. Слѣдовательно, земли въ каждомъ полѣ на дворъ приходилось отъ 1,13 до 2½ дес. въ полѣ, или въ трехъ поляхъ отъ 3,39 до 7½ дес. Соотвѣтственно съ увеличеніемъ участковъ на дворъ увеличивались и платежи.

18) Благовѣщенскій. „Сводный статистическій сборникъ", т. I, М. 1893 г., стр. 154, 160. Въ XVI вѣкѣ количество тяглыхъ людей на дворъ въ дворцовыхъ вотчинахъ колебалось въ разныхъ уѣздахъ отъ 1 до 2,9, а во второй половинѣ XVIII в. ревизскихъ душъ на дворъ приходилось въ дворцовыхъ великороссійскихъ волостяхъ отъ 2,6 до 4,2; въ XIX же вѣкѣ количество душъ на дворъ было менѣе. См. статью В. Семевскаго „Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка", въ „Устояхъ" 1882 г., № 2, стр. 69—71. О большомъ плодородіи почвы въ XVI вѣкѣ, сравни П. Соколовскій, „Экономическій бытъ земледѣл. населенія Россіи... предъ крѣпостнымъ правомъ". Спб. 1878 г., стр. 1—2.

19) Такъ напр., въ 1601 г. у 90 человѣкъ и ихъ дѣтей (послѣднихъ въ томъ числѣ 6 чел.), жившихъ въ Коростынскомъ погостѣ и расписанныхъ на пустую

«Перевѣсище — мѣсто перевѣса сѣтей, развѣшенныхъ для ловли птицъ». Аристовъ, «Промышленность древней Руси», Спб. 1866 г., стр. 12.

десятинную пашню въ село Голино, было всего скота 52 лошади (вмѣстѣ съ жеребятами), 49 коровъ съ нетелями, 22 овцы и 3 свиньи (въ томъ числѣ у двухъ людей совсѣмъ не было скота). У 37 человѣкъ непашенныхъ бобылей, Коростынскаго погоста, было еще менѣе скота: у 12 чел. бобылей—12 коровъ, да у одного бобыля лошадь, а у 24 бобылей не было никакого скота. Въ Никольскомъ погостѣ, въ Струнинскомъ, было нѣсколько болѣе скота, а именно: у 53 человѣкъ (въ томъ числѣ дѣти, братья, племянники, зятья и пріемыши), росписанныхъ на пустоши на льготу, было 54 лошади (въ томъ числѣ 5 жеребятъ), 59 коровъ (въ томъ числѣ 4 нетеля), 27 овецъ, 23 свиньи, Арх. Мин. Юстиціи, кн. 975. Срав. П. Соколовскій. „Экономическій бытъ", Спб. 1878 г., стр. 9—10. Мы увидимъ ниже, что у дворцовыхъ крестьянъ въ Поволжьи во второй половинѣ XVII в. было гораздо болѣе скота.

20) Лаппо. „Тверской уѣздъ", стр. 205. Мы упоминали о томъ, что въ „платежницѣ" государевыхъ дворцовыхъ селъ нижегородскаго уѣзда (1608 г.) особо записанъ сборъ посопнаго хлѣба и отдѣльно денежные платежи, изъ которыхъ всѣ, кромѣ платежей за мелкій доходъ, носили характеръ государственныхъ податей и пошлинъ. На основаніи цифръ, приведенныхъ въ этомъ документѣ, можно заключить, что собственно государственныя подати составляли тамъ менѣе 10% всѣхъ платежей съ дворцовыхъ крестьянъ. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, конюшеннаго приказа платежная книга собираемыхъ оброковъ съ государевыхъ селъ и волостей № 1.

21) По грамотѣ переяславскимъ рыболовамъ 1506 г.: „А кто за кого въ стольничѣ пути дочерь дастъ замужъ, и онъ волостелю дастъ за новоженый убрусъ 4 денги" (1 р. 10 к. нынѣшнихъ); „а кто дочерь дастъ замужъ изъ стольнича пути, и онъ дастъ за выводную куницу 2 алтына" (3 р. 30 к. на нынѣшнія деньги). А. А. Э. I, № 43. По уставной грамотѣ дворцоваго Андреевскаго села, звенигородскаго уѣзда, 1544 г., за отдачу замужъ въ селѣ и деревняхъ въ одномъ приказѣ за новоженый убрусъ 3 деньги (82 к. нынѣшнихъ); „А за выдачу замужъ въ иной приказъ выводная куница 2 алтына" (3 р. 30 к. нынѣшнихъ), А. А. Э., т. I, № 201. По уставной грамотѣ 1554 г. дворцовыхъ селъ Аѳанасьевскаго и Васильевскаго, за новоженый убрусъ 4 деньги (1 р. 2 к. нынѣшнихъ), за выводную куницу по 2 алтына (3 р. 6 к. нынѣш.). А. А. Э. т. I, № 240.

22) Изъ дворцовыхъ селъ и деревень Великаго Князя Симеона Бекбулатовича вывозили крестьянъ: 1) за помѣщиковъ, 2) за монастыри и церкви, 3) за тверскаго владыку, 4) въ другія дворцовыя села и деревни и 5) въ другія волости.

23) Лаппо. „Тверской уѣздъ", 46—47; Милюковъ, „Очерки", 194.

24) Милюковъ. „Очерки", 194. А. А. Э., т. II, № 20; Сергѣевичъ, „Юридическія Древности", т. I, 224. Акты Историческіе, т. III, 110—111. Лаппо-Данилевскій, 144—145, 177.

25) Милюковъ. „Очерки", т. I, 133; „Спорные вопросы", 118; „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія", 67. О „живущей четверти" см. Лаппо-Данилевскій, 243—250; Милюковъ, „Государственное хозяйство", 17—23 и „Спорные вопросы", 115—123; Дьяконовъ, „Бобыли", 22—24.

26) „Старая ямская подать продолжаетъ взиматься и въ XVII в. по прежнему окладу—10 р. съ сохи, или, считая въ сохѣ по 800 чтв., по 2½ деньги съ чети; въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются по старымъ книгамъ" (т. е. 1620-хъ гг.) вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены. Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ московскихъ и другихъ городовъ, охотникамъ на жалованье, въ огромномъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрѣ (въ 1618 по 1680 гг. съ чети отъ 50 к. до 1 р. тогд.). „Послѣ появленія новой подати „охотникамъ на жалованье" старая ямская подать получаетъ названіе малыхъ ямскихъ въ отличіе отъ большихъ". Милюковъ, „Спорные вопросы", 92—93.

27) Лаппо-Данилевскій, 257; Милюковъ, „Государственное хозяйство", 72.

28) „Такимъ образомъ, вмѣсто 5-й деньги, пашенные крестьяне платили сверхъ обычныхъ податей съ сохи, а впослѣдствіи съ двора, извѣстную сумму, можетъ быть составлявшую по приблизительному вычисленію правительства пятую или другую какую часть всѣхъ ихъ хозяйственныхъ средствъ или капитала вообще". Лаппо-Да-

нилевскій, 73—74. Въ 1637 г. „для городового дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ“ установленъ сборъ по писцовымъ книгамъ съ „живущей четверти“ по четыремъ разрядамъ. Съ дворцовыхъ земель онъ взимался въ размѣрѣ 50 тогдашнихъ коп. съ „живущей четверти“. Милюковъ, „Государственное хозяйство“, 67.

29) Кромѣ хлѣба стараго, по Указу 1672 г. (А. А. Э., т. IV, № 189) сбирался еще „прибавочный“. Для дворцовыхъ селъ старый $^{5}/_{16}$, прибавочный $1^{27}/_{32}$, итого $2^{19}/_{32}$ чети ржи, овса столько же съ живущей четверти. Хлѣбный окладъ въ заоцкихъ дворцовыхъ областяхъ $^{5}/_{16}$ до и послѣ 1688 г., въ замосковныхъ и низовыхъ дворцовыхъ областяхъ въ 1680—1688 гг.—$^{1}/_{4}$, въ заволжскихъ $^{3}/_{16}$ четверти ржи и овса съ двора. Такъ какъ четверть хлѣба въ 1680 г. стоила отъ четвертака до 3-хъ четвертаковъ (Милюковъ, „Очерки“, стр. 136), то переведенный на деньги платежъ этотъ съ крестьянскаго дворцоваго двора составлялъ отъ 4 до 23-хъ к. (т. е., отъ 52 к. до 3 р. на нынѣшнія деньги).

30) Милюковъ, „Спорные вопросы“, стр. 92—97.

31) Милюковъ, „Очерки“, т. I, 136.

32) Милюковъ, „Государственное хозяйство“, 67—68, 75; Лаппо-Данилевскій, 401, ср. 482.

33) Лаппо-Данилевскій, 377—378; „Акты Моск. Госуд.“, т. II, 247.

34) „Акты Моск. Гос.“, т. II, 484—485, 490—491, 496. Какъ разнообразны были сборы и повинности съ дворцовыхъ крестьянъ въ государеву казну и въ пользу дворцоваго вѣдомства въ концѣ XVII и въ самомъ началѣ XVIII в., видно изъ слѣдующаго примѣра. Крестьяне анатошской волости, казанскаго уѣзда (въ которой въ 1678 г. было 262 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, а къ концу столѣтія сверхъ переписныхъ книгъ прибыло 81 дворъ), обязаны были платить за лѣсъ низовыхъ отпусковъ, за дрова, за уголье, за береговой лѣсъ, лубье, драницы, шесты, лыко и мочалы, всего „окладныхъ доходовъ съ живыхъ и умершихъ, и бѣглыхъ и отдаточныхъ крестьянъ 178 безъ малой чети 63 р. 32 алтына 2 деньги; да они-жъ всѣ вобче платятъ съ пустовыхъ съ пяти осьмухъ, съ малою четью тѣхъ-же вышеписанныхъ окладныхъ доходовъ 2 р. 4 алт. 4 деньги; да сверхъ тѣхъ окладныхъ доходовъ они-жъ крестьяне платятъ по переписнымъ книгамъ 186 г. (1678) съ рыбно-слободскими крестьяны съ 288 дворовъ по окладу: ямскихъ и полоняничныхъ денегъ по 10 денегъ съ двора,... да сошнаго стрѣлецкаго хлѣба въ Астрахани по полуосьминѣ съ получетверикомъ ржи, овса по тому-жъ съ двора. Да великаго государя всякихъ издѣлей дѣлаютъ Анатошскіе-жъ волости крестьяне съ селы и съ деревнями: на казанскихъ подгородныхъ мельницахъ, всякіе починки по 20 челов.; въ Рыбную слободу и на кружечный дворъ и въ таможню даютъ бурмистровъ по 3 чел., цѣловальниковъ по 3 чел., и за тѣхъ бурмистровъ всякіе великаго государя подати платятъ, издѣлья дѣлаютъ они-жъ крестьяне; а цѣловальникамъ даютъ подмоги по 4 р. въ годъ, въ Рыбной-же слободѣ на кружечномъ дворѣ и въ таможнѣ ставятъ караульщиковъ по 2 чел., на конскую площадку въ цѣловальники одного человѣка, подмоги ему даютъ по 2 р. на годъ; да они-жъ изъ Рыбные слободы гоняютъ по годы вверхъ Камою рѣкою до Елабуги, а на низъ до Лаишева безъ прогоновъ; въ селѣ Беткахъ и въ селѣ Ошнякѣ великаго государя на 2 мельницахъ всякіе вешніе и осенніе починки и лѣсъ къ тому мельничному строенію готовятъ и зимою дрова возятъ и цѣловальниковъ даютъ по два человѣка, а подмоги имъ даютъ по 4 р. на годъ человѣку; да къ тѣмъ-же мельницамъ даютъ по караульщику къ мельницѣ; а за тѣхъ мельничныхъ цѣловальниковъ великаго государя всякіе издѣлья дѣлаютъ они крестьяне. Въ Анатошской волости приказнымъ людямъ даютъ дворниковъ по 2 челов., а подмоги имъ даютъ по 5 р. на годъ. На Камышенку (для устройства шлюз на рѣкѣ) „по нынѣшней 1701 г. посылали работниковъ: пѣшихъ по 53 чел.“ (съ 5 дворовъ по одному пѣшему человѣку), „найму и подмоги имъ давали по 5 р. человѣку, конныхъ по 5 чел. (съ 50 двор. по одному конному человѣку), найму имъ давали по 10 р. человѣку. Великаго государя десятинныя пашни пашутъ 175 дес., да они-же къ лѣсной ропкѣ.... посылаютъ работниковъ по очереди по 2 чел., а подмоги имъ даютъ по 23 алт. по 2 деньги человѣку. Да въ нынѣшнемъ 1701 году послали въ Казань къ Шмакову дѣлу работниковъ пѣшихъ 28 челов., подмоги имъ дали по 5 р. человѣку, да 6 чел. конныхъ, подмоги и найму имъ

дали по 10 р. чел.". Такія же тягости лежали въ это время на крестьянахъ и въ иныхъ селахъ и деревняхъ низоваго Поволжья. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, кромѣ названныхъ, мы встрѣчаемъ и нѣкоторые другіе сборы натурою: такъ напр., въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями крестьяне обязаны были поставлять пучки луку, камни и т. п. Перетятковичъ, 349—351, 354—355.

35) „Очерки", т. I, 138.

36) Лаппо-Данилевскій, 249.

37) Перетятковичъ, 341—342, 346, ср. 371—395.

38) Перетятковичъ, 348—349, 352.

39) Перетятковичъ, 355—356. О правежѣ при сборѣ денегъ и хлѣба „на дворцовые прибылые расходы", см. Д. А. И., т. VI, № 8. Однако, по переписи 1710 г.; вообще въ казанской губ. въ дворцовыхъ волостяхъ оказалось увеличеніе народонаселенія почти на 21%, сравнительно съ переписью 1678 г. Милюковъ, „Государственное хозяйство", 261.

40) Перетятковичъ, 383—384. Забѣлинъ, „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ". „Вѣстникъ Европы", 1871 г., № 1, стр. 10, 28.

41) Лаппо-Данилевскій, 133; Перетятковичъ, 346—347; Малиновскій, „О прежде бывшихъ въ селѣ Измайловѣ царскихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ", „Земледѣльческій Журналъ", М. 1821 г., кн. 2, стр. 149.

42) „Писцовыя книги XVI в.", изд. Калачева, ч. I, отд. II, стр. 294. Ср. 402. Бѣляевъ, „О позем. владѣн. въ Москов. госуд.". „Временникъ", XI, 23; Куплеваскій, „Состояніе сельской общины въ XVII в. на дворцовыхъ земляхъ и земляхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ": Кіевъ, 1877 г., стр. 10—11. „Арх. ист. и практ. свѣд.", изд. Калачева, 1859 г., кн. 3, стр. 53. (отдѣлъ критики). Есть извѣстія объ измѣреніи и передѣлѣ земли дворцовыми крестьянами бѣлевскаго уѣзда 1640 г. Лаппо-Данилевскій, 77. Въ волоколамскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ, по словамъ сотной 1544 г., „крестьяномъ деревеньщикомъ придано угодье въ Чернищахъ на раздѣлъ, у которыхъ крестьянъ на выти сѣна мало". Милюковъ, „Спорные вопросы", 32. Лаппо-Данилевскій, 77.

43) „Псковскія Губернскія Вѣдомости" 1840 г. прибав. къ № 52, стр. 335.

44) Куплеваскій, стр. 3; Соколовскій, „Экономическій бытъ крестьянъ", 134. Арх. М. Ю. № 706, писцовыя книги шелонской пятины, л. 51.

45) Куплеваскій, 32 — 39, 44. Въ судѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ XVII в., присутствуютъ старосты и цѣловальники.—Ibid, 29. Лаппо-Данилевскій, 93, 133, 217, 325, 326, 445; „Писцовыя книги", изд. Калачева, ч. I, отд. 2-е, стр. 305.

46) Въ вѣдомости 1701 г. по описнымъ книгамъ 1680—1681 гг. числилось на 18½ живущихъ вытей 27½ вытей въ пустѣ.

47) Стромиловъ. „Измайлово—первая царская ферма въ XVII в". „Сельск. Хоз. и Лѣс. 1872 г. № 5; Мартыновъ. „Русская Старина". М. 1853 г. ч. IV, 100, 131; Малиновскій. „О прежде бывшихъ въ селѣ Измайловѣ царскихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ". „Земледѣльч. Журн." 1821 г. № 2, стр. 147; „Записки отдѣленія русск. и славянск. археологіи Имп. Рус. Археологич. Общества" 1861 г., т. II, стр. 387—390.

48) А именно: оргуновская волость въ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго и колдомская волость и села Сунгурово и Оздемѣрово въ костромскомъ уѣздѣ, затѣмъ село Алексѣевское, сельцо Княжчино, домодѣдовская волость и село Ермолино съ деревнями, села Степановское и Дмитровское, сельцо Сорокино, сельцо Соколово, села: Петровское, Котельники, Либерицы съ деревнями и село Драчево, село Васильевское и сельцо Изварино, села Чашниково и Черкизово съ деревнями, сельцо Загорье, сельцо Балабаново съ деревнями, село Кудрявцево, сельцо Семушкино, сельцо Новоселки, села Брынково и Рюменское.

49) С. Короленко. „Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ". Изд. Департ. Земл. и сельской промышленности". Спб. 1892, стр. 110.

50) Государственный архивъ, дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ, XXVII, № 532. Отчетная вѣдомость по Тайному Приказу о хозяйствѣ въ дворцовыхъ селахъ.

По вѣдомостямъ Приказа Большого Дворца 1701 г., въ селѣ Измайловѣ съ приселками (очевидно не во всѣхъ селахъ и деревняхъ, перечисленныхъ въ вышеупомя-

нутой вѣдомости 1676 г.), по писцовымъ книгамъ 1680—1681 гг., было 385 крестьянскихъ, 11 бобыльскихъ дворовъ, 18 бобылей жило „въ сосѣдствѣ", т. е. подсусѣдниками, не имѣя самостоятельнаго хозяйства, 3 бобыля жили въ Москвѣ, 17 челов. кормились мірскимъ подаяніемъ. У крестьянъ и бобылей было дѣтей, братьевъ и всякихъ свойственниковъ 1064 чел. Десятинной пашни крестьяне пахали по 300 дес. въ полѣ, „а въ дву потому-жъ", и работали всякія издѣлія. На десятинной пашнѣ сѣялось 600 чтв. ржи, 1044 чтв. овса и 97 чтв. ячменя. „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ", т. II, 183—184.

51) Въ 1701 г. всего въ тогдашнемъ московскомъ уѣздѣ было 25 дворцовыхъ селъ; въ этихъ селахъ и деревняхъ числилось 3995 дворовъ крестьянскихъ, 44 двора бобыльскихъ, 35 вдовьихъ, 124 дв. рыбныхъ ловцевъ, всего 4198 дворовъ; людей въ нихъ 15015 чел. (слѣдов., въ среднемъ, по 3,6 чел. на дворъ), бездворныхъ бобылей 38 чел.,—„въ живущемъ" 257 вытей (въ среднемъ по 16⅓ двор. на выть); доходовъ крестьяне платили: денежныхъ съ живущихъ вытей 744 р. 22 алт., полоняничныхъ и ямскихъ 103 р. 25 алт. 3 ден., на покупку конскихъ кормовъ, чего въ окладъ не достанетъ, 97 р. 16 алт., всего 946 р. 3 алт. 1 ден., въ среднемъ, съ двора 22 алтына (на нынѣшнія деньги, считая рубль конца XVII в. равнымъ 13 р.,—8 р. 58 к. съ двора однихъ денежныхъ сборовъ). Кромѣ того, столовыхъ запасовъ: барановъ 601, гусей—1577, поросятъ живыхъ 33, сыровъ кислыхъ 16, яицъ 770, орѣховъ 16 четвер. Съ рыбныхъ ловцовъ рыбнаго оброку: щукъ, окуней, лещей, судаковъ, карасей, всего 4313 рыбъ, налимовъ 6260, пискарей 10000. Государевой десятинной пашни крестьяне пахали по 2061 дес. въ полѣ, т. е. по 8 дес. въ полѣ на выть, во всѣхъ-же трехъ поляхъ 24 дес., или на дворъ по ½ дес. въ полѣ, а въ трехъ поляхъ—1½ дес. Новонакладныхъ запасовъ: свороборіннаго цвѣту 19 четвертей, осокорныхъ шишекъ менѣе четверти, вербы 240 возовъ, вѣтокъ кудрявыхъ вербы 240, вербы большихъ 51 дерево, метелъ 710, голиковъ 388, укоснаго сѣна 886 копенъ; на московскія конюшни соломы ржаной 734 воза, 106 косцовъ. Оброчныхъ: дровъ по окладу 311 саж., 1162 бочки извести круху, 1162 лещеди (плитняка) аршинныхъ, 2324 „камени ступенныхъ".

Въ новгородскомъ уѣздѣ было дворцовыхъ всего 5190 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ 15489 чел. (въ среднемъ по 3 чел. на дворъ), 377 вытей (въ среднемъ по 14 двор. на выть); денежныхъ доходовъ съ живущихъ вытей 4772 руб., ямскихъ и полоняничныхъ и на молотьбу хлѣба 331 р., итого (не считая денегъ съ оброчныхъ угодій) 5103 рубля (въ среднемъ по 98 коп. съ двора, или на нынѣшнія деньги по 12 р. 74 к.); хлѣба 1991 четв. ржи, 2157 четверт. овса, 30 четв. пшеницы, а всякаго хлѣба 5159 четв., т. е. по четверти съ двора. Такимъ образомъ, новгородскіе крестьяне платили только денежный оброкъ (ровно въ 1½ раза болѣе, чѣмъ крестьяне московскаго уѣзда) и вносили сборъ хлѣбомъ, но за то не исполняли барщины, не поставляли никакихъ хозяйственныхъ запасовъ и другихъ предметовъ *).

Всего въ 1701 г. въ Приказѣ Большого Дворца вѣдалось 222 волости, слободы и села, въ нихъ 626 дворовъ рыбныхъ ловцовъ и 73776 двор. крестьян. и боб., итого 74402 двора (не считая 5580 дворовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Казанскаго Дворца); людей въ нихъ 132000 чел.—Это составляло въ живущемъ крестьянскаго тягла 3072 выти, т. е. въ среднемъ по 24 двора на выть **). Денежныхъ доходовъ по окладу съ живущихъ вытей 52442 р., за столовые запасы 3117 р., ямскихъ и полоняничныхъ и на молотьбу богородицкаго хлѣба 4121 р., на покупку конскихъ кормовъ 3602 р., за винное куреніе 3221 р., всего, не считая сбора за оброчныя угодья, 66606 р. Кромѣ того, съ крестьянъ собиралось столовыхъ запасовъ по окладу 12802 ведра простого

*) О псковскихъ селахъ (всего 2351 дворъ крест. и боб., въ живущемъ 232 выти, въ среднемъ по 10 дворовъ на выть) сказано: «въ окладъ тѣ села въ приказѣ Большого Дворца положены никогда не были и нынѣ не положены, а вѣдаютъ во Псковѣ бояре и воеводы, а смѣтные списки присылаются послѣ году, да съ ними высылаютъ доходы настоящаго году, и по тѣмъ смѣтнымъ спискамъ—въ окладъ положить ихъ не мочно».

**) Эта цифра выше дѣйствительнаго количества дворовъ на выть, такъ какъ при описаніи нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостей указано, что крестьяне и бобыли «въ живущее тягло не положены». «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ В.», II, 208.

вина, 22 ведра брусники, 3609 пуд. меду сырцу, 116 п. хмѣлю, 36 чтв. свороборинпаго цвѣту (шиповника), осокорныхъ шишекъ 1½ четверти, 1927 пуд. свиного мяса, 8 стяговъ говяжьихъ, 1167 барановъ, 10 ярокъ, 1574 живыхъ гуся, 1023 колотыхъ, 2040 утятъ колотыхъ, 95 живыхъ куръ, 1472 колотыхъ куръ, 38 живыхъ поросятъ, 108 пуд. коровьяго масла, 139 сыровъ, 3 ведра сметаны, 5914 яицъ, 250 четвериковъ орѣховъ. Рыбы и рыбныхъ припасовъ: живыхъ осетровъ 264, стерлядей 3225, всего-же разной живой рыбы 30980 рыбъ; свѣжей: осетровъ 162, стерлядей 2089, сельдей 71000, всего-же свѣжихъ 82366 рыбъ; просольныхъ рыбъ 3037; провѣсной — 13 осетровъ, 15 стерлядей, бочечной — 167 бочекъ, 30 четв. бѣлозерскихъ снѣтковъ. Дворцовыхъ припасовъ: 240 возовъ вербы, 240 вѣтокъ вербы, 51 дерево большихъ вербы, 720 дубовыхъ бочекъ, 2083 саж. дровъ, трое саней, 118 гужей, обротей, возжей, ужищъ посконныхъ по стольку-же, 10 дровней, 150 лопатъ, 2590 вѣниковъ, 710 метелъ, 388 голиковъ, 1162 бочки извести, столько-же лещеди (плитняка аршинныхъ), 2324 камней ступенныхъ.

Кромѣ того, крестьяне обрабатывали 6896 дес. въ каждомъ полѣ, т. е. въ трехъ поляхъ 20688 дес. *).

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр. новгородскаго уѣзда) не было десятинной пашни, то сверхъ денежнаго оброка взыскивался „посопный“ хлѣбъ, всего 13920 чтв. **).

На московскихъ и подмосковныхъ городскихъ лугахъ было накошено 421 мѣрная копна сѣна, да кромѣ того собиралось съ крестьянъ укоснаго сѣна по окладу 4387 копенъ. Соломы крестьяне ставили 6413 возовъ. Но такъ какъ сѣна и овса не хватало для корма дворцоваго скота, то собирался еще особый денежный сборъ „въ запросъ“, т. е. смотря по надобности, и при томъ не только съ дворцовыхъ, но и съ патріаршихъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Такъ, въ 1701 году велѣно было на „конскіе кормы“ взять по 10 денегъ съ двора ***).

52) Московское Отдѣленіе Архив. Мин. Двор., дѣло № 78, по описи № 38, л. 14—17. Государственный Архивъ, Кабинетскія дѣла, входящій № 89, л. 758—845. Эта вѣдомость напечатана съ большими сокращеніями Устряловымъ—въ „Исторіи Петра Великаго“, т. I, 390—399. Въ вѣдомости дворцовыхъ волостей, розданныхъ съ 1682 по 1710 г., мы находимъ слѣдующій итогъ повинностей крестьянъ во время ихъ пожалованія. Съ 43655 пожалованныхъ дворовъ взималось 46227 р., слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ нѣсколько болѣе одного тогдашняго рубля съ двора; десятинной пашни пахали 5263 дес., очевидно въ каждомъ полѣ; косцовъ давали 1110 чел. Хлѣба съ крестьянъ собиралось: ржи 7331 четв., пшеницы 546 четв., ячменя 247 четв., овса 515 четв., гороху 24 четв., конопли 7 четв., проса 3 четв., толокна 15 четв., сухарей 19 четв., крупъ овсяныхъ 76 четв. Столовыхъ запасовъ: свиного мяса 1155 пуд., сала ветчиннаго 8 пуд., стяговъ говяжьихъ 5, быковъ 457, барановъ 2337, гусей 765, утятъ 20, поросятъ 208, куръ русскихъ 711, масла коровья 153 пуд., сыровъ 8 пуд., яицъ 8985, рыбы живой всякой—3042, вина 5160 в., меду 642 пуд., орѣховъ 80 четв., хмѣлю 124 пуд., малины сухой осьмина, соленыхъ огурцовъ 6 бочекъ, конопляпаго масла 2 ведра, бѣлокъ 250, суконъ сермяжныхъ 208 ар., холстовъ 320 ар., льну 5 кербей (пучковъ, вязанокъ); укоснаго сѣна давали — 4479 копенъ мѣрныхъ, соломы 288 возовъ, дровъ 1002 саж.

53) Милюковъ. „Очерки“ I, 206.

54) Гос. Арх., Каб. Дѣла вход. № 89, л. 759 и слѣд. passim.

---

*) На этихъ десятинахъ сѣяли: 13638 четв. ржи, 25245 четв. овса, 632 четв. ячменя, 141 четв. пшеницы, 60 четв. гороху, всего 39717 четв. Напомнимъ, что по писцовому дворцовому наказу 1673—1674 гг. велѣно государеву десятинную пашню и укосные луга намѣривать десятину длиною 80, поперегъ 40 саж., а крестьянскіе и бобыльскіе дворы и огороды и пашню мѣрять десятину въ длину по 80, а въ ширину по 30 саж. Московское Отд. Арх. Мин. Двор. по реестру № 2, дѣло № 152, л. 11.

**) А именно: ржи 5451 четв., овса 6505, ячменя 4 четв., пшеницы 1952, проса 2, конопли 6 четв.

***) «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», М. 1872 г., т. II, 191—201, 256—258, 288—289.

Примѣчанія къ главѣ I, отд. I.

1) Московс. Отд. Арх. Минис. Двора, по описи № 303, дѣло № 41, л. 179 об. По другому источнику по первой ревизіи было 359289 душъ м. п. Ibid, по описи № 303, изъ связки № 114, дѣло № 9, л. 72.

2) Моск. отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 303, связка № 114, дѣло № 9, л. 712.

3) Общій Арх. Минис. Двора, по описи 1629, дѣло № 122, л. 34, 64; ср. Ibid. дѣло № 150, л. 12.

4) Моск. отд. Общаго Арх. Мин. Двора, дѣло № 30, по описи № 293, л. 74.

5) Германъ. „Статистическія изслѣдованія", Спб. 1819 г., стр. 95. Изъ всеподданнѣйшаго доклада кн. Куракина 2 Октября 1797 г. объ устройствѣ удѣльныхъ экспедицій видно, что въ то время числилось 463550 д. м. п. удѣльныхъ крестьянъ; но изъ этого числа слѣдовало отдать разнымъ особамъ пожалованныхъ 4410 д., такъ что въ вѣдѣніи экспедицій оставалось 459140 д. Арх. Глав. Упр. Уд., св. 25, дѣло № 932, л. 1—2.

Нужно принять во вниманіе, что нѣкоторыя дворцовыя села при Екатеринѣ II были обращены въ города.

6) Горчаковъ. „Монастырскій приказъ", 164. Екатерина II въ 1766 г. на докладѣ Дворцовой Канцеляріи, съ предложеніемъ продать нѣкоторыя дворцовыя деревни, положила такую резолюцію: „своихъ отнюдь никому не продавать, а покупать крестьянъ и земли позволяется". Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1,629, дѣло № 115, л. 253. Такъ напр., въ 1783 г. было куплено въ дворцовое вѣдомство у граф. Орловыхъ нѣсколько деревень и причислено къ петергофскимъ дворцовымъ деревнямъ. Ibid, кн. 156, л. 30.

7) Соловьевъ. „Исторія Россіи", XVIII, 299. Въ новгородской губ. вовсе не было натуральныхъ повинностей въ пользу дворцоваго вѣдомства (въ 1701 г. здѣсь производился еще, кромѣ денежныхъ платежей, и сборъ хлѣбомъ), а деньгами собиралось среднимъ числомъ со старинныхъ дворцовыхъ волостей по 36 к., а съ приписныхъ отъ Бестужева-Рюмина по 40 к. съ души.

Въ смоленской губ. также совсѣмъ не было натуральныхъ повинностей и крестьяне вносили только денежные сборы, а именно въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ до 1743 г. среднимъ числомъ по 10 к. съ души (77 к. на нынѣш. деньги), а въ приписныхъ отъ кн. Меншикова (по первой ревизіи 2570 душъ) до 1732 г.—по 47 к. (3 р. 64 к. на нынѣш. деньги).

Въ нижегородской губ. не было десятинной пашни, за исключеніемъ немногихъ крестьянъ, приписанныхъ отъ помѣщиковъ. Въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ до 1732 г. съ 96498 душъ (дворцовыхъ разнозвательныхъ доходовъ и за разные столовые припасы и запасы деньгами) взималось среднимъ числомъ по 42 к. съ души (3 руб. 25 к. на нынѣш. деньги), да посопнаго хлѣба пшеницы 536 четв. ржи и овса, того и другого, по 2137 четв. каждаго.

Въ казанской губ. со старинныхъ дворцовыхъ волостей, въ которыхъ по первой переписи было 31810 душъ, собиралось деньгами среднимъ числомъ съ ревизской души по 7 к. (54 к. на нынѣш. деньги), да десятинной пашни крестьяне пахали 347 дес. (безъ сомнѣнія въ каждомъ полѣ).

Въ архангелогородской губ. въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ были только денежные сборы, именно въ среднемъ по 46 к. съ души (3 р. 56 к. на нынѣш. деньги) но въ томъ числѣ считались не только различные дворцовые доходы, а также и старинныя государственныя подати, по крайней мѣрѣ здѣсь упоминается еще о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ: съ важескихъ волостей за конскіе кормы собиралось по 15 к., а стрѣлецкихъ по 1 р. съ двора *).

*) По даннымъ, приводимымъ г. Милюковымъ, дворцовые крестьяне архангельской губ. платили при Петрѣ Великомъ оброчныхъ денегъ въ Приказъ Большого Дворца по 3 р. 3 к. тогдашнихъ съ двора. «Государственное хозяйство» 279—280. О раздѣленіи Россіи на губерніи въ первой половинѣ XVIII в. см. Арсеньевъ «Статистич. очерки Россіи».

Въ тамбовскомъ уѣздѣ, воронежской губ., было до 1728 г. въ сборѣ *) съ 18904 душъ м. п. среднимъ числомъ по 24 к. съ ревизской души (1 р. 86 к. на наши деньги), да кромѣ того со всѣхъ 207 пудъ меду и 703 четв. посопной пшеницы. Денежные сборы были не велики, несмотря на то, что въ числѣ ихъ мы находимъ не только поборы въ пользу дворцоваго вѣдомства, но также, очевидно, и нѣкоторые государственные сборы, какъ напр., „за хлѣбъ, который плаченъ къ провіантскимъ дѣламъ противъ помѣщиковыхъ крестьянъ". Во второй половинѣ 20-хъ годовъ, какъ увидимъ ниже, денежный оброкъ и сборъ посопной пшеницы съ крестьянъ тамбовскихъ волостей были замѣнены десятинною пашнею.

Въ остальныхъ же старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ воронежской губ. не было никакихъ натуральныхъ сборовъ и повинностей, а только денежные платежи, среднимъ числомъ по 38 к. съ ревизской души (2 р. 94 к. на нынѣш. деньги); а въ вотчинахъ, приписанныхъ отъ разныхъ помѣщиковъ, существовали, кромѣ денежныхъ платежей, и разные поборы натурою **).

Въ бѣлгородской губ. собиралось съ дворцовыхъ волостей по 14 к. съ ревизской души (1 р. 8 к. на нынѣш. деньги).

8) Теперь, по новому окладу, крестьяне московской губерніи въ среднемъ выводѣ около $^9/_{10}$ оброка вносили деньгами, а вмѣсто уплаты остальнаго пахали 955 дес. пашни, ставили 625 саж. дровъ, наряжали 293 косца, да хлѣбомъ давали 1055 четвертей.

Въ смоленской губерніи и прежде взимались исключительно денежные платежи; теперь назначенъ былъ опредѣленный сборъ съ каждой души, и въ старинныхъ дворцовыхъ волостяхъ сбиралось съ 1743 по 1747 годъ по 25 к., а съ приписанныхъ отъ кн. Меншикова съ 1732 года по 40 к.; съ 1747 г. со всѣхъ велѣно было взимать по 40 коп.

Въ нижегородской губ., со введеніемъ съ 1732 года четырехгривеннаго оброка, $^1/_{15}$ часть его крестьяне уплачивали натурою, въ видѣ посопнаго хлѣба и работы косцовъ ***), а остальное деньгами.

Въ казанской губ. четырехгривенный оброкъ собирался почти исключительно деньгами, а десятинной пашни крестьяне обработывали только 347 дес. Такъ какъ здѣсь некуда было дѣвать хлѣба, полученнаго съ десятинной пашни, то его раздавали крестьянамъ съ уплатою по петербургскимъ цѣнамъ (очевидно, они были обязаны брать его на этихъ, невыгодныхъ для себя, условіяхъ).

Въ архангельской и новгородской губерніяхъ уплата четырехгривеннаго оброка производилась только деньгами.

Въ дворцовыхъ волостяхъ тамбовскаго уѣзда, воронежской губ., въ 1726 г. была заведена десятинная пашня въ весьма значительномъ размѣрѣ, а именно 4083 дес. въ каждомъ полѣ, что составляло на 4½ души по десятинѣ въ каждомъ полѣ. Но этотъ размѣръ десятинной пашни оказался крестьянамъ не подъ силу. Генералъ-директоръ Розенъ нашелъ, что пашня эта положена крестьянамъ „въ великую тягость, въ томъ числѣ на старыхъ, на дряхлыхъ, на нищихъ и на бѣглыхъ крестьянъ, и у молотьбы хлѣба" имъ „едва не всѣмъ всегда быть должно, а свою пашню исправляли

---

*) «За свиное мясо, коровье масло, съ оброчныхъ бобылей, съ площадныхъ подьячихъ, съ ковыльныхъ земель, съ дубровъ съ пашенныхъ, перевозовъ, излишней земли, что осталось за крестьянскимъ вытнымъ тягломъ, и сѣнныхъ покосовъ, и съ пустошей, съ воскобою, съ харчевни, на покупку конскихъ кормовъ, за хлѣбъ, который плаченъ къ провіантскимъ дѣламъ противъ помѣщиковыхъ крестьянъ, на канцелярскій расходъ и приказчичій доходъ вмѣсто прежде бывшихъ неуказныхъ въ расходъ поборовъ и въ старостины харчи, на молотьбу богородицкаго хлѣба».

**) Такъ въ одномъ селѣ съ каждаго улья брали по фунту меду, да взыскивали мерзлой рыбы, смотря по улову, въ другомъ пахали пашни и косили сѣно, въ третьемъ не было денежныхъ сборовъ, но за то пахали пашню и вносили съ тягла по пуду свиного мяса, по 2 фунта коровьяго масла, по 2 утки и курицы, по 2 барана и по 20 яицъ.

***) Съ 1745 г. за 900 косцовъ московской и нижегородской губ. зачета по 3 р. за каждаго не производилось.

они уже съ великою нуждою, и за упущеніе настоящаго времени нѣкоторый хлѣбъ оставался у нихъ подъ снѣгъ и пропадалъ напрасно". Всегда занятые десятинною пашнею крестьяне не имѣли времени, чтобы заработать деньги на платежъ подушныхъ, и оттого многіе изъ нихъ обѣднѣли. Вслѣдствіе этого, по опредѣленію генералъ-директора Розена, дворцовая запашка была уменьшена болѣе чѣмъ вдвое, и съ 1733 по 1735 г. крестьяне пахали здѣсь по 1772 дес., а съ 1735 по 1742 г. по 2000 дес. въ каждомъ полѣ. При этой пашнѣ тамбовскіе крестьяне платили, однако, и небольшой денежный оброкъ, а именно въ 1737—1738 гг. съ 17587 д. взыскивали по 10 к., а съ 1739 г. по 20 к. съ души, съ залѣсскихъ же селъ (509 д.) съ 1737 г. по 40 к., а съ 1743 г. со всѣхъ велѣно взыскивать по 40 к., съ зачетомъ за каждую десятину пашни (въ трехъ поляхъ) по 40 к. Въ 1745 г. Главная Дворцовая Канцелярія предписала прежде собираемую съ тѣхъ волостей пшеницу (703 четв.) привозить въ Москву на счетъ крестьянъ и зачитать по 20 к. за четверть, несмотря на то, что купить въ Москвѣ такую пшеницу можно было въ то время среднимъ числомъ лишь по 1 р. 46 к., такъ что крестьяне теряли на этой пшеницѣ ежегодно 886 р. (впрочемъ, она собиралась только до 1749 г.). Въ томъ же 1745 г. къ прежней пашнѣ въ 2000 дес. было прибавлено еще по 1150 дес., слѣдовательно, всего крестьяне пахали 3150 д. въ каждомъ полѣ (съ выключкою изъ оброка по 40 к. за десятину). Это составляло по 1 дес. въ полѣ на 6 ревизскихъ душъ, т. е. не выключая стариковъ, малолѣтнихъ и такъ или иначе выбывшихъ. Крестьяне привозили еще въ Москву 207 пуд. меду (въ Москвѣ пудъ его стоилъ 1 р. 50 к.). Кромѣ пашни и доставки наложенной на нихъ посопной пшеницы, крестьяне возили въ Москву безъ всякой платы хлѣбъ, получаемый съ дворцовой запашки, вино съ дворцовыхъ винокуренныхъ заводовъ на своихъ подводахъ, а частью на баркахъ, также изготовляемыхъ ими безплатно, возили дрова на винокуренные заводы *), работали на этихъ заводахъ, строили воловни и овчарни, устраивали хмѣлевые сады и „пчелиные заводы" и ухаживали за ними.

Въ остальной части воронежской губ. четырехгривенный оброкъ взыскивался гораздо чаще деньгами, чѣмъ хлѣбомъ и работами.

Въ бѣлгородской губ. оброкъ взыскивали вообще деньгами и только въ нѣкоторые годы брали съ трубчевскихъ крестьянъ на дворцовые расходы тысячъ по 6 ведеръ съ зачетомъ за каждое ведро по 40 к.

9) Десятина казенной запашки въ дворцовыхъ волостяхъ считалась въ 3200 кв. саж. Московск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру № 10, дѣло № 218, „Инстр. дворцовыхъ волостей управителямъ", 1731 г. л. 12. Съ 1745 г. не производилось зачета деньгами за плотниковъ, каменщиковъ и работниковъ, высылаемыхъ въ Москву и въ подмосковныя села, за подводы для отправки дворцовой рыбы съ малыковскаго рыбнаго промысла казанской губ., за грибы и орѣховое масло, за каплуны (изъ смоленскихъ волостей) и пр. Москов. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 3, дѣло № 431; по описи № 303, дѣло 41—9. Въ одномъ Указѣ 1725 г. сказано, что денежные платежи съ дворцовыхъ крестьянъ, кромѣ посопнаго хлѣба, вина, меду, десятинной пашни и сѣна, равнялись 132416 р. П.С.З. т. VII № 4677.

10) С. Короленко. „Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ". Изд. Департ. земледѣлія и сельской промышленности, Спб. 1892 г. стр. 129.—Въ троицко-острожскихъ волостяхъ воронежской губерніи до 1759 г. существовала десятинная пашня, обязательная для крестьянъ косьба сѣна и поставка подводъ. На 12941 душу мужскаго пола приходилось здѣсь пахать пашни около 750 дес., косить сѣна около 600 дес.; за пашню зачитали по 40 к. за десятину, за косьбу же сѣна зачета вовсе не производилось, хотя на нее было употреблено 600 работниковъ или всего 9450 рабочихъ дней (слѣдовательно, на каждаго работника почти по 16 дней). Кромѣ того, крестьяне поставили 879 подводъ для отвозки вина изъ дворцоваго завода на пристань, да еще 60 человѣкъ производили на заводѣ постройки въ теченіе 1½ мѣсяца въ самое рабочее лѣтнее время; кромѣ того, міръ платилъ отъ себя поденную плату 37 кочегарамъ, болѣе полугода находившимся на заводѣ. Въ 1759 г. десятинная пашня

*) Дворцовые винокуренные заводы были устроены еще въ хатунской волости московскаго уѣзда и въ Троицкомъ острогѣ темниковскаго уѣзда.

въ острожскихъ волостяхъ была, повидимому, весьма уменьшена и вмѣстѣ съ тѣмъ на крестьянъ было наложено лишнихъ 30 коп., а такъ какъ и тамъ былъ уже введенъ рублевый оброкъ, то они стали платить по 1 р. 30 к. съ души. Въ казанской губ., со введеніемъ рублеваго оброка, десятинная пашня была роздана крестьянамъ, а съ рыболововъ этой губерніи, малыковской волости, въ 1756—1759 гг. взыскивали по прежнему четырехгривенный оброкъ.

11) Такъ напр., въ нижегородской губ. около 10000 душъ крестьянъ, на которыхъ накопилась недоимка, платили въ 1755 г. только по 55 к., въ слѣдующемъ году уже по 75 к.; въ 1761 г. недоимка въ этой губерніи числилась уже только на 4½ тысяч. душъ. Въ троицко-острожскихъ волостяхъ воронежской губ. недоимщики платили по 80 к., а аккуратные плательщики по 1 р. 30 к. съ души. Въ новгородской губ. въ 1754 г. недоимщики платили по 55 к., въ слѣдующемъ по 77 к., а къ 1759 г. вся недоимка была уплачена, и они были сравнены съ остальными.

12) Всѣ предшествовавшія свѣдѣнія о повинностяхъ дворцовыхъ крестьянъ въ XVIII в. заимствованы изъ Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 3 дѣло № 431.

13) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629 кн. № 122 л. 65.

14) Мы имѣемъ данныя относительно цѣнъ на хлѣбъ за все десятилѣтіе 60-хъ годовъ XVIII вѣка въ губерніяхъ ярославской и тульской. Въ нечерноземной ярославской губ. средняя цѣна четверти ржи за это время равнялась 1 р. 56 к., въ черноземной тульской—98 к., средняя между тою и другою равняется 1 р. 27 к.; пшеница въ ярославской губ. 2 р. 43 к., въ тульской 1 р. 95 к., средняя—2 р. 19 к., овесъ въ ярославской 84 к., въ тульской 64 к., средняя—74 к., ячмень въ ярославской 1 р. 16 к., относительно тульской данныхъ нѣтъ. Средняя цѣна всѣхъ 4-хъ названныхъ хлѣбовъ въ 60-хъ г.г. XVIII в. равняется 1 р. 34 к. Сдѣлавъ подобный же расчетъ относительно цѣнъ на хлѣбъ въ ярославской и тульской губ. за 1881—1889 гг. по даннымъ Департамента Земледѣлія, мы получимъ среднюю цѣну 4-хъ названныхъ хлѣбовъ 4 р. 92 к., слѣдовательно, рубль 60-хъ годовъ XVIII в. равнялся приблизительно 4 рублямъ 80-хъ годовъ XIX вѣка. Архивъ Вольнаго Экономич. Общ., неизданное описаніе тульской губ. Левшина; „Ярославск. Губерн. Вѣдомости“ 1853 г. № 43; 1881—89 годы въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, изд. Департам. землед. и сельск. промышл., Спб. 1882—90 г.

15) Полн. Собр. Закон. т. XVIII, № 13194.

16) Безземельныхъ крестьянъ было всего 6163 души; они платили 6735 р.

17) Всего недоимки числилось за 130132 душами мужскаго пола 93016 р., т. е. по 71 к. съ души.

18) Коростынская волость новгородской губерніи, опредѣленная на содержаніе мѣстнаго губернатора, — 4218 душъ и при конныхъ заводахъ гвардейскаго коннаго полка, арзамаскаго уѣзда, 1004 души, итого 5222 души.

19) Первый въ троицко-острожскихъ волостяхъ на 50, второй на 111 и третій на 148 казановъ.

20) Противъ этого мѣста доклада Императрица Екатерина написала: „впредь отпускать деньгами, а по скольку—о томъ указъ дастся“.

21) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 122, л. 33—75.

22) Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 293, дѣло № 30, л. 47 и слѣдующ. Отношеніе рубля 80-хъ годовъ XVIII вѣка къ рублю 80-хъ годовъ XIX вѣка вычислено на основаніи матеріаловъ, указанныхъ выше въ примѣчаніи 14.

23) Ibid, по реестру № 10, дѣло № 218, л. 10. Арх. Горн. Депар., дѣла бергъ-коллегіи, сенатскіе указы 1771 г. л. 102. Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 17, дѣло № 169, л. 1. Арх. Гор. Депар. дѣла бергъ-коллегіи, сенатскіе указы 1771 г. л. 102; Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 3, дѣло № 301. Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи 12, дѣло № 255, л. 19. Ср. въ книгѣ В. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II“, т. I, 275. Арх. Минист. Юст., дѣла Сената по Дворцовой Канцеляріи № 20 — 5459, л. 38 — 41, пунктъ 6 и Моск. Отд. Арх. Мин. Двора по реестру 17, дѣло № 89, л. 49 и слѣд.

24) Въ 1710 г. въ архангельской губ. дворцовые крестьяне, по даннымъ, приводимымъ г. Милюковымъ, платили оброка съ *двора* 3 р. 3 к., кромѣ того, они вносили

государственныхъ податей съ *двора*: вѣдомства военнаго приказа драгунскихъ 25 к., адмиралтейскаго приказа корабельныхъ—10 к., земскаго приказа рекрутныхъ—6 к., ямского—подводныхъ—6 к., ямскія и полоняничныя деньги—5 к., разныхъ другихъ, преимущественно мѣстныхъ сборовъ, 30 к., на покрытіе дефицита 1710 г. — 65 к. *). Всего *вмѣстѣ съ оброчными* это составляло 4 р. 50 к. съ двора. Но, рядомъ съ окладными, къ этому времени образовался цѣлый рядъ „запросныхъ сборовъ", назначавшихся по мѣрѣ надобности. Такихъ сборовъ въ архангельской губерніи въ 1710 г. приходилось съ двора: въ Петербургъ мастеровымъ на жалованье — 13,7 коп. **), въ Петербургъ „на дачу" работникамъ — 23,1 коп. ***), въ Петербургъ провіанта ****), цѣною на 83,9 коп., подводамъ на фуражъ — 9,7 коп. *****), итого 1 руб. 30,4 коп. Всего окладныхъ (вмѣстѣ съ оброкомъ) и запросныхъ 5 р. 15,4 к., да единовременныхъ сборовъ 1710 г.—65 к., итого 5 р. 80,4 к. ******), причемъ дворцовые крестьяне платили въ архангельской губ. собственно казенныхъ податей и сборовъ почти столько же, какъ крестьяне черносошные, но болѣе, чѣмъ архіерейскіе, монастырскіе и помѣщичьи. Принимая, что тогдашній рубль равенъ 7-ми нынѣшнимъ, мы получимъ всѣхъ платежей дворцовыхъ крестьянъ въ 1710 г. въ архангельской губ. 40 р. 63 к. съ двора на нынѣшнія деньги. Это очень близко къ тому, что платили дворцовые крестьяне въ первой половинѣ XVI в. съ двора въ шелонской пятинѣ новгородскаго уѣзда, но въ 4 раза болѣе того, что платили въ 1590 г. въ вологодскомъ уѣздѣ. Въ казанской губ. въ 1711 г. взималось въ дворцовыхъ волостяхъ *съ двора* прежнихъ окладныхъ 3 р. 28 к. (въ томъ числѣ оброчныхъ 2 р. 80 к.), вновь положенныхъ 2 р. 41 к., итого 5 р. 69 к. *******), т. е. почти столько-же, какъ и въ архангельской губ. (на нынѣшнія деньги—39 р. 83 к. съ двора) ********).

25) Руковскій. „Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ" въ „Трудахъ Коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ", т. I, стр. 9—10. О дворцовыхъ крестьянахъ, отработывавшихъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. свой подушный окладъ на поташныхъ заводахъ, см. статью В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в.". „Вѣстникъ Европы" 1878 г. № 5.

26) П. С. З. т. VII, № 4729, т. VIII, № 5388, ср. т. VII, № 4729.

27) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи 17, дѣло № 65, л. 12, 16—18.

28) Ibid, по описи 17, дѣло № 62, л. 1—4.

29) П. С. З. т. XI, № 7997; XIV, № 10689. Моск. Отд. Арх. Минист. Двора, по описи 17, дѣло № 111, л. 1—2. П. С. З. т. XVII, № 17772. Дворцовые крестьяне несли

*) Этотъ послѣдній сборъ «на одинъ 1710 г.» имѣлъ временный характеръ, но за то здѣсь нѣтъ ряда другихъ сборовъ, прибавленныхъ послѣ 1710 г.

**) Собрано было съ 160-го двора по человѣку, а съ остальныхъ 159 дворовъ вмѣстѣ 22 р. на содержаніе его.

***) Съ 13-го двора по человѣку, съ остальныхъ 12 вмѣстѣ 3 р. на содержаніе его; слѣдовало бы 25 к. съ двора.

****) По $2\frac{1}{4}$ чтв. съ двора, кромѣ Кольскаго и Пустозерскаго острога; кто не захочетъ везти въ Петербургъ, тому платить по 3 р. за четверть.

*****) Съ 50-ти дворовъ по подводѣ и по 4 р. 86 к.

******) Тутъ принимается число дворовъ по переписи 1678 г.; если же взять дѣйствительное число дворовъ 1710 г., то сборъ увеличится, сообразно съ расчетомъ г. Милюкова, до 9 р. 67 к. съ двора. Кромѣ того, не распредѣлялись на дворовое число косвенные налоги, сборы съ оброчныхъ статей и пошлины, которыхъ въ суммѣ приходилось въ архангельской губ. среднимъ числомъ по 1 р. 30 к. на дворъ.

*******) Принимая при расчетѣ число дворовъ по переписи 1678 г., если же взять дѣйствительное число дворовъ по переписи 1710 г., то, сообразно съ расчетомъ г. Милюкова, придется нѣсколько менѣе—по 4 р. 80 к. на дворъ.

********) Милюковъ. «Государственное хозяйство», 279—281, 285—286. Тяжестью налоговъ объясняется значительная убыль населенія, оказавшаяся по переписи 1710 г. въ дворцовыхъ волостяхъ многихъ мѣстностей. Милюковъ, 246, 249, 251 — 257, ср. 475. Впрочемъ, цифры переписи 1710 г. не возбуждаютъ полнаго довѣрія и требуютъ строгой провѣрки.

также и постойпую повинность. „Доклады и приговоры Сената", т. II, кн. 1 (1712 г.) стр. 58.

30) „Генеральное соображеніе по тверской губ., извлеченное изъ подробнаго топографическаго и камеральнаго описанія 1783—84 гг.". Тверь 1873 г. стр. 66, 68.

31) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 293, дѣло № 36, л. 398 обор.

32) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 17, дѣло № 91, л. 75.

33) Количество земли на душу въ дворцовыхъ волостяхъ во время генеральнаго межеванія *):

Названіе губерній.	Время генеральнаго межеванія.	Пахотной земли на 1 душу	Сѣнокосу на 1 душу.	Лѣсу на 1 душу.	Всего на 1 душу.	На основаніи какого числа душъ сдѣлапъ выводъ.	
		Десятинъ.					
Псковская . . .	1781—96 гг.	3,6	0,4	2,9	7,3	12075	
Новгородская . .	1775—96 гг.	3	0,5	43,2	48,6	17418	
Смоленская. . .	1776—79 гг.	4,7	0,25	4,5	9,8	36387	
Тверская. . . .	1776—81 гг.	5,8	1,8	11,3	21,3	18511	
Костромская . .	1773—83 гг.	4,2	0,4	9,2	14	50422	Все число душъ, отдѣльно обмежеванное.
Вологодская . .	1782—96 гг.	2,3	1,1	54	64	21023	
Владимірская . .	1773—76 гг.	6	0,6	5,5	12,8	19919	
Московская. . .	1766—74 гг.	2,1	0,9	3,8	7,7	14134	
Нижегородская .	1784—97 гг.	4,3	0,7	7,8	13,3	48177	Все число душъ, отдѣльно обмежеванное.
Орловская . . .	1778—82 гг.	5,8	0,3	9,2	16	16907	
Пензенская. . .	1782—93 гг.	4,4	0,5	2,6	7,8	7748	
Тамбовская. . .	1782—97 гг.	5	2	1	8,6	32702	Все число душъ, отдѣльно обмежеванное.
Курская (комарицкая волость) .	1782—97 гг.	3,9	0,2	0,9	5,5	4531	
Воронежская . .	1782—96 гг.	7,4	5,5	0,5	15,8	7949	

34) Общ. Арх. Минис. Двора, по описи № 1629, кн. 122, л. 43.

35) П. С. З. т. X, № 7732, п. 10; срав. Моск. Отд. Арх. Минис. Двора, по описи № 2, дѣло № 65, л. 31.

36) Москов. Отдѣл. Общ. Арх. Мин. Двора, по реестру № 3, дѣло № 37, л. 2—3.

37) П. С. З. т. XIV, № 10237, гл. XX, п. 10.

38) См. статьи В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдомства", „Вѣстникъ Европы" 1878 г. № 5, стр. 22—26, и „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II", „Русская Старина" 1879 г. №№ 1, 3 и 6.

39) „Сборн. выписокъ изъ архив. бумагъ о Петрѣ В." М. 1872 г., т. II, стр. 256. Въ архангельской губ. въ 1765 г., при общей суммѣ окладныхъ дворцовыхъ сборовъ

*) Мы не вносимъ въ особую графу количества усадебной и неудобной земли, но въ общій итогъ земли эти включены. Здѣсь принято количество земли, находившееся въ отдѣльномъ, безспорномъ владѣніи дворцоваго вѣдомства.

съ крестьянъ въ 66215 р., за оброчныя земли собиралось всего 1050 р. Моск. Отд. Арх. Минист. Двора, по описи № 293, дѣло № 36, л. 399.

40) Моск. Отд. Общ. Арх. Минист. Двора, по описи № 10, дѣло № 218, л. 75 об.

41) П. С. З. т. XVI, № 12772; т. XXII, № 16,619; т. XXIII, № 16813, 16821.

42) Зезюлинскій. „Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи", вып. 2, 1893 г., стр. 17.

43) Яковкинъ „Исторія села Царскаго". 1829 г. т. I, 60—68, 162, III, 216.—На докладные пункты генерала-директора барона фонъ-Розена, 13 Января 1735 г. былъ данъ Указъ слѣдующаго содержанія: нигдѣ дворцовые крестьяне не терпятъ такой нужды, какъ въ московской губерніи, гдѣ „отъ худой и выпаханной земли никогда хлѣбъ не родится, а въ иныхъ мѣстахъ, хотя и родится, токмо за тѣснымъ разселеніемъ той земли и надлежащихъ имъ участковъ довольно не достаетъ, и оттого приходятъ въ нищету"; хотя нѣкоторые крестьяне и зажиточны, имѣя по счастью хорошія земли, но другіе бѣдны и унавозить имъ худую землю нечѣмъ, послѣдніе „всегда хлѣба имѣть не будутъ". Императрица повелѣла барону Розену разсмотрѣть всѣ эти земли и, гдѣ окажется большой недостатокъ ихъ или онѣ не плодородны, то оттуда крестьянъ переводить въ удобныя мѣста другихъ дворцовыхъ волостей и селить ихъ тамъ, „гдѣ земля безъ навозу плодоносная, или на порозжихъ мѣстахъ вновь, или присовокуплять къ другимъ волостямъ, гдѣ оной довольное излишнее число сыщется". Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 2, дѣло № 152.

Мы уже упоминали, что при Рижскомъ и Ревельскомъ дворцахъ числилось нѣкоторое количество безземельныхъ дворцовыхъ крестьянъ, приписанныхъ въ 1722 г., бѣглыхъ и позднѣе вышедшихъ изъ за границы. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія при Рижскомъ дворцѣ числилось 954, при Ревельскомъ 1055, а при обоихъ 2009 душъ. Изъ рижскихъ платили оброкъ только 784 чел., а 170 находились въ безвѣстной отлучкѣ; изъ ревельскихъ платили 365, а неизвѣстно гдѣ находились 690 душъ. Въ 1781 г. Императрица Екатерина II приказала обложить ихъ сборами по ихъ состоянію и промыслу и переселить въ новороссійскую или азовскую губерніи. Общ. Арх. Минист. Двора, по описи № 1629, дѣло № 151, листъ 30—38.

44) Напр. въ 1769 г. относительно крестьянъ Александровой слободы, переяславль-залѣсскаго уѣзда. Общ. Арх. Минист. Двора, по описи № 1629, дѣло № 122, л. 29.

45) Инструкція управителю Наровчатскаго городища 31 августа 1725 г. Моск. Отд. Арх. Минист. Двора, по описи № 303, дѣло № 3—36.

46) „Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны С. А. Салтыкову 1732—42 гг.". „Чтенія въ Общ. Ист. Древ. Рос." 1878 г. т. I, 145.

47) Н. Рычковъ „Журналъ или дневныя записки путешествія въ 1769—1770 гг." СПБ. 1770 г., стр. 43, 167, 179.

48) Въ 1733 г. былъ неурожай въ смоленской губ., между прочимъ и въ дворцовыхъ волостяхъ. Крестьяне просили выдать имъ въ ссуду ржи, муки и овса. Ссуда была выдана изъ казеннаго магазина, изъ котораго выдавалось продовольствіе войскамъ, но въ количествѣ въ шесть разъ меньшемъ, сравнительно съ тѣмъ, сколько они просили, и при томъ мука была очень сомнительнаго достоинства. Неурожай 1733 г. охватилъ, кромѣ смоленской, еще тогдашнія губерніи московскую и нижегородскую, а также провинціи тверскую и великолуцкую, что соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ губерніямъ: московской, рязанской, костромской, владимірской, калужской, тульской, тверской, нижегородской и частію псковской. Въ Москвѣ и Петербургѣ объ этомъ несчастіи узнали только въ февралѣ 1734 г., когда голодало уже множество крестьянъ. Въ дворцовой порѣчской волости смоленской губерніи чувствовалась великая скудость. При описи въ нихъ наличнаго хлѣба, изъ 1887 дворовъ порѣчской волости въ 35 дворахъ оказалось 251 четверть хлѣба, а въ остальныхъ 1852 дворахъ его совсѣмъ не было; крестьяне для прокормленія смѣшивали опилки изъ сушеныхъ кусковъ деревьевъ—дуба, илима, липы съ сѣномъ, мхомъ и соломою и изъ этой смѣси пекли себѣ хлѣбъ.

Именнымъ Указомъ 25 Апрѣля 1734 г. велѣно было отсрочить сборъ подушныхъ податей съ помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ, но о дворцовыхъ забыли. Поэтому Дворцовая Канцелярія донесла Сенатской Конторѣ въ Москвѣ, что управители и

крестьяне дворцовыхъ волостей просятъ о дачѣ имъ сроку во взысканіи податей и недоимокъ до новаго хлѣба. Управитель толоконцевской волости, балахнинскаго уѣзда, нижегородской губерніи сообщилъ Дворцовой Канцеляріи, что велѣно было про обиходъ государыни собрать провіанта ржаной муки 371 четверть (половина оклада), а другую половину деньгами, овса 749 четвертей и отправить въ Петербургъ водянымъ путемъ на подрядныхъ судахъ, но въ сборѣ этомъ есть недоимка (63 четверти ржи и 130 четвертей овса), которая взыскивалась съ крестьянъ „съ великимъ правежемъ", но за „всекочною крестьянскою скудостью" и вслѣдствіе неурожая 1733 года ее „никоими мѣрами доправить невозможно". По словамъ управителя, крестьяне толоконцевской волости пищу имѣютъ самую скудную, толкутъ дуранду, сѣмя льняное, что называется избоина, и мѣшаютъ съ гречневою чешуей, а которые получше крестьяне тѣ мѣшаютъ дуранду съ овсяной мукой и съ толченою мякиной, и многіе оттого пухнутъ и помираютъ, такожъ и скотъ весь безъ остатку выпалъ. Съ дворцовыхъ крестьянъ взыскивали не только дворцовые сборы, но и подушныя подати, собрать которыя оказывалось возможнымъ, только окончательно разоривъ крестьянъ. По донесеніямъ въ маѣ мѣсяцѣ управителей четырехъ дворцовыхъ волостей нижегородской провинціи, взыскать подушную подать и недоимки къ сроку было совершенно невозможно, такъ какъ крестьяне, за недородомъ хлѣба, пищу имѣютъ скудную, а крестьяне друковской и керженской волостей мѣшаютъ съ избоиною толченую дубовую кору и гнилой дубъ, а также толкутъ сушеные цвѣты орѣшника и мѣшаютъ съ овсяною мукою, и многіе оттого пухнутъ и помираютъ; падаетъ и скотъ. Въ московскомъ уѣздѣ, несмотря на голодъ, взыскивали подати. Одинъ тамошній управитель сообщилъ, что крестьяне совершенно не въ силахъ платить подати, такъ какъ вслѣдствіе взысканія ихъ въ самомъ концѣ 1733 г. „чрезъ великій и нетерпимый правежъ" разорились безъ остатку и многіе крестьяне, покинувъ свои дворишки, разбрелись врознь, а оставшіеся многіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду помираютъ голодною смертію; на первую половину 1734 г. также взыскиваютъ подушныя деньги, но заплатить ихъ къ сроку не возможно, хотя онъ, управитель, держитъ старостъ въ приказной избѣ скованными подъ карауломъ. Дворцовые крестьяне другой волости московскаго уѣзда подали въ Сенатскую Контору прошеніе, въ которомъ жаловались, что управитель собираетъ съ нихъ подушныя подати и дворцовые доходы, которыхъ имъ за хлѣбнымъ недородомъ взять негдѣ; многіе изъ нихъ разбрелись по міру, а оставшіеся помираютъ голодною смертію, продать и заложить нечего, да съ нихъ же правятъ оброчныя дрова, а ихъ взять негдѣ и вывезти не на чемъ. Староста одного дворцоваго села ржевскаго уѣзда жаловался, что управитель взыскиваетъ недоимки за прошлый 1733 г. и оброчныя деньги на нынѣшній годъ „нестерпимымъ правежемъ", несмотря на то, что у нихъ неурожай уже третій годъ, и многіе изъ нихъ, покинувъ свои домишки, скитаются и кормятся христовымъ именемъ. Наконецъ въ іюнѣ 1734 г. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ дворцовыхъ крестьянъ не требовали никакихъ платежей до новаго урожая. Изъ нѣкоторыхъ волостей были присланы образчики хлѣба, которымъ принуждены были питаться крестьяне. Въ 1734 г. со всѣхъ дворцовыхъ волостей слѣдовало собрать въ пользу дворцоваго вѣдомства 154842 руб., а было получено только 84485 руб. Въ этомъ году неурожай былъ еще сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году: пострадали не только тѣ мѣстности, что и въ 1733 г., т. е. губерніи смоленская, московская и нижегородская, но и наиболѣе хлѣбородная полоса Россіи—губерніи бѣлгородская и воронежская.

По докладу генералъ-директора бар. Розена, Императрица Анна Іоанновна въ началѣ 1735 г. повелѣла оказать помощь нуждающимся дворцовымъ крестьянамъ. Для этого бар. Розенъ долженъ былъ ѣхать прежде всего туда, гдѣ была особенная нужда, и снабдить крестьянъ хлѣбомъ, какъ на прокормленіе, такъ и на лѣтній посѣвъ причемъ ему было разрѣшено, въ случаѣ надобности, закупать хлѣбъ и въ другихъ мѣстахъ, управители же и надзиратели должны были строго наблюдать, чтобы каждый крестьянинъ дѣйствительно засѣялъ свою землю даннымъ ему хлѣбомъ. О платежахъ и недоимкахъ бар. Розенъ долженъ былъ представить Императрицѣ подробный реестръ, а пока она приказала не принуждать платить оброкъ неимѣющихъ на то возможности, чтобы не разорить ихъ.—Сильные неурожаи въ Россіи были также въ 1748 и 1749 гг.

Общ. Арх. Министер. двора по описи № 1629, дѣло № 27, л. 4. П. Безобразовъ. „Неурожаи прошлаго вѣка". „Рус. Обозрѣніе" 1892 г., № 2, стр. 693, 695—696, 703, 707—708, 711, 729—732; его-же: „Неурожаи прошлаго вѣка". „Наблюдатель" 1893 г., № 7, стр. 50, 57—60, 70; Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. XX, 186.

49) Въ письмѣ къ С. А. Салтыкову отъ 26-го ноября 1734 г., начало котораго было приведено нами выше, Анна Іоанновна говоритъ: „Прошедшія весны писалъ ты, что хлѣбу былъ многой недородъ и въ Москвѣ умножилось нищихъ, чего ради повелѣли мы такимъ неимущимъ давать на пропитаніе хлѣбъ *изъ нашихъ магазейновъ*, а по полученному нынѣ репорту явилось въ раздачѣ изъ первыхъ персонъ и другимъ знатнымъ людямъ, которымъ по тому нашему указу давать не надлежало, больше 5000 четвертей, *а бѣднымъ никакой милости не показано*". „Чтенія въ Общ. Ист. Древ. Рос." 1878 г. т. I, 146. Срав. П. Безобразовъ. „Неурожаи прошлаго вѣка". „Русское Обозрѣніе" 1892 г. № 2, стр. 717.

50) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 113, л. 41. Точно такой-же Указъ былъ данъ коллегіи экономіи. П. С. З. т. XVII, № 12351.

51) См. статью В. Семевскаго: „Крестьяне дворцоваго вѣдомства", „Вѣстникъ Европы" 1878 г. № 5, стр. 31—32.

52) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру № 10, дѣло № 218, л. 48. Ibid., Наставленіе Губернской Дворцовой Конторѣ, л. 73.

53) П. С. З., т. XX, № 14358.

54) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи 10, дѣло № 218, л. 72.

55) Милюковъ, „Государственное хозяйство Россіи", стр. 208, 224, 357—358, 423, 446, 474—475. Зезюлинскій, „Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи", вып. II, Спб. 1893 г., стр. 7. П. С. З. №№ 2048, 2075, 2161. Въ 1713 г. ингерманландская канцелярія дворцовыхъ дѣлъ уже не существовала. П. С. З. т. V, № 2620; т. VI, №№ 3704, 3737.

56) П. С. З. т. VII, № 4548. Исполненіе по этому Указу—уже по смерти Петра Великаго, 17-го марта 1725 г., причемъ термины: „Дворцовая Канцелярія" и „Приказъ Большого Дворца" употребляются безразлично, см. П. С. З. т. VII, № 4677. Въ 1724 г. дворцовыя и конюшенныя волости велѣно было вѣдать обергофмейстеру Олсуфьеву вмѣстѣ съ Дворцовою Канцеляріею. Въ этомъ Указѣ, между прочимъ, сказано: Дворцовая Канцелярія въ Москвѣ, „что прежде былъ Приказъ Большого Дворца". П. С. З. т. VII, № 4967. Срав. Зезюлинскій, II, 9. Въ одномъ дѣлѣ 1740 г. упомянуто, что въ 1723 г. важескія волости приписаны въ вѣдомство Приказа Большого Дворца, „что нынѣ Главная Дворцовая Канцелярія". „Арханг. Губерн. Вѣд.", 1868 г., № 9. Въ 1732 г. генералъ-директоромъ дворцовыхъ волостей назначенъ былъ баронъ фонъ-Розенъ. „Чтен. Общ. Ист. Древ. Россіи", 1878 г., т. I, указы Салтыкову, стр. 11—13.

57) П. С. З. т. X, № 7468, т. XI, №№ 8212, 8257; XII, № 9358.

58) П. С. З. т. VII, № 4653; VIII, № 5333, п. 12; 6068. О компетенціи Дворцовой Канцеляріи при Екатеринѣ II, см. въ статьѣ В. И. Семевскаго: „Крест. двор. вѣд.", „Вѣстникъ Европы", 1878 г., № 5, стр. 33—34. Дворцовая Конюшенная Канцелярія, управлявшая конюшенными крестьянами, существовала при Екатеринѣ II, какъ особое учрежденіе. О передачѣ въ вѣдомство казенныхъ палатъ, см. П. С. З. т. XX, № 14392; XXI, № 15141; XXII, №№ 16245, 16358, 16359, 16451, 16452; XXIII, № 17060.

59) Въ 1701 г. въ московскомъ уѣздѣ было 8 приказчиковъ. „Сборн. выпис. изъ архивн. бумагъ о Петрѣ Великомъ", т. II, 190, 191, 209. Срав. П. С. З. т. VIII, № 5388 (указъ 21-го марта 1729 г.). Въ 1713 г. въ московской губерніи было 23 приказчика; должность эту занимали стряпчіе сытнаго хлѣбеннаго и кормоваго дворцовъ, стремянные конюхи и пр.; одинъ приказчикъ былъ изъ оброчныхъ крестьянъ. „Доклады и приговоры Сената", т. III, ч. 2, стр. 984. Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 303, дѣло № 3—36, л. 250.

60) См. статью В. Семевскаго: „Домашній быть и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка", „Устои", 1882 г., № 2, стр. 69.

61) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 10, дѣло № 218, листъ 4—23. Такъ какъ на дворцовыхъ крестьянахъ накопилась недоимка, то въ 1731 г. было предписано взыскивать ее съ волостей и съ самихъ управителей и канцелярскихъ судей,

„при чьемъ несмотрѣніи она запущена", и опредѣлять въ тѣ волости „управителей добрыхъ и вѣрныхъ, извѣстныхъ людей, которыхъ дѣла напредь сего апробованы". П. С. З., т. VIII, № 5924.

62) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 27, л. 4.

63) П. С. З., т. X, № 7947. Въ 1739 г. многіе дворцовые управители воронежской губерніи были удалены съ своихъ мѣстъ и вызваны въ Москву, въ дворцовую слѣдственную комиссію. Моск. отдѣленіе Арх. Мин. Двора, по реестру 10, дѣло № 28. листъ 2. Къ слѣдствію привлекались и управители важескихъ волостей, которые съ 4778 дворовъ крестьянъ собирали въ свою пользу по гривнѣ съ двора и больше „Арханг. Губ. Вѣд.", 1868 г., № 9. П. С. З., т. XI, № 8205. Изъ вѣдомости дворцовыхъ волостей 1743 г. видно, что въ то время въ нихъ были управителями люди военныхъ и гражданскихъ чиновъ, старостами же управлялись только село Крапивино, нижегородскаго уѣзда, и юмохонская волость, суздальскаго уѣзда, а бурмистромъ решемская волость, суздальскаго уѣзда. Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 15, дѣло № 33.

64) „Арханг. Губ. Вѣд.", 1868 г., № 9.

65) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 113, л. 37.

66) Ibid, дѣло № 114, л. 86. Въ 1769 г. дворцовые крестьяне Александровой слободы принесли Императрицѣ жалобу на притѣсненія и взятки бывшихъ у нихъ управителей и подъячихъ. Ibid, дѣло № 122, л. 78. Очень интересный примѣръ злоупотребленій дворцовыхъ управителей см. въ статьѣ В. Семевскаго: „Крест. дворц. вѣд.", „Вѣстникъ Европы", 1878 г., № 5, стр. 35—37.

67) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру № 3, дѣло № 451, л. 19, по реестру № 11, дѣло № 244.

68) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, портфели Миллера, № 150, VI, № дѣла 8. Ср. **Pallas**, III, 486—487. **Рычковъ**, I, 43, 179.

69) П. С. З., т. XIX, № 14133. Выбранные крестьянами взамѣнъ управителей на основаніи этого Указа назывались не старостами, а головами. Моск. отд. Арх. Мин. Двора, опись № 293, дѣло № 10—9; по описи № 10, дѣло № 218, л. 70.

70) См. статью В. Семевскаго „Крестьяне дворц. вѣд." „Вѣстникъ Европы", 1878 г., № 5. стр. 37—38.

71) Подробности о крестьянскомъ самоуправленіи, см. въ статьѣ В. Семевскаго „Вѣстникъ Европы", 1878 г., № 5, стр. 38, 39, 40—43.

72) Въ 1732 г. нѣсколько крестьянъ тамбовскихъ дворцовыхъ волостей, посланные въ качествѣ челобитчиковъ, обвинялись въ излишнихъ сборахъ и взяткахъ со своихъ довѣрителей. Для слѣдствія по этому дѣлу и производства наказанія за челобитья, признанныя Главною Дворцовою Канцеляріею ложными, былъ посланъ поручикъ Межаевъ, который (въ февралѣ 1733 г.) нашелъ, что челобитчики виновны и велѣлъ вести ихъ на площадь для наказанія. Но они подняли сильный крикъ и объявили, что за ними есть „Ея Императорскаго Величества царственное дѣло". Собравшаяся толпа крестьянъ (болѣе 3,000 челов.) не дала наказывать челобитчиковъ и едва не избила поручика Межаева. Слѣдствіе по этому дѣлу было поручено подполковнику кн. Вяземскому, а для наказанія крестьянъ была прислана военная команда. Крестьянъ спрашивали „съ пристрастіемъ" (т. е. съ пытками), и они показали, что въ ихъ селѣ происходили мірскіе сходы, на которыхъ они уговаривались не давать бить челобитчиковъ. Предписано было выбрать изъ крестьянъ зачинщиковъ 50 или болѣе человѣкъ и наказать кнутомъ нещадно, водя ихъ по селамъ и деревнямъ, „дабы, смотря на то, другимъ крестьянамъ такъ дѣлать было не повадно". (Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 8, дѣло № 62).

Было уже упомянуто, что злоупотребленія дворцовыхъ управителей вызвали учрежденіе въ Москвѣ въ 1739 г. слѣдственной комиссіи, причемъ очень многіе дворцовые управители были потребованы на допросъ. Въ числѣ такихъ вызванныхъ къ слѣдствію былъ и присутствовавшій въ Воронежской Дворцовой Конторѣ. По отъѣздѣ его, въ Главной Дворцовой Канцеляріи было получено донесеніе, что многіе крестьяне воронежскихъ дворцовыхъ волостей „находятся въ непослушаніи и мочные маломочныхъ крестьянъ бьютъ" самовольно, не подавая жалобы на нихъ въ дворцовую контору, „и говорятъ, что де у насъ судей не имѣется". По требованіямъ изъ

Тамбовской Провинціальной Канцеляріи о высылкѣ крестьянъ на работу въ разныя мѣста, тѣ въ работу не идутъ, а хотя и пойдутъ, точію съ дороги бѣгутъ обратно и живутъ въ домѣхъ, а сотскіе объ нихъ въ контору не объявляютъ.... и посланныхъ за ними изъ конторы не слушаютъ". Находившіеся „у присмотру десятинныхъ гуменъ" гвардейскіе капралы и солдаты доносили Воронежской Конторѣ, что они крестьянъ наряжаютъ для молотьбы десятиннаго хлѣба и высылки подводъ съ хлѣбомъ и что многіе изъ крестьянъ ихъ не слушаютъ и бранятъ. Главная Дворцовая Канцелярія приказала виновныхъ въ ослушаніи крестьянъ бить батогами нещадно. (Моск. Отд. Общаго Арх. Мин. Двора, по реестру № 10, дѣло № 28).

Въ 1765 г. тамбовскіе дворцовые крестьяне помогли въ сопротивленіи войску крѣпостнымъ помѣщика Фролова-Багрѣева, которые прежде принадлежали вмѣстѣ съ ними къ одной дворцовой волости. (Подробнѣе объ этомъ смотри въ статьѣ В. Семевскаго въ „Вѣстникѣ Европы", 1878 г., № 5, стр. 43).

Въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ было какое-то ослушаніе крестьянъ въ 1768 г., повидимому, по поводу взысканія недоимокъ, но подробности не извѣстны. (Сбор. Ист. Общ., т. XIII, стр. 418).

Въ 1781 г. Главная Дворцовая Канцелярія вслѣдствіе ослушанія крестьянъ деревни Панки, распоряженіемъ управителя предписала главныхъ зачинщиковъ наказать при собраніи схода батогами. (Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру 3, дѣло № 545, л. 17—19). Былъ еще случай сопротивленія дворцовыхъ крестьянъ ярославской губерніи (въ 1785 г.) исполненію рѣшенія межевой канцеляріи относительно ихъ поземельнаго спора съ сосѣднимъ помѣщикомъ. (Арх. Мин. Юстиціи въ Москвѣ, дѣла Сената 1785 г., № 629—4400, л. 396—397).

73) „Доклады и приговоры Сената", т. III, кн. 2, стр. 676. „Восемнадцатый Вѣкъ", изд. Бартенева, т. III, стр. 177.

74) Въ царствованіе Екатерины II, на гакѣ жило среднимъ числомъ около 30 чел. рабочаго возраста обоего пола, а всего со стариками и дѣтьми около 60 человѣкъ. Hagemeister. Ueber die ehemalige Bedeutung eines livländisches Hakens und die verschiedenen Hakenrevisionen. „Livl. Jahrbücher der Landwirth". Bd. II, S. 20; срав. Самаринъ, „Окраины Россіи", вып. VI, стр. 3—6.

75) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 102, л. 37. О крестьянахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Канцеляріи дворцовъ и садовъ, см. въ статьѣ В. Семевскаго „Вѣстникъ Европы", 1878 г., № 5, стр. 54—56.

Примѣчанія къ главѣ II, отд. I.

1) Яковкинъ. „Исторія Села Царскаго", Спб. 1829 г., т. I, стр. 35, 42—46. Въ Ингерманландіи были пожалованы земли и мызы и другимъ Членамъ Царской Фамиліи, съ обязанностью ихъ заселенія. Такъ напр., Царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ была подарена Гатчинская мыза съ приписными къ ней деревнями; другія деревни были подарены Царевичу Алексѣю Петровичу. Ibid. стр. 49—62.

2) П. С. З. т. IV, № 2550. Эти дворцовыя села и волости были „опредѣлены во дворецъ и розданы по комнатамъ", а именно: „въ домъ Царскаго Величества" изъ новгородскихъ: изъ осѣченской волости—Боровенскій-Толмачевскій (погостъ?) 99 дворовъ, Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ съ дѣтьми—Никольскій-Заборовскій 214 дворовъ, Введенскій-Козловскій 80 дворовъ, Воскресенскій 150, Михайловскій-Трестенскій 50; Царевнамъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ сестрами—Никольская-Тучевская 80, Никольская-Раевская 34, Васильевская-Кострицкая 16, Богородицкая-Рыбинская 30, Никольская-Забережская 21, итого 744 двора. „Доклады и приговоры Сената", т. IV, кн. I. стр. 533. Здѣсь не названы еще псковскія дворцовыя волости, опредѣленныя Членамъ Царской Фамиліи. Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ принадлежало всего болѣе 2,500 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ. М. Семевскій, „Царица Прасковья", изд. 2-е, Спб. 1883 г., стр. 26.

3) „Доклады и приговоры Сената", т. III, кн. 2, стр. 474—475. Впрочемъ, въ томъ-же году часть этихъ вотчинъ была пожалована Анисьѣ Толстой. Ibid. стр. 1388.

4) Ibid. т. III, ч. 2, стр. 521. Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ принадлежало еще село Тонинское съ деревнями, московскаго уѣзда. Ibid. стр. 63, 1194.

5) Ibid. т. III, ч. 2, стр. 995.

6) Въ 7 мызахъ и 73 деревняхъ этихъ погостовъ было 399 крестьянскихъ дворовъ, 115 бобыльскихъ, 7 дворовъ вдовьихъ и 3 двора кузнецовъ; жителей обоего пола 1897 чел. Яковкинъ, „Исторія Села Царскаго", т. I, стр. 47–49. Какъ мы уже видѣли, каждой Царевнѣ были опредѣлены особыя вотчины. Въ 1719 г., по смерти Царевны Екатерины Алексѣевны, подмосковныя и новгородскія деревни, которыя были въ ея владѣніи, были приписаны ко дворцу и отданы въ вѣдѣніе дьяку Волкову (П. С. З. т. V, № 3267), а затѣмъ въ томъ же году было указано: „вотчины, которыя прежде опредѣлены были и приписаны къ комнатамъ.... Царевенъ Екатерины Алексѣевны, Өеодосіи Алексѣевны, Маріи Алексѣевны въ новгородскомъ и въ псковскомъ и въ другихъ уѣздахъ, что за ними было, судомъ и расправою и всякими сборами, вѣдать стольнику Данилову". П. С. З. т. V, № 3331. У Царевны Прасковьи Ивановны были также свои вотчины. „Письма русскихъ государей", ч. II, Москва, 1861 г., стр. 93—96. При Петрѣ Великомъ, между прочимъ, было отчислено къ имѣніямъ Императрицы 327 дворовъ крестьянъ, состоявшихъ въ синодальномъ вѣдомствѣ. Горчаковъ, „Монастырскій приказъ", прилож. стр. 147.

7) П. С. З. т. VI, № 3737; VII, №№ 4314, 4966, 5206. Сохранилась вѣдомость псковскихъ вотчинъ Императрицы Екатерины I, 1724 г., изъ которой видно, что въ этихъ волостяхъ (красногородской, опочецкой, выборгской, володимерской, корельской и др.) было по переписи 1678 г.—426 двор., а по домовой переписи 1721 г.—765 двор. (на лицо 759 двор.), пустыхъ бобыльскихъ дворовъ, по домовой переписи 323 двор.; людей всего по сказкамъ, поданнымъ въ 1719—1722 гг., было 4579 чел. м. п. (а на лицо въ 1724 г.—4721). Арх. Главн. Управл. Удѣловъ, связка № 1, дѣло № 1, л. 203. По Указу Императрицы Екатерины I, 17-го февраля 1726 г., въ кексгольмскомъ уѣздѣ погосты Кургіотскій, Якимварскій и Кацеласкій, 466 дворовъ, велѣно было приписать къ Собственной Ея Величества вотчинныхъ дѣлъ Канцеляріи. Ibid. дѣло № 7, связ. 2, л. 9.

8) Душъ—собственно больше, такъ какъ въ двухъ мызахъ, въ которыхъ было 220 дворовъ, число душъ не обозначено.

9) Арх. Сената, Именные Указы, кн. Б, л. 450—457.

10) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 5, л. 27; Арх. Сената, именные Указы, кн. В. л. 216; Строиловъ, „Цесаревна Елисавета Петровна въ Александровой слободѣ". „Ч. О. И. Д. Р.", 1874 г., т. I, 13—14; „Арх. князя Воронцова". I, 15—16. Много повелѣній Елисаветы Петровны этой канцеляріи находятся въ дѣлахъ Общаго Архива Министерства Двора, по описи № 1629. Въ 1731 г. Елисавета Петровна получила по завѣщанію своего дяди, гр. Фед. Самойл. Скавронскаго, недвижимое имѣніе, которое перешло къ нему по завѣщанію Императрицы Екатерины I. Изъ него она надѣлила вдову умершаго, граф. Екатерину Скавронскую. Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 25, л. 121—122.

11) „Ч. О. И. Д. Р.", 1858 г., кн. III, протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 76; Сборн. Ист. Общ., т. 79, стр. 267; Арх. Сената, Именные Указы 1728 г., кн. В, 182, Ш., 2.

12) П. С. З., т. VIII, № 5895. По смерти Царевны Екатерины Іоанновны онѣ вновь были присоединены къ дворцовымъ въ 1733 г. Общій Арх. Мин. Дв., кн. 22, л. 25.

13) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 114, л. 72; „Ч. О. И. Д. Р.", 1875 г., т. I, „Дворцовое село Островъ", стр. 100. Имѣнія эти при Екатеринѣ II, въ 1763 г., были вновь отчислены къ дворцовымъ волостямъ. Моск. Отд. Арх. Мин. Дв., по описи № 3, дѣло № 431, л. 13 и слѣд.

14) Мызы, „которыя даны были подъ поселеніе крестьянъ не по препорціи двороваго числа излишнія",—Брызговская, Ласковицкая, Скворицкая, Сиворицкая, Вохонская, Сельцо, Стремлянская, Ноздринская, Хлуховская, Новобурская и Сойкинская. Арх. Сената, Именные Указы, кн. 89, л. 28. Ораніенбаумъ со всѣми заведеніями, отписанный послѣ кн. Меншикова и отданный къ адмиралтейству, для содержанія больныхъ, былъ пожалованъ Петру Өеодоровичу еще въ 1743 г. П. С. З., т. XI, № 8820.

15) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, доклады отъ коллегіи 1764—77 гг., св. 1, вѣдом.

3; Арх. Сената, Именные Указы, кн. 96, л. 224; сравн. „Журналъ Землевладѣльцевъ“, 1859 г., кн. 23, стр. 297.

16) П. С. З., т. XXI, № 15808; Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, стр. 257—261; П. Семеновъ, „Геогр. статист. словарь Россійской Имперіи“, т. I, 617.

17) Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по описи № 362, дѣло № 4.

18) Такъ напр., въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны были приписаны къ Собственнымъ Ея Величества вотчинамъ: въ 1742 г. конфискованное у графа Мих. Головкина село Сафарино, московскаго уѣзда, и отданные въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны, фрейлинѣ Юліанѣ Менгденъ, въ дерптскомъ уѣздѣ, оберъ-паленскія вотчины и замки Оберъ-Паленъ и Неменгофъ (66¼ гака); въ 1743 г. разныя земли и мызы къ Лифляндіи и Эстляндіи, конфискованныя у бывшаго оберъ-гофмаршала Левенвольда (187¾ гака); въ 1744 г. изъ отписныхъ у гр. Головкина село Кимра, въ кашинскомъ уѣздѣ, въ 1745 г. отписная у него же Рошинская мыза, въ копорскомъ уѣздѣ, съ селами и угодьями. Въ 1754 г. въ вѣдѣніе Собственной Ея Величества Канцеляріи была отдана изъ отписныхъ у гр. П. И. Ягушинскаго Каростинская волость, нѣкогда принадлежавшая Императрицѣ Екатеринѣ I. Въ 1743 г. къ Собственнымъ Ея Величества вотчинамъ были также приписаны дворцовыя комарицкія волости, сколько ихъ осталось за раздачею. Арх. Сената, Именные Указы, кн. 66, л. 277, 585; кн. 71, л. 407; кн. 72, л. 116; кн. 73, л. 50; кн. 85, л. 32; кн. 88, л. 117. Въ 1754 г. изъ деревень, оставшихся по смерти кн. Конст. Димитр. Кантемира, были приписаны къ Собственнымъ Ея Величества вотчинамъ мурашкинская волость, нижегородскаго уѣзда, и краснозаборская, брянскаго уѣзда, съ 5,400 дв., которыя при Аннѣ Іоанновнѣ были пожалованы Матвѣю и Сергѣю Кантемирамъ (а имъ были даны другія деревни изъ оставшихся по смерти ихъ брата). Арх. Сената, Именные Указы, кн. 86, л. 1. Въ 1753 г., въ виду недостаточности крестьянъ, приписанныхъ къ Селу Царскому, для разныхъ работъ, велѣно было канцеляріи строеній состоящія въ ея вѣдѣніи (изъ отписной Ижорской мызы кн. Меншикова), часть Славянки и Ѳедоровскій посадъ съ латышскими деревнями, всего 318 двор., отдать въ вѣдѣніе конторы Села Царскаго. Затѣмъ, позднѣе Императрица Екатерина II, въ 1769 г., повелѣла конторѣ строеній садовъ и домовъ отдать въ вѣдѣніе вотчиннаго управленія Села Царскаго ижорской волости четыре четверти, т. е. село Усть-Ижору, деревню Новую Слободу и двѣ четверти—чухонскія деревни. Яковкинъ, „Исторія Села Царскаго“, II, 172—174, III, 190—192. Состоявшая во время третьей ревизіи (1762 г.) въ вѣдомствѣ Конюшенной Канцеляріи богородицкая волость, 6438 д., въ 70-хъ годахъ была отчислена отъ конюшеннаго вѣдомства, переименована въ вотчину Императрицы, соединена съ бобриковской волостью и вмѣстѣ съ другими государевыми волостями находилась подъ управленіемъ кн. С. Гагарина; доходы съ нея шли на содержаніе гр. Бобринскаго, которому она была пожалована при Павлѣ I. Болотовъ, III, 612; „Русская Старина“, 1873 г., т. VIII, стр. 738; Моск. Отд. Арх. Мин. Дв., по реестру 12, дѣло № 128, л. 92.

Увеличивалось количество государевыхъ имѣній и покупкою: такъ напр., при Екатеринѣ II была куплена въ 1774 г. къ государевымъ вотчинамъ кіясовская волость, коломенскаго уѣзда, въ которой было около 4,000 д. Прикупались крестьяне и позднѣе. Болотовъ, III, 366, 414; IV, 177.

19) См. сенатскій Указъ 1743 г. о немедленномъ исполненіи Указовъ, посылаемыхъ изъ Собственной Ея Величества Канцеляріи. П. С. З. т. XI, № 8,761.

20) Во время второй ревизіи (1742 г.) крестьяне (Собственныхъ Ея Императорскаго Величества вотчинъ) были такимъ образомъ распредѣлены по тогдашнимъ губерніямъ: всего болѣе ихъ было въ бѣлгородской губерніи—27723 д., затѣмъ въ московской—18164 д., въ новгородской—11531 д., нижегородской—1545, воронежской—755, казанской—600 и архангелогородской—213. „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ“, 1839 г., т. XXXIII, 252—253. Въ статистическихъ данныхъ, сообщенныхъ Вольтеру, государевы крестьяне названы принадлежащими „къ шкатулкѣ государыни“; эти статистическія свѣдѣнія перепечатаны въ книгѣ Hermann, Statistiche Schilderung von Russland, 1790, S. 9.

21) Въ томъ числѣ въ вѣдомствѣ Собственной Вотчинной Канцеляріи находились: копорскія имѣнія—село Царское съ приписными, Рыбная слобода, село Ропша съ деревнями; ямбургскія деревни, новгородскія волости — коростинская и смердов-

ская; затѣмъ въ дерптскомъ дистриктѣ—Ряпинская и одна мыза въ ревельскомъ уѣздѣ, всего 9892 д. Въ вѣдѣніи Собственной Вотчинной Конторы находились: подмосковныя—село Покровское, тонинская и гуслицкая волости, въ серпуховскомъ уѣздѣ село Ильинское, затѣмъ, въ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго—Александрова слобода съ приписными, одно село въ вологодскомъ уѣздѣ, одно село съ приписными въ темниковскомъ и инсарскомъ уѣздахъ, два села въ мещовскомъ уѣздѣ, одно въ пензенскомъ и одно въ саранскомъ, въ нижегородскомъ уѣздѣ одна слобода и двѣ волости, одна волость въ брянскомъ уѣздѣ, въ Саратовѣ 111 д. государевыхъ крестьянъ; комарицкія волости въ сѣвскомъ уѣздѣ съ населеніемъ въ 28012 д. и одно мѣстечко въ Малороссіи; всего въ вѣдѣніи Конторы Собственной Ея Величества Канцеляріи числилось 52,160 д.

22) Общ. Арх. Мин. Дв., по описи № 1,629, книга 122, л. 19—22.

23) Въ 1762 г. всего приписныхъ къ Селу Царскому было 1975 д., въ 1763 г., вѣроятно по новой ревизіи — 2254 д. м. п.; въ 1770 г. — 2640 д. м. п. Яковкинъ „Исторія Села Царскаго", III, 17, 196.

24) Въ приписанной къ селу Сарскому слободѣ Кузьминой въ 1723 г. было 40 осмаковъ крестьянъ, которые не платили оброка, а исполняли разныя работы на Государыню въ селѣ Сарскомъ. На каждый осмакъ положено было вологжанамъ, т. е. переведеннымъ ранѣе другихъ изъ вологодской провинціи и потому уже устроившимся, обработывать по 1½ десятины государевой пашни, а которые были переселены изъ волостей въ 1716 г., на тѣхъ положено по одной десятинѣ, на остальныхъ же крестьянъ по полу-десятинѣ. Переселенные къ селу Сарскому дворцовые крестьяне и мѣстные жители, маймисты, жаловались на то, что у нихъ самихъ мало пахотной земли, и потому въ 1726 г. мызная запашка при селѣ Сарскомъ, обработываемая прежде съ осмаковъ, отдана была крестьянамъ, а вмѣсто собиравшагося съ нихъ съ самой приписки къ селу Сарскому пятиннаго хлѣба, сѣна и соломы (пятый снопъ и пятая копна) положено было, по примѣру мѣстныхъ помѣщиковъ, на каждый осмакъ въ годъ по четверти ржи, овса и ячменя, по 20 пудовъ сѣна, по 15 пудовъ соломы ржаной и яровой, кромѣ другихъ повинностей.—Переселенные и водворенные въ Кузьминой слободѣ крестьяне (60 дворовъ, составлявшіе 36 осмаковъ) вносили въ 1727 г. съ каждаго осмака въ годъ: по 2 барана, 2 поросенка, 2 курицы, 2 ф. масла коровьяго, 20 яицъ, 4 ф. овечьей шерсти, ржи, овса, ячменю по четверти, сѣна 20 пудовъ, соломы ржаной и яровой 15 пудовъ, углей 7 четвертей; кромѣ того, доставляли въ Петербургъ дровъ трехполѣнныхъ по сажени, косили казенныхъ луговъ четыре десятины, убирали сѣно и перевозили его на своихъ подводахъ на конюшенные дворы въ Петербургъ и въ село Сарское; возили въ село Сарское по 3 сажени однополѣнныхъ дровъ, подвозили и перевозили къ строеніямъ кирпичъ, известь, камень, бревна, доски и другіе матерьялы и исполняли садовыя работы по указамъ и нарядамъ. — Въ Новославянской слободѣ было 11 дворовъ оброчныхъ крестьянъ, которые составляли 6 осмаковъ; они платили съ каждаго осмака по 20 руб. или съ брачной пары по 5 руб., а такъ какъ рубль того времени равнялся 7 руб. нынѣшнимъ, то это составитъ по 35 р. нынѣшнихъ съ брачной пары. Кромѣ того, они ставили съ осмака по 3 четверти углей, а сѣно, хлѣбъ, дрова и подводы давали наравнѣ съ кузьминскими крестьянами.— Въ 15 чухонскихъ деревняхъ въ это же время (1727 г.) было 69 дворовъ, составлявшихъ 28 осмаковъ; они вносили ежегодно оброку съ каждаго осмака 7 р. 50 коп. (на нынѣшнія деньги 52 р. 50 к. или съ брачной пары 13 р. 12 коп.), углей 5 четвертей, дровъ по сажени, убирали казенныхъ луговъ 4 десятины; относительно сбора хлѣба, сѣна, соломы и поставки подводъ они были сравнены съ кузьминскими крестьянами. Яковкинъ. „Исторія Села Царскаго", т. I, 37—38, 41, 70—71, 75—77, 79, 81—82, 134—135, 156—158.

Кромѣ крестьянъ и бобылей вѣдомства Села Царскаго, работу производили еще ревизскіе и приписные бурлаки. Ревизскими бурлаками назывались непомнящіе родства люди, которые въ количествѣ около 1,000 человѣкъ были взяты изъ канцеляріи ревизіи, приписаны къ Сарской мызѣ и навсегда остались принадлежащими къ ней. Приписные бурлаки были свободные люди, послѣ первой переписи добровольно приписавшіеся въ вѣдомство мызы Сарской, большею частью бездомные. Тѣ и другіе бурлаки, когда

работали въ пользу владѣлицы села Сарскаго, получали кормовыхъ денегъ по 5 к. въ день (35 к. нынѣшнихъ). Впослѣдствіи одни изъ нихъ, сохранившіе силу для работы, получали жалованье и провіантъ, а слабые и старики кормились, какъ хотѣли. Часть ихъ была потомъ отправлена въ Александрову слободу. Яковкинъ I, 103—104, III, 35—36.

25) При переводѣ сборовъ разнымъ хлѣбомъ и орѣхами на деньги было приказано платить за четверикъ ржи 25 к., пшеницы и гороха по 50 к., ячменя и овса по 18 к., крупы по 36 к., за орѣхи по 45 к. за четверикъ. Арх. Главн. Упр. Удѣловъ, св. № 1, дѣло № 1, л. 206 об.; дѣло № 2, л. 556.

26) Мы полагаемъ здѣсь число душъ около 21400, считая въ двухъ мызахъ, гдѣ было 220 дворовъ и не означено числа душъ, — 946 д., такъ какъ во всѣхъ другихъ вотчинахъ, перешедшихъ къ Скавронскимъ и Гендриковымъ, считалось по 4,3 д. на дворъ. Эти крестьяне пахали 1253 десят. пашни на Государыню, косили 30400 копенъ сѣна и еще давали сѣна 2405 копенъ; денежнаго оброка (вмѣстѣ съ платою за оброчныя статьи) платили 7737 р. и, кромѣ того, поставляли натурою свинаго мяса 116 пуд., ветчины 155 полтей, барановъ и овецъ 536 штукъ, козъ 20, гусиныхъ полотковъ 180, овечьей шерсти 23 ф., масла коровьяго 38 п. 11 ф., меду 45 п. 12 ф., воску 13 п. 20 ф., свинаго сала 20 караваевъ, ососовъ 68, куръ русскихъ 227, яицъ 580, ржи, ржаной муки 403 четверти, пшеничной муки 4 четверти, пшена 2 четверти 2 чк., маку 3 чк., масла орѣховаго 2 ведра, холста 180 арш., попонъ цвѣтныхъ шерстяныхъ 10, войлоковъ 10, епанечъ валеныхъ 10, сукна сермяжнаго 20 концовъ и 100 арш., крашенины 100 арш., дегтю 80 ведеръ, дровъ 170 саж., бревенъ березовыхъ 840. Арх. Сената, Именные Указы, кн. Б., л. 450—457.

27) Въ Наказѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны ея дворовому человѣку (1716 г.) объ управленіи опредѣленными ей отъ Государя волостями въ новгородскомъ уѣздѣ (377 дворовъ, волости: спасоклинская, михайловская, трестенская, петровская и ровская) о десятинной пашнѣ не упоминается, а предписывается собирать съ каждаго двора слѣдующіе сборы натурою и деньгами: ржи по осьминѣ, овса по 3 четв., солоду ячнаго по четверику и по полторы шайки, солоду ржаного по двѣ шайки, пшеницы по 3½ шайки, крупъ всякихъ по 1½ шайки, гороху по 2 шайки, хмѣлю по 1½ ф., меду по 1½ ф., сукна по ½ арш., холста столько же, денегъ за вино, за дрова, за соль—по рублю, столовыхъ припасовъ съ двора: по ½ курицы индѣйской, по гусю, по уткѣ, по 6 куръ русскихъ, мяса свиного по пуду, по ½ поросенка, масла коровьяго по 6 ф., по барану, по 50 яицъ съ двора, масла конопляннаго съ 4¼ дворовъ по кружкѣ, быковъ съ 22 дворовъ по быку. Птицъ приказано было доставлять въ Петербургъ живыми, а если „та живность дорогою станетъ мереть“, то ее слѣдовало „править..... на крестьянѣхъ, на старостѣ, на проводникахъ“. Если же крестьянамъ будетъ трудно возить птицъ въ Петербургъ, то велѣно было собирать за нихъ деньгами въ слѣдующемъ размѣрѣ: за гуся, утку, индѣйку по 20 коп., за курицу по 10 коп., и на эти деньги крестьяне должны были покупать названныхъ птицъ въ Петербургѣ или гдѣ захотятъ, и сдавать ее въ Петербургѣ. Кромѣ того, съ нихъ велѣно было собирать ежегодно: «съ 50 дворовъ рысь, съ 30 дв.—медвѣдь, съ 20 дв.—волкъ, съ 15 дв.—лисица, съ 10 дв.—куница и присылать въ Петербургъ“. „Труды Рязанской Ученой Арх. Ком. за 1884—85 г.“. Рязань, 1885 г., т. I, приложеніе къ жур. 30 марта, стр. 7—8.

Въ другой вотчинѣ Царицы Прасковьи Ѳедоровны копорскаго уѣзд., въ Хуровицкой мызѣ, въ селѣ Рожественѣ и деревняхъ—существовали въ 1721 г. слѣдующіе натуральные и денежные сборы и повинности въ пользу владѣлицы. Въ селѣ Рожественомъ было 59 дворовъ посадскихъ, въ нихъ людей *обоего пола* 230 (въ томъ числѣ м. п. 123 д., ж. п. 107 д.). Съ нихъ собиралось поголовныхъ денегъ съ 157 чел. по 12 коп., а съ 73 старыхъ и малолѣтнихъ по 4 коп., (слѣдовательно, поголовныя деньги собирались и съ женщинъ), „дымныхъ“ съ двора по 12 коп.; „да вмѣсто тягла и пашни и санктпетербургской дворцовой и мызенной работы и подводъ съ промысловъ ихъ“ велѣно было брать денежнаго оброку 160 р., а именно съ 15 чел. первой статьи отъ 3 до 6 руб., съ 12 чел. второй статьи отъ 2 до 3 руб., съ 41 чел. третьей статьи отъ 25 коп. до 2 руб. 25 к. Всего съ поголовными и подымными бралось съ посадскихъ 187 р. 76 коп., т. е. по 3 р. 75 коп. съ двора, или на нынѣшнія деньги 26 р. 25 коп. Кромѣ того, посадскіе косили

сѣно съ крестьянами, „сколько имъ доведется по раздѣлу“. Крестьянъ въ селѣ Рожественѣ съ деревнями было 221 дворъ, людей въ нихъ 1,269 чел. об. пола (696 м. п. и 573 ж. п.). Поголовныя собирались съ крестьянъ рабочаго возраста об. пола въ томъ же размѣрѣ, какъ и съ посадскихъ, а именно съ 847 чел. по 12 коп., а съ 422 старыхъ и малолѣтнихъ по 4 коп. и подымныхъ по 12 коп. съ двора. „Тягла жилого“ на крестьянахъ было 44¾ *дня*. Мы знаемъ, что въ селѣ Сарскомъ день равнялся четверти осмака. Если такъ было и въ селѣ Рожественѣ, то здѣсь крестьяне составляли 11 осмаковъ, на осмакъ приходилось по 20 дворовъ, а на „день“—5 дворовъ. Натуральные сборы и повинности отбывались крестьянами села Рожественa съ деревнями въ слѣдующемъ размѣрѣ съ каждаго „дня“: коровьяго масла 30 ф., творогу и сметаны по 8 ф. (или деньгами за сметану и творогъ по 3 к. за фунтъ), по 2 барана, по 8 курицъ, по 8 дикихъ птицъ, по 120 яицъ, за свиное мясо по 40 алтынъ. Съ крестьянъ собирался также пятый снопъ отъ каждаго хлѣба. „Дворцовой десятинной пашни“ крестьяне пахали по 40 десятинъ въ каждомъ полѣ, „и сѣнные покосы, и всякую мызейскую работу, и въ С.-Петербургѣ по нарядомъ всякую-жъ дворцовую работу и подводы“ исправляли 13-ю (30?) днями тягла. „А за достальныя излишнія тягла, за 15 дней безъ четверти“ велѣно „десятинной пашни и санктпетербургской дворцовой и мызейской работы и подводъ имать со крестьянъ денежный оброкъ съ четверти дня“ по 8 руб. тогдашнихъ (56 р. на нынѣш. деньги). Столовые же припасы и пятинный хлѣбъ (пятый снопъ) они должны были вносить наравнѣ съ пашенными крестьянами. Безтяглыхъ бобылей, живущихъ у крестьянъ въ казакахъ и кормящихся своею работою, Царица Прасковья велѣла опредѣлить „на тяглыя жеребья по разсмотрѣнію, а которые не похотятъ быть на тяглахъ, и оныхъ опредѣлить по разсмотрѣнію-жъ въ дворцовую работу въ С.-Петербурхъ“.

Въ 1727 г. крестьяне села Рожествена били челомъ Царевнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ, чтобы съ нихъ не собирали пятаго снопа, но она велѣла объявить имъ на сходѣ, чтобы „впредь не били челомъ, а пятый снопъ сбирать, какъ прежде сего собирался съ нихъ, неотмѣнно“. (Общ. Арх. Мин. Дв., по описи 1629 г., кн. № 1, л. 42—46, 72).

Чрезмѣрно обременены были также крестьяне поборами въ волостяхъ новгородскаго уѣзда осѣченской, заборовской, мостовской, листовской, молодиленской и въ деревнѣ Красные Станки, составлявшихъ собственность Царевны Прасковьи Іоанновны, а первая половина Заборовской волости принадлежала Аннѣ Іоанновнѣ. До 1712 г. крестьяне молодиленской и листовской волостей и деревни Красные Станки платили „съ двора съ малымъ числомъ по рублю, да къ тому малое-жъ число хлѣба“, а съ 1712 г., т. е. со времени передачи ихъ Царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, до 1732 г., какъ эти волости и деревня, такъ и осѣченская и вторая половина заборовской обложены были совершенно непосильнымъ окладомъ деньгами и припасами, который по переводѣ на деньги составлялъ въ 1732 г. по 6 руб. 99 коп. съ двора, а съ души по 2 руб. 35 коп. Такъ какъ рубль 30-хъ годовъ XVIII в. равнялся 7 руб. 75 коп. нынѣшнихъ, то на нынѣшнія деньги это составитъ 54 руб. 17 коп. съ двора или 18 руб. 21 коп. съ души. Понятно, что вслѣдствіе такого огромнаго оброка крестьяне этихъ волостей должны были совершенно обнищать. Вотъ въ какомъ ужасномъ положеніи нашелъ ихъ бар. Розенъ въ 1732 г., послѣ того, какъ Именнымъ Указомъ 9 декабря 1731 г. они были присоединены къ дворцовымъ: „Осѣченская волость“ (1412 душъ) „состоитъ въ самыхъ низкихъ и болотныхъ мѣстахъ, земли малое число, плохая и мокрая, а сухая только по малымъ островкамъ, а для пропитанія своего крестьяне пашенную землю нанимаютъ отъ постороннихъ съ немалой нуждой, ибо такъ скудны и бѣдны, что у многихъ и крестьянскаго заводу ничего не имѣется, а все въ прошлыхъ годѣхъ распродали и вновь завестись не могутъ, а у кого и есть, и то по самому малому числу, и многіе, оставя свои дворы, кормятся черною работою и отъ того настоящіе доходы платятъ, а то все надъ ними учинилось отъ великоположеннаго денежнаго и хлѣбнаго и прочимъ припасомъ окладу“. Слѣдуетъ помнить, что, кромѣ указаннаго выше оброка въ пользу Царевны, крестьяне платили еще государственныя подати. „И такого окладу“, доносилъ бар. Розенъ, „не токмо скуднымъ и бѣднымъ крестьяномъ, но хотя-бы они и въ добромъ состояніи были, платить, надѣюсь, истинно не вмочь“. Вмѣсто оброка

въ 2 руб. 35 коп. съ души бар. Розенъ предложилъ собирать съ нихъ года четыре только по 40 коп., а затѣмъ по 50 коп. съ души,—т. е. сначала въ шесть, а затѣмъ въ пять разъ меньше, чѣмъ прежде. — Во второй половинѣ заборовской волости (944 души мужск. пола), хотя пахотной земли у нихъ сравнительно съ осѣченскою волостью было больше и лучшаго качества, однако и здѣшніе крестьяне отъ того же непосильнаго оброка „пришли въ самое убожество“ и платить имъ его „никакъ не возможно“. Бар. Розенъ предлагалъ облагать здѣшнихъ крестьянъ года 2 оброкомъ въ 75 коп. съ души, а затѣмъ по 85 коп., т. е. въ три раза меньше, чѣмъ прежде. Молодиленская (199 д.) и листовская (97 д.) находились въ такомъ же положеніи, какъ и осѣченская, а мѣстами и хуже, „и лѣтнимъ временемъ и проходъ къ другимъ деревнямъ съ великою трудностью, и мужики самые бѣдные и скудные, а оскудали отъ великоположеннаго окладу“. Бар. Розенъ предлагалъ брать съ листовскихъ крестьянъ оброку по 40 коп. съ души, а съ молодиленскихъ первые 4 года по 40 коп., а затѣмъ по 50 коп. Непомѣрный оброкъ съ названныхъ вотчинъ Царевны Прасковьи Іоанновны собирали „съ великимъ правежемъ“, но всетаки на нихъ накопилась немалая недоимка, которую бар. Розенъ предложилъ сложить. Первая половина заборовской волости принадлежала не Прасковьѣ Іоанновнѣ, а Аннѣ Іоанновнѣ и, хотя пахотная земля была здѣсь немного лучше, чѣмъ въ первой половинѣ, крестьяне платили вдвое меньшій, но всетаки не совсѣмъ посильный оброкъ, а именно по 1 руб. 11 коп. съ души, и бар. Розенъ предложилъ понизить его до 93 коп. съ души. Всѣ предложенія его были утверждены Императрицею Анною Іоанновною. Общ. Арх. Мин. Двора по описи № 1629, дѣло № 15, л. 91—94. Срав. „Письма русскихъ государей“. М. 1861 г. кн. 2, стр. 93—97.

28) Въ 1734 г. въ нижегородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Николаевскомъ съ деревнями (280 наличныхъ крестьянскихъ дворовъ и 887 душъ мужск. пола по переписи), собиралось „оброку окладныхъ и неокладныхъ“ по 2 руб. 33 коп. съ двора или 74 коп. съ души мужск. пола (5 руб. 73 коп. нынѣш. съ души мужск. пола). Въ саранскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мѣдянцахъ (100 наличныхъ крестьянскихъ дворовъ, а наличныхъ душъ мужск. пола по переписи 413), „оброку и неокладныхъ собиралось по 2 руб. 40 коп. съ двора или по 58 коп. съ души мужск. пола (Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 25, л. 124—125).

Въ 1738 г. въ нѣкоторыхъ новгородскихъ вотчинахъ Елисаветы Петровны (въ кривинской волости въ Сопинскомъ и Озеревскомъ погостахъ, 187 дворовъ или 930 душъ мужскаго пола, т. е. въ среднемъ по 5 душъ на дворъ) собирались слѣдующіе сборы деньгами и натурой: оброку по 3 руб. *съ двора*, на покупку дровъ для дворца Цесаревны по 30 коп., столовыхъ припасовъ съ двора: свиного мяса по 7½ фунтовъ, масла коровьяго 1 ф., съ пяти дворовъ по 1 барану, за курицъ (по 21 коп. за каждую) и за яйца (по 4 коп. за десятокъ) отъ 5 до 12 коп. съ двора въ разныхъ вотчинахъ; жалованья стряпчему отъ 1/20 до 1/2 чк. съ двора какъ ржи, такъ и овса деньгами по мѣстнымъ продажнымъ цѣнамъ, да еще деньгами по 2 коп. съ двора *).

До 1740 года въ нижегородскихъ вотчинахъ Елисаветы Петровны взимались съ крестьянъ слѣдующіе поборы: въ Благовѣщенской слободѣ (244 двора или 813 душъ мужск. пола) крестьяне платили по 84 коп. съ двора, въ селѣ Работкахъ съ деревнями (224 двор. или 808 душъ мужск. пола) собиралось оброку по 53½ коп. съ двора, но сверхъ того крестьяне посылали ко двору Елисаветы Петровны коренной рыбы, бѣлужины и осетрины, по 33⅜ ф. съ двора. Такъ какъ въ новгородскихъ вотчинахъ цесаревны оброкъ равнялся 3 руб. съ двора, да еще сверхъ того съ крестьянъ собирали деньги за дрова и столовые припасы, то Елисавета Петровна нашла слишкомъ неравномѣрными сборы съ нижегородскихъ вотчинъ сравнительно съ новгородскими и приказала съ 1740 г. съ Благовѣщенской слободы и съ села Работокъ съ деревнями собирать по 2 руб. 50 коп. съ двора, кромѣ окладной рыбы **).

Въ 1736 г. съ крестьянъ Елисаветы Петровны, находившихся въ Москвѣ, взималось оброку (332 ч.) по 83 коп. съ каждаго, съ александровскихъ (196 ч.) по 1 руб.

*) Арх. Глав. Управ. Удѣловъ, дѣло № 9, св. № 2, л. 289—291.

**) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 54, л. 4.

77 коп., съ танинскихъ (175 ч.) по 3 руб. 97 коп. съ каждаго, съ покровскихъ (364 ч.) по 52 коп. съ каждаго; если же уравнять ихъ оброкомъ, то пришлось бы на каждаго по 1 руб. 41 коп. Слѣдовательно, наиболѣе обременительный оброкъ собирался съ танинскихъ крестьянъ, платившихъ по 3 р. 97 к. съ чел., и потому въ 1740 г. эти послѣдніе крестьяне подали Елисаветѣ Петровнѣ прошеніе, въ которомъ объясняли, что такимъ большимъ оброкомъ они были обложены еще до введенія подушной подати, такъ какъ тогда никакихъ другихъ податей, кромѣ оброка, они никуда не платили „и въ торгахъ и промыслахъ ихъ никакого запрещенія не бывало, а нынѣ сверхъ оброку платятъ подушныя деньги и рекруты и драгунскія лошади, и въ наличности ихъ плательщиковъ ихъ имѣется только 64 ч.", такъ что, по раскладкѣ на нихъ за всѣхъ числящихся въ Москвѣ танинскихъ крестьянъ оброка, съ каждаго приходилось по 10 руб. 86 коп. тогдашнихъ, а остальные находившіеся въ Москвѣ крестьяне Цесаревны платили сравнительно съ танинскими малый оброкъ. Поэтому въ 1740 г. Елисавета Петровна приказала всю сумму оклада, собиравшагося съ тѣхъ ея крестьянъ, отпущенныхъ на оброкъ, которые находились въ Москвѣ, разложить на всѣхъ ихъ соразмѣрно съ зажиточностью, торгами и промыслами *).

Елисавета Петровна унаслѣдовала по смерти матери, между прочимъ, Царское Село. Въ 1732 г., по переписи майора Шипова, въ Селѣ Царскомъ, въ мызахъ Пулковской и Новославянской и приписныхъ къ нимъ слободахъ и деревняхъ оказалось крестьянскихъ дворовъ 279, бобыльскихъ 28, вдовыхъ 5 дворовъ; въ нихъ 1064 души мужск. пола, 989 женск. пола, итого 2053 души обоего пола; да въ этихъ же мызахъ служителей на жалованьи 7 дворовъ, въ нихъ 36 душъ мужск. пола, 34 женскаго, итого 70 душъ обоего пола. Служители, ткачи, печники, кирпичники, каменщики, кузнецы, овчары и т. д. получали жалованья отъ 2 до 5 руб., сверхъ того, платье зимнее и лѣтнее и мѣсячину хлѣбомъ. (Яковкинъ, I, 84, 159—161).

Въ теченіе 1734 года крестьяне царскосельскаго вѣдомства подали 3 прошенія объ облегченіи ихъ повинностей. Въ первомъ изъ нихъ, поданномъ въ концѣ января мѣсяца, крестьяне Кузьминой, Пулковской и Славянской слободъ и латышскихъ деревень говорятъ, что имъ велѣно на топленіе комнатъ и прочихъ покоевъ и къ кухнѣ въ Селѣ Царскомъ ставить такое количество дровъ, что на осмакъ приходится однополѣнныхъ по 25 саж. Но такъ какъ 10 осмаковъ назначено къ садовой работѣ, а выпущено на оброкъ и находится въ годовыхъ службахъ 14 осмаковъ, которые разложены на остальныхъ, такъ что приходится въ годъ еще по 12 саж. дровъ съ осмака, то всего въ Царское Село вмѣстѣ съ городскими дровами они ставятъ въ годъ по 37 саж. съ осмака, да еще къ постройкамъ въ Селѣ Царскомъ и въ Пулковскую мызу приказано вывозить лѣсу 1000 бревенъ, да около пулковской „прешпективной" дороги велѣно чистить заросшій лѣсъ и заготовлять фашинникъ для починки дороги. Крестьяне просили снять съ нихъ излишнюю поставку дровъ, наложенную за выпущенныхъ на оброкъ и за служащихъ въ годовыхъ службахъ, чтобы имъ „не быть во всеконечномъ разореніи".

Изъ другого прошенія, поданнаго въ апрѣлѣ того же года крестьянами Села Царскаго и Пулковской слободы, видно, что въ годовыя всякія службы было опредѣлено не малое число людей, а именно: въ старосты, десятскіе, кузнецы, колесники, плотники, караульщики у амбаровъ и звѣринца, въ стрѣлки, счетчики, дровяные цѣловальники, полѣсовщики, гончары, всего 32 чел., а по тягламъ 13 осмаковъ, выпущенныхъ на оброкъ въ прежнія ихъ жилища 7 семей ($3^1/_2$ осмака), да столько же семей ($2^3/_4$ осмака) бѣглыхъ крестьянъ. Такъ какъ въ Пулковской и Кузьминской слободахъ было всего 54 „безоброчныхъ" осмака, то, за исключеніемъ $19^1/_4$ выбывшихъ, оставалось $34^3/_4$ осмака, которые и исполняли всякія дворцовыя работы Цесаревны Елисаветы Петровны: кололи ледъ, набивали погреба и возили въ хлѣбню и на кухню дрова на петербургскій дворецъ по 25 саж. съ осмака, углей по 25 четвертей; для перевозки сѣна съ луговъ пошло подводъ 598; по нарядамъ ко всякимъ строе-

*) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 54, л. 13. Въ 1712 г. село Топинское (или Танинское) было, дѣйствительно, уволено отъ податей и постоевъ. «Докл. и приг. сената» т. III, кн. 2, стр. 1194.

ніямъ въ Царское Село и въ Пулковскую мызу поставлено 1000 бревенъ, да въ Царское Село для топленія комнатъ и на конюшню ставится въ годъ по 12 саж. Къ строенію церкви возятъ кирпичъ и для этой же постройки положено на каждый осмакъ по 33 бревна; да кромѣ того даютъ отсыпной хлѣбъ и пятинное сѣно и солому, да еще съ нихъ собираютъ фуражъ на конную гвардію, да на починку бочекъ и за набивку обручей собирается на наемъ бочарамъ по 1 руб. съ осмака, да еще требуется по 1 руб. на „нужные расходы", да еще они ставятъ 300 бревенъ на распилку досокъ, да они же чистятъ и мостятъ „прешпективную" дорогу отъ Села Царскаго до послѣднихъ рогатокъ, да на запасный дворъ они должны вывезть 1200 кольевъ. Крестьяне просили съ нихъ „несносныхъ многихъ работъ не спрашивать", такъ какъ они „пришли во всеконечное раззореніе и скудость, у многихъ.... лошади смучены и въ наступающее лѣто землю осѣменить нечѣмъ". Въ заключеніе, крестьяне просили, чтобы выбранные въ разныя годовыя службы „поверстаны были въ равенствѣ во всякихъ нуждахъ", а сборъ столовыхъ припасовъ и углей, на нихъ наложенный, просили разложить также на маймистовъ и жителей Славянской слободы.

Въ третьемъ прошеніи крестьянъ Кузьминой и Пулковской слободъ, поданномъ въ декабрѣ 1734 г., дѣло идетъ о раскладкѣ сборовъ и повинностей по душамъ, а не по тягламъ; оно изложено въ другомъ мѣстѣ (Арх. Главн. Упр. Удѣловъ, дѣло № 13, связка № 3, л. 51—55).

Въ 1744 г., т. е. уже послѣ восшествія на престолъ Елисаветы Петровны, въ Ея царскосельской вотчинѣ—слободѣ Кузьминой (111 дворовъ, 832 души обоего пола) были слѣдующіе сборы натурою: съ каждаго осмака по 2 барана, по 2 поросенка, по 2 курицы, по 2 фун. коровьяго масла, по 4 фун. овечьей шерсти; „отсыпнаго" хлѣба (въ XVI и XVII столѣтіяхъ—„посопный" хлѣбъ) за отданную крестьянамъ пахотную землю—ржи, ячменю и овса по четверти съ каждаго осмака, сѣна по 2 пуд., соломы ржаной и яровой по 15 пуд., дровъ трехполѣнныхъ по сажени, углей по три четверти. Въ 1748 г. съ 32 осмаковъ села Кузьминскаго собиралось: ржи, ячменю, овса, барановъ поросятъ, масла коровьяго, яицъ, овечьей шерсти, дровъ, сѣна, соломы, лопатъ, оглоблей, шаекъ, ушатовъ, метелъ и пр. всего на 755 р. 84 к., слѣдовательно, въ среднемъ, съ каждаго осмака собиралось всѣхъ этихъ предметовъ на 23 р. 62 к. Сверхъ того, для строеній Села Царскаго было наготовлено булыжнику съ каждаго осмака по 1 куб. саж. Крестьяне Пулковской и Новославянской слободъ платили наравнѣ съ кузьминскими. Въ приписныхъ къ Селу Царскому ижорскихъ и латышскихъ въ 23 деревняхъ (на лицо тяглыхъ крестьянъ мужскаго пола 400, женскаго пола 358) было тягла 30 осмаковъ, слѣдовательно, въ среднемъ, одинъ осмакъ на 13 крестьянъ; съ каждаго осмака взималось въ годъ оброку по 7 р. 50 к. (т. е. 52 р. 50 к. на нынѣшнія деньги, или по 4 р. нынѣшнихъ съ каждой наличной тяглой души), да отсыпнаго хлѣба, сѣна и соломы наравнѣ съ кузьминскими, дровъ трехполѣнныхъ по 3½ саж., углей по 5 четвертей съ каждаго осмака. Въ приписанныхъ къ Пулковской мызѣ русскихъ и латышскихъ 11 деревняхъ было 140 душъ мужскаго пола и 113 женскаго пола, тяглыхъ—7½ осмаковъ, т. е. по 19 человѣкъ мужскаго пола на осмакъ; оброками и сборами съ осмака они были сравнены съ деревнями, приписанными къ Царскому Селу. Съ крестьянъ всего вѣдомства Села Царскаго (98½ осмаковъ), кромѣ названныхъ сборовъ, взималось еще деревянныхъ лопатъ, оглобель санныхъ и тележныхъ 60 паръ, шаекъ деревянныхъ 136, ушатовъ 15, метелъ 60. Да кромѣ того, въ 1733 году велѣно было собирать со всего вѣдомства Села Царскаго трехполѣнныхъ дровъ съ каждаго осмака по 6½ саж. въ годъ, а въ 1735 г. велѣно было брать съ тѣхъ же крестьянъ ежегодно 100 русскихъ куръ.

Въ 1744 г. было вычислено, что если всѣ денежные сборы, припасы, хлѣбъ, сѣно, солому, дрова, угли и всякія работы по наряду, требуемыя *съ осмака* въ Царскосельской вотчинѣ, перевести на деньги по существующимъ цѣнамъ и вознагражденію *за вольнонаемный трудъ*, то получится 123 р. 84 к. тогдашнихъ, или 867 р. нынѣшнихъ. Если принять, что тогда въ вѣдомствѣ Села Царскаго было около 1800 душъ мужскаго пола, то на осмакъ придется около 18 душъ мужскаго пола, а *стоимость* сборовъ и повинностей съ каждой ревизской души будетъ равняться, приблизительно, 7 рублямъ тогдашнимъ (или 49 р. нынѣшнимъ).

Въ 1750 г. Императрица Елисавета дала Указъ Собственной Вотчинной Канцеляріи, чтобы съ крестьянъ Кузьминской, Пулковской и Новославянской слободъ и деревень положенные доходы снять и впредь не брать, а вмѣсто того они должны были исполнять всякія работы по нарядамъ въ Селѣ Царскомъ. Яковкинъ, II, 30—32, 41—43, 146; срав. выше примѣчаніе 26, къ гл. I.

29) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, доклады коллегій 1764—77 гг. связка 1, вѣдомость 2. Въ 1765 г., во время соединенія Собственной Вотчинной Канцеляріи съ Дворцовою, денежные платежи въ нѣкоторыхъ названныхъ вотчинахъ были тѣ же; въ другихъ же они были измѣнены. Такъ, въ имѣніяхъ уѣздовъ: мещевскаго, пензенскаго и нижегородскаго крестьяне по прежнему платили деньгами по 1 р. 1 к. съ души; прежній оброкъ (по 66 к. съ души) платили и крестьяне Александровой слободы уѣзда Переяславля-Залѣсскаго. Затѣмъ въ остальныхъ вотчинахъ въ 1765 г. были слѣдующіе *денежные* сборы съ души: въ подмосковной Покровской вотчинѣ—по 8 к., въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Понурницы—по 18 к. (вмѣсто 28 к.), въ аксельской волости темниковскаго уѣзда по 41 к., въ ямбургскихъ деревняхъ (всего 87 душъ) по 55 к. съ крестьянъ подмосковной танинской волости—по 68 к. (вмѣсто 38 к.), въ смердовской волости съ Ляцкимъ погостомъ новгородскаго уѣзда—по 97 к., въ вологодскомъ имѣніи—по 1 р. 6 к., въ комарицкихъ волостяхъ сѣвскаго уѣзда по 1 р. 25 к. (вмѣсто 60 к.), въ коростинской волости новгородскаго уѣзда—по 1 р. 50 к.; съ крестьянъ лопатницкой волости костромскаго уѣзда, переведенныхъ къ Селу Царскому и въ Рыбную слободу—по 2 р. 25 к. (вмѣсто 3 р. 28 к.); московскаго вѣдомства—съ оброчныхъ крестьянъ, живущихъ въ Москвѣ,—по 2 р. 50 к., съ записавшихся въ купечество по 3 р. 45 к. Всего въ 1765 г. съ названныхъ крестьянъ (49,533 душъ) собиралось окладныхъ доходовъ 54,097 р., т. е. въ среднемъ по 1 р. 9 к. (около 4 р. 36 к. нынѣшнихъ), не считая, такъ называемыхъ, канцелярскихъ сборовъ, а также и натуральныхъ повинностей.

30) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 150, л. 19—21.

31) Яковкинъ. III, 17, 27—30, 40, 223—224, 319. Крестьяне, приписанные къ Селу Царскому, но остававшіеся на прежнихъ жилищахъ, платили въ 1763 г., если у нихъ была тяглая земля, по 7 р. 50 к. съ души (такихъ было 94 души мужскаго пола), а неимѣвшіе тяглой земли бобыли по 5 р. 30 к. съ души въ годъ. Въ 1779 г. они были отчислены къ тѣмъ дворцовымъ волостямъ, въ которыхъ жили.

32) Яковкинъ. III, 218, 202—223, 227—228, срав. 192, 213. Объ оброкахъ и повинностяхъ крестьянъ при Екатеринѣ II въ имѣніяхъ Бобрики нынѣшней тульской губ. и кіясовской волости, коломенскаго уѣзда см. въ статьѣ В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдомства“, „Вѣстн. Европы“ 1878 г. № 6, стр. 447—448, 452, 458.

Въ случаѣ выхода крестьянскихъ дѣвушекъ и вдовъ замужъ въ волости другого вѣдомства или въ помѣщичьи имѣнія, взимались, какъ и въ дворцовыхъ волостяхъ, выводныя деньги. Царица Прасковья въ 1716 г. въ своей новгородской вотчинѣ велѣла брать выводу 5 р. (на нынѣшнія деньги 35 р.) *). Въ Александровской слободѣ, имѣніи Цесаревны Елисаветы Петровны, было взято въ 1741 г. за отпускъ въ замужество крестьянской дѣвушки выводныхъ денегъ и пошлинъ 2 р. 25 к. **). Императрица Екатерина II въ 1766 г. приказала изъ деревень вѣдомства Села Царскаго въ постороннія мѣста выпускать невѣстъ безъ вывода, надѣясь, что этому примѣру послѣдуютъ и владѣльцы сосѣднихъ вотчинъ. Но надежда эта, какъ видно, не оправдалась, судя потому, что въ 1774 г. было повелѣно за выпускаемыхъ въ замужество въ помѣщичьи владѣнія брать выводныхъ по 5 р., да купичныхъ по 25 к. Въ 1766 г. Императрица повелѣла всѣмъ крестьянамъ вѣдомства Села Царскаго, которые будутъ жениться на тамошнихъ и постороннихъ дѣвушкахъ и вдовахъ, выдавать деньгами по 3 руб. и на первый посѣвъ хлѣба—ржи по 2 четверти, ячменю по одной, овса по 4 четверти ***).

---

*) Журналы засѣданій Ряз. Арх. Коммиссіи, 1884—85, т. I, приложенія къ журналу 30 марта 1885 г., стр. 8.

**) См. статью Стромилова въ «Чтен. Общ. Истор. и Древ. Росс.» 1874 г., т. I, стр. 14.

***) Яковкинъ, III, 181, 200—201.

33) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 45, л. 73; П. С. З. т. XXII, стр. 907. До введенія подушной подати нѣкоторыя государевы вотчины были, повидимому, вовсе избавлены отъ платежа государственныхъ податей. По крайней мѣрѣ крестьяне подмосковнаго села Тонинскаго, жалуясь въ 1739 г. на обременительность взимаемаго съ нихъ оброка (по 3 р. 97 коп. съ души), говорятъ, что они были обложены этимъ оброкомъ тогда, когда они никакихъ другихъ податей, кромѣ оброка, никуда не платили, а нынѣ сверхъ оброка платятъ подушныя деньги и ставятъ рекрутъ и драгунскихъ лошадей. Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 54. л. 13 об.

34) Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 45, л. 73. Въ случаѣ допущенія недоимокъ съ крестьянъ по винѣ управителей, а гдѣ ихъ нѣтъ, старостъ и выборныхъ, недоимки взыскивались на этихъ виновныхъ. Указы 1736—37 гг., см. Общ. Арх. Мин. Двора, опись № 1629, дѣло № 36, л. 12; Арх. Главн. Упр. Уд., дѣло № 9, св. 2, л. 274.

35) Въ 1733—1734 гг. велѣно было съ царскосельскихъ крестьянъ собирать на конную гвардію съ каждой души овса по $2^1/_5$ четверика, сѣна по $2\frac{3}{4}$ пуд., соломы по $4\frac{1}{2}$ снопа. Арх. Гл. Упр. Уд., дѣло № 13, св. 3, л. 402.

36) Яковкинъ, II, 32—33, 158—159; Арх. Мин. Юст., дѣла Сената, № 105—3766, л. 898 и слѣд.

37) Крестьяне села Тонинскаго были уволены по Указу Петра Великаго въ 1710 г. отъ рекрутской повинности и другихъ сборовъ. „Доклады и приговоры Сената", т. III, кн. 1, стр. 63. Царскосельскіе крестьяне обязаны были исправлять царскосельскую „перспективную дорогу". Въ 1774 г. съ тѣхъ же крестьянъ, вмѣсто поставки натурою рабочихъ и матерьяловъ, для поправки большой московской почтовой дороги повелѣно собрать деньгами по 5 к. съ ревизской души. Яковкинъ, II, 37, III, 200. Крестьяне Кузьминской слободы (вѣдомства Царскаго Села), въ виду обремененія постоями, были освобождены въ 1748 г. отъ податей и работъ въ пользу Государыни—владѣлицы, кромѣ косьбы казенныхъ луговъ, а также отъ солдатскихъ и другихъ постоевъ на два года. Яковкинъ, II, 39, 122.

38) Яковкинъ, I, 70—72, 74.

39) Арх. Гл. Упр. Удѣл., дѣло № 13, св. № 3, л. 402—403, 415; Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 29, л. 65.

40) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 25, л. 123—4.

41) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 54, л. 4. Указомъ 1739 г. относительно разныхъ вотчинъ Цесаревна Елисавета Петровна повелѣла указанному въ ея казну оброку „учинить оклады вновь съ такою пропорціею, чтобы въ денежномъ сборѣ оброка по тѣмъ окладамъ умаленія не было, а умершихъ и пропалыхъ безвѣстно, у которыхъ женъ, дѣтей и пожитковъ не имѣется, изъ окладу выключить всѣхъ, а скудныхъ по подлиннымъ свидѣтельствамъ, кто что можетъ съ себя въ казну оброка платить, тѣхъ положить противъ прежняго оклада съ убавкою, и тотъ остальной окладъ, что сложено будетъ за умершихъ и пропалыхъ и оскудалыхъ, расположить на всѣхъ.... оброчныхъ крестьянъ по пропорціи и по достоинству торговъ и промысловъ, кто имѣетъ свободные торги, и заводы, и промыслы, и достаточные пожитки". Общій Арх. Мин. Двора, дѣло № 54, л. 13.

42) „Журналъ Землевладѣльцевъ", 1859 г., № 23.

43) Яковкинъ, III, стр. 216, 321.

44) Яковкинъ, I, стр. 68—69.

45) Остающіеся же за раздѣломъ покосы или такіе, которые еще нужно расчищать отъ лѣсу въ мѣстахъ, заливаемыхъ водою, раздавать крестьянамъ по ихъ желанію безъ принужденія, „съ пятилѣтнимъ за труды ихъ владѣніемъ и велѣть безполезный лѣсъ выдирать съ корнемъ"; по прошествіи же пяти лѣтъ всѣ расчищенныя мѣста должны быть взяты на Государыню. Но и тогда предписывалось по усмотрѣнію управителя отдавать эти покосы крестьянамъ, взимая съ нихъ въ казну третью часть сбора по раздѣлу или по расчисленію укоса.

46) Яковкинъ, III, 50—54.

47) Арх. Главн. Упр. Уд., дѣло № 8, св. 2, л. 300.

48) Яковкинъ, II, 32—35.

49) Яковкинъ, III, 319—320.

50) „Журналъ Землевладѣльцевъ", 1859 г., № 23.

51) „Журн. Землевлад.", 1859 г., № 21. См. изложеніе и разборъ его въ статьѣ В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдомства", В. Е., 1878 г., № 5, стр. 44—52.

52) У каждаго такого тягла должно было быть не менѣе 6 лошадей, по 12 коровъ и овецъ, свиней по 6.

53) Яковкинъ, III, 188—190, 192—196, 222—223, 319.

54) Blum. „Ein russischer Staatsmann", II, 240.

55) Кобеко. „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", Спб., 1882 г., стр. 269.

56) Swinton. „Travels into Norway, Denmark and Russia in the years 1788, 1789, 1790 and 1791". L. 1792. p. 447—448.

57) П. С. З., т. XVII, № 12360, стр. 93, 96; № 12519, 454.

58) Яковкинъ, III, 255—257.

59) Яковкинъ, III, 54—56. Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 105, л. 62; кн. 113, л. 87. О запасномъ хлѣбномъ магазинѣ въ Богородицкой вотчинѣ и расхищеніи хлѣба изъ него тульскимъ директоромъ экономіи, при Екатеринѣ II, см. статью В. Семевскаго „Вѣстн. Европы", 1878 г., № 6, стр. 455—456, 458—459.

60) Яковкинъ, I, 81—82; II, 32; III, 223.

61) Моск. Отд. Дворц. Арх., по росписи № 3, дѣло № 242.

62) Яковкинъ, I, 163—164; II, 81, 145. Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", 269—270.

63) Яковкинъ, II, 116—119; III, 183. Кобеко, 269.

64) Яковкинъ, II, 82—83, 96; III, 182, 521—522; Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, кн. 127, л. 19.

65) Подробнѣе см. въ статьѣ В. Семевскаго „Крестьяне дворцоваго вѣдом." В. Е., 1878 г., № 6. стр. 450—454, 456—458.

66) Въ томъ же 1723 г. было, однако, предписано, чтобы сарскосельскій приказчикъ относительно содержанія конюшенъ, скотныхъ дворовъ и звѣрей, а также всякаго наличнаго хлѣба былъ подъ вѣдѣніемъ Кошелева; по его же требованію слѣдовало наряжать крестьянъ и рабочихъ и давать подводы, не спрашивая предписанія Вотчинной Канцеляріи, а только донося ей объ этомъ ежемѣсячно. Но всѣ денежные сборы производились по распоряженіямъ Вотчинной Канцеляріи.

67) Яковкинъ, I, 81, 84—87.

68) П. С. З., т. XI, № 8861. Моск. Отд. Арх. Мин. Двора, по реестру № 3, дѣло №№ 29 и 95; П. С. З., т. XIII, № 9637, 9570. Яковкинъ, III, 27—28.

69) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 113, л. 57. Сенату возвѣщено было объ этомъ болѣе краткимъ Указомъ. П. С. З., т. XVII, № 12403, Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 113, л. 63, 73. Инструкція Удолову (1764 г.) напечатана у Яковкина, III, 50—57. Яковкинъ, III, 197—199.

70) Яковкинъ, I, 87—88; II, 236; III, 207—208, 357. Арх. Главн. Упр. Удѣл., дѣло № 9, связ. 2, л. 274. Челобитную крестьянъ новгородскаго уѣзда, осѣченской волости, воскресенскаго погоста, принадлежавшихъ Царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, на цѣловальника и старосту, не дававшихъ отчета въ собранныхъ деньгахъ, см. въ „Чтен. Общ. Истор. Древ. Росс.", 1862 г., кн. I, Смѣсь, стр. 1.

71) Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 36, л. 14.

72) Арх. Главн. Упр. Удѣловъ, дѣло № 13, связ. 3, л. 402 (1734 г.); Общій Арх. Мин. Двора, по описи № 1629, дѣло № 25, л. 125. Яковкинъ, II, 45,

73) Яковкинъ, I, 72—74; III, 179—180, 209, 217, 219.

74) Яковкинъ, III, 188—190.

75) См. статью В. Семевскаго: „Крестьяне дворцоваго вѣдомства", „Вѣстникъ Европы" 1878 г., № 6, стр. 450, 452—455.

76) Такъ напр., въ 1763 г. Императрица Екатерина II повелѣла села московскаго уѣзда, Новопреображенское (иначе называемое Либерицы) и село Островъ съ деревнями, которыя при Елисаветѣ Петровнѣ были даны Цесаревичу Петру Ѳедоровичу, а теперь состояли въ Собственномъ вѣдомствѣ Императрицы, приписать къ дворцовымъ волостямъ. Также велѣно было причислить по прежнему къ дворцовымъ

Часть II.

УДѢЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Отдѣлъ I.

УПРАВЛЕНІЕ УДѢЛЬНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ.

Въ 1797 г. управленіе дворцовыми имѣніями вообще и дворцовыми крестьянами въ частности потерпѣло существенныя измѣненія. 5 апрѣля этого года Императоромъ Павломъ I было издано „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“, на основаніи котораго расходы на содержаніе Особъ Царствующаго Дома были отдѣлены отъ общей государственной казны и отнесены на счетъ спеціально учрежденныхъ для этого имѣній, подъ наименованіемъ удѣльныхъ; для составленія же послѣднихъ были назначены имущества, „подъ именемъ дворцовыхъ въ государственномъ исчисленіи состоящія“.

Съ переходомъ дворцовыхъ имѣній въ новое вѣдомство естественнымъ образомъ было связано преобразованіе и управленія этими имѣніями, и административнаго устройства дворцовыхъ крестьянъ, и хозяйственнаго о нихъ попечительства. Необходимость существенныхъ преобразованій въ этой области видна уже изъ того, что съ учрежденіемъ вѣдомства Удѣловъ создавался особый видъ имуществъ, занимавшій промежуточное положеніе между государственными и помѣщичьими. „Имѣнія, въ Удѣлы опредѣленныя“, говорится въ § 5 Учрежденія объ Императорской Фамиліи, „выходя изъ класса имѣній государственныхъ, хотя въ число помѣщичьихъ не поступятъ и названіе имѣютъ удѣльныхъ, но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе помѣщичьихъ владѣній потребно, удѣльныя на ряду съ ними употребляются и одинаковымъ образомъ нижнимъ и верхнимъ судамъ подсудимы“.

Для управленія удѣльными имѣніями учрежденъ былъ особый Департаментъ Удѣловъ, а порядокъ этого управленія предустанавливался многими статьями „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“.

При изданіи перваго законоположенія по этому предмету, конечно, были приняты во вниманіе какъ дѣйствовавшія уже правила въ различныхъ казенныхъ вѣдомствахъ, такъ и положенія,

выработанныя опытомъ хозяйственнаго веденія дѣлъ въ частныхъ экономіяхъ. Но именно потому, что удѣльныя имѣнія опредѣлены были занять среднее положеніе между государственными и помѣщичьими, составленіе подробныхъ и вполнѣ цѣлесообразныхъ правилъ управленія ими представляло большія затрудненія. Въ этомъ, вѣроятно, и слѣдуетъ искать объясненіе того, что черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ изданія „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“ признано было необходимымъ составить новое положеніе управленія удѣльными имѣніями (Положеніе Департамента Удѣловъ 15 мая 1808 г.) и что многія части этого послѣдняго Положенія весьма скоро опять подверглись существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ путемъ изданія отдѣльныхъ законоположеній и распоряженій, относившихся къ различнымъ сторонамъ дѣла; о количествѣ этихъ нововведеній можно судить уже потому, что взамѣнъ 190 статей, считавшихся достаточными для регулированія управленіями Удѣлами въ 1808 г., „Сводъ удѣльныхъ постановленій“, изданный въ 1843 г., заключалъ въ себѣ уже (съ приложеніями) около 3000 статей.

Такимъ образомъ, главнѣйшій интересъ содержанія исторіи управленія удѣльными крестьянами, заключается не въ томъ, какимъ образомъ примѣнялись на практикѣ и постепенно видоизмѣнялись законоположенія, изданныя при учрежденіи Удѣловъ и въ главныхъ чертахъ уже надолго предопредѣлившія порядокъ данныхъ отношеній: исторія управленія удѣльными крестьянами гораздо больше есть исторія нововведеній и попытокъ таковыхъ, нежели исторія постепеннаго измѣненія началъ управленія по различнымъ предметамъ крестьянскаго дѣла, опредѣленно указанныхъ въ первыхъ законодательныхъ актахъ по учрежденію Удѣловъ. Поэтому-то въ исторіи удѣльнаго управленія крестьянами наблюдаются два явленія: съ одной стороны, многія весьма важныя предначертанія перваго законодательнаго акта не получаютъ осуществленія и соотвѣтствующія отношенія жизни продолжаютъ идти прежнимъ путемъ (напр., положеніе о нормахъ крестьянскаго землевладѣнія, о распредѣленіи надѣльной земли по тягламъ, о переложеніи хлѣбнаго сбора съ душъ на землю, объ учрежденіи поземельной подати); съ другой стороны, постоянно вводятся совершенно новыя начала и учрежденія: признаніе права удѣльныхъ крестьянъ на дополненіе ихъ надѣловъ изъ государственныхъ земель, общественная запашка, поземельный сборъ—хотя и предположенный „Учрежденіемъ объ Импе-

раторской Фамиліи“, но не получившій осуществленія въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ—образцовыя усадьбы, ремесленныя училища и т. д.

Намъ казалось не лишнимъ предпослать эти замѣчанія послѣдующимъ очеркамъ по исторіи управленія удѣльными крестьянами въ виду того, что очерки эти будутъ касаться главнымъ образомъ именно совершенно новыхъ, вводившихся Удѣлами учрежденій и что съ первыхъ же страницъ этихъ очерковъ приходится встрѣчаться съ двойственнымъ и не вполнѣ еще опредѣлившимся тогда характеромъ Удѣловъ — какъ учрежденія частнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго.

Глава I.

Мѣры по обезпеченію крестьянъ землею (до реформы 1863 г.).

Размѣры надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ въ концѣ прошлаго вѣка и форма пользованія землей.—Мѣры Департамента Удѣловъ для увеличенія надѣловъ крестьянъ: покупка частновладѣльческихъ земель; передача крестьянамъ удѣльныхъ оброчныхъ статей; надѣленіе ихъ изъ казенныхъ угодій; расчистка земель.—Размѣры надѣловъ крестьянъ въ разные моменты нахожденія ихъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ. — Земли, купленныя крестьянами.

Образовавшееся изъ дворцовыхъ имѣній удѣльное имущество состояло изъ населенныхъ земель и изъ лѣсовъ. Число крестьянъ, перешедшихъ въ удѣльное вѣдомство, извѣстно точно,—оно простиралось по 5 ревизіи до 464 тыс. душъ. Нельзя того же сказать относительно земельной части имущества: кромѣ 4.162 тыс. дес. единственнаго владѣнія, на долю Удѣловъ приходилась еще извѣстная часть изъ 3.526 тыс. дес. общаго владѣнія удѣльныхъ крестьянъ съ крестьянами другихъ вѣдомствъ и частныхъ собственниковъ, и имъ же могла быть присуждена та или другая часть изъ 348 тыс. дес. земли, состоявшей въ спорѣ. По этой причинѣ не представляется возможнымъ имѣть полныя свѣдѣнія и о надѣлахъ бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ въ моментъ обращенія ихъ въ удѣльное вѣдомство; нельзя составить полнаго понятія и о мѣрѣ обезпеченія удѣльныхъ крестьянъ земельными угодьями. Но если мы не можемъ знать, каковы были средніе земельные надѣлы всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, то имѣющіяся данныя позволяютъ отвѣтить на этотъ вопросъ по отношенію къ большей ихъ части, а именно, по отношенію почти къ 370 тыс. ревизскихъ душъ, не участвовавшихъ въ общемъ владѣніи съ крестьянами другихъ вѣдомствъ.

Исключая изъ вышеуказанныхъ 4.162 тыс. дес., состоявшихъ въ единственномъ удѣльномъ владѣніи, 2.157 тыс. дес.

лѣса, какъ не находившагося въ свободномъ пользованіи крестьянъ, 146.614 дес. оброчныхъ статей и 252.250 дес. неудобной земли (подъ дорогами, рѣками и т. п.), мы получимъ, что въ дѣйствительномъ владѣніи 370 тыс. ревизскихъ душъ крестьянъ состояло 1.606 тыс. дес. удобной земли, распадавшихся на 1.120.285 дес. пашни, 266.381 дес. сѣнокосовъ и 219.500 дес. прочихъ угодій. Такимъ образомъ, 80% удѣльныхъ крестьянъ имѣли въ пользованіи въ среднемъ 3,03 дес. пашни, 0,73 дес. сѣнокоса и 0,60 дес. прочихъ угодій, а всего около 4,4 дес. удобной земли на душу.

Эта средняя цифра крестьянскаго землевладѣнія представляла значительныя колебанія по губерніямъ [1]). Наибольшее количество удобной земли, въ среднемъ 28,4 дес. на душу, состояло при удѣльныхъ селеніяхъ саратовской губ., въ которыхъ насчитывалось 2400 душъ крестьянъ; за ними слѣдовали 1826 душъ астраханской и новороссійской (екатеринославской) губ. (11—13,4 дес. на душу). Средніе надѣлы крестьянъ остальныхъ губерній не превосходили 8 дес. на душу; въ томъ числѣ отъ 7 до 8 дес. имѣли 22000 душъ владимірской губ., 5700 душъ воронежской и 18500 душъ пензенской губ.; отъ 5 до 6 дес.—1200 душъ слободско-украинской (харьковской) губ., 743 души ярославской губ., 800 душъ бѣлорусскихъ губерній и 17060 душъ симбирской; отъ 4 до 5 дес. земли на душу находилось въ пользованіи 3090 душъ нижегородской губ., 51000 душъ смоленской, 5030 душъ пермской, 52500 душъ костромской, 22700 душъ тамбовской губ.; отъ 3 до 4 дес. удобной земли на душу имѣли 3100 душъ калужской губ., 12300 душъ тверской губ., 1100 душъ петербургской губ., 14860 душъ псковской губ., 5060 душъ орловской губ., 800 душъ курской, 40400 душъ вятской, 2250 душъ оренбургской и 2400 душъ казанской губ.; отъ 2 до 3 дес. на душу имѣли 13225 душъ московской губ., 18600 душъ новгородской губ., 2030 душъ выборгской губ.; отъ 1 до 2 дес. на душу приходилось у 19500 душъ архангельской губ. и у 23300 душъ вологодской губ.; меньше 1 дес. на душу имѣли 600 душъ крестьянъ тульской и рязанской губ., а вовсе не имѣли въ пользованіи земли 3400 душъ остзейскихъ крестьянъ и 1700 душъ мѣщанъ въ черниговской губ.

Такимъ образомъ, изъ числа удѣльныхъ крестьянъ, не участвовавшихъ въ общемъ владѣніи съ поселянами другихъ вѣдомствъ, средніе для губерніи душевые надѣлы удобной земли имѣли:

выше 10	дес.	4,2	тыс.	душъ	или	1,2%
„ 7 до 8	„	46,2	„	„	„	12,5%
„ 5 „ 6	„	19,8	„	„	„	5,3%
„ 4 „ 5	„	134,3	„	„	„	36,4%
„ 3 „ 4	„	82,2	„	„	„	22,3%
„ 2 „ 3	„	33,8	„	„	„	9,2%
„ 1 „ 2	„	42,8	„	„	„	11,6%
ниже 1 дес. и не имѣли земли	.	5,7	„	„	„	1,5%

Между тѣмъ въ „Учрежденіи объ Императорской Фамиліи“ предполагалось всѣ удѣльныя земли привести въ такое состояніе, чтобы каждому работнику досталось на тягло, кромѣ усадьбы и покосовъ, 9 дес. пашни, что составило бы на ревизскую душу одной только пахотной земли отъ 4 до 5 дес., т. е. столько же, сколько въ среднемъ дѣйствительномъ владѣніи крестьянъ находилось всѣхъ угодій (кромѣ лѣса). Такимъ образомъ, при составленіи „Учрежденія“ предполагалось, что Удѣлы будутъ имѣть возможность надѣлить подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ вполнѣ обезпечивающимъ ихъ количествомъ земли.

Что касается вопроса о порядкѣ владѣнія крестьянъ состоявшими въ ихъ пользованіи земельными угодьями, то „Учрежденіемъ“ предполагалось допустить въ этомъ отношеніи дѣйствіе правилъ, подобныхъ тѣмъ, какія еще недавно были распространены среди дворцовыхъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей и какія правительство тщетно пыталось ввести среди казенныхъ крестьянъ вообще,—правилъ, господствовавшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ земля разверстывалась между крестьянами по тягламъ или работникамъ, и тягло накладывалось на каждаго мужчину, достигающаго совершеннолѣтія. Впрочемъ, положенія „Учрежденія“ по данному вопросу не представляютъ точной опредѣленности. Такъ, согласно § 117, земля, въ указанномъ выше размѣрѣ, должна была отводиться на цѣлое селеніе. По вопросу же о раздѣленіи ея между отдѣльными домохозяевами въ томъ же параграфѣ сказано, что „о пріемѣ земли лично по тягламъ никакого принужденія не чинить; требовать только, чтобы вся опредѣленная для селенія земля“ была крестьянами разобрана, но сколько каждый изъ нихъ возьметъ—должно было зависѣть отъ его собственной воли. „Распредѣленіе земли для каждой волости, вотчины, деревни или селенія есть дѣло Департамента; а кѣмъ именно и сколько будетъ взято земли, это уже

зависитъ отъ свѣдѣнія удѣльныхъ экспедицій", обязанныхъ только наблюдать, чтобы никому въ этомъ дѣлѣ не было притѣсненія. Въ § 171 „Учрежденія" было разъяснено, что на прибывающихъ естественнымъ порядкомъ работниковъ „слѣдуетъ накладывать тягла и размножать тѣмъ пашню", и что экспедиціи должны каждый годъ повѣрять ревизскія книги и наблюдать, чтобы отмѣченныя въ нихъ измѣненія тяголъ соотвѣтствовали перемѣнамъ, совершившимся въ возрастномъ составѣ народонаселенія и зависѣвшимъ отъ подрастанія мальчиковъ, смерти взрослыхъ работниковъ, отдачи ихъ въ рекруты и т. п. Раздѣлъ огородовъ и луговъ долженъ былъ быть соображенъ „съ возможностью каждаго и по мѣрѣ взятаго каждымъ пахотнаго участка" (§ 117).

Изъ этой справки видно, что въ основномъ законоположеніи по учрежденію Удѣловъ не было опредѣленныхъ предписаній относительно періодическаго повторенія общаго перераспредѣленія между семьями крестьянскихъ земель и участія въ этомъ дѣлѣ мірского общества.

При учрежденіи Удѣловъ предполагалось, что имѣющіе отойти въ ихъ вѣдѣніе крестьяне будутъ обложены не подушнымъ, а поземельнымъ налогомъ, и вышеприведенныя статьи изъ „Учрежденія объ Императорской Фамиліи" были проектированы примѣнительно къ этой системѣ налога, обезпечивая съ одной стороны наиболѣе исправную уплату его (распредѣленіемъ земли по рабочей силѣ крестьянъ), съ другой—обложеніе возможно-большей площади земли (введеніемъ въ тягло новыхъ работниковъ). Въ дѣйствительности, введеніе поземельнаго сбора осуществилось, однако, лишь въ 30-хъ годахъ; до этого же времени крестьяне оставались на подушномъ оброкѣ, не зависѣвшемъ отъ размѣровъ состоявшей въ пользованіи каждаго домохозяина земли. Съ другой стороны, дворцовые крестьяне поступили въ удѣльное вѣдомство тотчасъ послѣ 5 ревизіи, когда, по обычаю, было произведено перераспредѣленіе земли между домохозяевами, по числу значившихся за ними душъ послѣдней переписи. Такимъ образомъ, удѣльной администраціи не предстояло существенной надобности съ первыхъ же шаговъ нарушать складывавшіяся обычнымъ порядкомъ поземельныя отношенія крестьянъ, и контроль ея надъ этими отношеніями ограничивался разрѣшеніемъ вопросовъ по жалобамъ крестьянъ относительно не вездѣ еще закончившейся разверстки земель по душамъ 5 ревизіи. Такія жалобы поступали главнымъ образомъ отъ населенія

вологодской губ., гдѣ въ это время происходило еще первое уравненіе крестьянскихъ земель, и этотъ новый здѣсь порядокъ порождалъ много споровъ и недоразумѣній, полное разрѣшеніе которыхъ было достигнуто лишь въ теченіе 20—25 лѣтъ.

Общія мѣры относительно поземельныхъ отношеній среди крестьянъ Департаментъ Удѣловъ принялъ послѣ производства 6 ревизіи. Въ это время крестьяне нѣкоторыхъ селеній входили съ ходатайствами объ уравненіи ихъ въ отношеніи пользованія землею съ другими селеніями соотвѣтствующихъ волостей; о необходимости такого уравненія между селеніями представляли Департаменту и управляющіе нѣкоторыми конторами. Эти ходатайства и представленія вызвали циркуляръ Департамента Удѣловъ отъ 29 февраля 1812 г. объ уравненіи землепользованія удѣльныхъ крестьянъ по душамъ 6 ревизіи. Циркуляръ этотъ исходилъ изъ того положенія, что, какъ извѣстно по опыту, крестьяне сами хорошо знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно разверстывали ихъ между собою, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ. Имѣя въ виду это обстоятельство и полагая, что въ основѣ благосостоянія крестьянъ и исправнаго отбыванія ими повинностей должно лежать уравнительное распредѣленіе земли, производимое ими самими и потому обезпечивающее имъ увѣренность въ прочности ихъ владѣнія,— Департаментъ Удѣловъ въ циркулярѣ своемъ требовалъ, чтобы, при уравненіи земли по душамъ 6 ревизіи, соблюдались слѣдующія правила.

Избранные отъ всѣхъ мірскихъ обществъ волости, обмежеванной одной окружной межой,—въ томъ числѣ, какое общество признаетъ необходимымъ,—должны были вмѣстѣ съ волостнымъ выборнымъ сдѣлать разверстку земель по душамъ 6 ревизіи, наблюдая уравнительность не только въ количествѣ, но и въ качествѣ угодій, примѣняя для этого какъ дѣйствовавшіе на мѣстахъ правила и обычаи, такъ и всякія другія средства, способныя привести къ наиболѣе уравнительному распредѣленію земли. Для достиженія той же цѣли уравненія, крестьянамъ дозволялось переселяться цѣлыми семьями изъ селеній, гдѣ, по числу душъ, оказался бы недостатокъ земельныхъ угодій, въ другія, гдѣ онѣ находились бы въ излишествѣ. При отрѣзкѣ земли отъ однихъ къ другимъ предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне не лишались безъ соотвѣтствующаго воз-

награжденія устроенныхъ ими мельницъ, садовъ и т. п. Сельскія власти должны были склонять недовольныхъ крестьянъ къ миролюбивому окончанію разверстки. Съ другой стороны и крестьянамъ, считавшимъ себя обиженными тѣми лицами, которыя производили раздѣлъ земли, запрещалось подавать на нихъ письменныя жалобы. Ихъ претензіи должны были прежде всего быть разсмотрѣны на мірской сходкѣ, въ присутствіи приказнаго головы, всѣхъ старшинъ и лучшихъ „старостепенныхъ" крестьянъ. А кто остался бы недоволенъ рѣшеніемъ этого собранія и имѣлъ бы возможность доказать справедливость своихъ требованій, тому предоставлялось заявить жалобу въ приказъ, для представленія въ контору на разсмотрѣніе и разрѣшеніе по установленнымъ правиламъ. Хотя въ циркулярѣ ничего не было сказано относительно тѣхъ случаевъ, когда обращеніе въ контору не приводило къ примиренію спорящихъ сторонъ, тѣмъ не менѣе лица, считавшія себя обиженными, въ этихъ случаяхъ обыкновенно обращались съ жалобами къ Министру Императорскаго Двора, а не получая этимъ путемъ удовлетворенія, иногда подавали прошенія на Высочайшее Имя. Всѣ такія ходатайства препровождались для разслѣдованія управляющимъ конторами, по принадлежности, а эти послѣдніе должны были стараться примирить спорящія стороны, уговаривая жалобщиковъ согласиться съ постановленіемъ мірского общества, либо убѣждая послѣднее удовлетворить справедливыя требованія первыхъ.

Что касается самихъ жалобъ крестьянъ недовольныхъ передѣломъ, то таковыя возбуждались не столько отдѣльными лицами, сколько отъ имени цѣлыхъ селеній, т. е. относились къ разверсткѣ земли между селеніями одной волости, дачи или приказа.

Циркуляръ 29 февраля 1812 г., изданный для регулированія передѣла земель по душамъ 6 ревизіи, служилъ главнымъ основаніемъ при разрѣшеніи вопросовъ о распредѣленіи между крестьянами земли и въ послѣдующее время. Этимъ циркуляромъ не только придавалась формальная опредѣленность дѣйствовавшимъ въ населеніи правиламъ уравненія земельныхъ участковъ, но, насколько дѣло касалось разверстки земли между селеніями, входившими въ составъ одной межевой дачи,—циркуляръ далъ сильный толчекъ къ распространенію уравнительнаго пользованія землей между крестьянами разныхъ селеній. Въ самомъ сѣверномъ имѣніи, архангельскомъ, лишь послѣ этого циркуляра удѣльные крестьяне приступили къ первому, по времени,

уравненію состоявшихъ въ ихъ пользованіи земель какъ между всѣми селеніями волости, такъ и между отдѣльными домохозяевами. Правда, примѣненіе циркуляра 29 февраля къ разверсткѣ земли по душамъ 6 ревизіи, по случаю военныхъ дѣйствій 1812—1815 гг., по несогласіямъ между крестьянами и т. п., послѣдовало далеко не вездѣ. Но, съ назначеніемъ въ 1815 г. новой переписи населенія, циркуляръ 29 февраля 1812 г., какъ сказано выше, сохранилъ свою силу и по отношенію къ уравненію земельныхъ владѣній крестьянъ по душамъ 7 ревизіи. При этомъ управляющіе конторами неодинаково разрѣшали вопросъ относительно обязательности примѣненія этого циркуляра. Одни изъ нихъ полагали, что циркуляромъ только давалось малоземельнымъ селеніямъ право требовать уравненія ихъ въ отношеніи землепользованія съ другими селеніями той же дачи, — и, при отсутствіи жалобъ со стороны крестьянъ, не настаивали на непремѣнномъ исполненіи циркуляра. Такое отношеніе къ предмету согласовалось съ предположеніями самаго Департамента, въ перепискѣ котораго съ нѣкоторыми конторами встрѣчается разъясненіе, что его распоряженіе о раздѣлѣ земель по душамъ 6 ревизіи сдѣлано съ цѣлью производства уравненія земель, „если сами крестьяне признаютъ это нужнымъ“. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые управляющіе удѣльными конторами особенно настаивали на производствѣ раздѣла земель и издавали повторныя предписанія о примѣненіи циркуляра 29 февраля, не всегда будучи побуждаемы къ этому ходатайствами малоземельныхъ крестьянъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ относительно среднихъ надѣловъ крестьянъ въ различныхъ губерніяхъ видно, что вопросъ объ устройствѣ малоземельныхъ крестьянъ такъ, чтобы они были обезпечены въ удовлетвореніи своихъ потребностей и сохраняли способность безнедоимочно отправлять лежавшія на нихъ казенныя, удѣльныя и другія повинности, долженъ былъ возникнуть при первыхъ же шагахъ дѣятельности Департамента Удѣловъ *).

---

*) Въ числѣ удѣльныхъ крестьянъ находилось около 3400 душъ безземельныхъ, такъ называемыхъ рижскихъ и ревельскихъ крестьянъ. Эта группа составилась изъ лицъ, нѣкогда бѣжавшихъ за границу (въ Польшу), а затѣмъ, начиная съ 1763 г., возвращавшихся обратно по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ. Выходцы изъ-за границы обыкновенно приписывались къ рижскому и ревельскому дворцамъ, получали паспорты и расходились по разнымъ мѣстамъ Имперіи. По собраннымъ въ началѣ восьмисотыхъ годовъ свѣдѣніямъ, эти крестьяне имѣли мѣстожительства въ 16 губерніяхъ, 19 городахъ, у 72 помѣщиковъ и въ 299 селеніяхъ, причемъ 1177 душъ занимались ремеслами, 1193 души—земледѣліемъ, а 1185 душъ считались выбывшими. Въ 1808 г. эти крестьяне были переданы въ казенное вѣдомство.

И дѣйствительно, спустя только 4 — 5 лѣтъ послѣ образованія удѣльнаго вѣдомства, въ Департаментѣ было вычислено, что для надѣленія подвѣдомственныхъ ему крестьянъ (не участвовавшихъ въ общемъ владѣніи землей съ лицами другихъ вѣдомствъ) узаконенной пропорціей (15 дес. на душу) земли (принимая при этомъ въ расчетъ и принадлежавшіе Удѣламъ лѣса) не хватало 2.156 тыс. десят., а за вычетомъ 643 тыс. дес. свободной удѣльной земли, остававшейся по расчету (15-ти десятинной пропорціи) въ многоземельныхъ и лѣсныхъ губерніяхъ (новгородской, саратовской, вологодской и др.), общій недостатокъ угодій для надѣленія удѣльныхъ крестьянъ до указанной нормы опредѣлялся въ 1½ слишкомъ милліона десятинъ. Но, чтобы удовлетворить потребность крестьянъ въ землѣ, нужно было имѣть свободныя угодья, а такъ какъ оброчныя земельныя статьи составляли въ это время не болѣе 150 тыс. десятинъ и, при назначеніи даже всей этой площади въ надѣлъ крестьянамъ, на ней могло быть устроено не болѣе 15 — 20 тыс. душъ, то надѣленіе достаточнымъ количествомъ угодій общей массы малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ могло быть достигнуто лишь пріобрѣтеніемъ земли на сторонѣ.

Это обстоятельство было предвидѣно при составленіи „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“. Но, проектируя соотвѣтствующія статьи этого положенія, законодатель предполагалъ, что недостатокъ у крестьянъ земли будетъ явленіемъ частнымъ, касающимся нѣкоторыхъ удѣльныхъ селеній. И для этого въ п. 3 § 116 „Учрежденія“ рекомендовалось пріобрѣтать недостававшія угодья у частныхъ владѣльцевъ по вольной цѣнѣ или у казны за установленную плату.

Примѣненіемъ этого способа, однако, врядъ ли можно было бы уничтожить малоземеліе, какъ общее явленіе среди удѣльныхъ крестьянъ.

Недостатокъ удѣльныхъ капиталовъ и обращеніе ихъ, между прочимъ, на пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній, съ одной стороны, и случайность предложенія въ продажу частновладѣльческихъ или казенныхъ земель съ другой — по необходимости ограничивали примѣненіе разсматриваемаго средства устраненія крестьянскаго малоземелія довольно тѣсными рамками. И дѣйствительно, въ первое десятилѣтіе существованія Департамента Удѣловъ, для надѣленія безземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ, куплено было около 80 тыс. десят. частновладѣльческихъ земель и изъ нихъ

больше 60 тыс. дес. приходилось на смоленскую и костромскую губерніи; а въ теченіе всего времени отъ начала текущаго столѣтія до 60-хъ годовъ въ тѣхъ же видахъ было пріобрѣтено всего около 200 тыс. десятинъ незаселенной частно владѣльческой земли *), т. е. площадь, на которой могло быть поселено не болѣе 20—30 тыс. безземельныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, единственное указанное въ законѣ средство пополненія недостаточныхъ надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ, будучи пригоднымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ крестьянскаго малоземелья, не могло быть примѣнено сразу въ размѣрахъ, сколько-нибудь соотвѣтствовавшихъ выяснившейся потребности крестьянъ въ землѣ; и для удовлетворенія этой потребности удѣльному вѣдомству предстояло изыскивать иные пути.

Недостаточное обезпеченіе землей не составляло въ это время явленія, присущаго исключительно крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства: во второй половинѣ XVIII вѣка правительствомъ принимался рядъ мѣръ для смягченія малоземелья разныхъ разрядовъ казенныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ и крестьянъ дворцовыхъ, обращенныхъ въ 1797 г. въ удѣльные. Одна изъ такихъ мѣръ была принята въ моментъ образованія Удѣловъ.

11 ноября 1797 г. получилъ Высочайшую конфирмацію докладъ Правительствующаго Сената относительно надѣленія землей казенныхъ крестьянъ **). По силѣ этого доклада, казеннымъ крестьянамъ, не имѣвшимъ назначенныхъ по межевой инструкціи 1766 г. 15 десят. земли на ревизскую душу, слѣдовало отвести недостававшее количество изъ казенныхъ дикопоросшихъ и оброчныхъ земель. Что же касается другихъ оброчныхъ статей (мельницъ, рыбныхъ ловель и т. п.), находившихся на старыхъ крестьянскихъ земляхъ или на вновь имъ отводимыхъ, то онѣ подраздѣлялись въ докладѣ на 2 отдѣла: однѣ статьи, никогда не принадлежавшія крестьянамъ, повелѣвалось оставить по прежнему въ казенномъ вѣдомствѣ, какъ источникъ государственнаго дохода; мельницы же, нѣкогда построенныя крестьянами, велѣно было предоставить въ ихъ пользованіе безплатно.

*) Кромѣ перваго десятилѣтія, на которое приходится больше 1/3 части купленной земли, крупная покупка была произведена еще въ 1849 г. (имѣніе въ тверской губ., площадью въ 79 тыс. десят.); на всѣ остальные годы выпадаетъ меньше 50 тыс. дес. земли. За исключеніемъ 26 тыс. десят., незаселенныя земли пріобрѣтались въ нечерноземныхъ губерніяхъ.

**) П. С. З. № 18256.

Изложенный указъ говорилъ о казенныхъ крестьянахъ, къ числу которыхъ до недавняго времени несомнѣнно принадлежали и перешедшіе въ Удѣлы крестьяне дворцовые. Но въ немъ ничего не было сказано спеціально о крестьянахъ удѣльнаго вѣдомства, и вопросъ о примѣненіи къ нимъ этого указа могъ быть разрѣшаемъ различно. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Указомъ этимъ по отношенію къ удѣльному вѣдомству возбуждалось два вопроса: 1) обязательны ли изложенныя въ немъ Высочайшія постановленія и для этого вѣдомства, т. е. надлежало ли въ удѣльныхъ имѣніяхъ примѣнить Высочайшее повелѣніе о передачѣ крестьянамъ различныхъ оброчныхъ (земельныхъ и промысловыхъ) статей, и 2) должны ли были распространяться на удѣльное вѣдомство статьи указа относительно дополненія недостающей у крестьянъ пропорціи земли изъ казенныхъ угодій, или примѣненіе этой части Высочайшаго повелѣнія ограничивалось казенными крестьянами, и Удѣлы не могли основываться на ней при надѣленіи своихъ малоземельныхъ крестьянъ.

Возникновеніе обоихъ вопросовъ произошло одновременно: мѣстные органы удѣльнаго вѣдомства, тотчасъ по ихъ образованіи, стали входить въ Департаментъ съ представленіями и о передачѣ крестьянамъ удѣльныхъ оброчныхъ статей, и о надѣленіи ихъ недостающими угодьями изъ казенныхъ земель. Но принципіальное разрѣшеніе этихъ вопросовъ послѣдовало въ разное время.

Вскорѣ послѣ изданія указа 11 ноября 1797 года, удѣльныя экспедиціи начали обращаться къ казеннымъ палатамъ съ требованіями относительно отведенія малоземельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ требованій симбирскій губернаторъ объяснилъ, что такъ какъ удѣльныя земли отдѣлены отъ общей массы государственныхъ имѣній и препоручены особому управленію, которому указаны и свои способы удовлетворенія недостатка крестьянъ въ угодьяхъ, то допустить переводъ удѣльныхъ крестьянъ въ районѣ симбирской губерніи на казенныя земли безъ особаго повелѣнія онъ не можетъ.

Получая сообщенія отъ мѣстныхъ своихъ органовъ объ отказѣ казенныхъ палатъ удовлетворять требованія удѣльныхъ экспедицій о надѣленіи подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ изъ государственныхъ земель, Департаментъ Удѣловъ нашелъ не-

обходимымъ внести этотъ вопросъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

Въ представленіи отъ 28 октября 1799 г. Департаментъ сослался на изложенное въ предложеніи перваго Министра Удѣловъ, князя Куракина, Высочайшее повелѣніе о наблюденіи за тѣмъ, чтобы, при удовлетвореніи Всемилостивѣйше жалуемыхъ частнымъ лицамъ крестьянъ указанною пропорціею земли, удѣльные крестьяне „не имѣли въ оной нужды". Исходя изъ этого положенія, Департаментъ Удѣловъ заключалъ, что удѣльные крестьяне имѣли одинаковое право съ казенными на надѣленіе землей, согласно Высочайшему указу 11 ноября 1797 г., и испрашивалъ у Правительствующаго Сената предписаніе о своевременномъ удовлетвореніи казенными палатами требованій о томъ удѣльныхъ экспедицій.

Правительствующій Сенатъ, разрѣшая этотъ вопросъ, указомъ отъ 14 мая 1800 г. объяснилъ, что удѣльные крестьяне, съ принадлежавшими имъ угодьями, выдѣлены были изъ общаго положенія государственныхъ крестьянъ, причемъ въ § 116 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи" были указаны и способы удовлетворенія недостатка ихъ въ землѣ, заключавшіеся, между прочимъ, въ пріобрѣтеніи Удѣлами необходимыхъ для этого казенныхъ земель за установленную плату. Поэтому, по мнѣнію Сената, по отношенію къ нимъ не могъ имѣть примѣненія Высочайшій указъ 11 ноября 1797 г.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, слѣдовало ли надѣлять удѣльныхъ крестьянъ казенными землями или нѣтъ, былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Окончательное разрѣшеніе другаго вопроса, возбужденнаго тѣмъ же указомъ, — объ отдачѣ удѣльнымъ крестьянамъ оброчныхъ статей, принадлежавшихъ Удѣламъ, — послѣдовало позже. Еще до передачи всѣхъ дворцовыхъ имѣній въ завѣдываніе вновь учрежденныхъ удѣльныхъ экспедицій, когда удѣльныя имѣнія продолжали оставаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, нѣкоторыя изъ послѣднихъ пріостановили отдачу освобождавшихся отъ аренды оброчныхъ земель на новые сроки, имѣя въ виду, что земли эти, согласно указу 11 ноября, должны поступить въ безоброчное пользованіе малоземельныхъ крестьянъ. И такъ какъ дворцовыя оброчныя статьи сдавались въ краткосрочную аренду, то, согласно этому предположенію, передача удѣльныхъ оброчныхъ статей

крестьянамъ была бы совершена въ теченіе немногихъ лѣтъ. Но Департаментъ Удѣловъ 26 іюля 1798 г. сдѣлалъ распоряженіе о выполненіи Высочайшаго повелѣнія 11 ноября объ отдачѣ крестьянамъ оброчныхъ статей не повсемѣстно вдругъ, а частями, по каждой экспедиціи, по мѣрѣ составленія описныхъ книгъ, т. е. по выясненіи хозяйственнаго положенія и удѣльныхъ крестьянъ, и всего удѣльнаго имѣнія.

Черезъ два года, обсуждая вопросъ о томъ, какія именно оброчныя удѣльныя статьи подлежали отдачѣ крестьянамъ и какія должны были оставаться въ числѣ доходныхъ статей Удѣловъ, Департаментъ высказалъ, что если передать въ безоброчное пользованіе крестьянъ всѣ тѣ мельницы, которыя были ими когда-то построены и, по прошествіи срочныхъ лѣтъ, поступили, согласно условію, въ казенное вѣдомство, а также рыбныя ловли, находившіяся на ихъ земляхъ, то въ распоряженіи Удѣловъ осталось бы очень немного оброчныхъ статей, и удѣльные доходы потерпѣли бы болѣе или менѣе значительное сокращеніе. Руководствуясь этими соображеніями, Департаментъ Удѣловъ предположилъ отдать въ безоброчное пользованіе крестьянъ не всѣ мельницы, находившіяся на ихъ земляхъ, а лишь тѣ, относительно которыхъ будутъ представлены законныя доказательства, что онѣ построены именно крестьянами и что при ихъ заведеніи не было заключено условія о передачѣ ихъ, по прошествіи срочныхъ лѣтъ, въ казенное вѣдомство.

Вмѣстѣ съ этимъ Департаментъ сдѣлалъ постановленіе и относительно той части указа 11 ноября, въ которой шла рѣчь о надѣленіи крестьянъ оброчными земельными статьями. По силѣ этого указа, казенныя оброчныя земли подлежали отдачѣ крестьянамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находившаяся въ ихъ пользованіи площадь не достигала 15 десятинъ на душу. По расчету Депертамента, число такихъ крестьянъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ опредѣлялось въ 320 тыс. ревизскихъ душъ, а количество недостававшей имъ земли составляло больше $1^1/_2$ милліоновъ дес. Такимъ образомъ, примѣненіе порядка, установленнаго въ этомъ отношеніи для казенныхъ крестьянъ, къ удѣльному вѣдомству перевело бы въ руки крестьянъ всѣ удѣльныя оброчныя земли, площадь которыхъ въ концѣ прошлаго вѣка составляла, какъ мы видѣли, не болѣе 150 тыс. десятинъ, и при всемъ томъ удѣльные крестьяне въ массѣ испытывали бы такую же нужду въ землѣ, какъ и раньше. Поэтому Департаментъ Удѣловъ пред-

положилъ предоставлять оброчныя земли въ распоряженіе селеній „не прежде, какъ по точномъ и подробномъ изслѣдованіи" недостатка крестьянъ въ землѣ.

Оба эти предположенія Департамента, касавшіяся отдачи крестьянамъ оброчныхъ статей, получили Высочайшее утвержденіе 24 мая 1800 г.

Черезъ два года послѣ этого, при подведеніи итоговъ примѣненія Высочайшаго повелѣнія 24 мая, оказалось, что за все это время было отдано въ безоброчное владѣніе крестьянъ только 5 мельницъ. Прочія же, состоявшія на крестьянскихъ земляхъ, мельницы оставались въ распоряженіи удѣльнаго вѣдомства, такъ какъ крестьяне не могли представить требовавшихся доказательствъ для признанія ихъ крестьянскою собственностью: за давностью времени, по случаю перехода мельницъ изъ рукъ въ руки и по другимъ причинамъ, крестьяне не только утратили документы, относившіеся къ этому предмету, но зачастую позабыли и имена первыхъ устроителей мельницъ. Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи оставался и вопросъ объ отведеніи крестьянамъ удѣльныхъ оброчныхъ земель. Отводъ этотъ предполагалось сдѣлать послѣ снятія внутренней ситуаціи всѣхъ земель, когда съ точностью могъ бы открыться излишекъ или недостатокъ угодій у отдѣльныхъ селеній, ибо по генеральному межеванію отдѣлялись другъ отъ друга только владѣнія цѣлыхъ волостей, а не селеній. Снятіе же внутренней ситуаціи по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ не могло, конечно, идти быстро.

Между тѣмъ въ отношеніи казенныхъ оброчныхъ статей, гдѣ также было затруднительно выяснить вопросъ о постройкѣ мельницъ, въ это время, а именно 7 августа 1801 года, былъ Высочайше конфирмованъ докладъ Правительствующаго Сената *), согласно коему повелѣно было всѣ казенныя мельницы, состоявшія на земляхъ, принадлежавшихъ казеннымъ селеніямъ или отводившихся имъ въ пополненіе 15 десятинной пропорціи, предоставить въ безоброчное владѣніе мірскихъ обществъ. Исключенію изъ этого правила подлежали только хозяйственныя казенныя заведенія: винокуренные заводы, фабрики и т. п. Такое же изъятіе изъ числа казенныхъ оброчныхъ статей и передача въ пользованіе мірскихъ обществъ, по Высочайшему повелѣнію 2 ноября 1802 г., допущены были и относительно рыб-

*) П. С. З., № 19967.

ныхъ ловель, находившихся внутри дачъ, принадлежавшихъ казеннымъ селеніямъ или имѣвшихъ быть имъ отведенными.

Имѣя въ виду указанныя затрудненія въ представленіи крестьянами доказательствъ о принадлежности имъ оброчныхъ мельницъ и въ точномъ выясненіи дѣйствительныхъ размѣровъ испытываемаго ими недостатка въ землѣ, Департаментъ Удѣловъ въ концѣ 1802 г. предположилъ—примѣнительно къ приведеннымъ Высочайше конфирмованнымъ 7 августа 1801 г. и 2 ноября 1802 г. докладамъ Правительствующаго Сената—отдать большую часть оброчныхъ статей (1490 мельницъ, 77 рыбныхъ ловель и 2149 земельныхъ участковъ, всего 3716 статей, приносившихъ въ суммѣ 5206 р. асс. дохода) крестьянамъ въ безоброчное пользованіе съ 1803 г., всѣ же прочія статьи (числомъ 1106, приносившихъ 61544 р. дохода) предоставить имъ, когда будетъ снята внутренняя ситуація съ удѣльныхъ земель.

Предположенія по этому вопросу получили окончательное разрѣшеніе въ Высочайше конфирмованномъ 10 января 1803 г. докладѣ Министра Удѣловъ.

Хотя—ссылаясь на „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи", по которому удѣльное имѣніе отдѣлялось отъ общей массы государственныхъ, и на Высочайшій указъ 25 февраля 1798 г., согласно коему оно должно „состоять на правѣ помѣщичьемъ",—докладъ приходилъ къ заключенію, что изданныя узаконенія объ отдачѣ казеннымъ крестьянамъ оброчныхъ мельницъ и рыбныхъ ловель не распространяются на удѣльное вѣдомство, тѣмъ не менѣе, вышеупоименованныя 3716 оброчныхъ статей предназначались имъ къ передачѣ крестьянамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, послѣ произведенія изслѣдованія о количествѣ и качествѣ находившихся въ ихъ пользованіи угодій, оказалось бы, что бѣдное состояніе даннаго селенія обусловливалось его малоземельемъ и что состоявшія при немъ оброчныя статьи необходимы для поддержанія благосостоянія крестьянъ. Остальныя оброчныя статьи (числомъ 1106) оставлялись въ распоряженіи Департамента Удѣловъ: „въ отдачѣ жъ изъ нихъ крестьянамъ удѣльныхъ мельницъ и земель" предписывалось поступать согласно Высочайшему повелѣнію 24 мая 1800 г.

Несмотря на многократныя понужденія Департамента Удѣловъ, дѣло о передачѣ малоокладныхъ оброчныхъ статей крестьянамъ, на основаніи этого Высочайше утвержденнаго доклада, подвигалось очень медленно. Экспедиціи могли еще доставить

Департаменту болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ земли, состоявшей въ пользованіи того или другаго селенія; что же касается распредѣленія ея по угодьямъ, — а это именно и требовалось Высочайшимъ повелѣніемъ 10 января,—то таковое можно было узнать лишь послѣ межеванія, а такъ какъ число межевыхъ чиновъ, состоявшихъ въ распоряженіи экспедицій, было весьма ограничено и они отвлекались отъ выполненія задачи нанесенія на планы крестьянскихъ земель другими своими обязанностями, то составленіе требуемыхъ Департаментомъ плановъ шло весьма медленно.

По вопросу о передачѣ крестьянамъ оброчныхъ статей особое вниманіе Департамента Удѣловъ обращено было на вологодскую губ., гдѣ въ это время происходило первое уравненіе крестьянскихъ угодій, вызывавшее много жалобъ, между прочимъ, по причинѣ общаго недостатка у крестьянъ земель. Заботясь о возможномъ смягченіи возгорѣвшейся въ крестьянскихъ обществахъ борьбы, Департаментъ предположилъ, въ пополненіе недостатка у крестьянъ волостной земли, передать имъ оброчныя удѣльныя земли, а для систематическаго выполненія этого дѣла командировалъ на мѣста совѣтника Архангельской Экспедиціи Карюкина. Послѣдній, осмотрѣвъ волостныя земли и опредѣливъ, сколько изъ нихъ пригодно къ расчисткѣ, составилъ затѣмъ вѣдомость оброчнымъ участкамъ, назначаемымъ къ передачѣ крестьянамъ. Согласно этой вѣдомости, крестьянскія общества вологодской губ. въ совокупности должны были получить 745 статей (ходившихъ изъ оброка въ суммѣ 376 р.), числившихся въ пашнѣ и сѣнокосахъ у крестьянъ въ общихъ межахъ, и 190 статей (на сумму оброка 725 р.), состоявшихъ изъ особыхъ участковъ. Но насколько эти предположенія были приведены въ исполненіе—остается невыясненнымъ.

Между тѣмъ въ Департаментъ начали поступать прошенія отъ удѣльныхъ крестьянъ—непосредственно или по представленіямъ мѣстныхъ экспедицій—объ отдачѣ имъ, по силѣ Высочайшаго повелѣнія 10 января 1803 г., въ безоброчное пользованіе тѣхъ или другихъ оброчныхъ статей. При этомъ нѣкоторыя экспедиціи, находя затруднительнымъ выполненіе требованія закона, составили планъ передачи этихъ статей наиболѣе нуждающимся селеніямъ безъ производства предварительнаго подробнаго изслѣдованія. Такъ, Костромская Экспедиція въ 1806 г. предложила Департаменту проектъ передачи крестьянамъ ея вѣ-

домства оброчныхъ статей, составленный землемѣромъ Мельниковымъ, хотя и познакомившимся на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, но не успѣвшимъ произвести измѣренія земель въ натурѣ. Департаментъ, въ видѣ общей мѣры, на такія предложенія не соглашался, ссылаясь на требованіе указа 10 января и предлагая въ свою очередь ускорить доставленіе необходимыхъ для исполненія этого указа свѣдѣній; но въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ виду особеннаго малоземелья крестьянъ, разрѣшалъ передачу имъ тѣхъ или другихъ оброчныхъ статей, хотя бы снятіе внутренней ситуаціи земель и не было закончено. Такъ напр., безземельные крестьяне с. Краснаго костромской губ., въ числѣ 16 душъ, въ 1802 г. получили въ безоброчное владѣніе 149 дес. земли, состоявшей въ ихъ безпереоброчномъ пользованіи; въ 1803 г. двѣ небольшія оброчныя земельныя статьи были отданы въ безоброчное владѣніе крестьянамъ с. Набаева и д. Ардатова симбирской губ.; въ 1805 г. крестьяне дд. Филяевской и Городище вологодской губ. получили оброчную сѣнокосную статью, раньше приносившую Удѣламъ 11 р. дохода. Крестьяне коломенской волости московской губ., въ числѣ 1845 душъ, въ пользованіи которыхъ находилось всего по 2 дес. земли на душу, получили, по силѣ указа 11 ноября 1797 г., въ безоброчное пользованіе 349 дес. пашенной и сѣнокосной земли и, по Высочайшему указу 1 іюля 1803 г., мельницу съ рыбною ловлею, приносившія доходу 2228 р. въ годъ, а въ 1805 г.—рыбную ловлю, ходившую въ оброкѣ за сумму 4 р. 20 к. Въ 1819 г. крестьянамъ коломенскаго и другихъ приказовъ московскаго имѣнія, въ уваженіе недостатка у нихъ земли, были возвращены рыбныя ловли, зачисленныя въ 1810 г. въ число удѣльныхъ оброчныхъ статей. Въ 1824 г. крестьянамъ покровскаго и велейскаго приказовъ опочецкаго уѣзда псковской губ. были отданы въ безоброчное владѣніе рыбныя ловли, причисленныя въ 1822 г. въ число удѣльныхъ оброчныхъ статей и сдававшіяся въ аренду за 400 р. въ годъ, и т. д. Судя по тому факту, что, несмотря на приращеніе удѣльныхъ земель путемъ покупки ихъ у частныхъ лицъ, общая площадь оброчныхъ земель съ 150 тыс. дес. въ началѣ текущаго столѣтія сократилась до 75 тыс. дес. къ началу 30-хъ гг. (между прочимъ, изъ списка этихъ статей исчезло 80 тыс. дес. въ новгородской губ., приносившихъ въ началѣ вѣка 1500 руб. дохода), слѣдуетъ полагать, что передача малоокладныхъ оброчныхъ земель крестьянамъ,

по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ, производилась въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Кромѣ отведенія крестьянамъ оброчныхъ статей въ ихъ постоянное безоброчное пользованіе, малоземельные удѣльные крестьяне нерѣдко освобождались отъ обложенія оброкомъ мельницъ и другихъ статей, вновь устроенныхъ ими безъ вѣдома начальства. Такъ, въ 1810 г. Департаментъ Удѣловъ оставилъ въ безоброчномъ владѣніи крестьянъ, впредь до надѣленія ихъ узаконенной пропорціей земли, 390 мельницъ, самовольно устроенныхъ крестьянами селеній вятскаго имѣнія, имѣвшими менѣе 6 дес. на душу; а въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія сдѣлано было распоряженіе о невведеніи въ оброкъ вѣтряныхъ мельницъ, самовольно устроенныхъ въ прежнее время крестьянами, и о единовременномъ вмѣсто того взысканіи съ устроителей такихъ мельницъ какой либо платы, сообразно приносимому мельницами доходу и личному усмотрѣнію управляющихъ удѣльными конторами.

На ряду съ передачей оброчныхъ статей въ безоброчное пользованіе крестьянъ, удѣльная администрація отдавала нѣкоторымъ малоземельнымъ селеніямъ, по ихъ ходатайствамъ, разнаго рода оброчныя статьи на срокъ или на неопредѣленное время (напр. до надѣленія ихъ узаконенной пропорціей земли) за умѣренную плату, не подлежавшую дальнѣйшему возвышенію. Все это было какъ бы дополнительнымъ средствомъ, нѣсколько вознаграждавшимъ крестьянъ за недостатокъ у нихъ земельныхъ угодій. Такъ напр., въ 1805 г. крестьяне дер. Селищъ алатырскаго уѣзда, имѣвшіе по 4 дес. земли на душу, получили въ безпереоброчное пользованіе пустошь, приносившую Удѣламъ 32 р. въ годъ дохода; крестьяне д. Батюниной коломенскаго приказа московской губерніи въ 1805 г. получили въ безпереоброчное владѣніе рыбную ловлю, отчисленную отъ нихъ въ число оброчныхъ статей, при переименованіи крестьянъ изъ дворцовыхъ въ удѣльные, и сдававшуюся въ аренду изъ годоваго оброка въ 50 р.; въ 1811 г. въ безпереоброчное владѣніе получили рыбную ловлю крестьяне дер. Курьяновой того же приказа изъ годоваго платежа въ 20 р.; въ 1814 г. крестьянамъ дер. Юрихи вятскаго имѣнія предоставлена была въ безпереоброчное пользованіе мельница изъ годоваго платежа въ 16 р. 50 к. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оброчныя статьи отдавались крестьянамъ впредь до надѣленія ихъ узаконенной пропорціею земли.

Въ 1809 г. вновь былъ возбужденъ вопросъ объ общей передачѣ крестьянамъ малоокладныхъ оброчныхъ статей. Управляющій Псковской Конторой доносилъ Департаменту, что крестьяне подвѣдомственнаго ему имѣнія, нуждаясь въ землѣ, снимали оброчныя удѣльныя статьи, взятыя въ аренду частными лицами, съ надбавкой противъ цѣнъ, уплачивавшихся этими послѣдними Удѣламъ. Для избѣжанія описаннаго явленія въ будущемъ, управляющій предлагалъ отдать малоокладныя оброчныя статьи въ вѣчное владѣніе крестьянъ. Департаментъ по данному вопросу разъяснилъ (и сообщилъ это для руководства всѣмъ управляющимъ циркуляромъ 21 февраля 1810 г.), что, такъ какъ, съ преобразованіемъ (въ 1808 г.) хозяйственнаго управленія удѣльными имѣніями, малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ предположено надѣлить изъ казенныхъ угодій (см. объ этомъ ниже), такъ какъ затѣмъ отъ всѣхъ управляющихъ ожидались описныя книги, по которымъ можно судить о мѣрѣ потребности крестьянъ въ землѣ и о томъ, гдѣ и какія существовали малоокладныя оброчныя статьи, — то онъ не считалъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе о немедленной передачѣ этихъ статей крестьянамъ. Но, чтобы предупредить повтореніе явленія, о которомъ доносилъ управляющій псковскимъ имѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить положеніе малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ, Департаментъ предписывалъ, во 1-хъ, отдавать малоокладныя оброчныя статьи, по цѣнамъ, опредѣлившимся на торгахъ, удѣльнымъ селеніямъ (если они пожелаютъ), а не частнымъ съемщикамъ; во 2-хъ, отдавать малоземельнымъ селеніямъ не взятыя въ аренду оброчныя статьи, назначивъ за нихъ плату по послѣднему окладу, безъ переторжки.

Но если бы даже Высочайшее повелѣніе 10 января 1803 г. было выполнено и быстро, то оно всетаки не оказало бы замѣтнаго вліянія на благосостояніе крестьянъ, такъ какъ къ отдачѣ въ пополненіе недостатка у нихъ земли предназначались, хотя и многочисленныя (числомъ 3716), но очень мелкія статьи. Передъ Департаментомъ Удѣловъ поэтому возникалъ вопросъ объ изысканіи иныхъ средствъ для увеличенія надѣловъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Одно изъ этихъ средствъ найдено было въ производившемся въ то время размежеваніи земель въ саратовской, симбирской и оренбургской губерніяхъ. Согласно общему закону, вмѣстѣ съ размежеваніемъ производилось дополненіе надѣловъ казенныхъ крестьянъ до узаконенной пропорціи, а Высочайше конфирмованнымъ 14 августа 1798 г.

докладомъ Правительствующаго Сената повелѣно было отводить при этомъ по 15 дес. на душу (за извѣстную плату съ помѣщиковъ) также на владѣльческихъ крестьянъ; относительно же удѣльныхъ крестьянъ не было сдѣлано никакого распоряженія. Между тѣмъ оренбургская губ., въ которой производилось межеваніе, обратила на себя особенное вниманіе Департамента Удѣловъ благодаря тому обстоятельству, что нѣсколько тысячъ удѣльныхъ крестьянъ обитали здѣсь на земляхъ, арендуемыхъ ими у башкиръ, которые нерѣдко продавали занятые ими участки, а новые владѣльцы притѣсняли крестьянъ и сгоняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ. Изыскивая мѣры благоустройства этихъ крестьянъ, Вятская Экспедиція обратила вниманіе на производившееся въ оренбургской губ. размежеваніе и возбудила вопросъ о распространеніи права на дополнительную нарѣзку при межеваніи земли на удѣльныхъ крестьянъ оренбургской губерніи. Департаментъ Удѣловъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ 12 марта 1800 г., и 26 іюня 1801 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому въ отношеніи надѣленія землей въ трехъ вышеназванныхъ наиболѣе, впрочемъ, многоземельныхъ губерніяхъ удѣльные крестьяне уравнивались съ казенными *).

§ 116 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“ указывалъ другое средство дополненія надѣловъ малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ, заключавшееся въ прикупкѣ недостающей земли изъ частныхъ или казенныхъ владѣній, и Департаментъ Удѣловъ не замедлилъ воспользоваться этимъ указаніемъ. Что касается покупки частновладѣльческихъ земель, — о чемъ у насъ уже была рѣчь, — то таковая могла производиться только медленно, по мѣрѣ случайно открывавшихся предложеній земли со стороны отдѣльныхъ владѣльцевъ въ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ удѣльнымъ селеніямъ. Поэтому, не пренебрегая этимъ способомъ частнаго удовлетворенія нужды въ землѣ крестьянъ отдѣльныхъ селеній, Департаментъ Удѣловъ главное вниманіе обратилъ, однако, на свободныя казенныя земли, занимавшія обширныя сплошныя пространства, и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ пріобрѣтенія ихъ путемъ купли въ собственность Удѣловъ.

Такъ, 11 сентября 1800 г. Департаментъ Удѣловъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ объ отчужденіи въ удѣльное

*) П. С. З. № 19930.

вѣдомство за установленную плату казенныхъ оброчныхъ и пустопорожнихъ земель близъ удѣльныхъ имѣній въ псковской, тамбовской и саратовской губ. (о существованіи этихъ земель Департаментъ получилъ свѣдѣнія отъ удѣльныхъ экспедицій), а также просилъ сообщить, нѣтъ ли и по другимъ губерніямъ свободныхъ земель для переселенія на нихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Отвѣтомъ на это ходатайство Департамента Удѣловъ было появленіе указа Правительствующаго Сената 2 сентября 1801 г., которымъ было разъяснено, что для надѣленія узаконенной пропорціей казенныхъ крестьянъ не доставало въ псковской губ. 809515 дес., а въ тамбовской болѣе 56000 дес.; излишняя же земля находилась только въ губерніяхъ новгородской. пермской, саратовской, астраханской, оренбургской и новороссійской. Въ виду такого положенія дѣла обезпеченія землей казенныхъ крестьянъ, Сенатъ не считалъ возможнымъ приступить къ продажѣ казенныхъ земель въ тамбовской и псковской губ.; по отношенію же саратовской губ. этотъ вопросъ уже получилъ разрѣшеніе въ Высочайшемъ указѣ 26 іюня 1801 г. (см. выше).

19 декабря 1801 г. Департаментъ Удѣловъ опять вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ подобнымъ же представленіемъ, но уже по отношенію къ казеннымъ оброчнымъ землямъ воронежской губ. (гдѣ по его исчисленію находилось таковыхъ около 44000 дес.). Рѣшеніемъ 12 мая 1802 г. Сенатъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе Межеваго Департамента и, хотя дальнѣйшая его судьба въ этомъ учрежденіи намъ неизвѣстна, но нѣтъ никакихъ указаній и на то, чтобы въ воронежской губ. для удѣльныхъ крестьянъ были отведены казенныя угодья.

Такимъ образомъ, заботы Департамента Удѣловъ о надѣленіи подвѣдомственныхъ ему крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли изъ казенныхъ владѣній привели къ удовлетворительнымъ результатамъ общаго характера лишь относительно трехъ и притомъ наиболѣе многоземельныхъ губерній. Что же касается большей части удѣльныхъ имѣній, то по отношенію къ нимъ предстояло, повидимому, ограничиваться нѣкоторымъ смягченіемъ малоземелья крестьянъ, путемъ удовлетворенія требованій отдѣльныхъ селеній о переселеніи на свободныя удѣльныя земли, имѣвшіяся вообще въ крайне ограниченномъ количествѣ, покупкой случайно продававшихся земель у частныхъ владѣльцевъ *), или

*) Какъ сказано выше, за время съ начала текущаго столѣтія до 60-хъ годовъ Удѣлами пріобрѣтено было до 200 тыс. дес. незаселенныхъ частновладѣльческихъ земель.

путемъ отдѣльныхъ ходатайствъ для той или другой группы крестьянъ относительно отведенія земель казеннаго вѣдомства.

Въ первое время казалось, что въ рукахъ Удѣловъ останется значительная площадь свободной земли послѣ надѣленія 15-ти десятинною пропорціею удѣльныхъ крестьянъ саратовской губ. (гдѣ при нѣкоторыхъ удѣльныхъ селеніяхъ, какъ это указано выше, находилось въ среднемъ больше 28 дес. на душу). Этого естественно было ожидать, потому что, при пріемѣ въ Удѣлы саратовскаго имѣнія, мѣстная казенная палата передала экспедиціи также состоявшіе при удѣльныхъ селеніяхъ нарѣзы земли для будущихъ поселеній. Но, при генеральномъ размежеваніи начала восьмисотыхъ годовъ, эти нарѣзы, послѣ удовлетворенія удѣльныхъ крестьянъ узаконенною пропорціею, были отмежеваны въ казенное вѣдомство на томъ основаніи, что они предназначались не для удѣльныхъ только, но и для казенныхъ крестьянъ, жившихъ въ однихъ съ ними селеніяхъ.

Оставалось и этотъ вопросъ внести на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, причемъ Департаментъ Удѣловъ испрашивалъ повелѣнія объ отрѣзкѣ въ удѣльное вѣдомство части излишнихъ земель, пропорціональной числу удѣльныхъ крестьянъ въ соотвѣтствующихъ селеніяхъ, для переселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній.

Указомъ 28 мая 1803 г. Правительствующій Сенатъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ на основаніи тѣхъ соображеній, какими онъ руководствовался при отклоненіи требованія удѣльнаго вѣдомства о примѣненіи къ подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ Высочайшаго повелѣнія 11 ноября 1797 г. (см. стр. 18).

Между тѣмъ испытывавшіе нужду въ землѣ удѣльные крестьяне обращались по начальству съ ходатайствами о дозволеніи имъ переселяться на тѣ или другія отысканныя ими казенныя статьи, по преимуществу въ оренбургскую и саратовскую губ., а пока шла объ этомъ переписка, многіе изъ нихъ самовольно переселялись на пустующія казенныя земли. Между прочимъ, Тамбовская Удѣльная Экспедиція въ 1804 г. представляла Департаменту о разрѣшеніи переселенія 147 душъ крестьянъ разныхъ селъ тамбовской губ. на казенную землю близъ удѣльнаго селенія Александровскій Гай саратовской губ., гдѣ имѣлось до 3-хъ мил. десятинъ пустопорожней земли.

Эти настоятельныя требованія крестьянъ, вмѣстѣ съ извѣстіями о наличности обширныхъ незанятыхъ пространствъ казен-

ныхъ земель, не давали заглохнуть мысли о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ угодій, несмотря на то, что нѣкоторыя уже сдѣланныя по этому предмету предположенія Департамента не получили правительственнаго утвержденія. Такъ, по отношенію къ только что упомянутому представленію Тамбовской Экспедиціи, Министръ Удѣловъ повелѣлъ—не разрѣшая частныхъ переселеній—собрать свѣдѣнія о всѣхъ крестьянахъ, ходатайствовавшихъ о переселеніи на пустопорожнія земли саратовской губ., и сдѣлать расчетъ о количествѣ требуемой для нихъ земли. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что по 4 приказамъ тамбовской губ. крестьяне имѣли отъ 7 до 10 дес. на душу, а по остальнымъ—отъ 3 до 5 дес. и что для удовлетворенія всѣхъ крестьянъ тамбовской губ. 15 дес. пропорціею требовалось 203.786 дес.; считая же и нужду въ землѣ крестьянъ, сосѣднихъ съ нею воронежской и симбирской губ.,—общая потребность въ землѣ района, тяготѣвшаго къ саратовской губ., исчислялась въ 300.000 дес.

Получивъ эти свѣдѣнія, Департаментъ Удѣловъ вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о назначеніи ему въ саратовской губ. 300.000 дес. для переселенія малоземельныхъ крестьянъ тамбовской, воронежской и симбирской губ., на что и было получено разрѣшеніе 26 октября 1805 г.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ возможность нѣсколько ослабить малоземелье крестьянъ центральныхъ губерній, Департаментъ Удѣловъ 23 ноября 1805 г. предписалъ Тамбовской и Казанской Экспедиціямъ собрать свѣдѣнія о крестьянахъ, желавшихъ переселиться на вышеупомянутую землю, съ тѣмъ что имъ будетъ дана льгота въ платежѣ оброка.

Между тѣмъ, по осмотрѣ предназначенной къ отводу въ Удѣлы земли близъ с. Александровскій Гай, было найдено, что она негодна для хлѣбопашества. Послѣ того Департаментъ Удѣловъ 2 марта 1807 г. предписалъ пріостановить принятыя мѣры для переселенія крестьянъ и въ тоже время началъ собирать свѣдѣнія относительно казенныхъ земель въ вольскомъ и хвалынскомъ уѣздахъ, указанныхъ Тамбовской Экспедиціей, какъ болѣе удобныхъ для поселенія. Но хотя переселеніе удѣльныхъ крестьянъ на земли близъ села Александровскій Гай было запрещено,—начатое разъ движеніе продолжало развиваться само собой и въ 1809 г. на указанномъ участкѣ оказалось уже до 500 душъ самовольно поселившихся удѣльныхъ крестьянъ.

Описанныя мѣропріятія Департамента Удѣловъ по надѣленію подвѣдомственныхъ ему крестьянъ изъ казенныхъ земель на почвѣ дѣйствовавшаго законодательства увѣнчались, какъ мы видѣли, не полнымъ успѣхомъ. Правительствующій Сенатъ не призналъ, чтобы Высочайшее повелѣніе 11 ноября 1797 г. о дополненіи надѣловъ крестьянъ въ узаконенную пропорцію изъ казенныхъ земель обнимало удѣльныхъ крестьянъ, и благодаря этому удѣльное вѣдомство лишилось возможности наиболѣе успѣшно разрѣшить общій вопросъ о малоземеліи подвѣдомственныхъ ему крестьянъ и должно было ограничиваться частными на этотъ счетъ мѣропріятіями. Одно изъ такихъ частныхъ средствъ удовлетворенія потребности удѣльныхъ крестьянъ въ землѣ дано было дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства относительно расширенія землевладѣнія казенныхъ крестьянъ.

Въ уставѣ о лѣсахъ 11 ноября 1802 г. было сказано, что, въ случаѣ недостатка оброчныхъ статей для надѣленія малоземельныхъ казенныхъ крестьянъ, по силѣ указа 11 ноября 1797 г., это надѣленіе должно было производиться изъ казенныхъ лѣсовъ, а раньше того, въ Высочайшемъ указѣ 2 апрѣля 1801 г., повелѣно было всѣ лѣса, доставшіеся въ надѣлъ крестьянамъ (и переданные въ 1798 г. въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи), кромѣ корабельныхъ, изъять изъ распоряженія лѣснаго вѣдомства и передать волостнымъ правленіямъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ лѣсамъ, состоявшимъ въ казенномъ завѣдываніи, предстояло, во 1-хъ, отдѣлить опредѣленную площадь въ постоянное пользованіе крестьянъ, какъ источникъ лѣсныхъ матеріаловъ для ихъ домашнихъ надобностей, и во 2-хъ, назначить соотвѣтствующую часть лѣсовъ для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ узаконенною пропорціею угодій. Обѣ задачи были возложены на особо образованныя для этого лѣсныя комиссіи, и на первую очередь поставлено было исполненіе вышепоименованныхъ указовъ въ с.-петербургской, олонецкой и казанской губерніяхъ.

Между тѣмъ, около этого же времени, частью по ходатайствамъ крестьянъ, частью судебнымъ порядкомъ, возникли дѣла о стѣснительности для крестьянъ, занимавшихся лѣсными промыслами, уплаты въ казну, согласно указу 27 февраля 1799 г., пошлинъ за употребляемый на постройки барокъ лѣсъ и о привлеченіи къ отвѣтственности больше 1000 душъ удѣльныхъ крестьянъ шенкурскаго уѣзда архангельской губерніи за про-

тивозаконное употребленіе для смолокуренія стоящаго сосноваго лѣса, въ то время, какъ дозволялось гнать смолу только изъ пней, корней и валежника. Такъ какъ для крестьянъ названной губерніи, а также для населенія вологодской, вятской, олонецкой и нѣкоторыхъ волостей нижегородской, новгородской, костромской и рязанской губерній—по недостаточному развитію хлѣбопашества — лѣсные промыслы составляли важное подспорье въ хозяйствѣ, то для скорѣйшаго устраненія препятствій, стѣснявшихъ ихъ развитіе, рѣшено было снарядить лѣсныя комиссіи, прежде всего, въ перечисленныя мѣстности съ тѣмъ, чтобы въ губерніяхъ, гдѣ лѣсные промыслы составляли не повсемѣстное занятіе крестьянъ, онѣ ограничились отведеніемъ земли только лѣсопромышленнымъ селеніямъ, отлагая надѣленіе прочихъ крестьянъ до будущаго времени.

Лѣсныя комиссіи, дѣйствовавшія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр. архангельской), производили отдѣленіе крестьянскихъ лѣсовъ и дополненіе въ 15-ти десятинную пропорцію земли одинаково и казеннымъ, и удѣльнымъ крестьянамъ *). Въ другихъ же губерніяхъ возникъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ производить дополненіе надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ въ случаяхъ, когда имъ еще не были переданы оброчныя удѣльныя статьи, слѣдовавшія имъ по Высочайшимъ указамъ 11 ноября 1797 г. и 10 января 1803 г., и когда, поэтому, оставалось неизвѣстнымъ, сколько у нихъ было бы земли, если бы названныя статьи находились въ ихъ владѣніи. Лѣсной Департаментъ, на разрѣшеніе котораго комиссіи представили это дѣло, возбудилъ общій вопросъ относительно распространенія дѣятельности этихъ комиссій на удѣльныхъ крестьянъ и, представляя его въ 1806 г. на разрѣшеніе Министра Финансовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ лѣснымъ комиссіямъ всѣхъ губерній, кромѣ архангельской, пріостановить свои дѣйствія по отношенію къ удѣльнымъ дачамъ и заняться исключительно казенными селеніями. Въ архангельской же губерніи, какъ сказано, въ пользованіе удѣльныхъ крестьянъ было отведено 1.200.000 дес.

*) Тамъ, гдѣ генеральное межеваніе было закончено и потому было извѣстно, сколько въ пользованіи крестьянъ находилось земли, послѣдніе надѣлялись 15 дес. на душу; крестьянамъ же архангельской губерніи, гдѣ межеванія еще не производилось, отводились лѣсные участки для промысловъ во временное пользованіе (до производства межеванія). Въ архангельской губерніи удѣльнымъ крестьянамъ было такимъ образомъ отведено около 1.200.000 дес.

Прежде, однако, чѣмъ возбужденный Лѣснымъ Департаментомъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ указанномъ порядкѣ, 15 мая 1808 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго Положенія Департамента Удѣловъ, гдѣ заключались опредѣленныя указанія и относительно надѣленія удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ угодій. По § 137 „Положенія" удѣльные крестьяне уравнивались въ этомъ отношеніи съ казенными, а какъ мотивъ для уравненія приводилось, что удѣльные крестьяне несли казенныя подати и общія повинности, одинаковыя съ крестьянами казеннаго вѣдомства и одинаковыя съ тѣми, какія лежали на нихъ самихъ, когда они еще не были отдѣлены отъ общей массы государственныхъ имѣній и пользовались правомъ на дополненіе надѣловъ изъ оброчныхъ статей и лѣсныхъ угодій.

Изданіе новаго Положенія повело къ составленію новой инструкціи управляющимъ мѣстными отдѣленіями Удѣловъ (преобразованными изъ экспедицій въ конторы), въ которой на нихъ возлагалась обязанность, съ одной стороны, собирать свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ крестьяне каждаго селенія нуждались въ землѣ для удовлетворенія ихъ потребностей и „исполненія всѣхъ обязанностей крестьянскихъ", а съ другой—разузнавать о казенныхъ лѣсахъ, могущихъ служить для надѣленія малоземельныхъ селеній.

Въ первое время послѣ того, какъ удѣльные крестьяне получили право на прирѣзку земли изъ казенныхъ угодій, ходатайства предъ Министерствомъ Финансовъ о надѣленіи землей возбуждались обыкновенно по иниціативѣ самихъ крестьянъ и въ большинствѣ случаевъ относились не къ отводу земли на мѣстѣ ихъ жительства, а къ отдачѣ имъ облюбованныхъ ими участковъ въ многоземельныхъ губерніяхъ. Нужда крестьянъ въ землѣ была такъ велика и положеніе ихъ на родинѣ настолько стѣснительно, что они не могли спокойно ожидать окончанія переписки о нихъ между двумя вѣдомствами и очень часто переселялись прежде, чѣмъ были соблюдены требуемыя для этого формальности, причемъ нерѣдко переселеніе осуществлялось въ такихъ случаяхъ, когда удѣльное вѣдомство отказывало крестьянамъ въ ихъ ходатайствѣ. Принимая вообще строгія мѣры противъ самовольныхъ переселеній, удѣльное начальство, однако, иногда примирялось съ совершившимся фактомъ, ходатайствовало передъ Министерствомъ Финансовъ объ отведеніи переселенцамъ земли, если вопросъ объ этомъ рѣшенъ еще не былъ, и надѣляло ихъ узаконенной пропорціей,

если постановленіе объ этомъ казенной палаты уже состоялось. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ отведенія казенныхъ земель той или другой группѣ ходатайствовавшихъ о томъ крестьянъ, въ это время состоялось распоряженіе Правительствующаго Сената о назначеніи для удѣльныхъ крестьянъ сплошной площади въ 71786 дес. земли въ хвалынскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, изъ которой въ 1810 г. было уже отмежевано, а затѣмъ и заселено 15 тыс. дес.

Вскорѣ, однако, должны были прекратиться и эти частныя мѣропріятія Удѣловъ: 27 мая 1810 г. опубликованъ былъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, заключалось повелѣніе объ отдѣленіи части государственныхъ имуществъ для продажи въ теченіе 5 лѣтъ съ цѣлью составленія капитала погашенія долговъ; а въ предупрежденіе возможныхъ при этомъ замѣшательствъ Министръ Финансовъ, согласно рѣшенію Сената, распорядился (28 февраля 1811 г.) пріостановленіемъ вообще надѣленія крестьянъ малоземельныхъ губерній казенными оброчными землями. Послѣ этого Департаментъ Удѣловъ указомъ 9 августа 1811 г. предписалъ управляющимъ имѣніями прекратить „всѣ представленія о надѣленіи состоящихъ въ ихъ вѣдомствѣ крестьянъ землями и лѣсами изъ казенныхъ имуществъ, а равнымъ образомъ по переселеніямъ на оныя впредь до воспослѣдованія общаго по сему предмету положенія“.

Правительственная отмѣна запрещенія надѣленія казенныхъ крестьянъ послѣдовала 4 іюня 1824 г. *); удѣльное же вѣдомство возобновило ходатайства по этому предмету въ 1814 г. (по прошествіи назначеннаго Высочайшимъ манифестомъ 10 мая 5-ти лѣтняго срока для продажи казенныхъ земель). При этомъ Департаментъ Удѣловъ не ограничился, какъ это было раньше, частными представленіями по отдѣльнымъ прошеніямъ крестьянъ. а возбудилъ общій вопросъ о дополненіи ихъ надѣловъ до узаконенной нормы.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было ходатайство Департамента Удѣловъ о распоряженіи относительно надѣленія удѣльныхъ крестьянъ сначала изъ ихъ же лѣсныхъ дачъ, а гдѣ таковыхъ было недостаточно—изъ казенныхъ лѣсовъ узаконенной пропорціей земли. Министръ Финансовъ разрѣшилъ удовлетворить это ходатайство. Черезъ три года, когда казеннымъ палатамъ были доставлены всѣ свѣдѣнія (о надѣлахъ удѣльныхъ крестьянъ), необходимыя для приведенія въ исполненіе предположеннаго мѣро-

*) П. С. З. № 29942.

пріятія, — на запросъ Департамента Удѣловъ, 30 сентября 1818 г., получено было извѣщеніе, что Министерство Финансовъ предписало казеннымъ палатамъ, чтобы онѣ, по сношеніи съ управляющими удѣльными конторами и съ оберъ-форстмейстерами, дали заключеніе о томъ, какія казенныя земли и оброчныя статьи могли быть въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ назначены для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ. При этомъ имъ поставлялось на видъ, что, по принятымъ правиламъ, удѣльнымъ крестьянамъ не должны быть отдаваемы: 1) земли, расположенныя внутри дачъ казенныхъ селеній или прилежащія къ послѣднимъ — если казенные крестьяне не имѣли узаконенной пропорціи земли, или если бы эту землю они пожелали получить взамѣнъ той, какою они пользовались, и 2) земли, занятыя корабельнымъ лѣсомъ на пространствѣ въ обѣ стороны отъ большихъ рѣкъ на 100 вер., а отъ ихъ малыхъ притоковъ на 25 вер. Что же касается вопроса о дозволеніи удѣльнымъ крестьянамъ—въ пополненіе недостатка у нихъ пашень и покосовъ—обращать въ эти угодья собственные ихъ лѣса или тѣ, какіе имъ достанутся, согласно сдѣланному на этотъ счетъ распоряженію, то оберъ-форстмейстеры, совмѣстно съ назначенными для этого чинами удѣльныхъ конторъ, должны были опредѣлить, какіе именно участки (съ худшимъ лѣсомъ) могли быть обращаемы подъ расчистку.

Ходатайства объ отводѣ удѣльнымъ крестьянамъ, на основаніи изложенныхъ распоряженій, казенныхъ земель въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ со времени изданія Положенія о Департаментѣ Удѣловъ возбуждались во всѣхъ имѣніяхъ, кромѣ архангельскаго, владимірскаго и казанскаго. При этомъ первоначально удѣльныя конторы возбуждали ходатайства объ отведеніи свободныхъ казенныхъ земель на мѣстѣ, указывая и самыя статьи, могущія служить для этой цѣли (въ пензенской губ., напр., такихъ статей насчитывалось ими 72 тыс. дес., въ тамбовской губ. — 114 тыс. дес. и т. д.). Но казенныя палаты обыкновенно не удовлетворяли ихъ требованій, ссылаясь на то, что указываемые участки нужны для малоземельныхъ казенныхъ крестьянъ или находились въ спорѣ и т. д., и къ концу 20-хъ годовъ общее надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ назначено было только по с.-петербургскому и обѣщано по вятскому имѣнію; по шести другимъ полученъ былъ рѣшительный отказъ, а по остальнымъ—дѣла находились въ разсмотрѣніи казенныхъ палатъ.

Убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что на болѣе или менѣе значительное дополненіе надѣловъ малоземельныхъ крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства разсчитывать нечего *), Департаментъ Удѣловъ обратился къ другому средству для достиженія той же цѣли: переселенію крестьянъ на казенныя земли въ многоземельныя губерніи.

Одной изъ причинъ крайне медленнаго хода дѣла объ отведеніи удѣльнымъ крестьянамъ казенныхъ угодій была невыясненность правъ удѣльныхъ крестьянъ на казенную землю, сравнительно съ правами крестьянъ государственныхъ, и неполное согласіе въ мнѣніяхъ по этому предмету среди высшихъ правительственныхъ учрежденій. Благодаря этому обстоятельству, являвшіяся время отъ времени правительственныя распоряженія о надѣленіи казенныхъ крестьянъ не распространялись сразу на крестьянъ удѣльныхъ, и удѣльному вѣдомству неоднократно приходилось доказывать, что подвѣдомственные ему крестьяне имѣли такое же право на казенную землю, какъ и государственные. Такимъ образомъ, въ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ государственныя земли, существовала тенденція считать послѣднія предназначенными преимущественно для казенныхъ крестьянъ, и они стремились, по возможности, ограничить отводъ этихъ земель въ удѣльное вѣдомство. Послѣднее, однако, не переставало настаивать на удовлетвореніи своихъ требованій, такъ какъ имѣвшагося у него запаса земель было далеко недостаточно для обезпеченія размножавшагося населенія; и Министерства—Финансовъ, а позже Государственныхъ Имуществъ, видя эту недостаточность, должны были, наконецъ, примириться съ вызываемыми ею настоятельными требованіями отведенія въ Удѣлы свободныхъ казенныхъ земель и въ большей или меньшей степени удовлетворять ихъ.

Но съ теченіемъ времени, когда былъ произведенъ размѣнъ имѣній Удѣловъ съ казной, причемъ въ казенное вѣдомство перешли наиболѣе малоземельныя удѣльныя имѣнія, а Удѣлы получили (въ симбирской губерніи) большія пространства свободныхъ угодій,—положеніе вопроса объ обезпеченіи удѣльныхъ крестьянъ землей фактически испытало существенныя измѣненія, повліявшія и на принципіальную постановку вопроса объ отводѣ удѣльнымъ крестьянамъ казенныхъ угодій. Именно, 2 іюля 1847 г. Высочайше утвержденъ былъ докладъ Министровъ Император-

*) Незначительные же отводы земли для удѣльныхъ крестьянъ имѣли мѣсто во многихъ губерніяхъ.

скаго Двора и Государственныхъ Имуществъ, которымъ полагалось, при надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ, назначать преимущественно только свободныя удѣльныя земли и лишь въ случаѣ недостатка таковыхъ—обращаться къ землямъ казеннымъ. Отступленіе отъ этого допускалось лишь для архангельской губерніи.

Такъ какъ содержащееся въ этомъ докладѣ правило предполагалось распространить и на дѣла, находившіяся въ производствѣ, то вслѣдъ за Высочайшимъ его утвержденіемъ всѣ дѣла по отведенію удѣльнымъ крестьянамъ казенныхъ земель были прекращены, благодаря чему остались безъ утвержденія многіе надѣлы, въ натурѣ уже отведенные и на которыхъ даже образовались поселенія, а въ вятской губерніи до 1000 душъ удѣльныхъ крестьянъ подверглись мѣрамъ принудительнаго выселенія. Это обстоятельство вызвало Высочайшее повелѣніе 19 декабря 1858 г. о нераспространеніи правилъ надѣленія удѣльныхъ крестьянъ 2 іюля 1847 г. на дѣла, по которымъ казенныя земли были уже отведены крестьянамъ, но формально еще не были утверждены за ними [2]).

Послѣ сдѣланнаго краткаго очерка отношеній между удѣльнымъ вѣдомствомъ и учрежденіями, завѣдывавшими государственными имуществами, по общему вопросу о дополненіи изъ казенныхъ земель надѣловъ малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ, перейдемъ къ ознакомленію въ самыхъ общихъ чертахъ съ фактическимъ положеніемъ этого дѣла въ отдѣльныхъ имѣніяхъ.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать черноземныя губерніи, населеніе которыхъ занималось почти исключительно хлѣбопашествомъ, и нечерноземныя, гдѣ земледѣліе комбинировалось съ промыслами. Тотъ и другой районы подраздѣлялись въ свою очередь на густо и рѣдко населенныя мѣстности.

Въ густо населенныхъ промышленныхъ губерніяхъ нечерноземной полосы (московская, владимірская и др.) нельзя было ожидать сколько нибудь значительнаго отвода удѣльнымъ крестьянамъ казенныхъ земель; но здѣсь населеніе меньше и нуждалось въ увеличеніи надѣловъ, издавна приспособившись къ разнаго рода промышленнымъ занятіямъ. Въ нечерноземныхъ рѣдко населенныхъ сѣверныхъ губерніяхъ земледѣліе составляло главное занятіе жителей. и хотя послѣдніе не могли при этомъ обойтись безъ подсобнаго заработка, но таковой заключался по преимуществу въ разнаго рода лѣсныхъ промыслахъ, которымъ населеніе отдавалось въ

зимнее время и которые не отвлекали его отъ хлѣбопашества. Здѣсь, однако, земельный вопросъ осложнялся тѣмъ обстоятельствомъ, что земля служила крестьянину не только полемъ приложенія его земледѣльческаго труда, но и источникомъ матеріаловъ для подсобныхъ занятій, а также тѣмъ, что свободный земельный фондъ состоялъ главнымъ образомъ изъ лѣсовъ, для сохраненія которыхъ принимались спеціальныя мѣры. Поэтому вопросъ о дополненіи надѣловъ малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ получилъ здѣсь особый оттѣнокъ и на ряду съ мѣрами общаго характера здѣсь имѣли примѣненіе мѣры спеціальныя (отводъ лѣсовъ для промысловъ, облегченіе производства лѣсныхъ расчистокъ и т. п.).

Совершенно въ иномъ положеніи находился земельный вопросъ въ центральномъ черноземномъ районѣ. Губерніи этой области принадлежали къ числу наиболѣе густо населенныхъ, гдѣ и надѣлы крестьянъ были крайне недостаточны, и запасъ свободныхъ казенныхъ земель ограниченъ. Нужда въ землѣ крестьянъ подобныхъ удѣльныхъ имѣній была крайне настоятельна и требованіями преимущественно этихъ-то районовъ вызывались многочисленныя ходатайства удѣльнаго вѣдомства о надѣленіи крестьянъ казенными землями. По бѣдности этихъ губерній свободными казенными угодьями, пополненіе недостаточныхъ надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ могло быть достигнуто лишь переселеніемъ ихъ въ многоземельныя губерніи. Поэтому вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ этихъ районовъ землей выдвигалъ на первый планъ вопросъ о переселеніи и о мѣрахъ его регулированія.

Надлежащее же разрѣшеніе вопроса о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли всего легче могло быть достигнуто въ многоземельныхъ восточныхъ черноземныхъ и получерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ было много пустующихъ казенныхъ и башкирскихъ земель.

Выше было сказано, что ходатайства удѣльнаго вѣдомства объ отводѣ для удѣльныхъ крестьянъ казенныхъ земель были возбуждены относительно большей части удѣльныхъ имѣній; но особенно настоятельны были требованія о томъ со стороны крестьянъ центральной черноземной полосы, большая часть которыхъ (въ количествѣ 17000 душъ) находилась въ пензенской и тамбовской губерніяхъ, отличавшихся одновременно и рѣзко выра-

женнымъ малоземельемъ большей части населенія *), и малымъ распространеніемъ подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ. Увеличеніе надѣловъ крестьянъ этихъ имѣній обращало, поэтому, на себя преимущественное вниманіе удѣльнаго вѣдомства.

Первоначально удѣльная администрація предполагала достигать этой цѣли главнымъ образомъ путемъ отведенія крестьянамъ земли на мѣстахъ постояннаго ихъ жительства. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что, и по общему малоземелію центральныхъ черноземныхъ губерній, и по нерасположенію Министерства Финансовъ отдавать небольшой запасъ свободныхъ казенныхъ земель въ этихъ мѣстностяхъ въ другое вѣдомство, дополненіе надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ этой полосы на мѣстѣ не могло быть достигнуто въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ,—Удѣлы больше и больше обращались къ мѣрѣ переселенія подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ въ многоземельныя губерніи.

Идея о массовомъ выселеніи малоземельныхъ крестьянъ центральнаго района принята была удѣльнымъ вѣдомствомъ въ руководство въ послѣдующей его поземельной политикѣ не только потому, что надѣленіе этихъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли на мѣстѣ оказывалось невозможнымъ: эта мѣра представлялась необходимой еще и въ виду того, что за все время, пока удѣльное вѣдомство хлопотало о надѣленіи крестьянъ въ предѣлахъ ихъ постояннаго мѣстожительства, сами эти крестьяне не переставали подавать во всѣ инстанціи прошенія о разрѣшеніи имъ переселиться, и эти прошенія повторялись, несмотря на отказы Департамента Удѣловъ, ссылавшагося при этомъ на запрещеніе переселеній Высочайшимъ указомъ 17 іюня 1812 г. **) до приведенія въ извѣстность количества свободныхъ земель, на которыя можно бы водворять переселенцевъ, и на то, что Департаментъ самъ принимаетъ мѣры къ общему надѣленію удѣльныхъ крестьянъ. Такъ, частью самовольно, частью съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ, въ теченіе 1810—14 гг. изъ пензенской и тамбовской губерній переселились въ саратовскую и оренбургскую около 1800 душъ, въ 1826—28 гг. около 400 душъ, а въ 1830 г. изъ тамбовской губ. (въ саратовскую) 718 душъ. Практика жизни указывала и тѣ

*) Средній душевой надѣлъ крестьянъ пензенской губ., при пріемѣ ихъ въ Удѣлы, опредѣлялся въ 5,7 дес.; за исключеніемъ же 2000 душъ въ слободахъ при г. Краснослободскѣ, онъ понижался до 3,2 дес.

**) П. С. З. № 25150.

районы, куда надлежало направить малоземельныхъ крестьянъ центральныхъ губерній. Это были главнымъ образомъ оренбургская и саратовская губ. Такъ, почти во всѣхъ ходатайствахъ пензенскихъ крестьянъ испрашивалось разрѣшеніе на переселеніе въ оренбургскую губернію, а въ заявленіяхъ тамбовскихъ крестьянъ—преимущественно въ саратовскую губ.

Въ числѣ другихъ ходатайствъ о переселеніяхъ въ 1827 г. было ходатайство крестьянъ села Рыбкина и деревни Новыхъ Борковъ краснослободскаго уѣзда о разрѣшеніи имъ переселиться на пустопорожнюю землю при дачѣ Платовскій (Полтавскій тожъ) Редутъ оренбургскаго уѣзда. Входя съ ходатайствомъ по своему начальству, эти крестьяне подали о томъ же просьбу и оренбургскому военному губернатору, который призналъ возможнымъ поселить ихъ на вышеназванномъ участкѣ и увѣдомилъ удѣльное вѣдомство, что при дачѣ Платовскаго Редута считается 20337 дес. свободной земли. Получивъ эти свѣдѣнія, Министерство Удѣловъ вошло въ 1828 г. въ Министерство Финансовъ съ предложеніемъ о назначеніи всей свободной земли при Платовскомъ Редутѣ для малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ. Министръ Финансовъ сначала было не согласился на удовлетвореніе этого требованія, предложивъ, съ своей стороны, назначать участки особо всякій разъ, когда возникнетъ вопросъ о переселеніи удѣльныхъ крестьянъ и послѣ того какъ мѣстныя казенныя палаты признаютъ это переселеніе необходимымъ. Но послѣ особенныхъ настояній Министра Императорскаго Двора, указывавшаго на то, что число удѣльныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ узаконенной пропорціи земли, въ одной пензенской губ. простиралось свыше 23 тыс. душъ, изъ коихъ болѣе 18 тыс. имѣли менѣе 5 дес. на душу,—Министръ Финансовъ 6 іюня 1828 г. извѣстилъ Министра Двора о своемъ согласіи на предложеніе послѣдняго съ тѣмъ, чтобы переселенію на отводимую землю, согласно правиламъ, дѣйствовавшимъ въ предѣлахъ казеннаго вѣдомства, подлежали лишь крестьяне, имѣвшіе менѣе 5 дес. на душу. Но едва успѣли переселиться на отведенную землю 126 душъ пензенскихъ крестьянъ, какъ состоялось Высочайше утвержденное 16 января 1830 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о сосредоточеніи удѣльныхъ имѣній посредствомъ размѣна ихъ съ казной, а при составленіи проекта этого размѣна землю при дачѣ Платовскій Редутъ, по отдаленности отъ остальныхъ удѣльныхъ имѣній, предположено было передать въ казну.

Послѣ этого Министръ Императорскаго Двора представилъ на Высочайшее утвержденіе ходатайство объ отведеніи для малоземельныхъ крестьянъ до 100 тыс. дес. гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ оренбургскаго имѣнія и, согласно Высочайшему повелѣнію 30 сентября 1831 г., Оренбургская Казенная Палата, по сношеніи съ мѣстной удѣльной конторой, назначила для поселенія удѣльныхъ крестьянъ 100 тыс. дес. въ бузулукскомъ уѣздѣ, съ тѣмъ чтобы до дѣйствительнаго ихъ заселенія земля эта оставалась въ вѣдѣніи палаты.

Тотчасъ послѣ этого распоряженія начались переселенія удѣльныхъ крестьянъ, которые сами отыскивали здѣсь пригодные для себя участки, а Департаментъ Удѣловъ просилъ о включеніи ихъ въ число предназначенной для Удѣловъ площади. Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ переселилось около 1500 душъ изъ пензенской губ. и около 700 душъ изъ тамбовской. Но одновременно съ ними земля, о которой идетъ рѣчь, захватывалась и самовольными переселенцами, и число этихъ послѣднихъ было такъ велико, что Департаментъ Удѣловъ призналъ необходимымъ пріостановиться новыми переселеніями до приведенія въ извѣстность числа самовольныхъ поселенцевъ и количества остававшейся еще свободной земли. По произведенному на этотъ счетъ дознанію оказалось, что по 1836 г. въ бузулукскомъ уѣздѣ самовольно поселилось около 3000 душъ крестьянъ пензенской губ. и около 1500 душъ тамбовской губ.; изъ нихъ были надѣлены землей 1900 душъ, а остальные поселенцы не получили формально отведенныхъ надѣловъ.

Прежде чѣмъ рѣшенъ былъ вопросъ о надѣленіи всѣхъ этихъ крестьянъ, удѣльныя имѣнія 18 малоземельныхъ губ., въ томъ числѣ пензенской и тамбовской, были переданы въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Другимъ райономъ, привлекавшимъ переселенцевъ и преимущественно, какъ сказано, изъ тамбовскаго имѣнія, была саратовская губ. Саратовское удѣльное имѣніе и само по себѣ заключало извѣстное число малоземельныхъ крестьянъ; поэтому, одновременно съ ходатайствомъ объ отводѣ казенныхъ земель въ оренбургской губ. для переселенія малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ преимущественно пензенской губерніи, Департаментъ Удѣловъ хлопоталъ и о нарѣзкѣ для удѣльныхъ крестьянъ казенныхъ земель въ губерніи саратовской. По этимъ хлопотамъ въ 1829 г. было назначено для поселенія удѣльныхъ крестьянъ

$62^1/_2$ тыс. дес. излишней земли общаго владѣнія удѣльныхъ крестьянъ съ казенными, преимущественно при селеніяхъ Александровскій Гай и Малый Узень, изъ которыхъ удѣльное вѣдомство, за непригодностью къ поселенію, отказалось отъ 20 тыс. дес., а на остальную землю начало переселять крестьянъ нижегородскаго и преимущественно тамбовскаго имѣнія (изъ послѣдняго въ 1830 г. переселилось 718 душъ).

Въ это же время было возобновлено давно забытое дѣло объ отводѣ, согласно рѣшенію Правительствующаго Сената въ 1805 г., 300 тыс. дес. земли въ саратовской губ. для удѣльныхъ крестьянъ тамбовскаго, симбирскаго и воронежскаго имѣній. Отрѣзанная по этому рѣшенію земля по рѣкамъ Узеню и Иргизу, близъ села Александровскій Гай, какъ было объяснено выше, признана была неудобной для земледѣлія, и удѣльное вѣдомство отъ нея отказалось. Въ концѣ же 20-хъ годовъ, пересматривая описаніе этой земли, Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что она не такъ неудобна, какъ это предполагалось раньше, и возобновилъ въ Правительствующемъ Сенатѣ ходатайство о возвращеніи ея въ удѣльное вѣдомство. Хотя это ходатайство получило въ 1831 г. удовлетвореніе, но по новому осмотру земля была признана малоудобной и переселеніе на нее удѣльныхъ крестьянъ не состоялось, а въ 1836 г. крестьяне, для которыхъ предназначалась эта земля, отошли въ казенное вѣдомство.

Изъ того, что было говорено на предыдущихъ страницахъ, видно, что вопросъ о надѣленіи малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній изъ свободныхъ казенныхъ угодій поднимался главнымъ образомъ по отношенію къ крестьянамъ пензенской и тамбовской губерній; что оффиціальнымъ порядкомъ онъ здѣсь разрѣшался частью отводомъ казенныхъ земель въ оренбургской и саратовской губерніяхъ по отдѣльнымъ ходатайствамъ Департамента Удѣловъ, согласно просьбамъ о томъ крестьянъ, частью же переселеніемъ крестьянъ на землю, спеціально для этого Удѣламъ отведенную; что, кромѣ переселенія крестьянъ съ разрѣшенія начальства, существовали въ широкихъ размѣрахъ самовольныя переселенія и, наконецъ, что удѣльное вѣдомство избавилось отъ заботы объ удовлетвореніи потребности въ землѣ наиболѣе малоземельной части подвѣдомственныхъ ему крестьянъ тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ соотвѣтствующія имѣнія переданы были въ казну.

Довольно длинная переписка Министерства Удѣловъ съ Ми-

нистерствомъ Финансовъ происходила и по вопросу о дополненіи надѣловъ малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ симбирской губ., гдѣ такихъ крестьянъ было, впрочемъ, значительно меньше, нежели въ пензенской и тамбовской губерніяхъ. Но, прежде нежели въ этомъ отношеніи состоялось между двумя вѣдомствами опредѣленное соглашеніе, Удѣлы получили въ симбирской губ. обширныя площади казенныхъ земель, изъ которыхъ и могло быть произведено надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ.

Другой районъ съ чисто земледѣльческимъ населеніемъ удѣльныхъ имѣній составляли мѣстности восточной степной полосы и по отношенію къ нимъ мѣры надѣленія крестьянъ заключались въ слѣдующемъ.

Выше было сказано, что, согласно Высочайшему указу 26 іюня 1801 г.,—при генеральномъ размежеваніи земель въ саратовской и оренбургской губерніяхъ — удѣльнымъ крестьянамъ полагалось нарѣзывать землю въ размѣрѣ пятнадцати-десятинной пропорціи по душамъ 5 ревизіи. По этой нормѣ, по мѣрѣ хода межеванія, и производилось надѣленіе крестьянъ. Эта мѣра, однако, далеко не всегда вела къ увеличенію надѣловъ крестьянъ, такъ какъ излишняя при селеніяхъ земля сверхъ 15-ти десятинъ на душу отмежевывалась въ казну, а при многихъ удѣльныхъ селеніяхъ саратовской губ., какъ мы видѣли выше, находилось до 28 дес. на душу. Между тѣмъ, 16 іюня 1827 г. былъ изданъ сенатскій указъ о надѣленіи казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ по душамъ 7 ревизіи и, согласно ходатайству о томъ Саратовской Удѣльной Конторы, въ 1831 г. послѣдовало распоряженіе Министра Финансовъ о надѣленіи удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ по числу душъ 7 ревизіи за Волгой въ 15-ти-десятинную пропорцію, а по нагорной сторонѣ по 8 десят. на душу, и, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній отъ приказовъ, Саратовская Контора возбудила ходатайство о дополненіи въ 15-ти-десятинную пропорцію надѣловъ села Новоникольскаго царицынскаго уѣзда и многихъ селеній балаковскаго и мечетнаго приказовъ. Согласно этому ходатайству, въ 1837 г. было отведено для удѣльныхъ крестьянъ 10000 десят. казенной земли, а въ началѣ 40-хъ годовъ отмежевана земля 8-ми селеніямъ балаковскаго приказа и одному селенію каменскаго, всего для $3^1/_2$ тыс. душъ; въ отведеніи же дополнительнаго надѣла другимъ 9-ти селеніямъ тѣхъ же приказовъ было отказано. 3 ноября 1838 г. изданъ былъ указъ Правительствующаго Сената о правѣ казен-

ныхъ крестьянъ вообще на дополненіе ихъ надѣловъ по душамъ послѣдней ревизіи, послѣ чего удѣльное вѣдомство возбудило вопросъ о прирѣзкѣ земли, согласно этому указу, къ селеніямъ удѣльныхъ крестьянъ саратовскаго имѣнія, высчитавъ, что у 32950 душъ 8 ревизіи этого имѣнія въ 15-ти-десятинную пропорцію не доставало 187 тыс. десят. Министерство Государственныхъ Имуществъ не удовлетворило, однако, этого ходатайства потому, что всѣ селенія удѣльныхъ крестьянъ саратовской губерніи имѣли болѣе 5 десят. на ревизскую душу, а по принятымъ правиламъ дополненіе надѣловъ казенныхъ (а слѣдовательно и удѣльныхъ) крестьянъ до узаконенной нормы производилось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пользованіи крестьянъ состояло менѣе 5 десят. земли на душу. Не допуская, поэтому, нарѣзки удѣльнымъ крестьянамъ казенныхъ земель въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Министръ Государственныхъ Имуществъ сначала было предписалъ оставлять при удѣльныхъ и казенныхъ селеніяхъ запасные участки для надѣленія крестьянъ въ то время, когда, вслѣдствіе размноженія населенія, они перейдутъ въ разрядъ имѣющихъ менѣе 5 десят. на душу, до тѣхъ же поръ отдавать эти участки крестьянамъ въ оброчное содержаніе по оцѣнкѣ. Вскорѣ, однако, послѣ того, какъ это распоряженіе начало приводиться въ исполненіе, а именно въ 1843 г. послѣдовало предписаніе, запрещавшее палатѣ государственныхъ имуществъ входить въ какія-либо предположенія о назначеніи государственнымъ крестьянамъ-старожиламъ (а слѣдовательно и удѣльнымъ), имѣвшимъ во владѣніи не менѣе 5 десят., дополнительной нарѣзки земли; предназначенные же для этого участки велѣно было отдавать въ оброкъ обычнымъ порядкомъ (съ торговъ). Благодаря этому распоряженію, два удѣльныя селенія не получили участковъ, назначенныхъ имъ въ безпереоброчное пользованіе, согласно первому распоряженію Министра Государственныхъ Имуществъ.

Въ силу существованія правила, что нарѣзка крестьянамъ казенныхъ угодій допускалась лишь въ случаяхъ, когда они имѣли въ пользованіи менѣе 5 десят. земли на душу, многія въ сущности малоземельныя удѣльныя селенія саратовской губ. должны были оставаться при недостаточныхъ надѣлахъ. Это обстоятельство побудило Департаментъ Удѣловъ вновь поднять вопросъ о землѣ, предназначенной ему, согласно рѣшенію Правительствующаго Сената 8 ноября 1831 г., при с. Александровскій Гай, отъ которой онъ отказался, найдя ее недоста-

точно удобной. 16 февраля 1840 г. Департаментъ Удѣловъ вошелъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы вмѣсто этой земли Удѣламъ была отведена соотвѣтствующая площадь изъ земель, оставшихся за надѣленіемъ кочующихъ башкиръ въ николаевскомъ уѣздѣ. На это первоначально послѣдовалъ отвѣтъ, что, за неокончаніемъ спора съ башкирами, отведеніе этой земли въ удѣльное вѣдомство не можетъ имѣть мѣста. На повтореніе же требованія въ 1842 г. Министерство Государственныхъ Имуществъ отвѣтило разъясненіемъ, что земля, взамѣнъ которой удѣльное вѣдомство желало получить бывшія башкирскія угодья, назначалась для переселенія удѣльныхъ крестьянъ центральныхъ губерній, которые въ описываемый моментъ находились уже въ казенномъ завѣдываніи. Послѣ этого въ 1852 г. Департаментъ Удѣловъ постановилъ—ходатайство объ отводѣ Удѣламъ 300 тыс. десят. отложить [3]).

Дополнительной мѣрой, нѣсколько замѣнявшей увеличеніе надѣловъ у крестьянъ саратовской губ., служила отдача имъ на льготныхъ условіяхъ свободныхъ казенныхъ угодій въ оброчное содержаніе. Такъ, въ 1842 г. сдѣлано было распоряженіе объ отведеніи свободныхъ казенныхъ земель въ царицынскомъ, новоузенскомъ и николаевскомъ уѣздахъ (въ количествѣ 807 тыс. десят.), извѣстныхъ подъ названіемъ башкирскихъ, въ оброчное содержаніе преимущественно государственнымъ крестьянамъ, а за ихъ отказомъ—удѣльнымъ крестьянамъ за поручительствомъ ихъ начальства или гуртовщикамъ. По ходатайству Департамента Удѣловъ, подвѣдомственные ему крестьяне, по отношенію къ найму этихъ земель, были уравнены въ правахъ съ государственными. Въ 1850 г. сдѣланъ былъ новый шагъ въ томъ же направленіи смягченія малоземелья казенныхъ крестьянъ путемъ отдачи имъ во временное пользованіе оброчныхъ статей: 23 января этого года Высочайше было повелѣно свободныя казенныя земли, прилегавшія къ малоземельнымъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, отдавать въ пользованіе послѣднихъ, съ тѣмъ чтобы оброчная плата опредѣлялась путемъ ежегодной надбавки 1% къ старому окладу. По ходатайству Министра Двора, въ 1852 г. это Высочайшее повелѣніе было распространено и на удѣльныхъ крестьянъ саратовскаго имѣнія, получившихъ, такимъ образомъ, право брать казенныя земли въ оброчное содержаніе на 12 лѣтъ при соблюденіи тѣхъ же условій, на какихъ эти земли отдавались государственнымъ крестьянамъ, т. е. когда желавшіе

воспользоваться этимъ преимуществомъ—по недостатку надѣльной земли и другимъ причинамъ—будутъ признаны нуждающимися въ угодьяхъ. Въ виду этого о всякомъ такомъ случаѣ велѣно было представлять на разсмотрѣніе Министра Государственныхъ Имуществъ.

Другимъ удѣльнымъ имѣніемъ въ восточной степной полосѣ Россіи была оренбургская губернія.

Оренбургская губернія, несмотря на ея многоземелье вообще, принадлежала къ числу тѣхъ, которыя раньше другихъ обратили вниманіе удѣльнаго Департамента на земельное обезпеченіе подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Произошло это потому, что Удѣлы имѣли въ этой губерніи мало своихъ земель, а удѣльные крестьяне пользовались чужими угодьями. Такъ, почти изъ 13 тыс. душъ этихъ крестьянъ по 5 ревизіи, 7 тыс. жили на казенной землѣ, около $3^1/_2$ тыс. на башкирской и около $2^1/_2$ тыс. на земляхъ единственнаго или общаго владѣнія Удѣловъ съ людьми разныхъ вѣдомствъ.

Особенное вниманіе удѣльнаго начальства обращали на себя крестьяне, жившіе на башкирскихъ земляхъ. Поселились они здѣсь давно, на условіи, кромѣ небольшого единовременнаго взноса, платить собственникамъ земли годовой оброкъ. Условія заключались на опредѣленное время, безсрочно или на вѣчное владѣніе, причемъ условія, заключенныя приблизительно третьей частью крестьянъ, были засвидѣтельствованы въ присутственныхъ мѣстахъ, а большая часть крестьянъ пользовалась башкирскими землями по домашнимъ записямъ или по словеснымъ договорамъ. Съ теченіемъ времени собственники земель находили для себя выгоднымъ расторгать условія съ крестьянами и продавать землю постороннимъ лицамъ. Это вело къ столкновеніямъ крестьянъ съ новыми владѣльцами, которые стѣсняли ихъ въ хлѣбопашествѣ, требовали ухода съ давно насиженныхъ мѣстъ и т. п.

Такимъ образомъ, по отношенію къ этой части крестьянъ оренбургской губ. удѣльному вѣдомству предстояла двойная забота: доставить крестьянамъ землю взамѣнъ той, которою они пользовались до сихъ поръ, а пока это будетъ достигнуто—оберегать ихъ отъ насильственныхъ выселеній и другихъ утѣсненій. Мы уже имѣли случай замѣтить, что именно необезпеченное положеніе оренбургскихъ удѣльныхъ крестьянъ и было поводомъ къ возбужденію ходатайствъ о прирѣзкѣ, при генеральномъ размежеваніи земель въ оренбургской, саратовской и симбирской

губерніяхъ, къ селеніямъ удѣльныхъ крестьянъ въ 15-ти-десятинную пропорцію. Мы знаемъ, что 26 іюня 1801 г. появился Высочайшій указъ, повелѣвавшій производить такую прирѣзку по душамъ 5 ревизіи. Но тогда какъ исполненіе сего по отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на казенныхъ земляхъ, смежныхъ съ свободными казенными же землями, не представляло никакихъ затрудненій,—отведеніе надѣловъ крестьянамъ, пользовавшимся землею башкиръ, могло быть достигнуто лишь путемъ ихъ переселенія, для чего требовалась наличность значительнаго сплошнаго пространства удобной для хлѣбопашества свободной казенной земли. И главнымъ предметомъ заботъ сперва Вятской Удѣльной Экспедиціи (въ вѣдомствѣ которой находилась оренбургская губернія), а съ 1809 г. вновь образованной Оренбургской Удѣльной Конторы и было отысканіе такой земли и ходатайство объ отводѣ ея для безземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ.

Впрочемъ, общее повелѣніе о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ при генеральномъ межеваніи узаконенной нормой по душамъ 5 ревизіи не исключало необходимости ходатайствъ о дополненіи надѣловъ и отдѣльныхъ селеній,. находившихся на казенныхъ или удѣльныхъ земляхъ, такъ какъ межеваніе оренбургской губ. затянулось до 1835 г. Поэтому, и по отношенію къ нѣкоторымъ такимъ селеніямъ, возбуждались ходатайства о прирѣзкѣ имъ угодій по расчету на души 5 ревизіи (напр. ходатайство въ 1809 г. о 1800 душахъ мысовочелнинскаго приказа мензелинскаго уѣзда). А послѣ того, какъ удѣльные и казенные крестьяне получили право на дополненіе ихъ надѣловъ по душамъ сперва седьмой, а затѣмъ вообще послѣдующихъ ревизій,—удѣльное вѣдомство возбудило уже общее ходатайство о дополненіи надѣловъ данной категоріи крестьянъ, которымъ незадолго до этого казенная земля была нарѣзана по расчету душъ 5-й ревизіи. Но широкому примѣненію соотвѣтствующихъ законоположеній препятствовало правило, по которому дополненію до узаконенной нормы подлежали лишь надѣлы крестьянъ, имѣвшихъ менѣе 5 десят. на душу, каковыхъ въ рѣдко населенной оренбургской губ. было вообще небольшое количество. — Ограничившись по вопросу о крестьянахъ оренбургской губ., жившихъ на удѣльныхъ или казенныхъ земляхъ, этимъ замѣчаніемъ, перейдемъ къ изложенію мѣропріятій Департамента Удѣловъ по надѣленію его безземельныхъ крестьянъ.

Нѣкотораго обезпеченія этихъ крестьянъ удѣльное вѣдомство надѣялось достигнуть покупкой заселенныхъ ими башкирскихъ земель. Въ этихъ видахъ въ 1808 г. Министръ Удѣловъ предписалъ управляющему Оренбургскою Конторой стараться соглашать башкиръ на уступку арендуемыхъ у нихъ удѣльными крестьянами земель въ вѣчное владѣніе послѣднихъ за умѣренное вознагражденіе. 13 апрѣля 1818 г. Министръ Удѣловъ далъ новое предписаніе управляющему Оренбургскою Конторою: навести справки о томъ, за какую сумму башкиры согласились бы уступить Удѣламъ занятыя удѣльными крестьянами земли, и если бы предполагаемая покупка состоялась, то не согласились ли бы крестьяне, сверхъ повинностей, уплачивать Удѣламъ ежегодно опредѣленную по расчету сумму на погашеніе капиталовъ, имѣющихъ быть затраченными на покупку башкирскихъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ управляющему предписывалось собрать хранившіеся у крестьянъ документы на земли, пріобрѣтенныя ими у башкиръ, и просить Оренбургскую Палату гражданскаго суда совершить по нимъ купчія крѣпости на имя Департамента Удѣловъ. Палата гражданскаго суда, въ виду прямого запрещенія (отъ 11 октября 1818 г.) продажи башкирскихъ земель, не могла сама удовлетворить ходатайство управляющаго, но вошла въ Сенатъ съ представленіемъ о разрѣшеніи утвердить купчія удѣльныхъ крестьянъ, какъ совершенныя въ давнее время съ расходомъ не малыхъ суммъ. Сенатъ, однако, не призналъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство и указомъ 8 января 1820 г. даже сдѣлалъ подтвержденіе о воспрещеніи продажи башкирскихъ угодій.

Другая попытка разрѣшить вопросъ о безземельныхъ крестьянахъ, помимо обращенія къ казеннымъ землямъ, была сдѣлана Департаментомъ Удѣловъ послѣ того, какъ въ оренбургской губ. была образована временная комиссія для продажи, согласно Высочайшему манифесту 27 мая 1810 г., свободныхъ казенныхъ земель. Департаментъ Удѣловъ предписалъ управляющему навести справки о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ удѣльныхъ крестьянъ воспользоваться Высочайше имъ дарованнымъ въ названномъ манифестѣ правомъ покупки этихъ земель. Однако, и эта мѣра не имѣла должнаго успѣха и главнымъ средствомъ надѣленія безземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ оренбургской губ. оставалось переселеніе ихъ на казенныя земли.

Исторія хлопотъ удѣльнаго вѣдомства объ отведеніи для удѣльныхъ крестьянъ оренбургской губ. казенныхъ земель въ

общемъ походила на извѣстную уже намъ исторію этого дѣла въ другихъ губерніяхъ. Губернскія власти, вообще говоря, неохотно отдавали казенныя земли въ удѣльное вѣдомство, а правила отведенія этихъ земель, согласно коимъ нельзя было свободно распоряжаться участками, лежавшими внутри дачъ казенныхъ селеній и прилегавшими къ послѣднимъ, безъ предварительнаго удостовѣренія о томъ, что эти земли не нужны казеннымъ крестьянамъ, хотя бы послѣдніе были надѣлены въ полную пропорцію, — представляли возможность отказывать въ отведеніи удѣльнымъ крестьянамъ тѣхъ или другихъ участковъ земли и отлагать такимъ образомъ разрѣшеніе этого вопроса [4]).

Поземельное устройство удѣльныхъ крестьянъ, жившихъ на башкирскихъ земляхъ, затруднялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ этихъ крестьянъ не желали уходить съ насиженныхъ мѣстъ, предполагая, что они останутся навсегда владѣльцами тѣхъ земель, на которыхъ имѣли мѣстожительства; и такъ какъ указами Правительствующаго Сената 2 октября 1811 г., 6 іюля и 20 августа 1814 г. повелѣно было крестьянъ, поселившихся на башкирскихъ земляхъ, оставлять на мѣстахъ впредь до разрѣшенія общаго вопроса о продажахъ этихъ земель, то, отказываясь переселяться на казенныя земли, удѣльные крестьяне могли быть покойны по крайней мѣрѣ за ближайшее свое будущее.

Такой отказъ сдѣланъ былъ ими въ 1818 г. на предложеніе удѣльной конторы переселиться на казенныя земли въ бугульминскомъ и мензелинскомъ уѣздахъ, въ количествѣ 70 тыс. дес., предполагавшихся къ отведенію для удѣльныхъ крестьянъ. Не смотря на этотъ отказъ, управляющій Оренбургской Конторой, въ виду возможности разрѣшенія дѣла о башкирскихъ земляхъ не въ пользу крестьянъ, представлялъ Департаменту о необходимости оставить вышеназванныя угодья для будущаго надѣленія удѣльныхъ крестьянъ, а не обращать ихъ во Всемилостивѣйшее пожалованіе просящимъ о томъ лицамъ, о чемъ Департаментъ Удѣловъ и отнесся къ оренбургскому вице-губернатору и въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ (31 августа 1821 г.).

Спеціальныя заботы удѣльнаго вѣдомства о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ оренбургской губ. прекратились съ изданіемъ Высочайшаго повелѣнія 10 апрѣля 1832 г. *) о правахъ башкиръ на принадлежавшія имъ земли, для приведенія ко-

[4]) П. С. З. № 5287.

тораго въ исполненіе была образована особая комиссія. Съ этого момента вопросъ о крестьянахъ, жившихъ на башкирскихъ земляхъ, перестаетъ быть вопросомъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, и его общее разрѣшеніе беретъ на себя государство.

Въ 1847 г., какъ намъ извѣстно, надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель было прекращено, и положеніе въ этотъ моментъ вопроса относительно обезпеченія землею удѣльныхъ крестьянъ оренбургской губ. представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Изъ 22 тыс. душъ удѣльныхъ крестьянъ оренбургскаго имѣнія, по исчисленію 8 ревизіи, 9160 душъ имѣли въ пользованіи землю, нарѣзанную по душамъ 7 ревизіи, 5480 душъ владѣли землею, отведенной имъ по душамъ еще 5 ревизіи, 4565 душъ жили на башкирскихъ земляхъ и 700 душъ владѣли землей въ прежнемъ размѣрѣ, безъ прирѣзокъ даже по душамъ 5 ревизіи *). Впослѣдствіи были еще отдѣльные случаи надѣленія казенными землями удѣльныхъ крестьянъ оренбургскаго имѣнія. Такъ, въ 1857 г. получили по 8 дес. на душу 286 душъ 9 ревизіи крестьянъ д. Костеевой мысовочелнинскаго приказа и 52 души крестьянъ д. Сосновый Бродъ.

Главнѣйшія заботы Департамента Удѣловъ о надѣленіи находившихся въ его вѣдѣніи крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли естественно относились къ районамъ, населеніе которыхъ занималось по преимуществу, если не исключительно, хлѣбопашествомъ: центральнымъ черноземнымъ и восточнымъ степнымъ губерніямъ. Что же касается мѣстностей нечерноземной полосы, гдѣ, на ряду съ земледѣліемъ, крестьяне отдавались различнымъ промысламъ, то здѣсь мѣры обезпеченія ихъ землей не имѣли столь важнаго значенія. Сказанное въ особенности относится къ центральнымъ промышленнымъ губерніямъ; и такъ какъ эти губерніи въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ числу густо населенныхъ, гдѣ было мало и свободныхъ казенныхъ земель, то удовлетвореніе нужды малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ въ угодьяхъ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ могло быть достигаемо лишь путемъ ихъ переселенія въ другіе районы. Мѣстные крестьяне, однако, не выражали желанія на такое переселеніе, и потому дополненіе надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ въ

*) Относительно 8 селеній съ 2100 душъ, пользовавшихся 26571 дес. земли, имѣется только указаніе, что всѣ эти селенія замежеваны въ общей окружной межѣ (вѣроятно по душамъ 7 ревизіи).

узаконенную норму изъ казенныхъ земель въ губерніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Иное надлежитъ сказать о сѣверныхъ губерніяхъ.

Населеніе этого района, обильнаго лѣсами, естественнымъ образомъ занялось различными лѣсными промыслами, а такъ какъ занятія этого рода не требуютъ непрерывной работы въ теченіе круглаго года, то крестьяне этихъ губерній мало отвлекались промыслами отъ сельскаго хозяйства и на ряду съ первыми усердно отдавались и послѣднему. Въ виду сказаннаго, достаточные земельные надѣлы для крестьянъ этихъ губерній имѣли гораздо большую важность, нежели для крестьянъ центральной нечерноземной полосы. Съ другой стороны, недостаточное земельное обезпеченіе крестьянъ описываемаго района зависѣло, между прочимъ, отъ трудности обращенія болотистыхъ и поросшихъ лѣсомъ пространствъ, свойственныхъ лѣснымъ губерніямъ, въ пашенныя и сѣнокосныя угодья, вслѣдствіе чего, при рѣдкомъ населеніи, крестьяне этихъ мѣстностей владѣли очень ограниченнымъ количествомъ сельско-хозяйственныхъ угодій. Такъ, при пріемѣ въ Удѣлы дворцовыхъ имѣній, въ пользованіи крестьянъ находилось земли (кромѣ лѣсовъ) на душу 5 ревизіи:

въ архангельской	губ.	всего	3,5	дес.,	удобной	1,7	дес.
„ вологодской	„	„	4,9	„	„	1,9	„
„ вятской	„	„	4,0	„	„	3,9	„
„ пермской	„	„	6,4	„	„	4,6	„

Что касается пермской губ., то удѣльные крестьяне получили 15 дес. надѣлы, во время производившагося здѣсь въ теченіе 1824 — 1843 гг. генеральнаго размежеванія земель *). Въ вологодской губ. Удѣламъ принадлежали большія площади лѣсовъ (составлявшія въ началѣ вѣка въ среднемъ около 20 дес. на душу), вслѣдствіе чего ходатайства о прирѣзкѣ удѣльнымъ крестьянамъ земли изъ казенныхъ владѣній не получали удовлетворенія. Въ половинѣ 40-хъ гг. возбужденъ былъ только вопросъ о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ этой губерніи 15 дес. пропорціей или такимъ количествомъ земли, какое будетъ причитаться на душу въ дачахъ общаго владѣнія удѣльныхъ крестьянъ съ казенными; но и это дѣло, съ передачей лѣсовъ изъ казеннаго вѣдомства въ удѣльное, было прекращено. Впрочемъ, какъ объ этомъ сказано выше, крестьяне вологодской губ. страдали не отъ абсолютнаго,

*) П. С. З. № 29772.

а отъ относительнаго малоземелья, заключавшагося въ недостаткѣ удобныхъ для культуры пространствъ и поддерживавшагося трудностью обращенія лѣсныхъ угодій въ пахотныя и сѣнокосныя. Какъ бы то ни было, а расширеніе землепользованія крестьянъ этой губерніи могло происходить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ именно только путемъ расчистокъ лѣсныхъ удѣльныхъ земель подъ пашни и сѣнокосы.

Только путемъ расчистокъ могло совершаться и расширеніе культивируемой площади удѣльными крестьянами въ архангельской губ. Но положеніе этого имѣнія отличалось отъ вологодскаго въ томъ отношеніи, что въ немъ не числилось за Удѣлами обширныхъ лѣсныхъ пространствъ, и удѣльные крестьяне, какъ для расчистокъ, такъ и для смолокуренія (которымъ въ 40-хъ гг. занималось больше $^2/_3$ крестьянскихъ семей шенкурскаго уѣзда), пользовались казенными лѣсами. Указанное обстоятельство было причиной того, что, какъ это мы видѣли раньше, въ началѣ восьмисотыхъ годовъ больше милліона десятинъ казенныхъ лѣсовъ было отрѣзано во временное пользованіе (впредь до генеральнаго размежеванія) крестьянъ архангельской губ. для производства смолокуренія и для другихъ промысловъ. Вопросъ объ окончательномъ отграниченіи въ шенкурскомъ уѣздѣ крестьянскихъ земель отъ казенныхъ возбужденъ былъ въ половинѣ 30-хъ гг., когда, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между вѣдомствами Министерства Финансовъ и Удѣловъ относительно регулированія крестьянскаго смолокуренія въ видахъ сбереженія лѣсовъ, было рѣшено, прежде нежели принимать въ этомъ отношеніи какія либо мѣры, надѣлить казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ архангельской губ. 15-ти дес. пропорціей земли, для чего въ теченіе 1840—1845 гг. въ шенкурскомъ уѣздѣ снято было на планъ 624 тыс. дес. земли изъ площади, отведенной крестьянамъ лѣсными комиссіями въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Но въ 1845 г. явилось предположеніе объ отведеніи крестьянамъ особыхъ смолокуренныхъ участковъ, и съ 1848 г. ихъ стали надѣлять $19^1/_2$ дес. по душамъ 8 ревизіи. Прежде чѣмъ была закончена эта операція, въ 1855 г. началось генеральное межеваніе шенкурскаго уѣзда и передача его лѣсовъ въ удѣльное вѣдомство. И такъ какъ удѣльные крестьяне архангельскаго имѣнія состояли въ это время на поземельномъ сборѣ, т. е. пользовались по оцѣнкѣ опредѣленнымъ количествомъ земли, и дальнѣйшее расширеніе культивируемаго пространства проис-

ходило съ дозволенія удѣльнаго начальства путемъ расчистокъ лѣсныхъ площадей, то въ спеціальномъ отведеніи лѣсовъ для удѣльныхъ крестьянъ надобности не предстояло.

Выше было указано, что въ пользованіи удѣльныхъ крестьянъ вятской губ. въ началѣ текущаго столѣтія находилось не болѣе 4 дес. земли на душу, и такъ какъ удѣльное вѣдомство не имѣло въ этой губерніи своихъ земель, то удовлетвореніе потребности подвѣдомственныхъ ему крестьянъ въ земельныхъ угодьяхъ могло быть достигнуто только на счетъ казенныхъ владѣній.

Ходатайства относительно надѣленія удѣльныхъ крестьянъ вятской губерніи въ узаконенную пропорцію изъ казенныхъ земель возбуждались Вятской Удѣльной Конторой съ начала 20-хъ годовъ; распоряженіе же о томъ Вятской Казенной Палаты послѣдовало въ концѣ 1828 г., послѣ того какъ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, вслѣдствіе отношенія Департамента Удѣловъ, предписалъ производить надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ, согласно Высочайшему указу 29 апрѣля 1827 г., по душамъ 7 ревизіи, наравнѣ съ казенными крестьянами.

По проекту этого надѣленія, составленному казенной палатой, въ многоземельныхъ уѣздахъ вятской губерніи казенные и удѣльные крестьяне должны были получить по 15 дес. на души 5 ревизіи—тамъ, гдѣ казеннымъ крестьянамъ еще не была намѣрена на эти души земля *), и на души 7 ревизіи—въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ казенные крестьяне уже пользовались надѣломъ по душамъ 5 ревизіи; крестьянамъ же малоземельныхъ уѣздовъ — вятскаго, орловскаго и нолинскаго — предоставлялось переселиться въ многоземельные уѣзды. Это распоряженіе Вятской Казенной Палаты о всеобщемъ надѣленіи казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ по душамъ 7 ревизіи признано было Правительствующимъ Сенатомъ (въ указѣ 31 марта 1830 г.) **) несогласнымъ съ Высочайше утвержденнымъ 29 апрѣля 1827 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, которымъ будто бы предполагалось дополнять по душамъ 7 ревизіи надѣлы только тѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ селеній, при которыхъ имѣлась излишняя сверхъ законной пропорціи земля. Правительствующій Сенатъ предписалъ произвести надѣленіе казенныхъ

---

*) Генеральное размежеваніе вятской губерніи производилось съ 1804 г. по 1835 г.

**) П. С. З. № 3576.

и удѣльныхъ крестьянъ вятской губерніи согласно приведенному толкованію Высочайшаго указа и оказавшіяся у надѣленныхъ селеній излишнія земли обратить на дополненіе участковъ малоземельныхъ крестьянъ, согласно правилъ, Высочайше утвержденныхъ 18 марта 1824 г. (по которымъ правомъ дополненія надѣла до узаконенной нормы пользовались только селенія, имѣвшія менѣе 5 дес. на душу). Едва нѣкоторыя удѣльныя селенія получили, согласно съ приведеннымъ распоряженіемъ, 15-ти десятинную пропорцію земли, какъ воспослѣдовало Высочайше утвержденное 9 ноября 1838 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею по числу душъ послѣдней (восьмой) ревизіи. Послѣ этого производившееся надѣленіе крестьянъ по душамъ 7 ревизіи было пріостановлено, а сдѣланныя нарѣзки не получили утвержденія, что, однако, не помѣшало крестьянамъ приступить къ разработкѣ и заселенію этихъ земель. Надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель возобновилось послѣ того, какъ Министромъ Финансовъ въ 1839 г. было предписано отводить имъ землю по числу душъ 8 ревизіи, наравнѣ съ казенными крестьянами. Послѣ этого въ 1842 г. отведено было для крестьянъ качкинскаго приказа 5 тыс. дес. въ кватчинской волости елабужскаго уѣзда (переселенія на отведенную землю начались съ 1844 г.), въ 1845 г. для крестьянъ 4 приказовъ яранскаго уѣзда—25 тыс. дес. и, кромѣ того, производились болѣе мелкія частныя нарѣзки. 2 іюля 1847 г. послѣдовало, какъ извѣстно, Высочайшее утвержденіе доклада Министровъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ о томъ, чтобы на удовлетвореніе нужды въ землѣ удѣльныхъ крестьянъ малоземельныхъ губерній прежде всего обращались удѣльныя же земли другихъ губерній. Послѣ этого надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель было пріостановлено и велѣно не давать дальнѣйшаго хода дѣламъ, уже состоявшимъ въ производствѣ. Это послѣднее распоряженіе повело къ большимъ замѣшательствамъ.

Дѣло въ томъ, что отведеніе казенныхъ земель въ вятской губерніи производилось какъ удѣльнымъ крестьянамъ старожиламъ, такъ и новопоселенцамъ, съ 1819 г. занимавшимъ, съ дозволенія начальства или самовольно, казенныя земли въ многоземельныхъ уѣздахъ и заводившимъ на нихъ починки. Такое заселеніе удѣльными крестьянами казенныхъ земель продолжалось какъ въ то время, когда удѣльные крестьяне признавались имѣющими право на дополненіе надѣловъ изъ государственныхъ

земель, такъ и позже, когда надѣленіе ихъ казенными землями было пріостановлено. По подсчету, произведенному въ 1851 г., на казенныхъ земляхъ вятской губерніи было 70 починковъ удѣльныхъ крестьянъ, образовавшихся въ разное время, начиная съ 1819 г., а въ теченіе 50-хъ годовъ Лѣсной Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ неоднократно обращался въ удѣльное вѣдомство съ просьбою запретить самовольныя переселенія удѣльныхъ крестьянъ на казенныя лѣсныя земли. О размѣрахъ этого переселенческаго движенія можно судить потому, что въ 1851 г. оффиціально было перечислено въ починки изъ разныхъ уѣздовъ вятской губерніи 2654 души. Для большей части этихъ переселенцевъ земля была уже отмежевана; но многія изъ сдѣланныхъ нарѣзокъ, какъ сказано выше, не были еще утверждены, когда воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе 2 іюля 1847 г., согласно коему производство по всѣмъ еще незаконченнымъ дѣламъ этого рода было прекращено, и Вятская Палата Государственныхъ Имуществъ потребовала обратнаго возвращенія неутвержденныхъ нарѣзокъ и выселенія изъ починковъ около 1000 душъ крестьянъ. Такой оборотъ дѣла побудилъ Министровъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ испросить Высочайшее разрѣшеніе объ оставленіи за удѣльными крестьянами всѣхъ тѣхъ земель, какія были имъ отведены и не получили окончательнаго утвержденія до воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія 2 іюля 1847 г. Докладъ Министровъ по этому дѣлу былъ Высочайше утвержденъ 19 декабря 1858 г.

Когда было приступлено къ выполненію этого послѣдняго Высочайшаго повелѣнія, то оказалось, что опредѣлить точную цифру неутвержденныхъ отводовъ крестьянамъ казенныхъ земель представлялось весьма затруднительнымъ. Въ подлежащихъ вѣдомствахъ не оказалось точныхъ по этому предмету данныхъ, а имѣвшіяся свѣдѣнія были настолько неопредѣленны и спутаны, что во многихъ случаяхъ нельзя было опредѣлить даже времени совершенія нарѣзокъ, въ другихъ — отводы земли показаны не по тѣмъ селеніямъ, по которымъ они дѣйствительно произведены, въ третьихъ—въ числѣ получившихъ казенную землю числились починки, въ натурѣ не существовавшіе и т. д., а разница общаго количества отведенныхъ земель въ показаніяхъ начальника съемки и крестьянъ опредѣлялась въ 13 тыс. дес.

Послѣ продолжительныхъ изысканій и перемѣровъ, въ концѣ

1863 г. было, наконецъ, выяснено, что въ 6 многоземельныхъ уѣздахъ вятской губерніи (кромѣ яранскаго, относительно котораго существовало предположеніе о переводѣ въ казну всѣхъ дачъ общаго владѣнія Удѣловъ съ казною и всѣхъ починковъ, почему провѣрка земельныхъ отводовъ здѣсь и не производилась) до 1847 г. для удѣльныхъ крестьянъ по 28 отводамъ было нарѣзано казенной земли всего въ количествѣ 14558 дес., которая и была утверждена за Удѣлами. Въ этотъ счетъ не вошли земли, отводимыя по разрѣшеніямъ Правительствующаго Сената, какъ напр. земля для 1182 душъ (8 ревизіи) крестьянъ лебяжскаго приказа уржумскаго уѣзда, жившихъ вмѣстѣ съ государственными крестьянами, для 436 душъ (по 9 ревизіи) селеній Кумырса и Азева каракулинскаго приказа, пользовавшихся башкирскими землями и др.

Кромѣ земель, состоявшихъ подъ сельско-хозяйственной культурой, при селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ находились неудобныя, болотистыя и лѣсныя пространства, которыя, при надлежащихъ затратахъ, могли бы быть превращены въ пашни или сѣнокосы, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, путемъ такого обращенія, главнымъ образомъ и происходило расширеніе крестьянскихъ запашекъ. Этотъ способъ распространенія сельско-хозяйственной культуры, конечно, поощрялся и удѣльной администраціей. Такъ, „Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи“ (§ 172), а также „Положеніемъ Департамента Удѣловъ“ (§ 186) мѣстному начальству предписывалось поощрять крестьянъ къ обращенію малоудобныхъ пространствъ въ культурныя, а въ 1799 г. Департаментомъ Удѣловъ было предписано внушать крестьянамъ о расчисткѣ подъ пашню и сѣнокосы мелкаго кустарника или вырубленныхъ лѣсовъ въ мѣстахъ, принадлежавшихъ къ ихъ селеніямъ.

Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ—когда производилось первое уравненіе земель среди удѣльныхъ крестьянъ вологодской губ. и домохозяева, лишавшіеся своихъ участковъ, жаловались на происходившее оттого разстройство ихъ хозяйства—Департаментъ Удѣловъ пришелъ къ мысли удовлетворить малоземельныхъ крестьянъ этой губерніи не столько на счетъ участковъ многоземельныхъ домохозяевъ, сколько путемъ расчистки для нихъ общими силами селеній годныхъ для этого участковъ волостной земли. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ распоряженіе Департамента было распространено и на архангельскую губернію; но оно

врядъ ли было приведено въ исполненіе въ сколько нибудь замѣтныхъ размѣрахъ.

По общему закону, расчистки лѣсныхъ пространствъ, во избѣжаніе истребленія лѣсовъ, должны были производиться съ разрѣшенія лѣснаго начальства, и въ этомъ отношеніи нерѣдко наблюдались злоупотребленія какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Такъ, оберъ-форстмейстеры давали слишкомъ широкое толкованіе предоставленному имъ праву надзора за сохранностью лѣсовъ и отбирали въ свое завѣдываніе даже лѣсныя поросли на крестьянскихъ тягловыхъ участкахъ, запущенныхъ подъ лѣса въ цѣляхъ ихъ удобренія. Въ 1810 г., напр., въ смоленскомъ имѣніи такимъ образомъ было изъято изъ распоряженія крестьянъ около 4 тыс. дес. По представленію Департамента Удѣловъ въ указанномъ году Лѣснымъ Департаментомъ было разъяснено, что крестьяне имѣли право безпрепятственнаго запущенія своихъ пахотныхъ участковъ въ лѣсныя заросли и обратнаго обращенія таковыхъ въ пашню. Но, съ другой стороны, и крестьяне — казенные и удѣльные — повидимому, злоупотребляли правомъ производства расчистокъ, что вело къ напрасному истребленію лѣсовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казенное вѣдомство стремилось къ тому, чтобы расчистка лѣсовъ производилась крестьянами преимущественно для расширенія площади постоянныхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій, тогда какъ крестьяне обращались къ этому средству нерѣдко лишь съ тѣмъ, чтобы снять съ выжженнаго участка нѣсколько урожаевъ и затѣмъ оставить его въ пустѣ (лядинная система хозяйства). Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія правительство обратило особенное вниманіе на этотъ вопросъ и по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Имперіи были приняты различныя мѣры регулированія крестьянскихъ расчистокъ лѣсныхъ пространствъ.

По отношенію къ архангельской и вологодской губерніямъ, гдѣ крестьяне имѣли въ пользованіи очень незначительное количество пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій и гдѣ остальная площадь земель состояла почти исключительно изъ лѣсовъ и болотъ, Именными указами Правительствующему Сенату 15 декабря 1820 г. и 26 октября 1821 г. *) разрѣшено было производить расчистки въ примежеванныхъ къ селеніямъ лѣсахъ каждому крестьянину, съ разрѣшенія мѣстныхъ форстмейстеровъ, съ правомъ пользованія расчищеннымъ и „приведеннымъ въ совершенное удобреніе“ участкомъ въ теченіе 40 лѣтъ, по истеченіи

*) П. С. З. № 28497 и 28793.

которыхъ этотъ участокъ долженъ былъ поступить въ распоряженіе крестьянъ всей той волости, въ лѣсахъ которой произведена расчистка. Что касается остальныхъ мѣстностей Имперіи, то по отношенію къ нимъ, съ утвержденія Комитета Министровъ и съ Высочайшаго соизволенія, въ 1826 г. изданы были другія правила, согласно которымъ расчистка лѣсовъ въ надѣлѣ казенныхъ крестьянъ разрѣшалась только въ лѣсообильныхъ губерніяхъ, въ участкахъ, смежныхъ съ крестьянскими полями, по мірскимъ приговорамъ (разсматриваемымъ казенными палатами) и не болѣе одной десятины на душу единовременно. Послѣднее узаконеніе Департаментъ Удѣловъ примѣнилъ къ подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ съ тѣмъ, конечно, его измѣненіемъ, что просьба о разрѣшеніи расчистокъ должна была представляться крестьянами въ удѣльную контору. Въ 1843 г. была запрещена расчистка безъ разрѣшенія Департамента Удѣловъ лѣсовъ подъ пашню также въ дачахъ и пустошахъ, купленныхъ крестьянами на свой счетъ.

Расчистка лѣсныхъ пространствъ съ вѣдома Департамента Удѣловъ въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ стала производиться, повидимому, лишь съ 40-хъ годовъ, и въ теченіе двухъ десятилѣтій было расчищено, напр., въ симбирской губерніи (симбирскомъ, сызранскомъ и алатырскомъ имѣніяхъ) болѣе 17 тыс. дес., въ самарской и московской — около 1,5 тыс. дес., орловской — около 2 тыс. дес., архангельской—больше 3 тыс. дес.; въ большей части остальныхъ губерній расчистки производились въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Расчищенныя пространства въ случаяхъ, когда расчистки дозволялись очень малоземельнымъ селеніямъ (какъ это имѣло, напр., мѣсто въ орловской губерніи, гдѣ большая часть вышеуказанной площади относилась на долю малоземельныхъ крестьянъ нѣгинскаго приказа), отдавались крестьянамъ безъ платежа оброка; въ большей же части случаевъ крестьяне уплачивали Удѣламъ за расчищенныя пространства оброкъ по расчету поземельнаго сбора.

Отводившаяся въ опредѣленной пропорціи (по числу душъ) земля изъ казеннаго вѣдомства въ удѣльное не должна была распредѣляться непремѣнно въ томъ же отношеніи между удѣльными крестьянами. Требованіе Удѣлами казенной земли по расчету 8 или 15 дес. на душу было только мѣрою права этого учрежденія на государственныя земли; при распредѣленіи же отведенныхъ по указанному расчету угодій между крестьянами

Удѣлы руководствовались соображеніями о надѣленіи возможно большаго числа малоземельныхъ крестьянъ и потому, въ случаѣ надобности, предназначали получаемые ими участки большему числу домохозяевъ, нежели это слѣдовало по расчету.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія подушный въ пользу Удѣловъ сборъ съ крестьянъ былъ замѣненъ поземельнымъ. Согласно дѣйствовавшимъ по этому предмету правиламъ, въ надѣлъ крестьянамъ каждаго селенія отводилась такая часть состоявшей въ ихъ пользованіи земли (коренная земля), доходъ съ которой, по оцѣнкѣ, покрывалъ подушные платежи ихъ Удѣламъ и государству и оставлялъ на ихъ долю въ полтора раза больше того, что было ими уплачиваемо. Остальная часть земли (если таковая находилась) отдѣлялась въ распоряженіе Удѣловъ и оставлялась въ пользованіи селеній при условіи уплаты за нее, какъ и за коренную землю, ²/₅ доли валоваго дохода. Не всѣ селенія находили выгоднымъ оставлять за собой эту излишнюю или запасную землю, и въ такомъ случаѣ она сдавалась въ аренду, какъ оброчная статья, или предоставлялась сосѣднимъ селеніямъ въ пополненіе недостатка надѣльной земли—безплатно, если они имѣли меньше земли, чѣмъ слѣдовало по вышеизложенному расчету, или съ уплатой за нее поземельнаго сбора, если они пользовались уже нормальными коренными участками.

Такимъ образомъ, послѣ введенія поземельнаго сбора, пополненіе недостатка земли у крестьянъ въ нѣкоторой степени осуществлялось на счетъ крестьянскихъ же угодій. Эта мѣра удовлетворенія нужды крестьянъ въ землѣ примѣнялась не только въ случаяхъ, когда крестьяне сами отказывались отъ части прежнихъ своихъ владѣній, которыя тогда передавались на условіи уплаты поземельнаго сбора малоземельнымъ селеніямъ. Отрѣзка земли отъ однихъ селеній другимъ иногда производилась и безъ согласія многоземельныхъ крестьянъ, и тогда она принимала форму настоящаго уравненія землепользованія извѣстной группы поселеній. Для примѣра укажемъ на случай уравненія земли между селеніями малоземельнаго ардатовскаго и многоземельнаго алатырскаго приказовъ симбирской губ., произведеннаго при переоцѣнкѣ земли для поземельнаго сбора въ 1842 г. Крестьяне г. Ардатова были при этомъ уравнены землей съ крестьянами сосѣдняго села Четвертакова, причемъ отъ послѣднихъ противъ ихъ желанія было отрѣзано въ пользу первыхъ 1296 дес. и ихъ надѣлъ съ 4,3 дес. на душу понизился до 3 дес. Вторая группа

поселеній, среди которыхъ произведено было уравненіе земли, состояла изъ города Алатыря, слободъ—Стрѣлецкой, Казацкой и Пушкарской и села Стемаса: земли всѣхъ этихъ селеній были соединены вмѣстѣ и затѣмъ распредѣлены между ними по числу душъ 8 ревизіи, со включеніемъ бобылей и служителей, а надѣлъ этихъ послѣднихъ отданъ малоземельнымъ крестьянамъ (имѣвшимъ менѣе 2 дес. на душу) сельца Алтышева. Изъ этого примѣра видно, что, послѣ переведенія удѣльныхъ крестьянъ съ подушнаго оброка на поземельный, прежнія представленія относительно нормальной величины крестьянскихъ надѣловъ (8 дес. на душу въ малоземельныхъ и 15 дес.—въ многоземельныхъ губерніяхъ) существенно измѣнились, и отрѣзка земли отъ однихъ селеній въ пользу другихъ иногда производилась даже въ томъ случаѣ, когда во владѣніи первыхъ находилось всего отъ 4 до 5 дес.

Со введеніемъ поземельнаго сбора—вмѣсто опредѣленнаго подушнаго оброка, независимаго отъ размѣровъ надѣла—крестьяне начали платить въ Удѣлы по расчету состоявшей въ ихъ пользованіи земли. Благодаря этому обстоятельству, передача оброчныхъ земельныхъ статей въ пользованіе крестьянъ въ большинствѣ случаевъ не вела, какъ прежде, къ сокращенію удѣльнаго дохода, и такая передача — въ особенности послѣ прекращенія надѣленія удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ угодій — стала, повидимому, практиковаться чаще, нежели прежде.

Всѣ только что перечисленныя средства удовлетворенія потребности крестьянъ въ землѣ, имѣя извѣстное значеніе для отдѣльныхъ селеній, не могли оказать сколько нибудь замѣтнаго вліянія на расширеніе надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ вообще. И дѣйствительно, по даннымъ, относящимся къ многоземельнымъ удѣльнымъ имѣніямъ — симбирскимъ, можно видѣть, насколько вообще незначительны были измѣненія, внесенныя примѣненіемъ названныхъ мѣропріятій въ землепользованіе крестьянъ. Такъ, при измѣненіи поземельнаго сбора послѣ 9 ревизіи, нѣкоторыя селенія сызранскаго имѣнія получили всего 16600 дес., а именно: изъ оброчныхъ земель 8790 дес., изъ запасныхъ (оставшихся за отведеніемъ крестьянамъ коренныхъ участковъ) 5690 дес. и изъ угодій, отрѣзанныхъ отъ другихъ селеній,—1490 дес., разныхъ другихъ 630 дес. Крестьяне симбирскаго имѣнія получили всего 7660 дес., а именно: 7 селеній получили 2680 дес. изъ оброчныхъ статей, 11 селеній—1530 дес. изъ запасныхъ земель смежныхъ деревень и 26 селеній—3450 дес. лѣса для расчистокъ.

Изъ другихъ случаевъ прирѣзки крестьянамъ земли укажемъ на слѣдующіе: 30 селеніямъ московской губ. мячковскаго, тайнинскаго, коломенскаго и гжельскаго приказовъ въ 1843 г. разрѣшено было отвести изъ подъ мелко-растущаго кустарника подъ расчистку столько земли, сколько нужно для дополненія ихъ пахотныхъ угодій до размѣровъ 1 дес. на душу (по расчету на 6507 рев. душъ всего 1567 дес.) изъ платежа поземельнаго сбора; крестьяне с. Паранина алатырскаго имѣнія получили въ 1845 г. 900 дес. изъ оброчныхъ статей; крестьяне дд. Верхняго и Нижняго Курлатовыхъ самарскаго имѣнія въ 1854 г. получили 1100 дес. изъ оброчныхъ статей, крестьяне с. Екатериновки—1000 дес., крестьяне с. Студенецъ около 4000 дес.,—все изъ платежа поземельнаго сбора и т. д.

Изъ всего, что было изложено на предыдущихъ страницахъ, видно, что прирѣзка земли къ селеніямъ удѣльныхъ крестьянъ вообще происходила въ ограниченныхъ размѣрахъ, и потому нетолько не могла быть достигнута преслѣдуемая Департаментомъ Удѣловъ цѣль—увеличенія надѣловъ крестьянъ, но, по мѣрѣ размноженія населенія, замѣчалось даже сокращеніе крестьянскихъ участковъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы (стр. 61) приблизительно точнаго распредѣленія селеній удѣльныхъ крестьянъ четырехъ губерній на группы съ различными средними душевыми надѣлами, за три момента времени: въ началѣ текущаго столѣтія, въ 20—30-хъ годахъ и въ началѣ 50-хъ гг. Данныя для первыхъ двухъ моментовъ заимствованы изъ вѣдомостей, составлявшихся въ то время, когда Удѣлы хлопотали о надѣленіи подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ изъ казенныхъ земель, причемъ въ счетъ крестьянскаго пользованія при составленіи таблицъ не вводились состоявшія при селеніяхъ лѣсныя угодья; цифры 9 ревизіи взяты изъ табелей поземельнаго сбора, а въ число крестьянской земли включена и запасная, взятая селеніями изъ платежа поземельнаго сбора.

Разсмотрѣніе цифръ этой таблицы по всѣмъ четыремъ губерніямъ приводитъ къ одному и тому же заключенію, а именно, что число крестьянъ, сравнительно обезпеченныхъ землей, съ теченіемъ времени уменьшалось, а количество малоземельныхъ крестьянъ увеличивалось. Но при этомъ характеръ измѣненія распредѣленія населенія по группамъ селеній съ той или другой величиной надѣла или, иначе говоря, быстрота сокращенія надѣловъ крестьянъ не во всѣхъ губерніяхъ была одинакова. Въ казанской

Средній душевой надѣлъ въ десятинахъ.	ЧИСЛО РЕВИЗСКИХЪ ДУШЪ.																							
	Казанская губернія.						Нижегородская губернія.						Симбирская губернія.						Саратовская губернія.					
	5 ревизія.		7 ревизія.		9 ревизія.		5 ревизія.		7 ревизія.		9 ревизія.		5 ревизія.		7 ревизія.		9 ревизія.		5 ревизія.		7 ревизія.		9 ревизія.	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
до 2	65	0,7	74	0,6	5070	35.6	3079	12,6	2981	10,3	10134	28,0	1317	5,7	881	3,2	3390	7,3	—	—	—	—	—	—
2—5	5215	55,3	10408	89,5	7000	49,2	6203	25,5	25049	86,5	26246	70,4	7031	30,3	16259	58,8	37438	80,7	—	—	—	—	14703	34,1
5—8	4017	42,6	766	6,6	1955	13,7	12160	49,9	902	3,1	552	1,5	13494	58,1	10359	37,4	5552	12,0	—	—	63	0,3	20230	47,0
8—10	46	0,5	340	2.9	215	1,5	—	—	28	0,1	26	0,1	1341	5,8	—	—	—	—	18	0,1	2902	13,4	4804	11,2
10—15	32	0,3	41	0,4	—	—	2753	11,3	—	—	2	—	27	0,1	161	0,6	—	—	5251	31,4	15974	73,6	2819	6,5
15 и выше.	57	0,6	—	—	—	—	176	0,7	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	11431	68,5	2766	12,7	524	1,2
Всего.	9432	100	11629	100	14240	100	24371	100	28960	100	37261	100	23210	100	27660	100	46380	100	16700	100	21705	100	43080	100

Болѣе или менѣе точныя цифры мы могли найти лишь для четырехъ приводимыхъ въ таблицѣ губерній.

Саратовская губ. взята по 5-й и 7-й ревизіи въ одномъ и томъ же составѣ, по 9-й ревизіи — въ томъ же составѣ, за исключеніемъ 8 селеній, въ табеляхъ поземельнаго сбора по 9-й ревизіи не показанныхъ, и съ прибавленіемъ показанныхъ въ означенныхъ табеляхъ новыхъ 16 селеній.

Симбирская губ. для всѣхъ 3-хъ ревизій взята почти въ одномъ и томъ же составѣ (по даннымъ 7-й ревизіи противъ 5-й ревизіи не достаетъ лишь 4 селеній, по даннымъ 9-й ревизіи—только 5). Въ 1851 г., къ которому относятся данныя 9-й ревизіи, представленная въ таблицѣ часть симбирской губ. находилась въ вѣдомствѣ Алатырской Конторы (за исключеніемъ 4 селеній—вѣдомства Симбирской Конторы).

и нижегородской губерніяхъ, гдѣ было мало свободныхъ удѣльныхъ земель, огромное большинство селеній (не менѣе 75—90% ревизскихъ душъ) въ началѣ разсматриваемаго періода (5-я ревизія) пользовалось землей въ размѣрѣ 2—8 дес. на душу, въ срединѣ его (7-я ревизія)—въ размѣрѣ 2—5 дес., а въ концѣ (9-я ревизія)—въ размѣрѣ 2—5 дес. и менѣе. Въ симбирской губерніи, гдѣ Удѣламъ принадлежали значительныя пространства земли, сверхъ той, какая находилась въ пользованіи крестьянъ, въ срединѣ разсматриваемаго періода душевые надѣлы большей части селеній колебались въ предѣлахъ тѣхъ же 2—8 дес., что и въ началѣ его (только часть ревизскихъ душъ, принадлежавшихъ къ надѣльной группѣ въ 5—8 дес., передвинулась въ группу съ 2—5 дес.), а въ концѣ разсматриваемаго періода — несмотря на значительное приращеніе населенія — 80% крестьянъ удержалось на средней нормѣ надѣла отъ 2 до 5 дес. Такимъ образомъ, сокращеніе надѣловъ крестьянъ въ симбирской губ. происходило медленнѣе, нежели въ казанской и нижегородской. Наиболѣе же быстро происходило сокращеніе землепользованія крестьянъ въ самой многоземельной, саратовской губ. Въ началѣ разсматриваемаго нами періода почти всѣ селенія имѣли здѣсь не менѣе 10 дес. на душу; въ срединѣ его появилось 13% населенія съ надѣлами менѣе 10 дес., а во время 9-й ревизіи, т. е. послѣ того, какъ крестьяне были переведены на поземельный сборъ, 81% населенія оказались уже въ группѣ селеній съ надѣломъ отъ 2 до 8 дес. Такое значительное сокращеніе участковъ крестьянъ зависѣло отъ многихъ причинъ. Во 1-хъ, какъ это видно изъ примѣчанія къ таблицѣ, приведенныя въ ней данныя для періода 9-й ревизіи относятся къ нѣсколько большему району, нежели данныя за два предшествовавшіе момента; во 2-хъ, за время отъ 7 до 9 ревизіи въ этой губерніи имѣло мѣсто значительное возрастаніе населенія — частью, быть можетъ, по причинѣ болѣе быстраго его размноженія, преимущественно же путемъ переселенія удѣльныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній; въ 3-хъ, введеніе поземельнаго сбора имѣло здѣсь слѣдствіемъ значительное сокращеніе коренныхъ участковъ (доходъ съ которыхъ, по оцѣнкѣ, равнялся платежамъ, лежавшимъ на крестьянахъ до этого преобразованія), и такъ какъ отрѣзанная отъ селеній излишняя или запасная земля оставлялась въ ихъ распоряженіи лишь подъ условіемъ уплаты за нее поземельнаго сбора въ томъ же размѣрѣ, что и за коренные участки, то селенія, бывшія прежде

очень многоземельными, не оставляли за собой всей отрѣзанной у нихъ земли и переходили, такимъ образомъ, въ группу поселеній, менѣе обезпеченныхъ угодьями.

Въ разсмотрѣнной таблицѣ мы привели для четырехъ губерній свѣдѣнія о распредѣленіи удѣльныхъ селеній на группы съ тѣмъ или другимъ размѣромъ душеваго надѣла. Нижеслѣдующая таблица (стр. 64 — 65) заключаетъ для 15 губерній свѣдѣнія о среднихъ (по губерніи) надѣлахъ удѣльныхъ крестьянъ въ разные моменты ихъ исторіи.

Слѣдя за средними цифрами графъ 12—15 для всѣхъ губерній въ совокупности (послѣдняя строка таблицы), мы увидимъ, что, за исключеніемъ времени 10-й ревизіи (конецъ 50-хъ годовъ), удѣльные крестьяне имѣли всегда въ своемъ пользованіи, въ среднемъ, одно и тоже количество земли, а именно 4 съ небольшимъ десятины на душу; въ концѣ же 50-хъ гг. (гр. 14) въ ихъ распоряженіи находилось полудесятиной меньше. Такое заключеніе, однако, не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, потому что цифры гр. 13-й относятся не ко всѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ, а лишь къ тѣмъ, которые были переведены на поземельный сборъ, и такъ какъ не подвергались такому переводу наиболѣе малоземельные крестьяне, то средняя цифра этой графы нѣсколько преувеличена сравнительно съ той, какая получилась бы при введеніи въ расчетъ всѣхъ крестьянъ разсматриваемыхъ губерній. Принимая во вниманіе, что не вошедшіе въ расчетъ крестьяне составляютъ 10% всего числа удѣльныхъ крестьянъ (ср. гр. 3 и 4) и что средній ихъ надѣлъ колеблется около 1—2 дес. на душу, мы можемъ безъ большой погрѣшности принять, что средняя величина надѣла въ 30-хъ гг. равнялась не 4,3 дес., какъ значится въ таблицѣ, а всего 4 дес. на душу. Если среднюю цифру гр. 13 таблицы, для приближенія къ дѣйствительности, нужно было нѣсколько уменьшить, то цифру гр. 14, напротивъ того, слѣдуетъ увеличить, такъ какъ она выведена безъ принятія въ расчетъ данныхъ относительно четырехъ наиболѣе многоземельныхъ губерній. Замѣняя недостающія данныя цифрами, относящимися къ слѣдующему, очень близкому моменту (освобожденія крестьянъ) и производя соотвѣтствующія измѣненія въ итогѣ, мы придемъ къ выводу, что средняя величина крестьянскаго надѣла въ концѣ 50-хъ гг. составляла около 4,1 дес. на душу, а въ моментъ выхода крестьянъ изъ зависимости удѣльнаго вѣдомства (см. гр. 15)—4,2 дес.

Губерніи.	Число душъ.					
	По 5 ревизіи.	По 8 ревизіи.			По 10 ревизіи.	
	Пользовавшихся землей, состоявшей въ единственномъ владѣніи Удѣловъ.	На поземельномъ сборѣ.	По малоземелію на подушномъ оброкѣ.	Всего.	По статистической табели.	Надѣленныхъ землей при освобожденіи (ко времени 1870 г.).
	1	2	3	4	5	6
Архангельская	19481	18885 } 38030	3221 } 13148	22106 } 51178	} 62349	24685 } 62309
Вологодская	23314	19145	9927	29072		37624
Вятская	40379	55536	7075	62611	—	72453
Тверская	12309	20321	2578	22899	27434	27525
Московская	13225	21594	—	21594	26582	21546
Владимірская	22011	21966	6374	28340	30078	29977
Нижегородская	3087	33902	—	33902	37159	29405
Костромская	52497	45248	14995	60243	63025	63292
Казанская	2421	8747	5002	13749	15747	1565[illegible]
Орловская	5062	29729	2597	32326	36859	36536
Пермская	5030	11842	—	11842	—	16200
Уфимская (Оренб.)	2249	14656	8284	22940	—	24779
Саратовская	2395	18932 *)	—	18932 *)	—	29131 **)
Самарская	—	74158	1472	75630	—	119390
Симбирская	17061	180880	955	181835	236244	236483
Итого	220521	575541	62480	638021	535477	784684

*) По 4-мъ приказамъ.

**) По всей губерніи.

КОЛИЧЕСТВО ЗЕМЛИ (ВЪ ДЕСЯТИНАХЪ), СОСТОЯВШЕЙ ВЪ ПОЛЬЗОВАНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

ОВЩЕЕ.					НА ДУШУ.					
Въ 1800 г. удобной (безъ лѣса) въ единственномъ владѣніи Удѣловъ.	Въ 1837 г. по табелямъ поземельнаго сбора 8 ревизіи.	Въ 1859 г. по статистической табели.	Въ моментъ освобожденія крестьянъ. По табелямъ поземельнаго сбора.	Въ моментъ освобожденія крестьянъ. По инструментальному измѣренію.	Въ 1800 г. у крестьянъ, участвовавшихъ въ единственномъ владѣніи.	Въ 1837 г. у кр. состоявш. на пов. сборѣ по 8 ревизіи, т. е. безъ малоземельныхъ.	Въ 1859 г. по душамъ 10 ревизіи.	Въ моментъ освобожденія крестьянъ. По табелямъ поземельнаго сбора.	Въ моментъ освобожденія крестьянъ. По инструментальному измѣренію.	По уставнымъ грамотамъ.
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
32499	36103 } 87318	113292	38785 } 91567	61752 } 186349	1,7	1,9	1,8	1,6	2,5	4,1
45026	51215		52782	124597	1,9	2,7		1,4	3,3	6,8
157267	225011	—	229531	355265	3,9	4,0	—	3,2	4,9	3,9
42155	96470	143269	146372	159981	3,4	4,7	5.2	5,3	5,8	5,7
33552	44630	52080	52107	52394	2,5	2,1	1,9	2,4	2,4	1,9
165742	93498	121095	121076	139853	7,5	4,3	4.0	4.0	4,7	4,3
13562	103259	103363	88812	129671	4,4	3,0	2,8	3,0	4,4	4,0
236683	214978	252306	254246	287601	4,5	4,7	4,0	4,0	4,5	4,8
8995	36105	55213	54357	69257	3.7	4,1	3,5	3,5	4,4	4,0
16157	114868	128032	131929	152696	3 2	3,9	3,5	3,6	4,2	3,8
23323	44503	—	55445	103286	4,6	3,8	—	3,4	6,4	5,3
7183	63369	—	85669	101844	3,1	4.3	—	3,4	4,1	4,0
67966	140127 *)	—	162272 **)	172415 **)	28,4	7,4	—	5,6	5,9	5,5
—	493262	—	795798	921009	—	6,6	—	6,7	7,7	6,8
99340	716402	1001606	999122	1068629	5,8	3,9	4,2	4,2	4,5	4,3
949450	2473800	1970256	3268303	3900250	4,3	4,3	3,7	4,2	5,0	4,8

Такимъ образомъ, средняя величина надѣла крестьянъ 15-ти губерній, за все время нахожденія ихъ въ завѣдываніи Удѣловъ, оставалась какъ бы неизмѣнной, колеблясь въ предѣлахъ 4—4,3 дес. на душу. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что и дѣйствительные надѣлы крестьянъ не испытали за это время болѣе или менѣе замѣтныхъ измѣненій, потому что относительная неподвижность средняго надѣла объясняется фактомъ поступленія въ концѣ 30-хъ гг. въ Удѣлы слишкомъ 200 тыс. душъ крестьянъ въ многоземельныхъ самарской и симбирской губерніяхъ, взамѣнъ такого же количества отошедшихъ въ казенное завѣдываніе удѣльныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ. Крупные участки крестьянъ этихъ губерній и удержали приблизительно на томъ же уровнѣ среднюю величину участка удѣльныхъ крестьянъ, несмотря на то, что въ староудѣльныхъ имѣніяхъ эти участки уменьшались. Чтобы судить о томъ, въ какихъ размѣрахъ происходило это послѣднее явленіе, сравнимъ по губерніямъ цифры гр. 12 и 15, относящіяся къ начальному и конечному моментамъ исторіи удѣльныхъ крестьянъ, минуя гр. 13 (рисующую положеніе дѣла въ срединѣ разсматриваемаго періода), какъ относящуюся для большей части губерній не ко всему числу удѣльныхъ крестьянъ.

Это сравненіе показываетъ, что средніе участки крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ испытали весьма неодинаковое измѣненіе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, какъ-то: архангельской, московской (въ обѣихъ, какъ намъ извѣстно, имѣли мѣсто значительные отводы крестьянамъ земли для расчистокъ и, кромѣ того, въ первой изъ нихъ произошло за разсматриваемый періодъ очень слабое приращеніе населенія), казанской (впрочемъ, данныя этой губерніи для момента 5-й ревизіи относятся всего къ 2421 рев. душѣ изъ всего числа 10064 души), — душевые надѣлы крестьянъ сократились всего на 0,1 — 0,2 дес.; въ вятской, вологодской и костромской губерніяхъ уменьшеніе крестьянскихъ участковъ составляетъ уже отъ 0,5 до 0,7 дес., или отъ 13 до 25%; въ пермской губ. надѣлы крестьянъ сократились на 1,2 дес., или на 35%; въ симбирской губ.—на 1,6 дес., или на 28%; во владимірской—на 3,5 дес., или на 47% и въ саратовской—на 22,8 дес., или на 80%. Впрочемъ, сокращеніе надѣловъ крестьянъ въ послѣдней губерніи рисуется нашими цифрами въ преувеличенномъ размѣрѣ, во 1-хъ потому, что надѣлъ этихъ крестьянъ, показанный въ гр. 12, а именно 28,4 дес., относится

не къ дѣйствительному владѣнію крестьянъ, а ко всей землѣ, состоявшей при удѣльныхъ селеніяхъ, изъ которой при генеральномъ размежеваніи крестьянамъ было нарѣзано только по 15 дес. на душу; во 2-хъ, эта цифра относится лишь къ 2395 душамъ крестьянъ изъ всего числа 12600 рев. душъ удѣльныхъ крестьянъ въ этой губерніи. Принимая во вниманіе, что саратовская губ. въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка была заселена очень рѣдко, и руководствуясь цифрами предшествующей таблицы (стр. 61), изъ которой видно, что въ началѣ текущаго столѣтія $^1/_3$ часть крестьянъ саратовской губ. пользовалась надѣлами въ размѣрѣ отъ 10 до 15 дес., а $^2/_3$ отъ 15 дес. и выше, мы можемъ съ большей вѣроятностью допустить, что средняя площадь душеваго надѣла удѣльныхъ крестьянъ этой губерніи въ концѣ прошлаго вѣка должна быть опредѣлена въ размѣрѣ не менѣе 14—15 дес. и въ такомъ случаѣ сокращеніе его къ моменту освобожденія крестьянъ опредѣлится въ цифрѣ 8—9 дес., или въ размѣрѣ около 60%.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе данныхъ послѣдней таблицы показываетъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имѣло мѣсто возрастаніе среднихъ надѣловъ крестьянъ. Значеніе этого вывода для уфимской (возрастаніе на 0,3 дес.) и орловской губ. (возрастаніе на 0,4 дес.), впрочемъ, ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что данныя начальнаго момента разсматриваемаго періода относятся лишь къ небольшой части удѣльныхъ крестьянъ соотвѣтствующихъ губерній. Что же касается тверской губ., гдѣ обнаруживается возрастаніе надѣла на 1,9 дес., или слишкомъ на 50%, то это заключеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ 1819 г. для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ этой губерніи было пріобрѣтено имѣніе, площадью въ 79 тыс. дес.

Цифры гр. 15, служившія намъ для сужденія о размѣрахъ надѣловъ крестьянъ наканунѣ ихъ перехода въ свободное состояніе, заимствованы изъ табелей поземельнаго сбора; но въ это же время происходило инструментальное измѣреніе крестьянскихъ земель, которое показало, что имѣвшіяся у Удѣловъ свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣлахъ неправильны и что повсюду дѣйствительная площадь крестьянскаго землевладѣнія больше той, какая числилась по вѣдомостямъ. Данныя этого измѣренія показаны въ гр. 11 и 16, и сравненіе цифръ этихъ графъ съ данными предшествовавшихъ показываетъ, что въ пользованіи крестьянъ находилось 632 тыс. дес. больше, нежели за

ними числилось, отчего и среднiй дѣйствительный участокъ крестьянъ съ 4,2 дес. повышается до 5 дес., т. е. на 0,8 дес., или почти на 20%. Наибольшая неточность прежнихъ исчисленiй обнаружилась въ сѣверныхъ губернiяхъ. Такъ, въ вятской губ. по инструментальному измѣренiю у крестьянъ оказалось на душу больше земли на 1,7 дес., или на 53%, въ архангельской губ.—на 0,9 дес., или на 66%, въ пермской—на 3 дес., или на 88% и въ вологодской—на 1,9 дес., или на 136%.

Мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ для рѣшенiя вопроса о томъ, къ какому именно моменту времени надлежитъ отнести образованiе этой неточности въ исчисленiи крестьянскихъ земель, и потому не можемъ воспользоваться данными инструментальнаго измѣренiя для внесенiя надлежащихъ поправокъ въ наши выводы объ измѣненiи во времени среднихъ надѣловъ крестьянъ. Слѣдуетъ, однако, полагать, что — насколько обнаруженная измѣренiемъ неточность прежнихъ исчисленiй зависѣла отъ захватовъ крестьянами свободныхъ земель—разница между исчисленными цифрами крестьянскихъ надѣловъ и дѣйствительнымъ владѣнiемъ крестьянъ развивалась постепенно, по мѣрѣ распространенiя захватовъ. А отсюда слѣдуетъ заключенiе, что рисуемое цифрами таблицы сокращенiе крестьянскихъ участковъ въ губернiяхъ, гдѣ всего больше было захватовъ земли, преувеличено.

Въ такомъ положенiи находятся именно сѣверныя губернiи. Распространенiе крестьянскаго пользованiя землею происходило здѣсь путемъ расчистокъ лѣсныхъ, болотистыхъ и другихъ неудобныхъ пространствъ. И такъ какъ эти расчистки въ каждомъ случаѣ производились мелкими клочками, то, при слабости надзора прежняго времени за лѣсами, онѣ легко могли оставаться неизвѣстными удѣльному начальству. Съ этимъ соображенiемъ вполнѣ согласуется тотъ фактъ, что наибольшая неточность прежнихъ исчисленiй крестьянскихъ земель замѣчается именно въ сѣверныхъ губернiяхъ. И такъ какъ, согласно высказанному выше, эта неточность произошла въ значительной степени, вѣроятно, благодаря не включенiю въ расчетъ новыхъ расчистокъ, то въ дѣйствительности земельныя владѣнiя крестьянъ не представляли здѣсь той неподвижности, какая выведена, напримѣръ, для архангельской губ., или того сокращенiя, какое данными таблицы рисуется для вологодской, вятской и пермской губернiй. Быть можетъ, что дѣйствительный ходъ дѣла въ этихъ

губерніяхъ былъ даже обратенъ тому, какой слѣдуетъ изъ данныхъ таблицы, и что въ архангельской, вологодской, вятской и пермской губерніяхъ средніе надѣлы крестьянъ не только не уменьшались, но даже увеличивались.

Кромѣ надѣльной земли нѣкоторые изъ удѣльныхъ крестьянъ имѣли въ своемъ владѣніи участки, пріобрѣтенные на ихъ собственный капиталъ. Во время освобожденія отъ зависимости, у крестьянъ 14 губерній числилось 77522 дес. такихъ земель. Больше всего крестьяне пріобрѣтали въ собственность землю въ оренбургской и новгородской губерніяхъ (на долю этихъ двухъ губерній приходится больше половины купчихъ земель), затѣмъ—въ саратовской губ. Земли покупались отдѣльными лицами, товариществами домохозяевъ и цѣлыми обществами. Такъ напр., извѣстно, что 113 крестьянъ разныхъ губерній отдѣльно другъ отъ друга пріобрѣли 15610 дес., т. е. въ среднемъ около 38 дес. на каждаго; 125 товариществъ изъ 1610 лицъ пріобрѣли 15634 дес., что составитъ около 10 дес. на одно лицо; 20 обществами (почти всѣ въ новгородской и саратовской губ.) куплено около 6000 дес., что составитъ въ среднемъ 300 дес. на общество.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что купчія крестьянскія земли могли имѣть важное хозяйственное значеніе для отдѣльныхъ лицъ и селеній (крестьяне 38 поселеній оренбургской губ., напр., имѣли до 23 тыс. дес. купчей земли), но не для всей совокупности удѣльныхъ крестьянъ, и введеніе ихъ въ расчетъ почти вовсе не измѣнило бы тѣхъ среднихъ цифръ, какими обрисовывается обезпеченіе крестьянъ земельными угодьями въ вышеприведенныхъ таблицахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) При образованіи Удѣловъ была составлена статистическая табель, изъ которой заимствованы ниже

Экспедиціи.	ГУБЕРНІИ.	Число душъ по 5-й ревизіи.	Число душъ, участвовавшихъ въ единственномъ владѣніи удѣльной землей.	Въ единственномъ владѣніи Удѣловъ состояло земли (не считая оброчныхъ статей). Всей.	Безъ лѣса.	Только удобной (безъ лѣса).	На душу крестьянъ, участвовавшихъ въ единственномъ владѣніи, приходилось всей удѣльной земли.	На душу крестьянъ, участвовавшихъ въ единственномъ владѣніи, приходилось удобной земли, не считая лѣса.	УѢЗДЫ.
		муж.	муж.	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.	
Московская.	Московская	13225	13225	69172	39428	33552	5,2	2,5	Московскій, коломенскій, серпуховскій.
	Калужская	3393	3094	24451	13282	12387	7,9	4,0	Тарусскій, медынскій.
	Тульская	228	228	128	111	48	0,5	0,2	Алексинскій, каширскій.
	Тверская	17287	12309	96691	47852	42155	7,8	3,4	Бѣжецкій, вышневолоцкій, новоторжскій.
	Владимірская	24115	22011	288876	181691	165742	13,1	7,5	Суздальскій, вязниковскій, гороховецкій, меленковскій.
	Рязанская	867	375	392	238	234	1,1	0,6	Рязанскій.
		59115	**51242**	**479710**	**282602**	**254118**	**9,3**	**4,9**	
С.-Петербургская.	С.-Петербургская	1514	1082	4679	4065	3743	4,3	3,4	Ямбургскій.
	Новгородская	18589	18589	686975	67500	49724	36,9	2,7	Новгородскій, валдайскій, бѣлозерскій.
	Псковская	14864	14864	85902	56463	52802	5,7	3,5	Псковскій, опочецкій, великолуцкій.
	Выборгская	2033	2033	52020	6021	6021	25,5	2,9	Выборгскій.
	Лифляндская	1768	1768	—	—	—	—	—	
	Эстляндская	1594	1594	—	—	—	—	—	
		40362	**39930**	**829576**	**134049**	**112290**	**20,7**	**2,8**	
Орловская.	Орловская	23517	5062	48209	18638	16157	9,5	3,2	Трубчевскій.
	Курская	3038	817	2976	2716	2567	3,5	3,1	Фатежскій, обоянскій.
	Малороссійская	1717	1717	—	—	—	—	—	Новгородско-Сѣверскій.
	Воронежская	9156	5702	54695	48751	45842	9,5	8,0	Павловскій, бобровскій, сѣвскій.
	Слободско-Украинская	1218	1218	8887	7225	6589	7,2	5,4	Богодуховскій, валуйскій.
		38646	**14516**	**114767**	**77330**	**71155**	**7,9**	**4.9**	

...ны нижеслѣдующія данныя о земляхъ (кромѣ оброчныхъ), состоявшихъ въ единственномъ владѣніи Удѣловъ.

Тамбовская.	Тамбовская	23716	22687	12335[illegible]	110372	1023[illegible]	5,4	[illegible]	Борисоглѣбскій, кирсановскій, моршанскій, шацкій.
	Саратовская	12599	2395	95682	93497	67966	39,1	28,4	Вольскій, камышинскій, новохоперскій, саратовскій.
	Астраханская	1487	1484	25043	24342	16112	16,9	10,9	Георгіевскій.
	Новороссійская	519	342	5259	4611	4611	15,3	13,4	Бахмутскій.
Костромская		38321	26908	249337	232822	191055	9,2	7,1	
	Костромская	52497	52497	772342	251752	236683	14,7	4,5	Кинешемскій, юрьевецкій, макарьевскій, варнавинскій.
	Ярославская	743	743	5973	4062	3986	8,0	5,3	Углицкій.
Вятская.		53240	53240	778315	255814	240669	14,6	4,5	
	Вятская	40379	40379	168670	159456	157267	4,1	3,9	Яранскій, уржумскій, сарапульскій, елабужскій
	Оренбургская	12532	2249	16591	8095	7183	7,3	3,1	Оренбургскій, бузулукскій, уфимскій, бирскій, мензелинскій.
	Пермская	5030	5030	86856	32349	23323	17,2	4,6	Осинскій, оханскій.
	Иркутская	5	5	13	13	13	2,6	2,6	Иркутскій, нерчинскій.
Архангельская.		57946	47663	272130	199913	187786	5,7	3,9	
	Архангельская	19481	19481	106476	68693	32499	5,3	1,7	Шенкурскій.
	Вологодская	23314	23314	489387	114905	45026	20,9	1,9	Сольвычегодскій, вельскій, тотемскій.
Смоленская.		42795	42795	595863	183598	77525	13,9	1,8	
	Смоленская	51015	50968	365666	218686	206802	7,2	4,1	Гжатскій, сычевскій, дорогобужскій, бѣльскій, порѣцкій, смоленскій.
	Бѣлорусская	905	805	7536	5474	4893	9,3	6,1	Могилевскій, рогачевскій, чаусовскій, витебскій, велижскій.
Казанская.		51920	51773	373202	224160	211695	7,2	4,1	
	Казанская	10064	2421	16791	9933	8995	6,9	3,7	Казанскій, лаишевскій, царевококшайскій.
	Симбирская	23140	17061	141602	103534	98774	8,3	5,8	Курмышскій, алатырскій, симбирскій.
	Нижегородская	24709	3087	16363	13892	13562	5,3	4,4	Семеновскій, балахнинскій, арзамасскій, ардатовскій, княгининскій.
	Пензенская	23237	18502	147731	140766	138541	8,0	7,5	Инсарскій, краснослободскій.
		81150	41071	322487	268125	259872	7,9	6,3	
	Всего	463495	369138	4015387	1858413	1606165	10,9	4,4	

2) Первое десятилѣтіе послѣ изданія правилъ 1818 г. о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ протекло почти исключительно въ перепискѣ по этому предмету удѣльнаго вѣдомства съ вѣдомствомъ Министерства Финансовъ. Не говоря о той перепискѣ, какую вели удѣльныя конторы съ казенными палатами, и останавливаясь на дѣйствіяхъ только центральныхъ учрежденій и при томъ на дѣйствіяхъ, имѣвшихъ общій, а не частный характеръ, можно указать рядъ настояній Департамента Удѣловъ относительно ускоренія этого дѣла. Такъ, почти черезъ два года послѣ указаннаго въ текстѣ распоряженія Министерства Финансовъ отъ 30 сентября 1818 г., а именно 13 мая 1820 г., по поводу представленія Пензенской Конторы, Департаментъ Удѣловъ отнесся въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ съ „убѣдительной“ просьбой подтвердить кому слѣдуетъ о безотлагательномъ надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ. При этомъ Департаментъ присовокуплялъ, что, хотя по поводу отдѣльныхъ просьбъ онъ неоднократно относился въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, но удовлетвореніе землею удѣльныхъ крестьянъ до сихъ поръ еще не начато. Не получая на это никакого отвѣта, 20 мая 1821 г. Департаментъ Удѣловъ вошелъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ съ новымъ отношеніемъ, въ которомъ счелъ нужнымъ изъяснить, что хотя удѣльные крестьяне и состоятъ въ особомъ управленіи, но они суть тѣ же казенные, и въ подтвержденіе этого сослался на новый Высочайшій указъ 12 марта 1820 г. относительно правилъ на раздачу Всемилостивѣйше пожалованныхъ земель, въ которомъ удѣльные крестьяне упоминались наравнѣ съ казенными *).

На первое отношеніе Департаментъ Удѣловъ получилъ 20 октября 1821 г. увѣдомленіе, что надѣленіе удѣльныхъ крестьянъ пензенской губ. задерживается нерѣшенными дѣлами о въѣзжихъ лѣсахъ. За неполученіемъ же отвѣта на отношеніе 20 мая 1821 г. и на вновь посланное отношеніе отъ 28 сентября 1823 г. и въ виду не прекращавшихся представленій Пензенской, Симбирской и Оренбургской Конторъ о томъ, что крестьяне неотступно просятъ о надѣленіи ихъ въ узаконенную пропорцію, Министръ Удѣловъ 20 марта 1824 г. самъ обратился къ Министру Финансовъ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о скорѣйшемъ надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ.

Между тѣмъ малоземельные удѣльные крестьяне, не получая удовлетворенія отъ своего начальства, начали утруждать просьбами о надѣленіи землею Государя Императора. По поводу одной изъ такихъ просьбъ 15 октября 1824 г. Департаментъ Удѣловъ опять отнесся въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, на что послѣдовало, наконецъ, извѣщеніе отъ 28 октября о томъ, что въ указѣ Правительствующаго Сената 30 апрѣля по дѣлу объ отведеніи земли удѣльнымъ крестьянамъ пацкой волости вологодской губ., между прочимъ, содержится заключеніе, что, по силѣ Высочайшаго объ Императорской Фамиліи Учрежденія 1797 г., удѣльные крестьяне исключены изъ массы государственныхъ и что надѣленіе ихъ изъ казенныхъ земель — кромѣ губерній симбирской, саратовской и оренбургской — не производится. Препровождая этотъ указъ, Департаментъ Государственныхъ Имуществъ просилъ Департаментъ Удѣловъ сообщить ему свое заключеніе и прибавлялъ, что онъ не приступитъ къ распоряженіямъ о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ трехъ губерній, которыя поименованы въ указѣ.

Такой оборотъ дѣла побудилъ Департаментъ Удѣловъ обратиться въ Правительствующій Сенатъ съ разъясненіемъ, что, по силѣ § 137 Положенія Департамента Удѣловъ и именныхъ Высочайшихъ указовъ отъ 26 іюня 1801 г. (о нарѣзкѣ къ удѣльнымъ селеніямъ при генеральномъ размежеваніи въ симбирской, саратовской и оренбургской губерніяхъ изъ казенныхъ земель по 15 десят. на душу) и 12 марта 1820 г. п. 1 (см. выноску), удѣльные крестьяне имѣли одинаковое право на надѣленіе землею съ казенными не въ трехъ только губерніяхъ, упоминаемыхъ въ указѣ Сената отъ 30 апрѣля 1824 г., а вездѣ, гдѣ въ ихъ пользованіи находится менѣе узаконенной

*) П. С. З. № 28195; въ п. 1 этихъ правилъ значится слѣдующее: «отводить въ пожалованіе земли въ тѣхъ только губерніяхъ, гдѣ количество казенныхъ земель въ общей сложности превосходитъ 15-ти-десятинную пропорцію на число душъ казенныхъ и удѣльныхъ поселянъ послѣдней ревизіи».

пропорціи земли. Поэтому, въ требованіи относительно надѣленія этихъ крестьянъ онъ считаетъ себя обязаннымъ руководствоваться вышеуказанными Высочайшими постановленіями. Объ этомъ того же ноября 1824 г. Департаментъ Удѣловъ сообщилъ Департаменту Государственныхъ Имуществъ.

Одновременно съ перепиской двухъ вѣдомствъ относительно общаго надѣленія казенными землями удѣльныхъ крестьянъ, происходила также переписка по предмету удовлетворенія ходатайствъ о томъ со стороны отдѣльныхъ селеній; и такъ какъ требованія Департамента Удѣловъ оставлялись при этомъ обыкновенно безъ удовлетворенія, то Министръ Удѣловъ вновь обратился къ Министру Финансовъ съ просьбою о побужденіи подвѣдомственныхъ ему органовъ къ скорѣйшему надѣленію удѣльныхъ крестьянъ. На это Министръ Финансовъ 2 февраля 1827 г. отвѣчалъ. что, по силѣ существующихъ узаконеній, удѣльные крестьяне должны быть надѣляемы подобно казеннымъ и что изданіе новыхъ по этому предмету постановленій онъ считаетъ излишнимъ. Департаментъ Удѣловъ воспользовался этимъ разъясненіемъ, чтобы дать толчекъ медленно подвигавшемуся впередъ дѣлу о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ узаконенной пропорціей земли и, сообщая о его содержаніи удѣльнымъ конторамъ, предписалъ имъ возобновить свои настоянія о томъ передъ казенными палатами (циркуляръ 22 апрѣля 1827 г.).

Высочайшія повелѣнія, на основаніи которыхъ въ началѣ текущаго столѣтія производилось надѣленіе крестьянъ узаконенной пропорціей земли, состоялись послѣ 5 ревизіи, и первые случаи примѣненія этихъ узаконеній заключались въ надѣленіи крестьянъ по душамъ 5 ревизіи. Когда же Департаментъ Удѣловъ приступилъ къ систематическимъ мѣропріятіямъ по надѣленію подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, счетъ послѣднихъ производился уже по душамъ 6 ревизіи, почему и въ перепискѣ съ Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1814 г. Департаментъ Удѣловъ представлялъ объ отведеніи крестьянамъ казенныхъ земель по душамъ 6 ревизіи. Расчетъ земли послѣ 6 ревизіи по душамъ этой послѣдней производился въ это время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ также при надѣленіи казенныхъ крестьянъ; но Правительствующій Сенатъ, на разрѣшеніе котораго поступилъ этотъ вопросъ, указомъ 14 января 1814 г. разъяснилъ, что такъ какъ Высочайшія узаконенія о надѣленіи крестьянъ землями состоялись во время 5 ревизіи, то этотъ же счетъ долженъ приниматься и въ послѣдующихъ отводахъ крестьянамъ земли впредь до Высочайшаго повелѣнія о надѣленіи крестьянъ по душамъ 6 ревизіи. Этотъ указъ былъ примѣненъ и къ удѣльнымъ крестьянамъ. По причинѣ большой потери людей вслѣдствіе военныхъ событій 1812—1815 гг., новая, седьмая перепись населенія назначена была черезъ три года послѣ шестой, и Высочайшаго повелѣнія о дополненіи надѣловъ крестьянъ по душамъ 6 ревизіи не появилось. Первое же предписаніе о счетѣ крестьянъ, при отведеніи имъ земли, по душамъ 7, а не 5 ревизіи, имѣется въ Высочайше утвержденномъ 8 октября 1825 г. *) мнѣніи Государственнаго Совѣта о надѣленіи владѣльческихъ крестьянъ, при размежеваніи земель, въ многоземельныхъ губерніяхъ 15 дес. на душу 7 ревизіи. Согласно представленію Министра Финансовъ о распространеніи этого указа на селенія казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, состоялось мнѣніе о томъ Государственнаго Совѣта, получившее Высочайшее утвержденіе 29 апрѣля 1827 г. Въ этомъ видѣ, т. е. со счетомъ душъ по 7 ревизіи, положеніе о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землей вошло въ Сводъ Законовъ изд. 1832 г. **).

Изъ сказаннаго видно, что хотя надѣленіе крестьянъ казенными землями—въ случаяхъ, когда оно имѣло мѣсто,—производилось по ревизскимъ душамъ, но вплоть до 30-хъ гг. текущаго столѣтія каждый разъ требовалось особое Высочайшее повелѣніе, чтобы установить право крестьянъ на надѣлъ по душамъ послѣдней, т. е. новой ревизіи. Это положеніе вещей измѣнилось съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Согласно представленію графа Киселева, Государственный Совѣтъ постановилъ, чтобы надѣленіе казенныхъ крестьянъ производилось вообще по душамъ послѣдней ревизіи. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта, получившее Высо-

*) П. С З., № 30527.

**) Т. XII, о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, ст. 385.

чайшее утвержденіе 9 ноября 1838 г., состоялось послѣ 8 ревизіи, и управляющіе удѣльными конторами возбудили вопросъ о примѣненіи его и къ удѣльнымъ крестьянамъ. Но такъ какъ казенныя палаты, къ которымъ они обращались съ соотвѣтствующими требованіями, не давали Высочайшему повелѣнію столь распространеннаго толкованія, то Департаментъ Удѣловъ 1 августа 1839 г. вошелъ въ 1-й Департаментъ Государственныхъ Имуществъ съ отношеніемъ, въ которомъ вновь доказывалъ право удѣльныхъ крестьянъ на надѣленіе казенными землями наравнѣ съ крестьянами государственными и просилъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы Высочайшій указъ 9 ноября 1838 г. былъ распространенъ и на крестьянъ удѣльныхъ. Министръ Государственныхъ Имуществъ приказалъ исполнить требованіе удѣльнаго вѣдомства вездѣ, гдѣ находились лѣса, допускаемые къ расчисткѣ, и свободныя земли, не приносившія дохода и не могущія потребоваться для удовлетворенія нуждъ государственныхъ крестьянъ. На это распоряженіе вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, ограничивавшее право удѣльныхъ крестьянъ на полученіе казенныхъ земель условіемъ предварительнаго удовлетворенія земельной нужды крестьянъ государственныхъ, послѣдовало возраженіе Министра Императорскаго Двора, вызвавшее отвѣтъ Министра Государственныхъ Имуществъ отъ 16 ноября 1839 г. въ такомъ смыслѣ, что онъ признаетъ удѣльныхъ крестьянъ подлежащими надѣленію казенной землей наравнѣ съ государственными и по правиламъ, установленнымъ для этихъ послѣднихъ, и готовъ всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать отведенію имъ земель. Послѣ этой переписки Департаментъ Удѣловъ извѣстилъ управляющихъ конторами циркуляромъ отъ 14 декабря 1839 г., что удѣльныхъ крестьянъ положено надѣлять узаконенной пропорціей земли по числу душъ 8 ревизіи наравнѣ съ государственными крестьянами и на основаніи правилъ, установленныхъ для этихъ послѣднихъ.

Въ только-что упомянутомъ отношеніи Министра Государственныхъ Имуществъ (отъ 16 ноября 1839 г.), между прочимъ, сказано, что надѣленію по числу душъ 8 ревизіи подлежали лишь крестьяне, имѣвшіе менѣе 5 дес. на душу. Такой же отзывъ давали и казенныя палаты удѣльнымъ конторамъ на ихъ требованія о примѣненіи къ подвѣдомственнымъ имъ крестьянамъ Высочайшаго указа 9 ноября 1838 г. Ограниченіе этой нормой права крестьянъ требовать дополнительной нарѣзки земли дѣлалось на основаніи Высочайше утвержденныхъ 18 февраля 1824 г. правилъ о надѣленіи казенныхъ крестьянъ, правилъ, вошедшихъ въ сводъ законовъ, т. XII, ст. 385, въ п. 1 коей значится: „изъ малоземельныхъ казенныхъ селеній имѣютъ право на надѣленіе узаконенной пропорціей (15 и 8 десятинной) земель только тѣ, у которыхъ съ лѣсами, могущими обратиться въ расчистку, менѣе 5 дес. на душу послѣдней ревизіи". Въ Высочайше же утвержденномъ 9 ноября 1839 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землей по числу душъ послѣдней ревизіи это постановленіе выражено такимъ образомъ: „взамѣнъ статьи 385 Свода Постановленій о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ, т. XII, постановить: въ губерніяхъ многоземельныхъ каждому казенному селенію отводить въ надѣленіе по пятнадцати, а въ малоземельныхъ по восьми десятинъ на душу послѣдней ревизіи, если впрочемъ для надѣленія въ сихъ размѣрахъ имѣется въ тѣхъ мѣстахъ достаточное количество свободныхъ казенныхъ земель". Въ такомъ видѣ это постановленіе вошло въ продолженіе Свода Законовъ изд. 1839 г., взамѣнъ статьи 385 т. XII изд. 1832 г., и прежнія ограниченія правъ крестьянъ на дополненіе ихъ надѣловъ оказались такимъ образомъ уничтоженными. Министръ Императорскаго Двора сослался на это обстоятельство въ отношеніи отъ 7 іюля 1842 г. Но такъ какъ Министръ Государственныхъ Имуществъ признавалъ полезнымъ сохранить прежнія ограниченія права крестьянъ на дополненіе ихъ надѣловъ изъ казенныхъ земель, то онъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о возстановленіи прежней редакціи ст. 385, и мнѣніе Государственнаго Совѣта въ этомъ смыслѣ получило Высочайшее утвержденіе 2 ноября 1842 г. *).

Чрезъ нѣкоторое время послѣ обмѣна имѣніями между Удѣлами и казной постановка вопроса о надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ изъ государственныхъ земель потерпѣла существенныя измѣненія.

*) П. С. З. № 16150.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, въ январѣ мѣсяцѣ 1847 г., дѣла о передачѣ въ удѣльное вѣдомство лѣсовъ, состоявшихъ при удѣльныхъ селеніяхъ вологодской губерніи, Министръ Государственныхъ Имуществъ сообщилъ, что количество свободныхъ казенныхъ земель оказывалось уже весьма ограниченнымъ, между тѣмъ какъ возрастающее населеніе, конечно, будетъ постоянно требовать новыхъ надѣловъ. Съ другой стороны, удѣльное вѣдомство, послѣ передачи ему (въ 30-хъ годахъ) земель въ симбирской губерніи, въ общемъ, имѣло, вѣроятно, достаточно земли для дополненія въ узаконенную пропорцію надѣловъ состоявшихъ въ его вѣдѣніи крестьянъ. Если же, избѣгая издержекъ переселенія и основываясь на Высочайшемъ повелѣніи 2 ноября 1842 г. (о правѣ удѣльныхъ крестьянъ на дополненіе надѣла изъ казенныхъ земель), оно будетъ продолжать требовать надѣленія своихъ крестьянъ отъ казны, то и казна, на основаніи того же узаконенія, можетъ потребовать обращенія въ ея пользу излишнихъ земель, состоявшихъ при удѣльныхъ селеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, принимать ихъ въ счетъ при надѣленіи отъ казны удѣльныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ. Послѣ объясненія Управляющаго Министерствомъ Удѣловъ, что онъ не отказывается отъ предполагаемаго Министромъ Государственныхъ Имуществъ учета земель въ тѣхъ случаяхъ, когда, за отсутствіемъ общаго владѣнія Удѣловъ съ другими лицами или учрежденіями, можно съ точностью опредѣлить площадь удѣльныхъ угодій, — Государственный Совѣтъ, признавая сдѣланные отзывы вполнѣ заслуживающими уваженія и одинаково основанными на дѣйствующихъ узаконеніяхъ, счелъ нужнымъ предоставить Министрамъ Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, по взаимному соглашенію, составить надлежащій расчетъ въ земляхъ и угодьяхъ по числу ревизскихъ душъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ многоземельныхъ губерній и въ дальнѣйшемъ поступать на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2 ноября 1842 г. и правилъ ст. 10 постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (замѣнившей ст. 385, XII т. Свода Законовъ прежнихъ изданій). Вслѣдствіе выраженнаго Государемъ Императоромъ повелѣнія, чтобы это дѣло было рѣшено скорѣе, Министры Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ представили всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъясняли, что до вымежеванія удѣльныхъ земель изъ дачъ общаго владѣнія общій расчетъ въ земляхъ между Удѣлами и казною представляется неудобнымъ и что они полагаютъ только принять правиломъ— для надѣленія удѣльныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ назначать преимущественно свободныя удѣльныя земли и только въ случаѣ недостатка таковыхъ обращаться къ землямъ казеннымъ. Отступленіе отъ этого правила допускалось лишь для архангельской губеніи.

3) Получивъ извѣщеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, что требуемая имъ башкирская земля въ николаевскомъ уѣздѣ находится въ спорѣ, удѣльное вѣдомство въ теченіе 9 лѣтъ неоднократно справлялось о ходѣ спорнаго дѣла и получало всегда въ отвѣтъ, что оно еще не приведено къ окончанію. Между тѣмъ управляющій Саратовскою Конторою донесъ Департаменту Удѣловъ, что на отрѣзанныя у башкиръ земли производится уже переселеніе 6000 душъ казенныхъ крестьянъ и что, если не поспѣшить съ окончаніемъ дѣла объ отводѣ изъ этихъ земель въ удѣльное вѣдомство, то въ скоромъ времени вся удобная площадь окажется занятой. Это донесеніе побудило Министра Императорскаго Двора поспѣшить съ ходатайствомъ объ отводѣ удѣльному вѣдомству 300 тыс. дес. изъ башкирскихъ земель. Ходатайство это, возбужденное въ 1849 г., вызвало отвѣтъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ земля, о которой идетъ рѣчь, предназначалась въ 1805 г. для поселенія малоземельныхъ крестьянъ воронежскаго, тамбовскаго и симбирскаго удѣльныхъ имѣній, а послѣ состоявшагося размѣна Удѣловъ съ казной, первыя два имѣнія перешли въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, а въ симбирской губ. Удѣлы получили больше 600 тыс. дес. лишней земли противъ имъ отданной, то въ отводѣ имъ башкирской земли надобности больше не представляется. На замѣчаніе Министерства Императорскаго Двора, что, кромѣ крестьянъ тѣхъ губерній, которыя отошли въ казну, искомыя 300 тыс. дес. должны служить также для удовлетворенія потребности въ землѣ крестьянъ саратовской губ., гдѣ насчитывалось около 21 тыс. наличныхъ душъ, имѣвшихъ до 5, до 3 и даже до

2 дес. земли на душу, что Удѣлъ удовлетворился бы полученіемъ такой площади, которая вмѣстѣ съ землею саратовскаго имѣнія была достаточна для надѣленія крестьянъ этого имѣнія хотя бы 10 десятинной пропорціей, а именно 116088 дес.,—Министръ Государственныхъ Имуществъ объяснилъ, что Правительствующій Сенатъ предназначалъ 300 тыс. десят. башкирской земли для надѣленія удѣльныхъ крестьянъ не саратовской, а малоземельныхъ губерній, и что въ вѣдомствѣ Государственныхъ Имуществъ вообще находится очень мало земли сравнительно съ потребностью въ ней государственныхъ крестьянъ. Департаментъ Удѣловъ, вновь пересмотрѣвъ послѣ этого вопросъ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: хотя удѣльные крестьяне саратовскаго имѣнія владѣютъ въ среднемъ лишь 7 десятинной пропорціей земли, но не болѣе того, по сообщенію графа Киселева, имѣютъ и государственные крестьяне той же губерніи; сверхъ того, согласно тому же сообщенію, число государственныхъ крестьянъ, по малоземелью имѣвшихъ право на переселеніе, превосходитъ милліонъ душъ, а число имѣвшихъ право на дополненіе надѣла до узаконенной пропорціи достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, свободныхъ же казенныхъ земель остается очень незначительное количество,—принимая все это во вниманіе, Департаментъ Удѣловъ полагаетъ: ходатайство объ отводѣ въ удѣльное вѣдомство 300 тыс. дес. казенной земли отложить. Эта резолюція Департамента Удѣловъ утверждена была Министромъ Императорскаго Двора 24 января 1852 г.

4) Это обстоятельство, на которое Департаменту Удѣловъ было указано оренбургскимъ вице-губернаторомъ, какъ на серьезное препятствіе къ удовлетворенію нуждающихся въ землѣ удѣльныхъ крестьянъ, побудило Департаментъ войти 20 мая 1821 г. въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ съ предложеніемъ разрѣшить отступленіе отъ правилъ, предписанныхъ Министромъ Финансовъ 30 сентября 1818 г. казеннымъ палатамъ въ руководство при надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ. Департаментъ Удѣловъ предлагалъ, чтобы казенные крестьяне, владѣвшіе полными надѣлами и не возбуждавшіе ходатайствъ о перемѣнѣ состоявшихъ въ ихъ пользованіи участковъ, не были спрашиваемы о томъ — не желаютъ ли они совершить обмѣнъ этихъ послѣднихъ на землю, предполагаемую къ отводу удѣльнымъ крестьянамъ, и чтобы излишнія при казенныхъ селеніяхъ земли, смежныя съ селеніями удѣльныхъ крестьянъ, отдавались послѣднимъ по мѣрѣ надобности, хотя бы казенные крестьяне и не имѣли полной пропорціи земли по душамъ послѣдней ревизіи. Отвѣтъ на это предложеніе не извѣстенъ.

Глава II.

Платежи крестьянъ.

Подушный оброкъ. Поземельный сборъ.

А. Подушный оброкъ.

Подушный оброкъ при передачѣ крестьянъ изъ дворцоваго въ удѣльное вѣдомство.— Измѣненіе окладовъ въ 1809 г., въ 1811 г. и въ 1823 г.—Уравненіе окладовъ удѣльныхъ крестьянъ съ окладами крестьянъ государственныхъ.

При переводѣ въ удѣльное вѣдомство, дворцовые крестьяне несли на себѣ, наравнѣ съ остальными казенными крестьянами, слѣдующіе государственные платежи: подушную подать, въ размѣрѣ 1 руб. асс. съ души, и оброкъ въ 3 руб. съ души собственно за состоявшія въ ихъ пользованіи земли. Подушная подать и впредь продолжала поступать въ государственную казну; трехъ-рублевые же оброки за земли, съ переходомъ крестьянъ въ завѣдываніе удѣльнаго управленія, стали составлять доходъ удѣльнаго вѣдомства.

Доходъ этотъ, первоначально носившій характеръ подушнаго сбора, а впослѣдствіи преобразованный въ такъ называемый поземельный сборъ, подвергался отъ времени до времени измѣненію, причемъ возвышеніе подушнаго оброка съ удѣльныхъ крестьянъ происходило приблизительно одновременно съ увеличеніемъ оброчнаго платежа крестьянъ казенныхъ.

Первое возвышеніе оброка состоялось въ 1797 г. и оно тѣмъ отличалось отъ послѣдующихъ, что было произведено однимъ Высочайшимъ указомъ для удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ и въ одинаковомъ для тѣхъ и другихъ размѣрѣ. Согласно Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 18-го декабря 1797 г., вмѣсто однообразнаго для всѣхъ мѣстностей оброка вводились различные оклады, сообразованные „съ свойствами земли, изобиліемъ въ ней и способами для обитателей къ работамъ и съ промыслами ихъ“. Для этого всѣ губерніи Импе-

ріи были раздѣлены на 4 класса, по которымъ и установлены были оклады (не считая 2% расходовъ взиманія) въ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к. и 5 р. съ души.

Кромѣ этихъ нормъ оброка по классамъ губерній, въ удѣльномъ вѣдомствѣ существовали еще особые оклады, съ одной стороны не достигавшіе этихъ нормъ, а съ другой—превосходившіе ихъ. По даннымъ, относящимся къ 1809 г., оброки ниже оклада, назначеннаго для 4-го класса губерній, несли 496 душъ удѣльныхъ крестьянъ смоленской губерніи и 1075 душъ воронежской губерніи; оброки же, превышавшіе окладъ 1-го класса и колебавшіеся между 6 р. и 20 р. на душу, лежали на крестьянахъ, пріобрѣтавшихся отъ помѣщиковъ.

Новое возвышеніе оброчнаго платежа казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ состоялось въ 1810 г. По указу 2 февраля этого года, существовавшіе въ то время оклады оброка съ казенныхъ крестьянъ повышены были на сумму отъ 2 до 3 р., вслѣдствіе чего образовались оклады (по классамъ губерній) въ 5 р. 50 к., 6 р., 7 р. и 8 р. съ души. Возвышеніе оброка мотивировалось: 1) увеличеніемъ дохода крестьянъ отъ прирѣзки казенныхъ земель до узаконенной нормы надѣла (8 и 15 дес.), отъ отдачи въ ихъ безоброчное владѣніе многихъ казенныхъ оброчныхъ статей и отъ возвышенія цѣнъ на продукты ихъ хозяйственной дѣятельности и 2) пониженіемъ платежей крестьянъ въ казну, обусловленнымъ упадкомъ цѣнности ассигнацій. Возвышеніе оклада и произведено было „въ вознагражденіе сего ущерба (для казны) и дабы приблизить оброкъ къ тому количеству, какое поступало въ казну при началѣ его установленія“. Основаніемъ для одновременнаго съ нимъ возвышенія оброка съ удѣльныхъ крестьянъ выставлялось также улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, подтверждавшееся, между прочимъ, тѣмъ, что общая сумма недоимки оброчнаго сбора (за исключеніемъ псковской губ.) составляла всего 76 тыс. р. асс., причемъ почти половина этой суммы приходилась на одну смоленскую губернію. Но возвышеніе оброчныхъ платежей удѣльныхъ крестьянъ въ 1810 г. произведено было особо отъ возвышенія оброка крестьянъ государственныхъ и по отличному отъ него плану.

Въ основѣ различія окладовъ оброка казенныхъ крестьянъ лежало по прежнему раздѣленіе губерній на классы, и всѣ крестьяне одной губерніи несли одинаковый платежъ. При возвышеніи же оброка удѣльныхъ крестьянъ была сдѣлана попытка ввести

нѣкоторую пропорціональность оклада доходу въ границахъ губерніи, и группировкѣ по классамъ подверглись болѣе мелкія единицы—приказы, вслѣдствіе чего въ одной и той же губерніи образовалось нѣсколько нормъ оклада. Эта система обложенія, при которой нужно было принимать въ расчетъ хозяйственное положеніе небольшихъ районовъ, не могла быть осуществлена безъ участія мѣстныхъ учрежденій, и Департаментъ Удѣловъ предполагалъ, что управляющіе конторами, въ теченіе двухъ-лѣтняго существованія послѣднихъ (съ 1808 г.), настолько ознакомились съ положеніемъ крестьянъ, что могли доставить надлежащія данныя для классификаціи приказовъ по ихъ хозяйственному положенію. Но, приступая къ возвышенію сборовъ съ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, Департаментъ Удѣловъ желалъ имѣть болѣе наглядныя доказательства того, что проектируемые имъ оклады находились дѣйствительно въ соотвѣтствіи съ матеріальными средствами населенія, и чтобы получить это доказательство, онъ предположилъ обратиться съ запросомъ о томъ къ самимъ крестьянамъ.

13 Мая 1809 г. управляющимъ конторами послано было предписаніе съ изложеніемъ намѣреній Департамента, а предписанію предшествовало объяснительное письмо тогдашняго Министра Удѣловъ графа Гурьева, въ которомъ, между прочимъ, было высказано: „удѣльные крестьяне, платящіе доселѣ оброкъ по классамъ губерній, новымъ положеніемъ вполнѣ обезпечены какъ со стороны вліянія на нихъ посторонняго начальства, такъ и вообще защищены они по дѣламъ ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ; при попечительности и безкорыстіи управляющаго конторою, имъ ничего не остается, кромѣ какъ обратить себя къ промысламъ и хозяйству; слѣдственно, самая справедливость требуетъ, чтобы они вновь часть своихъ избытковъ удѣляли въ доходъ Департамента. Но прежде нежели приступите вы къ назначенію прибавки оброка, обратите вниманіе на состояніе каждаго селенія, разсмотрите со всею подробностью хозяйство, промышленность и способы каждаго крестьянскаго семейства и потомъ сообразите изобиліе ихъ съ возможностію получать отъ нихъ преимущественнѣйшіе противъ нынѣшнихъ доходы. Я полагаю возвышеніе оброка расположить по приказамъ такъ, чтобы крестьяне одного, по мѣрѣ ихъ способовъ, платили оброка съ ревизской души отъ 5 до 6 р., а другого приказа, имѣющіе большіе способы къ избыткамъ, отъ 7 до 8 р. Таковая накладка ни мало не можетъ быть отяготительна, если взять въ соображеніе нынѣшнее состояніе издѣлій и промышлен-

ности, цѣны на всѣ произведенія отъ рукъ крестьянъ, всѣ способы, какіе они по оборотамъ своимъ имѣютъ, и то, что крестьяне изъ тѣхъ же самыхъ дворцовыхъ волостей, пожалованные разнымъ особамъ, нигдѣ не платятъ менѣе 10 руб. съ души и притомъ находятся въ самомъ изобильномъ и лучшемъ положеніи. Отъ васъ будетъ зависѣть внушить лучшимъ крестьянамъ о томъ попеченіи, какое правительствомъ употребляется къ устроенію ихъ благосостоянія; посовѣтуйтесь съ ними и постарайтесь согласить ихъ на прибавку оброка кротостію и увѣщаніями. Не послужитъ вамъ въ похвалу, если вы употребите какія либо строгія мѣры, и крестьяне не по доброй волѣ, а по принужденію обяжутся вносить назначеную прибавку. Надо довести ихъ до того, чтобы они сами почувствовали справедливость требованій начальства. Я надѣюсь, что вы будете въ семъ случаѣ дѣйствовать со всею осмотрительностью и благоразуміемъ".

Со второй половины 1809 года начали поступать донесенія управляющихъ конторами о выполненіи возложеннаго на нихъ порученія, съ объясненіемъ пріемовъ, употреблявшихся ими для склоненія крестьянъ къ согласію на прибавку оброка, и съ приложеніемъ приговоровъ мірскихъ обществъ по этому предмету и вѣдомостей предположеннаго возвышенія окладовъ. Какъ видно изъ этихъ донесеній, управляющіе конторами предварительно соглашали къ возвышенію оброка „лучшихъ", „степенныхъ", „старостепенныхъ" крестьянъ, а затѣмъ собирали сходы по приказамъ, селеніямъ или волостямъ, иногда въ присутствіи священника, и на нихъ убѣждали крестьянъ согласиться на прибавку оброка. При неуспѣхѣ этихъ убѣжденій, та же процедура повторялась иногда нѣсколько разъ и затѣмъ составлялся приговоръ объ окончательномъ рѣшеніи схода по этому вопросу.

Результаты убѣжденій управляющихъ въ большинствѣ случаевъ были благопріятны для предложенія: огромное большинство крестьянъ соглашалось на возвышеніе оброка, причемъ такое согласіе послѣдовало и въ имѣніяхъ, не отличавшихся зажиточностью населенія.

Не во всѣхъ, впрочемъ, имѣніяхъ старанія управляющихъ увѣнчивались успѣхомъ и не безъинтересно, что уклоненіе отъ выраженія согласія на возвышеніе оброка далеко не всегда исходило отъ наиболѣе бѣдныхъ крестьянъ. Такъ, общій отказъ отъ возвышенія оброка заявленъ крестьянами московскаго и владимірскаго имѣній; въ архангельскомъ же имѣніи на прибавку оброка согла-

сились всего двѣ волости; въ нѣкоторыхъ другихъ имѣніяхъ встрѣчались отдѣльные приказы или селенія, отказывавшіеся отъ возвышенія оброка.

Отказы населенія отъ принятія предложенія управляющихъ носили вообще мирный и почтительный характеръ, хотя въ донесеніяхъ управляющихъ и встрѣчаются указанія на недоразумѣнія, возбужденныя этимъ дѣломъ, и на какія-то подозрѣнія, возникшія кое-гдѣ среди крестьянъ. Такъ, нѣкоторые крестьяне лопатницкаго приказа владимірской губерніи „отвергли предложеніе о накладкѣ оброка съ невѣжествомъ и грубостью", сдѣлали сходку безъ вѣдома головы и приказа для сбора какихъ-то денегъ (по предположенію управляющаго, для отправленія ходока въ Петербургъ) „и по предразсудку своему полагаютъ, будто то объ оброкѣ внушеніе принадлежитъ къ выгодамъ его, управляющаго, а когда узнавъ о томъ, спросилъ ихъ для чего собираютъ деньги, то крестьяне лично сказали, что нѣтъ, де, тебѣ надобности, міръ—велико дѣло". Крестьяне галановскаго приказа вятскаго имѣнія, согласившись сначала на прибавку къ платимому ими оброку по 25 к. съ души, вскорѣ послѣ того начали говорить, что это дѣло затѣяно управляющимъ для его личной выгоды, и возникшія вслѣдствіе этого волненія потребовали обращенія къ военной силѣ. Въ противоположность сказанному, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ предложеніе начальства о добровольномъ возвышеніи платежа въ доходъ Удѣловъ возбудило въ крестьянахъ надежду на возможность улучшенія этимъ путемъ ихъ положенія. Такъ, крестьяне нѣкоторыхъ вотчинъ петербургскаго имѣнія обусловливали свое согласіе на возвышеніе оброка отдачей въ ихъ владѣніе спорной съ помѣщиками земли, а управляющій Тамбовской Конторой, донося о томъ, что на прибавку оброка, въ размѣрѣ 1 р. на душу, согласились даже бѣдныя селенія, объяснялъ, что крестьяне охотно прибавили бы больше, „если бы удостоены были поравненія съ прочими 8-ми десятинной пропорціей земли".

Управляющіе удѣльными конторами неодинаково относились къ отказамъ крестьянъ добровольно возвысить оброкъ. Одни изъ нихъ признавали, что эти отказы являются результатомъ бѣдности и малоземелія населенія; другіе не видѣли уважительныхъ для того экономическихъ причинъ и объясняли отказы характеромъ даннаго населенія [1]).

По мысли Департамента Удѣловъ, предположенія управляю-

щихъ конторами о возвышенiи оброка должны были быть сообразованы съ хозяйственнымъ положенiемъ крестьянъ, откуда слѣдуетъ, повидимому, заключенiе, что для каждаго имѣнiя управляющiе должны бы дать нѣсколько нормъ предполагаемаго оброка (въ письмѣ къ управляющимъ Министра Удѣловъ указаны были только нормы отъ 5 до 6 руб. и отъ 7 до 8 руб.). Большая часть управляющихъ такъ именно и поступала. Нѣкоторые же изъ нихъ, затрудняясь распредѣленiемъ подвѣдомственныхъ имъ селенiй на разряды, проектировали одинаковую прибавку оброка для всѣхъ крестьянъ. Управляющiй Владимiрской Конторой дѣлалъ это „для лучшей уравнительности и къ возбужденiю замѣченныхъ имъ въ нерадѣнiи къ трудолюбiю"; управляющiй Казанской Конторой—потому, что „и въ самыхъ лучшихъ селенiяхъ находится большая половина бѣдныхъ крестьянъ" и т. д.

Представляя Департаменту вѣдомости о размѣрѣ предположеннаго ими возвышенiя оброка, нѣкоторые управляющiе конторами не включали въ нихъ отдѣльныхъ бѣдныхъ селенiй или цѣлыхъ приказовъ. Такъ, управляющiй Тамбовской Конторой проектировалъ оставить безъ повышенiя оброка малоземельныя мелкiя селенiя, управляющiй Смоленской Конторой—два приказа, накопившiе 44-хъ-тысячную недоимку, управляющiй Саратовской Конторой—крестьянъ большого села Золотова и т. д. Нѣкоторые управляющiе, хотя и исполняли понятое ими буквально распоряженiе начальства, какъ требующее непремѣннаго, будто бы, возвышенiя крестьянскихъ платежей, но не скрывали, однако, того, что это возвышенiе мало совмѣстимо съ матерiальнымъ состоянiемъ крестьянъ. Управляющiй Казанской Конторой, напр., доносилъ, что, затрудняясь въ разборѣ селенiй по ихъ благосостоянiю, онъ склонялъ всѣхъ крестьянъ къ принятiю 8-ми-рублеваго оброка (вмѣсто уплачивавшагося ими 5-рублеваго), но затѣмъ, сознавая справедливость ихъ заявленiй о томъ, что 8-ми-рублевый платежъ многимъ изъ нихъ непосиленъ, онъ былъ принужденъ понизить предположенный окладъ до 7 руб. Равнымъ образомъ и управляющiй Псковской Конторой, убѣдивъ почти всѣхъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ согласиться возвысить уплачиваемый ими 4-хъ-рублевый оброкъ на 1 и на 2 руб. съ души, и какъ-бы извиняясь за столь незначительную, по его мнѣнiю, прибавку, въ донесенiи о томъ Министру объяснялъ: „смѣю удостовѣрить, что большей прибавки на здѣшнихъ крестьянъ, малоземельныхъ, безлѣсныхъ и оскудѣвшихъ отъ неурожаевъ, сдѣлать нельзя".

Изъ вѣдомостей, представленныхъ управляющими, усматривается, что предположенная ими и сельскими обществами прибавка къ оброку, начинаясь съ 25 к., доходила до 5 р. 92 к. на душу, причемъ въ большинствѣ случаевъ она была проектирована въ размѣрѣ отъ 2 до 3 р. Имѣя въ виду не назначать оброка выше 8 р. на душу и округляя цифры, Департаментъ Удѣловъ составилъ вѣдомость новымъ окладамъ, согласно которой общая сумма оброка возрастала на 790 тыс. р., или на 33%, а душевые платежи удѣльныхъ крестьянъ (за исключеніемъ всѣхъ крестьянъ псковской губерніи и двухъ приказовъ смоленской) были увеличены въ размѣрѣ отъ $4^1/_4$ коп. до 3 р. 96 к. Наименьшее повышеніе оброка, въ размѣрѣ до 1 р., сдѣлано было для всѣхъ крестьянъ пензенской губ., плативших раньше по 5 р. 10 к. (повышеніе на 90 к.), для большей части крестьянъ смоленской губ. (повышеніе на 41 — 91 к.), для нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ разныхъ другихъ губерній, уплачивавшихъ оброкъ въ 5 р. 10 к., и для нѣкоторыхъ крестьянъ, пріобрѣтенныхъ отъ частныхъ владѣльцевъ. Этой надбавкой прежніе оброки увеличивались на 18% и меньше. Прибавкѣ отъ 3 р. и выше подверглись оклады 14192 душъ московской губ., 1200 душъ воронежской губ. и 2300 душъ оренбургской губ.: эта надбавка составляла отъ 75 до 90% душевого оклада. Возвышеніе оброка остальныхъ крестьянъ въ абсолютныхъ и относительныхъ числахъ колебалось между указанными предѣлами. Обремененные недоимками крестьяне псковской губ. (22743 души) и двухъ приказовъ смоленской губ. (6050 душъ), впредь до погашенія недоимки, оставлены были на прежнемъ оброкѣ (4—4 р. 50 к. съ души).

Составленная въ Департаментѣ Удѣловъ вѣдомость вновь проектированныхъ окладовъ была Высочайше утверждена 24 декабря 1809 г., и 31 декабря послано было предписаніе управляющимъ конторами о взиманіи оброка по новымъ окладамъ съ первой половины 1810 г., причемъ имъ предлагалось объявить объ этомъ на мірскихъ сходкахъ и разъяснить крестьянамъ, что возвышеніе оброка не достигало размѣровъ, назначенныхъ ими самими, и сдѣлано „по уравнительному состоянію мѣстныхъ ихъ выгодъ отъ земли и способовъ отъ промысловъ“. Послѣ этого разъясненія нужно было взять съ крестьянъ подписки о томъ, что имъ объявлено о возвышеніи оброка, и подписки эти хранить въ приказахъ. Оброчная подать съ государственныхъ кре-

стьянъ, какъ сказано выше, увеличена была по указу 2 февраля 1810 года.

Чрезъ годъ, 11 февраля 1811 г., управляющій вятскимъ имѣніемъ доносилъ Департаменту Удѣловъ, что крестьяне ершевскаго приказа согласились прибавить въ пользу Удѣловъ еще по 1 руб. съ души; на это Департаментъ предписалъ объявить крестьянамъ, что прибавочные сборы могутъ быть производимы только по Высочайшему повелѣнію.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, 5 іюля 1811 г., по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, согласно представленію Министра Удѣловъ, состоялось повышеніе на 1 р. оброка со всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, исключая крестьянъ, обремененныхъ крупной недоимкой и пріобрѣтенныхъ покупкой, если послѣдніе вносили не менѣе 10 р. съ души; а манифестомъ 11 февраля 1812 г., съ цѣлью погашенія государственныхъ долговъ, увеличена была также на 1 р. подушная подать со всѣхъ крестьянъ Имперіи и на 2 р. оброчный платежъ казенныхъ крестьянъ.

Вскорѣ послѣ этого нѣкоторые управляющіе конторами входили въ Департаментъ Удѣловъ съ представленіями объ уравненіи оброковъ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, путемъ возвышенія окладовъ тѣхъ изъ нихъ, которые несли меньшіе платежи. Такое предложеніе сдѣлано было въ 1812 г. управляющимъ саратовскимъ имѣніемъ, въ 1813 г.—вятскимъ. Департаментъ оставлялъ эти предложенія безъ послѣдствій.

Послѣднее возвышеніе подушнаго оброка съ удѣльныхъ крестьянъ (до преобразованія этого оброка въ поземельный сборъ) послѣдовало, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 р. на душу, по Высочайше утвержденному 5 іюля 1823 г. докладу Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ; а въ 1824 г. былъ увеличенъ и оброкъ значительной части казенныхъ крестьянъ переводомъ многихъ губерній изъ низшихъ классовъ въ высшіе. Это возвышеніе оброка съ удѣльныхъ крестьянъ не коснулось псковской, смоленской и новгородской губерній и отдѣльныхъ группъ крестьянъ во многихъ другихъ губерніяхъ.

Распредѣленіе удѣльныхъ крестьянъ по высотѣ окладовъ оброка въ разные моменты описаннаго періода рисуется въ такомъ видѣ.

До 1810 г. 62% крестьянъ платили въ пользу Удѣловъ по 5 р. съ души, 33% отъ 3 р. 50 к. до 4 р. 50 к., т. е. 95%

удѣльныхъ крестьянъ несли платежъ въ размѣрѣ отъ 3 р. 50 к. до 5 р. съ души и около 2% состояли на 8-ми-рублевомъ оброкѣ.

Съ 1812 г. число удѣльныхъ крестьянъ, уплачивавшихъ отъ 3 р. 50 к. до 5 р. съ души, сократилось до 2%; большая же часть удѣльныхъ крестьянъ, а именно 55%, несла оброкъ въ размѣрѣ 7 р. 50 к.—8 р. 50 к.; 34% платили отъ 6 до 7 р. и 8%—9 р.—9 р. 50 к. съ души. Съ 1824 г. разрядъ плательщиковъ отъ 9 до 10 р. съ души возросъ до 70%, 13% крестьянъ вносили 7,5—8 р. съ души и 16% отъ 6 до 7 р.

Кромѣ этихъ нормъ оброка, имѣвшихъ общій характеръ, для нѣкоторой части удѣльныхъ крестьянъ существовали исключительные оклады—болѣе низкіе (напр. 2233 рев. душъ въ черниговской губ. платили до 1824 г. по 3 р. съ души, а послѣ того по 5 р.) или болѣе высокіе, сравнительно съ нормальными окладами по классамъ губерній. Повышенными оброками всего чаще облагались крестьяне, пріобрѣтаемые покупкой у помѣщиковъ, гдѣ они состояли на окладахъ болѣе высокихъ, нежели нормы оброковъ, принятыя въ удѣльномъ вѣдомствѣ: но и удѣльные крестьяне иногда временно облагались повышенными платежами. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда Департаментъ Удѣловъ покупалъ земли для дополненія надѣловъ какого либо малоземельнаго селенія, съ тѣмъ чтобы погашеніе затраченной имъ суммы было сдѣлано крестьянами въ формѣ возвышеннаго оброка.

Изъ представленнаго очерка измѣненія окладовъ оброчныхъ платежей удѣльныхъ крестьянъ видно, что это измѣненіе происходило приблизительно одновременно съ возвышеніемъ оброковъ казенныхъ крестьянъ. Сравненіе же оклада въ обоихъ вѣдомствахъ показываетъ, что оброки удѣльныхъ крестьянъ, въ общемъ, были ниже платежей, лежавшихъ на крестьянахъ казенныхъ.

Такъ, послѣ измѣненія окладовъ въ теченіе 1810—12 гг.—причемъ оброки удѣльныхъ крестьянъ, бывшіе до того равными оброкамъ крестьянъ казенныхъ, разошлись съ послѣдними—между окладами того и другого вѣдомствъ по классамъ губерній наблюдалось слѣдующее различіе. Въ губерніяхъ I класса казенные крестьяне платили по 10 р. съ души, удѣльные же несли оброкъ въ размѣрѣ отъ 7 до 9 р. 50 к.: въ губерніяхъ II класса казенные крестьяне платили по 9 р., а удѣльные—отъ 6 до 8 р. съ души; въ губерніяхъ III класса первые вносили 8 р., а вторые—отъ 5 р. (въ псковской губ.) до 8 р.; наконецъ въ губерніяхъ IV класса казенные крестьяне были обложены оброкомъ въ 7 р. 50 к., а

удѣльные платили отъ 6 до 7 р. съ души. Послѣ возвышенія оброковъ въ 1824 г. удѣльные оклады приблизились къ казеннымъ, но всетаки, въ общемъ, оставались ниже послѣднихъ. Въ губерніяхъ I класса большая часть удѣльныхъ крестьянъ стали платить, какъ и казенные, по 10 р. съ души, остальные—на сумму отъ 50 к. до 1 р. 50 к. меньше; въ губерніяхъ II класса, при окладѣ казенныхъ крестьянъ въ 9 р., удѣльные крестьяне несли оброкъ въ размѣрѣ отъ 6 до 8 р; въ губерніяхъ III класса (псковская, новгородская) первые платили 8 р., вторые — 6 р.; въ архангельской губ. крестьяне обоихъ вѣдомствъ обложены были одинаковымъ оброкомъ — 7 р. 50 к. съ души.

Дальнѣйшее возвышеніе платежей удѣльныхъ крестьянъ произведено было уже одновременно съ преобразованіемъ системы обложенія, путемъ замѣны подушнаго оброка поземельнымъ сборомъ. Но такъ какъ поземельный сборъ распространенъ былъ не на всѣ удѣльныя селенія и, по принятой системѣ, не касался малоземельныхъ крестьянъ, то на ряду съ большей частью удѣльныхъ крестьянъ, переведенныхъ на поземельный сборъ, нѣкоторое ихъ число облагалось, по прежнему, подушнымъ оброкомъ.

Оклады подушнаго сбора, какъ указано выше, въ удѣльномъ вѣдомствѣ, въ общемъ, были ниже окладовъ казенныхъ крестьянъ, и потому, когда въ 1836 г. удѣльныя имѣнія въ 18 губерніяхъ были переданы въ казну, въ обмѣнъ на населенныя земли въ симбирской губ., то Министерство Финансовъ возбудило вопросъ о возвышеніи оброка тѣхъ изъ принятыхъ отъ Удѣловъ крестьянъ, которые были обложены ниже крестьянъ государственныхъ, и о взысканіи съ удѣльнаго вѣдомства въ государственное казначейство недостающей суммы за время, когда эти крестьяне, состоя уже въ казенномъ вѣдомствѣ, оставались на низкомъ оброкѣ. Оба эти вопроса были разрѣшены въ смыслѣ предложенія Министерства Финансовъ.

Это обстоятельство обратило вниманіе Департамента Удѣловъ на положеніе тѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, которые, оставаясь на подушномъ сборѣ, несли окладъ ниже оброчныхъ платежей государственныхъ крестьянъ по классамъ губерній. Въ числѣ такихъ крестьянъ находилось 112 тыс. душъ въ губерніяхъ: вологодской, олонецкой, новгородской, тверской и частью орловской, назначенныхъ къ передачѣ въ казну и уплачивавшихъ въ суммѣ на 93 тыс. р. меньше противъ окладовъ казенныхъ крестьянъ, а также около 13 тыс. душъ малоземельныхъ крестьянъ—

въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ былъ поземельный сборъ. Если послѣдняя категорія крестьянъ характеризовалась недостаточными размѣрами находившейся въ ихъ пользованіи земли (почему они и не переводились на поземельный сборъ), то нельзя было того же сказать о 112 тыс. населенія, остававшагося на старомъ подушномъ окладѣ только потому, что они были предназначены къ передачѣ въ казну. Кромѣ того, въ удѣльномъ вѣдомствѣ находилась группа крестьянъ, пріобрѣтенныхъ покупкой у частныхъ владѣльцевъ и обложенныхъ выше не только удѣльныхъ, но и государственныхъ крестьянъ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства и находя, что состоявшіе на подушномъ окладѣ удѣльные крестьяне могли безъ отягощенія платить оброкъ наравнѣ съ казенными, Департаментъ Удѣловъ 13 апрѣля 1837 г. положилъ представить Министру Императорскаго Двора объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на уравненіе всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, остававшихся еще на подушномъ оброкѣ, съ казенными крестьянами по классамъ губерній. По докладѣ сего дѣла Государю Императору, 13 ноября 1837 г. положена была Высочайшая резолюція оставить удѣльныхъ крестьянъ до передачи въ казну на прежнемъ положеніи.

Вопросъ о крестьянахъ, состоявшихъ на подушномъ окладѣ, былъ окончательно разрѣшенъ въ 1839 и 1842 гг. 29 декабря 1839 г. Департаментъ Удѣловъ циркулярно увѣдомилъ управляющихъ удѣльными конторами, что, согласно его постановленію, утвержденному Министромъ Императорскаго Двора, во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ поземельный сборъ уже введенъ или впредь введенъ будетъ, крестьяне малоземельныхъ селеній, оставшіеся на подушномъ окладѣ, сверхъ казенныхъ податей и земскихъ повинностей, облагаются въ пользу Удѣловъ платежемъ, одинаковымъ съ окладами государственныхъ крестьянъ тѣхъ же губерній; а 27 іюля 1842 г. Министромъ Императорскаго Двора было утверждено постановленіе Департамента Удѣловъ о повышеніи съ 1843 г. до уровня окладовъ государственныхъ крестьянъ оброковъ всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, несшихъ подушные платежи ниже платежей крестьянъ государственныхъ по классамъ губерній. При этомъ рѣшено было 3227 душъ удѣльныхъ крестьянъ оренбургской губ., жившихъ на собственныхъ или на башкирскихъ земляхъ и платившихъ оброкъ нѣсколько болѣе противъ класса губерній, оставить на этихъ окладахъ впредь до особаго распоряженія, ибо, „по мѣстнымъ выгодамъ,

они не мало не обременялись незначительнымъ излишкомъ платежа и до сихъ поръ вносили оброкъ исправно". Освобожденіе отъ оброка какъ этихъ, такъ и другихъ удѣльныхъ крестьянъ, жившихъ на собственныхъ или наемныхъ земляхъ, было сдѣлано въ Высочайшемъ указѣ 5 марта 1861 г. о пересмотрѣ постановленій объ удѣльныхъ крестьянахъ и о составленіи правилъ для надѣленія ихъ землей въ постоянное пользованіе.

Б. Поземельный сборъ.

Введеніе поземельнаго сбора въ 1830 г.—Преобразованіе системы поземельнаго сбора въ 1831 г.—Переоцѣнка земли для поземельнаго сбора послѣ 8 и 9 ревизій.—Новая система оцѣнки земли послѣ 10 ревизіи.

Переложеніе крестьянскихъ платежей съ душъ на землю предполагалось еще законодательнымъ актомъ объ учрежденіи Удѣловъ. Согласно § 117 положенія объ Императорской Фамиліи, крестьянскій оброкъ долженъ былъ составлять половину дохода крестьянъ отъ пахотной земли, состоявшей подъ посѣвомъ; огороды же и луга предоставлялись въ безплатное пользованіе крестьянъ. Доходъ отъ пахотной земли долженъ былъ исчисляться на основаніи обыкновеннаго въ каждомъ селеніи посѣва хлѣба, обыкновеннаго его урожая и обыкновенной его цѣны, а свѣдѣнія по этимъ предметамъ нужно было собирать через посредство „вѣрныхъ и честью испытанныхъ людей". Вмѣстѣ съ этимъ удѣльныя земли предполагалось привести въ такое положеніе, чтобы каждому работнику досталось на тягло, кромѣ усадьбы и покосовъ, 9 дес. пашни въ трехъ поляхъ. Излишняя сверхъ этого земля подлежала отрѣзкѣ отъ селенія и отдачѣ въ наемъ въ пользу Удѣловъ. Понятно, однако, что осуществленіе столь коренной реформы не могло быть одной изъ первыхъ мѣръ новаго учрежденія. Послѣднему раньше того предстояло заняться благоустройствомъ подвѣдомственныхъ ему владѣній и, только послѣ приведенія ихъ въ нѣкоторый порядокъ и по ознакомленіи съ хозяйственнымъ бытомъ крестьянъ, можно было приступить къ податной реформѣ.

Вопросъ этотъ поднятъ былъ вновь въ концѣ 20-хъ годовъ, и первоначальная его разработка находилась въ рукахъ Вице-Президента Департамента Удѣловъ Л. А. Перовскаго. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ по этому предмету Министромъ Императорскаго Двора 19 іюля 1829 г., разви-

валась та мысль, что взиманіе оброка по числу душъ не можетъ считаться раціональной системой обложенія, которая напротивъ того должна основываться на „способахъ плательщиковъ", что въ приложеніи къ удѣльнымъ крестьянамъ означало—на количествѣ и качествѣ земли, какъ составляющей вѣрнѣйшій, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и почти единственный источникъ ихъ доходовъ; что при подушномъ обложеніи и небольшой оброкъ оказывается отяготителенъ для малоземельной части крестьянъ и убыточенъ для правительства, такъ какъ извѣстная часть предположенныхъ доходовъ остается при этомъ въ недоимкѣ, въ то время какъ многоземельныя селенія платятъ налогъ, далеко ниже ихъ имущественныхъ средствъ; что при подушной системѣ обложенія плательщики утверждаются въ ложномъ и для государства вредномъ понятіи, будто бы удѣльная, казенная или помѣщичья земля составляетъ крестьянскую собственность. Переложеніе оброка съ душъ на земли въ удѣльныхъ имѣніяхъ, поэтому, по словамъ доклада, принесло бы пользу всему государству, служило бы полезнымъ примѣромъ для частныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ оброчныя помѣстья, и дало бы приращеніе удѣльнаго дохода на самомъ простомъ, справедливомъ основаніи и безъ отягощенія плательщиковъ. Въ поясненіе послѣдняго утвержденія, въ докладѣ приводился такой примѣрный расчетъ: при подушной системѣ обложенія, два селенія одного приказа, имѣющія одинаковое (напр. 200) число ревизскихъ душъ, платятъ одинаковый оброкъ, напр. 7 р. 50 к. съ души, или 1.500 р. съ селенія, хотя бы при одномъ изъ нихъ находилось 1.500 дес. земли, а при другомъ гораздо больше; но если подушный оброкъ замѣнить поземельнымъ, „то очевидно, что крестьяне перваго селенія, внося по 1 р. съ десятины, будутъ платить тѣже 1.500 р.; другое же селеніе, имѣющее больше средствъ, безъ отягощенія можетъ быть обложено" и соотвѣтственно большимъ оброкомъ. По мысли доклада, новая система обложенія могла бы быть осуществлена безъ приведенія въ извѣстность площади каждаго крестьянскаго участка: для этого достаточно было бы уравнять оброкъ между селеніями, соразмѣрно количеству и качеству ихъ земель; распредѣленіе же земли и общаго селеннаго платежа между отдѣльными домохозяевами могло бы быть предоставлено самимъ крестьянамъ, какъ это дѣлалось во многихъ селеніяхъ и до того времени. Болѣе важное затрудненіе для введенія поземельнаго сбора усматривалось докладомъ въ раздробленномъ положеніи удѣльныхъ имѣній, разсѣян-

ныхъ мелкими частями въ 36 губерніяхъ, и въ недостаткѣ земли у нѣкоторыхъ селеній удѣльныхъ крестьянъ; а ближайшее средство для отвращенія этого затрудненія должно было заключаться въ размѣнѣ нѣкоторой части удѣльныхъ имѣній на казенныя и въ надѣленіи малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ угодій.

Изложенный всеподданнѣйшій докладъ, помимо преобразованія системы обложенія удѣльныхъ крестьянъ, касавшійся и вопроса о государственныхъ имуществахъ, по Высочайшему повелѣнію, переданъ былъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и 16 января 1830 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Совѣта по вопросу о размѣнѣ удѣльныхъ имѣній съ казенными, въ которомъ собственно о поземельномъ сборѣ было высказано, между прочимъ, слѣдующее.

„Убѣждаясь въ той истинѣ, что всякая подать, какъ выдѣлъ извѣстныхъ процентовъ изъ выгодъ частныхъ на пользу общую, тогда только можетъ быть уравнительною въ раскладкѣ и надежною въ сборѣ, когда она проистекаетъ изъ самаго существа облагаемаго податью предмета и соразмѣряется съ выгодами, отъ того пріобрѣтаемыми, Государственный Совѣтъ не можетъ не одобрить мнѣнія Министра Императорскаго Двора о введеніи полезной для государства и благодѣтельной для удѣльныхъ крестьянъ мѣры обложенія ихъ податьми не по числу душъ, но по количеству и добротѣ земли,—мѣры, въ древнія времена въ Россіи существовавшей, бывшей впослѣдствіи предметомъ постоянныхъ попеченій правительства и предписанной Удѣльному Департаменту Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи“.

По утвержденіи Государемъ Императоромъ упомянутаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ засѣданіи Департамента Удѣловъ 21 января 1830 г., между прочимъ, было постановлено просить Министра Императорскаго Двора о поднесеніи къ Высочайшему подписанію составленнаго Департаментомъ проекта указа о введеніи поземельнаго сбора для разсылки его во всѣ удѣльныя селенія. Мѣра эта считалась Департаментомъ необходимой для того, чтобы предотвратить повтореніе явленій, наблюдавшихся при введеніи общественной запашки, когда крестьяне мѣстами оказали сопротивленіе этому учрежденію, опираясь на то, что въ соотвѣтствующемъ распоряженіи они не видали прямого выраженія Высочайшей воли. Согласно этому предложенію, 24 января 1830 г. на имя Министра Импера-

торскаго Двора послѣдовалъ Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія.

„Усматривая важную государственную пользу въ установленіи поземельнаго сбора, предписаннаго Департаменту Удѣловъ § 116 Учрежденія объ Императорской Фамиліи, Я повелѣваю вамъ неотлагательно приступить ко введенію онаго въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Сей способъ взиманія податей не по числу душъ, а по количеству земель, качеству угодьевъ и выгодамъ мѣстнаго положенія, долженъ отнынѣ замѣнить въ удѣльныхъ селеніяхъ оброкъ по душамъ, падающій на крестьянъ не уравнительно; казенную же подушную подать оставить по прежнему. Но поелику для удобнѣйшаго достиженія сей цѣли нужно сосредоточить удѣльныя имѣнія и уничтожить чрезполосность владѣнія, посредствомъ размѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ на казенныя, то имѣете вы войти по сему предмету въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ, коему воля Моя о томъ уже извѣстна“.

Высочайшій указъ 24 января былъ разосланъ, въ количествѣ слишкомъ 11 тыс. экземпляровъ, всѣмъ управляющимъ конторами, съ предписаніемъ объявить его на мірскихъ сходкахъ и распорядиться, чтобы послѣ того печатные его экземпляры были выставлены въ рамкахъ за стекломъ въ каждой приказной избѣ и въ избахъ деревенскихъ выборныхъ.

Но еще до воспослѣдованія Высочайшаго утвержденія приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, а именно 11 января того же 1830 г., Вице-Президентъ Департамента Удѣловъ обратился къ управляющимъ удѣльными конторами съ циркулярнымъ предписаніемъ, въ которомъ — послѣ сообщенія о предстоявшемъ введеніи въ удѣльныхъ имѣніяхъ въ теченіе 1830 г. поземельнаго сбора — изложены были предположенія Департамента относительно основныхъ положеній новой системы обложенія и спрашивалось по этому предмету заключеніе управляющихъ. По мысли этого циркуляра, основное правило, подлежавшее выполненію при предстоявшемъ преобразованіи системы обложенія, заключалось въ томъ, что существовавшіе оброки не могли быть понижаемы; они должны быть только пріурочены къ селеніямъ, находившимся въ менѣе выгодныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, съ тѣмъ чтобы селенія, владѣвшія большимъ количествомъ земли или землею лучшаго качества, или же пользовавшіяся выгодами, зависѣвшими отъ мѣстнаго ихъ положенія, были обложены болѣе высокимъ сборомъ. Распредѣленіе назначеннаго для

каждаго селенія сбора между домохозяевами должно было производиться, какъ и прежде, самими обществами, невидимымъ для правительства образомъ сохранявшими въ своихъ системахъ раскладки принципъ поземельнаго обложенія, существовавшій въ допетровской Руси и вновь вводимый Департаментомъ Удѣловъ. Равнымъ образомъ и оцѣнку хозяйственнаго положенія различныхъ селеній, а также назначеніе оброка, какимъ каждое изъ нихъ могло бы быть обложено, Л. А. Перовскій предполагалъ предоставить депутатамъ мірскихъ обществъ, избраннымъ ими изъ лучшихъ крестьянъ. Въ заключеніе циркуляра прибавлялось, что высказанныя въ немъ предположенія не должны были удерживать управляющихъ отъ представленія ихъ собственныхъ мнѣній по данному вопросу, причемъ имъ предлагалось также составить предположенія о томъ, какимъ образомъ можно было бы примѣнить поземельный сборъ къ селеніямъ, занимавшимся главнымъ образомъ промыслами, а не земледѣліемъ.

Отвѣты управляющихъ конторами на циркулярное предписаніе отъ 11 января 1830 г. начали поступать уже съ конца января мѣсяца. Мнѣнія, высказанныя въ нихъ, послужили основаніемъ для составленія правилъ поземельнаго сбора, которыя и были объявлены управляющимъ 12 мая того же года.

Приступая къ изложенію главнѣйшихъ изъ этихъ мнѣній, нельзя не отмѣтить, что лишь одинъ управляющій (воронежскимъ имѣніемъ, Шлегель) высказалъ мысль о неподготовленности ввѣреннаго ему имѣнія къ введенію поземельнаго сбора. Сходное съ этимъ мнѣніе высказалъ и управляющій Нижегородской Конторой, заявивъ, что введеніе поземельнаго сбора въ теченіе одного года почти невозможно. Прочіе управляющіе вовсе не касались этого вопроса или указывали лишь на затрудненія, вытекавшія изъ раздробленности имѣнія и чрезполосности удѣльныхъ владѣній съ частно-владѣльческими и казенными. Что касается отзывовъ управляющихъ конторами по существу вопроса, то, собственно говоря, только въ трехъ изъ нихъ содержалось предложеніе поставить будущее обложеніе крестьянъ въ пропорціональное отношеніе къ получаемому отъ земли доходу. Управляющій пензенскимъ имѣніемъ пришелъ къ этому заключенію послѣ расчета, убѣдившаго его въ несоотвѣтствіи мѣстнымъ условіямъ ни системы обложенія, указанной въ § 117 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи", ни предположеній, высказанныхъ въ циркулярѣ Департамента Удѣловъ. Согласно первой изъ нихъ, крестьяне пен-

зенской губерніи должны бы платить въ среднемъ 6 р. 75 к. съ посѣвной десятины (половина дохода съ нея), а такъ какъ пензенское имѣніе принадлежало къ числу малоземельныхъ, то при этомъ во многихъ случаяхъ получилось бы пониженіе удѣльнаго дохода. Если же слѣдовать правилу сохраненія существовавшаго оброка для малоземельныхъ крестьянъ и повышенія его для крестьянъ многоземельныхъ, соотвѣтственно превосходству ихъ надѣла, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ платежи крестьянъ пришлось бы увеличить въ 10 разъ и болѣе, что сдѣлало бы ихъ совершенно неоплатными. Для предупрежденія обоихъ явленій, управляющій Пензенской Конторой не находилъ иного средства, кромѣ обложенія крестьянъ оброкомъ въ размѣрѣ арендной платы за землю, равнявшейся въ пензенской губерніи отъ 4 (за худшую землю) до 6 р. асс. за дес. Управляющій Костромской Конторой исходилъ изъ положенія, что никакія изслѣдованія не дадутъ возможности охватить всѣ условія, вліяющія на высоту дохода отъ земли, почему обложеніе населенія сборомъ, соразмѣреннымъ съ исчисленной доходностью надѣла, еще не гарантируетъ болѣе или менѣе полной уравнительности налога. Отказавшись, поэтому, отъ системы прямой оцѣнки земельныхъ угодій, управляющій Костромской Конторой предлагалъ такой способъ назначенія оброка, при которомъ эта оцѣнка производилась бы самимъ домохозяиномъ, пользующимся даннымъ участкомъ: вмѣсто обложенія земли какимъ либо заранѣе опредѣленнымъ сборомъ, онъ считалъ удобнымъ разбить землю каждаго приказа на участки отъ 3 до 6 дес. и сдавать ихъ крестьянамъ съ торговъ. Къ отзывамъ этихъ двухъ управляющихъ близко примыкаетъ мнѣніе управляющаго Тамбовской Конторой, согласно коему оброкъ долженъ составлять извѣстный процентъ съ продажной цѣны земли.

Только эти три управляющіе взглянули на поземельный сборъ, какъ на налогъ, размѣры котораго должны были быть сообразованы съ цѣнностью или доходностью земли. Проекты остальныхъ преслѣдовали главнымъ образомъ цѣль возвышенія оброковъ, и оцѣнка хозяйственныхъ выгодъ разныхъ селеній если въ нихъ и допускалась, то лишь въ качествѣ основанія для этого возвышенія.

Управляющіе исходили при этомъ изъ положенія, что селенія или приказы, находившіеся въ наихудшихъ хозяйственныхъ условіяхъ, должны были остаться при прежнихъ оброкахъ, а оклады остальныхъ крестьянъ подлежали повышенію соотвѣтственно

хозяйственнымъ преимуществамъ, которыми они пользовались. Что же касается способовъ констатированія этихъ преимуществъ и сообразованія съ ними платежей крестьянъ, то въ отзывахъ управляющихъ то и другое рисуется очень неопредѣленно.

Такъ, управляющіе Вологодской, Владимірской и Красносельской Конторами лишь перефразировали основную мысль циркуляра 11 января о пріурочeніи существовавшихъ окладовъ къ малоземельнымъ селеніямъ и о возвышеніи платежей прочихъ поселеній соотвѣтственно хозяйственнымъ выгодамъ, опредѣляемымъ лицами, избранными мірскими обществами. Въ отзывѣ управляющаго Тверской Конторой заключалась мысль о назначеніи оброка для каждаго селенія удѣльными чиновниками, совмѣстно съ крестьянскими депутатами, послѣ ознакомленія съ качествами принадлежавшихъ селеніямъ угодій. Управляющій Симбирской Конторой предлагалъ разложить существовавшій оброкъ (10 р. съ души) на количество владѣемой малоземельными селеніями земли по угодьямъ, не объясняя, однако, какимъ образомъ слѣдовало производить сравнительное обложеніе пахотной, сѣнокосной земли и т. д. Произведя такой расчетъ въ малоземельныхъ селеніяхъ, по его мнѣнію, „можно основательно расчесть, сколько должны платить селенія, у коихъ земли болѣе“.

Изъ приведенныхъ отзывовъ видно, что предположенія управляющихъ не заключали такихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы основать опредѣленную систему обложенія. Въ приведенныхъ мнѣніяхъ Департаментъ Удѣловъ могъ найти развѣ только подтвержденіе его предположенія о возложеніи этого дѣла на крестьянскихъ выборныхъ. Но и по этому вопросу мнѣнію управляющихъ Вологодской, Владимірской и Красносельской Конторами противорѣчили заявленія Вятской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ конторъ о томъ, что представители крестьянскихъ обществъ будутъ всѣми мѣрами уклоняться какъ отъ объявленія хозяйственныхъ выгодъ разныхъ селеній, такъ и отъ возвышенія оброка. Такимъ образомъ, приведенныя мнѣнія въ сущности не давали никакого отвѣта на вопросъ о способахъ приведенія оброковъ крестьянъ въ соотвѣтствіе съ хозяйственными выгодами отдѣльныхъ селеній.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отсутствовалъ и въ предположеніяхъ управляющихъ Смоленской и Вятской Конторами, но зато они и принципіально упраздняли оцѣнку хозяйственныхъ выгодъ селеній и въ основаніе обложенія полагали только величину зе-

мельнаго надѣла. Управляющій Смоленской Конторой, въ виду однообразія почвъ губерніи, предлагалъ обложить надѣлы селеній, имѣвшихъ отъ 6 до 8 дес. на душу, окладомъ въ 1 р. 25 к. съ десятины, отъ чего должно было послѣдовать значительное возвышеніе удѣльнаго дохода; въ приказахъ же съ болѣе мелкими надѣлами— въ предупрежденіе пониженія послѣдняго—онъ предполагалъ сохранить дѣйствовавшіе оклады. Управляющій вятскимъ имѣніемъ, оставляя для малоземельныхъ селеній существовавшіе оклады, оброки прочихъ крестьянъ предлагалъ повысить, „прибавленіемъ на каждую десятину на первый разъ по 25 к.“. Переложеніе оброка съ душъ на землю являлось въ этихъ проектахъ, поэтому, только средствомъ возвышенія удѣльнаго дохода. Этотъ мотивъ выступаетъ уже совершенно открыто въ мнѣніи управляющаго новгородскимъ имѣніемъ: исходя изъ того же положенія, что, при недостаточномъ развитіи земледѣлія крестьянъ, отдѣльныя селенія новгородской губерніи не представляли рѣзкихъ различій въ отношеніи большихъ или меньшихъ выгодъ для этого промысла, новгородскій управляющій предложилъ просто повысить оброкъ всѣхъ крестьянъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній) цѣлыми приказами, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 р. на душу, въ зависимости отъ выгодности внѣ-земледѣльческихъ заработковъ крестьянъ того или другого приказа.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ проектахъ увеличеніе удѣльнаго дохода и уравненіе крестьянскихъ платежей предполагалось достигать безъ нарушенія крестьянскаго землевладѣнія, путемъ повышеннаго обложенія селеній, пользовавшихся большими или лучшими надѣлами, или имѣвшихъ другія хозяйственныя преимущества. Остальные проекты основаны на совершенно иныхъ основаніяхъ. Они оставляютъ въ сторонѣ мысль о прямомъ возвышеніи оброка или сообразованіи оклада съ хозяйственными выгодами селеній: каждое селеніе оставляется ими при той суммѣ оброка, какую оно несло раньше; но, между тѣмъ какъ до того времени крестьяне пользовались всей, состоявшей при селеніи землей,—теперь для нихъ долженъ былъ быть установленъ опредѣленный надѣлъ, а излишняя земля подлежала отрѣзкѣ въ число удѣльныхъ оброчныхъ статей. Эта система была предложена еще управляющимъ Тверской Конторой, „дабы извлечь пользу изъ многоземельныхъ селеній“, наряду съ другой системой, приспособленной къ селеніямъ малоземельнымъ и среднеземельнымъ. То же предположеніе сдѣлано было нижегородскимъ управляю-

щимъ для богатаго землей ризадѣевскаго приказа, въ то время какъ для малоземельныхъ селеній онъ предлагалъ другой способъ обложенія. Эта же система проектировалась и управляющимъ Саратовской Конторой. Что касается размѣра участка, подлежавшаго обложенію существовавшимъ оброкомъ, то управляющіе дѣлали на этотъ счетъ разныя предположенія. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ для ризадѣевскаго приказа, крестьяне котораго имѣли въ среднемъ 11 дес. на душу всей земли и въ томъ числѣ $4^1/_2$ дес. пахотной, предлагалъ составить нормальный участокъ изъ 5 дес. всѣхъ угодій (въ томъ числѣ 3 дес. пашни), кромѣ лѣса для отопленія, поясняя при этомъ, что „это количество есть самое крайнее и при томъ такое, при которомъ крестьянинъ въ случаѣ неурожая хлѣба или упущенія въ земледѣліи, если не имѣетъ другого промысла, едва ли можетъ выплатить лежащія на немъ повинности; на другія же домашнія потребности у него ничего не будетъ оставаться". Управляющій тверскимъ имѣніемъ для многоземельныхъ селеній считалъ возможнымъ назначить на ревизскую душу 6 дес. пахотной земли (чего, по его мнѣнію, было бы достаточно для прокормленія въ теченіе года семьи изъ 5 душъ), 2 дес. сѣнокоса и $^1/_4$ дес. подъ усадьбу и огороды. Управляющій Саратовской Конторой полагалъ для нормальнаго участка назначить, смотря по качеству земли, отъ 4 до 5 дес. на ревизскую душу, въ томъ числѣ отъ $2^1/_2$ до 4 дес. пашни.

Получивъ такіе отзывы на свое предложеніе управляющимъ конторами высказать ихъ мнѣніе, основанное на знаніи мѣстныхъ условій, относительно удобнѣйшихъ способовъ переложенія оброка съ душъ на землю, Департаментъ Удѣловъ воспользовался въ нихъ только идеей назначенія предѣльнаго размѣра крестьянскаго участка и, комбинировавъ ее съ принятымъ раньше положеніемъ, что существовавшіе оброки не должны быть понижаемы, составилъ правила, сообщенныя управляющимъ циркуляромъ 12 мая 1830 г. Главнѣйшіе пункты этихъ правилъ заключались въ слѣдующемъ.

По приведеніи въ извѣстность, при посредствѣ деревенскихъ мѣрщиковъ, площади земли каждаго селенія, послѣдняя должна быть раздѣлена на участки, примѣнительно къ наличному землевладѣнію, но не свыше 10 дес. *) (кромѣ усадебнаго угодья и

*) По объясненію, найденному въ бумагахъ Л. А. Перовскаго, норма эта для тягловаго надѣла, состоявшаго, говоря вообще, изъ двухъ ревизскихъ душъ, принята

выгона), а при недостаткѣ земли и гораздо меньше (до 1 дес. и ниже). Въ тоже время жители села должны быть расчислены на тягла и полутягла, составленіемъ первыхъ — изъ мужчинъ отъ 17 до 55 л. (зачисляя въ нихъ женатыхъ, хотя бы и моложе 17 л.), а послѣднихъ — изъ мужчинъ 15—17 л. и 55—60 л. Каждое тягло обязано было принять одинъ участокъ. Коренные, т. е. расчитанные по числу тяголъ участки должны быть обложены платежемъ въ размѣрѣ двойного подушнаго оклада всѣхъ падавшихъ на крестьянъ сборовъ (двойного—потому что тягло составлялось обыкновенно изъ двухъ ревизскихъ душъ). Если бы при этомъ число тяголъ оказалось меньше половины числа душъ, почему обложеніе ихъ, согласно предыдущему правилу, имѣло бы слѣдствіемъ пониженіе существовавшаго оброка съ селенія, то высота оклада, падающаго на коренной участокъ, должна была опредѣляться дѣленіемъ всей суммы платежей даннаго селенія на все число тяголъ. Селенія, пользовавшіяся бо́льшимъ надѣломъ, лучшими угодьями или преимуществами положенія, должны были быть обложены повышеннымъ оброкомъ. Оставшіеся сверхъ надѣла участки земли, подъ названіемъ излишнихъ, должны сдаваться въ аренду въ пользу Удѣловъ. При недостаткѣ надѣльной земли, крестьяне могли переселяться на свободныя земли.

Давая въ руководство управляющимъ конторами основныя правила для преобразованія подушной подати въ поземельную, Департаментъ Удѣловъ не требовалъ безусловнаго ихъ исполненія, а разрѣшалъ отступленія отъ нихъ, если это было необходимо по мѣстнымъ условіямъ, съ тѣмъ, однако, чтобы предположенія по этому предмету управляющихъ были ими своевременно представляемы на его утвержденіе.

Введеніе поземельнаго сбора вообще предположено было не по всѣмъ 21 имѣніямъ, а лишь по 11, которыя должны были остаться въ Удѣлахъ послѣ размѣна съ казной; правила же поземельнаго сбора 1830 г. были примѣнены лишь въ шести имѣніяхъ. Раньше всего примѣненіе новаго положенія было сдѣлано въ нижегородскомъ имѣніи [2]), причемъ въ пользованіи крестьянъ осталось 63.300 дес. земли въ коренныхъ участкахъ, а 2.346 дес. зачислено въ излишнюю землю; крестьянскій оброкъ былъ повышенъ

была, во 1-хъ, потому, что надѣлъ въ 5 дес. на душу игралъ опредѣленную роль во многихъ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно надѣленія крестьянъ, и во 2-хъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ распоряженіи Удѣловъ остался запасъ земли какъ для особаго дохода, такъ и для надѣленія прибылыхъ тяголъ.

на 29 тыс. р., а вмѣстѣ съ платой за излишнія земли доходъ Удѣловъ возросъ на 32.717 р.

Въ данномъ случаѣ крестьянскій надѣлъ потерпѣлъ сокращеніе на 3,5%. Въ другихъ болѣе многоземельныхъ имѣніяхъ отрѣзка крестьянской земли произведена была въ большихъ размѣрахъ: въ симбирскомъ имѣніи, напр., въ разрядъ излишнихъ земель отошло 6% общей площади крестьянскаго надѣла; въ пермскомъ имѣніи пахотное угодье крестьянъ сократилось на 30%, въ саратовскомъ—весь крестьянскій надѣлъ потерпѣлъ сокращеніе на 28%, въ оренбургскомъ имѣніи—на 31%. Преобладаніе крупныхъ отрѣзокъ крестьянской земли объясняется тѣмъ, что введеніе поземельнаго сбора по правиламъ 1830 г. произведено было главнымъ образомъ въ губерніяхъ, гдѣ крестьяне пользовались сравнительно большими надѣлами.

Оброчная плата за коренные участки назначалась управляющими не ниже существовавшаго оклада, а для селеній, находившихся въ лучшихъ условіяхъ, выше его. Благодаря этому, въ общемъ сборъ за землю, оставшуюся въ надѣлѣ крестьянъ, возросъ. Но и излишніе участки обыкновенно оставались у крестьянъ же, только за болѣе низкую плату, нежели коренные. Въ итогѣ общая сумма удѣльнаго дохода послѣ преобразованія возросла: въ симбирскомъ имѣніи на 5%, вятскомъ на 13%, нижегородскомъ на 12%, пермскомъ на 30%, оренбургскомъ на 37%, а въ саратовскомъ на 39%.

Какъ указано выше, циркуляромъ 12 мая 1830 г. управляющимъ удѣльными имѣніями предоставлено было право отступать отъ преподанныхъ въ немъ правилъ поземельнаго сбора тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, это оказывалось необходимымъ. И этимъ правомъ управляющіе пользовались въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, управляющій Саратовской Конторой обложилъ поземельнымъ сборомъ, между прочимъ, селенія удѣльныхъ крестьянъ, имѣвшихъ общее владѣніе съ казенными или помѣщичьими, не раздѣляя, конечно, въ натурѣ ихъ земель на коренные и излишніе участки, а сдѣлавъ лишь расчисленіе того, сколько въ каждомъ такомъ селеніи могло бы быть отведено тѣхъ и другихъ, и обложивъ эти гипотетическіе участки соразмѣрно качеству земли, но не ниже оклада, опредѣленнаго для ближайшаго селенія единственнаго владѣнія Удѣловъ, имѣвшаго одинаковыя съ нимъ угодья. Управляющій оренбургскимъ имѣніемъ, введя поземельный сборъ въ селеніяхъ, пользовавшихся удѣльной землей,

согласилъ остальныхъ крестьянъ (жившихъ на башкирскихъ или на собственныхъ земляхъ) на прибавку оброка въ размѣрѣ отъ 50 к. до 2 р. на душу. Оба управляющіе мотивировали свои дѣйствія соображеніями о справедливости уравненія всѣхъ крестьянъ въ несеніи податной тягости. По отношенію къ 826 душамъ крестьянъ, жительствовавшихъ на башкирскихъ земляхъ въ ершевскомъ приказѣ пермскаго имѣнія, уплатившихъ башкирамъ 8.400 р. единовременно и вносившихъ имъ ежегодно по 58 р., управляющій Пермской Конторой прямо примѣнилъ правила 12 мая, взявъ только на счетъ Удѣловъ арендную плату (58 р. въ годъ) за 5.000 дес. башкирской земли. Названные крестьяне и башкиры просили о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, опасаясь, что переложеніе налога на землю обратитъ ее въ собственность Удѣловъ. Департаментъ Удѣловъ разъяснилъ тѣмъ и другимъ, что сдѣланное преобразованіе не касается права собственности на землю и что вопросъ о башкирскихъ земляхъ находится на разрѣшеніи высшаго начальства.

Указанные примѣры относятся къ частнымъ вопросамъ даннаго дѣла. Но были случаи значительнаго уклоненія отъ правилъ 12 мая при введеніи поземельнаго сбора по всему имѣнію. Такъ, управляющій Пермской Конторой назначилъ однообразный тягловый участокъ ($4^1/_2$ дес. пахотной земли) для всего имѣнія и уравненіе домохозяевъ по тягламъ производилъ въ границахъ не одного селенія (какъ слѣдовало по правиламъ 12 мая), а цѣлой группы таковыхъ. Въ вятскомъ же имѣніи первоначальное введеніе поземельнаго сбора сдѣлано было даже вполнѣ независимо отъ указаній по этому предмету циркуляра 12 мая. Не надѣясь закончить подготовительныя операціи и ввести поземельный сборъ по изданнымъ правиламъ, согласно намѣренію Департамента, въ 1830 г., управляющій Свистуновъ предлагалъ на этотъ годъ примѣнить систему обложенія, рекомендованную имъ раньше, а именно— оставляя самое малоземельное селеніе на прежнемъ оброкѣ, на крестьянъ прочихъ селеній сдѣлать надбавку платежа въ размѣрѣ 30 к. на десятину, съ тѣмъ чтобы излишняя сверхъ 10 дес. (на тяглю) земля была отрѣзана въ Удѣлы. Годовой доходъ съ вятскаго имѣнія поднялся бы при этомъ съ 542 тыс. р. до 616 тыс. р. Представляя свой проектъ на благоусмотрѣніе Департамента, Свистуновъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшеніе не требовать отъ крестьянъ мірскихъ приговоровъ объ уплатѣ оброка, „ибо черезъ то крестьянскія общества вдадутся въ безконечныя пренія и ни на что не рѣшатся“. Разрѣшеніе на осуществленіе

своихъ предположеній управляющій вятскимъ имѣніемъ получилъ лично отъ Вице-Президента Департамента при его проѣздѣ черезъ Вятку. Введеніе поземельнаго сбора въ вятскомъ, а также въ саратовскомъ имѣніяхъ сопровождалось безпорядками среди крестьянъ, потребовавшими призыва военныхъ командъ [3]).

Особенное значеніе для послѣдующей исторіи поземельнаго сбора имѣетъ опытъ первоначальнаго введенія его въ казанскомъ имѣніи.

Казанская губ. принадлежала къ числу тѣхъ, гдѣ предполагалось сосредоточить удѣльныя имѣнія при предстоявшемъ размѣнѣ Удѣловъ съ казною, и подготовленіе къ этому, по распоряженію Министра Императорскаго Двора, возложено было на состоявшаго при Департаментѣ, извѣстнаго своею опытностью и распорядительностью, коллежскаго совѣтника Коваленскаго. Письмомъ Вице-Президента Департамента отъ 9 іюля 1830 г., Коваленскому предписывалось заняться соображеніями о сосредоточеніи и увеличеніи казанскаго имѣнія, лично обозрѣть казенныя селенія, долженствовавшія поступить въ Удѣлы, и сдѣлать необходимыя распоряженія по введенію здѣсь поземельнаго сбора.

Черезъ два мѣсяца Коваленскій уже доставилъ Вице-Президенту донесеніе о своихъ предварительныхъ распоряженіяхъ по введенію въ казанскомъ имѣніи поземельнаго сбора, представляющее скорѣе диссертацію о поземельномъ сборѣ вообще, нежели рапортъ чиновника объ исполненіи возложеннаго на него порученія.

Свое донесеніе Коваленскій начинаетъ заявленіемъ, что оцѣнку крестьянскихъ угодій слѣдуетъ основывать на исчисленіи приносимаго ими дохода, и такъ какъ главнымъ хлѣбомъ въ сѣверной и средней Россіи является рожь, то урожайностью этого именно злака и его цѣнами главнымъ образомъ и обусловливается доходность и цѣнность земли. Опредѣливъ доходъ десятины, занятой рожью, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ основаніе и для исчисленія дохода отъ посѣва другихъ хлѣбовъ, а также дохода отъ другихъ угодій, который „считается только относительно ко ржи и имѣетъ свои правила, основанныя на общепринятыхъ старинныхъ отечественныхъ расчетахъ, подтвержденныхъ опытностью вѣковъ“.

Послѣ опредѣленія валоваго дохода даннаго земельнаго участка, нужно исчислить расходъ по его обработкѣ, а разница между обоими числами и выразитъ „сумму платежа, слѣдуемаго за владѣніе землей“. „По расчетамъ, принятымъ извѣстнѣйшими

экономическими писателями",—говоритъ по этому предмету Коваленскій—доходъ съ земельнаго участка раздѣляется на 5 частей, изъ которыхъ одна предоставляется арендатору или крестьянину, какъ процентъ на затраченный имъ капиталъ, двѣ части предоставляются имъ же, какъ плата за трудъ, обезпечивающій содержаніе ихъ семей, а оставшіяся ²/₅ части валоваго дохода составляютъ долю владѣльца земли, изъ которой должны быть выключены всѣ государственныя и земскія повинности.

Примѣняя эти общія соображенія къ вопросу о введеніи поземельнаго сбора въ удѣльныхъ имѣніяхъ и считая, что сумма всѣхъ лежащихъ на удѣльномъ крестьянинѣ платежей должна составлять ²/₅ валоваго дохода съ его надѣла, мы получаемъ основаніе для опредѣленія площади нормальнаго тягловаго участка. Считая, что тягло должно состоять изъ двухъ ревизскихъ душъ и принимая душевой окладъ оброчнаго, государственнаго и общественнаго сборовъ, примѣнительно къ существовавшимъ платежамъ въ казанскомъ имѣніи, круглымъ счетомъ въ 15 р., получимъ, что нормальный тягловый участокъ долженъ имѣть такіе размѣры, чтобъ приносимый имъ валовой доходъ составилъ 15 р.×5, т. е. 75 р., и изъ этого дохода 45 р. останутся у крестьянина, а 30 р. или ²/₅ распредѣлятся между удѣльнымъ, государственнымъ и общественнымъ сборами. Излишняя же сверхъ исчисленной на изложенномъ основаніи земля, находившаяся при селеніи, должна быть отъ него отрѣзана.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нормальнаго крестьянскаго участка, по изложенному плану, надлежало опредѣлить обыкновенный урожай ржи и мѣстныя цѣны этого хлѣба. По отношенію къ казанскому имѣнію то и другое было установлено Коваленскимъ слѣдующимъ образомъ.

Для опредѣленія среднесложнаго (за 10 лѣтъ) урожая ржи, помимо собиранія прямыхъ объ этомъ свѣдѣній, Коваленскій руководствовался „климатомъ, почвой и мѣстоположеніемъ полей каждаго селенія", стараясь при этомъ держаться скорѣе низкихъ, чѣмъ высокихъ расчетовъ. Къ опредѣленію среднесложной (за 5 лѣтъ) цѣны хлѣба Коваленскому служили „указателями, кромѣ общихъ познаній объ отечественной промышленности и внутренней торговлѣ", разстояніе селеній отъ судоходной рѣки или торговаго пункта, устанавливающихъ цѣны хлѣба. Расчеты, сдѣланные на указанныхъ основаніяхъ для различныхъ селеній, должны были быть провѣрены сравнительнымъ сопоставленіемъ ихъ съ

тѣмъ, что извѣстно относительно хозяйственнаго положенія послѣднихъ. А чтобы по возможности избѣжать ошибокъ при такомъ сравненіи, Коваленскій обращался къ выясненію различныхъ сторонъ этого дѣла на мірскихъ сходкахъ.

„Полагая, что во всякомъ нововведеніи крестьянинъ вообще яснѣе вразумляется по сужденію сравнительному“, Коваленскій для начала выбиралъ въ каждомъ приказѣ селеніе малоземельное, но имѣвшее какія либо другія хозяйственныя преимущества, и подробнымъ разборомъ всѣхъ источниковъ его дохода доказывалъ крестьянамъ, что, несмотря на ихъ малоземелье, существовавшій окладъ подати нисколько для нихъ не отяготителенъ. Послѣ этого Коваленскій переходилъ къ другимъ селеніямъ и, если оказывалось, что доходъ съ состоявшихъ въ ихъ пользованіи земель, по принятой оцѣнкѣ, превышалъ 75 р., онъ назначалъ часть земли къ отрѣзкѣ, предлагая предварительно крестьянамъ взять ее въ пользованіе изъ платежа оброка.

Получивъ разрѣшеніе дѣйствовать согласно предложенному имъ проекту, Коваленскій подготовилъ все, чтобы начать взиманіе поземельнаго сбора въ казанскомъ имѣніи со второй половины 1830 г., причемъ по его расчетамъ оказалось слѣдующее: въ казанскомъ имѣніи числилось 11.764 ревизскія души, изъ нихъ составлено было 5.882 тягла; подушный оброкъ взимался въ размѣрѣ 117,640 р., поземельный сборъ за коренные участки исчисленъ былъ въ 122,931 р., а за излишнія земли въ 15.469 р., всего 138,400 р., или на 20,760 р., т. е. на 15% больше прежняго оброка.

Мы остановились съ такою подробностью на дѣятельности Коваленскаго потому, что принятая имъ система служила прототипомъ правилъ, окончательно выработанныхъ Департаментомъ Удѣловъ для руководства управляющимъ. Необходимость новаго по этому предмету положенія усматривалась уже изъ того обстоятельства, что въ правилахъ 12 мая не было опредѣленныхъ указаній на способы оцѣнки качества надѣльной земли даннаго селенія или преимуществъ его положенія, долженствовавшихъ служить основаніемъ для повышенія оброка; не было такихъ опредѣленныхъ по данному предмету правилъ, слѣдуя которымъ, по словамъ Л. А. Перовскаго, „всѣ управляющіе, при единообразномъ дѣйствіи, могли бы не только дать отчетъ самимъ себѣ, но и показать начальству и крестьянамъ причины различія окладовъ поземельнаго сбора между селеніями“. Когда въ Департаментѣ Удѣловъ

получился отчетъ о дѣятельности Коваленскаго, принятая имъ система по ея основной идеѣ показалась Л. А. Перовскому пригодной къ тому, чтобы по надлежащей разработкѣ распространить ее на все удѣльное вѣдомство.

Получивъ одобреніе на это Министра Императорскаго Двора, Департаментъ Удѣловъ, съ Вице-Президентомъ во главѣ, энергично взялся за дѣло, и въ началѣ 1831 г. новыя правила были представлены на Высочайшее утвержденіе, а управляющимъ конторами, для предварительнаго съ ними ознакомленія, было разослано „Разсужденіе о поземельномъ сборѣ“ *), вмѣстѣ съ статистическимъ описаніемъ одного приказа казанскаго имѣнія, какъ образцомъ изслѣдованій, на которыхъ должно было основываться исчисленіе доходности крестьянскихъ земель. Самыя правила („Наставленіе о введеніи поземельнаго сбора“) были препровождены управляющимъ нѣсколько позже.

Такимъ образомъ, проектированный поземельный окладъ долженъ былъ основываться на доходности крестьянскаго надѣла, а доходъ крестьянина отъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ, отъ сѣнокоса, выгона и т. п. долженъ былъ исчисляться по извѣстному его отношенію къ доходу ржаного поля. Слѣдовательно, исчисленіе доходности крестьянскаго хозяйства сводилось къ изслѣдованію дохода, приносимаго десятиною ржи, а этотъ послѣдній доходъ (при посѣвѣ 10 чтк. зерна на десятину) долженъ былъ опредѣляться на основаніи средняго въ каждомъ селеніи урожая и средней цѣны зерна.

Обращаясь къ вопросу о методѣ опредѣленія урожая ржи, слѣдуетъ замѣтить, что, сообразно главной задачѣ поземельнаго сбора—уравненію платежей между селеніями, изданныя на этотъ счетъ правила преслѣдовали не столько абсолютную, сколько относительную точность показателей урожайности полей. Невозможно требовать,—говорится въ „Разсужденіи о поземельномъ сборѣ“—чтобы показатели урожайности „были совершенно положительные, да и кто могъ бы найти средство опредѣлить среднесложный урожай, какъ говорится, зерно въ зерно, въ какомъ бы то ни было селеніи, гдѣ столько разнообразія какъ въ полосахъ пашни, такъ и въ разстояніяхъ пахотныхъ участковъ“. Нужно довольствоваться поэтому „опредѣленностью по приближенію и потомъ по сравненію“ одного селенія съ другимъ, руководствуясь „наблюденіемъ грунта и привычкою различать его качества“. Того же пріема

*) См. Св. уд. пост. 1843 г. ч. II, прилож. № 19.

придерживаются въ своей оцѣнкѣ и крестьяне. Если они и не въ состояніи указать точной цифры урожая своихъ полей, то они не затруднятся въ опредѣленіи урожая полей одного селенія по отношенію къ полямъ другого. При описанной системѣ установленія сравнительной урожайности полей, разъ только отношеніе между селеніями опредѣлено правильно,—нельзя исправить ни одной цифры, не трогая остальныхъ, и „если бы сочтено было нужнымъ прибавить на какое либо селеніе одну только половину части урожая, то надобно бы было, соразмѣрно тому, сдѣлать прибавку и на всѣ прочія селенія".

Тотъ же сравнительный методъ положенъ „Разсужденіемъ" въ основаніе назначенія и цѣны хлѣба для каждаго селенія. Прямое опредѣленіе этой цѣны могло быть сдѣлано лишь для городовъ и другихъ хлѣбныхъ рынковъ; для всѣхъ же прочихъ селеній цѣна зерна должна исчисляться на основаніи цѣны торговаго пункта, измѣненной сообразно стоимости провоза. При этомъ предполагалось слѣдовать самымъ умѣреннымъ расчетамъ, не допуская ни малѣйшаго преувеличенія цѣнъ.

Зная средній урожай ржи и среднюю ея цѣну, не трудно было вычислить валовую доходность десятины ржаного посѣва. Что же касается ярового хлѣба, сѣнокоса, выгона, огорода, усадьбы и т. п., то, какъ сказано выше, ихъ доходность должна была опредѣляться на основаніи установленнаго отношенія къ доходности ржаного поля. Для этой цѣли селенія даннаго имѣнія подраздѣлялись на подгороднія, дальнія и степныя, и предполагалось, что, въ зависимости отъ принадлежности селеній къ тому или другому разряду, измѣнялся родъ культивировавшихся яровыхъ растеній (въ подгородныхъ селеніяхъ высѣвались болѣе дорогія изъ нихъ, овощи и т. п.) и доходность хозяйства.

Кромѣ раздѣленія селеній на разряды, по степени ихъ отдаленности отъ населенныхъ центровъ, они подлежали еще классификаціи по преобладающему занятію жителей, причемъ устанавливались два класса селеній: земледѣльческія и промышленныя. Послѣдняя категорія обнимала такія селенія, жители которыхъ вовсе не занимались хлѣбопашествомъ, а либо сдавали свою землю въ аренду, либо оставляли ее лежать впустѣ, причемъ промышленныя селенія облагались высшимъ сборомъ, нежели земледѣльческія. И это достигалось не путемъ повышенія оклада, а назначеніемъ для ржаного поля высшаго урожая, сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности, и

повышеніемъ отношенія дохода разныхъ угодій къ доходности ржаного поля противъ того, какое назначалось для земледѣльческихъ селеній. Повышеніе мотивировалось тѣмъ, что, сдавая пахотную землю въ аренду лицамъ, не заботившимся объ ея улучшеніи, крестьяне этихъ селеній обезцѣнивали имущество, принадлежавшее Удѣламъ, и лишали владѣльца того дохода, на какой онъ вправѣ былъ разсчитывать, и что, оставляя для себя только огороды и конопляники, крестьяне этихъ селеній обращали на нихъ особенно вниманіе: лучше ихъ удобряли и воздѣлывали и получали съ нихъ высшій доходъ.

Доходъ десятины ярового хлѣба, выгона и сѣнокоса принятъ былъ, согласно предположенію Коваленскаго, въ земледѣльческихъ подгороднихъ селеніяхъ равнымъ 3/4 дохода отъ ржи, въ селеніяхъ, удаленныхъ отъ городовъ,—1/2 этого дохода, а въ степныхъ—1/4 дохода ржаного хлѣба; въ селеніяхъ промышленныхъ подгороднихъ онъ долженъ былъ оцѣниваться наравнѣ съ доходностью ржаного поля, въ дальнихъ—въ 3/4 этого дохода, а въ степныхъ—въ 1/2 его. Доходъ отъ посѣва конопли въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ считался вдвое выше дохода, доставляемаго рожью, а доходъ отъ огородовъ, фруктовыхъ садовъ и т. п.—вчетверо выше послѣдняго; въ промышленныхъ районахъ доходъ отъ названныхъ культуръ принимался относительно ржи вдвое выше, нежели въ земледѣльческихъ.

Опредѣливъ, по изъясненнымъ правиламъ, доходность десятины разныхъ угодій и культуръ во всѣхъ селеніяхъ даннаго имѣнія, управляющіе конторами, согласно „Разсужденію", должны были перейти къ назначенію для каждаго селенія коренныхъ участковъ земли, подлежавшихъ раздѣлу по мірскому приговору между отдѣльными домохозяевами. Какъ указано выше, тягловый участокъ долженъ былъ имѣть такую мѣру, чтобы по расчету съ него получался валовой доходъ въ размѣрѣ 75 р., изъ коихъ 2/5 или 30 р. шли бы собственнику земли, а 45 р. оставались въ пользу земледѣльца. Сумма въ 30 р. первоначально исчислена была на основаніи существовавшихъ платежей для крестьянъ казанскаго имѣнія: эти послѣдніе платили съ ревизской души оброку по 10 р. и остальныхъ сборовъ 4 р. 57 к., а такъ какъ тягло составлялось изъ двухъ ревизскихъ душъ, то весь платежъ, лежавшій на тягловомъ участкѣ, опредѣлялся, за округленіемъ, въ 30 р. Перенесеніе всѣхъ платежей крестьянъ на часть (2/5 валового дохода), приходящуюся Удѣламъ, мотивировалось тѣмъ

соображенiемъ, что налогъ лежитъ въ сущности на землѣ, а не на земледѣльцѣ. При дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса признано было, однако, болѣе правильнымъ отдѣлить государственные и земскiе платежи крестьянъ отъ мiрскихъ: первые, какъ имѣющiе государственный характеръ, должны были оставаться на владѣльцѣ земли; послѣднiй же, „какъ личный расходъ крестьянъ", подлежалъ оплатѣ ими самими. Несмотря на эту поправку, въ основу исчисленiя коренныхъ участковъ положенъ былъ всетаки тягловый окладъ въ 30 р., или доходность участка въ 75 р.

Прежде нежели приступить къ фактическому введенiю поземельнаго сбора, управляющiй конторою, руководствуясь данными о доходности угодiй, долженъ былъ сдѣлать расчетъ того, соотвѣтствовала ли площадь земли, находившейся въ пользованiи каждаго селенiя, тому платежу, какой выпалъ бы на него по окладу 30 р. на двѣ ревизскiя души, и сообразно этому раздѣлить селенiя на 3 разряда: многоземельныя, имѣвшiя больше земли, нежели слѣдовало по этому расчету, достаточныя и, наконецъ, малоземельныя, гдѣ, по расчету доходности, доля, приходившаяся собственнику земли, была меньше не только 30 р., но и суммы существовавшихъ окладовъ съ двухъ ревизскихъ душъ по казенному и удѣльному сборамъ.

Введенiе поземельнаго сбора нужно было начинать съ послѣднихъ селенiй и поступать при этомъ слѣдующимъ образомъ. Прибывъ въ селенiе, „управляющiй долженъ собрать полную мiрскую сходку и, относясь предпочтительно къ старикамъ и людямъ степеннымъ и разсудительнымъ, объяснить имъ въ выраженiяхъ, сообразныхъ съ ихъ понятiемъ, сущность и цѣль поземельнаго сбора, клонящагося къ тому, чтобы безобидно уравнять крестьянъ окладами не только по количеству земли, но и по ея добротѣ". Въ селенiяхъ малоземельныхъ управляющiй долженъ былъ затѣмъ объяснить, что крестьяне остаются при прежнихъ платежахъ и, если они считаютъ свой надѣлъ недостаточнымъ, то могутъ просить о переселенiи на пустопорожнiя земли. Въ селенiяхъ достаточныхъ, т. е. такихъ, гдѣ крестьяне владѣли площадью, по оцѣнкѣ имѣвшею приносить Удѣламъ нѣсколько больше душевого оклада оброка, или площадью, какъ разъ соотвѣтствовавшею доходу въ 75 р. съ тягла, и имъ предстояло (въ послѣднемъ случаѣ) уплачивать въ Удѣлы 30 р., вмѣсто 28 р. (приблизительно составлявшихъ сумму удѣльнаго и казеннаго сборовъ при 10 р. душевомъ окладѣ)

или 26-ти (при 9-ти рублевомъ душевомъ окладѣ) и т. д.,—управляющій долженъ былъ указать, „что небольшой прибавокъ къ прежде бывшему удѣльному оброку произошелъ не отъ произвольно и неуравнительно передъ другими сдѣланной накладки, но отъ цѣнности ихъ земли и угодій, основанной на урожаѣ и цѣнахъ хлѣба". Въ многоземельныхъ селеніяхъ крестьянамъ оставлялась земля въ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ доходу въ 75 р. на тягло; излишняя же площадь, если крестьяне не соглашались взять ее на тѣхъ же условіяхъ, что и коренную землю, должна была быть отрѣзана къ одному мѣсту (въ пашнѣ или сѣнокосѣ, смотря по преобладанію того или другого угодья) въ число удѣльныхъ оброчныхъ статей.

Таковы главныя основанія поземельной подати, которая была введена въ удѣльныхъ имѣніяхъ взамѣнъ подушнаго оброка. Какъ и первый всеподданнѣйшій докладъ Министра Императорскаго Двора по этому предмету, докладъ его о новыхъ правилахъ поземельнаго сбора, по Высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ, для свѣдѣнія, въ Государственный Совѣтъ, высказавшій въ засѣданіи Общаго Собранія 21 іюня 1831 г. по этому вопросу, между прочимъ, слѣдующее.

„Оставаясь непоколебимо въ томъ мнѣніи, что положенная подать по количеству и качеству земли основана на совершенной справедливости и, по разнообразному состоянію податныхъ лицъ, разлагается уравнительнѣе, Государственный Совѣтъ нашелъ, что способъ сей, соединяя прочность правилъ съ удобностью въ исполненіи, примѣнимъ къ понятіямъ нашего поселянина, который убѣждается такимъ образомъ въ очевидной причинѣ несомой имъ повинности", и что сдѣланный уже опытъ примѣненія поземельнаго сбора въ удѣльныхъ имѣніяхъ „убѣждаетъ въ существенномъ превосходствѣ поземельной податной системы, противъ поголовной во всѣхъ отношеніяхъ".

Поземельный сборъ по правиламъ 1831 г. введенъ былъ не сразу во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, такъ какъ затрудненія при его примѣненіи—какъ въ отношеніи оцѣнки земельныхъ угодій, такъ и въ смыслѣ болѣе или менѣе неспокойнаго настроенія крестьянъ [1])—не вездѣ были одинаковы, а также потому, что одни управляющіе торопились съ преобразованіемъ, имѣя въ виду скорѣе поднять доходъ Удѣловъ, другіе же предпочитали болѣе осторожный способъ дѣйствій.

Давая въ руководство, при переложеніи подушнаго сбора на

поземельный, вышеизложенныя правила, Департаментъ Удѣловъ, повидимому, не вполнѣ сознавалъ всю трудность дѣла оцѣнки земли; иначе онъ организовалъ бы для этого спеціальныя учрежденія (что предполагалось уже въ положеніи объ Императорской Фамиліи), а не поручилъ бы дѣло управляющимъ конторами. и безъ того обремененнымъ многочисленными обязанностями. Съ другой стороны, управляющіе удѣльными имѣніями отнеслись къ преобразованію безъ достаточной серьезности и не представляли Департаменту о всѣхъ затрудненіяхъ, съ нимъ связанныхъ. Такъ, для опредѣленія доходности земли нужно было установить для каждаго района продажную цѣну ржи; при этомъ „Наставленіемъ о введеніи поземельнаго сбора“ запрещалось пользоваться справочными цѣнами, какъ не надежными. На основаніи какихъ же данныхъ управляющіе доходили до констатированія средней цѣны ржи за послѣднія 5 лѣтъ, предшествовавшія введенію поземельнаго сбора,—осталось неизвѣстнымъ; но имѣются данныя о томъ, что четырьмя годами позже многіе изъ нихъ не представили затребованныхъ Департаментомъ Удѣловъ свѣдѣній о цѣнахъ ржи за 10 лѣтъ, или доставили свѣдѣнія предположительныя, какъ по отсутствію всякихъ о томъ записей или даже самыхъ сдѣлокъ на рожь, такъ и по разнымъ другимъ причинамъ.

Отсутствіе точныхъ данныхъ, напр. о цѣнахъ зерна, было бы еще терпимо въ томъ случаѣ, если бы задачей поземельнаго сбора было лишь равномѣрное распредѣленіе между плательщиками опредѣленной суммы податей. Но такъ какъ уравненіе крестьянъ въ платежахъ составляло лишь одну сторону задачи преобразованія системы обложенія и выведенная по извѣстнымъ правиламъ оцѣнка дохода отъ земли служила основаніемъ также для сокращенія крестьянскаго надѣла и для увеличенія общей суммы платежей, то установленіе по возможности вѣрныхъ, абсолютныхъ, а не относительныхъ только (какъ предполагалъ Департаментъ) цифръ урожайности земли и цѣнъ хлѣба составляло важнѣйшую задачу оцѣнки. А для точнаго констатированія этихъ цифръ требовалась организація спеціальнаго изслѣдованія, чего въ данномъ случаѣ сдѣлано не было.

Недостаточное сознаніе трудности новаго дѣла обнаружилось еще въ томъ, что Департаментъ Удѣловъ требовалъ закончить его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Управляющіе имѣніями поняли это какъ желаніе поскорѣе возвысить удѣльный доходъ, и многіе изъ нихъ главное вниманіе обратили именно на эту сторону вопроса.

Правила оцѣнки, принятыя Департаментомъ Удѣловъ, которыми предполагалось добиваться не столько абсолютной, сколько относительной вѣрности данныхъ, лежавшихъ въ основанiи исчисленiя доходности земли, поспѣшность введенiя поземельнаго сбора и отсутствiе органовъ для предварительной провѣрки статистическихъ описанiй и исчисленiй доходности земли—открывали управляющимъ полную возможность по собственному усмотрѣнiю повышать или понижать оцѣнку крестьянскихъ угодiй сравнительно съ дѣйствительной ихъ доходностью и, такимъ образомъ, достигать повышенiя оброка даже въ очень малоземельныхъ селенiяхъ. Провѣрка Департаментомъ представлявшихся управляющими поземельныхъ табелей, по необходимости, сводилась къ простой формальности, къ разсмотрѣнiю того, соотвѣтствовали ли онѣ установленнымъ формамъ, не замѣчалось ли въ нихъ грубыхъ ошибокъ въ вычисленiи (сплошь и рядомъ, напр., количество земли въ этихъ табеляхъ, исчисленное по площади тягловаго участка, не соотвѣтствовало дѣйствительному землевладѣнiю даннаго селенiя) и т. п., и такъ какъ требованiе предварительнаго ихъ исправленiя могло бы задержать сборъ податей по новому обложенiю, то къ этому сбору управляющiе сплошь и рядомъ приступали, не ожидая окончательнаго утвержденiя ихъ проектовъ, которые нерѣдко возвращались въ конторы по нѣсколько разъ для исправленiй и дополненiй. А разъ поземельный сборъ былъ введенъ и представлены были мiрскiе о томъ приговоры, у Департамента не оставалось особыхъ побудительныхъ причинъ возбуждать дѣло о неправильномъ обложенiи того или другого селенiя и онъ нерѣдко примирялся съ совершившимся фактомъ, даже при очевидномъ противорѣчiи его изданнымъ правиламъ.

Примѣненiе на практикѣ новаго положенiя о поземельномъ сборѣ, конечно, не обошлось безъ недоразумѣнiй со стороны управляющихъ и показало несовмѣстимость нѣкоторыхъ правилъ съ мѣстными условiями. Всѣ эти недоразумѣнiя и затрудненiя разрѣшались Департаментомъ, который въ различныхъ случаяхъ или допускалъ отступленiе отъ правилъ, или указывалъ управляющимъ настоящiй ихъ смыслъ и значенiе.

Наибольшiя затрудненiя возникали при примѣненiи указанныхъ въ „Наставленiи о поземельномъ сборѣ“ нормъ доходности разныхъ угодiй. Многiе управляющiе находили ту или другую оцѣнку несоотвѣтствовавшею мѣстнымъ условiямъ и входили съ представленiями о ея пониженiи. Такъ, управляющiй саратов-

скимъ имѣніемъ Манассеинъ въ началѣ 1832 г. поднялъ вопросъ о пониженіи оцѣнки усадебной земли. По § 26 „Наставленія о поземельномъ сборѣ", доходъ съ десятины усадьбы или огородовъ, занятыхъ овощами, хмѣлемъ и фруктовыми садами, долженъ былъ приравниваться къ доходу съ 4 дес. ржи въ земледѣльческихъ селеніяхъ и къ доходу съ 8 дес. въ промышленныхъ. При этомъ въ „Наставленіи" имѣлось поясненіе такого рода, что указанная въ параграфѣ оцѣнка выведена собственно для овощниковъ, хмѣльниковъ и садовъ; распространеніе же ея на усадьбы вызвано тѣмъ, что „въ селеніи мѣсто сихъ угодій занимаетъ усадьба, или наоборотъ мѣсто усадьбы занимаютъ сіи угодья". По этому поводу управляющій саратовскимъ имѣніемъ высказывалъ прежде всего, что оцѣнка названныхъ категорій земель должна бы сообразоваться не только съ характеромъ занятій населенія, какъ это принято въ „Наставленіи", но и съ положеніемъ селеній по отношенію къ сбыту земледѣльческихъ продуктовъ, сообразно раздѣленію ихъ на подгороднія, дальнія и степныя, что могло имѣть гораздо большее вліяніе на доходность овощниковъ и фруктовыхъ садовъ (продукты коихъ не выдерживаютъ дальней перевозки), нежели на доходность ярового поля, между тѣмъ какъ высоту послѣдней предписано опредѣлять въ зависимости отъ разстоянія селеній отъ торговыхъ центровъ, а доходъ первыхъ исчислялся независимо отъ этого условія. Еще болѣе необходимо принимать во вниманіе, по указанію того же управляющаго, положеніе селеній при оцѣнкѣ усадебнаго угодья. За исключеніемъ промышленныхъ и торговыхъ селеній и тѣхъ, которыя находятся при большихъ дорогахъ, усадебное мѣсто не приноситъ крестьянину никакого дохода и служитъ только для возведенія на немъ строеній для жилища самого хозяина и помѣщенія его имущества. Высокая оцѣнка усадебной земли особенно тяжело должна была отозваться на населеніи многоземельныхъ губерній, вынужденномъ занимать подъ усадьбы значительные участки, потому что крестьяне вели здѣсь довольно крупное хозяйство. Высокая оцѣнка усадьбы повела бы въ этихъ мѣстностяхъ къ значительному сокращенію площади отводимыхъ крестьянамъ другихъ угодій, т. е. къ значительному сокращенію коренныхъ участковъ земли. Поэтому управляющій саратовскимъ имѣніемъ, въ облегченіе крестьянъ, ходатайствовалъ объ уравненіи оцѣнки усадебной земли съ ржанымъ полемъ. Департаментъ Удѣловъ уважилъ это ходатайство, и допу-

щенное такимъ образомъ для саратовской губерніи исключеніе изъ общаго правила оцѣнки усадебной земли вошло въ сводъ удѣльныхъ постановленій изданія 1843 г. въ видѣ примѣчанія къ ст. 154 ч. II, гл. II, слѣдующаго содержанія: „въ удѣльномъ имѣніи саратовской губерніи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, усадебная земля оцѣнена наравнѣ съ землею, засѣянною рожью“.

Управляющій пермскимъ имѣніемъ ходатайствовалъ о пониженіи оцѣнки огородовъ и овощниковъ на половину. Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ сдѣлать это лишь по отношенію къ овощникамъ.

Еще болѣе значительныя отступленія отъ правилъ предлагались управляющимъ красносельскимъ имѣніемъ, гдѣ поземельный сборъ впервые былъ введенъ лишь въ 1838 г. Строгое примѣненіе въ этомъ имѣніи „Наставленія о поземельномъ сборѣ“, по словамъ управляющаго, должно было возвысить цѣнность земли совершенно несообразно съ ея качествами и повлечь за собою отрѣзку почти всѣхъ крестьянскихъ сѣнокосовъ и выгоновъ въ число излишнихъ земель, которыя къ тому же, по плохому своему качеству, приносили бы ничтожный доходъ Удѣламъ или оставались бы лежать впустѣ. Такія послѣдствія красносельскій управляющій предусматривалъ главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что селенія красносельскаго имѣнія были причислены къ разряду подгородныхъ, отчего цѣнность десятины сѣнокоса и выгона приравнена была въ нихъ къ цѣнности $^3/_4$ десятины ржи, тогда какъ лучшіе сѣнокосы давали тамъ всего до 60 пудовъ сѣна съ десятины, а выгоны были очень посредственны и къ тому же вытаптывались и вытравливались стоявшими тамъ войсками. Затѣмъ, огороды, приравненные „Наставленіемъ“ по доходности къ 4 дес. озими, на половину засѣвались хлѣбомъ, а не овощами. Наконецъ, управляющій считалъ себя почему-то обязаннымъ руководствоваться оффиціальными донесеніями приказовъ относительно урожая; въ донесеніяхъ же этихъ урожай показывался въ $1^1/_2$ раза выше дѣйствительнаго, отчего въ полтора же раза должна была возвыситься и исчисленная доходность десятины ржаного поля.

Нѣкоторые управляющіе имѣніями отступали отъ правилъ поземельнаго сбора, вводя въ расчетъ факторы, не указанные въ „Наставленіи“. Такъ напр., управляющій нижегородскимъ имѣніемъ Кишенсковъ по этому предмету объяснялъ, что при оцѣнкѣ земли имъ

не оставлены безъ вниманія, между прочимъ, слѣдующія условія: „разность между участками трудолюбиваго крестьянина и нерадивца; воздушныя вліянія на урожаи, какъ то: градъ, ядовитая роса, морозы и т. п.; близость и отдаленность полей отъ селеній, близкая ревизія и, наконецъ, новость сего введенія“. На запросъ Департамента Удѣловъ, какъ должно понимать первое изъ перечисленныхъ имъ условій, и на замѣчаніе, что подобныя соображенія не должны бы быть принимаемы въ расчетъ при опредѣленіи цѣнности земли, Кишенсковъ отвѣчалъ разъясненіемъ, что, при ближайшемъ ознакомленіи съ хозяйственнымъ бытомъ населенія, онъ замѣтилъ разницу въ урожайности полей не только между отдѣльными крестьянами, но и между цѣлыми селеніями, несмотря на то, что они имѣли одинаковую почву надѣла. Эта разница обусловливалась неодинаковымъ усердіемъ крестьянъ въ обработкѣ своихъ земель, и Кишенсковъ считалъ справедливымъ урожай хлѣба въ лѣнивыхъ селеніяхъ принимать не по дѣйствительной его мѣрѣ, а по соображенію съ тѣмъ, какимъ бы онъ могъ быть при хорошемъ удобреніи, примѣняемомъ трудолюбивыми сосѣдними селеніями. Несмотря на неоднократныя замѣчанія Департамента относительно необходимости въ точности слѣдовать преподаннымъ правиламъ, управляющій Нижегородскою Конторою допускалъ и другія отъ нихъ отступленія и производилъ вообще слишкомъ высокую оцѣнку земли. Такъ, въ районѣ нагорной стороны Волги, по причинѣ малолюдности селеній, черезполосицы земли и т. п., онъ соединялъ нѣсколько селеній вмѣстѣ (земля здѣсь находилась въ общемъ владѣніи цѣлыхъ приказовъ) и разсматривалъ каждую группу, какъ одну единицу. Неудобныя кочковатыя болота, входившія въ составъ луговъ княгининскаго приказа и подлежавшія, какъ неудобныя мѣста, оставленію безъ всякой оцѣнки, Кишенсковъ, однако, оцѣнивалъ, полагая 3 саж. равными 1 саж. хорошихъ луговъ. При оцѣнкѣ угодій въ княгининскомъ приказѣ (близъ г. Княгинина, въ 100 вер. отъ Нижняго-Новгорода) Кишенсковъ полагалъ цѣну ржи въ 4 р. 50 к. за четверть, между тѣмъ какъ въ семеновскомъ приказѣ (близъ г. Семенова, въ 70 вер. отъ Нижняго-Новгорода) онъ ее считалъ уже въ 7 р.40 к. за четверть. На замѣчаніе Департамента Удѣловъ (разсматривавшаго только табели поземельнаго сбора, не обоснованныя статистическими описаніями), что, судя по количеству земли въ селеніяхъ семеновскаго приказа (4—6 десятинъ на тягло), полный 30-ти-рублевый окладъ, наложенный на нихъ Кишенско-

вымъ, соотвѣтствовалъ бы мѣстнымъ условіямъ лишь при очень высокомъ урожаѣ земли или высокихъ цѣнахъ зерна, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ отвѣчалъ, что малоземелье крестьянъ семеновскаго и чистопольскаго приказовъ выкупается выгодами ихъ положенія въ отношеніи сбыта продуктовъ и что селенія этихъ приказовъ платятъ полный окладъ съ собственнаго согласія крестьянъ.

Управляющій оренбургскимъ имѣніемъ просилъ разрѣшенія Департамента закончить начатое имъ введеніе поземельнаго сбора въ оренбургской губерніи по правиламъ 1830 г. въ виду того, что оцѣнка земли по новымъ правиламъ не могла быть сдѣлана скоро и что, при низкихъ цѣнахъ хлѣба въ губерніи, примѣненіе новыхъ правилъ врядъ ли повело бы къ возвышенію удѣльнаго дохода. Департаментъ Удѣловъ далъ на это разрѣшеніе.

Тридцатирублевый окладъ съ тягла, которымъ облагались удѣльныя селенія, получавшія полный (приносившій 75 р. дохода) тягловый надѣлъ, былъ исчисленъ первоначально, какъ замѣчено уже выше, для казанскаго имѣнія, крестьяне котораго при подушномъ обложеніи несли 10-ти-рублевый оброкъ. Эта сумма (30 р.) составилась изъ 7 р. 12 к. казеннаго и земскаго платежа съ 2-хъ ревизскихъ душъ, 20 р. подушнаго удѣльнаго оброка и 2 р. 88 к. прибавочнаго сбора въ пользу Удѣловъ. Тамъ, гдѣ подушный оброкъ составлялъ не 10 р., какъ въ казанскомъ имѣніи, а 9 р. или 8 р., прибавочный сборъ съ тягла, по расчету 30-ти-рублеваго оклада, увеличивался еще 2-мя или 4-мя рублями. Такимъ образомъ, возрастаніе удѣльнаго дохода, при введеніи поземельнаго сбора, обусловливалось прежде всего прямымъ повышеніемъ оклада селеній, пользовавшихся землею въ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ доходу отъ нея въ 75 р. на тягло (двѣ ревизскія души) или нѣсколько меньше. Изъ сказаннаго видно, что возможность увеличенія удѣльнаго дохода, послѣ переложенія платежей съ душъ на землю (при условіи, что оцѣнка земли согласована съ дѣйствительною ея доходностью), обусловливалась тѣмъ, находилось ли при удѣльныхъ селеніяхъ достаточное количество земли, а тѣ изъ послѣднихъ, надѣлы которыхъ, по расчету доходности, точно соотвѣтствовали прежнему окладу удѣльнаго и казеннаго сборовъ съ двухъ ревизскихъ душъ, или были ниже его, оставлялись при старыхъ платежахъ.

Другимъ источникомъ возрастанія удѣльнаго дохода служили земли, отрѣзывавшіяся отъ тѣхъ селеній, которыя имѣли ихъ

въ размѣрѣ, превышавшемъ площадь, приносившую 75 р. дохода. Излишняя *) земля обыкновенно оставлялась въ пользованіи крестьянъ за поземельный сборъ; но иногда крестьяне отказывались брать ее или по причинѣ чрезмѣрной оцѣнки, или потому, что надѣялись получить ее въ свое пользованіе путемъ аренды по вольной цѣнѣ. Управляющіе конторами обыкновенно старались склонить крестьянъ на принятіе излишнихъ земель за поземельный сборъ и только, не успѣвъ въ этомъ, обращались къ менѣе выгодному способу — сдачѣ ихъ въ аренду по рыночной цѣнѣ. Особенно часты были отказы отъ принятія излишней земли въ многоземельномъ костромскомъ имѣніи, гдѣ, при введеніи поземельнаго сбора, произведены были большія отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ (въ уренскомъ приказѣ, напр., имѣвшемъ 4828 душъ, излишняя земля по оцѣнкѣ должна бы приносить 64 тысячи р. дохода, что составляло больше 13 р. на душу). При этомъ крестьяне, повидимому, надѣялись, что земля не будетъ взята посторонними съемщиками и попадетъ въ ихъ же руки за низкую плату. И дѣйствительно, многіе воздерживались отъ найма этихъ земель съ торговъ, опасаясь мести со стороны крестьянъ. Большое число селеній, отказавшихся отъ принятія излишнихъ земель (въ трехъ приказахъ отказалось отъ этого 100 селеній), и сомнѣнія относительно правильности исчисленія въ костромскомъ имѣніи поземельнаго сбора побудили Министра Императорскаго Двора командировать туда въ 1833 г., для провѣрки дѣйствій управляющаго, титулярнаго совѣтника Берестеля. Путемъ разспросовъ крестьянъ на сходкахъ и частныхъ съ ними разговоровъ Берестель пришелъ къ заключенію, что одной изъ главныхъ причинъ возникшихъ замѣшательствъ была закоренѣлость старообрядцевъ, составлявшихъ значительную часть населенія и не расположенныхъ ни къ какимъ перемѣнамъ. Въ подтвержденіе такого мнѣнія Берестель указывалъ, между прочимъ, на то, что примѣромъ для селеній цѣлаго района служилъ образъ дѣйствій никитинскаго приказа, болѣе другихъ (кромѣ уренскаго) населеннаго старообрядцами. Крестьяне этого приказа составили было приговоръ о томъ, что они не желаютъ введенія поземельнаго сбора и охотно примутъ простое возвы-

*) Въ 1838 г. предписано было именовать излишнія земли „запасными", какъ потому, что терминъ „излишнія" вызывалъ недоразумѣніе среди крестьянъ, считавшихъ ихъ (по расчету 8 или 15 дес. на душу) вовсе не излишними, такъ и по причинѣ того, что эти земли, между прочимъ, назначались для надѣленія прибылыхъ душъ.

шеніе подушнаго оброка; но на это не согласились малоземельныя селенія, которыя, по правиламъ поземельнаго сбора, должны были остаться при прежнемъ окладѣ, и приговоръ не былъ представленъ въ контору. Кромѣ того, среди населенія ходили разные слухи въ родѣ того, что поземельный сборъ измышленъ удѣльною конторою, что принявшіе излишнюю землю будутъ обращены въ крѣпостныхъ и т. п. Между тѣмъ, оставаясь при однихъ коренныхъ участкахъ, крестьяне не имѣли достаточно угодій для содержанія скота, что отразилось уже на состояніи ихъ хозяйства; съ другой стороны, нѣкоторые отрѣзанные отъ селеній луга были взяты въ аренду посторонними лицами и пересдаваемы крестьянамъ дороже, чѣмъ они были оцѣнены по правиламъ о поземельномъ сборѣ. Эти обстоятельства расположили крестьянъ къ соглашенію, и Берестелю удалось убѣдить ихъ оставить излишнія земли за собою, причемъ онъ обратилъ вниманіе на жалобы крестьянъ относительно высокой оцѣнки земель, нашелъ, что эти жалобы во многихъ случаяхъ заслуживали уваженія, и распорядился объ измѣненіи нѣкоторыхъ оцѣнокъ.

Значительное сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ въ общемъ итогѣ наблюдалось въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ губерніяхъ: оренбургской, костромской и особенно въ саратовской. Но въ частности для отдѣльныхъ селеній его можно было встрѣтить и въ густонаселенныхъ центральныхъ губерніяхъ, напр., въ подмосковныхъ селеніяхъ, занимавшихся преимущественно огородничествомъ, гдѣ поэтому земля была оцѣнена очень высоко. Въ деревнѣ Нагаткинѣ, напр., изъ 120 дес. пашни (кромѣ поемныхъ овощниковъ) излишней оказалось 113 дес., въ деревнѣ Новинкахъ изъ 111 дес.— излишней 87 дес., въ деревнѣ Кожуховѣ изъ 219 дес.—57 дес. и т. д. По цѣлому имѣнію наибольшее количество излишней земли оказалось въ саратовской губерніи: поземельный сборъ по душамъ 7 ревизіи распространился здѣсь на 9921 ревизскую душу, причемъ отрѣзано было въ излишнія земли 65 тыс. дес. изъ 125 тыс. дес. площади крестьянскаго надѣла.

Увеличеніе удѣльнаго дохода въ однѣхъ губерніяхъ, какъ сказано выше, было результатомъ преимущественно повышенія оклада съ коренныхъ участковъ, въ другихъ—отдачи крестьянамъ излишнихъ земель. Къ числу имѣній перваго рода принадлежало, напр., симбирское, гдѣ почти все 52-хъ-тысячное (16% подушнаго оброка) приращеніе удѣльнаго дохода относилось на счетъ повы-

шенія оклада за коренную землю, или пермское, гдѣ изъ 28 тыс. р. прибавочнаго дохода (что составляло 46% прежняго оброка) на излишнія земли приходилось всего 4.500 р. Изъ числа имѣній, гдѣ приращеніе удѣльнаго дохода явилось результатомъ по преимуществу отдачи крестьянамъ излишнихъ земель, назовемъ саратовское, гдѣ поземельный сборъ первоначально распространился лишь на 10 тыс. душъ (изъ числа 25 тыс.), доходъ съ которыхъ поднялся съ 100 тыс. р. до 240 тыс., причемъ повышеніе обложенія коренныхъ земель увеличило доходъ всего на 10 тыс. р., а отдача крестьянамъ излишнихъ земель подняла его на 130 тыс. р. Приращеніе дохода въ нижегородскомъ имѣніи на суммму 90 тыс. р. (на 33%) достигнуто путемъ увеличенія на 32 тыс. р. оклада съ коренныхъ участковъ и обложенія крестьянъ 58 тыс. р. за пользованіе излишними землями.

Преобладаніе того или другого пути возвышенія удѣльнаго дохода зависѣло отъ степени обезпеченія населенія землей, отъ высоты произведенной оцѣнки крестьянскихъ угодій и отъ размѣра подушнаго оброка крестьянъ. До введенія поземельнаго сбора крестьяне платили въ Удѣлы отъ 7 р. 50 к. до 10 р. съ души (отъ 15 р. до 20 р. съ тягла). Такъ какъ полный коренной участокъ облагался поземельнымъ сборомъ въ размѣрѣ 30 р., изъ коихъ 7 р. 12 к. отдѣлялись въ казну, а 22 р. 88 к. поступали въ Удѣлы, то оказывалось, что, получая такой участокъ, крестьянинъ, состоявшій на 10-ти-рублевомъ подушномъ окладѣ, облагался прибавочнымъ платежемъ въ размѣрѣ 2 р. 88 к. съ тягла, а крестьянинъ, уплачивавшій 7 р. 50 к. съ души (15 р. съ тягла), подлежалъ прибавочному обложенію въ размѣрѣ 7 р. 88 к. съ тягла, т. е. его оброкъ увеличивался слишкомъ на 50%. Этотъ послѣдній случай примѣнимъ къ пермскому имѣнію, населеніе котораго, до введенія поземельнаго сбора, при среднемъ обезпеченіи землей, было обложено оброкомъ въ 7 р. 50 к. съ души. Совершенно въ иномъ положеніи находились крестьяне саратовскаго имѣнія. До введенія поземельнаго сбора они платили уже по 10 р. съ души, и отведеніе имъ полныхъ коренныхъ участковъ не могло, поэтому, значительно увеличить удѣльнаго дохода. Но селенія названнаго имѣнія принадлежали къ числу многоземельныхъ, у нихъ поэтому были произведены крупныя отрѣзки угодій, и на счетъ этихъ-то отрѣзныхъ земель главнымъ образомъ и получилось приращеніе удѣльнаго дохода. Преобладающее участіе платежей за излишнія земли въ возрастаніи удѣльнаго дохода въ

малоземельномъ нижегородскомъ имѣніи можетъ быть объяснено только чрезмѣрно высокой оцѣнкой земли, поведшей къ крупнымъ отрѣзкамъ крестьянскихъ угодій.

Преобразованіе подушной подати въ поземельную предполагалось распространить лишь на ту часть удѣльныхъ крестьянъ, которая не назначалась къ передачѣ въ казну, въ обмѣнъ на казенныя имѣнія, т. е. на 256 тыс. душъ изъ общаго числа 571.700 крестьянъ, состоявшихъ въ то время во владѣніи удѣльнаго вѣдомства (въ дѣйствительности въ казну было передано меньше крестьянъ, нежели первоначально предполагалось). Это распространеніе было сдѣлано не сразу, а постепенно. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ было переведено на поземельный сборъ 182 тыс. душъ, въ 1833 г. только 40 тыс., а въ 1835 г. 17 тыс. душъ. Съ поступленіемъ въ Удѣлы имѣній изъ казеннаго вѣдомства, число крестьянъ, переводившихся на поземельный сборъ, поднялось въ 1836 г. до 150 т.; въ 1837 г. переведено 90 тыс. душъ и т. д. Въ 1840 г. на поземельномъ сборѣ состояло уже 502 тыс. душъ. Они вносили въ пользу Удѣловъ 1.850.000 р. сер. (6.475.000 р. асс.), вмѣсто 1.421.000 р. (4.973.000 р. асс.), которые съ нихъ причитались бы по подушному окладу. Въ 1841 г. къ нимъ прибавилось 23 тыс. д., въ 1842 г.—53 тыс. д. и въ 1843 г.—15 тыс. д. Кромѣ этихъ 600 тыс. душъ, къ которымъ постепенно присоединялись крестьяне, пріобрѣтавшіеся покупкой у частныхъ владѣльцевъ, до 100 тыс. малоземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ оставались на подушномъ оброкѣ. Впрочемъ, это послѣднее число съ теченіемъ времени измѣнялось въ зависимости отъ сокращенія крестьянскихъ надѣловъ (по расчету на душу) вслѣдствіе размноженія населенія. Если уменьшеніе дохода отъ тягловаго участка, вызванное подобнымъ сокращеніемъ надѣла, не восполнялось повышеніемъ оцѣнки земли при новой ревизіи и доходъ съ тягла падалъ настолько, что часть, приходившаяся по расчету на долю Удѣловъ, опускалась до уровня подушнаго оклада или даже ниже его, то крестьяне переводились съ поземельнаго сбора на подушный оброкъ.

Введенный на изложенныхъ основаніяхъ поземельный сборъ при новыхъ ревизіяхъ долженъ былъ подвергаться извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Согласно § 35 правилъ поземельнаго сбора, крестьяне должны были получать въ пользованіе землю на время не менѣе 15 лѣтъ или, для сближенія съ моментами народныхъ переписей, отъ ревизіи до ревизіи. При этомъ предполагалось,

что, при каждомъ новомъ перераспредѣленіи между крестьянами земли, будетъ производиться переоцѣнка послѣдней и соотвѣтствующее измѣненіе оклада.

Введеніе поземельнаго сбора въ большей части удѣльныхъ имѣній состоялось, какъ указано выше, въ теченіе 1831—33 гг., а въ 1834 г. произведена была новая перепись всего населенія Имперіи и, слѣдовательно, введены были новыя души въ окладъ по казеннымъ, земскимъ и удѣльнымъ сборамъ. Производя расчеты того, какимъ образомъ это обстоятельство должно отразиться на удѣльномъ доходѣ (изъ котораго погашались казенные и земскіе платежи съ крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ), Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что, хотя введеніе въ окладъ прибылыхъ душъ въ селеніяхъ, по малоземелью состоявшихъ на подушномъ оброкѣ, и увеличитъ нѣсколько удѣльный доходъ, но такъ какъ расходы, вызванные приращеніемъ общей суммы казенныхъ податей (разсчитанныхъ по новому числу душъ) съ крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ, будутъ превышать указанное увеличеніе дохода, то, въ общемъ итогѣ, удѣльный доходъ потерпитъ сокращеніе. Уменьшеніе удѣльнаго дохода можно было бы предупредить переоцѣнкою земли и соотвѣтствующимъ возвышеніемъ поземельнаго сбора, если допустить, что доходность крестьянскихъ угодій, со времени перевода крестьянъ на поземельный сборъ, успѣла повыситься. Для выясненія этого обстоятельства, Департаментъ Удѣловъ предположилъ собрать свѣдѣнія о цѣнахъ ржи за послѣднія 10 лѣтъ, имѣя въ виду, что, при первоначальномъ введеніи поземельнаго сбора, въ цѣляхъ умѣренной оцѣнки земли, допущено было выводить среднюю цѣну ржи изъ годовыхъ цѣнъ не за 10 (какъ слѣдовало бы по правиламъ поземельнаго сбора), а за 5 лѣтъ,—въ виду особаго подъема цѣнъ, замѣчавшагося послѣ военныхъ событій 1812 г. Для этого въ январѣ 1834 г. управляющимъ конторами посланы были предписанія доставить къ 1 апрѣля свѣдѣнія о цѣнахъ четверти ржи, стоявшихъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ (когда крестьяне преимущественно сбывали свое зерно) за десятилѣтіе 1822—32 гг., съ тѣмъ чтобы свѣдѣнія эти собирались черезъ мѣстныя гражданскія начальства (о справочныхъ цѣнахъ), черезъ помѣщиковъ и хлѣботорговцевъ (о базарныхъ цѣнахъ ржи).

Но еще до полученія затребованныхъ свѣдѣній, въ февралѣ 1834 г., Департаментомъ Удѣловъ было рѣшено произвести новую оцѣнку земли. Департаментъ принялъ это рѣшеніе, предпо-

лагая, что—благодаря выводу средней цѣны ржи, при прежней оцѣнкѣ, изъ данныхъ за 5, а не за 10 лѣтъ и предписанію слѣдовать при оцѣнкѣ по возможности умѣреннымъ расчетамъ—управляющіе удѣльными конторами назначали низкія цѣны зерна и вывели, слѣдовательно, низкую оцѣнку земли. Приступая къ переоцѣнкѣ земли, Департаментъ Удѣловъ не упустилъ, однако, изъ виду того обстоятельства, что хлѣбныя цѣны въ началѣ 30-хъ гг. обнаружили ненормальное повышеніе; поэтому, если произвести новую оцѣнку земледѣльческаго дохода по средней цѣнѣ хлѣба за послѣднія 10 лѣтъ, то полученныя цифры, по его мнѣнію, не только превысили бы прежнюю оцѣнку, но и оказались бы слишкомъ высокими для того, чтобы ихъ можно было распространить впередъ на цѣлое десятилѣтіе. Въ силу высказанныхъ соображеній Департаментъ Удѣловъ считалъ необходимымъ ограничить на этотъ разъ примѣненіе правила объ исчисленіи земледѣльческаго дохода на основаніи 10-ти-лѣтней сложности цѣнъ такими постановленіями, которыя не допускали бы чрезмѣрнаго его повышенія. Такія постановленія были составлены и разосланы управляющимъ при циркулярѣ отъ 6 марта 1834 г. *).

Согласно этимъ новымъ правиламъ, управляющіе, не перемѣряя вновь крестьянскихъ земель, должны были только раздѣлить ихъ на участки, по числу тяглъ, составлявшему половину числа душъ по 8 ревизіи, полагая при этомъ, если нужно, въ раздѣлъ и излишнія земли, принятыя крестьянами изъ поземельнаго сбора. Оцѣнка земель должна была производиться на основаніи средняго за десятилѣтіе урожая ржи и средней же за 10 лѣтъ цѣны этого хлѣба. Но если бы было обнаружено, что цѣна ржи потерпѣла гдѣ либо очень значительное повышеніе, то, для исчисленія земледѣльческаго дохода, ее нужно было принимать въ размѣрѣ, превышавшемъ прежнюю цѣну не болѣе того, насколько новое число въ данномъ селеніи ревизскихъ душъ превосходило прежнее ихъ количество. Равнымъ образомъ и прибавка урожая ржи допускалась лишь для тѣхъ селеній, гдѣ процентъ возрастанія цѣны этого хлѣба былъ меньше процента прибавленія ревизскаго народонаселенія.

Эти ограниченія были изложены въ §§ 6 и 7 новыхъ правилъ; ими ставился только высшій предѣлъ увеличенія оцѣнки земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, допускалась возможность вывода и болѣе низкихъ цифръ земледѣльческаго дохода. Статья же 8-я правилъ

*) См. Св. уд. пост., ч. II, прилож. № 10.

была редактирована такимъ образомъ, какъ будто бы вышеизложенное условіе назначенія цѣны ржи предполагалось не какъ предѣлъ допускаемаго возвышенія дохода, а какъ общее и обязательное правило при переоцѣнкѣ. А именно, въ этой статьѣ было сказано, что такъ какъ, по общему соображенію бывшихъ въ прошедшее десятилѣтіе цѣнъ, разсчитанная по нимъ средняя цѣна будетъ превосходить почти вдвое цѣну ржи, служившую для перваго исчисленія доходности, и поэтому при новой переоцѣнкѣ земли всѣ селенія болѣе или менѣе подойдутъ подъ ограниченія, изложенныя въ §§ 6 и 7 этихъ правилъ, то „для единообразной и уравнительной мѣры прибавки къ прежней цѣнѣ ржи", а также мѣры сокращенія площади тяглового участка, какъ слѣдствія возрастанія доходности земли, удѣльныя конторы должны руководствоваться прилагаемыми расчетами; расчеты же эти составлены были съ допущеніемъ условія, что урожаи ржи оставались тѣми же, какіе принимались къ учету при предшествовавшей оцѣнкѣ, а цѣны этого хлѣба превышали прежнюю его цѣну въ той самой мѣрѣ, въ какой новое число ревизскихъ душъ превосходило старое. „Такимъ образомъ при нынѣшней переоцѣнкѣ земли, съ означеннымъ ограниченіемъ—говорится въ § 9 правилъ 1834 г.—каждый удѣльный крестьянинъ... по новой ревизіи будетъ платить поземельнаго сбора (съ уменьшеннаго участка) точно тоже, что платилъ и прежде, а удѣльный доходъ увеличится отъ прибавленія числа тягловыхъ участковъ".

Если изданныя Департаментомъ Удѣловъ правила для переоцѣнки земли послѣ 8-й ревизіи понять въ смыслѣ редакціи восьмой ихъ статьи, т. е., если повышеніе доходности земли заранѣе должно было приниматься точь въ точь соотвѣтствующимъ возрастанію населенія, то переоцѣнка земли становилась излишней, тягловые оклады (30 р.) должны были оставаться неизмѣнными, и все дѣло управляющихъ сводилось бы къ раздѣленію коренной земли, состоявшей при селеніи, на новое число тяглъ и къ обложенію этихъ послѣднихъ окладомъ въ 30 р. Если, напр., въ селеніи А число ревизскихъ душъ, а слѣдовательно и число тяглъ возрасло на 33% и въ томъ же отношеніи поднята доходность земли, то состоявшіе въ пользованіи крестьянъ тягловые участки, обложенные 30-ти-р. сборомъ, приносившіе по прежней оцѣнкѣ 75 р. дохода, по новой оцѣнкѣ должны давать 100 р. дохода (на 33% больше, чѣмъ прежде) и, при сохраненіи прежняго оклада въ 30 р. съ тягла, они подлежали приведенію къ

размѣру дохода въ 75 р., т. е. сокращенію на 33%. Послѣ этого освободилось бы ровно столько земли, сколько ея нужно для надѣленія участками 30-ти-рублеваго оклада прибылыхъ тяглъ, и въ результатѣ получилось бы возрастаніе удѣльнаго дохода, пропорціональное опредѣлившемуся при ревизіи приросту населенія.

Такъ именно и были поняты правила для переоцѣнки земли большею частью управляющихъ удѣльными имѣніями. Управляющій костромскимъ имѣніемъ, напр., отъ 14 октября 1834 г. доносилъ Департаменту Удѣловъ, что, если урожаи и цѣны ржи въ селеніяхъ костромской губ., исчисленные при первой оцѣнкѣ, возвысить такимъ образомъ, чтобы изъ коренной земли можно было составить 75-ти-рублевые участки и для прибылыхъ тяглъ, то во многихъ селеніяхъ „урожаи и цѣны на рожь будутъ увеличены до такой степени, какой въ тѣхъ селеніяхъ и не существовало“, что, конечно, неблагопріятно отразится на домохозяевахъ, получившихъ лишнее тягло. Департаментъ Удѣловъ отвѣчалъ на это разъясненіемъ истиннаго смысла правилъ, какъ они формулированы въ §§ 6 и 7. Приблизительно въ томъ же смыслѣ понялъ новыя правила и управляющій Вятской Конторой. Представляя платежныя табели, онъ пояснялъ, что въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ населеніе уменьшилось, цѣны ржи оставлялись имъ безъ измѣненія, а освобождавшіеся участки присоединялись къ излишнимъ землямъ; что же касается селеній, гдѣ народонаселеніе болѣе чѣмъ удвоилось, то, во избѣжаніе низкихъ окладовъ, онъ удваивалъ и цѣны ржи, но и при этомъ онъ „не могъ предупредить перехода нѣкоторыхъ селеній изъ многоземельныхъ въ разрядъ малоземельныхъ или достаточныхъ“ (съ каковымъ переходомъ связано было и пониженіе платежа). Управляющій оренбургскимъ имѣніемъ доносилъ Департаменту, что уже цѣны ржи, положенныя въ основаніе оцѣнки земли въ 1832 г., почти превысили мѣстныя справочныя цѣны на этотъ хлѣбъ, вслѣдствіе чего увеличеніе удѣльнаго дохода послѣ 8-й ревизіи не могло быть достигнуто возвышеніемъ оцѣнки, а только путемъ надѣленія прибылыхъ тяглъ изъ излишнихъ земель, оцѣниваемыхъ согласно правиламъ 1831 г. (большая часть излишней земли въ оренбургскомъ имѣніи не была принята крестьянами за поземельный сборъ и сдавалась въ аренду по вольной цѣнѣ). Получивъ на такое надѣленіе разрѣшеніе Департамента Удѣловъ и представляя 4 ноября платежныя табели, управляющій объяснялъ, что по отношенію къ разнымъ селеніямъ оренбургской губерніи имъ

примѣнялись и разныя системы оцѣнки. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ было много не принятыхъ въ 1832 г. крестьянами излишнихъ земель, которыми можно было надѣлить прибылыя тягла, не уменьшая площади участковъ, — онъ оставлялъ цѣну ржи безъ измѣненія. Тамъ же, гдѣ для надѣленія прибылыхъ душъ нужно было обратиться къ излишней землѣ, находившейся въ пользованіи крестьянъ (за поземельный сборъ), и гдѣ отрѣзкою крестьянской земли для отставныхъ солдатъ и для церковнослужителей произведено было такое сокращеніе участковъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на тягло приходилось не болѣе 1 дес. пашни въ полѣ, — онъ поступалъ иначе: „если бы оставить землю безъ переоцѣнки, то цѣнность ея не только не могла бы достигнуть 30-ти р. оклада, но была бы менѣе подушнаго оброчнаго платежа; а потому, чтобы окладъ не понизился сравнительно съ тѣмъ, какой крестьяне вносили до сего за тягловые участки“, дѣлалась надбавка цѣны хлѣба и составлялся полный прежній окладъ.

Не останавливаясь на дѣйствіяхъ прочихъ управляющихъ удѣльными имѣніями, въ общемъ мало отличавшихся отъ тѣхъ, которыя приведены для примѣра, и ограничиваясь разсмотрѣніемъ лишь этихъ послѣднихъ случаевъ, мы можемъ вывести заключеніе, что общей тенденціей управляющихъ удѣльными конторами, при введеніи поземельнаго сбора по душамъ 8 ревизіи, было сохранить прежній тягловый 30-ти-рублевый окладъ и достигнуть такимъ образомъ приращенія удѣльнаго дохода приблизительно пропорціонально возрастанію ревизскаго населенія. Главнымъ средствомъ, при помощи котораго управляющіе достигали распространенія прежняго оклада на прибылыя по 8 ревизіи тягла, было соотвѣтствующее возвышеніе цѣны ржи, причемъ требовавшійся для этого размѣръ повышенія многими управляющими принимался безъ соображенія съ тѣмъ, соотвѣтствовалъ ли онъ дѣйствительности или нѣтъ. Только въ случаѣ, если распространеніе 30-ти-рублеваго оклада на новыя тягла могло быть сдѣлано при очень большомъ повышеніи цѣны ржи, управляющіе воздерживались отъ описаннаго пріема оцѣнки земель и примирялись съ тѣмъ фактомъ, что селеніе, бывшее въ разрядѣ достаточныхъ (т. е. имѣвшее земли не больше или нѣсколько меньше того, что нужно было для обложенія тягла 30-ти-рублевымъ окладомъ), или въ разрядѣ многоземельныхъ, т. е. такихъ, гдѣ, по надѣленіи тяглъ полнымъ 75-ти-рублевымъ участкомъ (облагавшимся 30-ти-рублевымъ сборомъ), оставались еще излишнія

земли,—переходило въ разрядъ малоземельныхъ, облагавшихся подушнымъ оброкомъ—болѣе низкимъ, нежели поземельный сборъ.

Въ 1850 г. наступила 9 ревизія и согласно правиламъ о поземельномъ сборѣ надлежало произвести новое измѣреніе и переоцѣнку крестьянскихъ угодій. Поэтому, 7 іюля 1850 г. издано было распоряженіе Департамента Удѣловъ о томъ, чтобы, по окончаніи ревизіи, управляющіе, не производя инструментальнаго измѣренія земель, приступили къ занятіямъ по переоцѣнкѣ послѣднихъ, начавъ это дѣло съ предварительнаго составленія поземельной табели по одному приказу, руководствуясь общимъ по этому предмету положеніемъ, а въ случаѣ надобности примѣняя правила, изданныя для переоцѣнки земли по душамъ 8 ревизіи.

Нѣкоторые управляющіе и теперь поняли это такъ, какъ толковали предписаніе Департамента о переоцѣнкѣ земли въ 1834 г., т. е., что изданныя на этотъ счетъ правила должны служить средствомъ увеличенія удѣльнаго дохода соотвѣтственно приращенію населенія. Такъ, управляющій Вятскою Конторою доносилъ, что средняя цѣна ржи за истекшее десятилѣтіе въ районѣ подвѣдомственнаго ему имѣнія оказалась ниже той, какая принята при исчисленіи поземельнаго сбора по душамъ 8 ревизіи, отчего оклады послѣдняго должны бы значительно уменьшиться: а потому онъ предположилъ, согласно правиламъ 1834 г., повысить доходъ съ десятины ржи соразмѣрно обнаруженному переписью приросту населенія. Такимъ же образомъ понялъ предстоявшее ему дѣло и новый управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, извѣстный писатель, В. И. Даль. Представляя поземельную табель, онъ объяснялъ, что таковая составлена имъ согласно существовавшимъ распоряженіямъ лишь для того, чтобы не отступить отъ предписаній начальства; но, чтобы не подвергнуться впослѣдствіи какой либо за это отвѣтственности, онъ считаетъ нужнымъ объяснить, что, при первоначальномъ введеніи въ нижегородскомъ имѣніи поземельнаго сбора и при послѣдующемъ его измѣненіи, управляющіе, производя оцѣнку земли, поступали прямо обратно тому, что предписывалось изданными на этотъ счетъ правилами. Заранѣе было принято, что тягловый участокъ, при данномъ количествѣ земли, непремѣнно долженъ былъ приносить 75 р. дохода, $^2/_5$ котораго должны были быть обращены въ подати, и уже послѣ и соотвѣтственно этому назначались мнимый урожай зерна и мнимая его цѣна.

Такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы, при оцѣнкѣ земли по душамъ 9 ревизіи, была принята другая система, а примѣненіе прежнихъ правилъ имѣло бы слѣдствіемъ лишь увеличеніе крестьянскихъ платежей пропорціонально возрастанію числа тяголъ, то, вмѣсто производства сложныхъ вычисленій, Даль предлагалъ прямо обложить прибылыя тягла существовавшимъ окладомъ, въ томъ предположеніи, что цѣнность земли растетъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія, и предоставить уже самимъ крестьянамъ раскладывать подать между семьями, какъ они знаютъ.

Такое предложеніе нижегородскаго управляющаго подверглось подробному разсмотрѣнію какъ со стороны Департамента Удѣловъ, такъ и со стороны Вице-Президента Департамента. Въ письмѣ своемъ по этому поводу къ Далю, графъ Перовскій отнесся совершенно отрицательно къ мысли обложить прибылыя души однообразнымъ окладомъ, такъ какъ это означало бы вернуться къ прежней системѣ подушнаго обложенія, на что графъ Перовскій согласиться не могъ, въ виду несомнѣнныхъ преимуществъ, которыя, по его мнѣнію, представляло поземельное обложеніе сравнительно съ подушнымъ. При прежней системѣ, крестьяне, пользовавшіеся большимъ количествомъ угодій, платили тоже, что и имѣвшіе мало земли; между крестьянами происходили безпрестанные споры изъ-за земель, которыя, по ихъ мнѣнію, принадлежали имъ, а не Удѣламъ; отъ несоразмѣрности обложенія со средствами селеній недоимки были общимъ явленіемъ; удѣльный доходъ былъ малъ и не было надежды на его приращеніе. Послѣ введенія поземельнаго сбора земли крестьянъ по возможности были уравнены, поводы къ спорамъ устранены и, что, по мнѣнію гр. Перовскаго, всего важнѣе, было уничтожено ошибочное представленіе крестьянъ, будто бы угодья, находившіяся въ ихъ пользованіи, составляли ихъ собственность; платежи крестьянъ стали поступать безнедоимочно; удѣльный доходъ разомъ возвысился слишкомъ на милліонъ рублей ассигнаціями безъ обремененія крестьянъ, и можно было расчитывать на постепенное его приращеніе отъ увеличенія цѣнности земли и ея продуктовъ. При этомъ графъ Перовскій указывалъ, что, по простотѣ принятой системы поземельнаго сбора, ея осуществленіе не должно бы представлять особенныхъ трудностей; но, къ сожалѣнію, поземельный сборъ введенъ былъ на мѣстахъ, повидимому, безъ должнаго вниманія къ этому дѣлу, а потому вопросъ теперь за-

ключается не въ томъ, какъ измѣнить систему, которая сама по себѣ удовлетворительна, а въ томъ, какимъ образомъ исправить сдѣланныя ошибки. Для этого-то и необходимо тщательно привести въ извѣстность современное положеніе удѣльныхъ имѣній, посредствомъ постепенной перемѣрки и переоцѣнки угодій. Если— по дальнѣйшимъ замѣчаніямъ графа Перовскаго—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по причинѣ малоземелья крестьянъ, и нельзя было бы достигнуть при новой ревизіи возвышенія удѣльнаго дохода и пришлось бы ограничиться лишь возложеніемъ на крестьянъ уплаты причитающагося подушнаго оклада за прибылыя души, то, взамѣнъ того, по отношенію къ имѣніямъ, гдѣ земли достаточно, основанія, принятыя при введеніи поземельнаго сбора, должны дать возможность нѣсколько возвысить удѣльный доходъ, такъ какъ. во-первыхъ, при введеніи поземельнаго сбора, измѣреніе крестьянскихъ угодій производилось сельскими мѣрщиками и они, конечно, не преувеличили, а скорѣе преуменьшили площадь крестьянскихъ владѣній, и во-вторыхъ, урожаи и цѣны на хлѣбъ принимались очень низкіе; къ тому же со времени послѣдней ревизіи цѣнность земли и произведеній еще возвысилась; участки крестьянъ улучшились, благодаря ихъ удобренію; площадь земли увеличилась вслѣдствіе обращенія неудобныхъ пространствъ въ удобныя и, наконецъ, нужда заставила нѣкоторыхъ крестьянъ обратиться къ промысламъ и въ нихъ открыть для себя новые источники дохода.

Донесеніе Даля подверглось подробному разсмотрѣнію и въ Департаментѣ Удѣловъ для провѣрки того, насколько правильно было его утвержденіе, что установленіе мнимыхъ данныхъ для вывода доходности крестьянскихъ земель какъ бы предписывалось правилами о поземельномъ сборѣ. Что касается самаго факта составленія невѣрныхъ табелей, то „ни по жалобамъ крестьянъ, ни другимъ путемъ никогда не доходило это до свѣдѣнія начальства, а иначе, безъ сомнѣнія, были бы неупустительно приняты необходимыя мѣры исправленія. Но если, дѣйствительно, были допущены такія неправильности, то теперь-то именно и настало время общей провѣрки всѣхъ основаній поземельнаго сбора и составленія новыхъ расчетовъ по правиламъ, на сей предметъ изданнымъ“. Но такъ какъ изъ донесеній нѣкоторыхъ управляющихъ и изъ откровенныхъ объясненій самаго Даля было ясно видно, что многіе были склонны понимать дѣло переоцѣнки крестьянскихъ земель такъ, какъ это понималъ Даль, то Де-

партаментъ Удѣловъ, двумя циркулярами, въ октябрѣ и декабрѣ 1850 г., разъяснилъ, что переоцѣнка земли должна быть совершена на основаніи *дѣйствительныхъ* урожаевъ и цѣнъ зерна; что сообразованіе цѣны хлѣба съ приростомъ населенія предложено правилами 1834 г. лишь для ограниченія повышенія цѣны хлѣба, а не для непремѣннаго увеличенія этой цѣны; что, при составленіи новыхъ табелей поземельнаго сбора, не слѣдуетъ прежде всего обращать вниманіе на количество тяглъ и приростъ душъ, а надлежитъ начать съ опредѣленія количества земли при селеніи, урожая и цѣны ржи, затѣмъ вычислить по этимъ даннымъ сборъ со всей земли и лишь послѣ того обратиться къ расчисленію надѣла и платежа по тягламъ. При этомъ Департаментъ Удѣловъ разрѣшалъ, при оцѣнкѣ разныхъ угодій, отступать, если это окажется необходимымъ, отъ указаннаго въ правилахъ о поземельномъ сборѣ отношенія ихъ доходности къ доходности ржаного поля, а также напоминалъ, что 30-ти-рублевый окладъ (въ переводѣ на серебро 8 р. 60 к.) былъ высшимъ тягольнымъ окладомъ; что, сообразно площади крестьянскихъ надѣловъ, онъ могъ понижаться до тѣхъ поръ, пока, за вычетомъ слѣдовавшей въ казну подати, доля собственно Удѣловъ не уравнялась бы съ подушнымъ оброкомъ по классамъ губерній. Въ послѣднемъ случаѣ недостатокъ надѣловъ слѣдовало пополнить изъ запасныхъ земель смежныхъ селеній, изъ оброчныхъ статей, изъ-подъ расчистокъ и т. п., а если это оказалось бы невозможнымъ, „малоземельныя селенія должны были быть оставлены по прежнему на подушномъ оброкѣ; переводъ же вновь съ поземельнаго сбора на подушный оброкъ едвали гдѣ либо могъ бы оказаться необходимымъ“.

Между тѣмъ, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, занимаясь составленіемъ поземельной табели по ризадѣевскому приказу, произвелъ оцѣнку земли этого приказа на основаніи вновь собранныхъ данныхъ объ урожаѣ и цѣнахъ хлѣба, причемъ оказалось, что по тогдашней доходности земли крестьяне этого приказа должны были нести окладъ въ размѣрѣ 15 тыс. р., тогда какъ по прежнимъ оцѣнкамъ они были обложены суммою въ 23 тыс. р. На основаніи этого примѣра, Даль настаивалъ на безполезности продолженія подобной работы по отношенію ко всему ввѣренному ему имѣнію. Но, помимо нецѣлесообразности производства дѣйствительной оцѣнки земли, эта оцѣнка вмѣстѣ съ тѣмъ представлялась крайне затруднительной: собираніе

необходимыхъ для этого данныхъ, въ особенности при условіи соблюденія правила о томъ, что управляющій „обязанъ узнать каждое селеніе во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ лучше, нежели его знаютъ сами обыватели“,—потребовало бы, по словамъ Даля (полагая 2 дня на изученіе каждаго изъ 695 селеній нижегородскаго имѣнія), непрерывной работы управляющаго въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Съ другой стороны, при малѣйшемъ повышеніи платежа, селенія нижегородскаго имѣнія, при которыхъ оказались бы излишнія земли, по мнѣнію Даля, вѣроятно отказались бы отъ принятія ихъ изъ поземельнаго сбора, вслѣдствіе чего удѣльный доходъ, даже при повышенномъ окладѣ, потерпѣлъ бы сокращеніе. Что же касается вопроса о возвышеніи удѣльнаго дохода путемъ надѣленія прибылыхъ тяглъ изъ запасныхъ земель съ сохраненіемъ прежняго тягловаго оклада, то это средство къ нижегородскому имѣнію было непримѣнимо. Всѣ запасныя земли въ этомъ имѣніи, со времени первоначальнаго введенія поземельнаго сбора, взяты уже были по необходимости тѣми же обществами, отъ которыхъ, по чрезмѣрно высокой оцѣнкѣ, были отрѣзаны (ризадѣевскіе крестьяне, напр., приняли на себя излишнія земли, считая, что они не въ правѣ отъ нихъ отказаться), и даютъ тотъ же оброкъ, что и тягловыя. Въ виду высказанныхъ соображеній и задаваясь цѣлью предупрежденія, по крайней мѣрѣ, замѣтнаго пониженія удѣльнаго дохода, Даль не находилъ иного для этого средства, кромѣ сохраненія, при составленіи табелей, прежней расцѣнки земли.

По представленнымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1852 г. табелямъ, 219 селеній нижегородскаго имѣнія подлежали переводу на подушный оброкъ, и общая сумма удѣльнаго дохода сокращалась на 873 р. с. Замѣтивъ въ нихъ нѣкоторыя ошибки и считая невѣроятнымъ, чтобы измѣненіе доходности земли, со времени послѣдней переоцѣнки, не обезпечивало, по крайней мѣрѣ, сохраненія удѣльнаго дохода въ прежнихъ размѣрахъ, Департаментъ Удѣловъ возвратилъ табели по нижегородскому имѣнію и предписалъ управляющему войти вновь въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ могло зависѣть назначеніе поземельнаго сбора. Новыя табели представлены были въ октябрѣ мѣсяцѣ 1852 г. Доходъ въ нихъ показанъ возросшимъ на 86 р. с., не считая 1024 р., исчисленныхъ за излишнія земли, не принятыя крестьянами.

Взиманіе сбора по числу душъ 9 переписи предполагалось начать со второй половины 1851 г. Но такъ какъ новыя табели поземельнаго сбора къ этому времени не были закончены, то Департаментъ Удѣловъ предписалъ управляющимъ конторами платежныя табели на вторую половину 1851 г. составить по старому, съ прибавленіемъ лишь дополнительнаго сбора по расчету подушнаго оклада съ прибылыхъ душъ. Вмѣстѣ съ этимъ предлагалось объявить крестьянамъ на полныхъ мірскихъ сходкахъ, что дополнительный сборъ назначался только на время и что, послѣ утвержденія табелей поземельнаго сбора, имъ будутъ возвращены излишне внесенныя ими деньги или съ нихъ будетъ взыскана недоплаченная сумма *).

При введеніи поземельнаго сбора, удѣльное вѣдомство приняло на себя уплату казенныхъ и земскихъ повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ, на которыхъ распространялась новая система обложенія. Земскія повинности тогда составляли отъ 20 к. до 1 р. асс. на ревизскую душу, но съ теченіемъ времени размѣръ ихъ сталъ увеличиваться. Первоначально, пока это увеличеніе было сравнительно незначительнымъ, оно продолжало относиться на счетъ Удѣловъ; такъ напр., введенный въ 1835 г. сборъ съ крестьянъ на составленіе вспомогательнаго земскаго капитала, въ размѣрѣ 15 к. съ души, уплачивался за крестьянъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Слѣдующее же возвышеніе этого сбора, въ размѣрѣ 30 к. съ души, на содержаніе земской полиціи, Департаментъ въ 1835 г. предписалъ взимать непосредственно съ крестьянъ. Когда же вслѣдъ засимъ земскіе сборы стали все возрастать, то Департаментъ Удѣловъ пришелъ къ заключенію объ изданіи общаго распоряженія относительно того, какимъ образомъ слѣдовало распредѣлять уплату земскихъ повинностей между крестьянами

*) При представленіи, согласно этому, платежныхъ табелей, управляющій Нижегородскою Конторою объяснялъ, что сдѣланное имъ возвышеніе удѣльнаго оброка, сообразно прибыли душъ, составляло болѣе 10 тыс. р. въ годъ или, въ среднемъ, отъ 50 к. до 1 р. на семью, между тѣмъ какъ предполагаемое увеличеніе поземельнаго сбора не превзойдетъ 2 тыс. р. Такимъ образомъ, нижегородскіе крестьяне въ дополнительномъ сборѣ навѣрное внесутъ болѣе, нежели съ нихъ слѣдовало бы по оцѣнкѣ земли; обѣщанное же циркуляромъ возвращеніе излишне собраннаго оброка не вознаградитъ ихъ за убытки, связанные съ пріобрѣтеніемъ денегъ для уплаты дополнительнаго сбора, такъ какъ каждый срочный рубль, вносимый крестьянами въ оброкъ, стоитъ имъ иногда до 1½ и 2 р. Въ уваженіе этого обстоятельства Даль предлагалъ или отмѣнить вовсе дополнительный сборъ съ крестьянъ нижегородскаго имѣнія, или назначить его въ размѣрѣ 1/5 части предположеннаго. Департаментъ Удѣловъ не нашелъ основанія для измѣненія своего распоряженія въ виду того, что принятая мѣра должна была имѣть дѣйствіе только до утвержденія новыхъ табелей поземельнаго сбора.

и удѣльнымъ управленіемъ. При составленіи проекта по этому дѣлу, Департаментъ принялъ во вниманіе, что увеличеніе размѣровъ земскихъ повинностей пошло въ дѣйствительности гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и что, поэтому, принятіе ихъ на счетъ Удѣловъ могло бы сильно отразиться на удѣльномъ доходѣ съ крестьянъ. Въ 1836 г., когда этотъ вопросъ былъ поднятъ, съ 313 тыс. душъ удѣльныхъ крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ, земскія повинности составляли уже 290 тыс. р. асс., тогда какъ, при введеніи поземельнаго сбора, съ того же числа душъ уплачивалось всего 137 тыс. р. Приращеніе удѣльнаго дохода отъ введенія поземельнаго сбора исчислялось къ 1836 г. въ 1.050.000 р. асс., а при условіи уплаты изъ него всѣхъ земскихъ повинностей за крестьянъ, приращеніе это сократилось бы до 760 тыс. р. Возложеніе уплаты этого налога на Удѣлы повело бы, по расчетамъ Департамента Удѣловъ, къ тому, что, съ дальнѣйшимъ возвышеніемъ земскихъ повинностей, чистый удѣльный доходъ отъ поземельнаго сбора въ малоземельныхъ губерніяхъ опустился бы ниже подушнаго оброка. Считая же при этомъ, что оцѣнка земли для поземельнаго сбора произведена была въ общемъ къ выгодѣ крестьянъ, Департаментъ Удѣловъ находилъ справедливымъ возложить уплату части земскихъ повинностей на самихъ крестьянъ и предполагалъ руководствоваться въ этомъ отношеніи слѣдующимъ правиломъ: если, кромѣ подушной подати, а также налога на устройство государственныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній, сборы, слѣдовавшіе въ казну, какого бы рода они ни были, составляли въ сложности не болѣе 1 р. асс. съ тягла, то всѣ эти сборы должны были быть обращаемы на счетъ дохода, получавшагося удѣльнымъ вѣдомствомъ съ крестьянъ; въ случаѣ же возрастанія этихъ сборовъ выше указаннаго предѣла, весь излишекъ ихъ долженъ былъ подлежать взысканію съ самихъ крестьянъ. Предположеніе это, однако, не было утверждено Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ (изъ опасенія возбудить недовѣріе среди крестьянъ), а вмѣсто того рѣшено было отнести земскій сборъ свыше 1 р. съ тягла на счетъ крестьянскаго капитала общественной запашки, о чемъ управляющіе конторами были извѣщены циркуляромъ отъ 17 іюля 1836 г. [5]).

Вопросъ объ отношеніи земскаго сбора къ поземельному не былъ, однако, этимъ разрѣшенъ окончательно. Въ 1841 г. возникъ вопросъ о томъ, какъ поступать съ крестьянами, переведенными на поземельный сборъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, по

причинѣ послѣдующаго возвышенія земскихъ повинностей, сумма всѣхъ платежей по подушному окладу съ 2-хъ ревизскихъ душъ превысила окладъ поземельнаго оброка для нѣкоторыхъ селеній. гдѣ приращеніе земскаго сбора покрывалось, согласно циркуляру 17 іюля, изъ хлѣбнаго капитала, а платежи крестьянъ оставались неизмѣненными. Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: если, послѣ утвержденія табелей поземельнаго сбора, земскія повинности въ какой либо губерніи увеличатся настолько, что установленные подушные оклады будутъ превышать поземельный сборъ, то весь недостатокъ послѣдняго сравнительно съ первыми слѣдовало обращать на счетъ мірскаго сбора подлежащихъ селеній, причисляя эти добавочныя деньги къ удѣльному доходу (предписаніе 23 октября 1841 г.). Такое разрѣшеніе вопроса, по мнѣнію Департамента Удѣловъ, находилось въ полномъ согласіи съ правилами о поземельномъ сборѣ и не служило къ отягощенію крестьянъ, такъ какъ обложеніемъ ихъ добавочнымъ сборомъ только достигалось уравненіе ихъ платежей съ тѣмъ окладомъ, на которомъ они были бы оставлены, если бы прибавка земскаго сбора сдѣлана была до распространенія на нихъ поземельнаго налога. Селенія, къ которымъ былъ примѣненъ циркуляръ 23 октября, встрѣтились въ нѣсколькихъ имѣніяхъ, а въ московской губ., послѣ возвышенія земскихъ повинностей на трехлѣтіе 1841—1843 гг., поземельный окладъ почти всѣхъ селеній оказался ниже подушнаго *).

Результаты обложенія удѣльныхъ крестьянъ поземельнымъ сборомъ по душамъ 9-й ревизіи представляются, по сравненію съ прежними ревизіями и съ окладами подушнаго сбора (до уравненія въ этомъ отношеніи удѣльныхъ крестьянъ съ государственными и послѣ него), въ слѣдующемъ видѣ:

Конторы:	Подушный сборъ: на ревизскую душу: по 7 и 8 ревиз.	Подушный сборъ: на ревизскую душу: по 9 ревиз.	Поземельный сборъ: на ревизскую душу: по 7 ревиз.	Поземельный сборъ: на ревизскую душу: по 8 ревиз.	Поземельный сборъ: на ревизскую душу: по 9 ревиз.
Нижегородская	10 р. асс.	10 р. асс.	13,00 р. асс.	13,28 р. асс.	13,00 р. асс.
Московская .	9 » »	10 » »		10,99 » »	12,04 » »
Вятская . . .	9,5—10 » »	10 » »	11,94 » »	12,25 » »	11,60 » »
Пермская . .	7,5 » »	9 » »	10,75 » »	10,90 » »	

*) По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1852 г., дополнительный съ крестьянъ сборъ, на основаніи циркуляра 23 октября 1841 г., составлялъ 54.283 р. сер.

Костромская .	9—10 р. асс.	10 р. асс.	12,10 р. асс.	12,32 р. асс.	12,39 р. асс.
Казанская . .	10 » »	10 » »	11,50*) » »	11,80 » »	12,10 » »
Симбирская . .	10 » »	10 » »	11,50 » »	11,63 » »	12,42 » »
Оренбургская .	8 » »	9 » »	11,86*) » »	11,20 » »	10,80 » »
Саратовская .	9—10 » »	10 » »	24,00 » »	22,00 » »	17,57 » »

Первый столбецъ таблички заключаетъ нормы подушнаго оброка съ удѣльныхъ крестьянъ до уравненія его съ окладами оброка крестьянъ государственныхъ. Сравненіе цифръ этого столбца съ цифрами столбцовъ 3-го и 4-го, относящимися къ окладамъ крестьянъ, переведенныхъ на поземельный сборъ (по расчету на душу), показываетъ, что удѣльный оброкъ съ крестьянъ, состоявшихъ на послѣднемъ, превышалъ (кромѣ саратовской губ. **) на 1,5 — 3 р. съ души платежъ въ пользу Удѣловъ крестьянъ, оставшихся на подушномъ окладѣ. Послѣ уравненія окладовъ подушнаго оброка удѣльныхъ крестьянъ съ окладами крестьянъ государственныхъ (столбецъ 2-й), разница въ обложеніи удѣльныхъ крестьянъ поземельнымъ и подушнымъ сборами, говоря вообще, уменьшилась.

Но, помимо удѣльнаго сбора, оба разряда крестьянъ несли и другіе платежи: казенные, земскіе и мірскіе. Что касается первыхъ и послѣднихъ, то для обоихъ разрядовъ крестьянъ они были одинаковы: подушная казенная подать равнялась 3 р. 30 к. асс. съ души, а мірскіе расходы колебались не только по губерніямъ, но даже по приказамъ и селеніямъ, въ зависимости отъ того, какая часть повинностей исполнялась крестьянами натурой или наймомъ и въ какой мѣрѣ, благодаря положенію даннаго селенія, ему приходилось участвовать въ исполненіи дорожной, подводной повинности и др. Такъ, въ 1828 г. денежные общественные сборы съ крестьянъ колебались отъ 19 к. (въ смоленской губ.) до 11 р. (въ красносельскомъ имѣніи) на душу. Эти колебанія были значительны и въ предѣлахъ одной губерніи: во владимірской губерніи, напр., въ томъ же 1828 г. сборы измѣнялись отъ 73 к. до 3 р. 18 к. съ души, въ смоленской—отъ 19 к. до 2 р. 37 к. и т. д. Департаментъ Удѣловъ стремился, по возможности, сократить эти сборы, съ одной стороны требуя экономіи въ общественныхъ расходахъ,

*) Не считая платежа за излишнія земли.

**) Значительное повышеніе поземельнаго сбора въ этой губерніи сравнительно съ подушнымъ произошло потому, что по причинѣ крупныхъ надѣловъ здѣсь были произведены большія отрѣзки крестьянской земли и отрѣзанныя угодья остались въ пользованіи крестьянъ за поземельный сборъ.

съ другой — затрудняя переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя. Въ общемъ можно сказать, что этотъ сборъ въ итогахъ по цѣлому имѣнію въ 30-хъ гг. составлялъ около 2 р., а въ 40-хъ—50-хъ гг.—около 4 р. асс. съ души.

Подобно общественному сбору, земскій сборъ представлялъ также колеблющуюся величину, какъ во времени, такъ и по губерніямъ. Въ 1831 г., напр., онъ составлялъ для разныхъ губерній отъ 11 к. до 1 р. 26 к. съ души, въ 1836 г.—отъ 75 к. до 3 р. асс. Но тогда какъ подушная подать и общественный сборъ падали на удѣльныхъ крестьянъ въ размѣрѣ, независимомъ отъ того, состояли ли они на подушномъ или поземельномъ окладѣ, земская повинность уплачивалась (въ суммѣ $^2/_5$ дохода съ тягловаго участка) крестьянами, состоявшими на поземельномъ сборѣ, въ размѣрѣ, не превышавшемъ 1 р. асс. на тягло или 50 к. на душу; остальная же часть этого сбора падала на крестьянскій хлѣбный капиталъ. Этимъ названная категорія крестьянъ какъ бы вознаграждалась за высшій оброкъ въ пользу Удѣловъ.

Относительно размѣровъ этого вознагражденія замѣтимъ, что по даннымъ, относящимся къ началу 50-хъ годовъ, за исключеніемъ петербургской губ., гдѣ земскій сборъ взимался, въ среднемъ, въ размѣрѣ 5 р. 85 к. асс. съ души, остальные удѣльные крестьяне, состоявшіе на подушномъ оброкѣ, несли этотъ платежъ въ размѣрѣ отъ 1 р. 23 к. (въ вятской губ.) до 3 р. 35 к. асс. (въ владимірской губ.) на душу, т. е. больше, нежели крестьяне, переведенные на поземельный сборъ (уплачивавшіе 50 к. асс.), на сумму отъ 73 к. до 2 р. 85 к. асс. съ души. Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены данныя по этому предмету для семи конторъ:

Конторы:	Подушный сборъ. Удѣльный оброкъ.	Земскій сборъ.	Итого.	Поземельный уд. оброкъ + зем. сб. (50 к. асс. съ души).	Разница между 4 и 3 графой.
Нижегородская.	10 р. асс.	2,83 р. асс.	12,83 р. асс.	13,50 р. асс.	+0,67 р. асс.
Московская . .	10 » »	2,80 » »	12,80 » »	12,54 » »	—0,26 » »
Вятская . . .	10 » »	1,22 » »	11,22 » »	12,10 » »	+0,88 » »
Костромская .	10 » »	1,54 » »	11,54 » »	12,89 » »	+1,35 » »
Казанская . .	10 » »	1,75 » »	11,75 » »	12,60 » »	+0,85 » »
Оренбургская .	9 » »	1,75 » »	10,75 » »	11,30 » »	+0,55 » »
Саратовская .	10 » »	2,24 » »	12,24 » »	18,07 » »	+5,83 » »

Сравнивая цифры 3-го столбца, выражающія сумму удѣльнаго оброка и казеннаго земскаго сбора съ крестьянъ, состояв-

шихъ на подушномъ окладѣ, и 4-го столбца, представляющаго сумму удѣльнаго и земскаго (50 к. асс. съ души) сборовъ съ крестьянъ, переведенныхъ на поземельный окладъ, мы замѣтимъ (см. 5-й столбецъ), что общая сумма платежей, лежавшихъ на крестьянахъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ въ московской губ., была меньше платежей, которые несли крестьяне, находившіеся на подушномъ окладѣ *), а въ остальныхъ губерніяхъ (за исключеніемъ саратовской) превышала платежи этихъ послѣднихъ на сумму отъ 55 к. до 1 р. 35 к. асс.

Утвержденіе табелей поземельнаго сбора по душамъ 9-й ревизіи во многихъ имѣніяхъ затянулось до 1856 – 57 гг. и даже 1858 г., а между тѣмъ, по случаю бывшей войны, производство слѣдующей переписи населенія назначено было раньше обыкновеннаго срока, а именно на 1858 г. Вслѣдствіе этого въ 1857 г. управляющіе имѣніями начали входить въ Департаментъ Удѣловъ съ представленіями о производствѣ новой оцѣнки крестьянскихъ земель, и самъ Департаментъ 14 августа 1857 г. предписалъ управляющему московскимъ имѣніемъ составить новыя табели по числу душъ 10 ревизіи. Въ это же время вопросъ о переоцѣнкѣ крестьянскихъ земель возбужденъ былъ вновь и управляющимъ нижегородскимъ имѣніемъ Далемъ. Послѣдній находилъ, что, такъ какъ со времени предыдущей оцѣнки земли не произошло замѣтнаго измѣненія ни въ урожаѣ, ни въ цѣнахъ зерна, то и не предстояло основанія для производства новой оцѣнки, которая къ тому же была бы, по мнѣнію Даля, и безцѣльна: по самой сущности требованій Департамента, она, подобно и прежней оцѣнкѣ, ни въ какомъ случаѣ не могла вести къ пониженію сбора, а должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ неизбѣжное его повышеніе; поэтому, если Департаментъ Удѣловъ новой оцѣнкой желалъ увеличить оброкъ, то достигнуть этого было бы проще, не прибѣгая къ сложнымъ и притомъ безполезнымъ вычисленіямъ, прямымъ прибавленіемъ оброка по расчету прибыли душъ.

Чрезъ годъ послѣ этого, разсматривая вопросъ о переоцѣнкѣ земли, Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что, такъ какъ въ большинствѣ имѣній переоцѣнка крестьянскихъ угодій произведена была недавно, то и нельзя было ожидать существенныхъ въ ней

*) Согласно циркуляру Департамента Удѣловъ 23 октября 1841 г. (см. стр. 130), въ этихъ случаяхъ разница между окладами крестьянъ, состоявшихъ на подушномъ и поземельномъ сборѣ, должна была покрываться изъ мірскихъ суммъ и причисляться къ удѣльному доходу.

измѣненій, а потому постановилъ, не приступая пока къ новой оцѣнкѣ земли, ограничиться подушнымъ обложеніемъ прибылыхъ по 10 ревизіи душъ какъ казенными и земскими податями, такъ и установленнымъ по классамъ губерній оброкомъ (въ пользу Удѣловъ). Исчисленіе же дѣйствительной доходности крестьянскихъ земель и установленіе, сообразно съ этимъ, размѣровъ новаго поземельнаго обложенія рѣшено было производить по мѣрѣ выполненія по какому либо случаю инструментальной съемки крестьянскихъ угодій. Объ этомъ было сообщено управляющимъ конторами циркуляромъ отъ 16 декабря 1858 г.

Но въ это время вопросъ о поземельномъ сборѣ съ удѣльныхъ крестьянъ вступилъ въ новый фазисъ. Занимавшій тогда постъ Предсѣдателя Департамента Удѣловъ гр. Муравьевъ съ 1857 г. состоялъ также Управляющимъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Вмѣстѣ со вступленіемъ его въ завѣдываніе этимъ послѣднимъ, поднятъ былъ вопросъ о возвышеніи дохода съ государственныхъ имуществъ вообще и объ увеличеніи оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ. Съ этою цѣлью рѣшено было произвести новую оцѣнку крестьянскихъ земель, но не съ тѣмъ, чтобы получить основаніе для правильной разверстки между селеніями причитавшейся на губернію суммы податей (какъ это дѣлалось при гр. Киселевѣ), а чтобы соотвѣтственно доходности земли назначить и оклады оброчной подати. При такомъ совпаденіи предстоявшихъ задачъ въ вѣдомствахъ Удѣловъ и Государственныхъ Имуществъ, признано было умѣстнымъ вести дѣло переоцѣнки удѣльныхъ и казенныхъ земель по одинаковому плану, сообразно основаніямъ, выработаннымъ по указаніямъ предшествовавшаго опыта Министерства Государственныхъ Имуществъ, и для согласованія работъ составленъ былъ особый комитетъ изъ представителей обоихъ вѣдомствъ.

Работы по оцѣнкѣ земель, состоявшихъ въ пользованіи удѣльныхъ крестьянъ, начались въ 1859 г., въ видѣ опыта, въ губерніяхъ: петербургской, московской и владимірской, а затѣмъ распространились на симбирскую и самарскую. Важное отличіе этого рода оцѣночныхъ работъ отъ тѣхъ, на которыхъ первоначально основывался поземельный сборъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ, заключалось въ томъ, что онѣ производились спеціально для того назначеннымъ персоналомъ, изучившимъ это дѣло подъ руководствомъ опытныхъ чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, гдѣ кадастровыя работы производились непрерывно съ начала 40-хъ годовъ.

Въ основу вновь примѣнявшагося въ удѣльномъ вѣдомствѣ кадастра положено было опредѣленіе чистаго дохода отъ земли на основаніи урожая ржи, цѣнъ ея и расходовъ производства. Оброчную подать предполагалось назначать вообще въ размѣрѣ $^{1}/_{3}$ части чистаго дохода. Но если бы оказалось, что исчисленная такимъ образомъ сумма была болѣе, чѣмъ на 25% ниже наемныхъ цѣнъ земли, то допускалось ея увеличеніе не выше, впрочемъ, чѣмъ на 10%. Если же вновь исчисленный оброкъ превосходилъ 75% наемной цѣны земли, то онъ подлежалъ уменьшенію до этой послѣдней цифры.

Опредѣленная такимъ образомъ доля Удѣловъ значительно превышала прежніе оброки удѣльныхъ крестьянъ. Такъ, въ симбирскомъ имѣніи сборъ съ крестьянъ въ доходъ Удѣловъ повышался, согласно новымъ оцѣнкамъ, съ 3 р. 65 к. с. съ души до 6 р. 58 к., въ сызранскомъ—съ 3 р. 69 к. до 7 р. 12 к., въ самарскомъ—съ 3 р. 72 к. до 4 р. 7 к.; въ красносельскомъ имѣніи прежніе оброки колебались по приказамъ между 5 р. 18 к. и 7 р. 96 к., а новые—между 9 р. 78 к. и 12 р. 70 к. с. на душу. Въ виду столь значительнаго повышенія платежа, принято было увеличивать старые оклады не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Вмѣстѣ съ инструкціею для оцѣнки крестьянской земли и обложенія ея оброкомъ были составлены и правила для выкупа отводившихся крестьянамъ угодій въ полную ихъ собственность. Выкупъ земли дозволялся какъ цѣлымъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ и товариществамъ таковыхъ. Выкупная сумма опредѣлялась путемъ капитализаціи назначеннаго по оцѣнкѣ оброка изъ 5%. Взносъ выкупной суммы разсрачивался на 8 лѣтъ, а для того, чтобы земля пріобрѣталась преимущественно состоятельными крестьянами, требовалось внесеніе единовременно, при заключеніи сдѣлки, не менѣе 15%. Выкупъ крестьянами земли допущенъ былъ, въ видѣ опыта, въ одномъ красносельскомъ имѣніи. Воспользоваться этимъ правомъ пожелали 55 домохозяевъ, выкупившихъ въ общей суммѣ 526 дес., представлявшихъ капитальную цѣнность въ 39.244 р. с.

Но дальнѣйшее примѣненіе новыхъ правилъ сдѣлалось излишнимъ вслѣдствіе состоявшагося Высочайшаго рѣшенія относительно общаго увольненія удѣльныхъ крестьянъ въ положеніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Примѣчанія.

1) Управляющій Костромской Конторой, напр., послѣ объясненія того, какъ охотно даже бѣдныя селенія принимали его предложеніе о возвышеніи оброка, прибавлялъ, что къ его удивленію наиболѣе зажиточные —шевалдовскій и никитинскій— приказы юмохинской волости отказались было совсѣмъ отъ прибавки оброка и только послѣ настоятельныхъ его убѣжденій крестьяне никитинскаго приказа согласились прибавить отъ 40 к. до 1 р. 40 к. съ души, шевалдовскіе же категорически отказывались добровольно возвысить оброкъ, прибавляя, однако, „что когда послѣдуетъ именное Государя Императора повелѣніе о прибавкѣ на всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ оброка, то и они обязуются платить, что возложено на нихъ будетъ". Зная юмохинскую волость, какъ отличавшуюся вообще буйнымъ характеромъ, управляющій предлагалъ обложить ее болѣе высокимъ окладомъ, сравнительно съ прочими крестьянами костромскаго имѣнія, „въ наказаніе за своевольство и въ одобреніе прочихъ крестьянъ въ массѣ которыхъ составляютъ они лишь седьмую часть". Не только костромской, но и многіе другіе управляющіе замѣтили, что несогласіе на прибавку оброка выражали именно сравнительно богатые крестьяне. Такъ, въ смоленскомъ имѣніи не соглашались на возвышеніе оброка и едва были склонены къ прибавкѣ, всего 50 коп. съ души, крестьяне болѣе богатаго, верховскаго приказа. Относительно косевскаго приказа, единственнаго въ оренбургскомъ имѣніи, отказавшагося отъ прибавки оброка, въ то время, какъ другіе крестьяне соглашались на повышеніе его съ 4 руб. до 5—7 и даже 8 руб., управляющій конторой доносилъ, что крестьяне этого приказа, „наибогатѣйшіе и грубѣйшіе въ цѣломъ удѣлѣ", объясняли ему, „что если Государь Императоръ повелитъ, то они не токмо предполагаемый управляющимъ 10 рублевый оброкъ, но и болѣе платить будутъ", а добровольно согласиться на прибавку не желаютъ. Всевозможныя убѣжденія управляющаго и вновь избранныхъ старшинъ не могли покорить упорства касевскихъ крестьянъ, и управляющій, наконецъ, рѣшилъ оставить ихъ въ покоѣ, „замѣтя только тѣхъ 6 человѣкъ, кои единственно дали направленіе сему несоглашенію". Оренбургскій управляющій при такихъ обстоятельствахъ ограничился тѣмъ, что взялъ предположенныхъ имъ предводителей несогласныхъ крестьянъ на замѣчаніе. Управляющій же Орловской Конторой по отношенію къ крестьянину Чепцову, который „одинъ дѣлалъ внушенія на несоглашеніе" и который былъ „поведенія распутнаго, пьянаго и нерачительнаго къ дому, а кольми паче сварливаго, такъ что на сходкахъ старается возжигать крестьянъ къ противорѣчію, нынѣ же, возмутивши крестьянъ, самъ со сходки скрылся и едва могли его сыскать"—предположилъ „въ страхъ и примѣръ другимъ, за распутную, нетрезвую и сварливую жизнь, сослать его на поселеніе". По объясненію управляющаго псковскимъ имѣніемъ, несогласіе крестьянъ псковскаго приказа на добровольное возвышеніе оброка являлось результатомъ одновременно и бѣдности, и грубости крестьянъ, деморализованныхъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ большимъ городомъ. „Лучшіе между ними крестьяне обыкновенно, какъ и вездѣ, говорятъ: что міръ положитъ и мы то же; которыхъ лично знаю я изъ лучшихъ, тѣхъ старался преклонить на прибавку, но они отвѣчали мнѣ, что безъ міра они ни на что не положатся". Впрочемъ, крестьяне заявляли, что не откажутся отъ прибавки оброка, если она будетъ сдѣлана по приказанію начальства: „когда прикажутъ, говорили они, то нечего будетъ дѣлать, а мы сами не прибавляемъ". Подобно псковскому управляющему и нѣкоторые другіе, не добившись приговора о добровольномъ возвышеніи оброка, брали по крайней мѣрѣ съ крестьянъ обѣщаніе о несопротивленіи такому возвышенію, если оно будетъ сдѣлано начальствомъ.

2) Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ Кишенсковъ приступилъ къ дѣлу измѣненія оброковъ крестьянъ даже раньше распоряженія о томъ Департамента Удѣловъ. Уже 12 апрѣля 1830 г. онъ доносилъ Департаменту, что объявилъ крестьянамъ Высочайшій указъ о поземельномъ сборѣ и представилъ мірскіе приговоры селеній одного приказа о ихъ согласіи увеличить платимый ими оброкъ на сумму отъ 75 к. до 1 р. съ души, съ тѣмъ чтобы состоявшія при ихъ селеніяхъ земли оставались по прежнему въ ихъ распоряженіи. Департаментъ Удѣловъ отвѣтилъ ему разъясненіемъ, что пред-

принимаемыя имъ мѣры не относятся къ поземельному сбору, а являются простымъ увеличеніемъ подушнаго оклада и предписывалъ примѣнить выказываемую крестьянами готовность къ увеличенію платежа, соотвѣтственно тѣмъ правиламъ о поземельномъ сборѣ, которыя въ скоромъ времени будутъ ему сообщены. Кишенсковъ, однако, продолжалъ представлять новые и новые приговоры крестьянъ по тому же предмету, а 14 мая доставилъ общую вѣдомость увеличенія оброка съ крестьянъ нижегородскаго имѣнія, по которой приращеніе оброка съ 25 тыс. душъ крестьянъ составляло 28,500 р. Такой образъ дѣйствій Кишенскова побудилъ Вице-Президента Департамента Удѣловъ обратиться ко всѣмъ управляющимъ съ сообщеніемъ о неумѣстномъ „усердіи“ Кишенскаго „къ ихъ свѣдѣнію и въ предосторожность“. „Такъ какъ своимъ ошибочнымъ распоряженіемъ — говорится въ письмѣ Л. А. Перовскаго отъ 31 мая 1830 г. — онъ, во 1-хъ, внушилъ крестьянамъ мысль о томъ, что, при введеніи поземельнаго сбора, правительство имѣетъ одно намѣреніе — увеличить оброкъ; во 2-хъ, можетъ быть поставилъ себя въ затрудненіе увеличить оброкъ впослѣдствіи выше сдѣланной крестьянами нынѣ наддачи, тогда какъ, слѣдуя предписанію отъ 12 мая, оброкъ могъ бы быть поднятъ значительнѣе незамѣтнымъ для крестьянъ образомъ, по мѣрѣ взятыхъ ими участковъ, то распоряженіе его Департаментомъ не утверждено, и ему предписано руководствоваться означеннымъ предписаніемъ“. 30 іюня 1830 г. Кишенсковъ написалъ Вице-Президенту извинительное письмо, въ которомъ, между прочимъ, объяснилъ, что его ошибка не повела къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія въ видѣ опасенія высказаны Вице-Президентомъ, и что примѣненіе правилъ поземельнаго сбора 12 мая не вызываетъ среди крестьянъ никакихъ недоразумѣній. И дѣйствительно, уже отъ 2 іюля управляющій нижегородскимъ имѣніемъ доносилъ Департаменту объ окончаніи предварительныхъ работъ по введенію поземельнаго сбора въ одномъ приказѣ, а 29 іюля Вице-Президентъ Департамента доложилъ Министру Императорскаго Двора объ окончательномъ введеніи поземельнаго сбора во всѣхъ приказахъ нижегородскаго имѣнія *). На это со стороны Министра послѣдовало изъявленіе благодарности Кишенскову, о чемъ было дано знать циркуляромъ всѣмъ управляющимъ имѣніями, гдѣ предполагалось введеніе поземельнаго сбора.

3) Въ своихъ донесеніяхъ о введеніи поземельнаго сбора управляющій вятскимъ имѣніемъ сообщалъ, что на полныхъ валовыхъ сходкахъ крестьяне „изъявляли готовность къ платежу (новаго) оброка, какъ справедливо расположеннаго“. Между тѣмъ, измѣреніе земли въ вятскомъ имѣніи было закончено въ 1831 г., и Свистуновъ приступилъ къ введенію поземельнаго сбора по правиламъ 12 мая. Хотя при этомъ крестьянскія тягла надѣлялись тѣмъ количествомъ земли, какое оказалось по измѣренію, не выше, однако, 10 дес., и хотя общая сумма исчисленнаго оброка лишь на 12 тыс. руб. превышала годовой оброкъ, разсчитанный по окладу предшествовавшаго года, но за то измѣненіе коснулось очень многихъ селеній. По отношенію собственно къ новымъ окладамъ, Вятская Контора доносила Департаменту, что плата за коренные участки назначена „неодинаково, но за то прочная, потому что на сей разъ принимаемо было въ основаніе количество и качество земель, величина участковъ, а болѣе и самое согласіе поселянъ на уплату той суммы“. Послѣдующія событія, однако, показали, что крестьяне принимали вводимое преобразованіе не такъ охотно, какъ объ этомъ доносилъ управляющій. Частое измѣненіе системъ обложенія повело къ возникновенію среди нихъ недоразумѣній. Крестьяне утверждали, что имъ отведено меньше земли, чѣмъ значится въ вѣдомостяхъ относительно поземельнаго сбора, и что въ число излишнихъ земель включены такія, которыя должны бы входить въ составъ коренныхъ участковъ. Неудовольствія крестьянъ усилились, благодаря принужденію ихъ брать

*) Раздѣливъ пахотную землю на тягловые участки, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ при каждомъ участкѣ поставилъ столбъ съ надписью нумера семейства, которому по списку оно принадлежало: «надпись сія, въ случаѣ худого удобренія или нерадиваго обрабатыванія участка, тотчасъ покажетъ владѣльца онаго, долженствующаго подвергнуться приличному наказанію или, напротивъ, за лучшее воздѣланіе получить отъ начальства одобреніе». Къ этой мѣрѣ прибѣгали и нѣкоторые другіе управляющіе (наприм. Оренбургской Конторой).

излишнія земли. Дѣло окончилось открытымъ неповиновеніемъ нѣсколькихъ приказовъ, требовавшихъ упраздненія поземельнаго сбора и передачи крестьянъ въ казенное вѣдомство, неповиновеніемъ, повѣдшимъ къ призыву военной команды. Слѣдствіемъ по этому дѣлу открыто, что измѣреніе земель деревенскими мѣрщиками произведено было, дѣйствительно, неправильно и что мѣстное удѣльное начальство не обнаружило той внимательности, какая требовалась сложностью и новизной этого дѣла, и вмѣсто того, чтобы входить лично въ „мѣстныя положенія и обстоятельства", ограничивалось „форменной перепиской съ приказами". Что касается введенія въ вятскомъ имѣніи поземельнаго сбора по правиламъ 12 мая, то оно не получило осуществленія еще потому, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 г. всѣмъ управляющимъ предписано было примѣнить новыя правила поземельнаго сбора, которыя притомъ и прилагались.

Кромѣ этого случая возмущенія, введеніе поземельнаго сбора по правиламъ 12 мая вызвало неповиновеніе крестьянъ золотовскаго приказа саратовскаго имѣнія, выразившееся въ отказѣ назначить рабочихъ для измѣренія земли и въ подачѣ прошеній о невведеніи поземельнаго сбора. Неповиновеніе прекратилось послѣ призыва военной команды.

4) Благодаря неспокойному состоянію крестьянъ, окончательное введеніе поземельнаго сбора затянулось, между прочимъ, въ костромскомъ, вятскомъ и московскомъ имѣніяхъ. Серьезное вниманіе Департамента Удѣловъ на эту сторону предмета обращено было послѣ того, какъ лѣтомъ 1831 г. нѣсколько тысячъ удѣльныхъ крестьянъ вятской губерніи отказались подчиниться правиламъ о поземельномъ сборѣ и для приведенія ихъ въ повиновеніе была примѣнена военная сила. Послѣ этого въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1831 г. Вице-Президентъ Департамента Удѣловъ обратился къ управляющимъ конторами съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ имъ прежде, нежели приступить къ введенію поземельнаго сбора, обратить вниманіе на расположеніе умовъ крестьянъ и на ихъ отношеніе къ реформѣ, и если бы въ какомъ либо приказѣ обнаружился по этому поводу ропотъ, могущій повести къ безпорядкамъ, отложить подъ благовиднымъ предлогомъ на нѣкоторое время осуществленіе новой мѣры, постараться удалить подстрекателей и донести о всемъ Вице-Президенту. Отвѣты управляющихъ на это письмо были довольно успокоительнаго свойства. Такъ, управляющій симбирскимъ имѣніемъ Бестужевъ доносилъ, что мѣстные крестьяне вполнѣ ему довѣряютъ, и даже въ тревожное время холерной эпидеміи, „когда все вокругъ колебалось и было въ волненіи", Бестужеву удалось сохранить полное спокойствіе удѣльныхъ крестьянъ. Равнымъ образомъ и поземельный сборъ былъ принятъ ими еще въ 1830 г., не взирая на 42 тыс. р. надбавки къ прежнему оброку, — что вмѣстѣ съ 100 тыс. дохода отъ общественной запашки составитъ прибавочную повинность въ 150 тыс. р. Управляющій саратовскимъ имѣніемъ Манассеинъ тоже не замѣтилъ ни малѣйшаго ропота крестьянъ и находилъ, что успѣхъ при введеніи поземельнаго сбора даже превзошелъ его ожиданія. Крестьяне не только безпрекословно приняли новую систему обложенія, но и оставили за собой отрѣзанныя отъ нихъ въ большомъ количествѣ земли, несмотря на послѣдовавшее отъ того значительное повышеніе платежа (въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ селеніяхъ—слишкомъ втрое противъ прежняго подушнаго оброка) и на то обстоятельство, что на луговой сторонѣ Волги они имѣли возможность дешево арендовать пустопорожнія казенныя и частно-владѣльческія земли. „Но, донося вашему превосходительству объ успѣхѣ введенія поземельнаго сбора,—заканчиваетъ письмо Манассеинъ — я не долженъ скрыть и того, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ балаковскаго и юловскаго приказовъ полные оклады поземельнаго сбора, со включеніемъ платы и за излишнюю землю, столь значительны, что въ неурожайные годы и въ другихъ несчастныхъ случаяхъ крестьяне, въ особенности несостоятельные, едва ли въ силахъ будутъ уплачивать оные безъ разстройства въ хозяйствѣ. Впрочемъ, единственная причина таковаго возвышенія оброковъ, при всей умѣренности оцѣнки, заключается въ весьма значительномъ количествѣ земли".

Нѣсколько менѣе успокоительныя извѣстія получились отъ управляющаго пермскимъ имѣніемъ кн. Максутова. Благодаря безпорядкамъ среди крестьянъ въ сосѣднемъ вятскомъ имѣніи, „спокойствіе и повиновеніе, которое пермскіе крестьяне ока-

зывали при введенiи поземельнаго сбора во вторую половину прошлаго и въ первую половину (писано въ октябрѣ мѣсяцѣ 1831 г.) нынѣшняго года“, было нарушено. Однако, управляющему удалось успокоить крестьянъ и приступить къ введенiю поземельнаго сбора по новымъ правиламъ. Но такъ какъ среди крестьянъ были распространены нелѣпые слухи въ родѣ того, что новое преобразованiе связано съ передачею ихъ какому то помѣщику, и нѣкоторые крестьяне выражали сомнѣнiе и недовѣрiе, то кн. Максутовъ приказалъ чиновникамъ не объяснять имъ всѣхъ подробностей новаго дѣла, а объявить только, что поземельный сборъ „по количеству земли разлагается на ревизскiя души“. Если, несмотря на принятыя мѣры, въ какомъ нибудь приказѣ обнаружится волненiе, то кн. Максутовъ былъ намѣренъ исполнить предписанiе Вице-Президента „въ той мѣрѣ, что уравняется сборъ по тому приказу во всѣхъ отдѣленiяхъ съ тѣмъ изъ сихъ, въ которомъ оказывается менѣе прочихъ земли“. Всего болѣе опасался волненiй крестьянъ управляющiй московскимъ имѣнiемъ Грудевъ. „Получивъ новыя правила поземельнаго сбора, пишетъ онъ, я не смѣлъ приступить къ оному, ибо, едва утихла гибельная эпидемическая болѣзнь, какъ слухи объ отравахъ и зажигательствахъ взволновали почти всѣ селенiя страхомъ или неудовольствiемъ, и расположенiе мыслей крестьянъ было столь необыкновенно, что малѣйшая неосмотрительность могла быть весьма опасна“. Такое опасенiе Грудева продолжалось, впрочемъ, не долго. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1831 г. Грудевъ выражалъ уже надежду благополучно закончить введенiе поземельнаго сбора.

5) Въ то время, когда разрѣшался этотъ вопросъ, общая сумма земскаго сбора составляла 290 тыс. р., и на основанiи циркуляра 17 iюля 1836 г. въ уплату его поступило 156 тыс. р. (съ 313 тыс. душъ) изъ поземельнаго сбора и 134 тыс. р. изъ хлѣбнаго капитала. Въ послѣдующее время, по причинѣ увеличенiя числа состоявшихъ на поземельномъ сборѣ крестьянъ и возрастанiя оклада земскихъ повинностей, расходъ изъ хлѣбнаго капитала на этотъ предметъ значительно увеличился, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и относительное участiе этого капитала въ оплатѣ земской повинности. Такъ, въ 1837 г. на уплату земскихъ повинностей затрачено изъ хлѣбнаго капитала 36 тыс. р. сер., а въ 1852 г.—248 тыс. р. сер., всего же за перiодъ съ 1836 по 1857 г. израсходовано на этотъ предметъ (изъ хлѣбнаго капитала) около 4 мил. р. сер. Въ 1836 г., какъ сказано выше, изъ хлѣбнаго капитала уплачена меньшая сумма (134 тыс. р. асс.), нежели изъ поземельнаго сбора (156 тыс. р. асс.), а въ 1852 г., напр., часть земскихъ повинностей, покрываемая хлѣбнымъ капиталомъ (248 тыс. р. сер.), почти въ три раза превысила долю, выпадавшую на поземельный сборъ (86 тыс. р. сер.).

Глава III.

Мѣры по обезпеченію продовольствія крестьянъ.

Подушный сборъ съ крестьянъ для образованія продовольственныхъ запасовъ.—Учрежденіе общественной запашки: организація запашки; ея отмѣна; культурное значеніе общественной запашки для крестьянскаго хозяйства; финансовые итоги общественной запашки.

Учрежденіе въ Россіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для продовольствія населенія во время неурожаевъ относится къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія; но пока это учрежденіе не вошло прочно въ жизнь, дѣйствительное состояніе продовольственныхъ запасовъ далеко не соотвѣтствовало изданнымъ на этотъ предметъ правиламъ. Поэтому, и при пріемѣ въ Удѣлы дворцовыхъ крестьянъ, хлѣбные запасные магазины найдены были не въ удовлетворительномъ состояніи. Не говоря о томъ, что наличность хлѣба вездѣ оказалась скудною,—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не было даже сдѣлано распоряженія о сборѣ хлѣба по душамъ послѣдней 5-й ревизіи, и точная цифра общаго продовольственнаго на крестьянахъ долга оставалась неизвѣстной. Впрочемъ, этотъ послѣдній вопросъ терялъ практическое значеніе послѣ того, какъ Высочайшимъ указомъ 23 іюля 1798 г. повелѣно было хлѣбныя недоимки удѣльныхъ крестьянъ оставить безъ взысканія. Наличность же хлѣбныхъ запасовъ, поступившихъ въ вѣдѣніе Удѣловъ, опредѣлена была въ 81 тысячу четвертей.

Согласно § 206 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи", хлѣбные запасы должны были составляться сборомъ съ крестьянъ въ размѣрѣ 1/2 пуда ржи съ десятины озимаго посѣва и 10 фунтовъ овса и гречихи съ десятины, находившейся подъ яровыми хлѣбами. Исполненіе этой статьи закона встрѣтило, однако, затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что земельная площадь многихъ удѣльныхъ селеній была неизвѣстна, что часть удѣльныхъ крестьянъ вовсе не занималась хлѣбопашествомъ и т. п.

По этой причинѣ Департаментъ Удѣловъ въ 1799 г. предписалъ экспедиціямъ, чтобы, до уравненія крестьянъ землями соотвѣтственно § 116 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“, хлѣбный сборъ производился по числу ревизскихъ душъ, и именно—согласно указу 1776 г.—по четверику ржи и по получетверику овса (а въ случаѣ неурожая послѣдняго—гречи) съ души.

Между тѣмъ, 29 ноября 1799 г. былъ Высочайше утвержденъ докладъ Правительствующаго Сената о хлѣбныхъ запасахъ въ Имперіи, вносившій въ это дѣло бо́льшій порядокъ. Докладомъ этимъ предписывалось образовать запасъ зерна въ размѣрѣ 3 четвертей ржи и 3 четвериковъ яроваго хлѣба (овса или ячменя) на ревизскую душу, путемъ ежегоднаго сбора съ крестьянъ по получетверику ржи и по полугарнцу яроваго хлѣба съ души. Это Высочайшее повелѣніе распространялось и на удѣльныя имѣнія.

Въ 1822 г. послѣдовало новое преобразованіе въ организаціи продовольственнаго дѣла въ Имперіи. Завѣдываніе этой частью въ каждой губерніи было поручено такъ называемымъ комиссіямъ народнаго продовольствія (составленнымъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ), отъ которыхъ зависѣло учредить денежный или хлѣбный продовольственные капиталы, причемъ въ первомъ случаѣ крестьяне облагались ежегоднымъ сборомъ въ размѣрѣ 25 к., а во второмъ—въ размѣрѣ 4 гарнцевъ зерна съ души. Согласно этому, изъ числа 33 губерній, гдѣ находились въ то время удѣльныя имѣнія, въ 10 былъ назначенъ денежный сборъ, а въ 23—натуральный (3 гарнца озимаго и 1 гарнецъ яроваго хлѣба).

Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого, организація продовольственнаго дѣла въ удѣльномъ вѣдомствѣ потерпѣла существенныя измѣненія. Основнымъ мотивомъ къ уклоненію отъ дѣйствовавшаго порядка служило сознаніе его недостатковъ для обезпеченія населенія въ годы неурожаевъ. Не говоря о томъ, что, въ случаѣ частнаго неурожая, для полученія хлѣбной ссуды крестьяне должны были относиться въ комиссію продовольствія, находившуюся въ губернскомъ городѣ, иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ нуждающагося селенія,—самые запасы хлѣбомъ или деньгами не представляли достаточнаго обезпеченія въ случаѣ неурожаевъ, охватывавшихъ болѣе или менѣе обширные районы. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существовалъ денежный продовольственный капиталъ, цѣны хлѣба при неурожаѣ сильно возвышались, капиталъ быстро истощался, и вся система продовольственнаго обезпеченія оказывалась убыточной и недостаточной. Гдѣ же учрежда-

лись запасы хлѣба натурой,—эти послѣдніе во многихъ случаяхъ были очень ограничены, какъ по причинѣ недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ, накопленныхъ населеніемъ въ неурожайные годы, такъ и потому, что сборъ съ крестьянъ для образованія запаса (4 гарнца съ ревизской души) не былъ соразмѣренъ съ узаконенной нормой послѣдняго, вслѣдствіе чего, для наполненія хлѣбнаго магазина установленною закономъ 1822 г. пропорціею зерна (2 четверти на душу), требовался безнедоимочный сборъ съ крестьянъ въ теченіе 32 лѣтъ. Указанные недостатки легко было бы устранить, если бы вмѣсто личнаго съ крестьянъ сбора были учреждены запашки полей съ такимъ расчетомъ, чтобы наполнить хлѣбные магазины въ теченіе немногихъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ не только израсходованный въ неурожайные годы на продовольствіе населенія хлѣбъ быстро возвратился бы изъ новыхъ сборовъ, но и образовался бы излишекъ дохода съ запашки для составленія денежнаго капитала, назначеннаго для продовольствія крестьянъ въ голодные годы. Капиталъ этотъ можно было бы, кромѣ того, употреблять на разнаго рода полезныя для населенія мѣропріятія.

Исходя изъ такого рода соображеній, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ представилъ въ 1827 г. всеподданнѣйшій докладъ о замѣнѣ личнаго съ удѣльныхъ крестьянъ продовольственнаго сбора работой на запашкѣ для составленія продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ. Докладъ этотъ получилъ Высочайшее утвержденіе 25 сентября 1827 года. На основаніи этого закона, для вновь вводимой запашки, получавшей наименованіе общественной, назначено было отводить изъ ближайшихъ крестьянскихъ полей по $^1/_{32}$ десят. на душу въ каждомъ клину въ селеніяхъ, имѣвшихъ душевой надѣлъ отъ 1 до 3 дес., и по $^1/_{16}$ десят. въ селеніяхъ, пользовавшихся бо́льшимъ количествомъ земли. Общественныя поля и хлѣбные магазины отдавались въ завѣдываніе особыхъ смотрителей, избираемыхъ обществами изъ числа „людей, отличныхъ поведеніемъ, способныхъ къ распорядительности и свѣдущихъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, чему собственное ихъ благосостояніе должно служить лучшимъ доказательствомъ“. Лица эти, избираемыя по одному на каждыя 500 или 1000 душъ населенія, должны были состоять подъ надзоромъ приказнаго начальства, не вмѣшивавшагося, однако, въ ихъ хозяйственныя распоряженія по запашкѣ, но обязаннаго оказывать имъ всякое содѣйствіе мѣрами полицейской власти. На смо-

трителей общественной запашки возлагалось также завѣдываніе оброчными статьями. Общественная запашка должна была обрабатываться міромъ, по наряду, подъ руководствомъ смотрителя. Собранный съ нея хлѣбъ всыпался въ запасные магазины, а солома должна была отдаваться крестьянамъ. Хлѣбные магазины учреждались въ центральныхъ пунктахъ смотрительскихъ участковъ; они строились на счетъ обществъ, по мірскимъ приговорамъ, и хотя состояли въ завѣдываніи смотрителей, но отчетность по нимъ должна была вестись приказами. Крестьяне, пользовавшіеся хлѣбомъ изъ магазина заимообразно, платили за это, въ видѣ процента, $^1/_2$ гарнца съ четверика. Процентъ былъ установленъ частью „для вящаго обезпеченія запаснаго магазина. а болѣе въ осторожность самихъ крестьянъ“. Избытки хлѣба съ запашки, по наполненіи магазиновъ, обращались въ продажу для составленія особаго капитала. Смотрителя общественныхъ запашекъ на время службы избавлялись отъ тѣлесныхъ наказаній и вмѣстѣ съ ихъ семьями освобождались отъ общественныхъ работъ и нарядовъ, но не отъ платежа казенныхъ податей, оброка и другихъ повинностей. Смотрителямъ общественныхъ запашекъ предполагалось платить жалованье (изъ суммъ, выручаемыхъ продажею излишковъ хлѣба) по числу душъ, составлявшихъ участокъ (по 40 коп. ас. съ души).

Съ учрежденіемъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ особой системы составленія продовольственныхъ запасовъ, естественно возникалъ вопросъ объ отношеніи ея къ общей системѣ продовольственнаго дѣла въ Имперіи. Въ разрѣшеніе этого вопроса, 21 декабря 1827 г. данъ былъ указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ повелѣвалось не считать болѣе управляющихъ удѣльными конторами членами комиссій народнаго продовольствія, а собранныя съ удѣльныхъ крестьянъ, вмѣсто хлѣбнаго сбора, деньги (по 25 коп. ас. съ души) возвратить по принадлежности удѣльному вѣдомству. Деньги эти, въ суммѣ 251,230 р., вошли въ составъ удѣльнаго хлѣбнаго капитала.

Въ 1830 г., съ переводомъ удѣльныхъ крестьянъ съ подушнаго оброка на земельный сборъ, Департаментъ Удѣловъ постановилъ, согласно предложенію управляющаго Нижегородской Конторой, изъ дохода отъ общественной запашки отчислять ежегодно 10% въ удѣльный доходъ. Это постановленіе мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что, если бы вмѣсто общественной запашки существовалъ хлѣбный сборъ, то земля, отведенная подъ

10

запашку, оставаясь въ пользованіи крестьянъ, подлежала бы обложенію наравнѣ со всѣми крестьянскими угодьями. Выдѣлъ 10%, для единообразія, постановлено было распространить и на тѣ имѣнія, которыя назначались къ передачѣ въ казну и гдѣ не предполагалось вводить поземельный сборъ.

Хотя объ успѣхѣ новаго учрежденія достаточно свидѣтельствовалъ тотъ фактъ, что, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ по открытіи общественной запашки, вспомогательные крестьянскіе капиталы съ 657 тыс. р. возрасли до 2.489.000 р., тѣмъ не менѣе очень скоро возникъ вопросъ о нѣкоторомъ преобразованіи этого учрежденія. Обстоятельство, обратившее вниманіе Департамента Удѣловъ на этотъ предметъ, заключалось въ незначительности урожаевъ зерна на поляхъ общественной запашки: въ среднемъ за четырехлѣтіе урожай озими не достигалъ самъ—4, а яровыхъ хлѣбовъ самъ—3. Низкіе сборы хлѣба зависѣли отъ того, что крестьяне часто небрежно обработывали общественныя поля и мало ихъ удобряли, и у нѣкоторыхъ управляющихъ происходила уже переписка съ Департаментомъ Удѣловъ о мѣрахъ побужденія крестьянъ къ лучшему выполненію натуральной по запашкѣ повинности, причемъ, напр., управляющій тверскимъ имѣніемъ прибѣгалъ къ обмѣну общественныхъ полей съ плохимъ хлѣбомъ на хорошо уродившіеся крестьянскіе посѣвы, что, однако, было ему воспрещено Департаментомъ. Принимая во вниманіе низкую цифру урожаевъ въ первые годы по введеніи общественной запашки, когда на нее было обращено особенное вниманіе начальства, Департаментъ считалъ вѣроятнымъ, что впослѣдствіи урожаи понизились бы еще больше, и учрежденіе общественной запашки, не оправдавъ возлагавшихся на него надеждъ, въ концѣ концовъ, могло бы обратиться въ бремя, только угнетающее и чиновниковъ, и крестьянъ. Для предупрежденія такого исхода было признано цѣлесообразнымъ заинтересовать въ успѣхѣ дѣла прикосновенныхъ къ нему лицъ, и Департаментъ Удѣловъ рѣшилъ достигнуть этого отчисленіемъ на ихъ вознагражденіе части получаемаго съ запашки дохода. Кромѣ устраненія этого главнаго недостатка въ организаціи общественной запашки, Департаментъ считалъ полезнымъ, руководствуясь указаніями четырехъ-лѣтняго опыта, принять и нѣкоторыя другія мѣры упорядоченія дѣла. Въ этихъ видахъ составленъ былъ проектъ Положенія объ общественной запашкѣ, получившій Высочайшее утвержденіе 18 марта 1834 г.

Согласно этому Положенію, управляющіе конторами въ концѣ

каждаго года должны были представлять на утвержденіе Департамента свои предположенія о способахъ обработки общественной запашки въ слѣдующемъ году и о количествѣ сѣмянъ, нужныхъ для посѣва *). По утвержденіи этихъ предположеній, они объявлялись обществамъ крестьянъ для немедленнаго составленія приговоровъ относительно исполненія работъ на запашкѣ, съ подробнымъ означеніемъ въ нихъ обязанностей каждаго крестьянина по работѣ и количества назначаемаго удобренія и съ занесеніемъ въ приговоръ условій о передачѣ работъ по взаимному соглашенію отъ одного крестьянина другому. Эти приговоры предписывалось препровождать на утвержденіе управляющихъ удѣльными конторами, которые обязаны были наблюдать, чтобы работы были точно уравнены между всѣми, подъ угрозой въ противномъ случаѣ лишенія слѣдовавшаго имъ вознагражденія; такимъ же наказаніемъ Положеніе грозило всякому, кто потребовалъ бы отъ крестьянъ излишнихъ противъ приговора работъ. Для поощренія лицъ, участвовавшихъ въ надзорѣ за общественными запашками, къ заботамъ о возвышеніи урожая, на ихъ вознагражденіе отдѣлялась часть сбора съ запашки, превышавшаго нормальную мѣру урожая, назначенную для каждаго имѣнія.

Съ изданіемъ Положенія объ общественной запашкѣ, организація этого дѣла не была вполнѣ закончена. Такъ, въ 1837 г. издана была инструкція смотрителямъ общественной запашки, ближе опредѣлявшая обязанности этихъ послѣднихъ и порядокъ работы крестьянъ на запашкѣ; многими другими распоряженіями вводились тѣ или другіе новые порядки хозяйственнаго, агрикультурнаго характера и т. д.

Въ инструкціи 1837 г. разъяснялось, что обработка общественныхъ полей должна служить примѣромъ для воздѣлыванія крестьянскихъ земель, почему смотрителя обязаны исполнять всѣ работы со всевозможною тщательностью и во всемъ согласно съ утвержденными на каждый годъ предположеніями о томъ управляющихъ конторами. Для большаго порядка и успѣха въ работахъ, къ каждой десятинѣ запашки, по инструкціи, приписывалось опредѣленное число работниковъ, а на время работъ въ помощь смотрителямъ мірскія общества должны были избирать извѣстное

*) Въ 1843 г. къ этому было прибавлено требованіе представленія образцовъ уродившагося хлѣба. а въ 1845 г.—свѣдѣній объ удобрительномъ матерьялѣ, съ показаніемъ количества удобренія, собраннаго съ улицъ, дорогъ и т. п., и количества его, требовавшагося отъ крестьянъ.

число десятскихъ. Смотрителя завѣдывали храненіемъ запаснаго хлѣба и выдачею его съ разрѣшенія конторы нуждающимся крестьянамъ и наблюдали, чтобы выданный заимообразно хлѣбъ былъ употребленъ по назначенію и своевременно возвращенъ назадъ.

По Положенію 1834 г., смотрителямъ общественной запашки поручался надзоръ за оброчными статьями; по инструкціи же 1837 г. имъ ввѣрялось также ближайшее наблюденіе за собственнымъ хозяйствомъ крестьянъ и ихъ поведеніемъ, за безопасностью отъ огня въ селеніи и надзоръ за пожарными инструментами, буде таковые имѣлись.

Согласно первоначальному Положенію о запашкѣ (1827 г.). смотрителямъ общественныхъ запашекъ должно было назначаться изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи общественнаго хлѣба, жалованье въ размѣрѣ 40 к. асс. съ ревизской души соотвѣтствующаго участка. Но въ началѣ 1828 г. было предписано отсрочить исполненіе этого постановленія до наполненія хлѣбныхъ магазиновъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, по представленіямъ управляющихъ, смотрителя начали получать вознагражденіе съ первыхъ же лѣтъ существованія запашки (въ размѣрѣ отъ 20 до 40 к. асс. съ ревизской души), а нѣсколько времени спустя вознагражденіе смотрителей было введено въ 10 имѣніяхъ, и общій расходъ на этотъ предметъ достигъ 92 т. р. въ годъ. Послѣ изданія Положенія 1834 г., въ которомъ смотрителямъ запашекъ было назначено вознагражденіе, сообразно дѣйствительному урожаю хлѣба, въ 1835 г. было постановлено положить имъ сверхъ того опредѣленное жалованье. По дальнѣйшемъ, однако, соображеніи, Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что при опредѣленномъ окладѣ многіе смотрителя удовольствовались бы получаемымъ вознагражденіемъ и не заботились бы объ улучшеніи запашки; въ виду этого, постановленіе 1835 г. было отмѣнено и сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ выдачи жалованья смотрителямъ въ тѣхъ 10 имѣніяхъ, гдѣ такая выдача еще производилась.

Такое разрѣшеніе вопроса о вознагражденіи смотрителей общественныхъ запашекъ, при которомъ оплата ихъ труда ставилась въ зависимость исключительно отъ урожая общественныхъ полей, тяжело отразилось на смотрителяхъ участковъ, отличавшихся малымъ плодородіемъ земли и гдѣ не представлялось возможнымъ поднять урожайность полей значительно выше назначенной нормы. Нѣкоторое понятіе объ этомъ предметѣ можно составить по перепискѣ управляющаго нижегородскимъ имѣніемъ съ Департа-

ментомъ Удѣловъ въ теченіе 1850—52 гг. Въ 1850 г. управляющій названнымъ имѣніемъ Даль доносилъ Департаменту, что въ трехъ заволжскихъ приказахъ подвѣдомственнаго ему имѣнія (смольковскомъ, чистопольскомъ и семеновскомъ), по причинѣ плохой почвы земли и малаго у крестьянъ количества скота, урожаи общественной запашки никогда почти не превышали установленной нормы, почему смотрителя и головы не получали въ этихъ приказахъ почти никакого вознагражденія за свои труды, между тѣмъ какъ, вслѣдствіе мелкости поселеній, раздробленія общественной запашки на небольшія полоски и т. п., надзоръ за запашкой представлялъ тамъ больше трудностей, нежели во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Имѣя въ виду запрещеніе Департамента входить съ представленіями о замѣнѣ запашки денежнымъ сборомъ, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ считалъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь усилить средства для надзора за общественной пашней и цѣлостью хлѣбныхъ магазиновъ и предлагалъ поэтому отдѣлить для вышеназванныхъ приказовъ часть вознагражденія, полагавшагося головамъ и смотрителямъ въ остальныхъ приказахъ нижегородской губерніи. Департаментъ Удѣловъ не нашелъ возможнымъ допустить для даннаго случая отступленіе отъ общаго правила. Черезъ годъ, однако, Даль вновь поднялъ вопросъ. Напомнивъ о томъ, что должность смотрителей очень тяжела и по количеству затрачиваемаго ими труда, и по матеріальной отвѣтственности за недочеты по хлѣбнымъ магазинамъ,—почему въ заволжскихъ приказахъ нижегородскаго имѣнія назначеніе крестьянина на эту должность было равносильно его разоренію, и вынуждаемые крайностью смотрителя прибѣгали даже къ воровству,—Даль высказывалъ убѣжденіе, что дѣло это не можетъ дольше оставаться въ прежнемъ положеніи, и ходатайствовалъ объ ассигнованіи смотрителямъ общественной запашки опредѣленнаго вознагражденія, въ размѣрѣ не менѣе 40—50 р. с. на каждаго. Департаментъ Удѣловъ въ 1852 г. постановилъ, вмѣсто опредѣленнаго жалованья, назначать каждый годъ смотрителямъ заволжскихъ приказовъ вознагражденіе по усмотрѣнію управляющаго конторою.

Получавшееся съ общественной запашки зерно поступало въ хлѣбные магазины, а по наполненіи ихъ подлежало продажѣ. Въ первое время по введеніи общественной запашки, продажа хлѣба производилась лицами, выбранными мірскими обществами, подъ руководствомъ смотрителей общественныхъ запашекъ. Со-

гласно Положенію 1834 г., продажа излишняго хлѣба производилась чиновниками конторы по назначенію управляющихъ или приказными головами, въ присутствіи смотрителей общественныхъ запашекъ. Инструкція смотрителямъ отъ 31 октября 1837 г. внесла въ этотъ порядокъ измѣненіе, заключавшееся въ томъ, что, въ случаѣ порученія продажи хлѣба приказамъ, самая продажа производилась смотрителями подъ наблюденіемъ приказныхъ головъ.

Поступавшій въ продажу хлѣбъ принадлежалъ или къ излишку урожая, назначенному для вознагражденія участвовавшихъ въ надзорѣ за запашкой лицъ, или къ продовольственнымъ запасамъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда, по избытку таковыхъ, Департаментъ Удѣловъ находилъ нужнымъ продать часть зерна. Продажа хлѣба изъ запаса производилась только по распоряженію Департамента; что же касается излишковъ урожая для вознагражденія, то управляющіе конторами продавали ихъ тотчасъ по приведеніи въ извѣстность, но имѣли право и отсрочить продажу до весны, если ожидали къ тому времени возвышенія цѣнъ на хлѣбъ.

Организація общественной запашки съ административной стороны была закончена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что же касается хозяйственной стороны этого дѣла, то, по самой сущности вещей, она подлежала непрестаннымъ измѣненіямъ и усовершенствованіямъ, въ зависимости, между прочимъ, отъ усовершенствованія агрономической науки. Эта сторона предмета обратила на себя особенное вниманіе Департамента главнымъ образомъ въ болѣе позднее время; въ первые же годы по учрежденіи общественной запашки, на ней были примѣняемы обычные пріемы крестьянскаго хозяйства. Впрочемъ, и въ этотъ періодъ принимались нѣкоторыя мѣры для лучшей постановки дѣла съ сельско-хозяйственной стороны.

При учрежденіи общественной запашки предполагалось, что она будетъ обработываться по правиламъ трехпольнаго сѣвооборота, съ посѣвомъ на ней ржи и овса; но уже въ 1830 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы управляющіе имѣніями не ограничивались культурой названныхъ хлѣбовъ, а вводили въ сѣвооборотъ и другія растенія, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ. И дѣйствительно, въ костромскомъ и казанскомъ имѣніяхъ были сдѣланы попытки введенія плодоперемѣнной системы, причемъ управляющій послѣднимъ имѣніемъ Коваленскій въ 1831 г. организовалъ восьмипольное хозяйство, съ посѣвомъ овса, гречихи, конопли,

пшеницы, проса, гороха и льна, на всей площади общественной запашки имѣнія. Черезъ 3 года онъ возвратился, однако, къ трехполью, такъ какъ при новой системѣ получались неудовлетворительные урожаи, что́ онъ приписывалъ непривычкѣ крестьянъ къ надлежащему воздѣлыванію земли. Быть можетъ подъ вліяніемъ этихъ опытовъ, въ Положеніе объ общественной запашкѣ 1834 года включено было слѣдующее осторожное замѣчаніе по данному вопросу: „такъ какъ общественныя поля отмежеваны особо отъ крестьянскихъ, то ихъ удобно обработывать по шестипольной или другой системѣ, ввести на пару посѣвъ картофеля, кормовыхъ травъ или другихъ хозяйственныхъ растеній; но во всякомъ случаѣ надлежитъ принять за правило, чтобы подъ озимымъ и яровымъ хлѣбомъ находилось $^2/_3$ земли“. Дальнѣйшія мѣропріятія по этому предмету заключались въ слѣдующемъ.

Въ 1834 г. сдѣлано было распоряженіе о введеніи на запашкѣ посѣвовъ картофеля (см. главу V), подтвержденное въ 1841 г., съ добавленіемъ, чтобы подъ картофель отводилось не менѣе 1 десят. въ общественномъ полѣ. Въ томъ же году управляющимъ разосланы были сѣмена ржи—вазы съ наставленіемъ о ихъ посѣвѣ и предписаніемъ о возможномъ расширеніи культуры этого растенія на общественныхъ поляхъ. Въ 1842 г. управляющимъ вмѣнено было въ обязанность заботиться о возможно большемъ посѣвѣ на общественной запашкѣ яровой ржи, а въ 1847 г. разосланы были американскія сѣмена разныхъ растеній. Въ 1835—1836 гг. опредѣлена была норма высѣва разныхъ хлѣбовъ и картофеля, измѣненная затѣмъ въ 1845 г. Циркулярами 1836, 1837 и 1840 гг. регламентировано было собираніе для запашки удобренія. Въ 1840 г. изданы были правила о времени посѣва хлѣбовъ и о подготовленіи для нихъ земли. Тогда же сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы, для истребленія показывавшихся вмѣстѣ съ всходами овса негодныхъ травъ, подвергать поле новому боронованію и укатыванію катками. Въ теченіе 1839—42 гг. издано было нѣсколько циркуляровъ о предохраненіи полей отъ нападенія червя и о способахъ истребленія послѣдняго, а въ 1847 г. было сдѣлано распоряженіе о введеніи плужной обработки общественной запашки.

Всѣ указанныя распоряженія подготовлялись обыкновенно директоромъ земледѣльческаго училища Байковымъ и излагались даже его словами.

Важнѣйшимъ изъ затронутыхъ этими распоряженіями вопро-

совъ былъ вопросъ объ удобреніи общественныхъ полей, имѣвшій тѣмъ большее значеніе, что главнѣйшимъ источникомъ удобрительныхъ средствъ для общественной запашки въ первое время служилъ навозъ, получавшійся отъ крестьянскаго скота, и усиленное удобреніе общественныхъ полей происходило поэтому въ значительной степени на счетъ крестьянскихъ.

Въ первое время существованія общественной запашки не было издано никакихъ правилъ, которыя ограничивали бы требованіе отъ крестьянъ навоза для удобренія общественныхъ полей, между тѣмъ какъ это удобреніе предписывалось производить въ довольно значительныхъ размѣрахъ (до 200 возовъ на десятину). Пока урожаи на общественныхъ поляхъ не приносили завѣдывавшимъ ими лицамъ никакихъ выгодъ, смотрителя могли не требовать отъ крестьянъ усиленнаго удобренія запашекъ, въ ущербъ собственнымъ ихъ участкамъ. И что это было именно такъ, доказывается фактомъ незначительнаго превышенія урожаевъ хлѣбовъ на общественныхъ запашкахъ сравнительно съ крестьянскими полями, несмотря на то, что подъ общественныя запашки отводились ближайшіе къ селеніямъ и, слѣдовательно, лучше удобренные участки. Но когда, съ изданіемъ Положенія 1834 г., возвышеніе урожая хлѣбовъ на общественной запашкѣ стало приносить завѣдывавшимъ ею лицамъ существенныя выгоды, можно было опасаться, что усиленное удобреніе общественныхъ запашекъ станетъ производиться въ ущербъ крестьянскимъ полямъ.

Для предотвращенія излишнихъ требованій навоза отъ крестьянъ, Департаментъ пробовалъ сначала изыскать другіе источники удобренія общественныхъ полей. Съ этою цѣлью предложено было собирать для общественныхъ запашекъ навозъ, копившійся на проѣзжихъ улицахъ и дорогахъ, пролегавшихъ черезъ селенія, а также на мѣстахъ водопоя скота; рекомендовалось, кромѣ того, въ мѣстахъ, гдѣ скотъ оставлялся на ночь въ полѣ, сгонять его на паровой клинъ общественной запашки. Практика, однако, скоро показала недостаточность и непримѣнимость всѣхъ этихъ мѣръ (обыкновенно скотъ поили въ разныхъ мѣстахъ, на ночь въ полѣ не оставляли и т. п.), и неумѣренныя требованія для запашки удобренія отъ крестьянскаго скота не прекращались. На это обстоятельство, а также и на другіе случаи обнаруживавшихся злоупотребленій по запашкамъ Департаментъ Удѣловъ обратилъ вниманіе въ циркулярѣ отъ 20 мая 1838 г., гдѣ, между прочимъ, указывалось, что, съ установленіемъ

наградъ по степени урожаевъ на общественныхъ запашкахъ, лица, которымъ эти награды назначались, стали направлять всѣ свои дѣйствія исключительно къ цѣли ихъ увеличенія, нарушая изданныя постановленія. Такъ, ежегодно утверждавшіяся Департаментомъ предположенія о способѣ обработки общественныхъ полей не объявлялись мірскимъ обществамъ; полевыя работы исполнялись несвоевременно и неуравнительно; навозъ требовался отъ крестьянъ въ неумѣренномъ количествѣ; показанія объ урожаяхъ давались не точно; при возвратѣ взятаго крестьянами изъ магазина хлѣба, смотрителя требовали излишки (выдавали хлѣбъ въ гребло, а получали назадъ съ верхомъ), которые присоединяли къ урожаю для исчисленія большей суммы вознагражденія; продажа общественнаго хлѣба производилась несогласно съ правилами, а мѣстами общественный хлѣбъ заставляли покупать крестьянъ по цѣнамъ, которыя назначались самими смотрителями общественныхъ запашекъ и приказами.

Для предупрежденія дальнѣйшихъ злоупотребленій по отношенію къ удобренію общественныхъ полей, Департаментъ счелъ нужнымъ назначить точно мѣру навоза, какую можно было требовать съ каждаго крестьянина, съ тѣмъ чтобы недостающее количество его для удобренія запашки добывалось разными другими способами. Циркуляромъ 30 декабря 1840 г. по этому предмету предписано было брать съ каждаго крестьянина не болѣе $^1/_{40}$ имѣющагося у него навоза, по расчету, основанному на предположеніи, что голова крупнаго скота даетъ въ теченіе года 32 воза удобренія, а голова мелкаго—отъ 3 до 4 возовъ. Назначеніе слѣдуемаго съ каждаго крестьянина удобренія должно было производиться мірскимъ обществомъ при составленіи приговора о распредѣленіи работъ по запашкѣ. Опредѣленное такимъ образомъ съ крестьянъ количество навоза должно было составлять половину удобренія общественной запашки; другую его половину предписывалось составлять сборомъ навоза съ дорогъ, улицъ и овраговъ. Навозъ съ улицъ долженъ былъ быть собираемъ въ началѣ весны, при стаяніи снѣга, и лѣтомъ ежедневно, по пригонѣ скота съ пастбищъ. Собранный такимъ образомъ навозъ и всякій соръ, до вывозки его въ поле, долженъ былъ храниться въ опредѣленномъ мѣстѣ, подъ навѣсомъ.

Это распоряженіе породило, однако, въ свою очередь, нѣкоторыя недоразумѣнія. Управляющіе приволжскими конторами указывали, что такъ какъ мѣстное населеніе не примѣняло

удобренія своихъ полей и либо употребляло навозъ на топку печей, либо заваливало имъ овраги, то удобреніе общественной запашки крестьянскимъ навозомъ не представляло тамъ никакихъ затрудненій. Поэтому, примѣненіе предписанія о собираніи навоза съ улицъ, овраговъ и т. п. повело бы въ этихъ мѣстахъ только къ излишнему обремененію населенія безцѣльной работой и безцѣльнымъ же расходомъ на устройство навѣсовъ. Послѣ отвѣта Департамента, что исполненіе его предписанія о сборѣ удобренія съ улицъ и т. п. не потребуетъ затраты большаго количества труда, управляющій Алатырской Конторой распорядился, чтобы навѣсы для собираемаго съ улицъ навоза были устроены при всѣхъ удѣльныхъ селеніяхъ. Управляющіе нѣкоторыми другими имѣніями возбуждали прямо противуположный вопросъ—о недостаткѣ удобренія общественной запашки способами, указанными въ циркулярѣ отъ 30 декабря 1840 года. Управляющій Владимірской Конторою, напр., доносилъ, что то количество навоза, какое можно было требовать отъ крестьянъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ далеко не достигало половины необходимаго удобренія, да и другую его половину нельзя составить сборомъ сора съ улицъ и овраговъ. Въ виду этого и чтобы выполнить распоряженіе Департамента о нетребованіи отъ крестьянъ болѣе положеннаго количества удобренія, управляющій предполагалъ составлять въ каждомъ селеніи компосты изъ навоза, перемѣшаннаго съ древеснымъ листомъ, сажей, золой, кочками, дерномъ и всякимъ соромъ, выбрасываемымъ изъ избъ и дворовъ, и для сбора всего этого наряжать ежедневно крестьянъ по очереди. Департаментъ на это отвѣчалъ, что средства удобренія запашки, указанныя циркуляромъ 30 декабря, должны быть совершенно достаточны и что ежедневный нарядъ крестьянъ на работу по сбору удобренія безполезенъ.

Такимъ образомъ, и способъ, рекомендованный Департаментомъ, не разрѣшалъ вопроса объ удобреніи общественной запашки и исполненіе циркуляра отъ 30 декабря 1840 г. во многихъ случаяхъ приводило къ совершенно недостаточному удобренію послѣдней. Напр., во владимірскомъ имѣніи полагалось на десятину отъ 90 до 150 возовъ удобренія, а такъ какъ десятина общественной запашки приходилась на 16 ревизскихъ душъ или приблизительно на 5 дворовъ, то, по нормѣ циркуляра 30 декабря, крестьяне должны были доставить удобренія всего 25 возовъ на десятину, т. е. приблизительно по 5 возовъ со двора (считая среднее

накопленіе навоза 200 возовъ на дворъ), остальное же количество надлежало собирать съ улицъ, что, конечно, было совершенно невыполнимо.

При такихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, пока мѣстное начальство въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не пришло къ идеѣ составленія удобрительныхъ компостовъ, удобреніе общественной запашки оставалось фактически приблизительно въ томъ же положеніи, что и раньше, падая главной тяжестью на крестьянскій навозъ. И дѣйствительно, ревизія, напр., новгородскаго имѣнія въ 1841 г. обнаружила, что для удобренія общественной запашки, кромѣ собираемаго съ дорогъ всякаго сора, служилъ еще навозъ, требуемый отъ крестьянъ въ размѣрѣ 5 возовъ съ ревизской души, вмѣсто $1^{1}/_{2}$—2 возовъ, приходившихся на нее въ среднемъ по нормѣ циркуляра 30 декабря 1840 г. Сказанное получило подтвержденіе и въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ Департаментомъ Удѣловъ въ 1845 г., которыми было установлено, что сборъ съ улицъ и мѣстъ скопленія скота давалъ очень мало удобрительнаго матерьяла и что только въ немногихъ имѣніяхъ достаточное удобреніе общественной запашки достигалось безъ обремененія крестьянъ излишними требованіями, такъ какъ главнымъ удобрительнымъ средствомъ служили здѣсь: мохъ, кочки и т. п. (архангельское имѣніе), или болотный черноземъ, прудовой илъ и глина, (владимірское имѣніе).

Департаментъ Удѣловъ и въ послѣдующее время не переставалъ заботиться о возможномъ ограниченіи употребленія навоза отъ крестьянскаго скота на удобреніе общественной запашки, и такъ какъ, благодаря болѣе глубокой распашкѣ послѣдней, примѣненію осенняго подъема яровыхъ полей и т. п., потребность въ удобреніи общественной запашки становилась менѣе настоятельной, то вышеуказанная цѣль и могла быть постепенно достигаема безъ ущерба для урожаевъ. Такъ, съ 1846 г. положено было удобрять общественную запашку — смотря по качеству почвы и постепенному ея улучшенію — не ежегодно, а черезъ 1—3 года и рѣже. А всеподданнѣйшій отчетъ Министра Императорскаго Двора за 1851 г. сообщаетъ, что поля общественной запашки удобрялись по преимуществу навозомъ, собраннымъ съ улицъ, дорогъ и т. п., а также прудовымъ иломъ, болотнымъ черноземомъ, кочками и т. д.; что же касается собственно крестьянскаго навоза, то его нигдѣ не требовалось даже въ половинномъ количествѣ, какъ это было постановлено въ 1840 г.,

а напр. въ симбирской и казанской губерніяхъ весь удобрительный для запашки матеріалъ добывался уже внѣ крестьянскаго хозяйства.

Если требованіе объ обязательномъ удобреніи общественныхъ полей преслѣдовало главнымъ образомъ цѣль повышенія урожаевъ на запашкѣ и не могло имѣть особеннаго значенія въ смыслѣ примѣра для крестьянъ, такъ какъ это средство поддержанія производительности земли и безъ того употреблялось въ крестьянскомъ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ, въ нечерноземной полосѣ, встрѣчая предѣлы своего примѣненія лишь въ недостаткѣ у крестьянъ скота,—то совершенно иначе стоялъ вопросъ объ обработкѣ полей и приготовленіи ихъ къ посѣву. Недостаточное и несвоевременное разрыхленіе земли, вслѣдствіе незнанія раціональныхъ пріемовъ обработки и неимѣнія надлежащихъ орудій, было общимъ явленіемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, вредныя послѣдствія котораго обнаруживались не только въ малыхъ урожаяхъ хлѣбовъ, въ засореніи полей сорными травами, но и въ частомъ нападеніи на крестьянскія земли червя и другихъ паразитовъ. Надлежащая обработка общественной запашки считалась поэтому важнѣйшимъ средствомъ улучшенія крестьянскаго хозяйства и привлекала къ себѣ особенное вниманіе Департамента Удѣловъ. Въ этихъ видахъ обработку общественныхъ полей предписывалось производить самымъ тщательнымъ образомъ (циркуляръ 1833 г. и инструкція 1837 г.); для истребленія появлявшихся вмѣстѣ со всходами овса сорныхъ травъ рекомендовано было (въ 1840 г.) вновь бороновать поле и укатывать его катками; по приказамъ разсылались (въ 1840 г.) подробныя наставленія относительно обработки общественныхъ полей и времени посѣва на нихъ разныхъ хлѣбовъ *), а въ концѣ 40-хъ гг. приняты были мѣры къ повсемѣстному введенію плужной вспашки земли.

По отношенію къ растеніямъ, культивировавшимся на общественныхъ запашкахъ, Департаментъ Удѣловъ примѣнялъ двоякаго рода мѣры: онъ стремился къ установленію надлежащей нормы сѣмянъ для посѣва и заботился о введеніи въ сѣвооборотъ новыхъ растеній, а также о замѣнѣ обыкновенныхъ сѣмянъ лучшими. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ Департаментъ также руководствовался соображеніями не только о возвышеніи дохода отъ запашки, но и о благотворномъ вліяніи примѣра послѣдней на крестьянское хозяйство.

---

*) Св. уд. пост. 1843 г., ч. III, прилож. № 14.

28 февраля 1835 г. былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ особенно указывалось на важное значенiе для хорошаго урожая хлѣбовъ надлежащей мѣры посѣва, и такъ какъ въ этомъ отношенiи крестьянское хозяйство страдало неумѣреннымъ употребленiемъ сѣмянъ, то циркуляромъ устанавливались, на первый разъ лишь для полей общественной запашки, извѣстныя нормы послѣднихъ. Для этого всѣ удѣльныя имѣнiя были раздѣлены на двѣ группы: для одной изъ нихъ, расположенной въ губернiяхъ поволжскихъ, орловской и оренбургской, назначалось на десятину ржаныхъ сѣмянъ отъ 6 до 8 четвериковъ, овсяныхъ отъ 10 до 14 и картофеля отъ 6 до 8 четвериковъ; а для другой, въ которую входили остальныя имѣнiя (нечерноземной полосы), было назначено: сѣмянъ ржи 8 — 10 четвериковъ, овса отъ 12 до 18 и картофеля 8 — 10 чтв.; кромѣ того, указывалась мѣра посѣва ржи-вазы, яровой ржи, пшеницы, ячменя, полбы, проса, гороха.

Результаты всѣхъ этихъ мѣропрiятiй сказались весьма скоро. Въ теченiе слѣдующаго же десятилѣтiя, благодаря тщательной обработкѣ общественныхъ полей и достаточному ихъ удобренiю, почва земли на столько улучшилась, а сорныя травы — вывелись, что всходы стали получаться полные и даже слишкомъ густые. Въ виду этого въ 1845 г. мѣра посѣва хлѣбовъ была еще уменьшена: въ черноземныхъ и степныхъ губернiяхъ предписывалось высѣвать на десятину отъ 5 до 6 четвериковъ ржи и отъ 10 до 12 четвериковъ овса, а въ нечерноземныхъ—отъ 7 до 8 четвериковъ перваго хлѣба и отъ 12 до 16 второго *).

По отношенiю къ родамъ воздѣлывавшихся растенiй нельзя не упомянуть о слѣдующихъ мѣрахъ.

Въ 1834 г. управляющимъ имѣнiями разосланы были выписанныя изъ Финляндiи сѣмена ржи-вазы, съ наставленiемъ о способахъ ея культуры **) и съ предписанiемъ заботиться объ еже-

*) Въ концѣ 50-хъ гг. при ревизiи Сызранской Конторы было обнаружено, что на самомъ дѣлѣ на общественныхъ запашкахъ высѣвалось больше зерна, нежели назначено по росписанiю и показывалось въ отчетѣ. Это обстоятельство вызвало со стороны Департамента Удѣловъ запросъ къ управляющимъ всѣми конторами о томъ, не представляется ли необходимости въ измѣненiи установленной въ 1845 г. нормы сѣмянъ для посѣва, послѣ чего въ 1860 г. для шести нечерноземныхъ губернiй и для четырехъ черноземныхъ норма посѣва, въ видѣ опыта, была увеличена: для первыхъ на 2—4 четверика (maxim. 12) ржи и на 2—6 (maxim. 22) четвериковъ овса на десятину; для вторыхъ—на 1 четверикъ ржи и на 1 четверикъ овса. Это распоряженiе вызвало со стороны одного управляющаго представленiе объ уменьшенiи нормальнаго урожая (о нормальномъ урожаѣ см. стр. 159), на что, однако, не послѣдовало разрѣшенiя Департамента.

**) Св. уд. пост. 1843 г., ч. III, прилож. № 10.

годномъ увеличеніи ея посѣвовъ и о предупрежденіи ея перерожденія въ обыкновенную рожь (см. главу V). Въ томъ же году было сдѣлано распоряженіе о введеніи на поляхъ общественной запашки посѣвовъ картофеля. Въ 1840 г. управляющимъ имѣніями предложено было заботиться о разведеніи въ возможно большемъ количествѣ яровой ржи, имѣющей особенно важное значеніе, какъ предохранительное средство противъ нападенія на поля червя, поѣдающаго озимый хлѣбъ; а въ 1842 г. предписано было приложить старанія къ повсемѣстному разведенію на общественныхъ запашкахъ этого растенія, согласно приложенному къ циркуляру наставленію относительно техники этого дѣла *), и вмѣстѣ съ тѣмъ управляющіе снабжались сѣменами яровой ржи. Въ 1847 г. разосланы были американскія сѣмена различныхъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, съ тѣмъ чтобы первоначально они были разведены въ образцовыхъ усадьбахъ, а затѣмъ, сообразно указаніямъ опыта и мѣстнымъ условіямъ, переносились на общественную запашку.

Кромѣ этихъ мѣропріятій, общихъ для всѣхъ удѣльныхъ имѣній, были издаваемы спеціальныя распоряженія, касавшіяся улучшенія общественныхъ полей въ отдѣльныхъ районахъ. Такъ, въ половинѣ 40-хъ годовъ были дѣлаемы опыты разведенія озимой пшеницы въ саратовскомъ, симбирскомъ и орловскомъ имѣніяхъ, а нѣсколько раньше того въ сѣверныя губерніи разосланы были сѣмена арабскаго овса, менѣе чувствительнаго къ морозамъ, сравнительно съ обыкновеннымъ **).

Конечно, не всѣ эти мѣропріятія имѣли одинаковый успѣхъ, но общій ихъ результатъ, по отношенію собственно къ общественной запашкѣ, оказался, повидимому, довольно удовлетворительнымъ. Объ успѣхѣ замѣны простыхъ сѣмянъ зерновыхъ

*) Св. уд. пост. 1843 г., ч. III, прилож. № 11.

**) Въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній, по иниціативѣ управляющаго, сдѣланъ былъ опытъ защиты полей отъ градобитій, посредствомъ устройства градоотводовъ въ видѣ деревянныхъ столбовъ въ 5 саж. вышины, снабженныхъ мѣдной проволокой; одинъ конецъ этой проволоки уходилъ въ землю, а другой выдавался надъ вершиною шеста. Въ 1829 г. такими шестами, на разстояніи 60 саж. одинъ отъ другого, была окружена общественная запашка въ мордвиновскомъ приказѣ костромскаго имѣнія, на что потребовалась затрата въ 887 р. асс. По донесенію управляющаго, благодаря сдѣланному приспособленію, поля общественной запашки были сохранены отъ уничтоженія сильнымъ градомъ, величиной въ голубиное яйцо, выпадавшимъ въ теченіе 5 часовъ 8 іюля 1829 г., тогда какъ поля, лежавшія въ отдаленіи отъ градоотводовъ, были побиты градомъ; на поля общественной запашки, по донесенію приказа, градины выпадали или въ видѣ мелкаго зерна, или въ формѣ снѣжныхъ пластинокъ со скважинами.

хлѣбовъ улучшенными можно судить потому, что въ 1854 г., напр., изъ 1.790 тыс. чтв. запаснаго въ магазинахъ хлѣба, 962 тыс. чтв., т. е. больше половины, принадлежало улучшеннымъ и болѣе цѣннымъ хлѣбамъ; а именно, въ запасныхъ магазинахъ хранилось: 516 тыс. чтв. ржи-вазы, 230 тыс. четв. англійскаго и многоплоднаго овса и до 216 тыс. чтв. разныхъ видовъ пшеницы, ячменя, проса, полбы и др. Менѣе успѣшно было разведеніе картофеля, но и то—благодаря появившейся болѣзни этого клубня: въ 1842—1844 гг. на общественной запашкѣ сажалось его ежегодно около 7800 чтв., въ 1845 г. было посажено 6000 чтв., въ слѣдующіе два года по 4400 чтв., а въ 1848 г., въ предупрежденіе дальнѣйшаго распространенія болѣзни, культура картофеля на запашкѣ была вовсе отмѣнена.

Вмѣстѣ съ введеніемъ общественной запашки возникалъ и вопросъ о сушкѣ получаемаго съ нея хлѣба. Первоначально эта операція производилась въ крестьянскихъ овинахъ, но затѣмъ въ началѣ 40-хъ годовъ Департаментъ Удѣловъ предписалъ устраивать для этого общественные овины по спеціально составленному плану. Овины эти, впрочемъ, не оправдали ожиданій. Такъ, 174 овина, выстроенные въ сызранскомъ имѣніи, черезъ два года почти всѣ оказались негодными къ употребленію, и хотя нѣкоторые изъ нихъ поправлялись и, кромѣ того, строились новые, но сушка въ нихъ хлѣба почти не производилась; въ общественныхъ овинахъ владимірскаго имѣнія сушка хлѣба производилась въ 5 разъ медленнѣе, нежели въ крестьянскихъ. Вслѣдствіе этого, въ 50-хъ годахъ отъ большихъ овиновъ прежняго образца нѣкоторыя имѣнія стали переходить къ устройству овиновъ по образцу крестьянскихъ (въ сызранскомъ, владимірскомъ, вологодскомъ имѣніяхъ) съ нѣкоторыми усовершенствованіями, имѣвшими цѣлью, между прочимъ, предохраненіе ихъ отъ пожаровъ.

Получавшійся съ общественной запашки хлѣбъ, прежде засыпки въ магазины, подлежалъ провѣйкѣ. Кромѣ того, по временамъ приходилось очищать отъ сора и зерно, хранившееся въ магазинахъ. И хотя то и другое могло производиться крестьянскими орудіями, тѣмъ не менѣе для лучшей и болѣе быстрой очистки магазиннаго хлѣба признано было умѣстнымъ имѣть спеціально предназначенныя для того приспособленія. Въ виду этого, въ 1839 г. было предположено снабдить вѣялками всѣ хлѣбные магазины, и управляющимъ конторами предписано было заказать по одной вѣялкѣ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, по типу при-

везенныхъ ими орудій изъ земледѣльческаго училища, съ тѣмъ что, если онѣ окажутся пригодными, ввести ихъ сначала по одной на приказъ. Въ силу этого распоряженія вѣялки въ небольшомъ количествѣ были заведены въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ; но мѣра эта оказалась не практичной, такъ какъ рабочіе при вѣялкахъ, смѣнявшіеся по наряду, не могли скоро привыкнуть къ орудію и часто его ломали, а неимѣніе подъ рукой мастеровъ затрудняло своевременное ихъ исправленіе.

Между тѣмъ, засореніе магазиннаго хлѣба вновь возбуждало вопросъ объ орудіяхъ для его очистки, и около половины 40-хъ годовъ нѣкоторые управляющіе входили въ Департаментъ съ представленіями о пріобрѣтеніи для этого грохотовъ съ проволочными сѣтками. Но Департаментъ вмѣсто того предложилъ испробовать примѣненіе простой вѣялки, употреблявшейся въ земледѣльческомъ училищѣ, которая не только хорошо очищала хлѣбъ, но и раздѣляла зерно на 3 сорта и въ одинъ часъ, при помощи двухъ человѣкъ, могла разсортировать 20 четвертей невѣяннаго зерна. Вѣялки нужны были, между прочимъ, въ новгородскомъ имѣніи и, чтобы ознакомиться съ ихъ устройствомъ, въ земледѣльческое училище былъ командированъ одинъ изъ учениковъ новгородскаго ремесленнаго училища, который, прибывъ въ Петербургъ, не умѣя даже строгать, въ теченіе 2 мѣсяцевъ сдѣлалъ вѣялку и американскій плужокъ и вмѣстѣ съ этими орудіями былъ отправленъ обратно. Для удешевленія приготовленія этихъ вѣялокъ, новгородскому управляющему предписано было, вмѣсто пріобрѣтенія готоваго теса, покупать бревна и пилить ихъ, ременный приводъ замѣнить берестовымъ лыкомъ и мочаломъ и поменьше употреблять желѣза; тогда весь матеріалъ для вѣялки стоилъ бы 4 р., за работу въ пользу ремесленнаго заведенія нужно было бы отчислить 5 р. и вся вѣялка съ укупоркой обошлась бы такимъ образомъ не дороже 10 р. Управляющій новгородскимъ имѣніемъ не нашелъ, однако, возможнымъ построить вѣялки согласно этому предложенію, объясняя, что вѣялка, сдѣланная изъ сырого лѣса, безъ оковки и ременнаго привода, только компрометировала бы это орудіе въ глазахъ населенія. По представленной имъ смѣтѣ вѣялки должны были стоить не менѣе 15 р. По этой цѣнѣ въ новгородскомъ имѣніи было сдѣлано 15 вѣялокъ—по одной для болѣе крупныхъ магазиновъ (всего же въ новгородскомъ имѣніи находилось 102 хлѣбныхъ магазина). Въ алатырскомъ имѣніи подобныя же вѣялки въ

1845 г. предположено было завести во всѣхъ 76 смотрительскихъ участкахъ, и такъ какъ постройкой ихъ занимались хозяева мѣстныхъ образцовыхъ усадебъ, среди другого дѣла, то полный комплектъ вѣялокъ былъ составленъ лишь черезъ 12 лѣтъ; каждая вѣялка обошлась здѣсь въ 10 р. Управляющему архангельскимъ имѣніемъ въ 1855 г. разрѣшено было затратить на постройку 36 вѣялокъ уже по 30 р. на каждую.

Въ 1849 г. была сдѣлана попытка образовать въ имѣніяхъ, наиболѣе подверженныхъ неурожаю травъ, запасы соломы для раздачи преимущественно бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ неурожайные годы. Въ этихъ видахъ 30 сентября 1849 г. управляющимъ восемью конторами было предписано отмѣнить ежегодный раздѣлъ соломы, получавшейся съ общественной запашки, между крестьянами и назначить ее для образованія запасовъ. Черезъ годъ послѣ этого, по случаю запроса Департамента объ удобствахъ сохраненія яровой соломы, управляющіе казанскимъ, нижегородскимъ и орловскимъ имѣніями высказались вообще противъ образованія запасовъ этого кормоваго средства. Поэтому съ 1851 года образованіе запасовъ соломы продолжалось лишь въ пяти нижневолжскихъ имѣніяхъ. По свѣдѣніямъ отъ 1853 г., здѣсь было собрано соломы до $1^1/_2$ тыс. ометовъ различной величины.

Относительно вознагражденія лицъ, участвовавшихъ въ надзорѣ за общественными запашками, существовалъ слѣдующій порядокъ.

По Положенію 1834 г., по отношенію къ общественнымъ запашкамъ, всѣ удѣльныя имѣнія раздѣлялись на 3 группы съ одинаковыми, въ предѣлахъ каждой изъ нихъ, нормами урожая, нѣсколько превышавшими средній урожай послѣднихъ лѣтъ. Первая группа, съ урожаемъ озимаго хлѣба самъ — 3 и ярового самъ—$2^1/_2$, составлялась изъ имѣній: архангельскаго, вологодскаго, красносельскаго, новгородскаго, костромскаго, тверскаго, владимірскаго, московскаго и смоленскаго; урожай озимаго самъ — 4 и ярового самъ — $3^1/_2$ былъ назначенъ для имѣній: пензенскаго, симбирскаго, тамбовскаго, нижегородскаго, казанскаго, вятскаго и пермскаго; сборъ озимаго самъ — 5 и ярового самъ — $4^1/_2$ былъ опредѣленъ для орловскаго, воронежскаго, саратовскаго и оренбургскаго имѣній [1]). Сборъ хлѣба въ размѣрѣ назначеннаго урожая или ниже его долженъ былъ цѣликомъ поступать въ хлѣбный капиталъ; изъ излишняго же его количества (причемъ недостатокъ урожая одного хлѣба пополнялся избыткомъ другого) въ капиталъ

обращалась только пятая часть, а $^{4}/_{5}$ назначались на вознагражденіе лицъ, участвовавшихъ въ надзорѣ за запашкою, въ слѣдующемъ размѣрѣ: смотрителя запашки получали $^{200}/_{1000}$ излишне собраннаго хлѣба, приказные головы $^{98}/_{1000}$, чиновники конторы $^{100}/_{1000}$ *), управляющій конторою $^{250}/_{1000}$ и чиновники Департамента Удѣловъ $^{152}/_{1000}$. Остальныя $^{200}/_{1000}$, какъ сказано, обращались въ хлѣбный капиталъ.

Первые годы примѣненія этого положенія показали, что вознагражденіе управляющихъ разными конторами было весьма неравномѣрно, причемъ на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ выпадали очень крупные доходы. Такъ напр., въ 1834 г. управляющій Казанскою Конторою получилъ въ вознагражденіе 707 р. асс., а Саратовскою—11018 р.; въ 1836 г. на долю управляющаго красносельскимъ имѣніемъ пришлось 300 р. ас., а на долю костромскаго управляющаго—19 тыс. р.; въ 1837 г. первый получилъ 910 р., а второй—24390 р. и т. д. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе Департамента Удѣловъ, и въ 1838 г. приняты были мѣры къ тому, чтобы достигнуть нѣкотораго уравненія вознагражденія управляющихъ разными имѣніями, путемъ сокращенія доли тѣхъ, кто получалъ слишкомъ большія суммы, съ обращеніемъ сдѣланной экономіи въ хлѣбный капиталъ. Въ этихъ видахъ всѣ удѣльныя имѣнія были разбиты на три группы, различавшіяся числомъ душъ и густотой населенія (обусловливавшей степень большей или меньшей легкости надзора за общественными запашками), и для каждой изъ нихъ была назначена одна изъ трехъ нормъ вознагражденія управляющихъ: $^{250}/_{1000}$, $^{200}/_{1000}$ и $^{150}/_{1000}$. Въ томъ же году часть Департамента Удѣловъ была увеличена до $^{166}/_{1000}$, а затѣмъ постепенно возросла до $^{190}/_{1000}$ **).

*) Эта часть распредѣлялась между помощникомъ управляющаго, столоначальникомъ по общественой запашкѣ и его помощникомъ и чиновниками, командировавшимися для наблюденія за исправнымъ посѣвомъ и умолотомъ хлѣба. Въ 1838 г. выдача вознагражденій чиновникамъ конторы была обусловлена полнымъ одобреніемъ ихъ по службѣ.

**) По утверженному въ 1834 г. Министромъ Императорскаго Двора росписанію, доля, назначенная для Департамента Удѣловъ ($^{152}/_{1000}$), распредѣлялась между 4 членами Департамента (по $^{14}/_{1000}$ каждому, что составляло вообще отъ 5 до 7 тыс. р. асс. до 1840 г., отъ 4 до 5 тыс. р. сер. съ 40-хъ гг. и отъ 7 до 8 тыс. р. сер. въ послѣднее пятилѣтіе передъ отмѣною общественной запашки), начальниками четырехъ его отдѣленій, директоромъ земледѣльческаго училища, тремя чиновниками особыхъ порученій, контролеромъ, начальникомъ стола по общественной запашкѣ и его помощникомъ (въ 1837 г. доля этихъ двухъ чиновъ назначена для распредѣленія между чиновниками хозяйственнаго отдѣленія, по мѣрѣ ихъ способностей и усердія). Въ 1838 г. въ число чиновъ, получавшихъ вознагражденіе—въ долѣ, одинаковой съ членами Департамента Удѣловъ, включенъ Вице-Президентъ (съ выдачею ему вознагражденія

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого оказалось, однако, что, помимо увеличенія вознагражденія чиновниковъ, обусловленнаго возвышеніемъ урожая общественной запашки, доля вознагражденія по нѣкоторымъ имѣніямъ временами сильно возвышалась, благодаря случайному подъему хлѣбныхъ цѣнъ. Для предупрежденія этого явленія, не находившагося ни въ какой связи съ успѣшной дѣятельностью надзора по предмету улучшенія обработки общественной запашки, въ 1841 г. назначены были высшіе предѣлы вознагражденія каждаго чина конторы и приказа, съ тѣмъ чтобы излишекъ, опредѣлившійся по точному расчету, обращался въ такъ называемый остаточный капиталъ общественной запашки (составлявшійся изъ суммъ, назначенныхъ для вознагражденія, но почему либо оставшихся не израсходованными) *).

Уже изъ этого факта ограниченія вознагражденія чиновъ надзора опредѣленной суммой видно, что мѣра, принятая для увеличенія дохода отъ общественной запашки, имѣла полный успѣхъ, выразившійся въ поднятіи урожаевъ значительно выше назначенныхъ для нихъ нормъ. Но этотъ выводъ подверждается и прямымъ сравненіемъ сбора хлѣбовъ на общественной запашкѣ до и послѣ 1834 г. До указаннаго періода урожай ржи, въ среднемъ по всѣмъ имѣніямъ, не достигалъ самъ—4; въ 1834 г. онъ поднялся выше самъ—4 и въ теченіе 6-ти лѣтъ стоялъ между 4 и 5; въ 1842 г. онъ поднялся до самъ—7 и съ этого момента по 1851 г. въ большинствѣ случаевъ колебался между 7 и 8, а въ слѣдующія 8 лѣтъ между самъ—8 и 9. Сравненіе урожаевъ озимаго хлѣба на общественныхъ и крестьянскихъ поляхъ показываетъ, что, тогда какъ до 1834 г. сборъ хлѣба съ общественной запашки превышалъ сборы съ крестьянскихъ полей на

въ размѣрѣ 18728 р. за предшествовавшіе 4 года), отчего доля Департамента Удѣловъ съ 152/1000 поднялась до 166/1000. Съ 1841 г. вознагражденіе стали получать (изъ остаточныхъ суммъ) секретарь товарища министра (10/1000), съ 1849 г. (оттуда же) начальникъ чертежной (5/1000). Съ 1852 г. доля контролера (4/1000), увеличенная (до 10/1000) присоединеніемъ изъ остаточныхъ суммъ, была назначена къ раздѣлу между чиновниками IV отдѣленія, по назначенію начальника этого послѣдняго.

*) Высшая степень вознагражденія назначена была въ размѣрѣ:

управляющему конторой	5,800	р. сер.
помощнику управляющаго.	1,500	„ „
столоначальнику по общественной запашкѣ . .	400	„ „
помощнику столоначальника.	250	„ „
чиновникамъ, командируемымъ для надзора за запашкой	600	„ „
приказному головѣ.	300	„ „
смотрителю общественной запашки	150	„ „

самъ $1/_3$ — 1, послѣ этого года разница между ними возрасла сначала на 1—2 зерна, а затѣмъ на 3—4 зерна; и хотя съ 40-хъ гг. урожай крестьянскаго хлѣба съ самъ—3 поднялся до самъ—4 и выше, но, вслѣдствіе болѣе быстраго роста урожайности общественныхъ полей, относительный сборъ озимаго хлѣба съ общественной запашки превышалъ вдвое урожай озими на крестьянской землѣ. Урожай яровыхъ хлѣбовъ послѣ 1834 г. также повысился: но это повышеніе было и менѣе значительно (въ послѣдніе годы урожай яровыхъ хлѣбовъ на общественной запашкѣ колебался между самъ—4 и $5^1/_2$), и не такъ устойчиво, какъ повышеніе сборовъ озимыхъ.

Описанное положеніе дѣлъ открыло возможность увеличить для нѣкоторыхъ имѣній норму урожая и этимъ нѣсколько уравнять ихъ въ отношеніи излишковъ собираемаго хлѣба съ имѣніями, гдѣ эти излишки были не особенно значительны. Хотя крайнія нормы урожая остались при этомъ неизмѣнными, но 11 имѣній были переведены изъ низшихъ разрядовъ въ болѣе высокіе. Это было сдѣлано въ 1843 г. Но въ слѣдующемъ году оказался недостатокъ урожая, преимущественно яровыхъ хлѣбовъ, что вмѣстѣ съ небывалой дешевизной зерна вызвало у Департамента опасеніе о низведеніи вознагражденія чиновъ надзора до очень низкаго уровня и преимущественно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ, благодаря ихъ усердію, получилось возвышеніе урожая. Высказывая опасеніе, чтобы новая мѣра не повела къ ослабленію надзора за общественными запашками, Вице-Президентъ Департамента Удѣловъ въ началѣ 1845 г. вошелъ къ Министру Императорскаго Двора съ представленіемъ о возвращеніи, впредь до особаго распоряженія, къ нормамъ урожая, опредѣленнымъ положеніемъ 1834 г. Представленіе это было утверждено.

За послѣднее пятилѣтіе передъ отмѣной учрежденія общественной запашки общая сумма вознагражденій всѣхъ чиновъ удѣльнаго вѣдомства составляла въ среднемъ 365 тыс. р. въ годъ и распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: смотрителя общественной запашки получали 86,200 р., приказные головы 42,200 р., чиновники удѣльныхъ конторъ 120,200 р., чины Департамента Удѣловъ 116,700 р. Остаточныя суммы употреблялись также на разныя выдачи лицамъ, ходатайствовавшимъ о томъ въ силу ихъ прикосновенности къ дѣлу общественныхъ запашекъ, или наслѣдникамъ такихъ лицъ, въ случаѣ когда эти ходатайства признавались заслуживающими удовлетворенія.

Примѣненіе запашки, какъ общей мѣры для образованія продовольственныхъ запасовъ, встрѣчало на практикѣ извѣстныя затрудненія. Возраженія въ этомъ отношеніи исходили какъ изъ среды самихъ крестьянъ, ходатайствовавшихъ нерѣдко объ отмѣнѣ этой мѣры по малоземелью, по чрезполосности крестьянскихъ владѣній съ землями другихъ лицъ, по значительной удаленности мѣста запашки отъ селеній и по другимъ хозяйственнымъ соображеніямъ,—такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и со стороны удѣльной администраціи. Такъ напр., управляющій владимірскимъ имѣніемъ Безобразовъ представлялъ Департаменту Удѣловъ о томъ, что, въ случаѣ исполненія правила объ отрѣзкѣ подъ общественную запашку земли изъ ближайшихъ къ селеніямъ полей, въ 6-ти малоземельныхъ приказахъ владимірской губерніи почти всѣ удобряемыя земли отошли бы подъ запашку, и крестьяне остались бы при однихъ запольныхъ или пустошныхъ участкахъ. Для предупрежденія этого явленія, онъ испрашивалъ разрѣшеніе отводъ земли подъ общественную запашку производить по расчету только удобряемой пашни (которой было меньше 3 десят. на душу), т. е. брать ее въ размѣрѣ $^{1}/_{32}$, а не $^{1}/_{16}$ дес. на душу. При этомъ Безобразовъ возбуждалъ вообще вопросъ о соотвѣтствіи вновь учреждаемаго способа обезпеченія народнаго продовольствія мѣстнымъ условіямъ владимірскаго имѣнія. Признавая учрежденіе общественной запашки благодѣтельной мѣрой для многоземельныхъ и плодородныхъ губерній, Безобразовъ находилъ, что въ мѣстностяхъ, подобныхъ владимірскому имѣнію, гдѣ, при безплодности почвы и недостаткѣ луговъ, нельзя было содержать много скота для удобренія полей,—„благодѣтельная сія мѣра можетъ послужить къ большому стѣсненію хлѣбопашества и не малой остановкѣ промышленности крестьянъ". Поэтому Безобразовъ просилъ объ отсрочкѣ введенія общественной запашки въ подвѣдомственномъ ему имѣніи по крайней мѣрѣ на одинъ годъ, въ теченіе котораго онъ могъ бы успѣть „со всею точностью опредѣлить мѣру возможности каждаго изъ приказовъ" (Безобразовъ занялъ должность управляющаго не задолго до описываемаго времени). Представленіе Безобразова было принято Вице-Президентомъ за доказательство нерадѣнія въ исполненіи распоряженій начальства; но такъ какъ вскорѣ послѣ этого по тому же предмету поступили ходатайства и со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ крестьянъ, то Департаментъ Удѣловъ освободилъ отъ общественной запашки два селенія владимірской губерніи и распорядился о составленіи

общественнаго поля въ 6 приказахъ (о которыхъ ходатайствовалъ управляющій) изъ двухъ участковъ—близъ селеній и въ пустошахъ, съ отдѣленіемъ подъ каждый по $^1/_{32}$ десят. на душу.

Управляющій Красносельской Конторою дважды входилъ въ Департаментъ Удѣловъ съ представленіемъ о замѣнѣ общественной запашки въ подвѣдомственномъ ему имѣніи денежнымъ сборомъ съ крестьянъ, которые предлагали вносить таковой въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ ревизской души. Какъ основаніе для своего ходатайства, управляющій приводилъ бѣдность населенія скотомъ и работниками и малоземелье крестьянъ (1,495 душъ имѣли по 1 дес., а 2,098 душъ—по $1^1/_3$ дес. пахотной земли), вмѣстѣ съ неплодородіемъ почвы, гористымъ рельефомъ земли и обиліемъ на поляхъ камней, вслѣдствіе чего, за отрѣзкой подъ запашку лучшихъ участковъ, у крестьянъ осталось бы очень мало удобной пашни. Ходатайство это уважено не было, хотя, тѣмъ не менѣе, общественная запашка не вводилась въ красносельскомъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, представляя Департаменту о затрудненіяхъ, связанныхъ съ примѣненіемъ Положенія объ общественной запашкѣ къ нижегородскому имѣнію, по причинѣ плохого качества почвы, мелкости и разбросанности поселеній и промышленнаго характера крестьянъ, дважды ходатайствовалъ объ освобожденіи отъ общественной запашки 4-хъ заволжскихъ приказовъ, со взиманіемъ съ нихъ денежнаго сбора въ размѣрѣ 40 к. асс. съ души. Департаментъ Удѣловъ далъ разрѣшеніе на замѣну общественной запашки денежнымъ сборомъ (по 1 р. асс. съ души) въ большепесошинскомъ приказѣ, населеніе котораго производило посѣвы на наемной землѣ, а также въ тѣхъ селеніяхъ другихъ приказовъ, гдѣ учрежденіе запашки встрѣтило бы препятствіе со стороны крестьянъ другого вѣдомства, владѣвшихъ землею черезполосно съ удѣльными.

Кромѣ приведенныхъ случаевъ, разрѣшеніе на незаведеніе общественной запашки давалось иногда и по другимъ основаніямъ. Такими причинами служили: исключительно промышленный характеръ населенія, занятіе крестьянъ огородничествомъ, большая удаленность полей отъ усадебъ, пользованіе крестьянъ только покупной землею и т. д.

Селенія, освобождавшіяся отъ общественной запашки, облагались денежнымъ сборомъ, обыкновенно въ размѣрѣ 1 р. асс. съ души, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше и ниже этой суммы.

Такъ, жители г. Ардатова симбирской губерніи, имѣвшіе по 1 дес. земли на душу и участвовавшіе въ городскихъ повинностяхъ, платили въ хлѣбный капиталъ по 40 к. съ души, а крестьяне промышленнаго села б. Мурашкина нижегородской губерніи, вовсе не занимавшіеся земледѣліемъ, обложены были сборомъ въ 2 р. асс. Отдѣльно отъ прочихъ въ этомъ отношеніи стояли два селенія вятскаго имѣнія—Кукарка и Жерновыя горы—обложенныя денежнымъ платежемъ по расчету сбора хлѣба съ общественной запашки въ ближайшихъ малоземельныхъ селеніяхъ, что составляло, по существовавшимъ цѣнамъ зерна, отъ 60 до 70 к. асс. на душу.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ половинѣ 50-хъ годовъ, 1,430 душъ, освобожденныхъ отъ общественной запашки, платили деньгами по 60 к. сер,, а 13 тыс. душъ—по 30 к. сер. Въ 1854 г. управляющимъ Нижегородской Конторой былъ возбужденъ вопросъ о возвышеніи сбора съ крестьянъ, состоявшихъ на денежной повинности; но большая часть управляющихъ высказалась противъ такого возвышенія, объясняя, что денежный продовольственный сборъ и безъ того увеличивался умноженіемъ послѣ ревизіи числа облагаемыхъ имъ душъ.

Опредѣленное Положеніемъ 1827 г. количество земли подъ общественную запашку (1/32 или 1/16 дес. въ полѣ на ревизскую душу) отведено было въ концѣ 20-хъ годовъ по душамъ 7 ревизіи. Разъ отведенная при извѣстномъ селеніи площадь запашки не подвергалась дальнѣйшимъ измѣненіямъ, и послѣдующія колебанія общей площади общественныхъ запашекъ обусловливались поступленіемъ въ Удѣлы или выходомъ крестьянъ, переводомъ на запашку селеній, состоявшихъ на денежномъ сборѣ, и обратно. Въ среднемъ, площадь всей общественной запашки колебалась около 100 тыс. десятинъ, а при отмѣнѣ этого института она составляла 112 тыс. десятинъ.

Общая политика Департамента Удѣловъ по отношенію къ общественнымъ запашкамъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, была такова, что онъ весьма неохотно допускалъ замѣну запашки денежнымъ сборомъ, и въ 1843 г. издано было общее распоряженіе о томъ, чтобы представленія о замѣнѣ натуральной повинности денежнымъ сборомъ дѣлались лишь въ случаяхъ крайняго малоземелья селеній или по другимъ совершенно уважительнымъ причинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно принимались мѣры къ тому, чтобы ввести общественную запашку въ тѣхъ селеніяхъ,

которыя были нѣкогда освобождены отъ нея. Наибольшее число освобожденныхъ отъ запашки крестьянъ находилось въ московской губерніи: по даннымъ, относящимся къ началу 40-хъ годовъ, изъ общаго количества 28 тыс. душъ (по 8 ревизіи), состоявшихъ въ то время на денежномъ продовольственномъ сборѣ, 11,300 душъ относились къ московской губерніи. Въ 1840 г. Департаментъ Удѣловъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и предписалъ управляющему московскимъ имѣніемъ войти въ соображеніе о введеніи общественной запашки во всѣхъ селеніяхъ московскаго имѣнія, съ покупкой земли для тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли недостаточные надѣлы. Предположенія управляющаго по этому предмету были доставлены въ 1841 г. и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ въ 54 селеніяхъ московскаго имѣнія была учреждена общественная запашка, причемъ въ 35-ти изъ нихъ вмѣсто площади, отходившей подъ запашку, предположено было сдѣлать крестьянамъ нарѣзки изъ земли, оставленной подъ лѣсную поросль; денежный же сборъ, въ размѣрѣ 30 к. сер. съ души, сохранился лишь въ 4 селеніяхъ.

Въ 1843 г. поднятъ былъ даже общій вопросъ о замѣнѣ остававшагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ денежнаго съ крестьянъ сбора въ продовольственный капиталъ учрежденіемъ общественной запашки. Возбуждая этотъ вопросъ, Департаментъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что въ теченіе 15 лѣтъ, прошедшихъ со времени учрежденія общественной запашки, условія, вызвавшія допущеніе денежнаго сбора, могли измѣниться: надѣлы малоземельныхъ крестьянъ могли увеличиться вслѣдствіе разработки пустовавшихъ земель; черезполосное владѣніе нѣкоторыхъ селеній могло быть исправлено межеваніемъ, а промышленныя поселенія—обратиться въ земледѣльческія. Большая часть управляющихъ конторами высказалась, однако, противъ измѣненія существовавшаго положенія, и поднятое дѣло окончилось учрежденіемъ общественной запашки лишь при нѣсколькихъ селеніяхъ разныхъ губерній.

Но въ концѣ 50-хъ годовъ отношеніе Департамента Удѣловъ къ вопросу объ общественныхъ запашкахъ рѣзко измѣнилось. Между тѣмъ какъ прежде Департаментъ стремился ввести общественную запашку во всѣхъ удѣльныхъ селеніяхъ, теперь онъ самъ возбуждалъ вопросъ о постепенной ея отмѣнѣ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Удѣловъ за 1858 г. по

этому предмету высказано, между прочимъ, слѣдующее: „имѣя въ виду неудобства, происходящія въ нѣкоторыхъ случаяхъ при исполненіи общественной запашки, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по грунту земли отъ крестьянъ требуется большое количество удобренія или гдѣ они занимаются преимущественно промыслами, удѣльное начальство дѣлаетъ соображенія о постепенной замѣнѣ этой натуральной повинности инымъ порядкомъ ея исполненія; вопросъ этотъ получаетъ еще болѣе важное значеніе въ настоящее время, когда правительство озабочивается устройствомъ быта крестьянъ“.

Такимъ образомъ, въ концѣ 50-хъ годовъ удѣльное вѣдомство стало признавать общественныя запашки неудобными, какъ по причинѣ тяжести этой натуральной повинности—въ особенности для неплодородныхъ мѣстностей, такъ и потому, что повинность эта находилась какъ бы въ противорѣчіи съ выраженными уже въ то время самимъ правительствомъ заботами объ устройствѣ быта крестьянъ. И дѣйствительно, когда правительство занялось составленіемъ проекта освобожденія отъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ, когда въ 1858 г. былъ учрежденъ комитетъ для разработки вопроса о преобразованіи быта удѣльныхъ, государственныхъ, дворцовыхъ и заводскихъ крестьянъ и когда уже фактически были приняты нѣкоторыя мѣры къ предоставленію удѣльнымъ крестьянамъ личныхъ и имущественныхъ правъ, одинаковыхъ съ правами прочихъ свободныхъ сельскихъ сословій (указы 20 іюня 1858 г. и 26 августа 1859 г.),—принудительныя работы крестьянъ для составленія продовольственныхъ запасовъ какъ въ глазахъ администраціи, такъ и въ сознаніи самихъ крестьянъ не могли не представляться отживавшими уже свой вѣкъ. Такое отношеніе къ общественнымъ запашкамъ выражалось со стороны крестьянъ возникавшими кое-гдѣ волненіями, отказами отъ работъ и учащавшимися случаями ходатайствъ объ отмѣнѣ этого учрежденія, а со стороны удѣльной администраціи—готовностью удовлетворять подобныя ходатайства. Когда въ 1858 г. возбудили вопросъ объ отмѣнѣ общественной запашки дворцовые крестьяне двухъ волостей московской губерніи, то управляющій Московской Конторой Масловъ высказался за отмѣну общественной запашки во всемъ московскомъ имѣніи, и послѣ того, какъ Департаментъ Удѣловъ въ принципѣ согласился съ этимъ предложеніемъ, въ теченіе 1860 г., по мірскимъ приговорамъ, общественныя запашки были замѣнены денежными

сборами, въ размѣрѣ 1 р. сер. съ души, почти во всемъ московскомъ имѣніи. Въ томъ же 1858 г. среди заволжскихъ приказовъ нижегородской губерніи обнаружилось стремленіе къ переходу со всею землею въ казенное вѣдомство (крестьяне считали, что право на это они получили въ Высочайшемъ указѣ о свободномъ переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ другія сословія), и управляющій нижегородскимъ имѣніемъ объяснялъ это стремленіе, главнымъ образомъ, тяжестью для населенія—имѣвшаго тощую почву земли, разбросаннаго мелкими поселками и мало занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ — натуральной повинности по общественной запашкѣ.

Общественной запашкой стали тяготиться не только крестьяне малоземельныхъ промышленныхъ губерній, но и населеніе черноземныхъ многоземельныхъ районовъ, гдѣ повинность эта составляла, по переводѣ на деньги, отъ 3 до 5 р. на работника (въ самарской губерніи). Управлявшій самарскимъ имѣніемъ Рихтеръ въ 1860 г. доносилъ по этому поводу, что въ народѣ распространились слухи о предстоявшемъ будто бы въ февралѣ того же года прекращеніи обязательныхъ отношеній помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, съ уничтоженіемъ всѣхъ барщинныхъ и принудительныхъ работъ, и что многіе удѣльные крестьяне твердо увѣрены, что послѣдствіемъ этого явится отмѣна принудительной работы и на общественной запашкѣ. Для предупрежденія опасности силою удерживать удѣльныхъ крестьянъ въ повиновеніи, по мнѣнію названнаго управляющаго, было бы умѣстно „открыть естественный исходъ сдерживаемому съ давнихъ поръ неудовольствію народа противъ запашекъ“ дозволеніемъ мірскимъ обществамъ ходатайствовать о замѣнѣ натуральной повинности по продовольственному дѣлу денежнымъ съ крестьянъ сборомъ.

Вопросъ объ удовлетвореніи подобныхъ ходатайствъ крестьянъ осложнялся тѣмъ обстоятельствомъ, что доходъ отъ общественныхъ запашекъ служилъ не только для обезпеченія продовольствія населенія въ неурожайные годы и для составленія капитала, получавшаго полезное для крестьянъ назначеніе, но и для пополненія содержанія чиновъ удѣльнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, денежный сборъ взамѣнъ натуральной повинности по запашкѣ, при предстоявшей отмѣнѣ послѣдней, предполагалось назначать въ размѣрѣ, приблизительно соотвѣтствовавшемъ доходу отъ запашки.

Одними изъ первыхъ были освобождены отъ обязательныхъ работъ на общественной запашкѣ крестьяне красносельскаго имѣнія. Разсматривая представленіе по этому предмету мѣстнаго удѣльнаго начальства, Департаментъ Удѣловъ разсчиталъ, что доходъ отъ общественной запашки по красносельскому и ропшинскому имѣніямъ составлялъ 46 к., а считая вмѣстѣ съ клеверомъ 64 к. на душу 9 ревизіи, изъ коихъ 9 к. приходились на долю излишка урожая сверхъ положенной нормы и изъ нихъ 5,4 к. шли на вознагражденіе по надзору за запашками. Средній же по десятилѣтней сложности годовой доходъ съ общественной запашки въ тверскомъ имѣніи опредѣлялся въ 1 р. 50 к., а въ новгородскомъ въ 1 р. 20 к. съ души. Средняя выручка за излишки урожая по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ равнялась 37½ к. на душу въ годъ. Руководствуясь этимъ расчетомъ, Департаментъ Удѣловъ въ 1859 г. разрѣшилъ освободить удѣльныхъ крестьянъ красносельскаго имѣнія отъ натуральной повинности по общественной запашкѣ, если они согласятся взамѣнъ того вносить ежегодно по 1 р. 30 к. сер. съ души (10-й ревизіи), съ тѣмъ чтобы изъ этого платежа 65 к. поступали въ продовольственный и хлѣбный капиталъ, 35 к.—на вознагражденіе чиновъ удѣльнаго управленія и 30 к.—на составленіе вспомогательнаго капитала по красносельскому и ропшинскому имѣніямъ для улучшенія этихъ имѣній и для удовлетворенія разныхъ общественныхъ и частныхъ нуждъ крестьянъ. Крестьяне согласились на такую замѣну и даже постановили платить лишнія 10 к. съ души для усиленія средствъ вспомогательнаго капитала.

Вслѣдъ за красносельскимъ имѣніемъ общественная запашка была отмѣнена, какъ упомянуто выше, для большей части селеній московскаго имѣнія, съ замѣною натуральной повинности крестьянъ ежегоднымъ взносомъ въ размѣрѣ 1 р. сер. съ души; 65 к. этой суммы поступали въ хлѣбный капиталъ, а 35 к. шли на выдачу вознагражденій служащимъ. Въ теченіе 1859—60 гг. на денежный сборъ переведены были, согласно ихъ ходатайству, селенія княгининскаго приказа нижегородскаго имѣнія, съ обложеніемъ ихъ платежемъ въ размѣрѣ 1 р. сер. съ каждой души послѣдней ревизіи, и 4 заволожскихъ приказа того же имѣнія, съ обложеніемъ ежегоднымъ взносомъ въ размѣрѣ 80 к. съ души. При этомъ 35 к. съ души въ первомъ случаѣ и 25 к. во второмъ отчислялось на вознагражденіе служащихъ. Въ этотъ же періодъ времени общественная запашка была замѣнена денежнымъ сбо-

ромъ (въ размѣрѣ отъ 62 к. до 1 р. сер. съ души) въ 17 селеніяхъ новгородскаго имѣнія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ состоявшая подъ общественной запашкой земля оставлялась у крестьянъ за уплату поземельнаго сбора.

Такимъ образомъ, съ приближеніемъ времени освободительной крестьянской реформы, все болѣе и болѣе подрывались и основанія принудительной работы удѣльныхъ крестьянъ на поляхъ общественной запашки, а послѣ объявленія Высочайшаго манифеста объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, 5 марта 1861 г. послѣдовала и общая отмѣна въ удѣльныхъ имѣніяхъ обязательныхъ работъ по общественной запашкѣ, съ установленіемъ мѣръ по обезпеченію продовольствія крестьянъ на общемъ для сельскихъ свободныхъ сословій основаніи. Эти послѣднія мѣры заключались въ составленіи запасныхъ магазиновъ путемъ сбора хлѣба натурой, и та же система съ 1862 г. вводилась и въ удѣльныхъ имѣніяхъ; но при этомъ ни уничтоженіе общественныхъ запашекъ, ни отмѣна денежнаго продовольственнаго сбора не были сдѣланы для крестьянъ обязательными. Циркуляромъ 8 іюня 1861 г. мірскимъ обществамъ предоставлялось сохранить общественную запашку или денежный продовольственный сборъ на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ они существовали раньше, а также ввести взамѣнъ запашки или вмѣсто взноса хлѣба натурой денежный сборъ, на основаніи расчета, по которому онъ уже производился въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ. При сохраненіи денежнаго сбора, крестьянамъ предоставлялось оставить земли изъ подъ общественной запашки въ своемъ пользованіи изъ платежа поземельнаго сбора; при введеніи же натуральнаго сбора хлѣбомъ, эти земли, какъ не входившія въ составъ крестьянскихъ надѣловъ, поступали въ число удѣльныхъ оброчныхъ статей. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ естественными съемщиками ихъ явились тѣ же крестьяне: по разбросанности ихъ среди крестьянскихъ надѣльныхъ земель, для сдачи въ аренду постороннимъ лицамъ онѣ оказывались совершенно непригодными, да такой сдачи этихъ земель въ постороннія руки не желала и удѣльная администрація, зная, къ какимъ столкновеніямъ посторонныхъ арендаторовъ съ крестьянами могла бы повести подобная мѣра. Наемныя цѣны на эти земли, при сдачѣ ихъ крестьянскимъ обществамъ, положено было назначать примѣнительно къ цѣнамъ на лучшія пахотныя угодья въ сосѣднихъ владѣльческихъ имѣніяхъ, а за отсутствіемъ таковыхъ—въ размѣрѣ 2—3 р. за

десятину, съ постепеннымъ повышеніемъ платы черезъ извѣстный срокъ.

При пріемѣ въ Удѣлы дворцовыхъ имѣній, въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ этихъ имѣній находилось 81 тыс. чтв. зерна, а въ теченіе 1799 и 1800 гг. собрано было до 195 тыс. чтв. Въ годъ учрежденія общественной запашки (1827 г.) хлѣбная наличность составляла около 894 тыс. чтв., при 570 тыс. ревизскихъ душъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ слѣдующемъ году запасъ хлѣба увеличился до 1.012.000 чтв.; въ теченіе малоурожайныхъ тридцатыхъ годовъ наличность запасныхъ магазиновъ колебалась между 868 тыс. чтв. и 1.256.000 чтв.; въ 1838 г. она поднялась до 1.405.000 чтв., черезъ 2 года была выше полутора милліоновъ четвертей, а въ теченіе 1843—47 гг. держалась выше 1,7 мил. чтв. Въ слѣдующіе 4 неурожайные года запасы хлѣба въ магазинахъ колебались между 1.372.000 чтв. и 1.593.000 чтв., а въ 1852 г. опять поднялись выше 1,7 мил. чтв. и держались на этомъ уровнѣ 3 года. Съ 1855 г. хлѣбная наличность уменьшилась и за все послѣдующее время только въ 1858 г. превосходила 1,7 мил. чтв. Къ 1 Января 1864 г. въ хлѣбныхъ магазинахъ находилось 1.378,009 четв. хлѣба.

Несмотря на эти колебанія хлѣбныхъ запасовъ,—за послѣднія 35 лѣтъ, предшествовавшія крестьянской реформѣ, хлѣбная наличность въ общемъ счетѣ по всѣмъ имѣніямъ обыкновенно превышала законную норму 1,5 чтв. на ревизскую душу мужского пола, подымаясь временами до 2 чтв. на душу. Объ исправномъ состояніи удѣльныхъ запасовъ, сравнительно съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ другихъ вѣдомствахъ, можно судить уже по тому факту, что, при обмѣнѣ въ 1836 г. нѣкоторыхъ удѣльныхъ имѣній на казенныя, въ казенное вѣдомство перешли 211 тыс. душъ удѣльныхъ крестьянъ и съ ними 293 тыс. чтв. запаснаго хлѣба, между тѣмъ какъ вмѣстѣ съ 193 тыс. казенныхъ крестьянъ (симбирской губ.). принятыхъ въ Удѣлы, запаснаго хлѣба поступило всего 45 тыс. чтв.

Хранившееся въ запасныхъ магазинахъ зерно расходовалось на выдачу крестьянамъ заимообразно въ неурожайные годы. Тогда же производилась и продажа хлѣба удѣльнымъ крестьянамъ по цѣнамъ значительно болѣе низкимъ, сравнительно съ рыночными. Выдача хлѣба изъ магазиновъ преслѣдовала цѣль обезпеченія продовольствія населенія и обсѣмененія полей, и такъ какъ съ теченіемъ времени въ запасныхъ магазинахъ накоплялось больше и больше улучшенныхъ хлѣбовъ, то указаннымъ спосо-

бомъ обсѣмененія крестьянскихъ полей обезпечивалось не только сохраненіе послѣ неурожайныхъ лѣтъ прежней площади посѣва, но и распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ лучшихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній.

За послѣднія 25 лѣтъ передъ крестьянской реформой долги удѣльныхъ крестьянъ въ хлѣбные магазины колебались между 278 тыс. чтв. (въ 1837 г.) и 800 тыс. чтв. (въ 1850 г.). Къ 1 Января 1864 г. на крестьянахъ числилось 502 т. четв. такого долга. На душу обоего пола долги составляли отъ $0_{,20}$ до $0_{,46}$ чтв.; наибольшіе продовольственные долги лежали на крестьянахъ въ теченіе 1840—1843 гг. (отъ $0_{,32}$ до $0_{,45}$ чтв. на душу) и въ теченіе 1848—1852 гг. ($0_{,31}$—$0_{,45}$ чтв. на душу).

Хотя общественная запашка учреждена была главнымъ образомъ съ цѣлью лучшей организаціи продовольственныхъ запасовъ на случай неурожаевъ, но удѣльное управленіе вскорѣ начало на нее смотрѣть и какъ на средство для проведенія въ народную среду болѣе совершенныхъ пріемовъ земледѣлія, лучшихъ сѣмянъ хлѣбовъ и т. д., и въ этомъ отношеніи общественная запашка играла разнообразную роль. Она служила какъ бы опытнымъ полемъ для испытанія новыхъ техническихъ пріемовъ, новыхъ сѣмянъ растеній и т. п.; она была для крестьянъ источникомъ сѣмянъ новыхъ или лучшихъ видовъ растеній и могла, наконецъ, служить примѣромъ лучшей обработки земли.

Такъ, во второй половинѣ 40-хъ годовъ на поляхъ общественной запашки производились опыты посѣва кормовыхъ травъ, американскихъ видовъ растеній, обработки земли плугами (см. гл. V). Въ 1856 г. для убѣжденія крестьянъ въ пользѣ раннихъ посѣвовъ озими Департаментъ Удѣловъ предложилъ производить на общественной запашкѣ въ небольшихъ размѣрахъ опыты посѣва озимаго хлѣба въ разное время въ промежуткѣ между 20 іюля и 10 августа мѣсяца и т. д. О роли общественной запашки въ отношеніи снабженія крестьянъ сѣменами лучшихъ сортовъ растеній можно судить по тому, что общественные хлѣбные запасы служили не только для продовольствія крестьянъ въ годы недородовъ, но и источникомъ сѣмянъ для засѣва крестьянскихъ полей; а такъ какъ на общественной запашкѣ были введены улучшенные сорта растеній и въ половинѣ, напр., 50-хъ годовъ сѣмена ржи — вазы вполнѣ замѣнили здѣсь обыкновенную рожь, то вмѣстѣ съ этимъ лучшіе сорта растеній стали распространяться и въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ на общественной запашкѣ нарочно высѣвались хлѣба, распространенные въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—съ цѣлью снабженія крестьянъ доброкачественными сѣменами. Такъ, въ 1846 г. на общественныхъ запашкахъ нагульскаго, красносельскаго и всегодичскаго приказовъ, жители коихъ сѣяли большое количество пшеницы, и на запашкахъ торчинскаго приказа владимірской губ., гдѣ были распространены посѣвы ячменя,—было отведено по одной десятинѣ подъ названныя растенія спеціально для снабженія крестьянъ сѣменами.

Что касается вліянія пріемовъ воздѣлыванія общественной запашки на крестьянское хозяйство, то здѣсь можетъ идти рѣчь только о надлежащей обработкѣ земли подъ посѣвъ, о достаточномъ удобреніи полей и о выборѣ для посѣва доброкачественныхъ сѣмянъ. Относительно послѣдняго обстоятельства была рѣчь выше. Поля же общественной запашки вспахивались тѣми же орудіями, что и крестьянскія, такъ какъ опытъ введенія обработки земли американскими плугами далъ отрицательные результаты. Поэтому, благотворное вліяніе примѣра общественныхъ запашекъ въ отношеніи подготовки къ посѣву почвы могло быть только со стороны тщательности и своевременности ея обработки сохою, и на этотъ предметъ и преимущественно на введеніе осенней вспашки яровыхъ полей было обращено особенное вниманіе Департамента Удѣловъ. Впрочемъ, опредѣленныя указанія о вліяніи въ этомъ отношеніи примѣра общественной запашки на крестьянъ имѣются лишь относительно нѣкоторыхъ приволжскихъ имѣній. Такъ, въ отчетахъ управляющаго симбирскимъ имѣніемъ говорится, что осенью 1844 г. крестьянами было вспахано 58 тыс. дес. изъ 87 тыс., предназначенныхъ для яровыхъ хлѣбовъ; въ 1850 г. вспахано съ осени подъ яровыя поля 36,5 тыс. дес., въ 1853 г. 27,5 тыс. дес., въ 1856 г. 20 тыс. дес., въ 1858 г. около 30 тыс. дес. и т. д. Въ годовомъ отчетѣ управляющаго Самарскою Конторою имѣется ссылка на то, что въ сухой 1849 г. посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ на вспаханной съ осени землѣ далъ сравнительно лучшій урожай и что крестьяне, побуждаемые доводами управляющаго, по мѣрѣ своихъ средствъ примѣнили эту мѣру не только на собственныхъ, но и на арендованныхъ поляхъ.

Въ отношеніи пріемовъ обработки земли общественная запашка могла служить полезнымъ примѣромъ для всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, такъ какъ не своевременная и не совершенно

тщательная вспашка полей составляла общій недостатокъ крестьянскаго хозяйства. Что же касается удобренія полей, то въ нечерноземной полосѣ и безъ того оно примѣнялось въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было вообще возможно по состоянію крестьянскаго скотоводства; а потому благотворное вліяніе въ этомъ отношеніи примѣра общественной запашки могло заключаться развѣ только въ указаніи крестьянамъ новыхъ удобрительныхъ средствъ. Попытки такого указанія и дѣлались въ нѣкоторыхъ удѣльныхъ имѣніяхъ. Такъ, за недостаткомъ у крестьянъ навоза, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ владимірскаго имѣнія съ песчаною почвою съ 40-хъ годовъ общественная запашка, по распоряженію управляющаго, удобрялась болотнымъ черноземомъ и прудовымъ иломъ, который переслаивался навозомъ и оставлялся въ этомъ видѣ, въ кучахъ, на зиму (въ 1857 г. этотъ способъ удобренія, по распоряженію Департамента Удѣловъ, былъ отмѣненъ). Въ архангельскомъ имѣніи общественная запашка удобрялась, между прочимъ, мохомъ, кочками и т. п. Управляющій московскимъ имѣніемъ въ 1850 г. сдѣлалъ опытъ удобренія болотнымъ черноземомъ даже участковъ крестьянской земли. Эти примѣры, повидимому, не вызвали подражанія со стороны крестьянъ. Удобреніе крестьянскихъ полей въ черноземной полосѣ было не въ обычаѣ; но нѣкоторые управляющіе поставили себѣ задачею побудить крестьянъ перейти къ навозному удобренію ихъ земель. Особенно настоятельно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи управляющій симбирскимъ имѣніемъ Глинка. Первоначально, въ теченіе 12 лѣтъ, онъ пытался достигнуть своей цѣли путемъ убѣжденія крестьянъ, но, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, онъ приступилъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Склонивъ ближайшіе приказы начать удобрять ихъ поля, Глинка въ 1848 г. сдѣлалъ общее о томъ распоряженіе и въ теченіе одного года, согласно его донесеніямъ, было унавожено 37,5 тыс. дес. земли, предназначенной подъ озимый посѣвъ. На слѣдующее лѣто крестьяне удобрили уже 43 тыс. дес., въ 1852 г., было унавожено 38.120 дес. земли и т. д.

Распространеніе удобренія крестьянскихъ полей, по примѣру общественной запашки, судя по донесеніямъ управляющаго, успѣшно шло въ пермской губерніи. Въ нижегородской же губерніи крестьяне нѣкоторыхъ мордовскихъ селеній, имѣвшіе вредный обычай вывозить навозъ на поля зимой, въ 50-хъ годахъ оставили его.

За все время существованія общественной запашки, т. е.

съ 1829 по 1861 г., съ нея было собрано хлѣба (за вычетомъ сѣмянъ для посѣва) около 10.300.000 четвертей. Нѣкоторая часть этого сбора назначалась для пополненія запасныхъ магазиновъ, по мѣрѣ ихъ истощенія во время неурожаевъ; большая же часть его продавалась, а вырученная сумма, за вычетомъ доли, назначенной на вознагражденія по надзору за запашкой и 10-ти-процентнаго сбора въ пользу Удѣловъ, поступала въ крестьянскій хлѣбный капиталъ и расходовалась на уплату части земскихъ повинностей за крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ, и на разныя полезныя для крестьянъ учрежденія.

Общая сумма, вырученная отъ продажи общественнаго хлѣба, опредѣляется въ 13,5—14,5 мил. р. сер. Изъ этой суммы обращено около 1.350.000 р. въ доходъ Удѣловъ, слишкомъ 6 мил. р. с.— на вознагражденіе по надзору за запашкой и около 5 мил. р. с.— въ уплату повинностей за крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ [2]). Остальная часть этого дохода, съ процентами на него, расходовалась на различныя полезныя для крестьянъ начинанія. Главнѣйшими изъ единовременныхъ затратъ въ этомъ смыслѣ были: около 660 тыс. р. с. на Земледѣльческое Училище, около 75 тыс. р. на улучшеніе крестьянскаго скотоводства, 72 тыс. р. на улучшеніе матеріальнаго положенія чувашъ симбирской губ., около 200 тыс. р. с. на устройство образцовыхъ усадебъ и на хозяйственное обзаведеніе для перваго выпуска учениковъ Земледѣльческаго Училища, около 100 тыс. р. с. на общественные кирпичные заводы, 100 тыс. р. на образованіе капитала для выдачи пособій крестьянамъ. Изъ этого же источника производимы были и текущіе расходы по содержанію Земледѣльческаго и ремесленныхъ училищъ, на ссуды хозяевамъ образцовыхъ усадебъ для обзаведенія, на врачебную часть для удѣльныхъ крестьянъ, на выдачу крестьянамъ наградъ за успѣхи въ хозяйствѣ, на устройство учебныхъ садовъ и огородовъ, на пріобрѣтеніе улучшенныхъ орудій и на всякіе другіе расходы, имѣвшіе цѣлью поднятіе крестьянскаго хозяйства или улучшеніе его быта.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ тратъ (ссуды образцовымъ хозяевамъ, на кирпичные заводы) подлежали возврату, большая же ихъ часть имѣла характеръ безвозвратныхъ расходовъ. Въ концѣ 1862 г. наличность хлѣбнаго капитала составляла 385 тыс. р. с.

Примѣчанія.

1) Въ 1836 г. Департаментъ Удѣловъ предписалъ директору Земледѣльческаго Училища войти въ соображеніе о назначеніи нормы урожая на общественной запашкѣ картофеля. Исполняя это порученіе, Байковъ руководствовался соображеніями о большихъ или меньшихъ затрудненіяхъ при обработкѣ земли, считая, что, по причинѣ незначительнаго распространенія въ удѣльныхъ имѣніяхъ тяжелыхъ глинистыхъ почвъ, урожай картофеля зависитъ, главнымъ образомъ, отъ подготовки земли и что, гдѣ обработка почвы труднѣе, „тамъ, по всей справедливости, слѣдуетъ предоставить большее вознагражденіе". Руководствуясь этимъ, всѣ удѣльныя имѣнія Байковъ раздѣлилъ на три группы: въ первую, гдѣ обработка земли представляла наибольшія трудности и для которой онъ предполагалъ назначить норму урожая самъ — 3, онъ отнесъ архангельское, вологодское, вятское, пермское, новгородское, псковское, смоленское, тверское, костромское, владимірское и московское имѣнія; во вторую группу, съ нормой урожая самъ—4, вошли: орловское, тамбовское, пензенское нижегородское, казанское, симбирское и оренбургское имѣнія, а въ третью группу, съ урожаемъ самъ — 5, саратовское и воронежское имѣнія. Это предположеніе было утверждено Департаментомъ Удѣловъ.

2) По даннымъ относительно ежегодныхъ продажъ хлѣба (при чемъ вырученная сумма для нѣкоторыхъ имѣній въ годы, за которые не было точныхъ объ этомъ свѣдѣній, опредѣлялась приблизительно), общая выручка за проданный общественный хлѣбъ исчисляется въ 14—14,8 мил. р. с.; по расчету 10 процентнаго сбора ее слѣдуетъ принять въ 13,5 мил. р. с. — Десятипроцентный сборъ въ пользу Удѣловъ съ дохода отъ общественной запашки, за время съ 1830 по 1860 г., составляетъ 1.244.513 р. с.; для 1861 г. мы принимаемъ, по примѣру предшествовавшаго года, нѣсколько болѣе 100 тыс. р. с.—Точная цифра отчисленій для вознагражденій по надзору за запашкой за время съ 1834 по 1857 г. составляетъ 4.701.593 р. с.; для послѣдующихъ четырехъ лѣтъ вознагражденіе исчислено нами по средней его нормѣ (365 тыс. р. с. въ годъ) за пятилѣтіе 1856—1860 гг.—За время съ 1836 по 1857 г. на уплату земскихъ повинностей за крестьянъ, состоявшихъ на поземельномъ сборѣ, израсходовано 4 мил. р. с.; для послѣдующаго пятилѣтія, сообразуясь съ цифрами предшествовавшихъ уплатъ, мы принимаемъ расходъ въ 200 тыс. р. с. въ годъ.

Глава IV.

Попеченіе о крестьянскомъ хозяйствѣ.

Мѣры для поднятія народной промышленности въ началѣ текущаго столѣтія.—Позднѣйшія заботы удѣльнаго управленія о поддержаніи крестьянскаго хозяйства и мѣры распорядительнаго характера для его улучшенія.

Первыя систематическія мѣры Департамента Удѣловъ относительно поднятія промышленности подвѣдомственнаго ему населенія относятся къ концу 1800 г., когда, черезъ три года послѣ образованія удѣльнаго вѣдомства, была въ главныхъ чертахъ закончена административная его организація и приведено въ нѣкоторую извѣстность хозяйственное положеніе удѣльныхъ крестьянъ. Ознакомившись съ состояніемъ сельскаго хозяйства и съ не земледѣльческими промыслами крестьянъ различныхъ губерній, Департаментъ Удѣловъ составилъ предположенія относительно мѣръ воздѣйствія на народную промышленность, сообразно хозяйственнымъ особенностямъ отдѣльныхъ районовъ. Извѣстную роль въ этихъ предположеніяхъ игралъ фактъ существованія въ завѣдываніи Удѣловъ Практической Школы Земледѣлія и полотняной фабрики.

Практическая Школа Земледѣлія основана въ 1797 г., а черезъ два года изъ вѣдомства Экспедиціи Государственнаго Хозяйства она была перечислена въ удѣльное вѣдомство. Главной цѣлью ея учрежденія было образованіе „наставниковъ, долженствующихъ современемъ ввести повсюду изученныя ими правила хлѣбопашества и сельскаго хозяйства". Полотняная фабрика основана была также въ 1797 г. въ Петербургѣ, при чемъ, между прочимъ, предполагалось, что она будетъ способствовать распространенію среди крестьянъ ткацкаго промысла. Существованіе въ удѣльномъ вѣдомствѣ двухъ такихъ учрежденій, повторяемъ, до извѣстной степени предопредѣлило содержаніе системы мѣропріятій, предположенныхъ въ то время Департаментомъ Удѣловъ для поднятія народной промышленности. Имѣлось въ виду устройство образцовыхъ хозяйствъ, улучшеніе крестьянскаго льнопря-

денія и тканья полотенъ или распространеніе ихъ тамъ, гдѣ они до сихъ поръ отсутствовали и введеніе выдѣлки суконъ для войска и другихъ надобностей. Устройство образцовыхъ хозяйствъ предположено было въ московской, орловской и смоленской губ.; мѣры для улучшенія выдѣлки льняной пряжи и полотна предполагалось примѣнить въ петербургской, новгородской, псковской, смоленской, тверской, владимірской и костромской губ.; заведенія для тканья суконъ имѣлось въ виду устроить въ мѣстностяхъ, отличавшихся развитіемъ овцеводства или смежныхъ съ овцеводными районами, а именно въ губерніяхъ: орловской, курской, воронежской, тамбовской, казанской, симбирской, саратовской, нижегородской, смоленской, слободско-украинской и малороссійской. При этомъ въ воронежской и саратовской губ. предполагалось открыть, съ теченіемъ времени, овчарные заводы изъ иностранныхъ породъ, и, послѣ улучшенія этимъ путемъ крестьянскаго скотоводства, приступить къ организаціи выдѣлки тонкихъ суконъ. Въ трубчевскомъ уѣздѣ, орловской губ., гдѣ была широко распространена культура конопли, было намѣреніе открыть парусинныя и полотняныя фабрики; въ астраханской и въ новороссійскихъ губ. проектировалось распространеніе шелководства.

Всѣ эти предположенія сдѣланы были при Министрѣ Удѣловъ князѣ Юсуповѣ, въ концѣ царствованія Императора Павла I; приступъ же къ ихъ исполненію совпалъ съ новымъ царствованіемъ, когда во главѣ удѣльнаго вѣдомства сталъ Д. Т. Трощинскій. Отчасти быть можетъ именно перемѣной характера царствованія (когда возникъ вопросъ объ упраздненіи самого Департамента Удѣловъ) и личности министра объясняется то, что всѣ эти проекты были оставлены, а немногое, начатое для ихъ осуществленія, скоро ликвидировано *).

Не лучшую судьбу имѣло и предположеніе относительно введенія среди крестьянъ раціональнаго хозяйства. Цѣли этой предполагалось достигнуть, во первыхъ, обученіемъ ежегодно извѣстнаго числа крестьянъ пріемамъ улучшеннаго хозяйства въ Школѣ Земледѣлія, откуда окончившіе курсъ должны были возвращаться въ свои селенія. Кромѣ того, согласно Высочайше утвержденному 20 февраля 1801 г. **) проекту главнаго директора Практи-

*) Исторія полотняной фабрики и мѣропріятій по выдѣлкѣ суконъ изложены въ первомъ томѣ сего труда, а исторія Практической Школы Земледѣлія — ниже, въ главѣ IX.

**) П. С. З. № 19760.

ческой Школы Земледѣлія, Бакунина, для убѣжденія крестьянъ въ преимуществахъ раціональнаго хозяйства, надлежало учредить въ разныхъ частяхъ удѣльнаго имѣнія образцовыя усадьбища, на 80 десятинахъ земли каждое. Землю каждаго усадьбища предполагалось дѣлить на двѣ части: на одной должно быть ведено обыкновенное хозяйство, а на другой—улучшенное, пятипольное съ травосѣяніемъ, при чемъ каждая часть должна быть раздѣлена опять пополамъ для обработки одной половины обыкновенными орудіями, а другой—усовершенствованными. Первое такое усадьбище было устроено при дер. Полянахъ, михайловскаго приказа, смоленской губ. и отдано въ завѣдываніе окончившаго курсъ въ земледѣльческой школѣ наставника Черепанова, которому положено было жалованье въ размѣрѣ 800 руб. асс. въ годъ, а всего на первоначальное обзаведеніе усадьбища и на его содержаніе ассигновано было около $5^1/_2$ тыс. р. ас. Для работъ на усадьбищѣ назначено 16 мужчинъ и 13 женщинъ. Первый хозяйственный годъ (1802) закончился неудачно. Для конныхъ работъ на усадьбищѣ не было собственныхъ лошадей, а Смоленская Экспедиція запретила Черепанову требовать крестьянскія, и потому, хотя лѣтомъ это запрещеніе, по предписанію Департамента Удѣловъ, было отмѣнено, но удобное время для посѣва озимаго хлѣба было пропущено, и обсѣмененіе могло быть произведено только на $18^1/_2$ десят. яровыхъ полей, гдѣ было высѣяно 20 чтв. овса, 7 чтк. льна, 6 фунт. гречи, 65 фунт. трилиственника и, кромѣ того, картофель, рѣпа и горохъ. Высѣянныя растенія дали, однако, плохой урожай. Кромѣ собственно земледѣльческихъ работъ, на усадьбищѣ въ этомъ году было вырыто 260 саж. канавъ для осушенія болотъ и сдѣланы черезъ оврагъ дорога и мостъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ усадьбинскіе рабочіе, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, оставленныхъ для караула и присмотра за скотомъ, были отпущены на зиму по домамъ. Въ слѣдующемъ, 1803 году, результаты посѣвовъ оказались не лучше. Эти неудачи, а также доходившія до Департамента жалобы отряжавшихся на работы крестьянъ на тягость этой новой натуральной повинности привели Министра Удѣловъ къ заключенію, что заведеніе это будетъ требовать только затратъ и ожидаемой пользы не принесетъ, „такъ какъ неудачное произведеніе въ усадьбищѣ работъ дѣлаетъ крестьянамъ большое отъ этого заведенія отвращеніе“.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Удѣловъ о неудачѣ опыта образцовой усадьбы упоминается и объ отсутствіи благо-

творныхъ результатовъ отъ возвращенія на родину прошедшихъ курсъ ученія въ земледѣльческой школѣ удѣльныхъ крестьянъ (въ 1802 г. возвратились изъ школы 16 человѣкъ), которые требовали отъ сельскаго начальства отведенія имъ крупныхъ участковъ земли, снабженія ихъ орудіями, деньгами, работниками и т. п. Съ другой стороны, крестьяне очень неохотно отдавали молодыхъ людей въ школу, назначали учениковъ тѣмъ же порядкомъ, что и рекрутъ, такъ же провожали и оплакивали ихъ и считали безвозвратно погибшими для ихъ семей. По всеподданнѣйшему о всемъ этомъ докладу Д. Т. Трощинскаго, послѣдовало 27-го октября 1803 г. Высочайшее повелѣніе о закрытіи какъ усадьбища, такъ и Школы Земледѣлія.

Послѣ этой неудачной попытки воздѣйствія на народную промышленность вообще, систематическія заботы Департамента Удѣловъ о поднятіи ея на нѣкоторое время прекратились, а когда въ тридцатыхъ годахъ на этотъ предметъ было опять обращено серьезное вниманіе, то главной заботой Департамента сдѣлалось улучшеніе крестьянскаго *сельско-хозяйственнаго* промысла, а путь, которымъ предполагалось достигнуть этого, заключался, во-первыхъ въ организаціи образцовыхъ хозяйствъ и въ образцовой обработкѣ продовольственной общественной запашки для нагляднаго убѣжденія крестьянъ въ преимуществахъ болѣе совершенной культуры и во-вторыхъ, въ систематическихъ мѣрахъ для улучшенія отдѣльныхъ отраслей крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Поднятіе сельско-хозяйственнаго промысла на технически высшую ступень не составляло, впрочемъ, единственнаго предмета заботъ Департамента Удѣловъ въ отношеніи порученныхъ его управленію крестьянъ. Другой рядъ его мѣръ относился къ обезпеченію правильнаго теченія хозяйственныхъ дѣлъ у этихъ крестьянъ въ рамкахъ обычной ихъ техники.

Стремленіе къ регламентаціи хозяйственной дѣятельности крестьянъ было слѣдствіемъ общераспространеннаго, въ прежнія времена, въ правительственныхъ сферахъ взгляда, что „степень образованія и свойство всѣхъ нашихъ крестьянъ еще таковы, что необходимо неослабное и близкое попеченіе обо всемъ, что имѣетъ вліяніе на судьбу земледѣльца. Часто крестьяне не понимаютъ собственной пользы и не въ состояніи оцѣнить мѣръ, клонящихся къ ихъ благосостоянію; посему-то и нужна рука попечительная, которая бы вела ихъ къ предназначенной цѣли

съ вѣрнымъ пониманіемъ мѣстныхъ способовъ и потребностей. Такая заботливость должна неослабно дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ внутренняго и внѣшняго быта крестьянина, не оставляя его на произволъ въ дѣлахъ всего сельскаго распорядка, въ которомъ нерѣдко желаетъ онъ простора для дурныхъ наклонностей"... Подобное же руководство признавалось нужнымъ во всемъ сельскомъ хозяйствѣ, „въ которомъ заботливыя наставленія открываютъ крестьянину новые источники обогащенія".

Соотвѣтственно изложенному взгляду (имѣвшему особое распространеніе во второй четверти XIX столѣтія), въ различные законодательные сборники по удѣльному вѣдомству вошло большее или меньшее число статей, которыми крестьянамъ предписывалось надлежащимъ образомъ вести свое хозяйсво, а на должностныхъ лицъ возлагалась обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне тщательно обработывали свои поля, примѣняли возможныя въ ихъ быту улучшенія и т. п.

Уже въ § 190 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи" приказнымъ сельскимъ и деревенскимъ выборнымъ предписывалось пріучать крестьянъ къ лучшему обработыванію земли, посѣву на ней растеній, приносившихъ большій доходъ, къ распространенію огородныхъ растеній, особенно картофеля, къ разведенію лучшихъ породъ скота. Для поощренія же крестьянъ къ трудолюбію предполагалось ежегодно осматривать ихъ хозяйства, составлять списки отличившимся и нерадивымъ, и первыхъ награждать дачею на одинъ или два года нѣкоторой части земли. Въ § 182 того же закона приказнымъ властямъ предписывалось учреждать опеку надъ лѣнивыми и нерадивыми къ хозяйству крестьянами. Съ учрежденіемъ общественныхъ запашекъ, ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ хозяйствомъ было возложено (съ 1837 г.) на смотрителей запашекъ, а въ 1843 г. управляющимъ конторами подтверждалось о составленіи списковъ отличившимся въ хозяйствѣ крестьянамъ и о награжденіи послѣднихъ; это положеніе вошло и въ Сводъ удѣльныхъ постановленій 1843 г.

Впрочемъ, что касается мѣръ поощренія крестьянъ къ усердному занятію земледѣліемъ, заключающихся въ наказаніяхъ за нерадѣніе и въ наградахъ за успѣшное веденіе хозяйства вообще, то онѣ примѣнялись, повидимому, довольно рѣдко и во всякомъ случаѣ далеко не повсемѣстно. Въ архивномъ матеріалѣ Главнаго Управленія Удѣловъ встрѣчается по этому предмету мало

указаній, и какъ примѣры подобныхъ общихъ распоряженій можно привести слѣдующее. При первоначальномъ введеніи поземельнаго сбора, въ 1830 г., когда крестьянская земля разбивалась на участки, распредѣлявшіеся между взрослыми крестьянами, управляющіе нѣкоторыми конторами (Оренбургской, Нижегородской) ставили при каждомъ участкѣ столбъ съ надписью нумера семейства, которому онъ принадлежалъ; „надпись сія“, объяснялось—„въ случаѣ худого удобренія или нерадиваго обрабатыванія участка, тотчасъ покажетъ владѣльца онаго, долженствующаго подвергнуться приличному наказанію или, напротивъ, за лучшее воздѣланіе—получить отъ начальства одобреніе“. Но уже въ слѣдующемъ году введена была другая система поземельнаго сбора, при которой распредѣленіе земли между домохозяевами оставлялось въ распоряженіи мірскихъ обществъ, и вышеуказанныя мѣры были отмѣнены. Управляющій воронежскимъ имѣніемъ, съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ въ началѣ 30-хъ гг., для поощренія крестьянъ къ исправному веденію хозяйства, велѣлъ составить списки домохозяевъ, извѣстныхъ своимъ стремленіемъ къ улучшенію земледѣлія, назвать этихъ крестьянъ отличными и сдѣлать описаніе ихъ хозяйствъ съ указаніемъ площади ежегодно удобряемой земли. Домохозяева этой категоріи получали нѣкоторыя преимущества передъ другими: на мірскихъ сходкахъ они первые подавали голоса, имѣли преимущественное право баллотироваться на должности старшинъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ обѣщаны были награды за разведеніе кровныхъ породъ лошадей (не менѣе 25), крупнаго рогатаго скота (50 штукъ) и овецъ (100 шт.), за удобреніе тощихъ земель, за осушку болотъ и топкихъ мѣстъ (площадью не менѣе $^2/_3$ состоявшаго въ пользованіи селенія участка), за посадку лѣса (не менѣе 5 десят. въ безлѣсныхъ и 10 дес. въ лѣсныхъ мѣстностяхъ) и за разведеніе фруктовыхъ садовъ. Управляющій Архангельской Удѣльной Конторой въ 1844 г. вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность смотрителямъ общественныхъ запашекъ знать тягловые участки каждаго крестьянина и побуждать ихъ къ старательной обработкѣ и своевременному обсѣмененію; головамъ же приказовъ онъ предписалъ при окончаніи посѣва лично осматривать поля.

Изъ частныхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства особенное вниманіе Департамента Удѣловъ обращалъ на себя вопросъ о полномъ обсѣмененіи крестьянскихъ полей, и распоряженія его по этому предмету были направлены къ предупрежденію недо-

сѣва, происходившаго отъ разныхъ случайныхъ причинъ и отъ хозяйственнаго нерадѣнія крестьянъ. Усмотрѣвъ изъ донесеній чиновниковъ, командированныхъ послѣ неурожайнаго 1833 г. въ разныя имѣнія, что часть озимыхъ крестьянскихъ полей осталась не засѣянной, Департаментъ Удѣловъ издалъ 8 марта 1834 г. распоряженіе о засѣвѣ всѣхъ такихъ полей яровыми хлѣбами и о наблюденіи за тѣмъ, чтобы въ будущемъ всѣ крестьянскія поля были своевременно обсѣменяемы. Утверждая это распоряженіе, Министръ Императорскаго Двора приказалъ сдѣлать къ нему добавленіе, что если кто-либо изъ управляющихъ не донесетъ въ свое время о не полномъ засѣвѣ полей, о неурожаѣ или недостаткѣ у крестьянъ хлѣба, тотъ будетъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Во время неурожая 1840 г. въ нижневолжскихъ губерніяхъ отбирались у неблагонадежныхъ крестьянъ сѣмена, для сохраненія ихъ до времени посѣва, а въ сенгилеевскомъ приказѣ такое предварительное отдѣленіе сѣмянъ, „по желанію общества", было примѣнено ко всѣмъ крестьянамъ. Въ слѣдующемъ, также малоурожайномъ, году Департаментъ Удѣловъ предложилъ примѣнить эту мѣру во всѣхъ имѣніяхъ и 25 іюля 1841 г. было подтверждено о непремѣнномъ обсѣмененіи въ этомъ году всѣхъ озимыхъ крестьянскихъ полей, а для обезпеченія засѣва яровыхъ полей предписано: 1) вмѣнить мірскому обществу каждаго селенія въ обязанность отобрать у неблагонадежныхъ крестьянъ часть ярового хлѣба, необходимую для обсѣмененія ихъ участковъ и сохранить ее до будущаго посѣва въ особыхъ амбарахъ или на особыхъ гумнахъ; 2) внушить прочимъ крестьянамъ, чтобы и они отдѣлили для посѣва часть своего ярового хлѣба и сохраняли его въ тѣхъ амбарахъ, или обязались круговой порукой не растратить сѣмянъ, необходимыхъ для весенняго посѣва. Изъ донесеній управляющихъ на это предписаніе видно, что въ 9 имѣніяхъ у неблагонадежныхъ крестьянъ было отобрано больше 22.000 четвертей сѣмянъ, а остальные крестьяне обязались круговой порукой сберечь сѣмена для посѣва, или пріобрѣсти своевременно таковыя; въ сызранскомъ имѣніи сѣмена (въ количествѣ 74.407 четв.) были отобраны отъ всѣхъ домохозяевъ, у кого они имѣлись.

Эти распоряженія Департамента относительно обсѣмененія всѣхъ крестьянскихъ полей, объ отвѣтственности управляющихъ за несвоевременное донесеніе о неурожаяхъ, объ отобраніи сѣ-

мянъ у неблагонадежныхъ хозяевъ и о круговой порукѣ остальныхъ крестьянъ въ томъ, что не растратятъ сѣмянъ, нужныхъ для посѣва, вошли въ Сводъ удѣльныхъ постановленій 1843 г. и обратились съ этого времени изъ временной мѣры въ общее правило.

Другой мѣрой, имѣвшей цѣлью своевременное обсѣмененіе крестьянскихъ полей, была выдача крестьянамъ сѣмянъ заимообразно изъ хлѣбныхъ магазиновъ. При этомъ, въ случаѣ ограниченнаго запаса зерна, Департаментъ иногда предписывалъ, чтобы сѣмена ржи выдавались въ пропорціи 1 четверти на посѣвную десятину, требуя при этомъ, чтобы управляющіе конторами настаивали на посѣвѣ крестьянами хлѣба именно въ указанной пропорціи, — какъ это практиковалось на общественной запашкѣ, — а не дозволяли крестьянамъ, взявшимъ хлѣбную ссуду, высѣвать на десятину, по ихъ обычаю, $1^1/_2$ четверти зерна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Департаментъ Удѣловъ предлагалъ управляющимъ указывать крестьянамъ на недостатокъ и дороговизну хлѣба въ неурожайные годы и стараться убѣждать всѣхъ вообще крестьянъ употреблять для посѣва не больше одной четверти зерна на десятину земли. При ограниченныхъ запасахъ хлѣба въ магазинахъ, въ видахъ обезпеченія полнаго обсѣмененія полей, Департаментъ Удѣловъ прибѣгалъ также иногда къ запрещенію крестьянамъ продавать хлѣбъ до окончанія озимыхъ посѣвовъ, а управляющіе имѣніями (напр., самарскимъ въ 1849 г.) приглашали зажиточныхъ домохозяевъ ссужать хлѣбъ своимъ односельцамъ по мірскимъ одобреніямъ.

Говоря о мѣрахъ удѣльнаго управленія, направленныхъ къ *улучшенію* крестьянскаго хозяйства, слѣдуетъ добавить, что онѣ были двоякаго рода. Сюда относятся во-первыхъ сообщенія крестьянамъ о пользѣ тѣхъ или другихъ нововведеній, которыя предписывалось прочитывать на мірскихъ сходкахъ,—простыя предписанія начальствующимъ лицамъ, имѣвшія скорѣе характеръ совѣтовъ нежели положительныхъ приказаній и потому исполнявшіяся всѣми ими далеко не въ одинаковой мѣрѣ; во-вторыхъ съ тою же цѣлью Департаментъ дѣлалъ и такія распоряженія, для осуществленія которыхъ принимались спеціальныя мѣропріятія положительнаго характера.

Къ числу циркуляровъ перваго рода принадлежатъ, напр., многія сообщенія Департамента Удѣловъ о способахъ лѣченія больного скота, о томъ что прежде нежели поить разгорячен-

ную лошадь—если нѣтъ времени хорошо ее выводить—слѣдуетъ обдать ее по ногамъ холодной водой, и многія другія. Въ 1841 г. велѣно было объявить крестьянамъ нечерноземныхъ губерній о пользѣ удобренія полей кочками, срѣзываемыми на неудобныхъ мѣстахъ — способѣ, предложенномъ удѣльнымъ же крестьяниномъ новгородскаго имѣнія. Вслѣдствіе неурожая 1840 г. Департаментъ Удѣловъ обратилъ вниманіе на приготовленіе хлѣба изъ овса и, послѣ сдѣланныхъ на этотъ счетъ въ Земледѣльческомъ Училищѣ опытовъ, крестьянамъ было объявлено о способѣ приготовленія такого хлѣба, съ удобствомъ будто-бы замѣняющаго ржаной хлѣбъ, при недостаткѣ послѣдняго [1]). Въ 1844 г. по случаю появленія въ одномъ имѣніи болѣзни (злая корча), приписанной употребленію въ пищу недозрѣлаго хлѣба, крестьянамъ всѣхъ имѣній было объявлено, чтобы они остерегались ѣсть недозрѣлый или смѣшанный со спорыньей хлѣбъ. Въ 1848 г. предписано объявить на мірскихъ сходкахъ, что при общемъ неурожаѣ хлѣбовъ въ саратовскомъ и симбирскомъ имѣніяхъ, вызванномъ засухой, участки образцовыхъ усадебъ, вспаханные плугами и хорошо удобренные соломистымъ компостомъ, смѣшаннымъ съ пескомъ или глиной,—дали весьма удовлетворительный сборъ хлѣбовъ.

Къ тому же способу объявленія крестьянамъ о пользѣ извѣстныхъ пріемовъ культуры и къ изданію соотвѣтствующихъ наставленій, прибѣгали, для воздѣйствія на крестьянское хозяйство, и управляющіе удѣльными конторами. Управляющій пермскимъ имѣніемъ составилъ въ 1832 г. письменное наставленіе о посѣвѣ конопли и выдѣлкѣ пеньки, которое было объясняемо крестьянамъ приказными властями; въ половинѣ 40-хъ гг. крестьянамъ архангельскаго имѣнія было объявляемо на мірскихъ сходкахъ о вновь открытомъ способѣ добыванія масла изъ еловыхъ и сосновыхъ шишекъ (опыты производились по распоряженію управляющаго архангельскимъ имѣніемъ), о приготовленіи картофельнаго хлѣба и т. п. Въ 1853 г. управляющій орловскимъ имѣніемъ циркуляромъ предписалъ объявить крестьянамъ „объ испытанномъ средствѣ“ предохраненія овощей отъ нападеній червя выращиваніемъ по грядамъ огородовъ конопли, при чемъ приказнымъ чинамъ вмѣнено было въ обязанность испытать это средство въ своихъ огородахъ.

Въ половинѣ 30-хъ гг. на хлѣбныхъ поляхъ появился червь, уничтожавшій озимые посѣвы. Въ 1836 — 1837 гг. онъ

поѣдалъ поля въ нѣкоторыхъ уѣздахъ: пензенской, тамбовской, казанской, нижегородской, курляндской, минской, гродненской и виленской губерній *). Червь этотъ, называвшійся въ народѣ „сѣрымъ костяникомъ“, признанъ былъ за гусеницу бабочки съ восклицательнымъ знакомъ на крыльяхъ— „восклицательной сумеречницы“ (Agrotis exclamationis). Въ 1838 г., когда этотъ червь началъ уничтожать озимые посѣвы въ вятскомъ удѣльномъ имѣніи, его присутствіе было обнаружено въ августѣ мѣсяцѣ, наибольшія поврежденія онъ произвелъ въ началѣ сентября, а въ половинѣ этого мѣсяца червь оцѣпенѣлъ отъ холодовъ. Изслѣдованіе этого червя произведено было удѣльнымъ врачемъ Машковцевымъ, предложившимъ, на основаніи опыта, для борьбы съ нимъ двѣ мѣры: окуриваніе посѣвныхъ сѣмянъ черемухой (соотвѣтствующіе опыты Машковцевъ производилъ въ ящикѣ съ землею) и втаптываніе въ закромы съ посѣвнымъ зерномъ золы. Оба эти средства, по словамъ Машковцева, съ успѣхомъ примѣнялись крестьянами одного селенія вятскаго имѣнія, слышавшими о нихъ отъ старыхъ людей. Послѣ донесенія объ этомъ управляющаго вятскимъ имѣніемъ, директоръ удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, Байковъ, составилъ наставленіе къ предохраненію хлѣба отъ червя, въ которомъ, кромѣ указанныхъ Машковцевымъ средствъ, рекомендовалось также смѣшиваніе посѣвныхъ сѣмянъ съ нефтью (средство, указанное въ журналѣ „Отечественныя Записки“), въ отношеніи 2 фунтовъ послѣдней на четверть сѣмянъ и выжиганіе травы на межникахъ, ночью, когда является много бабочекъ. Наставленіе было разослано при циркулярѣ отъ 22 февраля 1839 г. съ предписаніемъ прочесть его на мірскихъ сходкахъ и хранить по экземпляру въ каждомъ приказѣ. Въ сентябрѣ 1840 г. Департаментъ Удѣловъ циркуляромъ объявилъ о новомъ средствѣ борьбы съ червемъ,—заключающемся въ разсыпаніи по полю, при первомъ появленіи паразита, муравейника съ живыми муравьями. Указанія на разныя новыя средства борьбы съ червемъ, уничтожавшимъ озимые посѣвы, разсылались для объявленія ихъ крестьянамъ Департаментомъ Удѣловъ и въ болѣе позднее время (въ 1847, 1855, 1856 гг.) [2]). Согласно Своду удѣльныхъ постановленій 1843 г., примѣненіе изданныхъ по этому предмету наставленій было обязательно для крестьянъ, но въ дѣйствительности они далеко не всегда при-

*) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837 г., № 10, стр. 59.

мѣнялись на практикѣ и при появленіи, напр., въ 1846 г., червя въ шести удѣльныхъ имѣніяхъ (симбирскомъ, казанскомъ, костромскомъ, московскомъ, нижегородскомъ и владимірскомъ) распоряженіе приказовъ объ истребленіи его (посредствомъ посыпанія озимыхъ полей золой съ известью) сдѣлано было лишь послѣ спеціальнаго предписанія о томъ Департамента Удѣловъ. Это обстоятельство побудило Департаментъ напомнить управляющимъ конторами о необходимости строгаго соблюденія изданныхъ на этотъ счетъ правилъ, причемъ имъ были препровождены, для раздачи старшинамъ приказовъ и смотрителямъ общественныхъ запашекъ, около двухъ тысячъ экземпляровъ наставленія о мѣрахъ борьбы съ червемъ *).

Кромѣ червя, вниманіе Департамента Удѣловъ обращаетъ на себя и другой истребитель хлѣбовъ—кузнечикъ, нападавшій преимущественно на поля саратовскаго имѣнія. Въ 1847 г. для борьбы съ этимъ насѣкомымъ Департаментъ, согласно заключенію Байкова, предложилъ слѣдующія средства: 1) вспашку осенью плугомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ положены яйца кузнечиковъ, съ цѣлью вывернуть ихъ наружу и подвергнуть дѣйствію зимнихъ холодовъ; 2) набрасываніе на поля весною, при появленіи молодыхъ кузнечиковъ, пучковъ соломы и хвороста, которые предписывалось потомъ сжигать, предполагая, что кузнечики будутъ ночью отъ холода скрываться въ эти кучи и 3) заботиться о сохраненіи птицъ, пожирающихъ кузнечиковъ.

Въ 1840 г., когда были выработаны правила обработки и засѣва полей общественной запашки, Департаментъ Удѣловъ, препровождая эти правила управляющимъ конторами, предписывалъ имъ наблюдать, чтобы также производились и крестьянскіе посѣвы, а въ 1846 г. изданъ былъ новый циркуляръ по этому предмету, которымъ подтверждалось, чтобы предложенная предшествовавшимъ циркуляромъ осенняя вспашка подъ яровой посѣвъ примѣнялась не только на общественныхъ, но и на крестьянскихъ поляхъ съ черноземной и глинистой почвой. Въ 1835 г. было предписано циркуляромъ, чтобы крестьяне, покупая скотъ изъ прогоняемыхъ мимо селеній гуртовъ или въ мѣстностяхъ, относительно которыхъ достовѣрно неизвѣстно, что тамъ нѣтъ эпизоотіи—держали его въ теченіе 12 дней въ своихъ дворахъ, не пуская ни въ общее стадо, ни на общій водопой. Упра-

*) См. Св. уд. пост. 1843 г., приложеніе № 14.

вляющіе нижневолжскими имѣніями получали предписанія запрещать крестьянамъ заваливать навозомъ берега рѣкъ, и распорядиться, чтобы навозъ сохранялся на особо отведенныхъ для того мѣстахъ, подъ навѣсомъ. Въ 1848 г. управляющимъ удѣльными конторами было сообщено, что въ орловскомъ имѣніи образцовыя усадьбы построены скоро и хорошо изъ распиленныхъ пополамъ бревенъ, гладкою стороною наружу, а горбылями внутрь, съ глиняной обмазкою и глиносоломенной крышей и предписывалось заботиться о введеніи такихъ построекъ не только для образцовыхъ, но и для крестьянскихъ усадебъ и ежегодно доносить Департаменту Удѣловъ о ходѣ этого дѣла.

Въ предупрежденіе частыхъ пожаровъ при сушкѣ крестьянскаго хлѣба, въ 1846 г. крестьянамъ былъ объявленъ, предложенный директоромъ Земледѣльческаго Училища, способъ смазыванія овиновъ внутри глиною, съ устройствомъ глино-соломенныхъ крышъ, а управляющему костромскимъ имѣніемъ, гдѣ чаще всего бывали пожары овиновъ, было предписано произвести испытаніе этого способа, поручивъ обмазку овиновъ вновь прибывшимъ воспитанникамъ Земледѣльческаго Училища и принять мѣры къ введенію такого способа постройки въ крестьянскомъ хозяйствѣ, причемъ приведенъ былъ расчетъ, что для обмазыванія овина глиной потребуется затрата не болѣе двухъ рабочихъ дней на семейство, состоящее изъ 2-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ. Черезъ годъ всѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ было объявлено объ успѣхѣ опыта, произведеннаго въ костромскомъ имѣніи, и предложено смазывать глиной стѣны овиновъ и избъ, при чемъ пояснялось, что устроенныя такимъ образомъ избы оказываются теплыми, сухими и опрятными. Послѣ этого управляющій Владимірскою Конторою повторилъ опытъ въ подвѣдомственномъ ему имѣніи и распорядился, чтобы крестьяне примѣняли новый способъ при постройкѣ своихъ овиновъ, а управляющій костромскимъ имѣніемъ въ 1849 г. доносилъ, что всѣ крестьянскіе овины, за исключеніемъ ветхихъ, уже смазаны глиной. Въ то же время въ красносельскомъ имѣніи примѣненіе описываемаго способа предохраненія строеній отъ огня признано было мѣстнымъ начальствомъ неудобнымъ.

Изъ примѣра распоряженій относительно предохраненія овиновъ отъ огня видно, что одно и то же предписаніе, имѣвшее общій характеръ, въ однихъ имѣніяхъ приводилось въ исполненіе, въ другихъ оставалось только на бумагѣ. Причину этого явленія, помимо большаго или меньшаго усердія управляющихъ

конторами въ исполненіи распоряженій начальства, слѣдуетъ искать, конечно, въ томъ, что нѣкоторыя распоряженія Департамента издавались безъ надлежащей оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла и, при всей ихъ формальной обязательности для подвѣдомственныхъ Департаменту лицъ, въ сущности были совѣтами, пожеланіями, а не положительными приказаніями. И дѣйствительно, распоряженія, о которыхъ идетъ рѣчь, относились къ области хозяйственныхъ дѣлъ, отличавшихся значительнымъ разнообразіемъ,—въ зависимости не только отъ степени культурнаго развитія населенія отдѣльныхъ районовъ, но и отъ различныхъ мѣстныхъ условій. Эти хозяйственныя отношенія къ тому же были еще недостаточно изучены, и потому всѣ распоряженія, имѣвшія цѣлью регулированіе хозяйственныхъ дѣлъ, по необходимости носили характеръ предположеній, подлежавшихъ практической провѣркѣ. А это значитъ, что приведеніе этихъ распоряженій въ исполненіе должно было производиться осторожно, путемъ убѣжденія крестьянъ въ пользѣ преподаваемыхъ имъ наставленій—съ одной стороны и путемъ провѣрки раціональности даннаго мѣропріятія и его соотвѣтствія мѣстнымъ условіямъ—съ другой.

Въ первое время по образованіи Удѣловъ мѣстные агенты ихъ, для проведенія въ жизнь разныхъ мѣръ, полезныхъ крестьянскому хозяйству, не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, кромѣ подобныхъ совѣтовъ и наставленій, имѣвшихъ всегда характеръ книжный и потому, конечно, приносившихъ мало положительныхъ результатовъ. Позднѣе въ Удѣлахъ явились новыя учрежденія (общественныя запашки, образцовыя усадьбы), которыя стали играть роль опытныхъ полей и учебныхъ фермъ, гдѣ крестьяне могли наглядно знакомиться съ пріемами извѣстныхъ культуръ и съ послѣдствіями того или иного способа обработки земли. Но и послѣ этого устныя наставленія крестьянамъ не уменьшались, а получили даже большее значеніе, такъ какъ могли основываться на фактахъ, доступныхъ общему наблюденію.

Новый періодъ въ хозяйственной дѣятельности удѣльнаго вѣдомства начинается съ вступленія въ управленіе Удѣлами Л. А. Перовскаго. Этотъ энергическій администраторъ не ограничивается уже наставленіями и совѣтами о томъ, какъ крестьяне должны вести свое хозяйство, но предпринимаетъ, въ цѣляхъ улучшенія этого хозяйства, и мѣры по-

ложительныя, важнѣйшими изъ которыхъ являются: учрежденіе общественныхъ запашекъ, учрежденіе образцовыхъ усадебъ и цѣлый рядъ распоряженій, направленныхъ къ дѣйствительному улучшенію отдѣльныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства.

Учрежденіе общественныхъ запашекъ и ихъ агрикультурная роль описаны въ предшествующей главѣ; описаніе же прочихъ положительныхъ мѣропріятій этого періода, имѣвшихъ цѣлью улучшить крестьянское хозяйство, составитъ содержаніе двухъ слѣдующихъ главъ.

Примѣчанія.

1) Въ 1822 г. могилевскій аптекарь, Бранденбургъ, изобрѣлъ способъ приготовленія хлѣба изъ обыкновенной муки съ примѣсью исландскаго мха, причемъ изъ 60 фунтовъ ржаной муки и 27 фунтовъ освобожденнаго отъ горечи истолченнаго исландскаго мха получалось 160 фунтовъ хлѣба. Этотъ хлѣбъ признанъ былъ полезнымъ вспомогательнымъ продовольственнымъ средствомъ въ годы неурожая, и Высочайше повелѣно было объявить объ изобрѣтеніи Бранденбурга во всѣхъ губерніяхъ. Получивъ такое объявленіе, тамбовскій губернаторъ препроводилъ печатный его экземпляръ управляющему Тамбовской Удѣльной Конторой, который распорядился о прочтеніи его на мірскихъ сходкахъ удѣльныхъ крестьянъ.

2) Въ 1842 г. червь появился въ кирилловскомъ уѣздѣ новгородскаго имѣнія, и управляющій этимъ имѣніемъ испрашивалъ разрѣшеніе на пріобрѣтеніе нефти для борьбы съ червемъ; но такъ какъ, по мѣстнымъ цѣнамъ нефти (10—15 коп. за фунтъ), для примѣненія этого средства къ уничтоженію червя понадобилось бы затратить для кирилловскаго уѣзда 3000 р. въ годъ, то Департаментъ Удѣловъ, по заключенію Байкова, циркуляромъ 12-го ноября 1842 г. рекомендовалъ вмѣсто нефти употреблять деготь (въ той же пропорціи), засѣвая озимое поле смѣшанными съ нимъ сѣменами въ теченіе трехъ лѣтъ. Расходъ на деготь для общественной запашки Департаментъ предписалъ покрывать изъ хлѣбнаго капитала, а крестьянамъ предоставлялъ пріобрѣтать деготь на собственный счетъ. Послѣ появленія въ 1846 г. червя въ шести удѣльныхъ имѣніяхъ Департаментъ Удѣловъ, согласно заключенію Байкова, въ цѣляхъ истребленія червя голодомъ—предлагалъ засѣять весной пораженныя имъ озимыя поля яровой рожью, сѣмена которой предъ тѣмъ въ теченіе зимы слѣдовало хранить вмѣстѣ съ черемуховыми вѣтвями, а потомъ прокурить черемуховыми или рябиновыми дровами или травой богульника. Такъ какъ по справкѣ оказалось, что во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ находилось всего 4485 четв. яровой ржи (въ томъ числѣ 1877 четв. въ вятскомъ имѣніи), то управляющимъ было предписано, если нужно, пріобрѣтать сѣмена этого растенія на счетъ хлѣбнаго капитала. Озимыя поля были уничтожены червемъ и въ слѣдующемъ, 1847 г., причемъ особенно пострадали отъ него нижневолжскія имѣнія. Тогда директоръ Земледѣльческаго Училища объяснилъ, что избавиться отъ нападенія насѣкомаго на поля можно только введеніемъ плужной обработки земли. Соотвѣтственно этому, управляющимъ конторами въ декабрѣ 1847 г. было предписано представить въ Департаментъ соображенія о заведеніи для общественной запашки легкихъ американскихъ плуговъ, извѣстныхъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, и объявить крестьянамъ на мірскихъ сходкахъ о пользѣ плужной вспашки полей, а также о новомъ предохранительномъ средствѣ противъ червя, заключавшемся въ перемѣшиваніи зерна предъ посѣвомъ съ человѣческимъ пометомъ (лопата послѣдняго на четверть сѣмянъ), а потомъ съ золой. Въ томъ же, 1847 г., въ костромскомъ имѣніи появился червь, истреблявшій корни всякихъ растеній на лугахъ. Это обстоятельство вызвало предписаніе Департамента объявить крестьянамъ, что для истребленія червей надлежитъ боронить луга послѣ покоса, а весной, по утрамъ, когда бываетъ роса,

разсѣвать на нихъ золу, известь и алебастръ. Новыя наставленія о способахъ предохраненія озимаго хлѣба отъ червя препровождены были управляющимъ конторами въ 1855 и 1856 гг. Въ первомъ наставленіи предлагались слѣдующія мѣры: выгонъ на паровыя поля свиней, которыя пожираютъ червей; разведеніе на поляхъ ночныхъ огней для привлеченія и обжиганія бабочекъ, производящихъ червей; ранній посѣвъ озими и прокапываніе на озимыхъ поляхъ параллельно межамъ (гдѣ черви именно и зарождаются) неглубокихъ канавокъ.

Глава V.

Образцовыя усадьбы.

Учрежденіе образцовыхъ усадебъ.—Постепенное видоизмѣненіе этого учрежденія.—Образцовое село Царево-Никольское.

Въ 1833 г. около Петербурга было открыто удѣльное Земледѣльческое Училище (см. главу IX) на 250 мальчиковъ, задачею котораго было усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства. Первоначально предполагалось опредѣлять оканчивающихъ въ училищѣ курсъ смотрителями общественныхъ запашекъ и приказными писарями; впослѣдствіи же признано было болѣе цѣлесообразнымъ водворять ихъ близъ удѣльныхъ селеній въ качествѣ образцовыхъ земледѣльцевъ, усадьбы которыхъ могли бы служить примѣромъ раціональнаго веденія хозяйства, и тѣмъ привести крестьянъ къ убѣжденію, что „обширность угодій и естественное ихъ плодородіе не составляютъ исключительной необходимости въ сельскомъ хозяйствѣ; что при наукѣ, умѣніи и трудолюбіи пески и болота обращаются въ пашни и луга, а улучшенные способы земледѣлія обезпечиваютъ бытъ поселянина“.

Имѣя въ виду такую задачу учрежденія образцовыхъ усадебъ, Департаментъ Удѣловъ призналъ умѣстнымъ поселять воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища преимущественно въ мѣстностяхъ, не отличавшихся крупными надѣлами крестьянъ и плодородною почвою земли. Поэтому, считая нужнымъ заблаговременно принять мѣры къ водворенію перваго выпуска воспитанниковъ этого училища, оканчивавшихъ курсъ въ 1839 г., Департаментъ рекомендовалъ управляющимъ конторами избирать для поселенія усадебниковъ такіе участки, изъ которыхъ крестьяне не

извлекали никакой пользы, напр., песчаныя или болотистыя мѣста, наблюдая только, чтобы вблизи была хорошая вода для питья, чтобы избранную площадь не трудно было обратить въ культурную и чтобы участокъ находился въ удобномъ положеніи въ отношеніи сбыта сельскихъ продуктовъ. Доставлявшіяся управляющими подробныя топографическія и хозяйственныя описанія, съ планами и картами намѣченныхъ участковъ, разсматривались директоромъ Земледѣльческаго Училища, Байковымъ, и если эти участки признавались имъ неудобными къ поселенію или обработкѣ, то управляющіе должны были пріискивать новые.

Водворяемыхъ воспитанниковъ предполагалось селить не по одиночкѣ, а по 3—4 человѣка на одномъ сплошномъ участкѣ такъ, чтобы, имѣя отдѣльные дома, мастерскія и сараи, они пользовались общимъ гумномъ, овиномъ и молотильнымъ сараемъ, общимъ хлѣбнымъ магазиномъ, кузницей и банею и составляли всѣ вмѣстѣ какъ-бы одну усадьбу. Размѣръ участка для одного хозяина предполагался вообще не менѣе 15 дес.; но въ подгородныхъ промышленныхъ районахъ или въ густонаселенныхъ, плодородныхъ мѣстностяхъ, — если не требовалось предварительной подготовки участка,—допускалось уменьшеніе площади его до 6 и даже до 4 дес. Во всякомъ же случаѣ въ выбранномъ участкѣ должно было находиться не менѣе десятины такой земли, которую воспитанникъ, по прибытіи на мѣсто, могъ бы тотчасъ приготовить подъ посѣвъ.

По первоначальному проекту (вошедшему въ Сводъ уд. постановл. 1843 г.) въ каждомъ дворѣ (для одного хозяина) должны были быть выстроены: домъ для житья съ мастерской, молочной, мшанникомъ, чуланомъ и подваломъ для овощей; при немъ — амбаръ, кладовая, ледникъ, конюшня, коровня, овчарня, свинарня, птичникъ, сарай, навѣсъ и колодецъ. Исчисленный на это расходъ составлялъ около 9 тыс. р. асс. на каждый домъ и около 4½ тыс. на общія для всѣхъ хозяевъ усадьбы постройки, такъ что на всѣ 40 на первый разъ устраиваемыхъ усадебъ съ 145 домами требовалось около 1.554.000 р. асс., т. е. почти вся наличность крестьянскаго хлѣбнаго капитала. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ докладъ Министру Императорскаго Двора, который положилъ резолюцію, чтобы постройки стоили по возможности не дороже 2.500 р. на хозяйство; согласно этому были передѣланы планы построекъ и смѣты.

Первый выпускъ воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища

былъ водворенъ въ усадьбахъ въ теченіе 1839—40 г. При отправленіи изъ Петербурга каждый воспитанникъ получалъ: 1) благословенный образъ соименнаго святого, Евангеліе, учебныя книги и тетради; 2) сработанныя имъ въ училищѣ земледѣльческія орудія улучшеннаго образца (плугъ, борону, скоропашку, бороздильникъ, вѣялку, косу съ грабельками для кошенія хлѣба и пр.); 3) хлѣбныя, овощныя, огородныя, товарныя и травяныя сѣмена (60 видовъ и сортовъ); 4) столярные инструменты. По прибытіи на мѣсто, воспитанники должны были пріобрѣсти себѣ по двѣ лошади, или по парѣ воловъ, по двѣ коровы, по пяти овецъ, парѣ поросятъ, телѣгу, сани, упряжь, кузнечные инструменты, домашнюю посуду и другія вещи, подобныя тѣмъ, съ какими они познакомились въ образцовыхъ избахъ Земледѣльческаго Училища. На все это, равно какъ и на продовольствіе воспитанниковъ и прокормленіе ихъ скота до перваго урожая назначалось изъ хлѣбнаго капитала примѣрно около 200 р. асс. на каждаго, отпускавшихся по мѣрѣ надобности изъ сельскаго приказа старшему въ усадьбѣ хозяину.

Водворяемые въ образцовыхъ усадьбахъ воспитанники обязаны были вести хозяйство по тѣмъ правиламъ, какимъ они обучались въ Земледѣльческомъ Училищѣ и усердно распространять среди крестьянъ извѣстныя имъ хозяйственныя знанія. О своихъ занятіяхъ и работахъ они должны были вести дневникъ и каждые 3 мѣсяца представлять его, черезъ мѣстный приказъ и удѣльную контору, въ Департаментъ Удѣловъ *). Образцовыя усадьбы состояли въ вѣдѣніи мѣстныхъ сельскихъ приказовъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ управляющихъ конторами, обязанныхъ возможно чаще удостовѣряться лично въ состояніи усадебъ и ихъ хозяйства, сообразуясь при этомъ съ правилами, изданными въ видѣ 185 вопросныхъ пунктовъ **). Уже изъ этого послѣдняго обстоятельства видно, насколько Департаментъ Удѣловъ стремился къ регламентаціи водворяемыхъ образцовыхъ хозяевъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и другія его предписанія по этому предмету. Такъ, согласно первоначальнымъ правиламъ,

*) Впослѣдствіи было найдено, что усадебники въ сущности не вели дневника о своихъ занятіяхъ, а за одинъ разъ вписывали въ нихъ то, что находили нужнымъ, за весь отчетный періодъ, вслѣдствіе чего по книжкамъ нельзя было сдѣлать никакихъ заключеній объ усердіи усадебниковъ къ хозяйству; изъ нихъ „видна лишь одна грамотность, которая примѣтно ослабѣваетъ“. Вслѣдствіе этого въ 1857 г. выдача хозяевамъ образцовыхъ усадебъ памятныхъ книжекъ была отмѣнена.

**) Св. уд. постановл. 1843 г., ч. III, прилож. № 46.

отлучиться изъ усадьбы на два дня хозяинъ могъ только съ разрѣшенія приказнаго головы, съ донесеніемъ о причинѣ отлучки управляющему конторой; отпустить усадебника на недѣлю имѣлъ право лишь послѣдній, съ донесеніемъ о томъ Департаменту Удѣловъ; а получить отпускъ на срокъ долѣе недѣли образцовый хозяинъ могъ только съ разрѣшенія Товарища Министра. Одежду хозяевамъ образцовыхъ усадебъ предписывалось носить крестьянскую, сдѣланную ими самими въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время; покупка же одежды, обуви и т. п. на деньги разрѣшалась лишь въ томъ случаѣ, когда, за всѣми издержками по хозяйству, у усадебниковъ оставались свободныя средства. „Хозяевамъ образцовыхъ усадебъ имѣть пищу всегда вкусную и столь сытную, сколько позволяютъ собственныя ихъ средства; вина отнюдь не пить; для питья готовить хорошій квасъ, сбитень или чай, преимущественно изъ мелиссы, шалфея, ромашки и прочихъ травъ, разведенныхъ на усадьбахъ. Самоваръ и чашки заводить на собственныя деньги не прежде, какъ по надлежащемъ устройствѣ всего хозяйства и когда будутъ получать медъ отъ собственныхъ пчелъ“ *).

Съ той же цѣлью хозяйственнаго благоустройства было регламентировано и вступленіе усадебниковъ въ бракъ. Невѣсты для нихъ отыскивались управляющимъ конторою черезъ приказныхъ головъ и благонадежныхъ стариковъ, а о разрѣшеніи вступить въ бракъ представлялось Товарищу Министра Удѣловъ, при чемъ давались показанія о лѣтахъ и званіи невѣсты, о поведеніи ея семейства, объ усердіи ея къ хозяйству и знаніи крестьянскихъ женскихъ ремеслъ. На издержки по женитьбѣ, съ разрѣшенія Департамента, выдавалось денежное пособіе. Вступивъ въ бракъ, хозяинъ образцовой усадьбы обязанъ былъ во-первыхъ научить свою жену молитвамъ, символу вѣры и заповѣдямъ и во-вторыхъ пріучить ее къ занятіямъ хозяйственнымъ: печенію хлѣба, стряпнѣ, шитью бѣлья и одежды, хожденію за огородомъ, приготовленію молочныхъ скоповъ, овощей и солонины, опрятному содержанію коровъ и соблюденію въ чистотѣ избы, посуды и т. п. **)

Хозяева образцовыхъ усадебъ несли всѣ подати и повин-

---

*) Св. уд. пост. 1843 г., ч. III, статья 526.

**) Одною изъ задачъ учрежденнаго въ 1846 г. въ г. Алатырѣ хозяйственнаго училища для дочерей крестьянъ (см. стр. 406) было, между прочимъ, подготовленіе невѣстъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ.

ности наравнѣ съ прочими крестьянами, но — при хорошемъ поведеніи и усердномъ хозяйствованіи — лично освобождались отъ рекрутской повинности. Въ случаѣ предосудительнаго поведенія и нерадѣнія къ хозяйству, усадебникъ подвергался наказанію, которое въ первое время назначалось Департаментомъ Удѣловъ, а впослѣдствіи—управляющимъ конторой или его помощникомъ.

Таковы были правила относительно устройства образцовыхъ усадебъ, въ первое время по ихъ возникновеніи. Скоро, однако, эти правила подверглись измѣненіямъ.

Управляющимъ тѣми имѣніями, въ которыхъ предполагалось водворить первыхъ воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища, было предписано приготовить къ зимѣ 1838 г. по одному дому на усадьбу, для помѣщенія имѣвшихъ прибыть воспитанниковъ, которые затѣмъ уже сами должны были возвести остальныя строенія, до окончанія же всѣхъ построекъ воспитанникамъ предписано было помѣститься въ одномъ домѣ и вести общее хозяйство *). Едва, однако, было приступлено къ осуществленію предписанія относительно устройства образцовыхъ усадебъ, какъ взгляды Департамента Удѣловъ на этотъ предметъ потерпѣли существенное измѣненіе. Вмѣсто того, чтобы каждаго воспитанника Земледѣльческаго Училища водворять въ усадьбѣ, какъ самостоятельнаго хозяина, въ отдѣльномъ отъ другихъ домѣ — какъ это предполагалось первоначально — было рѣшено, быть можетъ ради экономіи въ расходахъ, строить для всѣхъ хозяевъ общее жилье и обязать ихъ вести одно общее хозяйство и хотя позднѣе,

---

*) Зданія, въ которыхъ должны были быть водворены хозяева образцовыхъ усадебъ, строились изъ лѣса, стоймя, штукатурились снаружи и внутри и покрывались глино-соломенной крышей. Такимъ образомъ они были безопасны отъ огня, и чтобы распространить этотъ типъ построекъ среди крестьянъ и ознакомить населеніе съ процессомъ стройки, управляющимъ конторами было рекомендовано соглашать крестьянъ ближайшихъ къ усадьбамъ селеній „безъ всякаго, впрочемъ, принужденія" приходить туда для работы, и наблюдать, чтобы одинъ и тотъ же крестьянинъ продѣлалъ всѣ операціи при постройкѣ. Въ тѣхъ же видахъ облегченія крестьянамъ устройства у себя зданій по плану образцовыхъ усадебъ, управляющимъ конторами предписывалось изыскивать всѣ способы къ удешевленію этихъ построекъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ при постройкахъ въ образцовыхъ усадьбахъ принимало такимъ образомъ участіе до 1.000 удѣльныхъ крестьянъ. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что примѣненіе способа стройки, избраннаго для зданія образцовыхъ усадебъ, не вездѣ приводило къ удовлетворительнымъ результатамъ: во многихъ случаяхъ глиняная обмазка на стѣнахъ вспучивалась, трескалась, отваливалась и ускоряла разрушеніе деревянныхъ стѣнъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ (напр. самарскомъ) усадьбы образцовыхъ хозяевъ, вмѣсто смазки ихъ глиной, стали обшиваться тесомъ.

именно съ 1841 г., воспитанникамъ опять позволялось размѣщаться по отдѣльнымъ домамъ, но осуществленіе этого было обусловлено представленіемъ уважительныхъ причинъ, и такое разселеніе допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ. Въ циркулярѣ, оповѣщавшемъ управляющихъ о допущенномъ Департаментомъ разселеніи хозяевъ образцовыхъ усадебъ, имъ ставилось на видъ, что, „согласно цѣли учрежденія образцовыхъ усадебъ, надлежитъ больше заботиться не о частной жизни и собственномъ имуществѣ каждаго воспитанника, а о хорошей обработкѣ общаго ихъ усадебнаго участка". Въ этихъ видахъ предписывалось внушать воспитанникамъ, что, и по размѣщеніи ихъ по разнымъ домамъ, пахотный участокъ долженъ быть обработываемъ общими ихъ силами. Размѣщеніе воспитанниковъ требовало построенія новыхъ зданій, а такъ какъ Департаментъ Удѣловъ стремился къ возможной экономіи въ расходахъ, то въ первое время разселеніе хозяевъ образцовыхъ усадебъ почти не осуществлялось, и хозяева каждой усадьбы продолжали составлять какъ бы одну семью. Такое положеніе дѣлъ не представляло, быть можетъ, существенныхъ неудобствъ, пока усадебники оставались холостыми, но когда многіе изъ нихъ вступили въ бракъ, то тѣсное соприкосновеніе нѣсколькихъ семей и общее хозяйство давало много поводовъ къ ссорамъ и столкновеніямъ, и естественнымъ образомъ возникла опять мысль о разселеніи усадебниковъ по отдѣльнымъ домамъ и образованіи для нихъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Другимъ обстоятельствомъ, повелшимъ къ преобразованію только что учрежденнаго института образцовыхъ хозяевъ, было распоряженіе Департамента Удѣловъ въ 1841 г. о введеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ посѣвовъ картофеля (см. слѣдующую главу). Для наученія крестьянъ многихъ мѣстностей этой новой для нихъ культурѣ, нужно было имѣть образцовыя картофельныя поля. Въ Германіи, по словамъ Байкова, этой цѣли служили пасторскіе участки; въ удѣльныхъ же имѣніяхъ директоръ Земледѣльческаго Училища считалъ удобнымъ воспользоваться для этого полями общественныхъ запашекъ, на которыхъ посадка картофеля производилась бы бывшими воспитанниками Земледѣльческаго Училища, обученными этому дѣлу. Поэтому возникъ вопросъ объ устройствѣ образцовыхъ усадебъ близъ самыхъ селъ и деревень; удовлетвореніе же этого послѣдняго требованія предполагало преобразованіе существовавшей организаціи образцовыхъ усадебъ. Практически этотъ вопросъ

разрѣшенъ былъ такимъ образомъ, что воспитанниковъ новыхъ выпусковъ Земледѣльческаго Училища начали водворять въ особо устраивавшихся для нихъ усадьбахъ при селеніяхъ; что же касается хозяевъ существовавшихъ уже усадебъ, то, не нарушая сразу дѣйствовавшей организаціи этого учрежденія, Департаментъ Удѣловъ предоставилъ наиболѣе благонадежнымъ изъ нихъ поселиться въ особыхъ домахъ на той же усадьбѣ или переселиться въ селенія, гдѣ жили ихъ родители съ тѣмъ, чтобы земля для устройства образцоваго хозяйства отводилась для нихъ мірскими обществами. Въ томъ и другомъ случаѣ для постройки домовъ усадебники могли получать безпроцентную ссуду въ размѣрѣ 200 р. с.

Водвореніе первыхъ хозяевъ, пожелавшихъ переселиться изъ общихъ усадебъ на родину, поручено было особо командированному для этого изъ Департамента чиновнику Гортынскому. Задачей его было убѣдиться въ томъ, что мірскія общества согласны принять бывшихъ воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища въ свою среду, что поселеніе ихъ при родныхъ деревняхъ не помѣшаетъ имъ вести раціональное хозяйство, что родители этихъ воспитанниковъ „готовы содѣйствовать имъ въ такомъ хозяйствѣ, какое заведено уже на образцовыхъ усадьбахъ и не совратятъ ихъ въ прежнее невѣжество“. Ему же было поручено выбрать подходящія мѣста для поселенія образцовыхъ хозяевъ и наблюсти за постройкой для нихъ усадебъ по опредѣленному плану „съ сохраненіемъ, однако же, фасадовъ, приличныхъ крестьянскимъ домамъ“ и съ внутреннимъ расположеніемъ комнатъ по усмотрѣнію самихъ хозяевъ. Въ теченіе осени 1844 г. было такимъ образомъ построено 25 усадебъ (изъ нихъ одна—на средства отца воспитанника), при чемъ въ 19 случаяхъ хозяева не довольствовались отпущенными имъ для этого въ ссуду деньгами, а—въ видахъ лучшей постановки дѣла—затратили и изъ своихъ средствъ до 1.200 рублей. Какъ сказано выше, землю усадебники должны были получать отъ мірскихъ обществъ по разверсткѣ; но при этомъ пахотный участокъ отводился имъ отдѣльно, внѣ общихъ полей, благодаря чему въ сельскохозяйственномъ отношеніи усадебники становились до извѣстной степени въ независимое отъ крестьянъ положеніе.

На такихъ же основаніяхъ начали устраивать и вновь выпускаемыхъ воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища, а въ 1845 г.

издано было положеніе, узаконяющее эту новую систему водворенія воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища, согласно которому усадебники должны были надѣляться землею отъ мірскихъ обществъ (полутягловыми т. е. по расчету на одну ревизскую душу участками). Хотя этимъ положеніемъ первоначальное правило, о назначеніи усадебникамъ земли до 15 дес. на каждаго, само собой отмѣнялось, тѣмъ не менѣе, по настоянію нѣкоторыхъ управляющихъ, крестьяне иногда отводили водворяемымъ хозяевамъ (изъ принятыхъ ими запасныхъ земель) большую площадь, чѣмъ слѣдовало бы по разверсткѣ. Кромѣ надѣла отъ общества, усадебникамъ предоставлялось еще обращать въ искусственные луга неудобныя, болотистыя пространства, не состоявшія на поземельномъ сборѣ, съ правомъ пользованія ими въ продолженіе 20 лѣтъ. Прежде окончательнаго водворенія, воспитанникъ Земледѣльческаго Училища, по распоряженію управляющаго конторою, долженъ былъ работать нѣкоторое время на каждой изъ существовавшихъ уже образцовыхъ усадебъ соотвѣтствующаго имѣнія и въ это время онъ придумывалъ планъ для собственной усадьбы, представлявшійся затѣмъ на утвержденіе управляющаго. Постройка усадебъ производилась на средства родителей воспитанника или на ссуду изъ хлѣбнаго капитала. Кромѣ того, на обзаведеніе скотомъ и утварью усадебникъ получалъ безвозвратное пособіе въ размѣрѣ 100 р. с.

Съ теченіемъ времени учрежденіе образцовыхъ хозяйствъ испытало еще болѣе существенныя измѣненія. Циркуляромъ 1852 г. воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища, согласно установившейся уже практикѣ, разрѣшалось водворять вмѣстѣ съ ихъ родными. Равнымъ образомъ и земельные надѣлы они стали получать въ общихъ поляхъ съ крестьянами. Такъ, изъ 12 усадебъ самарскаго имѣнія 4 имѣли въ 1852 г. отдѣльные участки, а 8 пользовались землей наравнѣ съ крестьянами, причемъ только ихъ участки отдѣлялись отъ сосѣднихъ бороздами. Въ симбирскомъ имѣніи въ 1858 г. 17 воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища вели хозяйство на особыхъ участкахъ, а 7 жили вмѣстѣ съ своими родными; въ вятскомъ имѣніи въ томъ же году 22 образцовыхъ хозяина жили на особыхъ усадьбахъ, а 16—совмѣстно съ своими родными.

Съ половины 50-хъ гг., въ видахъ улучшенія культуры на общественныхъ запашкахъ, хозяевъ образцовыхъ усадебъ начали выбирать въ смотрители этихъ послѣднихъ.

Устройство усадебъ и первое обзаведеніе для образцовыхъ хозяевъ первоначально производилось на счетъ хлѣбнаго капитала. Впослѣдствіи, когда воспитанники поселялись при своихъ селеніяхъ, безвозвратное пособіе (въ размѣрѣ 100 р.) выдавалось имъ только на обзаведеніе скотомъ и утварью; усадебныя постройки они должны были воздвигать на свой счетъ, получая для этого, въ случаѣ необходимости, ссуду изъ хлѣбнаго капитала. Соотвѣтственно указанному измѣненію въ организаціи института образцовыхъ усадебъ, при которомъ позже водворенные усадебники въ экономическомъ отношеніи отличались большей самостоятельностью, произошло нѣкоторое измѣненіе и въ правилахъ относительно ихъ поведенія и домашней жизни. Такъ напримѣръ, отлучки хозяина изъ дома поставлены были подъ контроль управляющаго конторою лишь на время до выкупа хозяиномъ въ собственность усадьбы, построенной на ссуду изъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала.

По проекту Байкова, въ образцовыхъ усадьбахъ должны были вводиться системы хозяйства, соотвѣтствовавшія условіямъ данной мѣстности. Въ степныхъ многоземельныхъ губерніяхъ— саратовской, самарской — усадебники должны были практиковать выгонную или мекленбургскую систему (съ періодической смѣною выгона на пахотное поле), при которой ближайшія къ усадьбѣ поля слѣдовало удобрять хлѣвнымъ навозомъ, а удаленныя отъ нихъ—пастьбой скота. Въ симбирской и казанской губерніяхъ—отличавшихся достаточнымъ количествомъ луговъ— должна была вводиться плодоперемѣнная система съ овощнымъ полемъ (англійская); а въ районѣ нечерноземныхъ губерній, населеніе которыхъ испытывало недостатокъ кормовъ, въ образцовыхъ усадьбахъ примѣнялась бельгійская система, тоже плодоперемѣнная, съ овощнымъ полемъ, но и съ травосѣяніемъ. Мы не можемъ сказать, насколько эти предположенія осуществились въ дѣйствительности, такъ какъ въ годовыхъ отчетахъ управляющихъ конторами и во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ Министра Императорскаго Двора хозяйства образцовыхъ усадебъ разсматриваются только съ точки зрѣнія ихъ успѣха, а систематическихъ указаній на характеръ ихъ хозяйственной дѣятельности не имѣется. Съ такимъ указаніемъ мы встрѣчаемся лишь во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1849 г. Въ этомъ отчетѣ приводятся свѣдѣнія о 49 усадьбахъ, подраздѣляемыхъ на земледѣльческія, скотоводческія и промышленныя: въ 24 усадьбахъ,

особенно хорошо поставленныхъ въ отношенiи собственно полеводства, урожаи хлѣбовъ превышали не только крестьянскiе, но и урожаи общественной запашки; въ 23 усадьбахъ, въ которыхъ лучше было поставлено скотоводство, находилось по 8—9 штукъ одного только крупнаго скота, причемъ рогатый скотъ въ значительной мѣрѣ состоялъ изъ холмогорской и штейермаркской породъ; къ числу усадебъ, выдававшихся по промышленнымъ занятiямъ, отнесено по одной усадьбѣ въ вятскомъ и симбирскомъ имѣнiяхъ; обѣ онѣ въ 1849 г. приготовили для продажи 113 плуговъ, 10 боронъ, 10 вѣяльныхъ машинъ и 1 четырехконную молотилку.

Согласно постановленiямъ относительно образцовыхъ усадебъ, хозяева ихъ, за успѣшныя дѣйствiя по улучшенiю своего хозяйства и распространенiю практическихъ знанiй среди крестьянъ, могли быть награждаемы по усмотрѣнiю Департамента Удѣловъ, а въ случаѣ безпорядочнаго поведенiя и небрежности въ домоводствѣ, они подлежали наказанiю, или лишенiю привиллегiи свободы отъ рекрутской повинности. Награды, присуждавшiяся хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, заключались въ денежныхъ выдачахъ, цвѣтныхъ рубашкахъ, кафтанахъ, кушакахъ, часахъ и т. п. Взысканiя, которымъ подвергались хозяева образцовыхъ усадебъ, состояли въ наказанiи розгами, обращенiи въ работники на удѣльный скотный дворъ или кирпичный заводъ и въ отдачѣ въ рекруты [1]).

Воспитанники перваго выпуска изъ Земледѣльческаго Училища, въ количествѣ 120 человѣкъ, были водворены въ 37 усадьбахъ вятскаго, московскаго, владимiрскаго, костромского, симбирскаго и саратовскаго имѣнiй *). Съ теченiемъ времени число усадебъ увеличивалось и въ 1851 г. во всѣхъ имѣнiяхъ насчитывалось 250 усадебъ съ 306 хозяевами.

Первое появленiе воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища въ качествѣ сельскихъ хозяевъ возбудило большой интересъ окрестнаго населенiя. „Не только сосѣди принялись наблюдать съ любопытствомъ и вниманiемъ за успѣхами хозяйства усадьбы, но и отдаленные крестьяне, какъ удѣльные, такъ и другихъ вѣдомствъ, стали нарочно прiѣзжать, чтобы взглянуть на поля усадебъ и на неизвѣстныя имъ дотолѣ земледѣльческiя орудiя“. Объ

*) Для этихъ усадебъ была выписана издаваемая Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ „Земледѣльческая Газета“, за все время изданiя, т. е. начиная съ 1834 г

этомъ интересѣ къ усадебникамъ и о нѣкоторомъ довѣріи къ предполагавшимся у нихъ хозяйственнымъ познаніямъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что съ первыхъ же лѣтъ существованія образцовыхъ усадебъ, къ ихъ хозяевамъ стали поступать въ науку окрестные удѣльные и помѣщичьи крестьяне (за условленную плату), при чемъ Департаментъ Удѣловъ постановилъ—при надлежащихъ успѣхахъ учениковъ—выдавать награды имъ и ихъ учителямъ. Въ 1840 г., при общемъ числѣ 37 усадебъ, въ нихъ обучались сельскому хозяйству 60 мальчиковъ изъ удѣльныхъ крестьянъ и 100—посланныхъ помѣщиками; въ 1846 г., при общемъ числѣ 176 усадебъ, число учениковъ возросло до 700, но къ 1853 г.—упало до нѣсколькихъ десятковъ [2]).

Кромѣ пріема учениковъ въ усадьбы, бывшіе воспитанники Земледѣльческаго Училища давали наставленія взрослымъ крестьянамъ, церковнослужителямъ и даже помѣщикамъ. Согласно Всеподданнѣйшему отчету Министра Императорскаго Двора, наставленіями усадебниковъ въ 1846 г. воспользовались до 5000 лицъ разнаго званія. Хозяева московскихъ и алатырскихъ усадебъ, по просьбѣ помѣщиковъ, отлучались въ 1845 г. въ разныя губерніи для наученія крестьянъ раціональнымъ пріемамъ хозяйственныхъ работъ, а въ 1843 г. нѣкоторые усадебники приглашались посторонними ремесленниками для наученія ихъ дубленію и крашенію овчинъ. О довѣріи населенія къ хозяйствамъ образцовыхъ усадебъ, въ первое время по учрежденіи этого института, свидѣтельствуетъ еще тотъ фактъ, что многіе крестьяне (всего съ семьями около 800 душъ) заявили желаніе войти во вновь устраиваемое въ 1845 г. поселеніе и вести тамъ улучшенное хозяйство подъ руководствомъ бывшихъ воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища.

Вліяніе образцовыхъ хозяевъ на промышленную дѣятельность удѣльныхъ крестьянъ, по словамъ Всеподданнѣйшихъ отчетовъ Министра Императорскаго Двора, проявлялось перениманіемъ крестьянами многихъ особенностей хозяйства усадебниковъ. Останавливаясь только на совершенно опредѣленныхъ указаніяхъ названнаго источника, отмѣтимъ, что въ симбирской губерніи, гдѣ въ 1836 г. нѣкоторые крестьяне были обучены уборкѣ хлѣба короткими косами съ грабельками, — въ 1842 г. больше 3000 человѣкъ убирали рожь этимъ орудіемъ. Въ 1847 г. крестьяне 10 селеній вологодской губерніи, подъ руководствомъ хозяевъ турундаевской усадьбы, обратили въ культурную пло-

щадь больше 1000 дес. болотистой земли, причемъ ими было прорыто больше 20 верстъ канавъ; въ 1848 г., подъ вліяніемъ усадебниковъ, крестьяне красносельскаго имѣнія арендовали для обработки 800 дес. болота по стрѣльнинскому шоссе.

Тѣ же отчеты кромѣ того указываютъ, что урожаи хлѣбовъ на усадьбахъ въ 1½—2 раза превышали урожаи крестьянскихъ полей: въ 1853 г., напр., урожаи хлѣбовъ въ общей сложности были у крестьянъ—озимаго самъ 4⅔, ярового хлѣба самъ 3½, у усадебниковъ—озимаго самъ 6½, ярового самъ 5½. Въ нѣкоторыхъ усадьбахъ урожаи были выше, нежели на общественной запашкѣ и доходили, вѣроятно, до высшихъ цифръ, возможныхъ при данныхъ условіяхъ [3]) и даже, при общемъ недородѣ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, сборы хлѣба у хозяевъ образцовыхъ усадебъ были удовлетворительны. Равнымъ образомъ, поля образцовыхъ усадебъ, хорошо обработанныя, удобренныя и освобожденныя отъ сорныхъ травъ, не подвергались въ 1846—7 гг. нападенію червя, производившаго опустошенія на крестьянской землѣ. Въ образцовыхъ усадьбахъ успѣшно распространялись посѣвы англійскихъ и американскихъ растеній; во многихъ усадьбахъ покосы состояли исключительно изъ искусственныхъ луговъ *), занимавшихъ въ нѣкоторыхъ усадьбахъ вятской губерніи 3—4 десятины и болѣе. Падежи почти не касались скота хозяевъ образцовыхъ усадебъ, а самый этотъ скотъ былъ на столько удовлетворителенъ, „что пріобрѣтеніе его сдѣлалось предметомъ заботливости окружныхъ помѣщиковъ и крестьянъ“. Нѣкоторые хозяева красносельскаго имѣнія выручали отъ хозяйства до 850 р. въ годъ. Въ нижневолжскихъ имѣніяхъ усадебники сажали деревья рощами; въ 1851 г., напр., въ 4 усадьбахъ симбирскаго имѣнія посажено было болѣе тысячи деревьевъ, а два усадебника алатырскаго имѣнія засадили деревьями дорогу на протяженіи версты.

Особенно успѣшно развивалось въ усадьбахъ, повидимому, ремесленное дѣло, и преимущественно въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ, отличавшихся вообще слабымъ развитіемъ кустарныхъ промысловъ. Производствомъ земледѣльческихъ орудій для собственныхъ надобностей занимались вообще всѣ хозяева образцовыхъ усадебъ. Но они могли работать и на заказъ, а нѣкоторые усадебники на эту сторону дѣятельности обратили

---

*) Одинъ изъ усадебниковъ вологодской губерніи получалъ съ своихъ луговъ до 250 пудовъ травы на десятину.

особенное вниманіе. Такъ, на двухъ усадьбахъ вятскаго имѣнія въ теченіе 1851 года было сдѣлано 37 легкихъ американскихъ плуговъ; одинъ изъ хозяевъ вологодской губерніи ввелъ въ 40-хъ гг. валяніе обуви изъ простой шерсти и устроилъ для этого мастерскую на 30 человѣкъ; при ключищенской усадьбѣ, симбирскаго имѣнія, въ половинѣ 40-хъ гг. устроена была мастерская земледѣльческихъ орудій, изъ которой въ теченіе 2—3 лѣтъ продано было помѣщикамъ и крестьянамъ до 120 орудій разнаго рода,— преимущественно плуговъ и вѣялокъ; тамъ же открытъ былъ свѣчной заводъ, на которомъ въ 1845 г. было вылито для крестьянъ 100 пудовъ сальныхъ свѣчей. По отчету за 1848 г. свѣчи, производимыя усадебниками и продаваемыя крестьянамъ по дешевымъ цѣнамъ, вытѣсняли изъ крестьянскихъ избъ лучину. Два хозяина пижменской усадьбы, вятскаго имѣнія, устроили въ 1852 г. картофельно-паточное заведеніе, на которомъ выдѣлывали до 300 пудовъ патоки, сбываемой въ селѣ Кукаркѣ; въ 1854 г. они получили на расширеніе и улучшеніе заведенія ссуду въ 400 р. с. и въ 1857 г. приготовляли уже 800 пудовъ патоки. Хозяинъ архангельской усадьбы того же имѣнія, Санинъ, въ 1845 г. изобрѣлъ молотилку и на выданную ему ссуду въ 500 р. устроилъ мастерскую для производства земледѣльческихъ орудій, молотилокъ, вѣялокъ и сортировокъ; молотилки и сортировки сбывались помѣщикамъ, а вѣялки также и крестьянамъ; въ 1857 г., напр., имъ было сдѣлано 17 вѣялокъ и 3 сортировки. Многіе усадебники въ симбирской и другихъ губерніяхъ занимались преимущественно валяльнымъ, овчиннымъ и другими промыслами.

Управляющіе удѣльными конторами, въ ежегодныхъ донесеніяхъ о состояніи подвѣдомственныхъ имъ имѣній, относительно образцовыхъ усадебъ первое время въ большинствѣ случаевъ ограничивались общими замѣчаніями довольно успокоительнаго характера, въ родѣ того, что хозяйство усадебниковъ находится въ удовлетворительномъ состояніи, что оно служитъ хорошимъ примѣромъ для крестьянъ и приноситъ послѣднимъ ощутительную пользу, что усадебники ведутъ съ крестьянами бесѣды по предметамъ сельскаго хозяйства, что крестьяне перенимаютъ отъ управляющихъ многія полезныя нововведенія и т. п.; и только нѣкоторые изъ управляющихъ приводили также цифровыя данныя объ урожаяхъ на поляхъ образцовыхъ усадебъ, о количествѣ у усадебниковъ скота и сообщали нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ занятіяхъ [1]). Но два управляю-

щихъ Конторами—Нижегородской и Костромской—давали вообще неблагопріятные отзывы о состояніи образцовыхъ хозяйствъ. При этомъ управляющій нижегородскимъ имѣніемъ въ 1853 г. сообщалъ, что въ его имѣніи усадебникъ Захаровъ разводилъ овощи и разные виды хлѣба отъ американскихъ сѣмянъ, но прибыли отъ нихъ не получилъ, такъ какъ на мѣстѣ можно сбывать только тотъ хлѣбъ, который требуется на пристаняхъ и который можно продать лишь по дешевой цѣнѣ, и хозяйство этого лучшаго усадебника „примѣромъ для крестьянъ служить не можетъ". Въ 50-хъ гг. и въ отчетахъ нѣкоторыхъ другихъ управляющихъ начали появляться заявленія объ отрицательныхъ результатахъ учрежденія образцовыхъ усадебъ, какъ проводника въ крестьянскую среду улучшенныхъ пріемовъ хозяйства. Управляющій вятскимъ имѣніемъ въ 1858 г. высказалъ мысль, что на крестьянъ не имѣютъ никакого положительнаго вліянія не только хозяева уединенныхъ образцовыхъ усадебъ, но и воспитанники Земледѣльческаго Училища, водворенные въ деревняхъ: „ни одно, повидимому, практическое хозяйственное свѣдѣніе, вынесенное воспитанниками изъ Училища, не распространилось между крестьянами, и ни одинъ крестьянинъ не перенялъ что-либо изъ тѣхъ пріемовъ, которые бывшіе воспитанники должны бы были примѣнять въ своемъ хозяйствѣ; обстоятельство это объясняется тѣмъ, что въ хозяйствѣ воспитанниковъ крестьяне не видятъ такихъ нововведеній, которымъ можно было бы приписать развитіе ихъ благосостоянія; да къ тому же ни одинъ воспитанникъ не отличается особеннымъ благосостояніемъ", за исключеніемъ хозяина пижменской усадьбы, устроившаго паточный заводъ. Всѣ бывшіе воспитанники Земледѣльческаго Училища, находившіеся тогда въ вятскомъ имѣніи (22 жившіе на особыхъ усадьбахъ и 16—въ семьяхъ ихъ родственниковъ), кромѣ хозяевъ двухъ усадебъ, ни въ отношеніи обработки полей, ни въ домашней жизни, по донесенію управляющаго, не отличались отъ остальныхъ крестьянъ. Подобное же мнѣніе высказывали и управляющіе нѣкоторыми другими имѣніями. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ входилъ въ 1854 г. въ Департаментъ Удѣловъ съ представленіемъ объ уничтоженіи 4-хъ образцовыхъ усадебъ, замѣчая, что „одна только юматовская усадьба стоитъ того, чтобы сохранить ее: она не можетъ служить образцомъ хозяйства, но, по крайней мѣрѣ, находится въ порядочномъ состояніи и хозяинъ ея впослѣдствіи можетъ прокормить себя съ семействомъ;

прочія же четыре усадьбы не годны и нѣтъ надежды на ихъ исправленіе". Управляющій костромскимъ имѣніемъ предлагалъ упразднить 21 изъ общаго числа 24 усадебъ подвѣдомственнаго ему имѣнія, такъ какъ лишь „нѣкоторыя изъ нихъ едва могутъ равняться съ посредственнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, а большая часть—ниже всякой посредственности".

Относительно причинъ такого положенія усадебъ управляющій костромскимъ имѣніемъ высказывалъ слѣдующія соображенія.

Воспитанники Земледѣльческаго Училища были водворяемы на безплодныхъ, поросшихъ лѣсомъ и безпокосныхъ участкахъ, требовавшихъ большихъ усилій для приведенія ихъ въ культурное состояніе, между тѣмъ какъ рабочая сила усадебниковъ-одиночекъ была крайне ограничена, а съ появленіемъ у нихъ малолѣтнихъ дѣтей они лишились пособія въ работѣ своихъ женъ. „Невозможность, при подобныхъ обстоятельствахъ, безъ вспомогательныхъ средствъ вести хозяйство въ лучшемъ порядкѣ, съ самаго водворенія хозяевъ видимо охладила ихъ усердіе. Порядочное поведеніе хозяевъ и ихъ знанія оказались безсильными на безплодной почвѣ, и эти препятствія, доведя хозяевъ до небрежной обработки земли, вынудили ихъ заняться мастерствами, отлучили ихъ отъ свойственнаго крестьянину званія пахаря и поставили въ разрядъ полуремесленниковъ, полуторговцевъ, отчего хозяйство ихъ нисколько не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго". Относительно усадебниковъ, надѣленныхъ тягловыми участками изъ мірской земли, управляющій костромскимъ имѣніемъ въ 1858 г. сообщалъ, что въ своемъ хозяйствѣ они слѣдуютъ „стариннымъ мѣстнымъ обычаямъ"; при объясненіяхъ же по этому поводу, усадебники говорили управляющему, что они не могутъ прилагать въ своемъ хозяйствѣ правила раціональнаго земледѣлія потому, что не имѣютъ достаточнаго количества земли, отдѣленной отъ крестьянскихъ угодій, при этомъ сами слабы рабочими силами и не могутъ добиться помощи въ этомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей, которые относятся къ нимъ недоброжелательно, изъ зависти за то, что имъ предоставлены нѣкоторыя преимущества и что они, бывшіе воспитанники Земледѣльческаго Училища, „въ Петербургѣ 5 лѣтъ даромъ ѣли царскій хлѣбъ" *).

*) По донесенію управляющаго нижегородскимъ имѣніемъ въ 1853 г., во всѣхъ усадьбахъ, близкихъ къ селеніямъ, между усадебниками и крестьянами возникала непримиримая вражда изъ-за того, что, при смежности полей, крестьянскіе посѣвы

Подобные неблагопріятные отзывы о состояніи образцовыхъ усадебъ получались преимущественно отъ управляющихъ нечерноземными губерніями, такъ какъ здѣсь именно чаще всего усадебники были водворяемы на безплодныхъ участкахъ. Слѣдуетъ при этомъ, однако, замѣтить, что въ архангельскомъ и въ особенности въ вологодскомъ имѣніяхъ (управляющій котораго, Гревенсъ, самъ былъ опытный хозяинъ) положеніе образцовыхъ усадебъ было, повидимому, довольно удовлетворительно. Съ другой же стороны, отрицательные отзывы относительно благотворнаго вліянія образцовыхъ усадебъ на крестьянское хозяйство получались и изъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній. Управляющій алатырскимъ имѣніемъ въ 1858 г. сообщалъ: „съ каждымъ годомъ опытъ убѣждаетъ болѣе и болѣе, что учрежденія образцовыхъ усадебъ, при всѣхъ стараніяхъ, не достигаютъ своей цѣли, и что водвореніе воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища въ ихъ семействахъ гораздо полезнѣе, нежели устройство для нихъ новыхъ образцовыхъ усадебъ“. О неуспѣхѣ дѣла устройства образцовыхъ усадебъ въ самарскомъ имѣніи свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ 11 усадебъ, бывшихъ здѣсь въ началѣ 50-хъ гг., къ концу этого десятилѣтія осталось всего двѣ, остальныя же были въ разное время упразднены.

По вопросу о состояніи образцовыхъ хозяйствъ и о приносимой ими пользѣ управляющіе удѣльными конторами высказались также въ 1853 г., когда, согласно предложенію директора Земледѣльческаго Училища, Потулова, возникъ вопросъ о преобразованіи этого учрежденія, въ цѣляхъ большаго приближенія образцовыхъ усадебъ къ крестьянскому хозяйству даннаго района. При этомъ нѣкоторые управляющіе (сызранскій, оренбургскій, владимірскій) высказались вообще противъ этого способа воздѣйствія на крестьянское хозяйство; другіе (симбирскій, архангельскій) признавали состояніе существующихъ усадебъ удовлетворительнымъ, но управляющій симбирскимъ имѣніемъ считалъ умѣстнымъ учреждать новыя усадьбы лишь въ случаѣ ходатайства о томъ крестьянъ, а управляющій Архангельской Конторой находилъ, что скотоводство и огородничество у крестьянъ подвѣдомственнаго ему имѣнія находятся въ удовлетвори-

по временамъ примыкали къ паровому полю усадебника, служившему выгономъ для его скота и наоборотъ, вслѣдствіе чего всегда были возможны взаимныя жалобы на потравы.

тельномъ состоянiи, своего хлѣба крестьянамъ хватаетъ съ избыткомъ, и потому надобности въ образцовыхъ усадьбахъ не представляется. Управляющiй Московскою Конторою находилъ полезнымъ открытiе новыхъ усадебъ для распространенiя среди страдающихъ малоземельемъ московскихъ крестьянъ садоводства и огородничества. Нѣкоторые управляющiе (нижегородскiй, костромской и др.) высказывали, что образцовое хозяйство могло быть заведено лишь при условiи поселенiя усадебниковъ группами (деревнями).

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнiя о состоянiи нѣкоторыхъ образцовыхъ усадебъ можно извлечь изъ отчетовъ чиновниковъ, отъ времени до времени посылавшихся Департаментомъ Удѣловъ для ихъ осмотра. Такiе осмотры были, между прочимъ, по истеченiи перваго десятилѣтiя, со времени устройства первыхъ усадебъ. Одинъ изъ ревизоровъ, чиновникъ Генъ, нашелъ тогда, въ 1848 г., 5 образцовыхъ усадебъ новгородскаго, архангельскаго и вологодскаго имѣнiй въ хорошемъ состоянiи и двѣ (въ новгородской губернiи)—въ неудовлетворительномъ. Въ томъ же году другой чиновникъ, Бухгольцъ, нашелъ 7 осмотрѣнныхъ имъ усадебъ, въ сызранскомъ, орловскомъ и тверскомъ имѣнiяхъ, въ исправномъ состоянiи. Донося объ этомъ Департатенту Удѣловъ и касаясь вопроса о пользѣ образцовыхъ усадебъ, Бухгольцъ дѣлаетъ, однако, слѣдующее замѣчанiе: „польза ихъ откроется при слѣдующихъ поколѣнiяхъ, когда дѣти отъ самаго ихъ рожденiя, имѣя передъ собой всегдашнiй хорошiй примѣръ въ родителяхъ, далеко отстоящихъ отъ прочихъ собратiй, привычку къ порядку обратятъ въ потребность“.

Особенный интересъ имѣетъ отчетъ объ осмотрѣ въ 1849 г. 94 усадебъ вятскаго, архангельскаго, орловскаго, симбирскаго, самарскаго и казанскаго имѣнiй директоромъ Земледѣльческаго Училища, Потуловымъ, преемникомъ Байкова. Интересъ этого отчета заключается какъ въ его обстоятельности, такъ и въ томъ, что матерiаломъ для заключенiя служила Потулову почти половина существовавшихъ въ то время образцовыхъ усадебъ.

Отдавая должную дань усердiю усадебниковъ и удовлетворительному состоянiю всѣхъ, или нѣкоторыхъ только, отраслей ихъ хозяйства и представивъ даже нѣсколькихъ хозяевъ къ наградѣ, Потуловъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ заключенiе, что большая половина осмотрѣнныхъ имъ усадебъ находится не въ такомъ состоянiи, въ какомъ желательно было бы видѣть хозяй-

ства, назначенныя служить примѣромъ для крестьянъ, а въ 7 усадьбахъ хозяйство ничѣмъ даже не отличалось отъ обыкновеннаго крестьянскаго. Причину такого положенія дѣлъ Потуловъ видѣлъ съ одной стороны въ недостаткѣ рабочей силы у усадебниковъ—еще молодыхъ людей, дѣти которыхъ, по малолѣтству, не могли помогать имъ въ работѣ; съ другой—въ чрезмѣрномъ количествѣ труда, лежавшаго вообще на усадебникахъ. которымъ предстояло: разработывать некультурныя пространства, вводить на своихъ участкахъ интенсивныя системы хозяйства и, кромѣ того, поддерживать въ исправности строенія,—что отнимало особенно много труда тамъ, гдѣ послѣднія были оштукатурены глиной. По мнѣнію Потулова, на усадебникѣ лежало едва-ли не вдвое болѣе работы, нежели на обыкновенномъ крестьянинѣ. Другая причина недостаточно удовлетворительнаго состоянія хозяйства образцовыхъ усадебъ, находившаяся въ связи съ первой, заключалась въ отвлеченіи усадебниковъ отъ занятія земледѣліемъ къ ремесламъ. Первоначально усадебники брались за ремесло, какъ за источникъ необходимаго добавочнаго дохода къ тому, который ими получался въ сельскомъ хозяйствѣ; но затѣмъ, постепенно увлекаясь выгодами этого дѣла, они начинали отдавать ему и время, необходимое для земледѣлія.

Общій выводъ Потулова, подтверждаемый, по его словамъ, и отзывами управляющихъ удѣльными конторами, заключается въ томъ, что „обязанности усадебниковъ значительно превышаютъ ихъ личный трудъ и имѣющіяся у нихъ средства“.

Сходное съ этимъ мнѣніе было высказано чиновникомъ Волоцкимъ, ревизовавшимъ въ 1853 г. алатырское, сызранское и самарское имѣнія.

„Осмотрѣнныя мною усадьбы, доносилъ онъ Департаменту, найдены чистыми и опрятными, но, къ сожалѣнію, этимъ только и ограничивается все ихъ достоинство; закромы ихъ амбаровъ пусты, обработка полей не превосходитъ крестьянской, урожаи не обильнѣе и далеко хуже урожаевъ общественной запашки. Усадебникъ едва имѣетъ необходимую пропорцію хлѣба для годового своего пропитанія, запаснаго же зерна нѣтъ почти ни у кого. Если нѣкоторые изъ нихъ и кажутся зажиточнѣе, то только по наружности, а на самомъ дѣлѣ положеніе ихъ отнюдь не образцовое. Не имѣя сами силъ поддерживать хозяйство въ томъ видѣ, какъ отъ нихъ требуется, усадебники часто обременяютъ крестьянъ. Желая поддержать усадебниковъ въ над-

лежащемъ видѣ, мѣстное начальство нерѣдко принуждено бываетъ заставлять крестьянъ помогать имъ въ исправленіи недостатковъ, допускаемыхъ ими по недостаточности собственныхъ силъ; скотъ у многихъ въ весьма плохомъ состояніи. По моему убѣжденію, образцовыя усадьбы въ такомъ видѣ, какъ онѣ находятся нынѣ, должны быть вездѣ упразднены, безполезность ихъ доказана четырнадцатилѣтнимъ опытомъ. Если нѣкоторые изъ управляющихъ удѣльными конторами будутъ противнаго мнѣнія, то можно думать, что они не надлежащимъ образомъ смотрятъ на дѣйствительное положеніе усадебъ".

Такія заключенія Потулова и Волоцкаго находили себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что, не смотря на удовлетворительное состояніе хозяйства многихъ усадебниковъ, они не пользовались большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Такъ, на предыдущихъ страницахъ было приведено заключеніе управляющаго вятскимъ имѣніемъ въ 1858 г. о томъ, что, за исключеніемъ хозяина пижменской усадьбы, устроившаго паточный заводъ, ни одинъ изъ остальныхъ двадцати слишкомъ усадебниковъ „не отличается особеннымъ благосостояніемъ". Въ 1855 г. управляющій самарскимъ имѣніемъ, сообщая объ удовлетворительныхъ урожаяхъ хлѣбовъ въ 8 образцовыхъ хозяйствахъ, прибавляетъ, что хозяевъ этихъ усадебъ можно отнести „къ разряду крестьянъ средняго состоянія, отбывающихъ подати безъ большого затрудненія", и что лучшаго состоянія ихъ едва-ли можно ожидать, принявъ во вниманіе, что каждый усадебникъ есть единственный работникъ въ своемъ хозяйствѣ. О не особенно высокомъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія хозяевъ образцовыхъ усадебъ свидѣтельствуетъ и фактъ затрудненій, какія они испытывали при уплатѣ ссудъ въ крестьянскій капиталъ, выданныхъ имъ на первое обзаведеніе. О такихъ затрудненіяхъ доносилъ въ 1854 г. управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, а въ 1858 г.—управляющій вятскимъ имѣніемъ; управляющій архангельскимъ имѣніемъ въ томъ же году объяснялъ, что, ведя безбѣдное существованіе и внося исправно подати, хозяева образцовыхъ усадебъ тѣмъ не менѣе не въ состояніи уплачивать лежавшаго на нихъ долга на устройство усадебъ.

Вопросъ о полезности существованія образцовыхъ усадебъ и о реформѣ ихъ возникъ вновь въ 1860 г.; но, по случаю предстоявшаго преобразованія быта удѣльныхъ крестьянъ, дальнѣйшее движеніе этого дѣла было пріостановлено.

При учрежденіи образцовыхъ усадебъ предполагалось, что ихъ вліяніе на крестьянъ выразится постепеннымъ преобразованіемъ хозяйства у послѣднихъ. Мы не имѣемъ данныхъ для положительнаго заключенія о томъ, въ какой мѣрѣ эти ожиданія осуществились въ дѣйствительности и какой слѣдъ оставило въ населеніи описываемое учрежденіе. Во всякомъ случаѣ кажется вѣроятнымъ, что первое появленіе усадебниковъ среди удѣльныхъ крестьянъ произвело благопріятное впечатлѣніе, и результатомъ нѣкотораго довѣрія крестьянъ къ этому учрежденію было появленіе цѣлаго образцоваго села.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія образцовыхъ хозяйствъ многіе крестьяне симбирскаго и сызранскаго имѣній начали входить въ удѣльныя конторы съ ходатайствами о предоставленіи имъ возможности устроить свои хозяйства такъ, какъ ихъ вели усадебники. Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ просили объ отрѣзкѣ имъ земли, по числу душъ, по сосѣдству съ существовавшими уже усадьбами; другіе ходатайствовали о поселеніи ихъ вмѣстѣ съ вновь выпускаемыми воспитанниками Земледѣльческаго Училища на пустопорожней землѣ; тѣ и другіе просили о ссудѣ денегъ на обзаведеніе. Въ виду подобныхъ ходатайствъ, Департаментъ Удѣловъ въ началѣ 1845 г. согласился съ представленіемъ Байкова относительно образованія въ 3 верстахъ отъ г. Сызрани въ урочищѣ Кашкуръ, близъ большого саратовскаго тракта, образцоваго села, съ наименованіемъ его — Царево-Никольскимъ, гдѣ бы крестьяне были поселены въ перемежку съ бывшими воспитанниками Земледѣльческаго Училища.

Желающихъ поселиться въ образцовомъ селѣ съ ихъ семьями оказалось 800 душъ; но изъ нихъ было выбрано только нѣсколько домохозяевъ, принадлежавшихъ большею частью къ состоянію „неизбыточному“, и вмѣстѣ съ ними предполагалось поселить 8 воспитанниковъ Земледѣльческаго Училища, примѣру которыхъ крестьяне должны были слѣдовать при веденіи своего хозяйства. Всего поселено было 200 душъ обоего пола. Для поселенцевъ Царево-Никольскаго было отведено около 1300 дес. земли и, въ теченіе 1845—6 гг., на избранномъ мѣстѣ были выстроены для крестьянъ 8 двухъэтажныхъ и 8 одноэтажныхъ жилыхъ домовъ съ банею при каждомъ, 6-ю ригами, 2 кузницами, 2 амбарами, однимъ овиномъ и мастерской для земледѣльческихъ орудій. Кромѣ того были выстроены: церковь, пожарный сарай, хлѣбный магазинъ, дома для пріѣзда старшинъ и чиновниковъ, для училища, священ-

ника и церковнаго причта, три караулки при въѣздѣ въ селеніе и сдѣланы по улицѣ тротуары. На все это израсходовано 65.500 р. с., изъ коихъ 23.434 р., затраченные собственно на крестьянскіе дома съ хозяйственными при нихъ строеніями, были отнесены на счетъ поселенцевъ и уплата ихъ разсрочена на 16 лѣтъ.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ въ образцовое село отправлено было, съ сенгилеевскаго скотнаго двора, 32 коровы разныхъ улучшенныхъ породъ и куплено 64 кобылы башкирской породы (по 4 шт. на дворъ), 7 жеребцовъ и 2 мерина изъ породы доппельклеперовъ, 160 овецъ (по 10 на дворъ) и 3 барана, 16 свиней (по одной на дворъ), 16 самцовъ и 32 самки голландскихъ куръ и индѣекъ. Общій расходъ на обзаведеніе поселенцевъ скотомъ и птицею составилъ около 5.500 руб.

Изъ произведенныхъ въ разное время ревизій Царево-Никольскаго образцоваго села можно почерпнуть слѣдующія о немъ свѣдѣнія.

Ревизующія лица прежде всего пріятно поражались внѣшнимъ видомъ с. Царево-Никольскаго. „Наружность этого села—доносилъ Потуловъ въ 1849 г.—доведена до того уже совершенства, что отдѣлка строеній, заборовъ, колодцевъ и другихъ принадлежностей представляется въ видѣ какой-то противоположности съ жителями селенія, очевидно, мало еще привыкшими къ новому образу жизни“. Другой ревизоръ, Чаплинъ, въ 1854 г. доносилъ, что онъ любовался устройствомъ, чистотой и родомъ прекрасныхъ домовъ с. Царево-Никольскаго, далеко выходящаго изъ ряда деревень, составлявшихъ обычный типъ русскихъ поселеній.— Но если отъ внѣшняго вида селенія обратиться къ его дѣйствительному состоянію, то дѣло представлялось уже въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Такъ, при посѣщеніи села Потуловымъ, всего черезъ 3 года послѣ его основанія, во всѣхъ домахъ производились уже такія поправки, что крестьяне должны были изъ нихъ выбраться. Черезъ 3 года послѣ этого ревизоръ Муравьевъ о постройкахъ с. Царево-Никольскаго доносилъ Департаменту, что колокольня при церкви нѣсколько наклонилась, стѣны ея потрескались, а крыша протекаетъ, что полы въ церкви разсохлись, а печи дымятся; что черепичныя крыши крестьянскихъ домовъ проваливаются и протекаютъ, потолки повреждаются отъ сырости, печи требуютъ исправленія; что въ холодныхъ строеніяхъ замѣчается сырость. Черезъ два года Чаплинъ нашелъ строенія въ хорошемъ видѣ, хотя крыши почти всѣхъ домовъ, всетаки, давали течь. Послѣ этого въ 1855 г. дома были перекрыты тесомъ.

Въ 1857 г. с. Царево-Никольское осмотрѣлъ Предсѣдатель Департамента Удѣловъ, послѣ чего сдѣлано было распоряженіе, чтобы — по мѣрѣ того какъ дома селенія будутъ приходить въ ветхость—крестьянамъ было предоставлено перестраивать ихъ по упрощенному плану, съ бо́льшимъ приспособленіемъ къ потребностямъ крестьянскаго быта.

Что касается собственно хозяйства крестьянъ с. Царево-Никольскаго, то въ 1849 г. Потуловъ нашелъ въ очень хорошемъ состояніи сады и огороды, коноплянники же были обработаны плохо; при содержаніи рогатаго скота не замѣтно было постояннаго употребленія подстилки; хлѣбъ сѣялся по неунавоженной пашнѣ, а земля подъ посѣвъ обработывалась не плугами (какъ это дѣлали многіе крестьяне въ сосѣднихъ деревняхъ), а сохами. По наблюденіямъ Чаплина въ 1854 г., хозяева образцоваго села были слишкомъ обременены работами. Они отдавали много времени на чистку сада и окопку яблонь и, кромѣ собственнаго посѣва, должны были обработать каждый по $6^1/_4$ дес. запашки (строительной или долговой), назначенной для уплаты долга въ крестьянскій капиталъ; поэтому крестьяне плохо занимались огородничествомъ и посадку картофеля почти забросили. Скота же *) и хлѣба было въ селѣ довольно. Послѣ этого донесенія, Департаментъ Удѣловъ предписалъ управляющему сызранскимъ имѣніемъ согласить нѣсколько многорабочихъ крестьянскихъ семей изъ другихъ селеній переселиться въ село Царево-Никольское для усиленія его рабочаго состава, тѣмъ болѣе, что 3 дома въ этомъ селѣ были заняты лишь на половину; охотниковъ на это, однако, не оказалось. Послѣ посѣщенія въ 1857 г. с. Царево-Никольскаго Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ было опять сдѣлано распоряженіе о поселеніи въ этомъ селѣ, взамѣнъ нерадивыхъ домохозяевъ, болѣе надежныхъ крестьянъ изъ другихъ селеній или изъ образцовыхъ усадебъ, не приносившихъ желаемой пользы. Это распоряженіе, повидимому, не было приведено въ исполненіе.

Для уплаты долга крестьяне с. Царево-Никольскаго устроили общественную запашку, площадью въ 150 дес. въ трехъ поляхъ и, кромѣ того, снимали оброчныя статьи площадью до 1600 дес. Въ теченіе 5 лѣтъ крестьяне выручили съ запашки и оброчныхъ статей 14.800 р., изъ коихъ 8.800 р. израсходовали на поправку строеній села и на поддержаніе своего

*) Въ 1850 г. 18 семей содержали: 185 лошадей, 155 головъ крупнаго рогатаго скота, 155 свиней и 565 овецъ.

хозяйства, а 6.000 р. внесли въ уплату долга. Такимъ образомъ погашеніе первоначальнаго долга происходило медленнѣе, чѣмъ предполагалось. Долгъ даже увеличивался вслѣдствіе производства нѣкоторыхъ новыхъ построекъ и неуплаты въ свое время аренды за оброчныя статьи, почему въ 1852 г. погашеніе долга было разсрочено на большее число лѣтъ. Одной изъ причинъ медленной уплаты долга были неурожаи хлѣбовъ въ теченіе трехъ лѣтъ и безотчетное веденіе дѣла о продажѣ общественнаго хлѣба управляющимъ Каблуковымъ (отданнымъ потомъ за злоупотребленія при устройствѣ с. Царево-Никольскаго подъ уголовный судъ). Кромѣ того крестьяне несли большіе расходы на обработку долговой запашки (по ихъ словамъ, послѣдняя обходилась каждому изъ нихъ не менѣе 50 р. въ годъ), а доходъ отъ нея употребляли также на поправку строеній села и на другія свои нужды; но въ 1854 г. Департаментъ Удѣловъ предписалъ, чтобы весь доходъ съ этой запашки, кромѣ суммы, необходимой на ремонтъ общественныхъ зданій, обращался на уплату долга. Вмѣстѣ съ этимъ онъ запретилъ крестьянамъ пользоваться при обработкѣ оброчныхъ статей помочами, послѣ чего они перестали снимать статьи въ аренду. Къ 1861 г. крестьяне с. Царево-Никольскаго внесли въ уплату лежавшаго на нихъ долга всего 13.808 р. с., и за ними оставалось еще 10.340 р., что составляло 646 р. на дворъ и 127 р. на душу. Хотя по размѣру надѣла (13 дес. на душу) и оброка (7 р. 40 к. съ души) матеріальное обезпеченіе крестьянъ с. Царево-Никольскаго признавалось весьма удовлетворительнымъ, но, въ виду ожидавшагося при освобожденіи крестьянъ сокращенія надѣла с. Царево-Никольскаго въ три раза, съ сохраненіемъ прежняго оброка, признано было необходимымъ сложить съ нихъ остающійся долгъ и состоявшую подъ строительной запашкой землю предоставить имъ въ арендное содержаніе.

Въ концѣ 40-хъ гг. была сдѣлана попытка образованія образцоваго села въ красносельскомъ имѣніи. Слыша со стороны мѣстныхъ крестьянъ выраженіе желанія устроить себѣ отдѣльныя хозяйства по образцу усадебниковъ, управляющій названной конторой согласился поселить четырехъ крестьянъ въ особое образцовое село. Попытка эта, однако, не увѣнчалась успѣхомъ.

Примѣчанія.

1) Награды были выданы, напр., въ 1840 г. 84 хозяевамъ за стараніе въ дѣлѣ передачи сельско-хозяйственныхъ знаній удѣльнымъ крестьянамъ вообще и мальчикамъ, обучавшимся въ образцовыхъ усадьбахъ, въ особенности, причемъ предписано было раздать печатные списки награжденныхъ всѣмъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ. Въ 1843 г. объявлены награды за стараніе о благоустройствѣ усадебныхъ участковъ и вообще за хорошее поведеніе всѣмъ усадебникамъ владимірскаго имѣнія; въ 1844 г. выдано по 15 р. с. 4 хозяевамъ авдѣевской усадьбы вятскаго имѣнія за разведеніе 4½ дес. искусственнаго луга; въ 1845 г. 3 хозяина архангельскаго имѣнія за исправное содержаніе ихъ усадебъ, примѣрное поведеніе и наставленіе крестьянъ въ сельскомъ хозяйствѣ получили по 75 р. с. награды, о чемъ было объявлено усадебникамъ всѣхъ имѣній; въ 1845 г. хозяинъ вятскаго имѣнія, Санинъ, награжденъ кафтаномъ и часами (общей стоимостью въ 30 р.) за изобрѣтеніе молотилки, а въ 1846 г. за изобрѣтеніе маслобойни награжденъ кафтаномъ и кушакомъ недоучившійся воспитанникъ Земледѣльческаго Училища, крестьянинъ вятской губерніи, Тарасовъ; въ 1848 г. получили различныя награды 4 хозяина новгородскаго имѣнія; въ 1850 г. была объявлена похвала хозяину нижменской усадьбы вятскаго имѣнія за образцовое состояніе его хозяйства; значительныя награды получили въ разное время усадебники сызранскаго имѣнія за обученіе хозяйству чувашъ и т. д. — Въ 1841 г. были наказаны розгами 11 хозяевъ самарскаго, владимірскаго и казанскаго имѣній; при этомъ одинъ изъ наказанныхъ хозяевъ казанскаго имѣнія высланъ былъ въ Земледѣльческое Училище „для внушенія ему вновь правилъ благонравной жизни, которыя онъ забылъ со времени отправленія изъ Училища"; другой переведенъ въ работники при устройствѣ образцовой усадьбы въ новгородскую губернію, подъ надзоръ находившагося тамъ воспитанника Земледѣльческаго Училища; а третій переведенъ работникомъ на сенгилеевскій скотный дворъ подъ надзоръ старшаго скотника. Въ 1843 году 3 хозяина красносельской усадьбы, костромского имѣнія за разстройство своей усадьбы были наказаны розгами; въ слѣдующемъ году разстройство ихъ хозяйства продолжалось, причемъ двое изъ нихъ вмѣсто того, чтобы вести общее хозяйство, раздѣлили свои поля и домашнее хозяйство. Управляющій имѣніемъ приказалъ соединить ихъ вмѣстѣ и отдалъ усадьбу въ хозяйственное завѣдываніе мордвиновскаго приказа, который долженъ былъ задавать хозяевамъ и ихъ женамъ работу по уроку. Такъ какъ и послѣ этого два хозяина не пожелали жить вмѣстѣ, находя, что они не равны ни по силамъ, ни по имуществу и отказались засѣять полосу третьяго, больного хозяина, то для приведенія ихъ въ повиновеніе управляющій вновь подвергъ ихъ наказанію розгами. Въ слѣдующемъ, 1845 г., управляющій костромскимъ имѣніемъ доносилъ Департаменту Удѣловъ о томъ, что два хозяина красносельской усадьбы просили о дозволеніи имъ построить особые дома и что для ремонта существующаго дома необходима затрата въ 189 р. Департаментъ Удѣловъ, согласно заключенію Байкова, предписалъ отпустить требуемую для ремонта сумму; хозяевъ же красносельской усадьбы, за то, что они довели зданіе до такого разстройства, наказать розгами. Въ 1844 г. одинъ хозяинъ сызранскаго имѣнія за пьянство, лѣность и строптивый характеръ былъ отправленъ работникомъ на сенгилеевскій скотный дворъ; черезъ 9 мѣсяцевъ, будучи признанъ исправившимся — возвращенъ назадъ, а въ 1847 г. сосланъ опять въ работники, но уже на черепичный заводъ. Въ 1849 г. одинъ хозяинъ самарской усадьбы за нерадѣніе и неспособность

къ хозяйству и частыя отлучки изъ усадьбы отданъ въ рекруты; въ 1852 г. одинъ усадебникъ въ нижегородскомъ имѣніи былъ наказанъ 20 ударами розогъ за самовольство и притѣсненіе крестьянъ; въ 1851 г. такому же наказанію за нерадѣніе къ хозяйству подверглись 3 усадебника въ вятскомъ имѣніи.

2) Въ 1844 г. старшему хозяину неледенской образцовой усадьбы, Никифору Петрову, разрѣшено было открыть училище для 10 безпріютныхъ мальчиковъ и ассигновано на ихъ содержаніе по 15 р. с. на каждаго, изъ остатковъ отъ уравнительнаго сбора съ крестьянъ костромского имѣнія. Петровъ предполагалъ обучать мальчиковъ (кромѣ сельскаго хозяйства) чтенію, письму, первоначальнымъ правиламъ ариѳметики и катехизису; но Департаментъ Удѣловъ, согласно заключенію Байкова, разрѣшилъ обучать всѣхъ дѣтей только утреннимъ и вечернимъ молитвамъ, чтенію, письму и счету (производить въ умѣ обыкновенные въ хозяйствѣ, при куплѣ-продажѣ, расчеты); четыремъ же правиламъ ариѳметическаго дѣйствія разрѣшалось обучать только особенно способныхъ мальчиковъ. Священную исторію, катехизисъ и евангеліе дозволялось не учить, а читать по праздникамъ, собравшись всѣмъ вмѣстѣ. Училище просуществовало до 1848 г., когда, послѣ уничтоженія зданія усадьбы пожаромъ, оно было закрыто.

3) По отчетамъ управляющихъ конторами въ 1852 г. урожай хлѣбовъ на усадьбахъ самарской губерніи, въ среднемъ, составлялъ самъ 10 для озимаго и—самъ $8^1/_2$ для ярового хлѣба, а у отдѣльныхъ хозяевъ даже — самъ 20 и самъ 13. На трехъ усадьбахъ оренбургскаго имѣнія урожай озими въ 1851 и 1852 г. колебался между самъ 10 и самъ 20, а ярового — между самъ 4 и самъ 16; въ 1856 г. урожай озимаго хлѣба равнялся самъ 16, а ярового—самъ 6. На 9 усадьбахъ архангельской губерніи рожь въ 1851 г. дала урожай отъ самъ 8 до самъ 12, а въ одной — самъ 20; урожай ярового былъ отъ самъ 5 до самъ 7. На морозовской усадьбѣ вологодской губерніи въ 1852 г. ячмень уродился самъ 12, пшеница—самъ 10, горохъ—самъ $15^1/_2$.

4) Девять хозяевъ самарской губерніи (поселенныхъ въ 8 усадьбахъ), въ общемъ числѣ 30 душъ обоего пола, при 18 взрослыхъ, въ 1854 г. имѣли 32 лошади, 34 головы крупнаго рогатаго скота, 88 овецъ и 19 свиней; собрали хлѣба (исключая сѣмянъ) 94 четверти озимаго и 97 четвертей ярового. Три хозяина оренбургской губерніи имѣли въ 1851 г. скота: 11 лошадей, 10 коровъ, 2 быка, 31 овцу, 19 свиней и 74 шт. птицы; въ 1856 г. — 15 лошадей, 15 коровъ, 6 быковъ, 49 овецъ, 37 свиней, 118 шт. птицы и 37 пеньковъ пчелъ; въ 1858 г. 4 хозяина имѣли: 20 лошадей, 19 коровъ, 6 быковъ, 81 овцу, 35 свиней, 198 шт. птицы и 41 пенекъ пчелъ. Одинъ усадебникъ архангельской губерніи снабжалъ г. Шенкурскъ овощами изъ своего огорода и парниковъ (отчетъ за 1857 г.). Хозяинъ турундаевской усадьбы, вологодской губерніи, получалъ значительный доходъ отъ земли, которая шесть лѣтъ назадъ была болотомъ, считавшимся недоступнымъ для культуры (1849 г.). Усадебники архангельской губерніи „сдѣлались извѣстными по всему имѣнію, обучая крестьянъ и крестьянокъ, на полныхъ волостныхъ сходкахъ, приготовлять изъ картофеля хлѣбъ, муку и крахмалъ; они охотно дѣлились съ крестьянами сѣменами травъ и позволяли имъ пользоваться своими земледѣльческими орудіями; признавая превосходство этихъ орудій, особенно въ поднятіи нови, крестьяне уклонялись отъ заведенія таковыхъ для себя по причинѣ того, что они дороже обыкновенныхъ“ (1842 г.). Лучшіе хозяева архангельскаго имѣнія нарочно отпускались изъ усадьбы для распространенія среди крестьянъ свѣдѣній о правильномъ веденіи хозяйства, объ огородничествѣ, травосѣяніи, разведеніи лучшихъ породъ скота, причемъ, не ограничиваясь наставленіями хозяйственнаго характера, усадебники напоминали крестьянамъ о доброй нравственности, о пользѣ обученія грамотѣ дѣтей, о посѣщеніи храма Божія и о послушаніи властямъ.

Глава VI.

Мѣропріятія для улучшенія отдѣльныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства. — Улучшеніе быта чувашей.

Кромѣ мѣръ распорядительныхъ для поднятія крестьянскаго хозяйства, имѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ характеръ совѣтовъ и наставленій и для приведенія которыхъ въ исполненіе не указывалось никакихъ спеціальныхъ средствъ (о чемъ говорилось выше въ главѣ IV), удѣльное управленіе прибѣгало и къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ для поднятія техники крестьянскаго хозяйства, ассигнуя изъ хлѣбнаго капитала денежныя суммы на улучшеніе породъ крестьянскаго скота, введеніе въ крестьянское хозяйство новыхъ сортовъ растеній и улучшенныхъ орудій, устройство образцовыхъ садовъ, огородовъ и т. п. При этомъ удѣльное вѣдомство пользовалось также институтомъ образцовыхъ усадебъ, хозяева которыхъ раньше другихъ должны были примѣнять данное нововведеніе, или производило необходимые опыты на поляхъ общественныхъ запашекъ. Что же касается собственно воздѣйствія на крестьянъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отъ нихъ требовалось обязательное примѣненіе нововведеній; обыкновенно же удѣльное управленіе пыталось побудить ихъ къ улучшенію хозяйства примѣромъ, или заинтересовывая ихъ въ дѣлѣ матеріальными выгодами, напр., давая имъ экземпляры лучшихъ породъ скота, поощряя къ нововведенію денежными и почетными наградами.

Не всѣ культурно-хозяйственныя начинанія Департамента Удѣловъ имѣли одинаковый успѣхъ. Многія изъ нихъ окончи-

лись полной неудачей, о другихъ нельзя съ положительностью сказать, насколько глубокіе слѣды оставлены ими въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы произвести спеціальныя мѣстныя изслѣдованія. Но разсматриваемыя начинанія удѣльнаго управленія имѣютъ интересъ не только съ точки зрѣнія матеріальнаго благосостоянія находившихся въ его вѣдѣніи крестьянъ; они представляютъ также факты изъ исторіи нашего сельскаго хозяйства вообще, и будучи разсматриваемы съ этой точки зрѣнія,—даже при неудачномъ ихъ исходѣ—имѣютъ живой научный, а иногда, быть можетъ, и практическій интересъ.

Такія мѣропріятія Департамента Удѣловъ по предмету поднятія крестьянскаго хозяйства естественно распадаются на три отдѣла: мѣры для улучшенія скотоводства, введеніе новыхъ, лучшихъ видовъ и сортовъ культивируемыхъ растеній и мѣры для улучшенія техническихъ пріемовъ при обработкѣ полей и уборкѣ хлѣбовъ и травъ.

Удѣльное управленіе придерживалось двоякаго пріема, примѣняя различнаго рода хозяйственныя нововведенія: оно или распространяло нововведеніе на всю подвѣдомственную ему территорію,—не всегда сообразуясь при этомъ съ особенностями отдѣльныхъ районовъ, почему многія его предположенія заранѣе обрекались на неудачу—или избирало для его примѣненія опредѣленныя области. Послѣднее имѣло мѣсто по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда данное нововведеніе требовало затраты крупныхъ денежныхъ суммъ и такъ какъ, послѣ обмѣна въ 40-хъ гг. части удѣльныхъ земель на казенныя, главная масса удѣльныхъ крестьянъ была сосредоточена въ нижневолжскихъ имѣніяхъ, то этотъ именно районъ обыкновенно и избирался Департаментомъ для перваго опыта по примѣненію извѣстнаго нововведенія.

А. Мѣры улучшенія крестьянскаго скотоводства.

Первоначальныя предположенія относительно улучшенія крестьянскаго скотоводства. — Мѣропріятія для поднятія крестьянскаго овцеводства.—Улучшеніе породъ рогатаго скота и коневодства.—Выставки скота.

Первый документъ по вопросу объ улучшеніи скота въ удѣльныхъ имѣніяхъ заключается въ запискѣ на французскомъ языкѣ доставленной Министру Удѣловъ, князю Куракину, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1797 г., въ которой даются нѣкоторыя свѣдѣнія о кастильскихъ овцахъ и наставленіе о томъ, какимъ образомъ доставить ихъ въ Петербургъ въ случаѣ, если бы русское правительство пожелало пріобрѣсти ихъ въ Испаніи. Записка эта была препровождена въ Департаментъ Удѣловъ, которымъ постановлено было разсмотрѣть ее въ то время, „когда будетъ устанoвляться въ волостяхъ хозяйство“ и подымется вопросъ о заведеніи овецъ. Черезъ три года послѣ этого составлены были предположенія относительно поднятія промышленности удѣльныхъ крестьянъ и въ томъ числѣ имѣлось въ виду устройство заводовъ иностранныхъ овецъ въ воронежской и саратовской губерніяхъ для улучшенія крестьянскаго овцеводства, но всѣ эти предположенія, какъ извѣстно, не получили осуществленія.

Къ систематическимъ мѣропріятіямъ по улучшенію крестьянскаго скота Департаментъ Удѣловъ приступилъ только въ срединѣ 30-хъ годовъ *) и для перваго опыта избралъ симбирское имѣніе, гдѣ скоро ожидалось сосредоточеніе, путемъ размѣна съ казною, значительной части удѣльныхъ крестьянъ. Съ этою цѣлью 22 февраля 1835 г. Департаментъ предписалъ управляющему Симбирской Конторой доставить соображенія о томъ, какимъ образомъ слѣдовало бы, по его мнѣнію, приступить къ этому дѣлу, т. е. завести ли породистыхъ производителей по всему имѣнію заразъ, или вести дѣло постепенно; какой породы скотъ предпочтительно заслуживалъ бы пріобрѣтенія и какъ слѣдовало бы организовать пользованіе скотомъ крестьянами.

*) Систематическимъ мѣропріятіямъ этого рода предшествовала частная мѣра, принятая по отношенію къ симбирскому имѣнію, по предложенію управляющаго Симбирской Конторой, Бестужева, о заведеніи при приказахъ подвѣдомственнаго ему имѣнія 46 жеребцовъ обвинской породы. Департаментъ въ 1831 году разрѣшилъ, въ видѣ опыта, пріобрѣсти 5 жеребцовъ, что и было выполнено въ слѣдующемъ году съ расходомъ на это 925 р. Согласно предписанію Департамента Удѣловъ объ устройствѣ конюшни тамъ, гдѣ найдется опытный крестьянинъ для надзора за лошадьми, купленные жеребцы были помѣщены въ с. Гулюшевѣ моргинскаго приказа [1]).

Управляющій Бестужевъ на это сообщилъ Департаменту, что большая часть уѣздовъ симбирской губ., по малоземелію и другимъ причинамъ, не представляетъ удобствъ для распространенія скотоводства и что для начала дѣла слѣдовало бы ограничиться улучшеніемъ овцеводства въ самарскомъ и ставропольскомъ уѣздахъ и рогатаго скота въ сызранскомъ уѣздѣ. Для первыхъ двухъ уѣздовъ онъ предполагалъ пріобрѣсти 19500 барановъ (считая по 3 барана на 100 крестьянскихъ матокъ) завода Самарина, а для крестьянъ сызранскаго уѣзда—380 быковъ (по быку на 25 крестьянскихъ коровъ) калмыцкой породы и 30 быковъ тирольской породы—спеціально для пригорода Кашпира, по естественнымъ условіямъ мѣстности считавшагося имъ сходнымъ съ гористыми мѣстами Тироля. Что касается улучшенія лошадей, то управляющій находилъ полезнымъ пріобрѣсти по 5 жеребцовъ башкирской или обвинской породы для каждаго изъ 10 приказовъ имѣнія.

Въ предписаніи Департамента Удѣловъ была высказана мысль, чтобы, послѣ заведенія производителей улучшенныхъ породъ, всѣ крестьянскіе быки, жеребцы и бараны простой породы были уничтожены или выложены, но управляющій считалъ необходимымъ примѣнить эту мѣру лишь къ крестьянскимъ баранамъ; быковъ же и жеребцовъ онъ предлагалъ оставить нетронутыми, чтобы не вооружить крестьянъ противъ нововведенія.

12 апрѣля 1835 г. было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на израсходованіе изъ хлѣбнаго капитала (согласно расчету Бестужева) 260500 р. асс. для пріобрѣтенія племенного скота, и управляющему симбирскимъ имѣніемъ было разрѣшено сперва купить 19500 барановъ, по примѣрному расчету на 195 тыс. р. Объ улучшеніи же лошадей и рогатаго скота Департаментъ Удѣловъ предложилъ Бестужеву войти въ свое время съ особыми представленіями.

Такимъ образомъ, первыя систематическія мѣропріятія по улучшенію крестьянскаго скотоводства относились къ *овцеводству*. Для начала Бестужевымъ было пріобрѣтено у мѣстныхъ землевладѣльцевъ 3180 племенныхъ барановъ испанской породы („шерсти электы, примы 1-й и 2-й и не ниже секунды"), на что израсходовано 31161 р. асс. Купленные бараны были розданы крестьянамъ самарскаго имѣнія (отдѣлившагося въ это время отъ симбирскаго), съ наставленіемъ о содержаніи ихъ, при чемъ принадлежавшіе крестьянамъ молодые бараны мѣстной породы выкладывались подъ наблюденіемъ ветеринарнаго врача.

Эта попытка улучшенія крестьянской овцы смѣшеніемъ ея съ мериносовой породой не привела, однако, къ благопріятнымъ результатамъ. Мериносовыя овцы—нѣжныя отъ природы и обладающія тонкой шерстью — не вынесли обстановки крестьянскихъ овецъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ погибла половина пріобрѣтенныхъ барановъ. Въ виду такого результата содержанія испанскихъ овецъ въ крестьянскихъ стадахъ, директоръ Земледѣльческаго Училища, Байковъ, предложилъ отдавать крестьянамъ племенныхъ барановъ лишь на время случки. Согласно этому, при 7 приказахъ самарскаго и ставропольскаго уѣздовъ были выстроены овчарни (на что израсходовано 7912 р.) и туда въ 1838 г. были переведены оставшіеся 1557 барановъ, а въ 1839 г. прикуплено еще 200 головъ. Содержаніе барановъ въ овчарняхъ и порядокъ отдачи ихъ, на время случки, крестьянамъ регулировались особо изданными на этотъ предметъ правилами *).

Чтобы сократить крупные расходы на покупку племенныхъ производителей Департаментъ Удѣловъ въ 1839 г. пришелъ къ мысли о пріобрѣтеніи для каждой овчарни по 100 мериносовыхъ матокъ для выращиванія племенныхъ барановъ на мѣстѣ. Прежде, однако, чѣмъ это предположеніе получило осуществленіе, продолжавшееся вымираніе мериносовыхъ овецъ привело директора Земледѣльческаго Училища—заключенія котораго Департаментъ Удѣловъ требовалъ по всѣмъ вопросамъ даннаго дѣла—къ мысли о непригодности разведенія чистой испанской породы въ самарской губ. и о цѣлесообразности полученія племенныхъ производителей, путемъ смѣшенія мериносовой породы съ черкасской **). Согласно этому заключенію, предположенная покупка мериносовыхъ матокъ была отмѣнена и управляющему Саратовской Конторой предписано пріобрѣсти 1400 черкасскихъ овецъ для самарскихъ овчаренъ и 500 барановъ для безплатной раздачи крестьянамъ селидьбинскаго приказа самарскаго имѣнія, испрашивавшимъ разрѣшеніе Департамента Удѣловъ на пріобрѣтеніе за свой счетъ барановъ этой породы. Въ августѣ мѣсяцѣ 1840 г. было куплено въ Землѣ Войска Донского

*) См. Св. уд. постановл., часть III, ст. 411—413.

**) По собраннымъ Байковымъ свѣдѣніямъ, черкасскія овцы происходили отъ смѣси цигайскихъ овецъ съ мериносовыми. Цигайскія матки пріобрѣтались саратовскими овцеводами въ Бессарабіи и на пути въ саратовскую губернію покрывались лучшими мериносовыми баранами. Отъ этого соединенія рождалась овца, удерживавшая крупный ростъ, мясистость и выносливость цигайской породы и получившая названіе черкасской или волошской.

700 матокъ *), стоившихъ съ доставкою 9365 р. По случаю возникшихъ у Байкова сомнѣній относительно того, принадлежать-ли купленныя овцы къ черкасской породѣ, пригодны-ли онѣ для разведенія въ самарской губ. и стоютъ-ли тѣхъ денегъ, какія за нихъ заплачены—Департаментъ Удѣловъ, по предложенію того же Байкова, предписалъ управляющему передать эти вопросы на разрѣшеніе опытныхъ въ овцеводствѣ крестьянъ. Послѣдніе дали на всѣ вопросы благопріятные отвѣты, и тогда Департаментъ предписалъ саратовскому управляющему пріобрѣсти остальные 700 матокъ и 500 барановъ. По различнымъ обстоятельствамъ—въ томъ числѣ по причинѣ засухи 1842 г.—эта покупка была отложена, и лишь въ 1844 г. пріобрѣтено 372 барана, изъ которыхъ 48, вскорѣ по прибытіи, пало отъ коросты (что было приписано неосмотрительности управляющаго самарскимъ имѣніемъ, Набокова, и ветеринара Баумера, съ которыхъ Департаментъ Удѣловъ постановилъ взыскать стоимость павшихъ овецъ), а остальные розданы были крестьянамъ селъ Елховки и Кобельмы самарскаго уѣзда.

Между тѣмъ мериносовые бараны продолжали вымирать и послѣ отдѣленія ихъ отъ крестьянскихъ овецъ, вслѣдствіе чего въ 1842 г. рѣшено было продать послѣднія 87 штукъ, оставшихся послѣ продажи 353-хъ устарѣвшихъ производителей. Изъ черкасскихъ же матокъ, купленныхъ въ числѣ 700 штукъ въ 1840 г., осталось къ 1 января 1843 г. 616; а приплода отъ нихъ и мериносовыхъ барановъ получилось 267 головъ.

Столь же недолговѣчно, какъ мериносовые бараны, было и потомство, рожденное отъ случки послѣднихъ съ крестьянскими овцами: изъ 1517 штукъ этого приплода къ 1 января 1841 г. сохранилось 495. Вслѣдствіе этого, а также по причинѣ короткой шерсти мериносовыхъ барановъ, крестьяне вообще неохотно случали съ ними своихъ овецъ.

Съ уничтоженіемъ мериносовыхъ барановъ, въ племенныхъ стадахъ остались только черкасскія овцы и ихъ приплодъ, всего (къ половинѣ 1843 года) въ количествѣ 1064 головъ. Такъ какъ эти овцы легко выносили суровыя мѣстныя зимы, то управляющій самарскимъ имѣніемъ предложилъ Департаменту Удѣловъ возвратиться къ прежнему способу содержанія племенныхъ животныхъ: отдачѣ ихъ на руки крестьянамъ. По опросу крестьянъ, требо-

*) Изъ стадъ гг. Коноковыхъ, считавшихся лучшими на Дону и происходившихъ отъ овецъ, пригнанныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II изъ Валахіи.

ванiе на племенной скотъ, въ количествѣ 576 барановъ и 2967 матокъ, предъявили 571 домохозяинъ, имѣвшихъ до 18000 собственныхъ овецъ мѣстной породы. Департаментъ Удѣловъ въ 1845 г. предписалъ отпустить крестьянамъ, подъ надзоръ приказовъ и мiрскихъ обществъ, на первый разъ, 100 барановъ и 400 матокъ, и продолжать эту раздачу въ теченiе слѣдующихъ лѣтъ, частью изъ племенного стада и частью путемъ покупки овецъ у мѣстныхъ крестьянъ. Раздача благонадежнымъ крестьянамъ должна была производиться подъ условiемъ передачи каждымъ хозяиномъ, получившимъ овецъ, въ теченiе пяти лѣтъ, изъ приплода одного животнаго — другому крестьянину. Въ теченiе 1845 — 1858 гг. крестьянамъ было роздано 549 племенныхъ барановъ и 313 овецъ изъ удѣльнаго стада, и 753 штуки, купленныя у крестьянъ селидьбинскаго приказа. Крестьяне же, получившiе отъ Удѣловъ племенныхъ животныхъ, передали до 1858 г. изъ приплода другимъ хозяевамъ 562 штуки. Вообще до 1858 г. племенными животными воспользовались 1355 хозяевъ въ 24 селенiяхъ и приплода отъ нихъ получили 16000 штукъ. Въ 1860 г. крестьяне двухъ уѣздовъ самарской губернiи имѣли уже 32667 головъ приплода отъ смѣси крестьянскихъ овецъ съ черкасскими (валахскими).

Что касается вопроса о влiянiи описанныхъ мѣропрiятiй на поднятiе крестьянскаго овцеводства вообще, то, по даннымъ, относящимся къ 1858 г., замѣтное улучшенiе стадъ наблюдалось лишь въ селахъ Кобельмѣ и Елховкѣ, получившихъ въ 1844 г. 317 штукъ черкасскихъ овецъ. Въ остальныхъ же селенiяхъ самарскаго имѣнiя приплодъ отъ смѣси простыхъ овецъ съ валахскими мало сохранилъ типъ валахской породы, вѣроятно потому, что, при незначительныхъ размѣрахъ племенного стада, раздача барановъ въ каждомъ селенiи дѣлалась лишь по одному разу. Кромѣ того, овцы давались крестьянамъ безъ соображенiя о томъ, въ состоянiи-ли послѣднiе сохранить породу или нѣтъ, и валахскiе производители, пущенные въ общiя стада, вопреки распоряженiю начальства, ходили тамъ вмѣстѣ съ простыми баранами.

По мѣрѣ сокращенiя племенного стада путемъ раздачи овецъ крестьянамъ, закрывались овчарни при приказахъ и съ 1848 г. оставлена въ дѣйствiи всего одна, чернорѣченская овчарня (въ самарскомъ уѣздѣ). Состоянiе этой овчарни вообще было весьма не удовлетворительно. Зданiе овчарни было плохо устроено: не держало тепла, не имѣло подраздѣленiй для отдѣльнаго содержанiя

барановъ и матокъ, молодыхъ и старыхъ, больныхъ и новорожденныхъ овецъ. Затѣмъ, вопреки изданнымъ правиламъ о содержаніи племенныхъ стадъ, овцы не получали достаточнаго корма и при овчарнѣ не было достаточнаго количества воды, такъ что зимою, вмѣсто водопоя, онѣ выпускались на снѣгъ. Случка животныхъ въ стадѣ производилась лѣтомъ, вслѣдствіе чего овцы ягнились отъ января до марта мѣсяцевъ, и молодые ягнята подвергались вредному дѣйствію господствующихъ въ это время холодовъ и булановъ. Кромѣ того, ягнята страдали отъ поноса,—болѣзни, свойственной вообще испанскимъ овцамъ, и потому наслѣдственной въ черноречѣнскомъ стадѣ. Вслѣдствіе этихъ причинъ обыкновенно погибало около $^1/_3$ молодыхъ ягнятъ, а смертность въ стадѣ, за исключеніемъ новорожденныхъ ягнятъ, колебалась по отдѣльнымъ годамъ между 7 и 22%. Въ черноречѣнскомъ племенномъ стадѣ признаки обѣихъ, составлявшихъ его породъ — испанской и валахской, — не слились въ одинъ постоянный племенной типъ, а выказывались попеременно на различныхъ животныхъ почти въ чистомъ видѣ, что приписывалось необновленію стада въ теченіе 17 лѣтъ новыми производителями и продолжительному смѣшенію однокровныхъ животныхъ. Овцы с. Кобельмы, усвоившія типъ валахской породы, во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ качества шерсти, превосходили овецъ племенного стада, хотя послѣднее произошло отъ смѣшенія той же породы не съ простой, а съ мериносовой. Наконецъ, ветеринарный надзоръ за стадомъ признанъ былъ неудовлетворительнымъ.

Расходъ на овчарню въ теченіе 17 лѣтъ составлялъ въ среднемъ 215 р. въ годъ, а доходъ (отъ продажи шерсти и бракованныхъ животныхъ) — 91 р. Дефицитъ въ 124 р. слѣдуетъ считать расходомъ на раздаваемыхъ крестьянамъ овецъ, которыя, такимъ образомъ, обходились Удѣламъ по 3 р. 75 коп. за штуку.

Сообщая о всемъ этомъ Департаменту Удѣловъ, управляющій Самарскою Конторою прибавлялъ, что не ожидаетъ большого вліянія племенного стада въ будущемъ на крестьянское овцеводство цѣлаго имѣнія и что, такъ какъ принятыя мѣры до извѣстной степени достигли своей цѣли, поведя къ образованію хорошей породы овецъ въ сс. Кобельмѣ и Елховкѣ, то слѣдуетъ упразднить черноречѣнскую овчарню, а для поощренія крестьянъ къ дальнѣйшему улучшенію овецъ, устраивать выставки скота, съ назначеніемъ премій за лучшія животныя. Въ

1860 г. Департаментъ Удѣловъ согласился съ этимъ заключеніемъ управляющаго и ассигновалъ, для выдачи премій, по 202 р. на приказъ, или 3838 р. на все самарское имѣніе ежегодно.

Въ 1857 г. Департаментомъ Удѣловъ было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ въ симбирскомъ имѣніи овчарни на 100 штукъ романовскихъ овецъ, но выполненіе этого нѣсколько замедлилось, а между тѣмъ въ 1859 г. симбирское дворянство учредило сельско-хозяйственное общество. Обществу этому—въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ котораго, по уставу, должны были состоять управляющіе: Симбирской, Сызранской и Алатырской Удѣльными Конторами,—было отпущено изъ удѣльнаго капитала 5000 р. единовременно и рѣшено отпускать по 1000 р. ежегодно. Этому обществу и было предоставлено произвести опытъ разведенія въ симбирской губерніи породы романовскихъ овецъ, а распоряженіе объ устройствѣ овчарни на средства Удѣловъ было отмѣнено.

Выше было сказано, что, по предположенію управляющаго симбирскимъ имѣніемъ, въ 1835 г. дѣло улучшенія крестьянскаго *рогатаго* скота въ названномъ районѣ надлежало начать пріобрѣтеніемъ, для самарскаго уѣзда, 380 быковъ калмыцкой породы и 30 тирольской, для чего испрошено было Высочайшее соизволеніе на затрату изъ хлѣбнаго капитала необходимой на на покупку скота суммы.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло это пошло не такъ, какъ первоначально предполагалось. Въ 1836 г. Вице-Президентъ Департамента Удѣловъ поручилъ служившему на царскосельской придворной фермѣ швейцарскому подданному Гофману, состоявшему агентомъ скотопромышленника Швейгера, выписать для Удѣловъ рогатый скотъ изъ за границы, и въ августѣ мѣсяцѣ 1836 г. въ Петербургъ было доставлено 35 штукъ бернской, 35 штукъ штейермаркской и 17 штукъ тирольской породы, купленныхъ за 63.600 р. асс. По случаю свирѣпствовавшей въ томъ году эпидеміи, скотъ былъ оставленъ на зиму въ Петербургѣ при Земледѣльческомъ Училищѣ, и для обученія уходу за нимъ выписаны изъ симбирскаго имѣнія 5 удѣльныхъ крестьянъ (зимовка скота въ Петербургѣ стоила около 15000 р.). На слѣдующее лѣто стадо въ 49 штукъ скота (17 холмогорской породы, 24—штейермаркской, 6—тирольской и 2—англійской) при 20 провожатыхъ было отправлено водянымъ путемъ (во избѣжаніе зараженія въ дорогѣ) въ симбирское имѣніе,

а остальной заграничный скотъ оставленъ при Земледѣльческомъ Училищѣ. Надзоръ за скотомъ въ пути возложенъ былъ на ученика Байкова, удѣльнаго крестьянина и учителя, Щербинина, въ руководство которому дана была особая инструкція. Вмѣстѣ съ тѣмъ объ отправкѣ стада сообщено было губернаторамъ тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя лежалъ путь, съ просьбою объ оказаніи каравану всякаго содѣйствія, а управляющимъ удѣльными конторами,—чтобы они осматривали на пути скотъ и провѣряли денежную кассу Щербинина.

Какъ сказано выше, заграничный скотъ предназначался для пригорода Кашпира, но затѣмъ, по причинѣ бывшей въ Кашпирѣ эпидеміи, скотъ рѣшено было оставить близъ г. Сенгилея, въ дачѣ Клинъ, гдѣ и былъ устроенъ скотный дворъ. Скотъ прибылъ сюда благополучно, находившись въ пути 42 дня, при чемъ перевозка его стоила 12000 руб. асс. Въ 1845 г. для обновленія породы было выписано еще 30 головъ тирольскаго скота, который, однако, погибъ въ пути отъ чумы, почему въ 1848 г. выписано вновь 35 тирольскихъ быковъ (расходъ съ доставкою—32 тыс. р. асс.), изъ которыхъ 20 штукъ оставлены были въ сенгилеевскомъ скотномъ дворѣ, а 15—разосланы по другимъ имѣніямъ. Тогда же пріобрѣтено было 80 головъ холмогорской породы.

На сенгилеевскомъ скотномъ дворѣ ежегодно находилось отъ 50 до 100 штукъ скота. Приплодъ отъ него или отдавался мѣстнымъ крестьянамъ, или разсылался въ другія имѣнія. Бракованные быки продавались, при чемъ въ 1857 г. Департаментъ Удѣловъ предписывалъ заботиться о томъ, чтобы при продажѣ этотъ скотъ попадалъ въ руки удѣльныхъ крестьянъ. Въ 1858 г. весь скотъ въ сенгилеевскомъ дворѣ палъ отъ чумы, и Департаментъ Удѣловъ не нашелъ нужнымъ заводить новое стадо, такъ какъ цѣль, для которой былъ устроенъ скотный дворъ, считалась имъ достигнутой и казенное завѣдываніе подобнымъ учрежденіемъ признано было неудобнымъ. Сенгилеевскій скотный дворъ за время его существованія стоилъ Удѣламъ около 100 тыс. р. сер. На содержаніе его требовалось деньгами ежегодно отъ 2 до 2½ тыс. р., при чемъ часть сѣна и соломы получалась съ собственнаго хозяйства при дворѣ.

Скотный дворъ этотъ устроенъ былъ, какъ сказано, для улучшенія крестьянскаго скотоводства, путемъ раздачи приплода племенного скота благонадежнымъ крестьянамъ приволжскихъ удѣльныхъ имѣній, по выбору мірскихъ обществъ, и хозяевамъ образцо-

выхъ усадебъ, которые должны были содержать быковъ, согласно изданнымъ для того правиламъ *), и получали право взимать въ свою пользу съ крестьянъ плату за случку, но не болѣе 25 коп. съ коровы (эта плата назначена обществами). Если бы въ теченіе года отъ быка родилось не менѣе 30 штукъ приплода, то быкъ отдавался въ собственность содержателю, который, однако, не имѣлъ права продавать его лицамъ посторонняго вѣдомства. Въ 1854 г., въ виду жалобъ бѣднѣйшихъ крестьянъ о стѣснительности для нихъ платы за случку, плата эта была отмѣнена, а содержателямъ быковъ назначено вознагражденіе отъ 20 р. до 25 р. въ годъ **).

Практика сызранскаго имѣнія скоро показала, что крупные племенные быки негодны для мелкихъ крестьянскихъ коровъ; послѣднія не только подламывались при случкѣ (въ предупрежденіе чего Департаментомъ было предписано слабыхъ коровъ случать съ племенными быками не иначе, какъ подведя ихъ подъ коновязь), но и падали во время теленья, отчего крестьяне опасались подвергать ихъ случкѣ съ племенными быками. Для устраненія этого, согласно предложенію управляющаго сызранскимъ имѣніемъ, Департаментъ Удѣловъ въ 1843 г. предписалъ крупныхъ быковъ скотнаго двора продать, а крестьянамъ отпускать быковъ не старше 2 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были измѣнены и правила содержанія быковъ въ сызранскомъ имѣніи, а именно: вмѣсто держанія быковъ круглый годъ въ стойлѣ, отчего они тучнѣли, предписано было держать ихъ лѣтомъ въ мірскомъ стадѣ ***), а на зиму поручать благонадежнымъ крестьянамъ, съ платою по 20 р. с. въ годъ за быка изъ мірскихъ суммъ.

Сенгилеевскій скотный дворъ служилъ для поставки племенного скота въ приволжскія губерніи, на которыя первоначально

*) Св. уд. пост. ч. III, прилож. № 40.

**) Въ алатырскомъ имѣніи, согласно предложенію управляющаго, плата за случку съ самаго начала замѣнена выдачей скотосодержателямъ вознагражденія отъ Удѣловъ въ размѣрѣ 20 рублей въ годъ. Это сдѣлано изъ опасенія, чтобы чуваши курмышскаго приказа, гдѣ былъ заведенъ племенной скотъ, не отказывались отъ случки съ нимъ своихъ коровъ. Въ 1856 г. возникъ вопросъ объ уменьшеніи платы за случку, причемъ, по свѣдѣніямъ доставленнымъ управляющими, оказалось, что въ саратовскомъ и самарскомъ имѣніяхъ быкосодержатели принадлежали къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, не получали никакой платы и не брали ничего съ крестьянъ за случку, довольствуясь тѣмъ, что ближе могли наблюдать за случкою своихъ коровъ. Послѣ этихъ донесеній Департаментъ Удѣловъ предписалъ платить въ названныхъ имѣніяхъ за содержаніе быковъ: въ саратовскомъ имѣніи по 15 р., а въ самарскомъ—по 10 р. за быка.

***) Эта мѣра въ алатырскомъ имѣніи была принята съ самаго начала заведенія здѣсь племенныхъ быковъ, именно въ 1844 г.

и распространялись мѣры по улучшенію крестьянскаго скотоводства. Но въ 1845 г. обращено было вниманіе на вырожденіе холмогорскаго скота въ архангельской губерніи и для подновленія этой породы выписано 30 штукъ скота слѣдующихъ породъ: дитмаршенской 2 быка и 5 коровъ, рилстермаршской 6 быковъ и 4 коровы, кремпермаршской 2 быка и 3 коровы и брейтенбергской—5 быковъ и 3 коровы *), на что израсходовано съ доставкой и застрахованіемъ около 7400 р. сер. Выписанный скотъ розданъ былъ крестьянамъ, а для новой раздачи, предполагалось пріобрѣтать экземпляры, выращенные послѣдними. Эту мѣру предположено было примѣнять въ теченіе 12 лѣтъ, но, по истеченіи назначеннаго срока, она была продлена еще на 6 лѣтъ. Судя по имѣющимся даннымъ, за время съ 1852 г. по 1857 г. у крестьянъ было куплено около 40 быковъ, по цѣнѣ отъ 25 до 35 р. сер. за штуку. Племенной скотъ отдавался въ шенкурскомъ уѣздѣ крестьянамъ-скотоводамъ, съ платою за содержаніе въ стойлѣ по 25 р. с. въ годъ и съ прибавленіемъ 10 р. за быка, успѣвшаго покрыть 50 коровъ; „черезъ 3 года за такой успѣхъ въ разведеніи породистаго скота, быкъ предоставляется въ пользу хозяина". По изданнымъ правиламъ, одинъ быкъ долженъ покрывать въ теченіе года не болѣе 50 коровъ. Скотосодержателямъ давались шнуровыя книги для записи времени отела племенной коровы и масти родившихся телятъ

Такимъ образомъ, по содержанію племенного рогатаго скота въ удѣльныхъ имѣніяхъ дѣйствовали двоякаго рода правила: одни въ приволжскихъ имѣніяхъ, другія—въ архангельскомъ. Но незадолго до того, когда прекратилось содержаніе на счетъ хлѣбнаго капитала племенного скота, а именно въ 1860 г., составлены были на основаніи опыта общія правила для всего удѣльнаго имѣнія.

Раздача племенного рогатаго скота крестьянамъ начата въ саратовскомъ и сызранскомъ имѣніяхъ въ концѣ 30-хъ гг., въ самарскомъ и алатырскомъ—въ 1844 г., архангельскомъ въ 1846 г., въ казанскомъ—въ 1848 г., въ нижегородскомъ—въ 1851 г. Главнымъ разсадникомъ племенного скота для поволжскихъ имѣній служилъ сенгилеевскій скотный дворъ **), но кромѣ того, пле-

*) Для улучшенія архангельскаго скота еще въ 1819 г. было выписано на удѣльный счетъ 22 экземпляра, преимущественно, голландской породы.

**) Такъ, въ 1843 г. изъ него было послано 9 быковъ и 5 коровъ холмогорской, штеернмаркской и тирольской породъ въ алатырское имѣніе; въ 1848 г.—5 быковъ хол-

менные быки пріобрѣтались и другими способами. Такъ, предписано было пріобрѣсти 15 штукъ племенного скота для саратовскаго имѣнія еще въ 1836 г., когда скотнаго двора въ Сенгилеѣ не существовало, а въ 1859 г. пріобрѣтено для этого имѣнія покупкой еще 22 быка разныхъ породъ; въ теченіе 1854—9 гг. въ казанскомъ имѣніи, на замѣну павшихъ и негодныхъ быковъ, куплено 3 экземпляра у мѣстныхъ крестьянъ; въ началѣ 50 гг. въ самарскомъ имѣніи пріобрѣтено покупкой у крестьянъ 9 тирольскихъ быковъ (приплода отъ 5 быковъ, доставленныхъ въ имѣніе въ 1849 г.), за 305 р. с. и 15 лучшихъ крестьянскихъ, за 310 р. с.; племенные быки (5 экземпляровъ тирольской породы) для нижегородскаго имѣнія куплены въ 1851 г. у мѣстныхъ землевладѣльцевъ [2]).

При ревизіи саратовскаго имѣнія Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ, въ 1857 г., въ имѣніи было 5 племенныхъ быковъ, изъ которыхъ 3 принадлежали къ породѣ смѣшанной изъ русской и донской, и 2 къ помѣси русской породы съ голландской. Сверхъ того, у крестьянъ находилось до 400 головъ скота, происшедшаго отъ племенного, но этотъ скотъ не представлялъ особенныхъ преимуществъ сравнительно съ туземнымъ, вслѣдствіе чего Предсѣдатель Департамента распорядился объ умноженіи числа производителей и это было достигнуто покупкой въ теченіе 1854—60 гг. 22 быковъ холмогорской, калмыцкой, киргизской и донской породъ, съ затратою на это 500 р. с. Въ это же время сдѣлано было распоряженіе объ увеличеніи числа племенныхъ быковъ также въ нижегородскомъ и симбирскомъ имѣніяхъ доставкой ихъ съ сенгилеевскаго скотнаго двора.

Наибольшее число племенныхъ быковъ у крестьянъ было въ сызранскомъ и архангельскомъ имѣніяхъ; въ первомъ изъ нихъ это число по отдѣльнымъ годамъ колебалось между 15 и 35, во второмъ—между 15 и 39. Въ остальныхъ имѣніяхъ у крестьянъ было отъ 2 до 8 племенныхъ быковъ.

Число покрытыхъ быками коровъ по 1856 г. составляло въ архангельскомъ имѣніи 5805, въ сызранскомъ 3552, въ саратовскомъ 2256, въ казанскомъ 369 (въ 1857 г. покрыто 125, а въ 1858 г. 328), нижегородскомъ (съ 1851 г.) 263. Среднее число ежегодно покрываемыхъ (до 1856 г.) племенными быками коровъ составляло: въ архангельскомъ имѣніи 528, въ сызран-

---

могорской породы въ казанское имѣніе; въ 1856 г.—2 быка холмогорской и 1 штеернмаркской породы туда-же; въ 1848 г. 15 тирольскихъ быковъ (новаго пригона) въ симбирское, самарское и алатырское имѣнія и т. д.

скомъ 222, саратовскомъ 133, въ казанскомъ 41 въ нижегородскомъ 45. Число случаемыхъ съ племенными быками коровъ, въ общемъ, довольно правильно возрастало. Почти во всѣхъ имѣніяхъ замѣчалось и возрастаніе числа коровъ, покрываемыхъ однимъ быкомъ. Это число въ сызранскомъ имѣніи колебалось по годамъ между 5 и 24, въ саратовскомъ между 5 и 57, въ нижегородскомъ между 9 и 17, въ казанскомъ между 3 и 66, въ архангельскомъ между 7 и 36. Архангельское имѣніе отличалось отъ остальныхъ устойчивостію цифръ, относящихся къ случкѣ крестьянскихъ коровъ съ племенными быками. За исключеніемъ 1846 г., когда на каждаго быка приходилось всего 7 покрытыхъ коровъ и 1855—6 гг., когда съ ними случалось по 18 коровъ, въ остальное затѣмъ время въ случку съ племенными быками пускалось въ архангельскомъ имѣніи отъ 21 до 36 крестьянскихъ коровъ.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1857 г., въ удѣльныхъ имѣніяхъ состояло слѣдующее количество улучшеннаго рогатаго скота:

въ	сызранскомъ,	племенныхъ	быковъ	35	приплода	1046
„	симбирскомъ	„	„	?	„	135
„	самарскомъ	„	„	0	„	195
„	нижегородскомъ	„	„	3	„	193
„	казанскомъ	„	„	5	„	59 *).

Въ архангельскомъ имѣніи находилось приплода заграничнаго скота: 41 быкъ и 44 коровы, 24 бычка и 41 телка, всего 150 штукъ; помѣси русскаго скота съ заграничнымъ: 197 быковъ, 602 коровы, 1062 бычка и 1095 телокъ, итого 2956 штукъ. Во всѣхъ имѣніяхъ приплодъ отъ соединенія племенного рогатаго скота съ простымъ составлялъ около 5000 головъ.

Большая устойчивость цифръ, относящихся къ случкѣ крестьянскихъ коровъ съ племенными быками, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ приплода отъ иностраннаго скота въ архангельскомъ имѣніи, служитъ, повидимому, доказательствомъ того, что крестьяне этого имѣнія съ особенной заботливостью относились къ улучшенію своего скота. И дѣйствительно, по донесенію управляющаго въ 1852 г., крестьянскій улучшенный скотъ въ этой губерніи обращалъ на себя вниманіе вологодскихъ помѣщиковъ, которые нарочно пріѣзжали въ шенкурскій уѣздъ для осмотра и покупки мѣстнаго скота.

*) Черезъ 2 года приплода было 140 головъ.

Нѣкоторую роль въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго скота игралъ и племенной скотъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ. Такъ, по донесенію управляющаго вятскимъ имѣніемъ, въ 1852 г. у крестьянъ и образцовыхъ хозяевъ находилось до 162 головъ приплода иностраннаго скота [3]).

Перейдемъ теперь къ описанію мѣръ для улучшенія крестьянскаго *коневодства*.

Выше было сказано, что первою мѣрою по улучшенію крестьянскаго скотоводства было пріобрѣтеніе въ 1831 г. 5 обвинскихъ жеребцовъ, помѣщенныхъ въ конюшнѣ при с. Гулюшевѣ симбирскаго имѣнія, и что въ планъ улучшенія крестьянскаго скотоводства, составленный управляющимъ Симбирской Конторой въ 1835 г., входило пріобрѣтеніе обвинскихъ жеребцовъ въ количествѣ 5 головъ на каждый приказъ. Слѣдующею за этимъ мѣрою было пріобрѣтеніе, въ 1836 г., 15 жеребцовъ для саратовскаго имѣнія, при чемъ, хотя Департаментомъ Удѣловъ и было предписано поручить содержаніе лошадей благонадежнымъ крестьянамъ, по избранію обществъ, но это предположеніе не осуществилось, и лошади были помѣщены при 5 приказахъ въ конюшняхъ, подъ надзоромъ наемныхъ конюховъ.

Въ это же время состоялся переходъ въ Удѣлы всѣхъ государственныхъ крестьянъ симбирской губ. и образованіе вмѣсто одной Симбирской Конторы четырехъ: Симбирской, Сызранской, Алатырской и Самарской. Послѣ этого Департаментъ Удѣловъ потребовалъ отъ управляющихъ названными конторами подробныхъ соображеній о расходахъ на пріобрѣтеніе жеребцовъ башкирской породы для подвѣдомственныхъ имъ имѣній и на ихъ содержаніе и о правилахъ, какія, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы установить по этому предмету.

Разсмотрѣвъ соображенія управляющихъ, Департаментъ пришелъ къ заключенію, что, вмѣсто содержанія жеребцовъ въ конюшняхъ, цѣлесообразнѣе отдавать ихъ благонадежнымъ и зажиточнымъ домохозяевамъ, по приговору мірскихъ обществъ, съ выдачею получившимъ извѣстной суммы на расходы по содержанію животныхъ, и съ тѣмъ, чтобы въ отношеніи употребленія жеребцовъ для приплода они слѣдовали наставленіямъ ветеринарнаго врача и допускали ихъ къ случкѣ съ крестьянскими кобылами, безъ взиманія за это какой-либо платы. Что касается породы подлежавшихъ пріобрѣтенію лошадей, то Департаментъ Удѣловъ сначала было остановился на башкирской и обвинской (разводимой въ

селеніяхъ по рѣкѣ Обвѣ въ пермской губ.), но затѣмъ для всѣхъ имѣній стали покупаться преимущественно жеребцы обвинской породы, пріобрѣтеніе которыхъ поручалось управляющему вятскимъ имѣніемъ.

Въ 1839 г. было куплено (по цѣнѣ отъ 270 до 350 р. асс. за штуку) для симбирскаго имѣнія 21 жеребецъ и для самарскаго 15 и они были размѣщены въ нѣсколькихъ приказахъ, по 3 жеребца на каждый; въ 1840 г. для алатырскаго имѣнія куплено 24 жеребца и для сызранскаго 27 шт. Въ 1840 г. управляющимъ имѣніями были препровождены составленныя директоромъ Земледѣльческаго Училища, Байковымъ, правила содержанія племенныхъ жеребцовъ *). Согласно этимъ правиламъ, племенныхъ жеребцовъ слѣдовало отдавать на руки хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, а гдѣ ихъ не было, благонадежнымъ крестьянамъ, охотникамъ до лошадей и имѣвшимъ конюшни не меньше опредѣленныхъ размѣровъ, съ уплатою имъ по 42 р. сер. за жеребца въ годъ: 28 р. на прокормъ и 14 р. за присмотръ. Въ правилахъ подробно регламентировалось содержаніе жеребца, порядокъ случки и даже содержаніе жеребыхъ кобылъ и жеребятъ. Въ то же время крестьянамъ было объявлено, что кто изъ нихъ выроститъ хорошіе экземпляры животныхъ (жеребятъ до 4-хъ лѣтъ, а бычковъ до 3-хъ лѣтъ), тѣмъ будутъ выдаваться преміи въ размѣрѣ 50 р. за жеребца и 30 р. за быка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы, для наблюденія за крестьянскимъ скотоводствомъ вообще и, въ частности, за содержаніемъ племенныхъ жеребцовъ удѣльные ветеринары объѣзжали сызранское имѣніе каждые 2 мѣсяца, а остальныя—черезъ 4 мѣсяца.

Въ 1840 г. Байковъ посѣтилъ приволжскія имѣнія и доносилъ Департаменту, что племенные жеребцы, заведенные въ саратовской губ., принадлежали къ степной породѣ, худшей сравнительно съ обвинской, а въ самарскомъ имѣніи въ числѣ племенныхъ животныхъ находились малорослыя, неспособныя значительно улучшить породу крестьянскаго скота. Поэтому онъ считалъ умѣстнымъ произвести вновь покупку жеребцовъ обвинской породы, что было бы полезно и для поддержанія этой породы, по его наблюденію, близкой къ исчезновенію. Согласно этому, Департаментъ Удѣловъ въ 1841 г. постановилъ произвести покупку обвинскихъ лошадей и въ

*) См. Сводъ уд. пост., 1843 г., часть III, прилож. № 39.

1844 г. пріобрѣтены были 24 экземпляра (по цѣнѣ 130 — 150 р. сер. за штуку) для алатырскаго имѣнія. Такъ какъ пріобрѣтеніе лошадей обвинской породы съ каждымъ годомъ становилось труднѣе и цѣна ихъ возвышалась, а изъ суммы, ассигнованной въ 1835 г. на улучшеніе крестьянскаго скотоводства, оставалось не болѣе 19 тыс. р., то въ 1844 г. Департаментъ Удѣловъ возбудилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли продолжать выписку жеребцовъ для симбирскихъ имѣній. По осмотру этихъ имѣній, Байковъ пришелъ къ заключенію, что хорошихъ племенныхъ жеребцовъ можно найти у мѣстныхъ крестьянъ (гдѣ имъ лично было осмотрѣно до 30 штукъ вполнѣ пригодныхъ животныхъ) *); поэтому дальнѣйшее пріобрѣтеніе племенного скота на сторонѣ могло бы быть оставлено. Согласно этому, Департаментъ Удѣловъ постановилъ покупать племенныхъ жеребцовъ у крестьянъ симбирскихъ имѣній, и въ теченіе 1845—1849 гг. было пріобрѣтено нѣсколько десятковъ животныхъ, по цѣнѣ отъ 50 до 100 р. сер. за экземпляръ. При этомъ, по совѣту Байкова, въ предупрежденіе смѣшенія однокровныхъ животныхъ, жеребцы, покупавшіеся въ одномъ имѣніи, не оставлялись здѣсь для приплода, а пересылались въ другое.

Покупка племенныхъ жеребцовъ на сторонѣ не была, однако, совершенно оставлена: въ 1847 г., по инипіативѣ Товарища Министра Удѣловъ, черезъ посредство дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Паленъ, куплено было на островѣ Эзелѣ 7 жеребцовъ породы доппель-клеперовъ для сызранскаго имѣнія и 12—для Земледѣльческаго Училища въ Петербургѣ, на что было израсходовано около $3^1/_2$ тыс. р. **).

Вниманіе удѣльнаго вѣдомства обращено было вновь на улучшеніе крестьянскаго скотоводства въ приволжскихъ губерніяхъ

*) Это мнѣніе Байкова подтверждалось донесеніями управляющихъ, изъ которыхъ видно, что, напр., на буинской ярмаркѣ въ 1845 г. почти всѣ продажныя обвинскія лошади, числомъ до 300, принадлежали удѣльнымъ крестьянамъ, и цѣна жеребцовъ доходила до 300 р. асс. за штуку.

**) Въ 1851 г. къ числу имѣній, гдѣ принимались мѣры для улучшенія крестьянскаго коневодства присоединилось нижегородское. Вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго скотоводства въ этомъ имѣніи поднятъ былъ въ 1850 г., послѣ представленія Товарищу Министра Удѣловъ директоромъ Земледѣльческаго Училища записки объ осмотрѣ имъ нижегородскаго имѣнія. Управляющій этимъ имѣніемъ, Даль, на запросъ Департамента относительно мѣръ улучшенія крестьянскаго скотоводства, предложилъ завести племенныхъ производителей, употребивъ на это средства, ассигновавшіяся на жалованье ветеринару при нижегородскомъ имѣніи—должность, считавшуюся имъ безполезной. Департаментъ Удѣловъ предписалъ Далю пріобрѣсти 5 жеребцовъ и 5 быковъ на суммы хлѣбнаго капитала, согласно чему въ 1851 г. куплено было 5 лошадей обвинской породы.

въ 1857 г., послѣ объѣзда этихъ имѣній Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ, М. Н. Муравьевымъ, который лично убѣдился въ недостаточности принятыхъ для этого мѣръ, и высказался за увеличеніе числа племенного скота и за сосредоточеніе его въ меньшемъ числѣ селеній. На запросъ по этому предмету самарскій управляющій объяснилъ, что мѣры Департамента не могли оказать замѣтнаго вліянія на породу крестьянскихъ лошадей уже потому, что число племенныхъ жеребцовъ никогда не превышало 15 головъ на губернію, необходимость же сосредоточенія племенного скота въ извѣстныхъ пунктахъ сознавалась и ранѣе, и потому купленные въ 1853 г. въ оренбургской губ. 10 жеребцовъ были помѣщены лишь въ двухъ селеніяхъ самарскаго уѣзда, выказывавшихъ большую охоту къ разведенію лошадей. Кромѣ того, прибавилъ управляющій въ своемъ рапортѣ, мѣры къ улучшенію лошадей могутъ имѣть успѣхъ въ самарской губ. лишь въ районѣ, тяготѣющемъ къ Казани и Симбирску, представлявшемъ рынки для сбыта приплода, но не въ остальной части губерніи, гдѣ крестьяне даже не выращивали лошадей, такъ какъ имѣли возможность пріобрѣтать ихъ въ оренбургской губ. Управляющій считалъ поэтому цѣлесообразнымъ завести племенныхъ жеребцовъ башкирской породы, какъ наиболѣе пригодной по мѣстнымъ условіямъ, лишь въ 6 приказахъ, отличавшихся богатствомъ луговъ, по 4 штуки на каждый приказъ. Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ купить только 12 жеребцовъ, а въ 1861 г., согласно представленію управляющаго, постановилъ довести эту цифру до 36,—не менѣе 2-хъ на каждый приказъ самарскаго имѣнія. Первые 12 жеребцовъ были прямо розданы благонадежнымъ крестьянамъ; послѣдніе же 24 отданы подъ надзоръ старшинъ приказовъ и ветеринарнаго врача съ тѣмъ, чтобы передача животныхъ крестьянамъ состоялась послѣ того, какъ они вполнѣ ознакомятся со способомъ ухода за племенными лошадьми.

По донесенію управляющаго саратовскимъ имѣніемъ, въ описываемое время тамъ находилось 2 племенныхъ жеребца, у крестьянъ же насчитывалось около 100 штукъ потомства племенныхъ лошадей; но эти лошади не обладали такими достоинствами, которыя дѣлали бы ихъ полезными въ смыслѣ улучшенія крестьянскаго коневодства. Поэтому, управляющій предлагалъ пріобрѣсти еще 10 обвинскихъ жеребцовъ. За трудностью отысканія лошадей этой породы, въ 1859 г. для саратовскаго имѣнія было куплено 10 лошадей башкирской породы,

которыя были помѣщены при приказахъ подъ надзоръ наемныхъ конюховъ.

Въ томъ же году пріобрѣтено для сызранскаго имѣнія 10 жеребцовъ обвинской породы и для орловскаго имѣнія 10 жеребцовъ битюгской породы.

Исчезновеніе лошадей обвинской породы на мѣстѣ ея происхожденія обратило вниманіе Департамента Удѣловъ, благодаря чему возникъ вопросъ о разведеніи указанной породы въ какомъ-либо наиболѣе удобномъ для того районѣ пермской губ. съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи снабжать лошадьми этой породы, на племя, прочія удѣльныя имѣнія *).

Управляющій пермскимъ имѣніемъ кн. Максутовъ предлагалъ достигнуть этого путемъ устройства коннаго завода, для чего, съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ, ветеринарнымъ врачемъ Якшеевымъ куплено было 2 жеребца и 10 матокъ обвинской породы, а фонъ-Паленомъ пріобрѣтено 5 жеребцовъ и 5 кобылъ породы доппель-клеперовъ. Вскорѣ, однако, мысль объ учрежденіи въ пермской губ. коннаго завода была оставлена, и новому управляющему имѣніемъ, Кеберу, было предписано раздать лошадей благонадежнымъ крестьянамъ одного приказа и учредить правильный за ними надзоръ, въ видахъ разведенія такимъ путемъ породы обвинскихъ лошадей. По осмотрѣ купленныхъ Якшеевымъ лошадей, однако, оказалось, что онѣ были не обвинской, а простой крестьянской породы, вслѣдствіе чего Департаментъ распорядился о продажѣ этихъ лошадей. Въ тоже время поднята была снова мысль объ устройствѣ коннаго завода, но управляющій Кеберъ признавалъ это излишнимъ, въ виду того, что крестьяне имѣютъ возможность пріобрѣтать изъ башкирскихъ стадъ вполнѣ отвѣчающихъ мѣстнымъ условіямъ животныхъ, по цѣнѣ отъ 15

*) Порода обвинскихъ лошадей получила свое названіе отъ рѣки Обви въ имѣніи гр. Строгановыхъ, на границѣ пермскаго и соликамскаго уѣздовъ. Произошла эта порода отъ случки финляндскихъ жеребцовъ (клеперовъ, выписанныхъ Петромъ Великимъ для завода въ оханскомъ уѣздѣ, пожалованнаго затѣмъ гр. Строгановымъ) съ матками завода гр. Строгановыхъ и отъ соединенія полученнаго такимъ образомъ приплода съ крестьянскими, башкирскими и киргизскими матками. При этомъ образовались 3 вида обвинскихъ лошадей, отличавшихся силой, выносливостью и рысистостью: 1) крупная порода, происшедшая отъ соединенія финляндскихъ жеребцовъ съ заводскими матками, въ описываемое время уже почти исчезнувшая; 2) помѣсь этой породы съ крестьянскими лошадьми, распространившаяся въ соликамскомъ, пермскомъ и оханскомъ уѣздахъ и 3) помѣсь этого послѣдняго вида съ башкирскими, киргизскими и сибирскими матками, разведенная въ осинскомъ, кунгурскомъ и красноуфимскомъ уѣздахъ. Образованію этой породы содѣйствовало, вѣроятно, не только происхожденіе ея отъ финляндскихъ производителей, но также приволье и другія особенности мѣстныхъ условій.

до 20 р. за штуку. Если же, писалъ Keберъ, Департаментъ сочтетъ нужнымъ все-таки разводить здѣсь породу доппель-клеперовъ, то достигнуть этого можно, не устраивая завода, а путемъ случки племенныхъ жеребцовъ съ крестьянскими кобылами, какъ это уже производилось и въ описываемое время. Черезъ годъ управляющій доносилъ, что ассигнованной суммы, 42 р. на лошадь, для содержанія крестьянами присланныхъ лошадей, при дороговизнѣ кормовъ, недостаточно, и такъ какъ крестьяне пермскаго имѣнія не нуждались въ улучшеніи своихъ лошадей и очень мало пользовались племенными жеребцами (за 2 года съ ними было случено всего 26 кобылъ), то, во избѣжаніе безполезныхъ расходовъ, онъ предлагалъ находившихся въ имѣніи доппель-клеперовъ продать. Въ 1861 г. 4 жеребца, 6 кобылъ породы доппель-клеперовъ и 1 штука приплода отъ нихъ были отправлены къ управляющему вятскимъ имѣніемъ, изъявившему желаніе заняться разведеніемъ этой породы. Лошади были помѣщены имъ въ конюшнѣ въ слободѣ Кукаркѣ подъ надзоръ ветеринарныхъ учениковъ и головы кукарскаго приказа, а для ухода за ними наняты конюхи.

Наибольшее вниманіе удѣльнаго вѣдомства, по предмету улучшенія крестьянскаго коневодства, какъ сказано выше, было обращено на симбирскую губ., и въ теченіе 1840—1856 гг. въ пользованіи крестьянъ находились ежегодно отъ 13 до 21 удѣльныхъ жеребцовъ въ симбирскомъ имѣніи (состоявшемъ изъ симбирскаго и буинскаго уѣздовъ), отъ 7 до 27 штукъ—въ сызранскомъ (сызранскій и сенгилеевскій уѣзды) и отъ 16 до 38—въ алатырскомъ имѣніи. Въ самарскомъ имѣніи число племенныхъ жеребцовъ колебалось между 7 и 17, въ нижегородскомъ имѣніи ихъ было 4—5 штукъ, въ саратовскомъ имѣніи въ большинствѣ слуслучаевъ и того меньше. Число покрывавшихся жеребцами крестьянскихъ кобылъ въ первыхъ трехъ имѣніяхъ обыкновенно составляло отъ 200 до 400 штукъ въ годъ. Среднее число покрывавшихся однимъ производителемъ лошадей въ общемъ возростало, хотя и неправильно, изъ года въ годъ и колебалось по годамъ: въ нижегородскомъ имѣніи между 2 и 17 головами, въ самарскомъ—между 7 и 12, въ сызранскомъ—между 5 и 23, въ алатырскомъ — между 6 и 17 и въ симбирскомъ — между 9 и 20 штуками.

Въ 1857 г. у крестьянъ осталось слѣдующее количество приплода отъ племенныхъ жеребцовъ: въ алатырскомъ имѣніи

1690 штукъ, въ симбирскомъ 1627, сызранскомъ 478, самарскомъ 381 штука, саратовскомъ 100 и нижегородскомъ 100 штукъ. Всего лучше сохранялся у крестьянъ приплодъ въ алатырскомъ и симбирскомъ имѣніяхъ, а всего хуже—въ сызранскомъ и самарскомъ. Изъ всего приплода убыло (продано и пало) въ алатырскомъ 14%. въ симбирскомъ 9%, въ сызранскомъ 59% и въ самарскомъ 50%.

Хотя приведенными цифрами положеніе дѣла улучшенія крестьянскаго коневодства въ симбирскомъ и алатырскомъ имѣніяхъ рисуется, повидимому, въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ сызранскомъ, но въ дѣйствительности чуть-ли не было прямо обратнаго. Меньшее количество приплода отъ племенныхъ жеребцовъ въ сызранскомъ имѣніи объясняется тѣмъ, что крестьяне этого имѣнія имѣли собственныхъ жеребцовъ и больше занимались воспитаніемъ молодняка для продажи. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Министра Императорскаго Двора за 1855 г. говорится, что крестьяне сызранскаго имѣнія проявляли особенную заботливость объ улучшеніи своихъ лошадей, что у нихъ было больше 80 своихъ заводскихъ жеребцовъ-производителей и въ 5 селеніяхъ анкудиновскаго и старотимошкинскаго приказовъ нѣкоторые крестьяне имѣли небольшіе конскіе заводы, и продавали лошадей своихъ заводовъ на симбирской ярмаркѣ, по цѣнѣ отъ 80 до 200 р. за штуку.

Отмѣна описанныхъ выше мѣръ для улучшенія крестьянскаго коневодства послѣдовала послѣ упраздненія въ 1862 г. общественной запашки, служившей источникомъ образованія хлѣбнаго капитала, которымъ оплачивались расходы какъ на улучшеніе крестьянскаго скотоводства, такъ и на многія другія полезныя для крестьянъ предпріятія. За послѣдніе предъ этимъ годы расходы на содержаніе племенныхъ жеребцовъ и кобылъ составляли: въ 1859 г. 7129 р., въ 1860 г. 9289 р. и въ 1861 г. 10851 р. Въ 1862 г. въ сызранскомъ, самарскомъ, орловскомъ и вятскомъ имѣніяхъ на счетъ хлѣбнаго капитала содержались только племенныя лошади, въ алатырскомъ, саратовскомъ, симбирскомъ и тверскомъ—лошади и рогатый скотъ, въ архангельскомъ и казанскомъ имѣніяхъ—только послѣдній. Съ 1863 г. расходы на содержаніе племенныхъ животныхъ были прекращены, а сами эти животныя отданы въ полное распоряженіе тѣхъ обществъ, гдѣ они находились [4]).

Одной изъ поощрительныхъ мѣръ къ поднятію крестьянскаго скотоводства въ сызранскомъ имѣніи было устройство выставокъ:

первоначально (съ 1848 г.) въ с. Царево-Никольскомъ, а затѣмъ (съ 1852 г.) также въ с. Поповкѣ и г. Корсуни. На выставкахъ въ качествѣ экспонентовъ могли участвовать только удѣльные крестьяне. За лучшіе экземпляры скота были назначены преміи въ размѣрѣ за лошадь и рогатый скотъ отъ 10 до 25 р., за свиней и овецъ отъ 3 до 10 р. На каждый приказъ ассигновалось на преміи 254 р., а на все имѣніе—4826 р. въ годъ. Присужденіе премій производилось, подъ личнымъ наблюденіемъ управляющаго конторой, крестьянами, извѣстными честностью, опытностью и хорошимъ веденіемъ хозяйства.

На выставки больше всего доставлялись: лошади, затѣмъ рогатый скотъ, овцы и очень мало свиней. Лошади принадлежали къ простой, башкирской и обвинской породамъ; рогатый скотъ—къ холмогорской, тирольской и изрѣдка штейермаркской и голландской породамъ; овцы — къ черкасской, романовской и русской породамъ; свиньи—къ русской, чудской и, рѣдко, ютландской породамъ. Число приводимыхъ на выставку экземпляровъ разныхъ животныхъ въ первые годы росло, а затѣмъ уменьшилось. Такъ, въ 1852 г. было выставлено 65 лошадей, въ 1853 г. 154 лошади, въ 1854 г. 141 лошадь, затѣмъ—103, 83, 72, 37, 55 и 40 штукъ. Количество выставленнаго рогатаго скота за тѣ же годы составляло: 27, 65, 46, 103, 34, 15, 19, 25 и 18. Количество выставляемыхъ овецъ колебалось между 4 и 34, а свиней—между 1 и 10 штуками. Общая сумма выданныхъ премій первоначально составляла около 1000 р. въ годъ, затѣмъ она уменьшилась и колебалась между 350 и 700 р. въ годъ.

Съ 1860 г., послѣ закрытія чернорѣченской овчарни, выставки для поощренія крестьянъ къ улучшенію ихъ скота начали устраиваться и въ самарскомъ имѣніи на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ сызранскомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ было устроено 8 выставокъ въ шести разныхъ селеніяхъ и предъ общимъ ихъ упраздненіемъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 г., выставки повторились въ сс. Елховкѣ и Новой Майнѣ. Въ противоположность тому, что наблюдалось въ сызранскомъ имѣніи — на выставки въ самарскомъ имѣніи крестьяне приводили скотъ русской породы. Количество выставлявшагося въ каждомъ селеніи скота колебалось между 44 и 105 штуками. Выставлялись преимущественно лошади; овцы и свиньи на самарскихъ выставкахъ играли болѣе видную роль, нежели на сызранскихъ. Сумма

выданныхъ крестьянамъ премій колебалась между 116 и 359 р. на одну выставку.

Б. Мѣры для распространенія культуры высшихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній.

Заботы о распространеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ посѣва новыхъ, болѣе высокихъ сортовъ растеній первоначально проявлялись, какъ отдѣльныя и болѣе или менѣе отрывочныя, мѣропріятія управляющихъ нѣкоторыми имѣніями. Такъ, въ 1829 г. управляющій вятскимъ имѣніемъ на примѣрѣ хозяйства помѣщика яранскаго уѣзда, Алехина, познакомился съ системой шестипольнаго сѣвооборота съ примѣненіемъ посѣва травъ, овощей, „кореньевъ" и лучшихъ сортовъ хлѣбовъ и, прельстившись высокими урожаями въ этомъ хозяйствѣ, возымѣлъ намѣреніе произвести опыты посѣва нѣкоторыхъ изъ этихъ растеній въ подвѣдомственномъ ему имѣніи. Запасшись въ усадьбѣ Алехина сѣменами ржи-вазы, озимой пшеницы и различныхъ травъ, онъ распорядился о посѣвѣ ихъ приказными головами. Опытъ травосѣянія, однако, не привелъ къ благопріятнымъ результатамъ; озимая же пшеница уродилась самъ 5—6, а рожь-ваза дала урожай отъ самъ 7 до самъ 20.

Въ 1834 г. Департаментъ Удѣловъ призналъ полезнымъ распространять посѣвы ржи-вазы во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, и такъ какъ сѣмена этого растенія, по отзыву директора Земледѣльческаго Училища, могли быть пріобрѣтены только въ Финляндіи, то они и были выписаны оттуда черезъ статсъ-секретаря, графа Ребиндера. Изъ доставленныхъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 г. 50 четвертей этихъ сѣмянъ — 14 четвертей, назначенныхъ для Земледѣльческаго Училища и для красносельскаго имѣнія, были оставлены въ Петербургѣ, а 36 четвертей препровождены были управляющимъ: московскимъ, владимірскимъ, орловскимъ, костромскимъ, симбирскимъ, новгородскимъ и архангельскимъ имѣніями съ тѣмъ, чтобы они посѣяли ихъ, согласно составленному директоромъ Земледѣльческаго Училища наставленію *) на общественной запашкѣ и изъ перваго урожая отправили сѣмена въ другія имѣнія **). Выписка сѣмянъ изъ Фин-

*) Св. уд. пост. 1843 г., ч. III, прилож. № 10.

**) Покупка сѣмянъ въ Финляндіи и доставка ихъ до Петербурга обошлись въ 3304 р., а пересылка въ вышеперечисленныя конторы стоила 1400 р.

ляндіи была повторена въ 1836 г. и вновь полученныя 25 четвертей были распредѣлены между Земледѣльческимъ Училищемъ и Конторами: Московской, Владимірской, Симбирской, Вятской и Саратовской. Небольшая часть сѣмянъ была также получена заимообразно отъ нижегородскаго землевладѣльца, Зыбина.

Сѣмена, оставленныя въ Земледѣльческомъ Училищѣ, разводились тамъ для разсылки въ удѣльныя же имѣнія; такъ, въ 1835 г. 25 четвертей сѣмянъ ржи-вазы были отправлены въ московское, владимірское, нижегородское и симбирское имѣнія. Вмѣстѣ съ ними были разосланы 100 четв. многоплоднаго американскаго овса (въ томъ числѣ 70 четв. въ симбирское имѣніе), выращеннаго также на поляхъ Земледѣльческаго Училища, гдѣ онъ уродился самъ 14. Доставка всѣхъ сѣмянъ обошлась въ 2100 р.

Сѣмена ржи-вазы постепенно привились на общественной запашкѣ и къ половинѣ 50-хъ гг. они вполнѣ замѣнили здѣсь обыкновенную рожь. Соотвѣтственно этому, названная порода ржи начала составлять замѣтную часть и общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ; а такъ какъ послѣдніе служили, между прочимъ, источникомъ сѣмянъ для засѣва крестьянскихъ полей, то рожь-ваза сдѣлалась обыкновеннымъ растеніемъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Въ 1846 г. послѣ донесенія директора Земледѣльческаго Училища о томъ, что въ удѣльныхъ имѣніяхъ мало сѣется ячменя и вовсе не разводится кукурузы, не смотря на то, что оба растенія могли бы имѣть сбытъ на заграничныхъ рынкахъ, Департаментъ Удѣловъ поручилъ ему пріобрѣсти сѣмена лучшихъ сортовъ названныхъ растеній, а управляющимъ казанскимъ, оренбургскимъ и приволжскими имѣніями, гдѣ предполагалось ввести эти растенія, было предписано приготовиться къ посѣву ихъ на общественной запашкѣ. Сѣмена какъ вышеназванныхъ, такъ и многихъ другихъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній (всего 32 сорта) были Байковымъ выписаны изъ Нью-Іорка, и въ 1847 г. препровождены въ удѣльныя конторы съ предписаніемъ роздать ихъ для посѣва болѣе надежнымъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, и тѣ изъ нихъ, которыя оказались бы соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ, разводить затѣмъ сначала на поляхъ общественныхъ запашекъ, а потомъ и на крестьянскихъ; кромѣ того, сѣмена огородныхъ растеній предлагалось раздавать благонадежнымъ крестьянамъ. Американскія сѣмена нѣкоторыхъ растеній были

посланы лишь въ приволжскія имѣнія (въ количествѣ отъ $^1/_8$ до $3^3/_4$ фунта въ каждое), а другіе сорта препровождены во всѣ удѣльныя имѣнія (кромѣ пермскаго) по 1—7 фунт. въ каждое изъ нихъ *).

Въ 1848 г. директоромъ Земледѣльческаго Училища произведено было испытаніе образцовъ уродившагося изъ американскихъ сѣмянъ ячменя, кукурузы и гороха. При этомъ лучшими были признаны ячмень съ одной образцовой усадьбы архангельскаго имѣнія и горохъ—съ усадьбы красносельскаго имѣнія. Согласно заключенію директора Земледѣльческаго Училища о пользѣ разведенія этихъ растеній во всѣхъ имѣніяхъ, въ 1848 г. всѣмъ управляющимъ (кромѣ пермскаго) послано было извѣщеніе о результатахъ испытанія и предписано стараться о разведеніи гороха и ячменя сперва въ образцовыхъ усадьбахъ, а потомъ и у крестьянъ.

По дальнѣйшимъ испытаніямъ Байковымъ доставлявшихся управляющими образцовъ растеній отъ американскихъ сѣмянъ, оказалось, что ячмень хорошо родился въ самарскомъ, оренбургскомъ, алатырскомъ, сызранскомъ, симбирскомъ, казанскомъ, московскомъ, нижегородскомъ и новгородскомъ имѣніяхъ (ячмень изъ новгородской губ. оказался почти на пудъ въ четверти тяжелѣе русскаго); горохъ хорошо дозрѣвалъ въ новгородской губ. (не смотря на то, что русскій горохъ не всегда поспѣвалъ даже въ симбирской губ.); бобы — въ сызранскомъ, а кукуруза — въ сызранскомъ, алатырскомъ, самарскомъ и симбирскомъ имѣніяхъ (въ послѣднемъ она дала урожай отъ самъ—85 до самъ 192). Согласно заключенію Байкова о томъ, что было бы полезно обратить особенное вниманіе на культуру въ каждомъ имѣніи тѣхъ растеній, которыя по опытамъ оказались для нихъ пригодными, поощряя при этомъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ наградами, Департаментъ Удѣловъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія **) и, кромѣ того, обратился ко всѣмъ управляющимъ съ предписаніемъ стараться о распространеніи американскаго ячменя и гороха среди крестьянъ.

---

*) Къ числу первыхъ принадлежали сѣмена 9 сортовъ табаку, посланныхъ ($^1/_8$ ф.) только въ саратовское имѣніе, тыквы, 5 сортовъ желтой кукурузы (канадская Дуттона) и столько же сортовъ бѣлой; 4-хъ сортовъ цвѣтныхъ и 3-хъ сортовъ турецкихъ бобовъ. Во всѣ удѣльныя имѣнія посланы сѣмена мелкихъ бобовъ, большого бѣлаго, зеленаго и сѣраго гороха, пшеницы—бѣлой кремневой, канадской кремневой, садовой и кентукской; ячменя—ранняго, поздняго или круглаго, тонкокожаго или голаго и, наконецъ, сѣмена ржи.

**) Хозяевамъ образцовыхъ усадебъ за успѣшное разведеніе растеній обѣщаны денежныя награды въ размѣрѣ 5—10 руб.

Въ 1849 г. испытанія образцовыхъ американскихъ растеній урожая 1848 г. не производилось (вѣроятно за смертью Байкова), а по испытаніи ихъ въ 1850 г. новымъ директоромъ Земледѣльческаго Училища, Потуловымъ, оказалось слѣдующее: 1) весьма удовлетворительный урожай получился въ архангельскомъ (исключая гороха), алатырскомъ и преимущественно саратовскомъ имѣніяхъ, для которыхъ Потуловъ считалъ особенно пригодными американскіе виды растеній; 2) удовлетворительные урожаи получались во владимірской губ. (кромѣ гороха) и въ Конторахъ: Вологодской, Костромской, Нижегородской и Сызранской; 3) неудовлетворительные урожаи оказались въ шести Конторахъ, изъ нихъ въ Вятской, Московской, Оренбургской и Тверской—вслѣдствіе густоты посѣва; въ Новгородской же и Орловской опредѣлить причины неурожая оказалось невозможнымъ. Представляя объ этомъ Департаменту Удѣловъ, Потуловъ, однако, объяснялъ, что вполнѣ опредѣленной оцѣнки испытанныхъ растеній онъ дать не можетъ, такъ какъ въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ управляющими, не имѣлось указанія ни на качество почвы, на которую высѣвались растенія, ни на время посѣва, ни на состояніе погоды во время сѣва. Департаментъ Удѣловъпредписалъ управляющимъ въ послѣдующіе отчеты включать и такія свѣдѣнія.

Въ 1850 г. американскія растенія воздѣлывались на 95 образцовыхъ усадьбахъ и, кромѣ того: нѣсколькими смотрителями общественной запашки, архангельскимъ ремесленнымъ училищемъ, 18-ю крестьянами (въ новгородской губ.) и на нѣсколькихъ общественныхъ запашкахъ. Что же касается результатовъ этого воздѣлыванія, то по испытанію, произведенному Потуловымъ, удовлетворительный урожай всѣхъ растеній получился лишь въ архангельской и вологодской губерніяхъ и на половину удовлетворительный—въ вятскомъ, владимірскомъ, симбирскомъ и сызранскомъ имѣніяхъ. Но и здѣсь американскій ячмень и горохъ въ большинствѣ случаевъ переродились въ мѣстные ихъ сорта. Въ остальныхъ имѣніяхъ получился неурожай американскихъ растеній, по причинѣ мороза, засухи или несоотвѣтствія растеній климату.

Послѣ этого, въ 1851 г. Департаментъ Удѣловъ обратился къ управляющимъ съ предписаніемъ, дабы они — при представленіи ежегодныхъ предположеній о засѣвѣ общественной запашки—давали свои заключенія о разведеніи въ подвѣдомственномъ имъ имѣніи тѣхъ американскихъ растеній, которыя наиболѣе соотвѣтствовали мѣстнымъ условіямъ. Въ отвѣтъ на это пред-

писаніе управляющій сызранскимъ имѣніемъ доносилъ, что, по недостатку сѣмянъ, широкое распространеніе культуры американскихъ видовъ растеній не представляется возможнымъ, почему онъ предполагалъ въ теченіе трехъ лѣтъ разводить ихъ только въ образцовыхъ усадьбахъ, тѣмъ болѣе, что, по недостаточности произведенныхъ опытовъ, нельзя опредѣлить, какія изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ. Управляющій Самарскою Конторою доносилъ, что въ подвѣдомственномъ ему имѣніи могъ бы быть разведенъ только американскій горохъ, но такъ какъ онъ мелокъ и менѣе вкусенъ, нежели мѣстный, то продолженіе его культуры управляющій считалъ излишнимъ. Согласно заключенію Потулова, Департаментъ Удѣловъ предписалъ самарскому управляющему, въ виду разнообразія почвы въ самарской губ., попробовать разводить американскій горохъ въ другихъ усадьбахъ подвѣдомственнаго ему района.

Такимъ образомъ сдѣланные опыты показали, что американскія сѣмена не особенно соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ удѣльныхъ имѣній и въ концѣ 50-хъ гг. попытки разведенія растеній отъ этихъ сѣмянъ были оставлены.

В. Распространеніе культуры картофеля.

Первоначальныя предположенія относительно распространенія культуры картофеля.— Введеніе посѣвовъ картофеля на общественной запашкѣ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Первыя извѣстія о появленіи въ Россіи картофеля относятся къ эпохѣ Петра Великаго, а первыя мѣропріятія правительства относительно распространенія культуры этого корнеплода были приняты, въ видахъ лучшаго обезпеченія народнаго продовольствія и заключались въ изданіи 31 мая 1765 г. „Наставленія о разведеніи земляныхъ яблокъ, называемыхъ потетесъ (картофель)“ *) для тѣхъ, кто пожелалъ бы заняться культурой этого растенія въ Россіи. Въ предисловіи къ этому наставленію говорится, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ введенъ посѣвъ картофеля и гдѣ изъ него печется хлѣбъ, недостатокъ и дороговизна послѣдняго отошли въ область преданія. Что же касается Россіи, то, по словамъ „Наставленія“, картофель въ то время разводился преимущественно около Петербурга — въ дворцовыхъ и помѣщичьихъ садахъ, а также у огородниковъ.

*) П. С. З. № 12406.

Идея о введенiи въ крестьянское хозяйство этого растенiя имѣлась въ виду и при образованiи Удѣловъ. Согласно „Учрежденiю объ Императорской Фамилiи", къ числу обязанностей сельскихъ должностныхъ лицъ относилось прiученiе крестьянъ къ размноженiю въ огородахъ „разныхъ надобныхъ фруктовъ и произрастенiй, особливо къ размноженiю сѣва земляныхъ яблокъ, о которыхъ, по привычкѣ поселянъ къ употребленiю ихъ, стараться, дабы и поля ими они засѣвали" (§ 190).

Въ томъ же духѣ по временамъ издавались и распоряженiя Департамента Удѣловъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ управляющимъ удѣльными конторами было предписано стараться распространять картофель въ подвѣдомственныхъ имъ имѣнiяхъ, особенно при песчаномъ грунтѣ.

Въ этихъ случаяхъ дѣло ограничивалось обыкновенно наставленiями и предписанiями. Къ фактическому же осуществленiю предположенiй о распространенiи культуры картофеля по вѣдомству Удѣловъ было приступлено въ 30-хъ гг. текущаго столѣтiя.

Поводомъ къ возбужденiю вопроса о введенiи посѣва картофеля въ удѣльныхъ имѣнiяхъ былъ неурожай хлѣбовъ въ началѣ 30-хъ гг., имѣвшiй слѣдствiемъ значительныя выдачи крестьянамъ хлѣба на продовольствiе изъ запасныхъ магазиновъ и покупку зерна на сторонѣ, для пополненiя послѣднихъ. Разсматривая постановленiе объ этомъ Департамента Удѣловъ, Министръ Императорскаго Двора положилъ резолюцiю о строгомъ наблюденiи за тѣмъ, чтобы крестьяне лучше удобряли какъ свои, такъ и общественныя поля и не привыкали пользоваться хлѣбомъ изъ магазиновъ, и о необходимости посѣва на общественной запашкѣ картофеля на случай неурожайныхъ годовъ. Во исполненiе этой резолюцiи, Департаментъ Удѣловъ 26 октября 1833 г. потребовалъ, чтобы управляющiе конторами представили соображенiя относительно посѣва картофеля на общественныхъ запашкахъ и о способахъ его сохраненiя. Въ отвѣтахъ на это предписанiе управляющiе: смоленскiй, симбирскiй, саратовскiй, владимiрскiй, красносельскiй и пермскiй считали распространенiе посѣва картофеля вполнѣ возможнымъ, а оренбургскiй, новгородскiй, орловскiй, вологодскiй, нижегородскiй—въ виду незнакомства съ картофелемъ населенiя, отсутствiя для него сбыта, трудности сохраненiя, или не подходящей почвы—находили распространенiе культуры этого растенiя затруднительнымъ или даже совершенно невозможнымъ [5]).

10 марта 1834 г. управляющимъ конторами дано было предписаніе посѣять картофель на общественныхъ запашкахъ (въ яровомъ или паровомъ полѣ) въ размѣрѣ, какой они найдутъ возможнымъ, а 23 марта имъ препровождены, составленныя директоромъ Земледѣльческаго Училища, подробныя правила о произращеніи картофельныхъ сѣмянъ, разведеніи отъ нихъ шишекъ и о сбереженіи картофеля въ зимнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ — въ виду предположенія о введеніи посѣвовъ картофеля въ крестьянскомъ хозяйствѣ—сдѣлано было распоряженіе, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно созрѣваніе картофельныхъ сѣмянъ, часть посаженнаго картофеля была предназначена для произрастанія послѣднихъ.

Лѣтомъ 1834 г. въ Департаментъ начали поступать донесенія управляющихъ о произведенныхъ посѣвахъ картофеля. Изъ этихъ донесеній видно, что въ одномъ имѣніи (воронежскомъ) не было сдѣлано посѣва картофеля, за невозможностью достать клубней для посадки, въ 4-хъ имѣніяхъ посѣвъ картофеля произведенъ былъ на площади отъ 2 до 8 десят. общественной запашки, въ 6-ти имѣніяхъ подъ картофель занято отъ 20 до 32 десят., въ орловскомъ имѣніи—60 десят., въ вятскомъ—77 десят. *). Клубни для посѣва пріобрѣтались покупкой по цѣнѣ за четверть: въ симбирскомъ, орловскомъ, нижегородскомъ и тверскомъ имѣніяхъ отъ 4 р. 75 к. асс. до 5 р. 53 к., въ пензенскомъ, вологодскомъ, тамбовскомъ, владимірскомъ, вятскомъ и пермскомъ—отъ 6 р. 74 к. до 7 р. 50 к., въ красносельскомъ имѣніи—около 8 р. и въ архангельскомъ—около 9—10 р. асс. Въ вологодскомъ и новгородскомъ имѣніяхъ часть клубней была позаимствована у крестьянъ.

Картофель, посѣянный на общественныхъ запашкахъ въ 1835 г., далъ слѣдующіе урожаи: самъ 1—2 въ архангельскомъ, вологодскомъ, новгородскомъ и красносельскомъ имѣніяхъ; самъ 2,6—въ казанскомъ имѣніи; отъ самъ 3,1 до 4,8—въ смоленскомъ, нижегородскомъ, саратовскомъ; самъ 5,2—5,6—въ владимірскомъ и тамбовскомъ и самъ 10—въ орловскомъ имѣніи.

---

*) Управляющій московскимъ имѣніемъ, въ виду всеобщаго почти распространенія у крестьянъ посѣвовъ картофеля, составлявшаго въ подмосковныхъ деревняхъ даже одинъ изъ главныхъ предметовъ культуры, представлялъ Департаменту о разведеніи картофеля на общественной запашкѣ лишь въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ еще не вошелъ въ употребленіе среди крестьянъ и гдѣ крестьяне поэтому не имѣли его сѣмянъ; но Департаментъ Удѣловъ предписалъ ему исполнять вточности данное по этому предмету распоряженіе.

Въ первомъ циркулярѣ Департамента Удѣловъ о посадкѣ картофеля на поляхъ общественной запашки, отъ 10 марта 1834 г., предписывалось избирать для посѣва яровое или паровое поле. Въ послѣдующихъ же постановленіяхъ по этому предмету вопросъ о мѣстоположеніи этого растенія въ сѣвооборотѣ разрѣшался различно. Такъ, на представленіе управляющаго симбирскимъ имѣніемъ о перенесеніи картофеля съ ярового поля въ паровое, Департаментъ Удѣловъ, согласно заключенію директора Земледѣльческаго Училища, въ 1837 г. объяснилъ, что рожь, посѣянная послѣ картофеля, даетъ плохіе урожаи, и потому перенесеніе послѣдняго на паровое поле можетъ только укрѣпить крестьянъ въ мнѣніи о вредномъ, будтобы, вліяніи культуры этого растенія на произрастаніе хлѣбовъ. При утвержденіи предположеній о способѣ обработки общественной запашки на 1842 г., постановлено на будущее время садить картофель въ озимомъ полѣ (т. е .образовать четвертое, картофельное поле), а послѣ представленія управляющаго орловскимъ имѣніемъ о томъ, что, поспѣвая позже ржи, картофель, посаженный въ озимомъ полѣ, будетъ мѣшать пастьбѣ скота по озимому жнивью, Департаментъ Удѣловъ въ 1843 г. препроводилъ въ руководство конторамъ записку по этому вопросу директора Земледѣльческаго Училища. Въ этой запискѣ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ озимое жнивье служило пастбищемъ для скота,—рекомендовалось, назначая для картофеля полосу въ паровомъ полѣ, не занимать ея озимымъ хлѣбомъ, а въ слѣдующее лѣто и затѣмъ осенью разборонить и перепахать, и посѣять на ней картофель въ то время, когда на это поле придется яровой хлѣбъ. Такимъ образомъ, посадкѣ картофеля должна была предшествовать двухлѣтняя разработка соотвѣтствующаго участка, а послѣ картофеля этотъ участокъ, вмѣстѣ съ яровымъ полемъ, обращался въ паръ, затѣмъ подъ рожь и какой-либо яровой хлѣбъ; подъ картофель же онъ попадалъ опять на шестой, девятый, двѣнадцатый и т. д. годъ, смотря по величинѣ полосы, первоначально отведенной подъ это растеніе [6]).

10 февраля 1841 г. управляющимъ удѣльными конторами послано было предписаніе о введеніи посѣва картофеля среди крестьянъ—на первый разъ хотя бы въ огородахъ, а затѣмъ на поляхъ. Подъ посадку картофеля въ каждой семьѣ предписывалось отводить не менѣе 30 кв. саж. на двѣ рабочія души (для посадки на этой площади требовалось до $1^1/_2$ четверика картофеля); гдѣ же картофель и безъ того разводился кре-

стьянами въ указанномъ или большемъ количествѣ, тамъ управляющимъ рекомендовалось заботиться о дальнѣйшемъ распространеніи культуры этого растенія. Всѣ операціи по культурѣ картофеля предписывалось производить по приложенному къ циркуляру наставленію *), подъ наблюденіемъ сельскихъ старшинъ и смотрителей общественной запашки, при чемъ съ осени 1841 г. должно было быть начато и приготовленіе въ поляхъ земли для картофеля. Управляющимъ предписывалось объявить крестьянамъ на мірскихъ сходкахъ, что за неисполненіе изложеннаго распоряженія Департамента они будутъ подвергаемы взысканію, а при успѣшномъ разведеніи картофеля въ полѣ получатъ награду въ размѣрѣ 2 р. с. за каждыя ½ десятины, занятыя этимъ растеніемъ и входящія въ сѣвооборотъ съ зерновыми хлѣбами.

Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ управляющимъ было предписано увѣдомить Департаментъ Удѣловъ, достанетъ ли у нихъ картофеля для посадки его въ указанныхъ размѣрахъ на крестьянскихъ поляхъ, огородахъ и на общественной запашкѣ, и какимъ образомъ они предполагаютъ пополнить недостатокъ картофельныхъ клубней. Такой же запросъ посланъ былъ управляющимъ и въ слѣдующемъ году.

Отвѣты управляющихъ на эти предписанія показали, что распоряженіе Департамента Удѣловъ относительно введенія культуры картофеля въ крестьянское хозяйство, въ размѣрахъ, предположенныхъ въ циркулярѣ 10 февраля, за недостаткомъ клубней для посадки, не осуществлялось во многихъ имѣніяхъ въ теченіе 2—3 лѣтъ. Такъ, для посадки въ 1842 г. не хватило картофеля въ пермскомъ имѣніи 300 четв., въ оренбургскомъ 2000 четв., въ костромскомъ 3300 четв., въ саратовскомъ около 6000 четв. Въ оренбургскомъ и саратовскомъ имѣніяхъ недостатокъ клубней обнаружился и въ 1843 г. Управляющіе принимали разныя мѣры для пополненія этого недостатка; они перевозили запасной (съ общественной запашки) картофель изъ одного приказа въ другой, не всегда стѣсняясь большими разстояніями, вслѣдствіе чего расходы крестьянъ на доставку достигали иногда размѣровъ продажной стоимости картофеля (такъ это было, напр., въ 1842 г. въ вологодской губ., когда перевозка 225 четв. картофеля весной на протяженіи отъ 100 до 280 верстъ обошлась

*) Св. уд. пост. 1843 г. ч. III, прилож. № 12.

крестьянамъ въ 551 р. с.) *); побуждали крестьянъ розыскивать продающійся картофель и покупать его, вмѣняя въ обязанность приказнымъ должностнымъ лицамъ помогать имъ въ розыскѣ и содѣйствовать пріобрѣтенію необходимаго количества клубней по сходной цѣнѣ; наконецъ, предполагали покупать картофель на счетъ хлѣбнаго капитала, для раздачи крестьянамъ заимообразно. Департаментъ обыкновенно не разрѣшалъ покупки картофеля на счетъ хлѣбнаго капитала, а предписывалъ ограничиться посадкой его на крестьянской землѣ въ томъ количествѣ, какое крестьяне могли достать собственными средствами.

Изъ болѣе подробнаго донесенія управляющаго новгородскимъ имѣніемъ видно, что дѣло распространенія посѣвовъ картофеля въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ 1842 г. находилось въ этомъ районѣ въ слѣдующемъ положеніи. Въ красностанскомъ и песовскомъ приказахъ, находящихся близъ г. Новгорода, крестьяне уже давно производили посѣвы картофеля и нѣкоторые изъ нихъ въ размѣрахъ, превышавшихъ назначенные циркуляромъ 10 февраля 1841 г. Въ сѣверной части губерніи, въ приказахъ казанскомъ, петропавловскомъ и никольскомъ, гдѣ было сосредоточено около 14 тыс. ревизскихъ душъ, посадка картофеля въ незначительномъ количествѣ также практиковалась раньше, а въ 1842 году посѣвъ его былъ произведенъ въ полномъ размѣрѣ согласно циркуляру, при чемъ — насколько управляющій могъ заключить изъ бесѣдъ съ крестьянами на сходкахъ—земля для него обработывалась подъ руководствомъ головъ, согласно изданнымъ на этотъ счетъ правиламъ. Въ спасскомъ отдѣленіи, гдѣ населеніе отвлекалось отъ хозяйства водяными промыслами на рѣкѣ Шекснѣ, посадка картофеля была произведена хотя и въ должной мѣрѣ, но безъ соблюденія предписанныхъ для этого правилъ. Нѣсколько лучше, но все-таки неудовлетворительно (по неопытности крестьянъ и начальствующихъ лицъ), выполнено было это дѣло въ заборовскомъ (боровицкаго и тихвинскаго уѣздовъ), рождественскомъ (вологодскаго уѣзда), бургскомъ (демянскаго уѣзда) приказахъ, населеніе которыхъ и раньше разводило картофель въ огородахъ; что же касается крестьянъ оханскаго отдѣленія (устюжскаго уѣзда), вовсе еще незнакомыхъ съ этой культурой, то, для наученія ихъ данному дѣлу, на осень 1841 г. и весну

*) Послѣ этого Департаментъ Удѣловъ издалъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ необходимости перевозки общественнаго картофеля, управляющіе старались исполнить это осенью, до наступленія морозовъ и при неиспорченныхъ дорогахъ и представляли Департаменту о расходахъ, при перевозкѣ дальше 30 верстъ.

1842 г. командированъ былъ свѣдущій въ хозяйствѣ чиновникъ, Новицкій, подъ руководствомъ котораго и производилась посадка картофеля на общественной запашкѣ.

Распоряженія Департамента Удѣловъ относительно введенія посѣвовъ картофеля вызвали мѣстами безпорядки среди крестьянъ. Такъ, крестьяне мостовинскаго отдѣленія вятскаго имѣнія еще въ 1834 г. отказались обработывать подъ картофель поля общественной запашки, ссылаясь на неподходящій для картофеля грунтъ земли и на обременительность требующейся для этого натуральной повинности. Крестьяне многихъ раскольничьихъ деревень красносельскаго приказа, владимірской губ., въ 1841 г. отказались отъ введенія посѣвовъ картофеля на своей землѣ, какъ по причинѣ неупотребленія его ими въ пищу, такъ и находя его несоотвѣтствующимъ мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ. Въ первомъ случаѣ неповиновеніе крестьянъ было прекращено при помощи земской полиціи, поддержанной нѣсколькими казаками; во второмъ случаѣ крестьяне были приведены къ повиновенію увѣщаніями помощника управляющаго.

Не смотря, однако, на всѣ затрудненія, обусловливаемыя неопытностью крестьянъ и ихъ предразсудками съ одной стороны и недостаткомъ клубней для посадки — съ другой, въ общемъ, предположенія Департамента Удѣловъ о введеніи въ крестьянское хозяйство посѣвовъ картофеля были осуществлены довольно скоро, и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ картофель извѣстенъ былъ раньше *), посадка его въ первые же годы произведена была въ большихъ размѣрахъ противъ назначеннаго (нижегородское, тверское, орловское и др.). Но въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла наблюдался скорѣе упадокъ, нежели развитіе культуры картофеля на крестьянской землѣ. Такъ, посадка этого растенія крестьянами, составляя въ 1842 г. во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ (при 1603 т. наличныхъ душъ обоего пола) 69,4 т. четв., или 0,043 четв. на душу, а въ 1843 г.—79,2 тыс. четв., въ теченіе четырехъ слѣдующихъ лѣтъ возросла (при 1720 тыс. душъ

*) Въ архангельской губ., напр., заботы о распространеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ культуры картофеля удѣльная администрація проявляла еще въ 20-хъ гг. Такъ, въ 1828 г., послѣ циркуляра объ этомъ Департамента Удѣловъ, управляющій имѣніемъ предписалъ сельскимъ старшинамъ принять мѣры къ возможному разведенію картофеля, и въ этомъ году его было посажено 667 четв. (а уродилось 651 четв.). Въ сороковыхъ годахъ крестьянамъ обоего пола на мірскихъ сходкахъ давались объясненія относительно воздѣлыванія изъ картофеля муки, печенія изъ него хлѣба и т. п. Эти объясненія имѣли нѣкоторый успѣхъ и въ 1849 г., напр., по донесенію управляющаго, крестьянами было выпечено болѣе 15000 пуд. картофельнаго хлѣба.

обоего пола) до 88,9 тыс. четв., или 0,052 четв. на душу, но съ 1848 г. начала уменьшаться и опустилась въ 1852 г. (при 1741 тыс. душъ населенія) до 66,8 тыс. четв., или 0,038 четв. на душу, а въ 1853 году составляла 67,4 тыс. четв. Сокращеніе посадки крестьянскаго картофеля въ теченіе періода времени отъ 1848 г. до 1853 г. въ разныхъ имѣніяхъ произошло далеко не въ одинаковомъ размѣрѣ. Сокращеніе посѣва его въ 5 и болѣе разъ имѣло мѣсто въ казанскомъ и новгородскомъ имѣніяхъ, въ 2—3 раза—во владимірскомъ, костромскомъ, красносельскомъ и пермскомъ имѣніяхъ; незначительное сокращеніе культуры или даже ея возрастаніе (въ 1853 г. сравнительно съ 1847 г.) наблюдалось въ вологодскомъ, вятскомъ, московскомъ, тверскомъ, орловскомъ, саратовскомъ и симбирскомъ имѣніяхъ.

Въ 1854 г. посѣвъ картофеля увеличился до 72,3 тыс. четв., и затѣмъ, продолжая возрастать, дошелъ въ 1858 г. (при населеніи въ 1819 тыс. душъ обоего пола) до 83,5 тыс. четв., или 0,046 четв. на душу. Такимъ образомъ, во второй половинѣ 50-хъ гг. крестьянами сажалось меньше картофеля, нежели въ періодъ времени 1844—1847 гг. и лишь въ 1859 г. цифра посадки превзошла всѣ предшествовавшія, составляя 95,2 тыс. четв., а въ 1861 г. крестьянами высѣвалось (при населеніи 1846 тыс. душъ обоего пола) 98,6 тыс. четв. картофеля, или 0,053 четв. на душу, т. е. относительно почти столько же, что и въ 1848 г.

Сокращеніе крестьянами посѣвовъ картофеля въ теченіе конца 40-хъ и начала 50-хъ гг. находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ неурожаяхъ этого клубня въ концѣ 40-хъ гг., обусловленныхъ его болѣзнью, и въ прекращеніи съ 1848 г. посадки картофеля на поляхъ общественной запашки, вслѣдствіе чего крестьяне потеряли одинъ изъ источниковъ снабженія ихъ клубнями для посѣва. Болѣзнь картофеля, впрочемъ, больше поражала общественные его посѣвы, нежели крестьянскіе. *).

*) Это видно изъ того, что, хотя урожай этого клубня на поляхъ общественной запашки въ первые три отчетные года превышалъ урожай крестьянскаго картофеля (тотъ и другой составляли въ 1842 г.—самъ $3^3/_4$ и самъ $2^2/_3$, въ 1843 г.—самъ $4^1/_7$ и $3^7/_8$, въ 1844 г.—самъ $4^3/_5$ и $3^5/_8$), въ годы болѣзни картофель на запашкахъ родился хуже, чѣмъ у крестьянъ (въ 1846 г. урожай общественнаго картофеля былъ самъ $2^1/_2$, крестьянскаго—самъ $2^9/_{10}$, въ 1847 г.—самъ $2^3/_4$ и $2^2/_3$, въ 1848 г.—самъ 3 и $3^2/_5$). Изъ приведенныхъ цифръ видно, что урожай крестьянскаго картофеля въ первые 3 года обязательнаго его разведенія превышалъ самъ $3^1/_2$, но не достигалъ 4; въ годы болѣзни онъ упалъ ниже 3, а затѣмъ держался нѣсколько ниже $3^1/_2$ до 1852 г., когда онъ достигъ этой послѣдней цифры, а въ слѣдующіе годы (кромѣ 1854 и 1857) стоялъ выше ея, при чемъ въ 1852, 1856 и 1858—1861 гг. крестьянскій картофель родился самъ 4 и больше.

Послѣ появленія извѣстія о картофельной болѣзни, названной директоромъ Земледѣльческаго Училища „сухой гнилью“,—согласно заключенію Байкова о необходимости пріостановиться посадкой клубней и выращивать нѣкоторое время картофель изъ сѣмянъ,—Департаментъ Удѣловъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы сѣмена картофеля были выращены хозяевами образцовыхъ усадебъ, сначала (въ 1846 г.) оренбургскаго имѣнія, а затѣмъ (въ 1848 г.) хозяевами симбирскаго, алатырскаго, саратовскаго и орловскаго имѣній, и разосланы во всѣ остальныя имѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что цѣль введенія картофеля на поляхъ общественной запашки—ознакомленіе населенія съ пріемами его культуры—достигнута, и что дальнѣйшее его разведеніе здѣсь представляется излишнимъ. Поэтому, въ 1848 г. было сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ посадки картофеля на общественной запашкѣ, а крестьянамъ было объявлено, что лучшимъ средствомъ для прекращенія картофельной болѣзни служитъ разведеніе картофеля отъ сѣмянъ, которыя въ скоромъ времени и обѣщано было имъ доставить; но если бы болѣзнь появилась раньше этого, то совѣтовалось на время вовсе пріостановиться воздѣлываніемъ этого растенія, и во всякомъ случаѣ предлагалось перенести его на другое мѣсто поля или усадьбы, а бывшую подъ картофелемъ землю засѣять на первый годъ ячменемъ, а на второй—овсомъ съ кормовыми травами. Въ этихъ видахъ управляющимъ предписывалось запастись сѣменами послѣднихъ.

Предположеніе Департамента Удѣловъ о введеніи посѣва картофеля вмѣсто его посадки не получило, однако, осуществленія, потому что хозяева образцовыхъ усадебъ, которымъ поручено было выращиваніе сѣмянъ, доставляли ихъ въ очень незначительныхъ количествахъ, и кромѣ того сѣмена, выращенныя какъ ими, такъ и на фермѣ Земледѣльческаго Училища, и разосланныя въ разныя удѣльныя имѣнія, или вовсе тамъ не всходили, или давали очень плохой плодъ.

Выше было сказано, что Департаментъ Удѣловъ предполагалъ награждать крестьянъ за успѣшное разведеніе картофеля денежными выдачами въ размѣрѣ 2 р. за каждыя $^1/_2$ десятины полевого посѣва [7]). За время съ 1842 по 1847 г. награды были выданы въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ московскомъ имѣніи около 310 р., въ казанскомъ—180 р., симбирскомъ—130 р., вятскомъ—80 р., красносельскомъ—16 р., пермскомъ—4 р. и орловскомъ—

4 р. Награды выдавались изъ года въ годъ преимущественно однимъ и тѣмъ же лицамъ [8]). Въ 1848 г. выдачи наградъ были отмѣнены, такъ какъ, согласно представленію директора Земледѣльческаго Училища, распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ картофеля шло и безъ того успѣшно, въ виду же появившейся картофельной болѣзни, усиленная посадка этого растенія представлялась не желательной.

Г. Мѣры для распространенія травосѣянія.

Первоначальныя предположенія и мѣры для введенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ посѣва травъ.—Начало травосѣянія во владимірской и костромской губерніяхъ.—Общія мѣропріятія по этому предмету.

Мысль о введеніи травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ мелькала въ сознаніи представителей удѣльной администраціи съ момента основанія этого учрежденія. Такъ, еще въ первыхъ предположеніяхъ Департамента (тотчасъ послѣ образованія Удѣловъ) о поднятіи промышленности удѣльныхъ крестьянъ, наряду съ другими мѣрами, фигурировало и устройство примѣрныхъ усадьбищъ съ пятипольнымъ сѣвооборотомъ и травосѣяніемъ. Въ 1829 г. управляющій вятскимъ имѣніемъ, ознакомившись съ травосѣяніемъ на примѣрѣ хозяйства помѣщика яранскаго уѣзда, Алехина, сдѣлалъ опыты посѣва травъ, чечевицы и горошковъ, оказавшіеся неудачными.

Но первыя систематическія мѣропріятія Департамента Удѣловъ по введенію травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ относятся къ 1839 г. Въ концѣ этого года Вице-президентъ Департамента Удѣловъ, сообщая директору Земледѣльческаго Училища, Байкову, что нѣкоторые удѣльные крестьяне изъявили желаніе ввести у себя посѣвъ кормовыхъ травъ,—клевера, тимотеграссъ (тимофеевки) и другихъ—предложилъ ему дать свои соображенія о томъ, сѣмена какихъ именно травъ и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ послать въ различныя удѣльныя имѣнія. Согласно мнѣнію Байкова, было рѣшено на первый разъ ограничиться высылкой сѣмянъ въ московское, владимірское, нижегородское, костромское и вятское имѣнія; раздавать сѣмена безденежно, черезъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ (не болѣе 2 фунт. клевера и 1 фунт. тимофеевки въ однѣ руки), тѣмъ крестьянамъ, которые сами будутъ просить объ этомъ, научая ихъ въ то же время правиламъ травосѣянія.

Сѣмена травъ въ требуемомъ размѣрѣ (34 пуд. клевера и 17 пуд. тимофеевки—по расчету 2 пуд. перваго и 1 пуда второй на каждую изъ 17-ти образцовыхъ усадебъ въ перечисленныхъ имѣніяхъ) были пріобрѣтены, не безъ затрудненія, частью въ Петербургѣ, частью въ подмосковномъ имѣніи Гр. Апраксиной. За 40 п. клевера и 17 пуд. тимофеевки заплочено 470 р. с.

Сѣмена эти были получены въ удѣльныхъ конторахъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., но, въ большинствѣ случаевъ, не были употреблены по назначенію, такъ какъ крестьяне не внимали внушеніямъ управляющихъ и не приступали къ производству опытовъ травосѣянія. Изъ донесеній управляющихъ видно, что сѣмена были взяты только 11 крестьянами вятскаго имѣнія, 34 крестьянами костромского, однимъ приказнымъ головой и однимъ священникомъ. Кормовыя травы высѣвались кромѣ того хозяевами образцовыхъ усадебъ.

Новыя попытки распространенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ травосѣянія предприняты были въ половинѣ 40-хъ гг. Дѣло началось съ судогодскаго уѣзда, владимірской губ.

Вновь назначенный управляющимъ этимъ имѣніемъ, Барыковъ, нашелъ, что селенія судогодскаго уѣзда, въ особенности большегригоровскаго, воскресенскаго и никологорскаго приказовъ, отличались исключительнымъ недостаткомъ луговъ, отражавшимся на состояніи крестьянскаго скотоводства. Это привело управляющаго къ мысли о желательности распространенія травосѣянія и, чтобы показать крестьянамъ выгоды культуры травы, онъ предположилъ въ каждомъ изъ 14 участковъ общественной запашки вышеназванныхъ приказовъ отдѣлить по 1 дес., бывшей въ предшествовавшемъ году подъ картофелемъ, для посѣва на ней, по льну, клевера (1 пудъ на дес.) съ тимофеевкой (10 ф. на дес.), а чтобы расположить крестьянъ къ нововведенію, предполагалъ отдать урожай травъ безплатно тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ участвовать въ этой работѣ. Въ то же время Барыковъ убѣдилъ крестьянина дер. Большого-Григорова, Никиту Григорьева, произвести опытъ посѣва травъ.

Григорьевъ посѣялъ клеверъ по льну на 515 кв. саж. своей усадьбы въ 1844 г., а 14 дес. общественной запашки и 10 дес. въ образцовыхъ усадьбахъ были засѣяны въ 1845 г. Первый сборъ травы на участкѣ Григорьева въ 1845 г. далъ 100 пуд. сѣна, и такой успѣхъ опыта вызвалъ много подражателей: въ 1846 г. трава была посѣяна 92 отдѣльными домохозяевами по

яровому хлѣбу на усадьбахъ и 11 селеніями цѣликомъ въ поляхъ, на особыхъ участкахъ, — всего на 18 дес. земли; сѣмена даны были имъ безплатно. Григорьевъ за свой опытъ получилъ, по предложенію управляющаго имѣніемъ, въ награду: 5 р. сер. деньгами и (по предложенію Байкова) красный шелковый кушакъ съ казенной печатью и надписью „Никитѣ Григорьеву, за травосѣяніе". О выдачѣ наградъ было объявлено крестьянамъ владимірскаго имѣнія и костромского, гдѣ предполагалось также вводить посѣвы травъ. Въ слѣдующемъ году урожай сѣянныхъ травъ у 55 хозяевъ далъ 155 пуд. на десятину и Департаментъ Удѣловъ, по предложенію Барыкова, наградилъ этихъ крестьянъ шапками (цѣною отъ 50 к. до 1 р. сер.), кушаками (цѣною отъ 2 р. до 3 р.) или деньгами (по 3—4 р. сер.), а объ успѣхѣ ихъ попытки и о полученныхъ ими наградахъ предписалъ объявить на мірскихъ сходкахъ во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, съ предувѣдомленіемъ, что такія же награды получитъ всякій крестьянинъ, который займется посѣвомъ травъ; кромѣ того управляющимъ конторами въ 1847 г. было предписано одновременно съ общими годовыми свѣдѣніями доставлять въ Департаментъ и свѣдѣнія о ходѣ травосѣянія среди крестьянъ. Въ слѣдующемъ году производить посѣвъ травъ въ судогодскомъ уѣздѣ выразили желаніе еще 100 отдѣльныхъ домохозяевъ и 36 селеній; урожай былъ 160 пуд. съ дес. Крестьяне, сѣявшіе траву не менѣе какъ на 100 кв. саж., получили шелковые кушаки и шапки, а остальнымъ была объявлена „благодарность" и „особенная благодарность", о чемъ было сдѣлано извѣстнымъ всему владимірскому имѣнію.

Между тѣмъ посѣвъ травъ на общественныхъ запашкахъ продолжался своимъ порядкомъ, и цѣлью его было какъ ознакомленіе крестьянъ съ пріемами травосѣянія, такъ и полученіе сѣмянъ для крестьянскихъ посѣвовъ, въ виду того, что покупныя сѣмена были дороги и часто ненадежны. Послѣ того, какъ къ посѣву травъ приступило довольно значительное число крестьянъ трехъ вышеназванныхъ приказовъ, управляющій владимірскимъ имѣніемъ, считая это дѣло въ судогодскомъ уѣздѣ упроченнымъ, вошелъ въ 1847 г. въ Департаментъ Удѣловъ съ предложеніемъ—для убѣжденія крестьянъ въ возможности сѣять траву въ поляхъ—ввести ее въ сѣвооборотъ на общественной запашкѣ, замѣнивъ трехполье шестипольемъ. Не смотря на то, что эта послѣдняя система была въ 1844 г. рекомендована Ба-

рыкову Байковымъ, послѣднiй высказался противъ предложенiя, опасаясь, что хорошiе урожаи травъ на общественной запашкѣ могутъ привести крестьянъ къ ошибочному заключенiю, что травосѣянiе умѣстно лишь на землѣ, удобренной и разработанной, подобно общественной запашкѣ. Съ своей стороны Байковъ предлагалъ совершенно отмѣнить посѣвъ травъ на общественной запашкѣ, и вмѣсто того обращать подъ траву такiя сырыя, потныя мѣста, которыя считались крестьянами ни къ чему негодными и даже не облагались поземельнымъ сборомъ. Департаментъ согласился съ мнѣнiемъ Байкова, и съ 1848 г. посѣвъ травъ на общественной запашкѣ въ судогодскомъ уѣздѣ былъ отмѣненъ.

Въ то же время начало сокращаться и травосѣянiе у крестьянъ. Послѣ того, какъ въ 1847 г. посѣвъ травъ былъ ими сдѣланъ на 29 дес.,—въ 1848 г. 71 домохозяевами и 24 цѣлыми селенiями высѣяно всего 17 дес., въ 1849 г.—6 дес., а въ слѣдующемъ году посѣвъ травъ прекратился и самыя сѣмена ихъ были утрачены. Хотя затѣмъ, по настоянiю Департамента, нѣсколько десятковъ крестьянъ и были „убѣждены“ произвести посѣвъ травъ въ 1854 и 1855 гг., но сборъ сѣна оказался очень неудовлетворительнымъ, и въ 1857 г. травосѣянiе въ владимiрской губ. было формально прекращено.

Причины неуспѣха мѣропрiятiя, начатаго, повидимому, такъ удачно, по объясненiю управляющаго владимiрскимъ имѣнiемъ, заключались, прежде всего, въ неумѣнiи крестьянъ взяться за дѣло, вслѣдствiе чего они пропускали время сбора сѣмянъ и лишались такимъ образомъ возможности производить вновь посѣвъ травы, или портили сѣмена при сушкѣ; вторую причину неудачи управляющiе видѣли въ рядѣ сухихъ лѣтъ, вредно влiявшихъ на урожай травъ и подорвавшихъ въ крестьянахъ довѣрiе къ рацiональности травосѣянiя.

Нѣсколько позже, нежели въ владимiрской губ., вопросъ о травосѣянiи поднятъ былъ и по отношенiю къ костромской губ.

Въ началѣ 1845 г.—по запросу Министра Императорскаго Двора о причинахъ слабаго развитiя скотоводства въ костромскомъ имѣнiи—Департаментъ Удѣловъ потребовалъ отзыва управляющаго о мѣрахъ къ увеличенiю скотоводства крестьянъ, указывалъ ему съ своей стороны на пользу посѣва травъ на скудныхъ лугахъ и предписалъ засѣять клеверомъ десятину поля общественной запашки послѣ картофеля, предоставляя урожай травъ крестьянамъ, которые будутъ производить посѣвъ. На это

предписаніе управляющій, Величко, донесъ, что по количеству имѣвшихся сѣмянъ онъ посѣялъ траву всего на880 саж. общественной запашки; что же касается слабаго развитія скотоводства (обусловленнаго недостаткомъ сѣнокосовъ), особенно чувствительнаго въ юрьевецкомъ уѣздѣ, то, по мнѣнію управляющаго, это можетъ измѣниться лишь послѣ того, какъ крестьяне научатся у хозяевъ образцовыхъ усадебъ стойловому содержанію скота. Одновременно о мѣрахъ для поднятія крестьянскаго скотоводства былъ спрошенъ и директоръ Земледѣльческаго Училища, который отвѣтилъ, что этому можно способствовать теперь же расширеніемъ кормовой площади, путемъ обращенія въ сѣнокосы различныхъ малоудобныхъ и неудобныхъ пространствъ. Тогда Департаментъ Удѣловъ 5 января 1846 г. предложилъ управляющимъ уже всѣми удѣльными имѣніями обратить вниманіе на находившіеся во многихъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, кустарники и небольшія болотца, способные, послѣ расчистки или осушки съ послѣдующимъ засѣвомъ травой, превратиться въ хорошіе сѣнокосы. Вмѣстѣ съ этимъ, по совѣту Байкова, Департаментъ рекомендовалъ управляющимъ добывать сѣмена травъ съ лучшихъ крестьянскихъ сѣнокосовъ, нанимая для этого особые участки. Черезъ мѣсяцъ Департаментъ сообщилъ управляющимъ, что кормовыя травы „превосходно родятся отъ посѣва ихъ по овсу, яровой ржи, яровой пшеницѣ, ячменю и льну“.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1847 г. костромской управляющій доносилъ, что онъ поступилъ согласно данному ему наставленію о пріобрѣтеніи сѣмянъ травъ, но, по свойству поемныхъ луговъ, получилъ сѣмена грибныхъ и осоковатыхъ травъ, а не клевера и тимофеевки, произраставшихъ въ костромской губ. въ весьма незначительномъ количествѣ и просилъ Департаментъ Удѣловъ о доставленіи сѣмянъ этихъ послѣднихъ растеній для раздачи крестьянамъ, выражавшимъ согласіе произвести посѣвъ травъ въ огородахъ. Въ отвѣтъ на это были посланы всѣмъ управляющимъ сѣмена травъ, собранныя съ луговъ Земледѣльческаго Училища „въ такомъ видѣ, въ какомъ они чрезвычайно облегчаютъ уборку, въ сравненіи съ обыкновенною, весьма способны для посѣва тоже безъ обыкновенной примѣси земли, что до того времени составляло одно изъ затрудненій“. Сѣмена эти предписывалось раздать хозяевамъ образцовыхъ усадебъ и смотрителямъ общественныхъ запашекъ съ предписаніемъ собирать по образцу ихъ сѣмена дикихъ кор-

мовыхъ травъ, для распространенія посѣва тамъ, гдѣ въ этомъ настояла надобность.

Такимъ образомъ дѣло, первоначально начатое въ видѣ частной мѣры по одной-двумъ губерніямъ, скоро обратилось въ общую мѣру для всѣхъ удѣльныхъ имѣній, и въ 1849 г. управляющимъ было подтверждено объ успѣхахъ разведенія кормовыхъ травъ доставлять въ Департаментъ свѣдѣнія непремѣнно въ томъ самомъ году, когда будетъ произведенъ посѣвъ травъ и ихъ уборка.

Изъ циркуляровъ по этому предмету видно, что дѣятельность управляющихъ по приведенію въ исполненіе предположеній Департамента должна была состоять: 1) въ производствѣ посѣва травъ на общественныхъ запашкахъ, съ цѣлью ознакомленія крестьянъ съ этой культурой; 2) въ распространеніи посѣва травъ среди крестьянъ на отдѣльныхъ постоянныхъ пахатныхъ или сѣнокосныхъ участкахъ, для чего управляющіе должны были заботиться о снабженіи крестьянъ сѣменами кормовыхъ травъ и 3) въ обращеніи въ сѣнокосы, съ посѣвомъ на нихъ травъ, участковъ, непригодныхъ для произрастанія лѣса и небольшихъ болотцевъ. Эта послѣдняя мѣра приводилась въ исполненіе двоякимъ способомъ: или разработкой указанныхъ мѣстъ и посѣвомъ на нихъ зерна и травы наймомъ, на счетъ хлѣбнаго капитала съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда крестьяне убѣдятся въ выгодахъ травосѣянія и познакомятся съ его пріемами, отдавать имъ эти участки въ видѣ оброчныхъ статей; или привлеченіемъ къ разработкѣ такихъ мѣстъ крестьянъ, съ освобожденіемъ ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ платы за пользованіе удѣльной землею, но съ обязательствомъ засѣвать расчищенныя мѣста травами, а не довольствоваться растительностью, появляющеюся на нихъ естественнымъ путемъ [9]).

Между тѣмъ, въ отношеніи потребности крестьянъ въ кормовыхъ средствахъ и возможности пополненія недостатка послѣднихъ — указаннымъ Департаментомъ Удѣловъ способомъ расчистки кустарниковъ и осушки болотъ—удѣльныя имѣнія представляли значительное разнообразіе. Меньше всего чувствовался недостатокъ кормовыхъ средствъ въ степныхъ, приволжскихъ губерніяхъ, населеніе которыхъ имѣло крупные надѣлы и могло арендовать недостающія угодья на сторонѣ; эти губерніи къ тому же не отличались обиліемъ ни болотъ, ни лѣсовъ. Поэтому заботы Департамента о введеніи травосѣянія, казалось, не должны были

бы распространяться на приволжскій районъ, о чемъ и дѣлались представленія управляющими; но такъ какъ изданныя распоряженія имѣли общій характеръ, то и управляющіе поволжскими имѣніями принимали нѣкоторыя мѣры для ихъ исполненія. Въ оренбургскомъ имѣніи первый посѣвъ травъ былъ произведенъ въ 1848 г. на $5^1/_2$ дес. запасныхъ земель шести малоземельныхъ селеній, и такъ какъ на запросъ Департамента Удѣловъ о томъ, какой успѣхъ имѣлъ сдѣланный опытъ — получился отвѣтъ, что высѣянная трава или не взошла, или была истреблена засухой, то Департаментъ разрѣшилъ отложить примѣненіе предложенныхъ средствъ увеличенія кормовъ до того времени, когда обнаружится недостатокъ естественныхъ сѣнокосовъ. Въ болѣе малоземельномъ, сызранскомъ имѣніи, посѣвъ травъ производился на 122 дес., осушенныхъ и расчищенныхъ крестьянами 13 деревень.

Независимо отъ общаго распоряженія Департамента Удѣловъ о травосѣяніи, въ саратовской губ. вопросъ этотъ возникъ особо, вслѣдствіе представленія мѣстнаго управляющаго о желательности пріобрѣтенія на счетъ Удѣловъ валахскихъ овецъ и черкасскихъ быковъ для улучшенія крестьянскаго скотоводства, сильно пострадавшаго въ теченіе шести неурожайныхъ лѣтъ. Директоръ Земледѣльческаго Училища, Байковъ, нашелъ предложенную управляющимъ мѣру нераціональной и указывалъ, что убыль овецъ въ заволжскомъ краѣ произошла, между прочимъ, вслѣдствіе усиленной въ послѣдніе годы распашки цѣлины, оставлявшейся затѣмъ подъ залежь безъ посѣва травъ, почему на ней выросталъ лишь негодный для корма бурьянъ; онъ рекомендовалъ засѣвать землю, оставляемую подъ залежь, вмѣстѣ съ послѣднимъ хлѣбомъ, также и травой, а чтобы пріохотить къ этому крестьянъ— употребить 5000 р. сер., предположенные управляющимъ къ расходованію на покупку овецъ, на выдачу премій за травосѣяніе и улучшеніе овцеводства. Департаментъ согласился съ этимъ мнѣніемъ Байкова и, по его распоряженію, въ 1847 г. управляющій саратовскимъ имѣніемъ составилъ проектъ правилъ о выдачѣ премій, согласно которымъ крестьянинъ, засѣявшій травой $^1/_2$ дес. залежи и собравшій съ нея 80 пуд. сѣна, награждался 2-мя р. сер., засѣявшій десятину — 4-мя р. сер., а посѣявшій траву вмѣстѣ съ овсомъ, при урожаѣ 40 пуд. сѣна съ десятины, получалъ 1 р. сер. Утверждая эти правила, Департаментъ Удѣловъ предписывалъ кромѣ того наградить трехъ кре-

стьянъ, производившихъ уже опытъ посѣва травъ на трехъ дес., кушаками и если бы эта награда, которую слѣдовало выдать на мірской сходкѣ, поощрила къ травосѣянію другихъ крестьянъ, то примѣнить ее еще къ пяти домохозяевамъ разныхъ приказовъ—изъ числа вновь высѣвавшихъ траву вмѣстѣ съ послѣднимъ хлѣбомъ, передъ оставленіемъ земли въ залежь.

Изъ позднѣйшихъ донесеній управляющаго саратовскимъ имѣніемъ видно, что въ теченіе періода времени отъ 1849 до 1856 г. опыты посѣва травъ производили ежегодно отъ 3 до 26 человѣкъ, а подъ посѣвомъ травъ находилось отъ одной до 20 дес. Порядочный урожай травы получился лишь въ 1849 г. (90 пуд. съ дес.), въ 1855 г. (75 пуд.) и 1856 г. (250 пуд. съ дес.); въ остальные годы былъ полный или почти полный неурожай. Съ 1857 г. кормовыя травы высѣвались уже только хозяевами образцовыхъ усадебъ и смотрителями общественныхъ запашекъ.

Полную противоположность восточнымъ, степнымъ губерніямъ составляли сѣверныя губерніи Россіи. Урожаи зерна возможны здѣсь лишь при значительномъ удобреніи полей, для чего требуется содержаніе большого количества скота, а обиліе лѣсовъ и болотъ открывало возможность широкаго примѣненія расчистокъ и осушекъ, для образованія пашенныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ. Поэтому казалось бы, что введеніе посѣва травъ, согласно предписаніямъ о томъ Департамента Удѣловъ, могло получить здѣсь широкое распространеніе. И дѣйствительно, примѣненіе этихъ предписаній въ архангельской и вятской губерніяхъ произведено было въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ, нежели въ другихъ удѣльныхъ имѣніяхъ, при чемъ въ архангельской губ. кормовыя травы высѣвались, между прочимъ, по яровому хлѣбу, а въ вятскомъ — крестьянамъ было дозволено произвести, для посѣва, расчистки, на пространствѣ всего около 700 десят.

Посѣвъ травъ въ архангельской губ. начался раньше, нежели въ другихъ удѣльныхъ имѣніяхъ. Такъ, еще въ 1842 г. управляющимъ назначено было, для осушки и расчистки подъ траву, по 4—5 дес. тундристой пустопорожней земли въ благовѣщенскомъ, предтеченскомъ и устьпаденскомъ приказахъ; по мѣрѣ подготовленія земля засѣвалась клеверомъ и тимофеевкой съ примѣсью овса или ячменя. Въ 1847 г., когда были приняты общія мѣры для распространенія травосѣя-

нія среди крестьянъ и разрѣшено было производство расчистокъ, посѣвъ травъ примѣнялся 92 крестьянами, 6 хозяевами образцовыхъ усадебъ и 15 смотрителями общественныхъ запашекъ; въ 1848 г. трава высѣвалась (преимущественно на расчисткахъ) уже 860 крестьянами, а съ 1849 по 1856 гг. крестьянъ, сѣявшихъ траву въ 5—6 приказахъ имѣнія, было отъ 2½ до 3½ тысячъ ежегодно. Не смотря, однако, на значительное число лицъ, участвовавшихъ въ травосѣяніи, площадь земли, находившейся подъ травами, составлявшая въ концѣ 40-хъ гг. 260 дес., годъ отъ году уменьшалась, вслѣдствіе сокращенія площади новыхъ посѣвовъ, которые въ 1854 г. совершенно прекратились. Въ 1849 г. съ десятины сѣянной травы было собрано 120 пуд. сѣна и 48 ф. сѣмянъ; въ послѣдующіе годы сборъ сѣна колебался около 30—50 пуд., а урожай сѣмянъ—около 1—4 ф. съ десятины.

Неудача опыта введенія травосѣянія въ шенкурскомъ уѣздѣ объяснялась управляющимъ архангельскимъ имѣніемъ тѣмъ, что посѣвъ травъ на возвышенныхъ луговыхъ мѣстахъ (низменныя мѣста и безъ того представляли хорошіе сѣнокосы) далъ бы благопріятные результаты лишь при такомъ же почти удобреніи, какое употреблялось крестьянами подъ хлѣба, почему селенія и не считали выгоднымъ прибѣгать къ этой мѣрѣ увеличенія своихъ кормовыхъ средствъ.

Посѣвъ травъ въ архангельской губ. производился на росчистяхъ и на постоянныхъ пахотныхъ или сѣнокосныхъ участкахъ земли. Въ вятской же губерніи, какъ сказано выше, для этого крестьянамъ разрѣшалось производить осушку болотъ и расчистки мѣстъ, состоявшихъ подъ кустарниками. Съ 1848 г. по 1856 г. въ посѣвѣ травы здѣсь ежегодно участвовало отъ 2½ до 3½ тыс. душъ, засѣяно ими за все это время около 170 дес. земли, дававшей урожай сѣна 20—30 пуд. съ десятины и сѣмянъ—отъ 1 фунта до 1 пуда. Въ 1858 г. подъ посѣвомъ травъ находилось уже всего 2 дес.

Въ остальныхъ имѣніяхъ посѣвъ травъ практиковался въ меньшихъ размѣрахъ и изъ нихъ удачнымъ слѣдуетъ признать только попытки травосѣянія въ Красносельской Конторѣ. Крестьяне красносельскаго имѣнія приступили къ посѣву кормовыхъ травъ въ концѣ 40-хъ гг., наблюдая хорошіе результаты этой культуры на поляхъ образцовыхъ усадебъ. Сначала это нововведеніе распространялось медленно, такъ что въ 1857 г. подъ травами

находилось всего 22 дес. (давшія урожай по 143 пуда съ дес.) и преимущественно у крестьянъ, имѣвшихъ отдѣльные участки. Причины медленнаго распространенія травосѣянія управляющій имѣніемъ находилъ въ недостаткѣ у крестьянъ удобрительныхъ средствъ, въ препятствіяхъ со стороны общаго трехпольнаго сѣвооборота и въ отвлеченіи крестьянъ отъ земледѣлія промыслами. Въ слѣдующіе годы дѣло это пошло быстрѣе: въ 1858 г. подъ травой находилось 32 дес., а въ 1859 г. — 68 дес., давшихъ урожай травъ въ среднемъ 125 пуд. съ десятины.

Изъ прочихъ удѣльныхъ имѣній значительное число участвовавшихъ въ посѣвѣ лицъ (700 — 800 человѣкъ) наблюдалось только въ казанскомъ; въ остальныхъ же (вологодскомъ, московскомъ, новгородскомъ, нижегородскомъ, костромскомъ, орловскомъ) оно ограничивалось нѣсколькими десятками [10]).

Такимъ образомъ попытка Департамента Удѣловъ увеличить кормовыя средства крестьянъ введеніемъ въ ихъ хозяйство посѣва травъ окончилась неудачно. Кромѣ причинъ, указанныхъ выше, это надо приписать также и недостатку агрономическаго образованія у руководителей этимъ дѣломъ, благодаря чему управляющіе сплошь и рядомъ предпринимали такія мѣры для распространенія посѣва травъ, которыя заранѣе были обречены на неудачу.

Такъ, исполняя предписаніе Департамента относительно сбора сѣмянъ травъ съ естественныхъ луговъ, управляющіе имѣніями не всегда ясно понимали, какимъ образомъ надлежитъ примѣнять эту мѣру. Въ костромскомъ и казанскомъ имѣніяхъ, напр., сборъ сѣмянъ сдѣланъ былъ съ поемныхъ сѣнокосовъ, дающихъ грибныя и осоковатыя травы; въ орловскомъ имѣніи для засѣва даннаго участка брались сѣмена безъ соображенія мѣста ихъ происхожденія, вслѣдствіе чего на возвышенныхъ участкахъ высѣвались сѣмена, собранныя съ поемныхъ луговъ и на оборотъ. Неудача опытовъ посѣва травъ на лугахъ нижегородскаго имѣнія происходила отъ безплодности избранныхъ для этого мѣстъ. Управляющій новгородскимъ имѣніемъ доносилъ, что онъ тщетно пытался убѣдить крестьянъ сѣять траву вмѣстѣ съ яровымъ хлѣбомъ и препятствіемъ этому служило то обстоятельство, что трава поспѣвала въ такое время, когда поле находилось подъ паромъ и для охраны ея отъ скота пришлось бы огораживать засѣянный участокъ. На это, на основаніи заключенія Байкова, управляющему было разъяснено, что сѣять траву съ яровымъ хлѣбомъ при трехпольномъ сѣвооборотѣ можно не съ цѣлью сбора

травы,—что имѣлось въ виду при введеніи травосѣянія въ новгородскомъ имѣніи,—а ради затѣненія пара, или въ предупрежденіе заростанія его сорными травами.

Д. Распространеніе огородничества, садоводства и древесной растительности вообще.

Первыя мѣропріятія по развитію среди крестьянъ огородной и садовой культуры. — Положеніе крестьянскаго садоводства въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. — Мѣры управляющихъ конторами по развитію садоводства въ 50-хъ гг. — Общія распоряженія Департамента Удѣловъ о развитіи огородничества и садоводства въ концѣ 50-хъ гг. и ихъ послѣдствія. — Мѣры по распространенію древесныхъ насажденій вообще.

Первыя болѣе или менѣе систематическія мѣры по развитію среди удѣльныхъ крестьянъ огородничества и садоводства заключались въ частныхъ распоряженіяхъ, касавшихся нѣкоторыхъ районовъ, въ которыхъ почему-либо было обращено вниманіе на этотъ предметъ. Поводомъ къ этому въ большинствѣ случаевъ служили осмотры имѣній, и возникавшій такимъ образомъ вопросъ обыкновенно разсматривался въ границахъ потребности и мѣстныхъ условій того имѣнія, гдѣ онъ получилъ происхожденіе. При этомъ иногда дѣло ограничивалось перепиской между Департаментомъ и конторой; а въ другихъ случаяхъ принимались нѣкоторыя практическія мѣры, напр., снабженіе крестьянъ сѣменами и черенками новыхъ и улучшенныхъ породъ растеній, устройство образцовыхъ огородовъ, обученіе крестьянъ садоводству или огородничеству въ образцовыхъ усадьбахъ, заведеніе огородовъ для учениковъ сельскихъ и ремесленныхъ школъ.

Сначала мы остановимся на мѣрахъ удѣльнаго управленія по развитію среди крестьянъ *огородничества.*

Сельско-хозяйственная ревизія самарскаго имѣнія, произведенная въ 1839 г. чиновникомъ Департамента Удѣловъ, Кодлевскимъ, обнаружила экономическое разстройство крестьянъ этого имѣнія, преимущественно населеннаго татарами уразъгильденскаго приказа. Изъ мѣръ, предложенныхъ самарскимъ управляющимъ для поднятія благосостоянія крестьянъ этого приказа, Департаментъ, согласно заключенію Байкова, остановился на предложеніи развить тамъ огородничество и садоводство, но, вмѣсто обученія крестьянъ путемъ чтеній, какъ предлагалъ управляющій, Департаментъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ ознакомить ихъ съ предметомъ практически. Въ этихъ видахъ

было рѣшено отправлять по нѣсколько крестьянъ изъ каждаго приказа, по выбору обществъ, въ образцовыя усадьбы съ тѣмъ, чтобы, научившись тамъ пріемамъ огородничества, они способствовали распространенію его въ своихъ селеніяхъ, за что предполагалось выдавать награды. Въ 1841 г. 16 человѣкъ изъ разныхъ приказовъ помѣщены были въ образцовыя усадьбы, а по окончаніи ученія, по приговору обществъ, имъ отводилась земля для устройства образцовыхъ садовъ и огородовъ. Въ первое время дѣло шло у обученныхъ неудовлетворительно, и управляющій имѣніемъ, приписывая это отчасти ихъ нерадѣнію, въ 1843 г. предложилъ не выдавать имъ безплатно сѣмянъ, въ томъ предположеніи, что, пріобрѣтая ихъ на собственный счетъ, они будутъ больше дорожить ими и старательнѣе ухаживать за своими насажденіями. Это предложеніе было Департаментомъ утверждено и вмѣстѣ съ тѣмъ огородники отданы подъ особый надзоръ приказныхъ головъ. Изъ послѣдующихъ донесеній видно, что многіе крестьяне, по примѣру образцовыхъ огородниковъ, начали сами разводить огороды или вводить на нихъ новыя растенія. Съ 1850 г., съ тою же цѣлью распространенія огородничества среди крестьянъ, садики и огороды (площадью отъ 1/4 до 1/2 дес.) начали устраиваться при приказахъ и училищахъ самарскаго имѣнія.

Въ самарскомъ имѣніи учиться огородничеству отдавались взрослые крестьяне. Когда же, послѣ ревизіи въ 1843 г., обращено было вниманіе на недостаточное развитіе огородничества въ вологодскомъ имѣніи, то признано было цѣлесообразнымъ обучать этому дѣлу не взрослыхъ крестьянъ, а подростковъ. Въ этихъ видахъ при образцовыхъ усадьбахъ—сначала въ с. Турундаевѣ (подъ Вологдой), а потомъ въ вельскомъ уѣздѣ и при ремесленномъ училищѣ въ г. Вологдѣ—устроены были образцовые огороды, площадью около десятины каждый. Въ трехъ образцовыхъ усадьбахъ хозяевами ихъ ежегодно обучалось (при двухлѣтнемъ курсѣ) 10 мальчиковъ, а ученики ремесленнаго училища занимались огородничествомъ подъ руководствомъ особо приглашеннаго огородника. Мальчики (преимущественно сироты) отдавались въ образцовыя усадьбы по выбору обществъ изъ селеній, наиболѣе нуждавшихся въ огородныхъ растеніяхъ. Первое время, пока образцовые огороды только еще устраивались, усадебники получали за содержаніе и обученіе мальчиковъ по 15 р. за каждаго и по 5 р. на ихъ одежду. Впослѣдствіи же

родившіяся на огородахъ овощи засчитывались въ число положенной на содержаніе учениковъ суммы, и хозяинъ усадьбы получалъ лишь разницу между рыночной стоимостью урожая овощей и слѣдуемыми ему за содержаніе учениковъ 60-ю рублями; кромѣ того семьи, отпускавшія мальчиковъ въ ученики, получали по 15 р. въ годъ *). По донесеніямъ управляющаго, обучавшіеся въ усадьбахъ мальчики потомъ съ успѣхомъ занимались огородничествомъ въ своихъ селеніяхъ и своимъ примѣромъ, а также снабжая крестьянъ сѣменами, способствовали распространенію культуры овощей среди населенія. Въ 1856 г. 12 обученныхъ крестьянъ имѣли въ 6 приказахъ подъ огородами всего $1^1/_2$ дес. земли, на которыхъ разводили до 14 разныхъ родовъ растеній. Въ 1858 г. при вологодскомъ ремесленномъ училищѣ были устроены 3 парника и посажены ягодные кусты. Тогда же— для воздѣйствія на населеніе — при сельскихъ училищахъ открыты были учебные огороды, которые обработывались учениками этихъ школъ подъ наблюденіемъ сельскихъ учителей, въ руководство которымъ дана была книга „Практическій ярославскій огородникъ“. На школьныхъ огородахъ разводились: картофель, лукъ, рѣдька, морковь, свекла и капуста.

На тѣхъ же основаніяхъ, что и въ вологодскомъ имѣніи, въ 1846 г., по иниціативѣ управляющаго, устроенъ былъ учебный огородъ при образцовой усадьбѣ въ дер. Моисеевой, кирилловскаго уѣзда, новгородскаго имѣнія. Огородъ занималъ десятину земли; на немъ разводились: лукъ, картофель, капуста, петрушка, рѣдька, свекла, брюква и морковь; урожай овощей въ 1849 г. оцѣненъ былъ въ 27 р. Въ виду неуспѣшности дѣла, Департаментъ отказалъ пополнить недочетъ дохода отъ огорода до установленной суммы вознагражденія хозяина образцовой усадьбы (за 4 мальчиковъ 60 р. с.), а управляющій конторой пригрозилъ усадебнику—въ случаѣ слабыхъ успѣховъ учениковъ— лишить его права употреблять ихъ для работъ въ своемъ хозяйствѣ. Въ послѣдующіе годы урожай овощей на учебномъ огородѣ возрасталъ и въ 1853 г. доходъ съ него по оцѣнкѣ достигъ 60 р.

*) На турундаевскомъ образцовомъ огородѣ въ 1846 г. были посажены: картофель, горохъ, лукъ, рѣдька, морковь, свекла, брюква, огурцы, капуста, бобы, щавель, лукъ-сѣянецъ; въ 1847 г. прибавились посѣвы хрѣна и спаржи, а въ 1850 г. — гречи, клевера и американскаго гороха. Урожаи овощей признавались директоромъ Земледѣльческаго Училища удовлетворительными; стоимость ихъ по рыночнымъ цѣнамъ опредѣлялась около 60 р. въ годъ; но овощи большею частью не продавались, а потреблялись семьями усадебниковъ.

Въ оренбургскомъ имѣніи огороды при всѣхъ училищахъ открыты были въ 1844 г.; на нихъ воздѣлывалась капуста, морковь, свекла, бобы, рѣдька и лукъ. Часть собранныхъ овощей шла на продовольствіе учениковъ, другая—на сѣмена; въ продажу поступала незначительная часть сбора, такъ какъ крестьяне, имѣя собственные огороды, не пріобрѣтали овощей на рынкѣ.

Наиболѣе успѣшно огородное дѣло развивалось, повидимому, среди крестьянъ архангельскаго имѣнія. Въ началѣ 40-хъ гг. здѣсь были заведены образцовые огороды при приказахъ, сельскихъ училищахъ и при образцовыхъ усадьбахъ, а при нѣкоторыхъ приказахъ устраивались разсадники для раздачи разсады капусты крестьянамъ, еще не разводившимъ этого овоща. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ устьважскаго приказа, для убѣжденія крестьянъ въ возможности разведенія капусты, съ согласія мірскихъ обществъ, были отводимы особые участки, обработка которыхъ совершалась крестьянами по очереди. Впрочемъ первыми лицами, разводившими новыя растенія, были чины сельскаго управленія, дѣйствовавшія подъ давленіемъ своего начальства. Такъ, для ознакомленія крестьянъ устьважскаго и кургоминскаго приказовъ съ капустою, управляющій архангельскимъ имѣніемъ въ 1844 г. обязалъ старшинъ, смотрителей общественныхъ запашекъ и волостныхъ писарей засадить въ своихъ огородахъ этимъ растеніемъ не менѣе одной гряды въ 3 саж. Извѣстное участіе въ этомъ дѣлѣ принимали и нѣкоторые священники, пробовавшіе культивировать тѣ или другія растенія. Между прочимъ, дѣлались попытки разводить здѣсь свеклу, морковь, салатъ, огурцы, цвѣтную капусту, брюкву, сахарный песокъ, тыкву, арбузы и дыни, а нѣкоторые священники пробовали сажать табакъ и подсолнечники. Въ 1844 г. при училищахъ начали устраивать парники, которые затѣмъ стали открываться приказными должностными лицами, а позже и простыми крестьянами. Образцовые огороды первоначально состояли въ завѣдываніи сельскихъ учителей и приказныхъ старшинъ, а въ 1858 г. рѣшено было поручить ихъ надзору спеціалиста. За неимѣніемъ же ученаго садовника, наблюденіе за всѣми огородами архангельскаго имѣнія поручено было опытному въ этомъ дѣлѣ учителю, Черпанову.

Объ успѣхѣ огороднаго дѣла въ архангельскомъ имѣніи можно судить потому, что въ 1856 г. здѣсь было уже 5575 огородовъ и 204 парника. Еще въ началѣ 40-хъ гг. значительная

часть удѣльныхъ крестьянъ потребляла привозныя овощи, а въ концѣ 40-хъ гг. крестьяне уже сами стали отправлять въ Архангельскъ лукъ на 800—1000 р. въ годъ, а въ 50-хъ гг.—также сушеную рѣпу и картофель.

Въ имѣніяхъ, о которыхъ шла рѣчь, мѣры для развитія среди крестьянъ огородничества начали приниматься съ начала 40-хъ гг. Въ другихъ имѣніяхъ къ этому приступлено было позже. Такъ, въ казанскомъ имѣніи огородъ при ремесленномъ училищѣ открытъ былъ въ 1848 г.; въ алатырскомъ имѣніи учебные и образцовые огороды начали устраиваться съ начала 50-хъ гг. Во владимірскомъ имѣніи въ 1850 г., по приговору крестьянъ красносельскаго приказа, былъ открытъ учебный огородъ при сельской школѣ (съ затратою на него изъ мірскихъ суммъ 47 р.), а въ 1855 г.—при никологорскомъ училищѣ. Развитію огородничества управляющій названнымъ имѣніемъ содѣйствовалъ также побужденіемъ крестьянъ обращать подъ огороды лежавшія въ пустѣ мѣста усадебной земли и, благодаря всѣмъ принимаемымъ мѣрамъ, общая площадь крестьянскихъ огородовъ во владимірскомъ имѣніи съ 200 дес. въ началѣ 40-хъ гг. *) поднялась до 560 дес. въ концѣ 50-хъ гг.

17 декабря 1857 г. изданъ былъ общій циркуляръ объ устройствѣ садовъ и огородовъ при приказныхъ домахъ и сельскихъ училищахъ. Послѣ этого образцовые огороды были заведены во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ ихъ не было раньше.

Такова въ краткихъ словахъ исторія мѣропріятій удѣльнаго управленія по развитію огородничества среди подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Въ нижеслѣдующемъ будетъ итти рѣчь о мѣрахъ къ распространенію *садоводства*.

Первыя извѣстныя намъ мѣры для развитія среди крестьянъ садоводства относятся къ началу 40-хъ гг. Въ 1841 г. выписаны были изъ никитскаго сада, въ Крыму, черенки разныхъ сортовъ яблонь для безплатной раздачи крестьянамъ золотовскаго приказа **) саратовскаго имѣнія. Черенки прибыли слишкомъ

*) Въ 1846 г. у крестьянъ владимірскаго имѣнія насчитывалось всего 114751 гряда овощей, или по двѣ гряды на душу.

**) Въ золотовскомъ приказѣ въ описываемое время насчитывалось 525 садовъ съ 10836 деревами, преимущественно анисовыхъ яблокъ, какъ наиболѣе удобныхъ для сохраненія. Сады приносили дохода до 5000 р. разъ въ 2—3 года. Одно изъ важныхъ препятствій къ болѣе успѣшному распространенію здѣсь садоводства заключалось въ нападеніи на деревья червя, противъ котораго крестьяне знали одно средство: собираніе его руками. Другимъ препятствіемъ была трудность поливки садовъ; вода для этого черпалась чигирями и распространялась по садамъ желобами.

поздно и удобное время для прививки было пропущено, и потому изъ 1025 штукъ привилось всего 253. Въ 1848 г., съ цѣлію пріохотить крестьянъ образцоваго села Царево-Никольскаго, сызранскаго имѣнія, къ занятію садоводствомъ, ассигновано было для ремонта устроенныхъ тамъ двухъ садовъ безвозвратное пособіе въ размѣрѣ 100 р. сер. въ годъ на шесть лѣтъ.

Въ маѣ 1851 г. Департаментъ Удѣловъ, по распоряженію Министра Императорскаго Двора, сдѣлалъ запросъ управляющимъ удѣльными имѣніями (кромѣ архангельскаго, вологодскаго и пермскаго) о состояніи плодовыхъ садовъ при образцовыхъ усадьбахъ и о мѣрахъ, какія они могли бы предложить для распространенія садоводства среди крестьянъ. Изъ доставленныхъ въ теченіе 1851—1852 гг. на это отвѣтовъ видно, что почти во всѣхъ имѣніяхъ, преимущественно во второй половинѣ 40-хъ гг., хозяева образцовыхъ усадебъ пытались разводить сады, и многіе изъ нихъ въ моментъ запроса имѣли по нѣсколько штукъ или даже по нѣсколько десятковъ плодовыхъ деревьевъ или ягодныхъ кустовъ (въ саду при ключищенской образцовой усадьбѣ симбирскаго имѣнія находилось до 200 яблонь), которые, однако, въ большинствѣ случаевъ еще не приносили плодовъ. Всего больше разведено было садовъ при образцовыхъ усадьбахъ московскаго и нижневолжскихъ имѣній. Что касается крестьянскихъ садовъ, то въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ (напр. казанскомъ) ихъ въ это время совершенно не было; въ другихъ (напр. въ вятскомъ имѣніи, уѣздахъ сарапульскомъ, елабужскомъ и малмыжскомъ) крестьяне разводили ихъ исключительно для собственнаго потребленія фруктовъ; въ третьихъ—сады приносили нѣкоторымъ хозяевамъ большій или меньшій доходъ и, наконецъ, отдѣльные крестьяне нѣкоторыхъ имѣній занимались садоводствомъ, какъ довольно выгоднымъ промысломъ.

Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стояли коломенскій и мячковскій приказы московскаго имѣнія, большая часть населенія которыхъ получала значительный доходъ отъ сбыта въ Москву фруктовъ и ягодъ. Болѣе или менѣе значительное развитіе садоводства наблюдалось также въ красносельскомъ имѣніи, гдѣ насчитывалось больше 200 крестьянскихъ садовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находилось до 4000 ягодныхъ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Изъ нечерноземныхъ районовъ нѣкоторое развитіе крестьянскаго садоводства, какъ промысла, наблюдалось еще въ красносельскомъ приказѣ владимірскаго

имѣнія и особенно въ приказахъ трубчевскаго уѣзда орловской губ. Крестьяне этой послѣдней мѣстности въ прежнее время занимались садоводствомъ очень успѣшно, и выращиваемыя ими „дули“ пользовались большой извѣстностью, но къ описываемому времени сады крестьянъ устарѣли: деревья слишкомъ разрослись, давали вредно дѣйствующее затѣненіе и крестьянское садоводство приходило мало по малу въ упадокъ. Въ нижневолжскихъ имѣніяхъ сады крестьянъ были довольно обыкновеннымъ явленіемъ, но съ промышленной цѣлью они содержались преимущественно въ селеніяхъ при р. Волгѣ [11]). Въ саратовскомъ имѣніи промышленное садоводство существовало въ хвалынскомъ и вольскомъ уѣздахъ и особенно развито было среди крестьянъ золотовскаго приказа. *). Въ самарской губерніи садоводство было развито слабо.

Одной изъ главныхъ причинъ, препятствовавшихъ распространенію среди удѣльныхъ крестьянъ садоводства, управляющіе сѣверными и восточными имѣніями считали зимніе холода, убивавшіе фруктовыя растенія или приводившіе къ такому ихъ перерожденію, что для поддержанія породы на должной высотѣ приходилось прибѣгать къ частымъ прививкамъ. Суровыя зимы приносили большой вредъ не только крестьянскимъ, но и помѣщичьимъ садамъ симбирской губ., гдѣ имѣлись опытные садовники и тратились на садоводство значительныя суммы денегъ. О трудностяхъ борьбы съ вреднымъ вліяніемъ холодовъ можно было судить по примѣру образцоваго села Царево-Никольска въ симбирскомъ имѣніи: поддержаніе въ исправномъ состояніи двухъ устроенныхъ здѣсь садовъ, заключавшихъ до 1800 плодовыхъ деревьевъ, достигалось лишь при помощи самаго тщательнаго надзора, поливокъ и прививки деревьевъ, на что затрачива-

---

*) Обозрѣвавшій въ 1849 г. саратовское имѣніе въ хозяйственномъ отношеніи малоархангельскій предводитель дворянства, сдѣлавшійся затѣмъ директоромъ удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, Потуловъ, относительно садоводства удѣльныхъ крестьянъ саратовской губ. доносилъ Департаменту слѣдующее: „нельзя не отдать справедливости многимъ приволжскимъ селеніямъ: примѣры хорошихъ садовъ въ нихъ такъ не рѣдки, что, не видя ихъ, трудно повѣрить, чтобы въ народѣ, повидимому, беззаботномъ, могла развиться одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, требующая особеннаго труда и неусыпнаго попеченія... Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что почти всѣ сады разведены по такимъ мѣстамъ, для которыхъ необходимо устраивать водоподъемныя машины—чигири, подымающія воду на высоту до 10 аршинъ“. По словамъ Потулова, крестьяне одного только с. Золотого, камышинскаго уѣзда, отличавшагося особеннымъ развитіемъ садоводства, въ хорошій годъ получали отъ него не менѣе 15 тыс. р. дохода.

лось изъ хлѣбнаго капитала 100 руб. ежегодно. По вопросу о мѣрахъ для развитія садоводства среди крестьянъ, въ отзывахъ управляющихъ всего чаще встрѣчалась мысль объ устройствѣ учебныхъ садовъ при сельскихъ и ремесленныхъ училищахъ, для ознакомленія съ этимъ дѣломъ обучавшихся въ нихъ мальчиковъ [12]).

Запросъ Департамента о садоводствѣ у крестьянъ далъ нѣкоторый толчекъ заботамъ управляющихъ о развитіи этого дѣла. Такъ, управляющій московскимъ имѣніемъ сталъ пріохочивать къ разведенію огородовъ и садовъ крестьянъ тайнинскаго приказа (наибѣднѣйшихъ въ имѣніи) *). Въ 1855 г. сады были устроены при всѣхъ приказныхъ домахъ владимірскаго имѣнія. Въ самарскомъ имѣніи къ заведенію при приказахъ и сельскихъ училищахъ небольшихъ образцовыхъ садовъ и огородовъ приступлено было еще въ 1850 г., а въ 1857 г. сады находились уже при всѣхъ 19 приказахъ и стольких же училищныхъ домахъ **).

Управляющій новомаинскимъ отдѣленіемъ Самарской Конторы, Каминскій, въ началѣ 50-хъ гг. устроилъ въ с. Новой-Майнѣ (съ затратою собственныхъ средствъ) образцовый садъ, огородъ и оранжерею, и для завѣдыванія ими нанялъ садовника. Садъ этотъ, площадью въ 4 дес., назначался какъ для снабженія крестьянъ сѣменами и деревьями, такъ и для обученія садоводству и огородничеству мальчиковъ, присылавшихся сюда по одному изъ школъ всѣхъ приказовъ. На текущіе расходы взималось (безъ разрѣшенія Департамента) по 15 р. сер. съ каждаго изъ 8 приказовъ. Въ 1857 г. Каминскій оставилъ мѣсто управляющаго и просилъ Департаментъ принять въ свое вѣдѣніе устроенныя имъ учрежденія и ассигновать на ихъ поддержаніе 400 р. въ годъ. Но смѣнившій его управляющій, Патокъ, высказался лишь за сохраненіе устроеннаго Каминскимъ огорода, объясняя, что онъ служитъ образцомъ для крестьянъ, школою для образованія ого-

*) Въ 1853 г. свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ, помощникомъ управляющаго, Тимченко, было посажено 200 плодовыхъ деревъ у трехъ крестьянъ: у одного—очень бѣднаго, но трудолюбиваго, у другого—среднесостоятельнаго и у третьяго—зажиточнаго. Въ 1854 г. роздано было для посадки изъявившимъ на то согласіе 18 домохозяевамъ селеній Алексѣевскаго и Большихъ-Мытищъ 1000 вишневыхъ деревъ, 150 яблонныхъ и 2500 кустовъ малины; въ 1855 г. было роздано больше 400 плодовыхъ деревъ и 350 кустовъ малины и смородины. Тогда же однимъ крестьяниномъ с. Большихъ-Мытищъ устроенъ былъ довольно большой огородъ.

**) Сады были мѣрою отъ $^{1}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ дес.; въ нихъ было посажено 2665 яблонь, 3147 вишенъ, 2505 кустовъ малины, смородины, крыжовника и другихъ ягодъ, 4517 лѣсныхъ деревьевъ и 1450 кустовъ; содержаніе садовъ окупалось въ это время получаемымъ съ нихъ доходомъ.

родниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ овощи для удѣльныхъ чиновниковъ; что же касается сада и оранжереи, то, по мнѣнію Патока, они развивались недостаточно успѣшно, и трудно было ожидать, чтобы, при суровомъ климатѣ самарскаго имѣнія, образцовый садъ принесъ какія-либо существенныя выгоды. Департаментъ Удѣловъ постановилъ, однако, оставить заведенное Каминскимъ на прежнихъ основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы въ школѣ при садѣ постоянно находилось 10 мальчиковъ, которые, по выучкѣ, въ видахъ распространенія садоводства вообще, могли бы занимать мѣста садовниковъ и огородниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Кромѣ увеличенія посадокъ въ новомаинскомъ саду фруктовыхъ и другихъ деревьевъ, въ 1859 г. сдѣланъ былъ опытъ культуры здѣсь табаку, потребленіе котораго было сильно распространено среди окрестнаго, чувашскаго населенія. Опытъ оказался удачнымъ, и въ слѣдующемъ году разводить въ своихъ огородахъ табакъ выразило желаніе нѣсколько чувашъ, которымъ и были выданы сѣмена этого растенія. Обученіе въ школѣ садоводству носило сперва чисто практическій характеръ, а для дальнѣйшаго изученія дѣла, нѣкоторые изъ окончившихъ здѣсь курсъ отдавались въ самарскій городской садъ; но въ 1860 г.— кромѣ работъ по огороду, саду, оранжереѣ и теплицѣ—воспитанники этой школы (согласно всеподданнѣйшему отчету Министра Императорскаго Двора) занимались и теоретическимъ изученіемъ садоводства подъ руководствомъ опытнаго садовода. По окончаніи курса, мальчики не всегда поступали на мѣста въ постороннемъ вѣдомствѣ; изъ 3-хъ учениковъ, напр., окончившихъ школу въ 1859 г., одинъ получилъ выгодное частное мѣсто, а двое, по ихъ желанію, помѣщены были садовниками при приказныхъ садахъ.

Назначенный въ 1854 г. на должность управляющаго орловскимъ имѣніемъ, Пастуховъ, при первомъ осмотрѣ подвѣдомственнаго ему района, обратилъ вниманіе на полное почти отсутствіе при крестьянскихъ домахъ садовъ и приписалъ это явленіе тому обстоятельству, что, имѣя въ своемъ пользованіи вообще ограниченное количество земли, ближайшіе къ жилищамъ участки крестьяне занимали подъ коноплянники. Находя, что чрезмѣрное развитіе посѣвовъ конопли производилось въ ущербъ остальному полевому хозяйству и въ описываемое время считалось расчетливыми владѣльцами не столь выгоднымъ, какъ прежде,— Пастуховъ признавалъ своевременнымъ распространеніе на

счетъ коноплянниковъ садовой культуры и, для воздѣйствія на крестьянъ въ этомъ смыслѣ, предположилъ, въ видѣ опыта, завести при приказныхъ домахъ по небольшому садику (размѣромъ около ½ дес.). Сдѣлано это было управляющимъ по тѣмъ соображеніямъ, что приказы обыкновенно находились въ центрѣ опредѣленнаго района и что въ нихъ легче всего можно было что-либо устроить хозяйственнымъ способомъ. Кромѣ постоянныхъ сторожей, при приказѣ всегда можно было найти свободнаго человѣка, который согласился бы безвозмездно поработать въ саду, какъ для того, чтобы поучиться самому, такъ и въ виду общеполезности предпринимаемаго дѣла; старшины и головы приказовъ не только могли присматривать за садами, но нравственнымъ вліяніемъ на крестьянъ пробудить въ нихъ желаніе подражать видѣнному ими образцу.

Осенью 1854 г. при каждомъ изъ 11 приказовъ орловскаго имѣнія было уже посажено по 50 и болѣе 3-хъ и 4-хъ лѣтнихъ яблонь и грушъ лучшихъ сортовъ, и на особыхъ грядкахъ сдѣланы небольшіе посѣвы сѣмянъ тѣхъ же породъ для будущихъ питомниковъ, а при нѣкоторыхъ приказахъ—и разсадка лѣсныхъ дичковъ. Израсходованныя на это деньги (10 р. сер. на приказъ)—за неимѣніемъ въ его распоряженіи удѣльныхъ суммъ — управляющій покрылъ изъ собственныхъ средствъ. Одобривъ распоряженія Пастухова и отнеся израсходованную имъ сумму на счетъ хлѣбнаго капитала, Департаментъ Удѣловъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ управляющему орловскимъ имѣніемъ нанять, за умѣренную плату, опытнаго садовника для надзора за учрежденными садами, для руководства тѣхъ крестьянъ, которые пожелали бы развести у себя сады и для наставленія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ учениковъ сельскихъ училищъ. Садовникъ былъ нанятъ за 100 р. въ годъ и подъ его руководствомъ сдѣланы были новыя посадки, послѣ чего въ каждомъ садѣ, кромѣ ягодныхъ кустовъ, находилось уже больше 100 фруктовыхъ деревъ, а въ саду при никольскомъ приказномъ домѣ (мѣстожительство садовника)—до 600 деревъ. Первые годы были неблагопріятны для садоводства: изъ 600 посаженныхъ при никольскомъ приказѣ деревъ погибло 380, которыя замѣнены новыми. Нанятый садовникъ оказался недостаточно опытнымъ и усерднымъ и потому былъ уволенъ, новый же заступилъ его мѣсто только въ 1858 г.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1857 г. въ Департаментъ была подана записка управляющимъ нижегородскимъ имѣніемъ, Далемъ. Въ

этой запискѣ управляющій высказывалъ мнѣніе, что образцовыя усадьбы не могли ни въ какомъ отношеніи служить примѣромъ для крестьянъ, а потому понужденіе ихъ хозяевъ къ разведенію садовъ есть мѣра совершенно безполезная. Устройству хорошихъ садовъ при приказныхъ домахъ, по мнѣнію Даля, неблагопріятствовалъ перемѣнный составъ приказныхъ служащихъ, потому что трудно ожидать, чтобы избранный на нѣсколько лѣтъ старшина проявлялъ по отношенію къ садамъ особенную заботливость. Тщательнаго ухода за садами скорѣе можно было бы ожидать отъ тѣхъ изъ приказныхъ писарей, которые чувствовали себя прочно сидящими на мѣстахъ, а также отъ сельскихъ учителей изъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній управляющій считалъ полезнымъ устраивать сады лишь при тѣхъ приказахъ и училищахъ, гдѣ имѣлись благопріятныя для этого условія. Но такъ какъ управляющіе вообще не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ для этого суммъ, а входить каждый разъ съ представленіемъ въ Департаментъ Удѣловъ значило бы затягивать дѣло, то Даль считалъ полезнымъ дозволеніе управляющимъ расходовать на это изъ хлѣбнаго капитала до 100 р. сер. При этомъ Даль объяснялъ, что въ нагорныхъ приказахъ нижегородскаго имѣнія сады имѣлись во многихъ селеніяхъ у всѣхъ крестьянъ; но, при новой разбивкѣ селеній по плану, усадьбы почти всѣхъ домохозяевъ переносились на другія мѣста, и крестьяне—не желая уступать разведенные ими сады новымъ владѣльцамъ прежнихъ своихъ усадебныхъ мѣстъ,—сплошь и рядомъ вырубали ихъ. Указанное управляющимъ Нижегородской Конторой препятствіе къ развитію крестьянскаго садоводства,—на которое Даль неоднократно обращалъ вниманіе Департамента и раньше,—было устранено въ 1857 г. распоряженіемъ о допущеніи отступленія отъ плановъ на устройство селеній въ видахъ сохраненія цѣнныхъ плодовыхъ садовъ.

Новымъ толчкомъ, оживившимъ дѣятельность управляющихъ по распространенію садоводства, былъ циркуляръ Департамента Удѣловъ отъ 31 декабря 1857 г. Этимъ циркуляромъ управляющимъ конторами предписывалось, для содѣйствія успѣхамъ огородничества и садоводства, заводить при сельскихъ училищахъ, ремесленныхъ заведеніяхъ и приказахъ въ имѣніяхъ: архангельскомъ, вологодскомъ, костромскомъ, вятскомъ, казанскомъ, пермскомъ и оренбургскомъ огороды, а во всѣхъ прочихъ имѣніяхъ—огороды и плодовые сады; надзоръ за этимъ дѣломъ указывалось

поручать приказнымъ головамъ, старшинамъ, сельскимъ учителямъ и ихъ помощникамъ, а гдѣ представится надобность—нанимать опытныхъ садовниковъ и огородниковъ. На вознагражденіе наемнаго персонала, а также для пріобрѣтенія плодовыхъ деревьевъ и сѣмянъ огородныхъ растеній разрѣшалось расходовать на счетъ хлѣбнаго капитала до 100 р. ежегодно [13]).

Послѣ этого циркуляра въ удѣльныхъ имѣніяхъ постепенно стали заводиться образцовые сады и огороды, и черезъ 3—4 года плодовые сады были уже устроены при всѣхъ или при большей части общественныхъ зданій въ владимірскомъ, красносельскомъ, тверскомъ, нижегородскомъ, самарскомъ, симбирскомъ, алатырскомъ, орловскомъ имѣніяхъ и при многихъ приказахъ другихъ имѣній. Общая площадь устроенныхъ такимъ образомъ садовъ доходила иногда до 27 дес. на имѣніе. Въ большинствѣ случаевъ руководство дѣломъ лежало на удѣльныхъ чиновникахъ, приказныхъ служащихъ или сельскихъ учителяхъ, но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ (нижегородскомъ, орловскомъ, саратовскомъ, алатырскомъ) для этого приглашались спеціалисты садовники. Устройство садовъ въ красносельскомъ имѣніи поручено было дворцовому садовнику, Геккелю. Въ 1859 г. два мальчика, окончившіе курсъ въ новомаинской школѣ садоводства, по ихъ желанію, были опредѣлены садовниками при садахъ, находившихся при приказахъ самарскаго имѣнія, съ соединеніемъ этой должности съ обязанностями приказнаго сторожа. Находя, что эта мѣра обезпечиваетъ „дальнѣйшее существованіе садовъ, которые доселѣ исключительно оставались на заботливости приказныхъ старостъ, не имѣвшихъ для этого ни времени, ни необходимаго умѣнія“, Департаментъ Удѣловъ предложилъ и въ другихъ имѣніяхъ, для поддержанія заведенныхъ огородовъ и садовъ, опредѣлять мальчиковъ, ознакомившихся съ дѣломъ при учебныхъ садахъ и огородахъ. Ограниченное число садовниковъ на службѣ въ удѣльномъ вѣдомствѣ зависѣло, между прочимъ, отъ общаго недостатка спеціалистовъ этой профессіи. Для устраненія этого недостатка, Департаментъ Удѣловъ въ 1860 г. утвердилъ проектъ относительно расширенія программы преподаванія въ царевоникольскомъ ремесленномъ училищѣ введеніемъ обученія садоводству и огородничеству, для чего въ распоряженіе названнаго училища были отданы два находившіеся въ этомъ селѣ общественныхъ сада и отведено подъ питомникъ до 3-хъ дес. земли.

На ряду съ устройствомъ образцовыхъ садовъ и огородовъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ принимались и другія мѣры для распро-

страненія садоводства среди крестьянъ. Въ московскомъ и саратовскомъ имѣніяхъ крестьянамъ раздавались для посадки нарочно для этого выписывавшіяся деревья *). Въ 1857 г. Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ самарскому управляющему отвести отставному унтеръ-офицеру Перфильеву подъ садъ 3 дес. земли съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто денежной за нее платы, онъ отпускалъ удѣльнымъ крестьянамъ, намѣревавшимся заниматься садоводствомъ, плодовыя деревья безплатно. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ съ тою же цѣлью обезпеченія населенія плодовыми деревьями для посадки устраивались общественные питомники. Такъ, въ красносельскомъ имѣніи въ 1858 г. заключено условіе съ ропшинскимъ дворцовымъ садовникомъ, Геккелемъ, объ устройствѣ питомника въ Красномъ Селѣ на $4^1/_2$ дес. крестьянской земли. Геккель получилъ на обзаведеніе безвозвратно 4800 р., а съ своей стороны обязывался, кромѣ взноса арендной платы, продавать ягодные кусты и плодовыя деревья изъ питомника исключительно удѣльнымъ крестьянамъ по установленной цѣнѣ, и только въ случаѣ избытка черенковъ ему разрѣшалось продавать ихъ также постороннимъ потребителямъ. Въ 1860 г. въ питомникѣ находилось уже до 40000 фруктовыхъ дичковъ, которымъ предстояло привить вѣтви облагороженныхъ деревьевъ **).

Однимъ изъ препятствій къ развитію среди крестьянъ садоводства служилъ недостатокъ у нихъ земли. Управляющій самарскимъ имѣніемъ, напр., на предписаніе Департамента Удѣловъ объ отводѣ крестьянамъ участковъ подъ сады изъ ихъ тягловой земли, въ 1859 г. объяснялъ, что, хотя въ крестьянскихъ надѣлахъ и встрѣчались мѣста, пригодныя для разведенія садовъ, но, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, по незначительности ихъ пространства, они не могли быть раздѣлены урав-

---

*) Такъ, крестьянамъ золотовскаго приказа саратовскаго имѣнія въ 1859 г. роздано 400 черенковъ, выписанныхъ изъ пензенскаго училища садоводства вѣдомства Государственныхъ Имуществъ; въ 1860 г. десяти крестьянамъ московскаго имѣнія розданы лучшіе сорта ягодныхъ кустовъ и плодовыхъ деревьевъ, пріобрѣтенныхъ въ московскомъ центральномъ депо общества садоводства и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ.

**) Изъ числа другихъ мѣръ для развитія садоводства у крестьянъ укажемъ на предписаніе Департамента Удѣловъ отъ 19 іюня 1852 г. о томъ, чтобы, при составленіи табелей поземельнаго сбора, оцѣнивать по общему правилу (въ 4 раза выше озимаго поля) лишь сады, существовавшіе издавна и тѣ изъ вновь заведенныхъ, которые были устроены на удобныхъ мѣстахъ и уже приносили доходъ, вознаграждающій сдѣланныя затраты; прочіе изъ существующихъ садовъ оцѣнивать ниже этого, а тѣ, которые будутъ устроены на землѣ, не вошедшей въ расчеты поземельнаго сбора, оставлять безъ обложенія до новой переоцѣнки земель.

нительно между всѣми крестьянами, то общества обыкновенно не соглашались отводить ихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, даже за довольно высокую плату, а эксплоатировали ихъ какъ выгонъ для скота; кромѣ того и при отводѣ отдѣльнымъ своимъ членамъ такихъ участковъ общество могло бы взять ихъ назадъ при очередномъ передѣлѣ земли, такъ какъ въ наслѣдственномъ пользованіи удѣльныхъ крестьянъ въ самарскомъ имѣніи состояли только усадебныя угодья. Въ отвѣтъ на это Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ управляющему самарскимъ имѣніемъ выдѣлять подъ сады подходящіе для того участки тягловой земли, съ сложеніемъ съ крестьянъ поземельнаго сбора (подобно тому, какъ это постановлено было для устройства на тягловой землѣ другихъ промышленныхъ предпріятій), и отдавать ихъ для разведенія садовъ въ видѣ оброчныхъ статей на продолжительное время (до 50 лѣтъ).

Другимъ препятствіемъ успѣшному распространенію садоводства среди крестьянъ, особенно въ приволжскихъ селеніяхъ нагорной стороны, было необезпеченное положеніе садоводовъ въ отношеніи пользованія водой для поливки. За отсутствіемъ въ законѣ опредѣленныхъ указаній на взаимныя права собственниковъ на протекавшія въ границахъ ихъ владѣній рѣки,— почти всюду въ указанномъ районѣ содержатели мельницъ не ограничивались ничѣмъ въ пользованіи водою и распоряжались ею во вредъ садоводамъ. Обративъ въ концѣ 50-хъ гг. вниманіе на этотъ предметъ, Департаментъ Удѣловъ сдѣлалъ хозяйственное описаніе мельницъ саратовскаго имѣнія (откуда поступало всего больше жалобъ садоводовъ), преимущественно въ отношеніи ихъ вліянія на окрестные сады и принялъ нѣкоторыя частныя мѣры огражденія послѣднихъ. Въ арендные контракты при сдачѣ въ оброкъ удѣльныхъ мельницъ, стоявшихъна рѣчкахъ и ключахъ, которые служили вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ орошенія расположенныхъ при нихъ садовъ, указано включить статьи, запрещавшія ставить препятствія крестьянамъ въ поливкѣ ихъ садовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы очередь въ поливкѣ устанавливалась между садоводами по мірскимъ приговорамъ, засвидѣтельствованнымъ въ приказахъ, которые такимъ образомъ получали опредѣленныя основанія при разрѣшеніи возникавшихъ относительно поливки споровъ и недоразумѣній [14]).

Изъ сдѣланнаго очерка мѣропріятій по развитію среди удѣльныхъ крестьянъ садоводства и огородничества видно, что

главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должно было служить ознакомленіе крестьянъ съ пріемами соотвѣтствующихъ культуръ, при помощи образцовыхъ и учебныхъ садовъ и огородовъ. Но, задаваясь этою цѣлью, Департаментъ Удѣловъ не считалъ, однако, руководительство опытныхъ спеціалистовъ необходимымъ условіемъ правильной постановки дѣла и предписывалъ разводить образцовые сады и огороды по возможности при всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, ассигнуя при этомъ на расходы только очень ограниченныя суммы, вслѣдствіе чего сѣмена и черенки для посадки иногда пріобрѣтались на счетъ головъ, старшинъ или учителей. Отъ этого заведенные при общественныхъ зданіяхъ сады и огороды обыкновенно находились въ неудовлетворительномъ состояніи, о чемъ Департаментъ Удѣловъ узнавалъ, впрочемъ, лишь при смѣнѣ управляющихъ, или въ случаѣ ревизіи имѣнія чиновниками, командируемыми изъ Петербурга. Такъ, вновь назначенный въ 1858 г. управляющій орловскимъ имѣніемъ доносилъ Департаменту, что, несмотря на усердіе, съ какимъ его предшественникъ съ 1854 г. заботился объ устройствѣ образцовыхъ садовъ, эти послѣдніе найдены имъ въ большомъ запущеніи. Такой же отзывъ о состояніи садовъ полученъ въ началѣ 1861 г. относительно алатырскаго имѣнія отъ вновь назначеннаго туда управляющаго, а ревизовавшій въ 1861 г. вятское имѣніе чиновникъ особыхъ порученій Департамента, Волоцкій, въ отчетѣ объяснялъ, что устроенные тамъ образцовые огороды, будучи совершенно безполезными, какъ примѣръ для крестьянъ, въ то же время являются большимъ для нихъ бременемъ: при недостаткѣ средствъ для обработки ихъ наемнымъ трудомъ, всѣ работы исполнялись крестьянами по наряду приказовъ, отчего съ одной стороны населеніе отрывалось въ лѣтнее время отъ своихъ занятій, а съ другой—создавался поводъ для злоупотребленій должностныхъ лицъ. Волоцкій поэтому предлагалъ упразднить учрежденные огороды, а назначенную для ихъ поддержанія сумму употреблять на пріобрѣтеніе сѣмянъ огородныхъ овощей и другихъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту растеній, съ цѣлью раздачи нуждающимся въ нихъ крестьянамъ.

Въ виду такихъ отзывовъ, Департаментъ Удѣловъ 17 іюля 1861 г. обратился во всѣ конторы съ запросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ учрежденные общественные сады и огороды способствовали распространенію соотвѣтствующихъ культуръ среди

крестьянъ: признается ли полезнымъ сохранить ихъ на будущее время и какое употребленіе дать состоящей подъ ними землѣ, въ случаѣ ихъ упраздненія. На этотъ запросъ управляющіе алатырскимъ и красносельскимъ имѣніями отвѣчали, что, по краткости времени существованія образцовыхъ садовъ, они не могутъ дать опредѣленное заключеніе относительно пользы ихъ для распространенія садоводства среди крестьянъ; управляющій тверскимъ имѣніемъ высказался за сохраненіе садовъ и огородовъ, служившихъ хорошей школою для обучавшихся въ приказныхъ и сельскихъ училищахъ дѣтей; управляющій нижегородскимъ имѣніемъ признавалъ, по тѣмъ же соображеніямъ, только пользу сада и огорода при воротынскомъ ремесленномъ училищѣ; управляющій саратовскимъ имѣніемъ объяснялъ, что огородъ при ремесленномъ училищѣ полезенъ тѣмъ, что даетъ овощи для стола учениковъ; управляющіе же новгородскимъ, костромскимъ, московскимъ, оренбургскимъ, орловскимъ и самарскимъ имѣніями высказались за упраздненіе общественныхъ огородовъ и садовъ и за передачу ихъ приказнымъ писарямъ, головамъ и сельскимъ учителямъ.

Въ это же время послѣдовала отмѣна учрежденія общественной запашки, доходомъ отъ которой составлялся хлѣбный капиталъ, служившій источникомъ суммъ, затрачивавшихся на развитіе огородничества и садоводства. Послѣ этого Департаментъ Удѣловъ предписалъ управляющимъ прекратить съ 1863 г. отпускъ суммъ на поддержаніе этого дѣла, а существующіе сады и огороды—если они устроены при общественныхъ домахъ—предоставить попеченію живущихъ въ нихъ должностныхъ лицъ, заведенные же на тягловыхъ участкахъ—отдать въ распоряженіе мірскихъ обществъ [15]).

Кромѣ развитія фруктовыхъ садовъ, принимались нѣкоторыя мѣры для насажденія въ удѣльныхъ селеніяхъ быстро растущихъ деревьевъ. Насажденія эти первоначально дѣлались для огражденія полей отъ заноса пескомъ и обращенія безплодныхъ песчаныхъ пространствъ въ пастбища, а впослѣдствіи и для распространенія вообще растительности въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ 1841 г. во владимірскомъ имѣніи дѣлались попытки разведенія на песчаныхъ мѣстахъ шелюги, выписанной въ черенкахъ (1500 шт.) и сѣменами (5 фунт.) изъ екатеринославской губ., но попытки эти не имѣли успѣха. Въ 1846—1852 гг., по проекту Байкова, было засажено такими же

черенками около 150 дес. песчаной земли при различныхъ селеніяхъ судогодскаго, вязниковскаго и меленковскаго уѣздовъ.

Въ 1853 г. обращено было вниманіе на облѣсеніе песчаныхъ пространствъ въ чемлыжскомъ приказѣ орловскаго имѣнія, гдѣ во время бури, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 г., въ дер. Лагеревкѣ, занесено пескомъ до 100 дес. озимаго крестьянскаго хлѣба и 11 дес. общественной запашки. Это былъ не первый случай распространенія тамъ песковъ: по произведенной справкѣ выяснилось, что съ 1807 г. пространство подъ сыпучими песками, съ 16 дес. возрасло до 567 дес. Управляющій орловскимъ имѣніемъ указывалъ на возможность засажденія песчаныхъ пространствъ шелюгою и сообщалъ, что черенки ея для посадки можно получить изъ вязниковскаго уѣзда, владимірской губ. Департаментъ Удѣловъ, однако, не нашелъ нужнымъ привозить растенія издалека и предписалъ управляющему, вмѣсто шелюги, засадить песчаныя мѣста какимъ-либо другимъ, годнымъ для укрѣпленія песковъ кустарникомъ изъ мѣстныхъ породъ, что и было исполнено. Лагеревское поле засадили кольями (500 штукъ) ракитника, кустами (200 штукъ) „низъ лозы", кромѣ того, подъ плугъ на протяженіи 500 саж.,—черенками ракитника. Лоза засохла, а ракитникъ принялся и былъ отданъ подъ надзоръ общества дер. Лагеревки, приказу же дано было предписаніе продолжить посадку тѣхъ породъ ивы, которыя принялись лучше другихъ. Несмотря на то, что для охраненія сдѣланныхъ насажденій общество избрало двухъ крестьянъ, давъ имъ за это облегченіе въ выполненіи другихъ повинностей, въ 1856 г. насажденія оказались пострадавшими отъ потравы скотомъ, а избранные для охраны ихъ крестьяне съ весны этого года выбыли изъ деревни.

Въ 1857 г. Департаментомъ Удѣловъ было сдѣлано распоряженіе о засажденіи въ безлѣсныхъ губерніяхъ ивою и другими быстро растущими растеніями свободныхъ мѣстъ между крестьянскими строеніями, при общественныхъ домахъ, по оврагамъ и берегамъ рѣчекъ и ручьевъ, и на слѣдующій уже годъ крестьянами посажено было до 283 тыс. деревъ разныхъ породъ, въ томъ числѣ въ московскомъ имѣніи—26 тыс. штукъ, въ вятскомъ (въ мостовинскомъ отдѣленіи, населеніе котораго проявило особую охоту къ этому дѣлу)—21 тыс., въ саратовскомъ—43 тыс., алатырскомъ—52 тыс., симбирскомъ—68 тыс. и въ самарскомъ имѣніи—84 тыс. Въ 1859 г. посадки продолжались въ нижневолжскихъ имѣніяхъ и начались въ орловскомъ, а въ

1860 г. сдѣланы опыты посѣва клена, вяза и другихъ растеній въ нагорныхъ приказахъ нижегородскаго имѣнія.

Для разведенія быстро растущихъ породъ деревъ и для ознакомленія крестьянъ съ пріемами разведенія черенками, въ 1858 г. въ саратовскомъ имѣніи были устроены три питомника ветлы, осокоря и тополя, а въ 1859 г. разрѣшено учрежденіе двухъ питомниковъ въ самарскомъ имѣніи.

Е. Мѣры для распространенія улучшенныхъ орудій.

Изъ того, что было изложено на предыдущихъ страницахъ относительно мѣропріятій удѣльнаго управленія, направленныхъ къ возвышенію крестьянскаго скотоводства и къ распространенію среди крестьянъ новыхъ и лучшихъ сортовъ растеній, видно, что эти мѣропріятія отличались довольно систематическимъ характеромъ и въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставили среди населенія болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ. Заботы о снабженіи крестьянъ экземплярами лучшихъ породъ скота, сѣменами лучшихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній, болѣе высокими сортами плодовыхъ деревьевъ и, наконецъ, мѣры по распространенію въ крестьянскомъ хозяйствѣ посѣвовъ картофеля играли видную роль въ общихъ заботахъ Департамента Удѣловъ о возвышеніи крестьянскаго хозяйства и не могли остаться безъ всякаго вліянія на состояніе соотвѣтствующихъ отраслей послѣдняго.

Иное приходится сказать о распространеніи среди крестьянъ болѣе совершенныхъ земледѣльческихъ орудій. Систематическія мѣропріятія по этой части могли имѣть успѣхъ лишь при условіи, что распространяемыя орудія будутъ приспособлены къ особенностямъ отдѣльныхъ районовъ; а этого можно было бы ожидать въ томъ только случаѣ, если бы въ устройствѣ этихъ орудій принимали участіе сами хозяева или, если бы механическіе заводы и мастерскія хорошо знали нужды и условія хозяйства различныхъ районовъ. Но въ описываемое время въ нашей странѣ не было достаточнаго числа просвѣщенныхъ сельскихъ хозяевъ, а техническое искусство вообще находилось на очень низкой ступени развитія, и удѣльное управленіе не имѣло даже образцовъ орудій, которыя оно могло бы безусловно рекомендовать крестьянамъ.

Тѣмъ не менѣе, Департаментъ Удѣловъ всетаки принималъ нѣкоторыя мѣры для распространенія болѣе совершенныхъ

орудій и преимущественное вниманіе обратилъ на подготовленіе почвы къ посѣву, т. е. на такую сельско-хозяйственную операцію, при которой въ особенности требуется приспособленіе орудія къ мѣстнымъ условіямъ, и гдѣ попытка всеобщаго примѣненія одного и того же образца заранѣе обречена на неудачу.

Находя, что удѣльные крестьяне вообще очень несовершенно приготовляли землю къ посѣву и принимая извѣстныя мѣры къ тому, чтобы вспашка полей производилась ими болѣе тщательно и своевременно, Департаментъ Удѣловъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ нѣкоторыя попытки къ введенію среди крестьянъ обработки земли плугомъ.

Первые опыты примѣненія плужной вспашки земли относятся, повидимому, къ половинѣ 30-хъ годовъ.

Въ 1835 г., по приказанію Вице-президента Департамента Удѣловъ, управляющему симбирскимъ имѣніемъ былъ доставленъ изъ Земледѣльческаго Училища „смолевскій“ плугъ. Ознакомившись съ нимъ, управляющій сдѣлалъ представленіе о пріобрѣтеніи такихъ плуговъ для каждаго изъ 236 участковъ общественной запашки съ тѣмъ, чтобы, когда населеніе убѣдится въ пользѣ этого орудія, ввести его въ употребленіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Послѣ того, какъ это предложеніе управляющаго было вообще одобрено директоромъ Земледѣльческаго Училища, Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ заготовить на первый разъ 30 плуговъ съ боронами улучшенной конструкціи и экстирпаторами, для употребленія ихъ въ тѣхъ приказахъ, гдѣ управляющій могъ лично наблюдать за работой орудія. По причинѣ поднятія цѣнъ на плуги, симбирскій управляющій въ 1836 г. заказалъ въ г. Сызрани только 25 плуговъ, заплативъ за нихъ по 31 р. асс. за штуку. При первомъ опытѣ примѣненія плуговъ, произведенномъ приказами въ 1837 г., орудія оказались тяжелыми и непригодными, и, по мнѣнію приказовъ, требовали измѣненія въ своей конструкціи. Сообщая объ этомъ Департаменту, управляющій предполагалъ съ наступленіемъ весны произвести опытъ работы плуга въ своемъ присутствіи. Департаментъ Удѣловъ, однако, дальнѣйшія опытныя работы съ плугами пріостановилъ, въ виду заключенія директора Земледѣльческаго Училища, что хотя достоинство смолевскихъ плуговъ находится внѣ сомнѣнія, но опытъ работы плуга, при неумѣломъ съ нимъ обращеніи, не приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ и что, до водворенія въ симбирскомъ имѣніи воспитанниковъ Земле-

дѣльческаго Училища, примѣненіе этого орудія представляется врядъ-ли возможнымъ.

Слѣдующая попытка примѣненія плужной вспашки земли относится уже къ второй половинѣ 40-хъ гг.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1847 г. Департаментъ Удѣловъ сдѣлалъ распоряженіе о представленіи управляющими соображеній относительно введенія болѣе глубокой, плужной вспашки полей общественной запашки и о способахъ пріобрѣтенія для этого плуговъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вслѣдствіе донесеній управляющихъ о поврежденіи озимей червемъ и заключенія директора Земледѣльческаго Училища о томъ, что для предупрежденія повторенія этого явленія слѣдуетъ производить вспашку полей плугами,—какъ это доказывалъ примѣръ Америки и образцовыхъ усадебъ удѣльнаго вѣдомства, — Департаментъ Удѣловъ сперва распоряженіями по нѣкоторымъ отдѣльнымъ конторамъ, а затѣмъ общимъ циркуляромъ отъ 3 декабря 1847 г. извѣстилъ управляющихъ объ указанномъ Байковымъ средствѣ борьбы съ червемъ и предписалъ представить соображенія о заведеніи для общественной запашки легкихъ американскихъ плуговъ, извѣстныхъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ.

Первыя представленія управляющихъ имѣніями о заготовленіи американскихъ плуговъ, для обработки всей или, по крайней мѣрѣ, значительной части общественной запашки утверждались Департаментомъ безъ затрудненій. Въ первой половинѣ 1847 г. разрѣшено было управляющему владимірскимъ имѣніемъ пріобрѣсти 205, а управляющему симбирскимъ имѣніемъ 159 плуговъ *), но скоро, однако, отношеніе Департамента Удѣловъ къ этому вопросу измѣнилось и, прежде чѣмъ разрѣшать заказы большого количества этихъ орудій, Департаментъ предлагалъ производить сравнительные опыты вспашки земли плугомъ и сохой и знакомить крестьянъ черезъ посредство хозяевъ образцовыхъ усадебъ съ техникой работы плугомъ **). Это измѣненіе взгляда на вопросъ о плужной обработкѣ полей произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ отзывовъ тѣхъ управляющихъ, которые осторожнѣе отнеслись къ этому дѣлу и находили лучшимъ

*) До приготовленія этихъ плуговъ управляющій симбирскимъ имѣніемъ распорядился, чтобы—во исполненіе предписаній Департамента Удѣловъ о болѣе глубокой вспашкѣ полей общественной запашки—эта операція производилась двумя сохами: одной вслѣдъ за другой.

**) Разрѣшивъ 3 апрѣля 1847 г. владимірскому управляющему заказать 205 плуговъ, — на его представленіе отъ 22 сентября о заказѣ еще 484 плуговъ, Де-

постепенно замѣнять старыя пашущія орудія новыми. На пользу предварительнаго обученія крестьянъ обращенію съ плугомъ указывалъ въ 1848 г. управляющій Саратовской Конторой, а управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, Бестужевъ-Рюминъ, въ томъ же году представлялъ о пріобрѣтеніи 618 плуговъ не сразу, а въ теченіе двухъ лѣтъ, по мѣрѣ ознакомленія крестьянъ обращенію съ этимъ орудіемъ. Со стороны нѣкоторыхъ другихъ управляющихъ было высказано даже вообще сомнѣніе въ пользѣ замѣны старыхъ пашущихъ орудій новыми. Управляющій костромскимъ имѣніемъ въ 1848 г. доносилъ, что употреблявшаяся въ крестьянскомъ хозяйствѣ косуля близко подходитъ къ плугу и вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ, почему замѣну ея плугомъ онъ считаетъ безполезной. Но такъ какъ вспашка земли американскими плугами признавалась особенно умѣстной именно въ костромской губ., озимыя поля которой неоднократно истреблялись червемъ, то Департаментъ Удѣловъ предписалъ всетаки изготовить на первый разъ по одному плугу на приказъ и употреблять ихъ для обработки общественной запашки. Точно также и смѣнившій Бестужева-Рюмина въ управленіи нижегородскимъ имѣніемъ, Даль, въ 1849 г. доносилъ, что плужная пахота мало пригодна для песчаныхъ почвъ нижегородскаго имѣнія и что прежде, нежели вводить американскіе плуги для обработки всей общественной запашки, слѣдовало бы сдѣлать опытъ примѣненія ихъ въ небольшихъ размѣрахъ, съ чѣмъ Департаментъ и согласился.

Осторожное отношеніе Департамента Удѣловъ къ вопросу о введеніи плужной обработки полей общественной запашки получило оправданіе въ послѣдующемъ ходѣ этого дѣла: опытъ

партаментъ отвѣчалъ предложеніемъ доставить свѣдѣнія о сравнительныхъ урожаяхъ хлѣба на участкахъ, вспаханныхъ плугомъ и сохой и недостающее количество плуговъ пріобрѣтать „по мѣрѣ удостовѣренія крестьянъ въ преимуществахъ этихъ орудій передъ другими". Управляющему тверскимъ имѣніемъ Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ пріобрѣсти для опыта одинъ плугъ вмѣсто 653. Управляющему вятскимъ имѣніемъ, предлагавшему для перваго раза заготовить 77 плуговъ (по числу участковъ общественной запашки), Департаментъ Удѣловъ 23 августа 1848 г. предписалъ привести это предположеніе въ исполненіе послѣ того, какъ крестьяне научатся обращенію съ орудіемъ, а для ихъ обученія плужной вспашкѣ послать охотниковъ изъ молодыхъ крестьянъ, на время обработки земли подъ хлѣбъ, въ образцовыя усадьбы; и только когда 69 человѣкъ крестьянъ были научены этому дѣлу, Департаментъ въ 1850 г. разрѣшилъ произвести заказъ плуговъ. Подобный же отвѣтъ въ концѣ 1848 г. данъ былъ и управляющему вологодскимъ имѣніемъ; и такъ какъ среди крестьянъ не оказалось охотниковъ учиться плужной вспашкѣ полей, то, для обученія этому искусству, Департаментъ предписалъ командировать въ образцовыя усадьбы нѣсколькихъ смотрителей общественной запашки.

примѣненія плуговъ въ различныхъ имѣніяхъ *) показалъ, что плугъ слишкомъ тяжелъ для крестьянской лошади и что плужная вспашка на рыхлыхъ и тощихъ почвахъ вела къ пониженію урожая. На это было обращено вниманіе Департамента управляющимъ костромскимъ имѣніемъ и въ 1852 г. послѣдовало ему предписаніе употреблять плуги лишь на тѣхъ почвахъ, гдѣ послѣ повторенныхъ опытовъ они оказались бы заслуживающими предпочтенія передъ сохой. Опыты эти приводили къ тѣмъ же результатамъ, что и первые, вслѣдствіе чего вопросъ о сравнительной пригодности для костромского имѣнія американскаго плуга и косули отданъ былъ въ 1857 г. на заключеніе директора Земледѣльческаго Училища, Карамышева, который высказался въ томъ смыслѣ, что при мелкомъ грунтѣ косуля можетъ замѣнить посредственный американскій плугъ и что правильная обработка земли обоими орудіями одинаково препятствуетъ кладкѣ яицъ ночной бабочки (изъ которыхъ выводятся уничтожающіе посѣвы хлѣбовъ черви). Къ сходнымъ результатамъ приводили опыты плужной обработки полей и въ другихъ удѣльныхъ имѣніяхъ. По красносельскому имѣнію директоръ Земледѣльческаго Училища, Потуловъ, далъ въ 1854 г. заключеніе, что хорошая косуля, вообще, не уступаетъ плугу, а опыты примѣненія плужной вспашки во владимірскомъ имѣніи показали, что на рыхлыхъ и тощихъ почвахъ урожай хлѣба послѣ плужной вспашки даже понижается. Поэтому, согласно заключенію директора Земледѣльческаго Училища, сдѣлано было распоряженіе о примѣненіи плуга во владимірскомъ имѣніи лишь при толщинѣ плодороднаго слоя не менѣе 1/2 вершка, а въ 1854 г. плужная пахота и совсѣмъ отмѣнена. Въ тверскомъ имѣніи опыты сравнительной работы плуга и сохи производились три года на разныхъ почвахъ и, хотя въ 1852 г. плужную вспашку постановлено было здѣсь отмѣнить, но управляющій имѣніемъ, не считая сдѣланные опыты достаточными, производилъ ихъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Отрицательные результаты примѣненія плуговъ получились также въ нижегородскомъ, архангельскомъ, казанскомъ, саратовскомъ (сравненіе американскаго плуга съ русскимъ и нѣмецкимъ, которые здѣсь употреблялись крестьянами), орловскомъ, самарскомъ, новгородскомъ и вологодскомъ имѣніяхъ **).

---

*) Опыты эти въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ велись всего 2 1/2—3 года, а въ другихъ продолжались до конца 50-хъ гг.

**) Повышеніе урожая послѣ плужной вспашки замѣчалось рѣдко (напр., нѣкоторые годы въ оренбургской губ.).

Результаты сравнительной урожайности полей, обработанныхъ плугомъ и сохой, оцѣнивались тамъ, гдѣ плуги были заведены въ достаточномъ количествѣ — по вѣдомостямъ о сборѣ хлѣба съ общественныхъ запашекъ *); въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ американскихъ плуговъ было всего нѣсколько экземпляровъ, иногда были принимаемы мѣры къ тому, чтобы опытъ обработки земли плугомъ и сохой былъ исполненъ по возможности при равныхъ условіяхъ (въ самарскомъ, орловскомъ, тверскомъ, новгородскомъ и др. имѣніяхъ).

Неудачные результаты примѣненія американскихъ плуговъ могли зависѣть нетолько отъ несоотвѣтствія ихъ мѣстнымъ условіямъ многихъ губерній, но и отъ неумѣнія пахарей обращаться съ этимъ орудіемъ, а также отъ плохой конструкціи плуговъ, которые, за немногими исключеніями, изготовлялись въ мѣстныхъ удѣльныхъ ремесленныхъ училищахъ и въ образцовыхъ усадьбахъ; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ плуги были сдѣланы настолько неудовлетворительно, что управляющіе не находили возможнымъ даже пустить ихъ въ дѣло.

Когда начало выясняться, что легкіе американскіе плужки врядъ-ли окажутся пригодными для крестьянскаго хозяйства, стали испытывать другой типъ плуга — американскій трехотвальный.

Въ 1852 г. управляющій симбирскимъ имѣніемъ, получивъ изъ Земледѣльческаго Училища модель такого плуга, приказалъ сдѣлать по ней нѣсколько экземпляровъ и роздалъ ихъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, если они окажутся пригодными, распространить ихъ между крестьянами. Опытъ примѣненія плуга оказался настолько удачнымъ, что въ теченіе 1853 г. было изготовлено и роздано крестьянамъ еще 95 плуговъ. По донесеніи объ этомъ Департаменту Удѣловъ, послѣдній, согласно заключенію директора Земледѣльческаго Училища, предположилъ распространить трехотвальный плугъ въ другихъ имѣніяхъ, съ рыхлою, черноземною почвою. Но такъ какъ Земледѣльческое Училище не имѣло въ данное время воспитанниковъ, которые сумѣли бы приготовить такой плугъ, то мо-

*) Въ симбирскомъ имѣніи плугомъ обработывалось отъ 2000 до 4000 дес. общественной запашки, въ вятскомъ—до 1500 дес., во владимірскомъ—отъ 500 до 700 дес., въ алатырскомъ—отъ 200 до 500 дес., въ остальныхъ имѣніяхъ—гораздо меньшая площадь.

дель трехотвальнаго плуга послана была изъ симбирскаго имѣнія только въ саратовское (гдѣ, однако, не нашлось мастеровъ, способныхъ сдѣлать по модели самое орудіе), а въ 1855 г. три модели посланы были въ имѣнія: орловское, оренбургское и вятское и въ каждомъ въ теченіе 1856—1857 гг. по образцу было сдѣлано по одному экземпляру плуга, для производства опытовъ обработки общественной запашки. Результаты этихъ опытовъ въ саратовскомъ и алатырскомъ имѣніяхъ оказались неудовлетворительными; объ остальныхъ имѣніяхъ свѣдѣній не имѣется *).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что въ 1853 г. трехотвальные плуги были, въ количествѣ 95 экземпляровъ, распространены между крестьянами симбирскаго имѣнія. Такимъ образомъ, не смотря на отрицательные результаты испытанія плужной вспашки, вообще, плуги всетаки, хотя быть можетъ только для опыта, имѣли нѣкоторое распространеніе среди крестьянъ. Изъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній видно, что управляющіе конторами старались о распространеніи среди крестьянъ и многихъ другихъ орудій. Въ 1843 г. въ разныя селенія симбирской губ., преимущественно буинскаго уѣзда, по желанію крестьянъ, кромѣ 5 смолевскихъ плуговъ, было отправлено 11 скоропашекъ, 9 вѣялокъ и одна улучшенная борона, сдѣланныя хозяевами образцовыхъ усадебъ; въ пермскомъ имѣніи въ 40-хъ гг. среди крестьянъ распространялись бороны съ желѣзными зубьями, въ новгородскомъ имѣніи—такіе же бороны и катки.

Съ улучшенными образцами земледѣльческихъ орудій и съ совершенно новыми для нихъ орудіями (молотилки, вѣялки) крестьяне могли ознакомиться въ хозяйствахъ образцовыхъ усадебъ, а также на поляхъ общественной запашки, гдѣ эти орудія нерѣдко примѣнялись именно съ цѣлью ознакомленія съ ними крестьянъ.

---

*) Улучшенныя пашущія орудія, но уже крестьянскаго изобрѣтенія, распространялись иногда среди удѣльныхъ крестьянъ и безъ участія въ этомъ дѣлѣ удѣльнаго управленія. Такъ, по сообщенію управляющаго вятскимъ имѣніемъ отъ 1858 г., въ мостовинскомъ отдѣленіи сильно распространялась между крестьянами особая соха (состоявшая изъ одной шабалы, плотно посаженной надъ однимъ сошникомъ, одинаковой съ ней ширины), очень облегчающая трудъ по распашкѣ земли. Соха первоначально была введена крестьяниномъ с. Вятскихъ, галановскаго приказа, Василіемъ Улѣвымъ, а ея распространенію среди крестьянъ значительно способствовалъ примѣръ галановскаго священника, Алексѣя Емельянова.

Говоря о заботахъ мѣстной удѣльной администраціи относительно распространенія среди крестьянъ улучшенныхъ орудій, нельзя не остановиться на мѣрахъ для введенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ уборки хлѣба косой вмѣсто серпа и на замѣнѣ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, короткой косы длинной.

Въ 1834 г. въ земледѣльческихъ періодическихъ изданіяхъ появились извѣстія о томъ, что нѣкоторые помѣщики въ своихъ имѣніяхъ, вмѣсто уборки хлѣба серпомъ, снимаютъ его короткою косою. На это извѣстіе обратилъ вниманіе управляющій симбирскимъ имѣніемъ, Бестужевъ, и съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ послалъ къ помѣщику лукояновскаго уѣзда, нижегородской губ., барону Шлипенбаху, въ 1835 г., для обученія дѣйствію косою 5 молодыхъ крестьянъ разныхъ приказовъ. Шлипенбахъ не только обучилъ присланныхъ крестьянъ, но и предложилъ лично пріѣхать въ симбирское имѣніе съ своими людьми для ознакомленія съ новымъ способомъ уборки хлѣба возможно большаго числа удѣльныхъ крестьянъ. Эта поѣздка состоялась въ 1836 г., при чемъ къ прибытію Шлипенбаха было собрано болѣе 200 крестьянъ, которые не только научились дѣйствовать косою, но и отзывались съ похвалой объ этомъ способѣ уборки. По отчету управляющаго, въ 1842 г. въ симбирскомъ имѣніи насчитывалось 3167 косцовъ короткими косами; въ 1852 г. короткими косами было убрано 825 дес. озимаго и яровово хлѣба.

Въ то же время для обученія уборкѣ хлѣба косою къ Шлипенбаху было отправлено 10 человѣкъ удѣльныхъ крестьянъ нижегородской губ., а въ 1840—1841 гг. въ этой губерніи были произведены опыты уборки ржи косою на общественныхъ запашкахъ. Эти опыты показали, что хотя уборка хлѣба косой идетъ быстрѣе нежели серпомъ, но хлѣбъ, срѣзанный косой, не совсѣмъ ровенъ, колосья его спутываются, и это мѣшаетъ чистому отмолачиванію зерна, отчего нѣсколько уменьшается умолотъ. Несмотря на это, Департаментъ Удѣловъ предписалъ управляющему нижегородскимъ имѣніемъ заботиться о распространеніи уборки хлѣба косами и ежегодно доставлять свѣдѣнія объ успѣхѣ этого дѣла.

Въ 1837 г., по публикаціи же въ газетахъ, управляющій московскимъ имѣніемъ посылалъ двухъ крестьянъ къ тверскому помѣщику Кореневу для обученія искусству разработки торфа и уборки хлѣба длинными косами.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ уборка сѣна производилась короткой косой на подобіе серпа, такъ называемой горбушей, хозяева образцовыхъ усадебъ имѣли у себя длинныя косы и, такъ какъ нѣкоторые крестьяне вятскаго имѣнія, наблюдавшіе работу длинными косами, выражали желаніе завести для себя такія же, то, по предложенію директора Земледѣльческаго Училища, Департаментъ Удѣловъ въ 1840 г. разрѣшилъ пріобрѣсти 3 бочки штирійскихъ косъ для раздачи, черезъ посредство хозяевъ образцовыхъ усадебъ, крестьянамъ, выучившимся хорошо дѣйствовать этимъ орудіемъ. Осуществленіе этого предположенія затянулось, однако, до 1842 г., когда было пріобрѣтено 1000 штирійскихъ косъ (за 450 р. сер.) и отправлено хозяевамъ образцовыхъ усадебъ, для продажи крестьянамъ по цѣнѣ 50 к. за штуку. Въ первый же годъ было продано 342 косы, въ слѣдующій — 18 косъ, а въ 1844 г. — 190 штукъ. Вся же партія штирійскихъ косъ была совершенно распродана лишь въ 1850 г. *).

Замѣна горбуши „стойкой", а также употребленіе косы вмѣсто серпа имѣли мѣсто и въ архангельской губ., гдѣ, для побужденія крестьянъ къ серьезнымъ опытамъ съ новыми орудіями, назначались за это даже денежныя выдачи.

Ж. Мѣры для распространенія пчеловодства.

Согласно описнымъ книгамъ, составленнымъ при пріемѣ въ Удѣлы дворцовыхъ имѣній, пчеловодствомъ занимались удѣльные крестьяне новгородской, тверской, орловской, курской, малороссійской и воронежской губерній. Свѣдѣнія эти нельзя, однако, считать полными, такъ какъ изъ переписки Департамента съ экспедиціями по разнымъ частнымъ вопросамъ видно, что пчеловодство существовало и въ другихъ губерніяхъ, напр., въ вятской. Равнымъ образомъ, не было точныхъ данныхъ и относительно размѣровъ этого промысла въ отдѣльныхъ губерніяхъ. По этому предмету въ 1799 г. были

*) Въ отчетѣ за 1858 г. управляющій Вятской Конторой сообщалъ объ успѣхѣ замѣны косы-горбуши косой-литовкой въ мостовинскомъ отдѣленіи и пояснялъ, что распространенію послѣдней много способствовали отставные и безсрочные солдаты За отсутствіемъ косы-литовки въ продажѣ, управляющій предложилъ, по примѣру воткинскаго желѣзодѣлательнаго завода, заказавшаго для своихъ непремѣнныхъ работниковъ нѣсколько тысячъ косъ златоустовскому заводу—пріобрѣсти тамъ-же косы для продажи удѣльнымъ крестьянамъ по заготовительной цѣнѣ.

собраны свѣдѣнія лишь относительно трубчевского уѣзда, орловской губ., при чемъ оказалось, что удѣльные крестьяне пяти приказовъ этого уѣзда имѣли 10470 бортныхъ угодій, изъ нихъ 2123 въ казенныхъ лѣсахъ и 8347—въ нарѣзкахъ, сдѣланныхъ къ удѣльнымъ селеніямъ. По приблизительному исчисленію—считая, что пчелами занято отъ 1/3 до 1/2 означеннаго числа деревъ и что каждое дерево давало для продажи 1/2 пуда меду, при цѣнѣ послѣдняго въ 3 р. 50 к. асс. за пудъ *),—годовой доходъ крестьянъ трубчевского уѣзда отъ пчеловодства опредѣлялся отъ 6 до 9 тыс. р. асс.

Въ 1801 г. удѣльнымъ экспедиціямъ былъ сдѣланъ запросъ о томъ, не представляется ли, по мѣстнымъ условіямъ, возможнымъ устраивать въ подвѣдомственныхъ имъ имѣніяхъ пасѣки для извлеченія изъ нихъ дохода въ пользу Удѣловъ. Изъ отвѣтовъ на этотъ запросъ можно извлечь нѣкоторыя дополнительныя указанія относительно районовъ распространенія пчеловодства. Такъ, Вятская, Петербургская и Московская Экспедиціи доносили, что устройство пасѣкъ въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ не представляется возможнымъ, по причинѣ суровости климата и незнакомства съ промысломъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ смоленскомъ имѣніи крестьяне, занимавшіеся пчеловодствомъ, держали въ большинствѣ случаевъ не болѣе 5 ульевъ. Значительно больше пчеловодство распространено было въ симбирской, нижегородской и пензенской губерніяхъ, гдѣ находились крестьяне, имѣвшіе до 80 ульевъ и болѣе. Судя же потому, что къ мысли Департамента объ устройствѣ пчельниковъ, какъ новой доходной статьи, почти всѣ экспедиціи отнеслись отрицательно или сдержанно, и только Орловская Экспедиція представила соображенія объ устройствѣ пчельниковъ, можно предположить, что районъ вѣдѣнія именно Орловской Экспедиціи и составлялъ центръ пчеловоднаго дѣла при образованіи удѣльныхъ имѣній **).

---

*) Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ продажная цѣна меду въ смоленскомъ имѣніи колебалась между 4 и 8 р. за пудъ (въ с. Городцѣ нижегородской губ. была 4 р. 50 к.), цѣна воску была 15—20 р. за пудъ.

**) Въ это же время была сдѣлана попытка ввести пчеловодство въ вологодской губ., для чего были отысканы опытные пчеловоды и заведены ульи въ с. Турундаевѣ и въ деревняхъ Тепенкинѣ и Дьяконовѣ шелоцкаго приказа, но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1804—1805 гг. ульи погибли отъ стужи. Въ 30-хъ гг. бортевое (улей выдалбливался внутри дерева) и кузовое (ульи навѣшивались на деревѣ) пчеловодство было значительно распространено въ уренскомъ приказѣ костромской губ. (Байковъ, «Обзоръ сельск. хоз. въ удѣльныхъ имѣніяхъ», стр. 105).

После состоявшагося въ 30-хъ гг. обмѣна имѣніями между казной и Удѣлами и передачи въ удѣльное вѣдомство казенныхъ крестьянъ симбирской губ.,—тою мѣстностью, гдѣ наиболѣе было развито у удѣльныхъ крестьянъ пчеловодство, становится нижнее поволжье. По свѣдѣніямъ отъ 1854 г. насчитывалось ульевъ: въ сызранскомъ имѣніи 85 тыс.*), симбирскомъ—15 тыс., въ самарскомъ у 2450 домохозяевъ—33 тыс. (изъ нихъ $^2/_3$ принадлежали селеніямъ уренскаго, калмазорскаго и новомайнскаго приказовъ). Въ меньшей степени пчеловодство было распространено въ алатырскомъ, пермскомъ (преимущественно въ ершевскомъ приказѣ) и оренбургскомъ имѣніяхъ. Въ 1855 г. въ самарскомъ имѣніи насчитывалось уже всего 28 тыс. ульевъ, въ 1856 г.—$22^1/_2$ тыс., въ 1857 г.—столько же, при чемъ отъ нихъ получено было до 10400 р. дохода. Въ симбирскомъ имѣніи въ 1860 г. у 975 домохозяевъ удѣльныхъ крестьянъ находилось 16000 ульевъ — преимущественно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ шаймурзинскаго, кайсоровскаго, уржумскаго и ключищенскаго приказовъ. Въ сызранскомъ имѣніи въ 1856 г. погибло 12 тыс. ульевъ изъ 70000; тѣмъ не менѣе добыто было 2612 пуд. меду и 622 пуда воску, всего на сумму около 19500 р.; въ 1860 г. въ сызранскомъ имѣніи насчитывалось 1473 пчеловодовъ, имѣвшихъ до 40 тыс. ульевъ, приносившихъ около 20000 р. въ годъ дохода. По свѣдѣніямъ отъ 1858 г., въ мостовинскомъ приказѣ вятскаго имѣнія находилось 685 хозяевъ, имѣвшихъ до 50 ульевъ и болѣе каждый. Крестьяне этого имѣнія вообще питали большое пристрастіе къ пчеловодству: каждый сколько-нибудь зажиточный домохозяинъ заводилъ такъ называемую „вотчину“ и съ любовью ухаживалъ за своими пчелами. Несмотря на отсталые пріемы пчеловодства, крестьяне нѣкоторыхъ приказовъ вятскаго имѣнія, благодаря распространенію въ этихъ мѣстахъ липы, получали очень хорошій медъ, который подъ именемъ зеленаго или сивинскаго (отъ рѣки Сивы) очень высоко цѣнился московскими торговцами.

Для поднятія пчеловодства среди крестьянъ, удѣльнымъ управленіемъ въ 40-хъ и 50-хъ гг. примѣнялись слѣдующія мѣры.

Въ 1841 г. 9 мальчиковъ изъ семей пчеловодовъ орловской губерніи были помѣщены на 2 года въ школу пчеловодства помѣщика Прокоповича въ с. Пальчикахъ, конотопскаго уѣзда,

*) Съ нихъ, въ этомъ году, несмотря на неблагопріятную погоду, получено было 4500 пуд. меду и 650 пуд. воску, всего на сумму 22.000 руб.

черниговской губ. Расходы на это, кромѣ стоимости переѣзда, составлялись изъ 150 р. асс. годовой платы Прокоповичу и изъ 80 р. на одежду и инструменты для каждаго мальчика. По окончанiи курса, мальчики возвратились въ свои семьи и для нихъ, на суммы хлѣбнаго капитала, были устроены образцовые пчельники съ тѣмъ, чтобы обученные въ школѣ пчеловодства давали необходимыя разъясненiя всѣмъ, обращающимся къ нимъ крестьянамъ.

Въ 1853 г. въ ту же школу было помѣщено 2 крестьянскихъ мальчика изъ симбирскаго и буинскаго уѣздовъ, а по окончанiи ими курса въ 1857 г. для нихъ были устроены образцовые пчельники въ шаймурзинскомъ и уржумскомъ приказахъ. У одного изъ нихъ дѣло шло безуспѣшно; у другого же изъ 15 первоначально заведенныхъ ульевъ въ 1860 г. составилось 47 пеньковъ. При каждомъ изъ образцовыхъ пчельниковъ находилось въ обученiи по 3 молодыхъ крестьянина.

Въ 1857 г., по инициативѣ Предсѣдателя Департамента Удѣловъ, посѣтившаго нижегородскую губ., возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ учебнаго пчельника въ нижегородскомъ имѣнiи, подъ руководствомъ помѣщичьяго крестьянина Быкова, представившаго на нижегородскую выставку образцовые ульи. Быковъ, однако, не согласился завѣдывать такимъ пчельникомъ, и тогда было рѣшено, для обученiя нижегородскихъ крестьянъ пчеловодству, отдать трехъ мальчиковъ на 3 года къ Быкову, и заключено съ опытнымъ пчеловодомъ, священникомъ с. Федосьина, условiе о наставленiи пчеловодству крестьянъ, которые будутъ къ нему обращаться. За обученiе мальчиковъ Быковъ получалъ 210 р. въ годъ и сверхъ того затрачено 180 р. на одежду для учащихся и выдавалось по 15 р. въ годъ семьямъ, изъ которыхъ были взяты дѣти въ науку. Священникъ получалъ за обученiе крестьянъ по 50 р. сер. въ годъ *). Въ началѣ у него обучалось 9 удѣльныхъ крестьянъ, а въ 1860 г. число ихъ возрасло до 19-ти. Обучавшихся у Быкова мальчиковъ предполагалось затѣмъ размѣстить по образцовымъ пчельникамъ, которые для этого надлежало устроить.

Въ 1858 г. одному воспитаннику Земледѣльческаго Училища, изъ крестьянъ вятскаго имѣнiя, разрѣшено было отвести въ

*) Въ 1858 г. наставлять крестьянъ пчеловодству на этихъ же условiяхъ предлагалъ и другой священникъ нижегородской губ., но Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что принятыя уже мѣры достаточны для содѣйствiя успѣхамъ пчеловодства, и предложенiе священника было отклонено.

его родномъ селѣ Качкѣ десятину неудобной земли подъ садъ и отпустить въ ссуду на 5 лѣтъ, безъ процентовъ, 100 р. сер. на устройство пчельника съ тѣмъ, чтобы онъ распространялъ улучшенные пріемы между крестьянами, при чемъ ему было заявлено, что, въ случаѣ успѣшной его дѣятельности, долгъ будетъ сложенъ со счетовъ *).

Мѣры для улучшенія быта симбирскихъ чувашей.

Въ числѣ казенныхъ крестьянъ, переданныхъ въ 1835 г. въ удѣльное вѣдомство, находилось въ сѣверной части симбирской губ. 30 тыс. чувашей. По донесеніямъ удѣльныхъ чиновниковъ, эта часть населенія симбирской губ. рѣзко отличалась отъ русскихъ крестьянъ: характеромъ своей религіи, имѣвшей общаго съ христіанствомъ только имя, безпечностью населенія, выражавшейся, между прочимъ, въ обиліи и продолжительности праздниковъ, выпадавшихъ на самое горячее лѣтнее время и составлявшихъ остатки прежняго идолопоклонническаго культа, формально оставленнаго чувашами лишь 60 лѣтъ до того, но втайнѣ еще нѣкоторыми изъ нихъ исповѣдывавшагося,—низкимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, убожествомъ домашней обстановки (избы ихъ не имѣли ни дымовыхъ трубъ, ни оконъ) и скудостью питанія, что вело къ сильной болѣзненности чувашей. Чтобы вывести изъ такого состоянія нѣсколько десятковъ тысячъ удѣльныхъ крестьянъ признано было необходимымъ „улучшить ихъ нравственность и самый образъ жизни“. Въ этихъ видахъ было приступлено прежде всего къ постройкѣ въ чувашскихъ имѣніяхъ новыхъ 9 церквей и къ устройству при каждомъ изъ 25 приходовъ по сельскому училищу. Священникамъ назначено было по 600 р. асс. въ годъ жалованья, а тѣмъ изъ нихъ, которые принимали себя и обязанности сельскихъ учителей, прибавлялось еще столько же; кромѣ того нѣсколько чувашскихъ мальчиковъ помѣщены были въ Земледѣльческое Училище. На эти и подобныя имъ мѣры поднятія экономическаго и духовнаго уровня чувашей—

*) Въ 1845 г., по предложенію извѣстнаго специалиста по пчеловодству, Витвицкаго, Департаментомъ Удѣловъ было пріобрѣтено для приказовъ, гдѣ крестьяне особенно усердно занимались пчеловодствомъ, по 20 экземпляровъ сочиненій Витвицкаго: „О бортневомъ пчеловодствѣ“ и „О стеклянномъ ульѣ“. Въ 1846 г. тотъ же авторъ предложилъ купить у него 1000 экземпляровъ сочиненія „Сокращенная наука практическаго пчеловодства для удѣльныхъ крестьянъ“, но это предложеніе не было принято.

кромѣ 30 тыс. р. асс. въ годъ на жалованье священникамъ,— ассигновано было изъ крестьянскаго капитала 253 тыс. р. асс. (на серебро 72 тыс. руб.) единовременно.

Затѣмъ было обращено вниманіе на улучшеніе у чувашей сельскаго хозяйства, главнѣйшіе недостатки котораго, по наблюденіямъ мѣстныхъ чиновниковъ, заключались въ однократной, слишкомъ поздней и небрежной вспашкѣ земли для посѣва и въ оставленіи широкихъ межниковъ между загонами. Донося объ этомъ Департаменту Удѣловъ, управляющій Симбирской Конторой въ 1839 г. объяснилъ, что, хотя имъ и сдѣланы рѣшительныя распоряженія о замѣнѣ межниковъ глубокими бороздами и о вспахиваніи земли осенью, весною и въ междупарье, но онъ не надѣется на быстрое улучшеніе чувашскаго хозяйства и считалъ бы полезнымъ, не ограничиваясь обыкновеннымъ надзоромъ за этимъ дѣломъ со стороны приказныхъ головъ и смотрителей общественныхъ запашекъ, опредѣлить въ чувашскіе приказы, на нѣкоторое время, особыхъ надзирателей, избранныхъ изъ ихъ же среды, которымъ дать въ руководство составленную управляющимъ инструкцію. Департаментъ Удѣловъ, согласно заключенію директора Земледѣльческаго Училища, Байкова, разрѣшилъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе. Управляющему предложено было нанять на лѣто опытныхъ русскихъ староудѣльныхъ крестьянъ и, не связывая ихъ никакими инструкціями, поручить имъ, дѣйствуя примѣромъ и убѣжденіемъ, а не наказаніями, повліять на чувашей такимъ образомъ, чтобы они лучше обработывали свои поля. Для дѣятельности этихъ смотрителей указывалось отвести нѣсколько смежныхъ селеній и—когда они достигнутъ въ данномъ районѣ нѣкотораго успѣха — перевести ихъ въ другія селенія, а вмѣсто нихъ назначить благонадежныхъ руководителей за меньшее вознагражденіе.

Въ 1840 г. смотрителя были наняты (за жалованье въ среднемъ по 70 р. сер. въ лѣто) и размѣщены по чувашскимъ деревнямъ; на слѣдующее лѣто они переведены въ другія селенія, а на ихъ мѣсто избраны замѣстители изъ обученныхъ ими чувашей, съ жалованьемъ отъ 25 р. до 30 р. сер. въ лѣто. То же самое повторилось въ 1842 г. О состояніи земледѣлія у чувашей и о дѣятельности надзирателей управляющій представлялъ въ Департаментъ ежемѣсячныя донесенія, съ указаніемъ числа лицъ, обнаружившихъ особые успѣхи въ хозяйствѣ. Въ этихъ донесеніяхъ сообщалось, что чуваши начинали лучше

прежняго обработывать свои земли, и въ теченіе двухъ лѣтъ въ этомъ дѣлѣ отличилось до 1000 человѣкъ. Улучшеніе хозяйства чувашей было засвидѣтельствовано и произведенной въ 1841 г. ревизіею симбирскаго имѣнія.

Въ 1842 г. поселено было среди чувашей и татаръ симбирскаго имѣнія 6 хозяевъ образцовыхъ усадебъ (изъ чувашей и русскихъ), чтобы они своимъ примѣромъ и наставленіями распространяли среди населенія лучшіе пріемы земледѣлія; черезъ 4 года прибавлено еще 3 хозяина. Кромѣ небольшого содержанія, этимъ лицамъ была обѣщана, при успѣшныхъ занятіяхъ съ крестьянами, выдача вознагражденія по 100 р. сер. въ годъ. О дѣятельности хозяевъ образцовыхъ усадебъ ежегодно представлялись въ Департаментъ подробные отчеты, изъ которыхъ видно, что хозяева эти занимались объясненіемъ чувашамъ правилъ сельскаго хозяйства, сопровождая иногда эти объясненія указаніемъ пріемовъ той или другой хозяйственной операціи. Объясненія касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ дѣла, какъ то: признаковъ плодородныхъ почвъ, правилъ удобренія разныхъ почвъ, обработки ихъ, содержанія скота, способовъ спусканія воды съ озимыхъ полей, воздѣлыванія огородныхъ растеній, формы лучшихъ орудій, устройства глинобитныхъ крышъ, очистки полей отъ сорныхъ травъ, рубки срубовъ зданій въ лапу и т. п.

Въ 1850 г. директоръ Земледѣльческаго Училища, Потуловъ, нашелъ, что изъ описанія дѣятельности хозяевъ образцовыхъ усадебъ нельзя составить опредѣленнаго заключенія о томъ вліяніи, какое они оказывали на окружающихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что вмѣсто наставленія крестьянъ одновременно всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ это дѣлали до сихъ поръ усадебники, было бы болѣе производительной затратой труда обучать въ каждой мѣстности сначала лишь тому, что здѣсь является наиболѣе необходимымъ, соблюдая при этомъ должную послѣдовательность въ наставленіяхъ; при обученіи, напр., собственно земледѣлію, начинать съ удобренія, пахоты, посѣва и затѣмъ, по усвоеніи чувашами этихъ сторонъ дѣла, переходить къ уборкѣ, молотьбѣ и храненію хлѣба. Департаментъ Удѣловъ 7 ноября 1850 г. сдѣлалъ распоряженіе, согласное съ такимъ заключеніемъ Потулова.

Хозяева образцовыхъ усадебъ за успѣшное обученіе чувашей

получали денежныя награды *); такія же награды выдавались и тѣмъ изъ обученныхъ крестьянъ, которые передавали свои познанія другимъ чувашамъ, а отличившіеся въ хозяйствѣ чуваши награждались нарядными армяками **). Согласно донесеніямъ управляющаго имѣніемъ, принятыя мѣры для поднятія быта чувашей имѣли хорошій успѣхъ и къ концу 50-хъ гг. чуваши, по состоянію ихъ хозяйства, мало чѣмъ отличались отъ другихъ удѣльныхъ крестьянъ симбирской губ.

Особенно дурно было у чувашей устройство ихъ жилищъ. Чуваши строили избы безъ трубы и почти всегда безъ оконъ, и такъ какъ при этомъ они варили себѣ пищу нѣсколько разъ въ день, то ихъ жилища постоянно были наполнены дымомъ. Отъ этого чуваши страдали глазными болѣзнями, и при рекрутскихъ наборахъ по этому случаю возникали большія затрудненія.

Поэтому Департаментъ Удѣловъ задался цѣлью замѣнить черныя избы въ чувашскихъ селеніяхъ бѣлыми и на первый разъ въ 1837 г. предписалъ управляющему Симбирской Конторой, построить, для опыта, въ избахъ одного изъ чувашскихъ селеній печи съ дымовыми трубами, не дѣлая при этомъ притѣсненія населенію. Такъ какъ за этимъ первымъ опытомъ должна была послѣдовать передѣлка печей и въ остальныхъ чувашскихъ селеніяхъ (всего въ 7500 избахъ), для чего потребовалось бы большое количество хорошаго кирпича, то вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ распоряженіемъ управляющему симбирскимъ имѣніемъ было предписано представить соображенія объ устройствѣ въ чувашскихъ селеніяхъ кирпичныхъ заводовъ. По мнѣнію управляющаго Конторою, для этого слѣдовало построить девять кирпичныхъ заводовъ—по одному на чувашскій приказъ—съ тѣмъ, чтобы каждый заводъ приготовлялъ кирпичъ приблизительно на 800 избъ, считая, что для каждой печи понадобится 1000 шт. кирпича, Предположеніе это было Департаментомъ одобрено, а постройка заводовъ и производство кирпичей на первый годъ сданы были подрядчику съ тѣмъ, чтобы онъ обучилъ этому дѣлу чувашей, назначавшихся на кирпичные заводы изъ такихъ крестьянъ, которые по физическимъ недостаткамъ не отбывали рекрутской повинности. Въ слѣдующіе годы производство велось уже безъ подрядчика, при помощи ста обученныхъ чувашей.

*) Такъ напр., въ 1847 г. 1 хозяинъ получилъ награду въ 15 р., а 8—по 50 р.; въ 1848 г. 2 хозяина были награждены 75 р. каждый, а 5 хозяевъ—100 р. каждый.

**) Въ 1844 г., напр., такія награды выданы 40 чувашамъ.

Производимый на общественныхъ заводахъ кирпичъ отдавался крестьянамъ для построекъ не даромъ, а за небольшую плату [16]). Благодаря принятымъ мѣрамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ черныя избы чувашей были передѣланы въ бѣлыя.

Примѣчанія.

1) Первыя покупки Департаментомъ Удѣловъ улучшеннаго скота относятся къ нѣсколько болѣе раннему времени. Въ 1828 г. Удѣлами было пріобрѣтено у барона Тизенгаузена 3 фермы въ эстляндской губ. съ условіемъ, чтобы въ теченіе 6 лѣтъ онѣ оставались въ арендномъ содержаніи прежняго владѣльца. Въ 1834 г., сдавая имѣніе въ Удѣлы, баронъ Тизенгаузенъ предложилъ купить за 10 тыс. руб. находившееся при немъ стадо тонкорунныхъ мериносовъ, состоявшее изъ 180 овецъ и 5 барановъ; а черезъ годъ послѣ этого въ Департаментъ поступило предложеніе о пріобрѣтеніи за 15272 р. стада изъ 46 овецъ и 3 барановъ лейчестерской породы, выписанныхъ для своего имѣнія русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, Бенкгаузеномъ. Оба стада были Департаментомъ Удѣловъ куплены и помѣщены въ эстляндскомъ удѣльномъ имѣніи на фермахъ Вальдау и Алло, а для присмотра за ними выписанъ изъ Германіи овчарь, съ уплатою ему 150 р. въ годъ жалованья деньгами и разнаго рода провизіей (въ томъ числѣ бочку сельдей, бочку пива и 30 кружекъ хлѣбнаго вина). По отзыву управляющаго эстляндскимъ удѣльнымъ имѣніемъ, барона Розена, лейчестерская порода овецъ была мало пригодна для разведенія въ данномъ районѣ; она требовала лучшаго содержанія, нежели мериносы, а шерсть давала худшаго качества и притомъ такую, которая не употреблялась на остзейскихъ фабрикахъ, почему сбывать ее надо было на отдаленныхъ рынкахъ.

Эстляндское имѣніе въ 1840 г. было опять передано въ арендное содержаніе, и въ 1847 г. арендаторъ его, Глазенапъ, доносилъ Департаменту, что изъ числа принятыхъ имъ отъ Удѣловъ 895 овецъ метисовъ и мериносовъ, за продажею негодныхъ на племя, осталось 622 штуки, которыя онъ проситъ перевести въ другія удѣльныя имѣнія, по невыгодности содержанія ихъ въ имѣніи, состоявшемъ у него въ арендѣ. По удостовѣреніи директора Земледѣльческаго Училища, Байкова о томъ, что содержаніе этого стада въ эстляндскомъ имѣніи дѣйствительно не представляетъ выгодъ, Департаментъ Удѣловъ рѣшилъ взять его у Глазенапа; но такъ какъ въ другихъ имѣніяхъ мериносовыя овцы не разводились, то рѣшено было эстляндское стадо продать. При этомъ оказалось, что охотниковъ на пріобрѣтеніе овецъ изъ числа хозяевъ эстляндской губ. не явилось, вслѣдствіе чего стадо было продано съ публичнаго торга за 585 р.

2) Кромѣ описанныхъ въ текстѣ мѣръ, Департаментъ Удѣловъ принималъ и другія для поощренія крестьянъ къ улучшенію скота; такъ, за сбереженіе телятъ крестьянки получали штофные повойники.

3) Въ 1860 г. была сдѣлана попытка составленія коллекціи фотографическихъ снимковъ съ домашнихъ животныхъ улучшенныхъ породъ. Инціатива этого дѣла принадлежала Министерству Государственныхъ Имуществъ, задавшемуся цѣлью привести въ извѣстность существовавшія въ Россіи улучшенныя породы скота. На предписаніе управляющимъ удѣльными имѣніями о доставленіи такихъ снимковъ съ подробнымъ описаніемъ изображенныхъ на нихъ животныхъ, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ отвѣтилъ, что 10 снимковъ будетъ стоить 300 р. сер., управляющій алатырскимъ имѣніемъ—что удѣльный крестьянинъ берется сдѣлать снимки за плату по 4 р. за экземпляръ, а управляющій тверскимъ имѣніемъ прислалъ фотографію быка, обошедшуюся въ 10 руб. Усмотрѣвъ изъ донесеній управляющихъ, что исполненіе этого предписанія связано съ значительными расходами, Департаментъ Удѣловъ запросилъ Департаментъ Сельскаго Хозяйства о цѣнахъ снимковъ, сдѣланныхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и получилъ отвѣтъ, что снимки скота въ Петербургѣ стоили: оригиналъ по 25 р., копіи окрашенныя 10 р., неокрашенныя 5 р. за снимокъ (неудовлетворительный), присланный съ харьковской фермы, заплочено 12 р., а снимки скота на другихъ фермахъ стоили бы отъ 60 до 150 р. за снимокъ, почему Министерство Государственныхъ Имуществъ рѣшило отложить изготовленіе снимковъ

до того времени, когда это можетъ быть сдѣлано съ большими удобствами и меньшими расходами. Послѣ этого и Департаментъ Удѣловъ отмѣнилъ свое распоряженіе о доставленіи фотографическихъ снимковъ съ скота улучшенныхъ животныхъ.

4) Нѣкоторую роль въ дѣлѣ улучшенія лошадей удѣльныхъ крестьянъ играли земскія конюшни. Такъ, удѣльные крестьяне вятскаго имѣнія въ 1852 г. имѣли болѣе 200 штукъ приплода отъ жеребцовъ этихъ конюшенъ; крестьяне пермской губ. случили въ 1852 г. съ жеребцами земскихъ конюшенъ (отправленными весною изъ г. Перми въ деревни) 111 матокъ.

5) Большая часть управляющихъ высказывали соображенія о введеніи картофеля лишь на поляхъ общественной запашки, предлагая для этого отдѣлить въ каждомъ смотрительскомъ участкѣ по 1—2 дес. (смоленскій—по 5 дес. изъ участка площадью въ 500 дес., владимірскій—⅓ яроваго поля запашки), или для перваго опыта произвести посѣвъ картофеля только въ нѣсколькихъ селеніяхъ (новгородскій, красносельскій). Сохранять картофель предполагалось ими въ погребахъ, ямахъ или кучахъ, покрытыхъ хворостомъ, соломою и навозомъ. Управляющій симбирскимъ имѣніемъ указывалъ еще на необходимость пріобрѣтенія плуговъ для подготовленія земли подъ картофель, а управляющій пермскимъ имѣніемъ предлагалъ нанять огородника и, кромѣ посадки картофеля на общественной запашкѣ, поручить ему ознакомить съ новой культурой трехъ крестьянскихъ мальчиковъ. — Но нѣкоторые управляющіе не ограничивались представленіемъ своихъ соображеній о посѣвѣ картофеля на общественныхъ запашкахъ, а высказались и по вопросу о распространеніи картофеля въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такъ, управляющій новгородскимъ имѣніемъ считалъ полезнымъ произвести опытъ посѣва картофеля на нѣсколькихъ крестьянскихъ полосахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, чтобы въ крестьянскихъ огородахъ было его посѣяно не меньше 1 четверика на душу. Управляющій саратовскимъ имѣніемъ первые посѣвы картофеля на общественной запашкѣ предполагалъ производить съ цѣлью полученія сѣмянъ для раздачи крестьянамъ, стараясь настолько распространить среди нихъ культуру этого растенія, чтобы на каждое тягло высѣвалось его по ⅛ дес. Департаментъ Удѣловъ нашелъ представленныя управляющими соображенія неудовлетворительными и составленіе правилъ о произращеніи и храненіи картофеля поручилъ директору Земледѣльческаго Училища.

6) Наибольшія затрудненія въ этомъ новомъ дѣлѣ возникали по вопросу о сохраненіи картофеля. Не смотря на то, что кромѣ правилъ объ этомъ, изданныхъ при циркулярѣ отъ 23 марта 1834 г., 4 октября того же года и 16 августа слѣдующаго, управляющимъ были препровождены наставленія о способахъ сохраненія картофеля въ зимнее время на поверхности земли, испробованныхъ въ симбирскомъ имѣніи и въ Земледѣльческомъ Училищѣ — управляющіе все-таки испытывали въ этомъ дѣлѣ значительныя затрудненія и предлагали различныя мѣры для ихъ устраненія. Такъ, управляющій казанскимъ имѣніемъ въ 1835 г. предлагалъ отдавать картофель на зиму крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы весной они возвращали его въ томъ количествѣ, какое было ими получено; въ архангельскомъ имѣніи, повидимому, въ первое время общественный картофель хранился въ крестьянскихъ подвалахъ; управляющій тамбовскимъ имѣніемъ оставилъ нужное количество картофеля урожая 1835 г. на сѣмена, а остальной, съ разрѣшенія Департамента, отдалъ крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы весною они уплатили за него (деньгами или хлѣбомъ) по цѣнамъ, какія тогда будутъ на рынкѣ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ стоимость испорченнаго картофеля взыскивалась съ приказныхъ головъ и смотрителей общественныхъ запашекъ. Управляющіе новгородскимъ и самарскимъ имѣніями, затрудняясь сохраненіемъ картофеля и имѣя въ виду посредственные его урожаи, входили даже въ Департаментъ съ представленіями (первый въ 1837 г., а послѣдній въ 1840 г.) о прекращеніи культуры картофеля въ подвѣдомственныхъ имъ имѣніяхъ. Департаментъ Удѣловъ отвѣчалъ на это, что и порча картофеля, и плохіе его урожаи происходятъ отъ несоблюденія предписанныхъ правилъ.

7) Въ 1842 г. этотъ вопросъ о наградахъ поднятъ былъ и по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ. Послѣ неурожайныхъ 1839—1840 гг., послѣдовало Высочайшее повелѣніе Министру Государственныхъ Имуществъ (въ рукахъ

котораго находилось и завѣдываніе предметами сельскаго хозяйства вообще) о принятіи мѣръ къ распространенію среди хозяевъ Россіи культуры картофеля, какъ продукта, составляющаго важное пособіе въ неурожайные годы, а 16 февраля 1842 г. на имя Министра Государственныхъ Имуществъ послѣдовалъ Высочайшій Указъ слѣдующаго содержанія: „По случаю неурожаевъ хлѣба, повторившихся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ 1839 и 1840 гг., обращая вниманіе на усиленіе способовъ къ обезпеченію народнаго продовольствія, Мы признали за благо, для достиженія сей полезной цѣли, возложить на васъ по главному завѣдыванію Министерства Государственныхъ Имуществъ предметами сельскаго хозяйства, принятіе мѣръ къ распространенію посѣва картофеля, какъ продукта, составляющаго важное пособіе въ неурожайные годы. Нынѣ, изъ представленныхъ вами по 38 губерніямъ донесеній гражданскихъ губернаторовъ о послѣдствіяхъ таковаго распоряженія, Мы съ особеннымъ удовольствіемъ усматриваемъ, что сдѣланные въ 1841 г. посѣвы картофеля, соотвѣтственно Нашей волѣ, увеличены противъ прежняго, и что при общей готовности сельскихъ хозяевъ къ умноженію посѣва сего произведенія, можно еще болѣе ожидать успѣховъ въ повсемѣстномъ его распространеніи. Желая споспѣшествовать напвящему развитію сей отрасли сельскаго хозяйства, имѣющей столь близкое отношеніе къ обезпеченію народнаго продовольствія, составляющаго предметъ всегдашняго Нашего попеченія, Мы повелѣваемъ: во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ государственные крестьяне производятъ уже посѣвъ картофеля, продолжить дѣйствіе принятыхъ до сихъ поръ мѣръ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ для разведенія картофеля и снабженія крестьянъ сѣменами заведены были особые участки при волостныхъ правленіяхъ, учредить таковые при всѣхъ сельскихъ обществахъ и производить на оныхъ воздѣлываніе картофеля, доколѣ не распространится разведеніе его между государственными крестьянами въ достаточной мѣрѣ; 2) государственныхъ крестьянъ, отличающихся особенными противъ прочихъ успѣхами въ разведеніи картофеля, представлять къ награжденію золотыми и серебряными медалями по установленному порядку. Сверхъ того, для возбужденія общаго между ними въ семъ дѣлѣ соревнованія, назначить на счетъ представленныхъ въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ суммъ, особыя награды денежными преміями. Объ исполненіи сего вы не оставите сдѣлать надлежащее распоряженіе и, по истеченіи каждаго года, представлять о послѣдствіяхъ на Наше усмотрѣніе, вмѣстѣ съ донесеніями, которыя по особому Нашему повелѣнію, отъ 3 декабря 1840 г., будутъ доставляемы къ вамъ ежегодно отъ начальниковъ губерній о посѣвѣ и урожаѣ картофеля на земляхъ владѣльческихъ и разнымъ вѣдомствамъ принадлежащихъ. Намъ пріятно будетъ видѣть успѣхи по сей части какъ помѣщиковъ, такъ и вообще занимающихся земледѣліемъ и вознаграждать полезную предпріимчивость къ распространенію посѣва картофеля, который, кромѣ прямой своей цѣли обезпеченія народнаго продовольствія, можетъ имѣть вліяніе на введеніе четвертаго овощнаго поля“.

Изъ суммы, ассигнованной на награды, согласно приведенному Высочайшему повелѣнію, 80 премій (40—по 15 р. сер. и 40—по 25 р. сер.) гр. Киселевъ назначилъ, для выдачи въ теченіе 3 лѣтъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, о чемъ было сообщено Министру Императорскаго Двора въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 г. Преміи предполагалось выдавать, при похвальныхъ листахъ отъ Министра Государственныхъ Имуществъ, преимущественно тѣмъ изъ крестьянъ, которые введутъ посадку картофеля на поляхъ или въ огородахъ, и особенно тѣмъ, кто станетъ употреблять картофель на кормъ скоту или для какого-либо промышленнаго примѣненія. Получивъ это сообщеніе, Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что правила для введенія премій за успѣшную посадку картофеля, принятыя въ удѣльномъ вѣдомствѣ *), отличались большей опредѣлительностью, сравнительно съ изданными Министромъ Государственныхъ Имуществъ и положилъ

*) Премія выдавалась въ размѣрѣ 2 р. сер. за каждыя $^{1}/_{2}$ дес. хорошо обработанной земли подъ картофелемъ въ полѣ, если урожай окажется не ниже назначеннаго для общественной запашки и если земля изъ подъ картофеля, войдя въ общій сѣвооборотъ, поступаетъ въ свое время подъ верновый хлѣбъ.

оставить первыя правила безъ измѣненія и до времени не требовать премій съ похвальными листами отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

8) Въ 1842 г. награды были выданы двумъ крестьянамъ московскаго имѣнія, одному—красносельскаго и одному—орловскаго имѣнія; въ 1843 г.—6-ти крестьянамъ московскаго имѣнія. Въ слѣдующіе два года награды выдавались крестьянамъ московскаго, вятскаго, симбирскаго и казанскаго имѣній; въ 1844 г. — 30 лицамъ за 55 дес. посѣва картофеля, а въ 1845 г. — 23 лицамъ за 45 дес. посѣва, при чемъ въ однѣ руки поступало отъ 2 р. (за ½ дес. посѣва) до 64 р. (за 16 дес. посѣва—одному крестьянину въ казанскомъ имѣніи). Въ 1845 г. Департаментъ Удѣловъ обратилъ вниманіе на то, что представленіе къ наградамъ производилось только управляющими четырехъ имѣній, да и здѣсь изъ года въ годъ упоминались почти одни и тѣ же лица Полагая, что такая неуспѣшность въ разведеніи картофеля на поляхъ происходила отъ недостаточнаго внушенія крестьянамъ о пользѣ этого дѣла и отъ того, что имъ ничего не извѣстно о наградахъ за успѣшное разведеніе картофеля, Департаментъ предписалъ управляющимъ внушить крестьянамъ на сходкахъ о пользѣ посѣва картофеля и объявлять повсюду о наградахъ, получаемыхъ удѣльными крестьянами. Въ слѣдующемъ году представленіе къ наградѣ сдѣлано управляющими тѣхъ же конторъ (42 лицамъ), а также изъ пермской губ. (2 крестьянамъ). Департаментъ отказалъ въ выдачѣ наградъ крестьянамъ казанскаго имѣнія на томъ основаніи, что посѣвъ картофеля они производятъ издавна, сбывая его въ гор. Казань. Въ 1847 г. награды получили 2 крестьянина красносельскаго имѣнія (за 3½ дес. посѣва) и 2 — вятскаго (за 5 дес. посѣва).

9) Во владимірской губ. расчистка кустарниковъ и осушка топкихъ мѣстъ подъ луга производилась и крестьянами, и конторой. Первые занимались этимъ съ 1845 по 1853 г. и разработали всѣ подходящія для этого мѣста, состоявшія въ границахъ ихъ надѣловъ, въ количествѣ около 200 дес., при чемъ послѣ 1846 г. нѣкоторые изъ расчищенныхъ участковъ засѣвались травами. Разработка негодныхъ мѣстъ конторой началась въ судогодскомъ уѣздѣ въ 1849 г., съ цѣлью дать заработокъ населенію, пострадавшему отъ неурожая предшествовавшаго года. Въ теченіе 1849—1853 гг. было разработано 160 дес.; но такъ какъ охотниковъ брать разработанныя мѣста въ аренду не находилось, то, для убѣжденія крестьянъ въ годности ихъ подъ запашку, на расчищенныхъ участкахъ былъ произведенъ посѣвъ озимой ржи, гречи и льна съ кормовыми травами; на разработку и покупку сѣмянъ было израсходовано 2040 р. изъ хлѣбнаго капитала. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1848 г. управляющему новгородскимъ имѣніемъ разрѣшено было произвести расчистку съ послѣдующимъ посѣвомъ травъ на 9 дес., выдѣленныхъ изъ тягловыхъ участковъ 9 селеній, наиболѣе нуждавшихся въ сѣнокосахъ, со сложеніемъ съ крестьянъ причитавшагося за эту землю поземельнаго сбора; на расходъ ассигновано изъ хлѣбнаго капитала 450 р. На расчистку земли подъ покосы въ вологодской губерніи обращено было особенное вниманіе, благодаря тому обстоятельству, что, по осмотру этого имѣнія командированнымъ изъ Департамента чиновникомъ, оно найдено было очень бѣднымъ лугами, при чемъ, крестьяне шевденицкаго приказа просили о дозволеніи увеличить кормовую площадь путемъ расчистокъ. Согласно распоряженію Департамента, управляющій имѣніемъ доставилъ въ 1848 г. свѣдѣнія о 540 дес. годной къ расчисткѣ земли, находившейся при 128 селеніяхъ, вмѣстѣ съ приговорами крестьянъ о согласіи произвести эти расчистки на условіяхъ безплатнаго пользованія расчищенными мѣстами въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ; при этомъ, въ большей части приговоровъ обществъ испрашивалось разрѣшеніе объ освобожденіи ихъ отъ обязательства производить на росчистяхъ посѣвъ кормовыхъ травъ, а для производства самыхъ расчистокъ и для безплатнаго пользованія ими назначались довольно длинные сроки. Департаментъ Удѣловъ въ 1849 г. разрѣшилъ расчистку (всего на пространствѣ 31 дес.) лишь тѣмъ селеніямъ, которыя соглашались пользоваться безплатно землею въ теченіе 2—5 лѣтъ съ обязательствомъ, однако, посѣять на росчистяхъ траву; по отношенію же къ остальнымъ селеніямъ Департаментъ предписалъ управляющему войти въ соображеніе о томъ, не слѣдовало ли бы оказать крестьянамъ пособіе при производствѣ расчистокъ наймомъ рабочихъ изъ другихъ селеній. Нѣсколько позже желаніе произ-

вести расчистки (на 72 дес.) на вышеизложенныхъ условіяхъ выразили еще 12 селеній вологодскаго имѣнія; но Департаментъ Удѣловъ не счелъ возможнымъ удовлетворить соотвѣтствующее представленіе управляющаго, такъ какъ земля, которую просили крестьяне, могла потребоваться для общей разверстки при предстоявшей переоцѣнкѣ угодій для поземельнаго сбора послѣ 9 ревизіи. Въ казанскомъ имѣніи расчистка сдѣлана была всего на участкѣ въ 18 дес. крестьянами чингуринскаго отдѣленія и цѣлью ея было познакомить крестьянъ съ травосѣяніемъ. Въ вятскомъ имѣніи расчистки земли (въ общемъ около 700 дес.) разрѣшено было сдѣлать приблизительно 100 деревнямъ различныхъ приказовъ. Въ сызранскомъ имѣніи въ 1848 г. Департаментъ утвердилъ предположеніе управляющаго о расчисткѣ и осушкѣ 122 дес. средствами 13 селеній, испытывавшихъ недостатокъ въ лугахъ.

10) Введеніе травосѣянія въ вологодской губ. началось съ того, что въ 4 приказахъ было нанято 4 дес. естественныхъ луговъ (по 10 р. асс. десятина) и съ нихъ снято 7½ пуд. сѣмянъ кормовыхъ травъ, которыя, однако, никѣмъ изъ крестьянъ высѣяны не были, да и по испытанію ихъ въ Земледѣльческомъ Училищѣ оказались не всхожими. Вслѣдствіе этого, согласно предписанію Департамента Удѣловъ, въ 1848 г. сборъ сѣмянъ кормовыхъ травъ произведенъ былъ уже хозяевами образцовыхъ усадебъ. Изъ 5½ пуд. сѣмянъ, собранныхъ съ 2-хъ десятинъ луга (арендованнаго за 17 р.), годными для посѣва оказались 4 пуд. 10 ф. Посѣвъ получаемыхъ такимъ образомъ сѣмянъ въ 1849 г. произведенъ 11 крестьянами (въ томъ числѣ 4 хозяевами образцовыхъ усадебъ); въ 1850 г. охотниковъ произвести опытъ посѣва травъ явилось гораздо больше и, по полученіи изъ Департамента 2 пуд. сѣмянъ тимофеевки, они были розданы для посѣва 54 крестьянамъ. Но въ слѣдующемъ году управляющій доносилъ, что, по причинѣ малоземелья, крестьяне не имѣли ни возможности, ни желанія занимать подъ посѣвъ травъ свои участки и просилъ разрѣшенія прекратить наемъ луговъ для сбора сѣмянъ до того времени, когда надѣлы крестьянъ будутъ увеличены,—прибавляя къ этому, что снятые въ текущемъ году 7 фун. сѣмянъ остались не разобранными. На это Департаментъ Удѣловъ отвѣтилъ, что описанныя управляющимъ обстоятельства должны бы побудить его въ особенности заботиться о распространеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ травосѣянія, и ему было подтверждено принять дѣятельныя мѣры къ введенію искусственныхъ луговъ. По отчетамъ управляющаго вологодскимъ имѣніемъ видно, что съ 1852 по 1856 г. къ посѣву травъ прибѣгали отъ 36 до 90 крестьянъ ежегодно; что посѣвы занимали отъ 1½ до 6½ дес., а урожай въ среднемъ за 5-ти-лѣтіе составлялъ 60 пуд. сѣна и 10 фун. сѣмянъ съ десятины. Въ слѣдующіе годы подъ кормовыми травами находилось около 3 дес., и урожаи были приблизительно тѣ же, что и въ предшествующее время.

Въ московскомъ имѣніи въ теченіе 1846—1847 гг. производился сборъ травяныхъ сѣмянъ съ естественныхъ луговъ, а въ 1848 г. этими сѣменами были засѣяны въ каждомъ изъ 5 приказовъ особые участки, площадью отъ 2-хъ до 4-хъ дес. Въ 1849 г. въ паровыхъ поляхъ всѣхъ приказовъ высѣяно по 1 дес. горошка; собранная трава продавалась крестьянамъ. Въ теченіе 1850—1852 гг. во всѣхъ приказахъ избраны были участки неудобной земли (общей площадью въ 30 дес.), удобрены и обработаны крестьянами, получившими въ свою пользу родившуюся на нихъ траву и хлѣбъ. Урожай травы на этихъ участкахъ въ теченіе 1853—1858 гг. колебался отъ 25 до 30 пуд. на десятину, урожай сѣмянъ травъ составлялъ отъ ½ до 1½ фун. на десятину.

Въ новгородской губ., для поощренія крестьянъ къ травосѣянію, при разныхъ селеніяхъ произведена была, наймомъ, осушка и расчистка 3 дес. земли, которая была засѣяна хлѣбами и травой. Что же касается крестьянъ, то изъ нихъ посѣвъ травъ въ теченіе 1847—1856 гг. производился нѣсколькими лицами на пространствѣ отъ 1 до 10 дес., при чемъ урожай травъ колебался около 100 пуд. и выше. Въ казанскомъ имѣніи посѣвъ травъ производился на росчистяхъ площадью въ 18 дес. въ чингуринскомъ отдѣленіи. За время съ 1852 по 1856 гг. въ посѣвѣ участвовали отъ 700 до 800 человѣкъ, собиралось сѣна отъ 5 тыс. до 7,5 тыс. пуд. въ годъ, а сѣмянъ—по 4—5 пуд. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, Даль, въ 1847 г. доносилъ Департаменту, что имѣющіеся у крестьянъ луга достаточно доброкачественны, а значительно увеличить

площадь ихъ,—по общему малоземелью крестьянъ,—не представляется возможнымъ. Поэтому, въ отношенiи введенiя травосѣянiя онъ ограничился раздачей присланныхъ изъ Земледѣльческаго Училища сѣмянъ хозяевамъ образцовыхъ усадебъ и смотрителямъ общественныхъ запашекъ. Послѣ предписанiя Департамента Удѣловъ отъ 18 марта 1850 г. о продолженiи травосѣянiя, по крайней мѣрѣ, для примѣра крестьянамъ,—Даль распорядился о посѣвѣ въ 1850 и 1851 гг. 30 фун. сѣмянъ травы на 10 дес. стараго, выродившагося луга въ княгининскомъ приказѣ (распашка луга произведена была крестьянами, съ предоставленiемъ имъ имѣющаго быть собраннымъ сѣна) и по пуду клевера и тимофеевки вмѣстѣ съ овсомъ на 2 дес. такой же земли, распаханной наймомъ въ ризадѣевскомъ приказѣ. Сѣмена частью были прiобрѣтены у мѣстныхъ помѣщиковъ, частью собраны съ крестьянскихъ луговъ. Высѣянныя сѣмена или вовсе не взошли, или дали плохой урожай. Послѣ этого, Далю дано было разрѣшенiе прекратить опыты травосѣянiя въ нижегородскомъ имѣнiи, но, для увеличенiя кормовыхъ средствъ, было предписано внушить крестьянамъ о пользѣ боронованiя луговъ, заросшихъ дерномъ или мохомъ, а также сильно утоптанныхъ скотомъ.

Въ орловскомъ имѣнiи посѣвъ травъ производился въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ на общественныхъ запашкахъ и на землѣ, отводимой приказами, а также на участкахъ отдѣльныхъ крестьянъ (въ 1847 г. на 11 дес. посѣяно 14 пуд. сѣмянъ, въ 1849 г. на 2½ дес. посѣяно 3 пуда, въ 1851 г. на 2 дес.—3½ пуда; сѣмена сбирались съ крестьянскихъ луговъ); но такъ какъ при этомъ оказался почти полный неурожай, то, во избѣжанiе неблагопрiятнаго влiянiя этихъ опытовъ на понятiе крестьянъ, управляющiй испросилъ разрѣшенiе Департамента Удѣловъ о прекращенiи посѣва дико-растущихъ травъ и о продолженiи опыта культуры клевера, тимофеевки, люцерны, горошка и т. п. лишь на образцовыхъ усадьбахъ съ тѣмъ, чтобы, — если эти опыты оказались успѣшными,—перейти къ ознакомленiю самихъ крестьянъ съ прiемами травосѣянiя. Общее прекращенiе посѣва травъ въ орловскомъ имѣнiи послѣдовало въ 1854 г.

11) Въ симбирскомъ имѣнiи сады были особенно развиты въ селенiяхъ ключищенскаго, пушнинскаго и сельдинскаго приказовъ; въ сызранскомъ имѣнiи—въ байдерановскомъ, сенгилеевскомъ, сызранскомъ и потьминскомъ приказахъ; въ алатырскомъ имѣнiи—въ сыреевскомъ, урусовскомъ и алатырскомъ приказахъ.

12) Управляющiй симбирскимъ имѣнiемъ предлагалъ разводить сады при нѣкоторыхъ селенiяхъ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ работали мѣстные жители подъ руководствомъ опытнаго садовника. О необходимости руководства этимъ дѣломъ опытныхъ спецiалистовъ, кромѣ симбирскаго, упоминалъ еще и новгородскiй управляющiй, предлагавшiй устроить небольшую школу садоводства при садѣ, имѣвшемся при конторѣ. Управляющiе остальными имѣнiями или вовсе не затрогивали вопроса о лицахъ, которыя могли бы руководить этимъ дѣломъ, или возлагали эту обязанность на чиновниковъ конторы, приказныхъ старшинъ и сельскихъ учителей. Изъ другихъ мѣръ, преслѣдовавшихъ ту же цѣль распространенiя садоводства среди крестьянъ, нѣкоторые управляющiе называли: 1) обезпеченiе крестьянамъ возможности получать экземпляры молодыхъ плодовыхъ деревьевъ породъ, лучше всего соотвѣтствовавшихъ мѣстнымъ условiямъ, — путемъ выписки таковыхъ изъ существовавшихъ садовъ или устройства плодовыхъ питомниковъ при учебныхъ садахъ, въ образцовыхъ усадьбахъ; 2) отводъ крестьянамъ, для разведенiя садовъ, земли безплатно; 3) назначенiе премiй за успѣхи въ садоводствѣ; а управляющiй самарскимъ имѣнiемъ предлагалъ выдавать на устройство садовъ ссуды. Управляющiй орловскимъ имѣнiемъ находилъ, что успѣшное развитiе садоводства среди крестьянъ проявится послѣ того, какъ хозяева образцовыхъ усадебъ собственнымъ примѣромъ убѣдятъ крестьянъ въ выгодахъ этого дѣла и научатъ ихъ прiемамъ садоводной культуры. Управляющiй московскимъ имѣнiемъ отъ себя высказалъ только мнѣнiе, что не слѣдовало бы понуждать крестьянъ къ разведенiю садовъ тамъ, гдѣ таковые отсутствовали, и представилъ отзывы по этому предмету отдѣльныхъ приказовъ. Изъ пяти приказовъ и одного (борисовскаго) отдѣленiя, составлявшихъ московское удѣльное имѣнiе, — три приказа (коломенскiй, съ наибольшимъ развитiемъ крестьянскаго садоводства, гжельскiй и карповскiй, гдѣ населенiе занималось преиму-

щественно различными промыслами) высказались противъ принятія какихъ-либо въ этомъ отношеніи мѣръ, находя, что крестьяне занимались здѣсь именно тѣми промыслами, какіе, сообразно мѣстнымъ условіямъ, представляли для нихъ наиболѣе выгодъ. Мячковскій приказъ,—большая часть населенія котораго занималась уже садоводствомъ,—для дальнѣйшаго распространенія послѣдняго, предлагалъ объяснять крестьянамъ на полныхъ мірскихъ сходкахъ о пользѣ этого дѣла, съ приведеніемъ въ примѣръ тѣхъ хозяевъ, которые получали отъ него значительныя выгоды и— главное—не переносить домовъ хозяевъ-садоводовъ на новыя мѣста (хотя бы это и требовалось строительными правилами „для соединенія семействъ"), такъ какъ это вело неминуемо къ утратѣ ими старыхъ садовъ,—а оставлять ихъ при послѣднихъ. Тайнинскій приказъ, населеніе котораго почти вовсе не имѣло садовъ, для развитія садоводства предлагалъ: 1) пригласить нѣсколькихъ крестьянъ каждаго селенія разводить у себя сады, въ примѣръ остальнымъ домохозяевамъ, и давать послѣднимъ необходимое въ этомъ дѣлѣ руководство; 2) открыть крестьянамъ возможность пріобрѣтать хорошіе экземпляры плодовыхъ деревьевъ за умѣренную цѣну; 3) поощрять крестьянъ къ разведенію садовъ выдачею премій (по примѣру премій за посадку картофеля), назначая таковыя за устройство сада площадью въ ¼ десятины (возможная величина крестьянскаго сада въ тайнинскомъ приказѣ). Управляющіе вятскимъ, костромскимъ, казанскимъ и оренбургскимъ имѣніями находили, что, по суровости климата, успѣшное разведеніе садовъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ не представлялось вовсе возможнымъ, а потому не было надобности въ принятіи, для развитія этой отрасли хозяйства, какихъ-либо спеціальныхъ мѣръ.

13) Этотъ циркуляръ вызвалъ со стороны управляющаго нижегородскимъ имѣніемъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что исполненіе его, какъ общей мѣры, представлялось довольно затруднительнымъ, во 1-хъ потому, что естественныя мѣстныя условія не вездѣ благопріятствуютъ садоводству и что далеко не при всѣхъ приказахъ и училищахъ найдутся лица, на которыя можно было возложить завѣдываніе этимъ дѣломъ и во 2-хъ, что ассигнованная на расходы сумма слишкомъ незначительна. Въ виду этихъ соображеній, управляющій Нижегородской Конторой не находилъ возможнымъ приступить къ устройству многихъ садовъ одновременно и на первый разъ предполагалъ ограничиться разведеніемъ сада при воротынскомъ ремесленномъ училищѣ. Послѣ предписанія Департамента Удѣловъ о томъ, чтобы устройство воротынскаго сада было только первымъ шагомъ къ полному осуществленію распоряженій Департамента, Даль приступилъ къ устройству садовъ при воротынскомъ училищѣ и при трехъ приказныхъ домахъ, подъ руководствомъ садовника, а въ 1861 г. образцовые сады (общей площадью въ 4 дес.) и огороды (1 дес. 1973 кв. саж.) находились уже при всѣхъ приказахъ нижегородскаго имѣнія. Вмѣстѣ съ разведеніемъ плодовыхъ садовъ управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, Даль, озаботился о засажденіи плодовыми и другими деревьями по возможности всѣхъ лежащихъ въ пустѣ мѣстъ, какъ то: прослѣдовъ между избами, за овинами, амбарами, по оврагамъ и т. п. Для этого, а также для огражденія живой изгородью устраиваемыхъ садовъ отъ скота, изъ Лѣсного Института выписывались сѣмена разныхъ растеній, которыя, однако, давали плохіе всходы. Для приведенія всего этого въ исполненіе и для надзора за садами, Департаментъ Удѣловъ въ 1858 г. разрѣшилъ нижегородскому управляющему пригласить опытнаго садовника, каковой (изъ помѣщичьихъ крестьянъ) и былъ нанятъ за вознагражденіе въ 182 р. въ годъ.

14) Въ это же время Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ составленъ былъ проектъ общихъ для Имперіи правилъ объ орошеніи и осушеніи земель, который былъ препровожденъ Департаментомъ Удѣловъ на заключеніе управляющихъ нижневолжскими имѣніями.

15) По даннымъ различныхъ источниковъ, положеніе крестьянскаго садоводства въ нѣкоторыхъ удѣльныхъ имѣніяхъ къ началу 60-хъ гг. представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ саратовскомъ имѣніи въ 1860 г. насчитывалось 1898 крестьянскихъ садовъ общею площадью 1095 дес., изъ нихъ больше 1400 садовъ находились въ золотовскомъ и банновскомъ приказахъ. Особеннымъ развитіемъ садоводства отличался золотовскій приказъ, гдѣ разводились преимущественно яблоки, въ меньшихъ размѣ-

рахъ—груши, сливы, смородина, крыжовникъ, малина, вишня тернъ и въ весьма небольшомъ количествѣ—виноградъ. Плоды сбывались въ ближайшихъ поселеніяхъ саратовской и самарской губ. Въ ключищенскомъ, шушнинскомъ и сельдинскомъ приказахъ симбирскаго имѣнія въ 1858 г. на 270 дес. крестьянскихъ садовъ произрастало около 27200 яблонныхъ и вишневыхъ деревьевъ и было посажено вновь 8536 деревъ; продажа фруктовъ приносила крестьянамъ до 13 тыс. р. въ годъ. Въ 10-ти остальныхъ приказахъ этого имѣнія въ крестьянскихъ садахъ насчитывалось всего 5800 фруктовыхъ деревъ. Въ сызранскомъ имѣніи въ 1854 г. (преимущественно въ сызранскомъ, байдерановскомъ, сенгилеевскомъ и потьминскомъ приказахъ) насчитывалось 770 садовъ, общей площадью въ 430 дес.; нѣкоторые сады приносили до 250 р. дохода; въ 1855 г. число садовъ возрасло до 800, площадь ихъ до 450 дес.; сады приносили дохода до 12 тыс. р.; въ 1859 г. подъ садами находилось уже только 500 дес. Въ самарскомъ имѣніи въ 1851 г. общая площадь крестьянскихъ садовъ равнялась 20 дес.; въ 1858 г. сады и огороды, числомъ 12613, находились въ 182 селеніяхъ, имѣвшихъ 20625 домохозяевъ; подъ садами было занято 70 дес., подъ огородами 736 дес.; изъ 26000 фруктовыхъ деревъ въ этихъ садахъ было 24 тыс. яблонь. Площадь отдѣльныхъ садовъ колебалась отъ 300 кв. саж. до 2 дес.; приносимый ими доходъ составлялъ отъ 5 до 200 р. на домохозяина.

16) Въ 1840 г. сдѣлано было общее распоряженіе по удѣльному вѣдомству о постройкѣ хлѣбныхъ магазиновъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ изъ плитъ дикаго камня или изъ кирпича. Вслѣдствіе этого общественные кирпичные заводы начали открываться во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ; производимый на нихъ кирпичъ частью употреблялся на постройку хлѣбныхъ магазиновъ, церквей, приказныхъ домовъ, сельскихъ училищъ и другихъ общественныхъ зданій, частью продавался удѣльнымъ крестьянамъ (по заготовительной цѣнѣ) для ихъ строеній и постороннимъ лицамъ по цѣнамъ болѣе низкимъ, нежели рыночныя. Кирпичные заводы просуществовали до начала 60-хъ гг. Въ срединѣ 40-хъ гг. Департаментъ Удѣловъ приступилъ къ устройству заводовъ для выдѣлки черепицы съ цѣлью покрытія ею крышъ крестьянскихъ избъ и общественныхъ зданій. Заводы были открыты въ 13 имѣніяхъ, но дѣло не имѣло успѣха, какъ по причинѣ плохого качества издѣлій, такъ и потому, что на черепицу не было вовсе спроса. Вслѣдствіе этого въ 5 имѣніяхъ заводы были закрыты черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ устройства, а для улучшенія этого производства вообще Департаментъ Удѣловъ въ 1851 г. вошелъ въ сношеніе съ начальниками тѣхъ изъ западныхъ губерній, гдѣ черепица была во всеобщемъ употребленіи, о доставленіи образцовъ послѣдней и о пріисканіи мастеровъ для обученія этому дѣлу учениковъ Земледѣльческаго Училища. Но въ 1856 г. директоръ Земледѣльческаго Училища далъ отзывъ, что черепица не годится для крестьянскихъ избъ, по своей тяжести и потому, что ее трудно очищать отъ снѣга; послѣ этого производство черепицы было совершенно прекращено.

Источниками для главъ I—VI сего отдѣла, кромѣ изданій, указанныхъ въ текстѣ, служили преимущественно слѣдующія дѣла Архива Главнаго Управленія Удѣловъ.

Общія для всѣхъ главъ. Высочайшія повелѣнія; собраніе циркуляровъ; ежегодные Всеподданнѣйшіе отчеты министровъ Императорскаго Двора и Удѣловъ; ежегодныя донесенія управляющихъ удѣльными конторами о положеніи удѣльныхъ имѣній за 1828—1859 гг.: *2 отд. 1 ст.*—№№ 8, 11, 14, 110, 113, 115; *2 отд. 5 ст.* — №№ 279, 211, 289, 294, 410, 417, 418, 474, 610, 615, 617, 717, 983, 994, 1004, 1013, 1021, 1235, 1238, 1462, 1464, 1473, 1729, 1741, 1748, 2261.

Для главы I. Камеральная книга. Предложенія министра Удѣловъ № 19. *Правителя канцеляріи* №№ 30, 172. *По бухгалтеріи* №№ 32, 111, 142, 192, 216, 406, 624, 738. *1 отд. 2 ст.* № 93. *2 отд. 1 ст.*—№№ 161, 191, 201, 225, 250, 268, 275, 276, 280, 294, 295, 314, 318, 319, 320, 321, 501, 647, 673, 771, 774, 800, 801, 819, 929, 949, 956, 957, 959, 961, 962, 965, 966, 983, 984, 1008, 1010, 1094, 1106, 1124, 1125, 1150, 1184, 1187, 1306, 1520, 1547, 1548, 1622, 1664, 1840, 1858, 1941, 1951, 1962, 1963, 1967, 2010, 2105, 2135, 2281,

2397, 2469, 2615, 2633, 2888, 2889, 2963, 3070, 3072, 3117, 3222, 3308, 3309, 3314, 3434, 3482, 3492, 3541, 3657, 3676, 3711, 3735, 3788, 3812, 3813, 3926, 3929, 4058; *2 отд. 2 ст.*—№№ 661, 757; *2 отд. 3 ст.*—№ 2940; *2 отд. 4 ст.*—№№ 167, 353, 455, 544, 1023; *2 отд. 5 ст.*—№№ 528, 610, 1238; *2 отд. 6 ст.* — №№ 8, 11, 14, 113, 115, 1729; *4 отд. 1 ст.* № 983.

Для главы II. Подушный оброкъ: *2 отд. 1 ст.* — № 1516; *2 отд. 4 ст.* — №№ 791, 793, 799, 800, 802, 804, 808; *2 отд. 5 ст.*—№№ 531, 532.

Поземельный сборъ: *1 отд. 4 ст.*—№ 804; *2 отд. 1 ст.*—№№ 3903, 3925, 3942, 3948, 4020, 4043, 4088, 4155, 4210, 4267, 4273, 4279, 4280, 4283, 4287, 4289; *2 отд 5 ст.*—№№ 529 — 32, 1382; *2 отд. 6 ст.* — №№ 19 — 27, 103, 133, 138, 142—150, 168, 169, 174, 226—228, 230, 232—235, 569, 806, 885, 985, 1795, 2015; *табели поземельнаго сбора.*

Для главы III. *1 отд. 1 ст.*—№ 5176; *2 отд. 3 ст.* — №№ 520, 522, 556, 645, 672, 676, 678—681, 683—695, 755, 762, 766, 780, 801—804, 838, 839, 842, 845, 846, 851, 876, 900, 901, 929, 952, 971, 990, 1056, 1059, 1068, 1110, 1116, 1134, 1135, 1158, 1184 — 1187, 1205, 1213, 1242, 1263, 1264, 1302, 1357, 1368, 1426, 1577, 1687, 1689, 1706, 1710, 1820, 1823, 1827, 1946, 1950, 1958, 1959, 1962, 2081, 2085, 2092, 2182, 2297, 2311 2438, 2440, 2443, 2445, 2451, 2493, 2504, 2518, 2520, 2525, 2527, 2537, 2554; *2 отд. 5 ст.*—№№ 423, 473, 529—532, 610, 611, 614, 716, 991, 1239, 1382, 1474, 1724, 2287; *2 отд. 6 ст.*—№ 11.

Для главы IV. Попеченіе о крестьянскомъ хозяйствѣ: *камеральная книга Правителя канцеляріи* № 1040. *1 отд. 1 ст.* — № 3527; *2 отд. 3 ст.*—№№ 421, 656, 892, 968, 970, 999, 1054, 1062, 1073, 1113, 1242, 1374, 1429, 1436, 1442, 1451, 1550, 1715, 1820; *2 отд. 5 ст.*—№№ 530—532, 2230; *2 отд. 6 ст.*—№ 11.

Для главы V. Образцовыя усадьбы. *2 отд. 1 ст.* — № 275; *2 отд. 3 ст.*—№№ 1190, 1438, 1551, 1564, 2011; *2 отд. 5 ст.*—№№ 529, 531, 532, 584, 645, 659, 689, 697, 837, 852, 853, 854, 877, 887, 952, 963, 976, 984, 991, 1001, 1006, 1012, 1015, 1185, 1190, 1212, 1222, 1310, 1464, 1473, 1614, 1615, 1623, 1646, 1650, 1678, 1703, 2044, 2229, 2230, 2233; *2 отд. 6 ст.*—№№ 264, 265, 266, 267, 269, 270, 271, 273, 327, 329, 346, 374, 375, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 398, 411, 416, 417, 422, 423, 427, 428, 1354, 2015, 3942.

Для главы VI. А. Мѣры улучшенія крестьянскаго скотоводства: 1) овцеводство: *Камеральная книга правителя канцеляріи*—№ 128; *2 отд. 3 ст.*—№№ 763, 764, 882, 1069, 1118, 1146, 1441, 1697, 1701, 1704, 2302, 2303; 2) рогатый скотъ: *2 отд. 3 ст.* — №№ 822, 823, 879, 1145, 1149, 1255, 1348, 1433, 1538, 1562, 1568, 1672, 1673, 1715, 1830, 2010, 2072, 2082, 2110, 2170, 2298, 2301, 2310, 2470; *2 отд. 5 ст.* — № 2269; 3) коневодство: *2 отд. 3 ст.*—№№ 607, 948, 949, 950, 993, 1190, 1192, 1244, 1355, 1571, 1576, 1715, 1830, 2072, 2076, 2255, 2295, 2303, 2470, 2526.

Б. Распространеніе высшихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній: *2 отд. 3 ст.* — №№ 765, 767, 1572, 1712, 1719.

В. Культура картофеля: *2 отд, 3 ст.*—№№ 771, 772, 800, 813, 820, 853, 1009, 1037, 1086, 1088, 1089, 1090, 1091, 1104, 1124, 1125, 1126, 1130, 1196, 1206, 1261, 1267, 1367, 1444, 1454, 1825, 2120, 2131; *3 отд. 1 ст.*—№№ 165, 168.

Г. Травосѣяніе: *2 отд. 3 ст.* — №№ 1072, 1302, 1546, 1686, 1828, 2080, 2087, 2090, 2094, 2109, 2113, 2127, 2135, 2142, 2167; *2 отд. 6 ст.*—№ 268.

Д. Огородничество, садоводство и древесная растительность: *2 отд. 2 ст.*—№№ 2024, 2029; *2 отд. 3 ст.* — №№ 994, 1361, 1675, 1678, 1814, 1833, 1845, 2137; *2 отд. 5 ст.*—№№ 1012, 1689, 1918, 2231.

Е. Улучшенныя орудія: *2 отд.* 3 *ст.*—№№ 818, 819, 1041, 1052, 1451, 1556, 1689, 1813, 1819, 1827, 1844, 2062, 2081, 2091, 2096, 2114, 2116, 2132, 2136, 2139, 2151, 2154, 2168, 2175, 4323.

Ж. Пчеловодство: *правителя канцеляріи*—№№ 140, 461; *2 отд. 1 ст.*—№ 659; *2 отд. 5 ст.*—№№ 683, 979, 1652, 1655.

Улучшеніе хозяйства чувашей: *2 отд. 3 ст.*—№№ 698, 937, 999, 1067, 1139, 1140, 2060; *2 отд. 5 ст.*—№ 929.

Глава VII.

Мѣры для развитія крестьянскихъ промысловъ и кредита.

Мѣры противъ бурлачества.—Заботы о пріисканіи работы для крестьянъ.—Обученіе крестьянъ ремесламъ.—Мѣры для усовершенствованія гончарнаго дѣла. — Борьба съ ростовщичествомъ.—Кредитныя учрежденія.—Капиталъ для выдачи пособій.—Льняная контора —Торговыя хлѣбныя компаніи.

Поднятіе сельскаго хозяйства удѣльныхъ крестьянъ составляло главный предметъ заботъ удѣльнаго управленія не только потому, что земледѣліе было важнѣйшимъ занятіемъ населенія, но и по той причинѣ, что состояніе земледѣльческой техники въ Россіи и успѣхи, достигнутые земледѣльческою техникою въ болѣе культурныхъ странахъ, были хорошо извѣстны, и потому исторія сельскаго хозяйства въ Западной Европѣ до извѣстной степени указывала путь естественнаго развитія и русскому хозяйству.

Совершенно въ иномъ положеніи находились подсобные неземледѣльческіе промыслы удѣльчыхъ крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ это были занятія, основанныя на примѣненіи простой физической силы, нетребующія ни особеннаго искусства, ни спеціальныхъ знаній. Затѣмъ, даже и тѣ изъ нихъ, которыя можно отнести къ отдѣлу ремеслъ и кустарныхъ промысловъ, отличались простотой пріемовъ, и при невзыскательности потребителя—преимущественно крестьянина же—врядъ-ли особенно нуждались въ улучшеніи техники производства. Эти занятія къ тому же очень разнообразились въ предѣлахъ даже небольшихъ районовъ, а при этомъ положеніе соотвѣтствующихъ производствъ почти вовсе не было извѣстно культурнымъ классамъ русскаго общества. При такихъ условіяхъ систематическое воздѣйствіе удѣльнаго управленія на поднятіе отдѣльныхъ отраслей промышленности у подвѣдомственнаго ему населенія было вообще очень затруднительно, и въ этомъ отношеніи Департаментомъ

Удѣловъ было сдѣлано очень мало. Впрочемъ, гораздо большее вниманіе удѣльной администраціи естественно привлекалъ къ себѣ вопросъ не о низкомъ состояніи тѣхъ или иныхъ существовавшихъ среди крестьянъ промысловъ, а о слабомъ развитіи народной промышленности вообще, о недостаткѣ во многихъ мѣстностяхъ такихъ работъ, которыми крестьяне могли бы заниматься въ свободное отъ земледѣлія время, а также вопросъ о вредномъ вліяніи нѣкоторыхъ промысловъ на крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенное вниманіе Департамента Удѣловъ обращало на себя бурлачество, т. е. лѣтній отходъ крестьянъ приволжскихъ губерній на судовую работу, и управляющимъ конторами неоднократно предписывалось принимать разнаго рода мѣры для отклоненія населенія отъ этого занятія. „Имѣя въ виду"—говорится, напр., въ циркулярѣ отъ 10 августа 1840 г.—„что сей промыселъ, отвлекая крестьянъ отъ домашняго хозяйства, не приноситъ имъ существенныхъ выгодъ, и они возвращаются въ свои дома съ разными заразительными болѣзнями и безъ денегъ, Департаментъ поручаетъ изыскать способы, какіе по мѣстности представиться могутъ, для отклоненія крестьянъ отъ сихъ вредныхъ занятій, стараясь при томъ всѣми мѣрами обратить ихъ къ хлѣбопашеству". Черезъ два года послѣ этого сдѣлано было распоряженіе, „чтобы одиночки отнюдь не были увольняемы для работъ на суда; изъ многолюдныхъ же семей отпускать не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи, что въ отсутствіи крестьянъ земляные участки ихъ будутъ надлежащимъ образомъ воздѣланы, и хозяйство не придетъ въ упадокъ".

Для отклоненія крестьянъ отъ бурлачества нужно было прежде всего найти имъ другое дѣло, для занятія свободныхъ отъ земледѣлія рукъ. Недостатокъ же подсобныхъ заработковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представлялъ и самъ по себѣ неблагопріятное, для благосостоянія населенія, условіе, вредное вліяніе котораго проявлялось особенно въ неурожайные годы. Поэтому, въ числѣ другихъ обязанностей на удѣльныя конторы возлагалась и забота о пріисканіи заработковъ для подвѣдомственнаго имъ населенія, а въ 1834 г. Департаментъ Удѣловъ, „принимая во вниманіе сдѣланныя по нѣкоторымъ имѣніямъ значительныя издержки для пособія крестьянамъ по случаю неурожая", издалъ общее по этому дѣлу распоряженіе, вошедшее въ „Сводъ удѣльныхъ постановленій", о занятіи работами „всѣхъ крестьянъ, состояніе коихъ требуетъ вспомоществованій, дабы не дать имъ

повода къ лѣности и нерадѣнію, въ чаяніи безмезднаго пособія". Въ этихъ видахъ управляющимъ конторами предписывалось собирать и доставлять Департаменту свѣдѣнія о томъ, не предполагается-ли въ губерніи производство какихъ-либо государственныхъ и иныхъ работъ, и какое число потребуется для этого рабочихъ, а также пріискивать для нуждающагося населенія заработки въ кругу удѣльнаго имѣнія. Для этого управляющимъ предлагалось сообразить—не предстоитъ-ли надобности въ осушкѣ болотъ, очисткѣ отъ валежника лѣса, въ какихъ районахъ слѣдовало бы построить зданія для сельскихъ училищъ, для запасныхъ сельскихъ магазиновъ и т. п., и на всѣ эти работы употреблять удѣльныхъ крестьянъ за задѣльную плату.

Кромѣ отысканія новыхъ заработковъ для нуждающагося населенія, управляющіе конторами принимали нѣкоторыя мѣры къ облегченію удѣльнымъ крестьянамъ безпрепятственнаго хода ихъ обычныхъ промысловыхъ занятій. Такъ, они заботились о снабженіи достаточнымъ количествомъ лѣса крестьянъ, занимавшихся гонкой дегтя и постройкой судовъ, о доставленіи имъ подрядовъ по перевозкѣ кладей и т. п.; оберегали промышленниковъ и торговцевъ отъ придирчиваго примѣненія къ нимъ общей администраціей узаконеній относительно промысловъ и торговли. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ, напр., посылалъ въ Н.-Новгородъ на время Макарьевской ярмарки чиновниковъ для защиты, въ случаѣ надобности, торговцевъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, а въ главнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ подвѣдомственнаго ему района, въ селахъ Воротынцѣ и Городцѣ, въ 1830 году поселилъ особыхъ чиновниковъ, которымъ было поручено „не только оберегать крестьянъ отъ какихъ-либо притѣсненій, но и всячески покровительствовать ихъ торговымъ оборотамъ".

Возвращаясь къ вопросу о развитіи и усовершенствованіи промысловъ, имѣвшихъ ремесленный характеръ, слѣдуетъ сказать, что важнѣйшей мѣрой въ этомъ отношеніи является устройство въ 40-хъ гг. во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ ремесленныхъ училищъ *) для крестьянскихъ мальчиковъ-подростковъ съ тѣмъ, чтобы они по окончаніи курса занимались промыслами въ своихъ селеніяхъ; кромѣ того удѣльное управленіе иногда помѣщало съ тою же цѣлью подвѣдомственныхъ ему крестьянъ въ постороннія школы, имѣнія или фабрики.

---

*) См. объ этомъ главу X.

Въ 1800 г. нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ отдано было въ школу для обученія битому земляному строенію съ тѣмъ, чтобы потомъ ими были построены общественныя удѣльныя зданія, которыя служили бы примѣромъ подражанія для крестьянъ. Въ 1801 г. 29 мальчиковъ были помѣщены въ школу при фарфоровомъ заводѣ, но, за упраздненіемъ школы, вернулись въ 1804 г. обратно, не окончивъ курса. Въ 1829 г. два способныхъ крестьянскихъ мальчика изъ гжельскаго приказа московской губ., гдѣ было развито гончарно-фаянсовое производство, посылались, для усовершенствованія въ этомъ искусствѣ, на состоявшую въ вѣдѣніи Кабинета кіево-печерскую фаянсовую фабрику. Въ 1830 г. состоялось постановленіе Департамента Удѣловъ объ отдачѣ крестьянскихъ сиротъ мастерамъ ближайшихъ городовъ для обученія ремесламъ и, согласно этому—въ видахъ замѣны бурлачества другими промыслами—79 мальчиковъ, возрастомъ отъ 12 до 15 лѣтъ, изъ приволжскихъ приказовъ костромского имѣнія, помѣщены были къ мастерамъ, для обученія ихъ столярному, плотничному, валяльному, сапожному, кузнечному и другимъ промысламъ. Въ 1836 году два крестьянина нижегородской губ. были отправлены въ имѣніе барона Шлиппенбаха, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, для обученія введенному у названнаго землевладѣльца способу приготовленія соломенныхъ крышъ подъ гребенку изъ чесанныхъ сноповъ съ заливкою глинянымъ составомъ. Въ началѣ 50-хъ гг. по сызранскому имѣнію, для того чтобы имѣть въ селеніяхъ людей знающихъ уходъ за пожарными инструментами,—два мальчика помѣщены были въ московское пожарное депо и 7 мальчиковъ къ арзамасскому купцу Лысковцеву—для обученія искусству починки пожарныхъ и заливныхъ трубъ. Въ 1858 г. 3 мальчика изъ астингеевскаго приказа и 2—изъ большепесошнинскаго приказа нижегородскаго имѣнія отданы на 5 лѣтъ въ с. Канино, того же района, для обученія портняжному ремеслу *).

Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ случаевъ обученія крестьян-

*) Нѣкоторые крестьянскіе мальчики изъ удѣльныхъ селеній, обнаружившіе способность къ живописи, получали на счетъ Удѣловъ высшее художественное образованіе. Такъ, въ 1854 г. удѣльный крестьянинъ Кабановъ окончилъ курсъ въ Императорской Академіи Художествъ и, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ искусствѣ, былъ командированъ заграницу. Другой крестьянскій мальчикъ, Иванъ Карѣевъ, въ 1855 г. былъ помѣщенъ въ арзамасскую школу живописи академика Ступина, а въ 1857 г. переведенъ въ Академію Художествъ.

скихъ дѣтей въ интересахъ развитія собственно крестьянскихъ промысловъ или улучшенія ихъ быта, Департаментъ Удѣловъ принималъ иногда такія же мѣры и для подготовленія спеціалистовъ для хозяйственныхъ надобностей самого вѣдомства. Такъ напр., въ 1831 г. два крестьянина красносельскаго имѣнія отданы были для обученія устройству артезіанскихъ колодцевъ съ тѣмъ, чтобы примѣнить потомъ пріобрѣтенныя ими познанія къ устройству колодцевъ въ безводныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ. Обращало на себя также вниманіе Департамента — и притомъ съ самаго возникновенія удѣльнаго вѣдомства—развитіе добычи торфа и подготовленіе свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Еще въ 1801 г., для обученія искусству поисковъ и разработки торфа, два крестьянина орловской губ. были отправлены въ имѣніе гр. Толстого того же района, а въ 1837 г. два крестьянина московской губерніи были съ тою же цѣлью помѣщены у тверского помѣщика Коренева. Съ этого времени началась и разработка удѣльныхъ торфяныхъ болотъ въ московской губ., а для дальнѣйшаго распространенія и усовершенствованія этой промышленности Департаментъ Удѣловъ и впослѣдствіи не оставлялъ заботъ о подготовкѣ торфяныхъ мастеровъ. Между прочимъ, въ 1859 г. было предписано отдать одного мальчика изъ самарскихъ крестьянъ въ ученье къ торфмейстеру, состоявшему при Самарской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, помѣстить нѣсколько мальчиковъ въ харьковскую учебную ферму вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и войти въ соглашеніе съ арендаторами московскихъ удѣльныхъ торфяниковъ о пріемѣ ими для обученія мальчиковъ изъ удѣльныхъ крестьянъ.

Нѣкоторую, довольно впрочемъ незначительную, роль въ дѣлѣ развитія крестьянскихъ промысловъ играло также приглашеніе въ удѣльныя селенія, для обученія крестьянъ, опытныхъ мастеровъ разнаго ремесла. Такъ, управляющій нижегородскимъ имѣніемъ въ 1858 г. помѣстилъ въ атингеевскомъ и ризадѣевскомъ приказахъ, отличавшихся слабымъ развитіемъ ремеслъ, нѣсколько опытныхъ семеновскихъ ложкарей для обученія мальчиковъ производству ложекъ и чашекъ. Въ 1860 г. Предсѣдатель Департамента Удѣловъ, генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ предписалъ саратовскому управляющему принять мѣры для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ подвѣдомственнаго ему имѣнія, по желанію ихъ родителей, простымъ рукодѣліямъ, не отвлекая ихъ, однако, отъ семей. Собравъ свѣдѣнія о рукодѣліяхъ

крестьянокъ удѣльныхъ и прочихъ селеній саратовскаго района, управляющій нашелъ, что собственно домашнія рукодѣлья (пряжа льна, пеньки, шерсти и приготовленіе изъ нихъ тканей для собственнаго потребленія семей работающихъ), которыми занимались всѣ женщины, вполнѣ удовлетворяли соотвѣтствующую потребность и не нуждались въ дальнѣйшемъ развитіи, а существовавшее въ нѣкоторыхъ селеніяхъ производство скатертей, полотенецъ, кушаковъ, шерстяныхъ юбокъ, куртокъ, паневъ и т. п., разсчитанное на мѣстный сбытъ, постепенно падало, потому что населеніе оставляло соотвѣтствующіе наряды; поэтому, до нахожденія новыхъ рынковъ для этихъ издѣлій (о чемъ Саратовская Удѣльная Контора входила въ сношеніе съ Московскою), заботы о развитіи указанныхъ отраслей промышленности представлялись бы излишними. Въ виду этого управляющій саратовскимъ имѣніемъ остановился на мысли обучать удѣльныхъ крестьянокъ тканью сарпинки — промыслу, которымъ занимались женщины въ нѣмецкихъ колоніяхъ камышинскаго уѣзда, находя сбытъ для своихъ издѣлій не только на мѣстѣ, но и на отдаленныхъ рынкахъ (въ Москвѣ, на нижегородской ярмаркѣ и т. п.). Первоначально управляющій намѣревался пригласить для обученія крестьянокъ этому дѣлу особую мастерицу; но, не найдя никого, кто пожелалъ бы поселиться для этого въ удѣльныхъ селеніяхъ, онъ заключилъ условіе съ иностранцемъ Бауэромъ, жена и дочери котораго свободно объяснялись по-русски. Мастеръ былъ помѣщенъ въ с. Золотомъ, гдѣ было устроено и ткацкое заведеніе на шесть станковъ. Въ теченіе 1860 и 1861 г. здѣсь обучалось 8 дѣвушекъ, причемъ учившіяся освобождались на 2 мѣсяца страднаго времени отъ занятій.

Въ общемъ, мѣстные крестьянскіе промыслы, по трудности воздѣйствія на нихъ, мало привлекали къ себѣ вниманіе удѣльной администраціи. Для поднятія же тѣхъ отраслей промышленности, продукты которыхъ имѣли широкій сбытъ, требовались коммерческія и техническія познанія, какихъ не имѣлось у чиновниковъ, почему и такіе промыслы крестьянъ въ большинствѣ случаевъ были предоставлены ихъ естественному развитію. Нѣкоторое исключеніе изъ этого составлялъ только гжельскій промысловый районъ московской губ., населеніе котораго издавна занималось разнаго рода гончарными промыслами, и гдѣ въ двадцатыхъ годахъ была введена выдѣлка фаянсово-фарфоровыхъ издѣлій, расходившихся во многихъ мѣстностяхъ Россіи и даже находившихъ

сбытъ на заграничныхъ, восточныхъ рынкахъ, преимущественно въ Персіи. Поэтому гжельскій гончарный районъ не могъ не обращать на себя вниманія удѣльной администраціи, и еще въ тридцатыхъ годахъ управляющій московскимъ имѣніемъ, имѣя въ виду поднятіе тамъ техники производства, извлекалъ изъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ статьи о фарфоровомъ и фаянсовомъ дѣлѣ и сообщалъ ихъ промышленникамъ, бр. Тереховымъ, дабы они по возможности примѣняли предлагаемые наукою пріемы на своемъ заводѣ.

Въ концѣ 50-хъ гг. въ гжельскомъ районѣ насчитывалось 118 гончарныхъ заведеній съ 134 горнами и 1640 рабочими, (въ томъ числѣ 1240 чел. удѣльныхъ крестьянъ); всего же получали заработокъ отъ этого промысла до $4^1/_2$ тыс. крестьянъ. Гончарный промыселъ требуетъ большого расхода горючаго матеріала, такъ что въ 40-хъ гг. гжельскій районъ уничтожалъ 40.000 куб. саж. дровъ, а потому удѣльное управленіе, принимая мѣры къ развитію добычи торфа на своихъ земляхъ и введенію торфяного отопленія на московскихъ фабрикахъ, обратило особое вниманіе на гжельскій гончарный районъ. Еще въ началѣ 40-хъ гг. одинъ изъ гжельскихъ промышленниковъ, Киселевъ, по иниціативѣ управляющаго московскимъ удѣльнымъ имѣніемъ, производилъ опыты примѣненія торфа къ обжигу кирпича. Въ 1845 г.,— послѣ заявленія засѣдавшаго въ Москвѣ комитета по удешевленію дровъ о томъ, что торфъ изъ удѣльнаго гжельскаго болота, по изслѣдованіи, оказался весьма пригоднымъ для примѣненія въ гончарномъ производствѣ,—сдѣлана была попытка привлечь къ разработкѣ гжельскаго торфяника частныхъ предпринимателей; но охотниковъ взять его въ аренду не оказалось, а сами гжельскіе промышленники не выказывали готовности идти въ этомъ дѣлѣ на встрѣчу удѣльному вѣдомству. Послѣднему оставался поэтому одинъ путь: доказать прямымъ опытомъ выгоду замѣны въ гончарномъ промыслѣ дровяного отопленія торфянымъ, и въ 1858 г. управляющій московскимъ имѣніемъ, послѣ неудавшейся попытки образованія общества для эксплоатаціи гжельскаго торфяника и примѣненія торфа къ фаянсовому производству, предложилъ Департаменту Удѣловъ устроить на удѣльныя средства въ гжельскомъ районѣ нѣсколько горновъ для обжига торфомъ фаянсовой и глиняной посуды.

Въ это же время, въ маѣ мѣсяцѣ 1858 г., состоявшій при Департаментѣ Удѣловъ статскій совѣтникъ Чарыковъ, воз-

вратившись изъ заграницы, куда онъ былъ командированъ для изученія торфяного производства, предложилъ Департаменту сдать ему въ аренду одинъ изъ торфяниковъ для производства опытовъ добыванія торфа по улучшеннымъ способамъ, съ цѣлью его удешевленія и введенія торфа и торфяного угля въ употребленіе на фабрикахъ и въ домашнемъ быту, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ и самой конструкціи печей. Осмотрѣвъ удѣльные торфяники московской и владимірской губерній, Чарыковъ остановился на болотѣ Береговомъ въ гжельскомъ гончарномъ районѣ и предложилъ, параллельно съ добываніемъ торфа, производить опыты примѣненія его къ обжигу гончарныхъ издѣлій. А такъ какъ, по расположенію Берегового болота въ 60 верстахъ отъ Москвы, добываемый изъ него торфъ не имѣлъ бы рынка для сбыта, то Чарыковъ предполагалъ устроить при торфяникѣ гончарное заведеніе съ примѣненіемъ улучшенныхъ способовъ производства и, по возможности, паровыхъ двигателей— такъ, чтобы оно могло въ тоже время служить образцомъ гжельскимъ фабрикантамъ и школой для образованія опытныхъ мастеровъ гончарнаго дѣла, для чего заводъ долженъ принимать, для обученія на извѣстныхъ условіяхъ, мальчиковъ и дѣвочекъ.

Предложеніе Чарыкова было принято и съ нимъ заключено Департаментомъ Удѣловъ въ 1859 г. условіе на 12 лѣтъ. Арендаторъ получилъ отъ Удѣловъ для устройства завода ссуду въ 6000 р. срокомъ на 10 лѣтъ, а за пользованіе торфяникомъ обязался платить ежегодно (по разсчету содержанія въ болотѣ торфа) около 500 р. арендной платы.

Разработка Берегового торфяника была начата въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. и первые опыты обжиганія посуды торфомъ, для скорѣйшаго исполненія желанія Предсѣдателя Департамента Удѣловъ, были произведены въ горнѣ, устроенномъ въ мастерской одного изъ гжельскихъ производителей. По донесенію Чарыкова, опытъ этотъ слѣдовало признать удачнымъ, хотя поднявшаяся при выгребаніи угля пыль и повредила краски обжигавшейся посуды.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла не оправдалъ, однако, надеждъ на ожидавшіяся отъ него выгоды. Чарыковъ, правда, въ 1861 году устроилъ гончарный заводъ съ паровымъ двигателемъ и приготовилъ, обходясь всего 16 рабочими, около 1200 тыс. формованныхъ торфяныхъ кирпичей, 80 тыс. штукъ глиняныхъ кирпичей и обжегъ торфомъ до 60 тыс. банокъ и стакановъ,—

чѣмъ, какъ онъ доносилъ Департаменту, окончилось возложенное на него порученіе и „рѣшилась задача употребленія торфа взамѣнъ дровъ, какъ на гжельскихъ, такъ и вообще на всѣхъ посудныхъ заводахъ Россіи". Но финансовый результатъ дѣла былъ печаленъ. При затратѣ на все перечисленное свыше 23 тыс. руб., дохода получилось только 500 руб. отъ продажи помадныхъ банокъ. Одна фабрикація банокъ не могла, однако, окупить расходы производства, а гжельскіе промышленники добываемый на болотахъ торфъ не покупали (хотя, по мнѣнію Чарыкова, они чрезъ 3—4 года должны перейти къ этому топливу)—и въ результатѣ все дѣло требовало для поддержанія его новыхъ затратъ *).

Чарыковъ просилъ поэтому нѣсколько разъ о сложеніи съ него долга по выданной ссудѣ и о новыхъ денежныхъ пособіяхъ на дальнѣйшее веденіе дѣла, указывая постоянно на то, что гжельскіе промышленники постепенно убѣждаются въ выгодѣ торфяного отопленія и, вѣроятно, скоро перейдутъ на него. Департаментъ Удѣловъ, однако, въ дальнѣйшихъ субсидіяхъ Чарыкову отказалъ и согласился лишь на сложеніе долга по первоначальной ссудѣ и на разсрочку арендной платы.

Но и эти льготы предпринимателю не помогли, и въ 1864 году Чарыковъ, затративъ, по его словамъ, болѣе 30 тыс. р. на устройство торфяного и гончарнаго заводовъ и не имѣя средствъ на дальнѣйшее веденіе дѣла, передалъ оба завода другимъ лицамъ, которыя дѣло также скоро бросили, и въ это время гончарный заводъ сгорѣлъ.

Съ этого времени и до 1870 г. управляющій московскимъ имѣніемъ тщетно пытался сдать Береговой торфяникъ въ аренду; за неимѣніемъ по близости ни одной огнедѣйствующей фабрики и по нежеланію гжельскихъ промышленниковъ обратиться къ торфяному отопленію—охотниковъ снять это болото въ аренду не являлось.

---

*) По словамъ техника при заводѣ Нетцеля, гжельскіе заводчики вначалѣ отнеслись къ предпріятію Чарыкова настолько безучастно, что потребовалось вмѣшательство Московской Удѣльной Конторы, чтобы заставить ихъ только осмотрѣть вновь устроенный гончарный заводъ (Вѣстн. Промышленности за 1861 г. № 5 „Гжель и торфъ").

Заботясь о поддержаніи благосостоянія подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, удѣльное вѣдомство обращало довольно большое вниманіе на облегченіе для нихъ условій кредита и на обереганіе отъ разорительныхъ займовъ у ростовщиковъ, и принимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры имѣли то частный, то общій характеръ. Еще въ 1809 г. управляющій Смоленской Конторой доносилъ Департаменту Удѣловъ, что онъ издалъ распоряженіе о запрещеніи крестьянамъ бѣлорусскихъ приказовъ прибѣгать къ займамъ денегъ и хлѣба у евреевъ, которые не только брали при этомъ высокіе проценты, но и „дерзаютъ грабить за долги иногда и не тѣхъ крестьянъ, которые имъ должны, а совсѣмъ стороннихъ“, отчего возникало много тяжебныхъ дѣлъ. Вмѣсто этого онъ рекомендовалъ крестьянамъ, въ случаѣ надобности. „искать помощи и одолженія у своихъ, удѣльныхъ же крестьянъ, къ чему и обязаны приказы склонить зажиточныхъ хозяевъ, внушая, что они весьма похвально сдѣлаютъ, если вмѣсто безполезной раздачи стороннимъ колядовщикамъ *) хлѣба, одолжать будутъ онымъ и деньгами, по возможности, своихъ же крестьянъ за умѣренные проценты, отъ которыхъ они нетолько всегда долгъ получить могутъ, но и сами въ случаѣ непредвидимаго упадка отъ какого-либо несчастія, могутъ надежно имѣть взаимное одолженіе. А дабы въ такомъ общеполезномъ другъ друга одолженіи никто не сомнѣвался“, управляющій „возложилъ на особливое попеченіе и отвѣтственность приказныхъ старшинъ“, по прошествіи сроковъ займа и при первомъ требованіи кредитора, взыскивать долгъ „безъ всякаго послабленія, смотря по состоянію“. Департаментъ Удѣловъ одобрилъ эти распоряженія.

О разорительныхъ сдѣлкахъ удѣльныхъ крестьянъ по займамъ у частныхъ лицъ Департаментъ Удѣловъ получалъ извѣ-

*) Въ этомъ же донесеніи управляющій объяснялъ, что во время объѣзда имѣнія ему сдѣлалось извѣстнымъ, что „разные люди развозятъ по деревнямъ въ осеннее время яблоки, калачи, баранки и тому подобныя мелочи, совсѣмъ ненужныя для крестьянъ, и на оныя вымѣниваютъ у нихъ за безцѣнокъ хлѣбъ, которымъ крестьяне, по безрасчетливости своей, мало дорожатъ въ осень; сверхъ того въ сію же пору ѣздятъ выпрашивать хлѣбъ, подъ названіемъ „колядовать“, разные-жъ сторонніе люди и подъ видомъ бѣдности, или по знакомству, выманиваютъ не мало хлѣба, отчего нерасчетливые крестьяне, раздавши оный, остаются, наконецъ, сами въ нуждѣ и недостаткѣ. Для отвращенія сего предписалъ я тѣмъ приказамъ имѣть строгое наблюденіе, чтобъ никто съ вышеупомянутыми мелочными и совсѣмъ ненужными для крестьянъ товарами, съ намѣреніемъ токмо выманивать хлѣбъ, отнюдь не въѣзжалъ въ удѣльныя селенія, равно и колядовщики“.

стія и изъ другихъ имѣній и принималъ мѣры распорядительнаго характера для предупрежденія такихъ сдѣлокъ. Такъ, напр., послѣ разсмотрѣнія переписки Архангельской и Вологодской Удѣльныхъ Конторъ по денежнымъ искамъ купцовъ Ермолиныхъ, выяснившей, что удѣльные крестьяне „вошли, черезъ промыслы и обязательства съ тѣми купцами, въ неоплатные долги, разстроивъ черезъ то свое состояніе", Департаментъ Удѣловъ 30 октября 1824 г. предписалъ управляющимъ конторами „принять для сохраненія общаго довѣрія надлежащія противъ сего мѣры", и, при разборѣ дѣлъ о взысканіи денегъ съ удѣльныхъ крестьянъ, не входить въ сношенія съ управляющими другихъ конторъ и не высылать должниковъ для расчета изъ одной конторы въ другую, предоставляя самому кредитору предъявлять искъ „туда, гдѣ должники вѣдомы со всею подробностью". Черезъ годъ послѣ этого Департаментъ Удѣловъ запретилъ приказамъ принимать къ засвидѣтельствованію заемныя письма, росписки и закладныя, совершаемыя удѣльными крестьянами съ лицами посторонняго вѣдомства. Основаніемъ для этого распоряженія служилъ ему сенатскій указъ 14 февраля 1761 г. *), напоминавшій о прежнихъ запрещеніяхъ крестьянамъ входить въ долговыя обязательства и предписывавшій допускать таковыя лишь съ разрѣшенія подлежащаго начальства. Поэтому и удѣльнымъ крестьянамъ было объявлено, „что если бы потребовалось имъ занимать деньги, то они чинить сіе могутъ не иначе, какъ съ дозволенія управляющихъ конторами". Въ 1827 г. это запрещеніе было повторено, а въ 1842 г. — по случаю оказавшихся на удѣльныхъ крестьянахъ московскаго имѣнія крупныхъ долговъ, сдѣланныхъ безъ надлежащаго разрѣшенія и на отяготительныхъ условіяхъ,—Департаментъ Удѣловъ опять напомнилъ управляющимъ конторами о прежнихъ его предписаніяхъ относительно займовъ удѣльныхъ крестьянъ у частныхъ лицъ и присовокуплялъ, что если бы, при разсмотрѣніи предъявленныхъ на его утвержденіе кредитныхъ сдѣлокъ, управляющій имѣніемъ, или приказный голова „усмотрѣли отяготительныя условія въ платежѣ процентовъ, то стараться имъ изыскивать средства, отъ которыхъ крестьяне могли бы получить пособіе съ меньшимъ отягощеніемъ". Въ 1850 г. вновь было подтверждено крестьянамъ, чтобы они не заключали займовъ у

*) Полн. Собр. Зак. № 11204.

постороннихъ лицъ безъ вѣдома управляющаго конторой, а этому послѣднему предписывалось разрѣшать такіе займы лишь въ случаяхъ, когда они заключались для промышленныхъ цѣлей и не были обременительны для заемщика.

Наряду съ такими мѣрами распорядительнаго и запретительнаго характера, мы встрѣчаемъ и мѣропріятія, направленныя къ дѣйствительному облегченію крестьянамъ пользованія кредитомъ. Когда, въ концѣ 20-хъ годовъ были образованы хлѣбный капиталъ общественной запашки и вспомогательные крестьянскіе капиталы, то всѣ эти капиталы служили, между прочимъ, для выдачи ссудъ крестьянамъ. Но такъ какъ хлѣбный капиталъ составлялся прежде всего для помощи населенію во время неурожаевъ и для устройства различныхъ полезныхъ крестьянамъ учрежденій (училищъ, школъ, больницъ и пр.), а вспомогательный капиталъ былъ очень не великъ и служилъ въ то же время для выдачи крестьянамъ, при несчастныхъ случаяхъ, безвозвратныхъ пособій,—то обращеніе этихъ капиталовъ собственно на кредитныя операціи происходило въ очень ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ виду этого Департаментъ Удѣловъ скоро пришелъ къ мысли о томъ, что слѣдуетъ устроить для удѣльныхъ крестьянъ спеціальныя кредитныя учрежденія, которыя дѣйствовали бы на основаніи разъ навсегда установленныхъ правилъ, опредѣляющихъ условія и порядокъ выдачи ссудъ. Первоначально, въ 1836 г., въ видѣ опыта выдѣлено было для этой цѣли 30 тыс. р. асс. изъ хлѣбнаго капитала и на эти средства открыты два сельскихъ банка въ саратовской губ., когда же оказалось, что капиталъ этихъ банковъ не переставалъ находиться въ обращеніи и управляющій засвидѣтельствовалъ о полезномъ вліяніи этихъ учрежденій, то въ слѣдующемъ году было ассигновано изъ хлѣбнаго капитала еще 185 тыс. р. асс. на устройство такихъ же сельскихъ банковъ во всѣхъ нижневолжскихъ, въ вятскомъ и владимірскомъ имѣніяхъ, а съ теченіемъ времени банки заведены и въ другихъ удѣльныхъ имѣніяхъ, кромѣ лишь московскаго, гдѣ сельскіе банки признавались излишними, и вмѣсто нихъ въ 1858 г. былъ учрежденъ торговопромышленный банкъ исключительно для крестьянъ, занимавшихся фабричной или торговой промышленностью и имѣвшихъ уже необходимыя для этого заведенія.

Ссудные банки устраивались при сельскихъ приказахъ, въ завѣдываніи которыхъ и состояли. Размѣръ основного капитала,

выдававшагося банку при его открытіи, изъ суммъ капитала хлѣбнаго, опредѣлялся для каждаго банка Департаментомъ Удѣловъ, по соображенію съ мѣстными потребностями. Ссуду изъ банка, въ размѣрѣ отъ 3 до 150 р. с., могъ получить каждый крестьянинъ даннаго приказа, представившій мірской приговоръ о добромъ поведеніи и благонадежныхъ поручителей—въ числѣ двухъ—на каждые 15 р. с. ссуды; причемъ заемщики не могли быть поручителями за другихъ. Ссуда выдавалась изъ 6% годовыхъ, на срокъ отъ 1 мѣсяца до 1 года; за просрочку взыскивалось кромѣ того ½% въ мѣсяцъ. За время съ основанія сельскихъ банковъ по 1842 г. для нихъ было отчислено около 160 т. р. сер. изъ хлѣбнаго капитала, а съ этого года, для усиленія оборотныхъ капиталовъ, дозволено банкамъ принимать вклады отъ удѣльныхъ крестьянъ того же приказа изъ 5% годовыхъ.

У насъ имѣется мало свѣдѣній о томъ, насколько сельскіе банки удовлетворяли потребности удѣльныхъ крестьянъ въ кредитѣ и какое вліяніе оказали они на мѣстную промышленность и торговлю. Въ ежегодныхъ отчетахъ управляющихъ конторами о положеніи удѣльныхъ имѣній обыкновенно говорилось въ общихъ фразахъ о благодѣтельномъ вліяніи банковъ и очень рѣдко приводились фактическія подтвержденія этого заключенія. Только въ отчетахъ архангельскаго управляющаго указывалось на многіе признаки положительнаго вліянія сельскихъ банковъ, открывавшихся здѣсь, начиная съ 1841 г. Эти банки повели, по словамъ управляющаго, къ пониженію процентовъ по займамъ у частныхъ лицъ (заключавшимся до учрежденія банковъ изъ 25% годовыхъ), къ развитію торговыхъ оборотовъ среди удѣльныхъ крестьянъ (въ первые три года дѣятельности банковъ число крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ, съ 6 возросло до 26); они дали крестьянамъ возможность воздерживаться отъ преждевременной продажи по дешевымъ цѣнамъ смолы (главнаго продукта мѣстной промышленности крестьянъ) и повели къ увеличенію у крестьянъ скота, и при всемъ этомъ взятыя ссуды возвращались съ большой исправностью.

Несмотря, однако, на благопріятные отзывы управляющихъ конторами о сельскихъ банкахъ, въ практикѣ этого учрежденія обнаружились многія отрицательныя явленія. При ревизіи въ 1857 г. удѣльныхъ имѣній, Предсѣдатель Департамента обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заемщики сельскихъ банковъ въ сущности никогда не

возвращають разъ взятой ссуды и что управленія банковъ только переписывають долги за одними и тѣми же лицами изъ года въ годъ. Вызванное этимъ подробное разслѣдованіе о дѣятельности банковъ и о мѣрахъ для ихъ упорядоченія выяснило и другія слабыя стороны банковыхъ операцій. Управляющій нижегородскимъ имѣніемъ объяснилъ, что правило о представленіи заемщиками поручителей, не гарантируя исправнаго возврата ссуды, служитъ только источникомъ новыхъ для нихъ расходовъ: поручителями являются по преимуществу разгульные и неимущіе крестьяне, а за оказываемую ими заемщикамъ услугу послѣдніе расходуются на ихъ угощеніе, а иногда даже платятъ имъ условленное вознагражденіе. Такое же объясненіе получено было и отъ управляющаго костромскимъ имѣніемъ, подтвердившаго тотъ фактъ, что заемщики уплачиваютъ только проценты, капиталы же банка слѣдуетъ считать состоящими за ними въ безнадежной недоимкѣ. Крестьянскіе вклады не вездѣ разбирались изъ банковъ въ видѣ ссудъ и излишнія суммы вносились въ кредитныя учрежденія изъ 3%, въ то время какъ сельскій банкъ самъ платилъ по вкладамъ 5%.

Въ 1859 г. издано было новое положеніе о сельскихъ банкахъ, главныя отличія котораго отъ стараго устава заключались въ слѣдующемъ. Высшій размѣръ ссуды увеличенъ до 200 р. с., а срокъ займа до 3 лѣтъ; въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія управляющаго конторой, допускалась ссуда въ 500 р., срокомъ до 5 лѣтъ. Проценты по ссудамъ понижены до 5 годовыхъ. Ссуды выдавались для промысловъ, для улучшенія сельскаго хозяйства, для найма охотниковъ рекрутовъ или покупки зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, но не дозволялось выдавать ссуды для уплаты податей. При выдачѣ ссудъ требовалось представленіе приговора общества и поручителя — по одному на каждые 5 р., а приказу вмѣнялось въ обязанность удостовѣряться на мѣстѣ о благонадежности какъ поручителей, такъ и заемщика. Введена была выдача ссудъ подъ залогъ излишнихъ для хозяйства строеній (принадлежащихъ заемщику или другимъ лицамъ) или земли, составлявшей собственность заемщика. Ссуды изъ банка могли получать удѣльные крестьяне какъ того же, такъ и другихъ приказовъ. Проценты по вкладамъ понижены до 4-хъ годовыхъ.

Число сельскихъ банковъ постоянно увеличивалось, при чемъ новые банки учреждались на суммы, заимствуемыя изъ капи-

тала банковъ, уже дѣйствовавшихъ. Къ 1864 г., когда сельскіе банки съ ихъ капиталами переданы были въ распоряженіе вновь образованныхъ (вмѣсто приказовъ) волостныхъ правленій, насчитывалось 129 сельскихъ банковъ съ общимъ капиталомъ свыше 900 тыс. руб.

Выше было сказано, что въ 1858 г. при Московской Удѣльной Конторѣ учрежденъ былъ торгово-промышленный банкъ для выдачи ссудъ крестьянамъ, занимавшимся фабричной промышленностью или торговлею, на расширеніе ихъ предпріятій. Въ теченіе 1859 — 1860 гг. такіе же торгово-промышленные банки—по одному на имѣніе—открыты были при Красносельской, Вятской и Саратовской Конторахъ. Основные капиталы этихъ банковъ составляли отъ 5 до 15 тыс. р. Черезъ годъ по учрежденіи торгово-промышленнаго банка при Вятской Конторѣ весь его капиталъ (15 тыс. р.) былъ уже выданъ въ ссуды 22 лицамъ (отъ 160 до 1.500 р. каждому) и управляющій имѣніемъ представлялъ Департаменту объ увеличеніи капитала банка еще на 15 тыс. р., но Департаментъ Удѣловъ не нашелъ въ этомъ надобности, и предложилъ только управляющему быть осторожнымъ въ выдачѣ ссудъ и воздерживаться отъ крупныхъ выдачъ.

Ссуды изъ торгово-промышленныхъ банковъ выдавались по удостовѣреніи управляющаго конторой въ необходимости займа — въ размѣрѣ отъ 100 до 1.500 р., на срокъ отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ, изъ 6% годовыхъ, подъ залогъ недвижимаго имущества или за поручительствомъ фабрикантовъ и торговцевъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, а также мірского общества, къ которому принадлежалъ заемщикъ (въ этомъ случаѣ на каждые 5 р. требовался поручитель). Съ увольненіемъ крестьянъ изъ удѣльнаго вѣдомства, капиталы торгово-промышленныхъ банковъ, въ размѣрѣ 40 тыс. р., причислены были къ капиталамъ подлежащихъ сельскихъ банковъ и вмѣстѣ съ послѣдними переданы также въ завѣдываніе волостныхъ правленій [1]).

Такъ какъ ссуды изъ сельскихъ банковъ выдавались, главнымъ образомъ, для промышленныхъ оборотовъ, а денежныя пособія, въ случаѣ какого-либо несчастія крестьяне могли получать лишь съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ, на что уходило много времени, то выходило, что бѣдные крестьяне, при случавшихся съ ними несчастіяхъ, требовавшихъ безотлагательнаго денежнаго пособія, находились въ сущности въ безпомощномъ положеніи. Поэтому Министръ Удѣловъ въ 1853 г.

призналъ полезнымъ имѣть въ приказахъ и по селеніямъ особые капиталы для выдачи пособій нуждающимся крестьянамъ, безъ испрошенія на то разрѣшенія начальства. Капиталы эти (подъ названіемъ складочныхъ) должны были составляться изъ добровольныхъ взносовъ крестьянъ, вкладами въ кружки, которыя для этой цѣли выставлялись въ каждомъ селеніи, или именными приношеніями. Для начала дѣла было отчислено изъ хлѣбнаго капитала 100 тыс. р., распредѣленныхъ между приказами и отдѣленіями (по 520 р. на приказъ). Собранныя деньги вносились, отъ имени приказа или селенія, въ сельскіе банки или въ Приказы Общественнаго Призрѣнія, и на выдачу пособій (безвозвратныхъ) обращались лишь проценты съ этихъ суммъ. Пособія выдавались только въ случаяхъ крайней необходимости, о которой должно было удостовѣрить сельское общество, и не должны были превышать 5 р. на просителя. О пользѣ учрежденія складочныхъ капиталовъ предписывалось разъяснять крестьянамъ на мірскихъ сходкахъ и, кромѣ того, велѣно было выставить циркулярное о нихъ объявленіе въ рамкѣ, за стекломъ, въ каждомъ селеніи. Несмотря на эти мѣры, въ 1860 г. до свѣдѣнія Департамента дошло, однако, что назначеніе складочнаго капитала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не было извѣстно не только крестьянамъ, но и приказному начальству и что проценты съ этого капитала оставались безъ употребленія или назначались для такой цѣли (напр., платежъ податей за бѣдныхъ крестьянъ), какая вовсе не имѣлась въ виду при образованіи капиталовъ. Поэтому Департаментъ подтвердилъ конторамъ, чтобы онѣ приняли зависящія отъ нихъ мѣры для ознакомленія крестьянъ съ этимъ учрежденіемъ.

Эта новая мѣра Департамента не имѣла большого успѣха. Пожертвованія отъ крестьянъ на составленіе капиталовъ, первоначально поступавшія въ размѣрѣ 7—8 тыс. въ годъ, затѣмъ уменьшились до 4—5 тыс. р., а потомъ сдѣлались еще меньше, такъ что, при преобразованіи быта удѣльныхъ крестьянъ по Положенію 26 іюня 1863 г., складочныхъ капиталовъ было всего 147 тыс. р. Соотвѣтственно этому и общая сумма пособій, выдававшихся крестьянамъ, имѣла весьма ограниченные размѣры: за 10 лѣтъ было выдано всего около 60.000 р.

Кромѣ описанныхъ общихъ мѣръ по организаціи кредита для крестьянъ, удѣльное вѣдомство въ нѣкоторыхъ случаяхъ откры-

вало крестьянамъ кредитъ спеціальный, а также комбинировало кредитныя операціи съ торговыми.

При обозрѣніи въ 1848 г. управляющимъ Новгородскою Конторою подвѣдомственнаго ему имѣнія, къ нему обращались крестьяне съ просьбами о ссудѣ ихъ деньгами на покупку скота. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ новгородскомъ имѣніи находилось 240 крестьянскихъ семействъ, не имѣвшихъ ни лошади, ни коровы, 173 семейства безлошадныхъ и 108—безкоровныхъ. Изъ всѣхъ этихъ семей только 46 не были надѣлены отъ общества землей и жили въ работникахъ у крестьянъ; остальныя семьи въ большей или меньшей степени занимались хлѣбопашествомъ на отведенныхъ имъ надѣлахъ. Причины утраты крестьянами скота, по донесенію управляющаго, заключались въ недостаточномъ за нимъ надзорѣ, вслѣдствіе чего скотъ погибалъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ неосмотрительной продажѣ скота крестьянами, какъ для своихъ семейныхъ надобностей, такъ и для уплаты оброка въ тѣхъ случаяхъ, когда приказы проявляли излишнюю ревность и, вмѣсто отсрочки взысканія на лишній мѣсяцъ, требовали немедленнаго взноса подати. Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ купить на средства хлѣбнаго капитала скотъ для болѣе бѣдныхъ и благонадежныхъ изъ числа вышеуказанныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы эти покупки были сдѣланы при участіи крестьянъ, нарочно для того избранныхъ мірскими обществами. Куплено было 200 лошадей (обошлись въ среднемъ по 19 р. за штуку) для такого же числа домохозяевъ и уплата за скотъ разсрочена на время отъ 5 до 10 лѣтъ, безъ взысканія процентовъ.

Ссуды крестьянамъ новгородскаго имѣнія на пріобрѣтеніе лошадей (за поручительствомъ общества) выдавались изъ хлѣбнаго капитала и въ слѣдующіе годы. Въ теченіе 1859 — 1862 гг. за ссудой обращались болѣе 200 крестьянъ и изъ нихъ получили деньги на покупку лошадей, преимущественно взамѣнъ павшихъ отъ сибирской язвы въ 1861 г., 114 человѣкъ. Остальнымъ было отказано или по причинѣ неуплаты долга по прежнимъ ссудамъ, или потому, что просители, по мнѣнію управляющаго, могли обойтись безъ ссуды. Ссуда, въ общемъ размѣрѣ 2815 р., была дана изъ 3%, срокомъ на 3 года.

Въ псковскомъ удѣльномъ имѣніи больше 15 тыс. крестьянъ извлекали средства для существованія преимущественно продажей высѣваемаго ими льна. Въ концѣ 20-хъ гг. Департаментъ Удѣловъ обратилъ вниманіе на неправильную постановку торговли этимъ про-

дуктомъ, дававшую торговцамъ легкую возможность эксплоатировать производителей. Пользуясь нуждой крестьянъ и выдавая имъ впередъ деньги, скупщики пріобрѣтали ленъ еще на корню, за ничтожную, конечно, цѣну, или вымѣнивали его на продукты, нужные въ крестьянскомъ быту. Для освобожденія крестьянъ отъ потерь, проистекавшихъ изъ такого положенія дѣлъ, въ 1829 г. въ с. Вельѣ была учреждена контора съ капиталомъ въ 20 тыс. р. асс. (позаимствованнымъ изъ вспомогательнаго капитала). Контора ссужала крестьянъ деньгами (за указные проценты) подъ ленъ и затѣмъ либо продавала его оптомъ, либо поставляла на Александровскую мануфактуру, предоставляя всѣ выгоды отъ такой операціи крестьянамъ. Дѣла новаго учрежденія пошли успѣшно. Въ первый же годъ контора взяла для продажи 2.000 берковцевъ крестьянскаго льна и рыночныя цѣны этого продукта въ псковскомъ имѣніи возвысились; а еще черезъ годъ она уже имѣла возможность возвратить въ вспомогательный капиталъ четвертую часть числящагося на ней долга. Велейская контора производила операціи лишь въ тѣ годы, когда это представлялось необходимымъ; когда же, какъ напр. въ 1830 или 1833 гг., мѣстныя цѣны льна были достаточно высоки, она не принимала крестьянскаго льна и ограничивала свою дѣятельность простой выдачею ссудъ нѣкоторымъ крестьянамъ.

Въ 1846 г. было обращено вниманіе на потери, какія удѣльные крестьяне несли при продажѣ своего хлѣба, благодаря монопольному положенію посредниковъ между производителями и потребителями зерна и, для устраненія этихъ потерь, директоръ Земледѣльческаго Училища, по предложенію Министра Удѣловъ, составилъ проектъ учрежденія въ поволжскихъ губерніяхъ торговыхъ компаній изъ удѣльныхъ крестьянъ, для закупки на мѣстахъ хлѣба и для продажи его на главнѣйшихъ рынкахъ сбыта (въ Нижнемъ-Новгородѣ, Рыбинскѣ, Петербургѣ), при чемъ на первое время, когда крестьяне не рѣшились бы затрачивать на это собственныя средства, предполагалось выдавать потребныя для веденія дѣла деньги компаніямъ заимообразно изъ хлѣбнаго капитала. Описываемый моментъ признанъ былъ удобнымъ для начала этого дѣла, такъ какъ по причинѣ неурожая картофеля и истощенія запасовъ зерна за границей, требованія иностранныхъ рынковъ на русскій хлѣбъ значительно возросли и вмѣстѣ съ тѣмъ возросла и его цѣна въ портахъ. Проектъ Байкова препровожденъ

былъ на заключеніе управляющихъ алатырскимъ, сызранскимъ и нижегородскимъ имѣніями и, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ немъ, согласно полученнымъ замѣчаніямъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 г. онъ былъ доложенъ Государю Императору. 19 іюня управляющимъ вышеназванными имѣніями было предписано немедленно приступить къ учрежденію торговыхъ компаній на основаніи препровожденныхъ къ нимъ правилъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ, предоставлялось личной ихъ распорядительности *).

Согласно этимъ правиламъ (и послѣдующимъ къ нимъ дополненіямъ), учреждаемыя компаніи должны были покупать хлѣбъ исключительно у удѣльныхъ крестьянъ безъ участія перекупщиковъ и, застраховавъ его, отправлять водою въ верхневолжскія пристани, въ С.-Петербургъ и въ другія мѣста. Только въ случаѣ необходимости догрузки баржъ разрѣшено было пріобрѣтать хлѣбъ у постороннихъ лицъ, или употреблять для этого зерно изъ общественныхъ магазиновъ. На свои операціи каждая компанія имѣла право получить изъ хлѣбнаго капитала заимообразно до 100 тыс. р. на имѣніе. Изъ денегъ, полученныхъ отъ продажи хлѣба, покрывались прежде всего издержки по операціи, затѣмъ отчислялось 4% на позаимствованный капиталъ, а изъ остающейся затѣмъ чистой прибыли (если она не превышала 10% на затраченный капиталъ) одна половина должна быть раздѣлена поровну между лицами, входившими въ составъ компаніи, а другая половина— между крестьянами, у которыхъ купленъ былъ хлѣбъ. При болѣе высокой выручкѣ, часть ея предполагалось отчислять въ запасный капиталъ и въ пользу управляющихъ имѣніями, учредившихъ компаніи и наблюдавшихъ за ихъ операціями.

О первыхъ дѣйствіяхъ учрежденныхъ компаній можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ.

Въ сызранскомъ имѣніи было затрачено: на покупку хлѣба 33.746 р. с., на доставку его къ пристанямъ 2.632 р. с., на храненіе до весны и погрузку 7.922 р. с., на доставку на рынки сбыта и пр. 22.767 р., а всего израсходовано 67.067 р. Отъ продажи хлѣба въ Рыбинскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ выручено 92.643 р. с., и чистая прибыль въ размѣрѣ 25.576 р. с. была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: въ хлѣбный капиталъ отчислено 2.652 р. с.,

*) Хотя въ сбытѣ хлѣба за границу участвовали также удѣльные крестьяне нижне-волжскихъ и вятскаго имѣній, но для перваго раза признано было достаточнымъ ограничиться тремя вышеуказанными.

въ запасный 673 р., въ пользу управляющаго конторой 3.365 р., компаньонамъ 9.443 р. и крестьянамъ—продавцамъ хлѣба (которыхъ было 3.172 человѣка)—9.443 р.

Въ алатырскомъ имѣніи торговая компанія составилась изъ 10 человѣкъ. Ею было куплено у крестьянъ 20.185 четвертей ржи, 1.762 куля пшеницы и 1.512 четвертей овса и взято изъ общественныхъ запасовъ 1.500 четвертей ржи и 3.200 четвертей овса. Рожь была размолота, при чемъ получено 20.030 кулей муки 9-ти пудоваго вѣса, обошедшейся въ 3 р. 55 к. за куль. Весной хлѣбъ былъ погруженъ (на 4-хъ пристаняхъ) на 14 баржей и отправленъ вверхъ по Волгѣ. По причинѣ мелководья, въ Рыбинскъ прибыла только часть каравана, а остальныя баржи пришлось разгружать на разныхъ волжскихъ пристаняхъ. По этой причинѣ, а также вслѣдствіе упадка цѣнъ на хлѣбъ, продажа его была управляющимъ на время пріостановлена и затѣмъ продолжалась по немногу въ теченіе 1849 г. и 1850 г. Въ это время произошла смѣна управляющаго алатырскимъ имѣніемъ и, за отсутствіемъ записей о ходѣ дѣла, новый управляющій не могъ доставить въ Департаментъ полнаго отчета о ходѣ операціи. Извѣстно было только, что прежній управляющій выдалъ въ ссуду лицамъ, у которыхъ были наняты суда для перевозки хлѣба, 8.500 р., что эти лица оказались несостоятельными и что отъ продажи принадлежавшихъ имъ судовъ выручено въ уплату долга всего 2.231 р. По случаю неурожая въ приволжскихъ имѣніяхъ, закупка хлѣба новыми компаніями сызранскаго и алатырскаго имѣній въ слѣдующіе годы не производилась.

Не совсѣмъ удачно вела свои дѣла и торговая компанія въ нижегородскомъ имѣніи. Она была составлена изъ 4 лицъ, издавна занимавшихся хлѣбною торговлею. По отчету, въ теченіе перваго года ею было куплено у 396 крестьянъ нижегородской губерніи 4.008 четвертей ржи, 2.724 четверти овса и 760 пудовъ муки (на сумму 14.841 р.); у 78 крестьянъ вятской губерніи 3.747 пудовъ ржи и 10.419 пудовъ ржаной муки (на 3.713 р.) и у 42 крестьянъ саратовской губерніи 19.321 пудъ пшеницы (на 6893 р.); всего—у 516 крестьянъ, на сумму 25.448 р. Со всѣми прочими расходами затрачено 34.728 р., а получено отъ продажи хлѣба 40.508 р.; чистая прибыль опредѣлилась въ 5.780 р. (16% на затраченный капиталъ), которые предполагалось раздѣлить пополамъ между компаніонами — торговцами и крестьянами—продавцами. Но при этомъ оказалось, что одинъ изъ участниковъ

въ компаніи представилъ фиктивный отчетъ о закупкѣ у крестьянъ хлѣба, и на него было начислено 7.424 р. долгу.

Въ слѣдующемъ году закупка хлѣба нижегородской компаніею была произведена въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и операція закончена безъ всякаго барыша.

Такимъ образомъ, эти первые опыты сбыта хлѣба чрезъ посредство составлявшихся для того компаній показали, что составленныя на этотъ предметъ правила были неудовлетворительны. Они давали слишкомъ большой просторъ управляющему для вмѣшательства въ дѣла компаніи и въ тоже время ни отвѣтственность компаніи, какъ юридическаго лица, ни даже формальная ея организація—правилами не устанавливались, такъ что управляющіе имѣли дѣло не съ компаніей, а съ отдѣльными торговцами, выдавали деньги не товариществу, а отдѣльнымъ лицамъ. Чтобы устранить эти недостатки, составленъ былъ новый проектъ правилъ для торговыхъ компаній, но онъ такъ и остался не утвержденнымъ, такъ какъ въ концѣ 1852 г. было рѣшено учрежденіемъ компаній пріостановиться *).

*) Источниками для этой главы служили преимущественно слѣдующія дѣла Архива Главнаго Управленія Удѣловъ: *2 отд. 1 ст.*—№ 509 *2 отд. 2 ст.*—№№ 5438, 6147; *2 отд. 3 ст.*—№№ 1052, 1690, 1843, 1941, 2123, 2166, 2293, 2554; *2 отд. 5 ст.*—№№ 1656, 2227, 2228, 2230, 2279, 2283; *2 отд. 6 ст.*—№№ 11, 14, 116.

Глава VIII.

Крестьянскіе капиталы.

Происхожденіе крестьянскихъ капиталовъ и ихъ классификація.—Вспомогательные капиталы.—Хлѣбный капиталъ; его размѣры и расходованіе.—Пенсіонный капиталъ.—Страховой капиталъ.—Начало страхованія крестьянскихъ построекъ въ удѣльныхъ селеніяхъ и дальнѣйшій ходъ этого дѣла.—Капиталы сельскихъ и промышленныхъ банковъ и капиталы складочные.—Размѣръ крестьянскихъ капиталовъ ко времени введенія въ дѣйствіе Положенія 26 Іюня 1863 г. и дальнѣйшая судьба этихъ капиталовъ.

Крестьянскими капиталами назывались тѣ, скоплявшіяся въ удѣльныхъ кассахъ (и преимущественно въ кассѣ Департамента Удѣловъ) суммы, которыя составлялись изъ разныхъ сборовъ и платежей, поступавшихъ съ удѣльныхъ крестьянъ, кромѣ оброковъ и податей, и которыя расходовались только на нужды крестьянъ и ихъ хозяйства. Затѣмъ, по введеніи въ удѣльныхъ селеніяхъ общественной запашки, къ крестьянскимъ капиталамъ стали причисляться суммы, выручавшіяся отъ продажи излишняго хлѣба.

Крестьянскіе капиталы, какъ предназначенные для спеціальной цѣли, не сливались съ остальнымъ удѣльнымъ капиталомъ. Имъ велся по книгамъ особый счетъ и при этомъ свободная наличность ихъ помѣщалась, обыкновенно, для приращенія процентами, въ одно изъ тогдашнихъ кредитныхъ учрежденій, преимущественно въ Заемный Банкъ.

По назначенію ихъ крестьянскіе капиталы можно раздѣлить на двѣ группы:

1) капиталы, предназначавшіеся вообще для пособій удѣльнымъ крестьянамъ въ несчастныхъ случаяхъ и на улучшеніе ихъ быта;

2) капиталы, имѣвшіе специальное назначеніе. Сюда относятся: пенсіонный капиталъ отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ удѣльныхъ крестьянъ и страховой крестьянскій капиталъ. Кромѣ того къ этой второй группѣ можно отнести еще и такіе капиталы, фактическое распоряженіе коими было предоставлено самимъ крестьянамъ—чрезъ посредство ихъ приказовъ—и которые обыкновенно находились даже и не въ наличности, а въ оборотѣ; таковы были капиталы сельскихъ и промышленныхъ крестьянскихъ банковъ и капиталы складочные, предназначенные для выдачи мелкихъ пособій нуждающимся крестьянамъ.

Капиталы первой категоріи, — составлявшіеся съ цѣлью вообще пособія крестьянамъ, были всегда по суммѣ самыми крупными. Первое указаніе на необходимость составленія особыхъ суммъ на случай помощи крестьянамъ при надобности мы встрѣчаемъ въ 1828 г., когда, по докладу о значительной недоимкѣ, накопившейся на смоленскихъ крестьянахъ, было Высочайше разрѣшено „для того, чтобы предуготовить удѣльнымъ крестьянамъ вѣрное вспоможеніе въ ихъ нуждахъ“—отчислять изъ каждаго годичнаго взноса недоимокъ десятую часть и отсылать эти деньги въ Заемный Банкъ, для приращенія процентами, подъ именемъ вспомогательнаго капитала. При этомъ, въ началѣ предполагалось первыя 10 лѣтъ только скапливать такимъ образомъ капиталъ, не трогая его, и лишь потомъ начать выдачу изъ него пособій. Но такой срокъ едва-ли былъ выдержанъ, такъ какъ вскорѣ изысканы были еще другіе источники для составленія подобныхъ вспомогательныхъ капиталовъ, сумма которыхъ возрасла довольно быстро.

Во первыхъ, когда—съ учрежденіемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки и своихъ хлѣбныхъ магазиновъ, по Высочайшему указу отъ 21 Декабря 1828 г. прекращено было взиманіе съ удѣльныхъ крестьянъ въ казну хлѣбнаго сбора по 25 коп. асс. съ души *), то деньги, ранѣе на этомъ основаніи взысканныя, всего 251.230 рублей, были возращены изъ казны Департаменту Удѣловъ и по распоряженію его причислены къ вспомогательному капиталу. Затѣмъ тогда же Министръ Императорскаго Двора призналъ, что, согласно § 203 Учр. Импер. Фам., къ подобному вспомогательному капиталу

---

*) См. гл. III, стр. 143.

должны быть присоединяемы штрафныя деньги и пени, которыя взыскиваются за невзносъ оброка съ неисправныхъ арендаторовъ удѣльныхъ оброчныхъ статей. Сдѣланъ былъ поэтому точный расчетъ, сколько вообще такихъ штрафныхъ денегъ по 1829 г. взыскано было и опредѣлившаяся сумма ихъ, въ 328.242 руб., перечислена изъ средствъ удѣльныхъ въ вспомогательный крестьянскій капиталъ. Наконецъ, въ томъ же 1829 г. указано было причислять къ средствамъ вспомогательнаго капитала суммы, выручаемыя отъ продажи рекрутскихъ квитанцій за сданныхъ безъ очереди въ рекруты удѣльныхъ крестьянъ развратнаго поведенія.

Благодаря этимъ новымъ источникамъ, вспомогательные капиталы стали быстро увеличиваться и къ 1829 году ихъ числилось уже до 619 тыс. рублей *), а къ 1830 году общая сумма вспомогательныхъ капиталовъ достигла 657 тыс. рублей.

Къ этой же группѣ крестьянскихъ капиталовъ принадлежалъ затѣмъ капиталъ хлѣбный, составленіе котораго началось съ 1830 года и который предназначался, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 сентября 1827 г. объ учрежденіи въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки,—„преимущественно на предметъ продовольствія крестьянъ въ голодные годы и на полезныя для нихъ же заведенія".

Составлялся хлѣбный капиталъ, во первыхъ, отчисленіемъ въ него одной пятой части денегъ, которыя выручались отъ продажи излишковъ урожая противъ установленныхъ нормъ и, во вторыхъ, въ него же поступали суммы, выручавшіяся отъ продажи части хлѣбныхъ запасовъ, когда дальнѣйшее увеличеніе этихъ запасовъ въ магазинахъ признавалось излишнимъ.

Уже въ первый 1829 годъ въ хлѣбный капиталъ поступило 366.707 рублей, а затѣмъ его числилось: къ 1 января 1832 г.— 1.912.307 рублей и къ 1 января 1833 г.—2.489.000 рублей.

Терминологія перечисленныхъ крестьянскихъ капиталовъ установилась не сразу и никогда особой определенностью не отличалась. Первоначально или каждый капиталъ назывался особымъ именемъ (хлѣбный, штрафной, рекрутскій, за проданныя квитанціи, остаточный отъ прежняго 25-ти-коп. сбора и пр.),

*) Въ томъ числѣ было 323 тыс. руб. штрафныхъ денегъ, 251 тыс. руб. возвращеннаго изъ казны 25 коп. сбора, а остальныя 40 тыс. руб. относятся на прочія поступленія, т. е. на суммы за проданныя рекрутскія квитанціи, отчисленія по поступившимъ недоимкамъ и пр.

или всѣ капиталы, кромѣ хлѣбнаго, назывались вспомогательными. Позднѣе, въ Сводѣ Уд. Пост. 1843 г., мы находимъ болѣе точную классификацію этихъ капиталовъ, но не особенно удачную. Сводъ устанавливаетъ общій крестьянскій капиталъ и крестьянскіе капиталы, имѣющіе особое назначеніе. Общій крестьянскій капиталъ состоялъ, по Своду, изъ капиталовъ: хлѣбнаго и вспомогательнаго, причемъ вспомогательнымъ считался только капиталъ, составлявшійся изъ денегъ, вырученныхъ за проданныя рекрутскія квитанціи. Къ капиталамъ же имѣющимъ особое назначеніе, кромѣ пенсіоннаго и страховаго (о которыхъ ниже), Сводъ относитъ еще штрафной капиталъ, составлявшійся главнымъ образомъ изъ штрафовъ, взыскивавшихся съ неисправныхъ арендаторовъ оброчныхъ статей. Но такъ какъ далѣе тутъ же объясняется, что этотъ штрафной капиталъ назначенъ „на полезныя для крестьянъ заведенія", т. е. для той же самой цѣли, для какой существовалъ и капиталъ хлѣбный, то поэтому, очевидно, причисленіе штрафного капитала къ спеціальнымъ было неправильно. Что же касается до суммъ составившихся отъ возвращеннаго 25-ти-коп. хлѣбнаго сбора и изъ 10% со взысканныхъ недоимокъ, то, очевидно, къ 1843 году эти суммы были уже вполнѣ израсходованы, почему о нихъ въ Сводѣ и не упоминается.

Расходовались всѣ перечисленные капиталы, какъ уже сказано было, на пособія удѣльнымъ крестьянамъ и на улучшеніе ихъ хозяйства. На средства, которыя брались изъ этихъ капиталовъ—кромѣ пособія нуждающимся—устраивались школы, больницы, училища профессіональныя и т. п.

Первоначально, когда составленіе хлѣбнаго капитала еще только началось, необходимыя для подобныхъ расходовъ средства брались изъ капиталовъ вспомогательныхъ и при этомъ иногда указывалось даже, изъ какого вспомогательнаго капитала деньги на извѣстный расходъ были взяты. Такъ въ 1829 г. выдано 20 тыс. руб. асс. „изъ вспомогательнаго капитала" на обороты льняной конторы въ с. Вельѣ, псковской губ. *); расходы же въ 200 тыс. руб. асс. на устройство и содержаніе въ теченіе 4 лѣтъ двухъ главныхъ удѣльныхъ училищъ и ежегодный, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, расходъ до 40 тыс. руб. асс. — по врачебной части **) показаны произведенными изъ штрафного капитала.

*) См. стр. 325.
**) См. ниже главы IX и X.

Но затѣмъ, позднѣе, когда хлѣбный капиталъ достигъ значительныхъ размѣровъ, всѣ такіе расходы производятся уже преимущественно изъ этого капитала. Къ такимъ расходамъ относятся: выдѣленіе въ 1832 году суммы въ 2.300 тыс. р. асс. на устройство и дальнѣйшее существованіе Земледѣльческаго Училища; отпускъ суммъ на устройство и содержаніе ремесленныхъ училищъ и женскихъ профессіональныхъ школъ въ Алатырѣ и въ Симбирскѣ; всѣ дальнѣйшіе (съ тридцатыхъ годовъ) расходы по устройству больницъ и на жалованье медикамъ и ветеринарамъ; затѣмъ всѣ показанные выше, въ главахъ V—VII, расходы на улучшеніе разныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства, при чемъ, конечно, изъ того же капитала производилась— согласно прямой цѣли его — и выдача пособій крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая и другихъ бѣдствій. Затѣмъ изъ хлѣбнаго капитала отпущены были суммы, необходимыя на первоначальные обороты сельскихъ и промышленныхъ банковъ и на учрежденіе въ приказахъ складочныхъ капиталовъ. Наконецъ, изъ того же хлѣбнаго капитала брались, по учрежденіи страхованія въ удѣльныхъ селеніяхъ, суммы, необходимыя на уплату пожарныхъ убытковъ въ тѣ годы, когда на это не хватало полученныхъ премій. Словомъ, по всякому новому мѣропріятію, касавшемуся крестьянскаго хозяйства, или улучшенія быта удѣльныхъ крестьянъ, средства, какія на то требовались, брались всегда почти изъ хлѣбнаго капитала.

Въ 1862 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, всѣ перечисленные вспомогательные капиталы и капиталъ хлѣбный слиты были вмѣстѣ въ одинъ общій капиталъ, получившій названіе хозяйственнаго крестьянскаго капитала. Къ этому времени такихъ отдѣльныхъ капиталовъ числилось:

хлѣбнаго.	385.362	р.	98	к. сер.
вспомогательнаго рекрутскаго. .	81.321	„	24	„ „
штрафного	118.685	„	—	„ „
Всего . . .	585.369	р.	22	к. сер.

Кромѣ того, къ этой суммѣ было присоединено еще 410.048 р. 7 коп. остатка отъ денегъ, собранныхъ на постройку хлѣбныхъ магазиновъ, такъ что вмѣстѣ съ этою суммою на 1 ноября

1862 года вновь образованнаго хозяйственнаго капитала составилось 995.417 руб. 29 коп.

По введеніи въ дѣйствіе Положенія 26 іюня 1863 г. объ устройствѣ быта удѣльныхъ крестьянъ—хозяйственный капиталъ переданъ былъ въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Вторую группу крестьянскихъ капиталовъ составляли, какъ выше сказано, такіе капиталы, которые предназначались не для пособій вообще, но имѣли точно опредѣленное назначеніе, а именно капиталы: пенсіонный, страховой и капиталы складочные и сельскихъ банковъ.

Пенсіонный капиталъ былъ фондомъ, изъ котораго выдавалась нижнимъ воинскимъ чинамъ, изъ удѣльныхъ крестьянъ, возвращавшимся по отставкѣ на родину, постоянное денежное пособіе, въ видѣ ежегодныхъ пенсій, независимо отъ пенсій, имъ назначенныхъ военнымъ вѣдомствомъ. Этотъ особый пенсіонный капиталъ началъ составляться съ 1841 г.,—согласно выработанному на сей предметъ Высочайше утвержденному 30 декабря 1840 г. „Положенію о пенсіяхъ отставнымъ нижнимъ военнымъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ удѣльныхъ крестьянъ“,—которымъ размѣръ такой дополнительной пенсіи былъ установленъ: унтеръ-офицерамъ по 6 руб. и рядовымъ по 4 руб. сер. въ годъ.

Пенсіонный капиталъ составлялся отчисленіемъ въ него:

1) изъ общаго крестьянскаго капитала по 2 руб. сер. на каждаго рекрута, отданнаго въ службу по очереди;

2) по 10 руб. сер. за каждаго рекрута, идущаго на службу охотою по найму. Деньги эти вычитались изъ договорной суммы, слѣдовавшей охотнику отъ нанимателей, а о такомъ вычетѣ объявлялось предварительно обѣимъ сторонамъ, входившимъ въ сдѣлку, со включеніемъ этого обязательства и въ письменное между ними условіе,

3) платы, взимавшейся при увольненіи удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщанское и купеческое званія и при дозволеніи удѣльнымъ крестьянкамъ выходить въ замужество за лицъ другихъ вѣдомствъ, которая до 1840 г. обращалась въ удѣльные доходы.

Въ первомъ же году по учрежденіи пенсіоннаго капитала

изъ него начали уже получать пенсію 53 лица; во второмъ году число такихъ пенсіонеровъ достигло 194, а въ третьемъ—до 311 человѣкъ, при капиталѣ въ 29.266 руб. Послѣ крестьянской реформы пенсіонный капиталъ былъ переданъ удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1865 году въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ суммѣ 91.089 руб. 62 коп.

Страховой крестьянскій капиталъ составлялся изъ страховыхъ премій, поступавшихъ отъ удѣльныхъ крестьянъ, страховавшихъ свои постройки. Кромѣ того, при введеніи въ Удѣлахъ страхованія крестьянскихъ построекъ, отпущено было изъ общаго крестьянскаго, или хлѣбнаго капитала, въ видѣ основного фонда въ начавшій тогда составляться страховой капиталъ, 85.715 р., а затѣмъ и позднѣе всякій разъ, когда въ страховомъ капиталѣ не хватало денегъ на уплату за сгорѣвшія строенія, недостающія средства всегда отпускались также изъ хлѣбнаго капитала. Расходовался же страховой капиталъ исключительно на уплату пожарныхъ убытковъ.

Такія пособія капиталу страховому изъ капитала хлѣбнаго дѣлались согласно тѣмъ правиламъ, которыя положены были въ основу введеннаго съ 1840 г. въ Удѣлахъ страхованія крестьянскихъ построекъ.

Причины, вызвавшія это новое по вѣдомству мѣропріятіе, изложены во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Удѣловъ за 1839 г. такъ:

„По совершенной невозможности обыкновенными пособіями покрывать *сполна* всѣ убытки удѣльныхъ крестьянъ отъ пожаровъ, признано полезнымъ образовать на сей предметъ особый *страховой капиталъ*, который бы обезпечивалъ по крайней мѣрѣ недвижимое крестьянское имущество, т. е. строенія. Слѣдуя правиламъ страховыхъ обществъ, надлежало бы установить плату отъ 1 до 3-хъ процентовъ съ цѣнности обезпечиваемаго строенія; но какъ по новости предмета нельзя было ожидать, чтобы крестьяне рѣшились на такую значительную для нихъ издержку, то на первый разъ положено взимать только по *полупроценту*, а въ случаѣ недостаточности сего сбора на вознагражденія, *дополнять оныя изъ общаго крестьянскаго капитала*. Хотя отъ этого неминуемо произойдетъ нѣкоторый ущербъ для сего послѣдняго, но здѣсь должно принять во вниманіе, что цѣль таковаго распоряженія заключается отнюдь не въ приращеніи крестьянскаго капитала—ибо на это имѣются другія средства,—а въ томъ един-

ственно, чтобы пріохотить крестьянъ застраховывать свое имущество. По мѣрѣ ихъ убѣжденія въ происходящей отъ того пользѣ и по мѣрѣ уразумѣнія началъ, на коихъ основано застрахованіе, можно будетъ возвышать постепенно и процентъ до дѣйствительной въ ономъ потребности; а какъ между тѣмъ принятыя нынѣ мѣры для безопаснѣйшаго устройства удѣльныхъ селеній отъ огня и для заведенія въ нихъ пожарныхъ инструментовъ будутъ въ свою очередь постепенно уменьшать случающіяся отъ пожаровъ потери, — то очевидно, что совокупность этихъ двухъ причинъ современемъ непремѣнно дастъ возможность страховому капиталу *дѣйствовать независимо отъ общаго крестьянскаго*".

На основаніи этихъ соображеній было выработано въ Департаментѣ Удѣловъ и утверждено 8-го августа 1839 г. Министромъ Императорскаго Двора, Княземъ П. С. Волконскимъ, положеніе о застрахованіи крестьянскихъ строеній. По правиламъ этого положенія допускалось страхованіе желающими изъ удѣльныхъ крестьянъ всякаго крестьянскаго строенія въ селеніяхъ, жилого и не жилого, кромѣ бань и овиновъ. Оцѣнка строеній для застрахованія производилась въ половинѣ ихъ дѣйствительной стоимости, въ предѣлахъ отъ 15 до 600 руб. сер., слѣдовательно, страховая оцѣнка опредѣлялась отъ 7 руб. 50 коп. до 300 руб. сер.; выше же этой суммы страхованіе не допускалось. За каждые 7 руб. 50 коп. оцѣночной суммы страхователь-крестьянинъ вносилъ въ страховой капиталъ по 4 коп. сер., за годъ впередъ. Наравнѣ съ крестьянскими домами принимались къ страховкѣ строенія, принадлежавшія церковнымъ причтамъ и отставнымъ и безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ. Страхованіе церквей и мечетей допускалось, также въ половинной стоимости противъ той, во что обошлась постройка ихъ, а взносъ страховыхъ премій производился на счетъ прихожанъ; плата страховыхъ премій за приказные дома производилась изъ остатковъ отъ мірскихъ сборовъ, а за дома ремесленныхъ заведеній и сельскихъ училищъ — изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ ежегодно на содержаніе этихъ заведеній. Положеніе подробно предусматривало какъ весь механизмъ производства страхованія, такъ равно и право на полученіе вознагражденій въ возмѣщеніе пожарныхъ убытковъ. Суммы, поступавшія въ составъ страхового капитала, подлежали пересылкѣ изъ приказовъ въ удѣльныя конторы, а оттуда—въ Департаментъ Удѣловъ, которымъ вноси-

лись въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Отчетность по страховому капиталу установлена была особая отъ всѣхъ прочихъ суммъ и представлялась приказами въ конторы вмѣстѣ съ свѣдѣніями о податяхъ. Въ случаѣ недостатка страховыхъ премій для уплаты за сгорѣвшія строенія, пополненіе опредѣлено было производить изъ особаго капитала въ 85.715 руб., выдѣленнаго, какъ выше сказано, для этой цѣли въ 1839 г. изъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала.

Въ виду установленія очень незначительнаго размѣра страховой платы признано было болѣе осторожнымъ, на первое время, изъ опасенія уменьшенія хлѣбнаго крестьянскаго капитала, ввести, въ видѣ опыта, застрахованіе крестьянскихъ построекъ лишь въ трехъ удѣльныхъ имѣніяхъ: тверскомъ, нижегородскомъ и саратовскомъ.

Желающихъ страховать свое имущество съ перваго же года оказалось довольно много: уже въ 1840 г. число застрахованныхъ домовъ было 5.928, что составляло около 25% всѣхъ крестьянскихъ домовъ въ селеніяхъ, гдѣ примѣнено было страхованіе. Стоимость ихъ по оцѣнкѣ опредѣлена была въ 456 тыс. р. сер., а на страхъ они приняты были, согласно положенію, въ половинѣ этой стоимости, т. е. въ суммѣ 228 тыс. р. Плата за страхованіе — 1.230 руб. — покрыла расходы по вознагражденію погорѣвшихъ крестьянъ.

Вслѣдствіе такого успѣшнаго начала новаго дѣла, страховыя правила распространены были съ 1841 г. на все вѣдомство; но при этомъ, въ видахъ осторожности, рѣшено было принимать на страхъ постройки только въ такихъ селеніяхъ, которыя устроены были по планамъ или въ которыхъ по крайней мѣрѣ имѣлись площади и улицы.

Въ 1841 г. застраховано было уже до 23 тыс. различныхъ строеній въ суммѣ милліона рублей сер., и изъ поступившихъ страховыхъ премій въ суммѣ 5.378 руб., за выдачею вознагражденій потерпѣвшимъ отъ пожаровъ, въ остаткѣ оказалось еще 805 руб.

Дальнѣйшее возрастаніе числа застрахованныхъ построекъ и обороты страхового крестьянскаго капитала за періодъ съ 1840 г. по 1858 г. видны изъ слѣдующей таблицы:

ГОДА.	Число домовъ въ селеніяхъ, гдѣ примѣнено страхованіе.			Оцѣнка застрахованныхъ строеній въ тысячахъ руб.		Плата за страхованіе въ руб. сер.	Вознагражденіе, выданное изъ страхового капитала въ руб. сер.
	Общее число домовъ.	Число застрахованныхъ домовъ.	Соотношеніе въ %.	Дѣйствительная.	Для пріема на страхъ.		
1840	26.000	5.928	23	456	228	1.230	1.230
1841	*)	23.000	*)	2.000	1.000	5.378	4.573
1842	*)	40.450	*)	2.872	1.436	18.000	11.000
1843	*)	57.839	*)	4.030	2.015	15.927	18.022
1844	*)	72.416	*)	*)	*)	16.253	17.532
1845	*)	76.786	*)	*)	*)	13.261	11.765
1846	187.059	82.829	40	*)	*)	13.261	9.263
1847	*)	85.787	*)	*)	*)	*)	15.829
1848	187.684	85.631	46	*)	*)	15.209	56.056
1849 . . .	*)	88.441	*)	*)	*)	16.017	33.123
1850	*)	78.710	*)	5.462	2.731	14.879	23.952
1851	*)	*)	*)	5.600	2.800	14.942	19.090
1852	196.624	80.000	40	5.819	2.909	15.547	13.925
1853	199.868	79.257	39	5.903	2.951	15.739	24.739
1854	199.589	84.983	42	6.300	3.130	16.783	18.075
1855	207.620	85.308	41	6.624	3.312	17.667	31.903
1856	209.046	98.249	47	7.137	3.568	18.989	19.644
1857	208.191	162.039	80	10.791	5.395	27.455	52.472
1858	219.804	196.786	90	14.298	7.149	43.479	71.720

Изъ этой таблицы мы прежде всего видимъ, что выгодною для удѣльнаго вѣдомства операціею это страховое дѣло назвать было нельзя. Начиная съ 1843 года, сумма подлежавшаго уплатѣ вознагражденія за сгорѣвшія строенія почти постоянно превышала собранныя за годъ преміи. Исключеніемъ за весь періодъ были только года 1841—42, 1845—46 и 1852. Нехватавшее приходилось пополнять изъ той суммы въ 85 тыс. руб., которая была отпущена въ страховой капиталъ при его образованіи; но потомъ, когда этой суммы не хватило, дѣлались—въ подкрѣпленіе страхового капитала—и дальнѣйшія въ него отчисленія изъ капитала хлѣбнаго. Всего, насколько по дѣламъ судить можно, поступило, на этомъ основаніи, въ страховой капиталъ до 1859 г. еще не менѣе 75 тыс. рублей.

*) Данныхъ не имѣется.

Наибольшіе убытки по страховому дѣлу упадали, конечно, на года неблагопріятные въ пожарномъ отношеніи для всей Россіи. Въ подобные года—таковы, напр., были 1848, 1849, 1857 и 1858 г.г.,—независимо отъ возрастанія платежей изъ страхового капитала, произведены были еще значительныя отчисленія въ пособіе погорѣвшимъ, какъ изъ удѣльныхъ суммъ, такъ и отъ мірскихъ обществъ, или въ видѣ безвозвратныхъ пособій, или въ ссуду.

Но основною причиною убыточности страховой операціи являлся, конечно, излишне низкій размѣръ страховой преміи—всего въ полпроцента, при которомъ все дѣло, какъ видно, не окупало себя и по среднему расчету. Поэтому, съ распространеніемъ страхованія, годовые убытки отъ этого не только не уменьшались, а напротивъ увеличивались.

Второй выводъ, какой мы можемъ сдѣлать изъ приведенной выше таблицы, это-тотъ, что размѣры страхованія, остававшагося все время добровольнымъ, постепенно увеличивались. Значитъ, крестьянское населеніе мало по малу усвоивало пользу этой мѣры. Въ 1840 году число застрахованныхъ строеній не превышало $^1/_4$ всѣхъ крестьянскихъ домовъ *), а черезъ 18 лѣтъ — къ 1858 году — застраховано было уже $^9/_{10}$ всѣхъ строеній *), при чемъ общая сумма, принятая на страхъ, превышая 7 милл. руб., болѣе чѣмъ удвоилась за послѣднія 5 лѣтъ.

Затѣмъ, говоря о страховой операціи, надлежитъ добавить, что нельзя дѣлать никакого вывода о пригодности или непригодности этой мѣры только на основаніи однихъ финансовыхъ результатовъ по оборотамъ страхового капитала. Правда, на поддержку этого дѣла пришлось истратить часть хлѣбнаго крестьянскаго капитала, но зато съ введеніемъ страхованія значительно уменьшаются тѣ пособія, которыя всегда приходилось Удѣламъ оказывать погорѣльцамъ; главное же—положеніе крестьянина, имѣющаго свои постройки застрахованными, становится сравнительно обезпеченнѣе.

Поэтому удѣльное вѣдомство, несмотря на почти ежегодныя приплаты, продолжало упорно стремиться къ все большему распространенію сельскаго страхованія и въ пятидесятыхъ годахъ возникаетъ мысль сдѣлать это страхованіе обязательнымъ. Объ этомъ въ періодъ 1853—58 г.г. опрашивались и удѣльные крестьяне всѣхъ имѣній, которые, какъ видно изъ

*) Считая лишь районы, гдѣ страхованіе было примѣнено.

всеподданнѣйшихъ отчетовъ за этотъ періодъ, „убѣдясь опытомъ въ пользѣ этого учрежденія, повсемѣстно изъявляли добровольное согласіе на введеніе валового страхованія ихъ строеній“. Поэтому въ 1857 г. мѣра эта введена была въ вятскомъ, московскомъ, самарскомъ, саратовскомъ имѣніяхъ и въ двухъ приказахъ новгородскаго имѣнія, а въ прочихъ имѣніяхъ начата оцѣнка крестьянскихъ строеній, для примѣненія той же мѣры, и съ 1859 г. обязательное или валовое страхованіе крестьянскихъ построекъ вводится во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Одновременно съ превращеніемъ страхованія крестьянскихъ построекъ изъ добровольнаго въ обязательное возникъ вопросъ о необходимости нѣкотораго повышенія страховой преміи, и потому въ 1858 г. рѣшено было пересмотрѣть все положеніе о страхованіи крестьянскихъ строеній и ввести въ него нужныя измѣненія, согласовавъ это положеніе по возможности съ утвержденными о томъ же правилами по Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Выработанное послѣ пересмотра новое положеніе о повсемѣстномъ въ удѣльныхъ селеніяхъ страхованіи строеній удостоилось въ 15-й день Декабря 1858 г. Высочайшаго утвержденія.

На основаніи новыхъ правилъ обязательному застрахованію подлежали строенія всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, но при этомъ желающимъ не воспрещалось страховать сверхъ того свои дома и въ частныхъ страховыхъ обществахъ въ той части стоимости строенія, которая, по правиламъ страхованія, не принималась на страхъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Обязательному страхованію подлежали также постройки, сооруженныя на общественный счетъ или на средства крестьянскихъ капиталовъ: приказные дома, сельскія училища, больницы, ремесленныя заведенія, хлѣбные запасные магазины и т. д. Допускались сверхъ того къ страхованію церкви, мечети, амбары, мельницы, ткацкія фабрики, строенія лицъ, водворившихся въ удѣльныхъ селеніяхъ и постройки на оброчныхъ статьяхъ, находившихся въ содержаніи частныхъ лицъ. Бани, овины, кузницы и дѣйствующія силою огня фабрики и заводы, а также движимое имущество — къ застрахованію вовсе не принимались.

Страховая премія установлена была: для каменныхъ строеній въ размѣрѣ полупроцента, а для деревянныхъ—въ размѣрѣ одного процента страховой суммы. Наименьшая сумма застрахованія опредѣлена была для каменнаго дома въ 24 рубля, а для

деревяннаго—въ 15 рублей, наивысшая—по Удѣльнымъ Конторамъ: Алатырской, Казанской, Орловской, Саратовской, Самарской, Сызранской и Симбирской — для каменныхъ строеній 200 руб., для деревянныхъ — 125 руб., а по остальнымъ Конторамъ — 400 руб. для каменныхъ и 250 руб.—для деревянныхъ строеній.

При этомъ, однако, страховая сумма не должна была превышать $^2/_3$ дѣйствительной стоимости строеній. Только общественныя постройки, церкви и мечети принимались на страхъ безъ ограниченія суммы и по дѣйствительной ихъ стоимости. Страховыя преміи вносились за годъ впередъ, вмѣстѣ съ податями за вторую половину года.

Съ введеніемъ валового страхованія, въ 1859 г. застрахованныхъ крестьянскихъ и общественныхъ построекъ было всего до 244 тыс., оцѣненныхъ свыше $14^1/_2$ милліоновъ руб. и принятыхъ на страхъ въ суммѣ 9.708 тыс. руб., соотвѣтствующей двумъ третямъ дѣйствительной ихъ стоимости, а къ 1865 г.— когда страховое дѣло отошло отъ удѣльнаго вѣдомства—число построекъ достигло почти до 300 тыс., стоимостью въ 18.600 тыс. руб., застрахованныхъ въ $12^1/_2$ милл. руб. *). Болѣе подробный ходъ страхового дѣла и результаты его за время послѣ 1858 г. можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

ГОДА.	Число домовъ, подлежавшихъ обязательному страхованію.	Оцѣнка строеній въ тысячахъ руб. сер.		Плата за страхованіе въ рубляхъ серебромъ.	Вознагражденіе за убытки, выданное изъ страхового капитала.
		Дѣйствительная:	Въ размѣрѣ $^2/_3$ для принятія на страхъ:		
1859	243.977	14.563	9.708	71.636	85.747
1860	247.278	15.861	10.574	104.219	151.671
1861	265.297	16.101	10.734	104.423	92.748
1862	271.558	16.287	10.858	110.190	131.285
1863	290.425	18.402	12.269	119.884	166.586
1864	298.824	18.627	12.418	120.039	267.482

*) Цифры эти даютъ нѣкоторое понятіе и о приблизительной стоимости, въ среднемъ, отдѣльной крестьянской постройки. Въ 1859 г. оцѣнка опредѣляла эту среднюю стоимость въ 60 руб., а въ 1864 г.—въ 62 рубля.

Такимъ образомъ, хотя новое положеніе и повысило страховую премію, правда всего до 1% стоимости постройки, но тѣмъ не менѣе и засимъ собираемыхъ премій каждый годъ не хватало на уплату подлежавшаго выдачѣ страхового вознагражденія. Таблица показываетъ, что эти годовые убытки страхового капитала были довольно крупны.

Въ 1864 г., изобиловавшемъ пожарами, этотъ убытокъ дошелъ до 194 тыс. руб., и тогда потребовалось, для подкрѣпленія страхового капитала, перечислить въ него изъ хозяйственнаго капитала еще 175 тыс. р. сер.

Послѣ изданія Положенія 26 іюня 1863 г., которымъ былъ преобразованъ бытъ удѣльныхъ крестьянъ, и Положенія 1 января 1864 г. о Земскихъ Учрежденіяхъ, изданы были въ апрѣлѣ 1864 г. правила о всеобщемъ земскомъ страхованіи, распространявшіяся и на селенія бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Правила эти предстояло приводить въ исполненіе постепенно, по мѣрѣ открытія въ губерніяхъ новыхъ земскихъ учрежденій, при чемъ установленіе порядка передачи въ вѣдѣніе земствъ дѣла по веденію страхованія въ удѣльныхъ имѣніяхъ предоставлено было соглашенію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Для открытія новыхъ земскихъ учрежденій не установлено было, однако, одного общаго срока: они должны были открываться въ разныхъ губерніяхъ постепенно. Поэтому примѣненіе новыхъ правилъ о земскомъ страхованіи могло замедлиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на неопредѣленное время; между тѣмъ съ 26 іюня 1865 г. должна была прекратиться всякая административная связь Удѣловъ съ бывшими удѣльными крестьянами, а вмѣстѣ съ нею и возможность дальнѣйшаго завѣдыванія операціею страхованія въ удѣльныхъ селеніяхъ. Поэтому все страховое дѣло, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ начала второй половины 1865 г. перешло въ вѣдѣніе означеннаго Министерства, куда одновременно переданъ былъ и числившійся къ тому времени въ наличности страховой капиталъ, въ суммѣ 29.241 руб. 55 коп.

Кромѣ капиталовъ страхового и пенсіоннаго, къ той же категоріи капиталовъ, имѣвшихъ опредѣленное назначеніе, принадлежали, какъ сказано выше, еще *капиталы крестьянскихъ банковъ*—сельскихъ и промышленныхъ и *капиталы складочные*. Происхожденіе тѣхъ и другихъ и ихъ роль въ крестьянскомъ удѣль-

номъ хозяйствѣ подробно описаны въ предшествующей главѣ VII, а потому здѣсь къ сказанному можно добавить еще лишь нѣкоторыя подробности.

Капиталы сельскихъ банковъ хранились въ удѣльныхъ приказахъ вмѣстѣ съ прочими суммами, но всѣ операціи по этимъ капиталамъ записывались въ особую шнуровую книгу, а наличность ихъ ежемѣсячно свидѣтельствовалась приказнымъ головою и старшинами, и затѣмъ отчетъ о мѣсячномъ оборотѣ капитала представлялся удѣльной конторѣ, а отъ нея Департаменту Удѣловъ.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ постепенный ростъ числа сельскихъ банковъ и размѣра ихъ оборотовъ съ 1843 по 1864 годъ, т. е. за весь періодъ существованія этихъ банковъ:

ГОДА.	Число банковъ.	Суммы числившіяся:	
		въ займахъ.	въ вкладахъ.
1843	66	197.614	5.723
1844	68	215.000	12.357
1845	70	229.058	32.812
1846	70	246.974	37.979
1847	72	267.717	39.260
1848	81	319.556	51.501
1849	82	348.681	64.353
1850	82	401.092	84.795
1851	82	429.564	112.400
1852	88	481.660	136.199
1853	92	540.807	164.530
1854	95	595.573	187.658
1855	111	628.288	204.738
1856	111	639.802	213.996
1857	111	596.438	179.434
1858	111	604.000	180.600
1859	120	686.741	200.414
1860	120	657.014	175.298
1861	129	699.122	231.210
1862	129	749.834	262.518
1863	129	848.764	280.500

Что касается до капиталовъ, принадлежавшихъ банкамъ торгово-промышленнымъ, то о нихъ мы находимъ въ дѣлахъ слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ 1 января 1862 г.

Банки при Удѣльныхъ Конторахъ:	Въ приходѣ:		Въ расходѣ.	Въ наличіи къ 1862 г.
	Отчисленныхъ при учрежденіи.	Поступило въ уплату ссудъ и °/°/°.	Выдано въ ссуду.	
Вятской	15.000	2.377	16.926	451
Красносельской	5.000	438	4.850	588
Московской	15.000	2.369	17.095	274
Самарской.	6.000	394	5.376	1.018
Всего . .	41.000	5.578	44.247	2.331
	46.578		46.578	

Въ Положеніи 26 іюня 1863 г. объ устройствѣ сельскаго состоянія постановлено было находящіеся въ удѣльномъ вѣдомствѣ сельскіе банки оставить до преобразованія состава волостей и волостныхъ правленій на существующемъ основаніи, подъ высшимъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ, съ веденіемъ отчетности по банкамъ въ волостныхъ правленіяхъ. Поэтому Департаментъ Удѣловъ призналъ необходимымъ, въ соотвѣтствіе съ такими правилами, существовавшіе при удѣльныхъ конторахъ промышленные банки закрыть, а сдѣланныя изъ этихъ банковъ ссуды распредѣлить между сельскими банками тѣхъ волостей, коимъ въ порядкѣ управленія подвѣдомственны были лица, воспользовавшіяся ссудами.

На этомъ основаніи дѣйствія четырехъ существовавшихъ торговопромышленныхъ банковъ прекращены были въ теченіе 1863 г., а принадлежавшіе этимъ банкамъ капиталы—въ ссудахъ 49.685 руб., въ наличныхъ деньгахъ 260 руб., а всего 49.945 руб. распредѣлены, какъ выше указано, между сельскими банками соотвѣтствующихъ волостей.

Затѣмъ съ 1 Января 1864 г. приступлено было къ передачѣ сельскихъ банковъ изъ удѣльнаго завѣдыванія въ распоряженіе волостныхъ правленій. Къ этому времени во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ было 129 сельскихъ банковъ съ общимъ капиталомъ (считая и суммы, поступившія изъ упраздненныхъ торговопромышленныхъ банковъ)—въ 953.219 руб. Изъ этой суммы въ ссудахъ обращалось 848.764 руб. и въ наличныхъ деньгахъ

числилось 104.455 руб. Приблизительно 30% этого капитала (именно 280.500 руб.) состояло изъ вкладовъ, а остальные 70%— или 672.719 руб.—принадлежали банкамъ и слагались изъ суммъ, первоначально отпущенныхъ банкамъ при ихъ учрежденіи и заработанныхъ на эти суммы прибылей и процентовъ.

Капиталы *складочные*, о которыхъ также сказано выше въ главѣ VII, заведены были при удѣльныхъ приказахъ съ спеціальною цѣлью оказанія небольшихъ безвозвратныхъ пособій крестьянамъ въ случаяхъ, когда помощь безотлагательно требовалась для предупрежденія разстройства хозяйства, напримѣръ, при болѣзни единственнаго работника въ семьѣ, падежѣ скота и т. д. Существовали эти капиталы съ 1853 по 1864 г.г., и при передачѣ ихъ въ распоряженіе волостныхъ правленій, общая сумма ихъ составляла 146.987 руб. сер.

Изъ всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ по Министерству Удѣловъ мы можемъ видѣть также, какъ велика была къ началу каждаго даннаго года наличность *всѣхъ*, находившихся въ распоряженіи Департамента Удѣловъ, крестьянскихъ капиталовъ. Ограничиваясь, для краткости, указаніемъ размѣра этой общей суммы лишь за каждое пятилѣтіе, мы находимъ, что всѣхъ крестьянскихъ капиталовъ числилось:

къ	1835	году	„	1.727	тыс.	руб.	асс.	
„	1840	„	„	3.373	„	„	„	
„	1845	„	„	1.459	тыс.	руб.	сер.	
„	1850	„	„	1.591	„	„	„	
„	1855	„	„	2.028	„	„	„	
„	1860	„	„	1.693	„	„	„	
„	1865	„	„	1.515	„	„	„	*)

Съ устройствомъ быта удѣльныхъ крестьянъ по Положенію 26-го Іюня 1863 г., отошло отъ Департамента Удѣловъ и распоряженіе крестьянскими капиталами, которые, какъ сказано выше, переданы были частью въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а частью прямо вновь образованнымъ волостнымъ правленіямъ.

*) Свѣдѣнія объ общей суммѣ крестьянскихъ капиталовъ мы находимъ съ 1832 г., когда капиталовъ этихъ числилось 4.460 руб. асс., но, за выдѣленіемъ въ 1832 г. суммы въ 2.306 тыс. руб. на Земледѣльческое Училище и за другими расходами на 1 Января 1835 г., крестьянскихъ капиталовъ было въ наличности лишь 1.727 тыс. р. асс.

Всего на этихъ основаніяхъ поступило:

I. Въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:

1) хозяйственнаго капитала

въ наличности . . .	951.429	р.	22 к.
въ долгахъ за крестьянами .	443.557	„	$26\frac{1}{2}$ к.
	1.394.986	р.	$48\frac{1}{2}$ к.
2) капитала пенсіоннаго	91.089	„	$62\frac{1}{2}$ „
3) капитала страхового	29.241	„	55 „
Итого . . .	1.515.317	р.	66 к. *)

II. Въ волостныя правленія:

1) капиталовъ сельскихъ банковъ:

а) принадлежащихъ банкамъ . .	672.719	р.
б) „ вкладчикамъ	280.500	„
	953.219	р.
2) капиталовъ складочныхъ.	146.987	„
Итого .	1.100.206	р.

Всего, слѣдовательно, съ осуществленіемъ крестьянской реформы передано было удѣльнымъ вѣдомствомъ въ другія учрежденія разныхъ крестьянскихъ капиталовъ 2.615.523 руб. 66 коп. сер.

---

*) Въ томъ числѣ заключались также капиталы по государевымъ и дворцовымъ имѣніямъ, находившимся въ завѣдываніи Удѣловъ: хозяйственный 298.217 р. $62\frac{1}{2}$ к. и пенсіонный 3.846 руб. $83\frac{3}{4}$ коп.

Глава IX.

Попеченіе о народномъ здравіи въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Первоначальныя мѣры. Медицинскій персоналъ: оспопрививатели, врачи и ветеринары; фельдшера и ветеринарные ученики; повивальныя бабки.—Больницы временныя и постоянныя. Пріемные покои.—Расходы по врачебной части.

Первыя систематическія мѣры по организаціи въ удѣльныхъ имѣніяхъ врачебной части относятся къ концу двадцатыхъ годовъ. При учрежденіи Департамента Удѣловъ, въ правилахъ объ устройствѣ сельскаго управленія стоялъ, правда, особый § 204, предписывавшій открывать въ удѣльныхъ приказахъ „больницы или шпитали“, при каждомъ изъ которыхъ долженъ былъ состоять лекарь и подлекарь, но требованіе это, въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ существованія Удѣловъ, въ связи съ общимъ состояніемъ въ то время медицинской части въ Имперіи, не могло быть, конечно, выполненнымъ, и всѣ мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ этомъ отношеніи ограничивались долгое время тѣмъ, что, при появленіи какихъ-либо „повѣтрій“ или особыхъ болѣзней, сообщалось о томъ мѣстной администраціи, съ просьбою о посылкѣ врачей или фельдшеровъ [1]). Кромѣ того, по временамъ разсылались въ удѣльные приказы составлявшіяся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ наставленія и правила о предупрежденіи и леченіи повальныхъ болѣзней на скотѣ, съ предписаніемъ сельскимъ удѣльнымъ властямъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ [2]).

Съ конца двадцатыхъ годовъ положеніе дѣла, однако, постепенно измѣняется, и Департаментъ Удѣловъ, рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ, организуетъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ систему поданія медицинской помощи населенію, а также борьбы съ эпизоотіями.

Прежде всего было обращено вниманіе на необходимость распространенія оспопрививанія. Дѣло это находилось въ то время въ вѣдѣніи особыхъ губернскихъ оспенныхъ комитетовъ, отъ которыхъ посылались по деревнямъ, для прививки оспы, обученные этому оспопрививатели. Въ 1828 г. Департаментъ Удѣловъ, находя число такихъ казенныхъ оспопрививателей, по сравненію съ количествомъ населенія въ большинствѣ удѣльныхъ имѣній, крайне недостаточнымъ, рѣшилъ завести своихъ спеціалистовъ по прививкѣ оспы и въ маѣ 1828 г., циркулярнымъ распоряженіемъ, предложилъ всѣмъ управляющимъ удѣльными конторами выбрать по каждому удѣльному приказу съ тысячи душъ по одному человѣку изъ молодыхъ крестьянъ и отослать ихъ въ мѣстные губернскіе оспенные комитеты для обученія прививкѣ оспы съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи обученія, они возвращались обратно въ деревни и занимались оспопрививаніемъ въ удѣльныхъ селеніяхъ. Этимъ положено было начало особому учрежденію удѣльныхъ оспопрививателей, которые съ тѣхъ поръ и существовали въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ оспопрививатели выбирались обыкновенно крестьяне 17—20 лѣтъ, предпочтительно грамотные; во время обученія ихъ медиками при губернскихъ оспенныхъ комитетахъ они содержались на счетъ мірскихъ суммъ, а затѣмъ, по обученіи, снабжались отъ Департамента Удѣловъ необходимыми инструментами и получали, также изъ мірскихъ суммъ, жалованье отъ 15 до 30 р. въ годъ. Эти оспопрививатели дѣйствовали подъ наблюденіемъ удѣльныхъ приказовъ, причемъ первоначально не было установлено никакихъ общихъ правилъ, какъ вести это дѣло и въ каждой конторѣ существовали свои порядки, но затѣмъ были выработаны Департаментомъ Удѣловъ въ 1837 г. и общія правила. Согласно этимъ правиламъ, каждый приказъ дѣлился на участки по числу оспопрививателей, и въ каждомъ изъ такихъ участковъ производилась, два или три раза въ годъ, прививка оспы всѣмъ дѣтямъ, еще ея не имѣвшимъ. Для этого заблаговременно въ приказѣ составлялись списки всѣхъ, коимъ слѣдовало привить оспу, и крестьяне оповѣщались, въ какой именно день будетъ въ каждомъ селеніи производиться прививка. По прибытіи на мѣсто, оспопрививатель, въ особо отведенномъ для него помѣщеніи, производилъ прививку, отмѣчая по списку тѣхъ, которымъ оспа была привита, а затѣмъ обязанъ былъ провѣрить успѣхъ прививки и о сдѣланныхъ прививкахъ доносилъ приказу. Для контроля дѣйствій оспопрививателей, при-

казъ чрезъ кого-нибудь изъ „свѣдущихъ людей" повѣрялъ на мѣстѣ отмѣтки въ спискахъ. Когда же были заведены при удѣльныхъ конторахъ особые медики, то на обязанности ихъ лежало также, между прочимъ, слѣдить за успѣхомъ оспопрививанія и за степенью добросовѣстности выполненія оспопрививателями своего дѣла. Результатъ этихъ мѣръ выразился въ быстромъ увеличеніи числа прививокъ. Въ 1827 г. по отчету показано было 11 тыс. сдѣланныхъ прививокъ, въ 1828 г. — 25 тыс. и въ 1829 г.—67 тыс. Съ тѣхъ поръ количество ежегодныхъ прививокъ, производившихся удѣльными оспопрививателями, колебалось отъ 40 до 70 тыс.

Почти одновременно съ принятіемъ первыхъ мѣръ по организаціи оспопрививанія появляется въ удѣльномъ вѣдомствѣ и собственный медицинскій персоналъ: врачи и ветеринары—сперва только въ нѣкоторыхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, а съ теченіемъ времени и во всѣхъ.

Приглашеніе первыхъ врачей въ имѣнія московское и нижегородское въ 1830 г. совпало съ годомъ большой холерной эпидеміи и вызвано было, очевидно, заботами о борьбѣ съ появившеюся болѣзнью. Въ то же время разрѣшено было имѣть особаго медика при Саратовской Конторѣ, для завѣдыванія устраивавшеюся тамъ больницею для сифилитиковъ. Медики эти должны были объѣзжать подвѣдомственныя имъ имѣнія, лечить крестьянъ на мѣстахъ, содѣйствовать прекращенію повальныхъ болѣзней и надзирать за оспопрививателями. Вознагражденіе медика равнялось 2.600 р. асс. въ годъ. Число такихъ медиковъ постепенно увеличивалось: въ 1834 г. медики существовали при 4 конторахъ, въ 1835 г.—при 11, въ 1836 г.—при 13, въ 1837 г.—при 14 и въ 1838 г. — при 15 конторахъ. Особые удѣльные ветеринары заведены были впервые въ 1836 г. въ четырехъ удѣльныхъ имѣніяхъ симбирской губерніи, но къ 1839 г. общее число ихъ при конторахъ простиралось уже до 13. До 1839 г. разрѣшеніе имѣть медика или ветеринара давалось Департаментомъ Удѣловъ, каждый разъ по особымъ о томъ ходатайствамъ управляющихъ конторами; но по штатамъ удѣльнаго управленія, утвержденнымъ 15 мая 1839 г., уже при каждой удѣльной конторѣ полагался медикъ и ветеринарный врачъ. Жительство ихъ было назначено въ томъ городѣ, гдѣ находилась удѣльная контора, но періодически они должны были объѣзжать все имѣніе (ветеринаръ обязательно не менѣе четырехъ разъ въ годъ). Главною задачею

того и другого было принятіе необходимыхъ мѣръ къ прекращенію повальныхъ болѣзней, и потому, при первомъ извѣстіи о появленіи эпидеміи или эпизоотіи, медики или ветеринары, по принадлежности, должны были тотчасъ выѣзжать на мѣсто, вести тамъ леченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ руководить дѣйствіями низшаго медицинскаго персонала. Затѣмъ на медикахъ лежало завѣдываніе удѣльными больницами, которыя вскорѣ были учреждены при нѣкоторыхъ конторахъ, а во время объѣздовъ они контролировали дѣйствія удѣльныхъ фельдшеровъ и леченіе ими крестьянъ по домамъ, причемъ тамъ, гдѣ по роду болѣзни домашнее леченіе было неудобнымъ, а удѣльной больницы вблизи не было, медики должны были дѣлать распоряженія о помѣщеніи больныхъ, на удѣльный счетъ, въ ближайшую больницу гражданскаго вѣдомства. Для контроля за дѣйствіями медиковъ и для того, чтобы центральное учрежденіе могло имѣть свѣдѣнія о состояніи народнаго здравія въ удѣльныхъ имѣніяхъ, управляющіе конторами должны были ежемѣсячно представлять въ Департаментъ Удѣловъ вѣдомости о числѣ больныхъ крестьянъ въ имѣніи. Въ вѣдомостяхъ этихъ показывалось, по каждому приказу отдѣльно, сколько въ теченіе мѣсяца заболѣло, выздоровѣло и умерло и сколько затѣмъ осталось больныхъ, причемъ относительно трудно больныхъ перечислялись и самыя болѣзни.

Съ 1838 г. къ обязанностямъ удѣльныхъ врачей и ветеринаровъ прибавилась еще новая — подготовленіе для удѣльныхъ имѣній низшаго медицинскаго персонала. Этотъ низшій персоналъ состоялъ изъ медицинскихъ фельдшеровъ и особыхъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, офиціально именовавшихся ветеринарными учениками; позднѣе къ нимъ прибавились еще обученныя повивальному искусству крестьянки. Фельдшера размѣщены были по приказамъ и представляли собою самый важный отдѣлъ во всей организаціи медицинской части въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Состоявшіе при конторахъ врачи и ветеринары, при обширности и разбросанности удѣльныхъ земель, могли появляться въ селахъ и деревняхъ, конечно, лишь изрѣдка, или въ какихъ-нибудь особыхъ случаяхъ, вседневное же леченіе крестьянъ и ихъ скота лежало исключительно на фельдшерахъ и ветеринарныхъ ученикахъ.

Первый толчекъ къ образованію такого персонала дала, повидимому, также холера 1830 г., такъ какъ тотчасъ послѣ появленія ея начинаются заботы о томъ, чтобы имѣть въ удѣльныхъ селеніяхъ своихъ фельдшеровъ, а именно въ 1831 г. въ вятскомъ

имѣніи 19 человѣкъ изъ наиболѣе способныхъ оспопрививателей отданы были, для обученія фельдшерскому искусству, къ доктору казеннаго Воткинскаго завода Тучемскому, заявившему желаніе безвозмездно обучать ихъ. Въ 1834 г. 10 человѣкъ изъ нихъ, послѣ произведеннаго въ С.-Петербургѣ испытанія, признаны были достаточно подготовленными и размѣщены фельдшерами въ приказахъ вятскаго имѣнія. Такъ какъ этотъ опытъ оказался удачнымъ, то въ томъ же году открыто было 10 постоянныхъ удѣльныхъ вакансій въ фельдшерской школѣ при с.-петербургской Обуховской больницѣ, куда начали помѣщать для обученія выбранныхъ изъ разныхъ имѣній крестьянскихъ мальчиковъ отъ 12-ти до 14-ти лѣтняго возраста, съ платою за содержаніе ихъ по 400 р. ассигнаціями въ годъ. При многочисленности удѣльныхъ крестьянъ составить для нихъ, только такимъ путемъ, болѣе или менѣе достаточный кадръ фельдшеровъ было бы, однако, возможно только въ теченіе очень продолжительнаго періода времени, и къ тому же крестьяне неохотно отпускали своихъ дѣтей на выучку фельдшерской наукѣ въ далекій городъ, откуда они должны были возвращаться людьми почти чуждыми своей прежней средѣ. Въ виду этихъ соображеній Департаментъ Удѣловъ, убѣдившись въ пользѣ приносимой фельдшерами и желая возможно скорѣе увеличить число ихъ, остановился на мысли подготовлять такихъ фельдшеровъ также и на мѣстахъ и привлечь къ этому дѣлу удѣльныхъ медиковъ (которые тогда существовали уже при 15 конторахъ), поручивъ каждому изъ нихъ обучать по нѣскольку, выбранныхъ изъ крестьянскихъ семей, мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы обученные уже размѣщались по приказамъ.

Предположеніе это было въ 1837 г. сообщено на обсужденіе управляющимъ тѣми конторами, при которыхъ уже имѣлись медики, и всѣ почти управляющіе отвѣтили на этотъ запросъ въ томъ смыслѣ, что такая мѣра вполнѣ осуществима и желательна. Только одинъ управляющій находилъ, что медику при конторѣ не хватитъ времени на обученіе, и двое считали болѣе удобнымъ помѣщать мальчиковъ, для обученія фельдшерскому искусству, въ казенные госпитали. Нѣкоторые изъ управляющихъ желали даже, чтобы на обученіи у конторскаго медика было постоянно по 1—2 мальчика изъ каждаго удѣльнаго приказа, т. е. проектировали учрежденіе при конторахъ какъ бы небольшихъ фельдшерскихъ школъ, съ госпиталями для практики обучавшихся.

Обсудивъ всѣ отвѣты управляющихъ, Департаментъ Удѣловъ рѣшилъ, однако, не начинать этого новаго дѣла сразу въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ и постановилъ, что въ каждомъ имѣніи должно быть выбрано и отдано для обученія медику при конторѣ по 3 крестьянскихъ мальчика, причемъ обученіе каждаго должно продолжаться отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, смотря по способностямъ и успѣхамъ. Выборъ такихъ учениковъ предоставлено было сдѣлать управляющимъ конторами, причемъ въ циркулярѣ отъ 31 августа 1838 г., которымъ вводилась эта новая мѣра, управляющимъ конторами предложено было обратить особое вниманіе на то, чтобы это „не произвело между крестьянами, по недоразумѣнію, какихъ-либо неудовольствій“, почему указывалось внушать крестьянамъ, „что мальчики останутся навсегда въ имѣніи и въ своихъ семействахъ и что за отвлеченіе ихъ на время ученія отъ домашнихъ работъ, семейства ихъ получатъ достаточное вознагражденіе; по окончаніи же ученія имѣетъ быть назначено фельдшерамъ особое жалованье“. Первый наборъ такихъ учениковъ былъ произведенъ въ концѣ того же 1838 года и, хотя въ первоначальномъ постановленіи Департамента по этому предмету не указано было, что такое обученіе крестьянскихъ мальчиковъ медиками вводилось какъ мѣра постоянная, но на дѣлѣ оно такъ и вышло: по мѣрѣ того, какъ одни ученики оканчивали свое обученіе, на мѣсто ихъ выбирались и посылались къ медику новые. Мальчики выбирались 16—18 лѣтъ, грамотные; курсъ ученія ихъ продолжался отъ 2 до 4 лѣтъ. Они наставлялись въ собираніи и употребленіи лекарственныхъ растеній, составленіи лекарствъ, леченіи внѣшнихъ поврежденій, распознаваніи и леченіи простыми средствами чаще встрѣчающихся болѣзней, подачѣ помощи при несчастныхъ случаяхъ и, кромѣ того, помогали доктору или фельдшеру [3]). По окончаніи ученія они подвергались испытанію въ мѣстной врачебной управѣ и, получивъ свидѣтельство на званіе фельдшера, размѣщались по удѣльнымъ селеніямъ, причемъ, большею частью, возвращались въ свои семьи. На содержаніе каждаго мальчика, включая и одежду, во время ученія его отпускалось отъ 30 до 45 р. сер. въ годъ и, кромѣ того, выдавалось въ пособіе семейству, за отвлеченіе работника, отъ 15 до 30 р. въ годъ. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ жизнь становилась дороже, размѣръ суммъ этихъ, по отдѣльнымъ разрѣшеніямъ Департамента, увеличивался, и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ расходовалось уже на содержаніе мальчика во время

его обученія отъ 41 до 72 р. въ годъ, а въ пособіе семействамъ давалось отъ 15 до 70 р. въ годъ. Общее число такихъ обучавшихся фельдшерскому искусству учениковъ было постоянно около 60, а съ конца пятидесятыхъ годовъ—даже свыше 100.

Удѣльные фельдшера, по назначеніи на мѣста, снабжались, за счетъ Удѣловъ, нѣкоторыми необходимыми инструментами, книгами и пособіями. Они были подчинены приказамъ и обязаны были лечить крестьянъ безплатно, доносить врачу о появленіи повальныхъ или какихъ-либо особенныхъ болѣзней и принимать первыя мѣры по прекращенію эпидемій. Они получали опредѣленное жалованье, были лично освобождены отъ рекрутской повинности и исключались изъ числа работниковъ при учетѣ очередей. Особой формы фельдшера не имѣли и жили большею частью въ своихъ семьяхъ.

При послѣдовательномъ проведеніи указанныхъ мѣръ, число фельдшеровъ постепенно увеличивалось: въ 1837 г. во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ числилось 25 фельдшеровъ, въ 1842 г. ихъ было 50, въ 1850 г. — 101 и въ 1857 г. — 143. Въ 1857 г. Департаментъ Удѣловъ призналъ необходимымъ имѣть по фельдшеру при каждомъ приказѣ, и для скорѣйшаго достиженія этой цѣли увеличено было число мальчиковъ, отдававшихся въ обученіе къ медикамъ. Послѣдствіемъ этой мѣры было то, что въ 1861 г. изъ числа 18 удѣльныхъ конторъ—въ шести конторахъ число фельдшеровъ превышало даже число приказовъ, въ пяти конторахъ оно было равно или почти равно и только въ семи конторахъ фельдшеровъ было значительно меньше чѣмъ приказовъ. Кромѣ того, съ тою же цѣлью увеличенія числа фельдшеровъ, съ 1858 г. начали, независимо отъ подготовлявшихся къ этому званію у удѣльныхъ медиковъ, помѣщать крестьянскихъ мальчиковъ, для обученія, въ нѣкоторыя городскія больницы и клиники при университетахъ. Содержаніе такихъ учениковъ стоило въ среднемъ до 300 р. въ 3 года на каждаго и, сверхъ того, выдавалось семейству, изъ котораго былъ взятъ мальчикъ, ежегодное пособіе въ 60 р.

Параллельно съ подготовкою фельдшеровъ, шло подготовленіе и персонала сельскихъ ветеринаровъ. Начало этому было положено постановленіемъ Департамента Удѣловъ отъ 31 Іюня 1838 г., которымъ предписывалось—управляющимъ 4 Конторъ (Алатырской, Симбирской, Сызранской и Самарской), гдѣ въ то время имѣлись уже ветеринарные врачи, возложить на этихъ

врачей подготовленіе ветеринарныхъ фельдшеровъ въ удѣльныя селенія, для чего каждый такой врачъ обязанъ былъ имѣть при себѣ постоянно не менѣе трехъ крестьянскихъ мальчиковъ и обучать ихъ ветеринарному искусству; при этомъ относительно выбора учениковъ, ихъ содержанія и платы семьямъ, установлены были также правила, какъ и для фельдшерскихъ учениковъ. Срокъ обученія былъ трехлѣтній; окончившіе ученіе подвергались испытанію во врачебной управѣ по особой программѣ, согласно которой экзаменовавшійся, кромѣ главнаго предмета, т. е. распознаванія и леченія болѣзней домашняго скота, долженъ былъ доказать также знакомство свое съ разными практическими свѣдѣніями, полезными въ крестьянскомъ быту: о распознаваніи лѣтъ лошадей и рогатаго скота, о хитростяхъ барышниковъ, о подковкѣ лошадей, объ общихъ правилахъ содержанія домашнихъ животныхъ и т. п. Выдержавшіе испытаніе получали званіе „ветеринарнаго ученика" и размѣщались по селеніямъ; они снабжались отъ Удѣловъ необходимыми инструментами и обязаны были безплатно лечить крестьянскій скотъ, а въ случаяхъ появленія какой-нибудь эпизоотіи тотчасъ доносить о томъ приказу и состоящему при конторѣ ветеринару, принимая въ то же время первыя необходимыя мѣры. Эти ветеринарные ученики пользовались тѣми же правами, какъ и фельдшера: получали извѣстное жалованье, были освобождены отъ рекрутской повинности и исключались изъ числа работниковъ при учетѣ очередей. Такая подготовка ветеринарныхъ учениковъ, введенная вначалѣ только при 4 конторахъ, съ изданіемъ въ 1839 г. новыхъ штатовъ удѣльнаго вѣдомства, которыми полагался ветеринарный врачъ при каждой конторѣ, стала съ этого времени общею для всѣхъ удѣльныхъ имѣній. Число такихъ ветеринарныхъ учениковъ къ 1850 г. достигло 80, а къ 1862 г. увеличилось до 140. Съ 1857 г., для увеличенія въ деревняхъ числа лицъ знакомыхъ съ леченіемъ скота, начали, кромѣ того, помѣщать крестьянскихъ мальчиковъ, для образованія изъ нихъ коноваловъ, на частные конные заводы, съ платою до 120 р. за обученіе каждаго мальчика.

При назначеніи на должность фельдшера или ветеринарнаго ученика, размѣръ содержанія ему, по представленію управляющаго конторою, опредѣлялся Департаментомъ Удѣловъ. Вначалѣ такое жалованье назначалось, сообразно мѣстнымъ условіямъ, обыкновенно въ размѣрѣ отъ 40 до 50 р. сер. въ годъ, а потомъ за выслугу нѣсколькихъ лѣтъ дѣлалась прибавка. Постепенно, съ

общимъ вздорожаніемъ жизни, размѣръ и этихъ окладовъ, назначаемыхъ фельдшерамъ и ветеринарнымъ ученикамъ, увеличивался, такъ что къ концу пятидесятыхъ годовъ во многихъ конторахъ они получали уже отъ 60 до 80 р., а въ имѣніяхъ костромскомъ и красносельскомъ—даже свыше 100 р. въ годъ. Въ 1860 г. на удѣльныхъ фельдшеровъ распространены были, по Высочайшему повелѣнію, льготы, ранѣе дарованныя сельскимъ мѣрщикамъ (увеличенное содержаніе, прибавка 20 р. черезъ 5 лѣтъ, наименованіе прослужившихъ болѣе 10 лѣтъ старшими, съ новою прибавкою жалованья, и право выхода послѣ 10 лѣтъ въ отставку, тогда какъ ранѣе служба была безсрочная). При пересмотрѣ по этому поводу окладовъ фельдшеровъ и ветеринарныхъ учениковъ, опредѣленіями Департамента 9 іюня 1861 г. и 3 марта 1862 г., оклады эти были повышены. Съ этого времени фельдшера стали получать отъ 120 до 175 р. въ годъ, а старшіе—по 225 р. Ветеринарнымъ ученикамъ, получавшимъ 40—80 р., содержаніе было также повышено въ размѣрѣ отъ 66 до 144 р.

Первое упоминаніе о повивальныхъ бабкахъ встрѣчается въ годовомъ отчетѣ за 1840 г., гдѣ сказано, что въ вятское имѣніе приняты были двѣ, окончившія курсъ въ родовспомогательномъ заведеніи, бабки, которыя должны обучать повивальному искусству крестьянокъ, для этого выбранныхъ. Въ 1845 г. такія бабки были въ 3 имѣніяхъ (вятскомъ, московскомъ и оренбургскомъ), къ 1846 г.—въ 5, къ 1850 г.—въ 6, къ 1851 г.—въ 8 имѣніяхъ и, наконецъ, съ 1853 г. постановлено было имѣть при каждой конторѣ по одной бабкѣ, которая должна была постоянно обучать не менѣе 3 ученицъ. Съ этого времени число бабокъ до 1859 г. оставалось приблизительно тоже (17—20), но потомъ оно стало уменьшаться, вѣроятно потому, что съ 1858 г. крестьянокъ для обученія повивальному искусству начали помѣщать и въ родовспомогательныя заведенія. Приглашенныя для обученія крестьянокъ бабки жили сперва въ городахъ, гдѣ находились удѣльныя конторы, но съ 1858 г. онѣ были разселены по деревнямъ и получали жалованья отъ 175 до 225 р. въ годъ. Обученныя бабками крестьянки подвергались во врачебныхъ управахъ испытанію въ томъ, что практически изучили свое искусство, послѣ чего допускались къ практикѣ въ деревняхъ. Первыя пять лѣтъ по окончаніи ученія онѣ получали въ годъ по 48 руб. жалованья изъ мірскихъ суммъ, а потомъ должны были жить уже доходами отъ практики.

Въ 1850 г. были выпущены первыя 11 такихъ обученныхъ

повивальному искусству крестьянокъ, затѣмъ число ихъ постепенно возрастало: въ 1855 г. ихъ было 27, въ 1860 г.—117, а въ 1863 г. (при передачѣ медицинской части въ вѣдѣніе общихъ учрежденій)—158. Въ то же время постоянно находилось въ ученьѣ у бабокъ отъ 40 до 50 ученицъ и въ послѣдніе годы, кромѣ того, обучалось въ спеціальныхъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ отъ 30 до 50 крестьянокъ.

Создавая описаннымъ путемъ свой собственный медицинскій персоналъ для удѣльныхъ имѣній, Департаментъ Удѣловъ не оставлялъ безъ вниманія и матеріальной стороны этого дѣла. Приблизительно около того же времени, когда появились въ Удѣлахъ свои медики, т. е. съ начала тридцатыхъ годовъ, начинаютъ возникать удѣльныя аптеки и больницы.

Удѣльныя аптеки существовали при конторахъ и первоначально, какъ и врачи, были не вездѣ, а устраивались по особымъ представленіямъ управляющихъ; но въ 1843 г. положено было имѣть аптеку при каждой конторѣ, причемъ тамъ, гдѣ была больница, аптека присоединялась къ ней. Завѣдывалъ такою аптекою, подъ надзоромъ врача, одинъ изъ фельдшеровъ, спеціально для того назначенный, который былъ обязанъ отпускать безплатно, по предписаніямъ врача, лекарства удѣльнымъ крестьянамъ. Всѣ лекарственныя снадобья для такихъ аптекъ, кромѣ тѣхъ, которыя удобнѣе было пріобрѣтать на мѣстѣ, заготовлялись въ С.-Петербургѣ. Для полученія ихъ, въ концѣ каждаго года удѣльныя конторы доносили Департаменту, какія лекарства требуются вновь на будущій годъ для аптеки и въ какомъ количествѣ. Списокъ потребныхъ лекарствъ передавался на заключеніе медику Департамента Удѣловъ, послѣ чего дѣлалось постановленіе о закупкѣ и разсылкѣ признаваемаго необходимымъ. Кромѣ того, для закупки на мѣстѣ разныхъ аптечныхъ припасовъ, какъ напр.: спирта, меда, уксуса, мыла, бумаги, стклянокъ и проч., ассигновалось на каждую аптеку по 85 р. въ годъ. При нѣкоторыхъ конторахъ существовали также особыя ветеринарныя аптеки, которымъ ассигновалось по 75 р. въ годъ на закупку необходимыхъ припасовъ.

Удѣльныя больницы были не во всѣхъ имѣніяхъ и учреждались постепенно, преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было общихъ больницъ, или хотя и были, но въ недостаточномъ количествѣ, такъ что помѣщеніе туда удѣльныхъ крестьянъ было бы сопряжено съ затрудненіями.

Первыми учрежденіями этого рода было нѣсколько временныхъ больницъ, устроенныхъ для сифилитиковъ. Осмотръ въ 1829 г. саратовскаго удѣльнаго имѣнія указалъ на крайне сильное распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ удѣльными крестьянами, „любострастной болѣзни“ (сифилиса). Такъ какъ въ Удѣлахъ въ то время своихъ медиковъ еще не было, то провѣрка этого факта, по сношенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, поручена была мѣстнымъ казеннымъ врачамъ, разслѣдованіемъ которыхъ фактъ сильнаго распространенія болѣзни подтвердился. Для борьбы съ этимъ зломъ предполагали сначала ограничиться командированіемъ въ означенныя мѣстности казенныхъ врачей; затѣмъ проектировалось открытіе для сифилитиковъ, за особую плату, спеціальныхъ отдѣленій въ больницахъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія; но, наконецъ, остановились на мысли устроить свою удѣльную больницу и нанять для нея особаго врача. Первоначально предполагалось устроить сразу двѣ такихъ больницы: одну, большую, въ Саратовѣ, на 120 кроватей, и другую поменьше—въ г. Балашевѣ, на 20 кроватей; но въ виду того, что сифилисъ былъ сильнѣе всего распространенъ въ уѣздахъ балашевскомъ и вольскомъ, откуда было бы слишкомъ далеко направлять больныхъ въ Саратовъ и, кромѣ того, вслѣдствіе трудности пріискать въ Саратовѣ подходящее помѣщеніе, рѣшено было ограничиться устройствомъ больницы на 80 кроватей въ Балашевѣ и для этой больницы былъ нанятъ особый медикъ. Это и была первая удѣльная больница съ первымъ мѣстнымъ удѣльнымъ врачемъ, который затѣмъ, и по закрытіи больницы, остался служить при удѣльной конторѣ— „для прекращенія повальныхъ болѣзней, объѣздовъ имѣнія, леченія больныхъ на мѣстѣ, надзора за оспопририваніемъ и для леченія чиновъ конторы,“ какъ сказано въ опредѣленіи Департамента по сему предмету. Самая больница существовала въ Балашевѣ съ 1830 по 1832 г. и была закрыта, за уменьшеніемъ въ той мѣстности сифилиса. Лечилось въ ней, согласно отчету, 633 человѣка. По тѣмъ же причинамъ были открываемы впослѣдствіи временныя больницы для сифилитиковъ: а) съ 1830 по 1834 г.—въ с. Сыресяхъ (ардатовскаго уѣзда, симбирской губерніи) на 20 кроватей (въ ней лечилось около 200 человѣкъ), б) съ 1836 по 1837 г.—въ слободѣ Кукаркѣ вятскаго имѣнія и в) въ 1844 г.—въ костромской губерніи, въ с. Ковернинѣ, гдѣ больница существовала лишь одинъ годъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ объ открытіи больницъ для сифилитиковъ видно, что при открытіи ихъ предполагалось подвергать обязательному леченію въ больницѣ всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ данной мѣстности, зараженныхъ этою болѣзнью. Такъ, управляющій Саратовскою Удѣльною Конторою 20 октября 1830 г. доносилъ, что имъ строго подтверждено удѣльнымъ приказамъ „высылать по именному списку всѣхъ зараженныхъ любострастною болѣзнью, для излеченія въ больницу, начавъ это, для удобнѣйшаго веденія и соблюденія порядка, преимущественно изъ отдаленныхъ разныхъ селеній; при этомъ наблюдать, чтобы въ случаѣ одержанія болѣзнью цѣлаго семейства не высылались всѣ вдругъ, а оставлялось бы по одному работнику или работницѣ, для присмотра за домомъ и хозяйствомъ, а когда взятые въ больницу выздоровятъ совершенно, то, обращая ихъ назадъ, вытребовать для леченія и оставшихся дома“. Такою постановкою дѣла объясняется и краткость существованія этихъ больницъ. Подвергнувъ леченію всѣхъ записанныхъ въ спискѣ сифилитиковъ, больница считала, очевидно, главную свою задачу выполненною. А такъ какъ, затѣмъ, добровольно желавшихъ лечиться въ больницѣ было обыкновенно немного (хотя въ нѣкоторыя изъ больницъ принимались на излеченіе и не одни только сифилитики) по той причинѣ, какъ объясняли нѣкоторые управляющіе конторами, что крестьяне „по невѣжеству имѣли сильное отъ сихъ заведеній отвращеніе“—то больница признавалась болѣе ненужною и закрывалась.

Что касается до постоянныхъ удѣльныхъ больницъ, то онѣ, кромѣ с.-петербургской, открытой въ холерный 1830 г., появились позднѣе, лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Открытая въ холерный, 1830 годъ, въ Петербургѣ удѣльная больница имѣла первоначально тоже временный характеръ и устроена была въ наемномъ помѣщеніи, всего на 10 кроватей, но потомъ оказалось, что при большомъ числѣ проживающихъ въ столицѣ, или временно приходящихъ туда на заработки удѣльныхъ крестьянъ, особая для нихъ больница всегда будетъ очень полезна и въ 1843 г. для нея пріобрѣтенъ былъ за 11.000 р. с. особый домъ въ Коломнѣ, на Торговой улицѣ. Больница эта постепенно расширялась путемъ новыхъ пристроекъ къ существовавшему зданію и доведена была до 50 кроватей. Всего израсходовано было на устройство ея до 58.000 р. с., а на содержаніе отпускалось ежегодно около 7.000 р. Въ 1842 г. для этой

больницы составлено было особое положенiе, и завѣдывавшiй ею медикъ подчиненъ былъ непосредственно медику Департамента Удѣловъ. Въ больницу эту принимались только удѣльные крестьяне, почему они, по ходатайству Департамента Удѣловъ, освобождены были отъ платежа 60-тикопѣечнаго больничнаго сбора, взимавшагося со всѣхъ, прибывавшихъ въ столицу для жительства, лицъ податного сословiя. Больныхъ лечилось въ больницѣ иногда довольно много: такъ въ 1838 г. ихъ было за годъ 336 человѣкъ, а въ 1840 г.—563 человѣка. Особенно великъ былъ наплывъ больныхъ въ 1845 г., когда пришлось временно открыть даже филiальное отдѣленiе больницы.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, съ увеличенiемъ числа городскихъ больницъ въ С.-Петербургѣ, помѣщать туда заболѣвавшихъ удѣльныхъ крестьянъ стало всегда возможно безъ особыхъ затрудненiй, и такъ какъ это обходилось дешевле, чѣмъ имѣть свою больницу, то въ 1860 г. с.-петербургская удѣльная больница была закрыта, а домъ, занимавшiйся ею, проданъ. По закрытiи больницы, удѣльные крестьяне, прибывавшiе въ С.-Петербургъ, вновь стали платить общiй 60-тикопѣечный больничный сборъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по открытiи въ Петербургѣ первой удѣльной больницы возникла мысль устроить такiя же больницы и въ другихъ мѣстахъ. Департаментъ Удѣловъ находилъ, что такимъ путемъ можно бы было значительно уменьшить невыгодныя послѣдствiя, проистекавшiя изъ того, что всѣ удѣльные крестьяне, какою бы они болѣзнью ни захварывали, лечились дома, такъ какъ въ то время не существовало правила отправлять больныхъ крестьянъ въ казенныя больницы на удѣльный счетъ. При такомъ положенiи заразныя болѣзни распространялись по цѣлымъ селенiямъ, и борьба съ ними была невозможна. Поэтому Департаментъ Удѣловъ въ 1839 г. рѣшилъ учреждать постепенно въ удѣльныхъ имѣнiяхъ свои больницы, а пока это не осуществится, „крестьянъ, одержимыхъ болѣзнями, требующими правильнаго леченiя, помѣщать, по засвидѣтельствованiю удѣльныхъ медиковъ, въ ближайшiя больницы гражданскаго вѣдомства, съ уплатою денегъ не на счетъ самихъ больныхъ, а изъ общаго крестьянскаго капитала“.

Выполненiе этого плана началось открытiемъ въ 1840 г. больницы на 20 кроватей въ г. Симбирскѣ, и хотя предположенiе имѣть больницу въ районѣ каждой удѣльной конторы вполнѣ не

осуществилось, но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ онѣ были устроены. Больницы эти, въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ онѣ открывались, были слѣдующія:

Годъ открытія.	Мѣстонахожденіе больницы.	Число кроватей.	РАСХОДЪ. Единовременный на постройку и обзаведеніе.	Ежегодный на содержаніе.
			Рубли.	Рубли.
1840	Г. Симбирскъ.	20	7067	1437
1841	Слобода Кукарка, въ вятскомъ имѣніи.	24	8404	995
1843	Г. Самара	24	14977	1611
1844	Г. Алатырь.	24	9905	1556
1846	Г. Сызрань.	20	18374	1634
1852	Г. Нижній-Новгородъ . . .	30	13722	1704
1860	Село Балаково, самарской губ.	10	836	1277
1861	Г. Сарапулъ	24	1500*)	1500

Леченіе въ удѣльныхъ больницахъ производилось безплатно, принимались же туда только удѣльные крестьяне, какъ мѣстные той губерніи, гдѣ больница была открыта, такъ и временно пріѣзжавшіе изъ другихъ имѣній, а также проживавшіе въ удѣльныхъ селеніяхъ отставные нижніе чины. Въ больницы алатырскую и сызранскую разрѣшено было, кромѣ того, принимать дѣтей священниковъ и церковно-служителей, обучавшихся въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ. Въ каждой больницѣ существовали отдѣленія мужское и женское и особая аптека. Завѣдывали больницами состоявшіе при конторахъ медики, подчиненные управляющимъ конторами; только по Самарской Конторѣ, въ районѣ которой съ 1860 г. было двѣ больницы—въ Самарѣ и въ с. Балаковѣ, нанятъ былъ для завѣдыванія послѣднею особый врачъ.

*) Для послѣднихъ двухъ больницъ не пришлось строить новыхъ зданій,—онѣ помѣщены были въ существовавшихъ уже ранѣе удѣльныхъ строеніяхъ.

Сверхъ перечисленныхъ больницъ, устроенныхъ на удѣльныя средства, Департаменту Удѣловъ пришлось принять въ свое завѣдываніе нѣсколько такихъ же заведеній, которыя существовали уже ранѣе въ разныхъ имѣніяхъ не удѣльныхъ, переданныхъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ въ управленіе Департамента Удѣловъ. На этомъ основаніи были приняты: въ 1847 г. (при поступленіи въ удѣльное управленіе имѣній Ея Величества)—больница на 16 кроватей, существовавшая въ с. Осьминѣ Гдовскаго уѣзда; въ 1851 г. (при передачѣ въ удѣльное управленіе округовъ бывшихъ пахотныхъ солдатъ новгородской губерніи)—больница на 20 кроватей въ с. Котовицахъ новгородской губерніи и лазаретъ въ с. Грузинѣ и въ 1858 г. (при поступленіи въ удѣльное завѣдываніе Государевыхъ вотчинъ московскихъ и владимірскихъ)—больница на 18 кроватей въ с. Царицынѣ.

Завѣдуя этими не удѣльными имѣніями, Департаментъ Удѣловъ дѣлалъ и въ нихъ нѣкоторыя распоряженія по больничной части. Такъ, въ 1853 г., по Ропшинскому имѣнію Ея Величества открыта была въ Ропшѣ больница на 25 кроватей, для леченія рабочихъ существовавшей тамъ бумажной фабрики. Больницы въ Царицынѣ и Котовицахъ, въ виду поступленія въ нихъ слишкомъ незначительнаго числа больныхъ, были закрыты, и вмѣсто послѣдней устроена была для селеній бывшихъ пахотныхъ солдатъ больница на 25 кроватей въ г. Старой Руссѣ, а въ 1862 г., по закрытіи въ Ропшинскомъ Ея Величества имѣніи бумажной фабрики, была закрыта и больница, устроенная Департаментомъ Удѣловъ для рабочихъ этой фабрики.

Такимъ образомъ, къ 1863 г. по вѣдомству Департамента Удѣловъ было всего 11 больницъ: изъ нихъ восемь больницъ съ 176 кроватями—въ имѣніяхъ удѣльныхъ, а остальныя—въ имѣніяхъ не удѣльныхъ, но состоявшихъ въ завѣдываніи Департамента Удѣловъ.

Предъ введеніемъ въ дѣйствіе Положенія о земельномъ устройствѣ крестьянъ въ имѣніяхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, Высочайшимъ Указомъ 3 марта 1861 г. отмѣнена была въ Удѣлахъ общественная запашка, изъ доходовъ которой составлялся хлѣбный крестьянскій капиталъ, на счетъ коего содержались, между прочимъ, удѣльныя больницы, а капиталъ, уже ранѣе составленный, получилъ новое назначеніе. Поэтому въ 1862 г. было рѣшено всѣ существовавшія на счетъ этого капи-

тала удѣльныя больницы закрыть, а крестьянъ, пока они находились въ завѣдываніи удѣльнаго вѣдомства, помѣщать въ случаяхъ заболѣваній въ казенныя больницы, производя плату за леченіе ихъ изъ особаго сбора на врачебную часть, который для этой цѣли и былъ введенъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Согласно такому постановленію, съ 1 января 1863 г. закрыты были больницы: въ Алатырѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Самарѣ, Симбирскѣ и Сызрани, съ 1 іюля 1863 г.—въ Сарапулѣ и съ 1 января 1864 г.—въ с. Балаковѣ; что же касается до больницы въ слободѣ Кукаркѣ, то мѣстное крестьянское общество приняло содержаніе ея на свой счетъ. Въ распоряженіи удѣльнаго вѣдомства остались, такимъ образомъ, къ 1864 г. только содержавшіяся на особыя средства больницы: въ Осьминѣ, Грузинѣ и Старой Руссѣ, переданныя затѣмъ: первая земству, а двѣ послѣднія, въ 1865 г., вмѣстѣ съ округами бывшихъ пахотныхъ солдатъ—въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ. При закрытіи удѣльныхъ больницъ, часть зданій, въ которыхъ онѣ помѣщались, была безвозмездно уступлена подъ разныя общеполезныя учрежденія. Такъ, зданіе алатырской больницы было подарено городскому обществу, которое перевело туда, помѣщавшуюся ранѣе въ наемномъ домѣ, городскую больницу; зданіе симбирской больницы было предоставлено подъ помѣщеніе въ немъ женскаго приходскаго училища; зданіе сызранской больницы было уступлено безвозмездно крестьянамъ сызранскаго уѣзда, устроившимъ тамъ также больницу и, наконецъ, въ г. Самарѣ, гдѣ на мѣстѣ бывшей больницы рѣшено было построить домъ для удѣльной конторы, уступленъ былъ безвозмездно городу, для устройства церкви и богоугодныхъ заведеній, тотъ участокъ, гдѣ ранѣе находилось конторское зданіе, незадолго предъ тѣмъ сгорѣвшее.

Кромѣ перечисленныхъ больницъ, удѣльному вѣдомству принадлежалъ еще, существующій и до настоящаго времени, госпиталь въ Красномъ Селѣ, находившійся на особомъ положеніи. Госпиталь этотъ, на 30 кроватей, былъ устроенъ для леченія красносельскихъ крестьянъ еще въ то время, когда это имѣніе принадлежало въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и тогда суммы на содержаніе его отпускались изъ Павловскаго Городового Управленія. По присоединеніи въ 1820 г. красносельскаго имѣнія къ землямъ удѣльнымъ, Высочайше повелѣно было госпиталь сохранить на прежнемъ осно-

ваніи и съ того времени, въ отличіе отъ прочихъ удѣльныхъ больницъ, существовавшихъ на средства крестьянскаго хлѣбнаго капитала, госпиталь этотъ всегда содержался на счетъ удѣльныхъ доходовъ. Когда же въ 1863 г. красносельскіе крестьяне вышли изъ удѣльнаго завѣдыванія и возбужденъ былъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ госпиталя, то Императоръ Александръ II повелѣлъ сохранить его и содержать попрежнему на удѣльныя средства, что выполняется и до сихъ поръ. За время 75-ти-лѣтняго существованія своего Красносельскій госпиталь нѣсколько разъ перемѣщался. До 1827 г. подъ госпиталь нанимался частный домъ; потомъ было выстроено для него особое зданіе около нынѣшнихъ дворцовъ; въ 1849 г. зданіе это получило другое назначеніе, а госпиталь переведенъ въ новое помѣщеніе, также нарочно для него выстроенное, въ которомъ онъ находится и въ настоящее время. Госпиталь состоитъ изъ двухъ отдѣленій: мужского и женскаго, на 15 кроватей каждое, и въ него принимаются, безплатно, для леченія бывшіе удѣльные крестьяне, которые нынѣ составляютъ волости красносельскую и дудергофскую царскосельскаго уѣзда. При госпиталѣ состоитъ особый врачъ, 2 фельдшера, кастелянша и 7 человѣкъ прислуги. Содержаніе госпиталя, включая и жалованье служебнаго персонала, стоитъ удѣльному вѣдомству около 8.500 рублей въ годъ.

Чтобы оцѣнить значеніе Красносельскаго госпиталя для мѣстнаго населенія, нужно принять во вниманіе, что во всемъ царскосельскомъ уѣздѣ существуютъ только три земскія больницы: въ Царскомъ Селѣ и на ст. Сиверской—по 10 кроватей каждая и третья—въ с. Тоснѣ на 8 кроватей, и въ нихъ за послѣдніе годы бывало на излеченіи до 150 человѣкъ въ годъ, тогда какъ въ Красносельскій госпиталь поступало за то же время, въ среднемъ, по 328 человѣкъ въ годъ и, кромѣ того, принималось ежегодно до 5 тысячъ амбулаторныхъ больныхъ. Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, насколько, благодаря удѣльному госпиталю, красносельская и дудергофская волости обезпечены врачебною помощью лучше другихъ частей царскосельскаго уѣзда.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ, въ видахъ подачи скорѣйшей помощи заболѣвающимъ, стали открываться по удѣльнымъ имѣніямъ, кромѣ больницъ, еще пріемные покои. Они устраивались обыкновенно, по желанію крестьянъ, въ такихъ селеніяхъ, гдѣ были удѣльные фельдшера. Для пріемнаго покоя приспосо-

блялся простой крестьянскій домъ въ двѣ, иногда въ три, комнаты, изъ которыхъ въ одной ставилось 5—6 кроватей для больныхъ, а остальныя предназначались подъ аптеку, кухню и квартиру для фельдшера. Надзоръ за этими покоями возлагался на удѣльныхъ медиковъ при объѣздахъ ими имѣній. Первый опытъ устройства такихъ пріемныхъ покоевъ сдѣланъ былъ въ 1859 г. по самарскому имѣнію, гдѣ было открыто 4 покоя; затѣмъ устроено было въ разныхъ имѣніяхъ: въ 1860 г. — 5 покоевъ, въ 1861 г. — 6 и въ 1863 г. (предъ передачей удѣльныхъ крестьянъ въ завѣдываніе общихъ крестьянскихъ учрежденій)— 2 пріемныхъ покоя.

При введеніи въ дѣйствіе Положенія 26 іюня 1863 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, съ переходомъ удѣльныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій, больницъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ уже не существовало, но оставался еще издавна организованный и довольно многочисленный низшій медицинскій персоналъ, состоявшій изъ фельдшеровъ, ветеринарныхъ учениковъ и обученныхъ повивальному искусству крестьянокъ. Поэтому возникъ вопросъ, въ чье завѣдываніе долженъ быть переданъ этотъ персоналъ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Высочайше утвержденнымъ 8 апрѣля 1863 г. Положеніемъ Главнаго Комитета для устройства сельскаго состоянія въ томъ смыслѣ, что завѣдываніе и дальнѣйшее устройство медицинской и ветеринарной частей въ удѣльныхъ имѣніяхъ должно перейти къ вновь открывавшимся тогда земскимъ учрежденіямъ, а до открытія ихъ завѣдываніе это поручено было губернскимъ комитетамъ общественнаго здравія. Приведено было это распоряженіе въ исполненіе въ 1864 г. и въ это время по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ числилось 174 фельдшера, 142 практикующихъ ветеринарныхъ ученика, 145 крестьянскихъ мальчиковъ, обучавшихся фельдшерскому и ветеринарному искусствамъ, 158 крестьянокъ, уже обученныхъ повивальному искусству, 30 учившихся еще и 502 оспопрививателя [1]).

Расходы удѣльнаго вѣдомства на врачебную часть были довольно значительны и, конечно, по мѣрѣ увеличенія врачебнаго персонала и числа больницъ, все увеличивались. Расходы эти производились изъ разныхъ источниковъ. Суммы на постройку зданій для больницъ, на содержаніе ихъ, на медикаменты и на жалованье медикамъ и ветеринарамъ отпускались первона-

чально изъ штрафного капитала, а потомъ, за израсходованіемъ его, изъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала; годовой итогъ такихъ расходовъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ составлялъ около 20 тыс. рублей и, постепенно возвышаясь, достигъ въ послѣдніе годы предъ передачею медицинской части въ земство до 40 тыс. руб. сер. Расходы же на содержаніе и подготовленіе сельскаго медицинскаго персонала, т. е. на жалованье фельдшерамъ и ветеринарнымъ ученикамъ, плату за содержаніе крестьянскихъ мальчиковъ, обучавшихся фельдшерскому и ветеринарному искусствамъ, пособіе семьямъ этихъ мальчиковъ и т. п., покрывались особымъ уравнительнымъ подушнымъ сборомъ съ крестьянъ, собиравшимся спеціально для этой цѣли. Сборъ этотъ былъ въ разныхъ конторахъ неодинаковъ; въ зависимости отъ того, какая требовалась на это въ данномъ имѣніи сумма, крестьяне платили отъ $^1/_2$ коп. до 2 коп. съ души. Но съ 1862 г., когда было значительно увеличено жалованье фельдшерскимъ и ветеринарнымъ ученикамъ, установленъ былъ по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ единообразный сборъ на врачебную часть по 4 коп. съ души. Въ среднемъ расходовалось на это до шестидесятыхъ годовъ ежегодно около 30.000 р., а къ послѣднимъ годамъ предъ передачею медицинской части въ земства расходъ этотъ достигалъ до 45.000 р. въ годъ. Больницы въ Осьминѣ, Котовицахъ, Грузинѣ и Ропшѣ содержались на счетъ особыхъ капиталовъ этихъ имѣній.

Послѣ передачи въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій медицинской части, организованной Департаментомъ Удѣловъ для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, расходы эти, конечно, прекратились, но помогать своими средствами сельскому населенію, нуждающемуся въ медицинской помощи, удѣльное вѣдомство продолжало и потомъ, расходуя на этотъ предметъ до настоящаго времени довольно значительныя суммы.

Кромѣ Красносельскаго госпиталя, существуютъ и содержатся на удѣльный счетъ больницы: при тимашевскомъ удѣльномъ имѣніи самарской губ.—на 16 кроватей (съ особымъ заразнымъ отдѣленіемъ на 4 кровати) для рабочихъ и мѣстныхъ крестьянъ; въ имѣніи „Ливадія“—на 12 кроватей для служащихъ въ имѣніи; по Бѣловѣжскому управленію отпускается ежегодно до тысячи рублей въ пособіе земской больницѣ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ устроены небольшія больницы во всѣхъ винодѣльныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ въ Крыму и на Кавказѣ, куда помѣщаются въ случаѣ заболѣванія всѣ, работающіе на виноградни-

кахъ, постоянные и временные рабочіе. При всѣхъ этихъ больницахъ имѣются медики и фельдшера.

Сверхъ того, удѣльное вѣдомство оказываетъ и экстренныя пособія на этотъ предметъ, когда обстоятельства того требуютъ. Такъ, во время послѣдней холерной эпидеміи каждому изъ управляющихъ удѣльными имѣніями (которыхъ тогда числилось 132) разрѣшено было расходовать до 300 р. на покупку лекарствъ для раздачи мѣстному населенію, а въ 1893 г. ассигновано было до 30 тысячъ рублей на лечебную и санитарную помощь населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

Примѣчанія.

[1]) Малочисленность въ это время медицинскаго персонала въ Имперіи видна и изъ того, что подобная командировка казенныхъ врачей и фельдшеровъ дѣлалась обыкновенно лишь послѣ долгой о томъ переписки и многихъ настояній.

[2]) Разсылка подобнаго рода правилъ и наставленій стала особенно частою къ концу 20-хъ гг. Такъ напр., съ октября 1827 по октябрь 1828 г. разосланы были по приказамъ: составленное докторомъ Яворскимъ „Наставленіе какъ лѣчить и предохранять скотъ, на случай появленія между онымъ „повальныхъ болѣзней"—и, кромѣ того, два спеціальныхъ „наставленія" о леченіи чумы рогатаго скота и болѣзни змѣиный пострѣлъ (Milzbrand).—Кромѣ того, въ 1827 г. Департаментъ Удѣловъ, находя, что извѣстія о возникающихъ эпидемическихъ болѣзняхъ и эпизоотіяхъ доходили до него слишкомъ поздно, циркулярно предписалъ управляющимъ конторами о всѣхъ подобныхъ и другихъ несчастныхъ происшествіяхъ доносить немедленно „съ поясненіемъ о принятыхъ мѣрахъ къ отвращенію заразительныхъ болѣзней и скотскихъ падежей".

Въ томъ же 1827 г. до свѣдѣнія Департамента Удѣловъ дошло, что въ нѣкоторыхъ удѣльныхъ приказахъ Орловской губ. сельскія власти отказывали командированнымъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для прекращенія скотскихъ падежей ветеринарамъ въ выдачѣ денегъ на покупку лекарствъ, отзываясь неимѣніемъ на то суммъ. Тогда послѣдовало общее распоряженіе, что въ подобныхъ случаяхъ удѣльные приказы „должны безпрекословно исполнять требованія ветеринаровъ, заимствуя деньги на покупку лекарствъ изъ суммы, имѣющейся у нихъ на мірскіе расходы, а по прекращеніи болѣзни собрать израсходованныя деньги по раскладкѣ съ крестьянъ того селенія, гдѣ болѣзнь случилась, причемъ сборъ этотъ производить только по утвержденіи его управляющимъ конторою" (Опр. Д. Уд. 31 авг. 1827 г.).

[3]) Въ постановленіи Департамента Удѣловъ по сему предмету отъ 28 іюля 1838 г. сказано, что медики должны обучать мальчиковъ: „собирать, хранить и употреблять лекарственныя растенія, распознавать болѣзни, составлять и употреблять лекарства, лечить ушибы, переломы и вывихи костей, порубки, ознобы, отмороженія, укушенія бѣшенныхъ собакъ, ужаленія змѣй; пользовать простыми средствами лихорадки, ломоты, водяную болѣзнь, кашель, поносъ, нѣкоторыя глазныя боли, чесотки, лишаи, разныя раны, давать помощь угорѣвшимъ, утопшимъ, громомъ пораженнымъ, замерзшимъ, отравленнымъ, подавившимся, умирающимъ отъ кровотеченія, опившимся и проч."

[4]) Предъ передачей медицинской части въ вѣдѣніе земскихъ управленій лучше всего было поставлено это дѣло въ имѣніяхъ: вельскомъ (23 фельдш. и 21 ветерин. учен. на 15 приказовъ), новгородскомъ (14 фельдш. и 10 ветерин. учен. на 9 приказовъ) оренбургскомъ (9 фельдш. и 4 ветерин. учен. на 5 приказовъ), тверскомъ (12 фельдш. и 9 ветерин. учен. на 10 приказовъ) и московскомъ (11 фельдш. и 9 ветерин. учен. на 10 приказовъ); меньше всего было назначено медицинскаго персонала въ имѣніяхъ: сызранскомъ (9 фельдш. и 5 ветерин. учен. на 21 приказъ), костромскомъ (6 фельдш. и 3 ветерин. учен. на 18 приказовъ), самарскомъ (6 фельдш. и 5 ветерин. учен. на 19 приказовъ) и нижегородскомъ (2 фельдш. и 1 ветерин. учен. на 7 приказовъ).

Глава X.

Постройка церквей и содержаніе духовенства въ удѣльныхъ селеніяхъ.—Мѣры для распространенія грамотности и полезныхъ въ крестьянскомъ быту познаній.

А. Церкви и сельское духовенство.

Наблюденіе за постройкою церквей крестьянскими обществами и мѣры по упорядоченію церковностроительства.—Пособія со стороны Удѣловъ и постройка церквей на удѣльныя средства. Содержаніе духовенства въ удѣльныхъ селеніяхъ.

Церкви въ удѣльныхъ имѣніяхъ строились обычно на средства самихъ прихожанъ; рѣшивъ построить новый храмъ или исправить уже существующій, крестьяне сами и сбирали необходимую на то сумму. Что же касается до сельскаго духовенства, то оно, кромѣ денегъ, получаемыхъ за исправленіе требъ, должно было довольствоваться доходами съ особаго участка въ 33 дес., который, при устройствѣ новаго прихода, обязательно отводился причту изъ земель, находившихся въ распоряженіи крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ случаяхъ, когда земли у крестьянъ было слишкомъ мало, крестьянскимъ обществамъ разрѣшалось Департаментомъ Удѣловъ, вмѣсто отвода земельнаго участка, устанавливать у себя особый сборъ на жалованье духовенству.

Можно, слѣдовательно, сказать въ видѣ общаго правила, что удѣльное вѣдомство расходовъ по церковнымъ дѣламъ на себя не принимало. Но изъ правила этого дѣлались нерѣдко исключенія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это вызывалось какими-нибудь особыми обстоятельствами, Департаментъ Удѣловъ не отказывалъ въ своихъ средствахъ какъ на постройку церквей, такъ и на содержаніе духовенства въ удѣльныхъ селеніяхъ и расходовалъ на это иногда значительныя суммы.

Въ первыя десятилѣтія по учрежденіи удѣльнаго вѣдомства дѣло церковностроительства предоставлено было вполнѣ прихожанамъ и вѣдомство никакого наблюденія за этимъ на себя не принимало; деньги сбирались и расходовались безъ всякаго контроля со стороны удѣльныхъ властей.

Постепенно, однако, выяснилось, что такой порядокъ влечетъ за собою многія неудобства. Часто обнаруживались разныя неправильности по сбору и расходованію денегъ, а начатыя уже постройки нерѣдко пріостанавливались на неопредѣленное время, потому что затѣяны были крестьянами въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, не сообразуясь съ своими средствами. Это вынудило Департаментъ Удѣловъ принять дѣло церковностроительства въ удѣльныхъ селеніяхъ подъ свой надзоръ.

Первыя по этому предмету распоряженія относятся къ 1827 году и заключались въ томъ, что мѣстнымъ удѣльнымъ властямъ предписано было, въ случаѣ желанія крестьянъ устроить новую церковь, или перестроить существующую, сбирать для этого мірскія сходки всего прихода. Въ постановленномъ приговорѣ должна была быть точно опредѣлена сумма, назначаемая на это дѣло, сдѣлана раскладка ея по душамъ и опредѣлено, во сколько времени эта сумма должна быть собрана. При этомъ указывалось, что если въ составѣ прихода, кромѣ удѣльныхъ крестьянъ, имѣются лица другихъ сословій, то слѣдуетъ приглашать на сходки и такихъ прихожанъ, „для объявленія имъ и испрошенія съ ихъ стороны помощи и участія въ раскладкѣ на души, съ назначеніемъ и времени сбора денегъ". Постановленные крестьянами приговоры представлялись чрезъ управляющихъ конторами въ Департаментъ Удѣловъ, который поручалъ состоявшему при немъ архитектору составить планъ постройки, сообразуясь съ числомъ прихожанъ и опредѣленной суммой. Планъ этотъ затѣмъ отсылался къ управляющему конторою, на обязанности котораго лежало войти по этому предмету въ сношеніе съ епархіальнымъ архіереемъ, и когда послѣдуетъ отъ него разрѣшеніе на постройку и планъ будетъ утвержденъ,—поставить о томъ въ извѣстность крестьянъ. Кромѣ того, на управляющихъ конторами возложено было съ этого времени и наблюденіе за самою постройкою. Когда деньги были собраны, управляющій конторою производилъ установленнымъ порядкомъ вызовъ лицъ, желающихъ взять на себя постройку, наблюдалъ за ходомъ работъ и обязанъ былъ доносить Депар-

таменту Удѣловъ о всѣхъ распоряженіяхъ, имъ по этому предмету сдѣланныхъ.

Эти первоначальныя правила были постепенно разработаны подробнѣе и дополнены разными позднѣйшими постановленіями.

Для устраненія всякихъ неправильностей по сбору суммы, опредѣленной на мірскомъ сходѣ, раскладки—по утвержденіи ихъ Департаментомъ Удѣловъ—стали вноситься въ печатныя добавленія къ платежнымъ табелямъ, причемъ указывалось, сколько на этотъ предметъ надо сбирать съ души, въ какихъ именно селеніяхъ и сколько лѣтъ сборъ этотъ долженъ продолжаться. Затѣмъ, въ виду неоднократныхъ случаевъ, что начатыя уже постройки пріостанавливались, за недостаткомъ средствъ, вслѣдствіе того, что сборы плохо поступали, Департаментъ Удѣловъ опредѣленіемъ отъ 12 декабря 1830 года постановилъ, что управляющіе конторами должны входить въ Департаментъ съ представленіями о разрѣшеніи построекъ или перестроекъ церквей только тогда, когда крестьяне соберутъ не менѣе $^2/_3$ назначенной ими на это суммы.

Съ 1839 года, когда по новымъ штатамъ положено было имѣть при каждой конторѣ архитектора, составленіе плановъ постройки и перестройки церковныхъ зданій перенесено было съ архитектора Департамента на этихъ мѣстныхъ служащихъ. Въ Департаментъ ходатайства о разрѣшеніи построекъ стали поступать уже съ готовыми планами, которые архитекторомъ Департамента только просматривались и иногда исправлялись.

Впрочемъ, задача мѣстныхъ архитекторовъ была значительно упрощена тѣмъ, что вскорѣ установленъ былъ болѣе или менѣе единообразный типъ для такихъ построекъ. Въ 1841 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы: „при составленіи проектовъ на построеніе православныхъ церквей, преимущественно и по возможности сохранять вкусъ древняго византійскаго зодчества“. Такъ какъ при этомъ указано было, что для выполненія таковой Высочайшей воли могутъ быть съ пользой принимаемы въ соображеніе чертежи, составленные профессоромъ архитектуры Тономъ, то Департаментъ Удѣловъ, съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора, разослалъ въ удѣльныя конторы по экземпляру этихъ чертежей и затѣмъ ими главнымъ образомъ и руководствовались мѣстные удѣльные архитектора, вырабатывая планы новыхъ церквей. Вообще на внѣшнее благообразіе храмовъ въ селеніяхъ обращалось съ этого

времени большое вниманіе, и въ 1851 году, по приказу Министра Императорскаго Двора, были даже составлены при Департаментѣ и разосланы въ удѣльныя конторы нормальные чертежи церковныхъ оградъ. Выработано было четыре типа такихъ оградъ, начиная съ наиболѣе простого и дешеваго и кончая болѣе дорогими; управляющіе конторами, при разрѣшеніяхъ на постройку, должны были руководствоваться такими чертежами.

Самое производство работъ также велось подъ наблюденіемъ удѣльныхъ властей. Выше уже было сказано, что работы эти сдавались конторою обыкновенно съ торговъ и что управляющіе обязаны были наблюдать за ходомъ ихъ; позднѣе къ этому было добавлено, что по окончаніи работъ управляющіе должны представлять въ Департаментъ Удѣловъ подробный отчетъ о работахъ, который тамъ просматривался и провѣрялся. Вообще, принявъ на себя надзоръ за церковностроительствомъ, Департаментъ наблюдалъ и за тѣмъ, чтобы надзоръ этотъ служилъ на пользу дѣлу, а не тормозилъ его. Такъ, когда въ 1845 году изъ докладовъ нѣкоторыхъ, командированныхъ Департаментомъ Удѣловъ въ удѣльныя имѣнія, лицъ выяснилось, что разрѣшенная уже постройка и перестройка церквей производится „не съ надлежащею дѣятельностью", то немедленно же было предложено управляющимъ конторами приступить безотлагательно къ начатію всѣхъ работъ этого рода, на которыя послѣдовало разрѣшеніе со стороны Департамента Удѣловъ и производству которыхъ время года не препятствовало, и объ успѣхахъ работъ донести Департаменту. Съ этого времени мы уже находимъ въ дѣлахъ періодическія донесенія о ходѣ каждой значительной работы этого рода. Затѣмъ, въ тѣхъ же видахъ содѣйствія къ скорѣйшей постройкѣ церквей, устраиваемыхъ прихожанами на свои средства, Департаментъ Удѣловъ очень часто оказывалъ и денежныя пособія.

Нерѣдко случалось, что, установивъ между собою по раскладкѣ сборъ на церковь, крестьяне, вслѣдствіе плохого урожая, падежей скота, пожаровъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не въ состояніи были скоро собрать нужную для начала дѣла сумму. Тогда, по представленіямъ управляющихъ конторами, необходимыя на постройку деньги отпускались заимообразно изъ хлѣбнаго капитала. Такія пособія оказывались ежегодно и нерѣдко сумма ихъ достигала до 10—15 тыс. рублей

въ годъ. Затѣмъ, иногда обществамъ болѣе бѣднымъ оказывались и пособія безвозвратныя, деньгами или снабженіемъ недостаточныхъ храмовъ церковною утварью [1]).

Таковъ былъ обычный порядокъ церковностроительства въ удѣльныхъ селеніяхъ, но иногда, какъ выше сказано, церкви строились или содержаніе причтовъ производилось и непосредственными распоряженіями Департамента Удѣловъ, изъ суммъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала. Такъ поступали чаще всего, когда требовалось поддержать въ православіи вновь крещенныхъ язычниковъ, или обращенныхъ изъ раскола. Крупнѣйшій случай этого рода относится къ концу тридцатыхъ годовъ, когда было построено 9 церквей въ селеніяхъ, незадолго передъ этимъ обращенныхъ въ христіанство, чувашей въ симбирской губ. Кромѣ затраты около 100 тыс. рублей на постройку церквей и домовъ для причта, назначено было особое содержаніе священникамъ этихъ церквей; они получали изъ суммъ хлѣбнаго капитала по 600 руб. асс. и содержаніе это удваивалось тѣмъ священникамъ, которые соглашались принять на себя преподаваніе въ открытыхъ одновременно училищахъ для чувашскихъ дѣтей. По такимъ же соображеніямъ выстроена была въ 1838 году въ самарской губ. церковь въ с. Чувашскій Калмаюръ и въ 1846 году въ оренбургской губерніи—церковь для деревень Степановой и Шагирта, жители которыхъ перешли изъ раскола въ единовѣріе.

Иногда такія затраты на постройку церквей дѣлались и по другимъ причинамъ. Такъ напр., изъ дѣлъ мы видимъ, что въ 1842 году была выстроена единовѣрческая церковь среди раскольническаго населенія въ уренскомъ приказѣ костромской губ., а въ 1858 году отведенъ участокъ земли и дано значительное денежное пособіе на постройку церкви и монастыря при ней, среди раскольническаго населенія гуслицкой волости вологодской губ.—въ видахъ борьбы съ расколомъ. Постройка въ началѣ сороковыхъ годовъ церкви въ с. Верхней Савѣ оренбургской губ. мотивирована „бѣдностью сельскаго общества, отъ котораго ближайшая церковь отстоитъ на 70 верстъ“.

Такими же соображеніями руководствовался Департаментъ Удѣловъ и въ случаяхъ назначенія жалованья причтамъ изъ суммъ хлѣбнаго капитала. Въ 1862 году, предъ передачей удѣльныхъ крестьянъ въ вѣдомство общихъ крестьянскихъ учрежденій, числилось въ удѣльныхъ имѣніяхъ 48 приходовъ, духовенство которыхъ получало содержаніе изъ суммъ хлѣбнаго капитала.

Общая сумма расхода на этотъ предметъ составляла тогда болѣе 12.500 руб. въ годъ и изъ этихъ денегъ около половины выдавалось, „вслѣдствіе недостаточнаго состоянія прихожанъ", а остальная половина—„за искорененіе раскола". Размѣръ содержанія духовенству отдѣльныхъ приходовъ былъ очень различенъ отъ 50 до 685 рублей; большинство же получало 171 р. 42 коп. (600 руб. ассигн.) въ годъ.

Съ передачею послѣ крестьянской реформы хлѣбнаго капитала въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, выдачи эти, конечно, должны были прекратиться, но при этомъ Департаментъ Удѣловъ принялъ зависящія отъ него мѣры, чтобы обезпечить по возможности причты, лишавшіеся ранѣе получаемаго содержанія. Въ это время разсматривался уже въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ вопросъ о распространеніи на церковные причты въ селеніяхъ удѣльныхъ—нормальныхъ составовъ денежнаго содержанія изъ Государственнаго Казначейства, которое съ 1843 года постепенно назначалось сельскому духовенству въ селеніяхъ казенныхъ и помѣщичьихъ. Поэтому Департаментъ Удѣловъ просилъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о скорѣйшемъ по возможности обезпеченіи изъ этого источника причтовъ, лишавшихся ранѣе получаемаго содержанія и, съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, выдалъ имъ окладъ жалованья за 1863 годъ, хотя въ это время уже болѣе никакихъ расходовъ изъ хлѣбнаго капитала не производилось.

Б. Школы и училища общеобразовательныя.

Положеніе дѣла народнаго образованія въ удѣльныхъ имѣніяхъ до 1828 г.—Главныя удѣльныя училища въ Красномъ Селѣ и въ Москвѣ. — Сельскія удѣльныя училища. — Школы церковно-приходскія. — Обученіе грамотѣ дѣвочекъ.—Преподаваніе въ удѣльныхъ школахъ.—Число школъ и учащихся.—Передача удѣльныхъ училищъ въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ.

Въ числѣ попечительныхъ мѣръ о благосостояніи крестьянъ забота о народномъ образованіи была также возложена на удѣльное управленіе Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи. Въ § 194 этого Учрежденія, между прочимъ, было указано, что „Экспедиціи Удѣловъ обязаны стараться заводить во всякомъ приходѣ, при церквахъ, школы, кои состоять должны подъ особымъ надзираніемъ приходскихъ священниковъ".

Въ школы эти должны были поступать дѣти отъ 6 до 10 лѣтъ, чтобы они, „не будучи въ состояніи сносить никакой тягостной работы, время сіе ко вреду своему праздно не провождали". Сельскіе приказные, на которыхъ лежало постоянное наблюденіе за тѣмъ, чтобы „установленіе сіе не оставалось безъ успѣха", обязывались склонять родителей посылать своихъ дѣтей въ школы, но „не чинить никому при этомъ принужденія". Составленные учителями въ концѣ каждаго года списки объ учащихся въ школахъ должны были представляться приказами въ экспедиціи, и отцы отличившихся въ ученіи дѣтей подлежали освобожденію отъ дачи подводъ въ первые два наряда.

Въ первые годы по образованіи удѣльнаго Департамента къ выполненію изложеннаго требованія ничего, однако, не предпринималось. Какъ Департаментъ Удѣловъ, такъ и подвѣдомственныя ему мѣстныя учрежденія, очевидно, заняты были исключительно хозяйственными мѣропріятіями и установленіемъ правилъ для веденія обширнаго сельскаго хозяйства и управленія крестьянами. Въ октябрѣ 1800 г. Департаментъ предписываетъ Тамбовской Экспедиціи приступить къ учрежденію школъ „по удобности мѣстоположенія" *при каждомъ приказѣ*, но—„по устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ".

Вопросъ объ открытіи школъ въ удѣльныхъ селеніяхъ поставленъ былъ на очередь впервые въ 1802 г., когда въ нѣкоторыхъ приказахъ Смоленской, Орловской, Казанской и Тамбовской Экспедицій строенія изъ подъ закрытыхъ суконныхъ мастерскихъ уступлены были, по Высочайшему повелѣнію, крестьянамъ безвозмездно для помѣщенія въ нихъ больницъ, богадѣленъ и школъ.

Чтобы воспользоваться этими помѣщеніями, Департаментъ Удѣловъ предписалъ названнымъ экспедиціямъ выяснить на мірскихъ сходкахъ, „сколько по состоянію крестьянъ можно на первый случай имѣть въ школахъ учениковъ". На это распоряженіе три экспедиціи (кромѣ Орловской) донесли Департаменту о невозможности открытія приказныхъ школъ, съ одной стороны по непригодности предназначенныхъ для нихъ строеній, а съ другой—вслѣдствіе нежеланія самихъ крестьянъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ. Подчиненные Тамбовской Экспедиціи приказы, по ея словамъ, заявили ей, что „такъ какъ крестьяне не имѣютъ никакихъ другихъ промысловъ, кромѣ хлѣбопашества, то и изученіе грамотѣ малолѣтнихъ было бы только поводомъ отвлеченія

отъ онаго безъ всякихъ выгодныхъ послѣдствіевъ въ ихъ крестьянскомъ обиходѣ“; къ этому сама Экспедиція добавляла, что „поелику она увѣрена, что простота и невѣжество крестьянъ, вмѣсто чувствія благодарности за попеченіе правительства, приметъ оныя, по ихъ грубому мнѣнію, за новую безполезность или къ ихъ отягощенію, то и едва-ли кто захочетъ помѣстить (дѣтей) туда безъ принужденія“.

Только одна Орловская Экспедиція представила въ 1804 г. проектъ устройства, въ предназначенныхъ для этого строеніяхъ, 15 приказныхъ училищъ, съ 376 учащимися. Въ смѣту включены были расходы: на учителей, по 50 р. на каждаго, на содержаніе учениковъ, на покупку учебныхъ книгъ, бумаги и проч. На всѣ 15 школъ ассигновано было на первый годъ 3.607 р., а на послѣдующіе годы—по 1.478 р.

Хотя проектъ этотъ и былъ одобренъ Департаментомъ Удѣловъ, но школъ открывалось весьма мало, несмотря даже на распоряженіе Св. Синода, вмѣнившаго въ 1805 г. священно-церковно-служителямъ въ обязанность исполнять учительскія обязанности во всѣхъ сельскихъ училищахъ безвозмездно.

Между тѣмъ полное отсутствіе сельскихъ училищъ, въ которыхъ дѣти могли научаться хотя бы только началамъ грамоты, вынудило Департаментъ Удѣловъ въ 1804 г., согласно представленію Вятской Экспедиціи, циркулярно предписать экспедиціямъ выбрать изъ каждаго приказа по 3 мальчика и помѣстить ихъ для обученія грамотѣ въ находившіяся въ уѣздныхъ городахъ *народныя училища*, съ обязательствомъ содержанія этихъ учениковъ на мірской счетъ и съ тѣмъ, чтобы, по достаточномъ обученіи въ этихъ училищахъ грамотѣ, мальчики подготовлялись въ экспедиціяхъ для занятія канцелярскихъ должностей въ мѣстныхъ удѣльныхъ учрежденіяхъ. Дѣлая такое распоряженіе, на сочувствіе которому со стороны крестьянскаго населенія разсчитывать было трудно, Департаментъ Удѣловъ поручилъ экспедиціямъ убѣждать крестьянъ не оказывать противодѣйствія этому дѣлу и разъяснять имъ всѣ выгоды, которыхъ слѣдовало ожидать для самихъ же крестьянъ, когда въ приказахъ будутъ находиться подготовленные изъ ихъ среды служащіе, тѣмъ болѣе, что семейства такихъ обучавшихся крестьянскихъ дѣтей освобождались въ то время отъ рекрутской очереди.

Вслѣдъ за этимъ, въ январѣ 1805 г., послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената объ учрежденіи, согласно положенія Св.

Синода, церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ учительскія обязанности могли исполняться священно-служителями, и преимущественно тамъ, гдѣ послѣдніе находились въ двойномъ комплектѣ. Разсылая этотъ указъ, Департаментъ Удѣловъ поручалъ экспедиціямъ немедленно ему доносить объ открытіи церковно-приходскихъ училищъ. Послѣ настойчивыхъ указаній Департамента, школы при удѣльныхъ приходскихъ церквахъ были открыты къ 1807 г. по Архангельской, Орловской, Казанской и Смоленской Экспедиціямъ. Но отсутствіе должнаго надзора за этими училищами, противодѣйствіе развитію и увеличенію ихъ со стороны мѣстнаго населенія и недостаточная объ этомъ заботливость духовенства привели къ закрытію большей части этихъ училищъ.

Такимъ образомъ, до конца 20-хъ годовъ всѣ заботы, прилагавшіяся къ распространенію среди удѣльныхъ крестьянъ начальнаго образованія, ограничивались отдѣльными мѣропріятіями, не связанными между собою никакой системой, результатомъ чего было совершенное почти отсутствіе къ этому времени въ удѣльныхъ селеніяхъ какихъ-бы-то ни было школъ. На сдѣланный въ 1827 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія запросъ о числѣ удѣльныхъ училищъ и о томъ, какія они имѣютъ „для руководства своего постоянныя правила и пособія“, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ долженъ былъ отвѣтить, что въ удѣльныхъ селеніяхъ находится всего только пять училищъ: въ Красномъ Селѣ, при спасскомъ приказѣ Вологодской Конторы, въ с. Гулюшевѣ алатырскаго уѣзда, въ слободѣ Лосевой Воронежской Конторы и въ с. Дуванеяхъ Оренбургской Конторы—и что училища эти не имѣютъ особыхъ правилъ, служащихъ къ руководству учащимъ и учащимся. Однако, въ это время Департаментъ Удѣловъ былъ уже озабоченъ выработкою и составленіемъ для удѣльныхъ училищъ постоянныхъ правилъ. Эти послѣднія были Высочайше утверждены 25 октября 1828 г., и съ того же времени начинается болѣе оживленная дѣятельность по открытію школъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 октября 1828 г., между прочимъ, указывалось, что выработанными для удѣльныхъ сельскихъ училищъ правилами имѣлось въ виду достигнуть—съ одной стороны выполненія одной изъ задачъ, возложенныхъ на Департаментъ Удѣловъ еще Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи, задачи, до того времени остававшейся не выполненной, а съ другой—удовлетворить одной изъ наиболѣе назрѣвшихъ

нуждъ—потребности въ народномъ образованіи, отсутствіе котораго отражалось на крестьянахъ самымъ пагубнымъ образомъ. Совершенно правильно разсуждая, что увеличеніе числа сельскихъ школъ только и возможно при условіи наличности подходящихъ для этого учителей, Департаментъ Удѣловъ, во исполненіе того же Высочайшаго повелѣнія, прежде всего основалъ, спеціально для подготовленія учителей, два главныхъ сельскихъ училища: въ Красномъ Селѣ на 30, а въ Москвѣ на 50 мальчиковъ. Въ 1829 г. были готовы помѣщенія для обоихъ училищъ, и на устройство каждаго изъ нихъ было израсходовано до 60 тыс. р. асс.

Училища эти были закрытыми учебными заведеніями, имѣвшими два класса: „нижній“ и „высшій“. Въ первомъ преподавались: „чтеніе, письмо, краткій катехизисъ, священная исторія и четыре ариѳметическія дѣйствія въ простыхъ и именованныхъ числахъ, съ употребленіемъ счетовъ“, а во второмъ: „пространный катехизисъ и священная исторія, чистописаніе, краткая россійская грамматика и полный курсъ ариѳметики“. Законъ Божій преподавался въ каждомъ училищѣ священниками, остальные предметы—учителемъ и его помощникомъ; въ нижнемъ классѣ—по методѣ взаимнаго обученія. Съ 1831 г. воспитанниковъ начали обучать ремесламъ: сапожному, портняжному и др., привлекать въ лѣтнее время къ обработкѣ принадлежавшихъ училищамъ огородовъ и вообще къ разнымъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ.

Въ главныя училища набирались мальчики отъ 14 до 16 лѣтъ, преимущественно умѣвшіе хотя немного читать и писать, впослѣдствіи—изъ окончившихъ курсъ обученія въ удѣльныхъ сельскихъ училищахъ, изъ семействъ „добропорядочнаго поведенія“, хорошей нравственности (за что должны были ручаться сельскіе старшины) и „не тупого понятія“. Объ умственныхъ способностяхъ присылаемыхъ въ училища мальчиковъ должны были давать засвидѣтельствованія управляющіе мѣстными удѣльными конторами. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по прибытіи въ училища мальчики оставались на испытаніи у учителей, и оказавшіеся неспособными отсылались обратно на счетъ приславшихъ ихъ управляющихъ удѣльными конторами, а замѣченные въ дурныхъ поступкахъ возвращались въ свои семьи на счетъ старшинъ и крестьянъ, ручавшихся за этихъ мальчиковъ. Въ красносельское училище поступали дѣти крестьянъ изъ 7-ми удѣльныхъ имѣній: красносельскаго, с.-петербургскаго, архан-

гельскаго, новгородскаго, тверского, псковскаго и смоленскаго, а въ московское—изъ 14-ти остальныхъ имѣній. Срока для обученія въ нижнемъ классѣ назначено не было; въ уставѣ лишь было указано, что оказавшіе достаточные успѣхи въ предметахъ нижняго класса переводятся въ слѣдующій классъ, гдѣ и должны оставаться на обученіи не менѣе двухъ лѣтъ, не оказавшіе же удовлетворительныхъ успѣховъ должны быть оставляемы въ училищѣ еще на годъ. Составлявшееся учителемъ росписаніе часовъ для каждаго предмета утверждалось Вице-президентомъ Департамента Удѣловъ. Преподаваніе предметовъ должно было производиться по таблицамъ и книгамъ, изданнымъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и одобреннымъ Департаментомъ Удѣловъ. Въ концѣ каждой четверти учебнаго года учителя, каждый по своей части, производили испытаніе своимъ ученикамъ. Списки учениковъ съ средними баллами о прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи каждаго представлялись учителями управляющимъ мѣстными конторами, а этими послѣдними—Вице-президенту Департамента Удѣловъ. На экзаменахъ въ концѣ года долженъ былъ присутствовать управляющій конторою, который обо всемъ замѣченномъ имъ въ училищѣ и доводилъ до свѣдѣнія Вице-президента.

Учителя должны были обращать особенное вниманіе на религіозное и нравственное воспитаніе своихъ питомцевъ, наблюдать, чтобы въ установленное время они слушали молитвы, присутствовали при богослуженіи и выполняли всѣ вообще налагаемыя церковью христіанскія обязанности. Не забыты были также и требованія гигіеническія: учитель долженъ былъ заботиться о здоровьѣ воспитанниковъ, о питательности и свѣжести ихъ пищи, о чистотѣ воздуха въ классахъ и комнатахъ, слѣдить за перемѣною воспитанниками два раза въ недѣлю бѣлья и, наконецъ, заботиться о физическомъ развитіи и укрѣпленіи силъ учениковъ, заставляя ихъ заниматься, въ свободное отъ классныхъ занятій время, полезными играми и гимнастикой.

Выпускаемые изъ училища воспитанники обязаны были дать практическій урокъ преподаванія по способу взаимнаго обученія, для удостовѣренія въ достаточной подготовкѣ ихъ къ дѣятельности учителя въ сельскихъ училищахъ, и признанные къ этому способными опредѣлялись учителями въ сельскія училища, преимущественно въ тѣхъ удѣльныхъ приказахъ, откуда они были взяты, неспособные же къ занятію учительскихъ вакансій назначались писарями удѣльныхъ приказовъ.

Въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ своего существованія оба училища содержались на счетъ штрафного капитала, и расходы на нихъ не ограничивались какою-либо опредѣленною суммою. За это время содержаніе училищъ обошлось около 200 тыс. р. асс. 18 декабря 1832 г. утверждены были штаты этихъ училищъ, причемъ на красносельское къ ежегодному расходу предназначалось 20.500 р., а на московское—25.500 р. Въ училищахъ этихъ, кромѣ учителя съ помощникомъ и законоучителя, для веденія, главнымъ образомъ, хозяйственной части состоялъ еще надзиратель изъ отставныхъ военныхъ, находившійся въ вѣдѣніи учителя. Всѣ эти лица имѣли готовыя квартиры при училищахъ и пользовались столомъ наравнѣ съ воспитанниками, денежное же содержаніе было назначено: учителю въ размѣрѣ 2.000 р. асс. въ годъ, помощнику и надзирателю по 1.200 р. и священнику 700 р. Всѣ они считались состоящими на государственной службѣ. Наблюденіе за училищами было поручено управляющимъ Красносельскою и Московскою Удѣльными Конторами, которые обязаны были два раза въ мѣсяцъ производить ревизію училищныхъ денежныхъ суммъ и кассовыхъ книгъ, а по окончаніи года представлять Вице-президенту Департамента полный отчетъ объ училищахъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Выпустивъ изъ своихъ стѣнъ не одинъ десятокъ подготовленныхъ къ учительской дѣятельности питомцевъ въ ту пору, когда надобность въ учителяхъ для сельскихъ училищъ была наиболѣе чувствительна, главныя училища безспорно содѣйствовали въ значительной степени быстрому увеличенію начальныхъ училищъ съ весьма порядочнымъ контингентомъ наставниковъ. Но увеличеніе числа сельскихъ школъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ не шло параллельно числу выпускавшихся изъ училищъ учителей: вскорѣ этихъ послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ нужно было для замѣщенія открывшихся учительскихъ вакансій. Такимъ образомъ, появилось перепроизводство учительскаго персонала, а между тѣмъ онъ обходился Удѣламъ не дешево: содержаніе каждаго воспитанника въ главныхъ училищахъ стоило отъ 400 до 500 р. асс. въ годъ и, слѣдовательно, приготовленіе каждаго учителя обходилось не дешевле 1.500 р. Учрежденіе въ 1832 г. удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, въ которомъ, независимо отъ свѣдѣній, необходимыхъ для веденія сельскаго хозяйства, преподавались крестьянскимъ мальчикамъ и общіе предметы по программѣ, выработанной для удѣльныхъ училищъ, также должно

было приводить Департаментъ Удѣловъ къ заключенію о возможности обойтись безъ главныхъ училищъ. Методъ взаимнаго обученія, бывшій обязательнымъ въ приказныхъ сельскихъ училищахъ, не требовалъ отъ учителя особыхъ познаній и способностей и дозволялъ имѣть въ составѣ учителей лицъ, обладавшихъ минимальными знаніями грамоты. Между тѣмъ, въ это же время высшая духовная власть возобновила требованія отъ мѣстнаго сельскаго духовенства относительно безвозмезднаго обученія народа грамотѣ и начаткамъ вѣры, благодаря чему удѣльное управленіе пріобрѣтало для своихъ школъ громадное количество учителей, подготовка которыхъ до Удѣловъ уже не касалась. Всѣ эти обстоятельства, повидимому, и послужили поводомъ къ тому, что оба главныя удѣльныя училища въ 1836 г. были закрыты.

Приведенное Высочайшее повелѣніе 25 октября 1828 г. реформировало также положеніе и сельскихъ удѣльныхъ училищъ, идея учрежденія которыхъ „при каждомъ приказѣ“ относится, собственно, какъ указано выше, къ первымъ годамъ существованія удѣльнаго вѣдомства. Училища эти должны были преслѣдовать двоякую цѣль: распространеніе элементарнаго образованія среди удѣльныхъ крестьянъ и приготовленіе грамотныхъ писарей для удѣльныхъ конторъ и приказовъ. Вначалѣ они распространялись по удѣльнымъ селеніямъ очень медленно. Причинами этого были: въ первое время недостатокъ учителей, а затѣмъ, главнымъ образомъ, отсутствіе пригодныхъ для школъ помѣщеній. По изданному въ 1828 г. уставу этихъ училищъ, они должны были учреждаться при каждомъ приказѣ, и помѣщенія для нихъ должны были находиться въ недалекомъ разстояніи отъ приходской церкви. Между тѣмъ, такихъ домовъ, которые были бы пригодны для школъ, въ большинствѣ селеній не оказывалось, и вслѣдствіе этого самъ собою возникъ вопросъ о постройкѣ спеціальныхъ домовъ для школъ, по выработанному для нихъ типу. Въ 1833 г. разосланы были въ подвѣдомственныя Департаменту Удѣловъ учрежденія нормальные чертежи и смѣты на постройку домовъ для училищъ съ предложеніемъ сельскимъ обществамъ производить эти постройки на мірской счетъ. И дѣйствительно, постройки начали появляться; въ большинствѣ случаевъ онѣ были деревянныя на каменномъ фундаментѣ, но иногда, въ селеніяхъ болѣе зажиточныхъ, воздвигались и каменныя зданія. Стоимость ихъ была различная: въ болѣе богатыхъ селахъ она достигала и 6,000 р. асс. за школу, а въ бѣднѣйшихъ (въ архангель-

скомъ и вятскомъ имѣніяхъ) она не превышала, въ среднемъ, 600 р. асс.

Тѣмъ не менѣе, необходимость строить для школъ спеціальныя помѣщенія, обходившіяся въ общемъ для крестьянина не дешево, значительно задерживала развитіе этого дѣла: въ теченіе первыхъ 7—8 лѣтъ, по утвержденіи устава удѣльныхъ приказныхъ училищъ, ихъ было открыто всего 44 въ районѣ 8 удѣльныхъ конторъ, причемъ на 3 Конторы (Владимірскую, Костромскую и Орловскую) приходилось 38 училищъ, а остальныя 6 распредѣлялись между Конторами: Оренбургской, Новгородской, Саратовской, Симбирской и Тверской. Въ видахъ устраненія этого препятствія къ развитію школьнаго дѣла, Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ временно, впредь до выстройки новыхъ зданій, открывать школы въ наемныхъ помѣщеніяхъ, причемъ подтверждено было о заведеніи сельскихъ школъ непремѣнно при всѣхъ приказахъ. Это разрѣшеніе, въ связи съ распоряженіемъ Св. Синода объ обязательномъ участіи священнослужителей и даже ихъ семействъ въ обученіи сельскаго населенія Закону Божію и начальной грамотѣ, привело, дѣйствительно, къ весьма быстрому увеличенію числа школъ и учащихся: къ 1841 г. учреждено было уже 194 удѣльныхъ училища съ 6.312 учащимися, а въ 1844 г. число этихъ училищъ достигло 200, т. е. школы были заведены почти при всѣхъ существовавшихъ въ то время приказахъ.

Программа преподаванія въ удѣльныхъ приказныхъ училищахъ была не сложна: дѣти обучались чтенію и письму, имъ сообщались краткія свѣдѣнія по Закону Божію и разъяснялись первыя четыре дѣйствія ариѳметики, причемъ преподаваніе должно было вестись по ланкастерскому методу, согласно которому обученіе производилось, собственно, лучшими учениками (мониторы) подъ наблюденіемъ учителя [2]). Въ школы опредѣлялись дѣти, выбранныя приказными старшинами, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ; срокъ обученія въ школахъ опредѣленъ не былъ, вслѣдствіе чего весьма часты были случаи продолжительнаго тамъ пребыванія—до 6 и болѣе лѣтъ. Это обстоятельство не могло не возбуждать среди крестьянъ неудовольствія, такъ какъ вводило ихъ въ излишнія издержки на содержаніе въ училищахъ дѣтей въ такомъ возрастѣ, когда они должны были являться необходимыми помощниками въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Учебный годъ для дѣтей отъ 14 лѣтъ и выше продолжался съ осени—по окончаніи полевыхъ работъ—до начала весны; до 50-хъ годовъ съ мальчиками

малолѣтними занятія продолжались въ теченіе всего года, въ 1850 же году сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ ученики освобождались отъ занятій съ 1 мая до 1 сентября. Въ училищахъ, гдѣ число учащихся было слишкомъ велико, учителю назначался еще особый помощникъ.

Содержаніе учителей колебалось отъ 70 р. до 145 р. въ годъ, не считая квартирнаго довольствія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это содержаніе находилось въ зависимости отъ числа учениковъ. Такъ напр., по саратовскому имѣнію, въ тѣхъ училищахъ, гдѣ учениковъ было 40, учитель получалъ 120 р., гдѣ 30— тамъ 100 р. въ годъ и т. д. Законоучители получали большею частью по 75 р. въ годъ, но, впрочемъ, и ихъ содержаніе измѣнялось, смотря по мѣстности, а иногда и личности законоучителя. Въ нѣкоторыхъ училищахъ священники обучали безплатно, въ другихъ размѣръ ихъ жалованья зависѣлъ отъ усмотрѣнія управляющаго конторою, въ иныхъ же этотъ размѣръ устанавливался по обоюдному соглашенію. Съ сороковыхъ годовъ во всѣхъ приказныхъ училищахъ учителями были преимущественно священники, которымъ впослѣдствіи стали давать помощниковъ, большею частію изъ числа окончившихъ курсъ въ удѣльныхъ училищахъ [3]). За учителей и ихъ помощниковъ, поступавшихъ на эти должности изъ числа воспитанниковъ главныхъ удѣльныхъ училищъ, подати, оброкъ и земскія повинности вносились изъ крестьянскаго капитала, причемъ всѣ учителя и ихъ помощники освобождались отъ рекрутской очереди во все время состоянія ихъ въ этомъ званіи. Высшій надзоръ за преподаваніемъ въ сельскихъ училищахъ, успѣхами и нравственностью учениковъ возложенъ былъ на управляющихъ удѣльными конторами, Министерство же Народнаго Просвѣщенія не имѣло вовсе никакого отношенія къ удѣльнымъ училищамъ.

Всѣ расходы на содержаніе удѣльныхъ приказныхъ училищъ, включая сюда и жалованье учителямъ, производились на мірской счетъ [4]). Учебныя книги и пособія обыкновенно высылались Департаментомъ Удѣловъ за счетъ мірскихъ обществъ или выписывались удѣльными конторами, для разсылки въ подлежащіе приказы, чрезъ Московскую Удѣльную Контору.

Снабженіе учащихся сапогами и платьемъ лежало на обязанности родителей, что, конечно, для болѣе бѣдныхъ крестьянъ не могло не быть обременительнымъ. Но еще бóльшія затрудненія встрѣчались на практикѣ съ доставленіемъ учащимся пищи

и съ помѣщеніемъ ихъ на частныхъ квартирахъ. Приказныя училища должны были находиться не вдалекѣ отъ церквей; между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ селенія, причисленныя къ одному приходу, были разбросаны одно отъ другого и находились въ очень далекомъ разстояніи отъ церквей. Посылать ежедневно въ школы дѣтей изъ такихъ селеній не представлялось возможнымъ, а потому крестьяне вынуждены были содержать въ такихъ случаяхъ дѣтей своихъ на частныхъ квартирахъ въ деревняхъ, ближайшихъ къ школамъ. За это содержаніе обыкновенно платили въ годъ: 25 мѣръ ржи, 1/2 чтв. крупъ, 1/2 пуд. масла, 1/2 пуд. соли, 1/2 пуд. сала, нѣсколько мѣръ картофеля и иногда 5 р. деньгами, что въ общемъ составляло на деньги рублей 20 — 25 на каждаго ученика, кромѣ одежды. Расходами этими крестьяне крайне тяготились и выражались по этому поводу такъ: „чтобы содержать одного мальчика въ училищѣ, нужно двухъ отдать въ заработки". Во избѣжаніе такихъ расходовъ, крестьяне иногда ежедневно посылали дѣтей своихъ въ училища за 10 вер. и болѣе, снабжая дѣтей запасомъ хлѣба на цѣлый день, такъ что мальчикамъ приходилось проходить въ день, въ оба конца, не менѣе 20 вер. Для устраненія этихъ неудобствъ, Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ приказамъ включать въ смѣты на училища особыя суммы на выдачу денежныхъ пособій родителямъ учащихся. Размѣръ этихъ пособій зависѣлъ отъ матеріальнаго положенія, какъ цѣлаго общества, такъ и въ отдѣльности каждаго изъ тѣхъ, чьи дѣти находились на обученіи. Въ среднемъ онъ простирался отъ 4 до 30 р. на каждаго ученика. Семействамъ наименѣе состоятельнымъ, для которыхъ обученіе дѣтей связано было съ необходимостью не только снабжать мальчика сколько-нибудь приличною одеждою, но и содержать его на частной квартирѣ, выдавалось до 30 р., для тѣхъ же, которыя могли „кормить дѣтей своихъ безъ разстройства своего состоянія", а затруднялись давать лишь „обувь или вообще одежду"—отъ 4 до 12 р. 50 к. въ годъ на каждаго. Въ однихъ училищахъ такихъ пансіонеровъ состояло до 5—10 человѣкъ, въ другихъ ихъ вовсе не было, въ имѣніяхъ же костромскомъ, оренбургскомъ и—первое время—самарскомъ всѣ ученики училищъ состояли мірскими пансіонерами. Мѣру эту приходилось примѣнять въ цѣляхъ пріохочиванія крестьянъ къ отдачѣ дѣтей своихъ въ училища. „Единственно денежное пособіе могло вызвать добровольное согласіе крестьянъ на обученіе дѣтей въ училищахъ", писалъ Департа-

менту Удѣловъ управляющій Самарскою Удѣльною Конторою. „Если прекратить содержаніе учениковъ на мірской счетъ“, доносилъ управляющій Оренбургскою Конторою, „то образованіе крестьянъ пойдетъ еще медленнѣе, потому что всякій, имѣющій дѣтей, предпочтетъ ихъ оставить у себя дома, чтобы имѣть въ нихъ хотя небольшую помощь въ хозяйствѣ“. Такимъ образомъ и содержаніе учащихся ложилось въ большинствѣ случаевъ на мірской счетъ.

Выборъ училищныхъ пансіонеровъ производился обыкновенно управляющими конторами лично, или подъ ихъ наблюденіемъ депутатами, иногда же депутатами и священниками вмѣстѣ, или же, наконецъ, головами приказовъ, причемъ по нѣкоторымъ имѣніямъ отъ головъ въ такихъ случаяхъ требовалось представленіе особыхъ общественныхъ приговоровъ, удостовѣрявшихъ бѣдность родителей или родственниковъ тѣхъ мальчиковъ, которые принимались на мірское содержаніе. Но, безъ сомнѣнія, бывали все-таки и злоупотребленія при распредѣленіи мірскихъ суммъ, назначавшихся на содержаніе учащихся, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ право распредѣленія этихъ суммъ было предоставлено самимъ приказамъ. По самарскому имѣнію, напр., въ виду недостаточности суммы, ассигновавшейся на содержаніе мальчиковъ въ училищахъ (15 — 17 р. на каждаго), приказы или дѣлали неумѣстную экономію въ одеждѣ воспитанниковъ, или же произвольно отпускали часть учениковъ по домамъ родителей и содержали, такимъ образомъ, въ дѣйствительности учениковъ гораздо меньше, чѣмъ значилось по спискамъ. Назначаемыя на содержаніе учениковъ деньги расходовались иногда на наемъ квартиръ для нихъ съ продовольствіемъ, съ платою за это отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ за мальчика, иногда—на постройку форменныхъ кафтанчиковъ, иногда же вся ассигнованная на пансіонера сумма выдавалась на руки родителямъ безъ всякаго вниманія къ тому, имѣютъ они или нѣтъ возможность содержать дѣтей на собственныя средства, живутъ они далеко отъ училища или въ томъ селеніи, гдѣ находится училище; были случаи полученія пансіонерной платы (16 р.) даже писаремъ за своего сына. Такой порядокъ вкоренилъ въ нѣкоторыхъ крестьянахъ убѣжденіе, что за обученіе дѣтей своихъ въ приказныхъ училищахъ они получаютъ плату—„жалованье“ и этому-то обстоятельству управляющій Костромскою Конторою

приписывалъ противодѣйствіе крестьянъ обученію дѣвочекъ, такъ какъ за это обученіе имъ не было назначаемо платы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣщеніе учениковъ по частнымъ квартирамъ связано было съ большими неудобствами, вслѣдствіе, напр., малыхъ размѣровъ ближайшихъ къ училищамъ селеній, состоявшихъ иногда изъ 2 — 4 домовъ, разрѣшалось крестьянамъ строить на мірской счетъ при училищныхъ домахъ небольшія избы, въ которыхъ дѣти крестьянъ отдаленныхъ деревень имѣли на учебное время кровъ и пищу. Въ нѣкоторыхъ училищахъ подспорьемъ къ содержанію бѣднѣйшихъ учениковъ служили заводившіеся при училищахъ огороды, уходомъ за которыми ученики занимались, подъ руководствомъ учителей, обыкновенно съ удовольствіемъ.

Къ сороковымъ годамъ, когда число приказныхъ удѣльныхъ училищъ достигло, какъ указано выше, 200—ежегодный расходъ изъ мірскихъ суммъ на содержаніе этихъ училищъ простирался до 66 тыс. р.

Въ переданныхъ въ 1835 г. въ вѣдѣніе Удѣловъ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ симбирской губ., а также въ поступившихъ въ удѣльное завѣдываніе въ 1836 г. чувашскихъ селеніяхъ той же губерніи школъ вовсе не существовало. Признавая религіозное просвѣщеніе крестьянъ главнѣйшимъ условіемъ улучшенія ихъ быта, а равно и въ цѣляхъ скорѣйшаго слиянія ихъ съ остальнымъ населеніемъ, Департаментъ Удѣловъ, въ теченіе первыхъ же двухъ лѣтъ со времени перехода означенныхъ крестьянъ изъ казеннаго владѣнія, учредилъ 6 училищъ при шести лашманскихъ приказахъ, а для чувашъ основалъ школы при строившихся въ ихъ селеніяхъ церквахъ. Преподаваніе въ этихъ школахъ возложено было (какъ сказано выше) на священниковъ, которые получали за это въ годъ по 171 р. сер., независимо отъ жалованья, слѣдовавшаго имъ за исполненіе священническихъ обязанностей.

Въ селеніяхъ съ магометанскимъ населеніемъ толкованіе корана въ школахъ преподавалось находившимися въ селеніяхъ муллами, получавшими за это вознагражденіе отъ 40 до 75 р. въ годъ, преподаваніе же остальныхъ предметовъ производилось по ланкастерскимъ таблицамъ „словеснаго и ариѳметическаго разрядовъ“.

Въ тѣхъ селахъ, гдѣ населеніе было подвержено расколу, обученіе Закону Божію и грамотѣ священниками встрѣчало большія затрудненія со стороны крестьянскаго населенія. Только

благодаря настойчивымъ требованіямъ мѣстнаго удѣльнаго управленія, сельскія приказныя училища не оставались безъ учениковъ. Въ такихъ мѣстностяхъ удѣльнымъ начальствомъ предлагалось священникамъ обращаться съ учениками съ особою осторожностью, кротостью и снисходительностью. Не малое затрудненіе представляло также пріисканіе букварей для училищъ въ селахъ съ единовѣрческимъ населеніемъ, такъ какъ Святѣйшій Синодъ не разрѣшалъ печатать единовѣрческій букварь, „какъ заключавшій въ себѣ погрѣшности". Только послѣ довольно продолжительной переписки по этому предмету послѣдовало разрѣшеніе на перепечатку „старинной азбуки" въ единовѣрческой типографіи въ Москвѣ, съ соблюденіемъ при этомъ особыхъ условій.

При ревизіи удѣльныхъ училищъ въ 1844 г. директоромъ Земледѣльческаго Училища Байковымъ, было имъ замѣчено, между прочимъ, что ученики въ нѣкоторыхъ училищахъ сызранскаго имѣнія, а также въ чувашскихъ школахъ алатырскаго имѣнія поютъ въ церквахъ обѣдню, ирмосы, вечерню и другія службы и что въ „Жамковкѣ, Старой Рачейкѣ и Студенцѣ это способствовало тому, что крестьяне", какъ писалъ объ этомъ въ своемъ отчетѣ Байковъ, „бросили расколъ и обратились къ православію, о чемъ свидѣтельствовали ему управляющій конторою, священники и сами крестьяне". Это замѣчаніе Байкова обратило на себя вниманіе Департамента Удѣловъ, который, признавая обязательное обученіе церковному пѣнію учениковъ сельскихъ училищъ нововведеніемъ весьма полезнымъ, дѣйствительно могущимъ останавливать крестьянъ отъ совращенія въ расколъ, предписалъ въ 1845 г. всѣмъ управляющимъ конторами ввести обязательное обученіе церковному пѣнію въ удѣльныхъ училищахъ. Учителями пѣнія состояли частью сами священники, а частью ихъ набирали изъ числа другихъ подходящихъ лицъ, напр. изъ бывшихъ полковыхъ регентовъ, жившихъ по деревнямъ въ качествѣ безсрочно отпускныхъ солдатъ и т. п. Прежде назначенія извѣстнаго лица учителемъ церковнаго пѣнія, управляющіе конторами должны были удостовѣряться сами въ познаніяхъ, способностяхъ и доброй нравственности избираемаго. Каждому учителю пѣнія предоставлялось въ обученіе нѣсколько училищъ, въ зависимости отъ его способностей, расторопности и разстоянія этихъ училищъ, причемъ учитель долженъ былъ объѣзжать училища два или одинъ разъ въ мѣсяцъ каждое, обучая учениковъ церковному пѣнію въ

свободное отъ другихъ уроковъ время. Въ томъ же 1845 г. были разосланы въ училища отлитографированныя ноты для пѣнія литургіи, вечерень, молебновъ, каноновъ и другихъ молитвословій, на четыре голоса, „простого придворнаго напѣва“, какой употреблялся въ Земледѣльческомъ Училищѣ. Хотя такое обязательное обученіе учениковъ церковному пѣнію и встрѣчало иногда противниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ управляющихъ конторами, но Департаментъ не отступалъ отъ своего требованія, и ходатайства управляющихъ по этому поводу оставлялись обыкновенно безъ послѣдствій. Такъ напр., было отклонено представленіе по этому предмету управляющаго Казанскою Удѣльною Конторою Зеленаго, заявлявшаго въ 1859 г., что, по его мнѣнію, обученіе всѣхъ дѣтей пѣнію, безъ обращенія вниманія на то, „имѣетъ-ли мальчикъ слухъ и голосъ или нѣтъ совершенно безполезно, притомъ изученіе голосовыхъ нотъ не представляетъ ребенку никакого интереса не только во время прохожденія гаммы, но и по окончаніи ея; между тѣмъ мальчикъ получитъ не одинъ щелчекъ и каждая нота не одинъ разъ будетъ облита горькими слезами“.

Кромѣ приказныхъ сельскихъ училищъ, въ удѣльныхъ имѣніяхъ существовали еще школы: церковно-приходскія, писарскія, частныя и школы грамоты.

Строгія подтвержденія священникамъ со стороны высшей духовной власти объ обязанности ихъ обучать дѣтей Закону Божію и грамотѣ, побуждали священниковъ тамъ, гдѣ не было заведено приказныхъ удѣльныхъ училищъ, заниматься обученіемъ дѣтей у себя на квартирахъ, или въ домахъ другихъ членовъ причта. Обученіе въ подобныхъ помѣщеніяхъ сопряжено было, обыкновенно, съ большими неудобствами, и потому духовенство часто ходатайствовало о постройкѣ зданій для церковно-приходскихъ школъ на мірской счетъ. Ходатайства эти встрѣчали вначалѣ нѣкоторыя возраженія со стороны Департамента Удѣловъ, указывавшаго, что „отводъ помѣщеній для обученія священнослужителями дѣтей частнымъ образомъ до Удѣловъ не относится“, но впослѣдствіи, въ цѣляхъ увеличенія числа учащихся, по представленію нѣсколькихъ управляющихъ удѣльными имѣніями, сборъ съ крестьянъ на этотъ предметъ былъ разрѣшенъ Департаментомъ. Большая часть церковно-приходскихъ школъ помѣщалась, впрочемъ, въ частныхъ избахъ, въ домахъ для пріѣзжающихъ, или въ церковныхъ караулкахъ. Учительскій персоналъ въ этихъ школахъ, въ общемъ, былъ далеко неудовлетворительнымъ. Доста-

точно подготовленныхъ для преподаванія священниковъ было мало, и тѣ обыкновенно старались заниматься обученіемъ въ приказныхъ сельскихъ школахъ, гдѣ за трудъ свой они получали опредѣленное денежное вознагражденіе; преподаваніе же въ церковно-приходскихъ школахъ поручалось, большею частью, остальнымъ членамъ причта, въ большинствѣ случаевъ весьма мало подготовленнымъ для учительской дѣятельности. Поэтому преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ шло обыкновенно крайне неуспѣшно, и большая часть ихъ, когда требованія духовныхъ властей стихали и начальство успокоивалось въ увѣренности, что разъ обученіе начато, то оно и продолжается,—въ дѣйствительности скоро прекращали свое существованіе или согласно желаніямъ самихъ священнослужителей, или же по отсутствію въ этихъ школахъ учениковъ, такъ какъ крестьяне сами усматривали безполезность обученія дѣтей у учителей такого рода. Впрочемъ, номинально, на бумагѣ, школы часто числились долго; о прекращеніи ихъ приходилось узнавать духовной власти лишь случайно, при объѣздѣ селъ благочиннымъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ мѣстное духовенство объясняло закрытіе школы отсутствіемъ въ населеніи потребности въ ученіи. И духовнымъ консисторіямъ приходилось вновь обращаться къ удѣльнымъ управленіямъ о содѣйствіи съ ихъ стороны къ посѣщенію крестьянскими дѣтьми открытыхъ церковными причтами школъ грамоты и „о внушеніи поселянамъ о пользѣ обученія дѣтей ихъ“.

Въ церковно-приходскія училища мальчики назначались обыкновенно управляющими удѣльными конторами въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, преимущественно изъ бѣдныхъ семействъ того села, гдѣ находилась школа. Количество учениковъ зависѣло отъ желанія священниковъ и общаго числа душъ въ приходѣ. Сроками обученія назначались: 3—4 года для тѣхъ мальчиковъ, которые обучались по программѣ, выработанной для приказныхъ удѣльныхъ училищъ и 1—2 года—для мальчиковъ, обучавшихся только молитвамъ и церковному чтенію. Сначала обученіе производилось безвозмездно, но впослѣдствіи учителямъ уплачивалось отъ 30 до 60 р. за обученіе мальчиковъ по программѣ приказныхъ училищъ и до 30 р.—за обученіе по болѣе краткой программѣ. Всѣ расходы по этимъ школамъ обыкновенно относились или на счетъ остатковъ отъ мірскихъ сборовъ по имѣнію, или же, иногда, на счетъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала.

Постоянныя жалобы на недостатокъ лицъ, пригодныхъ для

выполненія писарскихъ обязанностей въ приказахъ и справедливыя неудовольствія крестьянъ на привлеченіе къ этой обязанности дѣтей, окончившихъ обученіе въ удѣльныхъ сельскихъ училищахъ, вынуждали Департаментъ Удѣловъ не разъ подтверждать управляющимъ удѣльными конторами объ обязательномъ обученіи крестьянскихъ мальчиковъ, преимущественно сиротъ или изъ семействъ бѣдныхъ, у писарей приказовъ. Общее распоряженіе о такомъ обученіи сдѣлано было, какъ сказано выше, еще въ 1804 г., но до сороковыхъ годовъ оно на дѣлѣ почти не исполнялось. Управляющіе конторами обыкновенно затруднялись возлагать подобныя обязанности на писарей, какъ по неподготовленности послѣднихъ къ этой дѣятельности, такъ и по не имѣнію у нихъ свободнаго для этого времени. Но въ концѣ 30-хъ годовъ Департаментъ сталъ категорически настаивать на примѣненіи этой мѣры, отклоняя всякія представленія о неудобствахъ ея и, тогда какъ до 1838 г. у всѣхъ писарей обучалось лишь 172 мальчика, въ 1846 г. такихъ мальчиковъ уже было 573, въ 1850 г.—598 и въ 1858 г.—658. Сборы на содержаніе этихъ мальчиковъ были различны: они простирались отъ 3 — 4 к. съ души по алатырскому, оренбургскому и вятскому имѣніямъ, до 18 к. по нижегородскому, 22 к. по новгородскому и 27 к. по красносельскому имѣніямъ.

Въ удѣльныхъ селеніяхъ существовали и частныя элементарныя школы, содержавшіяся на средства частныхъ лицъ: приказныхъ головъ, удѣльныхъ крестьянъ, купцовъ, окончившихъ курсъ въ удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, хозяевъ образцовыхъ усадебъ и т. п. Въ татарскихъ селеніяхъ школы эти содержались большею частью на средства муллъ. Всѣ подобныя школы открывались обыкновенно съ цѣлью дать возможность недостаточнымъ крестьянамъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ и началамъ вѣры, не посылая ихъ за нѣсколько верстъ въ приказныя удѣльныя училища, и предоставить родителямъ тѣ удобства, которыхъ они лишались, благодаря посылкѣ дѣтей въ удѣльныя училища. Для школъ этихъ одной общей программы выработано не было, вслѣдствіе чего въ однѣхъ—мальчиковъ обучали лишь чтенію церковной печати и Закону Божію, въ другихъ — чтенію и письму, въ третьихъ—и ариѳметикѣ. Въ школахъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ дѣти обучались земледѣлію и разнымъ мастерствамъ, которыя извѣстны были самимъ хозяевамъ усадебъ; Законъ Божій, какъ особый предметъ, у нихъ не преподавался, а по праздничнымъ

днямъ, вечеромъ, мальчикамъ читались разсказы изъ Священной Исторіи. Частныя татарскія училища, „медресе“, носили религіозный характеръ. Муллы, иждивеніемъ и стараніемъ коихъ заводились эти училища, смотрѣли на построеніе ихъ и на обученіе въ нихъ мальчиковъ какъ на дѣло богоугодное. Предметами обученія въ этихъ школахъ были: чтеніе и письмо на восточныхъ языкахъ, молитвы и ариѳметика. Въ цѣляхъ распространенія русскаго языка между татарскимъ населеніемъ и слiянія этого населенія съ русскимъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, по распоряженію Департамента Удѣловъ было введено въ татарскихъ школахъ обязательное обученіе мальчиковъ русскому языку. Въ учителя русскаго языка для этихъ школъ обыкновенно подготовлялись лучшіе ученики тѣхъ же школъ, посылавшіеся предварительно для усвоенія русскаго языка въ удѣльныя приказныя училища. Впослѣдствіи учителямъ русскаго языка въ татарскихъ школахъ платилось жалованье отъ 30 до 60 р. въ годъ изъ хлѣбнаго капитала.

Къ числу такихъ же частныхъ школъ слѣдуетъ отнести и тотъ порядокъ обученія грамотѣ, который сталъ практиковаться въ 60-хъ годахъ, когда населеніе прониклось уже въ значительно большей степени сознаніемъ пользы грамотности и преимуществъ грамотныхъ мальчиковъ предъ ихъ сверстниками, не обучавшимися чтенію. Въ это время въ селахъ промышленныхъ и торговыхъ, гдѣ не было приказныхъ школъ, а частныя или церковно-приходскія почему-нибудь заводить было неудобно, крестьяне стали отдавать дѣтей своихъ на выучку „разнаго званія грамотнымъ людямъ“: безсрочно-отпускнымъ солдатамъ, ветеринарнымъ ученикамъ, причетникамъ, не пріискавшимъ себѣ мѣста служенія семинаристамъ, калѣкамъ и другимъ лицамъ. Многіе изъ этихъ учителей „могли лишь читать, а писать и сами не умѣли“, тѣмъ не менѣе и они приносили безспорную пользу въ дѣлѣ распространенія грамотности среди крестьянъ.

Всѣ перечисленные разряды школъ и училищъ были предназначены исключительно для крестьянскихъ мальчиковъ. Обученіе дѣвочекъ началось лишь съ 1843 г., когда впервые этимъ обученіемъ стали заниматься въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ: симбирскомъ, алатырскомъ, оренбургскомъ и пермскомъ мѣстные священники. На первыхъ же порахъ дѣло это пошло столь успѣшно, что по отчету за 1848 г., слѣдовательно, черезъ какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ со времени его возникновенія, по одному лишь

симбирскому имѣнію обучалось у мѣстнаго духовенства болѣе 1000 дѣвочекъ. Обученіемъ дѣвочекъ занимались жены и другіе члены семействъ священниковъ, а также окончившія курсъ ученія воспитанницы симбирскаго хозяйственнаго училища. За преподаваніемъ этихъ учителей и учительницъ наблюдали мѣстные священники, или же особо назначавшіеся для этого Департаментомъ Удѣловъ, по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, наблюдатели изъ числа лучшихъ мѣстныхъ священниковъ. Обученіе дѣвочекъ производилось вначалѣ безъ вознагражденія, и даже были случаи принятія на себя священниками обязанностей по снабженію нѣкоторыхъ ученицъ одеждою. Но когда количество ученицъ стало возрастать повсемѣстно, то Департаментъ Удѣловъ, по ходатайству управляющихъ удѣльными конторами, началъ разрѣшать выдавать священникамъ вознагражденіе за обученіе на счетъ крестьянскаго капитала. По однимъ имѣніямъ, напримѣръ: симбирскому, нижегородскому, саратовскому, пермскому и костромскому, выдавалось преподавателямъ по 2 р. за каждую хорошо обученную грамотѣ дѣвочку и не раньше, какъ по строгомъ испытаніи ея знаній самимъ управляющимъ удѣльною конторою, его помощникомъ или кѣмъ-либо изъ другихъ удѣльныхъ чиновниковъ. Въ алатырскомъ и тверскомъ имѣніяхъ, въ приходахъ съ населеніемъ, уклонившимся въ расколъ, священники сами отказывались отъ всякаго вознагражденія за обученіе крестьянскихъ дѣвочекъ церковной грамотѣ и Закону Божію. Для поощренія такихъ священниковъ Департаментъ Удѣловъ разрѣшалъ выдавать имъ въ награду отъ 15 до 30 р., оказавшимъ же успѣхи дѣвочкамъ покупались подарки: серьги, бусы, ленты.

По вятскому имѣнію нѣкоторые изъ священниковъ заявляли желаніе получать за выучку дѣвочки 10 р., другіе же отказывались отъ платы лишь за обученіе Закону Божію. Что касается членовъ семействъ священнослужителей (жены, дочери, сыновья), то этимъ лицамъ, за ихъ занятія съ крестьянскими дѣвочками, уплачивалось, обыкновенно, отъ 2 до 3 р. за каждую ученицу. Въ число ученицъ выбирались съ согласія родителей дѣвочки въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ изъ такихъ притомъ семействъ, гдѣ дѣвочки эти не являлись „необходимыми работницами“. Съ мая по октябрь онѣ отъ всякихъ учебныхъ занятій освобождались вовсе. Школы для дѣвочекъ помѣщались иногда въ особыхъ избахъ, выстроенныхъ или нанятыхъ обществами спеціально для этой цѣли, иногда же—въ свободныхъ учительскихъ квартирахъ,

(тамъ, гдѣ учителями были священники, имѣвшіе лучшее помѣщеніе въ домахъ церковныхъ), въ церковныхъ караулкахъ и въ домахъ учителей и учительницъ. Обучавшіяся дѣвочки снабжались безвозмездно необходимыми учебниками: букваремъ, часословомъ и псалтиремъ. Книги эти пріобрѣтались удѣльными конторами на счетъ крестьянскаго же капитала или изъ остатковъ отъ мірскихъ суммъ.

Съ 50-хъ годовъ женскіе монастыри и частныя лица начали учреждать женскія школы на собственныя средства. Изъ числа многихъ школъ, заведенныхъ частными лицами, нельзя не отмѣтить одной, открытой 2 февраля 1860 г. въ удѣльномъ селѣ Турундаевѣ, близъ г. Вологды. Школа эта была устроена крестьяниномъ вельскаго удѣльнаго имѣнія Сорокинымъ, на его собственный счетъ, для безплатнаго обученія въ ней 12 крестьянскихъ дѣвочекъ начальной грамотѣ и рукодѣлію. Названа она была „Сорокинскою женскою школою удѣльнаго вѣдомства". До 1893 г. она содержалась исключительно на средства Сорокина, внесшаго, для постояннаго ея обезпеченія, капиталъ въ 2.000 р., но съ этого года, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и полнаго разстройства своихъ дѣлъ, Сорокинъ лишился возможности поддерживать эту школу, и вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи ея сталъ подвергаться нѣкоторымъ колебаніямъ. Для поддержанія этого добраго начинанія 12 августа 1895 г. испрошено было Высочайшее соизволеніе на принятіе Сорокинской школы въ исключительное вѣдѣніе удѣльнаго вѣдомства, и съ тѣхъ поръ на содержаніе ея ассигнуется изъ удѣльныхъ суммъ ежегодно по 500 р., независимо отъ процентовъ съ указаннаго выше капитала, образованнаго самимъ Сорокинымъ. Къ 1 января 1895 г. въ школѣ было 22 ученицы, а за 35-ти-лѣтній періодъ ея существованія въ ней получили образованіе до 600 крестьянскихъ дѣвочекъ.

Вся постановка дѣла народнаго образованія въ удѣльныхъ имѣніяхъ свидѣтельствуетъ, съ достаточною очевидностью, о томъ, что удѣльная администрація прилагала съ своей стороны не мало заботъ къ распространенію грамотности среди подвѣдомственныхъ ей крестьянъ путемъ устройства для этого многочисленныхъ и разнообразныхъ по своимъ типамъ школъ и училищъ. Но если обратиться къ вопросу о томъ, насколько успѣшно шло обученіе въ этихъ школахъ и къ какимъ результатамъ оно приводило, то по этому предмету, на основаніи имѣющихся данныхъ, за періодъ времени до 1856 г. сказать что-

нибудь положительное—затруднительно. Если, съ одной стороны, такой ревнитель учебнаго дѣла въ тогдашнее время, какъ бывшій директоръ Земледѣльческаго Училища Байковъ, неоднократно ревизовавшій по порученію Департамента Удѣловъ сельскія школы, удостовѣрялъ въ своихъ отчетахъ о вполнѣ удовлетворительномъ ихъ состояніи и выражалъ свое удовольствіе относительно хода въ нихъ преподаванія, то съ другой стороны нельзя не считаться и съ противоположнымъ отзывомъ такого администратора, какъ бывшій Предсѣдатель Департамента Удѣловъ гр. Муравьевъ, который послѣ объѣзда своего удѣльныхъ имѣній въ 1858 г. заявлялъ, что вопросъ о распространеніи настоящей грамотности среди удѣльныхъ крестьянъ оставался все еще „не извлеченнымъ изъ области умозрѣній и далекъ отъ того, чтобы превратиться въ дѣйствительный животворный фактъ“. Принимая во вниманіе то состояніе, въ которомъ вообще находилось въ то время школьное дѣло въ Россіи, едва-ли можно предполагать, чтобы школы, заводившіяся удѣльнымъ вѣдомствомъ, при полномъ почти отсутствіи подготовленнаго учительскаго персонала, составляли въ этомъ отношеніи особенно выдающееся исключеніе.

По донесеніямъ многихъ управляющихъ конторами, относящимся къ 1858—59 гг., въ приказныхъ удѣльныхъ училищахъ преподаваніе велось безъ должной системы и метода: „каждый учитель занимался съ своими учениками по своему, руководствуясь крайнимъ разумѣніемъ“. Обученіе чтенію производилось въ однихъ училищахъ по книгамъ гражданской печати, приноровленнымъ къ дѣтскимъ понятіямъ, а въ другихъ—по церковнымъ книгамъ, безъ объясненія прочитаннаго, благодаря чему мальчики, выучивая заданные уроки наизусть, не понимали смысла выученнаго, составлявшаго для большей части учениковъ „совершенную тайну“. „Множество мальчиковъ“, писалъ завѣдывавшій Вятскою Конторою, „не знаютъ самыхъ необходимыхъ молитвъ, не понимаютъ ни одного изъ обрядовъ вѣры, чужды знанія самыхъ обыкновенныхъ ея правилъ, даже выпускные мальчики не могли рѣшить совершенно простой ариѳметической задачи и не имѣютъ понятія о письмѣ подъ диктовку“. Въ нѣкоторыхъ училищахъ пѣнію учили всѣхъ мальчиковъ, въ другихъ только нѣкоторыхъ, причемъ въ одномъ изъ училищъ составленъ былъ изъ мальчиковъ квартетъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляли пѣть басами. Въ училищахъ района Самарской Конторы, по донесенію управлявшаго тогда

этою Конторою П. А. Рихтера, экзамены производились благочинными, которые основывали свои отзывы на показаніяхъ учителей, назначавшихъ къ выпуску учениковъ, совсѣмъ необученныхъ, ссылаясь на просьбы о томъ родителей, на неспособность мальчиковъ или на иныя тому подобныя причины.

Лучшими были тѣ школы, гдѣ преподавателями состояли семинаристы или окончившіе курсъ наукъ въ удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, но не священники, большая часть которыхъ относилась къ дѣлу довольно индифферентно. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ столь неудовлетворительномъ видѣ оказались въ началѣ 60-хъ годовъ школы, конечно, не повсемѣстно. По нѣкоторымъ имѣніямъ обученіе дѣтей шло весьма успѣшно и именно тамъ, гдѣ учительскій персоналъ былъ лучше и гдѣ примѣнялся методъ преподаванія, введенный извѣстнымъ въ то время педагогомъ Золотовымъ. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаваніе велось по этому методу, какъ напр. во всѣхъ 17 приказныхъ училищахъ Костромской Конторы, учителя требовали отъ учениковъ не зазубриванія уроковъ, а пересказа выученнаго своими словами, „отчего у мальчиковъ успѣшно развивалась способность мышленія и преподанное прочно удерживалось въ ихъ памяти“. На испытаніяхъ познанія мальчиковъ въ этихъ школахъ оказывались, въ общемъ, удовлетворительными.

При неспособности и не подготовленности большинства учителей обученіе въ школахъ, по необходимости, должно было требовать массу времени и продолжалось иногда до 8 лѣтъ. Чтобы избавиться отъ этой тяготы и не лишаться работниковъ изъ своей семьи, болѣе зажиточные крестьяне откупались отъ помѣщенія своихъ дѣтей въ школы, платя за такую льготу старшинамъ, которые часто поступали совершенно безконтрольно при выборѣ мальчиковъ въ училища. Желая искоренить это зло, Департаментъ Удѣловъ неоднократно подтверждалъ управляющимъ конторами о необходимости при выборѣ мальчиковъ въ приказныя училища, строгаго наблюденія за правильностью распредѣленія ихъ — въ зависимости отъ матеріальнаго положенія и отдаленности мѣстожительства родителей—на пансіонеровъ, полупансіонеровъ и содержащихся на средства родителей и родственниковъ; затѣмъ, въ концѣ 50-хъ годовъ Департаментъ установилъ общее правило, чтобы въ число пансіонеровъ принимались исключительно сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей и чтобы изъ числа окончившихъ ученіе, въ составъ ветеринарныхъ учениковъ

и писарей выбирались лишь ученики, бывшіе пансіонерами. Такимъ распоряженіемъ съ одной стороны имѣлось въ виду достигнуть обученія дѣтей бѣдныхъ, а съ другой — давалась возможность крестьянамъ болѣе или менѣе состоятельнымъ помѣщать въ школы своихъ дѣтей безъ опасенія лишиться ихъ впослѣдствіи, какъ работниковъ семьи. Максимальнымъ срокомъ пребыванія дѣтей въ сельскихъ школахъ назначено было три года. Къ этому же времени относятся предпринятыя Департаментомъ мѣры поощренія частнаго обученія крестьянскихъ дѣтей у отдѣльныхъ учителей или въ частныхъ школахъ. Сознавая, что число заведенныхъ приказныхъ училищъ далеко не соотвѣтствуетъ количеству населенія и что открытіе потребнаго числа новыхъ такихъ школъ было бы обременительно для крестьянъ, Департаментъ рѣшилъ воспользоваться усилившимся въ то время появленіемъ въ деревняхъ свободныхъ или случайныхъ учителей, о которыхъ было уже упомянуто выше. Въ цѣляхъ поощренія такихъ учителей, разрѣшено было выдавать въ пособіе каждому лицу, которое занималось обученіемъ грамотѣ и молитвамъ не менѣе 10 мальчиковъ или дѣвочекъ, отъ 1½ до 2 чтк. ржи за мѣсяцъ занятій; тѣмъ же изъ этихъ учителей или учительницъ, которые успѣвали научать своихъ учениковъ, кромѣ чтенія и молитвъ, еще счету и письму, а дѣвочекъ—свойственнымъ крестьянскому быту рукодѣліямъ, уплачивалось до двухъ рублей за полную выучку каждаго, приготовленнаго такимъ образомъ ученика или ученицу. Выдача пособій хлѣбомъ предоставлялась власти управляющихъ конторами, уплата же денегъ могла производиться лишь съ разрѣшенія Департамента по представленіямъ управляющихъ конторами, на обязанности которыхъ лежало лично, или чрезъ помощниковъ своихъ и депутатовъ, удостовѣряться въ успѣхахъ учениковъ у тѣхъ преподавателей, для которыхъ испрашивалось денежное вознагражденіе.

Въ концѣ 50-хъ годовъ обращено было также вниманіе на недостатокъ или непригодность имѣвшихся въ училищахъ учебниковъ и на полное отсутствіе библіотекъ при школахъ. Признавая открытіе библіотекъ весьма важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ распространенія образованія среди населенія, Департаментъ Удѣловъ сталъ учреждать ихъ, по возможности, при всѣхъ приказныхъ училищахъ и разсылалъ туда книги, какъ для чтенія народа, такъ и для руководства учителей. Въ то же время разосланы были во всѣ приказныя училища необходимые учебники взамѣнъ преж-

нихъ, остававшихся въ училищахъ съ 40-хъ годовъ безъ возобновленія и пришедшихъ поэтому въ совершенную негодность. Учебниками же были снабжаемы и всѣ частныя школы: ихъ раздавали учащимся у свободныхъ учителей. Съ этого же времени Департаментомъ Удѣловъ разрѣшено было отдавать мальчикамъ и дѣвочкамъ въ ихъ собственность тѣ буквари, по коимъ они учились, а мальчикамъ, оказавшимъ особые успѣхи, начали раздавать и другія книги: Евангеліе, бесѣды о явленіяхъ природы и т. п.; стали награждаться также и учителя, какъ приказныхъ, такъ и частныхъ школъ, въ довольно щедрыхъ для того времени размѣрахъ (въ годъ приходилось до 75 р. на одно лицо).

Всѣ расходы по вознагражденію учителей частныхъ и приходскихъ школъ и по снабженію этихъ школъ учебными книгами и пособіями съ 1858 г. стали относиться не на счетъ мірскихъ сборовъ, а на счетъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала. Впрочемъ, съ отмѣною въ 1861 г. общественныхъ запашекъ, служившихъ источникомъ образованія этого капитала, всѣ расходы на школьное дѣло, по необходимости, должны были покрываться вновь мірскими сборами; желая, по возможности, урегулировать этотъ расходъ, Департаментъ Удѣловъ въ 1862 г. распорядился установленіемъ отдѣльнаго по каждому приказу сбора на учебную часть, въ размѣрѣ дѣйствительной на это надобности и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ по всѣмъ конторамъ, кромѣ Костромской, обязательное для крестьянъ содержаніе въ приказныхъ училищахъ мірскихъ пансіонеровъ.

Совокупность всѣхъ изложенныхъ мѣръ имѣла цѣлью приблизить простую дешевую школу къ крестьянской избѣ, сократить срокъ ученія и расходы на него для крестьянъ и тѣмъ самымъ сдѣлать доступнымъ обученіе грамотѣ наибольшему числу учащихся безъ обремененія родителей или родственниковъ. Постоянное возрастаніе числа учащихся свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣры эти достигали намѣченной цѣли, „чтобы сословію, выходящему относительно удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ изъ подъ нравственнаго попечительства и призываемому къ самоуправленію въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, были по возможности обезпечены средства къ просвѣщенію и чтобы оно прониклось точнымъ сознаніемъ своего положенія“.

О значительномъ ростѣ числа школъ и учащихся въ началѣ 60-хъ годовъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

Годы.	Число приказныхъ училищъ во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.	Число учащихся въ нихъ.	Число частныхъ школъ.	Число учащихся въ нихъ.	
				мальчиковъ.	дѣвочекъ.
1860	243	8.280	1.766	13.341	9.915
1861	254	8.642	1.766	15.811	10.742
1862	294	9.378	1.878	15.892	11.179
1863	376	11.394	1.885	16.809	9.561

Весь расходъ на школьное дѣло въ 1863 г. достигъ 853 тыс. р.

14 іюля 1864 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе общаго Положенія о начальныхъ училищахъ, по которому и въ удѣльныхъ училищахъ хозяйственная часть подлежала передачѣ въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ, а надзоръ за учебною частію долженъ былъ перейти къ мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. За неоткрытіемъ, однако, въ 1864 г. этихъ совѣтовъ, училища въ удѣльныхъ селеніяхъ оставались еще въ теченіе 1864 г., какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ въ завѣдываніи мѣстнаго удѣльнаго управленія, и лишь въ 1865 г. училищныя суммы и хозяйственная часть сельскихъ школъ были переданы въ волостныя правленія, а надзоръ за учебною частію тамъ, гдѣ училищные совѣты еще не были открыты, перешелъ къ губернскимъ дирекціямъ училищъ.

Со введеніемъ крестьянской реформы Удѣлы не прекратили окончательно своей попечительной дѣятельности о народномъ образованіи, которая проявляется и теперь то безвозмездною уступкою принадлежащихъ Удѣламъ строеній для помѣщенія школъ, то единовременнымъ ассигнованіемъ денегъ на устройство или ремонтъ послѣднихъ, то безплатнымъ отпускомъ лѣса на эти постройки или на отопленіе ихъ, то безплатной уступкой земельныхъ участковъ для устройства на нихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ и учительскихъ семинарій, или же, наконецъ, учрежденіемъ самыхъ школъ и постояннымъ содержаніемъ ихъ на средства Удѣловъ.

Въ настоящее время на счетъ удѣльныхъ суммъ содержатся слѣдующія школы: въ имѣніи Его Величества „Ливадія“—въ

Крыму, въ Ропшинскомъ имѣніи, близъ С.-Петербурга, въ с. Бородинѣ московской губ., въ с. Тимашевѣ самарской губ. и пять школъ въ Юго-Западномъ краѣ. До 1881 г. содержались также на счетъ удѣльнаго вѣдомства двѣ школы въ с. Ильинскомъ (одна для мальчиковъ и другая для дѣвочекъ) и одна школа въ сосѣднемъ с. Усовѣ, подъ Москвой. Эти три школы были и построены Удѣлами — двѣ въ Ильинскомъ, одна — въ 1865 г., а другая—въ 1880 г. и въ Усовѣ—въ 1873 г., но съ переходомъ Ильинскаго имѣнія въ 1881 г., по завѣщанію Государыни Императрицы Маріи Александровны, въ собственность Великаго Князя Сергія Александровича, дальнѣйшее отношеніе удѣльнаго вѣдомства къ этимъ школамъ прекратилось.

В. Училища земледѣльческія и ремесленныя.

Практическая Школа Земледѣлія.—Открытіе въ 1833 г. Земледѣльческаго Училища.—Программа и цѣль его.—Служебный персоналъ и ученики.—Практическія занятія земледѣліемъ и ремеслами.—Фермы.—Образцовыя избы. Постепенное измѣненіе первоначальнаго характера Училища.—Закрытіе Училища въ 1867 г. Ремесленныя училища въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Кромѣ заботъ о распространеніи среди удѣльныхъ крестьянъ грамотности, для чего открывались приказныя училища и общеобразовательныя школы, удѣльное вѣдомство, съ тридцатыхъ годовъ, ставитъ себѣ еще другую задачу—научить постепенно крестьянъ улучшеннымъ пріемамъ земледѣлія и содѣйствовать развитію въ удѣльныхъ селеніяхъ ремеслъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. Съ этою цѣлью учреждаются воспитательныя заведенія иного типа, которыя въ настоящее время назвали бы профессіональными — заведенія, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ занятія практическія, а обученіе грамотѣ и вообще занятія классныя являются только предметомъ придаточнымъ.

Важнѣе всего было, конечно, улучшить земледѣліе, какъ главнѣйшій источникъ крестьянскаго благосостоянія, а потому и заботы удѣльнаго управленія по этой части были обращены прежде всего на организацію образованія именно земледѣльческаго.

Первое, существовавшее на удѣльныя средства, земледѣльческое училище возникло одновременно съ учрежденіемъ самого Департамента Удѣловъ. Основано оно было, впрочемъ, не по иниціативѣ удѣльнаго вѣдомства, и поставленныя ему задачи

не вполнѣ отвѣчали тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовались въ этомъ дѣлѣ Удѣлами, чѣмъ и объясняется, конечно, недолголѣтнее его существованіе.

Указомъ, даннымъ 30 апрѣля 1797 г., Императоръ Павелъ I повелѣлъ образовать въ вѣдомствѣ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства „Практическую Школу Земледѣлія", главная цѣль которой должна была заключаться „въ образованіи наставниковъ, долженствующихъ со временемъ ввести повсюду изученныя ими правила хлѣбопашества и сельскаго хозяйства". Поэтому школа прежде всего имѣла въ виду знакомить съ сельскимъ хозяйствомъ людей свободныхъ сословій съ тѣмъ, чтобы они могли потомъ занимать мѣста управителей имѣній, приказчиковъ, садоводовъ и т. п. Лишь дополнительною задачею ея было распространеніе улучшенныхъ способовъ землепашества между крестьянами. Сообразно съ этимъ, составъ обучавшихся въ школѣ былъ крайне разнообразенъ. По выработанному штату при школѣ полагалось восемь питомцевъ университета, десять питомцевъ и десять питомицъ воспитательныхъ домовъ, пять семинаристовъ и двадцать крестьянъ. Главнымъ занятіемъ должно было быть практическое обученіе пріемамъ земледѣлія, огородничеству, садоводству и другимъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, а лица свободныхъ сословій обучались, кромѣ того, Закону Божію, исторіи, географіи и ариѳметикѣ, а въ зимнее время ихъ предполагалось занимать чтеніемъ книгъ о земледѣліи и даже переводами лучшихъ нѣмецкихъ сочиненій по сельскому хозяйству. Воспитанницы имѣли тоже уроки общеобразовательныхъ предметовъ и, кромѣ того, обучались разнымъ домашнимъ работамъ, уходу за скотомъ, птицею и т. п. Крестьянъ назначено было брать въ школу изъ казенныхъ селеній разныхъ губерній, въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ, и послѣ трехлѣтняго пребыванія отпускать обратно. На крестьянахъ лежали всѣ полевыя работы, такъ какъ прочіе воспитанники должны были участвовать въ этихъ работахъ лишь на столько, „чтобы сдѣлать навыкъ въ употребленіи земледѣльческихъ орудій и въ нужныхъ пріемахъ". Всѣ эти ученики содержались на казенный счетъ и ежегодный расходъ на школу составлялъ болѣе 20 тыс. руб. асс.

Школѣ, открытой лѣтомъ 1798 г., былъ отведенъ участокъ въ 252 дес. при деревнѣ Тярлево, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Устраивалъ ее, лично извѣстный Госу-

дарю, протоіерей Самборскій, а директоромъ назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ Бакунинъ.

Въ мартѣ 1798 г. Экспедиція Государственнаго Хозяйства, сообщивъ Департаменту Удѣловъ о цѣли утвержденія Школы, просила выбрать и прислать туда на три года 20 крестьянъ изъ удѣльныхъ имѣній разныхъ губерній, что и было исполнено. Затѣмъ, спустя болѣе года, по Высочайше конфирмованному 10 октября 1799 г. докладу Правительствующаго Сената, Школа Земледѣлія была передана въ вѣдомство Департамента Удѣловъ, причемъ желательность такой передачи Сенатъ мотивировалъ тѣмъ, что находившіеся въ школѣ крестьяне взяты были изъ удѣльныхъ имѣній и что „польза, отъ того заведенія ожидаемая, съ лучшею успѣшностью распространиться можетъ между поселянъ, подъ особымъ управленіемъ и призоромъ находящихся“.

Послѣ перехода въ вѣдѣніе Департамента Удѣловъ, Школа Земледѣлія продолжала существовать съ прежней программой. Изъ предоставленнаго Школѣ участка до 58 дес. было разработано, и земля эта засѣвалась разными хлѣбами и картофелемъ. Школа производила опыты новыхъ для петербургской губерніи культуръ (рапсъ, греча, полба), знакомила учениковъ съ болѣе совершенными земледѣльческими орудіями, обучала ихъ садоводству и огородничеству; кромѣ того, въ числѣ предметовъ преподаванія значились: межеваніе, архитектура, рисованіе и даже лѣсоводство—судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что изъ школы выпущено было два „искусныхъ форстмейстера“. Учениками Школы переведены были два иностранныхъ сочиненія о лѣсахъ. Въ концѣ 1802 г. 16 человѣкъ удѣльныхъ крестьянъ, пробывшихъ въ Школѣ три года, возвращены были обратно въ свои селенія, но, какъ выше уже сказано (см. стр. 182), эти воспитанники Школы Земледѣлія у себя на родинѣ оказались малополезными.

Такимъ образомъ, Практическая Школа Земледѣлія, по характеру своего устройства, являлась учрежденіемъ обще-государственнымъ, интересамъ же удѣльнымъ она служила мало; между тѣмъ содержаніе ея относилось всецѣло съ 1799 г. на средства удѣльнаго вѣдомства и сильно обременяло его бюджетъ. Поэтому вскорѣ поднятъ былъ вопросъ о передачѣ Школы въ вѣдомство Вольно-Экономическаго Общества, но это предположеніе не осуществилось, и тогда, назначенный съ 1802 г. Министромъ Удѣловъ, Д. Т. Трощинскій пришелъ къ заключенію о необходимости

закрытія Школы, на что и испрошено было въ концѣ 1803 г. Высочайшее повелѣніе.

Съ этого времени, въ теченіе послѣдующихъ почти тридцати лѣтъ, мы не встрѣчаемся въ дѣятельности Удѣловъ съ попытками устройства новаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія. Вся первая четверть нынѣшняго столѣтія ушла для удѣльной администраціи на организаціонную работу по сформированію самого вѣдомства и по устройству его управленія, оказавшагося довольно сложнымъ, въ особенности на мѣстахъ, такъ какъ здѣсь приходилось имѣть дѣло не только съ администрированіемъ самыхъ имѣній, но и съ управленіемъ нѣсколькими сотнями тысячъ крестьянъ. Лишь тогда, когда къ концу этого устроительнаго періода во главѣ Удѣловъ стали два такихъ энергичныхъ дѣятеля, какъ князь П. М. Волконскій и его главный помощникъ по удѣльному вѣдомству Л. А. Перовскій, началась болѣе дѣятельная внутренняя работа, выразившаяся въ послѣдовательномъ рядѣ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью, главнымъ образомъ, улучшеніе быта и поднятіе благосостоянія удѣльныхъ крестьянъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ для распространенія грамотности среди крестьянъ выработано было, какъ мы видѣли, особое положеніе объ устройствѣ въ удѣльныхъ селеніяхъ училищъ, которыя и стали съ тѣхъ поръ постепенно открываться. Къ этому же времени относятся первыя систематическія мѣры по охраненію въ удѣльныхъ имѣніяхъ народнаго здравія. Въ 1827 г. вводится общественная запашка, и въ прямой связи съ нею возникаетъ пятью годами позже, въ 1832 г., Земледѣльческое Училище, но уже на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ та Практическая Школа Земледѣлія, которая существовала въ началѣ столѣтія.

Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла надо считать тогдашняго Вице-президента Департамента Удѣловъ, впослѣдствіи графа Л. А. Перовскаго, которому вновь открытое Училище непосредствено было подчинено и который постоянно обращалъ на него большое вниманіе и особенно заботился о его процвѣтаніи.

Самая исторія возникновенія этого новаго учебнаго заведенія была такова.

По правиламъ объ устройствѣ въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки было постановлено, между прочимъ, чтобы суммы, которыя будутъ выручаться отъ продажи излишковъ хлѣба, обращались въ особый капиталъ подъ названіемъ крестьянскаго, предназначавшійся на устройство разныхъ полезныхъ для крестьянъ

учрежденій. Къ 1832 г. такого капитала составилось уже болѣе двухъ милліоновъ р. асс. Докладывая объ этомъ Государю Императору, князь П. М. Волконскій полагалъ, что было бы вполнѣ цѣлесообразно употребить накопившійся капиталъ „на усовершенствованіе хлѣбопашества, которое, находясь у насъ въ почти первобытномъ состояніи, требовало вниманія правительства". Для этого князь Волконскій проектировалъ устроить училище, въ которомъ крестьянскіе мальчики, взятые изъ разныхъ удѣльныхъ имѣній, обучались бы земледѣлію и необходимымъ въ деревенскомъ быту ремесламъ съ тѣмъ, чтобы лучшіе изъ окончившихъ курсъ опредѣлялись затѣмъ смотрителями общественныхъ запашекъ, а менѣе способные — приказными писарями. Это мнѣніе князя Волконскаго удостоилось одобренія Государя, и 15 мая 1832 г. было Высочайше утверждено Положеніе объ удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, дѣйствовавшее 25 лѣтъ почти безъ взякихъ измѣненій.

Согласно этому Положенію комплектъ учениковъ опредѣленъ былъ въ 250 человѣкъ. Ученики состояли исключительно изъ набиравшихся въ разныхъ удѣльныхъ селеніяхъ молодыхъ крестьянъ, въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ. Курсъ ученія продолжался 4 года, послѣ чего воспитанники оставались еще на два года для практическихъ занятій, такъ что всего они пробывали въ училищѣ 6 лѣтъ. За это время ихъ обучали грамотѣ, нѣкоторымъ предметамъ первоначальнаго образованія, улучшеннымъ пріемамъ земледѣлія, скотоводству и нѣкоторымъ ремесламъ. Пища, одежда и весь образъ жизни учениковъ должны были быть приноровлены къ обычному крестьянскомуобиходу, и поэтому при училищѣ не полагалось никакихъ постороннихъ рабочихъ,—всѣ домашнія работы должны были исполняться самими учениками.

Одновременно были выработаны также подробныя правила о наборѣ учениковъ. Согласно этимъ правиламъ Департаментъ Удѣловъ составлялъ ежегодно росписаніе о томъ, сколько человѣкъ въ данномъ году требовалось по вѣдомству каждой изъ удѣльныхъ конторъ для пополненія комплекта Училища и сообщалъ объ этомъ управляющимъ конторами, которые должны были лично набирать требуемое количество учениковъ и присылать въ Училище только мальчиковъ способныхъ и хорошей нравственности [5]). Снабженіе выбранныхъ мальчиковъ необходимымъ для дороги платьемъ и обувью и доставка ихъ въ Училище производились на счетъ тѣхъ удѣльныхъ приказовъ, къ которымъ маль-

чики принадлежали. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по прибытіи набранныхъ учениковъ въ Училище, производилось испытаніе ихъ способностей и нравственности, послѣ чего оказавшіеся непригодными отсылались обратно и притомъ съ соблюденіемъ того же условія, какое установлено было на подобный случай въ главныхъ удѣльныхъ училищахъ, т. е. „оказавшіеся тупого понятія отправлялись обратно на счетъ управляющаго, который ихъ выбралъ, а признанные неблагонадежными и дурной нравственности—на счетъ старшинъ и крестьянъ, которые ихъ одобрили“ [6]).

Директоромъ вновь открывшагося Училища былъ назначенъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ, бывшій до того профессоромъ математики и агрономіи и инспекторомъ студентовъ Харьковскаго Университета. Это былъ, какъ видно изъ послѣдующей его дѣятельности въ Удѣлахъ, способный организаторъ и человѣкъ громадной энергіи и большихъ знаній, хотя, быть можетъ, теоретическіе взгляды его и оказались нѣсколько односторонними. Байковъ пользовался особымъ довѣріемъ Л. А. Перовскаго и, состоя директоромъ Земледѣльческаго Училища (въ этой должности онъ и умеръ въ 1849 г.), былъ въ то же время главнымъ руководителемъ основанныхъ по его мысли удѣльныхъ ремесленныхъ училищъ и вообще имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшее направленіе всего общаго и профессіональнаго образованія по удѣльному вѣдомству. Байковъ ревизовалъ всѣ существовавшія въ Удѣлахъ учебныя заведенія, командировался неоднократно для ознакомленія съ положеніемъ хозяйства въ удѣльныхъ имѣніяхъ и въ большихъ помѣщичьихъ экономіяхъ и (какъ видно изъ предшествующихъ главъ) по всякому сколько-нибудь значительному вопросу, возникавшему по сельско-хозяйственной или учебной части, Департаментъ Удѣловъ обыкновенно спрашивалъ у Байкова его мнѣніе, которое большею частью и принималось.

По назначеніи директоромъ, Байковъ въ теченіе года, пока шла постройка зданій для новаго Училища, объѣхалъ всѣ удѣльныя имѣнія, чтобы ближе ознакомиться съ особенностями каждой мѣстности, состояніемъ въ ней земледѣлія и промысловъ и, между прочимъ, собралъ большую коллекцію употреблявшихся въ разныхъ губерніяхъ крестьянскихъ земледѣльческихъ орудій, которыя потомъ вошли въ составъ сельско-хозяйственнаго музея при Училищѣ.

Для помѣщенія будущаго Училища и фермы при немъ былъ

выбранъ участокъ въ 85 дес. на шестой верстѣ отъ С.-Петербурга, по выборгской дорогѣ (гдѣ нынѣ станція „Удѣльная“ Финляндской ж. д.). На этомъ участкѣ были построены: главный домъ съ церковью, рекреаціоннымъ заломъ и классами, домъ для служащихъ, столовая и спальня для учениковъ, кухни, мастерскія и другія хозяйственныя зданія. Къ осени 1833 г. первый комплектъ въ 250 учениковъ былъ доставленъ въ С.-Петербургъ, и 1 октября того же года Училище было открыто [7]).

Служебный персоналъ Училища состоялъ изъ директора съ помощникомъ, эконома, священника и лекаря. Для классныхъ занятій были приглашены 4 учителя изъ воспитанниковъ бывшей красносельской учительской школы, а для обученія ремесламъ—10 мастеровъ, выбранныхъ изъ удѣльныхъ крестьянъ.

Согласно общему плану обученія, воспитанники лѣтомъ должны были заниматься преимущественно полевыми работами, а зимою—классными занятіями и, кромѣ того, въ теченіе всего года въ мастерскихъ—разными ремеслами. Отведенный Училищу участокъ представлялъ собою землю, ранѣе никогда не обрабатывавшуюся, съ почвой болотистой и частью, ближе къ Поклонной горѣ, песчаной. Подготовленіемъ такой земли подъ посѣвъ начинались всегда полевыя занятія воспитанниковъ, которыми руководилъ самъ директоръ. Для осушенія почвы прокапывались канавы; затѣмъ земля очищалась отъ кустарника, выкорчевывались корни, рубились кочки, сбирался въ кучи мохъ и верескъ и, такимъ образомъ, участокъ приводился въ культурное состояніе. Въ первую осень, такимъ образомъ, было подготовлено 11 дес. къ яровому посѣву слѣдующаго года, а въ 1834 г. было вновь поднято 28 дес, частью подъ озимый, частью подъ яровой посѣвы. Подобныя работы производились ежегодно и, чтобы въ распоряженіи Училища имѣлось всегда необходимое количество такой цѣлинной земли, къ училищному участку было прикуплено вскорѣ нѣсколько сосѣднихъ земель, такъ что впослѣдствіи общая площадь училищной земли достигла почти 400 дес. При обработкѣ земли воспитанники знакомились и съ разными способами удобренія полей. Первоначально брался для этого мусоръ изъ городскихъ свалокъ, а потомъ, по заведеніи скотнаго двора, въ Училищѣ начали приготовлять компосты изъ мха, листьевъ или соломы, перемѣшанныхъ съ отбросами и навозомъ. Употреблялась также известь для улучшенія болотистыхъ почвъ. При пашнѣ, бороньбѣ, посѣвѣ, уборкѣ и другихъ полевыхъ работахъ, для сравненія бо-

лѣс усовершенствованныхъ орудій съ крестьянскими, нерѣдко одна и та же работа велась параллельно на двухъ смежныхъ поляхъ разными орудіями. Такъ, Байковъ доказывалъ, напр. выгоды смаллеевскаго плуга, экстирпатора Уатсона и нѣкоторыхъ другихъ орудій. Затѣмъ, къ числу занятій по хлѣбопашеству относилась сушка хлѣба въ образцовомъ овинѣ и размолъ его на небольшой мельницѣ. Полевыя работы хотя и начинались съ перваго года поступленія учениковъ въ Училище, но преимущественно ими занимались старшіе воспитанники, уже окончившіе курсъ класснаго ученія; они дѣлились для этого на артели изъ шести человѣкъ (шестаки); каждый шестакъ имѣлъ своего старосту и свое поле, на которомъ и велъ работы.

Обученіе мастерствамъ продолжалось въ теченіе цѣлаго года; первоначально предполагалось знакомить учениковъ лишь съ такими ремеслами, которыя были необходимы для приготовленія земледѣльческихъ орудій (плотничнымъ, столярнымъ, кузнечнымъ); но съ теченіемъ времени въ курсъ Училища вошли постепенно и занятія разными другими мастерствами: телѣжнымъ, бочарнымъ, малярнымъ, печнымъ, кожевеннымъ, портняжнымъ, сапожнымъ, дубленіемъ овчинъ и проч. Занятія эти производились въ мастерскихъ, для которыхъ были возведены особыя постройки. Нѣкоторымъ ремесламъ воспитанники обучались, выполняя какую-нибудь требовавшуюся для Училища работу. Такъ напр., дѣлая, подъ руководствомъ мастера, мосты на проведенныхъ по участку канавахъ, загородки и перила, гдѣ это было нужно, и обучившись такимъ образомъ плотничеству, ученики Училища въ 1835 г. постепенно выстроили всѣ зданія вновь заведенной тогда фермы; обучавшіеся портняжному ремеслу шили въ то же время бѣлье и одежду воспитанникамъ и т. п.

Классныя занятія велись подъ руководствомъ особыхъ четырехъ учителей. Весь курсъ состоялъ изъ трехъ классовъ, причемъ въ послѣднемъ высшемъ классѣ необходимо было пробыть два года. Въ низшемъ классѣ воспитанники обучались чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и Закону Божію; въ среднемъ, кромѣ продолженія занятій общими предметами, давались понятія о теоріи хлѣбопашества; въ высшемъ классѣ проходилось изъясненіе Евангелія и литургіи, теорія хлѣбопашества, примѣняемая на практикѣ и часть механики съ примѣненіемъ къ устройству мельницъ; кромѣ того, воспитанники знакомились практически со способами измѣренія земли, съ употребленіемъ

мензулы и другихъ землемѣрныхъ инструментовъ. Для повѣрки успѣшности классныхъ занятій директоръ долженъ былъ производить разъ въ 3 мѣсяца частныя испытанія, а разъ въ году, въ февралѣ мѣсяцѣ, бывалъ публичный экзаменъ каждому классу, обыкновенно, въ присутствіи Вице-президента или членовъ Департамента Удѣловъ. Лучшіе изъ воспитанниковъ, въ особенности изъ числа оканчивавшихъ курсъ, награждались похвальными листами и цвѣтными рубахами.

Кромѣ занятій воспитательныхъ часть времени, и довольно значительную, воспитанники тратили на выполненіе всякихъ домашнихъ работъ по Училищу. По очереди они работали на кухнѣ въ качествѣ кухарей, кашеваровъ и хлѣбопековъ, исполняли обязанности прислуги въ столовой, стирали въ прачешной бѣлье, производили всѣ работы по содержанію зданій въ порядкѣ и, наконецъ, изъ нихъ же назначались всѣ караульные на ночное время писаря и разсыльные при директорѣ.

Относительно порядка чередованія занятій въ основу положено было то правило, что каждый воспитанникъ долженъ въ перемежку заниматься всѣми предметами, ремеслами и работами, какимъ Училище обучало. Правила этого Байковъ строго держался и придавалъ ему, повидимому, особенное значеніе, такъ какъ тотъ же порядокъ былъ введенъ по его указанію и въ открытыхъ позднѣе ремесленныхъ училищахъ. Поэтому каждый воспитанникъ въ теченіе года проводилъ извѣстное число дней (обыкновенно не подрядъ) въ классѣ, въ полѣ, на фермѣ и въ каждой изъ мастерскихъ. Распредѣленіе занятій между учениками дѣлалось разъ навсегда установленнымъ порядкомъ. Ежедневно составлялся списокъ работъ и занятій на слѣдующій день съ распредѣленіемъ ихъ между отдѣльными учениками *), причемъ очередь каждаго изъ учениковъ установлялась „по способу перестановки буквъ въ Ньютоновомъ биномѣ, какъ вѣрнѣйшемъ средствѣ избѣжать всякой запутанности“. Изъ данныхъ, относящихся къ началу пятидесятыхъ годовъ, видно, что при такомъ распредѣленіи занятій изъ общаго числа рабочихъ дней въ те-

---

*) Въ видѣ примѣра приводимъ здѣсь такое росписаніе (ежедневный нарядъ) на 8 мая 1838 г.: въ классы—30 чел., на разныя полевыя и огородныя работы—65, портныхъ—16, сапожниковъ—3, столяровъ—7, работать земледѣльческія орудія—25, работать модели—4, кузнецовъ—10, слесарей—2, бочаровъ—2, плотниковъ—15, маляровъ—2, печниковъ—4, пилить лѣсъ—4, дровоколовъ—2, конюховъ—3, скотниковъ—13, пчельниковъ—1, мусорщиковъ—3, въ образцовыхъ избахъ—9, на разныя должности по училищу—30, итого 250 чел.

ченіе года приходилось: на классныя занятія 10%, на земледѣліе 25%, на мастерства 20%, на постройки 5% и на отправленіе должностей и занятія по Училищу 40%.

Внутренняя дисциплина въ Училищѣ была довольно строгая, и весь ходъ дневныхъ занятій былъ точно опредѣленъ изъ часа въ часъ [8]). Наблюдали за учениками особые надзиратели изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, по одному на 50 воспитанниковъ. Надзиратель обязанъ былъ находиться при своей полусотнѣ во все время, пока она не была разбита по занятіямъ (во время вставанія, при перекличкахъ, во время отдыховъ и т. п.); онъ водилъ своихъ учениковъ въ церковь, къ обѣду, обѣдалъ и спалъ съ ними. Затѣмъ, изъ каждаго десятка учениковъ выбирался одинъ старшій, который наблюдалъ за своимъ десяткомъ. Для наблюденія же за работами выбрано было изъ лучшихъ воспитанниковъ 6 сотскихъ, которые по дневному списку провѣряли число работавшихъ въ разныхъ мѣстахъ участка и отмѣчали степень успѣшности работъ.

Одежда воспитанниковъ состояла изъ сѣраго кафтана крестьянскаго покроя съ зеленымъ кушакомъ и поярковой шляпы, а зимой—шапки; старшіе—для отличія—носили кафтаны темнозеленаго солдатскаго сукна и красные кушаки.

Съ первыхъ же лѣтъ существованія Училища задача его нѣсколько измѣнилась въ томъ отношеніи, что, съ учрежденіемъ при удѣльныхъ селеніяхъ, въ цѣляхъ ознакомленія крестьянъ съ усовершенствованными способами сельскаго хозяйства, особыхъ образцовыхъ усадебъ *), на Земледѣльческое Училище было возложено подготовленіе изъ среды его учениковъ хозяевъ для этихъ усадебъ. Образцовыя усадьбы занимали въ то время на столько вниманіе удѣльной администраціи, что указанная новая задача Земледѣльческаго Училища стала въ скоромъ времени одною изъ первѣйшихъ его заботъ. Уже въ 1836—1837 гг. при Училищѣ построены были двѣ особыя избы, изъ которыхъ одна, названная саратовскою, должна была служить образцомъ для хозяйства степной полосы, а другая—владимірская—для хозяйства средне-русскаго. Къ началу сороковыхъ годовъ число такихъ образцовыхъ избъ увеличилось до четырехъ, а въ 1843 г. ихъ уже насчитывалось 14. Къ каждой избѣ былъ отведенъ особый участокъ земли величиною отъ $1^1/_2$ до 6 дес., и въ этихъ

*) Подробности этого учрежденія изложены въ главѣ V.

образцовыхъ избахъ селилось на два года по трое изъ старшихъ воспитанниковъ, для пріученія къ самостоятельному хозяйству. На каждое такое хозяйство давалось: 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы и 6 куръ, необходимыя сельско-хозяйственныя орудія и сѣмена. Первоначально было предположено, что хозяева такихъ образцовыхъ усадебъ будутъ сами содержать себя доходами отъ усадебъ, но это предположеніе такъ и осталось въ проектѣ. Изъ отчетовъ за позднѣйшіе года видно, что все необходимое для каждой усадьбы (припасы для продовольствія, фуражъ для скота, одежда, дрова и проч.) отпускалось изъ запасовъ Училища, и хозяева усадебъ не освобождались отъ общаго наряда на работы въ мастерскихъ и по Училищу.

Во всей остальной своей организаціи Земледѣльческое Училище сохраняло, впрочемъ, первоначальный свой характеръ неприкосновеннымъ вплоть до второй половины 50-хъ гг. Практическое обученіе земледѣлію оставалось, по прежнему, главною воспитательною задачею Училища. Сообразно съ этимъ, преимущественное вниманіе обращалось на полеводство и обработку земли. Площадь годной для посѣвовъ земли постепенно все увеличивалась. Составляя въ 1834 г., какъ указано выше, всего 11 дес., въ 1840 г. она достигла 70 дес., къ 1845 г.—125 дес. и къ 1850 г.—199 дес. Въ 1856 г. при Училищѣ воздѣлывалось уже 232 дес., изъ которыхъ 33 состояло подъ озимью, 61 дес. подъ яровымъ, 102 дес. подъ лугами, естественными и засѣянными травой послѣ хлѣбовъ, 5 дес. подъ огородомъ, 1½ дес. подъ садомъ и 29½ дес. подъ залежью и выгономъ. Системы полеводства практиковались различныя. Такъ, въ концѣ 30-хъ гг. введенъ былъ на извѣстномъ пространствѣ, какъ особенно пригодный для хозяйствъ средней полосы, шестипольный сѣвооборотъ со включеніемъ травы и картофеля, и для хозяйствъ южной полосы—десятипольный, при которомъ 5 полей оставались попеременно въ залежи и служили пастбищемъ. Изъ отчетовъ за 1856 г. видно, что къ этому времени заведены уже были на училищныхъ поляхъ 8 различныхъ сѣвооборотовъ (трехъ, четырехъ, пяти, шести и восьмипольные). Многіе изъ нихъ, впрочемъ, къ простому крестьянскому хозяйству едва-ли были особенно примѣнимы, на что позднѣе и указывалось какъ на одинъ изъ недостатковъ Училища. Въ то же время, подъ руководствомъ директора дѣлались опыты введенія въ сѣвооборотъ новыхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній, считавшихся особо пригодными для той или

другой мѣстности. Такъ, отчеты говорятъ объ удачныхъ посѣвахъ озимаго ячменя—полезнаго для хозяйствъ бѣдныхъ лугами, мохового ячменя—пригоднаго для сѣверныхъ болотистыхъ мѣстностей, многоплоднаго восточнаго овса и др. Собранныя сѣмена такихъ новыхъ сортовъ разсылались по удѣльнымъ конторамъ для снабженія ими крестьянъ. Урожайность училищныхъ полей, при ихъ тщательной обработкѣ и обильномъ удобреніи, была вообще довольно высока. Въ 40-хъ гг. получалось въ среднемъ съ десятины озими до 6½ чтв., яровыхъ хлѣбовъ—до 13½ чтв. и сѣна—до 155 пуд., а въ 50-хъ гг. озими—до 12 чтв., ярового—отъ 15 до 30 чтв. и сѣна—до 250 пуд. Хлѣбопашество составляло единственную изъ отраслей училищнаго хозяйства, доставлявшую Училищу доходъ отъ продажи части собраннаго хлѣба.

Съ 1835 г. въ Земледѣльческомъ Училищѣ начались занятія скотоводствомъ. Въ 1838 г. былъ выписанъ изъ-за границы бернскій, тирольскій и штейермаркскій скотъ, и съ этого времени стадо училищной фермы состояло обыкновенно изъ 60—80 головъ, въ томъ числѣ до 50 молочныхъ коровъ. Приплодъ племенного скота иногда продавался, но большею частью его раздавали отправлявшимся въ образцовыя усадьбы ученикамъ или разсылали по имѣніямъ. На фермѣ ученики обучались уходу за скотомъ, нѣкоторымъ пріемамъ ветеринарнаго искусства, ковкѣ лошадей, а также веденію молочнаго хозяйства. Въ 30-хъ и 40-хъ гг. изготовлявшіеся на удѣльной фермѣ: сыръ бри, сметана, творогъ и другіе молочные продукты славились въ Петербургѣ. Но все это производилось въ небольшихъ размѣрахъ и въ продажу почти не поступало. Продукты фермы поставлялись только нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ, а остальное расходовалось преимущественно на угощеніе многочисленныхъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ осматривать Училище и ферму; число такихъ посѣтителей въ иные годы доходило до 2 тысячъ человѣкъ. При этихъ условіяхъ ферма никогда, конечно, себя не окупала. Кромѣ рогатаго скота при фермѣ содержался и мелкій: овцы и свиньи. Овцы были взяты простой породы, но для улучшенія ея выписывались изъ Англіи длинношерстые лейстерскіе бараны; изъ Англіи же были выписаны породистыя свиньи. Съ 1851 г. былъ устроенъ при фермѣ птичникъ, гдѣ имѣлось до 200 штукъ разныхъ домашнихъ птицъ. Въ числѣ разныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій для учениковъ не было забыто даже пчеловодство и садоводство.

Изъ ремеслъ, которымъ обучались воспитанники Учи-

лица въ первый періодъ его существованія, до 1856 г., слѣдуетъ отмѣтить приготовленіе разныхъ земледѣльческихъ орудій. Въ нѣкоторые годы такихъ орудій выдѣлывалось въ Училищѣ до 200—300 штукъ и болѣе. Часть ихъ употреблялась для полевыхъ работъ при самомъ Училищѣ, другая же часть отдавалась выходившимъ изъ Училища хозяевамъ образцовыхъ усадебъ; нѣкоторыя изъ выдѣланныхъ орудій разсылались, какъ образецъ, по удѣльнымъ приказамъ.

По временамъ обращалось преимущественное вниманіе на обученіе какому-нибудь одному ремеслу. Такъ, въ отчетахъ послѣдовательно упоминается объ особенной пользѣ обученія: дѣланію глиняно-соломенныхъ несгараемыхъ крышъ, приготовленію овчинъ на тулупы, выдѣлкѣ черепицы (для чего устроенъ былъ даже при Училищѣ небольшой заводъ) и др. Въ концѣ 30-хъ гг. занимались особенно обученіемъ воспитанниковъ постройкѣ избъ въ стойку, изъ самаго дешеваго лѣса, съ глиняной смазкой и съ несгараемой соломенной крышей; выстроенныя по этому способу избы обходились, по словамъ отчетовъ, въ десять разъ дешевле обычной крестьянской избы, были теплы, сухи и безопасны отъ огня. Число отдѣльныхъ ремеслъ и производствъ, которымъ обучались воспитанники, постепенно все возрастало, и въ срединѣ 50-хъ гг. встрѣчаются между ними даже такія малопригодныя для простого крестьянскаго хозяйства производства, какъ мыловареніе, приготовленіе сальныхъ и стеариновыхъ свѣчей, отливка чугунныхъ частей для машинъ и т. п.

Первый выпускъ воспитанниковъ изъ Училища состоялся въ 1839 г. Окончившихъ курсъ было 136 чел.; изъ нихъ 120 поселились хозяевами въ образцовыхъ усадьбахъ, а остальные были возвращены въ свои семьи. Прочіе же изъ принятыхъ въ 1833 г. были оставлены еще на дальнѣйшее время, такъ какъ, согласно Положенію, ученики могли быть оставляемы въ Училищѣ и долѣе 6 лѣтъ, „когда то будетъ признано нужнымъ для окончательнаго ихъ приготовленія по назначенію".

Слѣдующіе выпуски были очень различны; случались года (1847, 1851, 1854, 1855) когда кончало всего отъ 3 до 9 человѣкъ, но за то иногда (какъ напр., въ 1845, 1846, 1848 и 1858 гг.) выпускъ былъ отъ 50 до 100 человѣкъ. Кромѣ того каждогодно извѣстное число малоспособныхъ, пробывшихъ въ Училищѣ положенное число лѣтъ, просто увольнялось обратно въ свои семьи. Общее же число обучавшихся всегда было около 250 человѣкъ

и только въ пятидесятые годы нѣсколько сократилось. Съ 1844 г. въ практическихъ занятіяхъ земледѣліемъ при Училищѣ принимали всегда участіе 7—8 чел. изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ, предназначавшихся въ священники для удѣльныхъ имѣній, присылавшіеся въ Училище для ознакомленія съ сельскимъ хозяйствомъ.

Содержаніе Земледѣльческаго Училища относилось, какъ это и было предположено при самомъ его учрежденіи, на счетъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала, составлявшагося изъ суммъ, которыя выручались отъ продажи излишковъ хлѣба, собраннаго съ общественныхъ запашекъ. На устройство Училища изъ этого капитала было выдѣлено 2.306.000 р. асс., причемъ предполагалось, затративъ часть этой суммы на постройку зданій и расходы по первоначальному обзаведенію, содержать затѣмъ Училище на проценты съ остальной части выдѣленнаго капитала, употребляя также для этой цѣли и доходы, которые должны были получаться отъ полевого училищнаго хозяйства. Но расчетъ этотъ не оправдался. По выведенному на 1840 г. балансу оказалось, что на постройку зданій и первоначальное обзаведеніе Училища израсходовано свыше 900 тыс. руб., да около 700 тыс. руб. стоило содержаніе Училища по 1840 г., такъ что отъ первоначально ассигнованнаго капитала (прибавляя къ нему также натекшіе проценты и доходы полученные Училищемъ отъ хозяйства) осталось всего 1.400 тыс. руб. асс. *). Сумма эта приносила процентовъ около 59 тыс. руб. въ годъ, на годичное же содержаніе Училища требовалось по 108 тыс. руб. и на покрытіе недостающаго далеко не хватало доходовъ отъ хозяйства, составлявшихъ около 6 тыс. руб. въ годъ. Поэтому въ 1840 г., съ Высочайшаго соизволенія, рѣшено было оставшуюся сумму въ 1.400.000 р. асс. (400 тыс. р. сер.) считать неприкосновеннымъ капиталомъ Училища и, обращая по прежнему на содержаніе Училища проценты съ этого капитала и тѣ доходы, какіе будутъ получаться отъ училищнаго хозяйства, недостающую затѣмъ

---

*) Въ 1832 г. ассигновано было . .	2.306.000 р.
Процентовъ по 1840 г. поступило.	658.523 „
Доходовъ отъ хозяйства по 1840 г. получено.	35.734 „
Всего	3.000.257 р.
Израсходовано по 1840 г. . . .	1.600.000 „
Остатокъ	1.400.257 р.

на покрытіе годичныхъ расходовъ сумму брать изъ крестьянскаго хлѣбнаго капитала. Эта годичная приплата изъ крестьянскаго капитала вначалѣ составляла около 14 тыс. р. сер. (50 тыс. р. асс.), а къ срединѣ 50-хъ гг. она возросла до 23—25 тыс. р. сер.

Начиная съ 1856 г., характеръ Земледѣльческаго Училища, какъ уже было упомянуто, сталъ постепенно измѣняться; изъ заведенія, имѣвшаго точно опредѣленную спеціальную задачу — подготовленіе хозяевъ для образцовыхъ усадебъ, Училище, мало по-малу, превращается въ учебное заведеніе общаго характера.

Первымъ толчкомъ для этого послужило сложившееся у удѣльной администраціи въ половинѣ 50-хъ гг. убѣжденіе, что образцовыя усадьбы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ— способствовать улучшенію крестьянскаго хозяйства. Дальнѣйшее открытіе этихъ усадебъ прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла, конечно, надобность и въ подготовленіи хозяевъ для нихъ. Произведенный, однако, въ то же время высшими удѣльными властями осмотръ многихъ удѣльныхъ имѣній показалъ, что вышедшіе изъ Земледѣльческаго Училища воспитанники плохо, быть можетъ, справлявшіеся на практикѣ съ улучшенными способами полеводства, не приноровленными къ строю крестьянскаго хозяйства, выгодно всетаки отличались отъ остальныхъ крестьянъ бо̀льшимъ развитіемъ и знаніемъ нѣкоторыхъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту ремеслъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ возникла мысль о необходимости ввести въ програму Училища нѣкоторыя измѣненія, цѣль которыхъ должна была состоять въ томъ, чтобы усилить классныя занятія, обратить особенное вниманіе на обученіе воспитанниковъ необходимымъ въ деревняхъ ремесламъ, а занятія полевыя упростить, устранивъ изъ нихъ все непригодное для простаго крестьянскаго хозяйства.

Намѣченныя измѣненія затѣмъ и вводились, но, видимо, безъ системы, такъ что время съ 1857 по 1860 г. было періодомъ колебаній, въ теченіе котораго все не могъ установиться опредѣленный взглядъ на задачи Училища.

Усилено было число классныхъ уроковъ, руководить которыми приглашенъ извѣстный въ то время педагогъ Золотовъ, назначенный помощникомъ директора; введены занятія землемѣріемъ и лѣсоводствомъ, прекращено обученіе нѣкоторымъ малопригоднымъ въ крестьянскомъ быту ремесламъ, занятія полеводствомъ упрощены и существовавшія при Училищѣ 14 образцовыхъ избъ упразднены, а жившіе въ нихъ старшіе воспитанники

помѣщены вмѣстѣ съ остальными. Въ 1858 г., съ цѣлью лучшаго уясненія того-же вопроса о преобразованіи Училища, была произведена подробная ревизія его, послѣ которой были опять нѣкоторыя измѣненія; отмѣнено, между прочимъ, обязательное ранѣе для каждаго воспитанника изученіе всѣхъ ремеслъ.

Эти послѣдовательныя измѣненія въ устройствѣ Училища отразились и на родахъ занятій, которыя стали избирать себѣ окончившіе курсъ. Нѣкоторые изъ выпущенныхъ за это время назначены были сельскими учителями, четверо поступили въ Лисинское казенное училище для продолженія занятій лѣсоводствомъ и трое остались при Училищѣ, для усовершенствованія въ выбранныхъ ими ремеслахъ.

Этотъ переходный періодъ кончился выработкою для Училища новыхъ правилъ, которыя составлены были въ 1860 г. вновь назначеннымъ незадолго предъ тѣмъ директоромъ Училища Княземъ Трубецкимъ.

Согласно этимъ правиламъ, задача Училища должна была состоять въ томъ, чтобы подготовлять свѣдущихъ рабочихъ по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, а также сельскихъ учителей и мѣрщиковъ въ удѣльныя имѣнія. Классное преподаваніе было расширено, и въ дополненіе къ прежнимъ предметамъ въ програму были включены: черченіе, теорія землемѣрія, счетоводство и начала географіи—преимущественно, впрочемъ, для тѣхъ учениковъ, которые желали сдѣлаться потомъ учителями или мѣрщиками. Кромѣ классныхъ занятій оставлены были по прежнему практическія занятія въ мастерскихъ и на фермѣ; но изъ ремеслъ главное вниманіе было обращено на обученіе тѣмъ, которыя были необходимы для изготовленія сельско-хозяйственныхъ орудій (кузнечное, столярное, слесарное и т. п.), а занятія на фермѣ были расположены такъ, чтобы желающіе, кромѣ общихъ занятій по полеводству, могли изучить подробно какую-нибудь одну, выбранную ими отрасль сельскаго хозяйства (скотоводство, огородничество, садоводство, или пчеловодство). Ферму рѣшено было поставить такъ, чтобы она не только окупала себя, но и приносила возможно большій доходъ.

Въ такомъ видѣ Училище просуществовало, однако, всего два года и въ 1862 г. подверглось новому преобразованію, которое вызвано было, впрочемъ, не недостатками програмы, а совершенно другими обстоятельствами.

Земледѣльческое Училище создано было исключительно для

удѣльныхъ крестьянъ и существовало на средства крестьянскаго хлѣбнаго капитала. Между тѣмъ, съ освобожденіемъ крестьянъ и введеніемъ Положенія объ устройствѣ сельскаго состоянія, всѣ эти условія совершенно измѣнились. Обязательный наборъ учениковъ долженъ былъ прекратиться, и хлѣбный крестьянскій капиталъ вмѣстѣ съ переходомъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предстояло передать туда же. Такимъ образомъ, Училище должно было превратиться изъ заведенія удѣльнаго въ обще-государственное, а между тѣмъ своими средствами оно существовать не могло. Процентовъ съ особаго капитала въ 400 тыс. р. и доходовъ отъ фермы на содержаніе Училища никогда не хватало, и поэтому ежегодную приплату въ 25 тыс. р. пришлось бы производить изъ удѣльныхъ суммъ. Въ виду этого, сперва возникло предположеніе передать Училище въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, какъ учрежденія, въ задачи котораго входило вообще содѣйствіе улучшенію земледѣлія. Но такъ какъ передача эта не могла состояться, то рѣшено было оставить Училище въ Удѣлахъ, сокративъ лишь размѣръ потребныхъ на содержаніе его расходовъ такъ, чтобы годичный бюджетъ его не превышалъ 20 тыс. р. и чтобы оно, такимъ образомъ, могло существовать на собственныя средства. Сообразно съ этимъ и выработаны были для Училища новыя правила, которыя были утверждены 4 августа 1862 г.; главнѣйшія ихъ требованія сводились къ слѣдующему: 1) Училище должно служить для приготовленія управляющихъ хуторами и помощниковъ управляющихъ въ большія имѣнія; 2) комплектъ учениковъ былъ опредѣленъ въ 100 чел., изъ которыхъ 50 безплатныхъ и 50 съ платою по 100 р. въ годъ, причемъ на безплатныя вакансіи предположено было брать преимущественно дѣтей удѣльныхъ крестьянъ; 3) курсъ ученія установленъ былъ двухъ-классный, причемъ первый (приготовительный) классъ предназначался для предметовъ общеобразовательныхъ, а второй (спеціальный)—для изученія теоріи и практики земледѣлія, скотоводства, домоводства, бухгалтеріи, садоводства, огородничества, лѣсоводства и межеванія; 4) въ приготовительный классъ могли поступать ученики отъ 14 лѣтъ, а въ спеціальный отъ 15 лѣтъ и 5) цѣлью существовавшей при Училищѣ фермы, на которой всѣ работы должны были производиться вольнонаемнымъ трудомъ, назначено было извлеченіе возможно большаго дохода отъ принадлежащихъ Училищу земель. Ученики

старшаго класса, не участвуя въ хозяйственныхъ работахъ по фермѣ, должны были только посѣщать ее ежедневно для практическихъ занятій.

Переустроенное на изложенныхъ началахъ удѣльное Земледѣльческое Училище просуществовало, однако, всего 4 года, такъ какъ опытъ и этихъ немногихъ лѣтъ показалъ, что оно не достигало своей цѣли. Оставляя его въ своемъ завѣдываніи, удѣльное вѣдомство имѣло, главнымъ образомъ, въ виду оказать поддержку бывшимъ своимъ крестьянамъ предоставленіемъ имъ возможности воспитывать безплатно въ Училищѣ своихъ дѣтей. Между тѣмъ, несмотря на неоднократныя приглашенія, желавшихъ воспользоваться этой возможностью оказывалось мало. Къ 1866 г. изъ числа 60 учениковъ насчитывалось дѣтей бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ только 14, причемъ въ послѣдніе два года не поступило вновь ни одного. Помѣщали своихъ дѣтей въ Училище почти исключительно лица другихъ сословій и притомъ преимущественно—на безплатныя вакансіи; платныхъ же учениковъ было всего 11 чел., а между тѣмъ на содержаніе Училища собственныхъ его средствъ оказывалось недостаточно и ежегодно приходилось отпускать на этотъ предметъ изъ удѣльныхъ суммъ до 16 тыс. р.

Въ виду такихъ обстоятельствъ Департаментъ Удѣловъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ Земледѣльческое Училище закрыть, что и было осуществлено въ 1867 г. Училищныя зданія, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предоставлены были подъ устройство пригородной больницы для хроническихъ больныхъ, а ферма съ землею сдана была въ аренду. Что же касается капитала въ 400 тыс. р., принадлежавшаго Училищу, то проценты съ него Высочайше повелѣно употреблять на выдачу пособій сельскимъ школамъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Вскорѣ послѣ основанія Земледѣльческаго Училища Департаментъ Удѣловъ, въ тѣхъ же видахъ распространенія между крестьянами полезныхъ въ ихъ быту практическихъ свѣдѣній, остановился на мысли объ устройствѣ въ удѣльныхъ имѣніяхъ особыхъ заведеній для обученія крестьянскихъ мальчиковъ ремесламъ. Первоначально предполагалось открывать подобныя практическія школы, главнымъ образомъ, для поддержанія и развитія того или другого промысла, существовавшаго уже въ данной мѣстности, а именно: для улучшенія производства поярковыхъ издѣлій—въ нижегородской губерніи, дубленія овчинъ—въ сызран-

скомъ уѣздѣ и выдѣлки фаянса — въ московскомъ уѣздѣ, но впослѣдствіи рѣшено было устраивать ремесленныя училища вообще для обученія „простымъ издѣліямъ въ крестьянскомъ быту необходимымъ“.

Началось дѣло съ выработки основныхъ положеній для такихъ училищъ. Согласно этимъ положеніямъ, цѣль новыхъ училищъ должна была заключаться съ одной стороны въ усовершенствованіи тѣхъ ремеслъ, которыя уже существовали среди удѣльныхъ крестьянъ, а съ другой — „во введеніи оныхъ вновь тамъ, гдѣ крестьяне имѣютъ въ нихъ нужду“. Къ непосредственному участію въ устройствѣ этого дѣла былъ привлеченъ тогдашній директоръ петербургскаго Земледѣльческаго Училища Байковъ, которому, какъ надо думать, принадлежала и самая мысль объ учрежденіи такихъ училищъ, такъ какъ, по порученію Департамента Удѣловъ, онъ нѣсколько разъ объѣзжалъ удѣльныя имѣнія, именно для ознакомленія съ крестьянскимъ хозяйствомъ и считался вообще знатокомъ всѣхъ нуждъ этого хозяйства. Выработанныя основныя положенія для начальныхъ ремесленныхъ заведеній разосланы были въ 1839 г. ко всѣмъ управляющимъ удѣльными имѣніями, для полученія отъ нихъ отзывовъ о задуманной мѣрѣ. Изъ донесеній по этому вопросу видно, что нѣкоторые изъ нихъ желали поставить дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалъ Департаментъ. Такъ, управляющій Орловскою Конторою находилъ болѣе полезнымъ устроить образцовый хуторъ, гдѣ крестьянскіе мальчики могли бы научиться, главнымъ образомъ, обработкѣ пеньки и приготовленію коноплянаго масла (устройству лучшихъ маслобоенъ). Саратовскій управляющій считалъ болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто устройства особыхъ ремесленныхъ заведеній, отдавать крестьянскихъ мальчиковъ, для выучки, въ существовавшія частныя промышленныя заведенія. Управляющій Московскою Конторою находилъ вообще устройство ремесленныхъ училищъ безполезнымъ, такъ какъ въ московской губерніи мастеровъ довольно, и крестьяне едва-ли будутъ охотно помѣщать своихъ дѣтей въ такія училища.

Но всѣ эти возраженія были отклонены, и Департаментъ Удѣловъ призналъ, что вновь проектированныя училища должны быть устроены во всѣхъ имѣніяхъ по однородному типу, для обученія крестьянскихъ мальчиковъ нѣсколькимъ ремесламъ. М. А. Байкову поручено было выработать нормальный планъ на постройку такихъ училищъ. Онъ составилъ для этого два проекта:

одинъ на устройство большого училища съ мастерскими для обученія многимъ ремесламъ и другой, упрощенный, на устройство заведенія только для трехъ ремеслъ. Этотъ послѣдній планъ былъ принятъ Департаментомъ и разосланъ, къ руководству, по удѣльнымъ конторамъ. Согласно этому плану, училище должно было помѣщаться въ особомъ домѣ, гдѣ устраивались двѣ мастерскія для обученія тѣмъ ремесламъ, которыя въ каждомъ имѣніи „признаны будутъ необходимѣйшими"; въ томъ же домѣ должны были жить и мастера. Кромѣ того, при каждомъ училищѣ полагалась отдѣльная кузница со слесарней и особый сарай для храненія матеріаловъ и склада заготовленныхъ издѣлій.

29 марта 1840 г. Министромъ Императорскаго Двора утверждено было Положеніе о ремесленныхъ училищахъ, которое затѣмъ вошло съ небольшими измѣненіями въ Сводъ удѣльныхъ постановленій 1843 г. и служило основнымъ закономъ для этихъ заведеній.

На первое время рѣшено было устроить въ районѣ каждой удѣльной конторы по одному училищу и, въ виду особыхъ настояній Департамента о скорѣйшемъ приступѣ къ дѣлу, проекты устройства училищъ съ указаніемъ избраннаго мѣста и со смѣтами стали представляться довольно быстро. Департаментъ Удѣловъ по каждому проекту требовалъ заключеніе Байкова, затѣмъ дѣло докладывалось Министру и испрашивалась сумма необходимая на постройку, на первоначальное обзаведеніе (инструменты, матеріалы и пр.) и на ежегодное содержаніе училища. Суммы эти разрѣшено было относить на счетъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала съ тѣмъ, чтобы потомъ на содержаніе училища шла и прибыль отъ приготовляемыхъ издѣлій. Первыя два училища были открыты въ томъ же 1840 г.: одно въ имѣніи тверскомъ и другое въ симбирскомъ. Затѣмъ, въ 1841 г. открылись уже училища въ районахъ тринадцати Удѣльныхъ Конторъ (Новгородской, Вятской, Алатырской, Нижегородской, Казанской, Сызранской, Вологодской, Владимірской, Саратовской, Самарской, Костромской, Орловской и Архангельской), и въ 1842 г. одно— въ районѣ Московской Конторы. Такимъ образомъ, къ 1843 г. изъ 19 существовавшихъ въ то время Удѣльныхъ Конторъ не было ремесленныхъ училищъ только въ трехъ — Пермской, Оренбургской и Красносельской. Къ этому первоначальному числу позднѣе прибавилось еще три училища, по одному добавочному, въ районѣ Конторъ: Алатырской, Сызранской и Симбирской, такъ что къ

1852 г. число всѣхъ удѣльныхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній достигло 19 [9]).

Ремесленныя училища устраивались всегда въ большихъ селеніяхъ и, по возможности, при удѣльныхъ приказахъ, такъ какъ непосредственное завѣдываніе ими возложено было на приказныхъ головъ. Голова вѣдалъ всей хозяйственною частью заведенія; ему были подчинены какъ мастера, такъ и ученики, и онъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы заведеніе находилось въ порядкѣ и обученіе шло успѣшно.

Штатъ каждаго училища опредѣленъ былъ въ 20 учениковъ и пополнялся изъ крестьянскихъ мальчиковъ не моложе 18 лѣтъ. Ученики набирались изъ числа сиротъ или такихъ, которые по какимъ-нибудь незначительнымъ тѣлеснымъ недостаткамъ не годились въ рекруты, и преимущественно изъ селеній малоземельныхъ, гдѣ крестьяне или вовсе не знали никакихъ промысловъ, или занимались „промыслами вредными для ихъ нравственности и хозяйства, какъ напр. бурлачествомъ“. Положеніе о ремесленныхъ училищахъ категорически требовало, чтобы наборъ учениковъ производился не иначе, какъ съ согласія ихъ семействъ, безъ всякаго принужденія, причемъ за каждаго ученика семьѣ его выдавалось на наемъ работника по 15 р. въ годъ. Срокъ обученія полагался трехлѣтній, но для неуспѣвавшихъ онъ могъ быть и продленъ. Такъ какъ при самыхъ училищахъ помѣщеній для учениковъ не полагалось, то они размѣщались у крестьянъ того селенія, въ которомъ находилось училище. Крестьянинъ, принявшій ученика къ себѣ на житье, получалъ на его содержаніе опредѣленное количество припасовъ изъ хлѣбнаго магазина и деньгами, на приварокъ, по 7 р. въ годъ. Кромѣ того, ученикъ въ свободное отъ занятій время долженъ былъ помогать семьѣ, въ которой жилъ, въ работахъ по домашнему хозяйству. На обзаведеніе каждаго ученика одеждою, постелью и обувью отпускалось въ распоряженіе приказнаго головы 27 р. на три года.

Обучали учениковъ вольнонаемные мастера, число которыхъ зависѣло отъ того, сколько ремеслъ преподавалось въ данномъ училищѣ. Мастера эти жили въ училищномъ домѣ на своихъ харчахъ, получая кромѣ квартиры денежное жалованье. Первоначально размѣръ этого жалованья былъ установленъ въ 85 р. въ годъ, но потомъ, по представленіямъ управляющихъ конторами о невозможности имѣть за такую цѣну порядочныхъ мастеровъ, этотъ окладъ сталъ увеличиваться Департаментомъ до 100—

140 р. въ годъ. Нерѣдко, особенно въ первое время, за невозможностью подыскать нужныхъ мастеровъ, обученіе мальчиковъ нѣкоторымъ ремесламъ (особенно дубленію) возлагалось, по указанію Байкова, на хозяевъ ближайшихъ образцовыхъ усадебъ, которымъ за это выдавалась особая плата. Такъ напр., при обученіи дубленію они получали по $8^{4}/_{7}$ к. за каждую хорошо выдѣланную овчину и еще по 4 р. въ мѣсяцъ кормовыхъ.

Число ремеслъ, которымъ обучали въ отдѣльныхъ училищахъ, было различно, но почти всегда ихъ бывало болѣе трехъ, а иногда доходило и до девяти. Каждый управляющій конторою, при открытіи училища, доносилъ Департаменту о тѣхъ ремеслахъ, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть особенно полезны для мѣстнаго населенія. Этотъ списокъ при разсмотрѣніи въ Департаментѣ иногда измѣнялся или дополнялся. Затѣмъ и во время дальнѣйшаго существованія училища нерѣдко, по донесеніямъ управляющаго конторою или по представленіямъ Байкова, дѣлались измѣненія въ программѣ: вводились новыя ремесла или существовавшія уже замѣнялись другими, а иногда обученіе какому-нибудь ремеслу отмѣнялось. Общее число ремеслъ, которымъ обучали въ разныхъ училищахъ, достигало пятнадцати. Кузнечному ремеслу обучали во всѣхъ училищахъ; затѣмъ чаще всего встрѣчаются въ отчетахъ ремесла: столярное (въ 14 училищахъ), бочарное (въ 14 училищахъ), телѣжное (въ 13 училищахъ), дубленіе овчинъ (въ 13 училищахъ), слесарное (въ 8 училищахъ); потомъ слѣдуютъ: кожевенное, валяніе шляпъ, шерстобитное, колесное, токарное, плотничное, печное, витье веревокъ (въ орловскомъ училищѣ) и выдѣлка кирпича (при архангельскомъ училищѣ).

Каждый ученикъ, какъ и въ Земледѣльческомъ Училищѣ, обучался обязательно всѣмъ ремесламъ. Доказывая пользу такого порядка, Байковъ по этому поводу утверждалъ, что изъ учениковъ ремесленныхъ училищъ скорѣе найдетъ себѣ заработокъ тотъ, кто будетъ знать пять ремеслъ, чѣмъ обучавшійся лишь одному. „Такой ученикъ“, говоритъ Байковъ, „не будетъ имѣть надобности бродить изъ губерніи въ губернію, пріискивая заработокъ, и чрезъ это проживать заработанное, какъ бродящіе мастеровые, знающіе только одно какое-либо мастерство; напротивъ, обучившійся необходимымъ мастерствамъ круглый годъ найдетъ заработокъ въ своей деревнѣ; зимой будетъ подковывать лошадей, дубить овчину, выдѣлывать кожи и дѣ-

лать колеса, къ веснѣ слаживать телѣги, наваривать сошники, заступы, лопаты, лѣтомъ зубрить серпы, склепывать косы и проч., и самъ управитъ свою пашню и покосъ, а къ осени будетъ дѣлать и чинить кадушки, оконныя рамы и другую домашнюю утварь“. Поэтому правило объ обученіи каждаго ученика всѣмъ преподаваемымъ въ заведеніи ремесламъ строго проводилось. Для каждаго училища Байковъ составлялъ подробный годовой планъ занятій съ опредѣленіемъ, сколько дней въ теченіе года должно заниматься каждымъ ремесломъ, и планъ этотъ препровождался Департаментомъ Удѣловъ въ контору съ предписаніемъ—точно его держаться. Такъ напр., по программѣ вологодскаго училища указано было изъ 250 рабочихъ дней въ году заниматься: выдѣлкой овчинъ—30 дней, валяніемъ шляпъ и обуви—18, кузнечнымъ ремесломъ—45, слесарнымъ—26, столярнымъ—32, бочарнымъ и телѣжнымъ—40, колеснымъ—19, плотничнымъ (на работахъ)—25 и печнымъ—15 дней. Кромѣ того и по каждому ремеслу было опредѣлено, что надо сдѣлать въ теченіе назначеннаго числа дней. „Такимъ образомъ“, говоритъ Байковъ, „въ одинъ годъ воспитанники пройдутъ всѣ ремесла, а на другой и третій имъ останется только повторить тѣмъ же порядкомъ“.

При училищахъ устраивались лавки для продажи изготовленныхъ учениками издѣлій и, кромѣ того, училищамъ дозволено было принимать заказы на выдѣлку разныхъ вещей изъ чужого матеріала. Управляющіе конторами обязаны были представлять въ Департаментъ Удѣловъ образцы выдѣланныхъ издѣлій (что особенно требовалось въ первое время). Такъ напр., черезъ годъ по открытіи, архангельское училище выслало топоръ, долото, стамеску, подкову, ножъ и овчину; симбирское—подкову, долото, сошникъ, топоръ, опойку, юфть, подошву, рукавицы; владимірское — подкову, сошникъ, топоръ, вилы и овчины. Образцы эти разсматривались Байковымъ, и заключеніе его о качествѣ работы и замѣченныхъ недостаткахъ выдѣлки сообщалось Департаментомъ управляющему конторою.

Выпускъ окончившихъ курсъ начался съ 1843 г. Ежегодно кончало ученье отъ 16 до 100 учениковъ, всего же было выпущено изъ ремесленныхъ училищъ за все время ихъ существованія 1055 человѣкъ.

Окончившимъ ученіе давалось извѣстное пособіе, чтобы помочь имъ при первоначальномъ обзаведеніи. Въ первое время они получали на это отъ 10 до 100 р. деньгами (смотря по роду

ремесла, которое избиралось ими), или необходимые инструменты, и за то обязаны были въ теченіе шести лѣтъ жить въ своей деревнѣ и заниматься тамъ изученными ремеслами; иначе пособіе и инструменты отбирались. Позднѣе стали выдавать кончающимъ курсъ исключительно денежное пособіе на устройство мастерскихъ, съ обязательствомъ выплачивать полученное по частямъ. Разрѣшеніе селиться не въ своей деревнѣ давалось только по особымъ ходатайствамъ управляющихъ конторами. Такъ, въ 1850 г. двумъ ученикамъ изъ с. Дубоваго Умета (въ 21 в. отъ г. Самары) разрѣшено было поселиться въ предѣлахъ самарскаго уѣзда, такъ какъ въ своемъ селѣ они работы не могли найти, ибо крестьяне все покупали въ Самарѣ.

Съ теченіемъ времени этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился. Въ 1844 г. Байковъ, послѣ произведенной имъ по порученію Департамента Удѣловъ ревизіи всѣхъ ремесленныхъ училищъ, нашелъ желательнымъ лучшихъ учениковъ оставлять при училищахъ въ качествѣ подмастерьевъ съ тѣмъ, чтобы послѣ окончанія подготовки они могли замѣнять стороннихъ мастеровъ. Байковъ считалъ такихъ мастеровъ „изъ своихъ" болѣе благонадежными. Мнѣніе это было принято, и съ того времени при каждомъ училищѣ состояло обыкновенно нѣсколько подобныхъ подмастерьевъ, которымъ платили жалованье по 45 р. въ годъ.

Въ такомъ видѣ ремесленныя училища существовали до 1848 г. и за это время только немногія изъ нихъ потерпѣли нѣкоторыя перемѣны; такъ, архангельское училище въ 1847 г. было преобразовано въ ремесленно-земледѣльческое и переведено въ другое мѣсто, причемъ число учениковъ было увеличено до 25. Въ 1848 г. Департаментъ Удѣловъ, по представленію Байкова, призналъ полезнымъ дополнить программы училищъ введеніемъ въ нихъ обученія Закону Божію и молитвамъ и, кромѣ того, устроить при училищахъ для практическихъ занятій образцовые огороды. Но оба эти предположенія, равно какъ и позднѣйшая попытка обучать учениковъ грамотѣ, не осуществились. Преподаваніе Закона Божія и грамоты долгое время не могло установиться въ желательномъ видѣ то за неприисканіемъ преподавателей, то по другимъ причинамъ и хотя, въ концѣ концовъ, по этому предмету въ нѣкоторыхъ училищахъ и было кое-что сдѣлано, но безъ системы. Пробовали даже, во избѣжаніе слишкомъ большого расхода на приглашеніе особыхъ преподавателей, заставлять учениковъ ремесленныхъ училищъ посѣ-

щать, для обученія грамотѣ, сельскія училища, но это оказалось неудобнымъ; посѣщеніе сельскихъ училищъ отнимало слишкомъ много времени отъ занятія ремеслами, да и по возрасту ученики ремесленныхъ училищъ не подходили къ учившимся въ школахъ. Кончилась эта попытка тѣмъ, что въ 1857 г. предложено было управляющимъ конторами обученіе грамотѣ въ ремесленныхъ училищахъ отмѣнить, а вмѣсто того стараться выбирать въ ученики уже грамотныхъ крестьянъ.

Учебные огороды при училищахъ тоже не привились; не считая архангельскаго училища, при которомъ былъ большой участокъ для обработки, огороды существовали только въ имѣніяхъ вологодскомъ, новгородскомъ и владимірскомъ.

Содержались ремесленныя училища на счетъ крестьянскаго хлѣбнаго капитала. На каждое училище, при открытіи его, ассигновалась извѣстная сумма на постройку зданія и первоначальное обзаведеніе инструментами и сырыми матеріалами для обработки, и тогда же утверждался размѣръ ежегоднаго расхода на содержаніе училища (на жалованье мастерамъ, на уплату за приварокъ для учениковъ, на одежду ихъ и разные расходы). Въ дальнѣйшемъ предполагалось, что эти затраты должны прекратиться и что училища будутъ содержать себя прибылями отъ продажи выдѣланныхъ произведеній и выполненныхъ заказовъ, но это никогда не осуществлялось. Оборотнаго капитала училищамъ хватало обыкновенно только на покупку матеріаловъ для обработки, содержать же себя прибылью отъ своихъ работъ училища не могли. За отдѣльными исключеніями, они работали въ убытокъ, такъ что ежегодно на содержаніе ихъ приходилось отпускать почти всю исчисленную по первоначальной ассигновкѣ сумму.

Главной причиной такого неудачнаго въ коммерческомъ отношеніи результата надо считать, конечно, то обстоятельство, что ученики, обучаясь одновременно нѣсколькимъ ремесламъ, не успѣвали, какъ слѣдуетъ, ни въ одномъ, и потому изготовленныя ими издѣлія были невысокаго качества и трудно сбывались. Кромѣ того, на дороговизну содержанія училищъ имѣло несомнѣнно вліяніе и полное подчиненіе ихъ приказнымъ головамъ, которые мало занимались этимъ дѣломъ, а нерѣдко допускали и злоупотребленія, закупая, напр., матеріалы дорого или плохого качества.

Въ такомъ положеніи ремесленныя училища оставались до 1857 г., когда вновь назначенный Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ М. Н. Муравьевъ, объѣхавъ нѣкоторыя удѣльныя имѣ-

нія, нашелъ состояніе училищъ, въ общемъ, неудовлетворительнымъ, такъ какъ обученіе въ нихъ шло плохо и стоило оно дорого. Для упорядоченія дѣла тогда же предпринятъ былъ рядъ мѣръ: прекращено было неудачно шедшее обученіе грамотѣ и учениковъ велѣно занимать только ремеслами; упразднены были, въ видахъ сокращенія расходовъ, особые подмастерьи изъ бывшихъ учениковъ и установленъ былъ болѣе строгій контроль надъ дѣйствіями приказныхъ головъ по завѣдыванію хозяйственною частью въ училищахъ. Въ то же время управляющимъ удѣльными конторами предложено было обратить особое вниманіе на эти училища и высказать мнѣніе свое о пользѣ ихъ и о желательныхъ въ нихъ улучшеніяхъ.

Полученные отъ управляющихъ отзывы сводились, въ общемъ, не въ пользу училищъ съ тогдашней ихъ организаціей. Указывалось на то, что училища, не окупая расходовъ на свое содержаніе, требуютъ постоянныхъ приплатъ изъ хлѣбнаго капитала, а между тѣмъ ученики, обучаясь сразу многимъ ремесламъ, выходили плохо подготовленными, почему только немногіе послѣ выхода изъ училища продолжали заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, большая же часть бросала эти занятія и многіе даже обращались опять къ бурлачеству, или шли добровольно въ рекруты. Поэтому большинство управляющихъ находило необходимымъ преобразовать училища, а нѣкоторые считали даже болѣе полезнымъ сумму, расходуемую на содержаніе училищъ, затрачивать на обученіе крестьянскихъ мальчиковъ ремесламъ въ частныхъ заведеніяхъ.

Не рѣшая вопроса окончательно, Департаментъ Удѣловъ нашелъ возможнымъ испытать и этотъ новый способъ содѣйствія развитію ремеслъ между крестьянами. Въ 1857 г. отдано было нѣсколько мальчиковъ въ частныя заведенія въ нижегородской губ.—для изученія механическихъ производствъ и въ самарской—для обученія кузнечному и слесарному мастерствамъ и дѣланію пожарныхъ трубъ. Одновременно возникло предположеніе о преобразованіи всѣхъ ремесленныхъ училищъ такимъ образомъ, чтобы они пріобрѣли болѣе сельско-хозяйственный характеръ, причемъ имѣлось въ виду соединить ихъ, затѣмъ, съ учебными фермами, проектъ которыхъ вырабатывался въ то время въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ.

Преобразованіе это, однако, такъ и не осуществилось. Пока вопросъ еще обсуждался, въ 1861 г. два заведенія—кукарское (въ вятской губерніи) и никологорское (во владимірской) сго-

рѣли, а по] двумъ другимъ — ключищенскому (Симбирской Конторы) и воскресенскому (Архангельской Конторы) училищныя зданія пришли въ такую ветхость, что требовалось ихъ заново перестроить. Въ виду невыясненности еще къ тому времени вопроса о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ вообще ремесленныхъ училищъ, Департаментъ Удѣловъ не нашелъ возможнымъ производить новыя значительныя затраты на постройки, и четыре названныхъ училища были закрыты.

Вскорѣ послѣ этого пришлось закрыть и остальныя. Съ введеніемъ крестьянской реформы, главный источникъ для содержанія этихъ училищъ — крестьянскій хлѣбный капиталъ—предстояло передать въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и съ 1861 г. всякіе расходы изъ этого капитала были прекращены. Такъ какъ крестьяне затѣмъ не пожелали принять содержаніе этихъ заведеній на мірской счетъ, то дальнѣйшее существованіе ихъ стало невозможнымъ, и въ 1862 г. они были закрыты, а дома — гдѣ они помѣщались и остатки матеріаловъ были распроданы.

Г. Женскія хозяйственныя училища.

Въ 40-хъ годахъ въ симбирской губерніи устроены были два хозяйственныхъ училища для крестьянскихъ дѣвочекъ, въ которыхъ послѣднія должны были обучаться „необходимымъ и полезнымъ въ ихъ быту свѣдѣніямъ и ремесламъ“. Открытіе этихъ новыхъ заведеній составляло продолженіе того послѣдовательнаго ряда мѣропріятій, проведеніемъ которыхъ Вице-президентъ Департамента Удѣловъ Л. А. Перовскій имѣлъ въ виду улучшить бытъ удѣльныхъ крестьянъ при помощи профессіональнаго образованія.

Симбирская губернія была выбрана для начала въ этомъ новомъ дѣлѣ, очевидно, потому, что съ 1835 г., когда въ Удѣлы перешли всѣ казенные крестьяне этой губерніи, она стала болѣе чѣмъ на половину удѣльною, и всякое новое мѣропріятіе по устройству быта удѣльныхъ крестьянъ здѣсь скорѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, могло проявить свое полезное дѣйствіе и быть провѣрено на опытѣ.

Первая мысль объ устройствѣ такихъ заведеній для крестьянскихъ дѣвочекъ принадлежитъ также М. А. Байкову. Въ отчетѣ, представленномъ имъ въ 1844 г. послѣ осмотра нѣкоторыхъ

удѣльныхъ имѣній | Байковъ, описывая земли, состоявшія въ вѣдѣніи Алатырской Удѣльной Конторы, указывалъ, между прочимъ, что крестьяне этой мѣстности достигли большаго, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, благосостоянія, по справедливости считаются „просвѣщеннѣйшими“ въ губерніи и даже въ иныхъ селеніяхъ сами нанимаютъ учителей для обученія дѣвочекъ. Поэтому Байковъ считалъ полезнымъ взять здѣсь въ руки удѣльнаго вѣдомства и дѣло женскаго воспитанія и устроить въ алатырскомъ имѣніи заведеніе, которое, давая дочерямъ крестьянъ нѣкоторое образованіе, сообщало бы имъ въ то же время и разныя пригодныя въ домашнемъ быту свѣдѣнія. Кромѣ того, Байковъ, какъ видно изъ составленной имъ по этому предмету докладной записки, находилъ устройство такого заведенія желательнымъ еще и въ другомъ отношеніи: окончившія обученіе воспитанницы могли бы быть вполнѣ подходящими женами для хозяевъ вновь учреждавшихся въ то время образцовыхъ усадебъ и тѣмъ содѣйствовать процвѣтанію и укрѣпленію этого новаго учрежденія. Обстоятельство это Байковъ считалъ настолько важнымъ, что, по его мнѣнію, было бы полезно указать на это и въ правилахъ для будущаго заведенія.

Мысль Байкова была одобрена Л. А. Перовскимъ и, по его указанію, былъ выработанъ въ Департаментѣ Удѣловъ проектъ устройства женскаго воспитательнаго заведенія въ г. Алатырѣ, названнаго „хозяйственнымъ училищемъ для дочерей крестьянъ“, а затѣмъ составлены были и подробныя для него правила. Правила эти были утверждены Министромъ Императорскаго Двора 20 февраля 1845 г., послѣ чего немедленно приступлено было къ устройству самаго училища.

Алатырское училище было закрытымъ заведеніемъ, въ которомъ должны были воспитываться ежегодно 20 дѣвочекъ, набранныхъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ изъ семей удѣльныхъ крестьянъ алатырскаго имѣнія. Срокъ ученія полагался четырехлѣтній, и въ теченіе этого времени дѣвочекъ учили Закону Божію и нѣкоторымъ начаткамъ грамоты (чтенію и счету), главнымъ же дѣломъ было занятіе разными „необходимыми и полезными въ крестьянскомъ быту ремеслами“. Воспитанницы обучались: печь хлѣбы и стряпать, обдѣлывать ленъ и пеньку, прясть шерсть, ткать полотна, скатерти, салфетки, понитокъ и крестьянское сукно, красить нитки и разное тканье, кроить и шить крестьянскую одежду и башмаки, вязать чулки и варежки, лить

сальныя и восковыя свѣчи и готовить постное масло, ходить за скотомъ и птицей, приготовлять молочные скопы, воздѣлывать садъ и огородъ, заготовлять въ прокъ овощи и фрукты и сберегать всякую провизію. Учебный персоналъ состоялъ изъ трехъ лицъ: смотрительницы съ помощницею и священника. Послѣдній училъ Закону Божію, чтенію и кромѣ того счету „въ такой мѣрѣ, чтобы воспитанницы могли дѣлать разные хозяйственные расчеты и писать цифры". Смотрительница съ помощницею, которыхъ указано было выбирать „преимущественно изъ пожилыхъ вдовъ", руководили всѣми остальными занятіями. Съ утра назначались работы на день всѣмъ воспитанницамъ, а вечеромъ смотрительница должна была провѣрять, что сдѣлано. Для поощренія воспитанницъ къ тому, чтобы онѣ старательнѣе изучали разныя рукодѣлія, было постановлено, что всѣ сработанныя ими вещи считаются ихъ собственностью и назначаются имъ въ приданое, для чего вещи эти, до выхода воспитанницъ, сберегались въ кладовой училища.

Характеръ заведенія былъ строго закрытый. Во все время продолженія курса воспитанницы никуда не могли отлучаться изъ училища, а свиданія съ родными допускались только по праздникамъ, въ присутствіи смотрительницы или помощницы ея, которыя должны были при этомъ наблюдать, „чтобы посѣщенія сіи не были слишкомъ часты и продолжительны".

Для помѣщенія училища было выстроено въ Алатырѣ нѣсколько особыхъ зданій на пріобрѣтенномъ нарочно для этого участкѣ земли, а пока постройка не была окончена, училище помѣщалось временно, около двухъ лѣтъ, въ нанятомъ домѣ. Зданія училищныя состояли изъ главнаго дома (въ которомъ находились: церковь, рабочія и классныя комнаты) и изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ построекъ подъ спальни воспитанницъ, подъ столовую и подъ квартиры смотрительницѣ, помощницѣ ея и церковному причту. Кромѣ того, выстроены были многочисленныя службы (въ томъ числѣ большой коровникъ, свиной хлѣвъ, овчарня, птичникъ, погребъ, ледникъ и проч.) и разведено было 2 большихъ огорода и садъ для занятій по огородничеству и садоводству.

Вскорѣ послѣ перемѣщенія училища въ отстроенныя для него зданія, комплектъ ученицъ былъ увеличенъ до 30 и при заведеніи устроены были, по примѣру Земледѣльческаго Училища, двѣ образцовыя избы, въ которыхъ поселялись на годъ и болѣе, въ каждой по 5—6 старшихъ воспитанницъ, обязанныхъ вести

тамъ самостоятельное хозяйство, чтобы лучше прiучиться къ предстоявшей имъ возможности сдѣлаться хозяйками въ образцовыхъ усадьбахъ. При каждой избѣ полагалось небольшое количество коровъ, свиней, овецъ и домашней птицы.

Вновь открытымъ училищемъ высшiя удѣльныя власти были видимо довольны, и потому, когда вскорѣ управляющiй Симбирскою Удѣльною Конторою донесъ Департаменту, что крестьяне одного селенiя симбирской губ. составили приговоръ объ устройствѣ у нихъ школы для дѣвочекъ, то Л. А. Перовскiй призналъ болѣе полезнымъ завести въ симбирскомъ имѣнiи, вмѣсто простой школы, такое же хозяйственное женское училище, какъ въ Алатырѣ. Для новаго училища отведенъ былъ особый участокъ въ одной изъ пригородныхъ слободъ г. Симбирска, и оно было открыто въ 1848 г. съ комплектомъ въ 20 ученицъ, который затѣмъ былъ тоже увеличенъ до 30.

Программа симбирскаго училища и внутреннее его устройство были такiя же, какъ и въ алатырскомъ. Въ обоихъ заведенiяхъ (по крайней мѣрѣ, вначалѣ) на первомъ планѣ стояло обученiе воспитанницъ работамъ по крестьянскому домоводству, а занятiя классныя считались дополнительными. Ученицы выполняли и всѣ работы по училищу: стирали бѣлье, готовили кушанья, мыли полы, работали въ огородахъ, ходили за скотомъ и никакой прислуги въ училищахъ, кромѣ сторожей, не полагалось.

Содержались оба училища также, какъ и заведенiя ремесленныя, на счетъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала. На первоначальное устройство каждаго изъ нихъ было затрачено около 20 тыс. р., а на ежегодное содержанiе отпускалось опредѣленное по числу ученицъ количество хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ и до 2 тыс. р. деньгами на каждое.

При дальнѣйшемъ ходѣ дѣла училища мало по малу уклонились, однако, отъ первоначальной программы. Въ нихъ стали обращать больше вниманiя на рукодѣлiя и на обученiе грамотѣ, чѣмъ на работы по крестьянскому домоводству, а нѣкоторыя изъ этихъ работъ и вовсе прекратились, такъ что къ срединѣ пятидесятыхъ годовъ училища утратили свой прежнiй характеръ. Это вызвало распоряженiе со стороны Департамента Удѣловъ въ 1858 г. о томъ, чтобы воспитанницъ содержать съ меньшею роскошью и, не занимая ихъ рукодѣлiями несвойственными ихъ быту, обучать непремѣнно тѣмъ хозяйственнымъ работамъ, которыя перечислены въ первоначальной программѣ. Впрочемъ, обуче-

ніе грамотѣ оставлено было, въ размѣрѣ прежнемъ; учениць учили чтенію, письму и началамъ ариѳметики. Признано было даже полезнымъ воспользоваться алатырскимъ и симбирскимъ училищами для распространенія грамотности между инородцами; съ этою цѣлью комплектъ былъ увеличенъ по каждому еще на 20 учениць съ тѣмъ, чтобы это число пополнялось преимущественно дѣвочками изъ чувашскихъ селеній.

На примѣненіи къ дѣлу приведенныхъ указаній Департаментъ, однако, повидимому, строго не настаивалъ, и оба училища и послѣ 1858 г. продолжали болѣе или менѣе сохранять усвоенный ими къ этому времени характеръ, причемъ алатырское училище оставалось преимущественно школою рукодѣлій, а симбирское съ конца пятидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ заведенія педагогическаго, считавшаго главною своею задачею выпускать учительницъ для сельскихъ школъ.

Дальнѣйшая судьба хозяйственныхъ женскихъ училищъ была такая же, какъ и Земледѣльческаго и ремесленныхъ училищъ. Съ передачею въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ того крестьянскаго хлѣбнаго капитала, на средства котораго оба училища содержались, предстояло или принять содержаніе ихъ на удѣльный счетъ, или закрыть ихъ. Спрошенные по этому поводу мѣстные управляющіе удѣльными конторами отвѣтили на поставленный имъ вопросъ различно. Алатырскій управляющій высказался въ томъ смыслѣ, что существовавшее въ Алатырѣ женское училище приносило мало пользы и не выполняло цѣли, ради которой было учреждено. Окончившія ученіе воспитанницы выходили настолько отвыкшими отъ обычныхъ условій крестьянскаго быта, что семьи тяготились ими, а онѣ семьями, и въ результатѣ такія воспитанницы не только не вліяли своимъ примѣромъ на другихъ, но, напротивъ, въ большинствѣ сами скоро забывали все выученное. Объясняя, что по этой причинѣ крестьяне относятся къ училищу съ недовѣріемъ и врядъ-ли будутъ туда отдавать своихъ дочерей, какъ только не будутъ болѣе подчинены удѣльному управленію, управляющій Алатырской Конторой полагалъ, что училище слѣдовало бы закрыть. Управляющій же Симбирскою Конторою напротивъ того считалъ, что симбирское женское училище, занявшись въ послѣдніе годы подготовленіемъ учительницъ для сельскихъ школъ, принесло и приноситъ пользу крестьянскому населенію и, указывая, что 17 выпущенныхъ въ послѣднее время воспитанницъ занимаются уже

преподаванiемъ въ крестьянскихъ школахъ, находилъ желательнымъ сохранить училище въ такомъ видѣ и на дальнѣйшее время.

Сообразно съ такими отзывами мѣстныхъ удѣльныхъ властей и былъ разрѣшенъ Департаментомъ Удѣловъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ обоихъ училищъ. Алатырское закрыто было съ 1 января 1863 г., а симбирское рѣшено было пока сохранить, отпуская необходимыя на его содержанiе средства изъ удѣльныхъ суммъ. Просуществовало оно, однако, въ качествѣ училища удѣльнаго лишь два года, выпустивъ за это время 15 дѣвушекъ, поступившихъ учительницами въ сельскiя школы, но затѣмъ въ 1865 г., съ Высочайшаго соизволенiя, передано было изъ Удѣловъ въ вѣдомство Учрежденiй Императрицы Марiи.

Примѣчанія.

1) Изъ пособій послѣдняго рода особенно выдающееся по своимъ размѣрамъ относится къ 1831 г., когда по Высочайшему повелѣнію предоставлено было употребить на ризницы для церквей значительное число парадныхъ нарядовъ, парчевыхъ и бархатныхъ, хранившихся въ придворной товарной. Изъ принятыхъ оттуда вещей изготовлено было 39 полныхъ приборовъ для церковныхъ ризницъ, причемъ одна пересылка ихъ стоила до 4 тыс. р. Эти церковныя облаченія—за исключеніемъ четырехъ предназначенныхъ въ церковь при Департаментѣ Удѣловъ—были разосланы въ болѣе бѣдныя церкви разныхъ удѣльныхъ селеній.

2) Ученики, отличавшіеся хорошими успѣхами, прилежаніемъ и поведеніемъ, независимо отъ поощреній, имѣвшихъ цѣлью дѣйствовать на самолюбіе мальчиковъ, въ родѣ помѣщенія ихъ въ классахъ на переднихъ скамейкахъ и написанія фамилій лучшихъ учениковъ на особыхъ доскахъ, получали въ награду или книги преимущественно религіознаго содержанія: псалтирь, евангеліе, краткую священную исторію, особо изданную для этой цѣли на средства Удѣловъ памятную книжку и т. д., или же суконные темнозеленые кафтанчики со шнурками на воротникахъ. Къ лѣнтяямъ же и провинившимся въ разныхъ проступкахъ примѣнялись наказанія отъ сравнительно мягкихъ, въ родѣ выговора въ присутствіи другихъ учениковъ, стоянія на колѣняхъ, до болѣе суровыхъ—тѣлесныхъ наказаній.

3) Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что при такомъ составѣ учительскаго персонала весь центръ тяжести обученія въ сельскихъ школахъ лежалъ на помощникахъ учителей, такъ какъ учителя, т. е. священники, оставляли себѣ преподаваніе лишь закона Божія. На это обстоятельство неоднократно указывали Департаменту Удѣловъ Управляющіе Конторами, преимущественно симбирской губ.: Симбирской и Алатырской.

4) Въ сумму расходовъ на содержаніе училищъ входили: на отопленіе и освѣщеніе училищъ отъ 53 до 182 р. на каждое, на наемъ сторожей отъ 100 до 152 р., на покупку учебныхъ книгъ отъ 29 р. 86 коп. до 150 р. на содержаніе учащихся, на снабженіе ихъ армяками, тулупами, сапогами и проч.

5) Съ 1835 г. для облегченія положенія тѣхъ крестьянскихъ семей, изъ которыхъ брались воспитанники въ Земледѣльческое Училище, Высочайше повелѣно было взятыхъ воспитанниковъ съ самаго поступленія ихъ въ Училище исключать изъ числа наличныхъ душъ, при установленіи и учетѣ рекрутскихъ очередей.

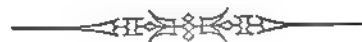
6) Изъ дѣлъ, между прочимъ, видно, что уже въ первые два года возвращено было обратно „по тупости и разнымъ болѣзнямъ“ 20 мальчиковъ, и расходы по отсылкѣ ихъ и доставкѣ взамѣнъ другихъ возложены на управляющихъ тѣми конторами, откуда мальчики были присланы (Д. 2 отд. 1 ст. № 1302. Св. 33).

7) Первый комплектъ въ 250 воспитанниковъ былъ такой: по 30 человѣкъ изъ Конторъ Вятской и Костромской; по 20 человѣкъ изъ Конторъ: Вельской, Московской, Нижегородской, Казанской, Саратовской и Симбирской; 10 человѣкъ изъ Конторы Пермской; 6 человѣкъ изъ Конторы Пензенской; 4 человѣка изъ Конторы Красносель-

ской и по 5 человѣкъ изъ остальныхъ десяти Конторъ: Архангельской, Вологодской, Воронежской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тамбовской и Тверской.

8) Воспитанники Училища вставали въ 4 часа утра, послѣ уборки спаленъ и утренней молитвы сбирались къ 6 часамъ на дворъ для переклички (въ ненастную погоду перекличка производилась въ рекреаціонномъ залѣ, гдѣ имъ дѣлалось распредѣленіе на занятія по дневному списку). Занятія шли до 8 час. вечера съ перерывами: въ 8 час. утра для завтрака (давалась обыкновенно рѣдька, морковь, картофель или капуста съ хлѣбомъ и квасомъ) и въ полдень на два часа—для обѣда и отдыха. Въ 8 час. вечера воспитанники ужинали и, прослушавъ распредѣленіе занятій на слѣдующій день, ложились, послѣ общей молитвы, спать. Обѣдъ и ужинъ состояли изъ двухъ кушаньевъ, причемъ къ обѣду давались обыкновенно щи и каша, а на ужинъ какая-нибудь похлебка и потомъ картофель, молоко или каша. Въ посты, а также по средамъ и пятницамъ пища была постная.

9) Въ имѣніяхъ пермскомъ и оренбургскомъ ремесленныхъ училищъ въ то время устроено не было, вслѣдствіе малонаселенности и разбросанности удѣльныхъ земель въ этихъ губерніяхъ. Позднѣе возникло, однако, предположеніе открыть ремесленныя заведенія и въ этихъ двухъ губерніяхъ, но начавшаяся объ этомъ переписка, которая продолжалась до 1858 г., окончилась ничѣмъ, такъ какъ къ этому времени взглядъ на пользу отъ ремесленныхъ училищъ измѣнился и устройство ихъ въ имѣніяхъ пермскомъ и оренбургскомъ признано излишнимъ.

Глава XI.

Крестьянское самоуправленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

„Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“ 5 апрѣля 1797 г. и его постановленія о сельскомъ управленіи.—„Наставленіе сельскимъ приказамъ“ 1798 г.—Проведеніе правилъ „Учрежденія“ на практикѣ.—Величина приказовъ и распредѣленіе селъ между ними; постройка приказныхъ зданій.—Зависимость приказныхъ властей отъ міра.—Затрудненія при выборѣ писарей и разрѣшеніе найма ихъ со стороны.—Практика сельскаго управленія за время 1797—1808 гг.—Реформа его въ 1808 г.—Правила „Положенія Департамента Удѣловъ“ 15 мая 1808 г.—Инструкція Министра управляющимъ конторами и „руководство къ познанію правъ и обязанностей для удѣльныхъ поселянъ“ 1811 г.—Осуществленіе „Положенія“ и дальнѣйшія постановленія въ области сельскаго управленія.—Распредѣленіе приказовъ; составъ управленія.—Жалованье приказныхъ властей, ихъ льготы и отвѣтственность передъ управляющими конторами.—Практика управленія; вкравшіяся въ нее злоупотребленія и мѣры противъ нихъ.

Моментъ образованія удѣльныхъ имѣній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ организаціи въ нихъ крестьянскаго самоуправленія на новыхъ и довольно широкихъ основаніяхъ. Изданное 5 апрѣля 1797 г. „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“ предоставляло Департаменту Удѣловъ и удѣльнымъ экспедиціямъ попеченіе лишь объ общихъ дѣлахъ имѣній и такихъ дѣлахъ крестьянъ, которыя могли восходить къ суду, отстраняя эти учрежденія отъ непосредственнаго вмѣшательства въ сельское управленіе. „Всякое разбирательство внутренняго сельскаго дѣла“, согласно этому законодательному акту, „отъ управленія и распоряженія экспедицій должно быть чуждо, и для того всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ удѣльнымъ наистрожайше запрещается“. Избраніе должностныхъ лицъ въ селахъ и деревняхъ, раскладка и собираніе податей, отбываніе повинностей,—все это должно было составлять „внутреннія сельскія дѣла“, отдававшіяся „на собственные мірскіе разборы“, по отношенію къ которымъ за Департаментомъ и экспедиціями

предполагалось оставить только контроль, переходившій въ активное вмѣшательство лишь при неисполненіи сельскими обществами своихъ обязательствъ и при явныхъ злоупотребленіяхъ со стороны мірскихъ властей.

Создавая наново организацію сельскаго управленія, „Учрежденіе" 1797 г. прежде всего установило новую территоріальную и административную единицу подъ именемъ приказа. Такой приказъ, соотвѣтствовавшій волости, объединялъ нѣсколько селъ и деревень, расположенныхъ по возможности въ одномъ округѣ, причемъ его населеніе не должно было превышать 3000 душъ. Въ центральномъ изъ этихъ селъ должно было помѣщаться самое управленіе приказа, носившее то же самое имя и состоявшее изъ четырехъ лицъ: приказнаго выборнаго или головы, казеннаго и приказнаго старостъ и писаря; сверхъ того, во всякомъ селѣ или деревнѣ долженъ былъ существовать сельскій или деревенскій выборный, при церкви—ктиторъ, а на каждые 10 крестьянскихъ дворовъ—одинъ десятскій. Всѣ эти должностныя лица, за исключеніемъ десятскихъ, которые, неся низшія полицейскія обязанности, назначались выборными по очереди изъ всѣхъ домохозяевъ и смѣняли другъ друга черезъ мѣсяцъ, выбирались крестьянскими обществами; при этомъ приказныя власти выбирались, въ присутствіи члена экспедиціи, всѣми входившими въ составъ приказа обществами на трехлѣтній срокъ, сельскіе же и деревенскіе выборные и ктиторы, избираемые каждый своимъ обществомъ, несли свою службу въ теченіе одного года. На выборныхъ, приказныхъ и сельскихъ возлагался общій надзоръ за управленіемъ, за благосостояніемъ и нравственностью крестьянъ и за отбываніемъ ими указныхъ работъ; они же объявляли крестьянамъ касающіеся ихъ законы и исправляли полицейскія обязанности, слѣдя за починкой дорогъ и мостовъ, за предосторожностями отъ заразныхъ болѣзней людей и скота и отъ пожаровъ, наблюдая за порядкомъ среди крестьянъ и предупреждая преступленія; наконецъ, приказные выборные или головы должны были еще охранять цѣлость удѣльныхъ владѣній, ежегодно осматривая границы своихъ приказовъ и оберегая ихъ неприкосновенность. На обязанности казенныхъ старостъ лежало собираніе съ крестьянъ казенныхъ податей и хозяйственныхъ сборовъ въ пользу Удѣловъ и доставленіе ихъ въ подлежащія высшія учрежденія, равно какъ охрана недвижимыхъ удѣльныхъ имѣній. Приказные старосты обязаны были „имѣть надъ вдовами и сиротами, равно-

мѣрно надъ лѣнивыми и нерадивыми о хозяйствѣ опеку“, наблюдать вообще за хозяйствомъ крестьянъ и судить ихъ въ мелкихъ дѣлахъ, предоставляя, однако, на ихъ волю обращаться при недовольствѣ рѣшеніемъ къ суду. Ктиторъ долженъ былъ охранять церковь съ ея имуществомъ, собирать на нее пожертвованія и снабжать ее всѣмъ необходимымъ, съ согласія и подъ наблюденіемъ прихожанъ, передъ которыми онъ обязанъ былъ ежегоднымъ отчетомъ. Всѣ должностныя лица сельскаго управленія находились подъ контролемъ экспедиціи, которая при неисправности и упущеніяхъ съ ихъ стороны могла не только отрѣшить ихъ отъ должности, но и отослать на опредѣляемый ею самою срокъ въ рабочій домъ, а въ случаѣ какихъ-либо преступленій предавала ихъ суду. Все дѣлопроизводство въ приказахъ, въ видахъ бóльшаго удобства контроля, должно было вестись письменно. Должностныя лица за свою службу получали денежное жалованье — головы по 20 р. въ годъ, старосты и писаря по 15 р., сельскіе выборные по 10 р., и освобождались отъ отбыванія всѣхъ натуральныхъ повинностей, но не отъ уплаты казенныхъ податей и удѣльныхъ сборовъ; только служба въ десятскихъ, разсматривавшаяся скорѣе какъ повинность, не давала ни жалованья, ни льготъ. Своего рода льготой являлась и особая охрана чести мірскихъ властей, установленная закономъ: за ослушаніе головы или оскорбленіе его словомъ виновный крестьянинъ подвергался штрафу въ размѣрѣ 1 р., за такой же проступокъ по отношенію къ другому приказному или сельскому старшинѣ назначался штрафъ въ 50 к., въ случаѣ же оскорбленія дѣйствіемъ штрафъ повышался втрое, и сверхъ того виновный отправлялся въ тюрьму или употреблялся „въ разныя работы“. Чтобы выбранные въ старшины крестьяне могли отправлять службу, не разстраивая собственнаго хозяйства, было установлено правило, согласно которому они могли на день или на два въ недѣлю отлучаться въ свои дома, съ обязательствомъ являться немедленно въ приказъ по первому требованію. Головы и сельскіе выборные созывали въ приказахъ и селахъ сходы, на которые крестьяне должны были являться „по одному съ каждаго двора или сколько приказано будетъ“; неявка на сходъ вопреки полученному приказанію наказывалась штрафомъ въ 50 к., а „безчинство и шумъ“ на сходѣ влекли за собою для виновнаго штрафъ, вчетверо большій [1]).

Такимъ образомъ, въ „Учрежденіи“ 1797 г. роль приказнаго

и сельскаго схода была ясно очерчена только въ дѣлѣ избранія старшинъ, въ дальнѣйшихъ же функціяхъ управленія онъ представлялся какъ-бы выполняющимъ лишь приказанія головъ и сельскихъ выборныхъ и не имѣющимъ рядомъ съ ними самостоятельнаго значенія. Нѣкоторыя недомолвки въ этомъ вопросѣ „Учрежденія“ были восполнены изданнымъ Департаментомъ Удѣловъ, черезъ полтора года послѣ своего возникновенія, именно въ декабрѣ 1798 г., „Наставленіемъ сельскимъ приказамъ“, которое было разослано черезъ экспедиціи для руководства приказнымъ старшинамъ. Въ немъ было оговорено, что всякаго рода подати, сборы и повинности „приказъ располагаетъ на мірянъ по общему съ ними о семъ приговору“, а экспедиція во всѣ подобныя раскладки „ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться не должна“. Въ случаѣ необходимости построить на общественный счетъ какое-либо зданіе, для самого-ли приказа, для хлѣбнаго магазина, богадѣльни или школы, приказъ долженъ былъ по согласію съ обществомъ составить смѣту такой постройки и представить ее экспедиціи, которая испрашивала разрѣшеніе на нее у Департамента; равнымъ образомъ всякій расходъ, требовавшій новаго сбора съ крестьянъ, могъ быть вводимъ только по мірскому приговору, утвержденному по представленію экспедиціи Департаментомъ, но „ни экспедиція, ни приказъ на крестьянъ никакихъ налоговъ сами собою класть не могутъ, подъ строжайшимъ за сіе отвѣтомъ и взысканіемъ“. „Наставленіе“ опредѣлило точнѣе и составъ приказныхъ сходокъ, разрѣшивъ „въ облегченіе поселянъ“ каждому селенію выбирать на эти сходки „довѣренныхъ отъ себя крестьянъ или повѣренныхъ“. Приказы обязывались принимать отъ экспедицій и другихъ присутственныхъ мѣстъ только письменныя приказанія, словесныя же должны были оставлять безъ исполненія. Наконецъ, одна изъ статей „Наставленія“ устанавливала порядокъ жалобъ на удѣльную администрацію: на сельскихъ и приказныхъ старшинъ, равно какъ и на отдѣльныхъ чиновниковъ экспедиціи, въ случаѣ обидъ съ ихъ стороны, крестьяне могли жаловаться въ завѣдующую ими удѣльную экспедицію, а если послѣдняя не удовлетворяла ихъ жалобы, то могли искать себѣ защиты у Департамента; за несправедливую жалобу имъ угрожало, впрочемъ, „непремѣнное взысканіе и наказаніе“ [2]).

Установленныя закономъ правила создавали такимъ путемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ крестьянское самоуправленіе въ видѣ

исключительно выборныхъ властей приказнаго и сельскаго управленія, дѣйствовавшихъ подъ двойнымъ контролемъ—избиравшихъ ихъ крестьянскихъ „міровъ“ и высшей удѣльной администраціи, причемъ законъ стремился оградить ихъ отъ возможнаго произвола со стороны послѣдней. Но затѣмъ примѣненіе опредѣлявшагося „Учрежденіемъ“ порядка на практикѣ на первыхъ же порахъ вызвало частью болѣе детальное развитіе отдѣльныхъ его положеній, частью же измѣненіе этихъ положеній, порою заходившее очень далеко.

Прежде всего основная единица сельскаго управленія—приказъ—не удержалась въ первоначально принятыхъ для нея размѣрахъ. При распредѣленіи на приказы селеній, отведенныхъ въ вѣдомство Петербургской Экспедиціи, чиновникъ ея Полонскій, производившій это распредѣленіе, устроилъ два приказа, превышавшіе назначенное для нихъ число душъ, именно одинъ въ 3.231 душу, а другой въ 3.505 душъ, и на запросъ Экспедиціи по этому поводу объяснилъ, что при соблюденіи предписанной нормы пришлось бы или причислить нѣкоторыя селенія къ такому приказу, отъ котораго они находятся въ далекомъ разстояніи (90, 110 и даже 140 вер.), или устроить чрезмѣрно дробные приказы, содержаніе которыхъ было бы обременительно для крестьянъ бѣдной мѣстности. Экспедиція, тѣмъ не менѣе, предписала Полонскому соблюдать установленную для приказовъ норму, но Департаментъ, не одобривъ его самовольныхъ дѣйствій, нашелъ, однако же, приведенныя имъ соображенія убѣдительными и неоспоримыми и, съ согласія Министра, рѣшился войти съ докладомъ къ Государю по данному поводу. На докладъ Министра 18 іюня 1798 г. послѣдовалъ Указъ, разрѣшавшій въ крайнихъ случаяхъ увеличивать размѣры приказовъ до 4.000 душъ [3]). Вообще при распредѣленіи на приказы рекомендовалось по возможности сохранять старое волостное дѣленіе, но этотъ совѣтъ исполнялся рѣдко и новое дѣленіе часто оказывалось чрезмѣрно дробнымъ и запутаннымъ. Совѣтникъ Архангельской Экспедиціи жаловался, напр., въ 1800 г., что его предшественникъ при образованіи приказовъ раздробилъ всѣ старыя волости, произведя тѣмъ немалую путаницу въ отбываніи повинностей и въ пользованіи земельными участками; онъ просилъ въ виду этого разрѣшенія на новое раздѣленіе приказовъ, которое было бы ближе къ старому волостному, но Департаментъ опасался путаницы при новой большой перемѣнѣ и не далъ просимаго разрѣшенія на

нее [4]). Впрочемъ, на частныя измѣненія въ распредѣленіи селъ между приказами Департаментъ соглашался не разъ, и иногда такія измѣненія происходили по просьбѣ самихъ крестьянъ [5]).

Другой вопросъ по устройству приказовъ былъ возбужденъ Костромскою Экспедиціей, которая въ 1798 г. спрашивала Департаментъ, какой сборъ слѣдуетъ установить съ крестьянъ для постройки приказныхъ зданій во вновь учреждаемыхъ приказахъ. Департаментъ рѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ названныя зданія нужны самимъ крестьянамъ, то они и должны выстроить ихъ изъ принадлежащаго приказамъ лѣса, но, во избѣжаніе какого-либо отягощенія крестьянъ, Экспедиція должна не производить съ нихъ никакого побора, а предоставить это дѣло „собственному ихъ между собою соглашенію“ [6]). Крестьянскому міру вообще удѣлялась въ эту пору видная роль въ сельскомъ управленіи и, когда въ томъ же году Московская Экспедиція возбудила вопросъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ разбирать жалобы крестьянъ на приказныхъ старшинъ, если они требуютъ изслѣдованія на мѣстѣ, Департаментъ, на основаніи резолюціи Министра, рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что такія жалобы надо посылать въ приказъ для разбирательства „на сходкѣ всему міру“, а въ особенно важныхъ случаяхъ долженъ быть посылаемъ для изслѣдованія одинъ изъ товарищей совѣтника экспедиціи. Въ слѣдующемъ году та же Экспедиція сообщала, что крестьяне нѣкоторыхъ приказовъ смѣнили головъ по ихъ болѣзни и просьбамъ, а въ одномъ приказѣ—и приказнаго старосту за пьянство и обиды крестьянамъ и выбрали новыхъ старшинъ. Департаментъ предписалъ разслѣдовать дѣло и, если мотивы смѣщенія прежнихъ старшинъ окажутся правильными, утвердить вновь выбранныхъ, внушивъ крестьянамъ необходимость осторожности при выборахъ [7]). Въ данномъ случаѣ Департаментъ сохранилъ самостоятельность крестьянскаго міра, но около того же времени ему пришлось нарушить ее въ иномъ, гораздо болѣе существенномъ и важномъ для крестьянъ, вопросѣ, допустивъ въ составъ мірскихъ властей лицъ постороннихъ, ничѣмъ не связанныхъ съ крестьянскими обществами.

При введеніи въ жизнь установленнаго „Учрежденіемъ“ порядка управленія онъ встрѣтилъ непредвидѣнное, повидимому, авторами реформы препятствіе, заключавшееся въ рѣдкости въ крестьянской средѣ грамотныхъ людей, способныхъ къ отправленію должности приказнаго писаря, которая между тѣмъ должна

была, подобно всѣмъ другимъ, замѣщаться выборными изъ самихъ удѣльныхъ крестьянъ. Уже 3 сентября 1798 г. Орловская Экспедиція вынуждена была обратиться за указаніями къ Департаменту по слѣдующему случаю. Берестовскій приказъ доносилъ ей, что выбранный въ писаря крестьянинъ Паршиновъ оказался совершенно неспособнымъ къ этой должности, почему приказъ подговорилъ знающаго и надежнаго писаря „со стороны“ и собралъ общество для договора съ нимъ, но тогда Паршиновъ объявилъ, что онъ можетъ вести дѣла, и „общество принять сторонняго писаря не согласилось“. Съ своей стороны Эксцедиція прибавляла, что по присылаемымъ изъ берестовскаго приказа бумагамъ замѣтна уже „крайняя къ дѣламъ неспособность“ Паршинова, „равно и отъ другихъ приказовъ поступаютъ бумаги большею частью весьма неисправныя“; принимавшіе удѣльныя имѣнія по орловской губерніи чиновники „замѣтили, что въ селеніяхъ удѣльныхъ повсюду людей грамотныхъ и къ письменнымъ дѣламъ способныхъ недостаточно, а потому избираемые ими писаря, со всѣмъ усиліемъ къ ихъ вразумленію, подаютъ причину сомнѣваться, чтобы оными исправно по приказамъ дѣла были выполняемы“. Считая въ сущности неизбѣжнымъ при такихъ условіяхъ приглашеніе на писарскія должности постороннихъ лицъ, Экспедиція не рѣшалась, однако же, сама нарушить „Учрежденіе“ и испрашивала указаній Департамента. Подобныя жалобы и просьбы приходили и изъ другихъ мѣстъ. Въ октябрѣ того же 1798 г. Вятская Экспедиція сообщала, что въ одномъ изъ ея приказовъ заболѣлъ выбранный въ писаря крестьянинъ, а другого „въ томъ приказѣ избрать некого“, почему крестьяне „по мірскому согласію приговорили отставнаго губернскаго регистратора Крошихина“ на писарскую должность, съ жалованьемъ по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ и просили Экспедицію утвердить его. При обсужденіи этой просьбы въ Экспедиціи чиновниками ея, принимавшими удѣльныя имѣнія въ вятской губерніи, было указано, что во многихъ приказахъ вовсе не имѣется грамотныхъ крестьянъ, способныхъ быть писарями, тогда какъ въ другихъ есть грамотные и помимо избранныхъ уже въ писаря. Имѣя въ виду этотъ фактъ, Экспедиція не считала удобнымъ замѣщать данную должность, вопреки „Учрежденію“, людьми, совершенно посторонними удѣльнымъ имѣніямъ, и просила только о разрѣшеніи крестьянамъ приглашать на нее жителей другихъ приказовъ, предупреждая, впрочемъ, что положенное „Учрежденіемъ“ жалованье окажется для нихъ недо-

статочнымъ, такъ какъ они принуждены будутъ забросить собственное хозяйство. Но данный вопросъ былъ рѣшенъ въ Департаментѣ еще раньше, чѣмъ писался этотъ рапортъ Вятской Экспедиціи и, такимъ образомъ, ея проектъ не могъ имѣть никакого вліянія на это рѣшеніе. Еще 2 октября въ Департаментѣ составлена была докладная записка Министру, въ которой ссылкой на представленіе Орловской Экспедиціи доказывалась необходимость разрѣшить наемъ вольныхъ людей въ приказные писаря по договору съ крестьянскими обществами, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы такой писарь обязывался прослужить въ своей должности 3 года, но за неисправность могъ быть удаленъ и ранѣе. По докладу Министра Государю, 20 октября 1798 г. послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ, разрѣшавшій въ тѣхъ приказахъ, гдѣ не найдется способныхъ къ писарской должности крестьянъ, нанимать въ писаря свободныхъ людей на установленныхъ Департаментомъ условіяхъ [8]).

При обиліи бумажнаго дѣлопроизводства въ приказахъ, на наймѣ писарей дѣло не остановилось и вскорѣ рядомъ съ ними явились еще ихъ помощники, точно также нанятые со стороны, хотя эта должность и не была предусмотрѣна „Учрежденіемъ". Въ 1799 г. Петербургская Экспедиція представила Департаменту, что казанскій приказъ, въ виду множества дѣлъ, съ которыми не могъ управиться одинъ писарь, нанялъ ему помощника „съ согласія всего міра", и просила разрѣшенія утвердить какъ этого помощника писаря, такъ и другихъ, еслибы они понадобились въ остальныхъ приказахъ. На этотъ разъ Департаментъ рѣшилъ представившійся вопросъ путемъ обхода закона. Ссылаясь на „Учрежденіе", назначавшее въ приказахъ по одному писарю, онъ отказалъ Экспедиціи въ разрѣшеніи утверждать помощниковъ писарей, но вмѣстѣ указалъ, что писарь, нуждающійся въ помощникѣ, можетъ безъ утвержденія экспедиціи выбрать его изъ среды грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей, за неимѣніемъ же таковыхъ—и нанять со стороны „съ согласія однакожъ и одобренія всего міра"; заботы же экспедиціи должны быть направлены „на пріобрѣтеніе посредствомъ школъ собственныхъ грамотныхъ людей" [9]). Льготы, предоставленныя „Учрежденіемъ" писарямъ изъ крестьянъ, равнымъ образомъ скоро уже подверглись нѣкоторому расширенію. Въ 1804 г. Архангельская Экспедиція возбудила ходатайство объ освобожденіи отъ рекрутской очереди семействъ писарей на время отбыванія послѣдними службы. Департаментъ,

въ виду того, что такая льгота писарей можетъ сдѣлать рекрутскую повинность болѣе обременительной для остальныхъ крестьянъ, обусловилъ свое разрѣшеніе на данное ходатайство предварительнымъ согласіемъ на такую льготу „всего міра“ тѣхъ обществъ, въ которыхъ служили писаря, и въ концѣ слѣдующаго года Экспедиція представила мірскіе приговоры, удостовѣрявшіе такое согласіе; лишь одинъ приказъ отказался освободить братьевъ своего писаря отъ лежавшей на нихъ очереди по отбыванію рекрутчины [10]).

На первыхъ же порахъ, такимъ образомъ, вновь установленное сельское управленіе оказалось не столь близкимъ къ населенію, не столь однороднымъ по своему составу и, наконецъ, не столь дешевымъ, какъ оно первоначально предполагалось въ законѣ. Но и помимо этихъ измѣненій въ самой практикѣ управленія уже очень скоро послѣ его организаціи сказались такія особенности, которыя не были предусмотрѣны „Учрежденіемъ“, а порою и стояли въ прямомъ противорѣчіи съ нимъ. Почти немедленно вслѣдъ за образованіемъ удѣльныхъ экспедицій, Департаменту пришлось принимать мѣры къ ограниченію нѣкоторыхъ изъ нихъ, черезчуръ широко понявшихъ свои права надъ крестьянами. Архангельская Экспедиція, напр., правило „Учрежденія“, что удѣльное начальство обязано защищать крестьянъ въ судахъ, поняла въ томъ смыслѣ, что суды должны испрашивать согласіе экспедиціи на постановляемые ими приговоры относительно удѣльныхъ крестьянъ, и въ 1798 г., найдя, что Шенкурскій Уѣздный Судъ и Архангельская Палата поступили неправильно, присудивъ крестьянина Попова, за проживаніе въ Гатчинѣ безъ паспорта, къ наказанію плетьми и не испросивъ предварительно согласія удѣльной экспедиціи, имѣющей права помѣщика надъ крестьяниномъ и могшей заступиться за него, просила мѣстнаго губернатора и Департаментъ Удѣловъ, чтобы впредь судебныя мѣста рѣшали подобныя дѣла согласно съ законами. Департаментъ, которому жаловался обиженный губернаторъ, нашелъ дѣйствія экспедиціи неправильными и сдѣлалъ ей выговоръ, доведя объ этомъ до свѣдѣнія губернатора [11]). Въ томъ же самомъ году, когда Архангельская Экспедиція повела такъ далеко свою заботу о крестьянахъ, Министръ вынужденъ былъ обратиться вообще къ удѣльнымъ экспедиціямъ съ предписаніемъ, въ которомъ обращалъ ихъ вниманіе на то, что онѣ, какъ видно изъ ихъ меморій и журналовъ, вмѣшиваются во внутреннія дѣла

сельскихъ обществъ и даже въ семейную жизнь крестьянъ,—въ поставку рекрутъ, мірскіе расходы, даже „въ самое учрежденіе крестьянской одежды“, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаются въ Департаментъ за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, о которыхъ есть вполнѣ ясные законы [12]). Подобныя предписанія оказывали, однако, повидимому, лишь весьма небольшое вліяніе, слѣдить же непосредственно за дѣятельностью экспедицій Департаментъ не имѣлъ возможности и, благодаря этому, для произвольныхъ дѣйствій послѣднихъ, между прочимъ и въ области сельскаго управленія, открыто было широкое поприще. Въ началѣ XIX столѣтія такое положеніе дѣла обратило на себя серьезное вниманіе и вызвало реформу въ управленіи въ видѣ учрежденія при Департаментѣ особыхъ, ревизоровъ для осмотра имѣній, причемъ непосредственнымъ поводомъ къ этой реформѣ послужили открывшіяся злоупотребленія чиновниковъ Смоленской Экспедиціи. Какъ писалъ Министръ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю 9 мая 1803 г., „безпорядки начались тому уже около двухъ лѣтъ, но до Департамента свѣдѣнія объ этомъ не доходили; жалобы были не допускаемы или крестьяне терпѣливо сносили притѣсненія; но какъ скоро посланный отъ Департамента въ экспедицію явился, то и всѣ неустройства открылись“. Обнаруженныя злоупотребленія были, однако, такъ велики, что понадобилось отрѣшить отъ должностей служившихъ въ Экспедиціи чиновниковъ и предать ихъ уголовному суду [13]). Разосланные послѣ того для осмотра имѣній ревизоры во многихъ мѣстностяхъ нашли значительныя неустройства въ сельскомъ управленіи, и прежде всего въ основной его ячейкѣ—сельскихъ и приказныхъ сходахъ. „На мірскія сходки,—писалъ, напр., ревизоръ Нѣмчиновъ, послѣ осмотра яранскаго округа Вятской Экспедиціи,—даже на валовыя собирается народа весьма мало, иныя селенія присылаютъ отъ себя несоразмѣрно малое число повѣренныхъ, иныя же совсѣмъ не посылаютъ, а въ большепольскомъ приказѣ наряжаютъ на сходъ всякаго безъ разбора, т. е. и хозяина дома, и бобыля, и умнаго, и непонятнаго, и престарѣлаго, и несовершенныхъ лѣтъ“. Тотъ же ревизоръ свидѣтельствовалъ, что приказные и сельскіе старшины нерѣдко нерадиво относятся къ своимъ обязанностямъ и что самое распредѣленіе приказовъ по мѣстности произведено экспедиціею неудачно. Напротивъ, чиновники, ревизовавшіе Костромскую и Архангельскую Экспедиціи, не обнаружили въ дѣлопроизводствѣ ихъ приказовъ особенныхъ упущеній и безпорядковъ [14]).

Кромѣ указанной причины, правильному ходу крестьянскаго самоуправленія въ удѣльныхъ имѣніяхъ немало препятствовало и другое обстоятельство, значеніе котораго попыталась выяснить Департаменту въ 1804 г. Вятская Экспедиція, принадлежавшая къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе навлекали на себя упрековъ въ различнаго рода упущеніяхъ. Совѣтникъ этой Экспедиціи, Соколовъ, представилъ въ Департаментъ обширный рапортъ, въ которомъ старался оправдать ее и объяснить истинныя причины такихъ упущеній. Онѣ заключались, по его словамъ, въ неисправности приказовъ, а послѣдняя зависѣла отъ безграмотности большинства приказныхъ и сельскихъ старшинъ, благодаря которой „всѣ по должности приказа распоряженія... происходятъ единственно отъ писаря, коего нерадѣніе или и самое злоупотребленіе остаются безъ препоны". Наказанія, полагающіяся старшинамъ за нерадивое исправленіе должности, мало дѣйствительны, такъ какъ отрѣшеніе отъ службы „пріемлется ими даже охотно", въ виду требуемой службой трехлѣтней отлучки отъ хозяйства и незначительности жалованья, а въ случаѣ отдачи ихъ подъ судъ послѣдній иногда вынужденъ былъ миловать ихъ по незнанію ими законовъ и приказнаго порядка, иногда же каралъ ихъ „и по совершенной ихъ невиновности, ибо, будучи безграмотны, употребляемое вмѣсто подписи приложеніе печати совершается ими къ такому приговору или къ такой исходящей бумагѣ, кои писаремъ написаны вопреки ихъ мнѣнію или приказанію". Самые писаря, которые являлись такимъ путемъ въ сущности главными лицами въ приказахъ, набирались изъ людей, „не только совершенно чуждыхъ малѣйшаго въ законахъ познанія, но и не имѣющихъ свѣдѣнія о самомъ приказномъ порядкѣ, не говоря уже о весьма ограниченномъ ихъ умѣ и таковомъ же искусствѣ въ письменномъ мыслей выраженіи". Хорошихъ писарей со стороны, по словамъ Экспедиціи, также трудно было найти, даже и за большую плату, и страхъ наказанія также мало удерживалъ ихъ отъ злоупотребленій; вообще же „замѣчено, что для исправленія оной должности изъ способныхъ и добраго поведенія людей гораздо меньше идутъ въ удѣльные приказы, нежели въ волостныя (государственныхъ селеній) правленія". Въ концѣ концовъ Соколовъ признавалъ сельскихъ и приказныхъ старшинъ „людьми весьма къ должностямъ своимъ неспособными", такъ что, по его утвержденію, приказы нерѣдко не понимаютъ посылаемыхъ къ нимъ бумагъ и въ свою очередь присылаютъ

рапорты безъ всякаго смысла, не будучи въ состоянiи правильно выполнить даже такихъ требованiй экспедицiи, какъ составленiе какой-либо вѣдомости по доставленному имъ образцу. Всѣ затрудненiя въ сельскомъ управленiи еще увеличивались большимъ пространствомъ, которое занимали управляемыя экспедицiею имѣнiя и неудачнымъ распредѣленiемъ приказовъ, благодаря чему на ревизiю всего имѣнiя товарищу совѣтника требовался цѣлый годъ. Ближайшимъ средствомъ къ исправленiю этихъ безпорядковъ Соколовъ считалъ увеличенiе числа канцелярскихъ служителей при экспедицiи, которыхъ можно было бы командировать и въ приказы для наставленiя приказныхъ писарей, причемъ такое увеличенiе, по его расчету, потребовало бы отъ экспедицiи лишнихъ 800 р. въ годъ. Департаментъ нашелъ, однакоже, что такимъ средствомъ „не можно замѣнить ни просвѣщенiя сельскихъ старшинъ, ни искусства писарей", и потому принялъ другую мѣру, распорядившись 8 февраля 1804 г., чтобы какъ Вятская, такъ и другiя экспедицiи выбрали изъ каждаго приказа по одному грамотному крестьянину, который могъ бы быть обученъ при экспедицiи порядку приказнаго дѣлопроизводства, и по три крестьянскихъ мальчика, которыхъ отдали бы въ уѣздныя народныя училища, содержа ихъ тамъ на счетъ мiрскихъ суммъ, а по окончанiи ученiя назначали бы въ приказные писаря, показавъ имъ предварительно въ экспедицiи порядокъ дѣлопроизводства. Но и эта мѣра при своемъ осуществленiи мѣстами встрѣтила препятствiя. Въ двухъ приказахъ Петербургской Экспедицiи, псковскомъ и вязовскомъ, вовсе не нашлось грамотныхъ крестьянъ. Не нашлось такихъ и среди удѣльныхъ крестьянъ лифляндской губернiи, которые просили освободить ихъ и отъ посылки мальчиковъ въ народное училище, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что содержанiе этихъ учениковъ обойдется обществу не менѣе 350 р., а между тѣмъ они еще могутъ современемъ оказаться „невнятнаго понятiя, либо нетрезваго состоянiя". Такъ какъ для рижскихъ крестьянъ составлялось въ эту пору особое положенiе, то Департаментъ на время отмѣнилъ для нихъ свое приказанiе. Костромская Экспедицiя, отдавъ изъ нѣкоторыхъ приказовъ выбранныхъ мальчиковъ въ народныя училища, въ другихъ, въ виду дальняго разстоянiя ихъ отъ уѣздныхъ городовъ, во избѣжанiе „отягощенiя и излишняго убытка крестьянъ", не рѣшилась сдѣлать этого, а передала избранныхъ обществами дѣтей „къ обученiю священнослужителямъ или желающимъ людямъ съ письменными условiями" [15].

Слабость надзора со стороны центральнаго учрежденія, произвольныя подчасъ дѣйствія мѣстныхъ экспедицій и, наконецъ, незнакомство съ законами и безграмотность крестьянской массы, ослаблявшія надзоръ міра за приказными властями и нерѣдко передававшія всѣ нити сельскаго управленія въ руки писаря, часто къ тому же бывшаго постороннимъ крестьянскому обществу человѣкомъ,—всѣ эти условія создавали такую почву, на которой легко было возникнуть различнаго рода злоупотребленіямъ. Послѣднія, дѣйствительно, существовали въ данную пору въ области сельскаго управленія въ довольно широкихъ размѣрахъ. Уже 9 октября 1802 г. Департаментъ, руководясь дошедшими до него съ разныхъ сторонъ свѣдѣніями, что во многихъ мѣстностяхъ „приказные старшины... при разборѣ между поселянами мірскихъ дѣлъ чинятъ многія злоупотребленія и собираютъ съ оныхъ на разные расходы деньги, въ противность даннаго сельскимъ приказамъ Наставленія, не испрося отъ экспедиціи позволенія", предписывалъ экспедиціямъ имѣть „неослабное смотрѣніе" за приказами, тѣмъ болѣе, что произведенная въ Департаментѣ ревизія отчетовъ о мірскихъ суммахъ вполнѣ подтвердила такія свѣдѣнія [16]). Въ иныхъ случаяхъ, однако, крестьяне находили въ экспедиціяхъ плохую защиту отъ притѣсненій своихъ старшинъ. Въ 1805 г. крестьянинъ д. Куземиной (касимовской округи рязанской губ.) подалъ на Высочайшее Имя жалобу на самовольный сборъ головою селецкаго приказа, „по согласію съ другими старостами", лишнихъ оброчныхъ денегъ съ жителей данной деревни; при этомъ онъ сообщалъ, что онъ жаловался уже Московской Экспедиціи, „но вмѣсто удовлетворенія претерпѣлъ только жестокіе побои и увѣчье и былъ закованъ, какъ преступникъ, въ желѣзы и содержался два мѣсяца въ тюрьмѣ, въ Касимовскомъ нижнемъ земскомъ Судѣ" [17]). Въ свою очередь и мірской приговоръ, который требовался отъ приказныхъ властей, иногда составлялъ только ширму, за которой скрывались ихъ произвольныя дѣйствія. Въ томъ же 1805 г. крестьянка коротинскаго приказа новгородской губ., Осипова, жаловалась на мѣстнаго голову, отдавшаго ея послѣдняго сына въ рекруты. Разслѣдовавшій это дѣло, по приказанію Министра, ревизоръ Нѣмчиновъ нашелъ жалобу вполнѣ справедливой: не подлежавшій очереди сынъ Осиповой былъ „за свезеніе съ сосѣдственной полосы двухъ бабокъ пшеницы отданъ въ военную службу по приговору мірскому", и какъ это несоотвѣтствіе наказанія преступ-

ленію, такъ и разсмотрѣніе рекрутскихъ очередей привели ревизора къ убѣжденію, что „поступокъ мірского общества въ семъ дѣлѣ былъ умышленный нападокъ на сироту къ облегченію очередей богатыхъ и большесемейныхъ крестьянъ"; сынъ Осиповой былъ, по испрошенному Министромъ Высочайшему повелѣнію, возвращенъ изъ службы, на мѣсто его отданъ крестьянинъ по жребію изъ очередныхъ большихъ семей, а старшины и подписавшіе приговоръ крестьяне наказаны штрафомъ въ пользу Осиповой въ размѣрѣ 50 р. [18]).

Замѣченныя Департаментомъ темныя стороны въ ходѣ сельскаго управленія играли не послѣднюю роль въ числѣ мотивовъ общей реформы управленія удѣльными имѣніями, предпринятой въ царствованіе Императора Александра I и осуществленной съ изданіемъ Положенія Департамента Удѣловъ 15 мая 1808 г. Приказное управленіе, писалъ Министръ Гурьевъ въ своемъ докладѣ Государю по этому поводу, „не приведено доселѣ въ порядокъ, соотвѣтственный прямому намѣренію". Приказы и экспедиціи охватывали слишкомъ большія пространства, такъ что отдѣльныя селенія отстояли иногда отъ своихъ приказовъ на 200, 300 и даже 500 в., а отъ экспедицій и болѣе, чѣмъ на 1000 верстъ. Порядокъ избранія старшинъ черезъ три года представлялся Министру неудобнымъ, такъ какъ на выборахъ „по большой части присвоиваютъ себѣ званіе старшинъ тѣ, кои смѣлѣе и дерзновеннѣе прочихъ въ обществѣ, напротивъ того, люди кроткіе, домовитые и занимающіеся промысломъ отъ того уклоняются"; равнымъ образомъ, выборъ писарей крестьянами сводился, по мнѣнію Министра, къ назначенію ихъ по волѣ старшинъ, что порождало злоупотребленія и запутанность въ управленіи. Въ этихъ замѣчаніяхъ сказалось уже недовѣріе къ крестьянскому самоуправленію со стороны центральной администраціи и стремленіе ея съузить предѣлы полномочій крестьянскаго міра въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Такое съуженіе и было, дѣйствительно, достигнуто „Положеніемъ" 1808 г., во многомъ измѣнившимъ правила и порядки, установленные „Учрежденіемъ" 1797 г. и послѣдующими узаконеніями и распоряженіями Департамента. Размѣры приказовъ были установлены теперь въ предѣлахъ отъ 2000 до 4000 душъ, причемъ на обязанность управляющихъ конторами, замѣнившими прежнія экспедиціи, возлагалось осмотрѣть приказы и, если существующее ихъ распредѣленіе окажется неудобнымъ, составить проектъ новаго. Старшины при-

каза оставались тѣми же самыми, но изъ нихъ голова долженъ былъ избираться уже не на три года, а на безсрочное время, что въ докладѣ Министра, сопровождавшемъ „Положеніе“, оправдывалось особыми качествами, необходимыми для исправленія этой должности. Для выбора головы крестьянскія общества, входившія въ составъ приказа, должны были назначить съ каждыхъ 100 душъ по 2 домохозяина, не подвергавшихся наказанію и не замѣченныхъ ни въ чемъ дурномъ. Изъ числа этихъ лицъ, составлявшихъ избирательную сходку, управляющій конторой назначалъ 10 кандидатовъ, которые въ его присутствіи и баллотировались шарами; затѣмъ списокъ ихъ, съ отмѣтками управляющаго о свойствахъ и поведеніи каждаго и о числѣ полученныхъ имъ избирательныхъ шаровъ, представлялся въ Департаментъ, утверждавшій одного изъ нихъ въ должности, тогда какъ другіе оставались кандидатами и, въ случаѣ смерти или увольненія головы, замѣняли его по порядку полученныхъ ими избирательныхъ шаровъ. Такимъ же образомъ избирались и казенный и приказный староста (иначе называвшіеся теперь еще засѣдателями приказа), съ той лишь разницей, что получившіе при баллотировкѣ большее число голосовъ утверждались въ этой должности самимъ управляющимъ. Селенія, удаленныя на большое разстояніе отъ другихъ и недостаточно многолюдныя, чтобы самимъ по себѣ составить приказъ, могли составлять такъ называемыя отдѣленія, подчиняясь непосредственно конторѣ и имѣя двухъ выборныхъ старшинъ, „одного въ видѣ головы, а другого въ видѣ засѣдателя“. При вступленіи на службу всѣ старшины приводились къ присягѣ. Жалованье и привилегіи выборныхъ властей увеличивались „Положеніемъ“, какъ объяснялъ Министръ въ своемъ докладѣ, „сколько для приведенія ихъ въ приличное уваженіе отъ крестьянъ и отъ лицъ постороннихъ, столько и для поощренія ихъ самихъ къ добропорядочному поведенію и ревности въ исполненіи ихъ обязанностей“. Голова долженъ былъ получать впредь жалованья 250 р. въ годъ и сверхъ того ему ежегодно шился на счетъ мірскихъ суммъ кафтанъ; оба засѣдателя—по 120 р.; кромѣ того, голова на время своей службы освобождался отъ всѣхъ хозяйственныхъ сборовъ, казенныхъ податей и общественныхъ повинностей, которые уплачивались и отбывались за него міромъ; семейство головы, считая таковымъ его жену и дѣтей, увольнялось отъ всякихъ общественныхъ работъ и нарядовъ; засѣдатели же, пока находились на службѣ,

были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. За оскорбленіе головы или засѣдателя, словомъ или дѣйствіемъ, виновному въ этомъ удѣльному крестьянину угрожало „строгое взысканіе“, хотя, въ противоположность „Учрежденію“ 1797 г., „Положеніе“ не опредѣляло его вида и размѣра. Всѣ эти старшины обязаны были ежегодно представлять избравшему ихъ обществу отчетъ въ расходованіи мірскихъ суммъ и раскладку сборовъ и податей на будущій годъ; утвержденные мірскимъ приговоромъ, отчетъ и раскладка восходили еще на утвержденіе управляющаго. При нетрезвой жизни и дурномъ поведеніи кого-либо изъ этихъ выборныхъ старшинъ управляющій могъ смѣстить его съ должности; при обнаружившейся неспособности къ отправленію должности со стороны головы, его смѣщалъ—по представленію управляющаго—Департаментъ, засѣдателей же смѣщалъ въ такихъ случаяхъ самъ управляющій; наконецъ, „за упущеніе должностей, сопряженное со вредомъ интересовъ Департамента, а паче за лихоимство,“ старшины предавались суду уголовной палаты. Приказные писаря были теперь поставлены въ совершенно особое положеніе: они уже не выбирались крестьянами, а назначались управляющими конторъ, числились въ штатѣ Департамента и, являясь такимъ образомъ чиновниками, должны были получать 200 р. жалованья въ годъ; въ томъ случаѣ, если управляющій находилъ въ приказѣ крестьянъ, способныхъ къ исправленію этой должности, онъ могъ назначать и ихъ на нее, но не исключая ихъ изъ крестьянскаго званія, причемъ такіе писаря получали и уменьшенное жалованье, всего 120 р. въ годъ. Наконецъ, „Положеніе“ 1808 г., сохраняя въ каждомъ селеніи старостъ и десятскихъ, присоединяло къ нимъ еще новую, не оплачиваемую жалованьемъ, должность—крестьянскихъ судей: именно, для разбора тяжебъ между удѣльными крестьянами, въ каждомъ селеніи должны были избираться ежегодно,—„изъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ крестьянъ по два,“ которые всѣ такія тяжбы старались бы окончить примиреніемъ сторонъ; въ случаѣ неуспѣха ихъ въ этомъ, дѣло переносилось въ приказъ, а если и онъ не успѣвалъ примирить тяжущихся, то—къ управляющему, рѣшеніе котораго приводилось въ исполненіе, если на него въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было подано жалобы. При этомъ за неправильную жалобу на рѣшеніе управляющаго жалобщикъ подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ и тѣлесному наказанію на мірской сходкѣ, управляющаго же за несправедливое рѣшеніе дѣла Ми-

нистръ каралъ „строгимъ взысканіемъ или отрѣшеніемъ отъ мѣста“ [19]). Такимъ образомъ, удѣльные крестьяне въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою были исключены изъ-подъ дѣйствія общихъ судовъ Имперіи и подчинялись послѣднимъ только въ дѣлахъ уголовныхъ и въ гражданскихъ столкновеніяхъ съ посторонними удѣльному вѣдомству лицами.

Минуя уже тотъ фактъ, что сельское управленіе въ томъ видѣ, какъ оно было создано „Положеніемъ“ 1808 г., оказывалось гораздо болѣе дорогимъ, немало увеличивая своимъ содержаніемъ тяжесть мірскихъ сборовъ, лежавшихъ на крестьянахъ,—фактъ, значеніе котораго нѣсколько уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что и ранѣе недостаточность жалованья мірскихъ властей отчасти восполнялась ихъ самовольными сборами съ крестьянъ [20]),—нельзя не видѣть, что черты собственно самоуправленія въ значительной мѣрѣ затерялись въ новомъ порядкѣ, дѣлавшемъ приказныхъ старшинъ похожими болѣе на чиновниковъ, нежели на выборныхъ властей. Приказный писарь, назначаемый управляющимъ, поставленный внѣ всякой зависимости отъ крестьянскаго общества и приказныхъ старшинъ, окончательно обратился въ чиновника. Голова, выбиравшійся на безсрочное время изъ кандидатовъ, указанныхъ управляющимъ, и по его же указаніямъ утверждавшійся Департаментомъ, часто могъ не быть дѣйствительнымъ избранникомъ общества. То же самое можно сказать о засѣдателяхъ, опять-таки едва-ли не въ большей мѣрѣ получавшихъ свои полномочія отъ управляющаго удѣльной конторой, чѣмъ отъ крестьянскаго міра.

„Положеніе Департамента“ было дополнено еще изданной въ томъ же 1808 г. Министромъ Удѣловъ инструкціей управляющимъ удѣльными конторами, въ которой роль и значеніе приказныхъ старшинъ въ нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ ихъ дѣятельности обрисовывались еще ярче и рельефнѣе. Названная инструкція предписывала, между прочимъ, управляющему, послѣ выбора и назначенія старшинъ, сдѣлать имъ наставленіе объ ихъ обязанностяхъ. На голову по прежнему возлагался общій надзоръ за исполненіемъ крестьянами ихъ повинностей, равно какъ за ихъ нравственностью; обвиняемаго въ непослушаніи старшимъ въ семействѣ, въ ссорахъ съ сосѣдями или въ нетрезвой и распутной жизни голова,—продолжала инструкція,—„долженъ прежде стараться вразумить совѣтомъ и приличнымъ наставленіемъ, потомъ, въ случаѣ неисправленія его, сдѣлать ему подтвержденіе

предъ обществомъ всего селенія, когда же и затѣмъ не усмотритъ исправленія, то, съ общаго мірского приговора, сдѣлать наказаніе или употребленіемъ въ общественную работу, или денежною пенею въ пользу вдовъ и сиротъ, или, если и за симъ уже коснѣетъ въ непослушаніи, то наказать тѣлесно, записывая всякій таковой штрафъ или наказаніе въ дневномъ журналѣ приказа и донося о томъ конторѣ". На обязанности казеннаго старосты оставался сборъ и храненіе казенныхъ податей и хозяйственныхъ удѣльныхъ сборовъ. Должность приказнаго старосты опредѣлялась въ „Инструкціи" точнѣе, какъ лица, обязаннаго наблюдать вообще за „соблюденіемъ порядка и тишины" въ приказѣ, почему ему подчинялись сотскіе и десятскіе. Писарь обязанъ былъ только вести письменную часть и исполнять приказанія головы и засѣдателей, „не вмѣшиваясь отнюдь ни въ сужденіе по дѣламъ, ниже въ сношенія съ крестьянами, а наипаче въ пріемъ и разборъ просьбъ ихъ, равнымъ образомъ и не писать просьбъ для крестьянъ безъ приказанія головы". При назначеніи писарей, управляющимъ предписывалось стараться отыскивать способныхъ и благонадежныхъ крестьянъ и, еслибы такихъ нашлось нѣсколько въ одномъ приказѣ, то съ согласія обществъ, къ которымъ они принадлежатъ, опредѣлять ихъ писарями и въ другіе приказы; вмѣстѣ съ тѣмъ управляющіе должны были стараться воспитывать малолѣтнихъ сиротъ на счетъ мірскихъ суммъ при приказахъ, гдѣ бы они обучались грамотѣ и пріучались къ должности писаря. „Инструкція" устанавливала и порядокъ жалобъ крестьянъ на властей въ восходящемъ порядкѣ отъ приказовъ, куда можно было жаловаться на сельскихъ старшинъ, до Государя, къ которому допускалась аппелляція на Министра, причемъ строго воспрещалось нарушать этотъ порядокъ и жаловаться въ высшія инстанціи по дѣлу, не разобранному въ низшихъ [21]).

Какъ за изданіемъ „Учрежденія" 1797 г. послѣдовало изданіе особаго „Наставленія" приказамъ, такъ нѣчто подобное имѣло мѣсто и послѣ введенія въ дѣйствіе „Положенія" 1808 г. Именно, одинъ изъ чиновниковъ, служившихъ въ вѣдомствѣ Департамента Удѣловъ, надв. сов. Жмакинъ, въ октябрѣ 1811 г. предложилъ Министру принять и разослать по приказамъ, для свѣдѣнія крестьянъ, составленный имъ проектъ „руководства къ познанію правъ и обязанностей для удѣльныхъ поселянъ", передававшій въ краткомъ изложеніи касающіяся крестьянъ статьи „Положе-

нія“ и инструкціи Министра управляющимъ. Департаментъ принялъ проектъ Жмакина съ нѣкоторыми измѣненіями и, напечатавъ его, разослалъ приказамъ. Въ этомъ „руководствѣ“ по вопросамъ сельскаго управленія не было, однако, ничего новаго, за исключеніемъ одной статьи, точнѣе опредѣлявшей характеръ наказаній, которыя приказы могли налагать на провинившихся крестьянъ. „За неисполненіе правилъ вѣры, говорилось здѣсь, за буйство, пьянство, ябедничество, мотовство, лѣность, неповиновеніе старшинамъ и старшимъ наказываются виновные, съ утвержденія управляющаго, публично на мірскомъ сходѣ розгами, или отдачею въ смирительный или рабочій домъ, а поступокъ записывается въ журнальную въ приказѣ книгу; всякій изъ таковыхъ записанныхъ считается подозрительнымъ и ни на какія мірскія сходки не допускается, и при первой подобной винѣ годный отдается въ рекруты, а негодный ссылается на поселеніе“ [22]).

Между тѣмъ, за 1808—1810 гг. управляющіе, дѣйствуя согласно данной имъ инструкціи, объѣхали имѣнія, отданныя въ вѣдѣніе ихъ конторъ, составили проекты новаго распредѣленія приказовъ и, по утвержденіи ихъ Департаментомъ, произвели выборы старшинъ по новымъ правиламъ [23]). Вновь производимое распредѣленіе селеній между приказами и отдѣленіями должно было, по настояніямъ Департамента, составляться такимъ образомъ, чтобы единицы управленія не были слишкомъ дробны и, слѣдовательно, содержаніе старшинъ не ложилось слишкомъ тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Имѣя въ виду эту цѣль, Департаментъ стремился къ возможному уменьшенію количества приказовъ, „хотя бы то было и съ превосходствомъ числа душъ, для нихъ предназначенныхъ“ Положеніемъ [24]). Впрочемъ, управляющіе не особенно широко воспользовались этимъ разрѣшеніемъ отступать отъ правилъ „Положенія“: по первоначальному распредѣленію лишь въ небольшомъ сравнительно числѣ приказовъ населеніе нѣсколько превышало норму 4000 душъ и только въ одномъ приказѣ доходило до 5500 душъ. Произведя осмотръ имѣній, многіе управляющіе нашли, что старое дѣленіе ихъ сопровождалось большою дробностью и запутанностью, и при новомъ стремились къ возстановленію волостного дѣленія или, по крайней мѣрѣ, къ соединенію цѣлыхъ волостей подъ властью одного приказа. Нѣкоторое участіе въ этихъ работахъ по распредѣленію селеній на приказные округа и по назначенію мѣста

для самыхъ приказовъ принимали и крестьянскія общества: иногда это участіе выражалось въ формѣ указаній, дѣлаемыхъ управляющему, если онъ обращался къ крестьянамъ за совѣтомъ, иногда же въ формѣ просьбъ объ измѣненіи составленнаго или уже и утвержденнаго росписанія; въ большей части случаевъ просьбы такого рода и удовлетворялись Департаментомъ [25]). При устройствѣ приказовъ, нѣкоторыми управляющими сызнова былъ поднятъ вопросъ объ обязательной постройкѣ особыхъ приказныхъ избъ и о способахъ такой постройки. Псковскій управляющій, ссылаясь на то, что „по неимѣнію ни въ одномъ приказѣ сборной избы весьма неудобно, да и невозможно, особливо въ зимнее и въ осеннее время, разговаривать съ крестьянами, что̀ по образцу нынѣшняго управленія необходимо нужно“, просилъ разрѣшенія „согласить крестьянъ во всѣхъ приказахъ сдѣлать мірскіе приговоры на постройку при каждомъ сборной избы“. Департаментъ, оставаясь при старой своей точкѣ зрѣнія на этотъ вопросъ, согласился на такую постройку, „буде оную произвести добровольно сами для себя крестьяне пожелаютъ“. Когда же Московская Контора предположила обложить крестьянъ одного приказа особымъ сборомъ для постройки приказной избы, Департаментъ потребовалъ свѣдѣній о томъ, согласны ли на такую постройку крестьяне и нельзя ли произвести ее безъ денежнаго сбора, хозяйственнымъ способомъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ [26]).

Послѣ 1810 г. какихъ-либо общихъ для всего удѣльнаго вѣдомства перемѣнъ въ распредѣленіи приказовъ уже не происходило, если не считать за таковую устройства приказнаго управленія въ бывшихъ казенныхъ имѣніяхъ симбирской губерніи, переданныхъ въ удѣльное вѣдомство. Частныя измѣненія въ предѣлахъ отдѣльныхъ конторъ совершались, однакоже, отъ времени до времени, вызываясь то естественнымъ ростомъ населенія, то указаніями на неудобства существующаго дѣленія, шедшими со стороны управляющихъ или самихъ крестьянъ, то даже дисциплинарными соображеніями. Въ 1840 г., напр., управляющій Самарской Конторой указывалъ на черезполосицу и запутанность въ распредѣленіи ея приказовъ, благодаря чему одни селенія удалены отъ своего приказа болѣе, чѣмъ на 50 верстъ, другія подчинены сразу двумъ приказамъ, а населенность послѣднихъ крайне неравномѣрна, и просилъ разрѣшенія на общее переустройство приказовъ въ границахъ своей Конторы, на что Де-

партаментъ и согласился [27]). Подобнымъ образомъ Архангельская Контора въ 1850 г., представляя о неудобномъ раздѣленіи ея имѣній, предлагала произвести общее перераспредѣленіе ихъ по волостямъ и приказамъ, „предоставивъ самимъ крестьянамъ постановить о томъ мірскіе приговоры", что и было выполнено съ согласія Департамента [28]). Въ 1851 г. крестьяне понизовской волости ивицкаго приказа Тверской Конторы, въ количествѣ 1.813 душъ, просили, въ виду дальняго разстоянія ихъ деревень отъ приказа (50—70 вер.), отчислить ихъ въ особый приказъ, и Департаментъ, по наведеніи подробныхъ справокъ, удовлетворилъ эту просьбу [29]).

Что касается состава сельскаго управленія, то въ немъ, равнымъ образомъ и послѣ изданія Положенія 1808 г., происходили лишь частныя измѣненія, хотя порою и имѣвшія весьма серьезное значеніе. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ измѣненій такого рода были постановленія относительно приказныхъ и сельскихъ сходовъ, принятыя сперва въ 1826 г., въ качествѣ частной мѣры, по Псковской Конторѣ, а въ слѣдующемъ году распространенныя на всѣ удѣльныя имѣнія. Въ виду накопленія чрезмѣрнаго количества недоимокъ на нѣкоторыхъ приказахъ Псковской Конторы, Департаментъ принялъ, для понужденія крестьянъ къ уплатѣ ихъ, рядъ мѣръ, сводившихся къ ограниченію правъ неисправныхъ плательщиковъ и, между прочимъ,—права участія на сходкахъ. Сельскія сходки и впредь, согласно „Учрежденію" 1797 г., должны были составляться по призыву сельскихъ старшинъ, но послѣдніе обязывались исключать отъ призыва крестьянъ, накопившихъ на себѣ недоимку „по нерадѣнію и безпорядочной жизни". Такіе недоимщики исключались и изъ состава приказныхъ сходокъ, которыя должны были составляться изъ двухъ „лучшихъ людей" съ каждыхъ 100 душъ крестьянъ и изъ добросовѣстныхъ, приглашаемыхъ, по крайней мѣрѣ, по одному отъ каждой деревни; о недоимщикахъ, самовольно явившихся на сходъ и не удалявшихся съ него, не смотря на требованіе старшинъ, приказъ доводилъ до свѣдѣнія конторы, которая подвергала ихъ наказанію [30]). Сходка могла состояться лишь въ томъ случаѣ, если на нее являлось не менѣе двухъ третей призванныхъ крестьянъ. Самое рѣшеніе вопросовъ, „для отвращенія чрезвычайнаго шума и крика" и жалобъ на неправильное составленіе приговоровъ, должно было производиться посредствомъ баллотировки шарами, причемъ меньшинство обязывалось подчи-

ниться приговору большинства, но денежная отвѣтственность по приговорамъ, соединеннымъ съ поручительствомъ въ подрядахъ и т. п. случаяхъ, ложилась лишь на лицъ, подписавшихъ такіе приговоры [31]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого ограниченія числа лицъ, имѣвшихъ право присутствовать на сходѣ, послѣдовало по инымъ, правда, мотивамъ и съуженіе круга лицъ, которыя могли быть избранными на должности по сельскому и приказному управленію. 14 марта 1833 г. Департаментъ потребовалъ отъ управляющихъ списки должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, состоявшихъ на службѣ въ приказахъ и отдѣленіяхъ, съ обозначеніемъ ихъ вѣроисповѣданія. По представленнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ громадномъ большинствѣ всѣ такія лица принадлежали къ православной религіи; за исключеніемъ весьма небольшого числа католиковъ и лютеранъ, среди старшинъ нашлось, впрочемъ, и 65 раскольниковъ различныхъ толковъ и согласій; наибольшее количество ихъ было въ Саратовской (18), Московской (12), Костромской (11) и Нижегородской (9) Конторахъ; по остальнымъ Конторамъ они встрѣчались въ видѣ рѣдкаго исключенія. Собравъ эти свѣдѣнія, Департаментъ 12 декабря 1833 г. разослалъ управляющимъ циркуляръ, въ которомъ знакомилъ ихъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ о раскольникахъ 27 мая 1820 г. и предписывалъ впредь соблюдать его; смыслъ этого повелѣнія заключался въ томъ, что изъ раскольниковъ разрѣшалось допускать къ занимаемымъ по выбору общественнымъ должностямъ только тѣхъ, которые признаютъ священство и молятся за Царя, и то лишь въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ совершенно нѣтъ православныхъ [32]).

Должности головъ и засѣдателей послѣ 1808 г. остались безъ серьезныхъ измѣненій за все время существованія удѣльнаго управленія крестьянами, но, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, эти должности, не смотря на привилегіи, какими сопровождалось ихъ отбываніе, не особенно, повидимому, привлекали къ себѣ крестьянъ. До Департамента доходили свѣдѣнія, что избранные въ головы крестьяне нерѣдко подъ разными предлогами уклоняются отъ этой должности, и, чтобы положить конецъ такому уклоненію, онъ циркуляромъ 17 января 1810 г. предписалъ, чтобы заявленія крестьянъ о нежеланіи быть головою по слабости здоровья или по другимъ причинамъ предварительно разсматривались міромъ и представлялись управляющему, а отъ

послѣдняго Министру, лишь съ мірскимъ приговоромъ, удостовѣряющимъ дѣйствительность выставленныхъ просителемъ основаній его отказа [33]).

Существенное видоизмѣненіе потерпѣла съ теченіемъ времени должность добросовѣстныхъ, учрежденная первоначально „Положеніемъ" 1808 г. во всякомъ селеніи, а въ началѣ второй четверти столѣтія перенесенная въ число приказныхъ должностей. Въ 1827 г. вологодскій управляющій представилъ Департаменту результаты своихъ наблюденій надъ выборами въ эту должность, сводившіеся къ тому, что при существовавшемъ порядкѣ ежегодныхъ выборовъ добросовѣстныхъ въ каждой деревнѣ или волости и при рѣдкости среди крестьянъ людей, способныхъ къ названной должности, „добросовѣстные избираются нынѣ по нуждѣ, а не по достоинству ихъ, по очереди" и не могутъ поэтому разрѣшать, какъ слѣдуетъ, тяжебныя дѣла, благодаря чему послѣднія во множествѣ заполняютъ приказы и контору. Для улучшенія дѣла управляющій предлагалъ выбирать по два добросовѣстныхъ „изъ самыхъ лучшихъ и отличныхъ крестьянъ" для цѣлаго приказа, притомъ на безсрочное время, чтобы они могли усовершенствоваться въ своей должности, и назначить имъ жалованье. Департаментъ присоединился къ доводамъ и проекту вологодскаго управляющаго и, дополнивъ съ своей стороны этотъ проектъ нѣкоторыми правилами, внесъ его, какъ измѣняющій правила „Положенія", на Высочайшее утвержденіе, которое и было дано 24 апрѣля 1827 г., съ сохраненіемъ, однакоже, ежегоднаго выбора добросовѣстныхъ, причемъ крестьянамъ предоставлялось на волю оставлять ихъ и на слѣдующій годъ, если они будутъ довольны ихъ службой. Во всемъ остальномъ добросовѣстные приравнивались теперь прочимъ приказнымъ старшинамъ: выбирались они по баллотировкѣ, жалованье получали такое же, какъ засѣдатели, уйти со службы могли лишь съ согласія избравшаго ихъ общества, а за нетрезвую жизнь и дурное поведеніе отрѣшались управляющимъ отъ должности и лишались права впредь занимать ее; сельскіе выборные и сотскіе обязаны были давать знать имъ о всѣхъ ссорахъ между удѣльными крестьянами и они должны были немедленно являться для разбирательства дѣла въ данное селеніе, стараясь окончить свой разборъ примиреніемъ сторонъ и передавая въ случаѣ неуспѣха дѣло приказу [34]).

Но изъ всѣхъ должностей приказнаго управленія едва-ли не

наибольшее вниманіе и мѣстныхъ администраторовъ, и Департамента обращала на себя должность писаря, остававшагося, дѣйствительно, и послѣ 1808 г. центральною фигурой приказа, такъ какъ не только условія, создавшія ранѣе для него такую роль, продолжали сохранять непоколебленнымъ свое значеніе, но къ нимъ присоединились еще и новыя, дѣйствовавшія въ томъ же самомъ направленіи. Распоряженія 1804 г. о заведеніи своего рода школъ въ приказахъ и отдачѣ крестьянскихъ дѣтей, для выучки грамотѣ, въ народныя училища далеко не оправдали надеждъ, какія, повидимому, возлагались на нихъ центральнымъ управленіемъ. Подъ конецъ двадцатыхъ годовъ была предпринята реформа въ области школьнаго дѣла, но и послѣ того еще главная цѣль этихъ школъ—доставленіе приказамъ грамотныхъ писарей—достигалась весьма неполно и съ большими затрудненіями, и еще въ 1833 г. въ приказахъ Конторъ Владимірской и Московской всѣ писаря были изъ чиновниковъ, а во многихъ другихъ чиновники на этихъ должностяхъ составляли сильное большинство [35]). Управляющіе конторъ, которымъ предоставлено было назначать приказныхъ писарей, нерѣдко собственною властью и смѣщали ихъ, и Департаменту приходилось неоднократно защищать свои права въ этомъ отношеніи, разъясняя, что управляющему принадлежитъ только право удалить писаря отъ исправленія должности, всѣ же дальнѣйшія дѣйствія должны быть предоставлены Департаменту [36]).

„Положеніе“ 1808 г., подобно „Учрежденію“ 1797 г., устанавливало въ приказахъ только одного писаря, но уже ранѣе, какъ мы видѣли, къ нему на практикѣ прибавлялся еще его помощникъ, и скоро сдѣланы были попытки урегулировать эту новую должность путемъ закона. Въ 1809 г. смоленскій управляющій представлялъ, что, при осмотрѣ приказовъ, онъ во всѣхъ нашелъ помощниковъ писарей, получающихъ отъ міра жалованье по 60 р., 100 р. и болѣе въ годъ; первоначально онъ предполагалъ уничтожить эту должность, какъ противную „Положенію“, но затѣмъ убѣдился, что одному писарю нѣтъ возможности справиться съ дѣлами приказа, особенно при необходимости отлучекъ въ селенія, и потому просилъ о введеніи ея въ штатъ приказа. Департаментъ, соглашаясь съ доводами управляющаго, не рѣшился, однако же, собственною властью измѣнить „Положеніе“ и представилъ данный вопросъ на разсмотрѣніе Министра, но вмѣстѣ постановилъ дать знать сперва смоленскому, а

затѣмъ и всѣмъ управляющимъ, что „если крестьяне согласны содержать такихъ помощниковъ на мірскомъ коштѣ“, то это предоставляется на ихъ волю [37]). Въ 1829 г., исходя изъ аналогичнаго представленія вятскаго управляющаго о необходимости имѣть помощниковъ писарей въ приказахъ, Департаментъ пошелъ дальше въ регулированіи этого вопроса, разрѣшивъ имѣть помощниковъ писарей въ тѣхъ приказахъ, гдѣ крестьяне согласятся производить имъ жалованье путемъ сбора его по раскладкѣ съ душъ, и установивъ, что оно должно равняться половинѣ жалованья писаря [38]). Постепенное усложненіе управленія и развитіе бумажнаго дѣлопроизводства продолжали, однако, увеличивать количество письменныхъ дѣлъ приказовъ и въ той же Вятской Конторѣ Департаменту пришлось, напр., уже въ 1842—1843 гг. разрѣшить почти для всѣхъ приказовъ вторыхъ помощниковъ писарей съ жалованьемъ въ 57 р. 15 к. въ годъ [39]). Подобныя же причины вызвали, наконецъ, появленіе писарей и въ отдѣльныхъ селахъ, сперва по вольному найму отъ сельскихъ старшинъ или крестьянскаго міра, а затѣмъ и съ утвержденія центральнаго управленія. Въ 1835 г. нижегородскій управляющій, отвѣчая на запросъ Департамента относительно сельскихъ писцовъ, доказывалъ необходимость ихъ существованія въ виду безграмотности сельскихъ старшинъ, не позволяющей имъ вести правильную отчетность и вынуждающей нанимать писцовъ самимъ изъ своего, и безъ того недостаточнаго, жалованья, и проектировалъ, для найма такихъ писцовъ и покупки письменныхъ принадлежностей въ селахъ, ввести сборъ по 15 к. съ души, что и было ему разрѣшено съ тѣмъ, чтобы жалованье имъ назначалось отъ 25 до 80 р. въ годъ [40]). И въ дальнѣйшемъ, введеніе этой должности совершалось путемъ частныхъ разрѣшеній Департамента на представленія отдѣльныхъ управляющихъ. Такъ, орловскій управляющій въ 1843 г., указывая на найденный имъ безпорядокъ въ хозяйствѣ и управленіи селеній его конторы и объясняя этотъ безпорядокъ безграмотностью мѣстныхъ старшинъ, просилъ разрѣшенія назначить по писцу въ каждый участокъ общественной запашки съ жалованьемъ въ 23 руб. 33 коп.. с. (для всей конторы этотъ расходъ выразился въ суммѣ 979 руб. 86 коп. с.) и ввести для этой цѣли особый сборъ съ крестьянъ въ размѣрѣ 3 коп. съ души; Департаментъ далъ свое согласіе на эту просьбу [41]).

Таковы были наиболѣе существенныя черты исторіи отдѣль-

ныхъ должностей приказнаго и сельскаго управленія *). Прежде чѣмъ перейти къ самому ходу этого управленія на практикѣ, остановимся еще на вопросѣ о вознагражденіи его должностныхъ лицъ. Первоначально была принята такая система вознагражденія, при которой въ каждомъ приказѣ сбиралось и уплачивалось жалованье его старшинамъ. Благодаря неодинаковой величинѣ приказовъ и разницѣ въ жалованьѣ писарей изъ чиновниковъ и изъ крестьянъ, такая система вела къ крайней неравномѣрности мірскихъ сборовъ по отдѣльнымъ приказамъ. Уже въ концѣ 1808 г. псковскій управляющій обратилъ на это обстоятельство вниманіе Департамента и предлагалъ ввести уравнительный сборъ со всѣхъ крестьянъ, подвѣдомственныхъ его конторѣ. Министръ, циркуляромъ отъ 4 января 1809 г., одобрилъ это предположеніе и далъ знать о немъ всѣмъ управляющимъ для такихъ же дѣйствій. Въ 1810 г. сдѣланъ былъ новый шагъ въ этомъ направленіи: въ виду неравномѣрности сбора на жалованье приказнымъ старшинамъ по отдѣльнымъ конторамъ, колебавшагося въ предѣлахъ 19—45½ к. съ души, Министръ предписалъ установить общій уравнительный сборъ на данный предметъ съ крестьянъ всего удѣльнаго вѣдомства въ размѣрѣ 23 к. съ души, причемъ общая сумма этого расхода вычислена была въ 114.416 р. 2 к. Но черезъ восемь лѣтъ, „для прекращенія всякихъ недоразумѣній“, было признано болѣе удобнымъ вернуться къ порядку 1809 г., и циркуляромъ Департамента отъ 20 февраля 1818 г. былъ вновь возстановленъ уравнительный сборъ съ крестьянъ лишь въ предѣлахъ удѣльныхъ конторъ [42]). Размѣры жалованья, установленные „Положеніемъ“, вслѣдствіе ходатайствъ управляющихъ конторами, были измѣнены въ 1829 г. Департаментъ, съ утвержденія Министра Двора, согласился увеличить жалованье именно головъ и писарей, „ибо на нихъ собственно лежитъ вся отвѣтственность по дѣламъ“, подтвердилъ различіе въ размѣрѣ жалованья между писарями изъ чиновниковъ и изъ крестьянъ и установилъ раздѣленіе приказовъ, въ зависимости отъ ихъ населенности, на три разряда, съ различными нормами жалованья должностныхъ лицъ; при этомъ, однако,

*) Такія чисто хозяйственныя должности, какъ ктиторовъ и смотрителей общественныхъ запашекъ, мы минуемъ въ своемъ изложеніи; равнымъ образомъ, полицейскихъ сотскихъ и разсыльныхъ, хотя и подчинявшихся удѣльному управленію, но бравшихъ свое начало не въ немъ.

уравнительный характеръ сбора на жалованье приказныхъ старшинъ въ предѣлахъ каждой конторы былъ сохраненъ [43]). Въ 1840 г. Департаментъ согласился повысить и размѣръ жалованья добросовѣстныхъ и засѣдателей, установивъ для нихъ половинный окладъ противъ оклада, назначеннаго въ 1829 г. для головъ [44]). Предоставленная головамъ и писарямъ изъ крестьянъ льгота освобожденія отъ рекрутской повинности въ 1843 г. была распространена и на засѣдателей приказа [45]).

Что касается отвѣтственности должностныхъ лицъ сельскаго управленія предъ управляющими удѣльными конторами, то нормы такой отвѣтственности и размѣры налагаемыхъ управляющими взысканій были подробнѣе опредѣлены циркуляромъ Департамента 19 ноября 1852 г. Управляющій могъ, безъ предварительного разрѣшенія Департамента, подвергнуть каждаго должностнаго крестьянина, кромѣ головы, аресту при приказѣ отъ одного до семи дней, равно какъ могъ на всякаго приказнаго старшину, не исключая головы и писаря, налагать денежный штрафъ, не превышающій ихъ мѣсячнаго жалованья; за обиду, нанесенную крестьянину, управляющій могъ, точно также не испрашивая разрѣшенія Департамента, налагать по своему усмотрѣнію на виновнаго старшину денежное взысканіе, въ зависимости отъ важности вины, но не свыше годового оклада всѣхъ сборовъ, падавшихъ на душу того общества, къ которому принадлежалъ обиженный; старшины, въ теченіе одного года подвергшіеся уже три раза денежному взысканію, при новомъ проступкѣ карались удаленіемъ отъ должности или предавались суду Департамента и послѣднему управляющій обязанъ былъ сообщать о всѣхъ, налагаемыхъ имъ на старшинъ, наказаніяхъ [46]).

Обращаясь къ практикѣ сельскаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно было организовано „Положеніемъ“ 1808 г. и послѣдующими узаконеніями, мы не можемъ, конечно, расчитывать въ предѣлахъ настоящаго очерка дать сколько-нибудь полную исторію этой практики и предполагаемъ отмѣтить лишь наиболѣе существенныя и важныя ея черты, поскольку онѣ сохранились въ архивныхъ документахъ. „Положеніе“ 1808 г. сильно измѣнило, какъ видѣли мы выше, характеръ приказныхъ властей: оно не разорвало, правда, окончательно ихъ связи съ міромъ, но сильно ослабило во всякомъ случаѣ такую связь, въ то же время введя въ самый приказъ чиновническій элементъ въ лицѣ писаря и болѣе подчинивъ старшинъ приказа власти управляющихъ

удѣльными конторами. Позднѣе, съ окончательнымъ устраненіемъ недоимщиковъ отъ участія въ сходахъ, связь между міромъ и выборными его властями приняла еще болѣе односторонній характеръ. Между тѣмъ, хотя съ установленіемъ ревизоровъ, замѣной экспедицій конторами и расширеніемъ штата Департамента, контроль его надъ мѣстными учрежденіями по управленію удѣльными имѣніями и усилился, такой контроль все же оказывался недостаточнымъ для предупрежденія случаевъ произвола и злоупотребленій въ сельскомъ управленіи. Бороться съ этимъ зломъ пришлось на первыхъ же порахъ послѣ введенія въ дѣйствіе „Положенія". Въ 1811 г. до свѣдѣнія Министра было доведено полиціею, что голова покровскаго приказа пензенской губерніи „употребляетъ крестьянъ для помѣщичьихъ работъ безденежно или за малую плату, отдаетъ общественную землю въ наемъ для своихъ выгодъ, отдаетъ крестьянъ по пристрастію въ рекруты, изнуряетъ ихъ побоями, излишними поборами и взятками", а мѣстный управляющій и его помощникъ покровительствуютъ головѣ и не допускаютъ жалобъ на него со стороны крестьянъ. Произведенное разслѣдованіе вполнѣ подтвердило эти факты и вскрыло подобные имъ въ управленіи другихъ приказовъ, почему Министръ удалилъ отъ должностей управляющаго и двухъ чиновниковъ конторы, отдалъ подъ судъ покровскаго голову, а въ другихъ приказахъ велѣлъ произвести расчетъ въ сборахъ между крестьянами и старшинами съ тѣмъ, чтобы на старшинъ, уличенныхъ въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ, было наложено въ примѣръ другимъ тѣлесное наказаніе, а лишніе поборы покрыты изъ ихъ имущества [47]). Отъ постановленій „Положенія" дѣлались при такихъ условіяхъ на практикѣ немаловажныя отступленія. Въ 1815 г., напр., стряпчій Вологодской Конторы показывалъ, что ея управляющій, Бровцынъ, для присутствія при производимыхъ полиціей слѣдствіяхъ, вмѣсто опредѣленныхъ „Положеніемъ" чиновниковъ конторы, командируетъ приказныхъ писарей, и въ томъ числѣ опредѣленнаго имъ въ писаря „канцеляриста Андреева, который, не говоря о его познаніяхъ, имѣетъ 12 или 13 лѣтъ отъ роду". Указанные стряпчимъ факты оказались вполнѣ справедливыми и Бровцынъ оправдывался лишь тѣмъ, что „Андреевъ, хотя и дѣйствительно еще молодъ, но, не дѣлая крестьянамъ никакихъ притѣсненій, выходитъ для нихъ не въ тягость по малому окладу получаемаго имъ жалованья и, состоя подъ распоряженіемъ опытныхъ и грамотныхъ засѣдающихъ, исправляетъ

должность свою какъ слѣдуетъ"; опредѣленъ же онъ въ писаря потому, что среди крестьянъ способныхъ къ этой должности не нашлось, а посторонняго человѣка за 75 р. жалованья отыскать было невозможно [48]).

Злоупотребленія сельскихъ властей, особенно проявлявшіяся въ незаконныхъ поборахъ и въ растратахъ, вызвали, наконецъ, мысль о прекращеніи ихъ путемъ усиленія наказаній за подобныя преступленія. Въ 1827 г. Департаментъ, разбирая дѣло о растратѣ общественныхъ суммъ нѣкоторыми старшинами вѣдомства Костромской Конторы, рѣшилъ, съ утвержденія Министра, виновныхъ отдать въ рекруты, а въ случаѣ негодности къ военной службѣ сослать на поселеніе, растраченныя же деньги взыскать съ избравшихъ ихъ обществъ „въ наказаніе за неосторожность въ избраніи неблагонадежныхъ крестьянъ" и „за невыполненіе той обязанности, которую мірскія общества имѣли, наблюдая за дѣйствіями ихъ, требовать отъ нихъ отчетовъ и дѣлать онымъ надлежащія повѣрки"; объ этой мѣрѣ Департаментъ оповѣстилъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній, какъ объ имѣющей примѣняться и впредь. Въ томъ же году открыты были противозаконные сборы денегъ съ крестьянъ старшинами нижегородскаго имѣнія и виновные были преданы суду, но не успѣлъ еще окончиться послѣдній, какъ въ слѣдующемъ году обнаружились подобныя преступленія въ трехъ приказахъ того же имѣнія. На этотъ разъ Министръ, находя, что „судъ, сопровождаемый своими формами, отдалитъ на долгое время заслуженное ими наказаніе, тогда какъ въ примѣръ прочимъ необходимо строгое и безотлагательное возмездіе", испросилъ разрѣшеніе Государя „виновнѣйшихъ изъ нихъ",— одного голову, двухъ старостъ и писаря, — не предавая суду, отдать въ рекруты или, при неспособности къ военной службѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе [49]).

Въ надеждѣ, вѣроятно, положить конецъ безпрестаннымъ жалобамъ на приказныхъ старшинъ и требованіямъ ихъ учета со стороны крестьянъ, Департаментъ Удѣловъ еще въ 1825 г. истолковалъ относившійся собственно къ казеннымъ имѣніямъ указъ 9 мая 1805 г., какъ не позволяющій требовать и отъ удѣльныхъ головъ и приказныхъ старшинъ отчета за прошлые годы. 8 января 1828 г. это дѣйствіе Департамента, по докладу Сената, было признано Высочайшимъ Указомъ незаконнымъ и члены Департамента Крейтеръ и Шишовъ, равно какъ начальникъ отдѣленія Окуневъ уволены, а соотвѣтствующій циркуляръ Депар-

тамента отмѣненъ [50]). Въ томъ же 1828 г. въ одиннадцати конторахъ были обнаружены крупныя злоупотребленія въ области сельскаго управленія. Не пересказывая подробно этихъ злоупотребленій, мы укажемъ только болѣе характерныя и общія ихъ черты. Вологодскій управляющій въ своемъ отчетѣ по имѣнію за 1828 г. указывалъ на плохое исполненіе сельскими выборными своихъ обязанностей и даже на незнаніе ими послѣднихъ. Въ Вятской Конторѣ приказный голова Байдинъ и писарь Шестаковъ обвинялись крестьянами и были уличены въ томъ, что принуждали общество сдать подрядъ на ямскую гоньбу по непомѣрно высокой цѣнѣ, являясь сами подрядчиками, и выбирали на различныя общественныя должности большее число лицъ противъ того, какое требовалось и было назначено обществомъ, а затѣмъ лишнихъ освобождали отъ службы за деньги. Саратовскій управляющій нашелъ въ одномъ изъ подчиненныхъ ему приказовъ (юловскомъ) давно практиковавшійся сборъ съ крестьянъ по 80 к. съ души на прибавочное жалованье головѣ, засѣдателямъ и писарю; въ одномъ изъ отдѣленій (богородскомъ) практиковались подобные же незаконные поборы и крестьяне не были допущены къ торгамъ на содержаніе лошадей при приказѣ и т. п. Дѣйствія мірскихъ сходовъ при отбываніи рекрутской повинности, при провѣркѣ саратовскимъ управляющимъ, оказались произвольными и несправедливыми, такъ какъ крестьяне усвоили здѣсь порядокъ сдачи рекрутъ сперва изъ семействъ съ меньшимъ числомъ годныхъ мужчинъ, т. е. „двойниковъ прежде тройниковъ и даже четверниковъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, власть управляющаго ограничила произволъ схода надъ менѣе зажиточною частью крестьянскаго общества [51]).

Отдѣльные случаи злоупотребленій вызвали и общія мѣры со стороны центральнаго управленія. Ревизія, произведенная въ орловскомъ имѣніи, вскрыла въ одномъ изъ его приказовъ такіе порядки, при которыхъ отъ мірского самоуправленія оставалась одна только форма, тогда какъ въ дѣйствительной жизни царилъ грубый произволъ должностныхъ лицъ. Мѣстный голова, за 22 года своего пребыванія въ этой должности,—„избиралъ засѣдателей и сельскихъ старшинъ по своему произволу, управлялъ крестьянами самовластно, употребляя ихъ въ свои работы и собирая съ нихъ, что хотѣлъ; однакожъ, будучи осторожень, старался брать деньги безъ свидѣтелей“; другіе старшины приказа помогали головѣ въ его дѣйствіяхъ. Хотя до ста отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыя крестьянскія общества заявляли объ этомъ,

однако Министръ не рѣшался отдать виновныхъ подъ судъ, опасаясь, что „судъ не только отдалитъ на долгое время заслуженное ими наказаніе, но, можетъ быть, и совершенно освободитъ ихъ отъ онаго, единственно потому, что не было свидѣтелей при отдачѣ имъ денегъ“. Поэтому Министръ испрашивалъ разрѣшеніе Государя отдать виновныхъ безъ суда въ рекруты, а при негодности сослать на поселеніе, и впредь примѣнять такую же мѣру. Государь далъ согласіе на это, съ замѣною лишь ссылки на поселеніе отсылкою въ крѣпостныя рабочія команды [52]). Въ томъ же году, по поводу открывшихся въ Архангельской Конторѣ приношеній управляющему, ради которыхъ крестьяне облагались сборомъ отъ 40 до 50 к. съ души и которыя совершались „не принужденно, а по доброй волѣ крестьянъ и введенному у нихъ изстари обыкновенію“, Департаментъ издалъ циркуляръ, въ которомъ, ссылаясь на сенатскіе указы 10 марта 1812 г. и 11 октября 1821 г., воспрещалъ на будущее время принятіе всякихъ подобныхъ приношеній отъ крестьянъ. Почти одновременно принята была Департаментомъ и другая мѣра: въ виду волненій крестьянъ въ качкинскомъ приказѣ Вятской и писковскомъ приказѣ Смоленской Конторъ онъ распорядился, чтобы управляющіе впредь непремѣнно ранѣе губернской администраціи доставляли въ Петербургъ свѣдѣнія о волненіяхъ среди удѣльныхъ крестьянъ; съ другой стороны, такъ какъ „изъ многихъ слѣдствій о неповиновеніи и возмущеніи крестьянъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ замѣчено, что всегда тому причиною нѣкоторые безпокойные крестьяне, имѣющіе на прочихъ вредное вліяніе, или такіе, которые, вопреки постановленій, принимая на себя званіе повѣренныхъ изъ корысти, употребляютъ во зло ихъ невѣжество“, то управляющіе обязывались имѣть такихъ крестьянъ на замѣчаніи и вести имъ особый списокъ, а сельскому начальству поручить „неослабно за ними наблюдать“; наконецъ, управляющіе должны были при первомъ извѣстіи о волненіи отправляться на мѣсто происшествія и стараться „благоразумными распоряженіями и рѣшительными мѣрами упреждать всякое безпокойство при самомъ его началѣ“ [53]).

Новый путь, на который было поставлено сельское управленіе реформой 1808 г., не оправдалъ, такимъ образомъ, возлагавшихся на него ожиданій и въ итогѣ двадцатилѣтняго опыта оказался не особенно ровнымъ и гладкимъ. Ограниченія, наложенныя на крестьянское самоуправленіе, не ослабили недостат-

ковъ, замѣченныхъ въ его ходѣ, а скорѣе усилили ихъ, и Департаментъ, въ своихъ заботахъ сгладить сказывавшіяся въ ходѣ сельскаго управленія неправильности и шероховатости, вынужденъ былъ прибѣгать къ все болѣе сильнымъ мѣрамъ репрессіи по отношенію къ приказнымъ властямъ и къ попыткѣ установить надзоръ за недовольными элементами среди крестьянскихъ обществъ; такой надзоръ могъ, конечно, содѣйствовать подавленію недовольства, но нимало не способствовалъ устраненію тѣхъ недостатковъ управленія, которые были одною изъ причинъ, вызывавшихъ недовольство. Что касается попытокъ исправить подобные недостатки путемъ закрытія отдѣльныхъ источниковъ злоупотребленій и строгихъ взысканій какъ съ сельскихъ властей, такъ и съ стоявшихъ надъ ними управляющихъ, то онѣ и послѣ 1828 г. въ немаломъ количествѣ дѣлались Департаментомъ, то въ отдѣльныхъ случаяхъ, то въ видѣ общихъ мѣръ. Въ 1832 г. Департаментъ повторилъ въ общей формѣ распоряженіе, сдѣланное имъ еще въ 1827 г. относительно наказанія за растрату общественныхъ суммъ и способа пополненія послѣднихъ. Циркуляръ 16 октября 1833 г. воспретилъ сборы съ крестьянъ натурою на мірскіе расходы, въ виду ихъ неуравнительности и возможныхъ при нихъ злоупотребленій. Послѣдній мотивъ вызвалъ еще другой циркуляръ 2 ноября 1833 г., которымъ запрещались сборы съ крестьянъ въ видѣ пожертвованій на разныя общественныя надобности, такъ какъ до свѣдѣнія Департамента дошло, что „оные не всегда бываютъ добровольны, но часто сопровождаются неумѣстною настойчивостью и принужденіемъ“ [51]). Дѣйствія мірскихъ сходовъ и составляемые на нихъ приговоры также привлекали къ себѣ вниманіе Департамента, и ему же приходилось обращать на нихъ вниманіе управляющихъ. По словамъ циркуляра 31 августа 1834 г., въ Департаментѣ было „замѣчено, что сборы на общественныя надобности назначаются часто слишкомъ въ увеличенномъ количествѣ и, очевидно, несоразмѣрно съ дѣйствительною потребностію, а иногда даже на такіе предметы, на кои вовсе не слѣдуетъ дѣлать сборовъ, напр., на жалованье вторымъ помощникамъ писарей въ приказахъ, на печеніе просфоръ въ приходскихъ церквахъ и т. п.“; управляющимъ ставилась на видъ необходимость болѣе внимательнаго отношенія къ „предмету, по существу своему столь важному“, какъ мірскіе сборы. Въ слѣдующемъ году Департаменту пришлось констатировать тотъ фактъ, что управляющіе въ своихъ

отчетахъ „ограничиваются большею частію общими выраженіями, нисколько не удовлетворительными, или свѣдѣніями столь краткими, что изъ оныхъ нельзя вывести никакого положительнаго заключенія". Департаментъ пытался также своими распоряженіями возбудить положительную дѣятельность со стороны мѣстнаго управленія и, когда, напр., въ 1838 г. ревизовавшій костромское имѣніе чиновникъ Рудневъ нашелъ у крестьянъ „нѣкоторый родъ недовѣрія ко всѣмъ вновь вводимымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ высшаго удѣльнаго начальства", Департаментъ, по предложенію Руднева, предписалъ управляющимъ, не ограничиваясь приказаніями крестьянамъ, объяснять имъ на сходкахъ цѣль и существо нововведеній [55]). Въ 1840 г., при обнаруженіи случая безплатной работы крестьянъ одного приказа на голову по наряду сельскими выборными, Министръ распорядился запретить подобныя злоупотребленія подъ угрозой, что „виновные не только подвергнутся взысканію въ пользу крестьянъ полной платы за работу, но, по отрѣшеніи отъ должностей, будутъ преданы суду; равномѣрно не останутся безъ наказанія и тѣ сельскіе выборные, которые осмѣлятся наряжать крестьянъ въ частныя работы по требованію приказныхъ старшинъ" [56]). Съ введеніемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки, появился еще новый видъ злоупотребленій въ видѣ растратъ общественнаго хлѣба смотрителями запашки и приказными властями, самовольной продажи его, наложенія на крестьянъ излишнихъ работъ по запашкѣ полей и перевозкѣ проданнаго хлѣба и т. п., и Департаментъ до самаго конца 50-хъ годовъ боролся съ этими злоупотребленіями, устанавливая наказанія за растраты, не разрѣшая безплатной перевозки проданнаго хлѣба далѣе 30 вер., воспрещая самоуправство смотрителей надъ крестьянами и т. д. [57]).

Эти и подобныя имъ постановленія указывали на стремленіе центральнаго учрежденія поправить ходъ разлаживавшагося сельскаго управленія, но въ нихъ же отчасти сказались и причины малой успѣшности такихъ заботъ. Вынужденный ограничивать свой контроль надъ мѣстными учрежденіями по преимуществу бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, Департаментъ часто по необходимости сводилъ этотъ контроль на соблюденіе формы и, знакомясь съ реальной практикой управленія лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, каралъ отдѣльныя злоупотребленія, мало воздѣйствуя, или не воздѣйствуя вовсе на ихъ общія причины. Уже одно частое повтореніе однихъ и тѣхъ же предписаній и наста-

вленій само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что ихъ содержаніе мало и плохо прививалось къ жизни и порядки послѣдней оставались довольно однообразными. Отношенія, установившіяся между крестьянскимъ міромъ и приказными властями съ одной стороны и этими послѣдними и чиновниками конторъ— съ другой, не подвергались въ дальнѣйшемъ періодѣ никакимъ существеннымъ перемѣнамъ, и результаты этихъ отношеній тоже продолжали существовать въ неизмѣнномъ почти видѣ. Мы уже видѣли, что и въ 40-хъ годахъ встрѣчались случаи безплатной работы крестьянъ на приказныхъ старшинъ. Лихоимство и незаконное пользованіе мірскими суммами равнымъ образомъ не составляли очень исключительнаго явленія въ средѣ послѣднихъ. Ревизуя въ 1829 г. воронежское имѣніе, Вице-президентъ Департамента нашелъ, между прочимъ, что въ бобровскомъ приказѣ изъ 5 троекъ лошадей, содержавшихся обществомъ, двѣ находились въ постоянномъ пользованіи писаря и его семьи. Въ 1842 г. одинъ изъ головъ тверского имѣнія подвергъ крестьянина собственною властью семидневному аресту, и незаконность такого распоряженія была разъяснена уже Департаментомъ. Въ бургскомъ приказѣ новгородскаго имѣнія голова въ 1852 г. былъ уличенъ въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій: онъ, участвуя чрезъ подставныхъ лицъ, сыновей и родственниковъ, въ содержаніи ямской гоньбы, устранялъ отъ подряда всѣхъ конкуррентовъ и повышалъ цѣны далеко противъ нормы, держалъ на счетъ общества особаго разсыльнаго и, для сбереженія своихъ лошадей, наряжалъ на гоньбу крестьянскихъ; онъ же самъ составилъ якобы мірской приговоръ о пособіи своему родственнику, отдавалъ безъ вѣдома начальства въ содержаніе оброчныя статьи и расходовалъ деньги безъ приговоровъ общества; онъ, наконецъ, утаилъ часть лѣса, назначеннаго для училища, а учителемъ опредѣлилъ своего сына, человѣка нетрезваго и буйнаго. Подложные мірскіе приговоры, составленные писарями безъ крестьянъ, были найдены въ 1860 г. въ нѣсколькихъ приказахъ [58]). Старыя формы злоупотребленій дожили, такимъ образомъ, до самаго конца пятидесятыхъ годовъ и, на основаніи сохранившихся судебныхъ дѣлъ и отчетовъ, представлявшихся управляющими конторами, можно, кажется, сказать, что и число ихъ съ теченіемъ времени не уменьшалось особенно замѣтно.

Не приводя болѣе отдѣльныхъ примѣровъ подобныхъ злоупотребленій со стороны приказныхъ старшинъ и писарей, ко-

торыя свидѣтельствовали бы о недостаткахъ въ дѣйствовавшемъ механизмѣ сельскаго управленія, мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ цифръ, сюда относящихся, взявъ ихъ изъ послѣдняго пятнадцатилѣтія существованія даннаго управленія. За 1846 г. такія крупныя сравнительно преступленія, какъ растрата старшинами мірскихъ денегъ и хлѣба, собраннаго въ запасные магазины, какъ назначеніе незаконныхъ поборовъ на крестьянъ и принужденіе послѣднихъ къ работамъ на властей приказа, наконецъ, какъ составленіе подложныхъ мірскихъ приговоровъ безъ дѣйствительнаго участія въ нихъ общества, открыты были управляющими въ шести конторахъ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подобныя открытія были сдѣланы по нѣсколькимъ приказамъ. Въ 1850 г. управляющіе восьми конторъ доносили въ своихъ отчетахъ объ обнаруженіи такихъ злоупотребленій, причемъ во Владимірской и Симбирской Конторахъ было по 7 такихъ случаевъ, въ Московской—4. Въ 1856 г. опять восьми управляющимъ пришлось сообщать о случаяхъ такого рода. Если прибавить, что при обнаруженіи злоупотребленій обыкновенно открывалось и то, что они практиковались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, если присоединить къ указаннымъ случаямъ еще такіе, когда главными отвѣтственными лицами предъ судомъ являлись управляющіе и чиновники конторъ, а приказныя власти лишь выполняли ихъ распоряженія, то сказанное выше относительно малаго вліянія принимавшихся Департаментомъ мѣръ не будетъ казаться преувеличеніемъ. Общіе недостатки въ системѣ сельскаго управленія и вытекавшій изъ нихъ какъ частое, если не обычное явленіе—антагонизмъ крестьянскаго міра и его приказныхъ властей ярко сказывались въ моменты недовольства, овладѣвавшаго массой, въ моменты крестьянскихъ волненій. Подъ конецъ 50-хъ годовъ сознаніе этихъ недостатковъ начало становиться все сильнѣе и на высшихъ ступеняхъ администраціи. Отъ частныхъ мѣръ по поводу отдѣльныхъ случаевъ, отъ запрещеній и наказаній, медленно и осторожно начали подходить къ измѣненіямъ въ порядкахъ сельскаго управленія, къ сокращенію его должностныхъ лицъ, къ уменьшенію бумажнаго дѣлопроизводства, слишкомъ часто сводившагося на безплодную переписку, и т. п. Эти мѣры, впрочемъ, скоро были захвачены болѣе широкимъ реформаторскимъ движеніемъ 1858—1863 гг., которое уже не входитъ въ рамки настоящаго очерка.

Примѣчанія.

1) „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“, §§ 168—9, 177—189, 195.

2) Архивъ Главнаго Управленія Удѣловъ, *по части правителя канцеляріи,* св. 22, № 804, „Наставленіе сельскимъ приказамъ, по Высочайшему о Императорской Фамиліи Учрежденію въ удѣльныхъ имѣніяхъ учрежденнымъ“, §§ 13, 14, 25, 24 и 27.

3) Архивъ Гл. Упр. Уд., *по части правителя канцеляріи,* св. 21, № 790.

4) Архивъ Гл. Упр. Уд., *по части прав. канц.,* св. 1, № 26.

5) Такое измѣненіе было произведено, напр., въ вѣдомствѣ Архангельской Экспедиціи въ томъ же 1800 г.: крестьяне одной части борецкой волости просили раздѣлить ее на двѣ части, ссылаясь на то, что данная волость раздѣлена рѣкой, благодаря чему общія мірскія сходки бываютъ неудобны, особенно весною, и одна половина волости притѣсняетъ другую при распредѣленіи повинностей; производившій разслѣдованіе на мѣстѣ товарищъ совѣтника Экспедиціи нашелъ ходатайство крестьянъ справедливымъ, и Департаментъ удовлетворилъ его. Архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отдѣл., 1 стола,* св. 15, № 525.

6) Тамже, *по части прав. канц.,* св. 8, № 272.

7) Тамже, *по части прав. канц. по письмоводству,* св. 7, № 136, л. 4; тамже, *по части прав. канц. по бухгалтеріи,* св. 18, № 424.

8) Тамже, *по части прав. канц.,* св. 22, № 829, лл. 1, 10, 6; указъ Департамента экспедиціямъ 25 октября 1798 г. тамже, л. 8; докладная записка Департамента Министру,—*по части прав. канц. по письмоводству,* св. 7, № 177, л. 91. Это правило о писаряхъ было внесено и въ упомянутое выше „Наставленіе сельскимъ приказамъ“—§ 2, примѣчаніе.

9) Тамже, *по части прав. канц.,* св. 22, № 829, л. 32. Нѣсколько ранѣе сдѣлана была еще попытка дополнить „Учрежденіе“ въ другомъ его пунктѣ, по вопросу о жалованьѣ приказныхъ властей. Именно, Архангельская Экспедиція въ 1798 г. просила разрѣшить назначать равное съ приказнымъ старостой жалованье и старостѣ казенному, о содержаніи котораго, по ея словамъ, „Учрежденіе“ умалчивало. Департаментъ, усмотрѣвъ въ этомъ общій вопросъ, вошелъ съ докладомъ къ Министру, но послѣдній далъ слѣдующую резолюцію: „поелику въ Учрежденіи ничего не сказано, то и опредѣлять (жалованье) не нужно“. Архивъ Гл. Упр. Уд., *по части прав. канц. по письмоводству,* св. 7, № 177, л. 17. Едва-ли, однако, въ данномъ случаѣ не произошло недоразумѣніе, основанное на простой недомолвкѣ закона, такъ какъ иначе трудно было бы объяснить, почему казенные старосты были лишены жалованья (см. Учрежденіе о И. Ф., § 186).

10) Архивъ Гл. Упр. Уд., *по части прав. канц. по письмоводству,* св. 9, № 250, лл. 69, 76.

11) Тамже, *по части прав. канц. по бухгалтеріи,* св. 26, № 955.

12) Тамже, *по части прав. канц.,* св. 22, № 830, предписаніе Министра отъ 18 октября 1798 г.

13) Тамже, *по части прав. канц.,* св. 1, № 13.

14) Тамже, *по части прав. канц. по письмоводству,* св. 8, № 195, лл. 21, 7; св. 8, № 179, лл. 33 и 40.

15) Тамже, *по части прав. канц. по письмоводству*, св. 9, № 250.

16) Тамже, опись 9, св. 23, № 842 и дѣло *2 отдѣл., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 68. Приведемъ конкретный примѣръ такихъ злоупотребленій: въ 1798 г. крестьянка зарѣцкой боярщины, шенкурской округи, архангельской губ., Екатерина Ворониныхъ, жаловалась на голову курголинскаго приказа, приказныхъ старшинъ и волостного старосту, что они „бывшую ее въ тяжкой болѣзни, взявъ, привезли въ домъ старосты, гдѣ оный староста принесъ толстое полѣно и, положа ей подъ спину, мучилъ и волочилъ по избѣ не по одинъ день и держана подъ карауломъ двѣ недѣли, требуя ея дочери для отсылки на полотняную фабрику не въ очередь, которая тогда была въ работницахъ у крестьянина пучежской волости, куда она за болѣзнью сходить не могла, а той дочери отъ роду 23 года и больна"; старшины вымогали у жалобщицы взятку—50 р., обѣщая, что въ такомъ случаѣ „дочь ея отъ выбора отмѣнится". Архивъ Гл. Упр. Уд., *по части прав. канц. по письмоводству*, св. 8, № 183, л. 23.

17) Архивъ Гл. Упр. Уд., Именныя повелѣнія, отъ 23 января 1805 г.

18) Тамже, отъ 22 апрѣля 1805 г.

19) „Положеніе Департамента Удѣловъ, Высочайше утвержденное 15 мая 1808 г.", отд. изд., сс. 4—5, 10—11; §§ 65, 70—71, 72, 74—77, 79—80, 77, 83, 78, 84, 85—7, 81—2, 181—3.

20) Такъ, напр., управляющій Тверской Удѣльной Конторой, осмотрѣвъ приказы, 19 января 1809 г., писалъ въ Департаментъ, что, сверхъ положенныхъ по закону сборовъ на жалованье старшинамъ и канцелярскіе расходы въ селеніяхъ и приказахъ, „міръ самъ по произволенію своему на общей мірской сходкѣ полагаетъ ежегодно при счетѣ головы и старшинъ въ добавленіе жалованья ихъ по нѣскольку копѣекъ съ души; въ приказахъ же, гдѣ нѣтъ построенныхъ домовъ, содержатъ съ общаго согласія кормовые домы, гдѣ всѣ старшины живутъ на готовой пищѣ; раскладку же сію дѣлаютъ въ началѣ новаго года по мірскимъ приговорамъ. Сбору сего бываетъ отъ 20 до 35 к. въ годъ, смотря по количеству душъ, въ приказѣ находящихся: въ которомъ болѣе душъ, тамъ менѣе сборъ". Управляющій объяснялъ крестьянамъ, что впредь такихъ сборовъ не должно существовать, такъ какъ „въ Высочайшемъ Положеніи назначено весьма достаточное жалованье какъ головамъ, такъ и старшинамъ". Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, № 391.

21) Архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отдѣл., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 126 и слѣд.: „Инструкція управляющимъ удѣльными конторами, данная отъ Министра Удѣловъ въ 1808 г.", §§ 11, 15 и 12.

22) Архивъ Гл. Упр. Уд., *отд. 1, столъ 2*, св. 17, № 737. „Руководство для удѣльныхъ поселянъ къ познанію правъ и обязанностей", § 19.

23) Архивъ Гл. Упр. Уд., опись 8, св. 16—17, №№ 578—596.

24) Изъ предписанія Департамента управляющему Псковской Конторой, Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, № 584. Архангельскій управляющій доносилъ, что онъ расположилъ приказы такимъ образомъ, что „сборъ для приказовъ обойдется въ годъ съ души по 20 к., съ нѣкоторою въ иныхъ малою прибавкою, а съ другихъ и меньше 20 к.", тамже, св. 16, № 578; подобно этому, и другіе управляющіе, какъ напр., костромской, орловскій, вятскій сообщали, что они, при распредѣленіи приказовъ, имѣли въ виду сокращеніе мірскихъ издержекъ. Напротивъ, Московская Контора за свои первоначальныя дѣйствія въ этомъ вопросѣ заслужила отъ Департамента выговоръ, такъ какъ онъ нашелъ, что составленное ею „расположеніе нѣкоторыхъ отдѣленій и приказовъ по малому числу входящихъ въ составъ ихъ душъ для крестьянъ отяготительно", тамже, св. 17, № 594.

25) Такъ, по донесенію воронежскаго управляющаго, тамошніе крестьяне просили его объ устройствѣ нѣсколькихъ отдѣленій приказа, Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, № 586; крестьяне одного изъ приказовъ Архангельской Конторы просили, послѣ утвержденія росписанія, о перемѣщеніи приказной избы изъ кургоминской волости въ заостровскую, что и было исполнено; тамже, св. 16, № 578. Подобную же просьбу представили крестьяне одного изъ симбирскихъ приказовъ, мотивируя ее тѣмъ, что назначенное для помѣщенія приказа село стоитъ на большой дорогѣ и, благодаря большому количеству проѣзжающихъ, отличается крайней дороговизной квартиръ и

съѣстныхъ припасовъ; тамже, св. 17, № 590. Въ ближайшіе годы (1812—1814) просьбы о раздѣленіи слишкомъ большихъ приказовъ поступили, напр., отъ крестьянъ балаковскаго приказа Саратовской Конторы и устиновскаго—Вятской и равнымъ образомъ были удовлетворены, тамже, св. 17, №№ 592 и 593. Были, однако, и обратные случаи: крестьяне красногорской части велейскаго приказа (Псковской Конторы) заявляли въ 1816 г., что они изстари принадлежали къ воронецкому приказу, но въ 1809 г. были причислены управляющимъ къ велейскому. Такъ какъ, однако, они замѣтили, что „по примѣру велейскихъ крестьянъ начались дѣлаться за ними время отъ времени въ оброкахъ недоимки, въ хлѣбныхъ магазинахъ недоборы и несоблюденіе должнаго порядка и строгости,—то по сей причинѣ и просятъ составить изъ нихъ особое отдѣленіе, подчиня Псковской Удѣльной Конторѣ, по примѣру прочихъ бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ“, или причислить ихъ къ воронецкому приказу. Департаментъ, однако, не счелъ возможнымъ исполнить ихъ просьбу,—тамже, св. 17, № 584.

26) Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, №№ 584 и 594. Значительно позднѣе, въ 1831 г., Московская Контора вновь подняла этотъ вопросъ, въ нѣсколько иной формѣ, предлагая именно, въ виду ветхости существовавшихъ тогда приказныхъ избъ, замѣнить ихъ каменными двухъэтажными зданіями, въ которыхъ могли бы помѣщаться приказъ, квартира писаря и школа и для постройки которыхъ Контора проектировала пригласить архитектора съ жалованьемъ въ 700—800 р. въ годъ. Средства для этого, по мнѣнію Конторы, могли быть почерпнуты частью изъ вспомогательнаго сельскаго капитала, частью изъ особаго сбора съ крестьянъ, „который не можетъ быть для нихъ обременителенъ, ибо постройка каждаго корпуса не дороже будетъ стоить со всѣми расходами 8.000—9.000 р.“ Департаментъ, однако, отвергъ совмѣщеніе школъ съ приказами въ одномъ зданіи, а вопросъ о перестройкѣ приказныхъ избъ поручилъ управляющему передать, слѣдуя закону, „на разсмотрѣніе самихъ крестьянъ“. Архивъ Гл. Упр. Уд., *1 отд., 4 стола*, св. 5, № 208, лл. 1—2, 5.

27) Архивъ Гл. Упр. Уд., *отд. 1, столъ 4*, св. 11, № 486.

28) Тамже, св. 13, № 635; активнаго участія крестьянъ въ этомъ распредѣленіи въ данномъ дѣлѣ, впрочемъ, не видно.

29) Тамже, св. 15, № 749. Въ 1847 г. управляющій Красносельской Конторой просилъ учредить въ загатчинскомъ имѣніи особое отдѣленіе приказа на томъ основаніи, что названное „имѣніе за удаленіемъ отъ нихъ сельскаго начальства совершенно одичало, чему служитъ соблазнительный примѣръ крестьянъ д. Перякюль, безпрестанно подающихъ просьбы Его Императорскому Величеству и отказавшихся отъ повиновенія своему начальству“. Департаментъ нашелъ, однако, предположенныя издержки слишкомъ большими (болѣе 20 к. на душу лишнихъ для крестьянъ всего имѣнія, и еще болѣе для отходившихъ въ вѣдомство новаго отдѣленія) и запросилъ управляющаго, не обременятъ-ли онѣ крестьянъ и нельзя-ли обойтись безъ устройства этого отдѣленія. Въ своемъ отвѣтѣ управляющій указывалъ, что „примѣръ перякюльскихъ крестьянъ, доселѣ упорствовавшихъ въ неповиновеніи къ предписаніямъ и волѣ начальства, къ сожалѣнію, подѣйствовалъ и на остальныхъ чухонъ загатчинскаго имѣнія“, проявившихъ „строптивость свою“ въ двухъ случаяхъ: когда чиновникъ конторы потребовалъ отъ нихъ подводъ для перевозки перякюльскихъ крестьянъ, они „въ числѣ 50-ти пришли къ нему съ ругательствами и объявленіемъ, что не повезутъ перякюльскихъ крестьянъ безъ собственнаго ихъ самихъ на то согласія“; въ другой разъ они не хотѣли принять вновь назначеннаго къ нимъ пастора. Считая въ виду этого устройство отдѣленія необходимымъ, управляющій предлагалъ сократить издержки, отказавшись отъ постройки приказной избы и хлѣбнаго магазина и отъ содержанія училища и сливъ должности казеннаго и приказнаго старостъ въ одну, и Департаментъ на этотъ разъ согласился на его предложеніе. Тамже, св. 12, № 554.

30) Конторѣ предлагалось именно такихъ крестьянъ штрафовать 2 р., а „зачинщиковъ или возмутителей, которыхъ всегда бываетъ не болѣе одного или двухъ человѣкъ, препровождать въ нижній земскій судъ для изслѣдованія и сужденія въ уѣздномъ судѣ уголовнымъ порядкомъ“.

31) Архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отдѣл., 5 стола*, св. 18, № 528, лл. 425 и слѣд.; ср. Сводъ Удѣльныхъ Постановленій 1843 г., ч. I, ст. 95—104.

32) Архивъ Гл. Упр. Уд., *отдѣл. 1, столъ 4,* 4, св. 7, № 274; см. тамже, *2 отд. 5 стола*, св. 18, № 529, лл. 601—2.

33) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 198.

34) Тамже, *1 отд., 2 стола*, св. 16, № 736.

35) Тамже, *1 отд., 4 стола*, св. 7, № 274. Еще циркуляръ Департамента отъ 20 декабря 1857 г. предписывалъ управляющимъ опредѣлять въ писаря грамотныхъ и благонадежныхъ крестьянъ, при отсутствіи ихъ—людей посторонняго вѣдомства по вольному найму и „только въ самомъ крайнемъ случаѣ чиновниковъ на правахъ дѣйствительной службы"; тамже, *1 дѣлопроизводства*, св. 46, № 536, л. 80.

36) Циркуляры Департамента 16 сентября 1828 г. и 19 сентября 1833 г., тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 659 и № 529, л. 568.

37) Тамже, *1 отд., 2 стола*, св. 16, № 731; общій циркуляръ—*2 отд., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 195.

38) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 529, л. 103.

39) Тамже, *1 отд., 4 стола*, св. 11, № 527.

40) Тамже, *1 отд., 4 стола*, св. 8, № 328.

41) Тамже, *1 отд., 4 стола*, св. 11, № 517.

42) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 528, лл. 152, 216 и 299.

43) Тамже, *1 отд., 4 стола*, св. 3, № 113, л. 130 и слѣд. Приказы дѣлились слѣдующимъ образомъ: приказы перваго разряда—съ населеніемъ болѣе 3.500 рев. душъ; второго—отъ 2.500 до 3.500 душъ; третьяго—отъ 1.500 до 2.500 душъ; отдѣленія перваго разряда—отъ 1.000 до 2.000 душъ; второго—съ населеніемъ менѣе 1.000 душъ; приказы, имѣвшіе менѣе 1.500 душъ, приравнивались къ отдѣленіямъ перваго разряда. Нормы жалованья устанавливались такія:

	головамъ:	писарямъ изъ крестьянъ:	писарямъ изъ чиновниковъ:
въ приказахъ 1 разряда	500 р.	400 р.	600 р.
„ „ 2 „	450 „	350 „	550 „
„ „ 3 „	400 „	300 „	500 „
въ отдѣленіяхъ 1 „	350 „	250 „	450 „
„ „ 2 „	300 „	200 „	400 „

При этомъ, подъ данное положеніе не подводилась Красносельская Контора, гдѣ головы уже ранѣе получали по 500 р., а писаря по 400 р. въ годъ; въ Псковской же Конторѣ, гдѣ „писаря сверхъ жалованья получаютъ нынѣ по согласію мірскихъ обществъ извѣстную сумму, взамѣнъ хлѣба, который прежде имъ выдавался", жалованье по новой раскладкѣ предписывалось производить только тамъ, гдѣ оно оказалось бы выше стараго, и въ такомъ случаѣ уже отмѣнить сборъ денегъ вмѣсто хлѣба. Эти же правила предписывали въ приказахъ первыхъ двухъ разрядовъ имѣть по два добросовѣстныхъ, а въ приказахъ третьяго разряда и въ отдѣленіяхъ—по одному. Ср. тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 529, лл. 66—7.

44) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 19, № 531, л. 498. Изъ новаго порядка опять-таки исключалась Красносельская Контора, гдѣ эти старшины „достаточное получаютъ содержаніе". Слѣдуетъ упомянуть еще, что съ заведеніемъ общественныхъ запашекъ головы получали особыя, довольно значительныя, награды за успѣшное ихъ веденіе, въ зависимости отъ размѣровъ урожая.

45) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 19, № 532, л. 534.

46) Тамже, *2 отд., 3 стола*, св. 89, № 2553, лл. 245—6.

47) Тамже, Именныя повелѣнія, 7 октября 1811 г.

48) 3 отд., *1 стола*, св. 2, №, 14 лл. 9, 11 и 33.

49) Тамже, *2 отд., 5 стола*, св. 18, № 528, л. 465; тамже, Именныя повелѣнія, 11 августа 1828 г.

50) Тамже, *3 отд., 1 стола*, св. 5, № 66, л. 5.

51) Архивъ Гл. Упр. Уд., отчеты Конторъ: Вологодской, Вятской, Саратовской, Тамбовской, Нижегородской, Московской, Орловской и Воронежской за 1828 г.; тамже, Именныя повелѣнія, отъ 19 авг. 1828 г.

52) Архивъ Гл. Упр. Уд., Именныя повелѣнія, 30 октября 1828 г.; ср. *2 отд., 5 стола* св. 18, № 528, лл. 690—1.

53) Тамже, *2 отд., 5 стола,* св. 18, № 528, лл. 632 и 643.

54) Тамже, св. 18, № 529, л. 424; тамже, св. 51, № 2226, лл. 57 и 58.

55) Тамже, св. 18, № 530, л. 74; тамже, св. 51, № 2226, л. 129; тамже, *1 отд., 4 стола,* св. 9, № 385 *2 отд., 5 стола,* и св. 19, № 531, л. 77.

56) Тамже, *2 отд., 5 стола,* св. 19, № 531, л. 417.

57) Тамже, *2 отд., 3 стола,* св. 89, № 2553, лл. 189, 212; № 2254, лл. 69 и 72; № 2553, л. 217. Циркуляръ Вице-президента Департамента Удѣловъ отъ 18 сент. 1837 г. свидѣтельствовалъ о практиковавшемся въ вѣдомствѣ нѣкоторыхъ конторъ „важномъ злоупотребленіи, а именно: вмѣсто того, чтобы продавать излишки общественнаго хлѣба вольнымъ покупателямъ, раздаютъ оные крестьянамъ противъ ихъ желанія по цѣнамъ, назначаемымъ отъ самыхъ приказовъ". Тамже, *2 отд., 5 стола,* св. 18, № 530 л. 597.

58) Тамже, св. 18, № 529, л. 113; тамже, св. 19, № 532, л. 254; тамже, св. 52 № 2230, л. 56; св. 55, № 2270, л. 14.

Глава XII.

Личныя и имущественныя права удѣльныхъ крестьянъ.

Выходъ изъ сословія удѣльнаго крестьянства: выходъ крестьянъ въ купечество и мѣщанство; выпускъ женщинъ въ замужество за лицъ другихъ сословій.—Право переселенія; самовольныя переселенія и наказанія за нихъ.—Семейные раздѣлы.—Права крестьянъ по занятію промыслами и торговлей; ограниченіе ихъ. — Имущественныя права. — Пріобрѣтеніе крестьянами недвижимой собственности. — Право отчужденія земельной собственности и его ограниченія. Распоряженіе землею.—Долговыя и договорныя отношенія крестьянъ.—Положеніе удѣльныхъ крестьянъ на судѣ.

При самомъ образованіи удѣльныхъ имѣній, положеніе населявшихъ ихъ крестьянъ было въ общихъ чертахъ опредѣлено, какъ среднее между положеніемъ крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ, и Департаменту Удѣловъ были переданы нѣкоторыя права помѣщиковъ надъ населеніемъ отданныхъ въ его управленіе имѣній. Тѣмъ не менѣе, права удѣльныхъ крестьянъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній не были установлены въ полномъ своемъ объемѣ совершенно точно ни „Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи" 1797 г., ни какимъ-либо послѣдующимъ законодательнымъ актомъ, а опредѣлялись лишь постепенно, по преимуществу путемъ частныхъ постановленій, издававшихся самимъ удѣльнымъ управленіемъ, или исходившихъ непосредственно отъ законодательной власти по мѣрѣ того, какъ та или другая сторона крестьянской жизни привлекала на себя особое вниманіе. Лишь съ составленіемъ и изданіемъ въ 1843 г. „Свода Удѣльныхъ Постановленій" всѣ такія частныя мѣры, касавшіяся правъ крестьянъ, были собраны во-едино. Въ виду этого, постепенное развитіе этихъ мѣропріятій представляется наиболѣе удобнымъ изложить въ порядкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, подвергавшихся путемъ ихъ разрѣшенію, причемъ яснѣе выступитъ и общее направленіе совершавшагося въ данной области процесса.

„Учрежденіе“ 1797 г. совершенно обошло вопросъ о выходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ другія сословія, не давъ никакихъ указаній насчетъ возможности и путей такого выхода. Чрезъ четыре мѣсяца послѣ изданія „Учрежденія“, первый Министръ Удѣловъ рѣшился даже, повидимому, прекратить такой переходъ, и 31 іюля 1797 г. предписалъ Департаменту послать въ казенныя палаты тѣхъ губерній, въ которыхъ были расположены удѣльныя имѣнія, предложенія о пріостановкѣ записи удѣльныхъ крестьянъ въ купечество. Подобная пріостановка могла быть, однакоже, лишь временною. Уже въ январѣ слѣдующаго года Департаменту Удѣловъ пришлось разбирать предложеніе о переходѣ значительнаго количества удѣльныхъ крестьянъ въ городское сословіе. Именно, вятскій губернаторъ, указывая на то, что въ городахъ Сарапулѣ и Елабугѣ имѣется лишь весьма небольшое число купцовъ и мѣщанъ (въ первомъ—184, во второмъ—244), тогда какъ удѣльныхъ крестьянъ въ этихъ городахъ, учрежденныхъ изъ дворцовыхъ селъ, числилось въ Сарапулѣ 1.047 и въ Елабугѣ 1.059 душъ м. п., считалъ неудобнымъ такое смѣшеніе сословій и предлагалъ тѣхъ крестьянъ, которые пожелали бы остаться на жительствѣ въ городахъ, перечислить въ купечество и мѣщанство, а остальныхъ выселить въ другія мѣста. Департаментъ не согласился съ мнѣніемъ губернатора, найдя, что перечисленіе такого большого количества крестьянъ въ городское сословіе нанесло бы слишкомъ сильный ущербъ интересамъ Удѣловъ, а для переселенія ихъ не имѣлось свободной земли. Къ этимъ соображеніямъ присоединился и Министръ, рѣшившій оставить упомянутыхъ крестьянъ въ прежнемъ ихъ положеніи. Но около этого же времени данъ былъ новый толчокъ вопросу о выходѣ отдѣльныхъ лицъ изъ удѣльнаго крестьянства въ городское сословіе, а именно: 21 октября 1797 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, предписывавшій „главнымъ начальствамъ“ казенныхъ крестьянъ, въ случаѣ желанія послѣднихъ записаться въ купечество, входить съ представленіями объ этомъ въ Сенатъ, причемъ къ казеннымъ крестьянамъ приравнивались и удѣльные. Когда, вслѣдствіе этого указа, въ Департаментъ стали поступать изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ представленія объ увольненіи крестьянъ въ купечество, онъ въ февралѣ 1798 г. просилъ указаній Министра, слѣдуетъ-ли направлять такія представленія въ Сенатъ или отсылать ихъ въ удѣльныя экспедиціи, которыя, собравъ по нимъ справки, сообщали бы ихъ съ своимъ мнѣніемъ въ Департаментъ

Министръ, исходя изъ мысли, что удѣльныя имѣнія существуютъ на положеніи помѣщичьихъ, а Департаментъ исправляетъ обязанности ихъ опекуна, нашелъ, что „выпускъ крестьянъ въ купцы не можетъ отъ его воли зависѣть". Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, Департаментъ вошелъ съ новымъ докладомъ къ Министру. Въ этомъ докладѣ указывалось, что по прямому смыслу указа 21-го октября 1797 г. и статей 138-й и 139-й Городового Положенія удѣльные крестьяне „признаны казенными... и предоставлено имъ неотъемлемое право записываться, по желанію ихъ, въ посады". Хотя со времени образованія удѣльныхъ имѣній просьбъ о выпускѣ въ купечество поступило сравнительно не много со стороны удѣльныхъ крестьянъ (всего относительно 90 душъ муж. п.), но Департаментъ объяснялъ это какъ тѣмъ, что самый пріемъ въ Удѣлы имѣній былъ еще не законченъ, такъ и тѣмъ, что крестьяне ожидали рѣшенія на поданныя уже просьбы, и опасался, что, въ случаѣ благопріятнаго разрѣшенія послѣднихъ, „поощрены будучи примѣромъ, выйдетъ неоспоримо множество и самыхъ зажиточныхъ земледѣльцевъ". Наведенныя уже нѣкоторыми экспедиціями справки показали, что „на таковыхъ, желающихъ записаться въ купечество и мѣщанство, не оказалось ни малѣйшей недоимки какъ по государственнымъ податямъ, такъ и по сборамъ, поступающимъ въ доходъ удѣльный; что, упражняясь съ успѣхомъ и выгодами издавна въ купечествѣ, они болѣе привыкли къ торговлѣ, нежели къ хлѣбопашеству, что поведеніе и трудолюбіе ихъ одобрены всѣмъ міромъ и что, наконецъ, самые посады и магистраты желаютъ ихъ охотно принять въ званіе свое". При такихъ условіяхъ, Департаменту, на основаніи дѣйствующаго законодательства, оставалось только признать, что просители должны быть уволены, и просить Сенатъ объ утвержденіи этого мнѣнія. „Таковымъ образомъ исполнятся въ точности указъ Сената и Городовое Положеніе, соблюдется польза короны, прямая надобность просителя удовлетворится, но имѣніе удѣльное понесетъ отъ того очевидный уронъ; оно лишится знатной части дохода своего и вмѣстѣ множества лучшихъ крестьянъ и время отъ времени уменьшаться будетъ самое, Высочайше утвержденное, количество душъ, опредѣленныхъ для состава имѣнія сего, ибо весьма вѣроятно, что, въ теченіе самыхъ первыхъ лѣтъ управленія оными Департаментомъ, выйдутъ уже не сотни, но тысячи крестьянъ. Подати, которыя доплачиваться поселянами будутъ до новой переписи, есть слабая и непримѣтная замѣна столь великаго ущерба".

Находя необходимымъ согласить законы „съ выгодами имѣнія удѣльнаго, тѣмъ болѣе, что имѣніе сіе, будучи Всемилостивѣйше пожаловано Августѣйшему Императорскому Дому, входитъ, такъ сказать, въ родъ помѣщичьихъ", Департаментъ предлагалъ Министру войти съ докладомъ къ Государю о назначеніи выкупа за выпускъ крестьянъ въ городское сословіе; при этомъ, съ выходящихъ въ купечество предполагалось взимать по 360 р. за каждаго совершеннолѣтняго крестьянина, отходившаго изъ владѣнія Удѣловъ, и половину этой суммы за несовершеннолѣтняго, а съ выходящихъ въ мѣщанство отъ 200 до 125 р., по четыремъ разрядамъ, съ совершеннолѣтняго и—вдвое менѣе съ несовершеннолѣтняго; такая плата проектировалась исключительно съ лицъ мужского пола, и Департаментъ находилъ, что крестьяне, имѣвшіе необходимый для торговыхъ операцій капиталъ, легко могутъ внести ее. Министръ, дѣйствительно, вошелъ съ докладомъ къ Государю, и 22 октября 1798 г. послѣдовалъ Высочайшій Указъ, предписавшій увольнять удѣльныхъ крестьянъ въ купечество и мѣщанство „на правѣ помѣщичьихъ"; съ выходящихъ въ купечество и могущихъ предъявить „знатный капиталъ" повелѣвалось взимать „такую часть онаго, какая отъ мірского приговора и за утвержденіемъ Департамента назначена будетъ, обращая оную въ доходъ удѣльный, за исключеніемъ осьмой доли, опредѣляемой на разныя вспоможенія поселянамъ, пришедшимъ въ разстроенное состояніе"; съ крестьянъ, которые могли вступить только „въ званіе мѣщанское или въ нижнюю степень купечества", предписывалось взыскивать сумму, равную цѣнѣ рекрута; наконецъ, сохранялось въ силѣ правило Городового Положенія, по которому вышедшіе въ городское сословіе крестьяне должны были до новой переписи продолжать платить старыя подати свои по крестьянству. Департаментъ, извѣщая экспедиціи о новомъ порядкѣ, установленномъ Указомъ 22 октября 1798 г., разъяснялъ, что „назначеніе части капитала при выпускѣ въ мѣщанство и купечество есть такое дѣло, въ которое не только приказные старшины, но и самыя удѣльныя экспедиціи вмѣшиваться не должны"; крестьяне же, недовольные дѣйствіями міра, могутъ „жаловаться Департаменту и искать себѣ защиты въ милосердіи самого Монарха". Въ слѣдующемъ году Департаментъ, отвѣчая на запросъ Архангельской Экспедиціи, объяснилъ, что, при выпускѣ крестьянъ въ мѣщанство и въ нижнюю степень купечества, уплачиваемая ими цѣна рекрута должна цѣликомъ

поступать въ удѣльный доходъ, безъ вычета восьмой доли на вспоможеніе крестьянамъ; для такого выпуска требовалось свидѣтельство приказа или волости, къ которымъ принадлежалъ проситель, что онъ по своему капиталу не можетъ вступить въ высшую степень купечества, причемъ такое свидѣтельство должно было быть подписано не только приказными властями, но и нѣсколькими грамотными крестьянами и приходскимъ священникомъ; самый выкупъ долженъ былъ уплачиваться просителемъ не только за себя, но въ одинаковомъ размѣрѣ и „за каждую изъ семейства его, отходящую съ нимъ, мужеска пола ревизскую душу“ [1]).

Мірскія общества, однако, и при выпускѣ въ нижнюю степень купечества брали иногда съ выпускаемыхъ деньги въ свою пользу. Въ томъ же 1799 г. до свѣдѣнія Департамента дошелъ одинъ такой случай. Коломенскій приказъ Московской Экспедиціи, давая свидѣтельство кр. Степанову, что онъ можетъ выйти лишь въ нижнюю степень купечества, взялъ съ него, кромѣ узаконенныхъ 360 р., „еще въ доходъ мірской 200 р.“ Департаментъ своимъ указомъ отъ 21 іюня 1799 г. предписалъ взять эти 200 р. также въ удѣльный доходъ, а восьмую долю образовавшейся такимъ путемъ суммы, т. е. 70 р., согласно Указу 22 октября 1798 г., отчислить на помощь крестьянамъ, хозяйство которыхъ разстроено. На будущее же время Департаментъ предписывалъ „ни приказу, ни міру съ крестьянъ, просящихся въ купечество или мѣщанство, никаковыхъ особливыхъ взысковъ сверхъ платимыхъ ими за выпускъ на свободу не требовать; ибо каждый таковый уволенный поселянинъ долженствуетъ очищать и платить за себя всѣ подати до новой переписи по государству; слѣдственно, выходъ его и не можетъ причинить міру каковой-либо ущербъ или отягощеніе“. Въ 1800 г. состоялось нѣсколько новыхъ важныхъ распоряженій по вопросу о выходѣ крестьянъ въ городское сословіе. Прежде всего, 2 апрѣля этого года Департаментъ „для избѣжанія всякаго недоразумѣнія“ постановилъ, „чтобъ и за рожденныхъ послѣ ревизіи, отходящихъ въ купечество или мѣщанство и, словомъ, за каждую мужского пола душу, а не за однихъ ревизскихъ, вносили крестьяне удѣльные, желающіе вступить въ помянутыя званія, узаконенное количество денегъ“. Затѣмъ 30 апрѣля Департаментъ предписалъ экспедиціямъ просить гражданскихъ губернаторовъ провѣрять истину показаній приказовъ о крестьянахъ, желающихъ выйти изъ своего сословія, и отъ себя обратился съ этою просьбой къ губернаторамъ. 28 сентября 1800 г. состоялся

сенатскій указъ, по которому переходящіе вообще изъ крестьянства и другихъ званій въ купечество и мѣщанство должны были впредь представлять за себя поручителей въ платежѣ ими податей по обоимъ состояніямъ до ревизіи, и 3 октября Департаментъ сдѣлалъ распоряженіе о примѣненіи этого указа къ удѣльнымъ крестьянамъ.

Выходъ для крестьянъ изъ владѣнія Удѣловъ затруднялся кромѣ того и увеличеніемъ цѣны рекрута. Именной Высочайшій Указъ 22 октября 1809 г. поднялъ эту цѣну съ 360 до 500 р. и тогда же Департаментъ предписалъ взимать на будущее время съ крестьянъ, выходящихъ въ мѣщанство или нижнюю степень купечества, по 500 р. за каждую душу мужского пола. Затѣмъ въ 1812 г. Министръ графъ Гурьевъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ, указывая на то, что по Манифесту 6 ноября 1811 г. дозволено было откупаться отъ рекрутской повинности за 2.000 р. и что купцы первой гильдіи объявляютъ за собою капиталъ въ 50.000 р., второй—въ 20.000 р., а третьей—въ 8.000 р., находилъ въ сравненіи съ этимъ цифру выкупа удѣльныхъ крестьянъ несоотвѣтственно низкой и предлагалъ повысить ее до 1.000 р. за душу мужского пола для выходящихъ въ купечество и—до 700 р. для выходящихъ въ мѣщанство. 2 апрѣля 1812 г. докладъ этотъ получилъ Высочайшее утвержденіе и новый порядокъ вступилъ въ дѣйствіе. Изъ этого общаго правила дѣлались, однакоже, порою частныя исключенія. Такъ, 6 марта 1824 г. состоялось Высочайшее повелѣніе на имя Министра Удѣловъ, воспретившее переходъ въ мѣщане и купцы крестьянъ коростинскаго и бургскаго приказовъ новгородской губерніи. Получивъ это повелѣніе, Департаментъ распорядился, чтобы управляющій Новгородской Конторой, оставляя просьбы крестьянъ данныхъ приказовъ объ увольненіи ихъ въ гражданское вѣдомство безъ всякаго исполненія, доносилъ лишь о нихъ Министру. За 1825 г. поступило изъ этихъ приказовъ 3 такія просьбы, которыя и были оставлены безъ исполненія. Въ 1826 г. аналогичная мѣра была принята уже самимъ Департаментомъ по отношенію къ крестьянамъ велейскаго и покровскаго приказовъ Псковской Конторы. Въ виду того, что на селеніяхъ этихъ приказовъ накопилась значительная недоимка, Департаментъ опасался, что при выпускѣ изъ нихъ достаточныхъ крестьянъ можно будетъ лишиться всякихъ средствъ ко взысканію недоимокъ, и потому разрѣшилъ Конторѣ представлять объ увольненіи въ купечество „крестьянъ та-

кихъ только селенiй, отъ коихъ всѣ недоимки и штрафы въ полности уже уплачены“ [2]).

Впрочемъ, въ томъ же 1826 г. произошло и новое общее измѣненiе въ условiяхъ выхода удѣльныхъ крестьянъ въ городское сословiе, вызванное всеподданнѣйшимъ докладомъ Департамента. Въ этомъ докладѣ указывалось, что со времени закона 2 апрѣля 1812 г. „перешло удѣльныхъ крестьянъ изъ первобытнаго состоянiя въ гражданское званiе довольно значущее число душъ“ и постоянно вновь вступаютъ въ Департаментъ представленiя о такомъ переходѣ. Департаментъ объяснялъ такой фактъ тѣмъ, что назначенная для выкупа сумма была не только не отяготительна, но даже едва ощутительна для крестьянъ. „А какъ удѣльныя имѣнiя — говорилось въ докладѣ — находятся въ томъ же отношенiи къ Императорской Фамилiи, какъ помѣщичьи къ помѣщикамъ, и поелику выгода сихъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобъ сохранять въ своемъ владѣнiи сколько можно зажиточныхъ, во первыхъ потому, что капиталъ богатаго болѣе или менѣе въ кругообращенiи между бѣдными и во вторыхъ потому, что въ случаѣ недоимокъ оныя пополняются всѣмъ обществомъ, то Департаментъ Удѣловъ признаетъ полезнѣйшимъ сколько возможно затруднить для удѣльныхъ крестьянъ переходъ въ купеческое и мѣщанское званiе“, повысивъ сумму выкупа до 5.000 р. для переходящихъ въ купечество и до 2.000 р. съ наличной души мужского пола, для выходящихъ въ мѣщанство; при этомъ въ мѣщанство предлагалось выпускать лишь изъ малоземельныхъ селенiй, сохраняя въ остальномъ прежнiя правила. 4 декабря 1826 г. предположенныя Департаментомъ измѣненiя получили Высочайшее утвержденiе [3]). Такимъ образомъ, въ отношенiи права выхода изъ крестьянства точка зрѣнiя на удѣльныя имѣнiя, какъ на частное владѣнiе, возобладала въ законѣ, что вело все къ большему стѣсненiю выхода удѣльныхъ крестьянъ изъ ихъ состоянiя. Та же общая точка зрѣнiя сказалась и въ рѣшенiи одного изъ частныхъ вопросовъ такого выхода. 3 iюля 1824 г. было Высочайше утверждено положенiе Комитета Министровъ, уничтожившее двойныя подати при переходѣ изъ одной губернiи въ другую, или изъ одного званiя въ другое. На первыхъ порахъ по обнародованiи этого положенiя Сенатомъ, оно было примѣнено и въ удѣльныхъ имѣнiяхъ при переходѣ крестьянъ въ городское сословiе, но когда обнаружилось, что помѣщичьи крестьяне послѣдующимъ сенатскимъ указомъ 28 февраля 1826 г.

были изъяты отъ дѣйствія даннаго положенія, то оно перестало примѣняться и къ удѣльнымъ крестьянамъ.

Первоначально при выходѣ въ городское сословіе выкупъ взимался только съ лицъ мужского пола, за женщинъ же, выходившихъ изъ состава удѣльнаго владѣнія вмѣстѣ съ своими мужьями и отцами, никакого выкупа не полагалось; современемъ, однако, это измѣнилось. Въ 1829 г. Департаментъ, разрѣшая просьбу одного крестьянина о выпускѣ его съ четырьмя дочерьми въ мѣщанское званіе, опредѣлилъ взыскать съ него за каждую дочь по 100 р., и съ той поры установилась такая плата за выпускъ дочерей вмѣстѣ съ отцами; за женъ и послѣ того ничего не платилось. Съ переводомъ денегъ на серебро плата за увольненіе въ купечество понизилась до 1500 р. сер. съ наличной души мужского пола, въ мѣщанство—до 600 р. сер., за увольненіе дочери при отцѣ—до 30 р. сер. [4]).

Крестьянки удѣльнаго вѣдомства могли переходить въ другія сословія либо путемъ выхода въ послѣднія ихъ отцовъ и мужей, либо путемъ замужества съ лицами иныхъ сословій; личное же увольненіе ихъ совершенно не допускалось. Что касается выхода ихъ въ замужество за людей другихъ званій, то онъ въ свою очередь опредѣлялся особыми правилами, точно также не оставшимися неизмѣнными за все время существованія удѣльныхъ имѣній. Впервые вопросъ о возможности подобнаго замужества поднятъ былъ Казанской Экспедиціей, и тогда Департаментъ, на основаніи резолюціи Министра, указомъ отъ 26 апрѣля 1798 г., предписалъ экспедиціямъ „выпускъ крестьянкамъ въ замужество въ каковое-либо казеннаго вѣдомства селеніе или помѣщичье не возбранять, стараясь, однакожъ, непремѣнно по обряду помѣщичьему, чтобы вмѣсто выпускаемыхъ крестьянокъ браны были удѣльными крестьянами на обмѣнъ изъ тѣхъ же селеній другія въ таковое-жъ замужество“. Въ слѣдующемъ году это постановленіе, вслѣдствіе представленій Смоленской и Московской Экспедицій, было разъяснено Департаментомъ болѣе обстоятельно. Указъ Департамента 31 августа 1799 г. предписывалъ экспедиціямъ, „чтобы выпускъ крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ въ помѣщичьи и казеннаго вѣдомства селенія былъ дозволенъ безъ всякаго препятствія, съ общаго той и другой стороны согласія міра, и чтобъ удѣльнымъ крестьянамъ изъ селенія помѣщичьяго или казеннаго вѣдомства предоставлено было свободное право, по общему же согласію, брать въ замужество безъ всякаго платежа“; во избѣжаніе нарушенія этихъ усло-

вій, экспедиціямъ предоставлялось просить у епархіальныхъ архіереевъ „подтвержденія приходскимъ священникамъ, чтобы безъ писемъ отъ міра браковъ не совершали“; сельскіе же старшины должны были внушать холостымъ крестьянамъ „собственную ихъ чрезъ вступленіе въ бракъ пользу и, чтобъ брали невѣстъ преимущественно изъ своихъ удѣльныхъ селеній, однакоже и въ семъ случаѣ принужденія никакого не чинить“. Относительно же выпуска удѣльныхъ крестьянокъ въ городское сословіе 11 іюня 1800 г. состоялось, по докладу Департамента, Высочайшее повелѣніе выпускать ихъ замужъ за купцовъ и мѣщанъ съ платою за выходъ по 100 р., „въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать“. По обнародованіи этого повелѣнія, петербургское удѣльное отдѣленіе примѣнило требованіе объ уплатѣ выводныхъ денегъ при выходѣ замужъ удѣльной крестьянки за плотника адмиралтейской команды. Тогда Департаментъ, указомъ 9 іюля 1800 г., разъяснилъ, что выводныя деньги должны взиматься только при выходѣ замужъ крестьянокъ за купца или мѣщанина, а выдача за помѣщичьихъ или казенныхъ крестьянъ и другого званія людей должна совершаться безпрепятственно, на основаніи указа 26 апрѣля 1798 г.

Установленныя всѣми этими распоряженіями правила соблюдались, однако, не особенно старательно и случаи вѣнчанія удѣльныхъ крестьянокъ съ посторонними людьми, безъ свидѣтельства отъ приказовъ, равно какъ безъ платежа выводныхъ денегъ, были, повидимому, не рѣдки. По крайней мѣрѣ, еще въ 1809 г. управляющій Орловской Конторой доносилъ Министру, что всѣ предписанія Департамента объ этомъ остаются безъ исполненія, и предлагалъ на будущее время нарушителей этихъ предписаній изъ удѣльныхъ крестьянъ отсылать къ суду, или подвергать денежному взысканію въ пользу мірской суммы. Министръ, въ циркулярномъ предписаніи управляющимъ 15 февраля 1809 г., подтвердилъ ихъ обязанность наблюдать за выполненіемъ изданныхъ ранѣе законовъ и распоряженій; нарушившимъ ихъ удѣльнымъ крестьянамъ приказы должны были опредѣлять „соразмѣрное наказаніе“, которое, по утвержденіи управляющимъ, и приводилось бы въ исполненіе „безъ всякаго послабленія“; тѣ же, кто выдалъ бы дочь безъ дозволенія и письменнаго свидѣтельства за купца или мѣщанина, тѣмъ самымъ лишивъ Удѣлы выводныхъ денегъ, сверхъ наказанія обязывались заплатить эти послѣднія. Приказ-

нымъ же старшинамъ предписывалось, подъ опасенiемъ строгаго взысканiя, безъ замедленiя выдавать свидѣтельства на выдачу замужъ удѣльныхъ крестьянокъ [5]).

Нѣкоторые управляющiе выказывали порою склонность еще болѣе увеличить установленныя закономъ въ этомъ вопросѣ ограниченiя. Костромская Контора въ 1810 г. возбудила вопросъ, могутъ ли свободно выходить замужъ крестьянки изъ удѣла великой княгини Екатерины Павловны въ общее удѣльное вѣдомство *). Департаментъ тогда же разрѣшилъ этотъ вопросъ положительно, а черезъ шесть лѣтъ ему вновь пришлось рѣшать его, на этотъ разъ по представленiю Орловской Конторы. Въ 1816 г. нижегородскiй управляющiй предложилъ проектъ выдачи удѣльныхъ крестьянокъ замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ съ платежемъ выводныхъ денегъ, ссылаясь на неудобства дѣйствующаго порядка, при которомъ будто бы удѣльныя дѣвушки часто не могутъ найти себѣ жениховъ; при этомъ онъ предлагалъ увеличить и самый размѣръ выводныхъ денегъ со 100 до 150 р. Проектъ этотъ остался, однако, безъ результатовъ [6]).

Лишь въ 1820 г. въ установленномъ порядкѣ произошло нѣкоторое измѣненiе, именно: Департаментъ предписалъ, при выдачѣ удѣльныхъ крестьянокъ за помѣщичьихъ крестьянъ, брать съ владѣльцевъ послѣднихъ обязательство въ согласiи выдать свою крѣпостную за удѣльнаго крестьянина, а при совершенiи такой замѣны возвращать это обязательство и брать отъ помѣщика выводное письмо на его крѣпостную. Нѣсколькими годами позже установленъ былъ болѣе точно и порядокъ взысканiя выводныхъ денегъ, при выдачѣ удѣльныхъ крестьянокъ за купцовъ или мѣщанъ: циркуляромъ Департамента отъ 20 сентября 1828 г. предписывалось взыскивать эти деньги за крестьянокъ съ лицъ, берущихъ ихъ въ замужество, или же съ родителей или родственниковъ этихъ крестьянокъ, если онѣ будутъ выданы замужъ съ ихъ согласiя, но безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ начальства; если же крестьянка выйдетъ замужъ безъ такого свидѣтельства и безъ согласiя родственниковъ или если послѣднiе, давъ свое согласiе на бракъ, не въ состоянiи будутъ уплатить выводныхъ денегъ, то взысканiе должно было обращаться на ея мужа, а

*) Въ 1809 г. при вступленiи въ бракъ сестры Императора Александра I— Великой Княжны Екатерины Павловны, былъ выдѣленъ для Нихъ изъ общаго состава удѣльныхъ имѣнiй, особый удѣлъ, доходами съ котораго должна была пользоваться Великая Княгиня и Ея потомство.

при его несостоятельности—на вѣнчавшаго ихъ священника. Болѣе серьезныя измѣненія были произведены въ 1833 г., когда платежъ выводныхъ денегъ получилъ болѣе широкое распространеніе. Изъ производившихся дѣлъ Департаментъ убѣдился, какъ гласилъ циркуляръ 5 мая 1833 г., что „установленный замѣнъ удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ, выходящихъ за казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, большею частью не имѣетъ мѣста въ самое время ихъ замужества; впослѣдствіи же, по разнымъ причинамъ, дѣлается часто весьма затруднительнымъ, а иногда вовсе невозможнымъ, и такимъ образомъ Удѣлъ несетъ потерю безъ всякаго вознагражденія“. Въ виду этого Департаментъ распорядился, выходъ удѣльныхъ крестьянокъ за крестьянъ другаго вѣдомства безъ платежа „допускать только тогда, если въ одно и то же время, по общему согласію, поступятъ другія, или, по крайней мѣрѣ, если отъ помѣщика или того вѣдомства, куда переходитъ удѣльная крестьянка, будетъ дана подписка на увольненіе крестьянки въ обмѣнъ, коль скоро пожелаетъ жениться кто-либо изъ удѣльныхъ крестьянъ того приказа, откуда вышла удѣльная вдова или дѣвка“. Вмѣстѣ съ тѣмъ правило о взиманіи 100 р. выводныхъ денегъ распространялось и на тѣхъ крестьянокъ, которыя выходили замужъ „за чиновниковъ, мастеровыхъ и вообще всѣхъ людей свободнаго состоянія, поелику въ семъ случаѣ никакого замѣна быть не можетъ“; исключеніе составляли лишь нижніе воинскіе чины, за которыхъ и впредь удѣльныя крестьянки могли выходить замужъ безъ всякой платы. Что касается, впрочемъ, казенныхъ крестьянъ, то уже въ 1842 г. Департаментъ разрѣшилъ выдавать за нихъ удѣльныхъ крестьянокъ безъ требованія какихъ бы то ни было обязательныхъ подписокъ, въ виду аналогичной мѣры со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ. Съ лицъ остальныхъ свободныхъ сословій, равно какъ съ помѣщиковъ, не выдававшихъ обмѣнныхъ обязательствъ, выводныя деньги за удѣльныхъ крестьянокъ, въ размѣрѣ 100 р. асс., позднѣе 30 р. сер., продолжали взиматься до 1858 г., и еще 15 марта 1858 г. такой платежъ былъ установленъ при выдачѣ крестьянокъ за исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства, но еще ни къ какому сословію не приписанныхъ, солдатскихъ сыновей (кантонистовъ) [7].

Существовалъ и еще одинъ путь выхода изъ владѣнія Удѣловъ для крестьянъ,—именно, уходъ въ монашество. Первый извѣстный намъ случай такого ухода относится къ 1802 г. Въ

этомъ году удѣльный крестьянинъ костромской губерніи Абабковъ подалъ вмѣстѣ со своимъ дядей на Высочайшее Имя прошеніе объ увольненіи ихъ, за болѣзнями, въ монашеское званіе. Просители объясняли, что они имѣютъ „увольнительный отпускъ“ отъ своего приказа и уже седьмой годъ находятся въ монастыряхъ, одинъ во Фролищевой пустынѣ, другой въ Валаамскомъ монастырѣ, но мѣстная экспедиція и Департаментъ не увольняютъ ихъ безъ разрѣшенія Государя. 28 апрѣля 1802 г. состоялось Высочайшее повелѣніе уволить просителей для постриженія въ монахи, если сообщенные ими факты окажутся справедливыми. Затѣмъ аналогичный случай, доложенный Министромъ Государю въ слѣдующемъ году, вызвалъ общее повелѣніе, отъ 17 августа 1803 г., поступать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ по общимъ государственнымъ узаконеніямъ. Въ виду этого, Департаментъ 8 октября 1803 г. разослалъ экспедиціямъ циркуляръ, въ которомъ предписывалъ имъ выдавать увольнительные виды тѣмъ изъ крестьянъ, просящихся въ монашество, которые имѣютъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, знаютъ грамотѣ, удовлетворяютъ другимъ требованіямъ Духовнаго Регламента *) и представятъ свидѣтельство отъ духовнаго начальства о возможности принять ихъ въ избираемое ими званіе. Новыя ограниченія въ этомъ отношеніи были установлены циркуляромъ Департамента 30 ноября 1827 г., предписавшимъ управляющимъ, при представленіяхъ объ увольненіи крестьянъ въ монашество, сообщать свѣдѣнія о томъ, способенъ ли проситель къ работѣ, не состоитъ ли онъ на рекрутской очереди, какъ велико его семейство и можетъ ли оно, за увольненіемъ его, исправно платить подати. Наконецъ, циркуляромъ 4 мая 1835 г., во избѣжаніе излишней переписки, воспрещено было управляющимъ входить съ представленіями объ увольненіи въ монашество крестьянъ, не достигшихъ: мужчины—30, а женщины—50-лѣтняго возраста [8]).

Отъ выхода крестьянъ изъ состава удѣльнаго владѣнія обратимся теперь къ постановленіямъ, опредѣлявшимъ право передвиженія крестьянъ внутри удѣльныхъ имѣній. Общія границы этого права были установлены еще „Учрежденіемъ“ 1797 г., которое (§§ 170 и 207) воспрещало крестьянамъ отлучки съ мѣста ихъ жительства даже „на самомалѣйшее время“ безъ разрѣшенія на-

*) Статья 7-я Духовнаго Регламента гласила: „смотрѣть прилежно о приходящихъ въ монахи, не обязанъ ли онъ долгами, не бѣгаетъ ли отъ суда за воровство, нѣтъ ли за нимъ дѣла государева и симъ подобная... не принимать въ монахи изъ иной епархіи приходящаго и людямъ честнымъ не извѣстнаго“.

чальства. На практикѣ, однакоже, это правило соблюдалось лишь въ высшей степени слабо на первыхъ порахъ и, не говоря уже о временныхъ отлучкахъ, даже переселенія въ другія мѣста практиковались нерѣдко крестьянами безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія. Объ этомъ свидѣтельствовали нѣкоторые ревизоры, объѣзжавшіе удѣльныя имѣнія въ 1803 г.; о подобныхъ самовольныхъ переходахъ крестьянъ еще и въ 1808 г. нерѣдко, по словамъ Министра, мѣстныя экспедиціи увѣдомляли Департаментъ. Послѣдній обыкновенно распоряжался оштрафовать самовольниковъ денежной пеней въ пользу мірского общества, но, наконецъ, Министръ нашелъ нужнымъ принять болѣе общія мѣры, и 15 января 1809 г. предписалъ управляющимъ конторами составить списки всѣхъ, самовольно переселившихся, крестьянъ и объявить по удѣльнымъ имѣніямъ, что всѣ, вновь переселяющіеся безъ разрѣшенія, подвергнутся строжайшему взысканію, какъ „нарушители воли высшаго начальства и общественнаго порядка"; приказнымъ старшинамъ подъ страхомъ наказанія поручалось бдительно слѣдить за крестьянами и предупреждать попытки самовольныхъ переселеній съ ихъ стороны. По установленному въ слѣдующемъ году Департаментомъ правилу, внесенному и въ „Руководство для удѣльныхъ поселянъ къ познанію правъ и обязанностей" 1811 г., желающій переселиться крестьянинъ долженъ былъ испросить увольнительный приговоръ отъ того приказа, въ которомъ жилъ и пріемный отъ того, въ которомъ хотѣлъ поселиться; приговоры эти представлялись въ контору, а послѣдняя переносила дѣло на утвержденіе Министра. Тѣмъ не менѣе и эти правила не имѣли большого успѣха и при составленіи шестой ревизіи было открыто „перешедшихъ изъ селенія въ селеніе разныхъ уѣздовъ и даже изъ одной губерніи въ другую крестьянъ довольно значительное число". Въ виду этого Департаментъ, руководясь представленіемъ вятскаго управляющаго Жмакина, нашелъ необходимымъ установить новыя правила, которыми можно было бы руководствоваться въ данномъ вопросѣ. Суть ихъ сводилась къ слѣдующему: крестьянинъ, переселившійся на другое мѣсто безъ разрѣшенія Министра, возвращался обратно и отдавался на мѣсяцъ въ рабочій домъ; крестьяне его селенія, равно какъ того, въ которое онъ перешелъ, платили штрафъ по 10 р. за каждую душу мужского пола въ его семействѣ, а если послѣднее селеніе не принадлежало Удѣламъ, то штрафъ дѣлился между самимъ переселенцемъ и жителями того села, изъ котораго онъ ушелъ; приказные стар-

шины и сельскіе начальники обѣихъ мѣстностей платили такой же штрафъ; крестьянамъ, которымъ разрѣшалось переселеніе, должны были выдаваться отъ конторъ особыя свидѣтельства и безъ нихъ, по однимъ мірскимъ приговорамъ, запрещалось впредь принимать переселенцевъ; крестьяне, объявившіе о такомъ переселенцѣ въ ихъ селѣ, избавлялись отъ штрафа и получали пятую долю „опредѣленнаго за самовольный переходъ взысканія“ [9]).

Въ 1826 г. Министръ опять повторилъ эти правила 1811 г., присоединивъ, что управляющіе конторами, въ вѣдомствѣ которыхъ откроются впредь самовольные переходы крестьянъ, будутъ отрѣшаемы отъ должности. Уже изъ необходимости подобнаго повторенія можно видѣть, какъ мало въ сущности способствовали эти правила устраненію изъ жизни того явленія, противъ котораго они были направлены. Бывали случаи, когда, въ виду поздняго открытія факта самовольнаго переселенія, самому удѣльному начальству приходилось мириться съ нимъ и признавать всѣ его послѣдствія. Такъ, напр., въ 1826 г. открыто было 8 душъ удѣльныхъ крестьянъ, тотемскаго уѣзда вологодской губерніи, самовольно переселившихся на пустое мѣсто въ казенномъ черномъ лѣсу того же уѣзда, на берегу р. Пешмы. Къ нимъ не были, однако, примѣнены обычныя мѣры, но въ виду того, „что отъ переселенія ихъ прошло болѣе 15 лѣтъ и что по столь давнему обзаведенію тамъ они должны потерпѣть крайнее разореніе“, въ случаѣ возвращенія на старое мѣсто жительства, состоялось Высочайшее повелѣніе „оставить ихъ на томъ мѣстѣ не въ примѣръ другимъ и надѣлить узаконенною пропорціею земли изъ близъ лежащихъ къ селенію ихъ казенныхъ дачъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, на будущее время Высочайшее повелѣніе грозило отдачею подъ судъ управляющимъ конторами, которые допустили бы самовольное переселеніе, и предписывало возвращать переселенцевъ на счетъ тѣхъ, „кто не удержитъ оныхъ, или не донесетъ при самомъ началѣ“. Въ слѣдующемъ году Департаментъ издалъ правила для разрѣшенія переселеній крестьянъ изъ одного селенія въ другое, въ основныхъ своихъ чертахъ, впрочемъ, повторявшія правила 1811 г. Но въ нихъ заключалось и новое ограниченіе переходовъ: крестьянамъ общаго Удѣла воспрещалось переходить въ удѣлъ покойной королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, равно какъ не разрѣшалось крестьянамъ изъ приказовъ, обложенныхъ высшимъ окладомъ, переселяться въ другіе, состоящіе на низшемъ, причемъ изъ-подъ

дѣйствія этого правила исключались лишь такъ называемые бобыли. Распоряженіемъ отъ 30 сентября 1828 г. Департаментъ „для прекращенія самовольныхъ переселеній, которыя нерѣдко въ удѣльныхъ имѣніяхъ случаются, не взирая на строгія воспрещенія“, еще усилилъ существовавшія уже мѣры взысканія, наложивъ штрафъ въ 10 р. за каждую душу мужского пола на самихъ переселенцевъ и приказныхъ старшинъ и увеличивъ до 25 р. штрафъ съ сельскихъ начальниковъ, которые, сверхъ того, при обнаруженіи самовольныхъ переходовъ должны были подвергаться отрѣшенію отъ должностей и заключенію въ рабочемъ домѣ въ теченіе мѣсяца и болѣе, смотря по числу переселившихся крестьянъ. Въ 1830 г. это распоряженіе, вслѣдствіе неисполненія его нѣкоторыми конторами, было вновь подтверждено Департаментомъ. Слова послѣдняго о нерѣдкости самовольныхъ переходовъ крестьянъ продолжали, впрочемъ, и теперь оставаться справедливыми. Ограничимся немногими примѣрами въ подтвержденіе сказаннаго. Вологодскій управляющій въ 1828 г. доносилъ Департаменту, что „нѣкоторыя селенія, составляя между собой приговоры, дозволили по онымъ переселяться крестьянамъ изъ селенія въ селеніе, или входить въ домы, совсѣмъ безъ разсмотрѣнія начальствомъ и даже приказами“, а нѣкоторые приказы разрѣшали крестьянамъ переселеніе по однимъ мірскимъ приговорамъ, не дожидаясь дозволенія отъ конторы. Въ предѣлахъ Пензенской Конторы въ 1833 г. было открыто самовольное переселеніе 25 душъ крестьянъ с. Михайловскаго въ оренбургскую губернію. Когда производилась восьмая ревизія, Департаментъ призналъ невозможнымъ преслѣдовать всѣхъ самовольно переселившихся крестьянъ, и циркуляромъ 3 ноября 1833 г. предписалъ возвращать на старое мѣстожительство только перешедшихъ послѣ указа 4 декабря 1826 г., а тѣхъ, которые перешли до него, оставить на занимаемыхъ ими мѣстахъ. Немного спустя, въ циркулярѣ 21 октября 1835 г., Департаментъ опять заявлялъ, что хотя принятыя уже мѣры и „долженствовали бы предотвращать безпорядки, но по производству дѣлъ оказывается, что, не смотря на всѣ таковыя мѣры, самовольныя переселенія нерѣдко встрѣчаются и нынѣ“. „Изыскивая причину подобныхъ поступковъ—говорилось далѣе въ циркулярѣ—и дѣйствительнѣйшія къ упрежденію оныхъ средства, Департаментъ находитъ, что безпорядки сіи преимущественно происходятъ отъ послабленія, а иногда отъ злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и приказ-

ныхъ старшинъ, которые, не страшась довольно умѣреннаго взысканія, налагаемаго на нихъ существующими нынѣ правилами, допускаютъ подобные случаи и, быть можетъ, извлекаютъ изъ оныхъ собственную выгоду". Поэтому Департаментъ, оставивъ въ силѣ наказанія денежнымъ штрафомъ и отдачей въ рабочій домъ или въ общественную работу для домохозяевъ, виновныхъ въ самовольномъ переходѣ,—вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ наказанія для старшинъ [10]). Всѣ эти наказанія перешли и въ „Сводъ Удѣльныхъ Постановленій" 1843 г. Такимъ образомъ, удѣльному управленію почти за все время своего существованія пришлось вести упорную борьбу противъ стремленія крестьянъ къ переселеніямъ и прибѣгать, ради отстаиванія своихъ хозяйственныхъ правъ, къ все болѣе суровымъ репрессаліямъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ практикѣ удѣльнаго управленія стоялъ другой вопросъ, привлекавшій къ себѣ не меньшее вниманіе и подвергавшійся не менѣе тщательной регламентаціи путемъ закона и административныхъ распоряженій. Мы говоримъ о семейныхъ раздѣлахъ въ крестьянской средѣ. Уже „Учрежденіе" 1797 г. предусмотрѣло этотъ вопросъ и установило въ этомъ отношеніи строгія правила. „Поселянамъ — говорилось въ § 193 „Учрежденія" — безъ позволенія не дѣлиться, и при могущихъ быть на то ихъ желаніяхъ весьма наблюдать, чтобъ оныя прямо въ ихъ общественную пользу, а не къ пущей иногда въ хозяйствѣ разстройкѣ служили". Для достиженія намѣченной такимъ образомъ цѣли, разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ возлагалось на экспедиціи, которымъ предлагалось дозволять ихъ не иначе, „какъ по обстоятельному и вѣрному изслѣдованію и расчисленію въ разсужденіи земли и принадлежащихъ до хлѣбопашества и иного хозяйства орудій и скота", а „ежели бы таковые раздѣлы происходили по одной враждѣ въ семействѣ и служили во злоупотребленіе, то вовсе оные запрещать". Слѣдовательно, въ данномъ вопросѣ законодатель руководился исключительно хозяйственной точкой зрѣнія, устраняя всѣ иныя соображенія, и самая возможность раздѣловъ ставилась имъ въ зависимость только отъ имущественныхъ средствъ крестьянскаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ эта точка зрѣнія получила еще большую опредѣленность. Первыя дѣйствія экспедицій, которымъ пришлось примѣнять правила „Учрежденія" на практикѣ, вызвали неудовольствіе со стороны центральнаго управленія Удѣловъ. Департаментъ находилъ,

что экспедиціи поступали въ этомъ вопросѣ или слишкомъ небрежно, какъ Казанская, разрѣшавшая раздѣлы безъ наведенія точныхъ справокъ, или неправильно, какъ Петербургская, собиравшая справки о семьѣ, въ которой только два работника и которой безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ „должно было совершенно запретить дѣлиться", и вообще слишкомъ легко дозволяли раздѣлы крестьянскихъ семей. Въ виду этого, Департаментъ 11 іюля 1799 г. предписалъ всѣмъ экспедиціямъ, чтобы онѣ „всевозможныя употребляли старанія избѣгать раздѣловъ крестьянскихъ, а если оные необходимо иногда по силѣ Высочайшаго Учрежденія позволить должно будетъ, то дѣлали бы оное не иначе, какъ съ обязательствомъ отъ приказа, что въ случаѣ какого-либо упадка въ имуществѣ крестьянскомъ, тотъ приказъ съ міромъ, который удостовѣритъ о нужномъ раздѣлѣ, во всѣхъ убыткахъ отвѣтствовать долженъ". Для предупрежденія же поводовъ къ раздѣламъ, приказы должны были „имѣть точнѣйшее наблюденіе въ повиновеніи семействъ ихъ хозяевамъ" [11]). Такимъ образомъ, въ числѣ необходимыхъ условій для раздѣла Департаментомъ требовалась наличность извѣстной рабочей силы въ дѣлившейся семьѣ и, кромѣ того—принятіе на себя крестьянскимъ обществомъ всего риска въ случаѣ неудачи раздѣла въ хозяйственномъ отношеніи. Это послѣднее условіе должно было облекаться въ форму разрѣшительныхъ мірскихъ приговоровъ, хотя, за недостаткомъ свѣдѣній, мы и не можемъ рѣшительно сказать, имѣло ли условіе объ отвѣтственности міра и впослѣдствіи серьезное значеніе или оно съ теченіемъ времени обратилось въ одну форму. За то, на основаніи сохранившихся свѣдѣній, можно съ увѣренностью сказать, что въ это время въ крестьянской средѣ имѣли широкое распространеніе такъ называемые „самовольные" раздѣлы, совершавшіеся безъ всякаго разрѣшенія со стороны начальства. Ревизоръ Нѣмчиновъ, посѣтившій въ 1803 г. вятскую губернію, говорилъ о такихъ раздѣлахъ, какъ объ обычномъ явленіи. Доносили о нихъ по временамъ Департаменту и мѣстные начальники, чаще всего выступавшіе горячими противниками раздѣловъ. Такъ, напримѣръ, управляющій Псковскою Конторой, сообщая въ 1809 г. о нѣсколькихъ случаяхъ самовольныхъ раздѣловъ крестьянскихъ семействъ, писалъ: „я знаю по опыту, сколько раздѣленіе для крестьянъ и въ избыточномъ даже ихъ при раздѣленіи состояніи вредно и какъ раздѣленіе таковое нечувствительно доводитъ ихъ до нищеты, ибо раздѣлившіеся лишаются важнѣйшаго, числа ра-

ботниковъ, на чемъ утверждается благосостояніе ихъ домовъ; испыталъ также я и то, что причины раздѣла ихъ такъ маловажны, что болѣе взысканія, нежели какого-либо уваженія заслуживаютъ". По словамъ его, иногда въ основѣ просьбы крестьянъ о раздѣлѣ лежали ссоры дѣтей различныхъ жившихъ вмѣстѣ семействъ; „достовѣрно — прибавлялъ онъ—также и то, что нѣкоторые изъ крестьянъ раздѣляются для избѣжанія рекрутства". Стремясь противодѣйствовать дробленію крестьянскихъ семей, псковскій управляющій предписалъ приказамъ своей конторы вмѣстѣ съ представленіями о желающихъ раздѣлиться семействахъ доставлять свѣдѣнія объ ихъ составѣ, имуществѣ, земельномъ надѣлѣ, занятіяхъ и промыслахъ и о причинахъ, заставлявшихъ ихъ просить раздѣла. При этомъ приказамъ предлагалось „взять себѣ одинъ разъ навсегда въ замѣчаніе то, что раздѣленныя семейства рѣдко живутъ въ благополучіи и довольствѣ, ибо въ крестьянскомъ быту домъ тогда можетъ быть изобиленъ, когда есть въ немъ довольно работниковъ и когда управляющій хозяйствомъ или начальникъ дома знаетъ хозяйство, трезвъ, трудолюбивъ и всѣхъ, его семейство составляющихъ, къ тому же побуждаетъ; при недостаткѣ же работниковъ, сколько бы хозяинъ одинъ ни трудился, всего, однакоже, однѣми руками не успѣетъ сдѣлать и отъ того большею частію таковые живутъ въ нищетѣ, бывъ почти безполезны Государю, себѣ и въ тягость обществу". Приказы обязывались внушать эти наставленія крестьянамъ, всячески удерживать ихъ увѣщаніями отъ раздѣловъ и лишь въ случаѣ полнаго неуспѣха такихъ увѣщаній доводить просьбу о раздѣлѣ до конторы. Самъ управляющій, какъ сообщалъ онъ тутъ же, въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣла просили непокорные отцу сыновья, прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію послѣднихъ, „по волѣ отца и согласію мірскому". Но при всемъ томъ, среди крестьянъ, по его словамъ, „оказываются такіе, которые, не взирая на предписанія и распоряженія начальства, о ихъ же пользѣ пекущагося, раздѣляются самовольно, не спросясь даже и деревенскаго выборнаго". Такіе поступки управляющій относилъ на счетъ „закоренѣлаго въ крестьянахъ упрямства и мыслей, что они собою и своею собственностью располагать могутъ, какъ хотятъ", почему онъ и предлагалъ Департаменту прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Послѣдній, дѣйствительно, въ своемъ предписаніи отъ 22 іюня 1809 г. приказалъ вновь соединить самовольно раздѣлившіяся крестьянскія семейства и оповѣстить объ этомъ

крестьянъ, съ предупрежденіемъ, что на будущее время такіе ослушники предписаній не только подвергнутся насильственному соединенію, но и будутъ „строжайше наказаны“; желающіе же раздѣлиться должны запастись дозволяющимъ раздѣлъ мірскимъ приговоромъ и представить его конторѣ, которая, наведя справки, передастъ дѣло на разрѣшеніе Министра [12]). Это предписаніе далеко не прекратило, однако, самовольныхъ раздѣловъ и крестьяне проявляли иногда такую твердость въ отстаиваніи своихъ желаній, что удѣльному управленію приходилось либо отступать передъ этою твердостью, либо прибѣгать къ новымъ средствамъ, чтобы сломить ее. Приведемъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, въ видѣ примѣра. Въ 1811 г. Симбирская Контора сообщила Департаменту, что въ д. Селищахъ два крестьянина, братья Алексѣевы, жившіе вмѣстѣ и имѣвшіе въ своихъ семьяхъ только двѣ души мужского пола, „по несогласію женъ ихъ раздѣлились самовольно на два разные дома“, не отбывъ еще рекрутской повинности, хотя очередь доходитъ до двойниковъ; въ виду послѣдняго обстоятельства Контора признала ихъ раздѣлъ незаконнымъ, хотя имущества у нихъ было достаточно на двѣ семьи, и предписала приказу соединить опять Алексѣевыхъ въ одно семейство, но они отказались повиноваться такому распоряженію. Департаментъ, усмотрѣвъ въ этомъ случаѣ „худой надзоръ за крестьянами самаго приказа“, рѣшилъ оштрафовать голову и засѣдателей, каждаго 5 р., Алексѣевыхъ же оставить въ раздѣлѣ, но считать ихъ за одно семейство и взять съ обоихъ братьевъ по 10 р. штрафу [13]).

Съ 1809 г., какъ мы уже видѣли, окончательное разрѣшеніе раздѣловъ принадлежало центральному управленію, къ которому конторы лишь обращались съ своими представленіями. Такъ какъ масса этихъ представленій обременяла Департаментъ, то рѣшено было выработать болѣе точныя правила для разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ и такія правила были, наконецъ, обнародованы 10 августа 1827 г. Согласно имъ, крестьянинъ, желавшій раздѣлить свою семью, долженъ былъ, заявивъ объ этомъ мірскому обществу, вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ приказъ письменныя свѣдѣнія о составѣ своего семейства, количествѣ владѣемой имъ земли, опись хозяйственныхъ построекъ, хозяйственнаго инвентаря и движимаго имущества, равно какъ свои предположенія о раздѣлѣ всего этого. Приказъ, провѣривъ эти свѣдѣнія и удостовѣрясь въ возможности раздѣла, которая должна была опредѣляться тѣмъ, „чтобы въ главномъ и во вновь отдѣлившемся отъ

него домѣ находилось по крайней мѣрѣ по 2 здоровыхъ и трудолюбивыхъ работника, не моложе 18 и не старѣе 60 лѣтъ, и чтобъ отдѣлившееся семейство надѣлено было всѣмъ нужнымъ къ заведенію особаго хозяйства", долженъ былъ отобрать приговоръ у мірского общества и представить его въ контору. Контора же, если находила раздѣлъ возможнымъ, предлагала его на утвержденіе Департамента, а въ противномъ случаѣ сама отказывала просителямъ. При этомъ, отдѣлившіеся крестьяне до новой ревизіи должны были числиться состоящими въ прежнемъ семействѣ. Но и эти правила Департаментъ считалъ недостаточными, опасаясь, что они поведутъ къ умноженію раздѣловъ, къ путаницѣ въ отбываніи рекрутской повинности и къ ослабленію малолюдныхъ семействъ, путемъ отдачи изъ нихъ работниковъ въ рекруты. Поэтому въ 1829 г. предложенъ былъ на обсужденіе управляющихъ такой вопросъ: не будетъ ли полезнѣе дозволять раздѣлы только такимъ семьямъ, которыя въ теченіе ревизіи отбыли уже рекрутскую очередь и состоятъ еще изъ 8 душъ мужского пола, въ томъ числѣ 4 работниковъ, или лучше опредѣлить для раздѣловъ какой-нибудь одинъ срокъ, напр., время ревизіи съ тѣмъ, чтобы семейства въ указанномъ составѣ могли въ эту пору заявлять о своемъ желаніи раздѣлиться и вносились бы въ ревизскія сказки порознь, тогда какъ во всякое другое время раздѣлы рѣшительно запрещались бы. Громадное большинство управляющихъ высказалось за первый изъ двухъ предложенныхъ способовъ, находя второй слишкомъ стѣснительнымъ для крестьянъ, особенно въ виду отсутствія опредѣленныхъ сроковъ для ревизіи. При этомъ только одинъ тверской управляющій находилъ предположенную норму душъ въ семействѣ, которому дозволялся бы раздѣлъ, слишкомъ высокой и предлагалъ понизить ее, такъ какъ „таковыхъ большихъ семействъ по тверскому имѣнію весьма немного". Остальные или соглашались съ этой нормой, или же совѣтовали возвысить ее, дозволяя раздѣлъ только такимъ семействамъ, въ которыхъ имѣется 6 работниковъ, или такимъ, въ которыхъ кромѣ 4 работниковъ есть подростки 14—17 лѣтъ; иные предлагали считать возрастъ работника не до 60, а до 50 лѣтъ. За рѣдкими исключеніями, управляющіе разсматривали раздѣлы крестьянскихъ семей, какъ зло, противъ котораго необходимо принимать самыя рѣшительныя мѣры. Болѣе свободную практику раздѣловъ предлагали допустить управляющіе орловскій и вологодскій, причемъ послѣдній защищалъ ихъ пользу тѣмъ сообра-

женіемъ, что работы въ большихъ семьяхъ отбываются лѣнивѣе, и что изъ этихъ семей, „имѣя съ избыткомъ работниковъ, отпускаютъ для разныхъ работъ и услугъ въ столицы и прочіе города по паспортамъ, которые, привыкая къ легкимъ по своему произволу работамъ, по возвращеніи въ домы свои дѣлаются неспособными къ землепашеству и, наконецъ, съ испорченною нравственностью, чѣмъ заражаютъ и другихъ своихъ товарищей“. Противоположное мнѣніе наиболѣе рѣзко выразилось въ отзывахъ нижегородскаго, петербургскаго и московскаго управляющихъ. „Раздѣлъ семействъ на разные домы,—писалъ первый,—какъ причина, нерѣдко сопослѣдуемая упадкомъ котораго-либо изъ домовъ новыхъ, долженъ быть рѣшительно воспрещенъ“. „Допускъ раздѣловъ крестьянъ,—читаемъ мы въ мнѣніи второго,—есть допускъ къ ихъ разоренію“. Различная оцѣнка послѣдствій раздѣловъ не мѣшала управляющимъ довольно сходно, хотя и въ различномъ тонѣ, опредѣлять причины, порождавшія частые раздѣлы. „Ссора бабъ, развратное поведеніе нѣкоторыхъ въ семействѣ, или желаніе избѣжанія рекрутства суть по большей части главныя причины раздѣла“,—писалъ петербургскій управляющій. Въ донесеніи Орловской Конторы къ этимъ причинамъ присоединялось еще, что раздѣлъ нерѣдко вызывается смертью старшаго въ семьѣ и споромъ оставшихся членовъ за старшинство, кромѣ того, по указанію той же Конторы, „желаніе каждаго пользоваться независимо отъ другого своею обязанностью трудиться и пріобрѣтать для своего семейства, иногда же избавиться отъ лѣниваго и порочнаго семьянина служитъ также поводомъ къ раздѣламъ“. Большинство управляющихъ соглашалось въ томъ, что раздѣлы, помимо желанія избавиться отъ рекрутчины, чаще всего порождались семейными ссорами, особенно между женщинами, стремленіемъ отдѣльныхъ членовъ семьи къ самостоятельности и, наконецъ, тѣснотою двора для размножившейся семьи. Всѣ эти причины, въ связи съ рѣдкимъ разрѣшеніемъ раздѣловъ, вызывали появленіе раздѣловъ самовольныхъ, засвидѣтельствованное многими изъ управляющихъ. „Не смотря на строгія запрещенія, — говорилось, напр., въ донесеніи пензенскаго управляющаго — раздѣлились многіе крестьяне и, числясь въ одномъ семействѣ, давно уже самовольно живутъ въ раздѣлѣ“. Въ виду этого факта онъ признавалъ необходимымъ установить наказаніе какъ для крестьянъ, самовольно прибѣгавшихъ къ раздѣлу, такъ и для допускавшихъ это сельскихъ властей. Московскій упра-

вляющій предлагалъ за самовольные раздѣлы карать отдачей въ рекруты, а неспособныхъ къ военной службѣ—тѣлеснымъ наказаніемъ; раздѣлившіяся ранѣе семьи онъ совѣтовалъ соединить насильственно, а къ тѣмъ, кто сталъ бы противиться такому соединенію, примѣнять тѣ же кары [14]).

Департаментъ, однако, не согласился на столь строгія мѣры. Еще 26 января 1827 г. состоялось распоряженіе, въ случаѣ обнаруженія самовольныхъ раздѣловъ, наряжать виновниковъ ихъ въ общественныя работы и брать съ нихъ штрафъ въ размѣрѣ 10 р. съ каждой души мужского пола, подобно тому какъ карались самовольныя переселенія, а раздѣлившіяся семьи вновь соединять. Приказнымъ и сельскимъ властямъ за допущеніе раздѣловъ угрожали тѣ же наказанія, что и за допущеніе самовольныхъ переселеній. Во время восьмой ревизіи циркуляромъ 3 ноября 1833 г. было приказано семейства, раздѣлившіяся до предписанія 26 января 1827 г., оставить въ раздѣлѣ, равно какъ оставить на мѣстѣ семьи, раздѣлившіяся послѣ 1827 г., но имѣвшія не менѣе двухъ работниковъ, крестьянъ, перешедшихъ въ семью, гдѣ нѣтъ другого работника, и, наконецъ, всѣхъ пріемышей. Новое осложненіе въ допущеніи раздѣловъ было внесено изданіемъ въ 1831 г. рекрутскаго устава, § 110-й котораго разрѣшалъ раздѣлъ семей только въ томъ случаѣ, если въ каждой изъ нихъ послѣ того будетъ не менѣе трехъ работниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, причемъ это правило, первоначально не всѣми конторами соблюдавшееся, было подтверждено циркуляромъ 27 февраля 1835 г. Другой циркуляръ, изданный 21 октября того же года, устанавливалъ за самовольный раздѣлъ крестьянъ, соединенный съ переселеніемъ, двойной штрафъ съ крестьянъ и старшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, удѣльное управленіе скоро нашло нужнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку крестьянамъ и нѣсколько ослабить регламентацію ихъ семейной жизни. Въ 1842 г. Департаментъ, по представленію Вятской Конторы, разрѣшилъ многолюднымъ крестьянскимъ семьямъ помѣщаться въ двухъ избахъ на одномъ дворѣ „съ тѣмъ только условіемъ, чтобы размѣстившееся такимъ образомъ семейство состояло по прежнему подъ однимъ нумеромъ по ревизскимъ сказкамъ и считалось за одно для отправленія рекрутской и прочихъ повинностей; ибо цѣль запрещенія раздѣловъ состоитъ не въ томъ только, чтобы крестьяне не могли чрезъ это избѣгнуть рекрутской повинности, но и въ томъ, чтобы не уменьшить рабочихъ силъ въ крестьянскихъ семействахъ“.

Это распоряженіе было подтверждено общимъ циркуляромъ Департамента 15 апрѣля 1858 г., причемъ, однако, для такого разселенія семей въ разные дома требовалось согласіе крестьянскаго общества, закрѣпленное мірскимъ приговоромъ [15]).

Такимъ образомъ, удѣльное управленіе прилагало немалыя усилія къ задержанію процесса дробленія крестьянскихъ семействъ; но нельзя сказать, чтобы эти усилія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, хотя они и не оставались, конечно, вполнѣ безрезультатными. Основною причиной направленія заботъ удѣльной администраціи въ данную сторону былъ взглядъ на семейные раздѣлы, какъ на явленіе, приносящее вредъ хозяйству крестьянъ, а слѣдовательно и интересамъ Удѣловъ. Та же точка зрѣнія породила и нѣкоторыя другія ограниченія въ личныхъ правахъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ виду возникавшихъ нерѣдко споровъ между крестьянами, подряженными на работы въ Петербургъ и его окрестности, и ихъ нанимателями, Департаментъ издалъ въ 1823 г. распоряженіе, согласно которому нанимавшіеся на подобныя работы крестьяне, не ограничиваясь словесными договорами съ подрядчиками, должны были чрезъ избраннаго изъ своей среды доводить о заключенныхъ ими условіяхъ до свѣдѣнія Департамента, окончательно уже утверждавшаго ихъ. Это распоряженіе было повторено впослѣдствіи и въ „Сводѣ Удѣльныхъ Постановленій“ [16]). Къ отхожимъ промысламъ крестьянъ удѣльная администрація вообще относилась несочувственно, видя въ нихъ источникъ обѣднѣнія деревенскаго населенія и распространенія среди него заразительныхъ болѣзней. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращалось на работы на судахъ, привлекавшія къ себѣ большое количество крестьянъ изъ приволжскихъ и при-окскихъ имѣній. Въ 1840 г. Департаментъ, „имѣя въ виду, что сей промыселъ, отвлекая крестьянъ отъ домашняго хозяйства, не приноситъ имъ существенныхъ выгодъ и они, какъ извѣстно, возвращаются въ свои дома съ разными заразительными болѣзнями и безъ денегъ“, предписалъ управляющимъ Симбирской, Алатырской, Сызранской, Нижегородской и Костромской Конторами „изыскать способы, какіе по мѣстности представиться могутъ, для отклоненія крестьянъ отъ сихъ вредныхъ занятій, стараясь притомъ всѣми мѣрами обратить ихъ къ хлѣбопашеству“. Черезъ два года Департаментъ прямо запретилъ отпускать въ работы на суда крестьянъ-одиночекъ, а изъ многолюдныхъ семействъ разрѣшилъ отпускать только „по точномъ удостовѣреніи, что въ отсутствіе крестьянъ земляные

участки ихъ будутъ надлежащимъ образомъ воздѣланы и хозяйство не придетъ въ упадокъ"; при этомъ на обязанность управляющихъ, по прежнему, возлагалось пріисканіе для крестьянъ выгодныхъ работъ на мѣстѣ ихъ жительства, которыя могли бы сдѣлать для нихъ ненужными далекія отлучки въ поискахъ за заработкомъ. Изъ той же заботливости о бытѣ крестьянъ исходили запрещенія имъ заниматься нѣкоторыми видами торговли. Такъ, „находя, что занятія крестьянъ должностями сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ и выставкахъ служатъ вообще ко вреду ихъ нравственности, тогда какъ и безъ сихъ занятій довольно имѣется предметовъ промышленности, которые могутъ безъ всякаго вреда способствовать ихъ выгодамъ", Департаментъ рѣшилъ 30 сентября 1844 г. запретить крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія, занимать названныя должности. На первыхъ порахъ, однако, распоряженіе это не вездѣ исполнялось, удѣльные крестьяне мѣстами продолжали служить по откупамъ и Департаменту приходилось нести немалыя издержки при командировкѣ чиновниковъ для разбора возникавшихъ изъ этой службы тяжебъ. Поэтому, 3 ноября 1853 г. Департаментъ повторилъ свое запрещеніе, а 3 августа слѣдующаго года предписалъ на выдаваемыхъ крестьянамъ для отлучки паспортахъ дѣлать надписи, что имъ запрещается вступать въ должности сидѣльцевъ по питейнымъ домамъ и выставкамъ [17]). Тѣми же мотивами вызвано было послѣдовавшее въ 1839 г. на имя Министра Двора Высочайшее повелѣніе, воспретившее крестьянкамъ дворцовыхъ имѣній петербургской и московской губерній поступать въ кормилицы Воспитательнаго Дома и брать оттуда дѣтей на выкормленіе, такъ какъ до свѣдѣнія Государя дошло, что то и другое практикуется очень часто, причемъ „собственныя ихъ дѣти остаются совершенно безъ призора и гибнутъ въ значительномъ числѣ", и Онъ нашелъ „такое обыкновеніе, на корыстныхъ видахъ основанное, противнымъ нравственности и гласу самой природы" [18]).

Такимъ образомъ, хотя личныя отношенія удѣльныхъ крестьянъ были въ значительной степени регламентированы удѣльною администраціею, и крестьянскія права подвергались при этомъ немалымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, но, во всякомъ случаѣ, размѣръ этихъ ограниченій не доходилъ до уровня того безправія, въ которомъ находились по закону и на практикѣ крестьяне помѣщичьи. Удѣльное управленіе, возвышая цифру выкупа до размѣровъ, дѣлавшихъ затруднительнымъ самый выкупъ, распоряжаясь

личностью крестьянина, передвигая его съ мѣста на мѣсто и подвергая наказаніямъ, все же не видѣло въ этой личности только собственности владѣльца имѣнія и признавало за нею извѣстныя права, хотя осуществленіе ихъ и было обставлено стѣснительными для крестьянъ правилами.

Подобнымъ же образомъ складывались отношенія и въ сферѣ имущественныхъ правъ удѣльныхъ крестьянъ. Остановимся сперва на тѣхъ постановленіяхъ, которыми опредѣлялись права крестьянъ по пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ. Именнымъ Указомъ 21 марта 1800 г., послѣдовавшимъ по представленію Департамента, удѣльнымъ крестьянамъ было позволено покупать у частныхъ владѣльцевъ земли съ тѣмъ, чтобы купчія совершались на имя Департамента и купленныя земли приписывались къ тому селенію, въ которомъ считался покупщикъ; пользоваться такою землею могъ только покупщикъ ея, и это постановленіе закона создавало серьезное различіе между удѣльными крестьянами и помѣщичьими, право собственности которыхъ по отношенію къ купленнымъ ими на имя помѣщика землямъ ничѣмъ не было ограждено. Вслѣдъ за изданіемъ этого Указа, были составлены для удѣльныхъ крестьянъ особыя формы купчихъ, которыя и были разосланы отъ Сената гражданскимъ палатамъ, а отъ Департамента удѣльнымъ экспедиціямъ, причемъ послѣднимъ предписывалось, при заявленіи кѣмъ-либо изъ крестьянъ желанія купить землю, наводить справки, свободна ли она отъ другихъ обязательствъ и нѣтъ ли препятствій къ ея покупкѣ, а затѣмъ передавать дѣло на разрѣшеніе Департамента. Въ 1808 г. одинъ частный случай выяснилъ необходимость дальнѣйшей регламентаціи покупки крестьянами земель. Помѣщикъ смоленской губерніи Львовъ продалъ двумъ удѣльнымъ крестьянамъ 80 десятинъ земли за 1200 р. и взялъ съ нихъ деньги впередъ, обязавшись совершить купчую въ условленный срокъ, но когда, по истеченіи этого срока, покупщики явились въ мѣстную палату гражданскаго суда, она отказала имъ въ совершеніи купчей на имѣніе Львова, какъ находившееся подъ запрещеніемъ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ на будущее время, составлены были особыя правила для покупки крестьянами земли, разосланныя управляющимъ конторами 15 декабря 1808 г. Согласно этимъ правиламъ, крестьяне, желавшіе купить землю у частныхъ владѣльцевъ, должны были ограничиться заявленіемъ объ этомъ приказу, не заключая никакого предварительнаго письменнаго условія съ продавцомъ и

не давая ему задатка. Приказъ, по полученіи такого заявленія, записавъ его у себя, передавалъ его въ контору, управляющій которою долженъ былъ, лично справившись на мѣстѣ объ условіяхъ покупки и собравъ свѣдѣнія въ присутственныхъ мѣстахъ, нѣтъ ли препятствій къ продажѣ данной земли, представить дѣло въ Департаментъ, а по полученіи разрѣшенія на покупку отъ Министра сообщить его въ то присутственное мѣсто, которое должно совершить купчую. По выдачѣ послѣдней, съ нея снимались двѣ копіи, изъ которыхъ одна хранилась въ конторѣ, а другая въ приказѣ, и купленная земля записывалась въ описную книгу удѣльныхъ имѣній во владѣніи покупщика, подлинная же купчая пересылалась Министру Удѣловъ и затѣмъ при особомъ свидѣтельствѣ возвращалась покупщику. При объявленіи этихъ правилъ удѣльнымъ крестьянамъ, предписано было вмѣстѣ объявить имъ, что начальство „не оставитъ тѣмъ отдать особой признательности, кои отъ собственныхъ трудовъ избытки свои употребятъ на пріобрѣтеніе себѣ покупкою земель въ наилучшее усовершенствованіе хозяйства и что не только похвальной ихъ благонамѣренности, служащей къ возбужденію и въ другихъ сообитателяхъ, отдана будетъ должная справедливость, но и въ вящее подтвержденіе права ими пріобрѣтенной покупкою земель собственности, на непоколебимое и вѣчное оными потомственное владѣніе даваемо будетъ особенное свидѣтельство“. Указанныя правила, не нарушая правъ собственности крестьянъ, должны были (какъ предписывалось управляющимъ внушать крестьянамъ) единственно облегчить крестьянамъ покупку земли и обезпечить ихъ отъ обмановъ возможныхъ, благодаря незнанію ими законныхъ порядковъ. Время отъ времени, впрочемъ, и впослѣдствіи Департаменту приходилось настаивать на необходимости точныхъ справокъ о продаваемой землѣ до совершенія акта покупки. Такъ, въ 1827 г. онъ обращалъ вниманіе управляющихъ на то, что иногда послѣ совершенія купчихъ возникаютъ споры о купленной крестьянами землѣ, и требовалъ, чтобы конторы собирали болѣе полныя предварительныя справки. Въ томъ же 1827 г. Департаментъ рѣшилъ на будущее время купчія на пріобрѣтаемыя крестьянами земли не возвращать имъ, а хранить въ казначействѣ Департамента, такъ какъ онѣ совершались на имя послѣдняго, покупщикамъ же, въ виду выдававшихся имъ особыхъ свидѣтельствъ, онѣ были совершенно не нужны. Въ виду той долгой процедуры, какая устанавливалась указанными правилами

для покупки земель, крестьяне нерѣдко обходили ихъ и пріобрѣтали землю безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія со стороны начальства; для предотвращенія подобныхъ отступленій отъ правилъ, Департаментъ 11 апрѣля 1828 г. установилъ для такихъ „самовольныхъ покупщиковъ“ штрафъ въ размѣрѣ десяти процентовъ съ покупной суммы. Кромѣ того, Министръ Двора вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, указывая, что уѣздные суды нерѣдко заключаютъ купчія на имя самихъ удѣльныхъ крестьянъ, благодаря чему „земли, купленныя ими, теряются изъ собственности и даже изъ виду Департамента Удѣловъ“, и Сенатъ 28 мая 1828 г. рѣшилъ предписать всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ совершать купчія на землю для удѣльныхъ крестьянъ только съ разрѣшенія ихъ начальства и на имя Департамента.

Однако, пріобрѣтаемыя такимъ путемъ земли продолжали считаться собственностью покупщиковъ, и при введеніи въ удѣльныхъ имѣніяхъ поземельнаго сбора, состоялось 13 іюля 1831 г. спеціальное распоряженіе Департамента не вводить купленной крестьянами земли въ число участковъ по этому сбору и не полагать за нее никакого оброка. Помимо земли въ деревняхъ, удѣльные крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность и въ городахъ: именно, Высочайше утвержденнымъ 23 ноября 1827 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта имъ предоставлено было, наравнѣ съ казенными крестьянами, право пріобрѣтать на свое имя покупкою и строить дома въ городахъ, кромѣ столицъ, подъ условіемъ исправлять общія городскія и общественныя повинности и отбывать натуральныя полицейскія повинности, но безъ права участія въ городской службѣ по выборамъ [19]). Кромѣ этой недвижимой собственности и движимаго имущества, вполнѣ свободно пріобрѣтавшагося крестьянами, въ ихъ владѣніи, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, могли, повидимому, находиться и люди, въ лицѣ пріобрѣтаемыхъ покупкою отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ. 2 августа 1798 г. Московская Экспедиція сообщала Департаменту, что „многіе крестьяне удѣльнаго имѣнія, приходя въ присутствіе, просили словесно, чтобы было имъ позволено покупать у помѣщиковъ людей безъ земли для своихъ работъ и приписывать ихъ въ подушный окладъ къ тѣмъ селеніямъ и дворамъ, изъ которыхъ будутъ ихъ покупщики“. Экспедиція нашла, что „удѣльному имѣнію какъ вообще, такъ и частно можетъ произойти отъ позволенія пользоваться симъ правомъ ощутительная прибыль“, и рѣшила „Департаменту Удѣловъ представить, не благоволитъ

ли въ удовлетвореніе просьбы крестьянъ и пользы, могущей отъ того послѣдовать, сдѣлать позволеніе экспедиціи для удѣльныхъ крестьянъ на ихъ деньги покупать отъ своего имени помѣщичьихъ людей безъ земли законнымъ порядкомъ". Намъ неизвѣстно, впрочемъ, была ли эта просьба удовлетворена Департаментомъ, равно какъ не можемъ мы, за недостаткомъ данныхъ по этому вопросу въ извѣстныхъ намъ источникахъ, сказать и того, совершались ли позже удѣльными крестьянами подобныя покупки крѣпостныхъ для обращенія ихъ въ своихъ домашнихъ работниковъ. Законъ во всякомъ случаѣ не дозволялъ подобныхъ сдѣлокъ [20]).

Обращаясь затѣмъ къ правамъ удѣльныхъ крестьянъ по распоряженію своимъ имуществомъ, мы остановимся прежде всего на возможности отчужденія недвижимаго имущества, какъ она опредѣлялась для нихъ законодательными актами и хозяйственными распоряженіями Департамента. Первоначально въ этой области крестьянской жизни немаловажное мѣсто отводилось сельскому міру. Когда въ 1800 г. Костромская Экспедиція представила Департаменту, что одинъ изъ крестьянъ, „по нерачительности къ хозяйству безъ дозволенія приказа, продалъ лучшее свое строеніе и остался при ветхомъ" и испрашивала „повелѣнія о запрещеніи крестьянамъ продажи строеній своихъ, а особливо въ постороннія руки", Департаментъ предписалъ ей отъ себя объявить по приказамъ, „чтобы крестьяне отнюдь въ постороннія руки не осмѣливались продавать домовъ своихъ; если же которымъ необходимость будетъ продать, хотя и одного селенія крестьянамъ, то и тутъ должно быть крестьянскаго міра на то согласіе" [21]). И позднѣе за крестьянами признавалось право продажи дворовъ или, точнѣе, дворовыхъ построекъ удѣльнымъ же крестьянамъ, но уже не съ согласія міра, а „съ вѣдома мѣстнаго начальства", причемъ строго запрещалось, однако, „дѣлать продажу и уступку дворовыхъ мѣстъ и усадебъ, составляющихъ собственность Удѣловъ и не принадлежащихъ лично крестьянамъ"; покупщикъ дома могъ, по принятымъ правиламъ, только пользоваться усадебнымъ мѣстомъ, но не распоряжаться имъ, какъ своею собственностью [22]). Среди самого крестьянства былъ широко распространенъ взглядъ на обрабатываемую имъ землю, какъ на полную его собственность. Въ 1803 г. ревизоръ Нѣмчиновъ писалъ о крестьянахъ яранскаго округа Вятской Экспедиціи, что они „покупаютъ, продаютъ и закладываютъ земли своихъ тягольныхъ участковъ безъ всякаго позволенія отъ начальства, равно

какъ и на покупку земель и другого недвижимаго имѣнія даже у посторонниxъ попускаются". Много времени спустя, уже въ 1829 г. Министръ Двора, князь Волконскій, однимъ изъ мотивовъ введенія поземельнаго сбора въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ выставлялъ и то, что, благодаря этому сбору, „крестьяне удостовѣрились бы, что земля не есть ихъ собственность, но находится у нихъ, такъ сказать, только въ оброчномъ содержаніи". Иногда осуществленіе такого права собственности на землю со стороны цѣлаго общества отзывалось, благодаря преобладанію на сходѣ болѣе богатыхъ крестьянъ, даже довольно невыгодно на интересахъ бѣднѣйшихъ домохозяевъ. Такъ, въ 1830 г. въ предѣлахъ Костромской Конторы „открылось", говоря словами отчета ея управляющаго, „со стороны крестьянъ самовольное распоряженіе общественною землею, при которомъ бѣдные крестьяне лишаются послѣдняго средства владѣть полнымъ принадлежащимъ имъ участкомъ земли". Именно, общество удѣльныхъ крестьянъ кирсановскихъ пригородныхъ слободъ сдало часть своей общественной земли въ наемъ подъ распашку нѣкоторымъ лицамъ изъ своей же среды, а полученныя за эту сдачу деньги, въ размѣрѣ 616 р. 20 к., были отобраны отъ общества приказомъ и употреблены на платежъ недоимки по оброку съ мельницъ [23]). Въ законодательствѣ, однако, проводился взглядъ на отношеніе удѣльныхъ крестьянъ къ землѣ, прямо противоположный тому, какой былъ свойственъ самому крестьянству. Именной Указъ 25 февраля 1798 г. гласилъ: „имѣнія, Департаменту Удѣловъ принадлежащія, по 5 статьѣ Учрежденія Нашего объ Императорской Фамиліи долженствуютъ состоять на правѣ имѣній владѣльческихъ, а потому земли, мельницы и прочія хозяйственныя заведенія, внутри городовъ и на ихъ окружности находящіяся, Департаменту подвѣдомственныя, повелѣваемъ Мы оставить въ принадлежности ему навсегда ненарушимо". Когда въ 1799 г. алатырскій купецъ П. Воденовъ просилъ Департаментъ оставить за нимъ землю, отданную ему крестьянами д. Кученяева симбирской губерніи въ залогъ съ тѣмъ, чтобы онъ изъ дохода съ нея выручилъ взятыя ими отъ него въ долгъ деньги, Департаментъ, указомъ отъ 28 іюня, предписалъ всѣмъ экспедиціямъ, чтобы „онѣ пользованія землями крестьянскими подъ видомъ залога ни въ какомъ случаѣ не терпѣли, ибо крестьяне земель въ собственности имѣть не могутъ". Экспедиціи должны были въ свою очередь предписать приказамъ неослабно смотрѣть за крестьянами,

чтобы тѣ „доставшихся имъ на участокъ земель, какъ не принадлежащихъ къ собственности ихъ, ни подъ какимъ видомъ въ залогъ никому не отдавали". Въ слѣдующемъ году до свѣдѣнія Департамента было доведено, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ крестьянъ, не испрашивая разрѣшенія начальства, заключаютъ условія на сдачу находящейся въ ихъ пользованіи земли подъ разныя постройки и заведенія съ посторонними лицами. Основываясь на томъ, что по силѣ „Учрежденія" 1797 г. „Департаментъ Удѣловъ распоряжать долженъ ввѣреннымъ имѣніемъ на правѣ помѣщика или владѣльца, слѣдственно, безъ дозволенія и утвержденія его таковыя и подобныя условія, коими крестьяне удѣльные предоставляютъ право кому-либо владѣть ихъ землями или строить на оныхъ, изъ платежа въ пользу свою оброка, не должны быть производимы",—Департаментъ указомъ 12 апрѣля 1800 г. поставилъ всѣ подобныя сдѣлки подъ свой контроль, обязавъ экспедиціи справляться по донесеніямъ приказовъ о всѣхъ условіяхъ сдѣлки и сообщать свое мнѣніе, „какая можетъ отъ того послѣдовать казнѣ удѣльной и крестьянамъ польза" [24]).

Не имѣя права отчуждать свои тягловые участки, удѣльные крестьяне сохраняли это право по отношенію къ вновь пріобрѣтаемымъ ими покупкою землямъ, хотя и съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Въ 1828 г. управляющій Нижегородскою Конторой возбудилъ вопросъ, могутъ ли крестьяне продавать купленныя ими земли. Департаментъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что „съ предоставленіемъ удѣльнымъ крестьянамъ права пріобрѣтать земли въ свою собственность соединено и право распоряженія оными, сообразно общимъ узаконеніямъ", и потому въ циркулярѣ 3 октября 1828 г., съ утвержденія Министра, „постановилъ правиломъ, что удѣльные крестьяне могутъ пріобрѣтенныя ими земли продавать удѣльнымъ же токмо крестьянамъ одной съ ними волости или приказа". Это ограниченіе сохранилось и впослѣдствіи. 16 января 1835 г. было предписано даже въ свидѣтельствахъ на владѣніе землею выдававшихся Департаментомъ крестьянамъ—покупщикамъ земли,—„для большей ясности всегда излагать, что продажа и всякаго рода уступка покупаемыхъ удѣльными крестьянами земель дозволяется токмо удѣльнымъ же крестьянамъ, но отнюдь не лицамъ посторонняго вѣдомства". Въ предписаніи Департамента нижегородскому управляющему 15 февраля 1841 г. установленъ былъ и порядокъ совершенія такой продажи: условіе продавца съ покупателемъ, по засвидѣтельствованіи въ приказѣ, должно

было доставляться въ Департаментъ вмѣстѣ съ свидѣтельствующимъ принадлежность данной земли продавцу мірскимъ приговоромъ того села, къ которому продавецъ принадлежалъ. Въ томъ же году было разъяснено, что ограниченіе 1828 г. установлено для того, „дабы избѣгнуть черезполосности владѣнія: ибо удѣльные крестьяне покупаютъ большею частью такія земли, которыя лежатъ внутри удѣльныхъ дачъ"; поэтому циркуляръ 28 мая 1841 г. извѣщалъ управляющихъ конторами, что если, при желаніи кого-либо изъ крестьянъ продать купленную имъ ранѣе на собственныя деньги землю, не найдется на нее покупщика въ средѣ удѣльныхъ крестьянъ, „то оная будетъ пріобрѣтена въ общій составъ удѣльныхъ имуществъ" [25]).

Не имѣя права отчуждать землю, принадлежавшую къ удѣльнымъ селеніямъ, крестьяне сдавали, однакоже, ее иногда во временное оброчное содержаніе. Правда, „Учрежденіе" 1797 г. воспрещало такую сдачу постороннимъ, но въ дѣйствительности условія на сдачу въ оброкъ отдѣльными крестьянами съ согласія міра и цѣлыми сельскими обществами неудобной для хлѣбопашества земли подъ жилыя и хозяйственныя строенія, кирпичные заводы, фабрики и т. п. практиковались довольно часто и утверждались удѣльнымъ начальствомъ. 20 августа 1825 г. Департаментъ вновь предписалъ, чтобы подобныя условія заключались лишь по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ конторами и съ утвержденія Департамента. Вскорѣ были выработаны для нихъ и болѣе обстоятельныя правила. Циркуляръ 13 іюня 1827 г. установилъ эти правила въ слѣдующемъ видѣ: крестьяне могли отдавать находившіяся въ ихъ владѣніи земли въ наемъ не болѣе какъ на 4 года,—срокъ, установленный для контрактовъ сенатскимъ указомъ 30 іюня 1824 г.; условія должны были подписываться обѣими договаривающимися сторонами и быть явлены, гдѣ слѣдуетъ; на сдаваемой землѣ не должна была допускаться постройка каменныхъ зданій, а въ самыхъ условіяхъ не разрѣшалось помѣщать оговорку, что по истеченіи срока условія оно будетъ возобновлено съ тѣмъ же лицомъ, а „напротивъ того, въ каждомъ изъ таковыхъ условій должно быть со стороны удѣльныхъ крестьянъ постановлено, что земли, отдаваемыя ими въ наемъ, не составляя ихъ собственности, по первому востребованію начальства, должны быть нанимающими немедленно отданы въ его распоряженіе". Когда въ слѣдующемъ году было представлено Департаменту на утвержденіе условіе на сдачу въ

наемъ 32 десят. земли крестьянами с. Измайлова, вѣдомства Московской Конторы, купцу Колкунову, причемъ въ этомъ условіи послѣдняя указанная статья была выражена словами, что земля будетъ возвращена, „если она потребуется не въ частныя руки, а для какихъ ни на есть казенныхъ употребленій", Департаментъ потребовалъ замѣны такой редакціи точными словами своего циркуляра, настаивая, что земля должна быть возвращена нанимателемъ и въ томъ случаѣ, еслибы начальство потребовало ее для передачи въ частныя руки.

Вообще Департаментъ относился къ сдачѣ крестьянами земли въ наемъ не особенно сочувственно. Въ 1827 г. ему было представлено изъ Московской Конторы на утвержденіе условіе крестьянъ с. Измайлова съ московской мѣщанкой Миловановой на сдачу ей 3 дес. 917 саж. земли подъ кирпичные сараи на 4 года, за плату 200 р. въ годъ. Не смотря на то, что это условіе составлено было согласно съ правилами, Департаментъ не утвердилъ его, но, „видя изъ свѣдѣній о крестьянахъ с. Измайлова, что они имѣютъ одной удобной для хлѣбопашества земли значительное количество (около 6 десятинъ на душу) и соображая, что по смежности съ Москвою могутъ сбывать свои произведенія съ гораздо большею выгодою, нежели другіе, между тѣмъ какъ платятъ оброкъ наравнѣ съ прочими", находилъ несправедливымъ отдавать въ ихъ распоряженіе еще и неудобную землю, сдаваемую ими внаймы, тѣмъ болѣе, что она послѣ кирпичныхъ заводовъ сдѣлается негодной ни къ какому другому употребленію. Въ виду этого Департаментъ запрашивалъ мнѣнія управляющаго, не слѣдуетъ ли, какъ въ Измайловѣ, такъ и въ другихъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне отдаютъ земли въ наемъ, отмежевать имъ годную для хлѣбопашества, сѣнокоса и выгона землю, а остальную, сдаваемую въ аренду, принять въ распоряженіе удѣльной конторы. Въ слѣдующемъ же году Департаментъ распорядился обратить 10 участковъ земли, сдававшихся измайловскими крестьянами,—въ удѣльныя оброчныя статьи, и съемщикамъ ихъ было предложено платить до истеченія срока заключенныхъ съ ними контрактовъ арендныя деньги уже не крестьянамъ, а удѣльному управленію. Что же касается сдачи удобной земли, то она безусловно воспрещалась и, когда, напр. въ 1834 г., Воронежская Контора сообщила, что нѣкоторые изъ крестьянъ тамошняго имѣнія, вопреки „Учрежденію" 1797 г. и неоднократно объявлявшемуся имъ на сходкахъ запрещенію, не обработываютъ

земли сами, а сдаютъ ее въ наемъ, Департаментъ приказалъ „упомянутыхъ крестьянъ, за нерадѣніе и неповиновеніе начальству, наказать при мірской сходкѣ розгами и отдать на мѣсяцъ въ смирительный домъ на собственномъ ихъ содержаніи“; во избѣжаніе другихъ подобныхъ случаевъ, объ этомъ наказаніи велѣно объявить по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ, съ прибавленіемъ, что если кто изъ крестьянъ, „по неимѣнію скота или другимъ уважительнымъ причинамъ, не въ состояніи будетъ обработывать своего участка, таковому дѣлать необходимое пособіе со стороны мірского общества“ [26]).

Въ отношеніи купленныхъ крестьянами земель установлены были нѣкоторыя ограниченія для пользованія лѣсомъ съ этихъ земель. Циркуляръ Департамента 16 іюня 1837 г. опредѣлялъ, что изъ своихъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, лѣсныхъ дачъ крестьяне могутъ пользоваться для домашняго употребленія ежегодно лишь опредѣленнымъ количествомъ лѣсныхъ продуктовъ, на продажу же могутъ рубить лѣсъ только тамъ, гдѣ „пространство крестьянскихъ лѣсовъ дозволитъ отдѣлить часть оныхъ, безъ оскудѣнія дачъ, въ продажу“, и то каждый разъ съ особаго разрѣшенія Департамента, по представленію конторы. По другому предписанію того же года, собственнымъ крестьянскимъ лѣсамъ, подобно удѣльнымъ, должно было быть составлено статистическое описаніе и ихъ также приказывалось, „въ предохраненіе отъ истребленія безпорядочною рубкою“, раздѣлить на лѣсосѣки [27]).

Пользованіе землями, не составлявшими собственности крестьянъ и крестьянское на этихъ земляхъ хозяйство находились, какъ видно изъ предшествующихъ главъ, всегда подъ контролемъ Департамента Удѣловъ, который заботился даже о томъ, чтобы у крестьянъ хватало по возможности своего зерна для обсѣмененія полей и въ годы неурожайные, какъ напр. въ 1841 г., мірскимъ обществамъ предписывалось съ осени отбирать у неблагонадежныхъ крестьянъ часть ярового хлѣба необходимую для засѣва ихъ полей весною [28]).

Такая опека удѣльной администраціи простиралась и на долговыя обязательства крестьянъ, для обереганія ихъ отъ разорительныхъ займовъ. Эти сдѣлки, какъ сказано выше въ главѣ VII, поставлены были подъ контроль мѣстныхъ удѣльныхъ властей. Подобнымъ же образомъ, хотя удѣльные крестьяне имѣли право вступать въ казенные подряды, но контракты на эти подряды

составлялись подъ наблюденіемъ командированныхъ отъ конторъ удѣльныхъ стряпчихъ; конторы же должны были слѣдить и за контрактами крестьянъ съ частными лицами, не допуская помѣщенія въ такихъ контрактахъ невыгодныхъ для крестьянъ условій [29]).

Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о положеніи и правахъ удѣльныхъ крестьянъ на судѣ. Первоначально удѣльные крестьяне во всѣхъ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, между собою и съ лицами другихъ вѣдомствъ и сословій, были подчинены общимъ судамъ имперіи. „Учрежденіе“ 1797 г., предписывая приказнымъ старостамъ „въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять“, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывало ихъ, „въ случаѣ несогласия или неудовольствія, предоставлять крестьянамъ волю развѣдываться въ судахъ“. Впрочемъ, на первыхъ же порахъ существованія удѣльнаго управленія при искахъ частныхъ лицъ установлено было, въ охраненіе крестьянскихъ интересовъ, и нѣкоторое участіе въ судебной процедурѣ удѣльной администраціи. Поводомъ къ этому послужило одно судебное дѣло 1802 г., а именно—состоявшееся безъ сношенія съ удѣльнымъ управленіемъ—рѣшеніе новгородскаго земскаго суда по земельному иску гр. Дебальменъ на крестьянъ д. Перелѣска; рѣшеніе это, постановленное противъ крестьянъ, вызвало съ ихъ стороны сопротивленіе земскому суду, при исполненіи имъ рѣшенія, и породило новое дѣло. Департаментъ Удѣловъ по поводу этого дѣла, ссылаясь на указъ 7 февраля 1774 г. *), просилъ Сенатъ предписать губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они, при поступленіи къ нимъ жалобъ на удѣльныхъ крестьянъ, не разбирая этихъ жалобъ, давали знать о нихъ предварительно удѣльнымъ экспедиціямъ и ожидали отъ послѣднихъ депутатовъ, и Сенатъ въ указѣ своемъ отъ 15 ноября 1803 г. исполнилъ эту просьбу, предписавъ соблюдать такой порядокъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ „важнѣйшихъ и нимало не терпящихъ времени уголовныхъ преступленій“ и возложивъ роль стряпчихъ на учрежденныхъ при экспедиціяхъ, по Высочайше конфирмованному 28 апрѣля 1800 г. докладу Департамента, удѣльныхъ повѣренныхъ. Въ 1806 г. Департаментъ

*) Второй пунктъ этого указа гласилъ: „когда кто посторонній на дворцовое село, деревню, волость или на одного крестьянина бить челомъ будетъ, тогда присутственному мѣсту, въ которое подается челобитная, требовать письменно повѣреннаго стряпчаго по тому дѣлу отъ вѣдомства, въ коемъ они состоятъ, которое безъ малѣйшаго промедленія и представить онаго должно“.

обратился къ Правительствующему Сенату съ ходатайствомъ, чтобы губернскіе суды, при постановленіи приговоровъ объ удѣльныхъ крестьянахъ по уголовнымъ дѣламъ, ранѣе приведенія ихъ въ исполненіе сообщали экспедиціямъ; Сенатъ разъяснилъ, однакоже, что удѣльные повѣренные и безъ того могутъ слѣдить за дѣлами крестьянъ въ губернскихъ судахъ и аппелировать отъ послѣднихъ въ Сенатъ. Удѣльные крестьяне иногда пытались перенести свои дѣла прямо на рѣшеніе Государя; такъ, въ 1800 г., крестьянинъ с. Борисова, московской губерніи, Дм. Степановъ заявилъ мѣстной экспедиціи, что онъ по спорному съ гр. Ал. Орловымъ-Чесменскимъ дѣлу о пустоши Заводье послалъ по почтѣ прошеніе на Высочайшее Имя, „но какого оно содержанія, того не объявитъ"; Департаментъ приказалъ предать Степанова „за ослушаніе повелѣній начальства сужденію по законамъ" и распорядился объявить „всѣмъ вѣдомства своего крестьянамъ, чтобы они отнюдь не осмѣливались дѣлать подобнаго".

Равнымъ образомъ воспрещалось крестьянамъ посылать отъ себя мірскихъ ходоковъ по судамъ. Когда въ 1804 г. до свѣдѣнія Департамента дошло объ отправленіи такого ходока въ Петербургъ крестьянами деревень Шульдихи и Толстика, вѣдомства Вятской Экспедиціи, по спору ихъ о земляхъ съ приказчиками демидовскихъ заводовъ и о сборѣ для этого ходока 400 р. денегъ, то Департаментъ приказалъ экспедиціямъ объявить „съ подписками приказнымъ выборнымъ и прочимъ должностнымъ крестьянамъ, чтобы они отнюдь не осмѣливались давать подобныя дозволенія и довѣренности крестьянамъ на хожденіе по дѣламъ ихъ, а кольми паче собирать на таковые случаи деньги"; крестьяне должны были просить ходатайства за нихъ экспедицій, а въ случаѣ, еслибы отъ нихъ не получили законнаго удовлетворенія, обращаться съ просьбами своими въ Департаментъ „безъ личнаго пріѣзда въ С.-Петербургъ повѣренныхъ, которые долговременнымъ волокитствомъ своимъ отягощаютъ крестьянскій міръ" [30]).

Согласно „Положенію Департамента Удѣловъ" 1808 г., всѣ дѣла удѣльныхъ крестьянъ между собою должны были разбираться исключительно удѣльной администраціей; слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ производились земской полиціей въ присутствіи удѣльнаго стряпчаго, его помощника, или спеціально командированнаго отъ конторы чиновника; удѣльный же стряпчій наблюдалъ за производствомъ этихъ дѣлъ въ судебномъ порядкѣ и охранялъ инте-

ресы крестьянъ; наконецъ, въ гражданскихъ дѣлахъ удѣльныхъ крестьянъ съ посторонними лицами первые отвѣчали передъ общими судами, но веденіе дѣла съ ихъ стороны принадлежало удѣльному стряпчему; избирать и нанимать частныхъ повѣренныхъ имъ запрещалось. Въ данной отъ Министра инструкціи управляющимъ конторами имъ предписывалось „внушить поселянамъ, что отселѣ они не имѣютъ никакой нужды ходить сами по судамъ и терять на сіе время, нужное для работъ и хозяйства, но во всякомъ случаѣ, гдѣ только что коснуться до суда можетъ, будутъ сохраняемы и защищаемы начальствомъ". За крестьянами оставлена была, впрочемъ, нѣкоторая возможность и самимъ слѣдить за ходомъ ихъ дѣлъ въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Когда отъ нѣсколькихъ крестьянъ поступили письменныя просьбы къ Министру Удѣловъ о доставленіи имъ свѣдѣній о положеніи производившихся въ Сенатѣ тяжебъ ихъ съ частными владѣльцами и казенными крестьянами, Министръ, какъ писалъ онъ въ циркулярѣ управляющимъ 8 марта 1809 г., „принимая таковыя прошенія знакомъ довѣренности ихъ ко мнѣ, весьма для меня пріятной, и почитая, что незнаніе о положеніи дѣлъ, изъ коихъ иныя съ давняго времени производятся, должно быть для нихъ тягостно", далъ разрѣшеніе на такія просьбы съ тѣмъ только, чтобы онѣ поступали къ нему не прямо отъ крестьянъ и не отъ повѣренныхъ ихъ, запрещенныхъ „Положеніемъ" 1808 г., а черезъ сельскіе приказы. Циркуляръ Департамента отъ 30 октября 1824 г. установилъ еще одну важную подробность собственно удѣльнаго суда: лица постороннихъ вѣдомствъ, обращавшіяся къ удѣльному управленію съ жалобами на крестьянъ за неисполненіе ими принятыхъ на себя обязательствъ, должны были предъявлять свои иски въ тѣхъ именно конторахъ, которымъ были подвѣдомы отвѣтчики, такъ какъ Департаментъ призналъ, что „никакое посредство одной удѣльной конторы съ другою въ искахъ постороннихъ людей, на удѣльныхъ крестьянъ предъявляемыхъ, неумѣстно" [31]).

Не смотря, однако, на неоднократно повторявшіяся запрещенія крестьянамъ посылать отъ себя повѣренныхъ, лично подавать жалобы Министру, Государю, Особамъ Императорской Фамиліи и „постороннему начальству", не смотря на частыя приказанія направлять жалобы къ управляющимъ конторами или „прямо къ Министру Удѣловъ чрезъ почту", не смотря, наконецъ, на нерѣдко осуществлявшіяся угрозы строгаго наказанія

за отступленія отъ этого порядка жалобъ, крестьянскіе ходоки періодически являлись въ Петербургѣ, Москвѣ и даже Варшавѣ, пока тамъ жилъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, и находили возможность подать свои жалобы Государю или кому-либо изъ Членовъ Царской Семьи, не оставляя при случаѣ обращаться и къ „постороннему начальству". Бывали даже случаи, когда удѣльное управленіе находило возможнымъ само пользоваться услугами этихъ запрещенныхъ крестьянскихъ ходоковъ. Напримѣръ, въ 1822 г. повѣренный отъ селъ Старой и Новой Федоровки (спасскаго приказа Пензенской Конторы) крестьянинъ Ив. Степановъ, явясь въ Петербургъ, лично подалъ Министру Удѣловъ прошеніе по дѣлу о землѣ, за которую шелъ споръ у крестьянъ названныхъ селеній съ помѣщичьими крестьянами сельца Мельцанъ. По этому поводу Департаментъ предписалъ управляющимъ объявить крестьянамъ, „что буде и за симъ они осмѣлятся отлучаться изъ своихъ селеній для подачи прошеній, хожденія по дѣламъ и полученія справокъ, то какъ они, такъ и тѣ, кои избирать ихъ къ тому будутъ, подвергнутъ себя неминуемому взысканію, какъ ослушники установленной надъ ними власти и всякой, являющій въ Петербургъ съ просьбою, обратится въ селеніе подъ присмотромъ". На этотъ разъ, однако, Степановъ и его довѣрители наказаны не были, такъ какъ управляющій конторою не доставилъ по данному дѣлу никакихъ свѣдѣній, а необходимыя свѣдѣнія были представлены Департаменту именно Степановымъ [32]). Такія частныя исключенія не колебали, однако же, общихъ основъ установившагося порядка, который и продержался до коренной реформы быта удѣльныхъ крестьянъ.

Нѣсколько иначе былъ установленъ порядокъ судебнаго разбирательства для лашманъ, однодворцевъ и другихъ казенныхъ крестьянъ симбирской губерніи, переданныхъ въ концѣ 30-хъ годовъ въ удѣльное управленіе, но сохранившихъ свои личныя и имущественныя права. Министръ Двора въ 1837 г. предложилъ временному совѣту для управленія Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ постановить, чтобы, въ случаѣ споровъ между этими крестьянами объ ихъ общественныхъ земляхъ и угодьяхъ, данныхъ имъ въ надѣлъ отъ казны, эти споры разбирались порядкомъ, установленнымъ для тяжебъ удѣльныхъ крестьянъ между собою, а тяжбы ихъ о личныхъ обидахъ и о собственномъ имуществѣ ихъ разбирать добросовѣстнымъ и сельскимъ приказамъ „съ тѣмъ, что если спорящіе не будутъ согласны на примиреніе

и останутся недовольны приговоромъ сельскаго приказа, въ такомъ случаѣ предоставить имъ вѣдаться въ судебныхъ мѣстахъ безъ всякаго уже вліянія на сіи дѣла со стороны удѣльнаго начальства". Принятое временнымъ совѣтомъ это предложеніе 22 мая 1837 г. получило и Высочайшее утвержденіе, и затѣмъ такой порядокъ по рѣшенію этихъ дѣлъ просуществовалъ до 1858 г. [33]).

Примѣчанія.

1) Архивъ Гл. Управленія Удѣловъ, *дѣла правителя канцеляріи по письмоводству*, св. 7, № 177, лл. 1, 7 и 66—9; *1 отдѣл., 2 стола*, св. 17, № 772, лл. 1—3, 17, 30—31; Именныя повелѣнія, отъ 22 окт. 1798 г.

2) Тамже, *1 отдѣл., 2 стола*, св. 17, № 772, лл. 59—60, 83, 98—100, 104—6, 142—4; 157—8, 181—2; Именныя повелѣнія, отъ 2 апр. 1812 г.; тамже, отъ 6 марта 1824 г. и дѣла *1 отд., 2 ст.* св. 17, № 762; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 425 и слѣд.

3) Тамже, Именныя повелѣнія, отъ 4 дек. 1826 г. и дѣла *1 отд., 2 ст.*, св. 18, № 784.

4) Тамже, *1 отд., 2 ст.*, св. 17, № 781; Сводъ Удѣльныхъ Постановленій, ч. III, ст. 91, примѣчаніе; архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 19, № 532, л. 50.

5) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 14, 45, 62, 63—4, 170—1.

6) Тамже, *1 отд., 2 ст.*, св. 16, № 733, лл. 1—2, 13—15 и 11—12.

7) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 325 и 660; № 529, л. 511; св. 19, № 532, л. 228; св. 54, № 2245, л. 16.

8) Тамже, Именныя повелѣнія, отъ 28 апр. 1802 г. и 17 авг. 1803 г.; дѣла *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 73—4, 84 и 558; № 530, л. 194. Помимо того, бывали случаи увольненія удѣльныхъ крестьянъ по спеціальному Высочайшему разрѣшенію въ учебное званіе; такъ напр., въ 1826 г. получилъ Высочайшее утвержденіе докладъ Министра объ увольненіи крестьянина с. Зернова (берестовскаго приказа Орловской Конторы) въ учителя музыкальнаго класса въ елецкое уѣздное училище. Именныя повелѣнія, отъ 4 сент. 1826 г.

9) Тамже, *дѣла по части правителя канцеляріи по письмоводству* св. 8, № 195; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 155—6 и 246; *1 отд., 2 ст.*, св. 17, № 737.

10) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 430, 451, 518 и 664; № 529, л. 179; отчеты вологодскаго управляющаго за 1828 г. и пензенскаго за 1833 г. о прекращеніи безпорядковъ; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 529, л. 581; № 530, л. 238.

11) Тамже, *дѣла правителя канцеляріи по письмоводству* св. 8, № 205.

12) Тамже, св. 8, № 195; *2 отд., 1 ст.*, св. 10, № 322.

13) Тамже, св. 10, № 323.

14) Тамже, *1 отд., 2 ст.*, св. 18, №№ 786 и 787.

15) Сводъ Уд. Пост., ч. III, ст. 70 и 71; архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 529, л. 581; № 530, л. 155; Сводъ Уд. Пост., ч. III, ст. 72; архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 19, № 532, л. 298; св. 54, № 2245, л. 24.

16) Тамже, Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 372; Сводъ Уд. Пост., ч. I, ст. 402.

17) Архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 19, № 531, л. 454—5; № 532, л. 338; св. 52, № 2230, лл. 5, 60 и 67.

18) Тамже, св. 19, № 531, л. 154; Сводъ Уд. Пост., ч. III, ст. 510—511, 526—7, 531.

19) Архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, лл. 46, 144, 458, 540, 594 и 612; № 529, л. 323; № 528, л. 543.

20) Тамже, *дѣла по части правителя канцеляріи по письмоводству*, св. 9, № 237.

21) Тамже, св. 8, № 200, л. 4.

22) См. циркуляры Департамента отъ 17 іюня 1841 г. и 20 окт. 1842 г., тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 19, № 532, лл. 113 и 407.

23) Тамже, *дѣла по части правителя канцеляріи по письмоводству*, св. 8, № 195; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 529, л. 63; отчетъ тамбовскаго управляющаго за 1830 г. о замѣченныхъ безпорядкахъ.

24) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 13; *дѣла правителя канцеляріи* св. 22, № 810, л. 2; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, указъ Департамента отъ 12 апр. 1800 г.

25) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 668; № 530, л. 129; св. 19, № 532, лл. 28 и 90.

26) „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“ 5 апр. 1797 г., § 117, п. 9; архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 494; *2 отд., 4 ст.*, св. 28, № 1131, лл. 68 и 77, 109 и слѣд. и 143 и сл.; *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 530, л. 60.

27) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 530, лл. 553 и 569.

28) Тамже, св. 19, № 532, лл. 128, 172.

29) Тамже, св. 18, № 528, лл. 411, 425 и сл.; св. 19, № 532, л. 291; св. 52, № 2230, л. 45; св. 19, № 531, лл. 494 и 526.

30) „Учрежденіе“ 5 апр. 1797 г., § 182; архивъ Гл. Упр. Уд., *3 отд., 1 ст.*, св. 5, № 70; тамже, №№ 72, 68 и 61.

31) „Положеніе Департамента Удѣловъ“ 15 мая 1808 г., §§ 161—170, 171—179; архивъ Гл. Упр. Уд., *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 528, л. 126 и сл., инструкція управляющимъ конторами, § 22, тамже, л. 179, лл. 399—400.

32) См. предписанія Департамента указаннаго содержанія, тамже, св. 18, № 528, л. 366; № 529, л. 10; *3 отд., 1 ст.*, св. 4, № 45, лл. 40—41; о дѣлѣ Степанова—св. 18, № 528, л. 337—9.

33) Тамже, *2 отд., 5 ст.*, св. 18, № 530, л. 527; св. 51, № 2226, л. 175; Сводъ Уд. Пост., ч. I, ст. 429—30.

Глава XIII.

Удѣльные крестьяне, какъ защитники родины.—Стрѣлковые батальоны и стрѣлковый полкъ изъ удѣльныхъ крестьянъ.

Настоящій историческій очеркъ объ управленіи удѣльными крестьянами будетъ неполонъ, если не сказать хотя бы кратко о тѣхъ особыхъ случаяхъ, когда на удѣльное вѣдомство возлагалась высшею властью обязанность формировать изъ подвѣдомственныхъ Удѣламъ крестьянъ особые отряды для содѣйствія войскамъ, оборонявшимъ отечество отъ непріятеля.

За періодъ, предшествовавшій крестьянской реформѣ, когда въ завѣдываніи Департамента Удѣловъ находилась значительная часть сельскаго населенія, удѣльному вѣдомству приходилось два раза выполнять такія особыя порученія и составлять изъ подчиненныхъ ему крестьянъ дополнительныя воинскія части, въ помощь дѣйствующей арміи, во время войнъ, требовавшихъ особаго напряженія силъ для отраженія внѣшнихъ враговъ.

Первымъ случаемъ такого рода было сформированіе въ 1812 году особаго батальона изъ крестьянъ удѣла Великой Княгини Екатерины Павловны. При вступленіи въ 1809 г. Ея Высочества въ бракъ съ Принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, по Высочайшему повелѣнію выдѣлено было Великой Княгинѣ изъ общаго состава удѣльныхъ имѣній извѣстное количество селъ и деревень, составившихъ особый удѣлъ Ея Высочества, доходами съ котораго Она должна была пользоваться *). Во время отечественной войны 1812 года Великая Княгиня и испросила, у Государя Императора дозволеніе образовать изъ крестьянъ своего удѣла особый батальонъ, въ помощь дѣйствующимъ войскамъ; Ея Высочество приняла при этомъ на свой счетъ всѣ расходы по обмундирова-

*) Это былъ за все время существованія удѣльнаго вѣдомства единственный случай предоставленія части удѣльныхъ земель въ исключительное пользованіе отдѣльнаго Лица Императорской Фамиліи.

нію и вооруженію батальона и содержаніе его въ теченіе всего военнаго времени, самое же выполненіе этой операціи возложено было на Департаментъ Удѣловъ.

Формированіе батальона было сдѣлано на слѣдующихъ основаніяхъ. Съ всѣхъ имѣній, входившихъ въ составъ удѣла Ея Высочества, было взято по одному человѣку со ста ревизскихъ душъ, причемъ предпочтительно принимались тѣ, которые по усердію къ вѣрѣ и отечеству сами пожелали вступить въ ряды батальона, а затѣмъ недостающее число назначено было брать изъ семей, на которыя падала рекрутская очередь. По пріемѣ, рекруты изъ всѣхъ селеній направлялись въ г. Тверь, гдѣ ихъ сдавали особому, назначенному для ихъ пріема, чиновнику и затѣмъ тамъ же производилась обмундировка и вооруженіе ратниковъ. Хотя служба въ батальонѣ считалась временною и онъ по окончаніи воинскихъ дѣйствій долженъ былъ быть распущенъ, но Великая Княгиня освободила всѣхъ поступившихъ въ батальонъ отъ платежа государственныхъ повинностей и оброчныхъ денегъ на всю жизнь и приняла эти платежи на свой счетъ. Кромѣ того семьямъ, изъ которыхъ поступили ратники, это было зачтено въ счетъ при слѣдующихъ государственныхъ наборахъ.

Въ батальонъ, начальникомъ котораго назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, поступило 712 человѣкъ, а затѣмъ въ концѣ 1812 года, съ Высочайшаго соизволенія, причислены къ составу батальона еще 222 человѣка, набранныхъ въ рекруты изъ имѣній удѣла Великой Княгини во время происходившаго тогда общаго набора. Изъ этого дополнительнаго числа людей образована была при батальонѣ резервная рота.

Батальонъ Великой Княгини Екатерины Павловны принималъ участіе въ отраженіи непріятелей изъ предѣловъ Россіи, несъ военную службу въ 1813 и 1814 годахъ и былъ расформированъ въ Декабрѣ 1814 года. Къ этому времени изъ общаго числа 712 человѣкъ, въ него поступившихъ, убыло въ теченіе кампаніи 294 человѣка и оставалось на лицо 418 человѣкъ, которые и были распущены по домамъ.

Въ 1854 году, во время разгара восточной войны, когда борьба съ соединившимися противъ Россіи Франціею, Англіею и

Турціею требовала особаго напряженія всѣхъ силъ государства, Члены Императорской Фамиліи выразили передъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ желаніе о сформированіи особаго полка изъ удѣльныхъ крестьянъ.

Просьбу эту Государь Императоръ призналъ возможнымъ исполнить и, разрѣшивъ образовать изъ удѣльныхъ крестьянъ особый полкъ, подъ наименованіемъ Стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи, исполненіе этого дѣла возложилъ на тогдашняго Министра Удѣловъ графа Перовскаго слѣдующимъ рескриптомъ, даннымъ 25 Октября 1854 года:

„Графъ Левъ Алексѣевичъ!

„При угрожающей любезному отечеству Нашему опасности отъ замысловъ враговъ, Мы находимъ отраднымъ сердцу Нашему ревностное всѣхъ сословій стремленіе споспѣшествовать защитѣ землѣ русской. Для сей же священной цѣли Мы соизволяемъ, согласно желанію Императорскаго Семейства Нашего, чтобы Оно, на время войны, поставило, изъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній, стрѣлковый полкъ на основаніяхъ, въ прилагаемомъ положеніи изъясненныхъ. Издревле православный русскій народъ славится привязанностью къ вѣрѣ, преданностью Царю и любовію къ отечеству. Вызывая чрезъ васъ удѣльныхъ крестьянъ Нашихъ на защиту святой Руси, Мы даемъ имъ случай на ряду съ храбрыми Нашими войсками выказать старинную русскую доблесть. Образованіе Стрѣлковаго полка Мы возлагаемъ на васъ и остаемся въ полной увѣренности, что порученіе сіе будетъ исполнено съ желаемымъ успѣхомъ“.

По Высочайше утвержденному тогда же Положенію о сформированіи Стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи установлены были слѣдующія главныя для сего основанія:

Полкъ долженъ быть сформированъ только на время происходившей тогда войны изъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній. Набирать въ него предполагалось преимущественно крестьянъ новгородской, архангельской и вологодской губерній „гдѣ есть много искусныхъ стрѣлковъ, занимающихся звѣринымъ промысломъ“. Дозволялось принимать въ полкъ людей и другихъ свободныхъ состояній, если они не находятся на рекрутской очереди и докажутъ свою ловкость въ стрѣльбѣ. Комплектоваться полкъ долженъ былъ главнымъ образомъ изъ желающихъ поступить добровольно, но при этомъ дозволялось мірскимъ

обществамъ назначать въ полкъ и членовъ такихъ семей, которыя, состоя изъ нѣсколькихъ работниковъ, не дали въ бывшій наборъ, по какимъ либо причинамъ, рекрутъ. Способныхъ людей разрѣшалось брать всѣхъ возрастовъ, возложивъ при этомъ только на отвѣтственность удѣльнаго управленія принимать надлежащія мѣры къ тому, чтобы сформированіе Стрѣлковаго полка не затруднило въ будущемъ рекрутскихъ наборовъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

За время нахожденія на службѣ стрѣлкамъ назначалось жалованья по три рубля въ мѣсяцъ и сверхъ того солдатскій паекъ. Форму обмундированія указано было установить приспособленную къ обыкновенной крестьянской одеждѣ *), при чемъ стрѣлкамъ дозволялось носить бороду. По прекращеніи военныхъ дѣйствій, полкъ указывалось распустить по домамъ.

Въ правахъ и преимуществахъ Стрѣлковый полкъ былъ сравненъ съ полевыми войсками, при чемъ чинамъ его было предоставлено право на полученіе одинаковыхъ съ ними наградъ.

Крестьянамъ, односельчане которыхъ поступили въ Стрѣлковый полкъ, съ Высочайшаго соизволенія были представлены льготы, опредѣляемыя дѣйствовавшимъ тогда Положеніемъ о государственномъ ополченіи, а именно во все время нахожденія стрѣлковъ на службѣ крестьянскія общества, къ которымъ они принадлежали, освобождались отъ взноса за стрѣлковъ податей и оброчной суммы съ начала слѣдующей за поступленіемъ ихъ въ полкъ половины года до окончанія той половины, въ продолженіе которой они возвратятся домой. За стрѣлковъ, убитыхъ въ сраженіяхъ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлахъ съ непріятелями обществамъ должны были выдаваться рекрутскія квитанціи.

Полкъ долженъ былъ набираться, какъ сказано, главнымъ образомъ изъ желающихъ поступить въ него добровольно и такихъ охотниковъ оказалось вдвое болѣе, чѣмъ было нужно. Подъемъ народнаго духа и желаніе сослужить службу отечеству въ то трудное для Россіи время были такъ велики, что къ Марту мѣсяцу 1855 года, вмѣсто требуемыхъ 3000 человѣкъ, явилось въ сборные пункты около 7200 добровольныхъ охотни-

*) Такая форма русскаго покроя введена была затѣмъ въ Стрѣлковомъ полку и сохранилась по нынѣ въ л.-гв. Стрѣлковомъ батальонѣ Императорской Фамиліи.

ковъ, такъ что изъ нихъ пришлось дѣлать выборъ и болѣе половины должны были вернуться обратно домой. Были примѣры, что отцы просили принять на службу всѣхъ сыновей или поступали вмѣстѣ съ дѣтьми. Явились даже два ветерана ратника, служившіе въ 1812 году въ батальонѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, изъ которыхъ одинъ съ Высочайшаго соизволенія зачисленъ былъ въ полкъ вмѣстѣ съ своимъ внукомъ. Крестьянскія общества проявили свое усердіе добровольными денежными пожертвованіями, снабжали стрѣлковъ теплою одеждою, холстомъ, продовольствіемъ и принимали мѣры къ обезпеченію ихъ семействъ. 675 человѣкъ добровольцевъ явились изъ Сибири съ находящихся въ Алтайскомъ округѣ Колыванскихъ заводовъ, принадлежащихъ Кабинету Его Величества.

Для сформированія полка образованъ былъ особый кадръ, въ составѣ 22 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 384 нижнихъ чиновъ, для чего были изъ полевыхъ войскъ взяты наиболѣе опытные офицеры и нижніе чины; дальнѣйшее же комплектованіе полка офицерами производилось частью переводомъ ихъ изъ арміи, а частью принятіемъ на службу офицеровъ, бывшихъ въ отставкѣ. Командиромъ полка назначенъ былъ полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка Арбузовъ.

Три батальона полка формировались отдѣльно: одинъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, другой въ Суздалѣ и третій въ с. Ямъ Бронницы, новгородской губ., при чемъ тамъ же производилось обученіе набранныхъ ружейнымъ пріемамъ и построеніямъ. Къ Іюню мѣсяцу 1855 года всѣ три батальона собрались подъ Петербургомъ въ Государевомъ имѣніи „Царская Славянка“, *) и тамъ полкъ былъ вооруженъ штуцерами системы Минье, сдѣланными на Тульскомъ заводѣ, по особому заказу Департамента Удѣловъ.

Вскорѣ послѣ этого полку произведенъ былъ первый Царскій смотръ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Смотръ этотъ, на который стрѣлки явились уже въ новой своей обмундировкѣ—кафтанахъ темнозеленаго сукна съ краснымъ кушакомъ и черныхъ барашковыхъ шапкахъ съ золотымъ крестомъ, происходилъ въ г. Царскомъ Селѣ. Осмотрѣвъ полкъ, Государь Императоръ выразилъ Свое удовольствіе за его бравую вы-

*) Въ 6 верстахъ отъ гор. Павловска.

правку и соизволилъ тогда же объявить Себя Шефомъ полка, Великихъ Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей Шефами батальоновъ, а Наслѣдника Цесаревича и малолѣтнихъ Великихъ Князей повелѣлъ вписать въ списокъ полка.

Послѣ того Стрѣлкамъ произведено было нѣсколько ученій въ Высочайшемъ присутствіи, а 27 Августа Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ угодно было дать всему полку обѣдъ въ мѣстѣ его пребыванія, во дворцѣ Государевой мызы Царской Славянки. 5 Сентября 1855 г. Стрѣлковый полкъ выступилъ въ походъ на Москву, куда онъ былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ, и оттуда отправился далѣе на городъ Перекопъ, для присоединенія къ войскамъ гренадерскаго корпуса.

Предъ выступленіемъ полка изъ Москвы, преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ, благословивъ полкъ послѣ напутственнаго молебствія, роздалъ всѣмъ офицерамъ тѣльные кресты, присланные Императрицею Маріею Александровною. Съ трогательною попечительностью, Ей свойственною, Государыня Императрица сверхъ того поручила командиру полка роздать по кресту каждому рядовому и для того прислала въ полкъ 3000 тѣльныхъ крестовъ, привезенныхъ Ея Величествомъ изъ Троице-Сергіевской Лавры.

Въ Перекопъ Стрѣлковый полкъ долженъ былъ прибыть къ началу Декабря мѣсяца, но еще во время пути послѣдовало измѣненіе маршрута. По распоряженію командовавшаго южною арміею, Стрѣлковый полкъ направленъ былъ въ Одессу, въ окрестностяхъ которой простоялъ всю зиму и весну. 25 Апрѣля 1856 года Стрѣлковый полкъ, по Высочайшему повелѣнію, направленъ былъ обратно въ Москву, по прибытіи куда составъ его увеличился еще четвертымъ (резервнымъ) батальономъ. Этотъ резервный батальонъ былъ сформированъ по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 15 Ноября 1855 года, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ произведено формированіе полка. Батальонъ формировался въ С.-Петербургѣ, откуда потомъ направленъ былъ въ Москву.

Стрѣлковый полкъ, какъ въ положеніи о немъ было сказано, формировался только на время тогдашней войны съ западными державами, а потому, когда война эта окончилась заключеніемъ въ Августѣ 1856 года мирнаго трактата въ Парижѣ, то

вскорѣ затѣмъ, а именно 1 Октября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе полкъ распустить. При этомъ расформированіи нижніе чины изъ удѣльныхъ крестьянъ отправлены были на мѣста родины, а изъ офицеровъ—тѣмъ, которые перешли изъ другихъ полковъ гвардіи и арміи, предоставлено было право возвращаться въ прежнія мѣста служенія.

Оставшееся послѣ полка вооруженіе и прочее имущество нѣкоторое время хранилось въ помѣщеніяхъ при удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ *), а потомъ ружья, по Высочайшему повелѣнію, приказано было принять въ казну, взамѣнъ новыхъ 6-ти линейныхъ винтовокъ, выданныхъ для вооруженія формировавшагося тогда лейбъ-гвардіи Стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи. Изъ прочаго полкового имущества часть пошла на надобности удѣльнаго вѣдомства (для Земледѣльческаго Училища и для больницы), а остальное было распродано.

Одновременно съ расформированіемъ Стрѣлковаго полка Государю Императору Александру II благоугодно было повелѣть сформировать постоянный стрѣлковый батальонъ на общихъ съ прочими войсками основаніяхъ, но съ укомплектованіемъ его рекрутами только изъ удѣльныхъ крестьянъ и съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по этому батальону, за исключеніемъ лишь одной продовольственной части, на счетъ удѣльнаго вѣдомства.

При исполненіи этой Высочайшей воли, что возложено было на Министра Удѣловъ графа Перовскаго, возникъ прежде всего вопросъ, откуда взять потребное количество людей для сформированія батальона. Нижніе чины, входившіе въ составъ Стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи, набраны были только на время военныхъ дѣйствій и за расформированіемъ полка распускались по домамъ; составить же батальонъ изъ вновь набранныхъ рекрутъ также было невозможно, за силою послѣдовавшаго 26 Августа 1856 года Всемилостивѣйшаго Манифеста, которымъ дана была всѣмъ сословіямъ льгота отъ рекрутской повинности на 3 года. Въ виду этихъ обстоятельствъ, первоначально возникъ проектъ сформировать батальонъ изъ

---

*) Верстахъ въ 7 отъ Петербурга къ Выборгскому шоссе, гдѣ нынѣ станція Удѣльная, Финляндской жел. дороги.

удѣльныхъ крестьянъ, путемъ вызова желающихъ поступить на службу на 5 лѣтъ; но проектъ этотъ былъ оставленъ изъ опасенія, что подобный способъ комплектованія можетъ значительно отдалить окончательное устройство батальона.

Поэтому графъ Перовскій, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, выработалъ слѣдующія соображенія къ немедленному и прочному сформированію Стрѣлковаго батальона, которыя и удостоились Высочайшаго одобренія.

Въ составъ батальона включено 196 человѣкъ унтеръ-офицеровъ, горнистовъ и ефрейторовъ изъ кадра Стрѣлковаго полка, а остальныхъ стрѣлковъ, сколько требовалось до полнаго штата въ 960 человѣкъ, рѣшено выбрать изъ удѣльныхъ крестьянъ, состоящихъ нижними чинами въ другихъ войскахъ. Для этого доставлено было въ С.-Петербургъ, по сношенію съ начальниками ближайшихъ войскъ, 1200 человѣкъ такихъ нижнихъ чиновъ; лучшіе изъ нихъ въ требовавшемся количествѣ зачислены въ батальонъ, а остальные обращены назадъ въ свои части, причемъ весь расходъ по этой операціи принятъ на счетъ удѣльнаго вѣдомства.

Этимъ же путемъ пополнялась въ батальонѣ убыль рядовыхъ въ теченіе льготнаго отъ набора рекрутъ времени, а потомъ батальонъ сталъ комплектоваться рекрутами изъ числа бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Приказомъ по военному вѣдомству, отъ 1 Октября 1856 г., о сформированіи л.-гв. Стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи Государь Императоръ соизволилъ принять на Себя званіе Шефа батальона и приказалъ зачислить въ его списки Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князей Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей, Константина, Николая и Михаила Николаевичей и Князей Романовскихъ Герцоговъ Лейхтенбергскихъ: Николая, Евгенія, Сергія и Георгія Максиміліановичей. Первоначально Батальонъ находился, также какъ ранѣе Стрѣлковый полкъ, въ завѣдываніи графа Перовскаго, а затѣмъ въ положеніи о л.-гв. Стрѣлковомъ батальонѣ Императорской Фамиліи (изданномъ уже послѣ смерти Перовскаго) сказано было по сему предмету слѣдующее: батальонъ, состоя при отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ, подчиняется во всѣхъ отношеніяхъ завѣдывающему батальономъ, Его Императорскому Высочеству Генералъ-Фельдцейхмейстеру. Первымъ команди-

ромъ батальона назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Б. Д. Голицынъ.

Дальнѣйшія событія по внутренней жизни л.-гв. Стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи уже должны входить въ составъ исторіи его, какъ особой войсковой единицы и къ удѣльному вѣдомству прямого соотношенія не имѣютъ. Поэтому здѣсь остается лишь сказать о расходахъ, произведенныхъ и производимыхъ изъ удѣльныхъ суммъ на этотъ предметъ.

Какъ выше объяснено, при образованіи Стрѣлковаго батальона Высочайше повелѣно было относить на удѣльный счетъ какъ всѣ расходы по сформированію батальона, такъ и дальнѣйшее его содержаніе, за исключеніемъ лишь продовольственной части.

Первоначальный расходъ на сформированіе и снабженіе батальона оружіемъ, обозомъ и прочими необходимыми вещами былъ, по сношенію съ военнымъ вѣдомствомъ, исчисленъ въ 63.137 рублей, но часть назначенныхъ по табели вещей была выдана батальону натурою изъ запасовъ бывшаго Стрѣлковаго полка, а за новыя винтовки 6-ти линейнаго калибра, которыми былъ вооруженъ батальонъ, удѣльное вѣдомство, какъ выше сказано, передало военному вѣдомству ружья, оставшіяся послѣ Стрѣлковаго полка. Кромѣ того, въ первое же время выдано было, по особому Высочайшему повелѣнію, еще до 40 тыс. р. на заведеніе въ ротахъ батальона разныхъ вещей, по табели неположенныхъ, и на окончательное обмундированіе стрѣлковъ.

Что же касается до ежегоднаго расхода на содержаніе батальона, то на этотъ предметъ ассигновано было сперва 57.051 руб., но затѣмъ постепенно сумма эта нѣсколько возрасла и составляетъ нынѣ около 60 тыс. руб. въ годъ. Первоначально деньги, отпускаемыя на содержаніе батальона, вносились изъ Департамента Удѣловъ въ Военное Министерство, въ которомъ была сосредоточена вся отчетность по батальону, а въ концѣ года послѣднее сообщало Департаменту объ остаткѣ, если таковой оказывался, для зачета его въ будущіе отпуска. Съ 1866 г. порядокъ этотъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Военнаго Совѣта, измѣненъ въ томъ отношеніи, что всѣ расчеты свои Главное Управленіе Удѣловъ производитъ непосредственно съ Интендантскимъ вѣдомствомъ.

Кромѣ этого постояннаго ежегоднаго отпуска, производились неоднократно, по Высочайшимъ повелѣніямъ, для Стрѣлковаго

батальона изъ удѣльныхъ суммъ и выдачи единовременныя, напримѣръ: по устройству лагеря, школы для солдатскихъ дѣтей, столовой для нижнихъ чиновъ, по постройкѣ новаго зданія для помѣщенія солдатской артели, по ремонту офицерской столовой и т. п.

Отдѣлъ II.

Реформа быта крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

Глава I.

Предварительныя мѣропріятія и Положеніе 26 іюня 1863 года.

Расширеніе личныхъ и по имуществу правъ удѣльныхъ крестьянъ закономъ 20 іюня 1858 года.—Предоставленіе крестьянамъ права выкупа земель, находившихся въ ихъ пользованіи.—Составъ крестьянскаго населенія подчиненнаго удѣльному вѣдомству передъ реформою.—Указъ 5 марта 1861 года.—Выработка предварительныхъ проектовъ положеній въ исполненіе означеннаго Указа и разсмотрѣніе ихъ въ Главномъ Комитетѣ.—Высочайше утвержденное Положеніе 26 іюня 1863 года о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ.

Заботы о переустройствѣ быта удѣльныхъ крестьянъ начались почти одновременно съ разработкою основаній для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, уже въ 1858 г. Высочайше учрежденъ былъ Комитетъ для устройства поземельныхъ отношеній и положенія крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, Государевыхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. Для большаго успѣха работъ Комитета, съ Высочайшаго разрѣшенія были составлены три подготовительныхъ комиссіи: въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, въ Департаментѣ Удѣловъ и въ Министерствѣ Финансовъ, т. е. въ тѣхъ трехъ вѣдомствахъ, въ управленіи которыхъ находились означенныя группы крестьянъ.

Работы Комитета не могли итти скоро, съ одной стороны вслѣдствіе необходимости собрать предварительно большой матеріалъ, а съ другой—потому, что Комитету приходилось выжидать результатовъ работъ редакціонныхъ комиссій по общему крестьянскому дѣлу, для согласованія съ ними своей работы. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Положеніе о поземельномъ устройствѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ вышло на два съ лишнимъ года позднѣе Положенія 19 февраля 1861 г.

Но за то вопросъ объ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній для удѣльныхъ крестьянъ опередилъ Положеніе 19 февраля. Именно, уже въ 1858 г. послѣдовало измѣненіе въ граждан-

скомъ и юридическомъ бытѣ всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ; отмѣнены постановленія, приравнивавшія ихъ къ крѣпостнымъ людямъ, и дарованы личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ.

„Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ", говорится въ Указѣ 20 іюня 1858 г., „Всемилостивѣйше повелѣваемъ: отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне пріобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли не иначе, какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего Департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію пріобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя земли свои; совершать своимъ именемъ установленные для сего акты и вообще располагать пріобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о пріобрѣтеніи и отчужденіи земли—предварительно объявлять каждый разъ мѣстному удѣльному приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ до сего времени, именемъ Департамента Удѣловъ, актамъ на собственныя земли удѣльныхъ крестьянъ сдѣлать надлежащія на имена владѣльцевъ передачи".

Далѣе, согласно этому же Указу, удѣльные крестьяне были сравнены съ государственными относительно права и порядка перехода въ городскія и другія свободныя сельскія сословія съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой же сборъ, какой взимается съ крестьянъ государственныхъ. Такимъ образомъ прежній сборъ съ переходящаго семейства, при перечисленіи въ купечество, по 1.500 р., а въ мѣщанство—по 600 р., былъ отмѣненъ. Также было дозволено вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословій—безъ внесенія за то какой-либо платы. Разрѣшено впредь удѣльнымъ крестьянамъ въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ

ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные этими обществами, съ разрѣшенія начальства оныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ предоставлено, если они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ ихъ дѣлъ ходатайству удѣльныхъ стряпчихъ, причемъ удѣльнымъ конторамъ и удѣльнымъ стряпчимъ было вмѣнено въ обязанность оказывать удѣльнымъ крестьянамъ по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ защиту и покровительство, а тамъ, гдѣ удѣльныхъ стряпчихъ нѣтъ, эта обязанность возложена на мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ. Удѣльнымъ крестьянамъ предоставлено совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ.

Указомъ, даннымъ 26 августа 1859 г., Высочайше повелѣно предоставленныя удѣльнымъ крестьянамъ Указомъ 20 іюня 1858 г. личныя и по имуществу права распространить на крестьянъ всѣхъ Государевыхъ и дворцовыхъ имѣній, дозволивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на установленныхъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ правилахъ, приписку ко всѣмъ безъ исключенія Государевымъ и дворцовымъ имѣніямъ лицъ свободнаго состоянія, которыя по закону могутъ приписываться къ казеннымъ и удѣльнымъ селеніямъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 29 мая 1860 г. приписанные, въ числѣ 170 душъ обоего пола, къ Императорской Петергофской Гранильной фабрикѣ, которые по дѣйствовавшимъ Положеніямъ были „обязаны служить, пока силы дозволяютъ“, были освобождены отъ обязательныхъ работъ, съ дозволеніемъ имъ приписаться, по желанію, къ обществамъ свободныхъ сельскихъ или городскихъ обывателей, съ освобожденіемъ ихъ на 12 лѣтъ отъ уплаты податей и отъ рекрутской повинности, наравнѣ съ мастеровыми другихъ Императорскихъ фабрикъ.

Изъ мѣропріятій, имѣвшихъ нѣкоторое отношеніе къ задуманной и подготовлявшейся реформѣ слѣдуетъ отмѣтить еще предоставленіе удѣльнымъ крестьянамъ права выкупа, по ихъ желанію, находящейся въ ихъ пользованіи земли, по предъявленіи крестьянамъ выводовъ поземельной оцѣнки, произведенной на основаніи правилъ 1859 г. о новыхъ оцѣнкахъ земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ (Высочайшее повелѣніе 12 мая 1860 г.). Выкупъ разрѣшено было допускать

по принятымъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ правиламъ: по капитализацiи изъ 5% оброка, исчисленнаго по оцѣнкѣ, причемъ крестьянамъ предоставлялось внести въ задатокъ не менѣе 1/5 всей выкупной суммы, а остальныя деньги—по разсрочкѣ въ теченiе опредѣленнаго времени, но не болѣе 20 лѣтъ—на банковыхъ правилахъ.

Крестьянское населенiе, которое находилось предъ реформою въ завѣдыванiи удѣльнаго вѣдомства, состояло изъ слѣдующихъ группъ:

	Душъ по 10-й ревизiи.			Въ наличности къ 1 Января 1861 года.		
	Муж.	Жен.	Итого.	Муж.	Жен.	Итого.
А. Удѣльныхъ крестьянъ	824.815	913.989	1.738.804	867.138	952.173	1.819.311
Б. Проживавшихъ въ удѣльныхъ имѣнiяхъ безсрочныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ и солдатскихъ женъ и вдовъ.	—	—	—	20.318	31.717	52.035
В. Крестьянъ въ имѣнiяхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и принадлежавшихъ Высочайшимъ Особамъ	31.285	35.666	66.951	32.498	36.825	69.323
Г. Однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ бывшихъ лашманъ въ симбирской губ.	37.976	39.121	77.097	40.202	40.236	80.438
Д. Государственныхъ крестьянъ бывшихъ пахотныхъ солдатъ въ новгородской губ.	57.525	66.187	123.712	60.709	68.251	128.960
Итого	951.601	1.054.963	2.006.564	1.020.865	1.129.202	2.150.067

Къ окончательному поземельному устройству удѣльныхъ крестьянъ было приступлено вслѣдъ за обнародованiемъ Положенiя 19 февраля 1861 года. Именно Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Министру Императорскаго Двора и Удѣловъ 5 марта 1861 г., было поручено подвергнуть тщательному пересмотру существующiя постановленiя о крестьянахъ удѣльнаго

вѣдомства и составить проектъ правилъ о надѣлѣ землею, повинностяхъ и управленіи крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, принявъ въ основаніе слѣдующія начала:

1) предоставить крестьянамъ упомянутыхъ имѣній, если они пожелаютъ, сохранить за собою всѣ состоявшія въ ихъ пользованіи угодья за нынѣшнія повинности въ продолженіе пяти лѣтъ со дня обнародованія настоящаго Указа, а между тѣмъ въ каждомъ имѣніи должно быть отведено въ постоянное пользованіе крестьянъ опредѣленное количество угодій на основаніи правилъ, установленныхъ въ мѣстномъ положеніи о крестьянахъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ;

2) оброки и поземельные сборы за угодья, отводимыя въ постоянный надѣлъ крестьянамъ, не должны превышать ни окладовъ, ни оброковъ, опредѣленныхъ съ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ;

3) установленныя на семъ основаніи повинности должны оставаться неизмѣнными въ теченіе 20 лѣтъ;

4) предоставить право крестьянамъ, какъ въ составѣ цѣлаго селенія, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ, выкупать ихъ усадебную осѣдлость по оцѣнкѣ не свыше той, какая установлена для выкупа усадебъ крестьянами, водворенными на помѣщичьихъ земляхъ;

5) предоставить крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостью, и полевыя угодья по добровольнымъ соглашеніямъ съ удѣльнымъ вѣдомствомъ, для чего установить, примѣняясь къ существующему нынѣ порядку, правила объ оцѣнкѣ выкупаемыхъ угодій и объ облегченіи крестьянамъ пріобрѣтенія земель въ собственность посредствомъ разсрочки уплаты выкупаемой суммы;

6) устроить мірское управленіе и крестьянскіе суды и опредѣлить отношенія удѣльныхъ конторъ къ сему управленію, примѣняясь къ тѣмъ началамъ, кои приняты для крестьянъ государственныхъ и водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

Тѣмъ же Указомъ, не дожидаясь, когда составленные на основаніи изложенныхъ началъ проекты будутъ внесены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, было повелѣно:

1) обязательныя работы по общественнымъ запашкамъ отмѣнить послѣ уборки хлѣбовъ въ 1861 г., установивъ затѣмъ мѣры обезпеченія продовольствія крестьянъ на общемъ для сельскихъ свободныхъ сословій основаніи;

2) прекратить взиманіе оброка съ крестьянъ, живущихъ на собственныхъ или наемныхъ земляхъ и не пользующихся надѣломъ отъ удѣльнаго вѣдомства, оставивъ, однако, на обязанности крестьянъ, по принадлежности, на мѣстѣ жительства и приписки, исполненіе прочихъ государственныхъ податей и повинностей и общественныхъ сборовъ.

Когда на основаніи Высочайшаго Указа 5 марта 1861 г., было приступлено къ выработкѣ положеній о поземельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ и согласованію ихъ съ дѣйствительностью то съ самаго начала возникли существенные вопросы, которые необходимо было такъ или иначе рѣшить при разработкѣ означенныхъ положеній.

Въ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства крестьянскій тягловый надѣлъ состоялъ изъ однѣхъ удобныхъ земель; сверхъ того, въ ихъ пользованіе предоставлялись, въ случаѣ желанія, и всѣ излишнія запасныя земли. На этомъ основаніи во многихъ мѣстностяхъ крестьяне имѣли надѣлъ, превышавшій размѣры, установленные Положеніемъ 19 февраля, а поземельный сборъ распредѣлялся одинаково, какъ на тягловыя, такъ и на запасныя земли, причемъ эта повинность была гораздо ниже размѣра оброковъ по Положенію 19 февраля.

При буквальномъ слѣдованіи Указу 5 марта, по истеченіи льготныхъ пяти лѣтъ, крестьянамъ приходилось бы платить прежній оброкъ за меньшее количество земли, а за излишнюю сверхъ надѣла землю вносить еще новую плату на оброчномъ правѣ. При этихъ условіяхъ улучшеніе быта крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ не достигалось, вопреки внутреннему смыслу и духу Высочайшаго Указа. Въ виду этого, вслѣдъ за изданіемъ Указа 5 марта 1861 г. Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ, „озабочиваясь исполненіемъ Высочайшей воли не столько въ формѣ, сколько въ сущности и цѣли Всемилостивѣйшихъ попеченій о благѣ сельскаго сословія", послѣ доклада Государю Императору, внесъ въ Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія проектъ дополненій къ утвержденнымъ основаніямъ и соотвѣтственный проектъ правилъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства.

Въ своемъ проектѣ Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ полагалъ, между прочимъ: „излишнюю, сверхъ постояннаго надѣла, запасную землю, которою крестьяне пользуются издавна

и на воздѣлываніе и удобреніе которой они употребляли многолѣтніе труды, оставить по прежнему въ ихъ временномъ пользованіи, сверхъ надѣла, за существующую нынѣ повинность и, не ограничивая сего пользованія пятилѣтнимъ срокомъ, сохранить оное крестьянамъ въ теченіе 20 лѣтъ"; существующую денежную повинность отнести равномѣрно на земли постояннаго надѣла и на излишнія земли, оставляемыя въ ихъ временномъ пользованіи, безъ увеличенія въ теченіе 20 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы оброки за угодья, отводимыя въ постоянный надѣлъ, не превышали оброковъ по Положенію 19 февраля 1861 г. Это предложенное Министромъ Двора измѣненіе правилъ Указа 5 Марта, а именно: оставленіе излишнихъ земель въ пользованіи крестьянъ на 20 лѣтній срокъ, вмѣсто предположеннаго пятилѣтняго, было равносильно уменьшенію послѣ 5 лѣтъ дохода отъ удѣльныхъ имѣній, по меньшей мѣрѣ, на 250.000 р. въ годъ.

Установленное Положеніемъ 19 февраля ограниченіе крестьянъ въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ относительно права отказа отъ земли и права перехода въ другія общества и сословія предполагалось не распространять на крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. Министръ Двора находилъ также неудобнымъ примѣнять къ имѣніямъ удѣльнаго и дворцоваго вѣдомствъ допускаемое Положеніемъ 19 февраля (ст. 20 и 22 мѣстн. велик. пол.) уменьшеніе крестьянскаго надѣла, вслѣдствіе потребностей землевладѣльца, и принятіе при этомъ въ разсчетъ имѣній того же землевладѣльца на 12 верстномъ разстояніи.

Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія, соглашаясь на большинство предложеній Министра Двора, нашелъ, однако, неудобнымъ сохранить за крестьянами запасную землю въ теченіе 20-ти-лѣтняго срока. Свое мнѣніе онъ мотивировалъ, кромѣ указаннаго уменьшенія дохода отъ удѣльныхъ имѣній: 1) щедрымъ надѣленіемъ удѣльныхъ крестьянъ тягловыми надѣлами при невысокихъ оброкахъ; 2) различіемъ по существу тягловыхъ надѣльныхъ земель и запасныхъ; 3) большею затруднительностью отрѣзки запасныхъ земель по прошествіи 20-лѣтняго ихъ оставленія въ рукахъ крестьянъ, чѣмъ послѣ пятилѣтняго и, наконецъ, 4) по мнѣнію Главнаго Комитета это обстоятельство „могло бы воспрепятствовать выкупу крестьянами ихъ надѣла въ собственность, потому что, пользуясь земельными угодьями не только въ достаточномъ количествѣ, но и въ излишествѣ, за

весьма низкую плату, крестьяне не имѣли бы никакого побужденія къ пріобрѣтенію надѣловъ въ собственность“ *).

Въ заключеніе, Главный Комитетъ установилъ слѣдующія начала:

1) существующій тягловый надѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ превышаетъ высшій размѣръ надѣла, опредѣленный по Положенію 19 февраля 1861 г. для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, оставить безъ уменьшенія, зачисливъ его въ ихъ постоянный надѣлъ;

2) въ тѣхъ случаяхъ, когда тягловый надѣлъ не достигаетъ высшаго размѣра, установленнаго по Положенію 19 февраля, недостающее до сего размѣра количество земли причислить къ тягловому надѣлу изъ запасныхъ земель, гдѣ онѣ есть;

3) излишнюю сверхъ того постояннаго надѣла, который будетъ отведенъ крестьянамъ на изложенныхъ основаніяхъ, запасную землю оставить, согласно Высочайшему Указу 5 марта 1861 г., въ пользованіи крестьянъ на пять лѣтъ, сверхъ постояннаго надѣла за существующую нынѣ повинность;

4) соотвѣтственно съ предназначеннымъ выше распредѣленіемъ земли опредѣлить, сколько изъ существующей нынѣ въ имѣніяхъ дворцоваго и удѣльнаго вѣдомствъ денежной повинности, за исключеніемъ изъ оной подушной подати и земскихъ сборовъ, причитается въ доходъ Удѣловъ за земли постояннаго надѣла и за излишнія земли, оставляемыя во временномъ, на пять лѣтъ, пользованіи крестьянъ. Повинность, слѣдующую за постоянный надѣлъ, не увеличивать въ теченіе 20 лѣтъ и при семъ наблюдать, чтобы она не превышала оброковъ, опредѣленныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. Повинность, причитающуюся за запасныя земли, сложить съ крестьянъ, вмѣстѣ съ обращеніемъ сихъ земель въ непосредственное распоряженіе удѣльнаго вѣдомства по прошествіи означеннаго выше пятилѣтняго срока.

Согласно съ этими предположеніями Главнаго Комитета, по распоряженію Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ, подъ руководствомъ предсѣдателя Департамента Удѣловъ (впослѣдствіи графа) М. Н. Муравьева, были составлены и препровождены въ октябрѣ 1861 г. въ Главный Комитетъ „проекты

*) Архивъ Государственнаго Совѣта, журналъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, 24 іюля 1861 г.

правилъ объ устройствѣ крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, примѣнительно къ началамъ Положенія 19 февраля 1861 г.“ *).

Не излагая здѣсь этихъ проектовъ въ подробности, такъ какъ они остались безъ примѣненія, а сущность ихъ видна изъ изложенныхъ основаній, отмѣтимъ лишь, что по проекту „положенія о пріобрѣтеніи въ собственность надѣльныхъ земель“, между прочимъ, предполагалось предоставить крестьянамъ право пріобрѣтать усадьбу какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ съ постояннымъ надѣломъ или частью его. При выкупѣ надѣла, покупная цѣна должна была опредѣляться по дѣйствительной его стоимости, на основаніи произведенной съ этою цѣлью оцѣнки. Сдѣлка оформливалась купчею крѣпостью, причемъ, при подписаніи купчей крѣпости, не менѣе $^1/_5$ цѣны должно быть внесено впередъ, а остальное разсрочивается по банковымъ правиламъ (т. е. съ сложнопроцентнымъ погашеніемъ долга) на 10, 15 или 20 лѣтъ. Крестьянамъ предоставлялось дѣлать и досрочные взносы не менѣе годового оклада, съ обращеніемъ этихъ суммъ на уплату капитальнаго долга, когда онѣ составятъ не менѣе $^1/_5$ первоначальной долговой суммы, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ срочныхъ платежей. Меньшіе взносы должны были зачисляться въ будущіе срочные платежи.

Означенный проектъ въ іюлѣ 1862 г. былъ взятъ обратно изъ Главнаго Комитета и подвергся пересмотру въ общемъ присутствіи Департамента Удѣловъ.

При этомъ пересмотрѣ общее присутствіе Департамента Удѣловъ высказалось за сохраненіе за крестьянами ихъ надѣловъ въ существующемъ размѣрѣ, указывая, что это будетъ въ интересахъ удѣльнаго вѣдомства, такъ какъ иначе, съ уменьшеніемъ количества земли крестьянъ, уменьшатся и платежи ихъ въ Удѣлы.

По возникшему же, между прочимъ, вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли, при поземельномъ устройствѣ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянъ уменьшить участіе въ томъ вновь введенныхъ тогда мировыхъ учрежденій, передавъ часть этихъ

*) 1) положеніе о сельскомъ устройствѣ и вообще управленіи крестьянами, водворенными на земляхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

2) положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и

3) положеніе о пріобрѣтеніи въ собственность крестьянами, водворенными въ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, земель, предоставленныхъ въ ихъ пользованіе.

обязанностей мѣстнымъ чинамъ удѣльнаго вѣдомства — общее присутствіе Департамента Удѣловъ пришло къ тому заключенію, „что нѣтъ побудительной причины уменьшить значеніе и кругъ дѣйствій мировыхъ учрежденій въ примѣненіи ихъ къ устройству быта крестьянъ Государевыхъ дворцовыхъ и удѣльнаго вѣдомства“ *).

Въ ноябрѣ 1862 г. Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ, доложилъ этотъ, вновь выработанный общимъ присутствіемъ Департамента Удѣловъ, проектъ положенія Государю Императору и Его Величество повелѣлъ проектъ этотъ передать въ Главный Комитетъ.

Приступивъ къ разсмотрѣнію проекта, Комитетъ призналъ необходимымъ опредѣлить сперва главныя основанія для надѣла крестьянъ землею и выкупа ими земельныхъ угодій и, обсудивъ вопросъ, установилъ эти главныя основанія въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ предполагалось ранѣе, а именно:

1) состоящія въ пользованіи крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, тягловыя и запасныя земли включить въ составъ крестьянскаго надѣла въ томъ количествѣ, какое числится по табелямъ поземельнаго сбора **);

---

*) Впослѣдствіи, при осуществленіи поземельнаго устройства, для удѣльнаго вѣдомства явилась необходимость въ особыхъ мировыхъ посредникахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по отсутствію (шенкурскій уѣздъ архангельской губ., сольвычегодскій, тотемскій и вельскій уѣзды вологодской губ., котельническій и орловскій—вятской) или, по малочисленности (устюжскій вологодской губ. и нолинскій вятской) помѣщичьихъ крестьянъ не было образовано мировыхъ учрежденій. Въ такихъ мѣстностяхъ обязанности мировыхъ посредниковъ были возложены на другихъ лицъ по назначенію губернатора, по предварительномъ сношеніи съ мѣстнымъ управляющимъ удѣльною конторою и съ утвержденія Правительствующаго Сената. Назначенныя такимъ образомъ въ мировыя посредники лица не должны были состоять на службѣ по удѣльному вѣдомству. Въ архангельской губерніи, за отсутствіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, для дѣлъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, поселенныхъ въ этой губерніи, пришлось образовать губернское присутствіе изъ должностныхъ лицъ губернскаго управленія, поименованныхъ въ ст. 123 пол. о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, съ участіемъ въ немъ, вмѣсто управляющаго удѣльною конторою, удѣльнаго чиновника, по назначенію отъ Департамента Удѣловъ.

**) Первоначально предполагалось всѣ запасныя земли отрѣзать отъ крестьянскаго надѣла. Но затѣмъ Главный Комитетъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что крестьяне удѣльныхъ имѣній пользуются тягловыми и запасными землями нераздѣльно изъ платежа поземельнаго оброка и что въ натурѣ тягловыя земли не отдѣлены отъ запасныхъ, такъ что на самомъ дѣлѣ для крестьянъ не существуетъ никакого различія между тѣми и другими. При такихъ условіяхъ пользованія, отрѣзка запасныхъ земель изъ крестьянскаго надѣла была бы стѣснительна для крестьянъ и не доставила бы Удѣламъ никакой существенной выгоды. По приблизительному исчи-

2) въ тѣхъ случаяхъ, когда количество тягловой и запасной земли, показанное по табели поземельнаго сбора, не достигаетъ высшаго размѣра надѣла, установленнаго для временно-обязанныхъ крестьянъ по Положенію 19 февраля 1861 г., недостающее до сего размѣра количество земли отводить изъ излишнихъ противъ табели земель, если таковой излишекъ окажется;

3) предоставленныя крестьянамъ въ надѣлъ земли пріобрѣтаются ими въ собственность посредствомъ выкупа, который, въ примѣненіи къ Высочайше утвержденному 19 февраля 1861 г. Положенію о выкупѣ и дополнительнымъ къ сему Положенію постановленіямъ, совершается по всѣмъ имѣніямъ въ опредѣленный срокъ на слѣдующихъ условіяхъ:

а) для опредѣленія выкупной суммы—платимый крестьянами въ пользу Удѣловъ или дворцоваго вѣдомства годовой оброкъ капитализируется изъ 6%;

б) крестьяне, въ уплату капитала и процентовъ по выкупной суммѣ за земли, обязаны вносить въ Государственное Казначейство ежегодно, начиная съ опредѣленнаго срока, въ продолженіе 49 лѣтъ, выкупные платежи по 6 к. на рубль выкупной суммы (ст. 113 и 114 Полож. о выкупѣ);

в) безнедоимочное поступленіе выкупныхъ платежей обезпечивается крестьянскими мірскими капиталами, изъ коихъ должны быть заимствуемы и суммы на пополненіе могущихъ быть въ сихъ платежахъ недоборовъ. Взамѣнъ уплаты удѣльному вѣдомству непрерывнаго дохода по $5^1/_2$% съ выкупного капитала (на основаніи Высоч. утвержд. 27 іюня 1862 г. дополнительныхъ правилъ о выкупѣ) и погашенія затѣмъ самаго капитала,

---

сленію, при отрѣзкѣ всѣхъ запасныхъ земель, въ распоряженіе Удѣловъ могло бы поступить только до 250.000 десят. (большею частью въ многоземельныхъ губерніяхъ) изъ числа 3.566.000 десят., находившихся въ пользованіи крестьянъ. За эти 250.000 десят. Удѣлы получали съ крестьянъ до 200.000 р. поземельнаго сбора въ годъ. Въ случаѣ отрѣзки запасныхъ земель, означенную сумму сбора надлежало бы сложить съ крестьянъ и выручать доходъ съ этихъ земель посредствомъ отдачи ихъ въ оброчное пользованіе, что едвали обезпечило бы Удѣламъ даже сумму, равную оброку, „такъ какъ по правиламъ Положенія 19 февраля 1861 г. и по строгой справедливости въ распоряженіе Удѣловъ необходимо будетъ отрѣзать участки у краевъ дачъ крестьянскаго надѣла, имѣющіе низкую цѣнность". Въ виду этого, согласно представленію Министра Императорскаго Двора, Главный Комитетъ полагалъ наиболѣе удобнымъ оставить крестьянамъ въ надѣлъ всѣ опредѣленныя въ ихъ пользованіе, по табелямъ поземельнаго сбора, земли безъ различія, показаны ли эти земли тягловыми или запасными, и затѣмъ отрѣзать отъ крестьянъ тѣ излишки, которые находятся въ пользованіи крестьянъ сверхъ опредѣленнаго имъ по табелямъ пространства, за которое они платятъ поземельный оброкъ (Журналъ Главнаго Комитета 11 марта и 3 іюня 1863 г.).

Министерство Финансовъ уплачиваетъ Департаменту Удѣловъ ежегодно, въ продолженіе 49 лѣтъ, сумму, равняющуюся слѣдующимъ съ крестьянъ выкупнымъ платежамъ, т. е. по 6% съ выкупного капитала.

Такимъ образомъ, основанія, принятыя Главнымъ Комитетомъ, представляли существенныя отступленія отъ началъ, предписанныхъ Указомъ 5 марта 1861 г. Земля предоставлялась крестьянамъ не въ пользованіе, а въ собственность, выкупъ устанавливался не по соглашенію, а обязательный и одновременный для всѣхъ.

Государь Императоръ, утвердивъ изложенныя главныя основанія, повелѣлъ: согласно симъ основаніямъ подробно разсмотрѣть и исправить въ Главномъ Комитетѣ составленный Министромъ Императорскаго Двора проектъ Положенія объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, и затѣмъ проектъ этотъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе чрезъ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

Главный Комитетъ, подробно разсмотрѣвъ исправленный, согласно Высочайше утвержденнымъ основаніямъ и замѣчаніямъ, сдѣланнымъ членами Главнаго Комитета, проектъ, нашелъ, что этотъ проектъ, улучшая и упрочивая хозяйственный бытъ крестьянъ предоставленіемъ имъ въ собственность земель ихъ надѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ удовлетворяетъ указанной Государемъ Императоромъ цѣли — приведенія къ однимъ общимъ началамъ устройства и управленія всего сельскаго состоянія въ государствѣ, ибо, согласно сему проекту, волостное и сельское управленіе и волостные суды у крестьянъ, водворенныхъ въ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, должны быть образованы на началахъ Высочайше утвержденнаго 19 февраля 1861 г. Положенія, съ допущеніемъ лишь тѣхъ переходныхъ мѣръ, какія необходимы для устройства новаго управленія. Означенные крестьяне немедленно изъемлются изъ вѣдомства удѣльныхъ конторъ и Департамента Удѣловъ, обращаются въ опредѣленный двухлѣтній срокъ въ крестьянъ-собственниковъ и, наравнѣ съ сими послѣдними, подлежа вѣдѣнію общихъ учрежденій, будутъ пользоваться всѣми, предоставленными крестьянамъ-собственникамъ, правами.

Засимъ, Главный Комитетъ полагалъ, при разсчетахъ

Министерства Финансовъ съ удѣльнымъ вѣдомствомъ по выкупу земель, руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Министерство Финансовъ, взамѣнъ производства выкупной ссуды, будетъ выплачивать Департаменту Удѣловъ по 6 коп. на рубль выкупного капитала ежегодно въ два срока: 1 марта и 1 сентября, въ продолженіе 49 лѣтъ, съ перваго полугодія по истеченіи двухлѣтняго срока, назначеннаго на составленіе уставныхъ грамотъ, т. е. со времени приведенія въ окончательную извѣстность общей выкупной суммы по имѣніямъ Государевымъ, дворцовымъ и удѣльнымъ;

2) на Департаментъ Удѣловъ возлагается обязанность, посредствомъ ежегоднаго отчисленія не менѣе одной десятой части выплачиваемыхъ Министерствомъ Финансовъ 6% на капиталъ, соотвѣтствующій цѣнности выкупаемой крестьянами земли и извлеченія доходовъ изъ отчисляемыхъ ежегодно суммъ—осуществить самый капиталъ въ теченіе означенныхъ 49 лѣтъ;

3) Министерство Финансовъ, уплачивая ежегодно Министерству Удѣловъ въ теченіе 49 лѣтъ по 6% на выкупной капиталъ, получаетъ взамѣнъ того, подлежащіе съ крестьянъ платежи. Засимъ разсчеты въ годовыхъ платежахъ съ сельскими обществами предоставляются Министерству Финансовъ безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ Министерства Удѣловъ *).

Исходя изъ этихъ основаній, и было окончательно редактировано Положеніе 26 іюня 1863 г.

Въ концѣ мая 1863 г., т. е. за мѣсяцъ до Высочайшаго утвержденія Положенія о поземельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ, Министромъ Двора былъ сдѣланъ секретный запросъ управляющимъ удѣльными конторами о томъ, что, по ихъ мнѣнію, было бы удобнѣе по мѣстнымъ обстоятельствамъ: поспѣшить или повременить обнародованіемъ новаго Положенія, въ виду „народнаго возбужденія, вызваннаго патріотическою реакціею противъ польскаго мятежа и ожиданіемъ или, по крайней мѣрѣ, опасеніемъ войны съ западными державами“. Опасенія возбуждались, главнымъ образомъ, въ виду того, что „надѣлъ, обращаемый въ собственность крестьянъ посредствомъ выкупа, будетъ опредѣленъ не по владѣнію въ натурѣ, а на

*) Журналы Главн. Комитета 11 марта и 3 іюня 1863 г.

основаніи табелей поземельнаго сбора тамъ, гдѣ поземельный сборъ введенъ, и — на основаніи нормальныхъ надѣловъ Положенія 19 февраля 1861 г.—тамъ, гдѣ до сего времени взимаются подушные оброки, вслѣдствіе чего, при приведеніи въ ясность, посредствомъ измѣреній дѣйствительнаго владѣнія удѣльныхъ крестьянъ тягловыми и принятыми запасными землями, могутъ представиться мѣстности, въ которыхъ необходимо нужно будетъ сдѣлать въ натурѣ отрѣзки въ положенный для того шестилѣтній срокъ, но объ этихъ отрѣзкахъ нужно будетъ оговорить при составленіи самыхъ уставныхъ грамотъ".

Всѣ управляющіе высказались въ томъ смыслѣ, что откладывать обнародованіе Положенія не слѣдуетъ. Интересно привести наиболѣе существенныя изъ высказанныхъ ими соображеній, обрисовывающихъ, до нѣкоторой степени, какъ отношеніе мѣстныхъ управленій къ реформѣ, такъ и тѣ ожиданія крестьянскаго населенія, какія предшествовали реформѣ.

Управляющій Новгородскою Удѣльною Конторою, обращая вниманіе на то, что „до сихъ поръ мировые посредники считаютъ своею обязанностью дѣлать всевозможныя натяжки и доставлять всѣ выгоды крестьянамъ на счетъ помѣщиковъ", писалъ, между прочимъ: „хотя Положеніемъ объ удѣльныхъ крестьянахъ, Удѣлъ поставляетъ себя въ совершенно иное положеніе, чѣмъ то, въ какое были поставлены помѣщики, но тутъ можетъ явиться другая причина негодованія на Удѣлъ—это, какъ уже и носятся слухи, то, что Удѣлъ, доводя поземельный надѣлъ до высшаго размѣра, опредѣляемаго мѣстнымъ положеніемъ для крестьянъ помѣщичьихъ, оставляетъ оброкъ или ренту почти втрое меньшую. Это обстоятельство, повидимому, благопріятствующее хорошему исходу дѣла, можетъ въ рукахъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей, играющихъ чужою собственностью, быть опаснымъ орудіемъ". Отрѣзка излишней земли едва ли можетъ, по мнѣнію означеннаго управляющаго, произвести какое-либо волненіе; оно всегда можетъ быть умиротворено или выборомъ участковъ худшей изъ опредѣляемой для надѣла земли, или отдачей отрѣзковъ этихъ въ арендное содержаніе по особымъ условіямъ (хотя на первое время) за цѣну, неотяготительную для крестьянъ. Къ отстраненію какихъ-либо могущихъ быть волненій полезно и даже необходимо было бы, хотя косвеннымъ образомъ, не вмѣшивая удѣльнаго начальства, предложить начальникамъ губерній, которые по закону назначаютъ мировыхъ

посредниковъ, назначать ихъ изъ удѣльныхъ депутатовъ, по указанію управляющихъ".

За исключеніемъ приведеннаго отзыва, въ которомъ проглядываетъ несочувственное отношеніе къ предпринятой реформѣ и къ выгодамъ крестьянъ, во всѣхъ другихъ отзывахъ, напротивъ, обнаруживается внимательное отношеніе управляющихъ удѣльными конторами къ тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, которыя могли проистекать изъ нѣкоторыхъ пунктовъ Положенія 1863 г., и желаніе по возможности ихъ ослабить и предупредить недоразумѣнія.

Управляющій Тверскою Удѣльною Конторою указывалъ на то, что въ одномъ приказѣ, гдѣ числится до пяти тысячъ душъ, крестьяне владѣютъ тягловыми землями по табели поземельнаго сбора, не по мѣрщичьему измѣренію, а потому въ натурѣ пользуются землями несравненно въ большемъ количествѣ, чѣмъ показано по табелямъ, такъ что при введеніи уставныхъ грамотъ въ исполненіе, придется у нихъ отрѣзать болѣе шести тысячъ десятинъ. Въ этомъ приказѣ уставныя грамоты, по всей вѣроятности, могутъ быть составлены хотя также скоро, но приведеніе ихъ въ исполненіе неминуемо повлечетъ за собою и ропотъ, и большое число жалобъ и претензій за отрѣзку земель, которыми до сихъ поръ крестьяне безплатно пользовались.

Управляющій Владимірскою Конторою доносилъ, что удѣльные крестьяне, по крайней мѣрѣ владимірскаго удѣльнаго имѣнія, знаютъ, что новое Положеніе составляется или уже составлено, но еще не утверждено, причемъ, однако, „не имѣютъ большихъ надеждъ, чтобы съ обнародованіемъ этого Положенія бытъ ихъ особенно улучшился, и потому вовсе незамѣтно не только нетерпѣнія, но и желанія, чтобы Положеніе вышло скорѣе. По мнѣнію управляющаго, крестьяне не только не тяготятся опекою удѣльнаго начальства по дѣламъ спорнымъ и тяжебнымъ, такъ какъ она ихъ ограждаетъ отъ стѣсненій земской полиціи, произвола слѣдователей и медленности судовъ, но, безъ сомнѣнія, будутъ сожалѣть, когда лишатся посредничества удѣльнаго управленія по этимъ дѣламъ. Можно положительно сказать, что крестьяне вообще, въ особенности же Государевыхъ волостей и всѣхъ удѣльныхъ селеній, расположенныхъ на земляхъ хорошаго качества, не будутъ удовлетворены новымъ Положеніемъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) участки земли, бывшей подъ общественной запашкой, находящіеся среди

ихъ полей и притомъ ближайшіе къ усадьбамъ, не войдутъ въ надѣлъ, какъ крестьяне того желаютъ и на что многіе даже надѣются; 2) въ большей части селеній будутъ отрѣзки земли безъ уменьшенія платы, чего до сихъ поръ не случалось, и 3) Положеніе не разрѣшаетъ лѣсного вопроса, чрезвычайно важнаго во владимірской губ., гдѣ большая часть крестьянъ не имѣетъ возможности пріобрѣтать у посторонних владѣльцевъ лѣсъ, который для нихъ также необходимъ, какъ и земля, или, по выраженію крестьянъ, „какъ хлѣбъ".

Управляющій Нижегородскою Удѣльною Конторою въ своемъ донесеніи, между прочимъ, обращалъ вниманіе на то, „что выкупъ земель (по табелямъ поземельнаго сбора) по двумъ заволжскимъ приказамъ не только невозможенъ, но даже и немыслимъ, ибо по этимъ табелямъ въ нихъ причитается на душу всего отъ $1^1/_4$ до $2^3/_4$ десят., т. е. такое незначительное количество земли—къ тому же и дурного качества, большею частью песчаной, что ею крестьянамъ и просуществовать даже нельзя, не говоря уже объ уплатѣ податей и выкупа. На самомъ дѣлѣ у нихъ во владѣніи земли болѣе, но все же ея гораздо менѣе размѣра, опредѣленнаго мѣстнымъ положеніемъ".

Управляющій Алатырскою Удѣльною Конторою указывалъ на возможность неудовольствія, а мѣстами и сильнаго волненія, которое могутъ вызвать отрѣзки земли, „тѣмъ болѣе, что крестьяне подвергаются отрѣзкѣ земли не вслѣдствіе отказа ихъ отъ пользованія ею за установленные платежи, а помимо вины ихъ, отъ невѣрныхъ измѣреній земли и составленія табели поземельнаго сбора по ошибочнымъ свѣдѣніямъ. Предупредить волненія, по мнѣнію управляющаго, можно единственно только оставленіемъ въ постоянномъ пользованіи крестьянъ всей владѣемой ими нынѣ земли, предложивъ имъ за излишнюю противъ табелей поземельнаго сбора неоплачиваемую ими землю вносить поземельную ренту въ томъ же размѣрѣ по числу десятинъ, какъ установлено по табелямъ поземельнаго сбора".

По свидѣтельству Управляющаго Сызранскою Удѣльною Конторою, „крестьяне ожидаютъ Положенія съ напряженнымъ любопытствомъ".

Управляющій Симбирскою Конторою, между прочимъ, писалъ: „крестьяне знаютъ, что выйдетъ новое Положеніе, но ждутъ его безъ всякаго нетерпѣнія, а напротивъ, съ нѣкоторымъ раздумьемъ на счетъ того, лучше-ли будетъ при новыхъ порядкахъ".

Управляющій Саратовскою Конторою отмѣчалъ, что крестьяне боятся отрѣзки у нихъ земли, согласно Положенію 19 февраля 1861 г.

Управляющій Орловскою Удѣльною Конторою свидѣтельствовалъ, что „крестьяне довольны, за исключеніемъ исконныхъ сѣтованій на малоземелье, на плохіе урожаи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—и на притѣсненія полиціи. Глухіе толки о предстоящихъ перемѣнахъ идутъ между крестьянами, но большинство населенія совершенно равнодушно къ реформѣ. Богатые, которыхъ, впрочемъ, немного, стѣсняясь общиннымъ владѣніемъ землею, желаютъ реформы, въ разсчетѣ пріобрѣсти земельные участки въ собственность и поставить себя внѣ необходимости передѣлять ихъ по произволу общества“.

Управляющій Оренбургскою Удѣльною Конторою писалъ: „въ большей части оренбургскаго имѣнія никакой перемѣны, вслѣдствіе новаго Положенія, въ поземельномъ пользованіи крестьянъ не произойдетъ. Платежи нигдѣ не увеличиваются, а для нѣкоторыхъ уменьшаются. Слѣдовательно, за большинство селеній можно быть совершенно спокойнымъ. Остается позаботиться о тѣхъ селеніяхъ, которыя подлежатъ отрѣзкѣ земель, для которыхъ новое Положеніе можетъ сдѣлаться хуже прежняго. Отрѣзкѣ земель изъ 163 селеній подлежатъ—62. Количество всей отрѣзываемой земли должно составить, по свидѣтельству Конторы, 27.750 десятинъ, но цифра эта невѣрна и впослѣдствіи значительно измѣнится, когда будутъ приводиться въ исполненіе полюбовныя сказки по межевымъ дѣламъ и надѣленіе припущенниковъ землею по правиламъ о размеживаніи башкирскихъ дачъ. Какъ образецъ тѣхъ измѣненій, которыя предстоятъ, можно привести дер. Старо-Петровку, при которой по описной книгѣ значится 2.409 дес., но крестьяне признаютъ сами, что у нихъ около 3.000 дес.; по постановленію же межующе башкирскія дачи комиссіи, они могутъ быть надѣлены только 720 десятинами. По тяжебнымъ дѣламъ должны послѣдовать еще большія измѣненія въ поземельномъ пользованіи; въ числѣ селеній есть такія, по которымъ крестьянамъ угрожаетъ совершенное лишеніе земли: такъ напримѣръ, башкирское вѣдомство ходатайствуетъ о сселеніи дер. Сюнеевой, имѣющей въ гласномъ пользованіи 1.445 дес., на томъ основаніи, что сюнеевцы не башкирскіе припущенники, а тептярскіе, которые, по мнѣнію башкирскаго стряпчаго, землею не надѣляются. Изъ этого видно, что большинству удѣльныхъ крестьянъ

предстоятъ гораздо болѣе важныя измѣненія въ пространствѣ поземельнаго пользованія, по существу тяжебныхъ дѣлъ и межевыхъ и по правиламъ надѣленія припущенниковъ землей, нежели какія должно сдѣлать ожидаемое преобразованіе. „При всемъ расположеніи крестьянъ оренбургскаго имѣнія къ покорности, я не смѣю увѣрять, однако“, объяснялъ управляющій, „что введеніе новаго Положенія не встрѣтитъ никакой оппозиціи со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ числѣ припущенниковъ значительная часть поселилась по договорнымъ записямъ, сохранившимся у крестьянъ. Силу нѣкоторыхъ изъ этихъ записей, какъ говорятъ, признаютъ сами вотчинники. Такіе крестьяне смотрятъ на требованіе съ нихъ платежей за землю, какъ на злоупотребленіе, и, по всей вѣроятности, при переходѣ въ мировыя учрежденія, возобновятъ свои требованія о признаніи ихъ правъ на землю. Крестьянамъ будетъ трудно понять принесеніе справедливости въ жертву государственной необходимости и, можетъ быть, что законъ 1832 г., по которому земля припущенниковъ признается государственною и удѣльною собственностью, въ наше время не могъ бы состояться [1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію самаго Положенія 26 іюня 1863 г. о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, отмѣтимъ прежде всего, что, на основаніи этого Положенія, означенные крестьяне въ административномъ отношеніи были подчинены вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій, а также губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій на основаніи Положенія 19 февраля 1861 г. Надѣльныя земли должны были поступить въ собственность крестьянъ на началахъ обязательнаго выкупа. Основаніемъ для опредѣленія выкупной суммы за отведенную крестьянамъ землю служилъ тотъ денежный оброкъ, который крестьяне платили за эту землю въ пользу Удѣловъ или дворцоваго вѣдомства, при утвержденіи Положенія (ст. 76). Крестьяне, водворенные на земляхъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, приступаютъ къ выкупу отведенныхъ имъ по устав-

---

[1]) „Дѣло по предварительному опросу относительно введенія въ дѣйствіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ Положенія 26 іюня 1863 г.“. Отдѣлъ I, вѣчн. хр., дѣло по арх. № 4129, св. № 133.

нымъ грамотамъ надѣловъ по прошествіи двухъ лѣтъ со дня утвержденія Положенія (ст. 121). Въ уплату капитала и процентовъ по выкупной суммѣ за землю крестьяне обязаны вносить ежегодно, въ продолженіе 49 лѣтъ, взамѣнъ слѣдовавшаго за эти земли въ доходъ удѣльнаго или дворцоваго вѣдомствъ оброка, выкупные платежи по 6 коп. на рубль выкупной суммы (ст. 122). Въ тѣхъ случаяхъ, если въ какомъ-либо обществѣ, и за принятіемъ указанныхъ въ Положеніи о выкупѣ 19 февраля 1861 г. мѣръ, выкупные платежи не будутъ внесены сполна крестьянами въ установленный срокъ, всѣ недоборы немедленно пополняются заимообразно изъ принадлежащихъ сельскому обществу мірскихъ капиталовъ, а въ случаѣ неимѣнія такихъ капиталовъ или недостаточности ихъ для покрытія недоборовъ,—изъ мірскихъ капиталовъ, принадлежащихъ цѣлой волости (ст. 123). Крестьяне, начавъ черезъ два года по утвержденіи Положенія уплату выкупныхъ платежей, поступаютъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ и пользуются всѣми правами, симъ крестьянамъ присвоенными (ст. 124).

Поземельное устройство удѣльныхъ крестьянъ, согласно Положенію, нормировано слѣдующимъ образомъ:

Состоящія въ пользованіи крестьянъ земли обращаются въ составъ крестьянскаго надѣла, за исключеніемъ: а) въ селеніяхъ, гдѣ введенъ поземельный сборъ, излишковъ противъ показанныхъ въ табеляхъ поземельнаго сбора тягловыхъ и запасныхъ земель, и б) въ селеніяхъ, гдѣ сего сбора не введено, излишковъ противъ высшаго или указаннаго размѣра, установленнаго Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1861 г. мѣстнымъ Положеніемъ для крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество тягловой и запасной земли, показанное по табели поземельнаго сбора, не достигаетъ означеннаго размѣра,—недостающее до этого количество отводится изъ излишнихъ противъ табели земель, если въ натурѣ излишекъ въ пользованіи крестьянъ окажется по инструментальному измѣренію (ст. 1); если же излишка не обнаружится, то въ крестьянскій надѣлъ, подлежащій выкупу, отводится лишь то количество земли, которое состоитъ въ ихъ пользованіи (ст. 24). Въ селеніяхъ, гдѣ поземельнаго сбора не было введено, крестьянамъ отводится пространство земли, соотвѣтственное высшему или указанному размѣру надѣла по Положенію 19 февраля 1861 г., если количество состоящихъ въ пользованіи крестьянъ земель не менѣе

сего размѣра (ст. 26); если же это количество менѣе, то оно въ полномъ составѣ зачисляется въ надѣлъ, подлежащій выкупу (ст. 25). Въ послѣднихъ пяти мѣстностяхъ нечерноземной полосы (прилож. къ ст. 26)—по селеніямъ, гдѣ существуетъ переложное хозяйство, количество тягловой и запасной земли, назначенное по табелямъ поземельнаго сбора, если оно окажется менѣе высшаго размѣра душевого надѣла по росписанію, дополняется до сего размѣра изъ ближайшихъ къ селеніямъ дровяныхъ лѣсовъ и кустарныхъ зарослей (ст. 28). Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ тотемскаго и вельскаго уѣздовъ вологодской губерніи въ составъ крестьянскаго надѣла, подлежащаго выкупу, включаются, сверхъ высшаго размѣра надѣла, пространства дровяного лѣса и лѣсныхъ оброчныхъ участковъ, назначенныя крестьянамъ, по ихъ желанію, подъ перелоги за особую поземельную плату (ст. 29). Въ шенкурскомъ, сольвычегодскомъ и отчасти вельскомъ уѣздахъ, архангельской и вологодской губерній, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ не переложное, а смолокурное лѣсное хозяйство, надѣлъ крестьянъ, подлежащій выкупу, дополняется также, соразмѣрно высшимъ душевымъ надѣламъ по росписанію, изъ пространствъ дровяного лѣса, если таковыя окажутся при селеніяхъ и при томъ внѣ смолокурныхъ удѣльныхъ кварталовъ (ст. 30). Земли, которыя сверхъ надѣла, опредѣленнаго Положеніемъ, по инструментальной съемкѣ окажутся въ ихъ пользованіи излишними, отрѣзаются въ непосредственное распоряженіе удѣльнаго или дворцоваго вѣдомства (ст. 31). Въ счетъ земель, предоставляемыхъ крестьянамъ въ надѣлъ, не включаются: 1) оброчные земельные статьи и участки, уже отдѣленные или еще подлежащіе отдѣленію изъ запасной земли, которая не была принята крестьянами и которую они не оплачиваютъ денежною повинностью; 2) поля, бывшія подъ общественною запашкою, такъ какъ они не состоятъ въ крестьянскомъ надѣлѣ и не оплачиваются поземельнымъ сборомъ; 3) участки, отведенные въ лѣсныхъ дачахъ переселеннымъ туда лѣснымъ сторожамъ; 4) удѣльные и дворцовые лѣса (ст. 33). Удѣльное и дворцовое вѣдомство ни въ какомъ случаѣ не обязано увеличивать впослѣдствіи, по числу прибылыхъ душъ, крестьянскій надѣлъ, подлежащій выкупу по правиламъ сего Положенія (ст. 34). Въ составъ крестьянскаго надѣла, подлежащаго выкупу, включаются однѣ удобныя земли (ст. 35). Лѣса, за изъятіемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. ст. 28, 29 и 30, не включаются въ составъ крестьянскаго надѣла; но

кустарникъ, находящійся на предоставленныхъ крестьянамъ поляхъ, покосахъ и пастьбищахъ и состоявшій въ безплатномъ пользованіи крестьянъ, не исключается изъ крестьянскаго надѣла, подлежащаго выкупу (ст. 38). Находящіяся среди крестьянскаго надѣла рыбныя ловли (ст. 39), а также торговыя и базарныя площади, доходъ съ которыхъ поступаетъ непосредственно въ пользу дворцоваго или удѣльнаго вѣдомства, не включаются въ составъ крестьянской осѣдлости, но остаются во владѣніи названныхъ вѣдомствъ (ст. 46).

Въ теченіе пяти лѣтъ со дня изданія Указа 5 марта 1861 г., крестьяне сохраняютъ всѣ, состоящія въ ихъ пользованіи, угодья за прежнія повинности. Такимъ образомъ, до 5 марта 1866 г. измѣненія въ составѣ существующаго надѣла могли происходить не иначе, какъ съ согласія крестьянъ; но проекты отвода земель, подлежащихъ выкупу, должны быть составлены въ срокъ, назначенный для составленія уставныхъ грамотъ, и внесены въ нихъ такъ, чтобы при введеніи уставныхъ грамотъ было положительно опредѣлено и извѣстно крестьянамъ, какія именно угодья предоставляются имъ на выкупъ. Отводъ угодій, подлежащихъ выкупу, могъ быть назначаемъ (ст. 49) по полюбовному соглашенію удѣльнаго вѣдомства съ крестьянами, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ; если же соглашенія не послѣдуетъ, то—по правиламъ статей 50—58 Положенія. Въ означенныхъ статьяхъ, въ интересахъ крестьянъ, между прочимъ, оговорено слѣдующее: отрѣзка излишней, сверхъ подлежащаго выкупу надѣла, земли производится изъ тѣхъ ненавозныхъ пашенъ, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ (ст. 51), непоемныхъ покосовъ и кустарныхъ зарослей, которые отдалены отъ селеній, или расположены среди оброчныхъ и лѣсныхъ угодій удѣльныхъ или дворцовыхъ (ст. 50). Изъ поемныхъ луговъ, безъ согласія крестьянъ, можетъ быть отрѣзана только часть, соразмѣрная общей долѣ излишней земли (ст. 52). Въ пяти послѣднихъ мѣстностяхъ первой (нечерноземной) полосы, кромѣ угодій, входящихъ въ составъ усадебной земли, отрѣзкѣ безъ согласія крестьянъ не подлежатъ присельныя пахотныя поля. Запольныя пашни, разбросанныя отдѣльными участками по лѣснымъ пространствамъ, если онѣ по отводу должны будутъ отойти отъ крестьянъ въ полное распоряженіе удѣльнаго вѣдомства, остаются (въ уваженіе труда, употребленнаго на расчистку) въ безвозмездное пользованіе крестьянъ въ теченіе трехъ лѣтъ, со дня утвержденія Положенія (ст. 53).

При разверстанiи угодiй соблюдается общее правило, что, взамѣнъ отходящихъ отъ крестьянъ земель, отводятся имъ смежные съ ихъ угодьями участки, равняющiеся, по возможности, достоинствами тѣмъ участкамъ, которые отъ нихъ отходятъ (ст. 58).

Рядомъ съ этимъ, въ условiя отвода надѣловъ, для огражденiя интересовъ удѣльнаго вѣдомства, были включены нѣкоторыя оговорки, которыя впослѣдствiи вызвали не мало недоразумѣнiй и неудовольствiй со стороны крестьянъ. Такъ, если при разверстанiи среди крестьянскихъ угодiй окажутся пространства, неудобныя ни для пашни, ни для сѣнокоса, то таковыя пространства могутъ быть выдѣлены изъ крестьянскихъ угодiй и обращены во владѣнiе дворцоваго или удѣльнаго вѣдомствъ, если послѣдними это будетъ признано нужнымъ, но во всякомъ случаѣ только тогда, когда отъ этого для крестьянъ не произойдетъ явнаго ущерба или неудобства (ст. 58, п. 3). Во второй (черноземной) полосѣ и въ первой и второй мѣстностяхъ первой (нечерноземной) полосы мѣстное удѣльное управленiе, если не признаетъ возможнымъ оставить въ составѣ надѣла покосы и пашни, находящiеся среди лѣсовъ удѣльнаго и дворцоваго вѣдомствъ, то взамѣнъ ихъ отводитъ крестьянамъ равное количество удобной земли въ другомъ мѣстѣ, смежномъ съ крестьянскимъ надѣломъ, или, по возможности, въ недальнемъ разстоянiи отъ селенiя. Если взамѣнъ лѣсныхъ сѣнокосовъ не представится возможности отвести одинаковыя по достоинству земли изъ другихъ угодiй, то крестьяне должны быть вознаграждены инымъ способомъ, и только въ крайнемъ случаѣ лѣсные сѣнокосы могутъ быть обращены во владѣнiе удѣльнаго вѣдомства; причемъ соразмѣрно уменьшенiю годичнаго оброка должна уменьшиться и выкупная сумма за землю (ст. 58, п. 4). Огороды, капустники, хмѣльники и коноплянники, не вошедшiе въ составъ усадебныхъ земель, могутъ быть, для уничтоженiя чрезполостности, обращены во владѣнiе удѣльнаго вѣдомства; но крестьянамъ, кромѣ замѣны другою землею, предоставляется безплатное пользованiе этими угодьями въ теченiе трехлѣтняго срока, со времени разверстанiя угодiй (ст. 58, п. 5).

Сельскимъ обществамъ предоставлялось, по соглашенiю съ удѣльнымъ и дворцовымъ вѣдомствами, получать въ пользованiе, за особую плату,—съ отвѣтственностью за охраненiе и на сроки до 48 лѣтъ—принадлежащiя этимъ вѣдомствамъ—лѣсныя пространства, преимущественно разбросанныя между полями крестьянъ и приле-

гающія къ ихъ селеніямъ, на основаніяхъ, изложенныхъ подробно въ „Правилахъ", приложенныхъ къ ст. 126. По той же статьѣ (п. 2) тамъ, гдѣ пользованіе рыбными ловлями составляло одно изъ главныхъ средствъ существованія крестьянъ и исполненія возложенныхъ на нихъ повинностей, это пользованіе оставлялось за крестьянами на тѣхъ условіяхъ, какія будутъ опредѣлены Департаментомъ Удѣловъ, по сношеніи съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Если рыбныя ловли были предоставлены крестьянáмъ въ видѣ особой доходной статьи за особую плату или на особыхъ условіяхъ, то за такія рыбныя ловли, когда онѣ будутъ оставлены въ пользованіи крестьянъ, они вносятъ эту плату и исполняютъ эти условія сверхъ платежей, причитающихся по выкупу ими земельнаго надѣла. По пункту 3 ст. 126, въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ крестьяне занимаются охотою, какъ промысломъ, предоставлялось отдѣльнымъ изъ числа ихъ промышленникамъ получать безплатно отъ мѣстныхъ удѣльныхъ управленій дозволительные билеты на право охоты въ удѣльныхъ лѣсахъ, смежныхъ съ землею крестьянскаго надѣла. По пункту 4 той же статьи водяныя мельницы съ устроенными при нихъ плотинами, не составляющія оброчныхъ статей Удѣловъ, но принадлежащія мірскимъ обществамъ или отдѣльнымъ крестьянамъ и выстроенныя за ихъ счетъ, остаются въ ихъ распоряженіи. Но если крестьянамъ разрѣшено было устроить эти мельницы за особую плату, или на особыхъ условіяхъ, то крестьяне вносятъ эту плату и исполняютъ эти условія сверхъ платежей, причитающихся по выкупу ими поземельнаго надѣла. По „Правиламъ" объ отводѣ лѣсныхъ участковъ—во временное пользованіе за особую плату, въ шенкурскомъ и сольвычегодскомъ и отчасти въ вельскомъ уѣздахъ, архангельской и вологодской губерній, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ смолокурное лѣсное хозяйство, независимо отъ земельнаго надѣла, подлежащаго выкупу,—могутъ быть оставлены, по желанію крестьянъ, въ пользованіи ихъ, принадлежащіе Удѣламъ, отведенные сельскимъ обществамъ смолокурные кварталы и находящіяся при кварталахъ заказныя строевыя рощи, съ обязательствомъ выполненія предначертаннаго плана хозяйства устроенныхъ дачъ и охраненія ихъ, съ платою за лѣсные матеріалы и издѣлія изъ нихъ тѣхъ пошлинъ, какія опредѣлены мѣстною дѣйствующею таксою для лѣсовъ казенныхъ.

Такъ какъ въ надѣлъ крестьянъ поступало все количество

тягловой и запасной земли, числившееся по табелямъ поземельнаго сбора, то при этомъ денежный оброкъ за отведенную землю долженъ соотвѣтствовать показанной по табелямъ полной суммѣ поземельнаго сбора, за исключеніемъ лишь тѣхъ 1 р. 9 к. съ души, которые, по удѣльнымъ постановленіямъ, отчислялись на уплату за крестьянъ: 95 к. казенныхъ податей и 14 к. съ души—земскихъ повинностей. Отчисляемые изъ поземельнаго сбора 1 р. 9 к. съ души оставлялись въ распоряженіи крестьянъ, которые за симъ обязывались сами отбывать казенныя подати и земскія повинности (ст. 78). Въ тѣхъ случаяхъ, когда по ст. 24, 28 и 30 увеличивался назначенный по табели крестьянскій надѣлъ, оброкъ не долженъ былъ подлежать увеличенію за эти предоставляемые крестьянамъ излишнія противъ табели земли; но въ лѣсныхъ мѣстностяхъ тотемскаго и вельскаго уѣздовъ вологодской губ., гдѣ, согласно ст. 29 Положенія, въ составъ крестьянскаго надѣла входятъ пространства лѣса и оброчныхъ участковъ сверхъ высшаго размѣра, назначеннаго для этихъ мѣстностей по росписанію,—къ суммѣ оброка присоединяется сумма существующихъ платежей за означенныя пространства лѣса и оброчныхъ участковъ (ст. 79). Въ селеніяхъ, гдѣ не было введено поземельнаго сбора и гдѣ крестьяне состоятъ на подушномъ окладѣ, послѣдній составляетъ оброкъ для опредѣленія выкупной суммы (ст. 81). Въ тѣхъ случаяхъ, когда исчисленный въ доходъ удѣльнаго или дворцоваго вѣдомства оброкъ окажется выше размѣровъ, установленныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г., размѣръ душевого оброка съ крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній опредѣляется по Положенію 19 февраля, соотвѣтственно размѣру поземельнаго душевого надѣла, на основаніи росписанія, приложеннаго къ ст. 26 Положенія (ст. 82). Если получаемый надѣлъ окажется менѣе установленнаго для той мѣстности высшаго или указаннаго размѣра, но существующая съ нихъ повинность будетъ выше той, какая при подобномъ неполномъ надѣлѣ опредѣляется съ крестьянъ помѣщичьихъ правилами Положенія 19 февраля, 1861 г. то и въ этомъ случаѣ оброкъ назначается по Положенію 19 февраля (ст. 83). Также, какъ и для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, опредѣленный согласно Положенію, оброкъ за пріобрѣтаемую крестьянами каждаго сельскаго общества землю капитализируется изъ 6% (ст. 85). Отводъ надѣла и условія выкупа опредѣляются уставными грамотами, которыя должны быть составлены въ теченіе одного года, со дня полученія въ удѣль-

ныхъ конторахъ Положенія, а окончательно введены въ дѣйствіе по всѣмъ имѣніямъ въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня утвержденія Положенія (ст. 86 и 87). Если, при предъявленіи уставной грамоты, крестьяне заявятъ, что въ ихъ надѣлѣ находятся собственныя ихъ земли, купленныя на имя Департамента Удѣловъ по существовавшему до изданія Высочайшаго Указа 20 іюня 1858 г. порядку и что на эти земли имъ не выдано отъ Департамента надлежащихъ актовъ, то, по тщательной справкѣ по дѣламъ конторы, крестьянамъ или выдается Департаментомъ требуемый актъ, или же, если ходатайство крестьянъ неосновательно, управляющій конторою объясняетъ о томъ крестьянамъ, предоставляя имъ, въ случаѣ неудовольствія, принести жалобу въ Департаментъ Удѣловъ (ст. 105). По введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ указаннымъ въ Положеніи порядкомъ въ теченіе двухлѣтняго срока, окончательный отводъ крестьянамъ надѣла, подлежащаго выкупу, согласно уставной грамотѣ, долженъ быть произведенъ въ натурѣ удѣльнымъ вѣдомствомъ въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ шести лѣтъ. Всѣ расходы по сему предмету относятся на счетъ суммъ соотвѣтствующихъ имѣній; но существующая повинность въ поставкѣ рабочихъ и подводъ по межевымъ работамъ остается на обязанности крестьянъ (ст. 116).

Глава II.

Приведеніе въ дѣйствіе Положенія 26 іюня 1863 г. и общіе результаты новаго поземельнаго устройства бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.

Передача крестьянъ и особыхъ крестьянскихъ учрежденій въ общія вѣдомства.— Неудовольствія и безпорядки, возникавшіе при составленіи уставныхъ грамотъ.—Статистическія данныя о крестьянскихъ надѣлахъ, сравнительно съ предреформеннымъ положеніемъ.—Отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ въ натурѣ.—Общій выводъ изъ результатовъ поземельной реформы удѣльныхъ крестьянъ.

Составленію уставныхъ грамотъ и окончательному устройству поземельныхъ отношеній бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ предшествовала передача самихъ крестьянъ изъ удѣльнаго управленія, совершившаяся въ концѣ 1863 г. и въ первой половинѣ 1864 г. Вслѣдъ за передачей крестьянъ, удѣльное вѣдомство обязано было, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, передавать постепенно и особыя учрежденія, заведенныя для крестьянъ, а равно и крестьянскіе капиталы, имъ принадлежащіе.

Въ силу этого, уже въ 1864 г. состоялась передача врачебной части во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ въ вѣдѣніе губернскихъ комитетовъ общественнаго здравія.

Затѣмъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 14 іюля 1864 г. Положенія о начальныхъ училищахъ и циркуляра Департамента Удѣловъ отъ 15 марта 1865 г.—управляющіе удѣльными конторами въ 1865 году передали училищныя суммы и всю хозяйственную часть сельскихъ школъ въ открытыя вмѣсто удѣльныхъ приказовъ волостныя правленія, а надзоръ за учебною частью въ школахъ былъ тогда же переданъ въ вѣдѣніе училищныхъ совѣтовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ губерніяхъ, гдѣ училищныхъ совѣтовъ не было—въ губернскія дирекціи училищъ.

По достиженіи соглашенія съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ относительно

способовъ передачи состоявшихъ только въ удѣльномъ управленіи казенныхъ земель, лѣсовъ и государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій въ новгородской и симбирской губерніяхъ, передача этихъ крестьянъ и имуществъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ мировыхъ учрежденій совершилась по новгородской губерніи къ 1 ноября 1865 г. и по симбирской губерніи къ 15 ноября 1865 года.

По обнародованіи Положенія 1863 года, удѣльные крестьяне отозвались многочисленными адресами Государю Императору, поднесеніемъ хлѣба-соли, пожертвованіями и другими способами выраженія своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и благодарности за дарованныя имъ права и льготы по поземельному устройству.

Рядомъ съ этимъ, однако, дѣло не обошлось и безъ недоразумѣній, которыя стали возникать уже въ 1863 г., „вслѣдствіе ложныхъ толкованій Положенія", какъ говорится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1863 г. по Министерству Удѣловъ.

Въ отчетѣ за 1864 г. отмѣчается уклоненіе крестьянъ отъ соглашеній при составленіи уставныхъ грамотъ „въ самарскомъ и костромскомъ имѣніяхъ, вслѣдствіе недовѣрія, возбужденнаго среди крестьянъ ложными слухами о томъ, что подписываніе грамотъ будетъ сопровождаться для нихъ потерею свободы и личнымъ закрѣпощеніемъ и что, по подписаніи грамотъ, на нихъ будетъ положенъ высшій оброкъ". Кромѣ того, уклоненія отъ соглашеній случались по оренбургскому и сарапульскому имѣніямъ, въ которыхъ они зависѣли, по свидѣтельству отчета, главнымъ образомъ отъ того, что, крестьяне, „проживая на окортомленныхъ предками ихъ башкирскихъ земляхъ, вслѣдствіе того стремятся къ отысканію правъ собственности на эти земли, на основаніи договоровъ съ башкирами о первоначальномъ припускѣ". Однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла, рядомъ съ ложными слухами и заблужденіями крестьянъ, въ корнѣ недоразумѣній лежали и реальные интересы крестьянъ, затронутые новымъ Положеніемъ. Къ этому присоединялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ слишкомъ формальное отношеніе къ дѣлу со стороны мѣстныхъ представителей удѣльнаго управленія.

Въ 1864—65 гг. особенно значительныя волненія наблюдались по самарскому, саратовскому и сарапульскому удѣльнымъ имѣніямъ.

Остановимся на болѣе крупныхъ безпорядкахъ и недоразу-

мѣніяхъ, возникшихъ по поводу новаго поземельнаго устройства, на ихъ причинахъ и способахъ умиротворенія.

Первый слухъ о волненіяхъ, при составленіи уставныхъ грамотъ въ 1864 г., былъ полученъ въ Самарѣ въ мартѣ мѣсяцѣ изъ камечской волости, николаевскаго уѣзда, вѣдомства Саратовской Удѣльной Конторы: крестьяне требовали въ даръ одной четверти высшаго надѣла и, не получивъ удовлетворенія, отправили въ Петербургъ ходоковъ къ Государю. Съ половины мая начали появляться и въ самарскомъ удѣльномъ имѣніи нѣкоторые симптомы волненій, выражавшіеся въ бурныхъ сходкахъ, на которыхъ крестьяне высказывали опасенія, что платежи, назначаемые по уставнымъ грамотамъ, потомъ будутъ возвышены. Вслѣдствіе такаго опасенія, на сходкахъ высказывалось, также какъ и въ каменской волости, желаніе получить только ¼ надѣла въ даръ, т. е. удѣльные крестьяне, подобно многимъ изъ помѣщичьихъ, вслѣдствіе непониманія своихъ дѣйствительныхъ выгодъ, настаивали на примѣненіи къ нимъ 123 ст. Мѣст. Вел. Пол., создавшемъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ крайне невыгодные для нихъ четвертные (нищенскіе) надѣлы. Волненія, начавшіяся въ одномъ лишь селеніи, быстро распространились по центральной части самарскаго и большей части ставропольскаго уѣздовъ. Опасенія увеличенія платежей смѣнились затѣмъ уже прямымъ утвержденіемъ, что оброки, назначаемые по грамотамъ (отъ 3 р. 20 к. до 4 р. за душевой надѣлъ въ 6—7 десятинъ) будутъ взиматься не съ душевого надѣла, а съ каждой его десятины. Ходилъ также слухъ, что существуетъ Царскій указъ, по которому крестьяне должны получить „Царскую десятину“ даромъ. Ожиданіе Царскаго указа привело къ мысли о подложности Положенія 1863 г., которое называлось министерскимъ и имѣло, будто бы, цѣлью закрѣпить крестьянъ за Министромъ. Въ другихъ случаяхъ неудовольствіе вызывалось весьма значительными отрѣзками земель у крестьянъ; такъ, въ двухъ селеніяхъ — въ Сухой Вязовкѣ и Яблоновомъ Врагѣ—отрѣзки земли достигали 4 и 6 тысячъ десят. Крестьяне ссылались еще на ежегодное повышеніе платежей, достигающихъ, будто, 23 рублей съ каждой души (это заявленіе оказалось ложнымъ). Мѣстные представители удѣльнаго вѣдомства объясняли волненія медлительностью и неувѣренностью въ дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ при вводѣ уставныхъ грамотъ; затѣмъ приписывали безпорядки дурному вліянію

на общества порочныхъ крестьянъ, которые „воспользовались ослабленіемъ административной власти, неизбѣжнымъ при перемѣнѣ управленія, для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей“. Далѣе, представителями удѣльнаго вѣдомства волненія и безпорядки объяснялись ложными опасеніями крестьянъ попасть въ крѣпостную зависимость и, наконецъ, особенностью коренного начала Положенія 26 іюня 1863 г., по которому устанавливалась обязательность выкупа и при томъ всего надѣла, числящагося за крестьянами.

Безпорядки среди крестьянъ самарскаго имѣнія не ограничились однимъ протестомъ противъ Положенія 1863 г., но приняли болѣе общій характеръ. Крестьяне обнаруживали неповиновеніе мировымъ посредникамъ и своему ближайшему начальству, устраивали бурные сходы, отказывались подписывать грамоты, вступать въ соглашеніе съ удѣльнымъ управленіемъ, цѣлыми массами желали записываться въ мѣщане и казаки, оставляли невоздѣланными свои поля, и т. д.

Съ октября 1864 г. начали, однако, замѣчаться уже первые признаки улучшенія въ настроеніи крестьянъ: исчезли бурные сходы, нѣкоторые крестьяне уже раньше принялись за обработку своихъ полей, введеніе уставныхъ грамотъ пошло успѣшнѣе. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ самарскую губернію, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ свиты Его Величества генералъ-майоръ графъ Бобринскій. Волненія мало по малу стали стихать, а въ апрѣлѣ 1865 г. совсѣмъ прекратились.

Останавливаясь на отношеніи къ крестьянамъ мировыхъ посредниковъ въ разсматриваемое время, мѣстные представители Удѣловъ, въ своихъ донесеніяхъ отмѣчали, что „посредники вначалѣ дѣйствовали очень осторожно и не спѣшили съ введеніемъ уставнымъ грамотъ, но затѣмъ, когда волненія усилились и приняли значительные размѣры и особенно по пріѣздѣ графа Бобринскаго, дѣятельность посредниковъ оживилась“. При этомъ вслѣдствіе того, что уставныя грамоты во многихъ случаяхъ невыгодно для крестьянъ измѣняли фактическія условія ихъ землепользованія, а также потому, что крестьяне нѣкоторыхъ селеній считали землю, на которой они были водворены, купленной у калмыковъ въ собственность, введеніе уставныхъ грамотъ встрѣтило въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильное сопротивленіе, и администраціи приходилось прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ строгости. Такъ было въ кологривской волости, въ средней

и южной частяхъ самарскаго уѣзда, въ ставропольскомъ уѣздѣ.

Въ границахъ сарапульскаго удѣльнаго имѣнія—по вятской губ. въ сарапульскомъ уѣздѣ—введеніе уставныхъ грамотъ также встрѣтило противодѣйствіе крестьянъ. Крестьяне волостей нечкинской, козловской, галановской, мостовинской и каракулинской не вступали въ соглашеніе съ удѣльнымъ начальствомъ объ отрѣзкѣ излишнихъ противъ табели поземельнаго сбора земель и отказывались отъ подписанія уставныхъ грамотъ. Такія дѣйствія крестьянъ, главнымъ образомъ, поддерживались здѣсь слухами и убѣжденіемъ о томъ, что земли ихъ не удѣльныя, а куплены предками ихъ у башкиръ. Нѣкоторые заявляли, что если примутъ или подпишутъ грамоты, то будутъ принадлежать министру и что каждый годъ будетъ особая накидка повинностей, а раскольники къ этому еще примѣшивали свои религіозныя убѣжденія и увѣряли, что грамотами ихъ подбиваютъ къ Антіи (Антихристу). Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ пяти волостяхъ, кромѣ весьма незначительныхъ случаевъ, особеннаго нарушенія порядка, при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, нигдѣ не было произведено. Удѣльное начальство, за отказомъ крестьянъ входить въ соглашеніе объ отрѣзкѣ излишнихъ земель, дѣлало отрѣзку земель на планѣ само. При этомъ, конечно, могли быть отрѣзаны и такія земли, которыя необходимы крестьянамъ и которыя остались бы за ними, если бы они вошли въ соглашеніе. Чтобы по возможности устранить впослѣдствіи недоразумѣнія, какія могли отъ этого возникнуть со стороны крестьянъ при отводѣ имъ земель въ натурѣ, командированный въ означенныя волости—членъ отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи,—г. Красниковъ, въ виду Положенія 26 іюня 1863 г., которымъ высказана забота о судьбѣ удѣльныхъ крестьянъ, обращался съ просьбою къ управляющему удѣльною конторою призывать, хотя частнымъ образомъ, отдѣльно нѣсколькихъ лицъ отъ каждаго селенія и, по указанію ихъ, на планахъ назначить, на основаніи Положенія, къ выкупу такія мѣста, которыя болѣе удобны для крестьянъ. Въ донесеніи губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію по этому дѣлу г. Красниковъ, отмѣчая общее въ волостяхъ нечкинской, козловской, мостовинской, галановской и каракулинской спокойствіе, обращалъ вниманіе на убѣжденіе крестьянъ, какъ означенныхъ волостей, такъ

и смежныхъ съ ними селеній бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ оренбургской и пермской губерній, что земли, принадлежащія Удѣламъ, есть ихъ собственныя и указывалъ на то, что вслѣдствіе подобныхъ убѣжденій крестьяне, вѣроятно, неохотно встрѣтятъ имѣющую послѣдовать отрѣзку земель; для того же чтобы крестьяне не сдѣлались жертвой ложныхъ убѣжденій и не дозволили себѣ какого-либо ослушанія, по мнѣнію г. Красникова, было бы не лишнее просить о назначеніи въ сарапульскій уѣздъ нѣсколькихъ сотенъ казачьяго полка, не въ видѣ экзекуціи, подвергать которой крестьянъ нѣтъ основанія, но для постояннаго на нѣкоторое время квартированія, которое, при недороговизнѣ въ томъ краѣ провіанта и фуража, не могло бы стоить дороже, нежели въ другихъ мѣстностяхъ *).

Большіе безпорядки, съ обращеніемъ мѣстной администраціи къ содѣйствію военной силы, закончившіеся лишь послѣ высокогуманнаго воздѣйствія Государя Императора, произошли въ частинской и устиновской волостяхъ, пермской губ. оханскаго уѣзда. При составленіи уставныхъ грамотъ въ этой мѣстности, крестьяне не являлись на сходъ, не давали повѣренныхъ, а по приближеніи мирового посредника и исправника въ западническомъ обществѣ (частинской волости) ихъ встрѣтила толпа изъ 700 человѣкъ разныхъ селеній съ кольями. Командированному по этому дѣлу на мѣсто безпорядковъ члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ горнаго вѣдомства, подполковнику Антипову, крестьяне, на собранномъ сходѣ отъ всѣхъ отдѣленій, въ количествѣ 1000 душъ, при началѣ чтенія уставныхъ грамотъ, въ одинъ голосъ закричали, что не хотятъ слушать грамоты и не принимаютъ ихъ, потому что „не хотятъ къ Министру".

Послѣ арестованія нѣкоторыхъ изъ протестовавшихъ, грамоты были прочтены. По выслушаніи грамотъ, на вопросъ подполковника Антипова, выборные отъ крестьянъ выяснили свои претензіи, которыя сводились къ слѣдующему:

1) крестьяне не желаютъ, чтобы у нихъ отрѣзывалась земля, бывшая въ ихъ пользованіи сверхъ высшаго размѣра, установленнаго Положеніемъ 19 февраля 1861 г. На это крестьянамъ былъ прочитанъ Указъ 5 марта 1861 г. и 31 ст. удѣльнаго Положенія;

*) Дѣло по Сарапульской Конторѣ, 5 дѣлопроизводства, по архиву вѣчн. хран., № 3, св. № 1.

2) если отрѣзки дѣлаются по закону, возражали выборные, то почему въ надѣлъ поступаютъ земли не по ихъ выбору. На это крестьянамъ было разъяснено, что съ цѣлью добровольныхъ соглашеній съ ними на этотъ счетъ къ нимъ и пріѣзжалъ управляющій удѣльною конторою, но они не только съ своей стороны не предъявили никакихъ указаній, но не хотѣли его даже слушать;

3) въ Положеніи для оханскаго уѣзда опредѣлено по 6 дес. на душу, а въ уставныхъ грамотахъ назначено только 5. Крестьянамъ было разъяснено, что уменьшеніе надѣла съ 6 на 5 дес. было сдѣлано законнымъ порядкомъ, съ утвержденія губернскаго присутствія, по представленію управляющаго конторой, на томъ основаніи, что сосѣди ихъ, крестьяне устиновской удѣльной волости, осинскаго уѣзда, получая по 5 дес. на душу, платятъ оброкъ гораздо большій; земли же у тѣхъ и у другихъ одинаковыя;

4) удѣльные крестьяне не хотятъ „къ Министру". При разспросахъ крестьянъ, что они разумѣютъ подъ этимъ, они заявили слѣдующее: „Помѣщичьи крестьяне нашей губерніи обижены кругомъ, жаловались, писали и ходили до Министра, толку не вышло никакого. Вѣдь наровятъ все не по Царскому велѣнью. Мы не хотимъ быть собственниками, а хотимъ остаться подъ Удѣломъ".

Какъ можно видѣть изъ изложеннаго, претензіи крестьянъ включительно даже до нелѣпаго на первый взглядъ нежеланія „къ Министру"—имѣли въ корнѣ фактическія основанія отстаиванія своихъ интересовъ. Уменьшеніе надѣла для частинской волости противъ нормальнаго по Положенію, чтобы не было обидно крестьянамъ сосѣдней устиновской волости осинскаго уѣзда, гдѣ надѣлъ полагался въ 5, а не 6 десятинъ, крестьяне проникнутые вѣрою въ Государевы о нихъ заботы, естественно должны были считать „не по Царскому велѣнью". Какъ можно судить по послѣдующему ходу дѣла, ихъ не убѣдили доводы подполковника Антипова и прочтеніе имъ примѣчанія къ ст. 26 Положенія, въ силу котораго губернскому присутствію предоставлено право къ селеніямъ одной мѣстности примѣнять размѣръ надѣла, установленный для другой ближайшей мѣстности *).

*) На донесеніи объ этомъ дѣлѣ Министру Двора, онъ сдѣлалъ помѣтку: „Теперь, конечно, никакой уступки сдѣлать нельзя, но сожалѣю, что, въ предупрежденіе могущаго произойти неудовольствія, не были приняты другія мѣры къ уравненію пользованія между собою двухъ сосѣднихъ волостей".

Хотя Антипову, повидимому, удалось на первый разъ нѣсколько успокоить волненіе, но, по его отъѣздѣ, безпорядки возобновились и крестьяне частинской и устиновской волостей снова начали самовольно устраивать сходы, отбирать печати у сельскихъ старостъ, смѣнять должностныхъ лицъ волостного правленія и проч. Исправникъ, явившись на мѣсто безпорядковъ, подвергся побоямъ и пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, безъ чего, повидимому, можно было бы обойтись, если бы мѣстное управленіе менѣе полагалось на мѣры строгости и нѣсколько иначе отнеслось съ самаго начала къ дѣлу *).

Когда о безпорядкахъ въ частинской волости и о причинахъ ихъ было доложено Министромъ Двора Государю Императору, а также о командированіи въ сарапульское имѣніе коллежскаго совѣтника Каминскаго, съ цѣлью успокоенія крестьянъ въ отношеніи ихъ земельнаго надѣла, то Его Величество изволилъ повелѣть о послѣдствіяхъ командировки Каминскаго донести и при этомъ замѣтилъ, что распоряженіе Департамента Удѣловъ, приведенное въ исполненіе Губернскимъ Присутствіемъ (объ отнесеніи частинской волости къ мѣстности съ 5 дес. нормой надѣловъ вмѣсто 6), было не совсѣмъ основательно и неосторожно.

Послѣ такого отношенія Государя Императора къ дѣлу частинскихъ крестьянъ, Каминскому удалось дѣло привести къ благополучному концу. Вотъ что онъ доносилъ Управляющему Департаментомъ Удѣловъ 2 іюля 1865 года.

„Крестьяне какъ въ вятской, такъ и въ пермской губерніяхъ теперь успокаиваются однимъ только добрымъ участіемъ въ ихъ ближайшихъ интересахъ, личнымъ разъясненіемъ правъ, имъ дарованныхъ, и удовлетвореніемъ удобоисполнимыхъ ихъ требованій". Въ устиновской и ершовской волостяхъ, осинскаго уѣзда, общества приняли Каминскаго весьма хорошо и выслушивали повсюду со вниманіемъ. Онъ лично указывалъ въ большомъ числѣ селеній земельный отводъ въ натурѣ, промѣнивалъ

*) Исправлявшій должность члена отъ удѣльнаго вѣдомства въ пермскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, г. Костыревъ, еще въ апрѣлѣ писалъ: „необходимы немедленныя и продолжительныя мѣры, которыя бы обуздали своевольство народа. А для этого я не знаю лучшей мѣры, какъ расквартированіе на продолжительное время регулярныхъ войскъ въ удѣльныхъ волостяхъ, по крайней мѣрѣ, по одному батальону на каждую нынѣшнюю волость. Всѣ согласились (въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ) съ практичностью этой мѣры, но въ настоящее время она не можетъ быть исполнена по неимѣнію въ губерніи другихъ войскъ, кромѣ губернскаго батальона и кадръ, обучающихъ рекрутъ".

лѣсные отрѣзки и колки, среди ихъ угодій разбросанные, частью по оврагамъ и неудобнымъ мѣстамъ, нѣкоторые по двѣ дес. за одну дес. угодій, а другія, совершенно неудобныя крутизны, хотя считались по планамъ лѣсными пространствами, отдавалъ въ числѣ неудобной. „Благодарность была замѣчательная и вездѣ сознаніе своей вины, причемъ крестьяне отзывались чистосердечно неуразумѣніемъ Положенія“.

Въ частинской волости, гдѣ надѣлъ уменьшенъ съ 6 на 5 дес., Каминскаго встрѣтили не совсѣмъ довѣрчиво и съ замѣтнымъ опасеніемъ, но когда имъ было объяснено все, что слѣдуетъ, и слова подтверждены дѣломъ, такъ какъ Каминскій лично указывалъ надѣлы, доказывая выгоду добровольныхъ соглашеній, послѣднія не заставили себя ждать.

Когда способъ подобнаго надѣла крестьяне увидали практически для себя полезнымъ, такъ какъ имъ предложено было промѣнивать 3 дес. лѣсныхъ колковъ за 1 дес. крестьянскихъ угодій, съ заверстаніемъ всѣхъ овраговъ и крутизнъ, встрѣчавшихся въ срединѣ ихъ надѣловъ, то Каминскій встрѣтилъ чрезвычайно много радушія, „такъ что разстались уже весьма дружелюбно“.

„За включеніемъ въ уставныя грамоты текста, лишающаго возможности въ настоящее время“, писалъ Каминскій, „юридически помочь нравственному дѣлу, казалось бы, и не слѣдовало входить съ крестьянами частинской волости въ какіе-либо переговоры, какъ преждевременные, но съ другой стороны, по обстановкѣ и особенности этого дѣла, когда обращено на немедленное умиротвореніе крестьянъ и Высочайшее вниманіе“, Каминскій нашелъ возможнымъ теперь же и войти съ ними въ соглашеніе, „чтобы показать имъ, всему населенію и, наконецъ, постороннему вмѣшательству, что Правительство даетъ все, что слѣдуетъ, и что одно недоумѣніе и раздраженіе крестьянъ ввело ихъ въ крайніе безпорядки, тѣмъ болѣе, что вновь прибывшій начальникъ пермской губерніи объявилъ ему волю Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ успокоенію“. Взвѣсивъ всѣ эти случайныя требованія настоящаго дѣла и „ободряясь счастливыми дѣйствіями во всѣхъ взволнованныхъ мѣстахъ, гдѣ достигается полный спокойный успѣхъ, безъ всякаго ущерба удѣльному имуществу, но только съ соблюденіемъ логичнаго естественнаго порядка во владѣніяхъ“ Каминскій сталъ входить съ частинскими крестьянами въ ближайшіе переговоры, объясняя

имъ, „что при взаимныхъ соглашеніяхъ, Удѣлъ можетъ подробнѣе уяснить неудобности ихъ угодій и всѣ лѣсные колки или заполоски, вошедшіе въ средину крестьянскихъ надѣловъ, тщательно и по ихъ же указанію пересмотрѣть все на мѣстахъ и, такимъ образомъ, посредствомъ добровольныхъ соглашеній, они будутъ имѣть возможность пріобрѣсти болѣе округленныя и сподручныя угодья и даже пріобрѣсти лѣсныя пространства, пожалуй, на столько, что составится надѣлъ не менѣе той десятины, которой по закону хотя имъ и не слѣдуетъ, а по полюбовному соглашенію при разверстаніяхъ и мѣстному удобству владѣній можетъ быть, въ видѣ вознагражденія, уступлена изъ лѣсныхъ колковъ, какъ это дѣлается во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ только крестьяне входятъ въ добровольныя соглашенія“.

Въ заключеніе своего донесенія Каминскій говоритъ: „въ личной дѣятельности къ установленію порядка недостатка не будетъ; я вездѣ бываю самъ и самъ направляю чиновниковъ на мѣстахъ къ удовлетворенію взаимныхъ интересовъ и полнаго спокойствія, такъ что, чѣмъ болѣе вхожу въ дѣло, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что утраченныя, было, добрыя отношенія крестьянъ къ Удѣлу, нынѣ возстановляются путемъ самымъ добрымъ, и войскъ, конечно, не употребимъ. Такъ угодно было Государю Императору высказать дѣйствительному статскому совѣтнику Струве, такъ изволили направлять меня Ваше Сіятельство, такъ, съ Божіею помощью, достигается и на самомъ дѣлѣ“.

Объ общемъ характерѣ перемѣнъ въ поземельномъ владѣніи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, въ результатѣ реформы, можно судить по даннымъ, приведеннымъ въ нижеслѣдующей таблицѣ.

	Число утвержденныхъ уставныхъ грамотъ.	Число селеній, по которымъ утверждены уставныя грамоты.	Число душъ, надѣленныхъ землею.	Въ пользованіи крестьянъ находилось земли: по табели поземельнаго сбора.	Въ пользованіи крестьянъ находилось земли: по послѣднему измѣренію.	Высшій размѣръ надѣла по Положенію 19 февраля 1861 г.: всего.	Высшій размѣръ надѣла по Положенію 19 февраля 1861 г.: на душу.
					Д	е	с я
А. По удѣльнымъ имѣніямъ:							
губерній:							
астраханской.	1	1	835	4.864	6.495	10.020	12
архангельской	46	858	24.685	38.785	61.752	172.795	7
владимірской	422	427	29.977	121.075	139.853	127.304	$3^1/_2$— $4^1/_2$
вологодской	118	1.095	37.624	52.783	124.597	270.427	$4^1/_2$— 8
вятской.	738	846	72.453	229.531	355.265	289.812	4
казанской	58	72	15.658	54.357	69.257	62.028	$3^1/_2$— 4
костромской	1.695	1.797	63.292	254.245	287.601	318.961	4 — 6
московской.	138	141	26.546	52.107	52.394	80.920	3 — $3^1/_2$
нижегородской	99	480	29.405	88.812	129.670	119.326	$3^1/_4$— 5
новгородской	216	656	25.859	65.376	103.154	166.854	$5^1/_2$— 7
олонецкой	2	17	1.248	3.656	7.164	8.736	7
орловской	147	152	36.536	131.929	152.696	144.209	3 — 4
оренбургской.	4	4	1.036	6.546	7.112	6.484	6 — 7
пермской.	60	176	16.200	55.445	103.269	86.230	5 — 6
с.-петербургской	73	110	7.285	4.609	29.523	27.562	$3^1/_4$— 4
саратовской	54	71	29.131	162.272	172.415	135.156	4 — 7
самарской	249	284	119.390	795.798	921.009	589.278	4 —12
симбирской.	624	745	236.483	999.122	1.068.629	846.864	$3^1/_4$— 4
тверской	497	564	27.525	146.372	159.981	123.454	4 — 5
уфимской.	114	118	24.779	85.670	101.844	117.981	$4^1/_2$— 5
Итого.	5.355	8.614	825.947	3.353.354	4.053.680	3.704.401	3 —12
Б. По Государевымъ и дворцовымъ имѣніямъ:							
губерній:							
владимірской	111	111	9.348	40.823	41.517	33.959	$3^1/_2$— 4
московской.	66	66	9.576	21.493	26.034	30.069	3 — $3^1/_2$
с.-петербургской	97	126	9.962	—	33.345	28.877	$3^1/_4$— 5
Итого.	274	303	28.886	62.316	100.896	92.905	3 — 5
В. По Собственнымъ Его Величества имѣніямъ:							
Бородинскому.	1	2	117	716	623	409	$3^1/_2$
Ропшинскому.	8	17	1.283	5.237	6.417	5.132	$3^1/_4$— 4
Итого.	9	19	1.400	5.953	7.040	5.541	$3^1/_4$— 4
Г. По Гдовскому Ея Величества имѣнію.	75	82	6.521	—	66.004	35.866	$5^1/_2$
Итого.	75	82	6.521	—	66.004	35.866	$5^1/_2$
Д. По Дудергофскому Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича имѣнію . . .	6	11	394	751	1.457	1.576	4
Итого.	6	11	394	751	1.457	1.576	4
Всего по имѣніямъ, состоящимъ въ завѣдываніи Департамента Удѣловъ	5.719	9.029	863.148	3.422.374	4.229.077	3.840.289	3 —12

Назначено въ надѣлъ удобной земли по уставнымъ грамотамъ.		Выкупная сумма за землю.	Годовые выкупные платежи:			Средняя цѣна десятины, отведенной крестьянамъ въ надѣлъ.	
всего.	на душу.		съ общества.	съ души.			
т и н ъ.		Руб.	Руб.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
6.495	7,78	57.499	3.450	4	13	8	79
102.161	4,14	1.217.200	73.032	2	95	12	58
129.934	4,33	1.744.597	104 676	3	50	13	59
261.265	6,94	1.939.366	116.362	3	9	7	43¼
280.490	3,87	3.851.273	231.076	3	19	13	73
61.974	3,96	839.722	50,383	3	22¼	13	56¾
308.317	4,87	3.823.105	229.386	3	62¾	12	40
54.036	2,03	1.532.504	91.950	3	46¼	29	66
116.519	3,96	1.816.098	108.966	3	70½	15	58½
161.130	6,23	1.200.023	72.000	2	78	7	39
8.736	7	61.909	3.715	2	98	7	8
140.086	3,94	2.213.205	132.792	3	63	15	74½
6.479	6,25	50.368	3.022	2	97	8	64
82.505	5,09	812.108	48.727	2	94¾	9	84½
26.148	3,58	676.759	40.606	5	57¼	25	98
160.836	5,52	2.240.332	134.420	4	63	13	95¼
807.815	6,77	7.881.954	472.917	3	99¾	9	77½
1.011.948	4,28	13.878.828	832.730	3	52	13	71
156.841	5,70	1,653.984	99.239	3	60½	10	60
99.604	4,02	1.168.166	70.090	2	82¾	11	72¼
3.983.319	4,81	48.659.000	2.919.539	3	54	12	28
41.183	4,30	736.257	44.175	4	72¾	18	5⅓
26.190	2,74	633.001	37,980	3	96½	25	5
28.966	2,01	821.702	49.302	4	94¾	29	5
96.339	3,34	2.190.960	131.457	4	55	22	76½
623	5,32	7.004	420	3	59	11	23¼
5.589	4,36	72.226	4.334	3	37¾	12	92½
6.212	4,44	79.230	4.754	3	39½	12	75¼
37.921	5,8	373.870	22.432	3	44	9	59
37.921	5,8	373.870	22.432	3	44	9	59
1.457	3,7	19.717	1.183	3	—	13	53
1.457	3,7	19.717	1.183	3	—	13	53
4.125.248	4,78	51.322.777	3.079.465	3	56	12	44½

Изъ этой таблицы видно, что предъ реформою у 825.947 ревизскихъ душъ удѣльныхъ крестьянъ числилось по табелямъ поземельнаго сбора въ пользованіи 3.353.354 дес. земли, а по „послѣднему измѣренію“ оказалось въ дѣйствительномъ владѣніи 4.053.680 дес., или на 700.326 дес. болѣе; такимъ образомъ, въ среднемъ, на душу предъ составленіемъ уставныхъ грамотъ означенные крестьяне имѣли въ своемъ распоряженіи 4,91 дес. При разсчетѣ по нормамъ высшаго душевого надѣла въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ по Положенію 19 февраля 1861 г., Удѣламъ слѣдовало бы отвести своимъ крестьянамъ 3.704.401 дес., или 4,48 на одну ревизскую душу; по уставнымъ же грамотамъ имъ назначено удобной земли 3.983.319 дес., или 4,81 дес. на душу, т. е. болѣе на 278.918 дес., или по $^1/_3$ десятины на душу.

Затѣмъ съ другой стороны мы изъ этой таблицы видимъ, что разность—между фактическимъ владѣніемъ крестьянъ, которое выяснилось инструментальнымъ измѣреніемъ и тѣмъ, что числилось за ними номинально и оплачивалось по табелямъ поземельнаго сбора—была по губерніямъ очень различна. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эта разница превышала 50% (въ архангельской она составляла 60%, въ вятской—65%, въ пермской—82% и въ вологодской—даже 136%), тогда какъ въ другихъ губерніяхъ разница эта была довольно незначительна (въ тверской губ. 9%, въ симбирской 7%, въ саратовской 6% и въ московской даже всего только 0,005%); для всѣхъ же двадцати губерній эта разница составила почти на 21% превышеніе дѣйствительнаго средняго душевого участка надъ числившимся по табелямъ поземельнаго сбора. А такъ какъ, согласно Положенію 26 іюня 1863 г., находившіеся во владѣніи крестьянъ излишки, противъ показаннаго въ табеляхъ количества тягловыхъ и запасныхъ земель, въ надѣлъ не включались (Пол. ст. 23),—то посему часть такихъ излишнихъ земель пришлось отъ крестьянъ отрѣзать и въ результатѣ общая площадь бывшихъ въ ихъ фактическомъ владѣніи земель нѣсколько уменьшилась; въ конечномъ результатѣ фактическое землепользованіе крестьянъ по отводѣ надѣловъ сократилось на 70.326 дес., или на 1,7% той площади, какою они ранѣе владѣли.

Сравнительныя данныя по отдѣльнымъ губерніямъ, подтверждающія сказанное, можно видѣть въ слѣдующей таблицѣ, гдѣ приведены въ процентахъ относительно надѣловъ по уставнымъ грамотамъ разности между этими надѣлами и тѣмъ количествомъ

земли, какое считалось у крестьянъ по табелямъ поземельнаго сбора и какое оказалось въ фактическомъ владѣніи крестьянъ по измѣренію въ натурѣ, а также—какое приходилось бы имъ, если бы они получали надѣлы по высшему размѣру, указанному въ Положеніи 19 февраля 1861 г.

ГУБЕРНІИ.	Число душъ удѣльныхъ крестьянъ.	Надѣлъ по уставнымъ грамотамъ болѣе (+) или менѣе (—)		
		количества земли у крестьянъ по табели поземельнаго сбора.	количества земли, оказавшагося у крестьянъ по измѣренію въ натурѣ.	высшаго размѣра надѣловъ по Положенію 19 февраля 1861 г.
		въ процентахъ.		
Вологодская	37.624	+394,9	+109,6	— 3,4
Архангельская	24.685	+163,4	+ 65,4	— 59,0
Новгородская	25.859	+146,5	+ 56,2	— 3,4
Олонецкая	1.248	+138,9	+ 21,9	0
Костромская	63.292	+ 21,2	+ 7,2	— 3,4
Московская	26.546	+ 3,7	+ 3,1	— 33,2
Астраханская	835	+ 33,5	0	— 35,2
Тверская	27.525	+ 7,1	— 2,0	+ 27,0
Уфимская	24.779	+ 16,2	— 2,2	— 15,6
Симбирская	236.483	+ 1,2	— 5,3	+ 19,5
Саратовская	29.131	— 0,9	— 6,8	+ 19,0
Владимірская	29.977	+ 7,3	— 7,1	+ 2,1
Орловская	36.536	+ 6,1	— 8,3	— 2,9
Оренбургская	1.036	— 1,1	— 8,9	— 0,1
Нижегородская	29.405	+ 31,2	— 10,2	— 2,4
Казанская	15.658	+ 14,0	— 10,6	— 0,1
С.-Петербургская	7.285	+467,3	— 11,4	+ 7,5
Самарская	119.390	+ 1,5	— 12,3	+ 37,1
Пермская	16.200	+ 48,8	— 20,2	— 4,4
Вятская	72.453	+ 22,2	— 22,1	— 3,2
ИТОГО	825.947	+ 18,8	— 1,7	+ 7,5

Эта таблица показываетъ намъ:

1) что тягловыя и запасныя земли, числившіяся за крестьянами по табелямъ поземельнаго сбора, крестьяне сохранили сполна и даже получили къ этимъ землямъ прибавку, составляющую 18,8% на всю площадь этихъ земель;

2) что дѣйствительное землевладѣніе по отводѣ надѣловъ сократилось на 1,7% въ среднемъ. Этотъ процентъ, взятый самъ по себѣ, довольно незначителенъ, но по отдѣльнымъ губерніямъ онъ представляетъ существенное различіе. Въ 6 губерніяхъ удѣльные крестьяне получили даже прирѣзку къ землямъ, находившимся ранѣе въ ихъ фактическомъ владѣніи; но за то въ 13 губерніяхъ отъ нихъ были сдѣланы отрѣзки въ размѣрѣ отъ 2% до 22%, при чемъ наибольшіе отрѣзки (свыше 10%) упадаютъ преимущественно на губерніи восточныя и сѣверо-восточныя, т. е. именно на тѣ мѣстности, въ которыхъ введеніе уставныхъ грамотъ и вызывало болѣе всего неудовольствій и недоразумѣній;

3) что по сравненію съ высшими нормами надѣловъ, установленными Положеніемъ 19 февраля 1861 г., удѣльные крестьяне получили въ 6 губерніяхъ, гдѣ ихъ числилось до 450 тыс. душъ или $54^1/_2$% общаго числа, надѣлы въ размѣрѣ, превышающемъ эти высшія нормы; въ 3 губерніяхъ на 18 тыс. душъ—надѣлы почти въ размѣрѣ высшей нормы и въ 11 губерніяхъ на 357 тыс. душъ (43,3% общаго ихъ числа)—надѣлы ниже этихъ нормъ.—Чтобы устранить возможное недоразумѣніе въ смыслѣ неправильнаго освѣщенія результатовъ реформы, необходимо обратить вниманіе на то, что такой неблагопріятный нѣсколько выводъ получается, при сравненіи фактическихъ надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ съ *высшею нормою* надѣловъ, указанныхъ для бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Если же обратиться къ сравненію *среднихъ фактическихъ надѣловъ* бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ съ средними надѣлами бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, то преимущество крестьянской реформы для крестьянъ удѣльнаго вѣдомства бросается въ глаза.

По обслѣдованію поземельной собственности, произведенному въ концѣ семидесятыхъ годовъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, соотношеніе землевладѣнія крестьянъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ было такое:

ГУБЕРНІИ.	Средній размѣръ надѣловъ на 1 ревиз. душу мужск. пола въ концѣ 70-хъ годовъ.	
	у бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.	у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.
	въ десятинахъ.	
Самарская	6,8	3,5
Оренбургская	6,2	3,3
Саратовская	5,6	2,8
Уфимская	5,7	3,1
Пермская	6,1	4,1
Вологодская	6,9	5,2
Симбирская	4,3	2,7
Казанская	3,9	2,7
Тверская	5,3	4,1
Нижегородская	4,2	3,1
Орловская	3,8	2,9
Вятская	3,9	3,1
Владимірская	4,3	3,6
Новгородская	6,1	5,7
Костромская	4,7	4,9
С.-Петербургская	4,2	4,9
Московская	2,1	2,9
Олонецкая	7,0	8,4
Астраханская	7,7	9,4
Архангельская	3,3	не было
Въ среднемъ	4,8	3,4

Слѣдовательно, въ среднемъ удѣльные крестьяне получили душевой надѣлъ на 1,4 дес., или на 41% превышавшій средній надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и при этомъ, за исключеніемъ лишь губерніи московской и тѣхъ 3 губерній, гдѣ большіе надѣлы были для помѣщичьихъ крестьянъ не благомъ, а обремененіемъ—во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ надѣлы удѣльныхъ крестьянъ значительно превысили надѣлы бывшихъ крестьянъ помѣщичьихъ.

Указывая на лучшее обезпеченіе бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ землею, сравнительно съ бывшими владѣльческими, необходимо, однако, отмѣтить и тѣ слабыя стороны Положенія 26 іюня 1863 г., какія обнаруживаются изъ историческаго изученія дѣла. Во первыхъ, какъ выше уже было указано, вслѣд-

ствіе принятыхъ по Положенію 26 іюня 1863 г. основаній отвода надѣловъ, въ 13 губерніяхъ удѣльные крестьяне лишились части своего прежняго фактическаго владѣнія. Затѣмъ, слабою стороною крестьянской реформы въ удѣльныхъ имѣніяхъ надо признать и слишкомъ малую, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, величину отведенныхъ надѣловъ, сравнительно съ высшими нормами по Положенію 19 февраля 1861 г. Въ этомъ отношеніи въ особенно неблагопріятномъ положеніи оказалось крестьянское населеніе на удѣльныхъ земляхъ архангельской губеніи, гдѣ—при высшей нормѣ въ 7 дес. на ревизскую душу—крестьяне получили въ среднемъ только по 4 десятины на душу *).

Въ этихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ господствовало тогда лѣсопольное хозяйство, при которомъ крестьяне могли довольствоваться ничтожнымъ фактическимъ владѣніемъ, благодаря подвижности границъ этого владѣнія т. е. послѣдовательнымъ расчисткамъ новыхъ участковъ, что съ введеніемъ уставныхъ грамотъ должно было прекратиться. Конечно, это безпорядочное, хищническое хозяйство крестьянскаго населенія въ сѣверныхъ удѣльныхъ лѣсахъ со временемъ прекратилось бы и помимо крестьянской реформы, въ цѣляхъ болѣе правильнаго лѣсоводства, но разъ подобное лѣсопольное хозяйство во время составленія уставныхъ грамотъ существовало, то фактъ этотъ надлежало тогда принять во вниманіе и обезпечить, въ виду предстоявшаго прекращенія этого способа хозяйничанья, за крестьянами надѣлы болѣе значительные, примѣнительно къ высшимъ нормамъ по Положенію 19 февраля 1861 г. — Обстоятельство это, однако, въ то время въ соображеніе принято не было и въ результатѣ по архангельской и нѣсколькимъ волостямъ вологодской губерніи удѣльные крестьяне хотя и получили прирѣзку къ своему прежнему фактическому владѣнію, но и за такою прирѣзкою надѣлы ихъ были всетаки значительно меньше высшихъ нормъ по Положенію 19 февраля **).

Первое время эта недостаточность надѣловъ не давала себя особенно чувствовать, вѣроятно потому, что фактически, хотя и не по праву, крестьяне продолжали по прежнему довольно свободно пользоваться удѣльными лѣсами, особенно

*) Кромѣ того, въ вологодской губерніи, — гдѣ въ среднемъ надѣлъ по уставнымъ грамотамъ былъ менѣе высшей нормы всего на 3½%—крестьяне нѣсколькихъ волостей получили также надѣлъ значительно меньшій противъ нормы.

**) Въ архангельской губерніи, какъ видно изъ таблицы, помѣщенной на стр. 563, крестьяне не дополучили до высшей нормы—59%.

предоставленными въ ихъ долгосрочное пользованіе. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ удѣльное лѣсное хозяйство упорядочивалось и безконтрольное пользованіе удѣльными лѣсами дѣлалось для крестьянъ все затруднительнѣе—начали сказываться всѣ неудобства слишкомъ малыхъ надѣловъ, отведенныхъ крестьянамъ, и выясняться то тяжелое экономическое положеніе, въ какое поставилъ этихъ крестьянъ недостатокъ земли. На обстоятельство это обращали вниманіе какъ мѣстныя губернскія власти, такъ и удѣльное вѣдомство, и въ 1896 г. рѣшено было по Главному Управленію Удѣловъ, въ принципѣ, поправить эту, допущенную, при составленіи уставныхъ грамотъ, ошибку—продажею бывшимъ удѣльнымъ крестьянамъ архангельской и вологодской губерній, получившимъ слишкомъ малые надѣлы, на льготныхъ условіяхъ такого количества земли изъ ближайшихъ удѣльныхъ лѣсныхъ дачъ и оброчныхъ статей, чтобы затѣмъ надѣлы этихъ крестьянъ достигли высшей нормы по Положенію 19 февраля 1861 года *).

По правиламъ Положенія 26 іюня 1863 г. принадлежавшіе Удѣламъ лѣса въ составъ крестьянскихъ надѣловъ не включались (ст. 33 и 38). Но для того, чтобы крестьяне имѣли возможность получать за недорогую плату нужный имъ для хозяйственныхъ надобностей лѣсной матеріалъ—предоставлялось сельскимъ обществамъ получать по соглашенію съ удѣльнымъ вѣдомствомъ въ долгосрочную аренду или, употребляя выраженіе закона, въ пользованіе за особую плату, лѣсные участки на ближайшихъ къ имѣніямъ удѣльныхъ земляхъ. Согласно правиламъ по этому предмету (прим. къ ст. 126 Полож. 26 іюня 1863 г.), лѣсные участки отводились крестьянамъ на срокъ до 48 лѣтъ, за годичную плату, единожды установленную на весь срокъ контракта; пользоваться лѣсомъ крестьяне могли только съ отводимыхъ ежегодно лѣсосѣкъ и при этомъ обязаны были охранять предоставленныя имъ дачи отъ самовольныхъ порубокъ и пожаровъ.

Для сѣверныхъ мѣстностей въ архангельской и вологодской губерніяхъ, гдѣ существовало смолокурное хозяйство, сверхъ

*) Къ выполненію этого сложнаго дѣла, требующаго значительныхъ межевыхъ работъ приступлено, но производиться оно будетъ постепенно въ теченіе, вѣроятно, 5 лѣтъ. Къ настоящему времени имѣются уже предварительныя соглашенія съ нѣсколькими сельскими обществами и проектированы нѣкоторые участки, подлежащіе отводу для продажи. — Самую продажу предположено производить чрезъ посредство Крестьянскаго Земельнаго Банка, на что со стороны Министерства Финансовъ изъявлено согласіе.

надѣла сельскимъ обществамъ, предоставлялись, по ихъ желанію, въ пользованіе смолокурные кварталы, которыми тѣ общества ранѣе пользовались, на прежнихъ условіяхъ (Прилож. къ ст. 126 п. 12).

На этихъ основаніяхъ къ 1870 г. было предоставлено разнымъ сельскимъ обществамъ въ пользованіе до 96 тыс. дес. удѣльныхъ лѣсовъ, и, кромѣ того, въ архангельской и вологодской губ. — до 870 тыс. дес. въ смолокурныхъ кварталахъ придвинскихъ дачъ, а къ 1875 г. площадь предоставленныхъ крестьянамъ смолокурныхъ кварталовъ достигла 1.102 тыс. дес., или 84% всей площади смолокурныхъ лѣсовъ, но затѣмъ удѣльное вѣдомство начинаетъ постепенно принимать всѣ такіе лѣса обратно въ свое распоряженіе, вслѣдствіе чего площадь ихъ остававшаяся въ пользованіи крестьянъ къ 1897 г., сократилась до 785 тыс. дес., изъ котерыхъ болѣе 730 тыс. дес.—въ смолокурныхъ кварталахъ, въ архангельской губерніи.

На составленіе уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства по Положенію 1863 г. былъ назначенъ двухгодичный срокъ. Что касается фактическаго составленія уставныхъ грамотъ, то вначалѣ оно нѣсколько замедлилось, вслѣдствіе необходимости производить измѣренія тѣхъ удѣльныхъ и дворцовыхъ дачъ единственнаго владѣнія, которыя раньше не были инструментально измѣрены и сняты на планъ, а также вслѣдствіе происходившей повѣрки прежнихъ документовъ по землевладѣнію. Другая причина задержки вытекала изъ того, что по нѣкоторымъ имѣніямъ представлялось наиболѣе удобнымъ, одновременно съ назначеніемъ надѣла въ уставныхъ грамотахъ, отводить окончательно въ натурѣ выкупаемые надѣлы и производить разверстаніе или обмѣнъ угодій, входя при этомъ съ обществами въ подробныя соглашенія, которыя требовали много времени и сопровождались затрудненіями *). Какъ бы то ни было, введеніе уставныхъ грамотъ за самыми небольшими исключеніями, независѣвшими отъ удѣльнаго вѣдомства, въ установленный двухгодичный срокъ, т. е. ко второй половинѣ 1865 г., было закончено. Въ 1869 г. были утверждены послѣднія четыре уставныхъ грамоты, по которымъ возбужденные вопросы восходили до высшихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. За симъ послѣдовало окончательное введеніе уставныхъ грамотъ въ дѣйствіе по всѣмъ селеніямъ удѣльнаго вѣдомства.

*) Всеподдан. отч. по Деп. Удѣловъ за 1864 г.

Къ отграниченію въ натурѣ крестьянскихъ надѣловъ, назначенныхъ по уставнымъ грамотамъ, было приступлено въ 1865 г., причемъ къ 1866 г. было окончательно отведено крестьянамъ въ натурѣ 2.354 надѣла, заключавшихъ въ себѣ 739.796 дес. земли. Но отведеніе надѣловъ въ натурѣ, связанное съ разверстаніемъ земель, съ фактическими отрѣзками и съ улаживаніемъ разныхъ недоразумѣній, частью вытекавшихъ изъ ненормальныхъ условій самаго составленія и утвержденія уставныхъ грамотъ, затянулось за предѣлы узаконеннаго 6-ти-лѣтняго срока и вполнѣ неокончено еще и до настоящаго времени. Такъ напр., въ нѣсколькихъ еще не размежеванныхъ башкирскихъ дачахъ—преимущественно уфимской и пермской губерній—гдѣ удѣльные крестьяне поселились въ свое время на правахъ башкирскихъ припущенниковъ, крестьяне эти и до настоящаго времени окончательнаго отвода надѣловъ не получили. Они пока пользуются землею по стародавнему фактическому владѣнію, окончательно же имъ могутъ быть отведены слѣдующіе по положенію 1863 г. надѣлы лишь тогда, когда дачи будутъ размежеваны башкирскими комиссіями, и Удѣламъ будутъ выдѣлены изъ тѣхъ дачъ, слѣдующіе по закону участки.

На основаніи всего вышеизложеннаго общій результатъ реформы быта бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, въ короткихъ словахъ сводится къ слѣдующему:

сопоставленіе Положенія 26 іюня 1863 г. съ Указомъ 5 марта 1861 г. и разсмотрѣнная выше исторія выработки этого Положенія показываютъ, что замедленіе на два года въ распространеніи поземельной реформы 19 февраля 1861 г. на крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, оказалось выгоднымъ для удѣльныхъ крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ—предположеніе Министра Двора, въ проектѣ 1861 г., объ оставленіи въ пользованіи крестьянъ запасныхъ земель на 20-ти-лѣтній срокъ, казавшееся вначалѣ Главному Комитету излишне щедрымъ, въ конечномъ результатѣ не только прошло, но прошло еще съ измѣненіями, которыя уничтожали силу довода Главнаго Комитета о затруднительности отрѣзокъ земель по прошествіи 20-ти-лѣтняго пользованія крестьянъ и о возможномъ неблагопріятномъ вліяніи такого долговременнаго пользованія на пріобрѣтеніе крестьянами земель въ собственность.

Положеніемъ 1863 г. всѣ находившіяся въ пользованіи крестьянъ земли были предоставлены имъ не въ постоянное пользованіе, а въ собственность, съ примѣненіемъ обязательнаго выкупа, причемъ этотъ выкупъ не носилъ здѣсь характера тѣхъ, обязательныхъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выкупныхъ сдѣлокъ по требованію помѣщика, которыя создало Положеніе 19 февраля 1861 г., и при которыхъ помѣщикъ, по своему выбору и соображенію своихъ выгодъ, могъ въ однихъ случаяхъ не соглашаться на выкупъ, а въ другихъ требовать выкупа. Удѣльное вѣдомство безотносительно во всѣхъ случаяхъ просто предоставляло крестьянамъ въ собственность тѣ земли, которыя подлежали передачѣ въ ихъ пользованіе, не увеличивая прежнихъ платежей, а обращая ихъ въ выкупные, платимые въ теченіе 49 лѣтъ.

Такимъ образомъ, принципъ обязательнаго выкупа надѣльныхъ земель, завершившій, въ интересахъ крестьянъ, реформу ихъ быта, только въ 1863 г., — впервые въ широкомъ размѣрѣ былъ примѣненъ при поземельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ, и не по политическимъ соображеніямъ, какъ это отчасти имѣло мѣсто при обязательномъ выкупѣ для крестьянъ западнаго края, а единственно въ видахъ попеченія о благѣ сельскаго населенія.

Въ Положеніе о поземельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ сверхъ того не вошли статьи мѣстныхъ положеній объ уменьшеніи крестьянскаго надѣла до $^1/_3$ и $^1/_2$ установленной нормы, когда въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика остается менѣе половины общаго количества угодій (ст. 20, 22 и 23 мѣст. положеній великорос., новорос. и бѣлорус.); не внесены также ограниченія крестьянъ въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ въ правѣ отказа отъ пользованія землею и въ правѣ перехода въ другія сельскія общества и сословія.

Удѣльные крестьяне съ 1865 г., наравнѣ съ тѣми изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые приступили къ выкупу,—всѣ сдѣлались крестьянами-собственниками. Реформа обезпечила за ними навсегда, безъ перспективы возвышенія платежей за землю въ будущемъ—какъ было бы при „постоянномъ пользованіи"—опредѣленное количество надѣльной земли за сравнительно съ помѣщичьими крестьянами меньшіе выкупные платежи. Однако слабая сторона Положенія 19 февраля 1861 г. закрѣпленіе за крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недостаточныхъ надѣловъ — перешла и въ поземельное устройство бывшихъ удѣльныхъ кре-

стьянъ, какъ можно думать, вслѣдствіе неполнаго знакомства Главнаго Комитета съ дѣйствительностью: его исходная посылка о „щедромъ надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ тягловыми надѣлами" могла считаться справедливою лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ иныхъ же само удѣльное управленіе признавало и въ дореформенное время земельную нужду крестьянъ *).

„Отрѣзки" необходимой для крестьянъ и находившейся до этого въ ихъ фактическомъ пользованіи земли, имѣвшіе широкое примѣненіе при надѣленіи землей помѣщичьихъ крестьянъ, нашли примѣненіе и здѣсь, что отразилось неблагопріятно на хозяйственномъ бытѣ крестьянъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній съ господствовавшими тамъ въ предреформенное время подвижными границами пахатныхъ земель или расчистокъ, связанныхъ съ лѣсопольнымъ хозяйствомъ.

При всемъ томъ, въ большинствѣ другихъ губерній при поземельномъ устройствѣ крестьянъ удѣльнаго и дворцоваго вѣдомствъ, интересы крестьянъ были соблюдены въ гораздо большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто при надѣленіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ общемъ итогѣ бывшіе удѣльные крестьяне получили, какъ выше сказано, надѣлъ на 41% значительнѣе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи. Особенно благопріятное надѣленіе, по сравненію съ бывшими владѣльческими крестьянами, оказывается въ губерніяхъ по преимуществу земледѣльческихъ.

Съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ къ удѣльному вѣдомству, оно и въ другихъ случаяхъ, кромѣ вопроса о землѣ, не оставляло безъ вниманія интересы своихъ бывшихъ крестьянъ.

Отмѣтимъ изъ недавняго времени отношеніе Удѣловъ къ крестьянскому населенію, пострадавшему отъ неурожая въ 1891—92 г.г.

Дѣятельность удѣльнаго вѣдомства, направленная на облегченіе населенія въ постигшемъ его тогда бѣдствіи выражалась, главнымъ образомъ, въ трехъ формахъ: выдачѣ ссудъ зерномъ

*) Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1859 г. по Министерству Удѣловъ, между прочимъ, отмѣчается стремленіе крестьянъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ: алатырскомъ, оренбургскомъ и сарапульскомъ, въ которыхъ нѣкоторыя селенія дѣйствительно имѣли очень скудные надѣлы земли, къ переселенію въ многоземельныя губерніи. Въ теченіе 1859 г. Департаментъ Удѣловъ призналъ возможнымъ дозволить переселеніе до 1.800 душъ изъ орловскаго имѣнія въ самарское удѣльное имѣніе.

на обсѣмененіе полей, въ организаціи заработковъ и въ продовольственной и другой безплатной помощи.

Первою—по времени—была помощь выдачей ссудъ на обсѣмененіе полей крестьянамъ-арендаторамъ земель Самарскаго, Саратовскаго, Симбирскаго, Нижегородскаго, Сарапульскаго и частью Московскаго (уѣзды скопинскій, рязанской губ. и новохоперскій, воронежской губ.) Удѣльныхъ Округовъ. Основанія ея были выработаны и приняты къ исполненію еще въ началѣ лѣта 1891 г., какъ только собранными свѣдѣніями достаточно выяснилось безнадежное положеніе посѣвовъ, причемъ, въ предупрежденіе чрезмѣрнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, тогда же было приступлено къ закупкѣ озимыхъ сѣмянъ. Затѣмъ, въ теченіе зимы заготовлены яровыя сѣмена, которыя складывались до времени въ свободныя удѣльныя помѣщенія въ ближайшихъ къ мѣстамъ раздачи пунктахъ, страховались и хранились подъ надзоромъ мѣстныхъ удѣльныхъ служащихъ. Операція заготовки и раздачи сѣмянъ выполнена была своевременно и обошлась въ 675 тыс. рублей, начисленныхъ безпроцентною ссудою на крестьянъ и подлежавшей возврату (пудъ за пудъ зерномъ же) изъ ближайшихъ урожаевъ. Зерно для посѣвныхъ ссудъ выбиралось весьма тщательно, пріобрѣталось иногда въ дальнихъ мѣстностяхъ и выдавалось не иначе, какъ по пробѣ на всхожесть, причемъ процентъ всхожести лишь въ немногихъ случаяхъ допускался ниже 90, въ большинствѣ же былъ выше. Такимъ образомъ, попутно со ссудою, дана была возможность посѣвщикамъ улучшить качество своихъ сѣмянъ.

Въ конечномъ результатѣ помощь удѣльнаго вѣдомства пострадавшимъ отъ неурожая, организованная и выполненная удѣльными же служащими, выразилась въ слѣдующихъ круглыхъ цифрахъ:

ссудъ по обсѣмененію	675.000 р.
общественныя работы	220.000 „ [1]).
продовольственная помощь (въ формѣ столовыхъ и пр.) . .	98.000 р. [2]).
подписка и другія пожертвованія	7.000 р.
итого . . .	1.000.000 р.

[1]) Общественныя работы заключались въ заготовкѣ лѣса и шпалъ, окапываніи лѣсныхъ дачъ канавами, осушкѣ болотъ, исправленіи и устройствѣ дорогъ, плотинъ, запрудъ и т. п. Производило удѣльное вѣдомство общественныя работы преимущественно въ губерніяхъ: самарской, симбирской, нижегородской и пермской.

[2]) Всего было открыто удѣльныхъ столовыхъ и продовольственныхъ пунктовъ

Къ мѣрамъ помощи относится также разрѣшеніе крестьянамъ въ 1891 г. безплатно различныхъ пользованій въ удѣльныхъ дачахъ: пастьбы скота, сбора валежника, мха, грибовъ и ягодъ.

Всѣ мѣропріятія эти имѣли первоначально въ виду оказаніе помощи главнымъ образомъ крестьянамъ, состоявшимъ съемщиками земель у удѣльнаго вѣдомства, или вообще имѣвшимъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ вѣдомству. Но затѣмъ пришлось расширить рамки и оказывать помощь, по мѣрѣ возможности, всѣмъ нуждавшимся.

до 290, въ которыхъ назначено было кормить ежедневно 15.000 человѣкъ, но въ дѣйствительности кормилось гораздо болѣе. Нормальный паекъ былъ принятъ отъ 4 до 5 коп. въ день на взрослаго ѣдока. Пища изъ столовыхъ (горячее и хлѣбъ) выдавалась обыкновенно два раза въ день.

Глава III.

Выкупная операція и ея финансовые результаты для удѣльнаго вѣдомства.

Вопросы, возникавшіе при выработкѣ Положенія 1863 г. относительно способовъ выкупа крестьянскихъ надѣльныхъ земель.—Основанія для предпочтенія обязательнаго выкупа.—Отношеніе удѣльнаго вѣдомства къ Министерству Финансовъ въ дѣлѣ выкупной операціи.—Фактическое выполненіе выкупной операціи.—Образованіе выкупного удѣльнаго капитала.—Измѣненія въ 1892 г. расчетовъ по осуществленію выкупного удѣльнаго капитала.—Финансовые результаты отъ выкупной операціи для удѣльнаго вѣдомства.

Положеніе о выкупѣ составляло весьма существенную часть Положенія 19 февраля 1861 г., и съ распространеніемъ началъ этого Положенія на крестьянъ удѣльнаго вѣдомства необходимо было рѣшить вопросъ о способѣ примѣненія началъ выкупа, установленныхъ для бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, къ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства. Въ Положеніи 19 февраля этихъ способовъ было указано два: добровольный, по взаимному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами, и обязательный, по требованію помѣщиковъ. При примѣненіи перваго способа выкупа къ удѣльнымъ крестьянамъ, стоимость земли при выкупѣ, на основаніи Высочайшаго Указа 5 марта 1861 г., надлежало опредѣлить по оцѣнкѣ; затѣмъ, удѣльное вѣдомство должно было войти съ крестьянами въ добровольныя соглашенія, предъявивъ требованія или о единовременной уплатѣ всей выкупной суммы, или объ уплатѣ ея по разсрочкѣ, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, причемъ ежегодные выкупные платежи не требовалось соразмѣрять съ платимыми поземельными оброками.

Вопросъ о примѣненіи одного изъ означенныхъ способовъ къ поземельному устройству крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній разсматривался въ общемъ присутствіи Департамента Удѣловъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ, генералъ-адъютанта

графа Адлерберга, причемъ присутствіе пришло къ слѣдующимъ выводамъ:

съ примѣненіемъ системы выкупа, основанной на добровольныхъ соглашеніяхъ, съ предварительнымъ производствомъ оцѣнки земли, удѣльное вѣдомство могло бы ожидать слѣдующія выгоды: а) усиленіе капитала, соотвѣтствующаго цѣнности выкупаемыхъ крестьянами земель, и б) усиленіе текущихъ удѣльныхъ и дворцовыхъ доходовъ, вслѣдствіе переоброчки, по прошествіи двадцати лѣтъ со дня Указа 5 марта 1861 г., тѣхъ крестьянскихъ земель, которыя останутся невыкупленными. Но на самомъ дѣлѣ означенныя выгоды были бы, однако, осуществленными только въ незначительной степени, ибо, чѣмъ выше были бы назначены ежегодные платежи за землю, въ сравненіи съ существовавшими поземельными оброками, тѣмъ случаи заявленія со стороны крестьянъ желанія выкупить землю могли бы быть рѣже и исключительнѣе. Что же касается возможности возвышенія оброка съ невыкупленныхъ земель, то едвали такое возвышеніе оказалось бы удобнымъ по прошествіи 20-ти-лѣтняго срока, когда, по ходу выкупныхъ сдѣлокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, значительная часть крестьянъ, водворенныхъ въ этихъ имѣніяхъ, должна была сдѣлаться собственниками земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при добровольномъ выкупѣ, представились бы—съ одной стороны необходимость увеличенія состава мѣстныхъ удѣльныхъ управленій особыми агентами для наблюденія за поступленіями оброковъ и выкупныхъ платежей съ крестьянъ, съ другой—было бы затруднительно своевременное взысканіе съ крестьянъ оброковъ и выкупныхъ платежей за землю, равно и недоимокъ, ибо за послѣдовавшими послѣ крестьянской реформы преобразованіями мѣстныхъ удѣльныхъ управленій, послѣднія утратили административную власть въ отношеніи крестьянъ.

Съ принятіемъ же обязательнаго выкупа, если и нельзя было ожидать приращенія дохода съ заселенныхъ земель дворцоваго и удѣльнаго вѣдомствъ, то, съ другой стороны, можно было расчитывать, что означенные доходы удержатся въ опредѣленныхъ размѣрахъ и, такимъ образомъ, бюджетъ удѣльнаго вѣдомства не подвергнется колебаніямъ.

Предпочитая поэтому изъ двухъ, указанныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г., способовъ выкупа крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ — обязательный выкупъ, общее присутствіе Департамента Удѣловъ находило, что всѣ существенныя условія обяза-

тельнаго выкупа вполнѣ примѣнимы при поземельномъ устройствѣ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, но самую операцію составленія выкупного капитала признавало болѣе удобнымъ ввѣрить не Государственному Банку, а Департаменту Удѣловъ, какъ для предупрежденія выпуска на значительную сумму 5% банковыхъ билетовъ, такъ и для легчайшаго устройства поступающихъ въ уплату капитала суммъ. Отъ Министерства Финансовъ требовалась бы при этомъ только оборотная операція, т. е. пріемъ въ казну, въ теченіе 49 лѣтъ, слѣдующихъ съ крестьянъ платежей и взносъ суммъ, соотвѣтствующихъ этимъ платежамъ, рубль за рубль, въ Департаментъ Удѣловъ. При такомъ порядкѣ представлялось возможнымъ ограничиться отчисленіемъ отъ дохода, который поступалъ бы взамѣнъ оброчныхъ платежей съ крестьянъ только такой части, которая собственно необходима для осуществленія капитала, а именно: вмѣсто 1/6 отчислять лишь 1/10 часть упомянутаго дохода.

Вслѣдствіе этихъ отчисленій, по прошествіи 49 лѣтъ, долженъ былъ осуществиться капиталъ, проценты съ коего, по 5 на сто, должны равняться суммѣ получавшихся съ крестьянъ къ 1865 г. оброковъ, причемъ, въ противоположность выкупу по добровольному соглашенію, обязательный выкупъ не только не вызывалъ бы лишнихъ расходовъ изъ удѣльныхъ суммъ на администрацію, при приведеніи его въ исполненіе, а наоборотъ, обѣщалъ значительное сокращеніе въ расходахъ.

Помимо указанныхъ удобствъ обязательнаго выкупа для удѣльнаго вѣдомства, общее присутствіе Департамента Удѣловъ обратило еще вниманіе, во первыхъ, на основное начало Положенія 19 февраля 1861 г., по которому конечнымъ и наиболѣе желательнымъ послѣдствіемъ предпринятой реформы признавался переходъ крестьянъ, обязанныхъ платежемъ оброка за землю, въ сословіе поселянъ собственниковъ земли и во вторыхъ, что изъ двухъ способовъ выкупа—обязательный выкупъ, по капитализаціи оброковъ 1865 г., легчайшій для крестьянъ и, слѣдовательно, наиболѣе соотвѣтствующій Высочайше указанной цѣли *).

При разсмотрѣніи предположеній Департамента Удѣловъ и Министра Императорскаго Двора въ Главномъ Комитетѣ, послѣдній по вопросу о выкупѣ также высказался за обязатель-

*) Дѣло по архиву Деп. Уд. № 4657, связки № 142, стр. 246 и слѣд.

ный выкупъ, но, для предупрежденія неосновательныхъ толкованій, призналъ желательнымъ, чтобы условія выкупа соотвѣтствовали не только по существу, но и по самой формѣ условіямъ, установленнымъ для выкупа земель временно обязанными крестьянами. Съ этою цѣлью онъ признавалъ за лучшее оставить капитализацію оброковъ изъ 5% и, соотвѣтственно этому, размѣръ выкупныхъ платежей опредѣлить также въ 6% съ выкупной суммы.

Относительно возложенія на Министерство Финансовъ обязанности полученія выкупныхъ платежей и уплаты удѣльному вѣдомству всей слѣдуемой ему суммы выкупныхъ платежей безнедоимочно, Главный Комитетъ обратилъ вниманіе на возможность потери казною отъ недобора, который можетъ составить, если считать его въ 2% къ годовому окладу (какъ въ средней сложности достигали недоимки въ оброчныхъ платежахъ податей у государственныхъ крестьянъ), до 58 тыс. руб. въ годъ, и на желательность, чтобы уплата этой недоимки не падала на Государственное Казначейство. Но затѣмъ, въ виду заявленія Министра Императорскаго Двора, что пополненіе недоимки въ выкупныхъ платежахъ, если она дѣйствительно окажется, можетъ быть производимо безъ затрудненія изъ свободныхъ мірскихъ капиталовъ удѣльныхъ крестьянъ, *) Главный Комитетъ, принимая во вниманіе значительную цифру мірскихъ капиталовъ по удѣльному вѣдомству и незначительность возможныхъ недоборовъ въ платежахъ крестьянъ по выкупу, призналъ, согласно мнѣнію Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ, наиболѣе удобнымъ отнести на счетъ означенныхъ капиталовъ обезпеченіе исправнаго поступленія выкупныхъ платежей съ удѣльныхъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы этимъ не было нарушено настоящее значеніе этихъ капиталовъ или ограничено распоряженіе ими.

Въ заключеніе Главный Комитетъ полагалъ при расчетахъ Министерства Финансовъ съ удѣльнымъ вѣдомствомъ по выкупу земель руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Министерство Финансовъ, взамѣнъ производства выкупной ссуды, выплачиваетъ Департаменту Удѣловъ по 6 к. на рубль выкупного капитала, ежегодно въ два срока: 1 марта и 1 сентября, въ продолженіе 49 лѣтъ, съ перваго податного

---

*) Означенныхъ капиталовъ имѣлось въ то время болѣе 2½ милл. руб. (см. выше стр. 346).

полугодія послѣ истеченія двухлѣтняго срока, назначеннаго на составленіе уставныхъ грамотъ, т. е. со времени приведенія въ окончательную извѣстность общей выкупной суммы по имѣніямъ Государевымъ, дворцовымъ и удѣльнымъ;

2) на Департаментъ Удѣловъ возлагается обязанность, посредствомъ ежегоднаго отчисленія не менѣе $^1/_{10}$ части выплачиваемыхъ Министерствомъ Финансовъ 6% на капиталъ, соотвѣтствующій цѣнности выкупаемой крестьянами земли, и извлеченія доходовъ съ отчисляемыхъ ежегодно суммъ,—осуществить самый капиталъ въ теченіе означенныхъ 49 лѣтъ;

3) Министерство Финансовъ, уплачивая ежегодно Департаменту Удѣловъ, въ теченіе 49 лѣтъ, по 6% на выкупной капиталъ, получаетъ взамѣнъ того, въ теченіе того же срока, подлежащіе съ крестьянъ платежи. За симъ расчеты въ годовыхъ платежахъ съ сельскими обществами предоставляются Министерству Финансовъ безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ Министерства Удѣловъ.

Сообразно съ изложенными исходными взглядами удѣльнаго вѣдомства и Главнаго Комитета и были редактированы ст. 122 и 123 Положенія 26 іюня 1863 г.

Обращаясь къ фактическому выполненію выкупной операціи въ отношеніи удѣльнаго вѣдомства, мы видимъ слѣдующее:

По произведенному расчету, размѣръ суммы, ежегодно уплачиваемой Министерствомъ Финансовъ Удѣламъ, составляющей 6% на капиталъ, соотвѣтствующій цѣнности выкупаемой крестьянами земли, былъ установленъ въ 2.942.361 р. 97 к., слѣдовательно, по плану осуществленія выкупного капитала надлежало отчислять ежегодно, въ теченіе 49 лѣтъ, не менѣе 294.236 р. 20 к. и сверхъ того сумму, соотвѣтствующую 5% дохода съ отчисленнаго уже капитала, для образованія этимъ путемъ къ 1 іюля 1914 г. (т. е. черезъ 49 лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе выкупной операціи) капитала въ 61.300.800 р., обезпечивающаго Удѣламъ съ этого времени, т. е. со дня прекращенія выкупныхъ платежей, ежегодный доходъ не менѣе 3.000.000 рублей.

По такому расчету надлежало отчислить на образованіе выкупного капитала: за второе полугодіе 1865 г.—150.796 р. 5 к., а съ 1866 г. по 1913 г. включительно—по 294.236 р. 20 к. и 5% приращенія на отчисленный капиталъ, что составляло за 1866 г.—22.251 р. 61 к., за 1867 г.—38.076 р. и т. д., съ постепеннымъ возрастаніемъ ежегодныхъ отчисленій до 2.840.882 р.

91 к. (въ 1913 г.), а въ 1914 г., за послѣднее полугодіе, 1.642.259 р. 58 к.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть той цѣли, ради которой составлялся выкупной капиталъ, т. е. имѣть къ 1914 г. три милліона рублей новаго дохода, удѣльное вѣдомство съ самаго начала приняло за правило отчисляемыя на составленіе выкупного капитала суммы устраивать путемъ покупки земель или выгодныхъ процентныхъ бумагъ и даже стало для этого дѣлать позаимствованія изъ остатковъ текущихъ удѣльныхъ доходовъ впередъ, насколько сумма свободныхъ остатковъ допускала подобные авансы, съ тѣмъ, чтобы возвратъ такихъ позаимствованій изъ удѣльныхъ суммъ производился изъ выкупныхъ платежей, по мѣрѣ ихъ полученія въ установленные сроки.

Съ 1866 г., вслѣдствіе установившагося убѣжденія, что земельная собственность представляетъ собою цѣнность болѣе устойчивую, чѣмъ процентные фонды, Департаментъ Удѣловъ призналъ полезнымъ — суммы выкупного капитала употреблять предпочтительно на покупку земель, а такъ какъ покупка значительныхъ имѣній можетъ сопровождаться большими выгодами для Удѣловъ, то не ограничиваться на этотъ предметъ одной десятой частью платежей, поступающихъ по срокамъ отъ Министерства Финансовъ, но пользоваться всѣми имѣющимися въ каждомъ году свободными остатками, устраивая выкупной капиталъ впередъ на срокъ послѣдующихъ лѣтъ, съ возвратомъ позаимствованій въ текущіе доходы по мѣрѣ поступленія выкупныхъ платежей въ удѣльную кассу.

На такихъ основаніяхъ производилось составленіе выкупного капитала до начала девятидесятыхъ годовъ, причемъ доходы съ имѣній, купленныхъ изъ средствъ этого капитала, не смѣшивались съ прочими удѣльными доходами и шли полностью на увеличеніе капитала. Благодаря общему повышенію арендныхъ цѣнъ на земли, затраченныя изъ выкупного капитала на покупку имѣній суммы стали скоро приносить не 5% дохода, какъ предполагалось, а значительно больше. Это обстоятельство привело въ результатѣ къ тому, что выкупной капиталъ сталъ расти гораздо скорѣе, чѣмъ по первоначальному расчету было предположено. Въ 1892 г. эти правила составленія выкупного капитала были измѣнены. Веденіе особаго счета доходовъ и расходовъ по имѣніямъ, купленнымъ на средства выкупного капитала — отдѣльно отъ такой же отчетности по прочимъ удѣльнымъ имѣ-

ніямъ—рѣшено было отмѣнить, потому что это крайне усложняло обязанности всего мѣстнаго удѣльнаго управленія. Доходы съ имѣній той и другой категоріи постановлено было слить вмѣстѣ, а въ выкупной капиталъ отчислять, ежегодно, потребную на его составленіе сумму изъ общихъ удѣльныхъ доходовъ.

Согласно этому съ 1892 г. какъ доходы съ имѣній, на суммы выкупного капитала купленныхъ, такъ и доходы съ части капитала, заключающейся въ процентныхъ бумагахъ—причисляются полностью къ текущимъ удѣльнымъ доходамъ, а на составленіе выкупного капитала обращается:

а) $^1/_{10}$ часть получаемыхъ изъ Государственнаго Казначейства выкупныхъ платежей, или 294.236 руб. 20 к. въ годъ;

б) годичное изъ удѣльныхъ доходовъ отчисленіе въ точно опредѣленной суммѣ. Размѣры такихъ годичныхъ отчисленій должны по 1914 г. постоянно возрастать и разсчитаны такъ, чтобы накопленная этимъ путемъ сумма вмѣстѣ съ капиталомъ, составленнымъ до 1892 г., приносила въ 1914 г. три милліона рублей дохода *).

Финансовая сторона осуществленія выкупной операціи по 1897 годъ иллюстрируется слѣдующими цифровыми данными:

помѣщено выкупного капитала:	Къ 1866 г.	Къ 1871 г.	Къ 1891 г.	Къ 1897 г.
въ земельную собственность	146.575 р.	4.925.799 р.	25.176.480 р.	31.161.728 р.
въ процентныя бумаги .	383.300 »	443.200 »	789.384 »	4.950.825 »
въ наличныя деньги . .	— »	— »	411.169 »	3.553.999 »
всего устроено . .	529.875 р.	5.368.999 р.	26.377.033 р.	39.666.552 р.

*) Общая сумма имѣющаго быть накопленнымъ къ 1914 г., такимъ путемъ, капитала—а слѣдовательно и размѣръ ежегодныхъ въ него отчисленій изъ удѣльныхъ доходовъ—нѣсколько разъ измѣнялись вслѣдствіе новыхъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя было предвидѣть въ шестидесятыхъ годахъ при выработкѣ первоначальныхъ правилъ о составленіи выкупного капитала. Съ одной стороны, пониженія доходности процентныхъ бумагъ съ 5% годовыхъ до 4% (а за вычетомъ купоннаго налога даже до 3,8%) годовыхъ указывало на необходимость имѣть—для полученія дохода въ 3 милліона руб.—капиталъ въ размѣрѣ большемъ шестидесяти милліоновъ, съ другой же стороны, полученіе съ части капитала, обращенной въ имѣнія, дохода не 5%, какъ предполагалось, а 7% и даже болѣе, давало возможность общій размѣръ капитала сократить, такъ какъ, вѣдь, къ 1914 г. надо имѣть не капиталъ точно опредѣленныхъ размѣровъ, а точно опредѣленный *доходъ*—именно въ 3 милліона руб.—безразлично отъ того, съ какихъ размѣровъ капитала этотъ доходъ получается.

За принятіемъ въ соображеніе всѣхъ этихъ поправокъ, къ 1914 г. общая сумма выкупного капитала (въ имѣніяхъ и бумагахъ) должна равняться 62.096.056 руб., годичное же въ него отчисленіе изъ удѣльныхъ доходовъ, составляющее нынѣ—въ 1901 г.—974.108 руб. 86 коп., постепенно увеличиваясь, дойдетъ къ 1913 г. до суммы въ 1.580.102 руб. 5 коп.

Доходъ съ устроеннаго выкупного капитала:	Къ 1866 г.	Къ 1871 г.	Къ 1891 г.	Къ 1897 г.
чистый доходъ съ имѣній	— р.	450.406 р.	1.840.481 р.	2.320.283 р.
доходъ съ процентныхъ бумагъ	9.583 »	22.241 »	38.739 »	209.343 »
общая сумма чистаго дохода .	9.583 р.	472.647 р.	1.879.220 р.	2.529.626 р.
	1,8%	8,8%	7,2%	7%

Отсюда видно, что выкупная операція для удѣльнаго вѣдомства дала весьма благопріятные результаты въ смыслѣ доходности. Если не считать 1865 г., когда къ означенной операціи только что приступали, то оказывается, что выкупной капиталъ въ общей суммѣ давалъ постоянно значительно болѣе 5%, которые имѣлись въ виду при первоначальныхъ расчетахъ. Благодаря высокому чистому доходу отъ имѣній, пріобрѣтенныхъ въ счетъ выкупного капитала, общая чистая доходность съ устроеннаго выкупного капитала, за все время съ 1866 г., была не менѣе 7%, несмотря на пониженіе доходности денежныхъ капиталовъ, вслѣдствіе конверсій, а равно и—на неблагопріятныя условія послѣднихъ лѣтъ для денежной доходности сельскаго хозяйства.

Оглавленіе второго тома.

Часть I.

Дворцовые и государевы крестьяне въ XVIII в. до учрежденія Удѣловъ.

стр.

Введеніе 3
Дворцовые крестьяне въ XVIII вѣкѣ 22
Государевы крестьяне въ XVIII вѣкѣ 54

Часть II.

Удѣльные крестьяне.

Отдѣлъ I.

Управленіе удѣльными крестьянами.

Введеніе 5
Мѣры по обезпеченію крестьянъ землею (до реформы 1863 г.) . 8
Платежи крестьянъ: { Подушный оброкъ 79
Поземельный сборъ . . . . . 90 }
Мѣры по обезпеченію продовольствія крестьянъ 142
Попеченіе о крестьянскомъ хозяйствѣ 179
Образцовыя усадьбы 195
Мѣропріятія для улучшенія отдѣльныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства: 220
мѣры улучшенія крестьянскаго скотоводства 222
мѣры для распространенія культуры высшихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній 242
распространеніе культуры картофеля 246
мѣры для распространенія травосѣянія 255
распространеніе огородничества, садоводства и древесной растительности вообще 265

стр.
мѣры для распространенія улучшенныхъ орудій 282
мѣры для распространенія пчеловодства 290
мѣры для улучшенія быта Симбирскихъ чувашей . . . 294
Мѣры для развитія крестьянскихъ промысловъ и кредита . . . 308
Крестьянскіе капиталы 329
Попеченіе о народномъ здравіи въ удѣльныхъ имѣніяхъ 347
Церкви и сельское духовенство 368
Школы и училища общеобразовательныя 373
Училища земледѣльческія и ремесленныя 398
Женскія хозяйственныя училища 424
Крестьянское самоуправленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ 432
Личныя и имущественныя права удѣльныхъ крестьянъ 472
Удѣльные крестьяне, какъ защитники родины. Стрѣлковые батальоны и стрѣлковый полкъ изъ удѣльныхъ крестьянъ . . 512

Отдѣлъ II.

Реформы быта крестьянъ Государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

Предварительныя мѣропріятія и Положеніе 26 іюня 1863 г. . 525
Приведеніе въ дѣйствіе Положенія 26 іюня 1863 г. и общіе результаты новаго поземельнаго устройства удѣльныхъ крестьянъ. 550
Выкупная операція и ея финансовые результаты для удѣльнаго вѣдомства 574

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
9	20 сверху	1200 душъ	1218 душъ
"	21 "	бѣлорусскихъ губерній	бѣлорусской губерніи
"	28 "	800 душъ	817 душъ
"	29 "	2400 душъ	2421 душа
"	5 снизу	1700 душъ мѣщанъ въ черниговской губ.	1717 душъ мѣщанъ въ малороссійской губ.
13	17 сверху	Министру Императорскаго Двора	Министру Департамента Удѣловъ.
15	2—3 снизу	для надѣленія безземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ.	для дополненія надѣловъ малоземельныхъ и для переселенія безземельныхъ удѣльныхъ крестьянъ
16	2—3 сверху	текущаго столѣтія	прошлаго столѣтія
"	4 "	около 200 тыс.	около 180 тыс.
21	13 "	числомъ 1106	числомъ 1108
27	2 снизу	текущаго столѣтія	прошлаго столѣтія
"	1 "	до 200 тыс. дес.	до 180 тыс. дес.
38	3 "	опредѣлился въ 5,7 дес.	опредѣлился (по числу всѣхъ душъ 5-й ревизіи) въ 5,7 дес.
45	16—17 сверху	съ людьми разныхъ вѣдомствъ	съ другими вѣдомствами и частными лицами
58	5 "	текущаго столѣтія	прошлаго столѣтія
67	7 "	въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка	въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка
"	10 "	текущаго столѣтія	прошлаго столѣтія
"	14 "	прошлаго вѣка	XVIII вѣка.
69	11 "	купчихъ земель	купленныхъ крестьянами земель
"	23 "	купчей земли	купленной ими земли
75	8 снизу	текущаго столѣтія	прошлаго столѣтія
79	6 сверху	Измѣненія окладовъ въ 1809 г. 1811 г. и 1823 г.	Измѣненія окладовъ въ 1810 г. въ 1811 г. и въ 1823 г.
107	5 снизу	4 р. 57 коп.	3 р. 56 коп.
119	18 сверху	6.475.000 р.	7.475.000 р.
133	22 "	равнялась 3 р. 30 к. асс.	равнялась въ среднемъ 3 р. 30 к. асс.
142	9 "	прошлаго столѣтія	XVIII столѣтія
145	8 снизу	удѣльнаго хлѣбнаго капитала	вспомогательнаго крестьянскаго капитала
159	8 сверху	благодаря появившейся	вслѣдствіе появившейся

215	24 сверху	и родомъ	и видомъ
268	14 снизу	сахарный песокъ	сахарный горохъ
369	11 сверху	съ своими средствами	со средствами
455	19 „	цисарей	писарой
534	16 снизу	мировыя	мировые
568	1 „	отч. по Тип. Удѣловъ	отч. по Департаменту Удѣловъ
580	14 „	пониженія	пониженіе
65	крайній столбецъ справа	По уставнымъ грамотамъ	По уставнымъ грамотамъ (приблизительно)

